

Сталин и заговор военных 1941 г.

Поиск истины

Вступительное слово.

Уважаемый читатель! Не берусь судить о других европейских странах, но История нашей страны и по сей день, полна необъяснимых тайн, покрытых мраком. Особенно, это касается советского периода, что не удивительно: уникальный случай в мировой истории человечества построения справедливого общества. Однако строили, строили, как уверяли граждан страны — Коммунизм, как вдруг, в начале 90-х прошлого столетия, ничем не необъяснимая социальная катастрофа, закончившаяся гибелью государства.

На сегодняшний день патриотически-настроенные историки пришли к выводу, что отступление от социалистического курса страны началось еще в эпоху Хрущева, после скоростной смерти Сталина. Более того, утверждают, что бессменный руководитель государства, в течение почти тридцати лет правящий страной, ушел из жизни насильственным путем, что скрывалось и скрывается от общества, и по сей день. Все документы Сталинской эпохи, либо уничтожены, условно говоря, его “приемниками”, либо сфальсифицированы, ими же, с целью сокрытия причин его убийства.

И в действительности остается открытым вопрос: “Что же, на самом деле, побудило некоторых соратников по коммунистической партии, посягнуть на жизнь своего вождя?” Преступления, как мы знаем, без причин не бывает! Однако нельзя же всерьез предполагать, что побудительный позыв к преступлению созрел у заговорщиков (по-другому, они и не могут называться, так как нарушали Конституцию страны) за несколько дней до 1-го марта 1953 года. Кружева заговора, как правило, могут плестись довольно длительное время, так как подобная процедура насильственного устранения от должности руководителя государства довольно сложный процесс. В него, и это далеко не новость, бывают вовлечены десятки людей приближенных к власти, и опирающиеся на других людей, тоже, имеющих отношение, как к государственным структурам управления, так и входящие в различные, как сейчас выражаются, силовые ведомства страны: обороны, внутренних дел и государственной безопасности. Таким образом, нити заговора могут увести нас в прошлое, даже не на пару лет от начала пятидесятых годов.

Если исходить из полу разгромленного “заговора Тухачевского” 1937-38 годов, то его целью, в общем-то, как раз и было вовлечение Советского государства в войну с Западом и последующее его поражение в ней (войне) с использованием внутреннего подрывного элемента. Это было необходимо сделать для контрреволюционных преобразований внутри страны, то есть, возвращение в общество капиталистических отношений.

Таким образом, легко предположить, что именно на этом временном отрезке, от конца 30-х годов и до начала 50-х, и следовало бы поискать побудительные причины преступления против Сталина. А зная цели и задачи заговорщиков 30-х, по аналогии не трудно предугадать, что, не война ли с Германией (считай с Западом) в начале 40-х годов, явилась первопричиной последующего покушения на вождя приведшее его к смерти.

Почему именно так? Да потому что произошедший разгром Красной Армии поначалу Великой Отечественной войны, скрывался очень долгое время. Да и по сей день, некоторые моменты ее начального периода превратно поняты и истолкованы современными историками. О советских “творцах” исторической науки, стоит ли вообще упоминать!

Поэтому для меня, лично, круг поиска причин трагедии 1953 года, сузился до начала войны 1941 года. В данный момент, я не привожу версии убийства Сталина предложенные рядом исследователей (их, кстати, не так уж и много, как тех, так и других), так как это не входит в мою

задачу, но, теперь, читателю станет более понятным, связи, с чем автор углубился в пристальное изучение начального периода войны.

Более того, те люди, которые провернули государственный переворот после смерти Сталина, а это в первую очередь Хрущев — от партии, и Жуков — от лица военных, именно, в начале сорок первого и были замешены в подставе Красной Армии фашистским полчищам. Разумеется, придя к власти в 1953 году, постарались компрометирующие их документы изъять из архивов и уничтожить. Конечно, нельзя буквально воспринимать, что эти двое, и только они, являли собой всех заговорщиков. Просто Хрущев и Жуков наиболее яркое олицетворение данного преступного явления, но не более того.

Теперь по существу данной работы. Понятно, что она весьма необычна по тематике, так как то, что затронуто автором, никогда не обсуждалась ни на каких научно-исследовательских конференциях посвященных истории Великой Отечественной войны, а уж, тем более, не имеет ни одной монографии историков, являющихся знатоками военного дела. Более того, почему-то никому в голову не приходила мысль, вообще, посмотреть на начало войны другими глазами. На мой взгляд, чудовищная катастрофа 1941 года произошедшая с Красной Армией не укладывается ни в одну из предложенных ранее схем исследовательского толка, как официального, так и ряда самостоятельных историков занимающихся данной военной темой. Здесь, — и неожиданное нападение Германии без объявления войны; и не успели вовремя развернуть свои армии прикрытия; и директива пришла в военные округа не того содержания, и не в то время; и прочее, и прочее.

Есть объяснения, но нет понимания, случившегося с Красной Армией. Можно привести тысячи фактов, вроде бы, дающих правдоподобное пояснение произошедшим событиям, но невозможно из этого приведенного понять: причина это или следствие? Кроме того, и эти-то данные о грандиозном погроме Красной Армии в далеком 41-ом, совсем недавно (по временным рамкам, разумеется) попали на страницы книг, газет и журналов. Представляете, как военно-историческая наука тех лет, постсталинского периода, формировала общественное сознание о начале войны. А без установления причинно-следственных связей случившегося со страной — в целом, и с Красной Армией — в частности, в том, далеком 1941 году, нет и Истории, как таковой. Об архивных документах той эпохи, да и более позднего периода, скрытых от общества, стоит ли, вообще, вести разговор. А если автор считает, что это и есть первопричина смерти вождя, то не удивительным покажется “забота” заговорщиков 1953 года замести следы своего преступления. Им-то, ведь, известно с какой именно целью они посягнули на жизнь главы государства.

Я согласен с тем, что существует, другое видение войны — так называемая, “окопная правда”, но это, несколько иное направление и поиска, и рассматриваемого объекта. Скорее, в данном случае, можно говорить о методике достижения цели заговорщиков. Ведь, все приводимые примеры “окопной правды” — это чистейшая мерзость войны (если допустимо такое словосочетание). Разумеется, всё, что шло во вред Красной Армии, лило воду на мельницу нашей “пятой колонны”, но здесь, ко всему прочему, примешивается и отрицательный человеческий фактор (куда же, мы без него в сообществе людей?), поэтому делать основной упор на данные факты, автор счел не вполне допустимым. И без упоминания “окопников”, негатива по войне хватает в избытке.

Но вернемся к вождю. Не покажется ли читателю странным, что спустя 70 лет после начала войны, мы так и не знаем точно, был ли в Кремле 22 июня руководитель государства Иосиф Виссарионович Сталин? (А в данной работе, как раз и делается попытка выяснить причины, именно, его загадочной смерти в марте 1953 года).

Да, существует ряд версий, утверждающих, что он был(?) на своем рабочем месте в Кремле, но это никак не красит нашу историческую науку. Неужели не нашлось абсолютного документального подтверждения данного факта? Правда, спустя полвека(?) после прошедших событий, обществу представили на обозрение, якобы, Журнал посещений Кремлевского кабинета Сталина, где по минутам отражена его деятельность в первые дни войны, да, и в последующие, тоже. Но разумный

человек вправе задаться вопросом: “И это, простите, всё, чем располагают, на данный момент российско-советские архивы о Сталине?”. Новоявленный Журнал, тоже не безгрешен. К тому же, кто-нибудь из научных кругов, близко связанных с хранящимися под спудом документами, хоть краем глаза видел этот, вожделенный всеми “Журнал”, я уже не говорю о том, что кто-нибудь, вообще, держал его в руках? И это что, такой порядок вещей в военно-исторической науке? Неужели не нашлось ни одного документа государственной важности, подписанного Сталиным за 22-е июня? (Как, впрочем, и за 23-е и 24-е июня?) То же самое необъяснимое явление — его загадочное молчание в этот скорбный для страны день в радиозфире.

Обо всем этом более подробно читатель узнает по ходу чтения работы, поэтому здесь я ограничился лишь кратким упоминанием.

К большому сожалению, тема заговора в советской историографии, увы, была подвержена забвению. Скромные объяснения, как правило, не утруждали себя обилием разнообразных толкований, а если и были, то примитивны и убоги по содержанию. Ну, были в первые годы Советской власти заговоры (официоз не отрицает этого факта), но они (и это действительно так), были направлены извне, и исключительно против руководства страны. А чтобы внутри самих коммунистов зрел заговор, то ни-ни! Правда (нам пояснят), что-то там отдаленно, все же, было связано с заговорщиками, на заре Советской власти, но это было так давно, что, вроде бы, не стоит и беспокоиться по этому поводу. Оппозиция существовала во все времена.

По всему, следовало, что основная выжимка из всего того что было, такова, дескать, заговор мог произойти, где угодно, но только не в стране победившего социализма. Тем более, когда во главе государства, как гранитный утес, стояла коммунистическая партия во главе с Политбюро. Даже предвоенных заговорщиков, во главе с Тухачевским, после смерти Сталина, тихо реабилитировали, скрыв от общества самую суть заговора, представив свершившийся факт, как издержки, якобы, имевшегося, на тот момент, “культы личности”. А партия, сама переживала (какая жалость!) нелегкие времена, имея во главе деспотичного “отца народов”. Поэтому на сегодняшний день исторической путаницы, по этому вопросу, хватает в избытке. Порою в энциклопедиях на одной странице размещены фотографии и тех, кто стоял на страже интересов страны, и тех, кто пытался реставрировать, то, недалекое капиталистическое прошлое, от которого только что отошла молодая советская республика.

Читателю порою трудно сориентироваться в такой не простой ситуации. То ли скорбеть по “невинным жертвам” сталинизма, то ли приветствовать “палачей” тоталитарного режима? Все это происходит от того, что современные исследования заговоров, как раннего периода Советской власти, так и более позднего, предвоенного, страдают, как правило, от недостатка архивного материала. Документальная составляющая таких работ на заданную тему, как правило, заменяется, лишь воспоминаниями людей близко соприкасающихся с лицами, осужденными по делам такого рода, да и то, явно, симпатизирующих последним. Такая заданная предвзятость, разумеется, уведит в сторону от понимания произошедших событий.

О заговорах в период Великой Отечественной войны, вообще, никогда не было произнесено ни единого слова. Хотя, что там было “наверху” среди Кремлевских богов — сплошные сумерки, сквозь которые проглядывают лишь очертания самоотверженного труда на благо Отчизны и бесконечного патриотизма, правда, отмеченные Президиумом Верховного Совета не мереным количеством наград.

Если и устраивали люди в погонах заговоры во время войны, то это, якобы, было присуще только антигитлеровской оппозиции. А вот провести параллель с “пятыми колоннами” Запада, с помощью которых Гитлер одержал не одну победу над государствами, по экономической и военной мощи не уступающими Германии, что-то не находило отклика в сердцах наших историков. Может быть таких, в смысле нехороших людей, у нас не могло быть по определению? Но, в таком случае, почему? Человеческие пороки присуще человеку независимо от экономической формации или социального строя. Вопрос лишь в количестве порочных индивидуумов.

Может быть, причина крылась в том, что над советским обществом распахнула, как заботливая птица свои крылья, родная коммунистическая партия, в среде которой, якобы, абсолютно исключалось проявление чуждых нашему обществу пороков, тем более таких, как предательство родного Отечества.

Но и эта зыбкая аксиома, на удивление, достаточно противоречива! Ведь представитель, этой самой коммунистической партии, и более того, ее возглавлявший, предал и саму партию, и страну, которую представлял, как глава государства, назначенный на эту должность, этой же, самой партией. Я говорю о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это ли не самый яркий образчик предательства?

Более того, трудно даже представить себе, как это человек в одиночку, смог сдать Западу целую страну? Невозможно отрицать, что за ним не стояли определенные люди, с властными полномочиями, которых, при желании, так же легко можно объединить с Михаилом Сергеевичем в единое целое. Вот вам и заговор верхушки власти, с корыстными интересами. Этот факт предательства Советского общества и страны, признан многими людьми, и более того, мы живем в настоящее время, вкушая плоды этого, самого, предательства. Какой же еще, более яркий пример, можно привести, когда, та же, самая партия была во главе государства и в 1941 году. Не исключено, что именно с целью повязать Сталина с партийной верхушкой Политбюро, и пытаются, в выпущенных фальшивках, представить его, как единоличного руководителя партии, наделяя не свойственной ему атрибутикой — Генерального секретаря. Мол, вот смотрите, в тот, военный период, Сталин возглавлял коммунистическую партию. Какие к ней могут быть вопросы, по части, чего там нехорошего?

А ведь, после загадочной смерти вождя, именно, этой же самой партией и скрывались значимые документы по тому, начальному периоду войны. Впрочем, вполне возможно, что многие важные документы уже давно уничтожены, но это никоим образом не оправдывает факт сокрытия остальных. А тогда как все это объяснить и истолковать? Неужели заботой о подрастающем поколении? Чтобы, видимо, не переволновалась нервная система молодого человека, когда вдруг, он узнает правду о войне без прикрас?

В 1941 году была, тоже, аналогичная попытка проделать такой же трюк со страной, как и Горбачев, но, только, в пользу Гитлера. Понимаю, что многие сразу в исступлении замашут руками, возражая по существу поднятой автором темы: “Не может такого быть!”, даже, не отдавая себе отчета в том, что правильнее, прозвучало бы совсем другое.

“Не удалось, в полной мере!” — вот точное определение случившемуся, по тем дням. К счастью, во главе нашего государства той эпохи, стоял человек, абсолютно не похожий на Горбачева, ни по внешнему виду, а уж, тем более, ни по внутреннему содержанию. Это был Сталин, который и удержал страну на краю пропасти. Это благодаря его неистощимой внутренней энергии, и как следствие, невиданной трудоспособности и компетентности — спаслась страна. По счастью, он сумел сплотить вокруг себя верных людей, действующих не в угоду самому вождю, а верных самой идеи построения справедливого общества на социалистических основах. Что несколько отличало их от других, скрытно группирующихся, тоже вокруг, правда, другой личности, обладающей не менее властными полномочиями, но, преследующей лишь свои корыстные интересы. Я имею виду Никиту Сергеевича Хрущева.

Хрущев, как главарь заговорщиков — условен, хотя и был членом могущественного Политбюро. Вполне возможно наличие другой фигуры, не менее значимой, но более скрытой, так как Никита Сергеевич большую часть войны провел на фронтах, а не в столице. То есть, он подходил к реализации заговорщицкой программы чисто практически, хотя и не без таланта.

Так что, только благодаря самоотверженному труду людей, верных Сталину и тем идеям, которые он проводил в жизнь, удалось с невероятными трудностями преодолеть не только, пагубные

последствия предательства нашей “пятой колонны”, но и отбить, невиданный по силе, натиск врага.

Не надо думать, что наши заговорщики действовали только в начале 1941 года, а потом, вдруг, пришло раскаяние о содеянном, и они, в дальнейшем, встали на праведный путь. Отнюдь. Этот подлый процесс продолжался на протяжении всей войны, но проходил, это надо понимать, очень скрытно и изощренно. Отсюда и такой затяжной характер военных действий: все эти, свалившиеся на голову советского человека, беды — то блокада Ленинграда, то оборона Сталинграда, то Курская битва, по совокупности проблем, и прочие, довольно значимые масштабные неприятности. Соответственно, поэтому и большие людские потери.

Но, тем не менее, свершенное Сталиным и его единомышленниками, неоспоримо. Именно, подчеркиваю еще раз, благодаря этим людям, была сохранена страна, да и наша современная Россия, пока еще жива прошлыми Сталинскими деяниями. Огромен был тот духовно-нравственный и материальный потенциал страны, восстановленный после войны. К сожалению, и ему приходит конец.

В данной работе автор не дает оценки самой среде предательства, ее целей, объединяющего мотива людей, вовлеченных в преступное сообщество и прочего. Вполне возможно, что эта задача будет решаться или в самостоятельной работе или раскрываться по ходу дальнейших публикаций.

Разумеется, когда рассматриваем такую многогранную тему, как Великая Отечественная война и, неразрывно, связанное с ней, имя — Сталин, то невольно так и тянет задаться вопросом: “Почему же он, все-таки, так и не выступил с обращением к стране, в полдень 22 июня?”.

Действительно, какие же причины не позволили ему, главе государства, прочитать текст, который, в конце концов, все же, озвучил его заместитель Молотов? Можно найти массу положительных толкований по этому поводу, что, кстати, и делается, из числа историков, приверженцев Иосифа Виссарионовича, но, увы, не приближает к пониманию данного события — отсутствие его у микрофона в “пиковый” момент. К тому же, как всегда, нет, ни единого документа, как-то оправдывающего его поступок. Есть версия, что он, якобы, заболел, но нет истории болезни вождя, которая или подтвердила бы или опровергла бы данное предположение. Более того, нет ни одного упоминания в мемуарах людей, близко общавшихся с вождем, что они видели товарища Сталина на боевом посту днем 22 июня и вели с ним беседу. Как впрочем, и в последующие дни. Одиозные личности, типа маршала Жукова, не в счет, так как они легко соотносимы с лагерем официальных фальсификаторов Истории. Одновременно удивляет и молчание верных товарищей Сталина — Ворошилова и Буденного не оставивших полных воспоминаний о начальном периоде войны. Устные рассказы Молотова, тоже относящегося к славной когорте, верных сталинцев, не в счет, из-за особо специфичного способа их получения. Да и разговоры с Вячеславом Михайловичем велись, спустя тридцать лет после прошедших событий, когда человеческая память, подвержена своеобразным зигзагам в избирательности передачи информации.

Вообще, крайне мало документов той поры, которые бы раскрыли причину катастрофы произошедшей с Красной Армией по началу войны. Повторюсь, но скажу, что даже приведенный количественный состав фактов не даст правильной оценки событий, если в основу исследования не будет положен принцип причинно-следственных связей. Можно, конечно, восхищаться и подвигами советских людей на фронтах войны, но, я понимаю, что не надо сбрасывать со счетов, и чье-то обывденное разгильдяйство, и некомпетентность, и очевидную трусость, наконец. Но заметьте, что все это, отрицательное, перечисленное выше и присущее любому человеку, в том числе и военному, может легко перекрыться, всего лишь, одним единственным человеческим пороком — предательством. Не спасет бойцов — ни наличие боеприпасов, ни огромные запасы горючего, ни самая современная военная техника и вооружение.

Отданный командиром преступный приказ, в такой специфичной структуре общества, как армия, сразу приведет её к поражению, а, следовательно, и к гибели людей, облаченных в военную форму. Трудно ожидать другого исхода при столкновении противоборствующих сторон, если во главе одной из них стоит преступник, целью которого является заведомая уступка противнику. И ни какие оправдательные доводы с его стороны, каким-либо образом объясняющие подобные действия, является не чем иным, как завуалированной попыткой избежать заслуженного наказания. То же самое можно сказать и по поводу различного рода “адвокатов”, берущих под свою защиту подобных “героев”, с той лишь разницей, что последним не угрожает судебное расследование за предательство.

Это надо четко себе уяснить. Поэтому ни какие проведенные счетные операции, как предыдущих, так и современных историков, с целью сравнить — сколько? и чего? было у нас и у немцев, никогда не давали и не дадут правильного вывода в оценке тех, давних событий. Надо, все же, учитывать и фактор “заспанного казачка”. А таких примеров, особенно, по началу войны, достаточно много, что и настораживает.

Так что, вот такая она, сложная в понимании, наша История о Великой Отечественной войне. Историк Н.Г.Павленко, не последний человек в военно-исторической науке, так выразился в конце Горбачевской перестройки об исследованиях по прошедшей войне:

“Уже пятый десяток лет пошел с тех пор, как кончилась эта война, но правдивой истории о ней как не было, так и нет до сих пор...”

Говоря об извращениях в исторических трудах (о войне), следует сразу подчеркнуть, что, конечно, не все события подвергались фальсификации, а лишь те из них, которые в результате сталинского руководства обернулись для страны провалами в социально-политической жизни народа и катастрофическими военными поражениями на фронтах. Если взять Великую Отечественную войну, то наибольшее их количество было перед войной и в первый год-полтора в ходе войны. Именно эти события, к сожалению, и до сих пор еще глубоко не изучены”.

Неплохая оценка прозвучала из уст Николая Григорьевича по поводу деятельности советской военно-исторической науки. Кроме того, как же быть читателю, если сам доктор исторических наук прямо заявляет, по тем событиям, которые и будут затронуты мною в данной работе, что, именно они и “подверглись фальсификации!” Не следует ли из этого сделать вывод, что именно по этой причине данные события “до сих пор еще глубоко не изучены?”

Думается, ко всему прочему надо еще учесть и такое важное обстоятельство, что если бы Павленко не написал, что всё это произошло “в результате сталинского руководства”, то вряд ли бы мы имели удовольствие прочитать его резкие критические суждения.

Вот в свете всего вышеизложенного, автор и предпринял попытку, по-новому, взглянуть на трагическую дату 22 июня 1941 года и сопутствующие ей дни. Взору читателя предстанет безрадостная картина предательства не только высшего военного командования, что не удивительно, памятуя о недавно раскрытом предвоенном заговоре Тухачевского, — но и высшего партийно-советского руководства.

Так же читатель узнает, где же был в данный исторический момент, сам Сталин, “виновник”, как сказал Павленко, всех этих “провалов в социально-политической жизни народа и катастрофических военных поражений на фронтах”?

Действительно ли, он находился, как нас уверяли ранее официальные источники, в Кремле, на своем рабочем месте, когда ранним утром 22 июня началась война, или все же отсутствовал по весьма загадочным и необъяснимым обстоятельствам?

Кроме того, небезынтересно будет узнать, что же делали в это время его соратники по партии и подчиненные ему по статусу наркомы? Всё ли правдиво рассказал Молотов в своей речи, обращаясь к народу в тот роковой день — начале войны, и, главное, было ли внезапным нападение Германии на нашу страну?

Также, читатель погрузится в сомнения относительно странности перестановки руководящего кадрового состава Московского военного округа за сутки до начала войны. Надеюсь, не надо напоминать читателю особую роль этого округа в жизни столицы и её властных обитателей.

Не меньший интерес, я думаю, вызовет информация и о том, что к 22 июня Г.Жуков, уже не исполнял функции начальника Генерального штаба, как и К.Мерецков — функции заместителя наркома обороны. Они будут наделены совсем другими должностными полномочиями, о которых оба предпочтут молчать до конца своих дней, и не предадут это гласности, в силу преступности данного замысла.

Все это, и многое другое, автор предлагает читателю для вдумчивого осмысления.

Но, кроме всего прочего, автору хочется, по-дружески, предупредить чрезмерно критически настроенных читателей, чтобы они не торопились делать скоропалительных выводов, не ознакомившись с представленным материалом до конца.

К тому же, автор поставил перед собой, довольно скромную задачу, всего лишь, постараться помочь читателю, по-другому взглянуть на устоявшееся положение вещей по началу войны. Ведь, заостренность форм в исторической науке, еще не означает, что, именно, всё так и было в действительности.

Разумеется, в одной работе невозможно осветить все стороны затронутой проблемы по всем событиям Великой Отечественной войны, но автор надеется, в дальнейшем, не оставлять читателей на “голодном пайке”.

Кроме того, хотелось бы пояснить читателю, что данная работа, есть расширенный вариант предыдущих публикаций “Сталин и заговор военных 22 июня 1941 года”.

И в заключение, всем, решившимся продолжить дальнейшее знакомство с данной работой, желаю приятного прочтения представленного материала.

Автор.

Прежде чем, рассматривать трагические события начала войны июня 1941 года, было бы уместно задаться простым и очевидным, на первый взгляд, вопросом: “Почему Гитлер решился напасть на Советский Союз?”. В силу, каких неожиданно появившихся причин, он разорвал мирный договор с нашей страной, самой же Германией, ранее нам предложенный и, в том же 1939 году, совместно с нами и подписанный? Что же побудило его (Гитлера), менее чем через два года спустя, в 1941 году решительно двинуть на нас свои войска? Ну, то обстоятельство, что Гитлер был убежденным русофобом и антикоммунистом, еще ни о чем не говорит. Вот, например, Черчилль — тоже обладал этими нехорошими качествами, но не напал, же на нас. Могут возразить, что Черчилль это сделал, руками Гитлера и будут, отчасти, правы.

Но, нас, в данный момент, интересуют, ни Британская политика с её премьер-министром, а нечто другое. Какими весомыми аргументами руководствовался г-н Гитлер, ставя своим генералам задачу по разработке плана агрессии против нашей страны?

Ведь, наша страна — это извините, не какая-то Польша или Норвегия с Данией в придачу. Она обладала огромной территорией с гигантскими запасами природных ресурсов. Была крупнейшей в Европе страной с самым большим народонаселением (около 190 млн. человек, на тот момент), к тому же, и с развитой промышленностью и сельским хозяйством. К 1941 году Советский Союз вышел на первое место в Европе и второе место в мире (после Америки, а не как следовало бы, скажем, по логике развития событий — Германии) по валовому национальному продукту, т. е. имел не просто развитое, а высокоразвитое промышленное производство. И не учитывать этот фактор Гитлер просто не имел право, как государственный деятель. А он взял, просто напросто, да и напал. Но это же, не уровень детских игр. К тому же Гитлер никогда не был придурком, каким изображали его художники-карикатуристы и сатирики-кинематографисты во многих странах мира.

Обсуждение планов в гитлеровской ставке.

Может быть, мы были откровенно слабой страной в военном отношении? И действительно, товарищ Жуков в своих "Вспоминаниях" информировал нас, что перед войной в Красной Армии, якобы, не было, а если и было, то мало современной боевой техники, поэтому, дескать, Гитлер и воспользовался этим нашим недостатком. Но ему ли, как начальнику Генштаба, ни знать, что это, мягко выражаясь, далеко не соответствовало истине. Получается, что он нас, читателей, просто напросто, в свое время ввел в заблуждение, заведомо преподнося нам ложную информацию.

Оказывается, у нас, на тот период, были, и самые лучшие танки (Т-34 и КВ), и артиллерия (знаменитые Грабинские пушки) плюс практически готовые для передачи в армию образцы реактивных пусковых установок "Катюша", и самолеты (ЯКи, МИГГи, ЛАГи и пр.) и стрелковое оружие. Вообще, всего хватало, не стоит даже и перечислять. Главное, не с пустыми руками готовились встретить потенциального врага. Да и в количественном отношении по военной технике мы значительно превосходили Вермахт. А по ряду ее технических показателей, тоже, ни в чем не уступали немецкой. Здесь и танки, и артиллерия, и, даже, в чем-то, самолеты.

Но ведь, не к Жукову же, прислушивался Гитлер, готовя против нас агрессию? Своих авторитетных советчиков хватало. Это уже после войны, Георгий Константинович писал себе в оправдание, что мы, дескать, были слабоваты, объясняя тем самым, как бы, подоплеку нападения Германии. Да, но Гитлер-то, исчезо исходил, напададая на нас?

К тому же, на удивление, выясняется, что в Германском военном руководстве по поводу нападения на нашу страну, оказывается, возникали разногласия. Представляете! — не все, оказывается, высокопоставленные немецкие генералы рвались в бой с Красной Армией.

Приведу отрывок из книги Г. Блюментрита, бывшего начальника оперативного отдела штаба группы армий "Юг". Вот что он написал о своем командующем фельдмаршале фон К.Рундштедте:

"Рундштедт с самого начала был категорически против войны с Россией. Он довольно хорошо изучил Восток еще в Первую мировую войну, и полученный опыт позволил ему сделать определенные выводы. Это была, с его точки зрения, непонятная страна с тяжелым климатом, безграничными пространствами и плохими дорогами, а русский солдат был вообще непредсказуем.

Именно поэтому Рундштедт поинтересовался у Гитлера, понимает ли тот, какой риск берет на себя, напададая на Россию...

Следует заметить, что во время Первой мировой войны Гитлер не был на Восточном фронте. Рундштедт полагал, что если бы русские хотели напасть на Германию, то они сделали бы это в тот момент, когда все немецкие армии находились на Западном фронте. Следовательно, считал он, надо заняться укреплением границы, и пусть русские решают, стоит им нападать на Германию или нет...

Кроме того, отсутствовала ясность, сильнее или слабее советские войска царской армии времен Первой мировой войны. Не оставалось сомнений лишь в том, что советская политическая система более жесткая, чем царский режим. Принцип формирования Красной армии отличался от принципа организации армии в царской России, и, не в пример царской армии, Красная армия имела современное оружие”.

Разумеется, обо всем этом Гитлер, конечно же, знал, и без Рундштедта (как впрочем, и Жуков). Немецкая разведка была не худшей, по сравнению с другими разведками в мире. Не зря, Абвер “хлеб жевал”: много чего вызнал и высмотрел в нашей стране.

А будущему маршалу Жукову и разведки не требовалось, ни немецкой, ни своей, так как все данные по советскому вооружению стекались в Наркомат обороны, где Генеральный штаб, под его началом, был там составляющей структурой, а сам Георгий Константинович являлся правой рукой наркома обороны Тимошенко.

И руководитель нашего государства товарищ Сталин, тоже, в свою очередь, пытался образумить германскую военщину показав ей мощь уральских военных заводов, чтобы немцы, на всякий случай, основательно призадумались. Но удивительное дело, в своих **“Застольных разговорах”** фюрер это событие воспринимает с точностью наоборот:

“Что утвердило меня в решении напасть без промедления (на Советский Союз — В.М.), так это информация, которую доставила одна германская миссия, только что вернувшаяся из России (с уральских военных заводов, о чем говорилось выше — В.М.). Мне было сообщено, что один русский завод производит больше танков, чем все наши заводы, вместе взятые. Я понял, что это — предел”.

Получается, что с перепуга, значит, напал на нас г-н Гитлер? Неужели у немецкого фюрера спонтанно проявилось чувство страха. Жаль, что рядом, из числа советников, не оказалось смельчаков.

Ну, то, что эти **“Застольные разговоры Гитлера”** относят к разряду фальшивок — не беда! Это, как раз, и подтверждает тот факт, что фальсификаторы пытаются всучить обществу просто очередную “клюкву” о причине нападения Гитлера на Советский Союз. Но, согласитесь, насколько легковесен этот аргумент. Захотел — напал! Тем более, из-за боязни. Это какое-то проявление ребячества при игре в “казаки-разбойники”, а ни серьезная политика.

Что нам важно понять по факту нападения на нашу страну? Не намерения Гитлера о разгроме Советского Союза — и ежу понятно, желание видеть поверженным потенциального противника, а его, Гитлера, реальные возможности. Чем же хотел “удивить” своего противника Адольф Алоизович? Превознесенным до небес, блицкригом, где фланговые удары по противнику, с образованием “котлов”, были подобны охвату удавом своей будущей жертвы, с последующим ее заглыванием и неторопливом переваривании? И это, простите, все?

Да, в количественном составе Вермахт был несколько больше Красной Армии на период нападения, но не настолько, чтобы “шапками закидать”. Тем более что нами еще не была проведена полная мобилизация. Да, к нашему сожалению, в полосе наступления германских войск была их определенная кратная численность, но при грамотном оборонительном варианте — гибкой активной обороне и ее можно было “перемолоть” и приостановить.

Еще была, как нас уверяли наши военные, тот же Жуков, якобы, “внезапность” германского нападения. Но, согласитесь, не может же, она быть бесконечной, это, во-первых. А во-вторых, начальнику ли Генерального штаба говорить о внезапном нападении противника? В таком случае, получается, что он просто “прошляпил” подготовку нападения врага. Тогда надо мужественно

признаться в этом, а не перекладывать вину, на того же, Сталина — дескать, тот поверил письму Адольфа Гитлера о миролюбии Германской нации.

Для Жукова желательным, видимо, был бы такой вариант развития военных событий июня 1941 года, когда сам Иосиф Виссарионович сподобился бы позвонить ему на московскую квартиру, и сообщить о начале войны, а заодно, и о принятых им своевременных ответных мерах.

Получается, что странным выглядит не только Гитлер, но и наш, бывший начальник Генерального штаба Георгий Жуков. То, понимаешь, у него вооружение “не той системы”, то немцы напали не вовремя, то Сталина никак не мог разбудить и т. д. и т. п.

Но вернемся к руководителю Германии. Бытовало мнение, что ко всем прочим обстоятельствам способствовавшим нападению, Гитлер сам считал нашу страну “колоссом на глиняных ногах”. Но это можно было отнести, лишь, к идеологическому штампу и использовать, только, как пропагандистский прием, не более того. Можно согласиться с тем, что все это перечисленное выше и вместе взятое, мелкогато выглядит для Гитлера, как весомый аргумент для нападения на такую крупную державу, как Советский Союз.

Ведь, упомянутый ранее, фельдмаршал фон Рундштедт, противник войны с Россией, при разработке плана “Барбаросса”, лично, высказывал Гитлеру еще и такое, что современного читателя должно повергнуть в смятение. По-моему, неплохой перевод с немецкого? Читайте!

“Война с Россией — бессмысленная затея, которая, не может иметь счастливого конца. Но если по политическим причинам, война неизбежна, мы должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании. Вы только посмотрите на эти огромные пространства. Мы не можем разгромить противника и оккупировать всю западную часть России от Балтийского до Черного моря, за какие-нибудь несколько месяцев. Мы должны подготовиться к длительной войне и постепенно достигать своих целей”.

Видимо, Гитлер все же привел какие-то убедительные доводы (уж не со страха ли?), что подготовку и проведение военных операций против России необходимо начинать, именно, в самое ближайшее время. По-поводу чего, правда, Рундштедт вновь стал возражать и высказывать свое видение войны, основанное на здравом понимании военной стратегии и тактики.

“Прежде всего сильная группа армий “Север” должна соединиться с финнами, уничтожить красный Балтийский флот и усилить свое влияние в скандинавских странах. Группы армий “Юг” и “Центр” должны продвинуться пока только до линии Одесса — Киев — Орша — озеро Ильмень. Если затем окажется, что в этом году (то есть, в 1941-ом. — В.М.) у нас еще останется время, мы будем наступать на Москву: с северо-запада — группой армий “Север” и с востока (?) (Видимо, неудачное редактирование, — что-нибудь при переводе “потеряли”. Скорее всего, наступали с запада, если упомянута Орша. — В.М.) — группой армий “Центр”.

Все дальнейшие операции можно отложить до 1942 года, когда мы сможем разработать новые планы, основанные на реальной обстановке”.

Вы посмотрите, куда по времени заехал господин фельдмаршал? Из 1941 года спокойно и деловито перебрался в 1942-й год. Какой же, в таком случае — блицкриг? И это при самом лучшем военном раскладе сил для Германии, с его точки зрения, как профессионального военного.

И все это, как понимаете, говорил немецкий фельдмаршал, сам, непосредственный участник Восточной кампании, а не какой-то, там, извините, представитель антигитлеровской коалиции! Как же в таком случае понимать Гитлера с его планом блицкрига против нашей страны?

Разумеется, немецкому стратегу, с такими взглядами на будущую войну, нельзя было доверять направление главного удара на Москву. Рундштедту досталось правое крыло нападения, группа армий “Юг”. Удар по Украине. Хотя, Гитлер, видимо нашел для фельдмаршала какие-то веские слова убеждения, если тот согласился возглавить войска.

Появились ли у читателя, в связи с прочитанными выше высказываниями фон Рунштедта, вопросы, которые он хотел бы задать данному фельдмаршалу?

Итак, что, в целом, можно сказать о предполагаемом нападении Гитлера? Желания превалируют над возможностями. Нет четкой аргументации, за счет чего планировалось одержать победу. К счастью, на рассуждениях общего порядка военные операции такого уровня не планируют.

Вот если бы у Германии, было что-то, более существенное, типа новейшего вооружения, тогда другое дело: можно и нападать. Ведь, говорил же г-н Гитлер, уже, в конце войны о “чудо-оружие” и прочих военных “прибамбасах”, которые, скоро должны появиться у Германии и в корне изменят характер военных действий на Восточном фронте. Правда, это супероружие, так и не появилось, но факт, что оно готовилось, а в некоторых случаях, все же, появлялось в виде опытных новейших образцов, например, реактивный истребитель Me- 262, — неоспорим.

Вот если бы в начале 1941 года у Германии было бы “чудо-оружие”, типа того же реактивного истребителя, да плюс к этому, еще и атомная бомба, тогда можно было бы понять главу Германии: “У меня, дескать, есть такое, чего нет у России, и с помощью этой штуки, я хочу и могу, ее победить”. В таком случае и Рундштедт, думается, мог бы быть и посмелее, и поактивнее.

Ведь, как только у США в 1945 году появилось ядерное оружие, так Г. Трумэн, тут же, начал шантажировать нашу страну и американцы сразу начали готовить агрессивные планы против нашей страны. Было, как говориться, с чем нападать.

А у Гитлера? Даже, тех же танков было в количественном отношении, примерно, раза в 1,5–2 меньше, чем в Красной Армии. Ко всему прочему, странным выглядел и такой факт, что у немцев, использовавших в нападении многочисленные танковые соединения, не было танков равным по мощи нашим **Т-34** и **КВ**. Лишь по ходу боевых действий, немцы стали искать против них противоядие.

Сам начальник Генерального штаба ОКХ Франц Гальдер немного волнуется в преддверии наступления своих войск, как бы чего не случилось, из-за недостатка вооружения. Пишет в своем дневнике от 21-го июня, то есть, за день до войны, когда уже ничего не поправишь:

“Соотношение в артиллерии. Германия + Румыния: Россия = 2,2: 2,9”.

У Гальдера, надо полагать, были приведены соотношения и с другими видами вооружения по сравнению с нашей страной, и все они, видимо, оказались в меньшую сторону, чем у нас, но, как оказалось, “неразборчиво” были написаны, поэтому при переводе мы ограничились лишь одним показателем. А то уж, вообще, если указывать, что у Германии было всего меньше, чем у нас (а здесь и танки, и самолеты), — показалось бы дикостью, как же в таком случае немцы осмелились нападать?

А по артиллерии, как видите, хотя и румын привлекли, а все равно не дотягивали до равенства. Это насколько же тогда немцы отставали от нас в натуральных показателях? Или наши переводчики были с арифметикой не в ладах?

Я уже не хочу повторяться о самолетах, танках и прочей военной техники, соотнося показатели Германии и Советского Союза. Это все очень перекликается с высказываниями П.Карелля в его книге “Восточный фронт”:

“...22 июня на российском фронте 146 атакующим немецким дивизиям с **тремя миллионами** солдат противостояли 139 советских дивизий и 29 самостоятельных бригад с **4,7 миллиона** солдат? Советские военно-воздушные войска размещали свои 6000 самолетов в Белоруссии. Нужно признать: большая часть из них устарела, но, по крайней мере, от 1300 до 1500 из них были современной сборки. Немецкие люфтваффе имело в своем распоряжении 1800 пригодных к действию машин...”

Даже, если согласиться наполовину, со всем, что написано данным автором, то еще больше возникает вопросов по поводу: “Да как же это Гитлеру пришла в голову безумная идея, нападать на нас, имея численное меньшинство?” Это ведь не за карточным столом или за шахматной доской сидеть, даже сильно напрягаясь.

Как видите, чтобы здорово не бросалось в глаза приведенное несоответствие по живой силе противоборствующих сторон, пришлось немецкому автору (или наши при переводе подсуетились?) показатели по вермахту указать прописью, а по Красной Армии — цифрами.

Вот и получается, что единственный козырь, который Германия бросила на “игровой стол” войны, как сказал выше, был расхваленный блицкриг.

Гитлер и его генералы, видимо, считали эту военную тактику “тузом”, но у Сталина против “туза” оказался “джокер”, и карта немецкого фюрера оказалась битой. А ведь уверенно было германское руководство, в том, что разобьет Советский Союз, всего, за несколько недель. Правда, так и не поделилось секретом, как это им удалось бы? А жаль!

Примеров, высказывания высшего политического и военного руководства Германии, по поводу своего поражения — масса. Понятно, что блицкриг для них, — увы! — окончился провалом. Причин много, и одна из них, наверное, в том, что не послушались Рундштедта.

Да! Но как хотели победить Россию — не высказался никто! Если не считать упомянутого фельдмаршала. Действительно, почему же не предали гласности те обстоятельства, с помощью которых немцы рассчитывали на успех? Разумеется, кроме, набившего оскомину неудавшегося блицкрига.

Может, данные генералы во главе с Гитлером надеялись на какую-то дополнительную помощь, например, в лице “оппозиции”, своеобразной “пятой колонны” в Советском Союзе? А почему бы и нет? Ведь, аналогичный трюк они проделывали же с рядом европейских государств. Особенно яркий пример был в отношении поверженной Франции. Почему бы снова не повторить отработанный прием, теперь уже на своем восточном соседе?

Если прочитать у историка Лиддл Гарта, что ему поведал известный немецкий генерал Клейст (в открытую, тот почему-то постеснялся об этом высказаться), то там прямым текстом сказано, что

“...надежды на победу, в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России.... Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит на фронте тяжелое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера”.

Вот это, как говорится, уже гораздо “теплее”. Но раскрывать полностью все карты, об истинных причинах, по которым Гитлер решился напасть на Советский Союз, как подчеркнул выше, не

рискнул, ни один немецкий высокопоставленный генерал Вермахта, в том числе и Клейст. Это есть тайна и по сегодняшний день, хотя все действующие лица того периода истории давно отправились в мир иной. Конечно, определенная доля лукавства, в рассказе Эвальда Клейста, безусловно, есть. И немецким генералам хотелось выглядеть благородными тевтонскими рыцарями, но здесь, в какой-то мере ускользает логика их поведения. Опять, звучит мотив “старой песни” — сначала военные действия против России, а затем, — томительное ожидание удачного завершения военной компании. А как же разрекламированный ими же самими блицкриг?

К тому же, уж слишком деликатно получается у Клейста — Гарта: советский народ, якобы, озабоченный своим счастливым будущим, свергает в Кремле тирана Сталина. Правда, не совсем понятна мотивация. То ли ждали, и наконец-то, дождались германского вторжения, чтобы расправиться со Сталиным, то ли, заранее знали, что вождь не порадует своих подданных ни одним победным салютом, поэтому, и решились пойти на крайние меры.

И получается не совсем логичным, что, вдруг, все сразу — долой Иосифа Виссарионовича! Никого не жаждали так сбросить с пьедестала, как Сталина. Хотя из состава Политбюро ЦК ВКП(б), все относились в Советском Союзе к разряду вождей. И Сталин, к тому же, никак не выделялся из них — был таким же секретарем, как и все остальные. На трибуне мавзолея в дни праздничных манифестаций, сколько важного народа толкалось, однако, за всех отдуваться выпало только Сталину.

В несбывшихся “ожиданиях” Клейста, непонятны только два обстоятельства: как к этой маленькой “революции” взбунтовавшегося народа, скажем, отнеслась бы Красная Армия во главе с маршалами Ворошиловым и Буденным? И плюс ко всему, интересно было бы полюбопытствовать в отношении позиции, которую заняли бы внутренние войска НКВД под руководством Лаврентия Павловича Берии? Что-то уж большим прожектерством папахивало желание политических советников фюрера. Скорее, якобы, бунтом русского народа хотели прикрыть какое-то другое мероприятие, которое собирались проверить, но не получилось в полной мере.

Разумеется, что все действия заинтересованных сторон (Германии и российских “оппозиционеров”) были заранее скоординированы и существовал общий победный план действий, с подрывом изнутри военной мощи Советского Союза. В отличие от рассказа Клейста, в реальности все могло быть, гораздо жестче и грубее. Очевидно, с нападением Германии в Советском Союзе, а точнее, в Москве, будет происходить своеобразная цепная реакция — обязательное убийство Сталина, одновременно военный переворот, свержение Советского правительства с ликвидацией сторонников Сталина, и создание “нового правительства” сторонников антикоммунизма и рыночных реформ.

А уж затем для Гитлера и немецких генералов и будет, как они думали — “небо в алмазах”. Ожидаемое сворачивание военных действий против Германии, со стороны “нового российского правительства”, и открываемый ими, так называемый “зеленый свет”, на пути немецких войск к Москве. В конце всех “побед” триумфальный праздничный фейерверк на Красной площади и совместный дележ новоиспеченного “пирога” под названием Россия. Наверное, вот такой сценарий, как говорится, и “грел души” немецких генералов с фюрером во главе?

Но это всё мы вели разговоры о немецких генералах. Давайте предоставим слово англичанину. Историк Джон Фуллер (между прочим, бывший генерал) так оценивал события начала войны:

“Основная сила русских заключалась в резервах, основная слабость — в командовании, которое сыграло на руку врагу, расположив слишком много войск вблизи границы”.

Надо учесть тот факт, что книга Фуллера была написана во времена Сталина в 1948 году, но издана на русском языке в период правления Хрущева в 1956 году. А нам известно, чем ознаменовался данный год: началом десталинизации страны. Поэтому не стоит удивляться

некоторой двойственности автора в изложении событий, это, во-первых. А во-вторых, кто бы позволил Фуллеру излагать события в соответствии с истиной, когда в тюрьме за решеткой сидел Рудольф Гесс. К запутанной истории данного высокопоставленного лица из Третьего рейха, с его “перелетом в Англию”, мы будем неоднократно обращаться по ходу данной исследовательской работы.

Поэтому у Фуллера, практически, ничего не сказано, ни о Сталине, который эти самые резервы и создал, ни о нашем **командовании** Красной Армии, которое сыграло на руку врагу.

Хотя, как знает читатель, очень странным выглядело положение на границе, при котором многомиллионная армия вторжения немцев расположилась вдоль нее, а наши войска, тоже в немалом количестве, словно не ведая, что твориться, сладко спали в момент нападения, не предпринимая, абсолютно никаких активных действий к обороне.

На данный момент у меня нет особого желания критически разбирать военную работу английского историка. Я хочу просто обратить внимание читателя на ряд интересных моментов в его книге, не нашедших, кстати, у автора расширительного толкования.

Так что после прочитанного вполне резонно можно задасться вопросом: “Командование Красной Армии на 22 июня 1941 года по Фуллеру, поспособствовало германским войскам или нет?” Как не переставляй слова по тексту, но ответ однозначен: увы! — да.

Не с этой ли целью, наше высшее командование приказало накануне войны отправить артиллерию из воинских частей на полигонные испытания, чтобы Гальдер не сильно волновался при арифметической раскладке оружейных стволов Германии и Советского Союза?

Дальше читаем у английского историка, теперь уже, про “бедное” немецкое командование. Как же, — войну проиграли!

“Скоро выяснилось, что русские расположили вдоль границ не все свои армии, как думали немцы. Вскоре также выяснилось, что сами немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов”.

В данном моменте, западный историк, почему-то выступил на стороне немецких генералов? Они, видите ли, ни тем местом думали, поэтому и совершили грубейший просчет. Да высшее германское командование всё знало о наших армиях и об их перемещениях. Как только к середине июня мы начали перебрасывать из Сибири и Дальнего Востока свои армии на западное направление, так немецкое посольство в Москве сразу стало бомбардировать наш наркомат иностранных дел запросами, связи, с чем осуществляется данное перемещение.

Как всегда на десерт от Фуллера о наших заговорщиках. Трудно объехать эту тему, даже англичанину.

“До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на **“пятую колонну”**. Но в России, хотя и были недовольные, “пятая колонна” отсутствовала”.

Здесь каждое слово развернуто на сто восемьдесят градусов относительно друг друга. Как же это можно полагаться на то, чего нет? Получается, что немецкий Абвер, который я похвалил в начале главы, у Фуллера вдруг превращается в проштрафившегося курсанта. В силу, каких причин? Да, немецкая разведка задолго до войны имела обширные связи с нашей “пятой колонной” (еще по делу Тухачевского), и надо полагать, это было хорошо известно англичанам, коли их историк отметил их значительность. Но, отчего вдруг, неизвестно по каким причинам у Фуллера, всё это, по

началу войны, куда-то таинственно исчезает(?), вместе с нашей “пятой колонной”. Остались, правда, лишь одни недовольные, в лице, видимо, этих самых обозначенных генералов Красной Армии, которые, скорее, и являли собой основную слабость, позволив своими действиями сыграть на руку врагу.

Если и через двойную цензуру (английскую и нашу советскую) просачивалось такое, то какое же надо было иметь сознание (у тех же советских историков), чтобы не обращать на это никакого внимания?

Мы к Джону Фуллеру еще обратимся по ходу данной работы, и он нам, еще ни раз, невольно подскажет истинное существо некоторых дел.

Так что, давайте-ка, вместе с читателем посмотрим под определенным углом зрения (через призму “пятой колонны”) на события первых дней войны. Заодно рассмотрим и ряд вопросов: “Готовился ли в советских военных верхах военный переворот, связанный с началом войны с Германией? Где находился в тот момент Сталин? И все ли правдиво изложил в своих “Воспоминаниях” маршал Жуков?”

Но чтобы ответить на эти, связанные воедино поставленные вопросы, для начала необходимо пройти по годам Гитлеровской агрессии против стран Европы. Это нужно сделать для того, чтобы подойти к нашей основной теме, как к завершающему аккорду, тем более что в это время тоже происходило много интересного, связанного с нашим исследованием. Разумеется, это азбучные истины для знатоков военной истории — война в Европе, но пусть они будут чуточку снисходительнее, так как данный материал может попасться на глаза молодому человеку нынешнего поколения, которому полезно будет знать предысторию Великой Отечественной войны.

Глава 2. Война Гитлера в Европе, но почему с нами был заключен мирный договор в 1939 году?

Первым актом агрессии Гитлера стал ввод 7 марта 1936 года 30-тысячной немецкой армии в Рейнскую зону. Неожиданный выпад Германии, разорвавшей Версальский договор, поставил Францию перед выбором: пресечь агрессию Гитлера, то есть вернуть сложившийся до этого политический статус-кво в Европе, или принять как должное сверкание германских штыков на своих восточных границах. Францию, в жизненно важном для нее вопросе, беззастенчиво обманул ее традиционный союзник Великобритания, так как, якобы, ремилитаризация Рейнской зоны не затрагивала жизненно важных британских интересов. Дальше — больше. Лига наций не поддержала Францию в данном инциденте с Германией и таким образом, французы проглотили горькую пилюлю. Колесо агрессии Германского фашизма тронулось с места. А ведь Рейнская зона — это кузница, где будет коваться оружие для будущей войны. Так что не просто так, этот район был возвращен Германии.

Затем летом вспыхнул мятеж генерала Франко в Испании. На Испанском военном “полигоне” Германия оттачивала образцы своей военной техники и прививала бойцовские навыки офицерам вермахта. Немецкий фашизм, как раковая опухоль стал расплзаться по Европе. Вскоре, в марте 1938 года произошел “аншлюс” с Австрией. Надо было наращивать мышечное мясо Германии. Две страны — не одна. Людские ресурсы плюс промышленность и сельское хозяйство Австрии стали служить интересам Германского фашизма. Дальше была осень 1938 года — Мюнхенское соглашение. Теперь уже совместная закулисная игра дипломатов Англии и Франции привела к тому, что Судетская область, западная часть Чехословакии, без выстрела отошла к Германии. Весной 1939 года — остатки Чехии и Словакии с их огромным военно-промышленным потенциалом были проглочены немецким агрессивным хищником. В принципе, к агрессии против Советского Союза, своей основной цели, Гитлер готов, но вместо благодарности Западным державам за оказание финансовой и всякой другой помощи в деле подготовки к войне, он “вдруг” проявил к ним “черную” неблагодарность. Сначала неожиданно заключает мирный договор с

нашей страной, т. е. со своим потенциальным противником, а затем осенью, первого сентября 1939 года вдруг нападает на Польшу и рвет на части этого “маленького шакала”. Польша — фактически потенциальный партнер Гитлера по агрессии против Советского Союза, но с другой стороны, ко всему прочему, Польша еще и верный союзник ведущих стран Западной демократии. Это была очень сложная политическая ситуация, с Польшей, своеобразный “Гордиев узел”, который трудно было развязать, но Гитлер поступает, как Александр Македонский — разрушает его. И тем самым, Гитлер, вопреки всему, еще больше накаляет политическую обстановку в Европе, ввязываясь в военные действия против ряда западных стран. Казалось, трудно понять логику Гитлера, тем более что он начинает военные действия и против своих покровителей по Мюнхенскому сговору — Франции и Англии. И лишь “отметелив” своих западных покровителей и приравняв к рукам всю Западную Европу, Гитлер, наконец-то, начинает готовиться к агрессии против нашей страны. Тех, кто хочет более подробно разобраться в хитросплетениях политики Гитлера в этом вопросе, я переадресовываю к книге Ю.Мухина “Крестовый поход на восток”.

А по нашей теме получилось так, что вспыхнувшая осенью 1939 года Вторая мировая война, сразу устремившаяся на Восток, вдруг остановилась, практически, на старой границе Российской империи (без Польши). Солдаты Вермахта и Красной Армии, на удивление западным дипломатам, пока с улыбкой пожимали друг другу руки. Военные действия между СССР и Германией даже и не предполагались, если не сказать больше, что Гитлер, вроде бы, даже и не собирался воевать с нами.

Есть высказывания, что, дескать, Гитлер не напал на нас, ранее, так как, в то время, не было общей границы Германии и Советского Союза, и лишь с захватом Польши она появилась. Да, но Польшу ему Западные партнеры могли подарить и просто так, без войны. В конце августа того же, 1939-го года, велись закулисные переговоры между Германией и Западом — Францией и, особенно, Англией, — с тем, чтобы передать Гитлеру Польшу без боя. Известны переговоры по этому поводу между представителями названных стран и шведским посланником Биргером Далерусом. Но Гитлер не принял этот дар и решил данный вопрос военным путем. Почему? Четкого ответа на данный вопрос, нет. Хотя советская официальная точка зрения долго замалчивалась по данной теме, но, в конце концов, советская историческая наука пришла к определенному знаменателю: нас к этому вынудили обстоятельства.

А ведь, ко всему прочему, Гитлер мог напасть на Польшу и, не подписывая мирного договора с нашей страной. Однако не стал делать этого. Может, опасался преждевременного конфликта с Советским Союзом из-за территорий Западной Белоруссии и Западной Украины? Тоже не совсем понятно, — чего боялся? Сам же рвался на Восток, трубя об этом в своей книге “Майн кампф”. Кроме того, Польша сама была не прочь поучаствовать в агрессии против Советского Союза, но Гитлер, почему-то, отказался от помощи потенциального союзника и раздавил его? Удивительно, не правда ли?

Действительно, в то время была очень сложная расстановка политических сил, и у нас фактически не было полноценного союза с Западными странами, чтобы воспрепятствовать дальнейшей агрессии Гитлера, а уж о мирном договоре с ним никто даже и помышлять не мог. И вдруг последовало неожиданное предложение Германского правительства о дружественном союзе и мы, казалось, вопреки всем обстоятельствам, вдруг, решили пойти на сближение с фашистской Германией.

Можно, даже ознакомиться с конкретным документом, написанным самим Гитлером, на тот период.

“20 августа 1939 г.

Господину И. В. Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.
2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому Германское Правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.
3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и Народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.
4. Дополнительный протокол, желаемый Правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе Германское Правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.
5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нетерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что **кризис может разразиться со дня на день**. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.
6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг с другом является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего Министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание Министра иностранных дел в Москве, чем один или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф ГИТЛЕР”.

Кто же больше заинтересован в договоре? Судя по письму, — немецкая сторона, в лице Гитлера. Сталин, в данной ситуации, был более сдержан. Его ответная реакция на письмо такова:

“21 августа 1939 г.

Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие Германского Правительства на заключение пакта о ненападении создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское Правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г-на Риббентропа 23 августа.

И. СТАЛИН”

Разумеется, по итогам этого договора наша страна **получила без войны** Западную Белоруссию, Западную Украину, а в дальнейшем и Бессарабию, а также, всю Прибалтику.

Разве это не выглядит удивительно странным? Войны возникают порой из-за ничтожного клочка земли, а здесь мы получили колоссальные территориальные приобретения, фактически подарок от Гитлера. Не за красивые же глаза Вячеслава Михайловича или Иосифа Виссарионовича это было сделано? Когда-то, эти земли входили в состав Российской империи и, даже в состав молодого Советского государства. Затем, были силой отторгнуты у нас, но возвращать эти земли нам, что-то никто ранее не собирался. Помните историю с Троянским конем? Там ведь тоже, помнится, кто-то, кому-то, “коня” подарил, и что из этого вышло, знают даже школьники изучавшие историю Древней Греции. А как получилось у нас?

После этого мирного “подарка”, правда, пришлось с позиции силы, с боем вырвать у Финляндии Карельский перешеек, но зато после Зимней войны, мы заключили с ней выгодные для себя соглашения. Германия, на удивление, и на этот раз, ни в чем, не чинила нам препятствий. Где же казалось бы логика поведения Гитлера? Все время он был в авангарде сил стремящихся к войне с Советским Союзом, а здесь, вдруг, в 1939 году пошел на попятную, и заключает с нами, то есть, со своим потенциальным противником, мирный договор. Что получил Гитлер в 1939 году? Половину Польши, взятую, пусть и в кратковременной, но все же, войне, отказавшись от другой ее части. Заявил о себе на мировой арене, как об агрессоре, развязавшем

Подписание Советско-Германского Пакта о ненападении.

Вторую мировую войну, и вообще-то, это было **всё** для Германии! Кстати, Франция и Англия, союзники Польши, после нападения на нее Гитлера, так доблестно “выполняли” свои союзнические обязательства, что не сделали по Германии ни единого выстрела, хотя и объявили Гитлеру войну. А наша страна, в результате договора с Германией, получила колоссальную выгоду, приобрета и обширные территории, и людские ресурсы, и значительно отодвинула на Запад свои границы и что, особо существенное, все это было получено без вооруженных столкновений с самой Германией. Более того, Гитлер по условиям Экономического соглашения, вытекающего из условий подписанного договора, поставил нашей стране современное машиностроительное оборудование, предоставил и образцы новейшего вооружения (не всё же мы имели), и даже осуществил их значительные поставки и многое другое. Мы этой выгоды от договора никогда и не скрывали. И если, наши историки-демократы, этот мирный договор осуждали и осуждают поныне, говоря, что Сталин, дескать, сам тиран, и поэтому союзу с Западными демократиями предпочел сближение с Гитлером, то историки-патриоты занимают противоположную позицию. Они объясняли и объясняют своим оппонентам всю выгоду данного соглашения с Гитлером, добавляя, что этот договор помог нам, ко всему прочему, лучше подготовиться к войне. Но, правда, уточняют, как бы разводя руками, по поводу произошедшей катастрофы 1941 года с Красной Армией — что мы, дескать, как всегда, просто многого не успели сделать по времени.

Впрочем, действительно, перенос границы далеко на Запад, существенно помог нам выстоять в том трагическом 1941 году. Заметьте, в отличие от Германии, как бесновались, в свое время, западные политики, особенно Англии, по поводу присоединения к нам стран Прибалтики, Западных Белоруссии и Украины, да и Бессарабии тоже. А уж из-за нашего конфликта с Финляндией по Карельскому перешейку, чуть было сами не начали против нас военных действий. В своем ответном послании премьер-министру Черчиллю уже в июле 1941 года после начала войны с Германией, Сталин все-таки утер нос, своему английскому визави, по поводу выше сказанного:

“...Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда”.

Ну, и где же здесь видна логика в поведении господина Гитлера? Договор 1939 года фактически принес в большей степени выгоду нашей стране, чем Германии, однако Гитлер пошел на это. Как это объяснить? Он, дескать, обезопасил свои тылы с Востока, когда в дальнейшем начал свои военные действия на Западе, пытаются таким образом истолковать его действия некоторые поклонники военного таланта немецкого фюрера. Да, но ведь согласно договору границы-то, Советского Союза, продвинулись значительно дальше на Запад, чем были ранее. Более того, получил общую границу с Советским Союзом. Тоже мне, обезопасил себя Гитлер на Востоке?! Раньше Польша была барьером между Германией и нами, теперь же стали в позицию: грудь в грудь. Гитлер и без договора с нами прекрасно знал, что СССР не будет вести никакой войны с Германией, поэтому и ознакомил наших военных представителей со всей своей новейшей военной техникой, да еще и продал нам некоторые образцы вооружения, которые, даже, еще не поступили (?) в массовом порядке в войска Вермахта. Тут казалось бы, полный маразм, в мозгах фюрера, с нашей точки зрения, то есть, с точки зрения, нормального человека.

Поставить на 22 июня 1941 года в СССР оборудования на общую сумму **409,1** млн. немецких марок (разумеется, все это работало на оборону нашей страны), в том числе на **81,5** млн. марок чисто военной продукции! Сам Штирлиц отдыхает, по такому случаю. Наш переводчик в Кремлевских кулуарах по тому времени, Валентин Михайлович Бережком, (мы еще не раз встретимся с ним по ходу исследования) в своих воспоминаниях подчеркивает этот удивительный момент:

“В задачу советской закупочной комиссии входило, как уже было сказано, наблюдение за выполнением обязательств немецкой стороной и приемка готовой продукции. Группа, в которую входил я, работала на заводе фирмы “Крупп” в Эссене. Мне вместе с Селецким поручили приемку орудийных башен для крейсера “Лютцов”... Мы получили от немцев самый современный для того времени крейсер “Лютцов”, однотипный с крейсером “Принц Евгений”, — оба эти корабля германский флот строил для себя. Кроме того, нам передали **рабочие чертежи новейшего линкора “Бисмарк”, 30 боевых самолетов, среди них истребители “Мессершмитт-109” и “Мессершмитт-110”, пикирующие бомбардировщики “Юнкерс-88”, образцы полевой артиллерии, новейшие приборы управления огнем, танки и формулы их брони, взрывные устройства.** Наряду с этим Германия обязалась поставлять нам **оборудование для нефтяной и электропромышленности, локомотивы, турбины, дизель-моторы, торговые суда, металлорежущие станки, прессы, кузнечное оборудование и другие изделия для тяжелой промышленности”.**

Желающих, более подробно ознакомиться по этому вопросу, отсылаю к книге Ю.Мухина “За державу обидно!”

Кроме того, есть еще один любопытный эпизод из договора 1939 года Молотова — Риббентропа, который показывает, с какой особой заинтересованностью Гитлер жаждал подписания данного соглашения. У Германии нет природных месторождений нефти, и она остро переживает из-за отсутствия данного природного ископаемого на своей территории. У Польши, которую она собирается вскоре “порвать на куски”, есть месторождения нефти на юго-востоке страны, в районе Дрогобыча. Правда, есть одно “но”: данную территорию, в результате переговоров, затребовал себе Советский Союз. Казалось бы, Гитлер должен упереться в переговорах по этому вопросу — Германии самой, позарез, нефть нужна. Однако Гитлер дает указание Риббентропу не препятствовать пожеланиям советской стороны.

И в показаниях на Нюрнбергском суде немецкий генерал В.Мюллер подтверждает данную характерную особенность того времени, сообщая, что в личном разговоре с другим генералом Кребсом (входившим в состав германских представителей на переговорах с Советским Союзом в 1939 году), тот говорил **“что Гитлер дал делегации указание идти во всем навстречу русским”.** А о своем министре иностранных дел (Кребс) выразился так, сказав, что “Риббентроп вообще не проявлял никакого интереса к этнографическим и географическим условиям при проведении границ между Россией и оккупированной немцами Польшей”.

Это также трудно прокомментировать, как и задать какой-либо вопрос по данному поводу. Поистине, в тот момент были “чудеса” переговорного процесса.

Можно привести еще пример благожелательного отношения Гитлера к договору. Его личный пилот Ганс Баур с изумлением вспоминает:

“Гитлер был весьма доволен достигнутыми в Москве результатами и часто высказывал свое удовлетворение по этому поводу. Многие гости обращали внимание на то, что мнение Гитлера о Сталине изменилось непостижимым образом. Гитлер находил, что их судьба со Сталиным во многом сходны. Сталин, подобно Гитлеру, вышел из самых низших слоев общества, и никто лучше Гитлера не понимал, какого труда стоит пройти путь от никому не известного человека до руководителя государства.

Один из гостей сказал: “Но, мой фюрер, вы не можете сравнивать себя со Сталиным. Он грабитель банков!” Гитлер резко возразил: **“Если Сталин и грабил банки, то они (деньги) не оседали в его кармане, а шли на пользу его партии или движения. Это не одно и то же с простым налетом!”**

Уж не отсюда ли “растут ноги” всяческих публикаций по поводу, якобы, родства душ Гитлера и Сталина? Лучше бы авторы подобных инсинуаций задались вопросом, в связи, с чем это Гитлер, вдруг изменил своей идеологической направленности?

“Даже крупные издательства, и среди прочих издательство Эгера, получили приказ прекратить печатать все антикоммунистические материалы. Я знал, что владельцы этого издательства не могли понять причину такого запрета, было и много других, которые только разводили в изумлении руками...”

Точно так же, как и после первого полета в Москву, и на этот раз состоялись многочисленные и подробные обсуждения всех деталей договора с русскими. Среди прочего Гитлер отметил, что мы были бы гораздо больше ограничены в ресурсах, если бы не заключили столь выгодные для нас торговое соглашение и пакт о ненападении. В завершении он выразил надежду, что заключение этого пакта произведет должное впечатление и на Британию... В то время у нас всех сложилось впечатление, что Гитлер весьма доволен тем договором, который подписал Риббентроп”.

Но, по-моему, вершиной эйфории Германского фюрера, является его высказывание, приведенное в книге Джона Толанда “Адольф Гитлер”:

“Получив сообщение о подписании договора, Гитлер радостно воскликнул: **“Мы победили!”** Хотя он и пожертвовал возможностью захватить всю Польшу, но в главном добился большего — **нейтрализовал Россию**”.

В данном случае меня в меньшей степени интересует умозаключение американского историка по факту подписания договора (американцы — еще те, “умники”), а приведенная Толандом **реакция Гитлера** на состоявшийся дипломатический акт. Как понять, его радостный возглас: “Мы победили!”, если не был сделан еще ни один выстрел по потенциальному врагу? Но, ведь не будут же, просто так проявлять буйную радость по заключению договора с будущим противником, которому была оказана, по истине, царская щедрость?

К тому же и “нейтрализация России” по-Толанду, тоже дает пищу для размышлений. Этот шаг Германии, с заключением договора, нам надо понимать так, что Гитлер именно таким образом хотел что? обмануть “коварного” Сталина? Или если посмотреть с другой стороны, то Гитлер что? не понимал того, что делает и тогда все выходит наоборот? И байки, про доверчивого Гитлера, которого обманул Сталин, скоро будут, наверное, печататься в учебниках по истории для нашей оболваненной молодежи.

Да, но человек изучающий историю Второй мировой войны, должен знать и понимать, что в мировой политике глупых людей, уровня Адольфа Гитлера, не бывает. А если их представляют в таком свете, то это, говорит, лишь об уровне интеллекта историка, описывающего данное историческое лицо, а не о самой исторической личности. И если Гитлер все это, вышеперечисленное, сделал, то нам надо попытаться понять логику его действий. Ведь целью всей его политики являлась война с Советским Союзом. Наконец, Гитлер получил возможность занять вождьственную общую границу с нашей страной в 1939 году — почему же сразу не напал? Удивительно, но даже границу на запад, в свою сторону, сильно отодвинул. Не дать, не взять — бескорыстный миротворец, одним словом. У Чемберлена, видимо, перенял опыт?

Договор же заключил с нами, подскажут нам “компетентные” историки, как же можно-с, было им нападать-с? Но в 1941 году не помешал же, договор Гитлеру напасть на нас, несмотря на все предпринимаемые с нашей стороны сдерживающие факторы. Нет, тут дело, думается, в другом. В 1941 году Гитлер и вел себя уже иначе, чем раньше: стал больше походить на капризного ребенка. Уперся тупо — хочу, дескать, разорвать с Советским Союзом дипломатические отношения, и все тут! И ни какая аргументация с нашей стороны не могла повлиять на его мнение. Все выдвинутые Германией обвинения в адрес нашей страны были смехотворно-надуманными и абсолютно беспочвенными, тем не менее, Гитлер договор разорвал и напал на нас. Но это случится в 1941 году. А двумя годами ранее, в 1939-ом году, он пытался выглядеть, по отношению к нам, “белым и пушистым”. Ведь это же Германская дипломатия инициировала подписание мирного договора с нашей страной. Более того, немцам нашей стороной, через дипломатический корпус Молотова, были предложены довольно жесткие условия по общему договору и они их, тем не менее, приняли. Речь шла вот о чем: сначала стороны подписывают экономическое соглашение с нашими требованиями, и лишь затем, уже всё остальное (как один из примеров экономического соглашения, о нефти — приведен выше). И где же здесь, спрашивается, выгода господина Гитлера? Разумеется, Адольф Алоизович не был настолько доверчивым и простодушным в вопросах внешней политики своего государства, чтобы вот так просто подарить нам нефтеносные месторождения в Дрогобыче. Нефть требует переработки. И что же случилось с расположенным рядом, в Бориславе, нефтеперерабатывающим заводом? Вот что пишет в своих мемуарах Н.С.Хрущев, побывавший там, сразу после окончания военных действий с Польшей.

“...Приехал на химический завод. Он был довольно основательно потрепан. Это сделали немцы, уходя оттуда перед нашим прибытием, и не без умысла. Они разрушили главные аппараты для переработки нефти. Когда я приехал, там было просто как бы пепелище, по которому ходили люди”.

Кто бы сомневался в подлости и коварстве г-на Гитлера? Но договор-то был подписан, и многие его пункты немцами были выполнены. Этого не надо сбрасывать со счетов.

Продолжаем дальше разбираться с политикой фюрера. Итак, его определенная цель, подписание договора с нашей страной, достигнута. Дальше, его действия не становятся более понятными — он начинает военные действия на Западе Европы. Но эта война, как “странно” началась в 1939 году, так “странно” и закончилась в 1940 году. Англичан Гитлер не стал добивать у Дюнкерка и позволил им убраться к себе на остров, а французов, за две недели боев, отделал, как бог черепаху и они подписали капитуляцию. Все эти военные действия против Запада объяснялись тем, что Гитлер, якобы, опять боялся “получить удар в спину”. Конечно, определенный резон в этом есть. Еще неизвестно, как повернулись бы события, если бы, например, Гитлер напал бы на нас в 1940 году и завяз бы под Москвой? Где могли бы быть в это время Франция и Англия, решились бы на активные военные действия? Но, все же, версия “удара в спину Гитлеру со стороны Запада”, смотрится, тоже, как-то мелко. Тем более что в 1941 году против нас на стороне Гитлера воевала практически вся “цивилизованная” Европа. А уж от, “опасных” для Германии, к примеру, Франции, — из числа претендентов на “удар в спину”, было выставлено в пользу Гитлера на Восточный фронт около 80 тысяч добровольцев-французов, из которых более 23-х тысяч попали к нам в плен. А всего тех, кто потенциально являлся “ударником в спину Гитлеру” воевало на стороне Германии против Советского Союза около 1 млн. 800 тысяч. Кстати, и выдвигая

претензии к нашей стране в 1941 году, Гитлер, расположив вдоль наших границ 170 дивизий, тоже ставил нам в вину, что мы, дескать, можем нанести ему “удар в спину”, а он этого боится. Некоторые наши горе — историки, апологеты Гитлера, вполне с этим абсурдным доводом согласны.

Глава 3. Почему Гитлер менял планы?

Что же мы видим в итоге всех действий Гитлера в период с 39 — го по 41-й год? Какую-то скрытую от нас логику поведения фюрера Германии. А некоторые действия, например, с передачей нашей стране новейших образцов своей военной техники накануне войны с нею, просто поражают своей, на первый взгляд, абсурдностью. Правда, эти сведения, особо не освещались в советской военной историографии. Даже, более того, принижалась военная мощь нашей страны. Дескать, у нас на время нападения Германии не было в должном количестве новейшей военной техники, как своей, а уж, сделанной по немецким образцам или полученным из Германии, и тем более. Все это, конечно писалось нашими советскими историками из чисто конъюнктурных соображений в угоду властям. А им-то, зачем все это надо было скрывать? А как же тогда объяснить народу тот неимоверный погром Красной Армии в приграничных сражениях

Сосредоточение немецких- фашистских войск вдоль советских границ перед вторжением. Июнь 1941 год.

первых недель военного столкновения с Германией. Вот и приходится историкам, вкуче с крупными военачальниками, изворачиваться и врать, сваливая в кучу все мыслимые и немыслимые аргументы, объясняющие успешные действия немецкой стороны. И невольно закрадывается мысль, что, не в самом ли Советском Союзе (точнее в людях, приближенных к политическому и военному руководству страны) была причина всех этих нелогических вывертов немецкого фюрера? Возможно, что нападать в 39-ом году на нашу страну Гитлеру было, как говорится, не с руки, не те обстоятельства, вот он и устраивал игры в мирные договора, да раздаривал нам свои территории, да военные секреты. А в 40-ом году ситуация в нашей стране, стала для Гитлера, видимо, более привлекательной и он даже наметил общий план нападения, сначала “Отто”, затем “Фриц”, и наконец, окончательный и более детальный — “Барбаросса”. Название “Барбаросса” произошло от игры слов. Воинствующий германский император Фридрих 1 Барбаросса имел, как известно, рыжие, с ярко-красным отливом волосы. Военная операция Вермахта планировалась против Красной армии, что и послужило, своего рода, поводом к названию данной операции. По словам генерала Вальтера Варлимонта, начальник штаба ОКВ Альфред Йодль, видимо автор названия, страшно гордился данным наименованием.

Далее, военно-политический расклад сил, видимо, вполне удовлетворил Гитлера и к маю 1941 года он уже принял окончательное решение о нападении на Советский Союз. Что же это были за обстоятельства в нашей стране, от которых так резко менялась внешняя политика фашистской Германии? А наша “пятая колонна” военных заговорщиков, о которой мы упоминали ранее, не могла ли она быть причиной всего того, о чем мы говорили выше? Очень даже могла быть, и посмотрите, какая интересная вырисовывается картина.

Как же собирался А.Гитлер разгромить Советский Союз? Как говорилось выше, кроме “блицкрига” у германской стратегии не было иных вариантов, чтобы одерживать победы. И как же Германский штаб спланировал разгромить Красную Армию за несколько недель? До начала второй мировой войны, т. е., до сентября 1939 года, нашу Родину с запада вдоль границы прикрывала так называемая “линия Сталина” — система укрепрайонов.

Военные, из немецкого генштаба поставили перед своими политиками, разумеется, и перед Гитлером, в первую очередь, условие — выманить Красную Армию из-за “линии Сталина” с помощью договора при разделе Польши, и зафиксировать ее на новых западных, необорудованных рубежах. А потом? А потом за дело примется “пятая колонна” из “советских”

военных и политиков. Поэтому Польшу и отдали на закланье. Там много чего было с Польшей и по совокупности, но так всегда: вопросы большой политики решаются комплексно, хотя этот фактор, связанный с Красной Армией, был, на мой взгляд, одним из приоритетных. Что получилось? Граница Советского Союза далеко продвинулась на запад, и потребовалось новое строительство укрепрайонов, но на всё, как мы знаем, требуется время. Гитлеру же, не надо было строить оборонительные полосы на Востоке, так как он же планировал агрессию. Он их, как известно, и не строил. Теперь задача наших Мазеп сводилась к простому решению — сорвать сроки строительства новой защитной полосы — “линии Молотова”. Далее, по возможности, добить “старую” линию укрепрайонов — “линию Сталина”. И главное — желательнее, **сохранить европейскую сеть железнодорожных сообщений** на данной территории. Дело-то, вот в чем. При начале войны армиям вторжения требуется снабжение войск всем необходимым для ведения военных действий. Железная дорога, это важнейшая транспортная артерия для армии, которая питает ее, армию, “живительными соками” в виде: военной техники, боеприпасов, продовольствия, живой силой и прочим. Но, если, скажем, часть перечисленного груза можно перебросить в район боевых действий и автотранспортом, то, например, танки, без железной дороги — очень затруднительно и нежелательно, так как переброска данной техники самоходом, будет “съедать” драгоценный моторесурс. Кроме того сами объемы перевозок: один железнодорожный эшелон вберет в себя сотни автомобилей.

Но, главная тонкость, в этом деле, заключалась, оказывается вот в чем: железнодорожная колея в отошедших к нам территориях была европейского размера, в отличие от нашей отечественной, более широкой. Таким образом, с началом военных действий германская военная техника могла спокойно покатиться по рельсам европейского стандарта прямо по новой западной территории Советского Союза. Наша же военная техника и прочие грузы, которые будут доставляться из глубины страны по своей широкой магистрали, смогут добраться только до старой границы Западной Белоруссии и Западной Украины. А дальше как? В зависимости от ситуации.

Давайте-ка предоставим слово человеку, который прекрасно разбирался в этом вопросе. Ковалев Иван Владимирович, был в ту пору начальником Управления НКПС. Мы еще встретимся на страницах нашего исследования с этим замечательным человеком.

“Поскольку наша граница значительно выдвинулась на запад, и в ведение НКПС перешли тамошние железные дороги, пришлось и нашему Военному отделу срочно взяться за новую работу. Прежде всего, мы, проехав по западным областям Украины и Белоруссии, убедились, что с точки зрения мобилизационной готовности железные дороги в этих местах не отвечают даже минимальным требованиям. Подавляющее большинство паровозов были старыми, вагонный парк также, ремонтная база очень слабая, рельсы повсюду изношенные, шпалы на многих участках пути превратились в труху. А главное заключалось в том, что все это большое железнодорожное хозяйство существовало — в сравнении с нашим — в других технических измерениях, в другом, более низком качестве.

Например, средний вес товарного поезда здесь был втрое меньше, чем у нас. Соответственно короче строились выгрузочно-погрузочные пути и платформы. Рельсовая колея тут узкая, западноевропейская — **143,5 см**. Наш стандарт колеи несколько шире — **152,4 см**. Разница около 9 см, пользоваться западной колеей наш транспорт не может. Значит, у нас три варианта железнодорожного обеспечения войск Красной Армии на случай их массовой перевозки в этот обширный район...”

Как видите, наши гражданские руководители проявили заботу: как снабжать Красную Армию во время военных действий на этих западных территориях. И это несмотря, на объективные трудности предвоенного периода. А военные руководители из Наркомата обороны пока себя никак не обозначили. Ковалев, далее вспоминает:

“Первый и наилучший вариант — **немедленно, не дожидаясь военно-политических осложнений, проще сказать — войны, перешить западную колею на нашу**. Одновременно

удлинять выгрузочные пути, строить высокие платформы, улучшать водоснабжение и ремонтную базу — в общем, постараться в наикратчайший срок развить здешние железные дороги до наших стандартов. Этот вариант дорогой. По тогдашним ценам он обошелся бы стране примерно в 6 миллиардов рублей.

Второй вариант был много дешевле и заключался в том, чтобы оставить все как есть. А при необходимости развертывания войск Красной Армии в западных районах Украины и Белоруссии перегружать воинские поезда с нашей колеи на западноевропейскую. Эта **экономия в денежных средствах повлекла бы за собой громадный перерасход во времени**. А ведь еще Карл Маркс учил нас, что любая экономия материальных средств упирается в экономию времени. Второй вариант этой формуле не соответствовал.

Третий вариант развертывания войск также был чреват большими потерями времени. Войска, подвезенные к старой границе на поездах, дальше к новой границе и в районы развертывания должны следовать своим ходом — **в основном пешими маршами**. Ясно, что вероятный наш **противник**, войска которого имели более высокую степень механизации, чем мы, **опередил бы нас**.

Помимо этих военно-технических препятствий, которые неизбежно и надолго задержали бы развертывание советских армий в случае войны, существовали и многочисленные мелкие препоны. Вместе взятые, они показывали, **что этот новый для нас район будущего Западного театра военных действий чрезвычайно неудобен для быстрого сосредоточения и развертывания крупных сил Красной Армии**. Не говоря уже о том, что и после развертывания — пусть даже благополучного, снабжение этих сил, устройство фронтового тыла опять наткнулись на те же проблемы железной дороги...”.

Вот вам и “Троянский конь в мешке” — подарок от Гитлера. Разумеется, такие умные и патриотично- настроенные руководители, как И.В.Ковалев, раскусили “троянского коня” и выдвинули перед правительством предложения о реконструкции железнодорожного хозяйства Западных областей.

Интересно, а как к этому делу отнеслись наши военные высшего звена из Наркомата обороны?

“Генеральный штаб поддерживал наше предложение о немедленном приведении приграничных железных дорог в готовность к массовым воинским перевозкам. Однако сознавать необходимость какого-то общественного дела и воевать за его внедрение в жизнь — эти качества не всегда совмещаются в характере человека, в том числе и военного. Работники отделов Генштаба — оперативного и военных сообщений шли — с нами в одном ряду и в ногу, пока мы не входили в кремлевский кабинет очень высокого начальства. Тут они вместо того, чтобы биться и доказывать нашу правоту, начинали соглашаться, и я нередко оставался один и выглядел, наверное, как фанатик с его идеей-фикс...”.

Согласитесь странная позиция работников советского Генштаба, если не сказать жестче и грубее. Более того, обратите внимание на фразу “Генеральный штаб поддерживал наше предложение...”. Не военные выдвинули инициативу о реконструкции железных дорог, что было бы само собой разумеющееся дело, а лишь “поддержали” идею железнодорожников, что у нормального человека должно вызвать чувство легкого недоумения. Неужели так легкомысленно вел себя наш Генштаб? Увы! По-русски написано. Вот вам и скрытый элемент саботажа, и замаскированная позиция лжепатриотизма, в чистом виде, на что видимо и надеялись немецкие стратеги. Короче, время шло, а явных подвижек по решению данной проблемы не было. И пока ситуация “не взяла за горло”, только в 1941 году (Постановление СНК № 309-146сс от 1 февраля 1941 года “О плане ж/д строительства на дорогах Юго-Запада, Запада и Северо-Запада СССР и обеспечение его выполнения”) начали перешивать железнодорожное полотно по нашим стандартам. И то, по всей видимости, только одну ветку на магистральном направлении. Но как отмечает Ковалев,

“физически невозможно было до июня завершить огромный объем работ по перестройке всей железнодорожной сети приграничных областей и республик. Время было упущено, мы опоздали и во многом **также по этой транспортной причине оказались битыми в первые месяцы войны...** Железные дороги Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии встретят войну, слабо подготовленными к ней... **В результате мы за одну-две недели понесем громадные военные потери, потеряем все эти территории с их полями, лесами, заводами и фабриками, с миллионами людей...**”.

Вот Гитлер и вернул все то, что так “щедро” подарил в результате подписанного соглашения о сотрудничестве. Но обратите внимание, на такой факт. Все это произошло не без помощи наших высокопоставленных военных из Наркомата обороны и, особенно, Генштаба! Не забыли, кстати, кто командовал этим ведомством до начала войны? Сначала Мерецков, которого арестуют в самом начале войны, но вывернется, с помощью Хрущева. А затем, звездный Георгий Константинович Жуков, который 22 июня сочинял Директиву, как быстро “победить” немцев. Как раз в этих числах февраля и произошла смена начальника Генерального штаба. Один забудет сказать, другой забудет спросить. Так дело и заволоkitят до мая месяца.

Кроме того, Гитлеровские войска ворвутся на основную территорию нашей страны, если сказать по-военному, как бы “на плечах” отступающих наших войск. Вот вам и “блицкриг” в действии.

Еще пример из воспоминаний Ковалева о неприглядной картине с нашими военными. Незадолго перед войной Ковалев был переведен в Госконтроль по делам железнодорожного транспорта. Ему ли не знать, как проистекали дела на железной дороге страны?

“Как заместителю наркома госконтроля и специалисту-железнодорожнику вменили в обязанность наблюдать за перешивкой железнодорожной колеи в западных областях Украины и Белоруссии, в советских республиках Прибалтики и в Молдавии. Наконец-то это важнейшее дело пришло в движение, развернулись работы широким фронтом, это радовало, и никто не думал, что спохватились мы слишком поздно”.

Куда же еще позднее! Ковалев был назначен заместителем наркома Госконтроля 21 мая 1941 года. Пока съездил по местам, посмотрел, затем подготовил документы для доклада, разумеется, еще несколько дней прошло. Почти конец мая.

Читаем, кого вызвал Сталин к себе в Кремль по железнодорожной проблеме.

“Через несколько дней на моем докладе Сталину присутствовали **начальник Генерального штаба Г.К.Жукови** его заместитель Н.Ф.Ватутин. Сталин спросил, как, в общем, обстоит дело с подготовкой железнодорожных коммуникаций на северо-западном, западном и юго-западном стратегических направлениях”.

Ясное дело, что Ковалеву не дали откровенно высказаться в воспоминаниях, а Куманеву все сказанное им — издать. Поэтому надо уметь прочесть написанное выше Иваном Владимировичем, между строк. Следует понимать, что в Кремле собрались выслушать, именно, товарищей из Наркомата обороны и Генерального штаба о результатах Постановления СНК от февраля месяца сего года, о котором упоминалось выше. А в данном отрывке воспоминаний эти товарищи военные ни слова не произнесли, как-будто не для них данные дела затеяны.

Представляется, что не Ватутин был вместе с Жуковым. Зачем же вызывать начальника Генштаба с заместителем? Скорее были вызваны Нарком обороны Тимошенко и начальник подведомственной наркомату обороны структуры — Генерального штаба — Жуков. Разумеется, наши друзья-товарищи, скорее всего Тимошенко с Жуковым бодренько отчитались, что, дескать, не волнуйтесь, товарищи дорогие, работа движется, так что пыль летит из-под колес. Все под бдительным оком военных, все успеется в срок.

Но для чего же, тогда в Кремль был вызван заместитель наркома Госконтроля Ковалев? Он сам сейчас и пояснит цель его нахождения в Кремле.

“Отвечаю <...>, что даже на основных дорогах колея перешита не полностью. **Работы** же по развитию выгрузочных районов, то есть постройка или удлинение выгрузочных путей и высоких воинских платформ, улучшение системы водоснабжения локомотивов, ремонта и т. д. — **только-только начаты**. Выгрузочная способность районов Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, а также Молдавии по-прежнему очень мала — **в три с половиной раза меньше необходимой для развертывания первого эшелона войск Красной Армии**”.

Это малая толика того, что возможно было опубликовать, да и то, не привлекая к ответственности “маршала Победы”. По-русски же написано, что все это было необходимо “для развертывания первого эшелона войск”, именно, **Красной Армии**, которую и представляли в Кремле двое военных с высокими званиями и должностями, а не для исполнения, якобы, прихотей Сталина, или пожеланий, того же Ковалева. А ведь четыре месяца прошло со дня выхода Постановления, а результат, как видите — плачевен. Удивляет ли читателя, все высказанное Ковалевым? И что имеем в итоге: “Сталин выслушал, отдал распоряжение ускорить работы...”.

Жаль что не написано: “По окончанию заседания Сталин погладил военных по головкам и дал каждому по паре пряников и по пригоршне конфет”. Это чтоб подсластить горечь от доклада Ковалева. Вот так готовились встретить врага товарищи из военных ведомств.

Наш хитрюга Хрущев, тоже решил “примазаться” к делу о железнодорожном полотне. С одной стороны, — хотел показать себя деятельным патриотом, а с другой стороны — вывести из-под удара, наших военных, из Генштаба. Вот как это всё выглядело по версии Никиты Сергеевича.

“Стали мы перешивать железнодорожную колею Западной Украины с узкой на широкую, то есть с европейской на советскую. **А немцы**, бывавшие у нас в Прикарпатье, **попросили** через контакты своих органов безопасности с нашими органами **не делать этого**. Серов (в то время нарком внутренних дел Украины. — В.М.) сообщил мне об этом. Тогда я сказал Сталину: “Они считают, что прежняя железная дорога вскоре им пригодиться. Это же по размерам их колея, и они просят не перешивать ее”. **Сталин выругался** и приказал: “Перешить!”

Зная Хрущева, как злостного пакостника в сторону Советской власти, легко представить, что именно он, скорее всего, и противился, перешивке железнодорожного полотна: если, и не на всей присоединенной Западной территории Советского Союза, то уж на Западной Украине обязательно.

Но вернемся к Гитлеровской стратегии по отношению к Советскому Союзу. Нельзя сбрасывать со счетов и такой важный географический фактор, как конфигурация образовавшейся новой границы на западных рубежах, в результате соглашений Германии и Советского Союза в 1939-ом году. Не просто же так Гитлер отдавал территорию Польши? Наши воинские части, дислоцирующиеся в военных округах, как в Западной Белоруссии, так и в Западной Украине, оказывались как бы, в своеобразных “мешках”, так как территориальные выступы с Германской стороны, глубоко вдавались в нашу территорию. Именно с этих выступов (район **Сувалки** — Западный фронт, и район **Сокаля** — Юго-Западный фронт) немцы и нанесут основные охватывающие удары по Красной Армии в июне 1941 года. Теперь, что касается, всех этих укрепрайонов в западных военных округах. На старой линии границ их состояние перед войной было просто безобразным (см. об этом в книге А.Б.Мартиросяна “Трагедия 1941 года” и в статье М. Свирина “Зачем Сталин уничтожил “линию Сталина?”). К этому подлому делу, например, на Украине, приложил руку, упоминавшийся уже Никита Сергеевич Хрущев, а на новой линии границ, их просто не успели, в полном объеме, обустроить (Об УРах, подробнее, читатель узнает в одной из последующих глав). Кроме того, ДОТ, например, требует не только железобетонного колпака, но и вооружения, боеприпасов и главное, обученного личного состава. А без “начинки”, он ничем не будет отличаться от пустой консервной банки, разве что только большими размерами и материалом, из

которого изготовлен. На первый взгляд, все это, как бы ни стыкуется, по смыслу. Если укрепрайоны в таком плачевном состоянии были на линии Сталина, то Гитлер мог, ведь и напасть в 1939-ом году, однако не напал. Как же в этом случае его понимать? Что же касается УРов на старой границе 1939 года, то они были в, относительно, нормальном состоянии. Их, впоследствии, сделали непригодными к использованию. К тому же, я подчеркиваю, что задачи политики решаются комплексно. Были видимо, и другие причины у немцев, тащить нашу границу на Запад.

Вполне вероятно, что в Германском ОКВ предполагали, что русские на новой границе не успеют воздвигнуть полноценный рубеж обороны — сроки, действительно, были ограниченными. Кроме того, с помощью своих друзей из “пятой колонны” были уверены, что те устроят 100 % — ное разгильдяйство, как на новой границе, так и на старой. И действительно, все для немцев получилось в лучшем виде!

Кроме того, надо было учитывать мобилизационный фактор. Как показали события начального периода войны, жители западных областей не очень охотно шли на призывные пункты, что срывало мобилизацию. А были и такие факты: например, литовские новобранцы, в одной из воинских частей, получив оружие, перестреляли советских командиров и сдались в плен немцам. Нельзя, также, не учитывать и то обстоятельство, что на западных территориях было оставлено довольно крупное разведывательно-диверсионное подполье. Совокупно, это создавало мощный дестабилизирующий фактор, не учитывать который, мы просто не могли, а немцы на него, разумеется, очень, и не безосновательно, рассчитывали. Все это, описанное выше, составляло один из элементов “блицкрига”.

И еще немного о железных дорогах на Западе страны. Ковалев, все-таки, пробил решение о реконструкции путей сообщения в западных областях (не без помощи Сталина) и успел частично перешить железнодорожные ветки, что не могло не сказаться на немецких темпах наступления. Думаете, что немцы не следили за тем, что стал делать Ковалев в Западных областях? Как бы, не так! Читаем у Ф. Гальдера в довоенных записях:

“19 февраля 1941 года... Подготовка строительства железных дорог после (начала) операции “Барбаросса”. На каждую группу армий — по одной линии! Всего возможно строительство шести железнодорожных линий”.

Теперь читаем у него же, что он записал в своем дневнике сразу, после начала войны:

“24 июня. Сообщение Герке — начальника военно-транспортной службы сухопутных войск. **Начата перешивка железнодорожной колее от границы в соответствии с разработанным планом”.**

Время, важнейший фактор во время войны. Вот Ковалев, фактически, и задержал, как мог, немецкие войска, подсунув им своеобразную “козью ногу”, в виде нашего широкого железнодорожного полотна. Извольте, сначала повозиться с перешивочкой шести основных магистральных веток, а уж потом, катите свои вагоны по нашей земле.

Вот кому мы должны быть благодарны за срыв “блицкрига”, а Хрулев, тоже, “темная” личность, в свое время “зажал” Ковалеву звание Героя Социалистического Труда, не включив его в список награжденных. Все, выше изложенное, никоим образом не противоречит Сталинскому высказыванию в письме Черчиллю о перемещении наших границ на Запад. Если планы врага поняты и предприняты соответствующие меры по их нейтрализации, то это только радует. К тому же, если бы не “тихий” саботаж наших военных, то полностью перешитые ж/д ветки Западного направления в еще большей степени затормозили бы наступление немцев.

Наш знакомый англичанин Д.Фуллер тоже обратил внимание на железную дорогу, которая явилась частью причиной срыва планов блицкрига, но делает это несколько неуклюже. Видимо, сказалось “качество” перевода.

“Трудности быстро возрастали, как это обычно случается в войнах. Некоторые из них немцы предвидели. Так, например, колею русских железных дорог пришлось менять на принятую в Европе. Немецкие железнодорожные войска **были подготовлены к этому**, однако темп наступления был настолько высок, что они не поспевали”.

Пишет так, как будто вся территория Западных Белоруссии и Украины были покрыты сетью железных дорог с широкой русской колеей. Она присутствовала, как сказал выше, лишь на шести магистральных направлениях. Кроме того, акцент надо было сместить в сторону того, что немецкие войска вынуждены были подстраиваться под изменившиеся условия, которые предприняла советская сторона. Хорошо, хоть отмечено, что немецкие железнодорожники не успевали за своими войсками, и тем самым замедлялся темп наступления. Ладно, Фуллер не обязан был знать о Ковалеве и его стараниях, но наши-то историки, почему не заострили на этом факте свое внимание. Понятное дело, что это потянуло бы на свет многие неприглядные факты, о которых упомянул в своих воспоминаниях, наш Иван Владимирович. Поэтому и набрали в рот воды “творцы” военной истории, прикрывшись высказываниями бывшего английского генерала.

Но это всё мы вели речь о том, что составляло, как бы, внешнюю составляющую нашей “пятой колонны”. А люди, точнее командный состав, который был в западных округах? Кто были они и могли ли, представлять собой заговорщиков?

Глава 4. Наследники маршала Тухачевского

Незадолго до войны, в 1937–1938 годах была разгромлена тайная военная оппозиция во главе с маршалом Тухачевским, которая готовила военное поражение Советского Союза в будущей войне, именно с Германией.

И хотя, верхушка заговора, из числа военных, была уничтожена, но те, кто ускользнул от рук правосудия, разумеется, затаились. Когда ставился вопрос, почему Гитлер не напал на нашу страну в 1939 году, а заключил с нами мирный договор, то надо было учитывать тот фактор, что оппозиция, на которую он надеялся, была сильно ослаблена. Поэтому рассчитывать на ее активность в полном объеме в 1939 году Гитлеру, уже не приходилось. А ломиться в открытую, на такого серьезного противника, каким являлся Советский Союз, Гитлер не решился.

Надо было, видимо, выждать время, пока оппозиция в СССР снова накопит силы, и вновь займет ключевые посты в Красной Армии и правительстве. А самой Германии, в это время, поднабраться сил, и обезопасить свои тылы, в будущей войне с нашей страной, от возможных козней европейских стран западной демократии, на всякий случай. Как Гитлер осуществил этот план, мы уже знаем. Теперь познакомимся с тем, как обростала “жирком” наша “пятая колонна”.

Давайте-ка, посмотрим на довоенное кадровое перемещение командного состава РККА двух ключевых округов: Белорусского (Западного) и Киевского особого.

До 1937 года почти 6 лет Белорусский округ возглавлял И.П. Уборевич, из числа высшего состава заговорщиков. Был расстрелян по решению суда в июне 1937 года. Заменивший его И.П. Белов, командовавший в 1937–1938 годах, тоже сгорел в “чистках”, которые проводило НКВД. Поэтому в 1939 году округом уже командовал М.П.Ковалев, который в симпатиях к заговорщикам не был замечен. Кстати, на должность одного из заместителей к нему продвинули Г. Жукова. Вскоре в 1940 году, в начале апреля, Ковалев будет, вдруг заменен С.К.Тимошенко, который это “теплое” место, на удивление быстро, в мае этого же года, передаст Д.Г.Павлову. Таким образом, к 1941-ому году это важное место контролировал уже “свой” человек.

Рассмотрим Киевский особый военный округ. До 1937 года почти 12 лет округ возглавлял И.Э.Якир, тоже из высшего состава заговорщиков. Был расстрелян по решению суда в июне 1937 года. Заменивший его И.Ф. Федько был на этой должности в 1937–1938 годах, и тоже не избежал жестокой “чистки”. После него на пост командующего назначили знакомого нам С.К.Тимошенко. Был ли он таким в 1939 году, каким стал в 1941 году судить сложно, но то, что заговорщики бывали у него в кабинете, сомнений не вызывает.

В 1940 году на его “нагретое” место вдруг назначается Г.К.Жуков, вынырнувший из далекой Монголии. К тому же звездочек ему напихают в петлицы, словно разгромил всю Квантунскую армию. А сам Тимошенко шагнет очень высоко, уже на должность Наркома обороны в звании маршала. Жуков тоже не засидится на этом месте и в начале 1941 года будет выдвинут на должность, аж, начальника Генерального штаба. И это притом, что никаких военных академий не заканчивал, оставаясь на уровне начального образования церковно-приходской школы, одного 4-го класса городского училища. Правда, заканчивал в начале 20-х годов курсы (ККУКС) для кавалерийского командного состава, да еще прошел слушания на аналогичных трехмесячных курсах (КУВНАС), в конце 1929-го и начале 1930-го года. И это все образование, в том числе и военное!

Кто его так усиленно продвигал вверх, вряд ли вызовет затруднение в определении. Это один из немногих товарищей из состава Политбюро, хорошо нам знакомый Никита Хрущев. Такой же невежда, как и его протеже. А из-за его спины выглядывают, тоже, нам не чужие — Микоян и Каганович.

Теперь несколько слов о последней предвоенной кандидатуре командующего Киевским военным округом. Что можно сказать в отношении человека, сменившего на этом посту Г.К.Жукова? В отличие от Павлова, М.П.Кирпонос не был окружен “верными” людьми из столицы, и, видимо, нуждался в определенной “опеке” свыше. Поэтому Жуков с Хрущевым без промедления и рванули в Киевский военный округ сразу 22 июня после нападения Германии, чтобы, вовремя прибрать его к рукам. Для этих целей, даже, провернули определенную акцию: создали новую военную структуру управления. Об этом еще будет идти речь впереди.

Невозможно оставить без должного внимания, такую одиозную фигуру, как Георгий Жуков. Писать биографию “полководца” не позволяет формат данной работы, но немного рассказать о странностях его довоенной службы, все же, следует. У Жукова нет биографии, в хорошем смысле этого слова. Правду все равно он не мог написать по определению, а вся та ложь, из которой соткана, якобы, благостная картина его жизни, ни в кое мере не соответствует действительности. Он даже в мелочах настолько лжив, что единственные реалии в его жизни — это его жены и три дочери.

Начнем коротко с его военной службы. Судьба, “на удивление”, забросила его, именно, в то место, где находилось солидное лежбище заговорщиков первого розлива. В Белорусском округе его потечески пригрел И.П.Уборевич, как мы уже знаем расстрелянный по делу Тухачевского, и входивший в руководящую головку заговорщиков. То, что оба испытывали друг к другу симпатии известно и со слов самого Жукова и его дочери от первого брака — Эры Георгиевны. Вместе, оказывается, сидели наши герои за праздничным столом в доме молодого командира дивизии. Неудивительно, что в числе первых, кого реабилитировал Хрущев, были, именно, заговорщики из стана Тухачевского.

При изучении биографии Георгия Константиновича, читателя, несомненно, должен поразить удивительно-быстрый карьерный рост будущего “великого полководца”.

До 1923 года был заместителем командира полка. На следующий год получил повышение — стал полным командиром 39-го Бузулукского полка.

В 1933 году он командир 4-ой кавалерийской дивизии в звании комбрига, что можно соотнести с привычным для нас званием генерал-майора. Сказывалась о нем неустанная забота обожаемого Жуковым командующего Уборевича. В июне 1937 года он назначается командиром 3-го конного корпуса, а уже в феврале следующего года (1938-го) ему присваивается внеочередное звание — комдив, что примерно, соответствует званию генерал-лейтенанта. Его переводят на должность командующего 6-ым кавалерийским корпусом. Но 1938 год сопровождается чистками командного состава, как Красной Армии — в целом, так и Белорусского округа — в частности, связи с раскрытием заговора Тухачевского. И нашего героя, вдруг поражает “опасная болезнь” (бруцеллез) и он залегает на длительное “лечение” (более 7-и месяцев) в Центральный военный госпиталь в Москве. Там намного спокойнее и безопаснее, чем в Белорусском военном округе по месту службы, где, как косой, “выкашивали” кадры папаши Уборевича. Дочь Жукова, при воспоминаниях об отце, слегка подправила время “болезни” горячо любимого папы, перенесла “муки страданий” новоиспеченного комдива на лето 1936 года. Это, чтоб не соотнести с арестом Уборевича и последующими после этого “чистками” в округе. В действительности, к весне 1939 года, когда репрессии пойдут на убыль и часть “крупной рыбы” уже окажется в сетях, наш герой рискнет вернуться к себе в Белоруссию. Если бы читатели знали, как его, в последующем, напугает вызов в Москву в мае месяце? Думал, что арестовывают, но, по счастью для нашего “Жоржа”, все обойдется нормально. Во избежание предполагаемого расследования деятельности нашего героя, “мохнатая” рука в Москве озаботилась о скорой отправке товарища Жукова в далекую Монголию, где германской военщиной был инициирован японо-советский конфликт. С помощью друзей из столицы Жуков продолжает дальнейшее продвижение вверх по служебной лестнице: получает, и новое назначение, и новое звание комкора. Сам, Георгий Константинович не любит распространяться на эту тему, поэтому всячески скрывает этот факт присвоения внеочередного звания. Заметьте, что это произошло до начала его участия в военных действиях против Японии. Комкор, примерно, соответствует званию генерал-полковник. После подписания 23 августа 1939 года Пакта между Германией и Советским Союзом военные действия в Монголии, разумеется, быстро стали сворачиваться и, по предложению японской стороны, 16 сентября были прекращены.

Незадолго до этого, в верхах снова подсуетились и присвоили “победителю” звание Героя Советского Союза. С осени 1939 года Жуков безвылазно находился у монгольских друзей, но как только в начале мая 1940 года Тимошенко стал наркомом обороны, так Георгий Константинович, сразу же, был вызван в Москву. Его опять заставили сверлить новую дырочку в петлицах для очередной звездочки. Жуков стал генералом армии. Заодно, и место подготовили в Киевском военном округе равное по чину — командующий. И года не прошло, как ему открылась новая прямая дорога в Генеральный штаб. С февраля 1941 года уже листал бумаги в должности начальника данного штаба. Но он и на этом стуле долго не засиделся. В дальнейшем, не одну высокую вершину покорит. В конце концов, получится как в сказке Пушкина: “золотой рыбка” надоедят наполеоновские замашки Георгия Константиновича, и он будет спущен с заоблачных высот к своему разбитому корыту.

Но, несмотря, на это, по части стремительного карьерного роста в советских вооруженных силах, Жуков вполне мог претендовать на попадание в книгу рекордов Гиннеса.

Когда в первой главе рассматривались причины нападения Гитлера на Советский Союз, то, неплохо смотрелось высказывание по этому поводу английского историка Д. Фуллера о советском командовании, которое сыграло на руку врагу.

Так вот наш герой и относился к тому самому командованию, которое и поспособствовало врагу, так как на тот момент, именно, Жуков занимал высокую должность начальника Генерального штаба.

И как же высказался Георгий Константинович, о причинах нападения Германии на нашу страну? Приведенного текста нет в его официальных мемуарах. Это он делился мыслями в приватной беседе с писателем Константином Симоновым.

Такое ощущение, что, именно, Жукова послушался Адольф Гитлер, утверждая план “Барбаросса”. Насладитесь военной мыслью “полководца”.

“После завоевания Европы немцы имели не только сильную, испытанную в боях, развернутую и находившуюся в полной боевой готовности армию, не только **идеально налаженную работу штабов** и отработанное буквально по часам взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и авиации”.

Кто же мешал Георгию Константиновичу, будучи начальником Генерального штаба, взять, хотя бы за образец работу германского ОКВ или ОКХ? В конце концов, мог и своей головой немного поработать. Если же был не в состоянии понять суть данной работы в Генштабе, то кто мешал подать рапорт высокому начальству об освобождении от занимаемой должности. Однако видимо, быстро “прикипел” к креслу начальника. Да и цели у нашего “наполеона” были совсем другие. Как известно, на представленном ему на рассмотрение отчете Разведуправления о военных действиях Германии против Франции высокомерно начертал: **“Мне это не нужно”**. А как же высший командный состав Красной Армии? Ему что же, не нужно было изучать боевой опыт будущего врага? А, действительно, зачем? Если готовилась подстава врагу наших войск. Поэтому и черкал товарищ Жуков на докладах такие резолюции.

А после войны, как видите, поучает писателя Симонова, хотя и в звании подполковника, но, фактически, штацкого человека:

“Немцы имели перед нами **огромное преимущество** в военно-промышленном потенциале. Почти **втрое** превосходили нас по углю, **в два с половиной раза** — по чугуну и стали. Правда, у нас оставалось преимущество по нефти и по запасам и по объему добычи. Но, даже, несмотря на это, мы, например, к началу войны так и не имели необходимого нам количества высокооктанового бензина для поставших на наше вооружение современных самолетов, таких, как МиГи.

Словом, нельзя забывать, что мы вступили в войну, еще **продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной** по сравнению с Германией”.

Жаль, что подобное невежество не попало в его “Воспоминания”. Может, часть апологетов Жукова, и пересмотрели бы свои взгляды относительно умственных дарований своего кумира? Кроме того, эти высказывания подтверждают ранее сказанное, что Жуков отъявленный лжец. С одной стороны — ничем не прикрытое невежество абсолютно во всем, с другой — заведомая ложь в освещении любых исторических событий, в которых он проявил себя не лучшим образом.

То, что снова наврал и по добыче угля, и по выплавке чугуна и стали в Германии — пол-беды. Он, видимо, просто не понимал существо дела. Откуда у него, отъявленного карьериста, волею обстоятельств попавшего на самый верх военного руководства, могло быть понимание работы всего народно-хозяйственного комплекса страны. Разумеется, нахватался поверхностных знаний, общаясь с умными людьми, научился, более-менее правильно излагать свои мысли — вот и все. А как был невеждой и хамом, так и остался до конца своей жизни. Тоже мне, нарком угольной промышленности и черной металлургии, по совместительству. Хотя бы понимал разницу в углях, а о различии чугуна и стали, наверное, не сказал бы и под страшными пытками. Думаю, что и Крекиннг у него ассоциировался бы с фамилией английского генерала.

Лучше, взял бы и поведал читателю, да, тому же Симонову, например, как мыслил привести Красную Армию в полную боевую готовность накануне войны? Как планировал поднять войска по боевой тревоге, чтобы пресечь агрессию врага? Как с помощью авиации желал бы нанести, как можно больший урон живой силе противника? Как хотел с помощью механизированных корпусов разбить немецкие танковые клинья?

Вот о чем надо было рассказывать на страницах своих “Воспоминаний”, а не мудрствовать с умным видом знатока, задним числом, перекладывая свою “вину” на чужие плечи.

Правильнее было бы сказать, что это была не вина Жукова, а продуманное целенаправленное, не только его действие, но и окружающих его “товарищей”, которое и **“сыграло на руку врагу”**. Если английский историк обратил на это внимание, то не меньшее удивление вызывает то, обстоятельство, что никто из наших деятелей советской военно-исторической науки, почему-то не придал этому факту никакого значения.

Вот таким он был наш, отлакированный и отполированный до зеркального блеска, маршал Победы — Георгий Константинович Жуков.

На удивление получается, что в “пику” своему бывшему начальнику Генерального штаба, его подчиненный С.М.Штеменко в своих мемуарах совсем по иному отразил состояние нашей промышленности. Жаль не удастся потыкать носом товарища Жукова, как нашкодившего котенка в свое “произведение”. Читаем, что написал Сергей Матвеевич по предвоенным дням, и это правда!

“В результате осуществления пятилетних планов развития народного хозяйства у нас имелись **все необходимые материально-технические предпосылки для разгрома любого врага**, и война подтвердила это.

Мы построили свою мощную по тем временам металлургию и вплотную подошли к Германии по производству стали и чугуна.

В 1940 году стали выплавлялось в СССР более **18** миллионов тонн, а в Германии — **19** миллионов с небольшим; чугуна мы получили около **15** миллионов тонн, а Германия — лишь **14** миллионов. Третий рейх несколько превосходил нас в производстве электроэнергии (около **63** миллионов киловатт-часов у них, **48** миллионов у нас), но зато далеко отстал по сравнению с нами в добыче нефти. Выросла и наша нефтеперерабатывающая промышленность, без которой были бы мертвы советские танки и самолеты. Созданы были отечественное машиностроение, авиастроение, тракторостроение, приборостроение. Подверглось коренной перестройке на основе сплошной коллективизации сельское хозяйство.

Чрезвычайно велики были культурные завоевания советского строя, что позволило нам вырастить изумившие весь мир кадры ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих и, конечно, воинов — от солдата до маршала”.

Зачем же Жуков искажал благостную картину советской промышленности перед войной? А затем, чтобы можно было уйти от ответственности, ссылаясь, якобы, на недостаток многого необходимого, что вроде бы, недополучила Красная Армия от страны. Чего не сделаешь ради того, чтобы обелить свой маршальский кителек.

Но вернемся к предвоенным годам и поговорим обо всей этой военной братии, вставшей на скользкий путь предательства. Как отреагировали заговорщики на проведенные “чистки” после заговора Тухачевского, скажем в 1938 году?

Из Постановления Военного Совета Киевского Военного Округа

“О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа”

Март 1938 года

1. В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от вражеских элементов и выдвижению из низов беззаветно преданных делу партии Ленина — Сталина командиров, политработников, начальников кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов тов. Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА.

2. Молодые кадры командного, начальствующего, полит(ического) состава, выдвинутые на руководящие должности, являются вполне подготовленными энергичными работниками, нуждающимися в накоплении практического опыта в руководстве соединениями и частями.

3. Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров. Военный совет ставит, как главнейшую задачу: до конца “выкорчевать” остатки враждебных элементов, глубоко изучая каждого командира, начальника, политработника при выдвижении, выдвигая смело проверенные, преданные и растущие кадры.

4. Начальнику отдела кадров Киевского военного округа и отделам кадров политического управления Киевского военного округа и Военно-Воздушных Сил до 15 апреля сего года полностью укомплектовать части, соединения и их штабы, как перешедшие на новые штаты, так и вновь формируемые.

Командующий войсками Член Военного совета

Киевского военного округа Киевского военного округа

Командарм 2 ранга (Тимошенко) Комкор (Смирнов)

Член Военного совета

Секретарь ЦК КП(б)У

(Хрущев)

Бумага все стерпит и не покраснеет от стыда за тех, кто на ней пишет. “Дорогой Никита Сергеевич” со своими друзьями поусердствовал на вверенной ему территории Украины. Вот, первой стоит фамилия только что упоминаемого нами С.К.Тимошенко. Какие правильные слова-то, написаны в Постановлении, да, только, что стоит за ними? Чуть ли не под корень были вырублены командные кадры округа. Произведенная смена была поистине, погромной. Разумеется, на освободившиеся места пришли новые командиры. Вполне возможно, что ключевые посты и были заняты своими людьми Хрущева и Тимошенко.

Материалы к протоколу заседания Военного совета

2. ... Всего было уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано органами НКВД 1066 человек...

3. Наряду с очищением кадров комначсостава округа, проведена большая работа по перемещению комначсостава и выдвижению на высшие должности молодых растущих и проверенных лиц комначсостава, преданных делу партии Ленина-Сталина, в количестве 2365 человек, из них высшего начсостава — 34 человека, старшего начсостава — 565 человек и среднего — 1776 человек.

(Военно-исторический журнал № 3 за 1989 год)

Цифры красноречивее слов. А как вам нравится полная замена комендантов УРов, так называемой “линии Сталина” на границе 1939 года? Потом удивляемся, почему укрепрайоны в таком плачевном состоянии встретили войну? Еще неизвестно, как передавалась документация по УРа от предшественника — новому начальнику? Вполне возможно, что вновь назначенный начальник УРа, воспринимал сотворимое с оборонительными сооружениями, доставшимися “по наследству”, как должное, не смея требовать объяснения случившемуся. Это всё по части разоружения УРов на старой границе 1939 года.

Как видите, только к 41-му году потенциальные заговорщики смогли восстановить утраченные после “чисток” свои позиции, и не только на ключевых постах командующих важными, в стратегическом отношении, округами, но и в Генштабе и в Наркомате обороны. Разумеется, они не ограничились лишь занятием образовавшихся вакантных мест своими людьми, а целенаправленно проводили подрывную деятельность, ослабляя боевую мощь Красной Армии. То, что произошло с нашей армией в приграничных сражениях нельзя назвать неудачей, так как все случаи “бардака” носили системный характер и попадали под определение “саботаж” и “предательство”. Полностью приводить бесчисленные случаи, с точки зрения здравого смысла, необъяснимого поведения командиров или должностных лиц высокого командования, в данной главе не представляется возможным. Это все требует отдельной исследовательской работы.

Мы рассмотрели, лишь вкратце, приведенные факты, и только по военным кадрам, а партийные деятели? Сейчас, по-моему, не является секретом, что Хрущев проводил подрывную деятельность против нашей страны и являлся ярким антисоветчиком с партийным билетом в кармане. Никита Сергеевич со многими, кто проходил по делу Тухачевского был близок, как признавался сам, да и по приходу к высшей власти в 1953 году всех, кто проходил по громким делам “процессов 30-х годов” реабилитировал в числе первых. Как говорится: “ворон ворону глаз, не выклюет”. По-прошествии многих лет, когда связь с военными заговорщиками из числа сторонников “бравого” маршала, стала выдаваться, чуть ли не за доблесть, Хрущев, в своих мемуарах, разоткровенничался:

“Арест Тухачевского я очень переживал. Но лучше всех из осужденных я знал Якира...”

Это надо понимать так, что Хрущев был знаком со всеми арестованными по делу Тухачевского, но просто в силу обстоятельств, с одними он контактировал больше, с другими меньше. “Хорошая” компания была у Никиты Сергеевича, — видать, под стать самому, коли **“очень переживал”**?

“Перед своим арестом Якир был у меня на даче. Я жил в Огарево, под Москвой, в бывшей усадьбе московского генерал-губернатора, царского дяди великого князя Сергея. Там жили тогда секретари горкома партии и председатель облисполкома. Мы скромно занимали там (Каганович все меня выгонял в основное здание) свитский дом, где жили прежде всего княжеская прислуга и размещалась церковь. Я занимал часть второго этажа, а внизу жил Булганин. Во второй половине наверху жил секретарь горкома Кульков, а внизу — председатель облисполкома Филатов. В доме для двора отдыхали секретари райкомов, там было что-то типа однодневного дома отдыха. Там жил среди других и Коротыный. Коротыный работал секретарем одного из московских райкомов. Он был у меня заворгом, когда я был секретарем на Красной Пресне, потом он стал секретарем райкома на Красной Пресне, затем секретарем Ленинского райкома партии”.

Якир, по всей видимости, ожидал ареста и не просто так приехал на дачу к Хрущеву, пренебрегая правилами конспирации. Всегда удивляешься хитрости и изворотливости Никиты Сергеевича сумевшего всегда выходить “сухим из воды” во всех щекотливых ситуациях.

“Коротыный — еврей, дельный человек, хороший организатор и хороший оратор. Он был женат на сестре Якира. Сестра — тоже хороший партийный человек. Она прошла с Якиром весь путь в гражданскую войну, была там политработником. Якир приехал в Огарево к сестре и мы с ним долго ходили по парку, беседовали. Он был приятный человек... Потом его арестовали. Я волновался.

Во-первых, мне было его жалко. Во-вторых, тут могли и меня потянуть: мол, всего за несколько часов до ареста Якир был у Хрущева, заходил к нему ночью, и они ходили и все о чем-то говорили”.

О чем же разговаривали данные персоны, накануне ареста одной из них, прогуливаясь по парку? Не о звездах же на небе? Вряд ли Якир читал Хрущеву стихи или вел разговор о литературных новинках, даже будучи “приятным человеком”? Скорее, передавал явки и связи с другими людьми, которые были в глубоком подполье, а также связи с границей. Ну, о чем же еще может говорить за несколько часов до своего ареста, такая крупная фигура в военном отношении, как Якир, стоявшая в руководстве заговором 1937 года?

Тут с одним фигурантом не успеваешь разобраться, а Хрущев уже начинает проявлять беспокойство о другом, — о Тухачевском. Ему и хочется выразить солидарность с данными людьми и, в тоже время, осторожничает, отделяет себя от сопричастности в данном деле.

“С Тухачевским я не был близко знаком, но относился к нему всегда с уважением. Как-то незадолго до ареста (я не знаю почему) он позвонил мне и говорит: “Товарищ Хрущев, разрешите мне прислать к вам скульптора?” Я спрашиваю: “Зачем?” А он очень увлекался ваянием и вообще любил искусство. “Да ведь все равно какой-нибудь скульптор с вас будет делать портрет и чёрт-те что сделает, а я пришлю вам хорошего”. На этом дело и кончилось. Потом, когда сообщили о судебном процессе, я думал: “Чёрт его знает, почему он мне это предложил? Не вербовал ли он меня?” И ругал себя: “Как хорошо я к нему относился! Какое же я г..., ничего не видел, а вот Сталин увидел”.

Как Хрущев увернулся в деле Тухачевского, приходится только гадать и удивляться. На него падало подозрение связи с показаниями наркома Антипова, но выкрутился. Были арестованы два его помощника Рабинович и Френкель, но Хрущев был “не потопляем”.

“Был арестован, как я уже упомянул, Корытный, которого я знал еще по Киеву... Как его взяли? Он заболел, и его положили в больницу. Я поехал туда навестить его, побыл там, повидал его, а на следующий день узнал, что он арестован. Его арестовали прямо в больнице, и его жену тоже, сестру Якира. В этом случае у меня нашлось еще какое-то объяснение. Хотя я и считал Корытного честнейшим, безупречнейшим человеком, но раз Якир оказался изменником, предателем и агентом фашистов. А тот был его ближайшим другом, то Якир мог оказать на него свое влияние. Значит, возможно, я ошибался и зря доверял этому человеку...”

Еще один из секретарей горкома, Кульков, московский пролетарий, член партии с 1916 года, не блиставший особыми качествами, но вполне честный и надежный человек, тоже оказался арестованным. Одним словом, почти все люди, которые работали рядом со мной, были арестованы. Надеюсь, понятно, каким было мое самочувствие (или окружение людьми? — В.М.) Со мной тогда работал еще Марголин, член партии с 1912 или с 1914 года... Когда же я стал первым секретарем Московского горкома, его избрали вторым, а затем, после арестов в Днепропетровске его выдвинули туда секретарем окружного комитета партии. Там его и арестовали... Среди других был арестован мой хороший приятель Симочкин.

У Хрущева, прямо нюх на людей, которых арестовывают. То накануне ареста Якира, беседует с ним ночью, то накануне ареста Корытного, приезжает к тому в больницу. Если следовать логике Никиты Сергеевича, то неужели он сам не мог “оказаться под влиянием Якира”? Кроме того, появляется ощущение, что Хрущев, как некая “былинка в поле” среди выкошенной травы из арестованных. Как же карающий меч революции не обрушился на “безгрешную” голову Никиты Сергеевича? Сам он особых разъяснений по этому поводу не дает, просто, как всегда прикидывается наивным простачком, возвращающимся без определенных дел и обязанностей в Кремлевских стенах.

Как все это сопоставить с действиями самого Никиты Сергеевича? Упомянувшийся переводчик Бережков, в своих поздних воспоминаниях, рассказывает о репрессиях, проводимых на Украине.

“Первым исчез Постышев, герой гражданской войны, победитель японцев и других интервентов на Дальнем Востоке. Позже мы узнали, как происходило такое исчезновение. Руководителя вызывали в Москву по срочному делу... В Москве прямо с Киевского вокзала обреченного на смерть доставляли в подвалы Лубянки. Туда препроводили вслед за Постышевым и Чубаря. Любченко — он был председателем Совета Народных Комиссаров Украины, — понимая, какая участь его ждет, попрощался с молодой красавицей женой, заперся в кабинете своего роскошного особняка и застрелился. Несколько позже арестовали и расстреляли первого секретаря КП(б)У Косиора”.

Конечно, определенную поправку на достоверность мемуаров Бережкова мы сделаем, но, по прочитанному выше тексту и так понятно: вырубалась верхушка власти на Украине. Не совсем ясно, например, с Любченко: можно, как-то понять мужа, навсегда прощающегося с “молодой красавицей женой”, но зачем запирается в “кабинете своего роскошного особняка” для совершения обряда самоубийства? Боялся, как бы “красавица жена” не вырвала из рук револьвер, что ли? Может быть все вышеизложенное, как-то объяснит следующая фраза из воспоминаний Валентина Михайловича?

“Это произошло вскоре после того, как Сталин(?) послал на Украину своего нового заместителя — Хрущева”.

В отношении Сталина, сильное сомнение. Все решало Политбюро, где у Хрущева был покровитель в лице Л.Кагановича, который и “притащил” Хрущева в большую политику. Между прочим, Хрущев с семьей поселился в Киеве, именно в доме для высшего руководства республики. “Случайно” одна из квартир оказалась свободной от прежнего хозяина.

Хрущев расчищал почву для своих людей в верхнем эшелоне власти на Украине, а органы боролись с “товарищами” Хрущева. Жуткая “мясорубка” тех лет. Но продолжаем наш разговор по заданной теме. Как только лица из “пятой колонны” заняли ключевые посты в партийно-военной иерархии, то, как говаривал Михаил Сергеевич Горбачев, — процесс пошел. Но, ведь, на всё, как понимаете, требовалось время.

Таким образом, думается, лишь в 1941 году Гитлер получил самые благоприятные для себя условия ведения войны против Советского Союза и, как мы знаем, первоначальная дата нападения была запланирована на 15 мая 1941 года, но она, по уважительным причинам, была перенесена на июнь?

Что же, в этот-то раз, помешало ему? Вроде “ударов в спину” неоткуда было ждать, кроме, разумеется, самого Советского Союза, но это было припасено для мотивации нападения на нас, надо же как-то обосновать перед мировой общественностью свою агрессию. Думаете, что “странности” Гитлера на этом закончились? Как бы, не так! Его особо доверенный человек, фактически, “правая рука в руководстве партией” Рудольф Гесс неожиданно для всех “летит” на самолете в Англию, для ведения, каких-то тайных переговоров с правящими кругами этой страны. И все это происходит 10 мая 1941 года практически, за несколько дней до намеченной первоначальной даты нападения на нашу страну.

Глава 5. С какой же тайной целью Рудольф Гесс полетел в Англию?

Пусть читатель не удивляется, но тема Гесса пройдет, как говорят, красной нитью по всей данной работе. На то есть основания. Начнем сначала, по теме перелета так, как принято в мировой историографии по данным событиям. Наша историческая наука не внесла в исследования по Гессу каких-то особых, новых фактов. В основном “зажеванные” данные зарубежных изданий.

По “прилету” в Англию Гесс, якобы, представил себя эдакой “оппозицией” существующему в Германии режиму. Гитлер тот час, сразу же отмежевался от своего боевого друга по партии, объявив его “сумасшедшим”, но, вряд ли Гесс был им на самом деле.

Из воспоминаний И.Ф.Филиппова, корреспондента ТАСС, находившегося в то время в Германии:

“13 мая 1941 г. в утренних германских газетах было опубликовано сообщение о “гибели Гесса”. Уже сам характер сообщения говорил о том, что в данном случае произошло что-то необычное. В сообщении не упоминалось, что Гесс является заместителем Гитлера по руководству партией. В нем говорилось, что 10 мая Гесс стартовал на самолете из Аугсбурга и до сих пор его не нашли. Письмо, оставленное им, свидетельствует о том, что он сошел с ума, а следовательно, при своем полете разбился...

А вот полный текст того, что было передано по Германскому радио по поводу полета Гесса (П.Педфилд “Секретная миссия Гесса”).

“Партийное руководство заявляет, что член партии Гесс, которому, ввиду его болезни, с годами все более усугублявшейся, фюрер категорически запретил пользоваться летательными машинами, на днях, нарушив приказ, сумел завладеть самолетом. В субботу, 10 мая, примерно в 18.00 Гесс отправился из Аугсбурга в полет, из которого до сих пор не вернулся. Оставленное им письмо, к несчастью, свидетельствует о признаках психических нарушений и позволяет заключить, что Гесс стал жертвой галлюцинаций. Фюрер немедленно отдал приказ об аресте его адъютантов, которые знали о полете и о запрете фюрера и все же не помешали полету и немедленно не доложили о случившемся. В свете этих печальных обстоятельств Национал — социалистическое движение вынуждено констатировать, что член партии Гесс разбился или попал в аналогичную аварию”.

Как объяснить полет Гесса в Англию немецкому обывателю, если не вывихом мозгов у этого высокопоставленного руководителя? Вполне возможно, что такой сюжет не был предусмотрен в сценарии “полета” и пришлось заниматься экспромтом. Согласитесь, что Гесс — сумасшедший, это нонсенс. А что прикажите делать руководству Германии? Из всех зол — выбрали наименьшее.

Продолжим, однако, воспоминания Ивана Филипповича.

“Официальные круги решительно опровергали лишь слухи о том, что Гесс страдал манией преследования, так как это выдавало характер отношений между лидерами в гитлеровской партии. Но зато они явно поощряли распространение слухов о связях Гесса с астрологами, хиромантами... Журналисты давали самые разнообразные объяснения причины полета. Но во всем этом хоре разнообразных догадок и мнений явствовалась одна мысль: полет Гесса — важное событие, связанное с подготовкой Гитлера к “большой войне”. Учитывая ту ситуацию, которая складывалась на Балканах, а также обострение советско-германских отношений, многие приходили к выводу о том, что **маршрут Гесса был не случайным и что за этим полетом кроются далеко идущие расчеты и планы Гитлера**”.

Полностью согласен с выводом И.Ф.Филиппова и даже предполагаю, что именно в преддверии будущей войны с нашей страной и был осуществлен этот странный “полет” Гесса.

Разумеется, что этот полет мог быть осуществлен только по заданию руководства Германии. Кто бы спорил? Одиночек-чудаков и без Гесса хватает на Земле. Да, уверяли нас историки, как с той, так и с нашей стороны: Гесс по поручению Гитлера хотел заключить мир с Англией, но гордый Альбион отверг эти гнусные предложения. Более смелые высказывания по поводу переговоров Гесса были таковы: все-таки было заключено тайное соглашение о том, что Англия не откроет второго фронта против Гитлера как можно дольше по времени. Тоже, как говорится, не плохо. Двойная мораль всегда была присуща деятельности английской дипломатии. Но, хочется

возразить, а стоило ли из-за этого столько копий ломать. Как не тянула Англия со Вторым фронтом, но все же в 1944 году, вместе с Америкой открыла. И даже приняла участие в капитуляции Германии. Другое удивляет. Почему материалы по переговорам были строго засекречены после войны на 50 лет? Они, эти годы, уже канули в Лету. Да, но секретность опять продлили, теперь до 2017 года. По какой-то, опять, необъяснимой причине?

Хочу обратить внимание читателя, вот на какой момент. Так как материалы опять засекретили, то ни один историк в мире, не может дать точного определения полету Гесса. Существуют различные версии, не более того. Поэтому представленный мною вариант по объяснению полета может быть лучшим или худшим, исходя только из личных симпатий или антипатий к автору.

Насчет Второго фронта, тут как говорить, все ушло в прошлое. Да и как могли знать и Гитлер и Черчилль в мае 1941 года, как будут происходить события на Восточном фронте в еще не начавшейся войне Германии против Советского Союза? И о каком тогда, Втором фронте, могла идти речь? Более того, Гитлер, вообще, планировал покончить с нашей страной в течение очень короткого времени. Вот выдержка из Директивы № 21 плана “Барбаросса” утвержденной самим А.Гитлером:

“Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии”.

По-моему, здесь ясно читается, что после разгрома нашей страны, Германия все еще будет находиться в состоянии войны с Англией. И где здесь можно разглядеть открытие Второго антигитлеровского фронта на Западе, к тому же на три года вперед. А многие историки нас уверяют, что переговоры с посланником Гессом шли, якобы, именно о будущем саботаже Англии с открытием Второго фронта против Гитлера, аж, до 1944 года. А где же, тогда должен будет находиться Первый фронт, если Россия будет повержена? Без оккультных сил, заглянувших в будущее, видимо здесь не обошлось.

Если же речь шла о заключении перемирия между Германией и Англией, то тоже много вопросов. Англия, ввязалась в войну из-за Польши, которой давно уже нет. Союзница Франция приказала долго жить. Странное состояние Англии, не правда ли? По какому поводу мириться, если Гитлер даже не собирался бомбить Англию, та первая начала бомбежки? Более, того, Гитлер не вел на территории Англии военных действий. Как, впрочем, и Англия не топтала сапогами своих солдат территорию Третьего рейха. Правда, “бодались” Гитлер и командование Английского экспедиционного корпуса в Греции в апреле месяце, но после того как корпус вместе с правительством Греции, Гитлер вытолкнул с материка на остров Крит, наступило определенное затишье. Если же рассматривать военные действия этих стран в Северной Африке, то это другая история. Зато, как изменятся взаимоотношения этих стран после, так называемых, “переговоров”. Об этом чуть ниже. Еще что смущает, в этом полете, так это гласность. Неужели, Гитлер не мог тайно направить своего эмиссара в Англию, хотя бы того же Гесса. Тайно провели бы переговоры, тайно заключили бы свой союз. Почему это было сделано именно так? Или Гитлер хотел все это сделать тайно, но английский кабинет министров, почему-то предал факт перелета Гесса огласке? Или сведения о прилете просочились в английскую печать и таким образом, скрывать переговоры с посланником враждебной стороны, было не выгодно из-за боязни навлечь на себя гнев общественного мнения? Но, в дальнейшем, на удивленье, в простетвии стольких лет, эти переговоры “на смерть” засекретили. Более того, после войны Гесса пожизненно засадили в тюрьму как “заклятого” нациста, хотя он был ничуть не хуже, того же гросс-адмирала Эриха Редера или министра экономики Вальтера Функа, осужденных пожизненно, но выпущенных на волю в конце 60-х годов. И вот, когда в конце 80-х годов Гесса наконец-то, собирались выпустить на свободу, кто-то решил воспрепятствовать этому. Приведу отрывок из книги Н.В.Старикова “Кто заставил Гитлера напасть на Сталина?”:

“...Зачем же убивать старого человека и кто совершил это убийство? Сын Гесса Вольф Рюдигер ни минуты не сомневается, что убили его англичане. Страшная тайна британской дипломатии,

воодушевившей Гитлера напасть на СССР, не должна была открыться. А непосредственной причиной для убийства стала ... безудержная болтовня Михаила Сергеевича Горбачева. Этот безграмотный политик подписал смертный приговор не только своей державе, но и престарелому нацисту. Дело в том, что уже достаточно давно раздавались голоса с призывом отпустить Гесса. Основным противником этого всегда выступал СССР, чья позиция была очень последовательной: нацистам на свободе нет места. Зная, что Советский Союз не даст согласия на выход Гесса из тюрьмы, Великобритания могла поиграть в “доброе следствие” и всегда заявляла, что она против освобождения ничего не имеет. Но вот началась “перестройка”, возобладало “новое мышление”, и ничего не понимающий в истории и политике Михаил Сергеевич заявил своим западным друзьям, что готов сделать им приятное и согласен отпустить Гесса. Для Горбачева это был жест доброй воли, еще один штрих к портрету “социализма с человеческим лицом”, а Лондону сие заявление доставило массу неприятных хлопот. Поскольку никаких поводов держать опасного старика в заключении не оставалось, англичанам пришлось предотвратить утечку информации, убив ее носителя”.

Это что же получается? Англичане договаривались с немцем Гессом еще в 1941 году о чем-то своем, секретном, а наш Горбачев оказался, почему-то, “крайним”? И в 1987 году испугавшись, что Михаил Сергеевич может о чем-то проговориться, пришлось отправить на тот свет старичка Гесса. Еще одна странность заключалась в том, что у Советского руководства постсталинского периода, была какая-то патологическая неприязнь именно к Гессу. Оно противилось досрочному освобождению престарелого узника Шпандау, хотя, по отношению к нашей стране Гесс не являлся военным преступником, так как всю войну просидел в британской тюрьме. Согласитесь, что это довольно странный треугольник: Английское правительство, нацистский посланник Гесс и Советское руководство постсталинского периода. Что же могло их объединить? Отложим пока ответ на этот вопрос, а зададимся новым. А какие причинно-следственные связи могли быть у полета Гесса в Англию? Ведь полет Гесса, разумеется, являлся причиной для последующих исторических событий, хотя сам являл собой классический образец следствия. И что же, в таком случае, явилось причиной для этого полета? Только что, мы с вами наблюдали странный треугольник со сторонами: Англия, Германия и Советский Союз. Если посланник из Германии, а заинтересованным лицом должна стать Англия, то, тогда неизвестное “X” должно было быть, каким-то, связано с Советским Союзом начала 1941 года? Какие же события в Советском Союзе могли повлиять на политику Гитлера до 10 мая этого года? О “пятой колонне” военных заговорщиков в нашей стране мы уже сказали, но как все это могло быть связано с Англией и Германией? А ведь неспроста туда полетел именно Гесс, доверенное лицо Гитлера. Уж, как не ему, могла быть известна информация о наших заговорщиках и, не с этой ли тайной, полетел Гесс в туманный Альбион? Но зачем и, главное, к кому?

Что же могло подтолкнуть Гитлера к столь неординарному действию с полетом Гесса? Может быть, какие-то события в нашей стране, произошедшие до 10 мая 1941 года тоже имели к этому отношение? Вполне возможно, что именно назначение Сталина главой Советского правительства 6 мая, могло вызвать такой переполох в верхушке Третьего рейха и не только там? Кстати, у Ф. Гальдера, начальника генерального штаба ОКХ, в его военном дневнике это событие отмечено довольно скромной фразой:

“7 мая 1941 года (среда)...

г) Россия. Сталин стал и Председателем Совета Народных Комиссаров. Это означает усиление его личной власти”.

Хотя, следует заметить, что трудно судить по переводу с немецкого, что там было в подлиннике дневника на самом деле? А так получается, действительно, какой-то немецкий Рой Медведев, обличитель сталинизма в германском военном штабе. Скажите на милость, какая глубокая мысль — “усиление личной власти”. Ф.Гальдер, еще тот “фрукт”, по части “навести тень на плетень”.

Разумеется, в предчувствии надвигающейся войны, в руководстве Советского Союза произошли кадровые перестановки, и в первую очередь сменился глава правительства. Вместо Молотова Председателем Совнаркома, действительно, стал Иосиф Виссарионович Сталин, а Вячеслав Михайлович, в свою очередь, стал заместителем Председателя Совнаркома, сохраняя за собой пост главы наркомата Иностранных дел. Ведь, до этого, Сталин не занимал ни одной должности в правительстве, фактически же, являясь главой государства, как вождь правящей партии. Такая же ситуация в нашей стране, в свое время, возникнет и с Л.И.Брежневым. В отношении же Сталина, дело осложнялось тем, что это было не мирное время строительства социализма, а ожидание тяжелой и кровопролитной войны.

Немного пояснения. К Сталину, 20 марта 1941 года поступил на рассмотрение доклад Начальника Разведуправления Генерального штаба Красной Армии Ф.И. Голикова, где в п.14 говорилось, что “Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 года...”.

Там, многое чего упоминалось насчет нападения Германии на Советский Союз, и как Сталин должен был на всё это отреагировать?

Поэтому заранее предвидя возможную ситуацию с войной, Политбюро, видимо, и приняло решение о передаче функций главы правительства Сталину, преобразовав, тем самым де-факто, в очевидное де-юре. Таким образом, Сталин взял под личный контроль функции главы правительства, увеличив свои обязанности, а не как нам “воркует” Ф.Гальдер об “усилении личной власти”.

А как в Германии отреагировали на смену власти в Кремле? Снова обратимся к воспоминаниям И.Ф.Филиппова:

“Берлин взволновало сообщение о назначении И.В.Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. Немцы атаковали меня расспросами (имеются виду коллеги-журналисты — В.М.). Мои стандартные ответы, что это событие относится исключительно к области внутренней жизни СССР, их, конечно, не удовлетворяли. **В политических сферах** это назначение рассматривалось как доказательство того, что СССР готовится к важным событиям, требующим сосредоточения партийного и правительственного руководства в одних руках”.

Как видно и в Берлине тоже понимали важность данного события. Не все же там, гальдеры? В Берлине-то понимали, да у нас почему-то историки особенно не распространялись на эту тему. А ведь это ключевой момент в понимании всей этой истории с “перелетом Гесса”. Сталин стал не просто Председателем СНК — он, к тому же возглавил и Комитет Оборона при Совнаркоме, держа, таким образом, под контролем наше военное руководство. Поэтому-то, “Берлин взволновало” данное сообщение ТАСС. Подробнее о Комитете Оборона мы поговорим, когда будем рассматривать вопрос о Ставке.

Хотелось бы, несколько строк сказать и по поводу сообщения Ф.И.Голикова. Ранее, 17 марта было совещание в штабе ОКВ, где рассматривалась и операция “Барбаросса”. Наша разведка работала, будь здоров! Через три дня (20 марта) информация у Сталина. Обратите внимание на запись в дневнике Ф.Гальдера от этого числа (**17 марта**):

“п.1. Операция “Марита”... Вывод (начальника генерального штаба): Нельзя рассчитывать на использование в операции “Барбаросса” тех войск, которые предназначены для операции “Марита”.

Операция “Марита” — это военные действия против Греции и экспедиционного корпуса англичан, которые были с 6.04 по 29.04.41 года. Значит, действительно, было запланировано, примерно, на 15 мая нападение на Советский Союз, коли, не было возможности привлечь войска находящиеся в южной части Балкан в преддверии будущей военной операции. Это по окончании Балканской

военной кампании стало известно, что она окончилась 29 апреля. А при планировании операции “Марита” должны же были немцы учитывать неблагоприятные условия. Думали и предполагали, что до мая не управятся. Обратите внимание, на такой факт. Хотели напасть на нашу страну, не привлекая войска, участвующие в операции против Греции! Это говорилось **в марте!!!** Значит, были уж очень благоприятные факторы, для нападения, если решались напасть меньшими силами. Куда же они, эти факторы, к маю подевались? Как видите, пришлось и войска с юга привлечь, и сроки нападения перенести, и в Англию слетать.

Если же исходить из предположения о заговоре высшей военной верхушки РККА и партийцев, связанных с Германским командованием, то, как эти две стороны должны были отреагировать на смену главы исполнительной власти в Советском Союзе. Ведь, если шли “разработки” по ликвидации первого лица государства, а им в тот момент был еще Молотов, и всё, видимо, было ориентировано на него, то такой поворот событий, с назначением Сталина, вполне мог выбить наших заговорщиков из колеи. Кроме того, Сталин лично взял под контроль военных, а это извините, не Молотов. Соответственно менялись планы и немецкого командования. Обратите внимание, что последующая дата нападения после 15 мая, все время была “плавающей”, вплоть до последнего дня, все время, немцы, чего-то выжидали. И только **21 июня 1941 года** в войска поступил долгожданный сигнал “Дортмунт” о начале выдвижения немецких войск в приграничную зону. Мы к этой дате еще вернемся в нашем расследовании о начале войны.

Автор не настаивает на том, что версия “полета Гесса, по поводу наших заговорщиков”, являлась единственной причиной для “переговоров” с англичанами, но убежден в том, что и этот приведенный довод, нельзя сбрасывать со счетов.

Глава 6. Мирный договор “враждующих” сторон

Так что, не назначение ли Сталина на пост главы Советского государства подтолкнуло руководство Третьего рейха к подобным действиям в отношении Гесса? Ответ на вопрос “зачем?” думается, лежит на поверхности. Разумеется, за помощью и координацией действий, если мы правильно понимаем действия господина Гитлера. Маховик немецкой военной машины набрал обороты, а планы резко меняются. Надо быстро искать решение в наикратчайшие сроки. Заговор нельзя хранить вечно, так как “прополку” от заговорщиков проводили регулярно, как например, в 1937- 38 годах, вплоть до самой войны, и теплое время для наступления уходит, и урожай в полях России Гитлеру хотелось бы собрать в “свои закрома”. А к кому же обратиться за помощью, как не к Англии, вскормившей и выпестовавшей его и, после Мюнхена, давшей его агрессии на Восток, “зеленый свет”. Кроме того, не мог же Гесс лететь без приглашения? Ведь кто-то должен был его ожидать? А так получается, что он прилетел к англичанам и свалился им, как снег на голову.

А в чем же, могла выразиться помощь Англии, в тот исторический момент? Думается, в первую очередь в ее разведке, т. е. должны были быть задействованы ее стратегические каналы, которые должны были (или могли бы) поспособствовать в ликвидации первого лица нашего государства. Во-вторых, и это не новость, в стремлении привлечь Англию к прямой агрессии против нашей страны, разумеется, через, хорошо знакомый Черчиллю, Северный путь — Мурманск, Архангельск. Ну и, в-третьих, по всей видимости, предлагался дележ шкуры, пока что, еще не убитого “русского медведя”. И еще об одной, весьма деликатной помощи, которую, видимо, должна была оказывать Англия, мы поговорим, ниже.

Думается, что из-за возможной утечки информации по заговорщикам из “пятой колонны” Советского Союза, а фамилии могли быть и не только из верхушки военных РККА, но и крупных политических фигур нашей страны, Гесса и засадили пожизненно в тюрьму. Обратите внимание, что именно наше, постсталинское советско-партийное руководство, нежелало выпускать Гесса на свободу. Именно оно, было заинтересовано в сохранении этой тайны, потому что начало этому положил, именно Никита Сергеевич Хрущев, организовавший в 1953 году государственный переворот, а последующие Генсеки эту ношу от него, приняли, как должное. Сам Молотов, подтверждал, что Гесс сидит “по нашей вине”. На вопрос: “Почему?”, отвечал расплывчато:

“Они были за то, чтобы его освободить, а без нас не могут решить. Нюрнбергский процесс...”.

К какому времени относится Молотовское — “без нас не могут решить”? Сталинскому или постсталинскому периоду, трудно определить? К тому же, после слов “Нюрнбергского процесса”, стоит знакомое, до боли, многообразие. А как вам нравится, что мы еще и виноватые, по части заключения Гесса в тюрьму? Тогда может быть, Молотову, сразу надо ясно сказать всему миру, что из-за нас он и попал к англичанам? Причину, Вячеслав Михайлович, в своих разговорах не назовет никогда, потому что это такая же тайна, как и у англичан.

А Гесс тем временем сидит в тюрьме и в 1969 году предпринимает попытку самоубийства. Затем, в 1978 году, у него обострилось серьезное заболевание, и он попросил, чтобы в связи с его тяжелым состоянием здоровья ему позволили бы покинуть тюрьму и дать возможность умереть у себя дома. С предложением об амнистировании Гесса обращались и к Л.И.Брежневу. Тот поначалу не выразил особых претензий по поводу досрочного освобождения единственного узника Шпандау, но затем дело внезапно застопорилось. Видимо, Леониду Ильичу намекнули, что “дело Гесса” — дело государственной важности, и таким образом, все осталось на круге своем. Леонида Ильича, никоим образом нельзя отнести к заговорщикам, ни 1941 года, ни 1953 года, так как он, в то время был еще малой величиной и не вращался на Кремлевской орбите.

А как же закончились “переговоры” между Гессом и английским руководством, в том далеком 1941 году? По части разведки, видимо нашли общий язык, т. к. попытка “нейтрализации” Сталина была осуществлена. Ведь не было же его в Кремле, впервые дни войны. Только эта попытка, как мы понимаем, полностью не удалась. Что же касается участия в прямой агрессии, то здесь правительство Англии, решило не искушать судьбу, а действовать, как всегда — чужими руками, хотя пакостничать в пользу Германии по отношению к нашей стране, начала сразу, по окончанию переговоров. Что же касается дележа шкуры не убитого “русского медведя”, то Англия и здесь не осталась в накладе. После войны она принимала участие в дележе другой шкуры, но уже убитого “серого волка” — Германии. Кроме того, Черчиллю надо было учитывать такой важный фактор, как антигитлеровские настроения в английском обществе. Вряд ли было бы возможным, в тот момент, заставить английские войска принимать участие в антисоветском походе на стороне Германии, как бы привлекательно это не выглядело для английской буржуазии.

Ну, а в мае 1941 года, после “закулисных переговоров” Гесса, не получивших должного развития, Гитлер, в отместку, решил полностью “зачистить” свой южный фланг от англичан и провел крупную воздушно-десантную операцию по захвату о. Крит, чем значительно ослабил влияние Англии в восточной части Средиземноморья. Свои действия Гитлер обосновывал тем, что любой политик (имелся в виду У.Черчилль) после ряда тяжелых поражений не удержится на своем правительственном посту. Здесь явно было оказано внешнее давление на английский парламент и деловые круги, чтобы они приняли нужное для Германии решение. Кроме того, Ближневосточная тема, которая затронута чуть выше — эта тема Ю.И.Мухина, который изложил ее в своей книге “Крестовый поход на восток”.

У.Черчилль, в своих воспоминаниях, конечно, дистанцировался от каких-либо контактов с Гессом. Примерно так, уверяет он своих читателей в изданных мемуарах, под названием “Вторая мировая война”:

“Я никогда не придавал сколько-нибудь серьезного значения этой проделке Гесса. Я знал, что она не имеет никакого отношения к ходу событий”.

Почему переводчик использовал слово “проделка”? Или это слово звучало в оригинале мемуаров? Отдает каким-то ребячеством, что трудно приписать Гессу, занимавшему такой ответственный пост в нацистской партии. Но, ведь Черчилль же, по сути, пытается, таким образом изобразить Гесса, как некоего шаловливого мальчишку. Зачем? И почему этот полет, по мысли английского лорда, “не имеет никакого отношения к ходу событий”. Каких? Настоящих или будущих?

Государственные и военные деятели Великобритании.

(интересующие нас деятели сидят слева направо: первый — В.Бивербрук, третий — У.Черчилль, четвертый — А.Иден)

Скорее, несерьезность проявляет сам Черчилль, давая такую легкомысленную оценку событиям: подумаешь, прилетело в Англию второе, после Гитлера, лицо из нацистской Германии? Его послушать, выходит, что таких чудаков, как Гесс, надо полагать, десятками прилетали с материка на остров. Как потеплеет после зимы, так и летят весной, стаями.

Как разительно отличается данная оценка произошедшего от той, которую Черчилль **собирался дать** в парламенте в ответ на сообщение Германского радио о полете Гесса в 1941 году.

“Я уверен, что этот знаменательный эпизод порадует и прибодрит парламент, страну и наших друзей во всем мире, не сомневаюсь я и в том, что поступок, совершенный заместителем фюрера, его бегство из Германии, его шеф, оказавшийся в неловком положении, станут причиной глубокого недоумения и оцепенения в рядах германских вооруженных сил, нацистской партии и германского народа”.

Члены кабинета правительства убедили Черчилля не делать подобного заявления. И где здесь “шалунишка” Гесс, со своей “проделкой”? И это еще не всё.

“На полях одной из машинописных копий заявления, с которым Черчилль так и не выступил, имеется любопытная запись, написанная от руки и не поддающаяся объяснению: “Он (Гесс) сделал также другие заявления, раскрывать которые не в общественных интересах”. (П. Пэнфилд “Секретная миссия Гесса”).

Ну, а по поводу интересующих нас фактов в воспоминаниях У.Черчилля можно прочесть следующее:

“Если учесть, что Гесс так близко стоял к Гитлеру, то кажется удивительным, что он не знал или если и знал, то не сообщил нам о предстоящем нападении на Россию, к которому велись такие широкие приготовления”.

Чувствуете, как Черчилль всюду “темнит”. Например, о каком сроке нападения на Россию не сообщил им Гесс? О 15 мая он им не сообщил, что ли? А тогда откуда же Черчилль узнает о дате 22 июня? Разумеется, или Гесс дал англичанам каналы связи с Гитлером или Черчилль сам узнал о нападении каким-то иным способом? Об этом, чуть ниже. Далее Черчилль пишет:

“Советское правительство было чрезвычайно заинтриговано эпизодом с Гессом, и оно создало вокруг него много неправильных(?) версий. Три года спустя, когда я вторично приехал в Москву, я убедился, насколько Сталин интересовался этим вопросом. За обедом он спросил меня, что скрывалось за миссией Гесса. Я кратко сообщил ему то, что изложил здесь. (Имеются ввиду данные мемуары Черчилля — В.М.) У меня создалось впечатление, что, по его мнению, здесь имели место какие-то тайные переговоры или заговор о совместных действиях Англии и Германии при вторжении в Россию, которые закончились провалом... Когда переводчик дал мне понять, что Сталин не верит моим объяснениям, я ответил через своего переводчика: “Когда я излагаю известные мне факты, то ожидаю, что мне поверят”. Сталин ответил на мои резковатые слова добродушной улыбкой: “Даже у нас, в России, случается многое, о чем наша разведка не считает необходимым сообщать мне”. Я не стал продолжать этот разговор”.

Как видите, данная тема, для Черчилля была очень неприятной, и он постарался уйти в сторону от поставленных вопросов. Значит, было что скрывать! Но что было скрывать советским редакторам,

искажая смысл перевода? Написана какая-то глупость по отношению к разведке? Что это за некая разведка, которая решает, сообщать или не сообщать информацию главе государства? Может, этой фразой хотели показать, что разведка подчинялась лично Сталину и что спрос за все промахи с него?

В другом переводе последняя фраза в ответе Сталина звучит так: "...русская разведка часто не информирует советское правительство о своих намерениях, **пока работа не будет выполнена**".

Согласитесь, что смысл теперь приобретает другой оттенок. Во-первых, разведка все же подчинена правительству, а не лично т. Сталину и, во-вторых, он (Сталин) дает понять Черчиллю, что разведка поставляет в Кремль только проверенные факты и по окончании своей работы. В связи с чем, он это сказал? Ведь, Черчилль вроде, не вел разговор о разведке? Тогда почему Сталин в разговоре, упомянул о ней? Или английские редактора подправили Черчилля и, поэтому, получился такой неуклюжий текст, а соответственно и русский перевод? Кроме того, о какой работе советской разведки намекал Сталин и ждал ее выполнения?

В 1992 г. в российской прессе появились первые публикации рассекреченных документов и, стало понятным, что Сталин действительно много знал о Гессе из сообщений нашей разведки, поэтому и задавал Черчиллю колкие вопросы, видимо, намекая на аналогичные действия англичан?

Вот как представлено сообщение английской агентуры Первого Управления (внешнеполитическая разведка) Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР.

"14 мая 1941 г. в Первое Управление НКВД поступила шифротелеграмма из Лондона. Она гласила:

Совершенно секретно

Справка

Вадим сообщил из Лондона, что:

1. По данным "Зенхен" Гесс прибыл в Англию, заявив, что он намеревался

прежде всего, обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 г.

Гамильтон принадлежит к так называемой кливденской клике. Гесс сделал

свою посадку около имения Гамильтона.

2. Кирку Патрику (так в документе — В.М.), первому опознавшему Гесса чиновнику "закоулка", Гесс заявил, что привез с собой мирное предложение. Сущность мирных предложений нам пока не известна. Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине.

14. V. 1941 г.

Резолюция тов. Журавлева — тов. Рыбкиной.

"Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим.

Постарайтесь выяснить подробности предложений".

Вадим — это Иван Чичаев, резидент в Лондоне. "Зенхен" — Ким Филби.

"Закоулок" — обозначение Форин офиса. Журавлев — заместитель начальника управления. Рыбкина — сотрудница управления, будущая известная детская писательница Зоя Воскресенская.

Сразу начали поступать ответы.

Из Вашингтона

"Гесс прибыл в Британию с полного согласия Гитлера, с целью начать

переговоры, так, как Гитлер не мог открыто предложить мир, не нанося ущерба немецкому престижу. Поэтому он избрал Гесса в качестве своего секретного эмиссара".

Из Берлина

"Начальник американского отдела в министерстве иностранной пропаганды Эйцендорф сообщил, что Гесс в наилучшем здравии и полетел в Британию с определенным поручением и предложениями от Германского правительства...".

"Действия Гесса — это не бегство, а акция, с ведома Гитлера с целью

предложить мир Британии".

Наконец, источник из Берлина приходит к выводу, что Гесс "реализовал тайный сговор нацистского руководства заключить мир с Британией до того, как будет начата война с Советским Союзом". (<http://www.bibliotekar.ru/encSuicid/49.htm>)

Сталин неоднократно возвращался к вопросу о Гессе и до приезда Черчилля. Еще осенью 1941 года на Московской конференции представителей трех держав с главами делегаций США и Великобритании он затрагивал эту тему. Оцените юмор нашего вождя.

"...Гарриман. Я хочу вернуться к поднятому мною вчера вопросу касательно сибирских аэродромов. К кому мог бы обратиться наш генерал Чанэй?"

Сталин. К генералу Голикову. **Как поживает Гесс?**

Бивербрук. Я был у него 8 сентября.

Сталин. **Разве он так гостеприимен?**

Бивербрук. Он находится в доме, обнесенном проволокой, с решетками на окнах. Он мне вручил меморандум в 40–50 страниц, собственноручно им написанных, где развивается тезис против России. Он жаловался, что его, приехавшего спасти Англию, держат за решеткой и не разрешают даже переписываться с родными. Он особенно настаивает, чтобы ему разрешили снестись с Гитлером. По моему личному мнению, которого не разделяет Черчилль, Гесс приехал с чьего-то ведома в Англию, рассчитывал приземлиться, вызвать через своих сторонников движение против английского правительства и затем улететь обратно. Но его, очевидно, не встречали в условленном месте или не подавали нужных сигналов, горячее вышло, и Гессу пришлось спуститься на парашюте. Черчилль же думает, что Гесс ненормален".

Понятно, что по данной стенограмме прошла безжалостная рука цензора, но, тем не менее, даже то, что есть, представляет интерес. Приведенное высказывание лорда Бивербрука, звучит прямо таки, как научное пособие для историков-демократов будущих поколений. Черчилль, для постановки диагноза Гессу, наверное, проконсультировался у Гитлера, через Шеленберга?

Обратимся, кстати, к мемуарам упомянутого Вальтера Шеленберга под названием “Лабиринт”. К любым мемуаристам надо относиться критически, тем более к деятелям Третьего рейха, и особенно к таким высокопоставленным, как Шеленберг, но тем не менее, интересующие нас факты по Гессу в его воспоминаниях есть. Он пишет, что

“дело Гесса отошло на задний план. Но я продолжал заниматься им. Мне было поручено собирать сведения о Гессе, его поведении и состоянии интеллекта. Я также должен был создать условия для переписки его с женой”.

Ну, вот вам и канал связи Гесса с товарищами по партии, т. е. разумеется, по Шеленбергу, с любимой женой. Вне всякого сомнения, условия для переписки были созданы. Кто бы сомневался!

“Через некоторое время английские власти разрешили ему такую переписку (правда, с некоторыми ограничениями) **через Международный Красный Крест в Швейцарии**. Мне было поручено следить за ней, так как это все делалось без ведома Гитлера...”.

Так как мемуары Шеленберга были изданы в Америке (в конце работы узнаете, почему?), то приплетать Гитлера к данным событиям тамошние редактора сочли за лишнее. Пусть руководитель Третьего рейха будет в неведении того, что творят его подчиненные. К тому же, говорилось, что Гитлер очень был “обижен” на Гесса, что тот “тайно улетел” к англичанам. Представьте его, Гитлера, расстройство, когда узнает, что, ко всему прочему, Гесс ведет переписку со своей женой оставшейся в Германии. Не переживет, видимо, таких известий.

“Ответы Гесса приходили регулярно. По большей части они касались личной жизни. В письмах он выражал самую глубокую любовь и преданность жене и сыну. В остальном смысл их понять было очень трудно. То были намеки на какие-то разговоры с женой или третьими лицами в прошлом. Я удивлялся, почему английские цензоры пропускали эти письма. Вероятнее всего, после тщательного врачебного обследования Гесса было решено, что мистические и маниакальные мотивы представляют больший интерес для психиатров, чем для политической цензуры”.

Если Гесс писал своей жене, то каким же образом Шеленберг знал содержание писем? Или жена, как истинная арийка, исповедовалась руководителю политической разведки? Представляется очевидным, что жена Гесса была просто заурядным прикрытием переписки мужа с представителями верхушки рейха. Разумеется, письмо доставлялось Шеленбергом “наверх”. Там с ним “работали”, а по завершению передавали жене Гесса. Поэтому, из вскрытого письма Шеленберг и знал интимные подробности семьи Гессов. Дальше, еще интереснее.

“Удивительно, до какой степени Гесс, которого считали фанатиком или сумасшедшим, верил старым пророчествам и был увлечен мистикой. Он часто цитировал целые абзацы из книг прорицателей, таких как Нострадамус и прочих, имена которых я не помню, а также старые гороскопы, когда пытался сверить по ним свою судьбу, судьбу своей семьи и Германии. Временами у него появлялись ощущения неуверенности и подавленности, что явно свидетельствовало о депрессии. Жена, казалось, понимала его, во всем с ним соглашалась, но я не могу сказать, разделяла ли она его мысли или делала это ради его спокойствия”.

Тут, думается, Шеленберг переигрывает, прикидываясь наивным простачком. Он что же не понимал, что “целые абзацы из книг”, которые приводит в своих письмах Гесс, могут являться шифрованными донесениями. То, что они были предназначены не для Шеленберга, говорит лишь

о высокой степени секретности донесений. А ведь, Шеленберг, был отнюдь не мелкой сошкой в иерархии Третьего рейха. Тем не менее, даже ему не была доверена тайна переписки?

Возвращаемся в “старую добрую” Англию. Иван Михайлович Майский, бывший в ту пору послом в этой стране, в своих мемуарах, так осветил деятельность Черчилля:

“Насколько мне известно, в связи с прилетом Гесса за кулисами британской политики началась борьба. Черчилль, Иден, Бевин, а также все лейбористские министры сразу же высказались решительно против ведения с ним или через него каких-либо переговоров о мире с Германией. Однако нашлись среди министров люди типа Саймона (прогермански-настроенный британский политический деятель — В.М.), которые при поддержке бывших “клевденцев” (группа британских политиков занимающая прогерманские и одновременно, антисоветские позиции — В.М.) считали, что следует использовать столь неожиданно представившийся случай для установления контакта с Гитлером или по крайней мере для зондажа о возможных условиях мира. В конечном счете **победил Черчилль**... Победу Черчилля можно только приветствовать, но остается неясным вопрос, кто же такой Гесс?”

Как явствует, из воспоминаний Майского Черчилль одержал победу против сторонников ведения переговоров с Гессом, а сам Черчилль, почему-то, поскромничал о своей победе в разговоре со Сталиным. Почему? Наверное, есть такие победы, которые лучше всего хранить в тайне ото всех?

Раз уж затронули туманный Альбион, то давайте поинтересуемся, как же У.Черчилль отреагировал на вторжение Гитлера в нашу страну. Это же событие мирового значения. Снова обратимся к его мемуарам:

“Я знал(!), что нападение Германии на Россию является вопросом дней, а может быть, и часов. **Я намеревался выступить в субботу вечером по радио с заявлением по этому вопросу.** Разумеется, мое выступление должно быть составлено в осторожных выражениях, тем более что в этот момент Советское правительство, в одно и то же время высокомерное слепое, рассматривало наше предостережение просто как попытку потерпевших поражение увлечь за собой к гибели и других. Поразмыслив ..., я отложил свое выступление **до вечера воскресенья**, когда, как я думал, все станет ясным. Таким образом, суббота прошла в обычных трудах...

Когда я проснулся утром 22 июня, мне сообщили о вторжении Гитлера в Россию. Уверенность стала фактом. У меня не было ни тени сомнения, в чем заключаются наш долг и наша политика. Не сомневался я и в том, что именно мне следует сказать. Оставалось лишь составить заявление. Я попросил немедленно известить, что в 9 часов вечера я выступлю по радио”.

Как видите, Черчилль и не думает скрывать факт своей осведомленности о дате нападении Гитлера на нашу страну. Одно только смущает в его рассказе. Почему он не указал источник данной информации о нападении? Ведь если бы, эту информацию добыла английская разведка, то вполне можно было бы гордиться ее активностью. Однако Черчилль почему-то старается не упоминать о своей стратегической разведке, вообще, выводя ее за рамки своего повествования и стараясь не привлекать к ней особого внимания. Помните, его встречу со Сталиным? А ведь переписку Гесса со стороны Германии контролировал лично Вальтер Шеленберг. Неужели, с английской стороны корреспонденцию Гесса доверяли простому почтовому работнику, а не офицеру разведки? Разумеется, нет.

Не совсем понятна и фраза о днях нападения и часах, оставшихся до нападения? Тут, что-то одно: или дни или часы? А насчет дней, не могли ли наши, в переводе, что-либо напутать? По-русски напишут иной раз такое, что не поймешь с первого раза, а здесь, в оригинале — все слова по-английски, к тому же, написанные Черчиллем. Он, иной раз, и проговорится где-либо в своих мемуарах, а наши переводчики с цензорами, что должны делать? Приходится “выкручиваться”, о чем уже говорилось ранее, и тут же “лакировать” текст. Этот момент, надо тоже, учитывать.

Кроме того, уж очень режет слух напыщенность Черчилля по поводу понимания им задач Британской политики: только что совершено вероломное нападение на нашу страну, а он уже знает что “следует сказать”. Кроме прочего, импонирует его фраза об “осторожных выражениях”. Его выжидательная позиция — та же ложь. Недаром, Сталин называл Черчилля “наш подлый друг”.

И еще, самое главное. Почему Черчилль ранее, “намеривался выступить в субботу вечером по радио”, но перенес выступление на следующий день и, тоже на вечер? Что, воскресного дня не хватило или, по какой, иной причине? Может, как всегда, наши редактора подправили текст, чтобы важная информация не просочилась в умы наших граждан? К этому выступлению Черчилля мы вернемся в одной из последних глав, приберегая его, как бы, на десерт.

Глава 7. Еще раз о “переговорах” Гесса и не только о них

К поездке Гесса надо все же пристальнее присмотреться. Если это, все-таки, каким-то образом связано с нашими заговорщиками, в чем я, лично, не сомневаюсь, то вот на какой момент хотелось бы особо обратить внимание. А как планировали закончить свой блицкриг Гитлер и компания? Все, кто хоть краем глаза изучал историю Великой Отечественной войны, и те скажут, что граница рейха должна была проходить по линии Архангельск — Астрахань, т. е. фактически река Волга была предельным рубежом, на который должны были выйти немецкие войска. И никто не скрывал этого факта. Да, но как же в дальнейшем развивались бы события? Почему-то, об этом как-то, все особо не распространялись. Немцы (подразумевается генералитет и политические фигуры 3-го Рейха), в послевоенный период, в своих интервью и мемуарах о Восточной кампании, всегда, неопределенно поясняли, этот момент. По мысли, данных господ, русские, т. е. остатки разгромленной Красной Армии и, видимо, часть просоветски настроенного населения, должны были быть уйти за Волгу и Урал и, раствориться в бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока. О политическом переустройстве постсоветского государства речь, вроде бы и не поднималась никогда в исторических исследованиях ни немецкими историками, ни советскими, тем более. Если и упоминалось, в чьих-либо работах об этом моменте, ну и хорошо. Не об этом идет речь. Давайте, рассмотрим, вот какие, два момента.

Первый — война будет продолжаться до полного истощения сторон, даже в случае, если германские войска выйдут на рубеж Архангельск — Астрахань. У нас еще есть Урал, с его мощной индустриальной базой и Сибирь, с ее неисчерпаемыми запасами сырья. Можно и повоевать.

Второй вариант — война закончится, когда немецкие войска выйдут на этот вождеделенный рубеж.

Если с первым вариантом все понятно, не такой народ — русские, чтобы добровольно в рабство сдаваться, то, как нам быть со вторым вариантом. Ведь по блицкригу, с Красной Армией должно было быть покончено в течение нескольких недель еще на Западных границах. Сам Ф.Гальдер уже 3 июля радостно потирал руки:

“...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна”.

Правда, затем дает дополнительные пояснения к написанному:

“Конечно, она (компания — В.М.) еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель”.

А потом как? А потом для германской армии, по идеи руководителей Германии, должен наступить мир. А если, помудренее, высказаться, то Ф.Гальдер сообщает, что

“как только война на Востоке перейдет из фазы разгрома вооруженных сил противника в фазу экономического подавления противника, на первый план снова выступят дальнейшие задачи войны против Англии, к осуществлению которых тогда следует немедленно приступить”.

Получается, что, еще не вкусив радость победы над Россией Германия, по мысли начальника штаба ОКХ, должна тут же начать активные действия против Англии. Ох, и непоседливый народ эти немцы! Дай им только повоевать! А как же хлеб и соль от побежденных и вожделенные земли на Востоке для Третьего Рейха? Наверное, и для Гальдера — все кабинет, кабинет!

Разумеется, читатель подумает, что по окончании боевых действий на Восточном фронте немецкие войска всем скопом сразу полезут на Британский остров. Как же, сам Гитлер говорил, что разберется с Англией после разгрома Советского Союза. Как бы ни так! У немцев были какие-то другие, своеобразные задачи по ведению военных действий против Англии и об этом подробно говорит Ю.Мухин в “Крестовом походе на Восток”, но нас, в данном случае интересует не планируемые геополитические задачи Гитлера, а решение вопроса по Советскому Союзу. Хотя, эти геополитические задачи, поставленные перед Вермахтом представляют интерес и по нашей теме.

Цитируем Ф.Гальдера дальше:

“Подготовка наступления через территорию между Нилом и Ефратом из Киренаики и через Анатолию, а возможно, и с Кавказа через Иран... Операция через Анатолию против Сирии, в известном смысле при поддержке вспомогательной операцией с Кавказа, будет начата сосредоточением необходимых сил в Болгарии, что одновременно следует использовать для политического давления на Турцию, чтобы добиться разрешения на проход войск через ее территорию”.

Тем, кто немного подзабыл географию, предлагаю открыть атлас. Найдите на карте островное государство — Англию и зафиксируйте на ней указательный палец левой руки. Теперь найдите на Ближнем Востоке государство — Сирию и зафиксируйте на нем указательный палец правой руки. Оцените расположение ваших пальцев, т. е. данных государств. Появившийся вопрос об Англии, т. е. долгий путь к ней через ближний Восток, адресуйте Ф.Гальдеру. Впрочем, он ведь нам ничего и никогда не ответит. Так что насчет Гесса и Второго фронта до 1944-го года — сильное сомнение? Как видите, в планах немецкого командования такой вопрос просто не мог возникнуть в 1941 году. Вряд ли, думается, что Гесс, даже поднимал этот вопрос у англичан.

Есть одна интересная запись в Военном дневнике Ф.Гальдера от **15.10.1940 года** по поводу военных действий против Англии:

“...Причина стойкости Англии заключается в двойной надежде:

а) На Америку ...

б) На Россию...

Обе надежды Англии оказались ложными. Однако надо найти способ, с помощью которого можно было бы нажать на англичан, не прибегая к десанту...”

Очень интересная запись, в свете того, о чем мы ведем разговор. Что это за способ, чтобы склонить Англию к принятию нужного для Германии решения? Обратите внимание на слова “...не прибегая к десанту”, что в переводе с военного языка означает: “без применения вооруженного вторжения на Британские острова”. Думается, способ-то есть, но он, как видите, не военного характера, иначе Ф.Гальдер развил бы эту тему, или, как всегда, ему не дали этого сделать

переводчики с редакторами, обозначив его мысли многоточием. Но, если вы хотите найти даже такую запись в изданном Воениздатом в 1969 году “Военном дневнике” Ф.Гальдера за данное число, то вас постигнет горькое разочарование. Этой фразы вы там не найдете. Как так? А очень просто. Эта фраза из дневника Ф.Гальдера приведена в книге “Совершенно секретно! Только для командования!” под редакцией, в то время, генерал-майора Н.Г.Павленко, издательство “Наука” за 1967 год. А теперь сравните эту фразу с той, которая приведена в дневнике, в этом месте, за 1969 год Военного издательства:

“Однако надо найти путь, с помощью которого можно было бы добиться полной победы над Англией, не прибегая к вторжению”.

И безо всяких многоточий. И какая же запись, на взгляд читателя, более соответствует нашей теме о “пятой колонне” в нашей стране? Может по этой причине, первый перевод с немецкого был признан менее удачным, с точки зрения наших военных редакторов. Что тут сказать? Богатый немецкий язык!

Мы, тут вместе с Ф.Гальдером несколько ушли в сторону от второго варианта, что будет, когда война закончится летом 1941 года. Он ведь так и не ответил, как немцы планировали закончить Восточную кампанию? Понятно, что они “губы раскатали” до Ближнего Востока через Кавказ. Но нас в большей степени заинтересовало бы, что будет на Европейской части СССР? А за Волгой и Уралом? Что, тишь, да гладь — божья благодать? Ведь планируемые операции по Ближнему Востоку должны были начаться по окончании военных действий с Советским Союзом. Что же Ф.Гальдер прикусил язык с ответом на эти вопросы? По окончании военных действий между воюющими сторонами заключается соглашение. В зависимости от итогов оно, может, носит характер перемирия между сторонами или капитуляции одной из сторон. И каким же оно должно было выглядеть летом 1941 года? Давайте, рассмотрим вариант капитуляции. Как утверждает Ф.Гальдер, кампания на Восточном фронте, практически закончена — Красная Армия разбита. И по логике вещей Сталин должен был бы подписать капитуляцию. Как думаете, подписал бы он ее или нет?

Не будем торопиться отвечать на поставленный вопрос. Сначала давайте определимся вот с чем: “Где были расположены немецкие войска в начале июля 1941 года?”. Напомню: на Западном фронте они значительно продвинулись вперед, до Днепра, захватив большую часть Белоруссии, левым флангом захватили часть Прибалтики, а правым продвинулись далеко вглубь Украины.

Как видите, в такой тяжелой ситуации для страны, Сталин создает ГКО, призывает народ к активной борьбе, и таким образом, следует, что ни о какой капитуляции со стороны Сталина не могло быть и речи.

Далее, грозным летом 1942-го года немцы вышли к Сталинграду и предгорьям Кавказа, захватили еще большие территории нашей страны, а Сталин и в этот, труднейший и тяжелейший период сказал: “Ни шагу назад!” в знаменитом приказе за № 227 от 28 июля. Опять о капитуляции даже и не заикнулся. Таким образом, вопрос о том, подписал бы Сталин капитуляцию или нет, отпадает сам собой.

Теперь о перемирии. Немцы планируют разгром Советского Союза, а Сталин будет им подсовывать бумагу о преостановке военных действий, то есть, о перемирии. Нужно ли это Гитлеру? Нет. Такой поворот событий не устроил бы уже немецкую сторону. Поэтому вопрос о перемирии тоже снимается с рассмотрения. Согласитесь, что тогда возникает полное недоумение. Перемирие не устроит немцев, а капитуляции от Сталина не дожидаться. Как же в таком случае по Ф.Гальдеру, ситуация с Россией должна была “устаканиться”?

Дело в том, что Ф.Гальдер не та фигура, чтобы решать такие важные политические вопросы, к тому же он возрадовался преждевременно. Обратили внимание, на число, когда он пребывал в

состоянии эйфории? Это было в тот день, когда прозвучало знаменитое обращение Сталина к народу, но Ф.Гальдер с ним пока еще не был ознакомлен. Уже на следующий день, 4 июля он встревожен:

“Необходимо выждать, **будет ли иметь успех воззвание Сталина**, в котором он призвал всех трудящихся к народной войне против нас. От этого будет зависеть, какими мерами и силами придется **очищать** обширные промышленные области, **которые нам придется занять**. Главное же сейчас состоит в том, чтобы лишить противника возможности использовать эти области”.

Несколько неласковых слов в адрес немецкой военщины и наших подлых людишек, именуемых советскими историками. Обратите внимание на слово “очищать”. Это слово в сочетании с другими в советской пропагандистской фразеологии звучало бы примерно так: “...**очищать** советскую землю от фашистской нечисти”. В военной терминологии применяется и более жесткое слово — “**зачистка**”. Гальдер, именно, его и имел его ввиду. Под **зачисткой** занятой врагом советской территории подразумевалось уничтожение, в первую очередь: коммунистов, представителей советской власти, лиц еврейской национальности и всех тех, кто, хотя бы, косо посмотрел на немецкого солдата. **Тотальный террор**, предназначавшийся для **советского человека**, Гальдер заменил более благозвучно-звучающим словом, **зачистка**. Но и его “отлакировали”, чтобы, видимо, угодить немецкому генералу, заменив нейтрально-неопределенным — “очищение”. Разумеется, что от Советской власти, но в более деликатной форме.

Гальдер еще не знал в полной мере, как проявит себя в дальнейшем население захваченных территорий от прозвучавшей речи Сталина, поэтому и высказался завуалировано: “какими мерами и силами придется **зачищать**?”. Как, видите, вопрос не стоял: “Быть или не быть?”. Стояли вопросы: “Во что это выльется? Будут ли достаточными намечавшиеся меры воздействия, и хватит ли на это планируемых сил?” А то получается, из написанного, что не немецкий генерал-завоеватель проводит очищение, а какой-то дворник с метлой по уборке новой территории от военного мусора.

Но, вернемся к вопросу, что собирались делать немцы при планируемом разгроме Красной Армии? Немцы, явно, поторопились списывать Сталина со счетов. Заметьте, что о Сталине, официально, не было слышно нигде, начиная от 22 июня вплоть до 3 июля. И как, после его выступления по радио, сразу последует реакция и Англии, и Германии. Сначала У.Черчилль — напишет ему (Сталину) письмо, затем, проявит себя немецкий генштаб ОКХ, мнение которое отразит в своем дневнике Ф.Гальдер. Понятно, что Сталин спутал все карты Западным стратегам. Но если немцы знали, что со Сталиным будет невозможно договориться о капитуляции, то с кем, же они планировали заключить ее? А то, новое правительство, о котором сообщил в разговоре английскому историку Л.Гарту немецкий генерал Клейст. Помните, упоминание в первой главе? Вот видимо, с этим политическим новообразованием и собиралось подписать капитуляцию правительство Германии.

О нем, кстати, никогда не забывал Гитлер. Вот что писал по этому поводу, уже упомянутый нами, его личный пилот Ханс Баур:

“Германские танковые части стояли в пригородах Москвы. Громадные колонны, состоящие из новых пленных, двигались в тыл со стороны фронта. (Итог Вяземской катастрофы. — В.М.). Гитлер пребывал в твердой уверенности, что мы уже выиграли войну с Россией и что **капитуляция советского правительства и его замена на другое — всего лишь вопрос времени**”.

Если же Гитлер был уверен в этом поздней осенью 1941 года, то значит эти люди, из нашей “пятой колонны”, на которых рассчитывало Германское командование находились еще на своих местах, но по каким-то обстоятельствам не смогли, на тот момент выполнить свое предназначение? По-иному, данный текст и не читается, так ведь?

А как же Сталин? Со Сталиным, как всегда, у оппозиции проблемы. Напоминает ситуацию, как в изумительной кинокомедии Л.Гайдая “Кавказская пленница”, по поводу замужества “студентки, спортсменки и просто красавицы Нины”. Ее дядя (по фильму) так описывал создавшуюся ситуацию: “Родственники — согласны. Жених, — тоже согласен. А вот как быть с невестой?”

Действительно, и зачем нужно согласие на брак невесты? Ведь, это же лишняя головная боль. Помните, какой оригинальный вывод сделал дядя:

“А кто, собственно говоря, спрашивает невесту? Мешок на голову и фьють!”

Интересно, а “женишок-то”, из нового правительства России, будет согласен с данным решением “дяди” или тоже, как его аналогичный персонаж из фильма жених — товарищ Саахов скажет:

“Конечно, правильное решение, но я, к этому делу не буду иметь никакого отношения”.

Безусловно, его успокоят, сказав, что “это сделают, совершенно посторонние люди и, разумеется, не из нашего района”.

Надо полагать, что со Сталиным тоже, должны были “разобраться”, типа “мешок на голову и фьють”. Иначе, какие же можно было подписывать капитуляции, в которых и решался бы вопрос и о границах новой России, и о гарантиях безопасности новым российским политическим личностям, и об армии и т. д.

Немцы, тоже были обеспокоены, тем, что срываются планы “молниеносной” войны. Как же так? Им было обещано, что ворота в Россию будут радушно распахнуты, а Сталина, разумеется, предварительно “уберут”, и подписание соглашения с новым правительством будет “не за горами”.

Вот как вспоминал события лета 1941 года известный немецкий дипломат статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Эрнст фон Вайцзеккер:

“Я не участвовал в разработке программы перемирия с Россией, которое, как провозгласил Гитлер, должно было состояться в октябре. Вместо этого в августе над Верховным главнокомандованием начали сгущаться тучи, поскольку события развивались совсем не так, как рассчитывали военные. Встретившись с Риббентропом 5 сентября в его поместье Лендорф у Штейнорта в Восточной Пруссии, я нашел, что он вполне откровенен. Риббентроп заявил, что еще до наступления зимы Россия перестанет быть союзником Англии. Но русская кампания оказалась трудной и тяжелой, будет большим счастьем, если мы завершим ее до начала 1942 года. Возможно, мы увидим крушение России, но нам не стоит связывать наши надежды с оппозицией русских генералов, такие генералы встречаются только в Германии или Франции”.

Хотя, текст и написан по-русски, но требует определенного пояснения. Во-первых, неплохо было бы знать, что, именно, Вайцзеккер понимал под “перемирием, которое должно было состояться в октябре”? Выше уже рассматривалась данная тема. Или что? — как всегда, подкачал перевод. А вот программа — это всегда интересно. Разве при перемирии готовят программы? Эта программа, есть определенные договоренности с оппозицией, которые будут решаться при капитуляции Советского Союза и никак иначе. Во-вторых, при написании мемуаров, как всегда, у автора начинается поиск виноватых в том, почему не произошло того, чего все ожидали? Причем же здесь военные? — когда переговоры с заговорщиками велись, уж, во всяком случае, не через штаб ОКВ. В-третьих, все же надеялись, что Советский Союз к зиме рухнет, но надежды, что военные (генералы) из нашей “пятой колонны” организуют новый переворот были слабыми. Поэтому немцы и рассчитывали, видимо, в основном, на свои силы.

Но обратите внимание на приведенную дату. Это было до Вяземской катастрофы. Верили немцы, что есть еще порох в пороховницах наших Мазеп. Устроят они Красной Армии еще один кровавый “праздник”. Так и получилось, в конце концов. После окружения всего Западного фронта под Вязьмой дорога на Москву была открыта. Опять потребовалось неимоверное напряжение сил патриотически-настроенного Сталинского окружения. И Москва устояла.

А в отношении генералов дана очень верная характеристика. Так как мемуары писались уже после войны, то Вайцзеккер, по собственному опыту, знал о провалившемся перевороте 1944 года, когда выявилось большое количество немецких генералов вовлеченных в заговор. Кроме того, он знал и о продажности французских генералов, периода 1940 года. Увидев стойкость красноармейцев и во главе их большое число советских генералов, которые не сложили оружие, он и сделал не радостный для себя вывод, что, видимо, с помощью “русских генералов”, пусть даже из “пятой колонны”, — вряд ли теперь стоит ожидать успеха дела с их стороны.

Опять дается ссылка на продажную верховную власть Франции, как политическую, так и военную. Правительство капитулировало, но территория страны не была полностью оккупирована Германией, так как состоялась полюбовная сделка. Однако командование французского флота, в отличие от сухопутных войск, проявило строптивость, и французские военные корабли перебрались в места нового базирования на побережье Северной Африки и таким образом, в прямом смысле, флот уплыл из рук немцев.

Чтобы не допустить подобной ошибки в будущем с Россией, что же предусмотрело гитлеровское командование в плане “Барбаросса”? Читаем, какие задачи были поставлены перед германским военно-морским флотом:

“...воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из **Балтийского моря**”.

Ясное дело, что когда будет подписано капитулянтское соглашение с новым российским правительством, а морское командование русских, вдруг проявит патриотические чувства и с боем может вырваться на просторы Атлантики, то надо всеми силами воспрепятствовать этому. Верховное немецкое командование и поясняет, что до бегства советских кораблей “**следует избегать... крупных операций на море**”, с целью поберечь свои морские силы. Это все планировалось к свершению в течение первых недель войны. Думается, что наши историки, впоследствии, подрисовали к немецкому плану, что с Балтийским флотом все это должно было произойти лишь с падением Ленинграда глубокой осенью. Дескать, наши корабли могли уплыть в нейтральные воды Швеции. Нет, уважаемые мои, деятели военной науки. Что Балтийский флот должен был делать в Швеции в случае поражения Советского Союза? Остаться на вечной стоянке до лучших времен? Нет. Ему и там была бы крышка. Лучшим выходом для него был бы, конечно, прорыв в Атлантику. И не осенью, а в начале июля 1941 года, когда Гальдер радостно потирал руки.

И события войны показали, что господин Гитлер все же лучше понимал существо дела. Все решалось, именно, в столице, в Москве. Иначе бы он не убрал осенью танковую группу Гёпнера из-под Ленинграда, перебрасывая ее на московское направление. Таким образом, Гитлер предполагал, что события в России, все же, могут развернуться по-французскому сценарию: продажные генералы и подлые люди из правительства еще находятся в Москве.

Но вернемся к немецкому дипломату. Далее, у Вайцзеккера следует пояснение о том, что немецкое руководство думало о деятельности Сталина?

“Из одного надежного источника я вынес следующее суждение о том, что “Гитлер размышляет над вопросом о возможности **ухода Сталина**. Он считает, что если мы загоним Сталина в Азию, то, возможно, даже удастся заключить с ним мир. Гитлер считает маловероятным, что Сталина **ликвидируют генералы**”.

Куда же еще откровеннее. Понятно, что Гитлеровская верхушка, оставшаяся в живых после войны, хочет выглядеть “девицей на выданье” и произнести, тем более написать слова об убийстве Сталина, рука не поднимается. Да и так написано такое, что не понять могут только “продвинутые” историки из числа новоявленных демократов. Разумеется, нормальному читателю должно быть понятно, о чем идет речь. Если не убили Сталина раньше, то теперь это сделать предстоит значительно сложнее.

То, что могло произойти со Сталиным 22 июня 1941 года, мы рассмотрим ниже, а сейчас можно опять сослаться на мемуары В.Шеленберга. Он рассказывает, что неоднократно во время войны готовились попытки убийства Сталина. Почему же нельзя предположить, после прочитанного выше, что такое планировалось и накануне войны? Даже, Риббентроп в 1944 году, припекло видимо? — изъявил желание поучаствовать в роли “камикадзе” при ликвидации советского вождя, но Шеленберг отговорил, сославшись на трудность данной операции.

А вот в отношении покушения на Гитлера, ситуация несколько иная. В 1941 году, в случае падения Москвы, как вспоминал П.Судоплатов, намечалась ликвидация первых лиц рейха, в том числе и Гитлера. Но это была совсем другая ситуация. Еще планировалась операция по привлечению польского князя Радзивилла, к ликвидации вождя третьего рейха, но Сталин отменил операцию. Были опасения, что убийство Гитлера, может привести к власти лиц, которые могут заключить с Западом сепаратный мир.

Разные цели стояли перед руководителями государств: Советского Союза и Германии. Для Сталина — шла борьба с фашизмом. Помните, его крылатую фразу: “Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается”. А для Гитлера — Сталин был, просто, как главное препятствие на пути задуманного.

Возвращаемся к началу главы. Чем же завершились “переговоры” Гесса с англичанами? Дело думается, в основном, уперлось в дележ будущих захваченных территорий и на этом деле они не смогли прийти к разумному компромиссу. Снова, ключом для понимания послужит Ф.Гальдер со своей записью от 17 марта 1941 года. Идут торги с союзниками:

“...Финские войска. От них можно лишь ожидать, что они атакуют Ханко и лишат русских (русский флот) возможности отхода в район Прибалтики. На Румынию рассчитывать нельзя. Румынские соединения не имеют наступательной силы. От Швеции ожидать нечего, так как мы ей не можем ничего предложить. **Венгрия ненадежна. Она не имеет никаких причин для выступления против России.** Ее цели ограничиваются Югославией, и здесь ей будет кое-что предложено. Словаки — славяне. Речь об их использовании, вероятно пойдет позже (в качестве оккупационных войск)”.

Хотя, несколько путано изложено, — все же это дневник, а не официальный документ, тем не менее, понятно, что конспективно раскрываются соглашения с союзниками о дележе будущих захваченных территорий. О Швеции сказано, предельно, откровенно: “...не можем ничего предложить”. Не флот же советский предлагать в случае поражения СССР? Самим пригодится на будущее. А прочие “пряники”, как понимаем, закончились. Видимо, все уже было роздано другим.

Только не путайте характеристики данные Ф.Гальдером сателлитам и тем, как собиралась Германия использовать это европейское пушечное мясо. Как уже отмечалось ранее, на стороне Гитлера воевала практически вся Европа, поэтому и вопрос о “пряниках” стоял очень остро.

Неплохо смотрятся и пояснения о Венгрии. Ясное дело, что она не имела никаких причин для нападения на Советский Союз, но, тем не менее, напала. Значит, нашлись причины или их предоставили ей. Об этом будет в дальнейшем отдельный разговор.

Теперь об островитянах. “Добрая старая Англия”, видимо, запросила слишком много, как крупный хищник, да и хитрила, как всегда, надо полагать, если не пришли к общему соглашению. А может и **пришли — на определенных условиях, которые Гитлер обязался выполнить, но не смог**, по изменившимся обстоятельствам. К тому же, не могли обойти стороной требования будущего тамошнего правительства новой России. Наши Мазепы, тоже ведь на что-то претендовали. Не из голых же, идеологических побуждений, типа антисталинизма или антикоммунизма, строили они свои планы? **Нашим “самостийникам”** (по всей видимости, Хрущев входил в их числе), думается, **была обещана Украина**, так как о ней очень часто идет упоминание в документах гитлеровского командования, как о территории с особым политическим статусом.

Например, зачитаем выдержку из дневника Ф.Гальдера:

“в) Политические цели: **Украинское государство**, союз прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия...”.

Да и по многим другим документам германского командования Украина выделяется особо. Но, это не та Украина, бывшая в границах Советского Союза. Хотя и без Крыма, но зато далеко простиравшаяся на восток, — такой планировалась будущая “Украина”.

В начальных главах, когда шел разговор о Польше 1939 года, не до конца был понятен мотив нападения на нее Германии. Ведь та, тоже, относилась к разряду хищников, и была не против того, чтобы повоевать против Советского Союза. Зачем же Гитлер “загрыз” потенциального союзника по будущей агрессии?

Одним из важных мотивов нападения Германии на Польшу, который я приводил ранее, разумеется, был военный фактор. Тут и спора нет. Но смущало одно обстоятельство, о чем говорилось выше, и которое привел Сталин в письме Черчиллю. Ведь нападать на Советский Союз с рубежей, более восточных, Гитлеру было бы, вроде, сподручнее? Однако он перетащил границу западнее. Я привел соответствующие доводы в пользу военной составляющей этого момента. А вот теперь познакомьтесь и с **политическим фактором**.

Предполагаю, что от Польши надо было отрезать и отдать обратно Украине ее Западную часть, как условие сделки с нашими заговорщиками. Поэтому Польшу Гитлер и разорвал на части, ради далеко идущих целей. Гитлер даже пошел на разрыв договоренностей с Западом, главным образом с Англией, из-за Польши, только, чтобы угодить нашим Мазепам. Если бы не заговорщики, то ничего бы Гитлер не смог сделать с нашей страной и Красной Армией включительно. Только такими обещаниями он мог угодить нашей “пятой колонне”. Вот какой планировалась будущая Украина после разгрома Советского Союза.

Внимательно читаем отрывок из речи А.Розенберга от **20 июня 1941 года** (Это произошло за два дня до нападения на нашу страну, но уже идет дележ территорий. Пояснения, чуть ниже):

“...**Украинские границы** охватывают собственно Украину, включая области Курска, Воронежа, Тамбова, Саратова...”

Черноземная область, являющаяся самой плодородной областью России, может совершенно спокойно быть отнесена к украинской территории...

Украина будет разделена на 8 генеральных комиссариатов с 24 главными комиссариатами. Она занимает площадь в **1,1 млн. кв. км** с населением в **59,5 млн. человек**”.

Оцените размеры будущей “Украинско-германской республики”, если территория УССР на 1945 год с вновь присоединенными Закарпатскими областями составила всего 576,6 тыс. кв. км (против

планируемых 1,1 млн. кв. км), а население, по переписи 1939 года, было всего, лишь около 31 млн. человек (против планируемых 59,5 млн. человек). Не хилый кусок Российского пирога прирезали к Украине, чтобы удовлетворить аппетиты наших “хрущевцев” сорок первого года. Кроме того, у Гитлера было полно своего разного рода националистического отребья, жаждавшего порулить на своей исторической родине. Не зря же Павел Судоплатов по приказу правительства Советской Украины в свое время “грохнул” Е.Коновальца, одного из “самостийников”.

Еще несколько слов о Розенберге и его докладе. Несколько ранее, в мае этого же года, он имел беседу с начальником заграничного управления Абвера В.Канарисом. В ходе беседы, видимо, были намечены и оговорены основные пункты по разделу советских земель, которые лягут в основу доклада. Нас, конечно же, заинтересует вопрос об Украине. Разумеется, о ней было упоминание. Читаем выдержку из материала, опубликованного в ВИЖ № 5 за 1990 год.

“В соответствии с этим планом (Военное нападение на Советский Союз. — В.М.) надлежит использовать исторический момент для того, чтобы путем расчленения русского пространства на четыре государства, раз и навсегда освободить Германию от кошмара возможной угрозы с Востока. Эти четыре государства представляются следующим образом:

Расширенная в восточном направлении **Финляндия**.

Также расширенная за счет белорусских земель **Прибалтика** (в качестве немецкого протектората), с перспективой последующей германизации).

Самостоятельная Украина.

Кавказ как федеральное государство под германским управлением”.

Как видите, в мае были наметки, а в июне нашу “пятую колонну” уведомили из Берлина радостной вестью, дескать, отмерили вам землицы, как просили и, даже, чуть больше. Так что, дескать, извольте, господа-предатели хрущевцы в ответ похвалиться содеянным. Впрочем, сами увидим 22-го июня, как вы постарались на благо Германского рейха.

Тут, по украинской теме, как всегда к месту, приткнется помянутый Н.С.Хрущев. Не без интереса прочитаем такой пассаж из его воспоминаний. Дело происходило еще осенью 1939 года в Западной Украине, куда вступила Красная Армия в результате соглашения с германской стороной.

“Когда мы заняли Львов, он (Степан Бандера) сидел в местной тюрьме, будучи осужденным в связи с убийством польского министра внутренних дел. Не помню сейчас, какой была роль Бандеры в этом: сам ли стрелял в министра или был одним из тех, кто организовывал это убийство. Мы проявили тогда безрассудство, освобождая заключенных без проверки. Не знаю, правда, имелась ли у нас возможность произвести такую проверку. Все заключенные были освобождены, в том числе **получил свободу и Бандера**. Тогда его действия нам импонировали: он выступил против министра внутренних дел в реакционном Польском государстве. Не нам было оплакивать гибель этого министра...”

Бандера оказался прямым агентом Германии. Когда Германия готовилась к войне и после начала войны эти агенты германского империализма, националисты-бандеровцы активно помогали гитлеровцам. Правда, когда Бандера увидел, что немцы и не думают выполнять данные ему обещания **об образовании независимой Украины**, он повернул свои отряды против них, но при этом не переставал ненавидеть Советский Союз”.

Думается, и без комментариев понятно, все то, о чем нам поведал Никита Сергеевич? Действия Бандеры “нам импонировали”! Лучше не скажешь. Только, не Советскому же руководству, как

Украины, так и Союза в целом, особенно, в лице Сталина? А как хорошо Хрущев осведомлен о планах националистов в отношении самостоятельности “Украины”? Чувствуется, что держал, как сейчас говорят, “руку на пульсе”. Правда, почему-то “забыл” фамилию польского министра? Не оттого ли Никита Сергеевич не привел фамилию Перацкого, что тот представлял крыло ярых польских националистов в отношении украинского населения страны? Поэтому и незачем было “оплакивать гибель этого министра”.

Кроме того, обратите внимание на фразу о Бандере, когда тот увидел, что “немцы и не думают выполнять данные **ему** обещания...”. А кому же тогда было всё, перечисленное выше, обещано немецкой стороной, “дорогой ты наш Никита Сергеевич”? Не вам ли с поделниками из властных военных и советско-партийных структур, предназначалась вся данная территория? Наш осведомленный Хрущев, почему-то не пояснил читателю, что там не получилось у Бандеры с немцами?

Дело в том, что уже через несколько дней с начала войны — **28 июня (!), в Львове** было провозглашено новоявленное Украинское правительство. Правда, возглавил его не С.Бандера, а его ближайший помощник Я.Стецко, но суть, не в этом. Важен факт. И как же, германское командование прореагировало на “самостоятельность” данных хлопцев? Да, очень просто: Стецко с другими руководителями ОУН были арестованы. Не им предназначалось править бал, и не с ними была договоренность на “самостоятельность Украины”, потому и убрали бандеровских хлопчиков с высокой трибуны.

Даже, при благоприятном раскладе сил в будущем, из-за такого жирного куска, как “независимая Украина”, Степану Бандере пришлось бы разругаться, не только с Гитлером, но и с самим Хрущевым со товарищами. Хотя по окончании войны, никакой независимой Украины образовано не было, так как планы “пятой колонны” провалились, крови простых граждан Украины и представителей местной власти, пролито было изрядно. И не важно, чьими руками было совершено: что националистами — из УПА, что хрущевцами — с помощью силовых структур НКВД.

Правда, хитрый Никита Сергеевич все же изловчился и “прирезал” в 1954 году в пользу, правда, Советской Украины, но, все же, российский Крым. С Гитлером, такой фокус не прошел бы! Там, в Крыму должны были отдыхать только арийцы.

Интересный штрих к портрету Гитлера в отношении к Украинской проблеме по началу войны. Снова к месту воспоминания пилота Гитлера Г.Баура. Вот как он описывает увиденное летом в начале войны:

“Мы преодолели расстояние в тысячу километров до Умани за три с половиной часа (Катастрофа под Уманью — один из “котлов” Красной Армии 1941 года на Украине. — В.М.)...

Из аэропорта кортеж автомобилей, к которому присоединился и я, проехал несколько километров к карьере, где добывали гравий. Там содержались тысячи русских военнопленных. Гитлер приказал, чтобы всех находившихся среди них **украинцев** немедленно освободили. По дороге к карьере мы встречали много гражданских лиц, в большинстве своем женщин, тащивших небольшие тележки, чтобы забрать на них своих мужей и других родственников”.

Широкий пропагандистский жест с далеко идущими последствиями. Обратите внимание, что хотя и разогнали немцы правительство самостоятников, тем не менее, от политики умиротворения украинцев Гитлер не отказался.

Наши летчики, освобождая Советскую страну от врага, жаловались: если сбивали над Украиной, то шансов уцелеть было значительно меньше, чем, к примеру, над Белоруссией.

Подобное об освобождении из плена, именно, украинцев, встречается и у Ф.Гальдера в его “Военном дневнике” за **27 июля 1941 года**:

“Вопросы военной администрации: **Украинцы** и уроженцы Прибалтийских государств **будут отпущены из плена**”.

Если Г.Баур просто констатирует увиденное им на Украине, то Ф.Гальдер говорит о решении этой проблемы. С чего бы такая избирательность руководства Германии к представителям одной из славянских национальностей? К белорусам не было же проявления такой заботы и такого внимания? То, что это было заигрывание, понятно из указанной даты — 27 июля. Планы “блицкрига” в содружестве с “пятой колонной” трещат по швам, поэтому и пришлось Гитлеру прибегнуть к ранее данным обещаниям. Ведь, 27 июля, еще только решили, что “украинцы” будут отпущены. По правде говоря, действительно, принятое решение было воплощено в жизнь, о чем мы узнали у того же, Г.Баура.

А вот еще интересный эпизод о том, как обыгрывалась украинская тема на дипломатическом поле. Это было еще до войны, но тем занятнее рассматриваемая тема. Видите, какой значительный временной отрезок. Понятно, что все это (в отношении Украины) делалось не с бухты-барахты, а планировалось заранее.

Молотов в беседах с писателем Феликсом Чуевым, так рисовал картину происходящего во время переговоров с немцами. Такое ощущение, что и он сам удивлялся легкости, с которой происходили уступки германской стороны.

“— В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, — говорит Молотов, — (Вроде серьезно, кто его знает, может, так бы и понял. — **авт. Ф.Ч.**), — границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновцы к нам отошли.

Немцы мне говорят:

— Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?

— Украинцы требуют! Там украинцы живут, **они нам дали указание!**

— Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!” — посол Шуленбург говорит.

— Да, но **украинцев надо же воссоединить!**

— Там украинцев-то... (Понятно, что кот заплакал. — В.М.) Вообще не будем решать этот вопрос!

— Надо решать. А украинцы теперь — и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так? Как это называется... Буковина, — вертелся, вертелся, потом: “Я доложу правительству”. Доложил, и тот (Гитлер) согласился. Никогда не принадлежавшие России Черновцы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По-поводу Черновиц все прыгали и **только удивлялись**”.

Какие украинцы требовали через Молотова присоединения Черновиц? Это “хрущевцы” в Политбюро требовали от Гитлера, через Советское правительство и того же Молотова — главы наркомата иностранных дел, выполнения своих обещаний, данных немецким вождем. Посол

Шуленбург, ясно же пояснял советской стороне, что украинцев там, в Черновцах, меньшинство, и мало ли чего они хотят. Ведь, вроде бы уже были предварительные договоренности относительно территорий на государственном уровне, чего же более? Немцы свое обещание выполнили. Всё Советскому Союзу, в том числе и Советской Украине, вернули. Шуленбург в тупике: что же еще советской стороне надо и почему? А хрущевцев “жаба” душит. Прирезать бы еще кусок земли к будущей республике. Молотов же ясно показал, какая стала территория Советской Украины. Неужели, читатель думает, что это была личная инициатива Молотова. Ему сказали, дави Гитлера — он согласится. И ведь, действительно, тот согласился, ради своих, далеко идущих целей. Вячеслав Михайлович, видно же, “ваньку валял”, даже по поводу географии, но сам, вместе со всеми, удивлялся покладистости немецкого вождя. Товарищ Молотов! Почему же “немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения”? Чем же вы им так понравились на тот момент? И куда этот момент делся в сорок первом году? Согласитесь же, что действительно труднообъяснима уступчивость Гитлера с нормальной точки зрения дипломатии: отдавать, ничего не требуя взамен?

Хочу заметить, что во время войны, уже в 1944 году Никита Сергеевич, попытался вновь прирезать кусок польской территории к Украине. Еще только начиналось освобождение Правобережной Украины, и всё еще было неясным, а Хрущев озаботился “земельной” проблемой”. Приведу кусочек из работы Ю.Емельянова “Правда” о линии Керзона”.

“11 января 1944 года было опубликовано заявление Советского правительства о советско-польских отношениях. В нем отвергались необоснованные претензии эмигрантского правительства. В заявлении указывалось: “Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель. Только таким образом можно было бы установить доверие и дружбу между польским, украинским, белорусским и русским народами”. В то же время в заявлении говорилось: “Восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское Правительство не считает неизменными границы 1939 года. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона, которая была принята в 1919 году Верховным Советом Союзных Держав и которая предусматривает вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза”.

Советскому правительству необходимо было выстраивать новые отношения с будущим польским правительством, которое в скором времени появится, в связи с освобождением польской территории от немцев, а наш Никита Сергеевич, под шумок, хочет отхватить территорию у новообразованной Польши. Ему плевать на советско-польские отношения. Он мечтает о “своей” Украине. Нет, не той, которая будет освобождена Красной Армией. А той, которая может появиться, в результате сложнейшей военно-политической ситуации и тонкой дипломатической игре. И это несмотря на 1944 год, уважаемые товарищи читатели. Хитер и одновременно, коварен и коростолобив был член Политбюро с берегов Днепра.

“Неожиданно **против возвращения к линии Керзона выступил Н.С. Хрущёв**. В своем выступлении на VI сессии Верховного Совета УССР в **марте 1944** года первый секретарь ЦК КП(б) Украины, резко осудив претензии эмигрантского правительства в Лондоне на Западную Украину и Западную Белоруссию, заявил о том, **что границу 1939 года надо отодвинуть на запад и включить в состав Украины город Хелм и прилегающие к нему районы Польши**, в которых проживают украинцы. Возможно, что страстность, с которой Хрущёв излагал это предложение, объяснялась тем обстоятельством, что супруга Хрущёва была родом из этих мест”.

Я не собираюсь опровергать выдвинутые Юрием Васильевичем мотивы, которыми, дескать, руководствовался Хрущев, а, просто, хочу заметить, что, как помнит читатель, и в 1939 году наше правительство под нажимом друзей-хрущевцев посягнуло на Черновцы, и фокус с немцами удался. Почему бы и в 1944 году не повторить подобное с поляками, тем более, с позиции силы?

Но вернемся к предвоенной дипломатии: от чудес фашистской Германии с Украиной, к переговорам с агрессивно-настроенной Финляндией.

Вот, налицо, противоположная ситуация. Юрий Мухин в книге “Крестовый поход на Восток” описывал ситуацию со скандинавской страной, происходящую, практически, в то же время. Наше правительство, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда, предлагало финнам в обмен территорию, вдвое превосходящую по площади требуемую. И что? Финны, в ответ на предложения, тупо уперлись: нет! Но, ведь, выгода была же, очевидна. Даже Маннергейм, в общем-то, был согласен. Но Суоми, видите ли, хотели повоевать с Советским Союзом. С точки зрения дипломатии, и в этом деле — полный абсурд. К чему клоню? Чего не сделаешь, ради войны или целей, которые скрыты за вооруженным конфликтом! Чем, дело-то кончилось? Взяли у финнов силой требуемую территорию и обложили их еще и контрибуцией. Кто-нибудь может внятно пояснить, смысл финской дипломатии?

Разумеется, он есть, но эта деликатная тема требует отдельного разговора, так как военный конфликт (и не только с Финляндией) — это повод для решения очень сложных политических процессов происходящих в кулуарах скрытых от постороннего глаза. Со временем постараюсь осветить эту не простую для понимания тему.

Теперь вернемся к нашим главным фигурантам-заговорщикам. Если рассматривать, в свете выше изложенного, фигуры Тимошенко и Жукова, как “самостийников”, то, как бы ни заманчиво было бы поставить их во главе Кремлевского заговора, все же они, думается, представляли простых исполнителей, не лишенных, разумеется, определенных личностных амбиций.

Пословица: “С кувшинным рылом, да в калашный ряд!” — это прямо в адрес Жукова. Ведь, неучь же был, однако гонору на двух генералиссимусов хватало.

Примером амбиций (как поверхностный взгляд на данное дело) служит осуществленный заговор 1953 года. О Семене Константиновиче тогда уже успели подзабыть, а вот Георгий Константинович, сам уверял читателей, что был в числе первых активистов. В итоге стал министром обороны, но поместьями с крестьянами наделен не был и, более того, проявив свойственный ему гонор, тут же, слетел со своего поста. Другие люди правили бал, как в пятидесятые, так и в те, сороковые годы. Без военных трудно бывает обойтись в таких “щекотливых” делах как заговор, а в последующем — государственный переворот, но к рулю власти, затем их, военных, как правило, близко не допускают.

Могут возникнуть вопросы: “Что двигало Жуковым и, тем же Тимошенко, примкнуть к стану заговорщиков? Какими же мотивами они руководствовались, являясь членами коммунистической партии? Кроме того, они занимали высокие военные посты. Неужели, такое возможно?”

А заговорщики 1937 года из стана Тухачевского? Разве они занимали не ведущие посты в Красной Армии, советских и партийных органах? Кроме того, партийный билет в кармане, не есть идейное содержание конкретного коммуниста. Сколько их было настоящих, среди тех 18 миллионов в недавнем прошлом Советского Союза? К тому же мелкобуржуазная сущность Георгия Константиновича, ярко проявилась по окончанию войны. Мародерничал! Ведь, вагонами измерялось вывезенное добро из Германии. И он, в генеральской среде, был далеко не одинок. Подробнее, этот вопрос хорошо раскрыт в книге Ю.Мухина “Убийство Сталина и Берии”. А будь сейчас Жуков, в настоящее время, в современной России на посту министра обороны или хотя бы начальника Генштаба, как в 1941 году, — как думаете? попал бы он в раздел криминальной хроники ведущих российских газет? В смысле, переступил бы закон в попытке личного обогащения за государственный счет. У меня, лично, по такому случаю, сомнений не возникает.

А в том далеком 1941 году, да при удачном стечении обстоятельств, вполне мог стать “превосходительством” с приставкой “господин”. Да и пахотной земли мог прирезать к своему

имению немереное количество с бывшими колхозниками. И ничего удивительного в том не было бы, при его то, властолюбивом и подлом характере. Сейчас же это происходит сплошь и рядом, как обычное явление. Тогда стоит ли возмущаться, что этого не могло быть в то время?

Глава 8. В тени Нюрнбергского процесса

Забежим немного вперед по времени и рассмотрим события, произошедшие сразу после окончания войны. Германия разгромлена и осенью 1945 года в Нюрнберге начался суд над главными военными преступниками в лице руководителей Третьего рейха. На этом процессе века находился и главный фигурант нашего расследования — Рудольф Гесс, которого англичане доставили туда из Лондонской тюрьмы. И вот третье лицо руководства рейха оказалось на скамье подсудимых.

Я опускаю “приключения” Гесса на “английской” земле, так как это тема обширная и ей будет уделена отдельная глава, а перехожу сразу к осени 1945 года — Нюрнбергскому процессу.

Многие ли знают, кем был Р.Гесс в действительности, находясь на вершине власти? Разумеется, все энциклопедии в один голос пояснят, что данное лицо было третьим человеком в Третьем рейхе и вторым в партийном руководстве нацистской партии после Гитлера и т. д. и т. п., но, не приведут, на мой взгляд одно важное обстоятельство. Придется уточнить эту малознакомую деятельность из биографии Гесса, которая заставит по-новому взглянуть и на него самого, и на то дело, которым он руководил, возглавляя, по сути, нацистскую партию. Обратимся к материалам Нюрнбергского процесса.

Английский представитель обвинения Гриффит-Джонс на заседании суда **7 февраля 1946 года** сделал следующее заявление:

“Я буду говорить о той роли, которую подсудимый (Гесс) играл в подготовке к агрессивной войне... Одним из наиболее важных видов участия, которое принял этот подсудимый в подготовке к агрессивной войне, явилась организация **германской “пятой колонны”**. В качестве заместителя фюрера он был ответственным за заграничную организацию нацистской партии. История этой организации кратко изложенная, имеется в американском официальном издании — документ ПС-3258, ВБ -262”.

Конечно, неплохо было бы почитать эти документы, но в советском издании материалов Нюрнбергского процесса данные документы не приведены, что, ни сколько не удивительно (автор использовал материалы “Нюрнбергский процесс” в 7 томах, изд. 1958–1961 гг.).

Далее, обвинитель приводит отрывок из немецкой газеты, являющейся официальным рупором нацистской партии “Фелькишер беобахтер”, где с бахвальством говорится по поводу данной организации.

“Деятельность заграничной организации охватила буквально земной шар, и следующий лозунг мог бы вполне справедливо быть вывешен в помещении этой организации в Гамбурге: “Поле моей деятельности — весь мир”. Заграничная организация под руководством гауляйтера Боле (заместитель Р.Гесса — В.М.), которому помогает большой штат экспертов и квалифицированных сотрудников, сейчас, включает более 350 национальных групп и центров нацистской партии во всех частях света и в дополнение к этому она также связана с большим числом отдельных работников партии в самых различных местах”.

Как вам это нравится: “пятая колонна” во всем мире! Сразу видно, серьезная была организация, во главе которой стоял Р.Гесс, если ею, как паутиной опутали земной шар. Далее обвинитель приводит дополнительную структуру этой организации.

“Две другие организации, которые подчинялись заграничной организации, назывались: “Национальный союз немцев, живущих за границей” — **ФДА** и “Союз немцев Востока” — **БДО**”.

А вот выдержка из циркулярного приказа, не подлежащего оглашению и подписанного Гессом.

“ФДА является единственной организацией, отвечающей за работу по расовой линии за границей. Настоящим я запрещаю партии, ее организациям и ее дочерним ассоциациям проводить какую-либо работу по расовой линии за границей. Единственным компетентным органом для выполнения этой задачи является агентство по вопросам, касающимся немцев вне империи, и ФДА в качестве его замаскированного орудия... Партийные организации должны всемерно поддерживать ФДА. Однако следует избегать любого внешнего проявления связи партии с ней”.

Теперь читателю ясно, какой тайной разрушительной силой руководил Гесс? Недаром предупреждал он товарищей по партии, чтобы здорово не афишировали деятельность своей организации. В дальнейшем английский обвинитель станет приводить факты причастности “пятой колонны” по захвату Австрии, Чехословакии и Польши при участии в этих действиях подсудимого Гесса. Почему-то были опущены факты по “пятой колонне” при захвате стран западной демократии и Франции, в частности. Возможно, речь о них и шла, но в опубликованных у нас материалах по Нюрнбергскому процессу, которых едва ли наберется треть от существующих, данный момент не показан и был ли показан вообще, на процессе — неизвестно. Сравним, для примера с изданиями в Англии — 42 тома материалов по Нюрнбергскому процессу или в той же Германии — 22 тома, но, которые по объему считаются самыми полными в мире. А мы то, чего боимся Нюрнберга, со своими изданными 7-ю томами в 50-х годах и 8-ю томами в 80-х годах?

Но в Большой Советской энциклопедии за 1947 год (стр. 701) есть, правда небольшое, но упоминание об подрывных элементах, действующих в странах Западной демократии, которые опущены в показаниях на Нюрнбергском процессе в наших последующих изданиях.

“...В мае германские войска перешли в наступление на Западном фронте и в короткий срок и **при содействии “пятой колонны”** овладели Голландией, Бельгией и Люксембургом. Вслед за этим немецкие войска вторглись во Францию. **Профашистское правительство Франции** (Та же “пятая колонна”, только под другим названием. — В.М.), больше боявшееся своего народа, чем немецких захватчиков, предало Францию”.

В то время, об этом можно было писать, тем более, свежо предание, да и Сталин был еще у руля государства.

И в своей речи английский представитель Гриффит-Джонс тоже подошел к тому моменту, когда, наконец, настала очередь говорить об агрессии Германии против Советского Союза. И нам, разумеется, хочется узнать, как проявляли себя Гесс и его “пятая колонна” накануне нападения на нашу страну? А обвинитель почему-то начинает рассказывать суду о полете Гесса в Англию и о “пятой колонна” что-то уже и не вспоминает. Неужели деятельность этого “подрывного элемента” на период подготовки “Барбароссы” была “заморожена”? А может наша советская цензура подсократила чего-нибудь в данном выступлении? Английский обвинитель много чего порассказывал суду о перелете Гесса в Англию и даже сделал вывод, что, дескать, Гесс

“прилетел лишь для того, чтобы дать возможность Германии вести войну против России только на одном фронте”.

Наши официальные историки ухватились за этот неуклюжий перевод с иностранного языка (?) и стали его истолковывать таким образом, что, дескать, Гесс предлагал Англии предоставить Германии гарантии нейтралитета на Западе, с тем, чтобы развязать себе руки в войне на Востоке.

А мне хочется обратиться к читателю с вопросом: “Все ли он понял из прочитанного выше текста, что выделено жирным шрифтом?” Разве Гитлер собирался воевать с Россией на двух, трех или более фронтах, так что ли? Да всю войну Германия воевала с нашей страной на одном единственном Восточном фронте. Опять эти переводы с англо-немецко-французского под контролем советского официоза. Чувствуете, что приведенный перевод, звучит не совсем, по-русски? Не такого уровня был Р.Гесс, чтобы по прилету в Англию (или еще куда-нибудь?) заниматься разными глупостями.

Давайте-ка с вами проделаем маленькую хитрость. Заменим практически, только одно слово в приведенном выше тексте и посмотрим, что из этого получится, тем более что слова “один” и “един” в русском языке в количественном отношении практически воспринимаются, как одно и то же. Вновь прочитаем реконструируемый нами отрывок данного предложения: ... Гесс **“прилетел лишь для того, чтобы дать возможность Германии вести войну против России единым фронтом”**. Выглядит ли теперь данный текст похожим на глупость, ради которой Гесс совершил перелет? Думается, что вот ради **“единого фронта”** и можно было рискнуть полететь на самолете к своим братьям по “пятой колонне”, чтобы скоординировать общие действия. Конечно, можно упрекнуть автора в подобном лингвистическом эксперименте, но согласитесь, что какое-то соглашение между Англией и Германией было: раз протоколы “допросов” Гесса с представителями своего правительства англичане засекретили, аж, до 2017 года?

И произошло это событие (полет Гесса) накануне нападения, именно на нашу страну. Но, разумеется, что к общему знаменателю, все же, Гесс и компания, не пришли (или не дали?), так как военные действия друг против друга, Англии и Германии продолжались до капитуляции последней.

Мы вправе задаться и таким вопросом: “Неужели нельзя было спросить у самого Гесса о цели его полета в Англию?” Тем более что данный обвиняемый сидел в это время в зале суда в Нюрнберге. Кстати, попытались бы его насчет “пятой колонны” в Советском Союзе накануне войны. Представь себе, читатель, что Гесс отказался давать показания и суд никоим образом не стал настаивать на этом. Кроме того, по воспоминаниям бывшей переводчицы Маргариты Неручевой, участвовавшей в работе советских представителей на процессе,

“на заседании 31 августа 1946 года Гесс пожелал сообщить о своей миссии в Англии, но едва успел произнести: **“Весной 1941 года...”**, как его прервал председатель трибунала англичанин Лоуренс”.

Больше Гесс таких попыток не делал. А нам было бы очень интересно узнать, что же там, в Англии, произошло на самом деле, но, как видите, Гессу сразу заткнули рот. Понятно, что в обмен на молчание, Гессу и была гарантирована жизнь. Но, думается не только за это Гессу дали пожизненное сидение в тюрьме Шпандау. Живой Гесс был, к тому же, наиважнейшим свидетелем, которым можно было шантажировать при удобном случае любого политика причастного к “пятой колонне”. Например, в первую очередь, наших заговорщиков, которые могли, в конце концов, захватить власть в нашей стране. Так ведь и случилось в марте — июне 1953 года, когда внезапно “умер” (?) Сталин и через два месяца был убит его верный помощник Л.Берия. То, что Хрущев был на “крючке” у Запада, и в первую очередь США, становится понятным из-за проводимых им “реформ”, в результате чего стране был нанесен колоссальный урон. Хрущевские метастазы, как раковая опухоль поразила здоровый организм советского общества, и привели, в конце концов, к его гибели. Недаром, Черчиллю приписывают слова, где он, говорил, что Никита Сергеевич во много раз превзошел его самого по части нанесения вреда Советскому Союзу.

Поэтому, в дальнейшем, как я уже упоминал ранее, и велась своеобразная игра с Западом по “не выпусканию” Гесса из тюрьмы между нашими постсталинскими руководителями государства и лидерами Запада.

Давая интервью российскому корреспонденту Георгию Зотову, сын Р.Гесса — Вольф Рюдигер — Гесс сообщил, что

“еще в 1979 году... (ему) рассказывали высокопоставленные источники правительства ФРГ, Брежнев думал над тем, чтобы дать Гессу свободу: он не хотел, чтобы “все видели, что мы держим в тюрьме больного старика и делали соратника Гитлера мучеником в глазах людей”. У меня есть все свидетельства, что Горбачев тоже намеревался освободить Гесса — это должно было случиться в ноябре 1987 года, когда наступал месяц советского дежурства в Шпандау. Эту акцию хотели приурочить к визиту в СССР президента Западной Германии Рихарда фон Вайцзеккера. Но если бы отец вышел из тюрьмы, то у англичан, мягко говоря, возникли бы проблемы — молчать Гесс не собирался” (www.thepaganfront.com).

Видимо, когда Горбачев по недомыслию (или по другим причинам) дал согласие на освобождение Гесса (Очень, видимо, хотелось ему стать “лучшим немцем года”), то тем самым, невольно нарушил правила игры (А может это и была сама игра?). Пришлось англичанам пойти на крайние меры. Даже в глубокой старости Гесс мог предать огласке то, что представляло тайну со времен начала войны. Между прочим, в 1946 году в Нюрнберге, представитель нашей страны в составе суда И.Т.Никитченко потребовал Гессу смертной казни, но его голос был один против трех голосов судей представлявших Америку, Англию и Францию. Значит, им было выгодно оставлять Гесса в живых, как свидетеля, о чем я уже говорил выше. Обратите внимание, советский представитель в суде требовал смертной казни. Значит, Сталин узнал тайну Гесса и тот уже был не интересен нашей стороне, даже в качестве свидетеля чего-либо. Тогда, с какими же целями западное правосудие оставило Гесса в живых? Но не затем же, чтобы тот до конца своих дней “мучился за совершенные преступления против человечества” находясь в тюрьме Шпандау, а “человечество” выделяло в год миллион долларов на его содержание? Чем же было обусловлено такое щедрое финансирование для “наказания”?

Советское обвинение в ответ на доводы защиты о смягчающем, дескать, вину Гесса обстоятельстве, что после весны 1941 года он просидел в английской тюрьме, заметило, что даже за все то, что Гесс совершил до 1941 года, он трижды должен быть казнен. Как видите, Западу, в то время, Гесс нужен был живой и тот, “заслуженно” получил именно, пожизненное заключение.

Глава 9. Денежная составляющая войны

Да, но как видите, и Нюрнбергский процесс не смог дать ответ на вопрос о цели полета Гесса в Англию. Если согласиться с точкой зрения Ю.И.Мухина, который утверждает, что Гитлер был связан с сионистами и, зная, что один из двух центров данной организации находился на тот момент в Англии, то поневоле задашься вопросом: “Не к ним ли с визитом направлялся Р.Гесс?”

Но сначала необходимо, вновь дать обзор событий тех лет в конспективном изложении. В Англии были две противоборствующие группировки в правительстве: условно назовем их “миротворцы” и “ястребы”. Парадокс ситуации состоял в том, что одна из них — “миротворческая”, стояла на позициях фашизма и поддерживала контакты с Гитлером. Думается, именно эту группировку поддерживали сионистские круги в Британии. Лидером этой группировки был, небезызвестный Невилл Чемберлен. А группу “ястребов”, условно говоря, демократов, возглавлял Уинстон Черчилль. Те, наоборот, очень хотели повоевать и жаждали, чтобы Англия была втянута в мировую войну. А кто же тогда поддерживал Черчилля? Действительно, “миротворцы”, давая “зеленый свет” гитлеровской агрессии на Восток: вспомните, аншлюс Австрии и чешские Судеты, — воевать с Германией вовсе и не собирались. Но это входило в планы группировки У.Черчилля. Данный британский лорд, с сигарой во рту был, своего рода, “засланным казачком” со стороны крупных деловых кругов Америки. Черчилль был наполовину евреем по своей матери Дженни Джером, отец которой сменил свою фамилию с Якобсон на Джером. Кроме того, по материнской линии у него было еще и необычное родство с американскими индейцами, племени ирокезов. В свое время Дженни Джером вышла замуж за лорда Рэндолафа Черчилля, у которого и унаследовал свою фамилию их сын, будущий “британский бульдог” Уинни. Давайте проследим политику

Великобритании после Мюнхенской сделки с Гитлером. Готовится агрессия против Польши. “Миротворцы” согласны и Польшу преподнести Гитлеру на блюде (вспомните посредничество Биргера Далеруса), но “ястребы” сильно противятся и Англия, скрепя сердцем вынуждена будет, по условиям договорных соглашений с Польшей в результате нападения Гитлера объявить 3 сентября 1939 года войну Германии. Обратите внимание, что военных действий, как таковых, между этими странами не было, вплоть до мая следующего года.

И только убедившись, что их верный союзник Н.Чемберлен смещен с поста премьер-министра (и в скором времени, на удивление, умрет), Гитлер и решается на открытые военные действия на Западе, чтобы этим, как бы оказать “моральную” поддержку “миротворцам” (вспомните, Дюнкерк). А ведь, вместо Чемберлена, как раз и был назначен новой главой Британского кабинета министров “ястреб” Черчилль. Теперь Англия оказывается втянутой в войну, что будет играть на руку и финансовым кругам Америки. Наконец, события приближаются к роковой черте: нападению Гитлера на Советский Союз. Германия страстно желает видеть Англию своей союзницей, но это никак не входит в планы Черчилля, т. е., считай, Америки. Представим, что Англия заключила бы, тайный союз с Германией накануне нападения на Советский Союз. Начинается война с нашей страной, и Советский Союз, предположим, вдруг терпит поражение. От этого выигрывают Германия и Англия, которая возможно, получит свой кусок на Кавказе (Бакинская нефть). А что получит Америка? Ничего. Кроме того в Европе усилится Германия и, что проблематично, частично Англия. Конечно, вызывает опасение, как бы ни повторилась история с Наполеоном и не получилась новая континентальная блокада? Но, думается, этот вопрос был оговорен и имел положительное, для Англии, решение.

Все это крайне невыгодно со всех сторон Америке. Рассмотрим другой вариант, когда Англия не является союзницей Германии. По факту, Англия, уже противник Гитлеру и сидит “на крючке” военной помощи от Америки, расплачиваясь своим золотишком. Ведь, “миротворцы” во главе с Чемберленом не собирались воевать с Германией и Черчиллевское втягивание Англии в войну, поставило страну на грань финансовой катастрофы. Теперь, в случае агрессии против Советского Союза, для Америки важно, чтобы Германия, как можно дольше провозилась с Советским Союзом, так как в таком случае Америка, может помогать и нашей стране, что позволит таким образом контролировать ситуацию, т. е. военный процесс. Помните крылатую фразу сенатора Г.Трумена:

“Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях”.

Англия заключает с нашей страной союзнический договор и Америка, теперь, начинает “доить с двух сосков”. С одной стороны снабжая Англию, с другой СССР, военными товарами и получая взамен чистое золото. Теперь, как “влелся” в эти события Гесс, со своим “перелетом”?

Надеюсь, читатель достаточно образован в вопросах об истоках второй мировой войны? Думаю, что нет нужды приводить примеры о связи Гитлера и крупного (Альфред Крупп — игра слов) промышленного и банковского капитала. Надеюсь, не составляет секрет и то, что Германский национал-социализм вскормлен деньгами ведущих мировых банков, которые и принадлежат, и контролируются мировым еврейством, читай сионизмом. Так вот, как вы знаете, что тот, кто дает деньги, тот и заказывает музыку. Деньги на войну — это очень прибыльное мероприятие. Но, как и в любом деле существует риск. Пока Гитлер “потрошил” Европу и в “швейцарские” банки, условно говоря (хотя и в них тоже), поступали деньги от войны: все развивалось по плану. Риск был сведен к минимуму. Но основной целью Гитлеровской агрессии, все же, являлся Советский Союз и поэтому у “хозяев денег” накануне нападения Германии резонно мог возникнуть вопрос: “А как будут развиваться события при начале военных действий против России?” Даст ли Гитлер гарантии, что деньги финансовых воротил не будут потрачены зря? Все-таки Россия, это вам не Польша и, даже не Франция, которых немцы “покрошили как капусту”, за две недели. Выше уже говорилось, что именно Гесс руководил всей подрывной деятельностью, так называемых, “пятой колонны” в странах Европы и остального мира. Эти “пятые колонны” были, своего рода отмычками,

с помощью которых, как бы, осуществлялся взлом государственного аппарата любой страны, что приводило к “параличу” органов управления и при активном внешнем военном воздействии наступала капитуляция объекта агрессии. Во всяком случае, до июня 1941 года, данный механизм сбоек не давал.

Тем не менее, видимо, возникли сомнения в отношении Советского Союза, и, разумеется, именно Гесс и был вызван на ковер в Англию. В Англию ли? — это мы рассмотрим отдельно. Английским “денежным мешком” нужны были не бумажные заверения (их могли, на том же самолете прислать из Германии полный портфель), а личный контакт особо доверенного лица очень высокого ранга. Но не Гитлер, же полетит? Выбор закономерно пал на Гесса. Сомнения кредиторов были обоснованными. Ведь перед войной в Советском союзе была проведена “зачистка” от деятелей “пятой колонны” в лице Тухачевского и компании. Насколько сильны были позиции их приемников в стране, и должен был доложить Гесс. Как не ему, руководителю всей сети “пятой колонны” не знать истинного положения дел. Надо учитывать и конфиденциальность данной встречи. Обратите внимание, с какой тщательностью было обставлено это дело. Сколько было отвлекающих моментов, которые по мысли устроителей, должны были замаскировать данную операцию. Разные самолеты, двойники Гесса, подставные фигуры из кабинета правительства Англии и прочее. Сроки нападения перенесли с мая на июнь. И ведь, практически все бы получилось, если бы не Сталин. И разумеется, Черчилль, — с другой стороны. Разве Черчилль был заинтересован в “миротворческих” устремлениях Гесса и его сторонников в Англии? Да ни за что на свете!

У нас всегда рассматривается начальный период войны, как закономерное поражение Советского Союза. Это стало, как бы аксиомой. А если бы не наши заговорщики, устроившие погром Красной Армии в приграничных сражениях, где бы оказался Гитлер со своими генералами? Вполне возможно, что Красная Армия “малой кровью” отбила бы июньское нападение Германии и в дальнейшем, смогла бы победоносно дойти и до Ла-Манша, по мысли западных политиков. Запад знал мощь нашей армии по финской войне. Проломить неприступную “линию Маннергейма” в Финской войне, — это знаете, не каждой армии по зубам, чтобы не говорили по этому поводу наши “демократы” от истории. Так что осторожность в отношении Советского Союза у Запада, все же была.

Теперь, понимая механизм движения основных денежных потоков в Америку, легко понять, что когда Гитлер напал на нашу страну и ситуация стала критической, то Сталин вызвал М.Литвинова, имевшего связи с еврейской диаспорой, и послал его в Соединенные Штаты для установления связей с американскими деловыми кругами. Контакт, разумеется, был установлен. Это был крупный еврейский капитал, представляющий другой сионистский центр, но уже в Америке. Так как эти два центра не могли, не конкурировали между собой, то не стоял вопрос этики: кого финансировать? Нацистов или коммунистов? Вопрос стоял лишь в платежеспособности клиента. Сталин, зная конкуренцию этих центров, тонко сыграл на этих противоречиях, заручившись, в дальнейшем, поддержкой, в первую очередь именно, американского еврейства. Эти, правда, тоже, как и их “братья по банковским делам” в Европе, умели считать деньги. Выгодно ли их вкладывать в Сталина, т. е. в Россию — вот что интересовало американских банкиров в первую очередь? Затем и послали в июле Гарри Гопкинса, чтобы разузнал, что к чему. Сталин уверил их представителя, что Советский Союз устоит от первых ударов Гитлера и их денежки не будут выброшены на ветер. Речь в тот момент шла, как раз об обороне Киева, а точнее, всего Юго-Западного фронта. Сталин заверил г-на Гопкинса, что положение Красной Армии на фронтах устойчивое, а Жуков, как раз наоборот, предлагал оставить Киев и выпрямить линию фронта, чтобы, дескать, не было фланговых ударом по Юго-Западному фронту. Ну, очень “умным” военным был, особенно, после войны. Сталин сразу раскусил совет Жукова: не что иное, как “драпать” на Восток. Так на чью же мельницу Жуков лил воду? Поэтому Сталин и вышиб его с поста начальника Генштаба, чтоб не мешался под ногами со своими подлыми советами. Но, подельник Жукова — Тимошенко, командующий Юго-Западным фронтом, все равно постарался развалить свой фронт. Ценой колоссальных усилий Сталину удалось, на время, все же стабилизировать обстановку. И грузы по ленд-лизу, в дальнейшем, пошли. В чем состояла “тонкость” ленд-лиза? На бесплатные американские поставки военных грузов мы должны были

отвечать взаимностью, т. е., в ответ бесплатно поставлять свою продукцию. А где же ее взять, когда немцами была уже захвачена почти половина Европейской части СССР. Вся оставшаяся промышленность, как и с этой “потерянной” территории, успевшая перебазироваться за Урал, сразу перешла на выпуск военной продукции, которой, на первых порах, тоже стало остро не хватать. Пришлось за товары по ленд-лизу расплачиваться золотом. Сталин впрямь, предвидя трудности войны, сумел создать большой запас этого драгоценного металла, который и выручил нас в то критическое время. Даже после такой тяжелейшей войны и послевоенного восстановления страны у нас было, на момент его смерти, более 2000 тонн золота. Неужели, думаете, что на него не положил глаз заокеанский дядя Сэм? После краха Советского Союза Егор Гайдар, как глава правительства, заявил, что золотой запас Российской Федерации составляет всего около 300 тонн. Это ж надо было так промотать состояние страны! А началось-то все с Н.С.Хрущева. Это он начал направлять наше золото в Америку и Канаду за пшеничку, которую гробил в своей стране. Вот вам и официальный канал по перекачке золото-валютных ресурсов страны в Америку. И безо всякой войны. Сталин им костью в горле стоял — вот и убрали его с помощью подонков, типа Н.Хрущева.

Но и это еще не все о войне. Сталин сумел переориентировать и “денежные мешки”, которые были в Англии, на помощь Советскому Союзу. Помните, секретный полет Молотова в начале 1942 года в Англию в качестве “мистера Брауна”? Заключив экономические соглашения с Англией, Сталин заставил и английский капитал работать на нашу победу, чему яростно сопротивлялся Черчилль, так как это, видимо, нарушало его планы по перекачке денег в Америку. Не поэтому ли и позволил немцам пустить на дно 2/3 морского каравана PQ-17?

Но это будет потом, а в мае 41-го, в Англии (?), или в другом месте, не суть важно, в данный момент, я думаю, с Гессом решался вопрос по отношению к нашей стране именно, в меркантильном плане. Как же Гитлер собирался с нами расправиться за те короткие сроки, которые обещал? К тому же не надо забывать, что Сталин, только что возглавив Советское правительство, о чем я говорил ранее, и сбрасывать со счетов такую крупную политическую фигуру, вряд ли стоило бы. То, что нам “тапдычат” о Гессе, который собирался, дескать, значительно раньше прилететь на остров, да погода подвела, не более чем примитивная ложь, с целью отвести подозрения о целенаправленности полета. Разумеется, Гесс открыл “хозяевам денег” все карты, с помощью чего они, гитлерюги, планировали разгромить Советское государство. Тайная “пятая колонна” в Советском Союзе — вот она, очередная отмычка для “паралича” власти в нашем государстве. Взгляните на события первых дней войны под таким углом, и вы увидите, что власти, т. е. управления страной, не было. Было полное бездействие, начиная с Кремля, чтобы нам не пели мемуаристы из Политбюро вместе со звездными маршалами. Был тот самый, планируемый “паралич” органов управления страной, о котором говорилось выше. И только с возвращением Сталина в Кремль, власть, под его жестким контролем (а как иначе?) стала постепенно налаживать структуру управления, как армией, так и страной, в целом. Об отсутствии Сталина в Кремле по первым дням войны мы поговорим особо в отдельной главе. Посмотрите, внимательно. Все директивные указания, практически появились, только в последних числах июня, а до этого была абсолютная тишина. Только не надо тыкать автору под нос разные мобилизационные предписания и сообщения о создании Совинформбюро. Они погоды не делали.

А теперь вновь вернемся к Гессу. То, что в переговорах с ним участвовали и представители фашистской организации самой Англии, разумеется, добавляет определенный колорит в данных встречах, но, в то же время и дает ясно понять направленность этих переговоров. Видимо, хотели заменить правительство Черчилля другим, более склонным к соглашению с нацистской Германией. Однако Черчилль, проявил строптивость и, видимо сумел, так надо понимать произошедшие события тех лет, убедить “хозяев денег”, что этого, в данный момент, делать не следует, а надо дождаться развития событий, — мало ли чего наобещали им Гитлер с Гессом? Кроме того, видимо, сумел “нейтрализовать” Гесса, “умыкнув” того в Англию. Черчилль, явно не так прост, каким кажется, по внешнему виду. Хью Томас в своей статье приводит данные об аресте “не менее шести членов британских правящих кругов в ночь на 11 мая 1941 года и предупреждение, вынесенное по крайней мере 14 другим... Безусловно, самым замечательным из них оказался

управляющий Английского банка Монтэю Норман, который отказался уйти в отставку. Показательно то, что Черчилль не смог заставить его уйти в отставку, хотя и пытался заменить его управляющим Канадского банка!”.

Значит, кроме “переговоров” с настоящим Гессом была замышлена и провокация против “миротворцев” из числа сторонников Чемберлена, которым подсунили “двойника” Гесса? Ай, да Черчилль, ай, да “молодец”!

Читаем у П.Педфилда в его “Секретной миссии Гесса”:

“(О Черчилле). Сейчас его больше всего волновал вопрос, как удержаться в положении шаткого равновесия, в котором он находился: с одной стороны, он воодушевлял **сионистов обещаниями**, но выполнить их не мог из страха перед реакцией арабов..., с другой стороны, чтобы нейтрализовать почти повсеместное сочувствие арабов странам Оси (Германии — Италии — Японии, — В.М.), он внушал им мысль, что Британия выступит в поддержку арабского единства. **Его задачей номер один было заставить компактное еврейское лобби в Соединенных Штатах убедить американцев вступить в войну...** В ходе достижения этой цели ему приходилось обхаживать как евреев, так и арабов. Но **свои маневры он должен был держать в тайне, об официальной огласке не могло быть и речи**”.

Понятно, что П.Педфилд немного уводит нас в сторону от существа дела, но общая направленность и причастность упоминаемых лиц (сионистов), о которых говорилось выше, просматривается. Не думаю, что страдания евреев-беженцев или переживания арабов сильно тревожили Черчилля и не давали ему спокойно спать? Если же и на Черчилля посмотреть сквозь призму денег, то именно при нем и был налажен поток английского золотого запаса в Америку за аналогичные поставки по ленд-лизу, который начал функционировать незадолго до прилета Гесса. Ситуация в Англии с началом военных действий против Германии была отнюдь не радужной. Военных союзников не было, а промышленность только набирала обороты. Предлагаю читателю для ознакомления небольшой отрывочек.

Но, “к счастью для британцев и их военных усилий, Рузвельт опять сумел протолкнуть несколько изменений, и это дало возможность Америке поставлять боеприпасы. Положение стало критическим в октябре 1940 года, когда казначейство сообщило Черчиллю, что через три месяца у страны не будет больше денег, чтобы осуществлять закупки из Америки. В ответ Рузвельт тогда протолкнул законопроект о ленд-лизе, который вступил в силу **11-го марта 1941 года**. Он гарантировал, что США обеспечат боеприпасы и другие поставки в кредит — за оплату. Великобритания вынуждена была согласиться передать золото из Южной Африки на сумму **50 000 000** долларов и продать одну из своих самых успешных на территории Америки компаний — “Америкен Вискозе” (American Viscose), филиал “Courtaulds”, консорциуму банкиров, которые, не тратя понапрасну времени, продали ее с большой прибылью. У многих политических деятелей были подозрения относительно мотивов американцев. Лорд Бивербрук (Lord Beaverbrook) в записке Черчиллю от 24-го февраля 1941 года говорил, что... “американцы — безжалостные кредиторы”. В мае 1941 года Великобритания приближалась к своему самому мрачному часу, когда ее ресурсы достигли угрожающе низкого уровня. 3-го мая 1941 года, только **за неделю до прибытия Гесса**, Черчилль послал Рузвельту в высшей степени умоляющую телеграмму. Реакцией американских промышленных и финансовых кругов на прибытие Гесса было полное смятение. Рузвельт понимал, что Гесс предлагает выбор между окончанием войны и борьбой, которая может еще продолжаться в течение нескольких лет. Несомненно, что последнее было более предпочтительным вариантом для американской промышленности”.

Для полного счастья американцам не хватило, чтобы еще на посту управляющего Английского банка вместо Монтэю Нормана, по желанию У.Черчилля, стал его коллега из Канадского банка. Но, “не всё коту масленица”!

Вполне возможно, что и в самом деле в Англии (в Англии ли?) решался денежный вопрос и перед Гитлером, через Гесса, поставили условия по выполнению намеченного плана. Но, реализация плана, по этой денежной составляющей, без “пятой колонны”, была бы крайне затруднительна. Без отмычек, вору трудно. А Запад, по отношению к нашей стране, и вел себя именно так, поворовски. Поэтому на “сходке”, видимо и решили, что если события начального периода войны будут развиваться по его (Гесса) сценарию, то будет поддержка Гитлеру, если нет, то Черчиллю. Кроме того, надо думать, что и сам Уинстон Черчилль, занимал достаточно высокий пост в тайной иерархии, какого-нибудь “Кабинета 200”, чтобы оказать весомое давление в свою пользу (например, арест шести “миротворцев” из британских правящих кругов). Это будет видно также и по тому, как в 1945- 46 годах, будучи уже смещенным с поста премьер-министра, он фактически диктовал свои условия самому президенту США Гарри Трумэну при подготовке политической акции, под названием “Фултонская речь”.

Данная тема “по Гессу”, настолько сложна и запутана, что если кто-либо займется её исследованием и осветит более ярко и сделает более содержательной и убедительной, чем то, что представлено в данной работе, — автор не будет иметь ничего против этого. Кстати, некоторые современные историки, исследующие данную тему о Гессе, склонны к тому, что и в 2017 году, вряд ли, в Англии откроют засекреченные архивы, предполагая “взрывной” характер данных документов.

Глава 10. Почему советское руководство так скромно вспоминает первый день войны или чего боялась “сладкая парочка”?

Оставим, на время, английское и немецкое руководство и вернемся к событиям в нашей стране в тот трагический день 22 июня 1941 года.

Что нам известно о первом дне войны по работе Наркомата обороны, Генерального штаба и Советского правительства? К сожалению, сведения об этом дне, да и о последующих начальных днях войны, довольно скудны. События первого дня отражены лишь, в воспоминаниях Жукова, Микояна и частично Молотова в беседах с писателем Ф.Чуевым. Остальные участники высшего руководства страны о событиях первых дней войны не оставили никаких воспоминаний по ряду весомых причин. Например, Шапошников умер в 1945 году от туберкулеза?! Ватутин умер в Киеве в 1944 году, при весьма загадочных обстоятельствах, от ранения средней тяжести в ногу. (Об этом можно прочитать в моей работе: “Гибель Ватутина. Дороги, которые мы выбираем”). Сталин и Берия погибли в 1953 году и не смогли, разумеется, оставить воспоминаний. Мехлис, кстати, тоже умер в начале 1953 года и о его смерти упоминается глухо. Тимошенко, к глубокому сожалению, отделался молчанием. Ворошилов и Буденный могли бы восполнить данный пробел, но оставили очень скромные воспоминаний о начальном периоде войны. На сегодняшний день они практически недоступны, так как были изданы в пятидесятые годы и не переиздавались по причине несхожести изложенных событий с принятой официальной точкой зрения.

Маленков, Поскребышев и Власик тоже, много чего, могли рассказать, но, увы! На данный момент, правда, фигурируют так называемые “Записки телохранителя”, но написаны ли они Власиком? — большое сомнение. Каганович, впрочем, как и Молотов страдал “частичной” амнезией памяти. Много помнил, но с 22 по 26 июня 1941 года, что-то, не очень. Кузнецов — нарком ВМФ, тоже не отличился разговорчивостью по данной теме. Уж очень скромненько осветил события первого дня войны. Бывший маршал Кулик — много чего, порассказывал, но, к сожалению, видимо, только следователю на Лубянке. Эти рассказы, внесенные в подлинные протоколы допросов, по всей видимости, нам уже не доступны — уничтожены хрущевцами. Чуть не забыл о Вышинском. Скоропостижно (?) скончался в 1954 году (обратите внимание — во времена Хрущева) вдали от Родины на посту постоянного представителя СССР в ООН. Воспоминаний, разумеется, не оставил. Когда еще раз вернемся к Нюрнбергскому процессу, то немного уделим внимания обстоятельствам этой смерти.

Итак, что мы имеем на данный момент? Мемуары Микояна и Жукова, а также очень скромные воспоминания Молотова, Кагановича и Кузнецова. Недаром, существует афоризм, что историю пишут победители. Кто победил в 1953 году в борьбе за власть? То-то и оно! А Микоян и Жуков — хрущевцы, поэтому здесь надо быть внимательным к тому, о чем они писали в своих мемуарах. И Молотов предупреждал Ф.Чуева: "... на Жукова надо осторожно ссылаться". Мягко сказано: на то, видно, и дипломат. О мемуарах Жукова можно сказать и так: своеобразный "Краткий курс Великой Отечественной Войны" под редакцией ЦК КПСС. Военный историк А.Б. Мартиросян приводит данные, что Жукову в ходе чтений его рукописи было дано около 1,5 тысяч (!) поправок и замечаний. Жуков, говорят, был очень огорчен и даже хотел приостановить дальнейшую работу, но потом, все же, продолжил ее и, как мы знаем, даже издал книгу. В дальнейшем в нее были еще внесены всевозможные дополнения и изменения, в том числе и после его смерти. Так что вариантов трактовки отдельных эпизодов его деятельности бывает несколько: выбирай по вкусу, какой тебе нравится!

Микоян тоже издал воспоминания, под незамысловатым названием "Так было", но было ли это так, под большим вопросом. Вот, собственно говоря, скромный набор воспоминаний участников тех далеких, трагических событий, покрытых искусственным налетом тайны.

Чтобы лучше понять события начального периода войны, давайте вновь перенесемся, но, в чуть более поздний временной отрезок — март 1953 года. Смерть Сталина. Проходят, немногим, более двух месяцев — и смерть Берии. Как обществу эти события были преподнесены? Смерть Сталина произошла, якобы, естественным путем, тем более что смерть в 74 года — это вообще, мол, нормальное явление. А смерть Берии скрыли от общества, умышленно перенесли ее в конец 53 года, и представили это все, как заслуженную кару "врагу народа" — расстрел по решению, вроде бы, состоявшегося Верховного суда. Современные исследования независимых историков доказали насильственную смерть Сталина и Берия, но официальная точка зрения от этого не изменилась. Если и появляются порою в средствах массовой информации материалы по данной теме, то, как правило, носят негативный характер в отношении погибших или просто, наполнены легкомысленной чепухой.

Кстати, сам Жуков, хотя и косвенно, но подтверждает насильственную смерть Лаврентия Берии. Вот как он описывал, якобы, заключительную фазу ареста этого государственного деятеля:

"Итак, посадили в <...> комнату. Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗиСе положили сзади, в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля. Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его (Берии) руках, не заподозрила, кто в машине".

Положили — это как? Связанного? Укутали ковром — а не побоялись, что тот задохнется связанный на полу машины? Или были безразличны к его судьбе, так как Лаврентий Павлович был уже убит и его труп, завернутый в ковер, именно, и положили сзади в ногах сиденья? А "бойцы спецгруппы", видимо, уселись на заднее сиденье, пристроив свои ноги на покойнике? По-другому, картина написанного Жуковым, якобы, ареста, и не представляется.

Кроме того, что это за существующие порядки в отношении, пусть и арестованного, но одного из руководителей советского правительства? Какую охрану в Кремле группа захвата, вместе с Жуковым, могли испугаться, когда, якобы, по предложению членов самого Политбюро и министров советского правительства и произвели, данный, "арест" Берии? Интересно, Жуков отдавал себе отчет в том, какую, извините, "лапшу на уши" он вешал в разговоре историку В.Д.Соколову?

А ведь эти смерти, случившиеся с главой правительства (Сталиным) и человеком, возглавлявшим силовые ведомства страны (Берией), произошли в удивительно короткий промежуток времени. Явно, это было неспроста! Ю.Мухин, изучавший эту тему, выдвинул версию, что Сталина и Берия убил Хрущев за то, что Сталин, якобы, хотел убрать партийную номенклатуру от власти, а Берия мог бы раскрыть это убийство Сталина: пришлось и его за компанию "замочить". Не отрицаю и

согласюсь, что и этот аргумент (властный) лежал в основе убийства Сталина Хрущевым, но не он, думается, был главным! А что же тогда было главным, в таком случае?

Сначала, давайте посмотрим, что последовало за этими убийствами: ни чем не объяснимая, какая-то звериная жестокость Никиты Сергеевича в расправах с теми людьми, кто даже и не был близок к Сталину и Берия. Ю.Мухин приводит в своей книге фрагмент воспоминаний зятя Хрущева Аджубея: "...Ворошилов (дело происходило за праздничным ужином и Климент Ефремович, находился в легкой стадии опьянения — В.М.)...положил руку на плечо Никиты Сергеевича, склонил к нему голову и жалостливым, просительным тоном сказал: **Никита, не надо больше крови...**".

А ведь Ворошилов — это вам не сентиментальный персонаж из водевиля. Когда надо было расстрелять заговорщиков — у самого рука не дрогнула. В том, тревожном 1937 году, лично, по приговору Верховного суда расстрелял заговорщика Якира во дворе Лефортовской тюрьмы. А сейчас униженно просит "барина Хрущева" прекратить жестокую расправу над своими соратниками по партии. А мы хотели почитать полновесные мемуары Ворошилова о войне. И смог бы, он там, написать нам, правду? Во-первых, кто бы ему позволил это сделать? А сильно врать, наверное, Ворошилов, не захотел?

Неужели, только из-за возможностей партийной вседозволенности, Хрущев "мочил" людей? Думаю, что это ложный след. Ведь, кровавый хрущевский каток прошелся и по партийным деятелям, и по военным, и по органам госбезопасности и внутренних дел, и по политическим деятелям, даже, слабо связанных с партийной верхушкой. Все это объяснить, мотивируя, борьбой за партийные привилегии, мне кажется малоубедительным. Причина крылась, в чем-то другом.

Вот снова, маршал Жуков, ярый сподвижник Хрущева, один из главных участников событий 1953-го года, вспоминает те, не совсем далекие времена. Здесь и сильно напрягаясь, невозможно увидеть борьбу за партийные привилегии:

"...у меня к Берии давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У нас еще при Сталине не раз были стычки. Достаточно сказать, что Абакумов и Берия хотели в свое время меня арестовать. Уже подбирали ключи".

Что это все означает, в переводе с русского на русский? Жуков признается читателю, что его хотели арестовать, но, по каким-то причинам этого сделано не было. Кроме того, не сказал читателям, в какое время происходили эти события? К этому моменту его биографии мы еще вернемся. А насчет "ключей", это надо полагать, что имелся против Жукова компрометирующий материал. Не июньские ли дни 1941 года в Наркомате обороны, послужили основанием для Лаврентия Павловича Берия проявить свою неприязнь к Георгию Константиновичу? По ходу исследовательской работы дойдем и до этого момента. В отношении Абакумова — это послевоенный период. Не всякий военачальник может "похвастаться" таким повышенным вниманием силовиков к своей персоне.

Думается, что Жуков, при Сталине жил, как под "дамкловым мечом", все время в страхе. И Хрущев, очевидно, тоже, жил в страхе за свою жизнь, коли, дорвавшись до власти, устроил кровавую резню. Значит, было что-то такое, что, если откроется вся правда, по их делам, то за это пощады от Сталина, как и от Берия, — не жди. Не за попытку же получения дополнительных привилегий, например, в отношении Жукова, к тому и был проявлен интерес, то Берией — в годы войны, то Абакумовым — в послевоенное время.

Представляется, что такое психологическое состояние наших героев — жизнь в постоянном страхе из-за боязни, что будет раскрыта их тайная жизнедеятельность, и объясняет, и ту их жестокость, и то, их "барственное" хамство, которое проявляли, как Никита Сергеевич, так и Георгий Константинович по отношению к окружающим их людям.

“Ну, это все лирика, — скажут читатели. — Нельзя ли, ближе к делу. За что же “замочил” Хрущев, и Сталина, и, с помощью Жукова — и Берия?”

Я склоняюсь к мысли, что за войну! Именно за боязнь раскрытия того, тайного предательства, которое Хрущев, впрочем, как и Жуков, осуществляли на протяжении всей войны. В начальный период войны — больше, на завершающем этапе войны — меньше, но от этого оно, предательство, ведь, не стало, менее подлым. И Жуков помогал Хрущеву в делах 1953 года, в государственном перевороте, тоже, как “подельник”, по предательству на войне, очень большому предательству. Эта “сладкая парочка” учинила не одну кровавую “мясорубку” бойцам и командирам Красной Армии, в 1941-ом и 1942-ом годах. Да, и в последующих победных годах, тоже немало наделала кровавых подлостей. Дело в том, что с конца 1945 года Л.П.Берия уже не занимался вопросами Наркомата внутренних дел — поспособствовали хрущевцы отстранению его с такого важного поста. Со временем, они же, расправятся и с Абакумовым, возглавляющим министерство госбезопасности. Сталин, видя, что министерства внутренних дел и госбезопасности, оказались слишком “засорены” людьми, не стоящими на страже интересов социалистической законности, это еще мягко сказано, решил дать хрущевцам бой. Но он, не предполагал, что бой окажется для него последним.

Хотя Сталин и добился через Президиум ЦК партии решения об объединении этих ведомств в одно, с возложением функций руководства снова на Л.П.Берия, но это действие оказалось запоздалым. Это было в последних числах февраля 1953 года. Для наших военных заговорщиков решение по Берии означало бы их конец.

Но, к сожалению, надо отдать должное изворотливости Хрущева. Сначала заговорщики хитростью расправляются со Сталиным — отправляя его на погост, а затем, просто напросто убивают Берия, лишая противную сторону своих сильнейших лидеров.

А ведь, после войны (трудно сказать: когда точно?) Сталин поручал соответствующим органам разбираться по поводу трагических событий 1941 года, и не только этого. Были проведены расследования, и ряд генералов были арестованы. По суду одни из них получили сроки, другие были расстреляны. Жуков поясняет, что сам Сталин проводил заседание, где обсуждалось его поведение:

“Всего в деле фигурировали 75 человек, из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним из списка был я”.

Георгий Константинович, здесь явно поскромничал, ставя себя в конец списка. Он был первым в этом деле, но по определенным обстоятельствам не был арестован, а был лишь понижен в должности и отправлен в Одесский военный округ. Дело о генералах тоже очень глухо озвучено. Материалов в открытой печати мало, а если встречаются, то в сильно искаженном виде, с уклоном в сторону антисталинизма, что является заведомо ложным путем в исследованиях такого рода. Вспомните, читатели, кто постарше, по возрасту. Во времена Хрущева и Брежнева о генералах-заговорщиках не только не говорили, даже и не заикались.

Так за что же были наказаны эти генералы в послевоенное время? Очевидно, за предательство. Например, Худяков и Ворожейкин — генералы ВВС, эти точно, за предательство, но об этих мы поговорим в другой раз. Их предательство — это не только 1941-й год и битва под Москвой, но и другое. И мне думается, что это были все-таки “караси”, а “налимы” ушли. Лаврентия Павловича Берии уже не было в силовых структурах после войны (интересно, по какой причине его убрали?) — говорят, атомным проектом вплотную занимался? Отчасти это так, но, может и поспособствовали в убытии, чтобы важный силовой орган страны ушел в другие руки. А то бы этим “налимам” несдобровать! Не дали Берии “разорваться на несколько частей”: к тому же, атомный проект, видимо, “счетоводы из Политбюро” посчитали, более важной государственной задачей на тот момент. Подумаешь, какие-то заговорщики сорок первого года. Не смог, к сожалению,

Лаврентий Павлович заглянуть в свое будущее — в противном случае, бился бы как лев, но не отдал бы НКВД. Тогда, этой “сладкой парочке”, Хрущеву и Жукову не поздоровилось бы.

Как видим, тема предательства советского генералитета все-таки возникала после войны и виновные, разумеется, определенная часть, были наказаны. Пусть даже, как в приведенном примере, только в ВВС Красной Армии. Но ведь можно было бы потянуть за ниточку, и весь клубочек размотался бы? Не получилось, да, и не дали.

Глава 11. Была ли помощь Гитлеру от нашей “военной оппозиции”?

Разумеется, была, о чем мы говорили выше. Уже с 1939 года, как видите, вновь начали потихонечку готовить свои подлые делишки. Хотя заговор Тухачевского был раскрыт, и большая часть примкнувших к заговору военных была уничтожена, но не надо думать, что с расстрелом руководителей заговора и части низового звена тайных заговорщиков, исчез сам заговор. Те, которые избежали ареста и затаились, сути-то своей, ведь, не изменили. Они могли прикинуться и верными ленинцами, и стойкими коммунистами, и преданными Родине патриотами. Но тем опаснее они становились! Рассмотрим пример с Д.Павловым — командующим Западным фронтом. Он “открыл” фронт немцам — за что был в начале июля арестован. Ему были предъявлены обвинения в развале управления вверенных ему военных структур, в чем он признался на следствии и, по решению Военного трибунала, был 22 июля 1941 года расстрелян. Давайте зададимся простым вопросом: “Он что не понимал того, что делал?”. Судя по протоколам его допросов, очень даже понимал. Он кто? Самоубийца? Что-то не очень подходит на эту роль. Любой офицер, а уж генерал, в ранге Павлова, тем более, знает, что за такие действия, а правильнее сказать, бездействия, в военное время — трибунал с отягчающими обстоятельствами, может быть и расстрел, что и произошло на самом деле. И вот Павлов что, решил дурковать? Посмотрим мол, что, из этих, моих чудачеств выйдет? Конечно же, нет! Все он прекрасно знал, что он делает, — не первый день в Красной Армии. Представим себе, что он состоит в заговоре генералов и некто, из высшего руководства, судя по всему, Мерецков, дает ему указание на противоправные действия при начале военных действий со стороны Германии. Нормальная реакция Павлова в подобной ситуации должна быть такой: “Будет ли успех в данном деле?” и в случае неудачи, — “Какова гарантия личной безопасности?” Ведь Особый отдел фронта не для того создан, чтобы “лапу сосать”! Ну, если не особысты, то все равно найдутся “добры молодцы”, которые возьмут его “под белы ручки” и доставят туда, куда надо. Так ведь все и произошло на самом деле. Но это было потом. А до начала войны, Павлова, по-видимому, убедили, и убедили основательно, что все сойдет ему с рук, иначе, он не совершил бы всего того, из-за чего, в конце концов, попал на скамью подсудимых и его расстреляли. Какие же гарантии ему могла дать верхушка заговора, что его не арестуют “добры молодцы” в первые дни войны? Значит, Павлова убедили, что с началом военных действий в верхах, в Кремле, произойдет что-то такое, что власть будет подконтрольна заговорщикам. Тогда, кто ж его, Павлова, обидит!? Тут тебе и личная безопасность и материальное благополучие в придачу. И Павлов, вполне возможно, встал на путь предательства, или пособничества заговорщикам зная, или, во всяком случае, полагая, что “дело выгорит”. В противном случае, он этого делать не стал бы. Что же могло быть, весомой гарантией, чтобы Павлов согласился с данным ему предложением? Не надо забывать, что на карту поставлена его собственная жизнь. Тут должен быть точный расчет, с такими вещами по жизни не шутят.

За примером, обратимся к событиям 1944 года. Июльский заговор против Гитлера. Штауффенбергу (активному заговорщику, организатору взрыва в Ставке фюрера) кажется, что покушение на Гитлера прошло успешно, и он стрелой летит в Берлин и просит командующего Резервной армии генерала Фромма примкнуть к заговору, с тем, чтобы взять под контроль столицу. Командующий Фромм был, как бы, “пассивным” заговорщиком и поэтому потребовал гарантий в том, что Гитлер мертв. В противном случае он занимает нейтральную позицию. Убедившись, в дальнейшем, что попытка убийства Гитлера не удалась — Фромм отказался сотрудничать с руководителями заговора, как те его не уговаривали. Что и спасло ему, в результате таких действий, жизнь, а заговорщики остались при своих интересах. Как видите,

положительный результат в покушении на жизнь первого лица государства, играет исключительно важную роль в проведении заговора.

А не стоял ли такой вариант, в нашей истории, с генералом Павловым? То есть, к примеру, его убедили, что первое лицо государства 22 июня будет “нейтрализовано” и Павлов дал “добро”. Но у заговорщиков в этом деле “не срослось”, как говорится! У читателя есть сомнения, что покушения такого уровня готовят не на первых, а на вторых или третьих лиц государства? У меня, лично, нет! Кто у нас в июне 1941-го был первым лицом в государстве — Сталин! А вторым лицом кто был? — Молотов. Разница, сами понимаете, существенная. И кто у нас, по версии Хрущева “исчез”, в первые дни войны, из Кремля? Не Молотов же, а Сталин. Если недоверчивый читатель потребует от автора неопровержимых доказательств, то, к сожалению документов, прямо уличающих заговорщиков, нет, и не предвидится. Вряд ли, документы, такого рода имеются, а, если бы и имелись в наличии, то вряд ли бы сохранились к настоящему времени. После государственного переворота 1953 года хрущевцы — жуковцы, очень сильно почистили архивы, избавляясь от компрометирующих их материалов. Есть надежда, что со временем, все же будет найден архив Берии: его личные бумаги и различного рода секретные документы, которые приговоздят к позорному столбу предателей. Но, пока, это дело будущего.

Пусть также читатель не строит иллюзий относительно того, что в недрах архивов могут быть какие-то списки заговорщиков? Такие списки существуют только в недрах разведок стран-противников, которые пристально следят за появлением на горизонте политической борьбы страны-конкурента сил оппозиции. Я приведу высказывание бывшего заместителя министра иностранных дел В.С.Семенова, взятое из книги Ф.Чуева “Молотов”. Пояснение Владимира Семеновича очень важно, в понимании процесса заговора:

“Я принадлежу к тем людям, которые знают историю нашей партии не только по документам, потому что **по документам никакая история не происходит.**

А я знаю эту историю **по разговорам, по телефонному звонку, по мимолетному замечанию**, и эта история, как и всякая иная история, как история Великой французской революции, хотя она была буржуазная, это была история, не записанная на пленку. Это была история мимолетного столкновения, мимолетного обмена мнениями. Если б написать **историю партии** по этим мимолетным столкновениям и явлениям...”

Понятно, что она сильно бы отличалась от официальной трактовки событий, с чем мы и сталкиваемся в исследованиях, и по сей день. Ну, а что сказал по нашему делу уважаемый дипломат, строго следящий за каждым своим словом?

“**Революция** (тот же, заговор. — В.М.) делается не на бумаге, а **в разговоре**, в том, что **сказано по телефону**, но никогда не будет воспроизведено в каком-то документе. **Несколько слов, одно слово решало — туда или сюда**”.

Не правда ли похоже на ситуацию с Д.Павловым? К дипломату В.С.Семенову мы еще обратимся связи с Нюрнбергским процессом.

Продолжим по теме с Западным округом. Понятно, что с документами, оставшимися от расследования по “делу Павлова” обошлись не вежливо. Поэтому материалов по теме заговорщиков маловато, “истерлись” со временем.

А сейчас, к сожалению, в расследовании приходится использовать только косвенные улики. Но от этого, ведь, данная тема не становится менее острой. Сколько же сотен тысяч бойцов Красной Армии было загублено, для достижения этой подлой цели — свержения Советской власти в 1941 году?

Обратимся к мемуарам И.В.Болдина изданным в далеком 1961 году. В своих воспоминаниях товарищ Болдин рассказывает читателю и о первых часах нападения Германии и о том, как он, заместитель командующего Западным округом, реагировал на происходящие события. Мы еще вернемся к этим мемуарам, но в данном случае нас будет интересовать вот какой факт в изложении Болдина. Оперативный дежурный вызвал нашего героя в штаб округа, где он встретился со всем руководством. Раздался телефонный звонок из Москвы.

“Павлова вызывал нарком обороны Маршал Советского Союза **С. К. Тимошенко**. Командующий доложил обстановку...

Павлов обращается ко мне:

— Голубев (командующий 10 армией Западного округа — В.М.) один раз позвонил, и больше никаких сведений из десятой армии нет. Сейчас полечу туда, а ты оставайся здесь.

— Считаю такое решение неверным. Командующему нельзя бросать управление войсками, — возражаю я.

— Вы, товарищ Болдин, — переходя на официальный тон, говорит Павлов, — первый заместитель командующего. Предлагаю остаться вместо меня в штабе. Иного решения в создавшейся ситуации не вижу.

Я доказываю Павлову, что вернее будет, если **в Белосток полечу я**. Но он упорствует, нервничает, то и дело выходит из кабинета и возвращается обратно.

Снова звонит маршал С. К. Тимошенко. **На сей раз обстановку докладываю я**. Одновременно сообщаю:

— **Павлов рвется в Белосток**. Считаю, что командующему нельзя оставлять управления войсками. **Прошу разрешить мне вылететь** в десятую армию.

Нарком никому не разрешает вылетать, предлагает остаться в Минске и немедленно наладить связь с армиями”.

Помните, известнейший фильм братьев Васильевых “Чапаев”, где начдив Василий Иванович объяснял присутствующим в штабе лицам, как должен вести себя командир в зависимости от складывающейся обстановки. Где должен был находиться командир, если противник предпринял наступление на боевые порядки его войска? Правильно, на возвышенности и оттуда наблюдать за картиной боя. Если отойти от действия художественного фильма, то где должен был находиться командующий Западным округом Д.Г.Павлов? Разумеется, в штабе округа, на тот момент уже фронта, и по мере поступления сообщений от командиров низового звена принимать решения. Что же пытается сделать Павлов впервые часы нападения Германии? Он рвется из штаба после первого же телефонного разговора с Тимошенко?! Болдин останавливает командующего, но обратите внимание на мотивировку его возражений, что, дескать, “прошу разрешить **мне** вылететь **в десятую армию**”. Происходит, в буквальном смысле перепалка, между Павловым и Болдиным о том, **кто должен покинуть штаб**. Именно, так надо понимать происходящие диалоги. Чувствуется, что Болдин, хоть и заместитель командующего, но по хватке, более “матерый”.

“В моем кабинете один за другим раздаются телефонные звонки. За короткое время **в четвертый раз** вызывает нарком обороны...

Захожу к Павлову, передаю содержание моего последнего разговора с наркомом обороны. Сообщаю, что С. К. Тимошенко разрешил **мне** вылететь в Белосток. **Прощаюсь и стремглав бегу к машине**".

Читателю, это ничего не подсказывает? Павлов захотел "смыться" из штаба, но Тимошенко ему не разрешил. А вот Болдин взял инициативу в свои руки (в его кабинет, почему-то четыре раза звонил нарком обороны Тимошенко) и получил "добро" на убийство. Очень обрадовался, сам же пишет: "...стремглав бегу к машине".

Почему Павлов после первого же звонка из Москвы заторопился покинуть штаб округа в Минске и убить в Белосток? Думается, что он получил сообщение, которое его не обрадовало. По той же, думается, причине, стремился покинуть штаб и Болдин. Не буду долго интриговать читателя, а выскажу свою точку зрения, по поводу неприятного сообщения из Москвы. Мог, например, Павлов, поинтересоваться у наркома обороны о состоянии здоровья первого лица государства? И что Тимошенко ему ответил? По всей видимости, что Сталин, пока жив! Или можно сказать так: на данный момент, остался жив. Представляете, как теперь Павлов должен был отнестись к этому известию? Сразу, небось, мелькнула мысль об аресте: "Сдайте, оружие!" Ведь, всё так и произошло через несколько дней. Обратите, только внимание, кто арестовал Павлова? Не представители контрразведки, а — Мехлис! Человек, которому доверял Сталин.

А хитрый Болдин улизнул, и долго "кантовался" по лесам в тылу у немцев и, удивительное дело, вышел к своим лишь тогда, когда маршал Тимошенко стал Главкомом Западного направления. Тот сразу взял его "под свое крыло", назначив тут же своим заместителем. Скептики возразят, что это все чистое совпадение. Не буду спорить, ибо "такие" совпадения на войне, действительно, имели место.

А по делу Павлова много чего происходило "интересного". Ниже, приведен один эпизод, в котором казалось обыденные факты, приобретают зловещую окраску.

Глава 12. Хрущев проговаривается...

У писателя Ф. Чуева в его книге "Так говорил Каганович" есть глава о том, как, якобы, Лазарь Моисеевич Каганович спасал своего брата Михаила от необоснованных наветов, но дело, все же закончилось трагически. Ф. Чуев ведет с Лазарем Моисеевичем диалог:

"— Говорят, Орджоникидзе не мог вынести репрессий и застрелился.

— Это другой вопрос. У Орджоникидзе брата арестовали. Переживал очень. У меня брат тоже... Обвиняют, что я его не защищал. Вранье! Само по себе обвинение глупое. Представьте себе, что брат был бы врагом. Тогда я бы, конечно, пошел против него! Так что же обвинять, мол, он даже брата не защищал — это по-мещански, это по-обывательски! Брата надо защищать, если ты убежден, что он прав. А я был убежден, что он прав, и я его защищал. Защищал.

Очную ставку требовал. Меня изображают, что так преклонялся перед Сталиным, что брата своего предал! Волкогонов пишет, что Сталин сказал: твой брат с правыми связан, а я ответил: пусть судят, как полагается по закону. При чем тут закон? Если правые, при чем тут закон? Другие пишут, и Бажанов тоже, я дал согласие, согласился. А это все вранье.

Я пришел в Политбюро, и Сталин мне сказал:

— Вот мы получили показания, что ваш **брат Михаил состоит в заговоре**.

Я говорю:

— Это ложь. Я знаю своего брата. Это большевик с девятьсот пятого года, рабочий, преданный человек, преданный Центральному Комитету партии. Все это ложь.

Сталин говорит:

— Как ложь? Я получил показания.

— Мало ли показаний бывает? Это ложь. Я прошу очную ставку.

Сталин так посмотрел:

— Хорошо.

И Сталин сказал:

— Хорошо. Давайте очную ставку”.

Из этого диалога прорисовывается следующая картина. Брат Л.М.Кагановича обвиняется во многих прегрешениях, но все они, почему-то, нечетко сформулированы. Сначала Лазарь Моисеевич говорит, что его брата обвиняют, как “врага”, надо полагать, как “врага народа”. Затем выясняется, что известный враль по истории Волгогонов утверждает, что Михаил Каганович связан с правым уклоном, что приводит в ярость Кагановича младшего. Обратите внимание на фразу: “Если правые, при чем здесь закон?”. Для Лазаря Моисеевича правые уклонисты, это внутривнутрипартийные разборки, если, конечно, тут не замешано политическое дело с уголовным “душком”. “Бажанов пишет” — не совсем понятно, какого Бажанова имеет в виду Л.Каганович? Если перебежчика Б.Бажанова, секретаря Сталина — это все же конец двадцатых годов. Может речь идет о прежнем начальнике НИИ ВВС, комбриге Н.Н. Бажанове? Он был в ведомстве М. Кагановиче, когда тот был наркомом авиапрома, но он был расстрелян еще в 1938 году. Мутит воду Лазарь Моисеевич. А читатель думает, что дело происходит в годы “чисток”? Как бы ни так!

“Меня на очную ставку не вызывали, **потому что была война, сорок первый год**. Я был занят делом. “Нельзя его нервировать, дергать его сейчас, поэтому вы его не вызывайте”, — так Сталин сказал. Меня не вызвали. Брат поторопился, конечно. Ванников, который на него наговаривал, он же потом наркомом был, министром. Его освободили, конечно. Ванников был заместителем моего брата.

Когда на **Ванникова** были показания, Михаил, он горячий был, с пеной у рта его **защищал**. Этот Ванников у него на даче ночевал, боясь ареста. И брат защитил его. А потом этот же Ванников на него показывал. Тот говорит:

— Ты что, с ума сошел?

Нет, **ты был вместе со мной в одной организации**.

Что ему скажешь?”.

Как видите, события, о которых рассказывает Лазарь Моисеевич происходили в начале войны, в 1941 году. Почему-то, не уточнено, когда именно. Придется уточнить за автора и рассказчика. Ванников был арестован в начале июня. По рассказу Л.Кагановича, чтобы “выкрутиться”, Ванников облыжно обвиняет старшего Кагановича, Михаила. В чем и зачем? Сейчас пойдем из изложенного ниже. Ф.Чувев задает Лазарю Моисеевичу вопрос:

“— Но вы не видели Михаила перед тем, как он застрелился?

— Нет. Это было в коридоре. Ему сказали: “Ты там подожди, а мы еще раз поговорим с Ванниковым”. Берия и Маленков. Ванников тут же сидел. Они говорили: “Мы решили его еще раз допросить, что, он с ума сходит, что ли?”

А брата попросили выйти и подождать. Он, видимо, решил, раз его попросили выйти, так ему не верят, и застрелился.

— Но его не арестовывали, раз у него был с собой пистолет?

— Нет, нет. Он оставался членом ЦК. Было решение Политбюро — снять всякие обвинения с Кагановича Михаила, памятник ему на Новодевичьем поставили и разрешили мне написать — я спрашивал специальное решение Политбюро, — что брат — “член ЦК”. Там так и написано: “член ЦК”.

Значит, сам Лазарь Моисеевич не присутствовал на очной ставке, ввиду занятости? “Я был занят делом”??? Очень подозрительно, ведь сам же требовал, как уверял Ф.Чуева, у самого Сталина предоставить ее? Не менее странным выглядит и Сталин с напускной заботой о товарище из ЦК: “Нельзя его нервировать, дергать его сейчас, поэтому вы его не вызывайте”??? Но ведь, сам же, лично, как утверждает Лазарь Моисеевич, дал согласие на проведение очной ставки между братьями? Но тогда, о какой очной ставке может идти речь, если Михаил не арестован? Что понимают наши герои под словом “очная ставка”? А не кажется ли странной такая фраза, приписываемая Берии и Маленкову в адрес Михаила Кагановича: “... он с ума сходит, что ли?”. О чем это? Берия и Маленков, со слов Лазаря Моисеевича, не понимали, почему М.Каганович защищает Ванникова от обвинения, когда есть, на их взгляд обличительные показания? Отсюда и вышеприведенная фраза: “... он с ума сходит, что ли?”. Хорошо. Предложили М.Кагановичу выйти в коридор и подождать, а он возьми, да и застрелись. Я уже отмечал, что у советских историков в Кремле, могут происходить самые невероятные вещи. Например, коридор что? место для сведения счетов с жизнью? Ведь, сам Лазарь Каганович в этот острый момент, почему-то отсутствовал? К тому же, что-то кажется сомнительным, что Михаил Моисеевич на очную ставку с Ванниковым пошел, положив в карман пистолет? Или он сбегал куда-то, пока комиссия решала его вопрос, принес пистолет и назло товарищам из ЦК, пустил себе пулю в висок у дверей данного кабинета? А если предположить, что никакого “самоубийства” в коридоре Кремля не было? Все это могло произойти в другом месте и при других обстоятельствах. Кроме того, в своем рассказе Ф.Чуеву Лазарь Моисеевич из членов комиссии, почему-то пропустил А.Микояна? Почему? А ведь из тройцы, допрашивающих М.Кагановича, свои воспоминания по этому делу, разумеется, оставил, именно, один Анастас Иванович Микоян, тоже не отличающийся почему-то, многословием по данному делу:

“Ванников был арестован еще Ежовым и **находился в тюрьме, когда началась война**. Ванников и Берия вместе учились в Бакинском техническом училище и были друзьями в юношестве. Я тоже знал Ванникова по Баку. Берия при моей поддержке уговорил Сталина освободить Ванникова из тюрьмы и назначить наркомом боеприпасов. Ванников, очень способный организатор, был когда-то директором тульских заводов вооружения, оттуда был выдвинут в наркомат и теперь вновь возвращен на свое место. Его тогда привели в кабинет Сталина, где все мы находились, прямо из тюремной камеры”.

Тут Микоян явно перестарался “навести тень на плетень”. Николай Иванович Ежов был отстранен со своего поста наркома внутренних дел в конце 1938 года, более двух с половиной лет до произошедших событий. Анастас Иванович явно “заливает” своим читателям, чтобы сошлись концы с концами. Якобы, Ванникова арестовал плохой Ежов, а хороший, в данном случае Берия, его, якобы выпустил, так как они были друзьями в юности. Кроме того, Микоян делает акцент, что Ванников был арестован, задолго до войны. Чтобы по этому делу об аресте, не привлечь Берию, пришлось арест перенести аж, в 1938 год, во времена “железного” наркома (Тут они поют с Л.Кагановичем в унисон, в два голоса). И чтобы, после почти трех лет тюрьмы — прямо в Кремль, в кабинет к Сталину!? Чего не сочинишь, чтобы скрыть факт ареста, тоже, “друга детства”. А

зачем? К тому же, о М.Кагановиче, проходившем по этому делу, в воспоминаниях не обмолвился ни единым словом. А ведь Михаил Моисеевич, все же была фигура значимая. Надо же было так запечатлеть?

Кстати, что же инкриминировалось М.Кагановичу, со стороны Б.Ванникова? Об этом, даже страшно произносить: “Участие в заговоре!”. Это Вам, не какое-нибудь, халатное отношение к своим должностным обязанностям. Это очень серьезное обвинение, если учесть, что началась война именно с Германией, в чью пользу и был направлен заговор. Почему-то об этом, Лазарь Каганович не стал особо распространяться? Или как всегда, редактора подправили?

Между прочим, Лазарь Моисеевич, ранее давал подобное интервью и Г.А.Куманеву. С этим историком, в дальнейшем, у нас еще будут встречи. Рассказ в деталях, примерно, совпадает. Правда, есть отдельные разночтения. Остановимся на них. Помните, что Л.Кагановича не вызвали на очную ставку, так как, якобы Сталин, обеспокоился состоянием тонкой, чувственной души товарища по партии. В данном интервью Куманеву, все выглядит несколько иначе. Снова говорит Л.Каганович:

“Через два дня меня вызвали. (Это я Вам рассказываю документально, я пока этого нигде не рассказывал.) Но это факт, так оно было. Маленков, Берия и Микоян вызвали меня. В один кабинет, где они сидели. Я пришел. Они мне говорят: “Мы вызвали сообщить неприятную вещь. Мы вызывали Михаила Моисеевича на очную ставку”. Я говорю: “Почему меня не вызвали? Я рассчитывал, что я на ней буду”. Они говорят: “Слушай, там такие раскрыты дела, что решили тебя не волновать”. Во время той очной ставки был вызван Ванников, который показывал на него. А Ванников был заместителем Михаила в свое время...”

Здесь еще нет упоминания о Сталине. Каганович, к тому же утверждает, что интервью по данной теме — первое. Видимо рассказ Ф.Чуеву был позже по времени. Здесь, как видите, ранее заботу о здоровье Л.Кагановича взяли на себя перечисленные выше товарищи. Кроме того, опять непонятна их обеспокоенность реакцией Л.Кагановича на обвинение, предъявленное брату, Михаилу. Ведь Лазарь Моисеевич уже знал, что брату предъявлено, довольно серьезное обвинение, но в те времена, когда давалось интервью Г.Куманеву слово “заговор” произносить, как видите, было запрещено. Он, Лазарь Моисеевич, сразу же после этих предъявленных обвинений брату, к Сталину пошел в расстроенных чувствах. От чего же его тогда оберегать? Кроме того, Г.Куманев уверяет Л.Кагановича, ну и нас, читателей заодно, что видел, в Кремлевском архиве документ, где, якобы, говорилось, что М.Кагановича вызывали на Лубянку и он там застрелился в туалете из пистолета. Однако Лазарь Моисеевич категорично возражает, утверждая, что очная ставка происходила в Совнарком, т. е. в Кремле. И еще одна тонкость. В рассказе Ф.Чуеву нет упоминания, что Михаил Каганович застрелился в туалете. Вот как этот эпизод самоубийства М.Кагановича выглядит в первом упоминании, у Г.Куманева.

“Ну, при них ничего не могли обсуждать, вывели арестованных, а Михаилу говорят; “Ты иди, пожалуйста, в приемную, посиди, мы тебя вызовем еще раз. А тут мы обсудим”.

Только начали обсуждать, к ним вбегают из приемной и говорят, что Михаил Каганович застрелился. Он действительно вышел в приемную, одни говорят — в уборную, другие говорят — в коридор. У него при себе был револьвер, и он застрелился. Он человек был горячий, темпераментный. И кроме того, он человек был решительный и решил: в следственную тюрьму не пойду. И лучше умереть, чем идти в следственную тюрьму”.

По-моему, туман не рассеивается, а становится еще гуще. Согласитесь, что приемная, коридор и уборная, это все же разные места, по определению. Так, где же, по воспоминаниям Лазаря Моисеевича, действительно покончил с собой его брат? Что же не поинтересовался, где же именно тот застрелился? Кроме того, от кого Лазарь узнал, что Михаил решил: “в следственную тюрьму не пойду. И лучше умереть, чем идти в следственную тюрьму”. Вероятнее всего, что между

братьями был предварительный разговор. Иначе, откуда такие слова, что Михаил “решил”? Видимо, Михаил поделился с братом своими тревогами, по поводу предъявленных обвинений. Они, надо полагать, имели такой компрометирующий характер, что Михаилу трудно было их парировать. Надо учесть, еще одно обстоятельство. Рассказывая Куманеву сцену допроса М.Кагановича, откуда Лазарь Моисеевич узнал, что брат кричал на Ванникова и других: “Сволочи, мерзавцы, вы врете...”. Откуда узнал, что было на очной ставке, если, как говорит, не присутствовал на ней? Вряд ли Маленков, Берия или Микоян стали бы пересказывать Л.Кагановичу бранные слова его брата в адрес обвиняемых. Скорее это был пересказ самого Михаила Кагановича своему брату Лазарю после первого допроса обвиняемых, на котором он был, после чего младший Каганович и пошел, якобы, к Сталину или Лазарь Моисеевич, сам присутствовал при сцене допроса своего брата, но счел за благо промолчать об этом. Кроме того неясно, неужели это были все же обвинения в заговоре, о которых Л.Каганович поведал Ф.Чуеву и после которых старшему Кагановичу и пришлось расстаться с жизнью?

Придется обратиться за “помощью” к Никите Сергеевичу Хрущеву. Этот борец “за оттепель” в своих мемуарах написал следующее:

“Молотов был ближе к Сталину, хотя Каганович (Лазарь Моисеевич — В.М.) тоже был очень близкий к нему человек, и Сталин его за “классовое чутье”, за “классовую непримиримость” к врагам выставлял как эталон решительного человека. Мы потом хорошо узнали, что это за “решительность”, что это за человек, который и слова не сказал за своего брата Михаила, и брат покончил жизнь самоубийством, когда выхода у него уже не было, когда **ему предъявили обвинение, что он немецкий агент и Гитлер метит его в состав русского правительства после захвата Москвы.** Что может быть нелепее: Гитлер еврея Михаила Кагановича намечает в правительство России! Я не слышал, чтобы кто-либо говорил об этом, и никогда Каганович не возвращался к трагедии своего брата, даже когда уже выяснилось, что это была нелепость”.

Получается, что в деле Б.Ванникова — М.Кагановича, все же присутствовал момент об образовании русского правительства со стороны заговорщиков. Хрущев, привел этот эпизод, чтобы разыграть антисемитскую карту и на этом примере, якобы, высмеять всю несостоятельность обвинения по созданию “русского правительства”. Обратите внимание: Хрущева не удивило, что Гитлер намечал состав нового русского правительства после захвата Москвы! Ему, видите ли, показалось нелепым то, что именно еврей Михаил Каганович будет в составе того правительства. Будь М.Каганович русским по крови, или кто-то другой на его месте, не еврей, — тогда, выходит, другое дело!?! Кроме того, ведь это были только обвинения, выдвинутые в ходе следствия. Почему М.Каганович, так остро отреагировал на них? Заметьте, что самоубийство М.Кагановича помогло выйти “сухим из воды” Ванникову. Все концы “замкнули на мертвом М.Кагановиче, и следствие, вынуждено было освободить поделщиков по данному делу. Но давайте, порассуждаем. Почему М.Каганович не смог парировать выдвинутые против него обвинения? И почему, после его самоубийства были выпущены и Ванников, и тот же Мерецков? А Мерецков был повязан по делу Д.Павлова. То, что Б.Ванников подставил М.Кагановича ясно, но как это могло выглядеть в реальности? Ведь, по рассказу Лазаря Моисеевича, те то, были арестованы и находились под следствием, а М. Каганович, якобы, был на свободе? И каким же образом, строилось обвинение Михаилу, если после его смерти, его поделщики обрели свободу?

А что сам Ванников, говорит по такому поводу в своих “Записках наркома”?

“...В первых числах июня 1941 года, за две с половиной недели до начала Великой Отечественной войны, я был отстранен с поста Наркома вооружения СССР и арестован. А спустя менее месяца после нападения гитлеровской Германии на нашу страну мне в тюремную одиночку было передано указание И. В. Сталина письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий.

Обстановка на фронте мне была неизвестна. Не имея представления о сложившемся тогда опасном положении, я допускал, что в худшем случае у наших войск могли быть небольшие

местные неудачи и что поставленный передо мной вопрос носит чисто профилактический характер. Кроме того, в моем положении можно было лишь строить догадки о том, подтвердило или опровергло начало войны те ранее принятые установки в области производства вооружения, с которыми я не соглашался. Поэтому оставалось исходить из того, что они, возможно, не оказались грубыми ошибками, какими я их считал.

Конечно, составленную мною при таких обстоятельствах записку нельзя считать полноценной. Она могла быть значительно лучше, если бы я располагал нужной информацией.

Так или иначе, записка, над которой я работал несколько дней, была передана И. В. Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привезли к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка была внимательно прочитана. В присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова Сталин сказал мне:

— Ваша записка — прекрасный документ для работы наркомата вооружения. Мы передадим ее для руководства наркомату вооружения. В ходе дальнейшей беседы он заметил:

— Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...”

Да за такие “дела”, относительно написания “прекрасного документа для работы наркомата вооружения” ордена мало! Может Л. Берия его, Ванникова специально и посадил, чтобы тот, после начала войны в тюремной камере проявил свои творческие дарования? Смущает, однако, фраза приписываемая Сталину: “...Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...”.

Кого же Сталин, мог подразумевать под “подлецами”? Не М. Кагановича же? Если сам Лазарь Моисеевич утверждает, что ходил просить к Сталину за брата, и в одном из вариантов воспоминаний, как помнится, Сталин даже дал добро на очную ставку.

Как видите, многого из данных мемуаров не выжмешь. Ванников закрылся, как устрица в своих створках. Лишнего не сболтнул. А то сидел, понимаешь, в следственной тюрьме на Лубянке, якобы, без предъявления обвинения, были очные ставки с М. Кагановичем — тоже молчок. Чтобы записку по наркомату вооружения написать что ли, посадили? — так надо понимать, изложенные выше мемуары наркома?

Тут, и с этим, Михаилом Кагановичем, происходит странная история. Как же он умудрился, находясь под следствием, застрелиться на Лубянке? Официальные источники все до одного, уверяют нас, что Михаил Моисеевич Каганович покончил жизнь самоубийством 1 июля 1941 года. Тогда, как прикажете понимать их акцент на то, что покончил с жизнью, дескать, “в обстановке массовых репрессий”. Какие уж тут массовые репрессии, когда началась война? Скорее следует задаться вопросом: “Почему с началом войны свел счеты с жизнью? И где это, именно, произошло?” Поэтому и написана подобная глупость о М. Кагановиче, чтобы не привлекать к данному самоубийству лишнего внимания.

А дело представляется, происходило следующим образом. Накануне войны начались аресты сотрудников аппарата ВВС Красной армии. Разумеется, зацепили и работников наркомата авиапрома. Еще в 1940 году, старшего Кагановича крепко понизили в должности, сместив с наркомов и назначив директором авиазавода № 24 в Казани. Михаил Моисеевич особых лавров на посту наркома не заслужил, более того, видимо и место директора завода, для такого “корифея авиастроителя” было ему не по плечу. Он взлетел вверх по служебной лестнице в результате революции, где проявил себя ярким ее приверженцем. Время же, все расставило по своим местам. Он не был умным человеком, а лишь создавал видимость значимости своей фигуры. Кроме того использовал значительный авторитет и “вес”, своего младшего брата Лазаря, входившего в состав Политбюро. Судя по воспоминаниям людей, близко с ним работающих, Михаил Моисеевич, плохо представлял работу вверенного ему авиапрома, чем могли воспользоваться его недоброжелатели

или просто, как например, Ванников, попавший в трудное положение, использовать его в своих целях. М.Каганович, по своей слабой компетенции в области самолетостроения, мог наподписывать массу официальных бумаг, иной раз, видимо, смутно понимая значимость оных, которые в ходе следствия, могли сильно попортить картину его “яркого” прошлого.

Лазарь Моисеевич, сильно выпячивает фигуру своего брата Михаила, представляя, что дело по его “разборке” происходило в Совнаркоме. К этому моменту, его брат был простым директором завода, хотя по инерции, еще оставался членом ЦК. Разумеется, его забрали на Лубянку. Михаил, пользуясь своим статусом члена ЦК связался со своим братом Лазарем и посвятил того в перипетии “дела о заговоре”. Перспективы были не радужными. М.Каганович, понимал, что следователи на Лубянке — это не товарищи из комитета партийного контроля и намотают ему срок на полную катушку, если не больше. Выход ему подсказали “товарищи по ЦК”. Помните, как волновался Лазарь Моисеевич о том, останется после смерти брат членом ЦК или нет. Как убежденно он уверял Ф.Чуева, что было “специальное решение Политбюро” по делу М.Кагановича. Видимо, сам же Лазарь и “угovorил” брата о “таком” выходе из положения. Кроме того, М.Каганович, видимо, был трусоват, что в прочем, не мешало ему жить на широкую ногу. Боязнь, что в тюрьме он может многое рассказать лишнего и что, тогда ему все равно не выйти на волю, побудило его, видимо, принять “совет” брата. Жена и дочь, в таком случае будут не родственниками “врага народа”, а получат соответствующий пенсион, по случаю потери кормильца. Думаю, что эту мысль Лазарю (для передачи Михаилу) внушил именно, Анастас Иванович. А то, с чего бы это, так играть в молчанку о М.Кагановиче. Заметьте, обе стороны: Л.Каганович и А.Микоян остались довольны. Лазарь Моисеевич помог жене брата и племяннице вести привычный образ жизни, а Анастас Иванович вызволил “друга детства” и “очень способного организатора” из тюрьмы, по очень щекотливому делу.

Организация “самоубийства М.Кагановича”, могла быть оформлена и в стенах Лубянки. Пистолет внутрь Лубянки, спокойно мог пронести и сам Лазарь Моисеевич, обладавший всевластными привилегиями члена Политбюро. А то, “я был занят делом”, когда решалась судьба родного брата. Каганович старший, проинструктированный, что нужно делать, отпросился “до ветра”. Товарищи, ведшие дело, не стали особо вникать в разборки партийных верхов. Все оказалось шито-крыто. Если не считать, что Борис Львович Ванников, думается, написал “покаянное письмо” в адрес Политбюро и вышел на волю с “чистой совестью”. Относительно реакции товарища Сталина, по поводу его похвалы в адрес “прекрасного документа для работы наркомата вооружения” — оставлю на совести автора “Записок”.

Но это, что касается “романтической” стороны дела. Ведь могла быть и другая сторона, менее благопристойная — без пистолета. Согласитесь, что стрельба подследственного в стенах Лубянки, это все же неординарное событие. Все могло быть оформлено гораздо тише. Это Лазарь Моисеевич, впоследствии будет лепить из брата ореол мученика за правду, а реалии жизни могли быть и проще и жестче. Надо, видимо было, чтоб Михаил Каганович “тихо ушел”, он и “ушел”. Имеет ли смысл гадать о “технике ухода”? Важно, какие преследовались цели и были ли получены нужные результаты? Судя о последствиях, всё всем — удалось.

Не надо, однако, забывать, что по партийным правилам члены партии не могли быть привлечены к аресту. Сначала дело рассматривалось в узком кругу руководящих партийных работников (на бюро), которых знакомили с материалами следственного дела, а уж затем бюро, в случае неопровержимых доказательств вины подозреваемого, давало добро на лишение членства в компартии данного товарища, попавшего в орбиту следственных органов. И только человек, лишенный партийного билета, и ставший, уже **бывшим** членом компартии, мог подлежать аресту. Вот такой, примерно, существовал механизм ареста партийного работника. Поэтому и происходит необъяснимая круговерть, якобы, с привлечением брата Лазаря Кагановича к аресту и дачи показаний, то в Совнаркоме, то на Лубянке. Концы-то, не вяжутся. Так что, всё, связанное с делом Михаила Кагановича, темень непроглядная.

Что же касается Лаврентия Павловича, думается, вряд ли его посвятили в “партийный междусобойчик”. Кроме того, Ванникова не восстановили в первоначальной должности, а направили заместителем в наркомат боеприпасов. В дальнейшем, в связях, порочащих “настоящего коммуниста” замечен не был, за что получил в свое время от правительства, кучу орденов и всяческих наград. И все же, “боевой” путь закончил почему-то, не в преклонном возрасте, а во времена Хрущева, в 1962 году. Между прочим, жена Михаила Кагановича, Цицилия Юльевна закончила свой жизненный путь, тоже во времена Никиты Сергеевича, в 1959 году и тоже, как говорится, не в глубокой старости.

Ну, а мы продолжаем рассматривать события в Москве 41-го года. Отсутствие Сталина в Кремле, примерно, с 22 по 25 июня по невыясненным обстоятельствам, будет играть на версию покушения на Сталина, а значит и на заговор военных и, как видите, не только их. Конечно, 22 июня взято условно, потому что “нейтрализация” Сталина могла произойти и чуть раньше этого срока.

Глава 13. Москва, 22 июня 1941 года. Кремль без Сталина?

Вот, наконец, уважаемый читатель, мы с вами и добрались до начала войны в Москве в июне 1941 года. Как ее восприняло руководство страны во главе со Сталиным?

Давайте, более пристально рассмотрим события этих дней. Тут, без “мемуаров” Жукова, не обойтись. Ночь перед нападением Германии на Советский Союз. Все спят — один лишь он, Жуков, из лучших генералов, бодрствует! Звонит на дачу Сталина: “Тревога! Тревога! Враг напал на нашу страну! Срочно все просыпайтесь и дайте мне разрешение немцев побить! Что, не хотите отвечать, товарищ Сталин? Да вы хоть понимаете спросонья, что я вам говорю? Ага! Дошло, наконец! То-то, же! ... Сейчас, еду в Кремль, и вас там жду”. Читатель спросит, почему эти события изображены так карикатурно? А как надо относиться ко всему тому, что написано Жуковым о первом дне войны? Вся его писанина о происходящем — в лучшем случае, художественная лирика, в худшем — подлое вранье, и не более того.

Министр иностранных дел Германии И.Риббентроп на пресс- конференции сообщает о начале войны против СССР. 22 июня 1941 года.

То, что у Жукова было, как указывал выше, образования, всего-то ничего: 3 класса церковно-приходской школы и 4-й класс городского училища (собственноручная запись в Личном листке по учету кадров), плюс командирские курсы, т. е., довольно скромный багаж знаний для литературного творчества. К тому же обыск на даче Жукова (будем считать, что 1948 года), показал полное отсутствие советских книг на русском языке!? Зачем забивать голову “великого” полководца всякой литературной “чепухой”. Он и так, за всю свою военную службу, кроме заявлений да резолюций, другой “литературной” деятельностью себя обременял. И ведь исхитрился написать мемуары довольно объемные по содержанию. Разумеется, ему в этом сильно “помогали”. Но все равно, это его маленький личный “подвиг” — к тому же, хотелось, наверное, выглядеть и “беленьким и пушистеньким”. Отчасти это удалось. Но, думается, что эти мемуары ему, все же, написали в Институте истории СССР и те, полторы тысячи замечаний сделали не ему, а он им. А может быть, что замечания могли быть и взаимными. Посудите, сами. Жуков жил на своей даче, как затворник. У него было ограничено свободное перемещение. К тому же надо было работать с архивными материалами. Молотову же, не дали такой возможности. Просто Жукова “использовали”, как имя, для написания более-менее, приглядной книженции, подразумевая официальную версию Великой Отечественной войны.

Существует **Записка отделов ЦК КПСС в ЦК КПСС “Об издании военных мемуаров Г.К. Жукова”** от 19 июля 1968 года. В этой записке много чего говорится о Жуковских мемуарах, но главное в том, что

“...вопрос об издании мемуаров Г.К. Жукова обсуждался на Секретариате ЦК КПСС. Секретариат поручил редакционной группе в составе: доктора исторических наук **Г.А.Деборина**, начальника Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-лейтенанта **П.А.Жилина**, члена редколлегии журнала “Коммунист” **В.П.Степанова**, совместно с автором внести в рукопись необходимые исправления и дополнения.

Некоторые предложения по рукописи мемуаров Г.К. Жукова были высказаны Министерством обороны СССР (тт. **Гречко, Якубовский, Захаров, Епишев**).

В соответствии с поручением, редакционная группа совместно с автором и издательством АПН провели необходимую работу по подготовке рукописи к печати...”.

По-моему, все достаточно ясно изложено. Но вернемся, к так называемым, Жуковским “мемуарам”. Не являясь первооткрывателем по части критики “Воспоминаний и размышлений”, — и до меня, Георгию Константиновичу доставалось “на орехи”, — тоже, во многом, разделяю точку зрения предыдущих товарищей по перу. Вообще, эта “страшилка” о спящем Сталине накануне фашистской агрессии является типичным оговором человека. Ему, Сталину и спать нельзя, что ли? То же касается и в отношении начальника охраны Власика — это специфика данной работы. Начальник охраны обязан спать вместе с охраняемым лицом. Как же будет чувствовать себя Н.С.Власик на следующий день, если накануне бодрствовал всю ночь? Его обязанность руководить охраной, а не быть ночным сторожем у дверей спальни товарища Сталина. Для этого есть другие лица из той же охранной команды. Теперь, по поводу самого звонка. Все это глупость, написанная с одной целью — скрыть истинные события произошедшего.

Сталину не надо было подходить к телефону, так как Жуков, видимо никогда не был на даче Сталина, поэтому и не знал, что там находится телефонный коммутатор. На коммутаторе находится оператор связи, а не начальник охраны, как нас пытается в этом уверить Георгий Константинович. Когда абонент звонит на дачу, он попадает на оператора, находящегося на коммутаторе и представляется ему, называя свою фамилию, должность и, по возможности, цель звонка. Что Жуков и сделал, как абонент, когда мы читаем его “Воспоминания”. Если бы дело происходило днем, то оператор соединился бы, по внутренней связи со Сталиным и выяснил бы у него, желает ли тот разговаривать с данным лицом. Получив утвердительный ответ, оператор просто бы соединил абонента со Сталиным, в какой комнате тот находился бы в данный момент. В случае же, с Георгием Константиновичем, как он рассказывает нам, дело происходило ночью и Сталин, разумеется, должен был спать. А по воспоминаниям охранника Сталина Лозгачева, “когда он спит, обычно их (телефоны — В.М.) переключают на другие комнаты”. А мы уточним, что телефон переключают в комнату начальника охраны. Поэтому, когда, якобы Жуков звонил на дачу Сталина, он, сначала должен был попасть на оператора, тот соединил бы его с начальником охраны. Выяснив, какие важные обстоятельства вынудили Жукова звонить на дачу, начальник охраны пошел бы в спальную комнату и разбудил бы спящего Сталина. После этого оператор бы переключил звонящего Жукова на телефонный аппарат спальни Сталина. Но, наверное, для Жукова и всех тех, кто готовил данные “Воспоминания” к публикации, именно такое положение дел, было бы не интересно. Кроме того, есть и варианты (?) происходящих событий. Ведь, недаром же говорят, что все течет (имеется, виду время), все изменяется. Почему бы, не измениться и данным мемуарам?

(Вариант 1). Жуков вспоминает: “Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И.В.Сталина. Минуты через три к аппарату подошел И.В.Сталин. Я доложил обстановку и просил начать ответные боевые действия”.

Все выше изложенное очень напоминает описание заурядной коммунальной квартиры на несколько семей, а не дачи главы государства. Так и видится картина: у наружной двери, на тумбочке, находится общий телефон, возле которого на табуретке примостился спящий генерал, выполняющий обязанности вахтера. Ночной звонок Жукова пробудил его от глубокого сна. Еще

бы: “Звоню непрерывно”. Это как? Вроде электрического звонка в двери, что ли? Наконец, уяснив, кто звонит, генерал топает по общему коридору к комнате Сталина с целью разбудить вождя и убедить его подняться с постели. Наверное, пришлось напугать товарища Сталина, так как “минуты через три”, он, видимо не одетый и в тапочках на босу ногу, подошел к телефону в коридоре.

В более позднем издании “Воспоминаний” уточнены некоторые детали. Все же должны знать, кто у “глупого” Сталина такой “нерадивый” генерал, спящий у телефонного аппарата. И к тому же не ясно, из-за чего этот “нерадивый” генерал пошел будить Сталина.

(Вариант 2) “... Наконец слышу сонный голос генерал Власика (начальника управления охраны).

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедленно: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В.Сталин”.

Как видите, в другом варианте “Воспоминаний” Жукову пришлось сразу своим сообщением напугать начальника охраны, а то бы тот, ни за что бы ни пошел будить Сталина. Ну, а то, что на даче был, судя по всему, всего один (?) телефон, и видимо, “на тумбочке у входа”, пишущую братию с Жуковым во главе, видимо не смущало. Насколько все это описание соответствует истине, остается только догадываться.

Итак, по Жукову, Сталин жив и здоров. Рано утром 22 июня приехал в Кремль. Рассмотрел предложенные ему проекты документов, внес поправки и дополнения. Но документ о создании Ставки, который доставили Жуков — Тимошенко, Сталин, якобы, не подписал, а отложил, чтобы потом, обсудить этот документ на Политбюро. Жуков пытается ввести читателя в заблуждение, представляя работу высшего эшелона власти как спонтанную реакцию на агрессию Германии. По Жукову, дело, надо понимать, происходило так, что до 22 июня представители высшего звена Советской власти собирались под руководством Сталина чаи гонять, и только с началом военных действий, стали думать, как руководить страной в данной ситуации, а тут сам Жуков подсуетился и “документ о Ставке” в “клювике” Сталину принес.

Как должны повести себя заговорщики, если нападение Германии на Советский Союз и является сигналом для государственного переворота внутри нашей страны? Разумеется, попытаться взять в свои руки центральную власть, т. е. первое — устранить главу государства (на данный момент это был Сталин). Мы не можем исключить и такой вариант — **“нейтрализация” главы нашего государства и является сигналом к началу агрессии Германии.**

Второе — сместить сторонников Сталина с государственных постов (может быть и путем их физического уничтожения). Вспомните убийство Л.П. Берии в 1953 году и его соратников. Как устранить Сталина? Выбор средств невелик: стрельба и отравление. На счет стрельбы еще в 1937 году эту функцию брал на себя сторонник Тухачевского, некий Аркадий Розенгольц, нарком внешней и внутренней торговли, “зачищенный” в 38-ом году. Предлагаю отрывок из книги

В.Лескова “Сталин и заговор Тухачевского”. Валентин Александрович скрупулезно изучал данное дело и вот как он описывает планируемые действия А.Розенгольца:

“Он должен был ранним утром попасть к Сталину на прием под предлогом разоблачения **заговора**...И вот, явившись в его рабочий кабинет, в присутствии Молотова, Кагановича, Ежова и Поскребышева (а лучше без них), Розенголец собирался лично произвести покушение на Сталина, а его спутники, тщательно выбранные, с большим боевым опытом, должны были стрелять в других, кто находился бы в кабинете. Важно было вывести из игры Сталина, с остальными, даже если их в кабинете не будет, оппозиция полагала, что легко справится, благодаря их **ничтожеству**”.

В то время, в 1937 году, это не удалось. Видимо, заговорщики, повторили попытку покушения во второй раз, в 1941-ом. Но, а может быть, была использована попытка отравления? Ведь, как известно в **1953** году “операцию по отравлению” осуществить удалось. Как убрать сторонников Сталина, которые находятся в Москве? Желательно установить свой контроль над Московским военным округом и ввести в столицу войска верные заговорщикам. Затем произвести захват ключевых учреждений государственной власти. В конце июня 1953 году командующего МВО Артемьева заговорщики смогли отправить на маневры под Ярославль, а на его место тут же назначили и.о. командующего Москаленко, своего ставленника. С помощью такой несложной рокировки они смогли на время парализовать действия противной стороны и привлечь на свою сторону “колеблющихся” военных. В результате, государственный переворот удался.

Кстати, люди принимавшие участие в “аресте” Л.П.Берии, (а точнее в его убийстве) и не скрывали этого факта. Более того оставили кучу воспоминаний по данной теме. Одни, участие в “аресте”, делали по убеждению, другие по корыстному мотиву, а третьи — по приказу. Как вспоминал Москаленко, один из тех, кто навсегда “арестовал” Берию — вместе с ним были Баксов, Юферев, Батицкий, Неделин, Зуб, Гетман и Жуков — это из военных. Ими руководил Булганин, вместе с Хрущевым. Кроме того, Москаленко, почему-то, не указал Бирюзова, который по его собственным словам, якобы, лично пристрелил Берию? Не каждый, согласитесь, станет хвастаться такими “подвигами”. Кроме того, Москаленко предложил, пригласить на “операцию” Василевского, что тоже не красит этого маршала, но Булганин отверг эту кандидатуру. По его мнению, Василевский, все равно бы не согласился. Действительно, Александр Михайлович был очень осторожным человеком. Булганин это видимо знал, поэтому не желал тратить время на уговоры. Но ведь, просто так, не стали бы обсуждать кандидатуру Василевского?

Перечисленные здесь люди были живы и в 41-ом году. Правда, не в таких высоких званиях и должностях ходили, как в 53-ем году, но, тем не менее, некоторые, как например, сам Москаленко, были генералами. Представляете, как они начали и прошли войну? Это все очень интересно, но, к сожалению, это другая история. Хотя с Жуковым и Хрущевым, мы уже встречались по данной теме, и они показали себя во всей красе, — с новыми “товарищами” еще не сталкивались. Эти “отличники” боевой и политической подготовки “ярко” проявят себя на фронтах Великой Отечественной войны. Москаленко и Неделена мы можем встретить по первым дням войны на Юго-Западном фронте. Булганин “засветится” на Западном фронте, под Вязьмой. Василевский вместе с Бирюзовым, оставят свой след под Сталинградом, в конце 1942 года. Об их “вкладе” в общую победу, мы еще в будущем, поговорим отдельно.

А перед нападением Германии были ли такие люди в Москве, как Булганин, Москаленко и компания, способные совершить подобное дело? Всем людям свойственен стереотип мышления. Каюсь, что я тоже не избежал подобной участи. Почему-то, все время попытка покушения ассоциирует со стрельбой и отравлением. Тем более что отравление, вроде бы, удалось осуществить в 1953 году. И выйти за границы очерченной версии бывает очень трудно. Но, к счастью это произошло и, по всей видимости, новый вариант покушения и будет основным. К этому событию мы обратимся, по законам литературного жанра, значительно позже, в конце работы, чтобы не рвать нить повествования.

Сейчас нам предстоит рассмотреть день 22 июня 1941 года. Был ли Сталин в этот день в Москве? Вопрос этот, далеко не праздный и простым он кажется только, на первый взгляд. Мог ли руководитель государства отсутствовать на своем рабочем месте, в Кремле, в столь важный для страны момент? Тема-то, как понимаете, весьма “щекотливая”. Прямо об этом никто, разумеется, не говорит. Но, ни у кого в воспоминаниях нет прямого упоминания о том, что он видел или слышал, что Сталин был в Кремле 22 июня. Вот в чем вопрос? Что со Сталиным могло быть? И что же, в таком случае, вообще, могло происходить в “окрестностях” Кремля? Автор признается, что здесь он не совсем точен. Есть ряд воспоминаний, где упоминается о том, что Сталин был в Кремле 22 июня. Но это или воспоминания тех, кто-либо сам причастен к заговору, как например Г. К. Жуков, А.И. Микоян, или такие лица, показания которых требуют определенных пояснений, как например, Молотов, Каганович, видимо, тот же, Н. Г. Кузнецов. Обо всех этих и других воспоминаниях, будет рассказано ниже.

Давайте-ка, рассмотрим эту тему о Сталине в Кремле, поближе. При Хрущеве бытовало мнение, что Сталин 22 июня растерялся, утратил самообладание, короче, от страха сбежал к себе на дачу и не показывался в Кремле несколько дней? Сам Никита Сергеевич пояснял, как было дело:

“Я видел, в каком состоянии находился Сталин в первые дни войны. Он тогда был совершенно деморализован: какая-то бесформенная протоплазма. Он чуть не отказался от своих постов, от активных действий. А членам Политбюро высказал такие слова: “Ленин создал наше государство, мы же его про...<ли>. Все погибло. Я уйду”. Сел в машину и уехал из Кремля к себе на дачу. Потом за ним поехали туда, как рассказывал мне позднее Берия, уговаривали его, призывали, чтобы он обрел прежние силы и приступил к деятельности, потому что победа возможна, не все потеряно, у нас остались еще огромная территория и большие ресурсы”.

Странно все это читать, не правда ли, зная твердый и решительный характер Иосифа Виссарионовича. Даже Г.К.Жуков, на удивление, подчеркивает, что “И.В. Сталин был волевой человек и, как говорится, не из трусливого десятка”. Так что, очень все сомнительно, насчет трусости Сталина.

Но Хрущев, все-таки приводит в своей подлой речи на XX съезде партии, факт, якобы, свидетельствующий об отсутствии Сталина в течение нескольких дней: “... **вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро** и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте”.

Сам Хрущев, как уверяет, в это время не был в Москве, уехал к себе в Киев. Да и Жуков, якобы, подтверждает, что его во второй половине дня 22 июня в Киеве встретил Никита Сергеевич. Тогда, как прикажете понимать сказанное Хрущевым: **“Я видел, в каком состоянии находился Сталин в первые дни войны?”** Значит ли, что это было до 22 июня? Иначе не стыкуется: не был, но — видел?

А сказанное с высокой трибуны съезда он привел с чьих же тогда слов? Как бы Хрущев не врал на XX съезде партии о Сталине, все же информацию об его отсутствии в первые дни войны в Кремле не побоялся вставить в свою речь. Неужели никто не мог бы опровергнуть его, если это была бы ложь, — отсутствие Сталина в Кремле? Товарищи Хрущева по партии, в то время, почему-то, в рот воды набрали? Что же Молотов, например, не опроверг выступление Никиты Сергеевича? Почему промолчал? Это через тридцать лет Ф.Чуеву расскажет, что вместе со Сталиным до обеда 22 июня, дескать, речь готовили. Или это была правда? Тогда уточнил бы место.

Мог хрущевскую “ложь” об отсутствии Сталина, опровергнуть его бывший секретарь А.Н.Поскребышев, но, представьте себе, что именно в 1956 году умер. В энциклопедии “Сталин” изданной под редакцией В.В. Суходеева о Поскребышеве приведены очень скромные данные о рождении и смерти (1891–1956). Согласитесь, что смерть человека, проработавшего со Сталиным

несколько десятков лет и тем более, в тот трагический для страны день — 22 июня 1941 года, выглядит очень странной, а, именно, в год XX съезда, если не сказать больше, к тому же и очень подозрительной. И не важно, когда наступила его смерть, до съезда в феврале или после съезда. Важно, что она наступила в очень сложный исторический момент: развенчание Сталина Хрущевым.

То же, можно сказать и о Н.С.Власике (1896–1967), начальнике личной охране Сталина. Он же точно знал, где находился Сталин или он не начальник его личной охраны? Однако о нем в энциклопедии не сказано ни единого слова, не то, что о дате рождения или смерти. Так все же, с чьих же слов Хрущев мог знать об отсутствии Сталина в Кремле? А задайтесь вопросом: “Кого Хрущев встретил 22 июня на аэродроме в Киеве, как первого посланца из Кремля?” Конечно, это был Жуков, прилетевший на Юго-Западный фронт, якобы, по поручению Сталина. Возможно, именно он мог передать сообщение Никите Сергеевичу о ситуации в Кремле? Мы к этому “поручению” Сталина, о командировке Жукова, еще вернемся. А в отношении Хрущева, можно сказать следующее. Никита Сергеевич был не настолько глуп, чтобы нести с трибуны съезда откровенную чушь. Правильнее будет сказать, что его речь — это полуправда, густо сдобренная ложью с определенной, разумеется, целью. Поэтому, Хрущев и сказал об отсутствии Сталина в Кремле, в свойственной ему манере полуправды.

Но если внимательно присмотреться к его мемуарам, в изложении событий по первым дням войны, то, как же, все же, понимать сказанное Никитой Сергеевичем: **“Я видел, в каком состоянии находился Сталин...”**? Когда же Хрущев видел его в этом состоянии, если 22 июня, как уверял своих читателей Жуков, он его встречал на аэродроме в Киеве? Кроме того, о каких потерянных территориях могла идти речь в Кремле по первым дням войны?

Какую же виденную им картину Хрущев хочет, сказав, разумеется, события, преподнести своему читателю? К этому вопросу, мы еще вернемся.

Но как отнестись к такому вот документу (опять о Сталине), извлеченному из партийно-советских архивов: **“Проект выступления Г.К.Жукова на пленуме ЦК КПСС”**? В сносках указано: “секретно”, а также, что документ подготовлен не позднее 19 мая 1956 года(?).

“...22 июня в 3 ч. 15 мин. немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанеся авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 ч. 25 м. Сталин был мною разбужен и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С.К.Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: “Это провокация немецких военных. Огня не отрывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть вам и Тимошенко...”.

Это, как бы первые наброски мемуаров маршала. Здесь Жуков, чуть ли не на коленях умоляет Сталина разрешить по немцам пострелять, а тот, деспот и тиран, не разрешает. По мере взросления и набирания уму разуму, Георгий Константинович, в дальнейшем, внес в текст своих мемуаров соответствующие дополнения и уточнения, и стрельбу по немцам опустил. В данном документе, по датировке, вроде бы события 1956 года, но как всегда, есть маленькое “но”. Этот проект так и не был озвучен, а вот приведенные выше фамилии членов Политбюро вызывают сомнения. Берия убит, еще в 1953, поэтому на него ссылаться можно без опасения. Молотов и Маленков в 1957 году будут выведены из состава Политбюро, как антипартийная группа, вместе с Кагановичем. На них, тоже можно сослаться без всякого опасения на возражения. Тогда, возможно, что документ подготовлен позднее, в 1957 году?

Если же этот документ не был обнародован на Пленуме, то, возможно, у Хрущева было опасение, что Молотов и Маленков могут возмутиться Жуковскими данными по Сталину и привлечь на свою сторону колеблющихся, а это, разумеется, не входило в планы Никиты Сергеевича.

Что касается, в общем, негативного стиля изложения документа, то, ведь совсем недавно, как раз и состоялся XX съезд, где Хрущев “вылил ушат грязи” на Сталина. Отсюда и “чернуха” в данном проекте.

“Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок...

Что же произошло в действительности, почему наши войска понесли поражение на всех стратегических направлениях, отступали и оказывались в ряде районов окруженными?”

Для советских людей лепится образ Сталина, как полного недоумка и негодяя. Враг вторгся на территорию нашей страны, а он (вождь) несет полную ахинею, на счет, “не поддаваться на провокации” и “огня не открывать”. Как вы помните, Молотов вроде бы, получил 22 июня ноту от посла Шуленбурга в **5. 30**, в которой говорилось о том, что Германия объявила войну Советскому Союзу. Как видите, по ранней версии Жукова, Сталин и в 6.30 “не понимал” происходящего.

“Кроме неподготовленности страны к обороне и неполной подготовленности Вооруженных Сил к организованному отражению нападения противника, — у нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах. Ставка Верховного Главнокомандования была создана с опозданием и не была подготовлена к тому, чтобы практически взять в свои руки и осуществить квалифицированное управление Вооруженными Силами”.

Значит, по данной версии 1956 года Ставка была создана “с опозданием”, а не так как в будущих мемуарах, по словам самого Жукова: пишет же, что утром 22 июня принес проект создания Ставки в Кремль на утверждение Сталину. Здесь есть неточность. Первоначально Ставка называлась просто “Ставка Главнокомандования”. Это в дальнейшем, она, Ставка, станет “Ставкой Верховного главнокомандования”. Но этому, я, лично, не придаю особого значения, так как Жуков, в большей степени, работал в составе именно этой Ставки, последнего наименования. А в прочем, вполне возможно, что Жуков хотел скрыть от слушателей первоначальное название Ставки, заменив его более поздним и привычным — Сталинским.

“Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия. (Значит, понимал Жуков, как Сталин к ним, военным, относился. Но это будет чуть позднее и об этом будет рассмотрено ниже — В.М.)

Вместо того, чтобы немедленно организовать руководящую группу Верховного командования для управления войсками Сталиным было приказано: Начальника Генерального штаба **на второй день войны** отправить на Украину, в район Тарнопоя для помощи командующему юго-западным фронтом в руководстве войсками в сражении в районе Сокаль, Броды...”

А как вам нравится версия, что Жукова Сталин насильно отправил на Юго-Западный фронт 23 июня? А тот почему-то слабо сопротивлялся? И о проекте Ставки говорить почему-то Георгию Константиновичу, не очень хотелось, тем более указывать дату ее образования. А почему, в 1956 году — его “отправили” на фронт “на второй день”, спросит читатель, а в дальнейшем, в мемуарах,

визит Жукова “на фронт” перенесут на первый день? А образование Ставки наоборот, — перенесут на второй день, хотя о ней, в дальнейшем, Жуков будет говорить, что образована — в первый день? В данном же документе, как видите, Жуков о Ставке, вообще скромно умалчивает? Что касается Ставки, то о ней мы тоже, подробнее поговорим, но чуть позже. Что же касается поездки Жукова на фронт, то по первой версии, данного “Проекта речи на Пленуме” — “на фронт на второй день”, получается, что он, как начальник Генштаба, полтора дня в Москве “груши околачивал”, не предпринимая никаких действий. Не мог же он бездействовать полтора дня, занимая такой высокий пост? Жуков очень хотел скрыть свои действия, особенно, по первому дню войны, поэтому и “собрался” на фронт 23 июня. При написании мемуаров, товарищи-историки, видимо, его успокоили: “Не волнуйтесь, Георгий Константинович! Что-нибудь придумаем и отправим Вас, как героя, 22-го июня. Иначе, какой же Вы Маршал Победы?”

Понятно, что при Хрущеве, все беды стали валили на Сталина, но в дальнейшем, решили, что пусть будет так, как есть. Жуков уезжает 22 июня из Москвы, во второй половине дня. В данном случае, он снимает с себя ответственность за все события в столице, уехал на фронт и — всё! Да и к Ставке никакого отношения иметь не будет, так как она, дескать, была образована без него. Очень, уж, не хочется Георгию Константиновичу, чтобы его имя, по первым дням, связывали со Ставкой. Какие же темные дела хочет скрыть от слушателей и читателей его опусов?

Что касается “помощи... в руководстве войсками в сражении в районе Сокаль, Броды...”, то очень уж деликатно написано. Знает кошка, чье мясо съела! Смерть члена Военного Совета фронта Вашугина Н.Н. на их, с Хрущевым, совести лежит.

“Сталину было доложено, что этого делать нельзя, так как подобная практика может привести к дезорганизации руководства войсками. Но от него последовал ответ: “Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас”. Следствием этого решения Сталина было то, что он, не зная в деталях положения на фронтах, и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить...”.

Как всегда приводится противопоставление Сталину. На этот раз — действующая армия. Несмотря на отрицательные черты характера вождя, все остальные люди данного рода и племени, действуют всегда в рамках высокой нравственности и морали.

“Как показывают действительные факты, наши солдаты и офицеры, части и соединения дрались, как правило, с исключительным упорством, не щадя своей жизни, нанося большие потери противнику.

Даже наши враги и те вынуждены были отметить боевую доблесть советских воинов в начальном периоде войны”.

И здесь мы сходу наталкиваемся на “нарезку” из дневниковой записи Гальдера, которую привел Георгий Константинович.

“Вот что писал в своем служебном дневнике начальник Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковник Гальдер:

24 июня — “Противник в приграничной полосе почти всюду оказывал сопротивление. Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя вместе с ДОТами, не желая сдаваться в плен”.

Как так, Гальдер? Оторопь берет. Откуда взялся этот дневник в 1956 году? Дело в том, что только в 1962–1964 году дневниковые записи были изданы в ФРГ, а у нас — в 1969 году. Правда, в далеком 1947 году восстановленный в результате дешифровки специалистами (с помощью самого

Гальдера) дневник был размножен на ротаторе на немецком и английском языках историческим отделом армии США в Европе и разослан во многие военные инстанции союзников. Неужели и нам досталось? Так что, на редкостный, в то время дневник Гальдера, нужно ли было ссылаться Жукову в своем выступлении, а потом, в силу каких-то причин, доклад засекретить? Или же могли позднее поработать с “Проектом” профессионалы-историки из Академии наук и приукрасить Жуковские опусы дневниковыми записями Гальдера?

Оказывается, Жуков давно был знаком с этими материалами. Писатель К.Симонов вспоминал, что при подготовке своего романа “Живые и мертвые”, еще в **1955 году** попросил у Жукова, чтобы ему оказали содействие в работе предоставив некоторые архивные материалы. Тот выслушал писателя и предложил следующее:

“Наверное, <...> было бы полезно посмотреть на начало войны не только нашими глазами, но и глазами противника, — это всегда полезно для выяснения истины.

Вызвав адъютанта и коротко приказав ему: “**Принесите Гальдера**”, он объяснил мне, что хочет дать мне прочесть обширный служебный дневник, который вел в 1941–1942 годах тогдашний начальник германского генерального штаба генерал-полковник **Гальдер**.

Когда через несколько минут ему на стол положили восемь толстых тетрадей дневника Гальдера, он похлопал по ним рукой и сказал, что, на его взгляд, среди всех немецких документов, которые он знает, это, пожалуй, наиболее серьезное и объективное свидетельство.

Чтение не всегда для нашего брата приятное, **но необходимое**, в особенности для анализа наших собственных ошибок и просчетов, их причин и следствий”.

То, что этот дневник необходимо было прочитать хрущевцам-жуковцам, сомнений не вызывает. Не проговорился ли где немецкий генерал об их деятельности? Когда документ вычистили от всех сомнительных выводов господина Гальдера (с точки зрения Жукова и его друзей), то потихонечку внедрились в оборот исторических документов. Может где, и подрисовали по тексту дневников, кое-что в угоду Георгию Константиновичу с товарищами. Есть у него в “Воспоминаниях” ссылочка на Гальдера по поводу своей “командировки” на Украину. Дескать, немецкий начальник из главного штаба отметил, что

“Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина...

Как и ожидалось, значительными силами танков он перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено передвижение”.

Читателю подбрасывается мыслишка, что это написано Гальдером по поводу проявления полководческого таланта, именно, Жукова, бывшего в то время на Украине. Правда, в то время читатель не мог знать, не только то, что было обозначено многоточием, но и сам текст Гальдеровского дневника. Как всегда, данную текстовку немного “причесали” и переработали. Её, в таком виде, нет в дневнике Гальдера за 25-е июня. А что же тогда скрывалось за многоточием? Перемещение наших резервов, то есть “свежих сил” было необходимо, поясняет Гальдер,

“видимо, с целью поддержки своих **разбитых соединений** и создания нового фронта обороны”.

Просто и понятно. Но об этом, конечно, говорить “Георгию Победоносцу” было не с руки.

А к этому отрывку из дневника Ф.Гальдера, мы еще вернемся в главе о Главных направлениях.

Но возвращаемся к Жуковскому документу. Какой же можно сделать вывод по прочитанному выше? Оказывается, сплошная чехарда творилась в ученых кругах по первым дням войны. Никак не могут определиться господа-историки от КПСС: куда же определить Сталина? что делать со Ставкой? и когда же, наконец, Жуков убыл на войну? Сам Жуков, как видите, колеблется вместе с линией партии. Все это красиво называется “Воспоминаниями” маршала. Некоторые ретивые поклонники военного “таланта” Георгия Константиновича млели от счастья, чтобы обладать подобными опусами с его собственноручным автографом на форзаце книги.

Да, но что же делать специалистам по военной истории, представителям официальной науки? Просто, оставляя Сталина в этот день за пределами Кремля “советским военным историком” было опасно, поэтому в брежневские времена точку зрения Хрущева, о трусливом бегстве Сталина на дачу, несколько смягчили: Сталин, дескать, на даче был, но ничего там не делал, а все думал и думал, переживая на тему: “Почему Гитлер его обманул и внезапно напал на Советский Союз?”. В дальнейшем, властьпридержащие решили, все же на всякий случай, “оставить” Сталина в Кремле с первых дней войны. Уже в конце Горбачевской перестройки в журнале “Известия ЦК КПСС” были опубликованы страницы, якобы, из “Журнала записи лиц, принятых И.В.Сталиным в Кремле” в период с 21 июня по 3 июля 1941 года. Это дало повод историкам-патриотам утвердиться в мысли, что Сталин находился все время на своем боевом посту в Кремле и отвести наветы Хрущева о паническом состоянии Сталина. Казалось бы, вопрос закрыт, но есть определенная неудовлетворенность: почему отсутствуют страницы за **19, 29 и 30** июня? Никакого вразумительного ответа из официального печатного органа ЦК КПСС исследователям начального периода войны предложено не было. Ну, нет и все тут! Как сейчас модно говорить: без комментариев.

Представим себе, что **хрущевцы**, в горячке первых дней, сразу после захвата власти, уничтожили, важный, в их понимании лист или страницу, за 19 июня. Согласитесь, что это могло сразу броситься в глаза и привлечь к этому дню пристальное внимание исследователей. Чтобы рассеять подозрение, надо, к примеру, удалить еще несколько дней. Но каких?! Пришли, видимо, к мнению, что 29 и 30 июня. А.И.Микоян впоследствии, постарается в своих воспоминаниях обосновать отсутствие Сталина, именно в эти дни. Конечно, все будет выглядеть неуклюже, но “публика дура — все прочтет”

Есть предположение, что Сталина, просто не могло быть в эти дни в Кремле. Очень даже возможно. Поэтому, дескать, в тетради нет записей лиц приходивших в его кабинет. А где в этот момент находился его секретарь Поскребышев? Хочется спросить: он что, тоже уходил вместе со Сталиным? Разумеется, нет. Поскребышев оставался на своем рабочем месте. И что он делал? — чай пил вместе с Чадаевым? Или все же занимался работой с документами, которые направлялись в Кремль? Журнал или тетрадь (так и не пришли к единому мнению архивисты-историки), ведется не по приходу: пришел человек в кабинет или не пришел, а как правило, по дням месяца, где и фиксируются прибывшие. А если никого не было, то должна быть отметка в конкретном дне, например, “посетителей не было”. А если человек просто принес Сталину на просмотр и утверждение, важные документы. Ведь этот журнал был создан не для того, чтобы через несколько десятков лет, показывать любопытным, с целью доказать, что, дескать, Иосиф Виссарионович был в Кремле и нечего это дело, дескать, будоражить, — а совсем с иными целями. В Кремль заходят люди по делам, им выписывают пропуска, между прочим, по предъявляемым документам и, видимо, по особому списку лиц, имеющих право входа в Кремль, затем они идут по нужным адресам. Там ведь, в Кремле, не один товарищ Сталин работал. Но мы рассмотрим именно приход к Сталину. На входе в Кремль товарищу выписывают пропуск в кабинет к Сталину, и этот товарищ идет по указанному адресу. Существовали и постоянные пропуска, но отметка на входе в Кремль, обязательна, тем более, в условиях войны. Придя в кабинет, через целую цепочку лиц, ведущих охрану здания, этот товарищ отмечается в журнале, может быть и Поскребышевым, о времени прибытия, а уходя — о времени убытия, что мы и наблюдаем в предъявленных документах. Для чего это делается? Когда заканчивается время дежурства охраны Кремля, то на контрольном пункте проверяется журнал входящих лиц. Ситуация: человек зашел в Кремль, но не вышел. Где он? Журнал регистрации в каждом кабинете

Кремля подскажет, был ли указанный человек здесь или еще находится на приеме, или с ним что-то случилось по дороге. Поэтому данные журнала вызывают определенное недоумение тем, что не указаны инициалы человека пришедшего, например, к Сталину. Звонят из внутренней охраны Кремля: “У вас Кузнецов?” Что ответить? Не стихами же С.Я.Маршака: “Какой? Среднего роста, плечистый и крепкий ... (и вместо знака ГТО) орден блестит на груди у него. Больше не знают о нем ничего?” Так что ли?

В нашем случае, фамилия, правда, известна, и это уже кое-что. Вообще, все записи лиц, при внимательном изучении вызывают сильное сомнение в подлинности данного документа. Хочу уточнить. Речь, в нашем случае, идет лишь о первых нескольких днях войны, т. е. с 22-го по 3 июля, примерно. Остальное пришлось, видимо, подгонять под этот текст, убирая инициалы присутствующих.

Во-первых, не факт, что Сталин в эти дни находился в Кремле. В Журнале зафиксированы люди, приходившие в кабинет Сталина, но само-то, присутствие Сталина в кабинете никак не обозначено и не отражено.

Во-вторых, почему фамилии присутствующих лиц без инициалов, я уже не говорю о полном написании имени и отчества? Особенно умиляют сноски редактора к дням посещений, например, 21 июня: “Видимо, нарком ВМФ СССР Н.Г.Кузнецов”. Интересно, как бы объяснял секретарь, ведший “такие” записи, интересующимся лицам, например, внутренней охране Кремля, какой именно Кузнецов побывал в кабинете у Сталина? Наверное, данному секретарю надо было бы, проконсультироваться у редактора журнала “Известия ЦК КПСС”.

В-третьих, можно ли считать фальшивкой данные материалы (тетрадь или журнал), например, по приведенной записи от **“1 июля 1941 года”**? Уже известны члены образованного 30 июня ГКО, но Молотов при записи в журнале не отражен, как член ГКО, а Микоян, к удивлению, отражен, как член ГКО, хотя стал им значительно позже. Или запись от **“26 июня 1941 года”**. Прием — “Яковлев — 15.15”, затем запись — “Тимошенко — 13.00”. Что это? Небрежность при подготовке издания данных материалов или брак при “корректировке” в архиве? А может часы пошли в обратную сторону? Кроме того, в одном случае эти документы при публикации называются “Тетрадью ...”, в другом “Журналом записи лиц принятых И.В.Сталиным. Разноголосица, явно не способствует истине. А ведь, всего-то, ставится под сомнение несколько дней, а смотрите, сколько нагородили репоны.

В-четвертых, и это особенно важно. Почему не зафиксировано прибытие в кремлевский кабинет самого Сталина? Это же не его личная вотчина, а государственное учреждение? Или зачем его фиксировать — он же Сталин!

Что же имеем в “сухом” осадке? Сомнения? Да! И можем ли мы теперь, абсолютно точно сказать, что Сталин был в Кремле? То, что предложено публике как “Журнал...”, назвать документом можно с большой натяжкой. К тому же сам “документ” требует пояснений и дополнений. А ведь неспроста все это покрывается дымовой завесой? Я могу понять историков — патриотов грудью вставших на защиту вождя трудового народа с призывом: “Руки прочь — от Сталина!” и не желающих обращать внимание на отсутствие трех дней в “Журнале”, но хотел бы заметить, что отсутствие в Кремле 22 июня и в последующие дни, товарища Сталина, ну, никак не умаляет достоинство этого великого человека. Даже, скажем, совсем наоборот. Его отсутствие, лишний раз подчеркивает, с какой смертельной опасностью ему пришлось столкнуться в те первые, трудные и трагические июньские дни и проявить небывалое по силе мужество и стойкость. К тому же, не явился ли, и божий перст судьбы, спасая Сталина для России. Ведь погибни Сталин в начале войны, вряд ли бы мы сейчас дискуссировали на эту тему.

А с этим “Журналом” просто беда. Даже серьезные историки ссылаются на него как на бога: никто не видел, но все знают, что есть. Чтобы разрешить все сомнения, взяли бы товарищи архивисты и

привели читающей публике фотокопии данного “Журнала” или “Тетради”: титульную обложку, да пару листов, например, 22 и 23 июня 1941 года. Однако, такого очевидного решения не наблюдается и до сих пор. Почему? По всей видимости, оригинал далеко не соответствует опубликованным “документам”.

Хочу привести отрывок из книги Андрея Павловича Судоплатова, сына известного руководителя службы аппарата НКВД П.А.Судоплатова. В патриотизме Павла Анатольевича сомневаться, вроде бы, нет оснований. Однако он тоже хочет нас убедить в том, что Сталин был в Кремле 22 июня.

“В разных книгах, в частности в мемуарах Хрущева, говорится об охватившей Сталина панике в первые дни войны. Однако мой отец утверждал, что не наблюдал ничего подобного. Сталин не укрывался на своей даче”.

Нас, как вы понимаете, в данный момент не интересует моральный облик вождя: испугался Сталин или нет? Нам важно было получить свидетельство самого Павла Анатольевича Судоплатова. Смог бы он подтвердить, что Сталин был в Кремле 22 июня? Но, увы! Этого, к сожалению, нет. А его сын, Андрей Анатольевич, вдруг сворачивает на наезженную колею сторонников “Журнала”, патриотизм которых выше всяческих похвал.

“Опубликованные записи кремлевского журнала посетителей показывают, что он регулярно принимал людей и непосредственно следил за ухудшавшейся с каждым днем ситуацией. С самого начала войны Сталин принимал у себя в Кремле Берия и Меркулова два или три раза в день. Обычно они возвращались в НКВД поздно вечером, а иногда передавали свои приказы непосредственно из Кремля”.

Вот так во всем и всегда. Мы о Фоме, а нам о Ереме. Что утверждает сам Судоплатов-отец? Сталин, видите ли, не поддавался панике, как ложно утверждал Хрущев. Опять происходит очередная подмена понятий. А ведь, мог сказать Павел Анатольевич о Сталине, правду, но как видите, деликатничает. Делает реверансы официозу. Сын, тоже подсунул нам “Журнал”. В таком случае, лучше бы представил “Воспоминания” Берии и Меркулова о первом дне войны. Они же видели Сталина два или три раза в день.

По нашей теме, есть еще материал, связанный с руководителем внешней разведки Фитиным. О нем рассказывал бывший разведчик Ю.А.Колесников в беседе с журналистом “Итоги” А.Чудодеевым. По ходу рассказа Юрий Антонович коснулся темы начала войны и поведал, как встретил первый день войны его начальник Павел Михайлович Фитин.

“Уже 22 июня, ранним утром, Фитину позвонили на дачу, чтобы он срочно выехал в Москву на доклад к Сталину. По дороге в столицу Павел Михайлович видел идущих по дороге радостных выпускников десятых классов и спросил сам себя: “Неужели “Старшина” был не прав?” (“Старшина” — агент советской разведки. — В.М.)

Но когда он вошел в наркомат, дежурный сообщил ему, что германские войска перешли границу с СССР. Слово “война” в тот момент старались не произносить. Уже гораздо позже Фитин признался мне, что, как ни странно, он в тот момент чувствовал себя самым счастливым человеком. “Почему? — спросил я. — Разве можно было радоваться началу войны?” — “Если бы немцы хотя бы на день перенесли наступление, то меня, наверное, не было бы в живых”, — последовал ответ. И он не лукавил — Сталин не прощал неточностей”.

И это всё, о визите к Сталину?! Куда же вызывали Фитина? Вроде, по-русски прочитали “в Москву на доклад к Сталину! А куда он приехал? К себе в наркомат. Зачем? Чтобы, наверное, узнать у дежурного на входе, “что германские войска перешли границу с СССР”? Да, но об этом ему мог сказать и Сталин, к которому он направлялся? Кстати, встретился ли с вождем в этот день руководитель внешней разведки Фитин: да или нет? Об этом, он почему-то не сказал Юрию

Антоновичу, а тот, в свою очередь не поделился этой “важной” новостью с журналистом А.Чудодеевым. Снова остается только догадываться о присутствии Сталина в Кремле. Опять, как в домино: пусто-пусто. Эту незримую черту — “**22 июня — встреча со Сталиным**”, переступить не может никто. Как доходят до этого места, так сразу начинается что-то необъяснимое с памятью. Вот и в данном случае, обошлись, правда, без “Журнала”, но, тем не менее, о встрече вождя с Фитиным не написано, ни слова. Очередные страсти-мордасти. Наверное, чтобы спасти Фитина от расстрела, немцы и напали на нас 22-го июня.

Получается, что нахождение Сталина в Кремле по первым дням войны опять зависит в воздухе.

Глава 14. Болезнь Сталина. Правда или ложь?

А вот новая трактовка этих событий. На сцену выходит военный историк генерал-писатель Владимир Михайлович Марков, с литературным псевдонимом В.Жухрай и плюс ко всему заявляющий о себе, как о “внебрачном сыне вождя”. Новоявленный “сын лейтенанта Шмидта” в современной аранжировке, предлагает новую версию отсутствия Сталина в Кремле — болезнь. Давайте рассмотрим и этот предложенный материал. Он изложен в ряде книг В.Жухрая под разными названиями. У меня под рукой книга “**Роковой просчет Гитлера. Крах блицкрига**”. Смотрим главу вторую: “21 июня 1941 года. Первые месяцы войны”. Некий профессор Преображенский Борис Сергеевич (тоже с литературной фамилией, но реальное лицо), как выясняется чуть позже, лечащий врач самого Сталина, и это действительно, вроде так, находится около часу ночи, один (разумеется, чтобы не было свидетелей), в своей московской квартире. Раздается звонок в дверь. Открыв, Борис Сергеевич, увидел на пороге сотрудников НКВД. Ему показали удостоверение (хорошо, что не ордер на арест) и приказали собираться. У профессора от страха “отяжелели ноги” и он подумал, что это арест, так его напугало “удостоверение” капитана госбезопасности. Кстати, данное звание было приравнено к армейскому званию полковника. Но, к его удивлению ему предложили взять не вещи, а врачебные инструменты (как сельскому фельдшеру). На “бешеной скорости” машина привезла профессора на дачу Сталина.

Ну, как детектив на Кремлевскую тему? И это еще не все перипетии данного жанра. Профессор много лет лечил Сталина и вдруг испугался работников личной охраны вождя. Кстати, они, наверное, сменились, по всей видимости, коли он их не признал? Да и ребята, тоже, хороши, “гуси лапчатые”. Прежде надо было позвонить по телефону на квартиру и выяснить: дома ли хозяин? Если нет дома — узнать, где находится? А не врваться ночью в квартиру и тыкать под нос хозяину свое удостоверение. Все это описание — литературный прием призванный создать определенную атмосферу страха в данном художественном произведении. Дальше — больше.

Профессора провели в комнату, где лежал на диване Сталин. Он осмотрел больного и поставил диагноз: флегмонозная ангина. Заодно померил и температуру. Термометр показывал за сорок (!).

“Не могу вам не сказать, товарищ Сталин, — вы серьезно больны. Вас надо немедленно госпитализировать и вскрывать нарыв в горле. Иначе может быть совсем плохо.

Сталин устремил на Преображенского горящий пристальный взгляд:

— Сейчас это невозможно.

— Тогда, быть может, я побуду возле вас? Может потребоваться **экстренная помощь**.

Преображенский проговорил это как можно мягче, но профессиональная требовательность все же проявилась в его тоне. И Сталин почувствовал это. Взгляд его сделался жестким.

— Я, как-нибудь, обойдусь. Не впервой. Поезжайте домой. Будет нужно — позвоню.

Борис Сергеевич еще с минуту стоял, растерянно глядя на Сталина.

— Поезжайте, профессор, — уже мягче произнес Сталин. Но едва Преображенский сделал несколько шагов к выходу, как Сталин окликнул его. Голос его был тихим, но твердым: — Профессор!

Борис Сергеевич замер на мгновение, затем, обернувшись, быстрыми легкими шагами приблизился к больному.

— Профессор, о моей болезни — никому ни слова. О ней знаете только вы и я.

— Да, да, — так же тихо проговорил Преображенский, невольно цепenea под устремленным на него пронизывающим взглядом Сталина. — Я понял, товарищ Сталин. Я буду наготове. Если что — сразу приеду. Спокойной вам ночи, товарищ Сталин.

Та же машина, с той же бешеной скоростью, оглушая спящий город сиреной спецсигнала, доставила профессора Преображенского домой”.

Что сказать по поводу приведенного отрывка? Как всегда глава государства Сталин — тупой! Не догадаться, что серьезно болен, может только умственно неполноценный человек. Правда, Сталину это не грозило, так как у него была охрана, которая определила, что, есть что? — и все равно привезла бы профессора. Но тот, оказался не лучше вождя, по части умственной деятельности. Такое ощущение, что в Преображенском Жухрай отобразил себя. У Сталина, как явствует из текста, температура под 40 градусов, его немедленно надо госпитализировать, а наш профессор желает ему “спокойной ночи”. Кстати, несколько слов по поводу, этой самой, “флегмонозной ангины”. Медицинская энциклопедия характеризует флегмонозную ангину, как болезнь Людвига. Происходит сильный отек подчелюстной области. Требуемое хирургическое вмешательство состоит в **рассечении подчелюстной области от подбородка до подъязычной кости** для проведения последующих медицинских процедур. Но, это так сказать, вдогонку “профессору Преображенскому”. Лечение это длительное и к 25 июня, если болезнь, как таковая, по версии Жухрая, существовала бы, то Сталин, вряд ли бы смог быть в Кремле. А шрамы, которые должны были остаться после операции? Не рассосались же они за 3 дня? Кроме того, где же по мысли автора должна была происходить операция, если таковая могла бы произойти?

Можно добавить следующее. Болезнь Людвига заразное заболевание! Инкубационный период длится 3–4 дня, затем появляются симптомы болезни. Нельзя конечно, сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Сталин мог, просто, банально заболеть. Разве, такое не возможно. Вполне, так как он живой человек. Но уж очень странное совпадение: начало войны и вдруг, болезнь первого лица государства. В пору, внимательно присмотреться к данным обстоятельствам. Я, лично, склоняюсь к выводу, что там “наверху” — случайность, явление редкостное, и ее надо рассматривать обязательно через увеличительное стекло.

Разумеется, насчет секретности визита, “Сталин” сказал для красного словца: “ Профессор, о моей болезни — никому ни слова. О ней знаете только вы и я”. А начальник охраны Власик и те ребята, которые приехали за профессором? Неужели не поняли, зачем понадобился врач? А товарищи по Политбюро, тот же Никита Сергеевич Хрущев, должны были знать о “болезни” Сталина? Или Сталин и от них скрыл факт своей болезни? То-то, Хрущев на XX съезде все недоумевал, зачем Сталин скрылся на своей даче? А вот если бы Иосиф Виссарионович не запретил бы Борису Сергеевичу скрытничать, — глядишь, и Никита Сергеевич с трибуны съезда, правдиво бы рассказал всю историю с вождем.

А как вам “Сталинская” фраза — “как-нибудь, обойдусь”? Что с него взять, коммунист, однако. Помните, стихи Н.Тихонова — “гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей!” А по стилистике все это очень напоминает Жуковские мемуары. Помните, эпизод с отправкой

Жукова в первый день войны на Юго-западный фронт? “Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся”. Все это, думается, есть неуклюжая попытку В. Жухрая, как-то, обосновать отсутствие Сталина в Кремле, в первые дни войны, т. е. прикрыть что-то, более важное. Ведь, согласитесь, есть же, что-то такое, подозрительное, в этой “болезни”.

Неужели, В. Жухрай — историк, не понимает, что приведенные факты ему надо как-то прокомментировать? А так, все это очень странно, не более? Как видите, В. Жухрай склоняет нас, все же, к версии отсутствия Сталина в Кремле, правда, из-за болезни и, только во второй половине первого дня войны, чтобы, видимо, не поломать версию Жукова. Не будем этому противиться, в смысле отсутствия, тем более у нас тоже, стоит задача, постараться доказать, именно, отсутствие Сталина в Кремле, в том числе и 22 июня.

А что если действительно Преображенский был вызван на дачу Сталина, но не по поводу болезни, а по другой причине, и не один? И не в ночь с 21 на 22 июня, а чуть раньше? И действительно, дал ли профессор подписку о неразглашении цели данного визита, которая могла составлять государственную тайну? Видимо, В.Жухрай, все же “знает” что-то такое, “о болезни” Сталина, о чем предпочел написать в такой вот незатейливой форме?

Давайте ознакомимся вот с таким документом из фонда А.Н.Яковлева. Из названия документа, ясно, о чем идет речь. Виноградов Владимир Николаевич — лечащий врач Иосифа Виссарионовича.

“Из протокола допроса В.Н. Виноградова о лечении В.И. Сталина

05.01.1953 г.

Допрос начат в 21 час. 30 мин.

ВОПРОС: Вы привлекались, как известно, к лечению **Василия Иосифовича** и наносили своими преступными действиями вред его здоровью. Станете ли вы отрицать это?

ОТВЕТ: Верно то, что я имел отношение к лечению Василия Иосифовича начиная с 1930-х годов и вплоть до последнего времени. Однако его здоровью я не вредил.

Примерно в 1938 году у него была так называемая моноцитарная ангина, и я лечил его вместе с профессором **ПРЕОБРАЖЕНСКИМ Б.С.** После этого его здоровье улучшилось, болезнь прошла. В послевоенные годы у **Василия Иосифовича** наблюдалось психическое заболевание. Несмотря на то, что он неоднократно находился на излечении в санатории “Барвиха”, его здоровье все же ухудшилось, и в последнее время заболевание обострилось, наблюдалось сильное психическое расстройство...”.

Понятно, что это отредактированные допросы профессора Владимира Николаевича Виноградова. С ним мы еще столкнемся по “делу врачей”, которому посвятим несколько страниц. Ясно, что это заготовка хрущевцев и их последователей по обработке общественного сознания, что сын Сталина — Василий, психически больной человек, которому только и место, как нахождение в психиатрической больнице. Как видите, не рискнули привести весь протокол целиком. Я тоже сократил немного, так как последующий кусочек текста для меня, в данном случае, не представлял интереса. Не думаю, что в январе 1953 года (?) при аресте московских врачей следователей в большей степени интересовала судьба, именно сына Сталина? Там речь шла о другом, но что занимательного в данном моменте? Не отсюда ли “растут ноги” у версии В.Жухрая, с которой мы только что ознакомились? Здесь вам и профессор Преображенский Б.С., собственной персоной, — здесь вам и ангина. Правда, другой разновидности, но это чтобы, явно не бросалось в глаза. А то еще подумают, что наследственное? Осталось только поменять сына на отца и сюжет для книги

готов, не так ли? Литературная фантазия тесно переплетается с реальными лицами и вот, пожалуйста, — “исторический факт” готов к употреблению!

К теме о врачах, как я уже сказал выше, мы еще вернемся попозже, и узнаем, кто же именно, мог приехать на дачу к Сталину, и что же у него могло “болеть”?

Глава 15. Когда же началась война и с кем?

Снова обращаемся к “мемуарам” Жукова, где он пишет о начале войны. Эта часть его воспоминаний всегда представляла для исследователей особый интерес. Еще бы! Сам начальник Генштаба рассказывает, как началась война с Германией. Но ряд историков довольно скептически относятся ко всему тому, что написано Георгием Константиновичем или теми лицами, кто “редактировал” данные “мемуары”. Конечно, многое из написанного, просто напросто придумано из конъюнктурных соображений и ничего, общего, с реальными событиями, не имело место. Но для нас это и будет, как раз, представлять особый интерес. Поясню, почему? Если Жуков искажает какой-либо эпизод, значит за этим событием стоит, что-то очень важное, реальное, но, которое Жуков пытается скрыть от читателя и замаскировать, более, нейтральным действием. Рассмотрим более позднее издание Жуковских мемуаров. Почему, будет ясно из пояснений, приведенных ниже.

Итак, опять начнем с ночного звонка Сталину. Почему Сталину позвонил Жуков, а не Тимошенко? Почему нарком обороны сообщение главе государства Сталину о начале военного конфликта не сделал сам, а перепоручил это сделать своему подчиненному, начальнику Генштаба? Или это была всё же, личная инициатива Георгия Константиновича? А может, его телефонное сообщение было лишь предлогом, чтобы позвонить на дачу Сталина? Во-первых, откуда Жуков узнал о начале войны? Уж не немцы ли сообщили ему об этом? Во-вторых, как быстро Жуков сориентировался, что приграничный конфликт, есть начало полномасштабных военных действий Германии против Советского Союза — т. е., война. Давайте, прикинем, приблизительно, сколько прошло времени с начала боевых действий на границе, в тот день 22 июня?

Видимо, был дан общий сигнал о начале военных действий Германских вооруженных сил. Авиация поднялась в воздух, артиллерия стала “гвоздить” по нашим приграничным районам сосредоточения войск, а танки, сминая проволочные ограждения, ринулись расчищать дорогу пехоте, ну и т. д. и т. п. Сколько нужно времени бомбардировочной авиации дальнего действия, чтобы, к примеру, нанести бомбовый удар по городу, расположенному в глубине нашей территории? Пусть даже посты наземного обнаружения зафиксировали вторжение большого количества самолетов со стороны немецкой территории, они, ведь, только сообщат об этом по инстанции более высокому командованию. А те, в свою очередь, еще выше. Довольно длинная цепочка связи и на все нужно время. Надо же командованию на каждой ступени, осмыслить принятое сообщение, принять по нему решение, сообщить о нем по двум каналам связи: вниз и вверх, по подчиненности.

Давайте зададимся вопросом “Откуда Жуков так быстро узнал, что началась именно война?” Это в воспоминаниях, задним числом, понятно, что есть что? А в то время, 22 июня, да около четырех утра, очень маловероятно, чтобы за столь короткое время оценить сообщение и сделать вывод, именно о начале “войны”. Не успела, наверное, еще телефонная трубка остыть от сообщений командующих округами об интенсивном обстреле приграничных районов, как Жуков сразу, как в колокол бухнул — война! В первом издании мемуаров Жукова фразы о войне не было. Думается, ее редактора изъяли, в свое время, и правильно сделали. (А может, все же был определенный умысел? Но в чем он тогда состоял?). Не Жуковский это уровень решать: началась война или нет. В то время, в смысле написания мемуаров, конца 60-тых годов, не глупые же редактора сидели. Понимали, что к чему, да и главное, что еще живы были участники происходивших событий. А в более позднее, Горбачевское время, уже поредели ряды бывших защитников Отечества и когда стали славить “гениального полководца всех времен и народов”, то, думается, достали рукописи

мемуаров Жукова, и убрали былые редакторские правки, чтобы придать, видимо, большую значимость этим “Воспоминаниям”.

Итак, как начиналась война? Немного, чуть, повторимся. Немецкие войска были стянуты к границе и ждали приказа о начале военных действий. Но, верховное немецкое командование чего-то, выжидало, и имелся, даже, запасной вариант, по переносу даты нападения? А чего ждали? Говорят, что лётной погоды. А может, ждали, откуда-то, какого-то своего, только им, понятного сигнала. Наконец, приказ о начале военных действий с Советским Союзом в войска был доставлен (помните, **сигнал “Дортмунд” был получен войсками 21 июня**) и 22 июня в 3 часа 30 минут (есть и уточнения, что в 3.15) начались приграничные военные действия, а немецкая авиация дальнего действия нанесла, говорят даже, бомбовые удары по нашим крупным городам. Ни какой значимости, с военной точки зрения, эти бомбардировки не имели, а преследовали лишь две, на мой взгляд, важные цели. Первая — постараться сделать необратимость военного конфликта, т. е. лишить Советскую сторону возможности мирного урегулирования военных действий на границе и вторая — бомбардировка, есть самый эффективный и действенный сигнал для наших заговорщиков о начале войны.

Фашистская авиация обрушила свой смертоносный груз на советские города и села. 22 июня 1941 года.

Давайте, почитаем в мемуарах Жукова, о том, как он узнал о войне.

“Под утро 22 июня Н.Ф.Ватутин и я находились у наркома обороны С.К.Тимошенко в его служебном кабинете.

В 3 часа 07 минут **мне** (?) позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С.Октябрьский и сообщил: “Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний”.

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К.Тимошенко, я ответил адмиралу Ф.С.Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

(Опускаем изложение других событий — В.М.)

...В 4 часа я вновь разговаривал с Ф.С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана, Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф.С.Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение”.

Можно ли из всего приведенного выше текста, сделать вывод, что на нас напала Германия? Очень затруднительно, даже Октябрьский не решился сделать такой вывод? Как, по Жукову, тот сообщает об инциденте? Сначала, “неизвестные самолеты”, а затем — “вражеский налет отбит” и,

о немцах, ни слова. Рассмотрим еще раз, внимательно, приведенный отрывок. По Жукову, он вместе со своим заместителем Ватутиным, находится в кабинете у наркома обороны Тимошенко. А что своего кабинета нет? Или же собрались вместе и ждали сообщения? И вдруг раздается нужный телефонный звонок. Жуков же, не хозяин кабинета, а берет телефонную трубку (сам же говорит: “**мне** позвонил”) и ведет разговор с абонентом. Странно, не правда ли? В реальной жизни, можете ли вы, придя в кабинет к своему начальнику и в его присутствии, брать телефонную трубку и отвечать на раздающиеся звонки? В нашем же случае, такое, как видите, возможно. Но, это при условии, что присутствующие в кабинете люди, есть определенное сообщество, где действующие роли, начальника и подчиненного, распределены не так, как в реальной жизни. Например, в любом тайном обществе, его руководитель, не есть, обязательно человек, занимающий высокий пост или чин в реальной жизни, так как тайное общество живет и подчиняется своим, отличным от действительной жизни, законам и правилам. Жуков, по всей видимости, являлся, “активным” заговорщиком и поэтому, вполне мог чувствовать себя хозяином, даже, в кабинете наркома. Это, один из вероятных мотивов, объясняющих эту “странность”. Далее о звонке командующего Черноморским флотом. В чем же оперативном подчинении находился данный флот, что его командующий, сначала позвонил, не наркому ВМФ, в чем прямом подчинении находился, а самому наркому обороны, да к тому же телефонную трубку в его кабинете, почему-то взял, лично, начальник Генштаба Георгий Константинович?

Не с этой ли целью Одесский военный округ находился в подвешенном состоянии, чтобы вывести Черноморский флот из конкретного оперативного подчинения? Как видите, оказалось, что командующему Черноморским флотом стало очень удобно напрямую звонить в Москву? Это все связано, с неожиданными подвижками в Московском военном округе, о котором речь пойдет чуть попозже. По началу войны, скорее всего, именно, Одесский военный округ должен был преобразовываться в Южный фронт. Поэтому Черноморский флот автоматически должен был входить в оперативное подчинение командованию Южного фронта, как ранее, до войны — Одесскому военному округу. То есть по жизни, Октябрьский должен был звонить Я.Т.Черевиченко. Но командование Московского округа, с определенной целью выбросили из Москвы. И вдруг получается, что вместо звонка командованию Одесского военного округа, надо звонить новому руководству, а так как на этот период оно было еще по пути из Москвы в Винницу, то Октябрьскому ничего другого не оставалось, как звонить в Москву. И именно, тем, людям, которые и отдали такой приказ о переподчинении Черноморского флота. Вроде бы, такая получается раскладка? Да, но в таком случае выходит, что Москва напрямую привязывала руководство флота не к руководству ВМФ или к руководству сухопутными войсками, а к Ставке? Отчасти это так, но, как-то хитро все запутано. С какой целью Черноморский флот вывели из оперативного подчинения Одесскому округу, читатель узнает из главы посвященной данным событиям. А сейчас продолжим о телефонном звонке Жукову.

Для чего позвонил Октябрьский? Думаете, для того, чтобы получить разрешение на открытие зенитного огня по самолетам? Скорее, целью звонка могло быть сообщение о начале акции со стороны немцев, сигнал “наверх”, не более, того. Ведь никакого существенного противодействия “неизвестным самолетам” сделано же не было. А ведь это были не просто “неизвестные самолеты”. Любой гражданский человек, только по звуку моторов, определит, что это летят бомбардировщики. И ведь не пришла же, в голову командующего флотом мысль, чтобы поднять в воздух самолеты истребительной авиации Черноморского флота, которые смогли бы, наверное, определить не только опознавательные знаки этих “неизвестных” самолетов. Возможно, и не допустили бы бомбежки города Севастополя и разбрасывания плавучих мин в акватории военно-морской базы. А если бы не было бомбежки Севастополя, то какая же без этого война? Кроме того, командующий флотом спрашивает об указаниях у вышестоящего начальства, что в переводе с языка военных надо понимать так: можно ли открывать огонь по этим “неизвестным” самолетам? Других-то, судя по всему, видимо и не было. И что ему ответил Жуков? Если вы, например, не желаете войны, в данном случае с Германией, чтобы вы сделали на месте начальника Генштаба Жукова? Не удивлюсь, если читатель сам предложит, к примеру, что, неплохо было бы установить, для начала, чьи это самолеты? И, во-вторых, выполнить командующему Черноморским флотом то, что мы предложили выше. Но, это при условии, что вы, не желаете, войны с Германией и, лишь,

пресекаете попытки спровоцировать ее. Удивительно, что Жуков все время ругает Сталина за чрезмерную осторожность в отношении недопущения попытки попасться на провокацию на границе, а тут сам впадает в другую крайность. Чрезмерная агрессивность, особенно в отношении к “неизвестному” противнику. Так и рвется в бой. Да, но о немцах пока не произнесено ни слова. Не румынская же авиация налетела на нас? Смотрите, как поступает наш “уважаемый” военачальник. “Переговорив с Тимошенко”, Георгий Константинович изрек вполне убедительно для Октябрьского: “Действуйте ...”. Это звучит, если и не как, явный приказ, то уж, во всяком случае, как одобрение предполагаемых действий подчиненного лица. Умеет, кстати, Жуков выкрутиться из сложной ситуации снимая с себя ответственность. Но, ведь есть, же и приказная форма в его ответе: “...доложите своему наркому”. О чем? О том, что тот уже доложил наркому обороны, через переводчика, в лице Жукова. Очень спешил, однако. Зачем? Получается, какая-то глупость? Однако, через какое-то, время у Жукова, как он вспоминает, снова состоялся разговор с адмиралом Октябрьским. Видимо, приятно разговаривать с хорошим человеком. Непонятно, только, кто кому первый позвонил? “...Спокойным тоном доложил”, так резюмирует Жуков свой второй разговор с командующим Черноморским флотом. А чего, тому волноваться-то? Подумаешь, налетели “неизвестные самолеты”, побомбили немножко базу и город Севастополь, всего дел-то?

Хотя бы, поинтересовались оба: Жуков, и, конечно же, Октябрьский, чьи же, все-таки, самолеты бомбили вверенные ему для обороны объекты, и по каким самолетам вела огонь корабельная артиллерия и подразделения ПВО?

Вот, собственно и всё, что сообщил нам Георгий Константинович, восхищаясь Октябрьским, как одним из первых “организованно встретивших вражеское нападение”. А был ли сбит хотя бы один “неизвестный” самолет? А если и сбит, то чей же это, все-таки, был самолет? Такие вопросы, судя по всему, в головах наших военных даже и не возникали. Жуков-то, наверное, сразу “догадался”, чьи это были “неизвестные” самолеты? Точно, что это были не турецкие. Не зря же сидел в кабине наркома обороны. Вот такие, у нас “миротворцы” были в военных верхах, ни чета Сталину.

А вот задайтесь вопросами: “Почему Жуков был уверен, что началась война, но не сказал, что с Германией? Почему он не потребовал у Октябрьского выяснить, по чьим же самолетам, тот собирается открывать зенитный огонь, хотя одобрил его действия? Жуков что, действительно не знал, чьи это самолеты?” Вы, читатель, можете в это поверить? Ну, если Вы едва научились читать и впервые услышали о Великой Отечественной войне, то вполне возможно. Грамотный же, читатель вправе задуматься.

Но ведь это противоречит, его же высказываниям, что, дескать, Сталин запретил поддаваться на провокации против немцев. Однако сам же готовил Директиву вместе с Тимошенко, где предупреждал, чтоб наши самолеты далеко не залетали и мы сами, без нужды огня по вражеским самолетам не открывали.

“Интересный” случай произошел в это время в Западном военном округе. Когда “неизвестные” самолеты-бомбардировщики утром 22 июня пересекли нашу границу, то командующий ВВС Западного округа генерал-майор авиации И.И. Копец, в отличие от Ф.С. Октябрьского, поднял в воздух истребительную авиацию, чтобы препятствовать проникновению “вражеских” самолетов вглубь Советской территории. Последовал категорический приказ из Москвы: “Отставить!” Самолеты вернулись на исходные позиции, чтобы затем попасть под удар бомбардировочной авиации врага. А командующий ВВС И.И. Копец, через несколько часов после отдачи приказа, почему-то покончил жизнь “самоубийством”. Очень, все это подозрительно.

Далее, в своих мемуарах, Жуков сообщает о звонках командующих округами, где те докладывали о нарушениях государственной границы. Отсюда, видно, и следует Жуковский вывод о начале войны. Тем не менее, все же интересно: “Почему же, **именно, Георгию Константиновичу Жукову**

позвонил командующий Черноморским флотом, а не наркому обороны Тимошенко, пусть, даже, и Председателю Ставки?”

Глава 16. Как же начинаются войны?

Жуков, думается, не хуже нашего понимал, как начинается война. Получив все сведения через Генеральный штаб о событиях в приграничных районах, а они носили характер массовых сообщений о подготовке врага к нападению, он обязан был обо всем этом доложить наркому обороны. Тот, оценив обстановку на западных границах должен был, в свою очередь, доложить главе правительства Сталину — с целью приведения войск западных округов, а их было всего четыре: Ленинградский, Прибалтийский, Западный, Киевский и Одесский, в состояние полной боевой готовности. Думается, именно, в этом случае вскрываются мобилизационные пакеты, в которых предписаны действия командованию. В дальнейшем, им придется ожидать “пикового” состояния на границе. Оно наступит, когда немецкие части станут выдвигаться в районы сосредоточения у самой границы, а наша разведка доложит об этом. При приведении войск в полную боевую готовность у нас, ведь, тоже происходит движение войск. Те части, которые находились вблизи границы, занимают укрепрайоны, а другие, находящиеся во второй полосе обороны, тоже, скрытно, начинают выдвигание в предписываемые им районы прикрытия.

Разумеется, что существовал сигнал о вскрытии мобилизационных пакетов. Это же не Жуковская глупость на трех листах лживой Директивы о приведение войск, в неизвестно, какое состояние. Получалось, что от обычной, повседневной боевой готовности — сразу, хватай винтовку и бегом к границе. Да и это, ко всему прочему, должно было происходить не тогда, когда на голову бойцов падают бомбы и снаряды, а заблаговременно, предопределив обстановку на границе. Иначе, что же это за командование? Кучка ротозеев, не более того.

А затем все ожидают сигнала боевой тревоги, по которой воинские части берут, условно говоря, оружие наизготовку в ожидание нападения врага.

Вообще-то, всё это мы должны были бы вычитать у нашего несравненного маршала Жукова, который на момент нападения Германии представлял Генеральный штаб. Это он, облаченный в военную форму с большим количеством звезд в петлицах, должен был нам рассказать, по какому сигналу войска и флот приводились в состояние повышенной и полной боевой готовности накануне войны с Германией? Как осуществлялся вывод войск в районы прикрытия? Кто конкретно на местах поднимал войска по боевой тревоге? Ничего подобного в “Воспоминаниях” у Жукова нет, так как в ранних главах данной работы уже было сказано, к какой категории лиц был отнесен данный “полководец”. Поэтому, что он мог написать в своей книге? То, что положено было осуществиться — не произошло, а это и есть предательство, в замаскированном виде. А то, что произошло — потребует ответа, кто допустил такое? Не скажешь же, читателям, что это было сделано преднамеренно. Выкрутилась хитро-мудрая Хрущевская шайка-лейка, свалив вину на Сталина. Дескать, таким нехорошим человеком оказался, что запретил стрелять по немцам.

А давайте, зададимся вопросом: “Что было бы в действительности, если бы Сталин возьми, да и умри, например, 20 июня 1941 года, то есть, накануне войны?” Что, так и не знали бы что делать в таком случае? Кто же им бумагу подписал бы о Ставке? Или наоборот, руки были бы развязаны. Погнали бы врага до самого Берлина? Уж, в таком случае Жуков, наверное, написал бы в своих мемуарах, как он, во всеоружии, подготовился встретить врага!

А целые полчища военачальников в высоких чинах, которые выжили после войны и оставили о ней свои воспоминания. Отчего все промолчали о том, что должно было быть? и почему этого не случилось на границе? Кто и почему заставил их замолчать и преднамеренно лгать советским гражданам о начальном периоде войны в своих бесчисленных опусах под названием “военные мемуары”? Говорят, что Хрущев. А почему это сделал Хрущев и примкнувшая к нему, компания

партийцев? Видимо, по тем же самым причинам, по которым это сделал и Жуков. Все они были замешены в одном “грязном” деле.

Вопросов, как видите, большое количество, и они не уменьшаются по мере узнавания правды о войне.

Вернемся, однако, к тем военным людям, которые смогли каким-то образом, пробившись сквозь цензурные барьеры, немного пояснить своим читателям о том, что было в те, трагические дни начала войны.

Сигналов, которые приводят в движение войска, существует много, и разных. Нам бы, хотя бы, пояснили о том сигнале, по которому вскрывают мобилизационные пакеты. От Жукова мы этого не дождалась, а теперь, и не дождемся никогда.

Сигнал состоял из одного ключевого слова, понятного всем командующим округов. Из многочисленных мемуаров наших военных, вырисовывается такая простая картина, что для каждого округа сигнал состоял именно из одного слова: название военного округа и цифр текущего года, например, “КОВО-41”. Далее информация сверху растекалась по армиям прикрытия. Кодированное слово состояло из названия места дислокации штаба армии с прибавлением того же года — 41. Например, сигнал для 5-й армии КОВО выглядел следующим образом — “Луцк-41”. На армейском и более низовом уровне была проявлена самостоятельная инициатива командующих по сообщению о вскрытии мобилизационных (или “красных”) пакетов.

Это примерная схема по обороне страны, так как, то, что соответствует всему этому исходя из предписаний подготовленных Генеральным штабом и Наркоматом обороны, включает в себя значительный большой объем проводимых мероприятий.

Кто должен был отдать подобный сигнал в войска и на флота? Думается, глава правительства Сталин на совещании в Кремле представителей все трех властей: партийной — ЦК ВКП(б) — Политбюро, законодательной — Президиум Верховного Совета СССР и исполнительной — Совет Народных Комиссаров, должен был, по согласованию со всеми, отдать приказ Наркому обороны Тимошенко об передаче в войска военных округов и на флота сигнала о приведении армии и флота в полную боевую готовность. А дальше вниз по цепочке подчиненности и ожидать дальнейшего развития событий.

В случае перехода границы вражеской армией, видимо, следовал сигнал боевой тревоги. Однако приходится гадать, так как и по сей день неизвестно, как должны были вооруженные силы Советского Союза встретить нападение гитлеровской Германии?

Для чего же у нас, и по сей день, существует Генеральный штаб? Или и до сего дня, нападение Германии на СССР составляет государственную тайну? Взяли бы, дяденьки с большими звездами на погонах, да и рассказали бы российским гражданам, как там, в далеком сорок первом году планировалось встретить врага? И ответить на все вопросы, которые обозначены в начале главы. Согласитесь, что генштабистам, намного сподручнее обрисовать существо дела, чем любому военному историку, даже, облаченному в военный мундир. Специфика, однако. Но, как говорить, чего нет — того нет!

Было, правда, ряд исследований по начальному периоду войны, но они отражали проистекающие военные события, и не затрагивали существо интересующего нас дела. А жаль!

Но вернемся к тем, военным людям, оставившим незыбываемые воспоминания о том, что произошло со страной в тот страшный день — 22 июня 1941 года.

Вот, например, как описывает передачу условных сообщений во вверенные ему части, командир 8 механизированного корпуса, 26 армии Юго-Западного фронта Д.И.Рябышев “Первый год войны”:

“...**Еще ранее условился с командирами** дивизий оповестить их особыми словами, значения которых понимали только мы...”

Я взял трубку и, стараясь быть спокойным, произнес:

— У аппарата Рябышев.

— У аппарата Мишанин, — прозвучал приятный, мягкий голос командира 12-й танковой дивизии.
— Слушаю вас.

— Здравствуйте. В небе сверкает **молния**.

— Все ясно, Дмитрий Иванович, — поспешно ответил Т.А.Мишанин.

Пожелав успеха, закончил с ним разговор. В трубке зазвучал, густой бас командира 7-й моторизованной дивизии:

— У аппарата полковник Герасимов.

— Здравствуй, дорогой! Как у тебя, **лес** шумит?

— Лес шумит, но лесник свое дело знает, Дмитрий Иванович, — пробасил в ответ А.Г.Герасимов.

— До встречи.

На проводе был командир 34-й танковой дивизии полковник И.В.Васильев. Поприветствовав его, я спросил:

— **Гора!** Желаю успеха!

“Молния”, “лес”, “гора” — это условные слова, услышав которые от меня командиры соединений немедленно поднимали по тревоге части и **вскрывали хранившиеся в сейфах опечатанные пакеты** с секретными предписаниями о выходе в район сосредоточения...”

В этих мобилизационных пакетах, должно было быть разъяснение, как вести себя в случае прямой агрессии потенциального противника, т. е. там, в пакетах должны были быть отражены те, самые, планы прикрытия границы.

Опять же, по многочисленным воспоминаниям военных мемуаристов в этих планах, лежащих в пакетах, ничего сверхсекретного не содержалось. Данному войсковому соединению предписывалось то, что и являло собой предназначение Красной Армии — защита рубежей своей Родины. Надо было просто вышвырнуть вторгшегося врага со своей территории и не дать ему далеко проникнуть вглубь страны. А все эти, якобы, удары в “направлении Люблина, Демплина” и прочее, имеющиеся в Директивах, о которых велась и ведется речь и до сих пор, не более чем **ложь**, с целью запутать существо дела.

Также, не надо думать, что тот командир, который вскрыл “красный” пакет, тупо уставился бы в представленный его глазам документ, как “баран на новые ворота”.

Что такое “красный” пакет и почему автор его так называет? Так как слово “мобилизационный” значительно длиннее в написании, то удобнее, в ряде случаев, печатать более короткое слово. А “красный” в названии, видимо потому, что на пакете была красная полоса. Но в работе, могут встречаться как то, так и другое наименование. Итак, “красный” пакет, это отложенный, на неопределенное время, приказ вышестоящего начальства. Разумеется, командир данного войскового соединения знает о том, что ему предстоит делать в случае нападения врага на нашу территорию, но приказ об этом он получит через вскрытие данного пакета. А для вскрытия пакета нужен тоже приказ, который может быть получен им прямым голосовым сообщением по телефонной связи или своеобразным кодируемым радиосигналом, а может быть доставлен офицером связи вышестоящего штаба. Важен не способ доставки приказа командованию, — он варьируется от сложившейся боевой обстановки на тот момент, а скорость доставки приказа, так как без него, командующий любой войсковой части не вправе принимать самостоятельное решение по вскрытию “красного” пакета. Разумеется, это ведет к пассивному ожиданию неизвестности, что может быть чревато гибелью солдат и офицеров данной воинской части, так как известно, что на войне противник только и делает, что стреляет и убивает живую силу противоположной стороны. Правда, бывают исключения: как-то плен и без вести пропавший. Если с первым все понятно, но неприятно, то со вторым — и неприятно, и не понятно.

Вот, собственно и все о первом этапе обороны собственной страны. Ну, не могли же наши военные сидеть, сложа руки и молча взирать на то, как противник безнаказанно засыпал их бомбами и молотил снарядами.

Продолжу эту тему небольшим лирическим отступлением. В годы молодости, находясь в призывном возрасте, я проходил службу в Группе советских войск в Германии. Наша часть находилась на западе ГДР и располагалась недалеко от границы. Так вот боевая задача, которая была поставлена нашей части, состояла в том, чтобы совместно с соседним танковым полком продержаться, при агрессии войск НАТО, что-то около трех часов до подхода подкрепления. Если все удачно сложится, нам предписывалось продержаться еще определенное время до подхода более крупных сил из восточных районов ГДР и Чехословакии. Дальше, было уже не нашего ума дело. Мы свою задачу должны были выполнить так, как нам предписывалось по плану прикрытия данного района. Если бы мы остались живы, то нам повезло бы, если нет — таков закон воинской службы. И ни у кого из нас не возникало в мыслях, что мы являемся “пушечным мясом” или чем-то иным, что могло нас как-то унижить или оскорбить. Наоборот, нам военнослужащим внушалась уверенность в наших силах, да и мы сами чувствовали в себе решительность, что, в случае чего, уж Гансам-то, точно дадим “по соплям”.

Продолжим рассказ о защите рубежей нашей Родины в далеком сорок первом. Все это происходило при внезапном нападении противника, когда время на принятие решение ограничено, но столкновение с противником неизбежно. Не можем же мы мириться с тем, что противник вторгся в пределы нашей страны и покушается, судя по всему, выражаясь дипломатическим языком, на ее суверенитет.

Что касается ссылок на, якобы, разного рода умствования “товарища Сталина”, типа “не поддаваться ни на какие провокации” и “огня по противнику не открывать”, то они все носили характер устных рассказов Жукова, Хрущева и других товарищей из этой когорты, которые тиражировали их, с помощью деятелей из Центрального Комитета партии. Те, видимо, тоже были заинтересованы в распространении подобной информации, иначе бы, мы не были знакомы с данными опусами. Никакого документального подтверждения подобных высказываний Сталина нет и вряд ли, где будет найдено. Впрочем, жизнь всегда полна неожиданностей и кто знает, может быть, и появятся из какого-нибудь архива подобного рода “документы”?

Да, но мы сами, своими глазами читали подобные документы, где черным по белому было написано, чтобы “не поддаваться на провокации противника” и “без приказа огня не открывать”. Как это себе представляло высокое начальство трудно понять? В воспоминаниях бойцов и командиров Красной Армии, встретивших врага 22 июня, очень часто можно было встретить такое

высказывание, что высшее командное звено запрещало открывать огонь по противнику. Более того, изымало боеприпасы, разоружало боевую технику и отдавало самые нелепые приказы, грозящие гибелью всему личному составу, прикрываясь, именем Сталина, так как приказ, дескать, шел из Москвы.

А вот и отрывок из приведенных ранее, мемуаров Болдина, подтверждающий сказанное. Куда же яснее, высказывание данного автора:

“Докладываю новые данные (о противнике). Выслушав меня, С.К.Тимошенко говорит:

— Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев **без нашего ведома не предпринимать**. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что **товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам**.

— Как же так? — кричу в трубку. — Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гибнут люди!

Я очень взволнован. Мне трудно подобрать слова, которыми можно было бы передать всю трагедию, разыгравшуюся на нашей земле. Но существует приказ не поддаваться на провокации немецких генералов...

Настаиваю на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной.

Но нарком повторил прежний приказ: никаких иных мер не предпринимать, кроме **разведки вглубь территории противника (?)на шестьдесят километров”**.

Такой приказ чтобы выслушать, особенно последний абзац, надо иметь крепкую нервную систему. Вопрос, правда, всегда в том, а было ли, в действительности, подобное указание Сталина об отмене стрельбы по противнику? Не надо забывать, когда написаны эти мемуары. Таким лепили образ вождя после XX съезда партии. В дальнейшем верхи решат убрать Сталина на дачу и подобные высказывания о Сталине, канут в небытие. Пока, мы рассматривали первый этап обороны. Неплохо, как видите, с ним поработали военные деятели из Ставки. Это происходит, если враг нападает неожиданно, якобы, безо всяких дипломатий, типа уведомлений нотой протеста.

Теперь рассмотрим второй этап. Нам же надо, в конце концов, выяснить, что надумали немцы, нарушив рубежи на нашей границе? Для этого существует посольство Германии, которое находится под боком, в Москве.

Далее, нашей стороной должна готовиться дипломатическая нота, с содержанием претензий, соответствующих текущему моменту. Если же, одна из сторон, и так понятно какая, не желает продолжения военных действий могущих привести к полномасштабной войне, то она, естественно, стремиться к урегулированию отношений между сторонами, не взирая, ни на какие потери, произошедшие в начальный период конфликта на границе. После, как говорится, разберемся с возмещениями убытков сторон. Если же, противная сторона упирается “рогом” и не хочет идти на попятную, а сует под нос ноту о разрыве дипломатических отношений, то здесь, немного, посложней.

В данном, конкретном случае, Жуков нас истово уверял, что, дескать, сам посол Шуленбург уже стучался в дверь к Молотову, и тот стремглав побежал выяснять отношения.

Все равно, надо дать германскому послу стакан с водой, чтобы попил и успокоился. Выслушать претензии Германской стороны и попытаться, предотвратить свершаемую им глупость. Это главная и основная обязанность министра иностранных дел, в нашем случае, Молотова. Если же и это, не помогает, то с достоинством принять бумагу и пригрозить, что “наше дело правое, враг будет разбит и победа будет за нами!”

А как же наши войска на границе в данном конкретном случае, при нападении Германии? О них не позабыть бы за разговорами? Что им-то, прикажите делать? Действовать сообразно обстановке. Во всяком случае, отражать нападение противника, стараясь не особо далеко переходить границу. А вдруг, действительно, все утрясется? Зачем нам лишние жертвы советских солдат?

Речь, ведь, идет только об отражении агрессии, а не о войне, с последующей мобилизацией населения. Надо же сначала определиться с масштабом развернувшихся боевых действий.

После аудиенции с послом страны агрессора возвратиться в Кремль и доложить собравшимся там товарищам, что Германия, по сообщению своего посла, разрывает с нами дипломатические отношения и вступает в фазу открытого военного противостояния. Товарищи коллегиально решают, что предпринять. Или, во-первых, еще раз воздействовать на Германию через дипломатические каналы — у нас же есть свой посол в Германии Деканозов. Надо же убедиться в правомочности действий германского посла Шуленбурга вручившего документ о разрыве дипломатических отношений. Может, тот является типичным заговорщиком, желающим спровоцировать вооруженное столкновение двух государств. Или, во-вторых, если уж так хочется повоевать, послать ее (Германию) к чертовой матери и начать ответные полномасштабные военные действия с всеобщей мобилизацией. Если товарищи в Кремле убедятся, что первый вариант не проходит — немцы не идут на попятную, то принятие второго решения и будет, по всей видимости, означать полномасштабную войну.

И то, в этом деле есть одна тонкость. А что было бы, если бы в приграничных сражениях не случилось всего того, что случилось с Красной Армией в самые первые часы и дни немецкой агрессии?

Если бы немцы не захватили целыми и невредимыми, к примеру, все мосты через Неман, Западный Буг, Сан и Прут (лихо!), а наши истребители встретили бы вражеские бомбардировщики в воздухе, а не сгорели бы, как многие из них, на земле?

Если бы, например, 6-я и 42-я стрелковые дивизии не оказались “запертыми” в Брестской крепости (неужели, кто-то готов поверить, что это заурядное головоупяцтво?), а вся наша многочисленная полевая артиллерия, наоборот, оказалась бы не на полигонах, а в войсках?

Если бы к нашим пограничникам вовремя подошла бы помощь армейских частей, а красноармейцам выдали бы не караульную норму патронов (тихий ужас!), а полный боевой запас в 90(120) штук?

Если бы танки были полностью заправлены горючим, а с самолетов не было бы снято вооружение (неужели и такое, возможно, было провернуть!)?

И еще многого того, что не произошло бы на границе с Красной Армией, а как раз наоборот, усилило бы ее мощь. Думается, что исходя из вышеперечисленного, немецкая армия в приграничных сражениях не смогла бы, не только, полностью развернуться **на советской территории**, но и получила бы так крепко, “по зубам”, что эти сражения дальше приграничных инцидентов могли бы и не развиваться. Попробуй переправиться на противоположный берег, если взорван мост? Люди могут на лодках и других плавсредствах перебраться довольно легко, если, конечно, противник не ведет по ним интенсивный ружейно-пулеметный огонь.

А ведь, на отдельных участках границы, наши бойцы-пограничники в течение суток удерживали берег реки, не давая немцам переправиться на противоположную сторону. Если бы вовремя, как сказал выше, к ним подошла помощь подразделений Красной Армии, то противник не смог бы переправиться на наш берег и на следующий день. (Если бы войска были бы приведены в полную боевую готовность, то они обязаны были бы заменить на границе пограничные части, а не спешить к ним на выручку, как произошло в действительности). Это мы говорим о пехоте, а как быть с техникой, и особенно, с танками? Их, ведь, на резиновой лодке не переправишь. Нужно готовить понтонную переправу, а это, сами понимаете, занимает большое время. Да, и плацдарм на нашей стороне, надо еще с боем отвоевать. Так что, не так это просто, пересекать границу. И, таким образом, никакой полномасштабной войны с Германией, в нашем понимании, в одночасье не произошло бы.

Нам долгие году жужжали в уши, что немецкая армия, дескать, была отобилизована и развернутая стояла на границе, а мы еще только чесали затылки, соображая, что нам делать? Неправда! В каком бы состоянии не находилась вражеская армия, ей, о чем сказал выше, надо перебраться на сторону противника. А большая часть нашей западной границы проходила, именно, по рекам. И только там, на другом берегу, она (армия) должна будет развернуться в походный порядок. Вы, уважаемый читатель, представляете себе огромную массу войск противника, даже, не перед взорванным мостом? Многие и многие тысячи вражеских солдат!

Налет нашей бомбардировочно-штурмовой авиации превратил бы все это военное скопище противника в кровавую кашу. Немцев вбили бы в землю еще там, на их стороне приграничных рек, не дав им расползтись по нашей земле. Никакое воздушное прикрытие им не помогло бы. Таковы жесткие и жестокие законы современной войны.

А где же, в таком случае, была наша авиация? Интересный вопрос! Бомбардировочная, как и штурмовая авиация, “отдыхали” в своих ближайших и дальних тылах, а ее прикрытие — истребительную авиацию Мазепы подтащили к границе на истребление врагу. Даже запрещали поднимать в воздух самолеты. Вот вам и чистое небо над переправляющимися через приграничные реки солдатами вермахта!

Мы еще по работе столкнемся с таким явлением, когда нашу бомбардировочную авиацию отправляли на бомбежку Варшавы и других объектов в глубоком вражеском тылу, попустительствуя тем самым, благоприятной переправе немецких войск через пограничные реки у себя под носом.

Кроме всего прочего, не надо забывать о том, в каком состоянии боевой готовности встретила врага Красная Армия в приграничных округах.

Одно дело, когда войска были бы в состоянии полной боевой готовности и с оружием в руках ожидали сигнала боевой тревоги, другое — когда армия находилась, образно говоря, в несколько расслабленном состоянии — повседневной боевой готовности. А это и концерты артистов накануне нападения в расположении воинских частей; летние отпуска командиров; увольнительные личного состава на выходные дни, включая и начальственный состав всех уровней, отпущенный по домам и т. д., и т. п. Поэтому “пятая колонна” и отменила отданный ранее приказ о полной боевой готовности, чтобы вернуть Красную Армию в самое низшее состояние готовности — повседневное. Главное — помешать бойцам и командирам отразить первый натиск врага. А там колесо войны наберет обороты — только держись. Благополучно перебравшийся на нашу территорию враг легко подомнет под себя отданного на растерзание не готового к отражению агрессии советского бойца. То же, можно было отнести и к авиации, ключевую роль которой в предстоящей войне не отрицал ни кто.

Вот так везде могли бы дать отпор врагу! 1941 г.

Но вернемся к началу войны на дипломатическом поприще.

Тут вот такая, штука. Существует, якобы “письмо” Гитлера Сталину, где тот говорит, что на совместной границе Германии и СССР могут возникнуть военные конфликты и просит Сталина не придавать, им особого внимания.

“...Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза (на 14 мая 1941 года — В.М.). Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас — и даю слово чести (И ведь, не соврал подлец, насчет чести — В.М.), что это неправда...

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным (К сожалению, это обязательство, для Гитлера, было трудновыполнимым. — В.М.). Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца. Начиная, примерно, с 15–20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы...

Ожидаю встречи в июле. (Это как понимать? Может, мечталось, что он будет на Красной площади у Мавзолея, а Сталин в кандалах на Лобном месте? — В.М.)

Искренне Ваш, Адольф Гитлер”

Скорее очередная фальшивка, предназначенная для прикрытия “внезапного нападения”. Снова избитая тема о доверчивости нашего вождя. На это письмо ссылается и Жуков, отводя от себя обвинения по поводу непринятия никаких активных действий, как начальник Генерального штаба. Дескать, Сталин поверил этому письму, и как следствие: “повязал всем руки” в принятие адекватных мер на западных границах. Словом — Сталин виноват, а военные в верхах преданно выполняли решения вождя. И взятки — гладки.

Что здесь, в этом письме, должно привлечь наше внимание, так это то, что обыгрывают тему подготовки Гитлером, видимо, запасного варианта на случай непредвиденных обстоятельств на границе.

А вдруг, действительно, советская граница оказалась бы “на замке”. Ведь Гитлер не мог же полностью знать возможностей заговорщиков. Вполне предсказуемо, что решил подстраховаться, на всякий случай. И ведь, если бы немцы на границе, действительно получили бы, очень мощный отпор, то Гитлеру пришлось бы сразу искать “виноватых” среди своих генералов. Думаю, что такие “жертвы” имелись, про запас.

Лексика самого письма, конечно же, вызывает только усмешку. “Дружбан” Гитлер просит Сталина не обращать внимания на его “пацанов” в генеральских погонах, если те начнут “хулиганить” на границе. Если, что мол? Звони! Найдем на них управу!

Но продолжим разговор о нападении Германии. Пока шла речь о так называемом внезапном нападении, т. е., когда армия противника, вроде бы, без объявления войны, вторглась в пределы нашего государства. Этот, первый вариант был идеальным, с точки зрения высокого патриотизма, самоотверженности, высокого чувства долга у командиров все уровней и рядового состава Красной Армии. Всегда, коварство врага вызывает больший эмоциональный подъем среди народа, подвергшегося агрессии. На этих чувствах долгое время строилась идеологическая работа советских органов после войны.

Во втором варианте, когда враг объявлял свои намерения в законном порядке, озлобленности было меньше. Представьте, себе, что Германия, скажем за сутки до вступления с нами в вооруженное столкновение, вручила бы нам через своего посла дипломатическую ноту о разрыве с нашей страной дружественных отношений. Так, примерно, было в первую мировую войну при столкновении с теми же немцами.

Как бы поступил Молотов, приняв от немцев ноту протеста? Сделал бы удивленное лицо: “А мы, между прочим, и не собираемся с вами воевать!” и вернул бы ноту обратно?

А дальнейшее поведение Шуленбурга? Видимо, в недоумении, молча бы, пожал плечами: “Это ваше право. Ауф видэрзээн”.

А как бы повели себя военные, если бы им Молотов сказал, что вот с утра, дескать, немецкий посол какую-то бумагу в руку сунул. Никак не разберу, чего немцы хотят от нас? Может и Тимошенко с Жуковым, тоже, возмутились бы по такому случаю: “Дуркуют немцы. Не знают, чем заняться на границе? Интересно, скоро ли уйдут воевать с англичанами?”.

А на запрос Сталина, как там, у нас на границе? — дружно бы заверили вождя, что пошлют командующим округами успокоительную бумагу, чтоб поглядывали, на всякий случай, в сторону Германии.

К теме вооруженных конфликтов на границе можно добавить, что с Японией у нас были военные конфликты на границах, даже целые битвы, но, тем не менее, дальше приграничных сражений дело, ведь, не пошло. Или Жуков запомнил про Халкин-Гол 1939 года, когда военные столкновения продолжались с мая по август месяц?

Недобросовестные историки всегда Сталина стараются выставить в неприглядном виде. Вот и в случаях с конфликтами на западных границах его пытаются представить в виде пугливого идиота, представляющего любую там стрельбу, как провокацию, способную вызвать, ни больше, ни меньше, как полномасштабную войну. Неужели, Сталин не понимал значение слова “провокация” применимое к действиям на границе. Одно дело, если немцы постреляли со своей стороны, а мы, как стадо баранов бездумно поперлись бы к ним через границу выяснять отношения. Разумеется, именно, это, и мог иметь в виду Сталин: о чем, заранее и предостерегал. Но другое дело, когда крупные германские войсковые соединения вламываются на нашу территорию, а мы открываем по ним огонь. В таком случае, язык не поворачивается назвать это провокацией с нашей стороны. Это, извините, самая заурядная агрессия со стороны противника! И происходит это столкновение, как нам хорошо видно по сообщениям из округов, на нашей территории. Не с хлебом же и солью должны встречать немчуру? Мы, к большому сожалению никогда не узнаем, как Сталин распорядился реагировать на массовые военные действия германских войск на нашей границе, но вариантов могло быть только два. Или дать возможность самому Наркомату обороны, в лице руководителя Тимошенко, принять решение и дать условный сигнал командующим в округа на ответных действиях или же доложить о вооруженной агрессии Германии самому Сталину. А он уже

сам, должен был по получении всей информации принять решение. Скорее всего, в реалиях, существовал, именно второй вариант. Почему и идет речь, якобы, “о телефонном звонке на дачу Сталину”, с тем чтобы знать, как он отреагирует на произошедшие события на границе: “Мол, тебе сообщили информацию, а ты теперь думай...” Тогда, исходя из рассказа Жукова, получается, что Сталин испугался личной ответственности за принятие решения и переносит ее на членов Политбюро, что явно не только не характерно для Сталина, но и выставляет его явным саботажником решения Политбюро. Жуков сам себе противоречит, выставляя Сталина теперь уже в роли нерешительного трусишки. Зачем, скажите, нужно Сталину собирать членов Политбюро для решения данного вопроса? Для весомости принятия решения, что ли? Так, ведь, идут приграничные сражения, каждая минута на счету, а сбор членов Политбюро это, своего рода, тот же саботаж, но уже в коллективном виде, не более того. Само по себе это заседание по поводу решения о подаче сигнала командующим округов будет выглядеть глупостью, так как другого решения от Политбюро, в данной ситуации, трудно ожидать. Хорошо. Предположим, что Сталин, все-таки, решил перестраховаться и вынес решение на Политбюро. Какое другое решение должен был принять, сей Главный орган политической власти страны? Понятно, то же самое, если по всей границе идет стрельба. Зачем же тогда нужен этот сбор партийцев? Поэтому решение о подаче условного сигнала командующим округов вполне мог принимать и должен был принимать лично, сам Сталин. Не идиотом же он был на самом деле? А вот наделить его единоначалием, в принятии данного решения, очень даже возможно, могло уполномочить именно Политбюро. Готовилась же наша страна к войне, как бы того не хотелось Жукову. Разумеется, такое решение было вынесено значительно раньше 22 июня. Речь идет о шестом мая, когда Сталин возглавил правительство и, ко всему прочему, стал Председателем Комитета Оборона при Совнарком, о котором, ну никак не хотят говорить ни Хрущевы, ни Жуковы, ни прочие брехуны от истории.

Мы не должны забывать о наших заговорщиках. Разве они могли бы смириться с тем, что Красная Армия во всеоружии готова встретить врага? Не допустить этого — их основная задача.

Сталин — ключевая фигура и об этом, несомненно, и знают, и понимают заговорщики. Недаром, соратников Сталина они считали ничтожествами. Решение Политбюро о наделении Сталина единоличным правом отдать приказ о подаче сигнала командующим округов, как это не выглядит прискорбно, но играло, именно, на руку заговорщикам. Ведь ликвидация Сталина (или “изоляция” его, по причине болезни и чего-то другое) вносила бы (и внесла!) невообразимую сумятицу в ряды того же Политбюро. Теперь им самим, в отличие от Сталина, надо было принимать решение, а оно ведь, это решение, вытекало из предоставленной информации Наркома обороны и начальника Генштаба. А какую информацию могли предоставить членам Политбюро Тимошенко и Жуков, являющиеся, самыми настоящими заговорщиками? Разумеется, такую информацию, какая была выгодна только им. Они спокойно, могли водить “за нос” любое Политбюро вместе с правительством. Поэтому и была создана Ставка, в разрез действий Комитета Оборона при СНК, так как надеялись, что Сталину не удастся выбраться из той “трясины”, в которую затащат Красную Армию в самые первые дни. Такого количества подлости, которую учинили наши “товарищи” из “пятой колонны” по разгрому Красной Армии хватило бы на десять Франций, вместе с Англией в придачу. Если бы не Сталин и советский народ, то нашего государства давно бы уже не было на этом свете. Поэтому Хрущев в пятьдесят шестом и брызгал с трибуны съезда ядовитой слюной на Сталина, что не получилось у него с поделельниками в сорок первом.

Кроме того, не надо думать, что в то время, все Политбюро и руководство страны, было монолитным, сплоченным коллективом способным на многое. Там тоже, были свои “подводные течения” и не все “вожди” имели во лбу семь пядей. Одни могли попасться на “крючок” заговорщиков по незнанию, другие — по злему умыслу. Все это поспособствовало той сумятице в принятии решений по отражению агрессии Германии. Поэтому, вместо сигнала в округа, заговорщики вполне могли убедить всех присутствующих в кабинете Сталина в Кремле, послать некую разъяснительную Директиву, с целью “не поддаваться на провокации”, вместо того, чтобы дать врагу мощный ответный удар, даже не пересекая своей границы. К тому же, заговорщики из Генштаба, могли “затемнить” с направление главного удара врага, с целью не оказания помощи воюющим войскам резервами, да и многое другое. Все эти действия именуются одним словом —

саботаж, который приравнивается к измене Родине и попадает под расстрельную статью. Яркий пример — Западный округ. Наши высокопоставленные военные в Москве уверяют правительство, в том, что там не ведутся боевые действия, а руководству округом, наоборот, дают указания не предпринимать никаких ответных военных действий, ссылаясь, дескать, на указания Сталина. Могли ли они действовать так дерзко и безбоязненно, если бы в тот момент в Кремле находился Сталин? Конечно, нет! Часть Правительства и часть Политбюро, действительно, оказавшись без Сталина, попали в довольно сложное положение: не побежишь же на границу проверять сообщение наркома обороны и начальника Генштаба. В этой связи, мы еще будем рассматривать обращение Молотова к стране, где тот “пел под чужую дудку”. Обратите, к тому же, внимание, практически на бездействие власти целых четыре дня, то есть, вплоть, до того дня, как в Кремле появится Сталин.

А как события 22 июня описывает сам Жуков? В начальном варианте мемуаров, 1969 года издания, как говорилось выше, Жуков ведет речь **о военном конфликте**, в более поздних изданиях, уже **о войне**. Сценарий событий примерно совпадает. Жуков получает информацию, уже говорилось как, и с наркомом обороны, едет в Кремль, якобы, предварительно, “позвонив” на дачу главе государства. А наши войска на границе, в это время немцы безнаказанно “мордуют”. В Москве же, как нас уверяет Жуков, члены Политбюро собираются в Кремле, где происходит обсуждение сложившейся ситуации и оформляется протест Германии через министра иностранных дел Молотова. В нашем случае, Жуковский сценарий, делает отклонение от темы. В Кремле, по Жукову, должен находиться Сталин, который как всегда, выставляется человеком, неадекватно воспринимающим реальную действительность: “Надо срочно позвонить в германское посольство”. Видно, вспомнил по приезду в Кремль, что такое посольство существует. А ему говорят, что посол Шуленбург, сам, дескать, рвется к нам со срочным сообщением. Всё это выглядит, как полное сборище, каких-то, недоумков, а не государственных мужей. “Принять посла, было поручено В.М. Молотову”, читаем у Жукова. А что, кто-нибудь другой у нас занимался дипломатической деятельностью, а в данный момент почему-то, решили, поручить это дело Вячеславу Михайловичу? Да это была его прямая обязанность, как наркома иностранных дел, а не поручение ему, как “мальчику на побегушках”. Для чего все собрались в Кремле? Выразить свою позицию к инциденту на границе и в сформулированном виде передать, через Молотова, послу Германии. А по Жукову, в его мемуарах, военные так и бряцали шпорами: грозились, порвать на части, ступившего на нашу землю, врага, а им не давали этого сделать. Но все равно, даешь войну! Тут и Молотов, почему-то очень уж быстро возвратился, после приема посла Шуленбурга. Говорит, что принял в Кремле, но почему все так ускоренно? Что, Шуленбург сунул бумагу в руку Молотову и бегом к себе в посольство, от греха подальше? Ведь была же, вроде, как пишут, некоторые историки, некая договоренность у Молотова со Сталиным, якобы, “поводить за нос” немецкого посла. Принять от него дипломатическую ноту только после начала военных действий на границе, чтобы, дескать, “не купиться” на провокацию со стрельбой, а чтобы была самая, что ни есть, открытая форма агрессии? Пусть будет так, но и это не означало бездействие, в военном отношении, т. е. не оказывать немцам никакого сопротивления. Одно, как говорится, другому не мешает.

Вообще, с нашими архивистами-документалистами, не соскучишься. В различных сборниках документов приводятся тексты телеграмм, которыми обменивались Германское МИД и посол Шуленбург в Советском Союзе. Во всех приведенных телеграммах указывается время ее приема и передачи. Кроме, разумеется, одной, самой важной телеграммы руководства Германского МИДа послу Шуленбургу от 21 июня 1941 года. Догадайтесь, дескать, сами товарищи читатели, когда была отправлена телеграмма и когда получена. А почему? Чтобы, видимо, не нарушить хронологию Жуковского рассказа, или по каким-то другим причинам, низкопробного толка?

Немного терпения, уважаемый читатель: скоро дойдет очередь и до этой телеграммы.

“Германское правительство объявило нам войну”, — такими были, по Жукову, слова Молотова после свидания с немецким послом. После таких слов, “И.В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался”. При внимательном чтении данного текста в мемуарах Жукова, можно

заметить, что Сталин даже не вставал со своего места. В раннем издании, Сталин у него, просто, “опустился на стул”.

Немцы уже рвут в клочья, скромные по военным меркам, пограничные части, “дубасят” подходящие к границе передовые воинские части Красной Армии, а Сталин, каким его рисует Жуков, “глубоко задумался”. Хорошо, что еще не заснул, а то ведь Жуков ранним утром поднял его с постели.

Вся эта красочно нарисованная картина имеет один изъян: почему Молотов, в рассказе Жукова, якобы, возвратившись со встречи с послем Шуленбургом, **не принес Германскую ноту протеста** о разрыве дипломатических отношений? Это у нас в начале данной главы, при повествовании о том, как проистекали бы события 22 июня, упоминается немецкий посол с нотой. В данных, Жуковских мемуарах, якобы, в реально происходящих событиях в Кремле, этой ноты нет в руках у Молотова и “Сталин”, что в данных мемуарах и не удивительно, никак не прореагировал на ее отсутствие. Молотов-то, вернулся, по рассказу Жукова, от Шуленбурга со словами, а не с нотой. Видимо, сказанного Вячеславом Михайловичем, по Жукову, было достаточным для понимания, что Германия объявила нам войну. Тем более что Жуковский Сталин “глубоко задумался” и, наверное, забыл спросить об этой злосчастной ноте. А Молотов, видимо, от волнения, не вынул ее из папки и не ознакомил с содержанием товарищей из Политбюро. А те, и не подумали спросить и зачитать. И так понятно, что война, что слова-то, зря тратить: еще пригодятся по жизни. Жуков, кто? — человек военный, ему на все эти дипломатические тонкости, “наплевать и забыть”, как говорил Василий Иванович Чапаев. Будет он вспоминать через двадцать с лишним лет, принес Молотов ноту протеста от немцев или нет. А как же редакционная группа из докторов исторических наук и прочих военных консультантов не заметила в Жуковских мемуарах такую **“мелочь”**, как **нота Германского правительства**, — поинтересуется внимательный читатель? Разумеется, не только заметила, но и знала, что такого события, в данный момент, в Кремле не было. Не принимал Молотов посла Шуленбурга в Кремле ранним утром 22 июня 1941 года, поэтому и не мог он принести “товарищам по Политбюро” то, чего, как говорить не было у него, на тот момент. И наши консультанты Г.А.Деборин, П.А.Жилин, В.П.Степанов и прочие упомянутые в **“Записке отделов ЦК КПСС в ЦК КПСС “Об издании военных мемуаров Г.К. Жукова”**, не взяли грех на душу, и не приписали сюда Молотова с германской нотой. **Этого не было в реальной жизни**. Но для того, чтобы связать концы с концами и выкрутиться с отсутствием Сталина, решили Молотова с нотой перенести на воскресенье. Все же это мемуары, пусть и самого Жукова, но не научно-исследовательский труд по событиям начального периода Великой Отечественной войны.

Что, уважаемый мною читатель? Не хочется верить в то, что действительно, утром 22 июня в Кремле не было встречи Шуленбурга и Молотова? К сожалению, это так! Никто и никому никакие ноты протеста ранним утром 22-го июня не передавал!!!

“А как же, в действительности, произошла история с Германской нотой протеста?” — продвигу очевидный вопрос читателя. Успокойтесь, дорогой мой! Она была вручена Молотову, но совсем в другое время, и даже не 22 июня. Обо всем этом мы тоже поговорим, но в другой главе, ближе к завершению работы.

А сейчас опять продолжим разговор о начале войны по Жуковским мемуарам.

Вот так, нам преподносит это начало войны с Германией, Георгий Константинович. Он еще хочет попасть в русло того сценария, о котором мы говорили выше, поэтому “оживляет” “глубоко задумавшегося” Сталина и вкладывает ему в уста фразу, видимо, выдранную из своего мобилизационного пакета или из своей “засекреченной” Директивы:

“...но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу”.

Все это Георгий Константинович правильно написал с литературной точки зрения, недаром Сталин учил его расставлять знаки препинания. Однако есть, как всегда, одно небольшое “но”. Как вспоминает **Петр Николаевич Горемыкин**, один из Сталинских наркомов, той поры, Жуков находился, в это время, то есть, ранним утром 22 июня, **не в Кремле**, а совсем в другом месте, и, совсем, по другому поводу.

И вот, что Петр Николаевич сообщает историку Г.Куманеву в своем интервью, о данном местонахождении товарища Жукова:

“Войну я встретил в **4 часа 20 минут** здании, которое находилось напротив собора Василия Блаженного и где размещалось Главное артиллерийское управление (ГАУ). Там под председательством начальника ГАУ, заместителя наркома обороны СССР маршала Кулика заседала комиссия (созданная Комитетом обороны СССР) по вопросам наращивания мобилизационных мощностей по боеприпасам...”

На этом заседании обсуждались разные проблемы об увеличении выпуска боеприпасов и их размещении по военным округам. Очень резко были поставлены вопросы **генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым**. Он говорил о необходимости существенной доработки мобилизационного плана по боеприпасам, имея в виду увеличение цифровых заданий...”

А мы всё считали “Фигаро” — театральным героем. Как видите, и среди военных встречаются подобные персонажи: Жуков — здесь, Жуков — там!

Это что же получается? Значит ли это, что Георгия Константиновича не было в Кремле, тем, ранним утром? Выходит так! Значит, его рассказ об утреннем совещании в Кремле — выдумка? И он, надо полагать, не звонил никакому Сталину?

Скорее надо задаться другим вопросом: “Был ли в тот момент наш Фигаро, тем, за кого он себя выдавал?” То есть, был ли Жуков, в то раннее утро при нападении Германии, в должности начальника Генерального штаба?

А кем же он был 22 июня? Терпение, уважаемый читатель, и вы скоро узнаете эту маленькую “тайну” Георгия Константиновича, которую он скрыл от своих читателей. Поэтому он так и усердствует, перекладывая всю ответственность за решения первого дня войны на товарища Сталина. В этом ему старается помочь, наш генерал-писатель В.Жухрай.

Чтобы Сталин не выглядел совсем уж, откровенным глупцом, с трудом, воспринимающим действительность, упомянутый выше писатель, настаивает на своей версии происходящего. Оказывается, Сталин, “вопреки строжайшему запрету врача”(?) все же поехал в Кремль. Хотя никакого запрета со стороны “профессора Преображенского” не было, тем не менее, вождь проявил явное легкомыслие по отношению к своему здоровью. Но, он был “тиран и деспот”, к тому же, предавшим бога — большевиком, а таким людям, как понимаете, никто не указ. Я уже приводил стихотворные слова: “Гвозди бы делать из этих людей...”. У Сталина и псевдоним соответствовал этому — стальной. Вот вождь и “приехал”, понимаешь, с высокой температурой в Кремль на свой боевой пост. Этим, видимо и объясняется вся несуразность поведения данного “Сталина” в принятии политических решений. Более того, этот “Сталин” сам себе противоречит. Ночью предупредил профессора Преображенского, чтоб тот никому ни словом не обмолвился о его болезни, а сам “испытывая сильное недомогание”, вдруг, явился в Кремль, нарушая, установленную им же, конспирацию. Читаем у В.Жухрая:

“Около 13 часов 22 июня 1941 года больной Сталин, у которого **температура** по-прежнему **держалась за сорок (?)**, временами впадавший в полузабытие, все еще был в своем Кремлевском кабинете. Выступать по радио с обращением к советскому народу в таком состоянии он, понятно, не мог. Поэтому еще утром было принято решение, что в 12 часов 22 июня 1941 года

с таким обращением к советскому народу выступит Молотов. Пересиливая недомогание, Сталин пытался решать ряд важнейших и неотложных вопросов, связанных с обороной страны...

Лишь вечером 22 июня 1941 года Сталин возвратился в Волынское. Каких сил потребовалось от него, чтобы выдержать прошедшую ночь и день, — никто никогда не узнает. Однако никто не догадался о подлинном состоянии Сталина. Даже пронцательный Жуков”.

Ну, Жукову простительно — он же не общался с профессором Преображенским, поэтому так и остался в неведении относительно состояния здоровья Сталина. Если бы знал, что Сталин “временами впадал в полузабытье”, то может быть сам бы, и утвердил документ о Ставке? А то, взял бы, да, попросил бы товарища Тимошенко, как председателя, поставить подпись под документом? Чего церемониться, Сталин все равно же был в “полузабытье”. Однако не побеспокоил своего боевого друга и соратника, переложив ответственность на простого члена Ставки, каким являлся Сталин.

Одно удивляет, как о “болезни” Сталина узнал писатель В.Жухрай? Или это, уже, его маленькая тайна?

Все же, Георгий Константинович, делает попытку объяснить читателю такое “странное” поведение Сталина в Кремле. Сразу, это ему сделать не удалось, и в первом издании мемуаров ничего об этом сказано не было. В дальнейшем редактора, “подказали” товарищу Жукову, — видимо “проконсультировались” с врачами из Кремлевки:

“Говорят, что в первую неделю войны И.В.Сталин якобы **так растерялся**, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил свое выступление В.М.Молотову. Это не соответствует действительности. Конечно, в первые часы И.В.Сталин был растерян (Поэтому, видимо, и не спросил Молотова о германской ноте? — В.М.). Но вскоре он вошел в норму и работал с большой энергией, правда, проявляя излишнюю нервозность, нередко выводившую **нас** из рабочего состояния”.

Сколько же приведено упоминаний о психологическом состоянии Сталина 22-го июня. Жуков не отстает, но по-хитрому излагает. Хотя и по-русски у него написано: Сталин был растерян. Но это, дескать, было в первые часы. А потом он оправился от психологического удара и стал себя чувствовать бодрее.

Но нас интересуют, именно, состояние Сталина в первые часы агрессии Германии. Он, что же, и буквы от растерянности позабыл, что не мог прочитать по радио написанный на бумаге текст? Жуков никак не может дать внятное объяснение состояния Сталина, именно по первым часам начала войны. В дальнейшем ему станет легче, так как он уведомит читателя о своем убытии из столицы.

Да, но как может судить Жуков о состоянии Сталина в первую неделю, когда сам же пишет, что после обеда 22 июня отбыл на Юго-Западный фронт, по указанию “растерявшегося” Сталина, и появился в Москве лишь 26 июня? И что же, по Жукову, тогда не соответствует действительности? Неужели решение о поручении Молотову выступить по радио? И в чем выражалась, так называемая, “нервозность” Сталина, которая “выводила” всех, и Жукова, в том числе, “из рабочего состояния”?

Смотрите, какие тонкие нервные натуры, собрались в военном руководстве страны. Видимо плохо разбирается глава правительства в военном деле, — пытается, таким образом уверовать нас в этом, будущий маршал. И дальше сетует, что “трудно было понять И. В.Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны. Но она уже стала фактом. Вторжение развивалось на всех стратегических направлениях”.

А как же ему не развиваться, вторжению, когда, практически все мосты на границе немцы целыми захватили? Вот такая, нарисованная Жуковым, картина событий первого дня войны. Для него, “защитника” Отечества, война, уже факт. Значит, только один Сталин надеялся избежать войны? А у Жукова, видимо, ноздри уже раздулись, в предвкушении будущих сражений? Бежит, как видите, впереди паровоза.

Но, удивительное дело. На пальму первенства Жукова, первым объявившем о начале войны, решил посягнуть, нарком ВМФ, Н.Г.Кузнецов. Не надо, наверное, было, Георгию Константиновичу приказывать Ф.С.Октябрьскому звонить своему наркому ВМФ. Теперь смотрите-ка, что из этого вышло. Нарком ВМФ Кузнецов со своим, исполняющим обязанности начальника штаба Алафузовым, тоже, оказывается, были на приеме у наркома обороны Тимошенко, но, в другое время. Видимо, разминулись в коридоре с Жуковым. Семен Константинович, почему-то, “по секрету” от начальника Генерального штаба, сказал флотоводцам, что с минуты на минуту на нас готовятся напасть немцы (!) и надо, по всей видимости, им, морякам, предпринимать соответствующие меры. Тут же, как говорит Кузнецов, Алафузов “был немедленно послан в штаб, чтобы дать тот самый условный сигнал (!), к которому мы в течение этих двух лет (?) готовились”.

Жукову приписывают нелюбовь к флоту и на вопрос “Почему?”, тот отвечал, что в русской истории всегда, дескать, когда наступает война, то армия начинает воевать, а флот, как всегда, топит свои корабли. Но, в данном случае, у Жукова, есть еще дополнительный повод, “обижаться” на “флотоводцев”. Ведь, знали же те, что есть, “тот самый условный сигнал”, который подается на все флота при полной боевой готовности, а вот с военными из Генштаба, в частности с Жуковым, своим секретом не поделились. А ведь, как пишет адмирал, “репетировали” целых два года. Алафузов, между прочим, после войны был арестован, видимо, “по делу военных, заподозренных в предательстве начального периода войны” и получил срок. После смерти Сталина тут же был, как пишет Р.Медведев, по инициативе Жукова, освобожден. Это надо понимать так, что Жуков, если и изменил свое мнение о флоте, то только, видимо, по отношению к флотоводцам, особенно “обиженных” Сталиным.

Но продолжим читать фантазии адмирала Кузнецова:

“Около 12 часов ночи я разговаривал с Черноморским флотом(?), которому был дан ...приказ. Есть документы, которые это подтверждают.

Вот журнальная запись в Севастополе: “В 3 часа 07 минут послышался шум моторов и появились фашистские самолеты. Их встретили огнем наших батарей. И противник свою задачу — заблокировать корабли в Севастопольской бухте — выполнить не смог. Под огнем наших батарей он сбросил мины на город и бухту”.

И здесь, та же песня. Опять неизвестные самолеты. Вряд ли, понимают наши военные, для чего созданы армия и флот? Видимо думают для того, чтобы там командовали такие “корифеи” военного дела как Жуков, Кузнецов, Октябрьский и прочие алафузовы. Ведь всё знает Кузнецов: и что, самолеты фашистские, и какую перед противником поставили задачу, которую, тот не смог выполнить, и куда противник сбросил мины. Одного не знает, и не понимает, что задача флота состоит не только в том, чтобы не допустить бомбежки врагом своих кораблей, а еще и в том, чтобы защищать, ко всему прочему, и свой народ, который для этого кормит, поит и содержит свою армию и флот. А здесь и Нарком ВМФ, и его подчиненный Октябрьский довольны, что налет на корабли отбит, а что бомбили город Севастополь, то есть, мирное население, и есть жертвы, это их, судя по всему, мало обеспокоило.

Кроме того, Николай Герасимович сослался на документы, которые, дескать, подтверждают отдавание приказа на открытие “огня” по вражеским самолетам. Но и через морской бинокль этот приказ невозможно разглядеть в Журнале дежурного по флоту. Запись бесстрашно отражает, только, факт налета фашистских самолетов и стрельбу батарей ПВО базы. И ничего более.

Ко всему прочему, эта компания, вместе с Жуковым, ну никак не желает знать — чьи же, все-таки самолеты бомбили военно-морскую базу Черноморского флота. Фашистские самолеты, это же не значит, немецкие. Почему же, так скромничают наши военные, не желающие узнавать, к ВВС какой страны принадлежат “неизвестные”, “вражеские”, “фашистские” самолеты?

Однако, это, как видите, не помешало наркому ВМФ, как он пишет: “...немедленно взяться за телефонную трубку и доложить Сталину о том, что началась война”.

Но с кем? Упорно продолжают молчать. К чему бы это? Видимо, после такого, неожиданного для Сталина сообщения, тот и “впал в проstration”. Потому что, Кузнецову, спустя несколько минут после его сообщения, якобы, позвонил Г.М.Маленков и спросил: “Вы, представляете, что Вы доложили Сталину?” На что, Кузнецов, видимо, с чувством собственного достоинства и выполненного долга ответил: “Да, представляю”. А чтобы, страна, на все времена, знала своего героя, продолжил: “Я доложил, что началась война”. Опять перепевы про неизвестного врага.

Тут не только Сталину, любому руководителю страны, после таких слов Кузнецова, что “началась война” будет нехорошо со здоровьем. Но, это был, как выяснилось, не последний звонок Кузнецову. Как он сам рассказывал историку Г. Куманеву, ему еще, вслед за звонком Маленкова, “позвонил Тимошенко. Он не был удивлен. Видимо, был к этому подготовлен”.

Как “видимо, подготовлен”? Когда сам же, Тимошенко, читайте выше, сообщил Кузнецову, что ожидается нападение. Что Тимошенко ему сообщил, конкретно, вот в чем вопрос? А то, что Тимошенко знал о нападении, так ведь у него для этого в кабинете, неспроста, сидели Жуков с Ватутиным. Как видим, и по Кузнецову, Сталин находился в Кремле. Видимо, его, все еще “больного”, пока не увезли на дачу? И как же всю эту мешанину воспринимать? С юмором?

Разве, Иосиф Виссарионович, в конце концов, не знает точно, с кем предстоит воевать нашим военным? Он же “отредактирует” вместе с членами Политбюро речь для Молотова и страна будет проинформирована о начале войны, именно, с Германией. А так как, Жуков, Кузнецов, Октябрьский слушают радио, то вполне возможно узнают из сообщения наркома иностранных дел, с кем же им предстоит воевать после обеда 22 июня 1941 года.

Вот напишешь с иронией, по поводу “сообщения по радио” и что вы думаете? А ведь, действительно, некоторые наши высокопоставленные военные в своих мемуарах, ни чуточку, не смущаясь, так прямо и написали, что о войне узнали из сообщения Молотова по радио. Мы еще встретимся с этими “героями”.

Глава 17. Был ли приведен в полную боевую готовность Черноморский флот и почему Ф.С.Октябрьский позволил бомбить Севастополь?

Но, мы не прощаемся с командующим Черноморским флотом Ф.С.Октябрьским, потому что есть еще свидетельские показания очевидца тех событий первого дня войны. Это, бывший в то время членом Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Николай Михайлович Кулаков, который дает описание действий происходивших тогда в Севастополе (“Доверено флоту” Военное издательство, 1985 год):

“Когда вспоминаешь, как проходило на Черноморском флоте остававшееся до войны время — вторая половина 1940 года и первая половина 1941-го, отчетливо видишь самое характерное: напряженную борьбу за повышение боевой готовности, за совершенствование воинского мастерства моряков... Подавляющее большинство командиров правильно понимали линию на всемерное повышение боевой готовности, серьезность причин, обусловивших ее, и это говорило о политической зрелости наших флотских кадров, воспитанных партией. Люди сознавали: мирное время подходит к концу. И мало кого приходилось подталкивать. Помню, один командир, отрабатывая в походе частные задачи, не выполнил прямого требования о приведении корабля в

повышенную боеготовность. Командир соединения сразу же после похода обратился в Военный совет с просьбой отстранить виновного от занимаемой должности. Разобравшись, Военный совет, однако, нашел, что и этой меры недостаточно. Было принято решение о более строгом наказании...”

Яркий образчик того, что происходило в Вооруженных силах перед войной. Скорее всего, очередная “жертва” сталинских репрессий. Командир корабля нарушил требования воинского приказа, и командир соединения потребовал его отстранения от занимаемой должности. Но руководству Военного совета флота, видимо, мало показалось “крови” и они применили к данному офицеру флота более строгое наказание. Надо полагать, не расстреляли, так как не было военных действий, но что могло быть более строгим, чем отстранение от занимаемой должности. Понижение в звании, а вполне возможно, что этого командира, просто отчислили из состава ВМФ и он вполне мог попасть в число тех “жертв”, около “сорока тысяч репрессированных командиров”, якобы, “истребленных” Сталиным перед войной. Николай Михайлович, приводит выдержку из своего же выступления, на заседании Военного совета, по результатам проверки боевой подготовки, где говорит, что “людей, которые хотят отдохнуть, которые так безобразно мирно настроены, мы переведем в “ратники третьего разряда”, чтобы они не тормозили и не мешали вести нашу работу...”. Так что, “ратник третьего разряда” — это что-то запредельное, но вполне близкое к “жертве”.

А в Севастополе жизнь продолжается своим чередом, и флот готовится к будущей войне.

“Итоги боевой и политической подготовки в 1940 году подводились на состоявшемся в Москве в начале декабря сборе командующих флотами и флотилиями и членов военных советов при участии руководящих работников наркомата и члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. По существу, это было расширенное заседание Главного Военного совета ВМФ. Впервые руководящие работники всех флотов собрались в обстановке уже начавшейся новой мировой войны. Характеру современной войны, анализу операций на море, выводам из них был посвящен специальный доклад, с которым выступил первый заместитель наркома адмирал И. С. Исаков. К выводам относилась необходимость настойчиво совершенствовать оперативно-тактическую подготовку командных кадров. Подчеркивалась важность вдумчивого, не формального изучения вероятного противника. Остро ставился вопрос о том, что нужны бдительность, **постоянная боевая готовность...**”.

Хорошие правильные слова, но как они сочетаются с делами, которые нужно делать, чтобы быть в этой самой боевой готовности. Дислокация немецких войск у границы ни для кого не секрет. Война-то, уже близко. А как к ней готов флот под руководством “верного ленинца, настоящего коммуниста” адмирала Н.Г.Кузнецова?

Командование Севастопольского оборонительно района.

(Справа второй — Ф.С.Октябрьский)

“Еще в конце апреля мы получили приказ наркома о строительстве бомбоубежищ. Военный совет флота немедленно принял решение, которым определялись места и сроки сооружения убежищ, назначались ответственные за это люди. Осматриваясь вокруг, приходилось по-иному взглянуть на многое, к чему привыкли за долгие годы мирной жизни. На флотских арсенальных складах, например, как и положено, имелось значительное количество снарядов, мин, причем за последние месяцы их у нас существенно прибавилось. Но **часть боезапаса, особенно морских мин, хранилась на открытых площадках** (с которых удобно было подавать снаряженные мины на подходившие к специальному причалу корабли). Так было заведено еще в те времена, когда опасности воздушных налетов просто не существовало. **А теперь собственные наши мины таили в себе угрозу и для кораблей, стоявших в бухте, и для города.(!)** Военный совет принял

решение о строительстве новых складов, были выбраны надежные места для них, и дело двинулось (но заканчивать его пришлось уже впервые дни войны).

Ладно, товарищ Кулаков политработник, хотя тоже имел голову на плечах, но те, кому по должности полагалось нести ответственность за эту самую боевую готовность — они что, не знали, как хранить боеприпасы? Ждали, значит, когда приедет в мае адмирал И.С.Исаков из Главного морского штаба с целью проверки фактической боевой готовности кораблей, частей и соединений? Разумеется, проверка выявила немало недостатков, особенно в различных звеньях флотского тыла. По-русски говоря, комиссия, судя по всему, “ткнула носом” местное руководство флота, именно в хранение боезапасов, особенно морских мин. А может, и не ткнула? Время-то было уже майское, надобно было бы поторопиться, но это важное дело так и не было доведено до конца.

И зачем, действительно, придумали все эти склады-укрытия для боеприпасов? Как было легко и просто, когда все это лежало под открытым небом! А главное — как удобно! Не такие ли мысли, крутились в адмиральских головах, по поводу этих злополучных морских мин? А нельзя ли “потянуть резину”, чтобы оставить все как есть? Тем более незаметно подошел срок о проведении морских учений в июне месяце — надо же повышать боевую готовность на флоте.

“Помню, накануне учения Филипп Сергеевич Октябрьский — он был уже в звании вице-адмирала, ... говорил:

— Ну, Николай Михайлович, кажется, все предусмотрено. Надеюсь, не оплошаем!..

Адмирал И. С. Исаков, вновь прибывший на наш флот, осведомил Военный совет об осложнении отношений с Германией. С этим вполне согласовывались известные нам факты нарушения границы немецкими военными самолетами и другие наглые разведывательные действия зарубежных соседей... **18 июня учение закончилось**, и корабли стали возвращаться в Севастополь. Однако на флоте была сохранена оперативная готовность номер два. Разбор маневров планировался на **23 июня**. **Адмирал Исаков** объявил, что задерживаться не может, и, поручив проведение разбора Военному совету флота, **отбыл в Москву**. Напряженность обстановки между тем нарастала. Это чувствовалось по ряду признаков, но у нас не доставало данных, чтобы во всем разобраться.

21 июня начальник разведотдела полковник Д. Б. Намгаладзе **принес мне** запись открытой передачи английского радио, где говорилось, что **нападение Германии на Советский Союз ожидается в ночь на 22 июня**. Я немедленно позвонил по ВЧ И. В. Рогову (начальник Политуправления ВМФ и одновременно зам. наркома ВМФ — В.М.), спросил, как это понимать. Он одобрил наши действия по поддержанию боеготовности и сказал, что о сообщении английского радио в Москве известно, необходимые меры принимаются...”.

Так незаметно, мы и приблизились к началу военных действий именуемых войной. Очень интересно сообщение полковника Д.Б.Намгаладзе. (Рамки данной работы не позволяют рассказать подробнее об этом человеке, руководителе разведки в Черноморском регионе). Так в связи с чем, английское радио сообщило такую важную новость всему миру? И не было ли открытой передачи на эту тему немецкого радио? Или в разведотделе “не нашлось” человека знающего немецкий язык? Жаль, что сообщение по радио из Германии “не дошло” до моряков Черноморского флота, а то, заодно бы, вместе с первым сообщением, переслали бы Рогову в Москву и другое. Те, видать, в столице слушали только англичан.

Небольшое пояснение для читателя. Скорее всего, это было выступление Адольфа Гитлера по радио 21 июня, где он ясно дал понять всему миру, что Германия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Говорить об этом в советские времена было невозможно, так как тогда бы сыпалась версия о внезапном нападении Германии. Как видите, сослались на англичан, во главе с

Черчиллем. Из предыдущих глав работы известно, что, якобы, британский премьер-министр предупреждал Сталина о начале войны. А наш вождь, был такой “подозрительный”, что не хотел никому верить. И была, вроде, телеграмма посла Майского от 21 июня из Лондона, с предупреждением. А кого предупреждать-то? Молотова, что ли? Да ему, лично, Шуленбург ноту вручил. Но это события в Москве, а в Севастополе, что делают наши военные под контролем Ставки? Как видите, Кулаков не упомянул, что Исаков — начальник Главного морского штаба. А это один из ключевых моментов тех дней, с которыми читатель столкнется позже. Продолжаем, далее, по тексту главы.

А война-то, уже на носу! И как там поживают наши боеприпасы, расположенные “на открытых площадках”? Ф.С. Октябрьский уверяет, что “кажется все предусмотрено”. Но это с какой стороны посмотреть? А как обстоит дело с боевой готовностью кораблей? Ответ — “надеюсь, не оплошаем!”. Опять, смотря перед кем?

Каждый из адмиралов, после войны, тянул одеяло на себя, стараясь показаться читателю, самым активным защитником Отечества.

Этот же эпизод о радиоперехвате, но из очерка об Октябрьском в изложении капитана 1-го ранга И.Панова.

“...Темная южная ночь окутала город и море. Зашторив окно и включив настольную лампу, Октябрьский взял папку срочных документов, положив ее на любимую свою конторку. Оставаясь один, он привык работать стоя. В папке сверху лежала разведсводка. И невольно вспомнился недавний разговор с начальником разведотдела полковником Дмитрием Багратионовичем Намгаладзе...”

— Докладываю факты, товарищ командующий. Германские транспорты потянулись со всего моря в Румынию. Показания перебежчика. Запись английского радио: “В ночь на 22 июня Германия готовится напасть на СССР”. Открытый текст. Ситуация...”

Эту разведсводку наши адмиралы вырывают друг у друга из рук: мне — первому доложили!

Далее, Кулаков пишет, что штабные были почти, в полном составе. Главное, чтобы начальство не опаздывало и было на месте, а некоторые младшие офицеры могут и задержаться по личной нужде. Подумаешь, на базе повышенная боевая готовность. Их и боевой тревогой на место не заgonишь.

“В штабе флота уже **почти все** были в сборе. Здесь царила деловая сосредоточенность, все выглядело так, будто продолжалось флотское учение. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский находился в своем кабинете на втором этаже. Он протянул мне бланк с телеграммой наркома. Это был краткий, состоявший из нескольких слов, приказ всем флотам, кроме Тихоокеанского, о немедленном переходе на оперативную готовность номер один. Телеграмма, принятая в начале второго часа ночи, шла из Москвы **считанные минуты**, но за это время нарком Н. Г. Кузнецов лично передал этот же приказ по телефону (к аппарату подошел контр-адмирал И. Д. Елисеев, остававшийся в штабе с вечера).

— Дав мне прочесть телеграмму, командующий спросил: — Как думаешь, Николай Михайлович, это война?

— Похоже, что так, — ответил я. — Кажется, англичане не наврали. Не думали все-таки мы с тобой, Филипп Сергеевич, что она начнется так скоро... Перевод флота на высшую боевую готовность был у нас хорошо отработан, и все шло по плану. Корабли и части приступили к приемке добавочного боезапаса, топлива, продовольствия.

Это когда же все происходило? Неужели после телеграммы Н.Г.Кузнецова в половине второго часа ночи? Предполагалось, что флот уже готов к выполнению поставленных боевых задач, а здесь еще, как видите, корабли только приступили к приемке необходимого снаряжения. Но, наконец-то все утряслось и

“к половине третьего закончили переход на оперативную готовность **номер один** все корабельные соединения, береговая оборона, морская авиация. Поступил доклад о том же с Дунайской военной флотилии...

На всем Черноморском флоте тысячи людей заняли свои боевые посты, корабли были готовы выйти в море, **самолеты — взлететь**, к орудиям подан боезапас...”

Неужели, товарищ Кулаков, сам поверил в то, что так красочно сейчас описал? Если бы телеграмма от наркома флота пришла бы за пять минут до начала Германской агрессии, то через минуту, наверное, доложили бы начальству, что все уже готово! У нас всегда так — если начальству надо, значит, сделаем, когда начальству надо. И для кого, собственно говоря, предназначена полная боевая готовность, остается неизвестным, и по сей день. Спросите, начиная от президента, как главнокомандующего, до любого командира войскового соединения и все ответят, что с боевой готовностью у нас, как всегда, все в полном порядке. Только потом, с началом войны — полные штаны...

И вот наступает самый ответственный момент — томительное ожидание неопределенности в действиях потенциального противника. К нападению врага, как утверждает Николай Михайлович, — моряки вполне, готовы! Осталось произвести праздничный салют по случаю предстоящей победы.

К сожалению — все это военная идиллия. Сказка советских адмиралов. Если бы всё, что здесь написано, в действительности оказалось бы правдой, то разве, таким было бы начало войны? Им бы по мелочам, нашим адмиралам, хотя бы не лукавить, а здесь, глядите-ка, — полная боевая готовность! Это после войны, на бумаге, все что угодно можно написать! А по тем дням, в реалиях была лишь горечь от потерь в результате неподготовленности к отражению агрессии врага.

Вот и о боеприпасах, хранящихся на открытых площадках, побеспокоилось начальство, или как? Неужели, не укрыли на всякий случай, даже брезентиком? Все, была бы какая-никакая, а все ж таки, защита: и от палящих лучей солнца, да, и от разных атмосферных осадков, типа дождя,

“Около трех часов ночи с постов наблюдения и связи в районе Евпатории и на мысе Сарыч донесли: слышен шум моторов неизвестных самолетов. Они летели над морем в направлении Севастополя. В 3.07 шум моторов услышали уже с поста на Константиновском равелине. В городе еще до этого проревели сирены воздушной тревоги. Вот-вот зенитчики должны были открыть огонь — приказ об этом начальнику ПВО флота полковнику И. С. Жилину был отдан начальником штаба флота контр-адмиралом И. Д. Елисеевым, как только стало ясно, что неизвестные самолеты приближаются к главной базе...”

Опять неизвестные самолеты, но здесь, похоже, действует “боевое генеральское братство”: раз вышестоящее начальство сказал, что самолеты — неизвестные, то и все подчиненные должны продублировать эти слова. (Жуков в своих мемуарах отметил же, что “самолеты неизвестные” — по сообщению Октябрьского. Значит, так тому и быть!) Позже, когда якобы, сбили два самолета, ведь стало же известно, что самолеты были немецкими, да и после войны столько времени прошло — было, время подумать. Так нет: и через двадцать лет в мемуарах талдычат — “неизвестные самолеты”. Одним словом — генералы!

А может напрасно так, на Николая Михайловича-то подумал? Насчет неопознанных самолетов? Он, видимо, для красного словца присочинил, что сбили два немецких самолета, а скорее всего,

не сбили ни одного. Но ведь не напишешь же, такое? Хороша, однако, ПВО базы и зенитная артиллерия кораблей. Не сбить ни одного самолета при таком массированном налете на базу Черноморского флота! Поэтому и отделалось “неизвестными” самолетами вышестоящее начальство, так как не на что было посмотреть. А с земли опознавательные знаки были, видимо, трудно различимы.

К тому же, Кулаков, через много лет спустя мог и присочинить о сбитых самолетах, так, немного, для поднятия престижа родного флота. Но менять “неизвестные” самолеты на “немецкие” — не решился. Это же официальная точка зрения. А мнение высокого начальства надо уважать. Так и летят по Истории войны “неизвестные” самолеты над Севастополем 22 июня 1941 года.

“В эти минуты командир одного из дивизионов зенитно-артиллерийского полка, прикрывавшего Севастополь, соединился по телефону с командующим флотом. Очень волнуясь, он сказал, что не сможет решиться открыть огонь: а вдруг самолеты наши и тогда ему придется отвечать за последствия.

Ф. С. Октябрьский потребовал прекратить неуместные рассуждения и выполнять приказ.

— В противном случае, — закончил командующий, — вы будете расстреляны за невыполнение боевого приказа.

Этот эпизод показывает, насколько трудно было некоторым нашим товарищам быстро “переключить себя” на войну, осознать до конца, что она уже стала реальностью. Но я упоминаю об этом случае также и потому, что в отдельных военно-исторических произведениях появлялись утверждения, будто какие-то колебания насчет того, следует ли открывать огонь, возникали у командующего Черноморским флотом. Как человек, находившийся рядом с ним, могу засвидетельствовать, что никаких колебаний и сомнений на этот счет у Ф. С. Октябрьского не было...”

Очень интересный эпизод, характеризующий наших младших командиров, ни как слепых исполнителей команд вышестоящего начальства, а как думающего, рассуждающего и способного оспорить решение вышестоящего начальника, если ему показалось нецелесообразным выполнять полученный приказ. Здесь нет никакого противоречия воинскому уставу. Разве лицо, командного состава, получившего боевой приказ свыше, не вправе уточнить поставленную перед ним боевую задачу? С другой стороны, каким же должен быть простым и ясным в понимании поставленной задачи приказ, чтобы у подчиненного не возникало по нему никаких дополнительных вопросов?

В нашем случае, разве начались военные действия с той же, Германией, к которым готовился флот? А здесь, вообще, не вполне ясно читается, чьи самолеты приближаются к Севастополю. Так почему же у командира зенитно-артиллерийского полка не могло возникнуть сомнение по этому поводу? Он же приказ получил не лично от Ф.С.Октябрьского, но, тем не менее, не побоялся позвонить на командный пункт и удостовериться в правильности, поставленной перед ним боевой задачи. Думается, что он тоже не первый день на воинской службе и понимает, что неплохо бы, для начала, поднять в воздух авиацию, чтобы та определила, чьи же самолеты на подлете к Севастополю? А уж разобравшись, служба ПВО свою задачу выполнит. Ну, и как, объяснил ему вице-адмирал Октябрьский поставленные перед ПВО задачи? Более того, пригрозил расстрелом! А круто, насчет расстрела, за попытку выяснить, правильность поставленной боевой задачи? Как это знакомо — о наших генералах-адмиралах: молчать и не рассуждать! И это в тот момент, когда нам все уши прожужжали о том, как Сталин, якобы, запретил открывать огонь из всех видов оружия, чтобы, дескать, не поддаться на провокацию со стороны Германии. А здесь, извините, Октябрьский плюет на все эти “вышестоящие указания” и отдает приказ на открытие огня “по неизвестным самолетам” несколько, видимо, не волнуясь от последствий принятого решения. А что ему переживать? Приказ-то, об открытии огня по “неизвестным самолетам” он получил из Москвы от самого Жукова. А какое рвение проявил! Сходу пригрозил расстрелом командиру

зенитно-артиллерийского полка. Видимо, чтобы тот был более покладистым и не спутал Октябрьскому планы “обороны” Севастопольской базы Черноморского флота. Это притом, что Николай Михайлович Кулаков упомянул, что наши самолеты готовы были взлететь!

“Вскоре вибрирующий гул авиационных моторов донесся и до окон штаба. И сразу же — в 3 часа 15 минут — ударили наземные и корабельные зенитки. По всему небу шарили прожекторы. Выйдя на балкон кабинета командующего, я отчетливо увидел крупный самолет, вероятно бомбардировщик, попавший в лучи прожекторов. Он летел на небольшой высоте. Трассы пуль (огонь велся и из крупнокалиберных пулеметов), казалось, пересекают его курс. Вокруг все гремело и грохотало. Затем на фоне общей пальбы выделились два сильных взрыва, раздавшиеся где-то невдалеке...

Налет длился (с перерывами, так как временами самолеты удалялись) около получаса. С различных постов, из многих частей докладывали о замеченных в воздухе парашютах...

Однако парашютисты нигде не обнаруживались. Их не могло быть много — парашюты замечались лишь единичные. Но искали все же, живых людей — диверсантов или разведчиков. О взаимосвязи докладов о парашютах с происшедшими взрывами догадаться не сразу.

А вот донесение о сбитом зенитным огнем самолете подтвердилось быстро. Потом выяснилось, что сбит и второй. Ни один наш корабль, ни один военный объект на берегу при внезапном воздушном налете не пострадали. Но в городе разрушения и жертвы были.

Надо полагать, что зенитный огонь артдивизионов “отгонял” неизвестные самолеты от цели, но они продолжали снова прорываться к городу, видимо, не достигнув поставленной перед ними задачи. Какой? Думается, ко всем прочим, чтобы поднять на воздух боезапас Черноморского флота, хранящийся в Севастополе. Если бы попали в “часть боеприпасов, особенно морских мин, хранящихся на открытых площадках”, то от детонации (столько тонн взрывчатки!), сдетонировали бы и боеприпасы, находившиеся рядом на закрытых складах. Последствия были бы ужасны. Да, но вряд ли бы командующий Ф.С.Октябрьский пострадал бы, в смысле сохранения должности и звания. Всё было бы списано на внезапную бомбардировку неизвестной вражеской авиацией. Неужели, не оправдается: скажет, что Сталин же не разрешал открывать огня, чтобы не поддаваться на провокацию, и всё. Алиби обеспечено!

Кулаков так вспоминает последствия первой бомбардировки города и военно-морской базы:

“Ночью, при первом вражеском налете, мы с Октябрьским больше всего опасались, как бы бомбы не упали на территорию минных и артиллерийских складов в Сухарной балке..”.

Сколько лет прошло после войны, а ведь, запомнить тревожные обстоятельства той, первой бомбардировки врага. Прекрасно знал, чем она могла закончиться.

А в настоящий момент, Николай Михайлович описывает свои личные переживания и опасения, с которыми вполне возможно поделился и с Филиппом Сергеевичем. Не мог же тот ответить ему в другом ключе, понимал, однако, что Кулаков из другого ведомства, призванного именно наблюдать за действиями военных, чтобы они “рулили” в правильном направлении. Так что истинные намерения Октябрьского не в сопереживании с Кулаковым, относительно Сухарной балки, а в нежелании предотвратить бомбовый удар по Севастопольской базе. Оставил же на земле истребительную авиацию, и это для нас — главное.

Выше мы уже рассматривали версию о том, почему Октябрьский не поднял авиацию. (Это не входило в планы тех, кто готовил поражение Красной Армии). В дополнении к первой версии или в совокупности с ней, вырисовывается крайне неприглядная картина. А если бы немцы накрыли склады морских мин и флот лишился бы значительного запаса боеприпасов — было бы это на

руку нашим заговорщикам? Вряд ли ответ будет многовариантным. Может и по этой причине тоже, не поднял навстречу “неизвестным самолетам” свою морскую авиацию “герой” Севастопольской обороны. Во всяком случае, в прегрешении сказанного о нем выше и по совокупности с данными действиями, все вместе вызывает странное чувство, которое трудно выразить словами. Но, можно ли все это называть служением Отечеству, вот в чем вопрос? Если кто-то хочет защитить вице-адмирала Октябрьского от необоснованных, с его точки зрения, упреков, в том смысле, что у нас с авиацией было, видимо, “не густо” и нечего было поднимать в воздух, то Кулаков и в этом случае дает исчерпывающие сведения.

“Авиация Черноморского флота представляла собой одну из его **главных ударных сил**. В ее состав входили бомбардировочная и истребительная авиабригады, отдельный разведывательный авиаполк, десять отдельных эскадрилий. Всего к началу войны насчитывалось **625** самолетов. Значительная часть экипажей была подготовлена к действиям в любое время суток (теперь этим никого не удивишь, но тогда летчикам-ночникам велся особый учет)...”.

Значит, командующий, все-таки, не захотел поднимать истребительную авиацию. Вообще-то, это все не удивительно. Ю.Мухин в своей книге “Если бы не генералы” дал нелицеприятную характеристику Ф.С.Октябрьскому, когда тот руководил обороной Севастополя. Это и по его вине, в том числе, был сдан неприступный город-крепость Севастополь летом 1942 года. Что же тогда удивляться поведению Ф.С.Октябрьского при налете вражеской авиации в первые часы войны. Неужели 22-го июня был другим человеком?

“Команды МПВО и моряки разбирали завалы. Вокруг собрались люди.

Над городом и бухтами барражировали теперь наши “ястребки”, и, глядя на них, наверное, кто-нибудь думал: разве не могли истребители перехватить врага за пределами города, встретить его где-то над морем? Конечно, могли, если бы мы знали, хоть немного раньше, что произойдет этой ночью...”

Это политработник Кулаков, по своему статусу, должен был общаться с народом, разъясняя, почему не смог защитить его от врага? А кому оно, в действительности, вообще-то, нужно оправдание военных? Что? Не знали, заранее о ночном нападении? Так неужели немцы должны были предупредить руководство Черноморского флота о налете?

Поэтому, самое лучшее, что сделал в тот момент главный флотский политработник, так это

“не дожидаясь вопросов, заверил горожан, что черноморцы постараются не подпускать налетчиков к Севастополю и сумеют отомстить за сегодняшние жертвы...”

Да, моряки-черноморцы покроют себя неуязвимою славой в боях с немецко-фашистскими войсками. А Николай Михайлович с ложной горечью продолжает:

“это еще только самое начало тяжких испытаний, выпавших советским людям...”

В самую точку попал товарищ Кулаков. Хлебнут тяжкие испытания советские люди, те же моряки Черноморского флота, под руководством таких военных “мудрецов”, как Ф.С. Октябрьский и иже с ним.

Но и это еще не всё в истории с Ф.С.Октябрьским. Наш нарком иностранных дел 22 июня с высоких трибун на всю страну подвергает обструкции действия румынской стороны, что те, дескать, обстреляли из орудий нашу территорию, а здесь, в Севастополе, словно выключили на время московскую трансляцию.

“Флот перестраивался на военный лад. Еще утром 22 июня вышла в море группа подводных лодок. Готовилась постановка минных заграждений, предназначенных для прикрытия нашего побережья и портов. **Морские бомбардировщики, вылетевшие к Констанце, вот-вот должны были нанести по ней первый удар...**”.

Это на Западном фронте запрещено было стрелять по противнику, чтобы не вызвать осложнения в международной обстановке. Ой, как боялись товарища Сталина. После его смерти писали, что не дай, бог, если бы тот узнал бы про конфликт на границе с Германией, да еще с нашей стороны, то, виновнику, как минимум — расстрел, а максимум — еще бы и имущество конфисковали! Вот какие были страсти-мордасти!

А здесь на юге — царит полная свобода действий. Всякие там, дипломатические тонкости — по боку: небось, не Молотовы в Москве?

“Наши самолеты появились над Констанцей еще до рассвета 23 июня. Шесть бомбардировщиков СБ и ДБ-Зф из состава 63-й бомбардировочной авиабригады флота, ведомые капитаном Н. А. Переверзевым, сбросили бомбы на нефтебаки в районе порта, зафиксировав вспыхнувшие вслед за взрывами пожары. Но это было только начало, своего рода разведка боем. Через несколько часов военные объекты в Констанце бомбили уже десятки самолетов 63-й авиабригады подполковника Г. И. Хотиашвили. Одновременно другая группа наносила удар по Сулине — военному порту в устье Дуная. Были отмечены потопление транспорта, попадания бомб в нефтехранилища и казармы, большие пожары...

Верховное командование предписало Черноморскому флоту нанести удар по Констанце также и кораблями. Целями запланированного набега являлось уничтожение артогнем вражеских нефтехранилищ, разрушение портового оборудования. Попутно надлежало выявить систему обороны этой базы с моря. Группа взаимодействующих с кораблями самолетов, которые наносили отвлекающий бомбовый удар, должна была произвести фотосъемку огневых средств противника и результатов нашего набега.

Вечером 25 июня мы проводили назначенные в боевой поход корабли из отряда легких сил эскадры.

Верховное командование — это кто? Лично нарком обороны и председатель новоявленной Ставки Тимошенко с наркомом флота Кузнецовым или еще и те, кто входил, в так называемую Ставку, тоже принимали решение о нанесении ударов по Румынии? Сталин, как уверяют историки Яковлевского разлива, тоже числился в составе Ставки, правда, на правах рядового члена. Но неужели и он, каким-то образом санкционировал всю эту военную вакханалию по первым дням войны? В это невозможно поверить, так как Сталин очень осторожно относился к дипломатической деятельности и вести себя, “как слон в посудной лавке” он не мог ни при каких обстоятельствах. Вспомните, как он, в дальнейшем, вышибал из войны всех гитлеровских сателлитов? Не только силой оружия, но и тонкой дипломатической игрой. Так что, все это военное безобразие было сделано без него или правильнее сказать — в отсутствии его. А так, по событиям с Румынией, явно просматривается топорная работа, с одной единственной целью — втянуть Советский Союз в войну, выставив его на международной арене в роли агрессора и таким образом, насколько это, возможно, несколько смикшировать агрессию самого Гитлера. Ведь, наши войска вторглись на территорию Румынии на десятки километров и заняли даже ряд населенных пунктов, водрузив там, на видных местах, красное знамя Победы. Как же это увязывалось с Директивой Тимошенко-Жукова о недопустимости пересечения государственной границы?

Сколько уже лет прошло после окончания той войны, а теперь уже бывший Советский Союз выставляется в роли потенциального агрессора. Ведутся активные разговоры: “Как же-с, Гитлер опередил Сталина на две недели, а то бы, тот, всю Европу покорил! Едва, дескать, успели немецкие господа-товарищи, упредить советскую агрессию на своих восточных границах”.

Такие вот дела давно минувших дней. С этой Ставкой, образованной неизвестно когда, полная морока. То её создали 21 июня, решением Политбюро. Потом, вроде бы, создали 22 июня, сразу после объявления немцами войны. Наконец, было принято “официальное решение”, считать создание Ставки 23 июня. Те же чудеса и с составом Ставки, куда умудрились “засунуть” главу правительства Сталина, на правах рядового члена. Кроме всего прочего, об этом составлена бумага, которую, дескать, Сталин и подписал(?) собственноручно.

Но чтоб о Ставке не говорить, адмирал Октябрьский “вызывает огонь на себя”. А может просто, как и в случае с разведдонесением, снова потянул одеяло? Ему это сподручнее, чем Кулакову. Как-никак, командующий! Снова цитата из очерка И.Панова.

“Уже в первый день войны 22 июня 1941 года Октябрьский **задумал** послать самолеты на бомбежку аэродромов и баз противника. Спустя годы такое решение сочтут обычным. Но в тот день оно не казалось простым. Ведь, первая директива из Москвы не предусматривала переноса боевых действий на территорию противника (Директива Тимошенко-Жукова. — В.М.). Конечно, это должно быть поправлено, однако сейчас расценивается как провокационное самоуправство. Тут же память воскрешала скрипучие слова **Берии**, сказанные минувшей ночью по телефону: за самоуправство последует расплата.

И все-таки надо действовать. Ведь немцы бомбят Измаил, Крым. Румынские мониторы уничтожают наши погранзаставы на Дунае. Чего же ждать? Запросив у наркома ВМФ адмирала Н.Г.Кузнецова разрешения бомбить аэродромы и базы врага, Октябрьский приказал ночью нанести удар по Констанце...

Так со второй же военной ночи авиация флота стала наносить удары по базам, военным и промышленным объектам врага...”.

Понятно, чтоб не упоминать, злополучную Ставку решили всё переложить на наркома Кузнецова. Как он будет выкручиваться в данном эпизоде, затрудняюсь ответить? Во всяком случае, его воспоминаниям мы, в дальнейшем, уделим много внимания. По-поводу звонка Берии, можно сказать одно: видимо, звонил Октябрьскому и пытался узнать, на каком основании, тот отдал приказ о бомбардировке Румынии? Такие же вопросы возникнут и по поводу бомбардировки Финляндии. Этому будут посвящены последующие главы в данной работе.

Несколько слов об артистах и не только о них.

Во всех войсковых частях, во всяком случае, во все западных округах и даже, как видите, в Севастополе, в субботу вечером 21 июня, были организованы концерты с представителями эстрады, театра и кино. Кулаков, кстати, в своих мемуарах, тоже отмечает этот эпизод. Все это носило характер, явно, заранее спланированной акции, так как это были не отдельные случаи, а массовое явление. Значит, всем этим руководил единый центр, и он руководствовался, какими-то своими, понятными только ему, соображениями. Способствовали ли эти мероприятия, в смысле концерты, делу повышения боевой подготовки наших войск? Разумеется, нет! Даже, скорее наоборот, расхолаживали и тормозили, — и это, пожалуй, самое главное в данной истории.

Кому же было на руку понижать боевую подготовку наших войск накануне немецкой агрессии, если в военные округа 18 июня ушел приказ привести войска в полную боевую готовность? То, что это было выгодно немцам — тут и доказывать нечего, дураку, и то ясно! Как же все это тогда прикажите понимать? Значит, все же были те, кто выстилал немцам ковровую дорожку в нашу страну, и как в таком случае они называются? Уж не заговорщиками ли?

Глава 18. Засекреченная Ставка

Но, снова вернемся к “творениям” Маршала “Победы”. Дальше, оно, ничуть не лучше, того, только что, выше исследованного нами. Жуков доводит до сведения, что, дескать, они, вместе с Тимошенко в этот день, 22 июня, приносили проекты документов на подпись Сталину. Жуков хочет нас уверить в том, что они с Тимошенко готовили Директиву о приведение войск в боевую готовность, и, даже, принесли проект Ставки(!), подготовили документы о проведении всеобщей мобилизации и некоторые, другие, тоже очень “хорошие”, “нужные” и “важные” документы. Молотов, кстати, тоже вспоминает, как готовил, вместе со Сталиным, проект выступления по радио.

Этого, в принципе, быть не должно! Молотову простительно — стыдно вспоминать, а Жукову что, — страшно вспоминать? Жукову готовили мемуары специалисты из Института военной истории и прочих учреждений Министерства обороны, советских и партийных организаций высшего звена. Как же они не заметили главного или не хотели заметить? Когда начинается война, что делают командующие всех уровней? Правильно, достают из сейфов мобилизационные пакеты или “красные пакеты”, как их еще называли. Вскрывают их в установленном порядке, извлекают документы, в которых прописываются действия, на данный момент, того должностного лица или той группы лиц, кому, собственно, они — документы и предназначены.

Поэтому действия Жукова и должностных лиц, которых он описывает, не более, как заурядный “трёп”. А вот то, что не заметили это, все те, кому положено это все заметить, вызывает странное чувство. Не секрет, что все военные знают, — при начале военных действий, как в нашем случае со стороны Германии, Тимошенко, как нарком обороны, у себя в кабинете, должен был открыть сейф и извлечь предписанный ему, соответствующей инструкцией, свой “красный пакет”. А Жуков, как начальник Генерального штаба, должен извлечь из сейфа свой “красный пакет”. В пакетах уже лежали подготовленные и утвержденные главой государства, директивы, которые надлежало привести в “движение” при начале военных действий. Например, в них могло быть указано: подать в соответствующие округа определенный условный сигнал о начале ответных военных действий против агрессора, или прибыть к главе государства в Кремль, за получением соответствующих указаний. Между прочим, в архивах лежит “черновик” Директивы с каракулями Жукова, якобы подготовленной, и, разумеется, “согласованной со Сталиным”, но думается, что это очередная фальшивка призванная отвлечь внимание исследователей от событий начала войны или прикрыть собой что-то более важное, но нежелательное для публикации.

Но продолжим о “красных” пакетах. И члены Советского правительства и руководители партийных органов 22 июня должны были проделать ту же самую процедуру по вскрытию мобилизационных пакетов, что и военные. Кстати, Жуков в своих мемуарах, в главе десятой “Начало войны” сам же и подтверждает сказанное выше: “...Уже 23 июня (а 22 июня, видимо, нельзя об этом упоминать — В.М.) были введены в действие те мобилизационные планы, которые были разработаны раньше ...”.

Как мы знаем, Георгий Константинович, не может, чтоб не соврать. Придется поправить маршала с помощью Василия Гавриловича Грабина, известного оружейника, который **22 июня был в Москве:**

“Я велел шоферу ехать в Наркомат вооружения... Там было многолюдно. Удивительно, как все успели так быстро собраться! В длинном коридоре толпились, переговаривались, начальники отделов. Я прошел в кабинет наркома. Там были и все его заместители.

Сам нарком Д.Ф.Устинов, незадолго до этого дня назначенный на место смещенного с должности и арестованного Б.Л.Ванникова, бледный, полуодетый (он ночевал в кабинете после закончившейся глубокой ночью, как было принято в то время, работы), сидел за столом, закрыв лицо руками и растерянно повторял:

— **Что же делать? Что же теперь делать?**

Все присутствующие молчали. Это было очень тяжелое зрелище. Я подошел к нему и тронул за плечо.

— Дмитрий Федорович, **откройте сейф, там мобилизационные планы...**

Когда планы были извлечены, все вместе начали составлять список пушек, производство которых следовало срочно восстановить или расширить. Этот список был оформлен как приказ Наркомата вооружения”.

Отрывок настолько интересен сам по себе, что его надо бы продолжить. Но, я, все же, закончу сначала мысль о мобилизационных пакетах, а затем вновь вернусь к воспоминаниям Грабина, и прокомментирую их.

А как же насчет Сталина, спросите вы? И у Сталина в его рабочем кабинете, в сейфе, по-видимому, тоже, должен был лежать пакет с соответствующими мобилизационными документами, утвержденными в установленном порядке. Все, должно быть подготовлено заранее, на случай войны. Только, автор просит не путать принятие Сталиным решения о подаче сигнала в округа и его личным мобилизационным пакетом, где хранятся документы, предписывающие ему последующие действия.

Даже, при отсутствии Сталина в Кремле, как я предполагаю, в нашем случае, Молотов, как его заместитель, обязан был вскрыть сейф и извлечь “красный пакет” предназначенный Сталину. Все же готовилось заранее, сам же Жуков подтверждает. Поэтому у Молотова, видимо, сохранилась в памяти деловая атмосфера подготовки документов, но скорее всего, более раннего периода или Молотов, как всегда, делает вид, что “запамятовал”.

Кроме того, не надо забывать, что в Комитете Обороны при СНК был мобилизационно-плановый отдел, который, как следует из его названия, и занимался подготовкой соответствующей документации на начальный период войны.

И как бы выглядели Тимошенко с Жуковым, когда они протянули бы настоящему Сталину “проект о Ставке”. Какая Ставка во главе с Тимошенко, если глава государства Сталин? Разве мог “проект Ставки” попасть в мобилизационный пакет, минуя Сталина? Конечно, нет! А здесь вдруг сразу “проект Ставки” появился. Значит, он был подготовлен, минуя мобилизационный план без участия Сталина? И всем присутствующим в Кремле, думается, все ясно: Сталина нет, и военные пытаются подмять Советское правительство под себя? Это что, как не попытка захвата власти военными?! Наверное, будь Сталин в Кремле, он приказал бы их арестовать, как заговорщиков и дело с концом. Впрочем, реальному Сталину они “проект Ставки” не решились бы показывать, ни при каких обстоятельствах, по причине указанной выше. Но если Жуков утверждает, что они явились в Кремль с проектом Ставки Главного командования, то это лишний раз подчеркивает тот факт, что Сталина, в тот момент, в Кремле не было. Ну не мог такой “липовый” документ Сталин утвердить для мобилизационного пакета. Или, по версии Жукова, это был все же проект, и Сталин что, решил отложить его для согласования и утверждения членами Политбюро? Никто и никогда не говорил, что Сталин “слаб на голову”. А здесь, с самого начала описываемых событий, нам представляют человека, который, находясь у “руля государства”, не представляет себе “куда рулить”. Вообразите себе состояние членов Политбюро и Советского правительства, именно, сторонников Сталина, когда дуэт Тимошенко — Жуков показали им, сей документ, о “Ставке” — военные берут власть в свои руки! А что члены правительства другое, могли подумать? А Сталина- то, в тот момент, в Кремле нет. И еще неизвестно, что с ним происходит? А здесь, в проекте, был поименный состав Ставки, где во главе стоял “свадебный генерал” Тимошенко, а Сталин, как глава правительства, находился в подчинении у военных. И такой ли был тот, первоначальный состав Ставки, может быть и без Сталина, мы не узнаем никогда.

Вполне возможно, что на данный момент был уже не проект документа, а утвержденный состав Ставки. Если Сталина не было, то и без него нашлись те, кто вполне мог утвердить сей документ. Тоже Политбюро, которое частенько фигурирует вместе с данным документом.

Нельзя и сбрасывать со счетов такой вариант событий, что наши военные, те же Тимошенко, Жуков и Ватутин, могли так запутать дело с нападением Германии, что члены Политбюро и правительства (разумеется, не переметнувшиеся в стан заговорщиков), совместно не смогли выработать правильное решение. Военные, спокойно, могли направить их действия в ложном направлении.

Теперь снова, как и обещал, возвращаюсь к приведенным выше воспоминаниям Василия Гавриловича Грабина. Ясно, что не 23 июня вскрывали мобилизационные пакеты, а могли сделать это и раньше, чуть ли, не 21 июня. Об этом пойдет речь позже. Хотелось обратить внимание на два момента. В дальнейшем, когда будем подводить итоги воспоминаний наркомов о первом дне войны, то там столкнемся с одним явлением: ни один нарком не мог вспомнить, что 22 июня встречался со Сталиным. Грабин, как видите, не может сказать о наркome Устинове, что тот, вернулся от Сталина (тот же должен был их собрать?) и решительно взялся за ручку своего сейфа, чтобы достать мобилизационный план. Смотрите, как он растерян. Неужели, думаете, Вознесенский, который везде фигурирует как заместитель Сталина, так негативно подействовал на Дмитрия Федоровича своей информацией о войне, что тот, вернувшись с заседания, вынужден был сесть за стол, “закрыв лицо руками”? Я предполагаю, что Вознесенский, собрав наркомов, в отсутствие Сталина, сказал собравшимся, что с Иосифом Виссарионовичем стряслась беда и что, по всей видимости, его в Кремле уже не будет. Отсюда и такая реакция Устинова на эту трагическую новость. А вы что подумали, читатель? Что у него такая реакция на войну с Германией? В 1953 году, те, кто близко общался со Сталиным, примерно так и восприняли смерть вождя, со словами: “Что же теперь делать?”. О данном событии с Д.Ф.Устиновым мы еще раз встретимся в главе о Сталинских наркомах.

Продолжим рассказ о нашей злополучной Ставке, первого разлива. В Сталинской биографии, изданной в 1950 году о Ставке и роли Сталина в ней, не сказано ни единого слова. И дело думается не в том, что председательствовал в ней Тимошенко, а в том, что только что закончился расстрельный процесс по делу военных, связанных с войной. Поэтому, думается, Сталин и не стал приводить в своей биографии столь сомнительный документ, чтобы не привлекать к нему внимание. А может, вовсе никакого документа о Ставке и не было? Документ был подготовлен, на всякий случай, но не смог быть утвержденным. Кто ж его такой будет утверждать? Если, только А.Н.Яковлев и компания? К тому же, Тимошенко и Жукову всегда, можно будет сослаться на “болезнь” Сталина при его отсутствии в Кремле. Во всяком случае, при желании, можно сослаться и на проект документа. Не каждый же знает, что документ о Ставке не утвержден. Этим можно манипулировать в зависимости по ситуации. Но вот тот факт, что о Ставке не упоминается при жизни Сталина, это существенный плюс к сомнительности ее появления. Разве Сталин не знал, членом какого государственного военного органа он являлся по жизни?

Даже, чуть ранее, в Большой Советской Энциклопедии за 1947 года в разделе, посвященном Великой Отечественной войне нет никаких упоминаний о Ставке. Вот же событие 19 июля 1941 года отмечено, как назначение И.В.Сталина народным комиссаром обороны, а о том, что было ранее, ни слова. Можно, конечно, внести поправку на “обожествление” товарища Сталина в те годы, но Государственный Комитет Обороны (ГКО) упомянут, а Ставка нет. Кроме того, можно же было бы указать, что Ставку возглавил, в статусе Верховного главнокомандующего, сам товарищ Сталин, а энциклопедия, почему-то, казалось бы, по выигрышному делу, а молчит? Почему?

Характерно, что в Хрущевской, 6-и томной “Истории Великой Отечественной Войны 1941- 45 годов”, указано только то, что Ставка образована 23 июня (сами понимаете, что связывать ее с 22 июня нежелательно, а говорить о 21 июня, и тем более), и указан только ее председатель — нарком Тимошенко. Поименного состава нет, видимо были учтены приведенные выше обстоятельства.

Состав Ставки появится только в Брежневской, 12-и томной “Истории второй мировой войны”. Сталин там указан будет, но просто, как член Ставки. За давностью лет, думается, острота по этому вопросу несколько притупилась, поэтому данная информация уже не могла вызвать ненужных негативных ассоциаций.

Есть такая книга “Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне” изданная сразу после смерти Сталина в октябре 1953 года. Конечно, хрущевцы успели поработать над ней, но даже и они, в то время, не рискнули упомянуть Ставку, образованную под председательством С.К.Тимошенко. В книге говорится лишь о том, что 30 июня был, дескать, образован только Государственный Комитет Обороны (ГКО), который объединил в своих руках военное, политическое и хозяйственное руководство страны и явился ответной реакцией на германскую агрессию. А согласитесь, ведь странно — больше недели идет война, а нет руководящего органа по обороне страны? Орган-то был, Комитет Обороны при СНК во главе со Сталиным, но куда он вместе с руководством страны подевался, не знает никто, и по сей, день? Тогда, почему не выдвинули на первое место Ставку, коли, Жуков говорит, что она образована 23 июня? Хрущев, в то время, наверное, еще не решил, как преподнести общественности события начала войны?

Но в книге приведен интересный отрывок из выступления в 1952 году на XIX съезде партии Г.М.Маленкова. Изъять его из книги хрущевцы не решились, все же Маленков был на тот момент главой Советского правительства. Отрывок из речи Маленкова приведен мною не просто, как факт, по данной теме, а то, что он очень органично связан с текстом 2-й главы данной книги в подразделе “**Мероприятия КПСС и Советского правительства по подготовке страны к активной обороне**”:

“В нашей стране благодаря бдительности партии, правительства и всего советского народа была своевременно выявлена и уничтожена троцкистско-бухаринская банда шпионов, вредителей и убийц, которые состояли на службе иностранных разведок капиталистических государств, ставили своей целью разрушение партии и Советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной интервенции, поражение Советской Армии (хитрецы, ведь в ту пору была только Красная Армия, — Советской она станет только с февраля 1946 года — В.М.) и превращение СССР в колонию империалистов. Этим был нанесен тяжелый удар планам империалистов, готовившихся использовать троцкистско-бухаринских выродков в качестве своей “пятой колонны”, подобно тому, как это было во Франции и других западноевропейских странах”.

(далее, в тексте следует отрывок из речи Маленкова — В.М.)

“Разгромив троцкистско-бухаринское подполье, являвшееся центром притяжения всех антисоветских сил в стране, очистив от врагов народа наши партийные и советские организации, **партия тем самым своевременно уничтожила всякую возможность появления в СССР “пятой колонны”** и политически подготовила страну к активной обороне. Не трудно понять, что если бы это своевременно не было сделано, то **в дни войны мы попали бы в положение людей, обстреливаемых и с фронта, и с тыла, и могли проиграть войну**”.

Этот текст могли оставить и по причине того, что речь о “пятой колонне” идет, как бы, о не состоявшемся факте, т. е. это надо понимать так, что во время войны такого факта, как предательство, просто не было. В дальнейшем, начиная со времен Н.С.Хрущева, упоминание о “пятой колонне” вообще никогда и нигде, не приводилось.

Мы все время говорили о Ставке, но, ни разу не обратились к документу, о ее создании. Интересно было бы на него взглянуть. До 90-х годов данный документ нигде не был опубликован, поэтому в изданиях, откуда же ему взяться? Но вот, под редакцией А.Н.Яковлева были, наконец, изданы сборники документов, где, к нашей радости, присутствует сей документ:

“Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) “О Ставке Главного Командования Вооруженных сил Союза ССР” от 23 июня 1941 года.

Приводятся соответствующие атрибуты присущие организационно — распорядительной документации и обозначение секретности данного документа. Далее приводится текст (не удивляйтесь, пожалуйста) с сохраненной формой изложения (одни переносы слов чего стоят).

№ 1724-733сс

23 июня 1941 г. Совершенно секретно

Особая папка

Не для опубликования

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП (б)

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт. Наркома обороны Маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала Буденного и Наркома Военно-морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в со-

ставе т.т. Маршала Кулика, Маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова. Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса.

Председатель Совнаркома СССР

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И.Сталин

АП РФ. Ф.93 Коллекция документов

Форма приведенного текста документа сохранена и трудно, не выразить недоумение, по поводу, содержания этого, якобы, “документа”. Уже отмечалось исследователями, что обилие астрономических цифр, в регистрации (1724-733сс), заставляет усомниться в подлинности документа. Наличие же, грифов секретности (Совершенно секретно; особая папка; не для опубликования) не делают документ, более правдоподобным. Сам же текст поражает вопиющей некомпетентностью и неграмотностью в оформлении. Перенос слов выполнен неряшливо. Неужели, так было в подлиннике? Лица, упомянутые в документе, не только не имеют полного обозначения своего имени и отчества, но даже инициалов. Далее, одни военные указываются в воинском звании, другие, почему-то, нет. Гражданским лицам, указанным в тексте, кроме фамилии, вообще, отказано во всем. Удивляет, почему перед этой “Ставкой”, не поставлено ни целей, ни задач. Для чего создана Ставка, очевидно, знает только, “Генеральный секретарь ЦК ВКП (б)” (?), под псевдонимом “И.Сталин”, утвердивший данный документ и надо полагать, еще, та группа

лиц, подготовивших эту “липу” к публикации. Публикаторам на заметку: “Генеральным” — Сталин был до 1934 года, на данный период просто — “секретарь”.

Как уверяет нас Жуков, этот документ родился в недрах Генштаба сразу после нападения Германии. Правильно, чего же “резину тянуть”.

И как же тогда понимать Георгия Константиновича? Видимо, так: принес, понимаешь, на подпись Сталину документ “О Ставке”, и воспользовавшись моментом, когда Сталин впал в полузабытье, засунул этот документ в папку на столе у вождя. Затем убыл из Москвы “рулить” на Юго-Западном фронте, на основании не утвержденного документа. Ведь, Сталин после всего этого, что произошло в Кремле, уехал к себе на дачу больной и больше, как утверждает В.Жухрай, в своей книге, на работу не возвращался. Так кто же, на самом деле утвердил документ?

Все это, только подтверждает мысль о том, что реальный Сталин, к описываемым Жуковым событиям, не только не имел никакого отношения, но и вряд ли, присутствовал при этом. Хотя всё, приведенное выше, по мысли публикаторов, видимо, должно подтвердить тот факт, что Сталин, по версии Хрущева, находился в “прострации”. Потому что, утвердить документ, чтобы самому оказаться в роли подчиненного(?) у своих подчиненных — это знаете, наверное, надо было быть Сталину, именно “Генеральным секретарем ЦК ВКП(б)”, на тот момент. Так что, очень трудно, разглядеть между строчек Жуковских мемуаров, настоящего Сталина.

Еще несколько слов, о “командировке” Жукова на Юго-Западный фронт, якобы, по поручению самого Сталина. Утвердили, как уверяет нас официоз, проект создания “Ставки”, официально — 23 июня. А на основании, какого же документа, и с каким мандатом убыл на данный фронт Георгий Константинович? Не по телетайпу же пришло подтверждение его полномочий, как представителя Ставки? Ладно, согласимся, что мандат, может быть, подписали загодя — время не ждет. Но почему, с 22-го и по 25-е июня включительно, Сталин даже и не поинтересовался делами на Юго-западном фронте? Послал Жукова и забыл, зачем послал? Даже, 26 июня, как пишет Жуков, Сталин позвонил на командный пункт Юго-Западного фронта и не поинтересовался тамошними делами, а только деликатно попросил будущего Маршала Победы: “Можете вы немедленно вылететь в Москву?”. Даже трудно представить, чтобы произошло, если бы Жуков “взбрыкнулся”: “Занят! Не мешайте громить Гитлера! Как освобожусь, дам знать!”.

Что можно сказать, по поводу, якобы, телефонного звонка Сталина? Это может быть только, в том случае, если Сталин его туда не посылал. А если Сталин перед ним не поставил никаких задач, то, что же он с него будет спрашивать? Во-вторых, если Сталина не было в Кремле эти дни, то, разумеется, не будет и никаких телефонных звонков от Сталина с вопросами к Жукову. И, в-третьих, может быть статья, что Сталин вовсе и не звонил Жукову?

Но это всё же, одна сторона дела. Рассмотрим другую. По Жукову, Сталин послал его и других представителей Ставки, чтобы помочь командующим, так как те “не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись”. Но вот Жуков 26 июня вернулся в Москву, и рассказывает нам, что застал в Кремле в кабинете Сталина стоящих на вытяжку (?) наркома обороны и своего первого заместителя. Сталин, как видно, еще “не вышел из прострации”, так как, напроць забыл, зачем посылал Жукова на Юго-Западный фронт. Кроме того, чего им (военным) стоять на вытяжку, если карту решили изучать?

“Поздоровавшись кивком, И.В.Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно **минут сорок**. Чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, **через сорок минут** доложите.

Мы (Жуков, Тимошенко и Ватутин — В.М.) вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте” и т. д. и т. п.

Если бы не Жуков, то Тимошенко с Ватутиным простояли бы на вытяжку, наверное, до конца войны. Кроме того, два часа до Жукова изучали, но до “умного” Жукова далеко. Тому всего сорок минут надо, чтоб любую карту изучить. Как видите, Сталин не спросил, а Жуков скромно промолчал, по поводу, своей “командировки” на Юго-западный фронт. А почему?

Ну, ладно, Сталину не стал рассказывать, видимо, из-за своей “врожденной скромности”, но читателя-то, что же, не стал посвящать в дела давно минувших дней? Нам и до сего дня неясно, помог ли Георгий Константинович командующему Юго-Западным фронтом справиться “с растерянностью” и пошел ли тому на пользу его (Жукова) богатый военный опыт?

А вообще, могла ли такая встреча состояться, и могло ли там произойти то, о чем нам поведал Георгий Константинович? Давайте, посмотрим этот злополучный “Журнал посещения...”. Что он нам о военных говорит? В этот день 26 июня, было два посещения Кремля Жуковым и компании. Дневное посещение, это Тимошенко и Ватутин в 13.00 часов и Жуков в 15.00. Правда, есть один досадный момент. Тимошенко со своим 13.00 часовым посещением перенесен в Журнале на более позднее время вслед за Яковлевым — 15.15. Могло ли такое быть в действительности? Разумеется, нет! Если, конечно, часы не пошли в обратную сторону или высокий Тимошенко так быстро прошмыгнул в кабинет Сталина, что секретарь, ведший записи, видимо, вовремя его не заметил. Для чего это сделано с перестановкой по времени, трудно сказать, но можно предположить, что это или небрежность при подготовке архивных документов к публикации или второе, — немного развести по времени действующих лиц, чтобы, в Журнале не бросалось в глаза их взаимосвязь. Но есть и третий вариант. Честный историк специально сделал неправильно запись, чтобы привлечь внимание к фальшивке. Если следовать Журналу, то получается, что сначала в 13.00 у Сталина в кабинете были Тимошенко и Ватутин, а затем в 15.00 к ним присоединился Жуков, и они покинули кабинет все вместе в 16.10. Но там кроме них находились другие лица и поэтому “стояние на вытяжку” наркома обороны Тимошенко несколько проблематично. В более позднее время Жуков тоже был в этот день в Кремле. Опять же в компании с Тимошенко и Ватутиным. Но это было в 21.00 вечера и опять, же они были приглашены в составе других лиц, где “стояние на вытяжку” наркома обороны, тоже кажется надуманным фактом со стороны Георгия Константиновича.

Хотелось бы обратить внимание читателя, еще вот на какой момент: вполне возможно, что Жуков и не приезжал в Кремль вместе с Тимошенко, а там мог находиться только Ватутин, которому “стоять на вытяжку”, в силу своей малой значимости, было более приемлемо.

Кроме того, не надо забывать, что сам Жуков ранее пояснил читателю, что Ватутин остается за него на посту начальника Генерального штаба, дескать, так Сталин повелел. Но любое решение оформляется документально. Следовательно, Ватутин, вполне мог официально исполнять обязанности начальника штаба, а Жуков не мог еще вступить в прежнюю должность без надлежащего приказа. А как следует из рассказа самого Жукова, Сталин почему-то не обеспокоился подписанием бумаги о вступлении Жукова в прежнюю должность. Получается определенная неувязочка. К тому же Ватутин, должен был обладать большей информацией о Западном фронте, чем отсутствовавший Жуков. Он же был в другом месте. Но, видимо, сыграла свою роль “гениальность” нашего полководца. А ведь был кавалеристом не в меньшей степени, чем, например, склоняемый на всех языках, тот же Буденный.

Но, давайте продолжим рассмотрение того, что предложено, вроде бы, самим Жуковым.

Сталин “бросил на стол карту Западного фронта”. Чью же карту? Не свою же? К тому же, карты, такого уровня, стоя на вытяжку, не рассматривают. Во-первых, Сталин еще не возглавил ГКО, и поэтому военные вопросы решала новая Ставка. Более вероятным было бы наоборот. Военные держали в руках карту и отвечали на поставленные вопросы правительства, которое представлял Сталин. Во-вторых, кто наносил на эту карту обстановку? Не сам же Сталин? 26 июня Сталин военными вопросами еще не занимался в полной мере.

Эта была карта военных, могут с уверенностью сказать, даже читатели. Ее с собой захватил из Генштаба Ватутин. Он же был заместителем начальника Генштаба. Тогда вырисовывается такая картина, что эту карту, взятую у Ватутина, Сталин свернул и держал в руке, как свою, неопределенное время, поджидая(?) Жукова с вопросом о Западном фронте, так что ли? Если исходить из написанного, то обстановка на Западном фронте была рассмотрена, но, до прихода Жукова не было принято никакого решения. Ждали “светоча” военной мысли. По-другому, текст и не читается. В более поздней редакции, чтобы уточнить, что инициатива исходила все же от военных, решили сделать дополнительную вставку о Сталине: “Поздоровавшись кивком головы, он сказал: — **Не могу понять путаных предложений.** Подумайте вместе и скажите ...”.

Вот теперь акцент смещен, действительно, в сторону военных. Тимошенко с Ватутиным, по воспоминаниям, товарища Жукова, не смогли внятно объяснить Сталину обстановку на Западном фронте, а только что вернувшийся с другого фронта, Юго-Западного, — Георгий Константинович, как всегда, легко и непринужденно взялся и за это трудное дело, мимоходом мазанув черной краской своих товарищей по Ставке с их “путаными предложениями”. Так как редактор в новом издании добавил к словам Сталина дополнительное предложение, надо, стало быть, добавить и время на размышление по этому поводу. В новой редакции дальнейшие слова Георгия Константиновича звучат так:

“— Нам нужно минут **сорок пять**, чтобы разобраться, — сказал я”.

А Сталину что прикажите делать? Приходится подстраиваться под новое требование начальника Генштаба.

“— Хорошо, через **сорок пять** минут доложите, — **отрывисто бросил И.В.Сталин**”.

Видите, и Сталин занервничал, еще дополнительно пять минут неясности. А Жуков, видимо, рад: лишних пять минут на раздумье, все-таки у Сталина “вырвал”.

Для чего все эти игры с картой Западного фронта? А вот для чего! Обратите внимание по “Журналу посещений”, кто находился днем в кабинете Сталина вместе с Тимошенко, Ватутиным и присоединившимся Жуковым: Каганович, Маленков, Буденный, Жигарев, Ворошилов, Молотов, Петров(?), Кузнецов (?), Берия, Яковлев(?). Фактически это было, как бы, совместное совещание Политбюро и новой Ставки. Критики могут упрекнуть автора, что он, дескать, не доверяет “Журналу”, а сам на него ссылается. Но, товарищи дорогие. Во-первых, не факт, что “Журнал” отразил именно 26 июня. Это могло быть и 27-е и 28-е число. Тут каждый день важен, как для хронологии изложения событий, так и для их понимания. Во-вторых, все ли лица, бывшие в кабинете Сталина, отображены? В-третьих, опять нет инициалов у лиц посетивших кабинет. Какой Петров? Какой Кузнецов? Какой Яковлев? В-четвертых, на что ссылаться? Другого то, “Журнала” нет. В-пятых, нас более всего интересуют первый и второй день войны. Хотя, как сказать? Все дни до 1 июля очень сомнительно отражены, как в мемуарной литературе, так и в научных исследованиях.

Однако продолжим о данном заседании. Что должна была делать Ставка в лице ее председателя Тимошенко и его заместителя Жукова в Кремле? Она должна была доложить о проделанной работе. Правда, кому? Правительство она же подмяла под себя. Осталось Политбюро и Верховный Совет. Что должен был поведать данному совещанию в Кремле только что прибывший

с Юго-Западного фронта Жуков? Что-то, он же должен был рассказать собравшимся товарищам о событиях на Украине? Только от читателей его мемуаров свой доклад скрыл, прикрывшись, якобы, рассмотрением карты Западного фронта. Как фокусник, при показе своего трюка, отвлекает зрителя, каким-нибудь второстепенным предметом, чтобы рассеять его внимание, так и Георгий Константинович концентрирует внимание читателя на карте, скрывая подлинную суть своего пребывания в Кремле. На самом деле Жуков, по всей видимости, мог рассказать, что происходит на Киевском направлении, разумеется, в выгодном для себя свете. Даже, видимо, привез с собой обстановку на карте. После четырех часов дня вся троица покинула Кремль, вместе со всеми участниками совещания, чтобы к 21.00 вновь вернуться в Кремль уже с картой, где, видимо, должна была быть нанесена обстановка на всем советско-германском фронте. Примерно так, должны были происходить события по возвращению Жукова из командировки на Юго-Западный фронт, если мы рассматриваем Журнал посещений.

Но, вот в реальной жизни, когда Жуков вернулся с Украины, неужели Сталин не спросил его о тамошних событиях? Хотя не он же его туда отправлял, но спросить, как глава государства, вполне мог бы и, наверное, сделал бы это? Что должен был в реалии ответить Жуков Сталину и членам Политбюро о событиях первых дней на Юго-Западном фронте? Хвалиться, конечно, было нечем, наши войска катились на восток, но как оправдался бы Жуков? В его характере, хитром и коварном, безусловно, были намечены жертвы, на которые можно было при случае, как в нашем, свалить всю вину.

И кто же они? Предполагаю, что это были член Военного совета Юго-Западного фронта — Н.Н.Вашугин (о нем мы вскользь упомянули выше), который при очень странных обстоятельствах, якобы, покончил жизнь “самоубийством” и командующий ВВС округа — Е.С.Птухин, о котором предпочитают помалкивать, практически и по сей день. Он не частый гость в печатных изданиях на военную тему. Он был арестован, хотя даты и рознятся, но обратите внимание — 25(27) июня 1941 года и расстрелян, скорее всего, вместе с группой генерала Павлова. Первому (Вашугину) в вину, скорее всего, поставили “паникерско-упадническое поведение”, дескать, потерял контроль над войсками и прочие согрешения: покойник все стерпит. Второму (Птухину), могли приписать “бездействие авиации округа” или “самовольную” бомбардировку Румынии и ряда сопредельных государств, например, Венгрии. Вот если бы посмотреть материалы по расстрельному делу Птухина Е.С.!

Немного о Птухине Евгении Савиче. В издательстве “Молодая гвардия” в 1979 году вышла книга бывшего летчика М.Сухачева “Небо для смелых”, посвященная, как вы, надеюсь, догадываетесь, нашему герою. В предисловии генерал армии П.И.Батов написал:

“Рассказывать о жизни и боевой деятельности одного из первых генералов Страны Советов, Герое Советского Союза, генерал-лейтенанте авиации Евгении Савиче Птухине **довольно сложно** (?)... На его короткую, но яркую жизнь выпало четыре войны. Гражданская война, пылающая Испания, война с Финляндией и, наконец, Великая Отечественная война — таковы огненные вехи становления этого авиационного командира”.

Хотелось бы конечно поближе ознакомиться с этими самыми “огненными вехами”, особенно, что касается Великой Отечественной войны. И что же приготовил нам автор М.Сухачев, в данной книге? На удивление, все события Великой Отечественной, в которой принял участие и Е.С.Птухин, уместились, менее, чем на одной(!) странице. Несколько заключительных предложений из данного текста:

“Докладывал дежурный по штабу.

— Товарищ командующий, началась **война!** Бомбят аэродромы!..

Он (т. е. Птухин — В.М.) быстро придвинул телефон:

— Слюсарев! Срочно на аэродром! Вылетаем на КП в Тернополь!

На выходе из штаба он задержался возле дежурного, посмотрел на часы: “Какая рань! Жаль будить”. Потом взял телефонную трубку:

— Алло, Соня (жена Птухина, Софья Михайловна Александровская — В.М.), ты особенно не волнуйся, но мне срочно нужен мой чемоданчик для поездки. Я сейчас заскочу, и сами собирайтесь на дачу...

Да, да, началась, но это ненадолго. Мы управимся быстро, не волнуйся! Вернемся с победой! Иначе быть не должно!”

Все! Конец книги!

И это, уважаемые читатели весь материал относительно “огненных вех” Великой Отечественной войны, которыми отметил Е.С.Птухин. Не правда ли, в связи со всем выше изложенным, это выглядит подозрительно коротко. Недаром, Батов упомянул, что “рассказывать сложно...”. Если бы Птухин был “жертвой сталинизма”, то уж, наверное, о нем не промолчали бы? Неспроста, так книгу обрубил!

Итак, снова возвращаемся к злополучной Ставке. Было ли все то, о чем нам тут красочно описывал Жуков на самом деле в Кремле? Это очень сложный вопрос, но все равно ответ на него будет дан чуть позже, когда будут освещены другие события с ним связанные.

По теме Ставки историк А.Б.Мартirosян, в своей книге “Трагедия 41 года”, справедливо возмущается по поводу необъяснимого поведения Наркома обороны маршала С.К.Тимошенко:

“...дело доходило до идиотизма, ибо последний даже не удосуживался правильно подписывать(?) директивы Ставки. Являясь ее официально утвержденным председателем, Тимошенко ставил такую подпись — **“От Ставки Главного Командования Народный комиссар обороны С.Тимошенко”**. Ну и что же должна была означать такая идиотская подпись на важнейших директивах? Одним только фактом такой несуразной подписи Тимошенко, по сути дела, расслаблял командующих сражавшихся с врагом войск, поэтому как резко понижал уровень исполнительной дисциплины! Ведь не председатель Ставки Главного Командования требует исполнения директив, а всего лишь какой-то Тимошенко “От Ставки Главного Командования”...

Ну и творили некоторые крутозвездные вояки черт знает что, губя людей и страну”.

Можно, предположить следующее. Ведь если бы, Сталина “нейтрализовали”, то кто действительно стоял бы во главе заговора? Правильно, нарком обороны Тимошенко. Для этого и была создана пресловутая Ставка. Он бы и подписывался правильно, как положено начальнику. В нашем же случае, Тимошенко, на тот момент, уже безусловно знал, что Сталин, в каком бы тяжелом состоянии не находился, тем не менее жив. Более того, с каждым днем, судя по всему, его состояние здоровья улучшалось. Тимошенко занял более благоразумную и осторожную позицию, и не стал корчить из себя полноправного Председателя Ставки. В случае чего он бы обосновал, создание Ставки отсутствием Сталина в первые дни войны, а, якобы, понимая, что Сталин со временем займет его пост, счел нужным подписывать документы именно таким образом, не претендуя, вроде бы, на главенствующую роль. Своя рубашка ближе к телу, как говорится. Тоже, своего рода, один из военных “хитрованов”.

Ну, и еще, что касается событий первых дней войны. Конечно, Указ о проведении мобилизации был готов заранее, как и текст обращения к народу. Но, обнародован он был только 23 июня, а почему? Потому что, гласный призыв к мобилизации означал начало войны? Но может, по каким

иным причинам перенесли на следующий день? Не “тянули ли резину” товарищи из Политбюро, затягивая мобилизацию? Возможно, что 22 июня у руководства страны еще были, видимо, сомнения относительно действий противной стороны, но все равно, есть весомые причины сомневаться в правоте принятого решения. Правда, картина событий, о которой говорилось выше, была сильно искажена нашими военными. Может поэтому правительство и не торопилось бить в набат? Это Жуков, явно торопил события — “Война!” Другие, как видим, были более сдержанны в своей оценке событий или события происходили совсем не так, как принято согласно официальной точке зрения.

Кем был утвержден учрежденный информационный орган Совинформбюро, думается, важной роли не играет. Больше значимых документов до 25 июня выпущено не было, что не может не вызвать недоумение по поводу, бездействия первого лица государства, т. е. Сталина. После же 25 числа, как увидим дальше, колесо административной машины закрутилось на повышенных оборотах, что не может вызвать удивления. А чего же ждали раньше?

Любой человек, в состоянии понять практически любые логические действия другого лица. В реальной жизни мы всегда сталкиваемся с планированием своих действий. Например, мы надумали отметить какое-то праздничное событие в ближайшее воскресенье. Ведь не приходит же нам в голову мысль, чтобы только за полчаса до намеченного срока начинать приглашать гостей, идти в магазин за продуктами, накрывать на стол? Ведь мы все это планируем заранее. Учитываем разные обстоятельства, устраняем возникающие по этому поводу различные помехи.

Так почему же, при подготовке к такому грандиозному масштабному событию, как война, наше руководство, якобы, никоим образом, даже не предполагало, как все это будет происходить? Можно ли в это поверить? Можно, если представить главу правительства Советского государства товарища Сталина круглым идиотом. Ведь Жуков пытается же навязать нам мысль, что только, дескать, с началом агрессии фашистской Германии они с Тимошенко, якобы, уговорили Сталина и Политбюро подготовить Директиву, в которой предписывались ответные боевые действия военных округов. А руководство всеми военными структурами стало осуществляться исключительно по инициативе Наркомата обороны и Генерального штаба и опять, только после начала Германской агрессии. Более того, Сталин, якобы, сковывал инициативу военных, которые стремились нанести врагу максимальный урон. И каким же мышлением, должен обладать нормальный человек, чтобы поверить во все эти действия Сталина — первого лица государства, в представлении маршала Жукова?

Но мы не заканчиваем тему о Ставке. Военный историк В. А. Борисов, в своей работе “Высшие органы военного руководства СССР (1923–1991 гг.)” (журнал “Правоведение” № 2 за 1996 год), пишет, что

“И.В. Сталину были хорошо известны авторитетные в Вооруженных Силах мнения первого начальника Штаба РККА **П.П. Лебедева**, первого начальника Генштаба РККА **А.И. Егорова**, а также одного из самых видных советских специалистов в области стратегии **А.А. Свечина** о том, что **управление Вооруженными Силами с началом войны не должно претерпевать серьезных изменений своей структуры**. Должны лишь изменяться его функции путем перевода органов управления с мирного на военное положение”.

Но, если уважаемый историк сообщает нам, что “Сталину были известны авторитетные мнения... о том, что управление Вооруженными Силами не должно претерпевать изменений в своей структуре”, то, может быть, Сталин не стал бы заниматься ненужной самодеятельностью в таком важном деле, как управление Вооруженными Силами? Кстати, а какой орган должен был управлять военным ведомством с началом военных действий противника? И военный историк Борисов в своей работе приводит структуры управления Вооруженными Силами и процесс их формирования с начала образования Советского государства. Но нас больше интересуют события предвоенного периода, поэтому более ранний период мы, естественно, опускаем. Итак, что мы видим, в плане формирования структур управления Вооруженными Силами? На базе Совета

Труда и Оборона, образованных еще в 1923 году, при СНК СССР, где председателем с 1930 года был уважаемый Вячеслав Михайлович Молотов, в 1937 году был образован Комитет Оборона, в количестве семи человек и секретаря. Данный Комитет рассматривал вопросы о принятии на вооружение новой техники по представлению Наркомата Оборона и Наркомата ВМФ СССР (как своих структурных подразделений), а также готовил решения по утверждению военных и военно-морских заказов. Кстати, на него в июне 1940 года постановлением СНК СССР от 7 июня за № 983-372сс были возложены задачи по разработке мобилизационных планов для народного хозяйства. Трудно сказать, в силу, каких причин, но численный состав Комитета Оборона при СНК, как уверяет нас тов. Борисов сократился с семи человек до пяти на основании Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 626 от 21 марта 1941 года. Правда, поименный состав, военный историк, как и в первом случае, не привел. Почему? Наверное, фамилии подзабыл? Но, все же, уточнил, сказав, что состав Комитета, дескать, не изменился до 30 июня 1941 года, когда был создан Государственный Комитет Оборона.

Далее, он удостоверяет, (видимо, вспомнил кое-кого) что председателями данного Комитета Оборона при СНК были всего два человека: **Молотов** (с 28.04. 1937 — 07.05.1946) и **Ворошилов** (07.05.1940 — 30.06. 1941). Как они поделили этот пост в начале войны, приходится только догадываться? Сам же В.А.Борисов, не дал никаких внятных пояснению по данному факту. Но нас, как всегда, волнует вопрос о товарище Сталине. Куда же его “приткнули” наши военные историки, руководствуясь указаниями сверху?

Оказывается, еще 13 марта 1938 года вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 322 о создании **Главного Военного Совета Красной Армии** и Главного Военного Совета Военно-Морского Флота, где председателями были соответствующие наркомы, но в состав этих Советов, на правах постоянных членов были включены представители высшего политического руководства страны. Грустно читать, что в состав Главного Военного Совета Красной Армии, опять, как всегда, вошел Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В.Сталин, а в Главный Военный Совет ВМФ — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.А.Жданов. По Сталину (без Генерального секретаря), более понятно, так как он в тот период не занимал государственных постов и вполне мог быть в составе Главного Военного Совета Красной Армии. Это, видимо, понадобилось, чтобы подготовить читателя к тому составу Ставки, которая фигурирует и поныне во всех источниках, исходя из установки данной фондом А.Н.Яковлева. Кроме того, автор данной работы сообщает, что “с началом Великой Отечественной войны и учреждением Ставки Главного командования от 23 июня 1941 года эти Советы упразднены” и если далее следовать его логике, то надо полагать они (Советы) ушли в небытие, вместе, со Сталиным и Ждановым. Ох, до чего же “сильна” наша историческая наука, когда читаешь такие опусы.

Дело в том, что Главный Военный Совет при Наркомате оборона был реорганизован и сохранился до самой войны. Однако товарищ Сталин еще в 1940 году покинул этот пост, но не оставил без внимания наших военных, введя туда партийных работников высокого ранга. По этому поводу было выпущено соответствующее постановление.

СОВМЕСТНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) И СНК СССР.

О составе Главного военного совета.

24 июля 1940 г. Москва, Кремль

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

Утвердить Главный военный совет в составе:

т. **Тимошенко** (председатель), **Жданова**, **Кулика**, **Шапошникова**, **Буденного**, **Мерецкова**, **Маленкова**, **Мехлиса**, **Смушкевича** (с заменой т. **Рычаговым**), **Жукова**, **Павлова**.

Секретарь Центрального Председатель Совета Народных

Комитета ВКП(б) Комиссаров Союза СССР

И. Сталин В. Молотов

Обратите внимание, кем подписан документ. Так как ГВС входил в структуру Наркомата обороны, то данное постановление подписали с одной стороны глава правительства — Молотов, а с другой стороны, от лица партии — Сталин. За военными нужен был партийный контроль. Поэтому в состав ГВС и были введены трое партийных работников: Жданов, Маленков и Мехлис. Ответ на вопрос: “Почему эти лица были введены в состав ГВС?”, мы будем рассматривать в главе о главных направлениях.

Теперь на основании данного Постановления Наркоматом обороны был издан соответствующий Приказ, который отменил ранее действующие, в том числе и от 1938 года, на который ссылался товарищ Борисов.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

О составе Главного военного совета

№ 0164 26 июля 1940 года

1. Объявляю постановление Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров Союза СССР от 24 июля 1940 г. “О составе Главного военного совета”.

2. Приказы НКО 1938 г. №№ 68, 80 и 1939 г. № 106 отменить.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С.Тимошенко

Таким образом, Сталин уже не входил в состав Главного военного совета. Видимо, ему хватало и других обязанностей. А дальше события преобрели такие очертания, что 6 мая 1941 года И.В.Сталин став Председателем Совета Народных Комиссаров, автоматически занял кресло и Председателя Комитета Оборона при Совнарком, оттеснив с этого поста Молотова. А Вячеслав Михайлович, став его заместителем, следовательно, отошел на вторые роли, и никак не мог быть председателем Комитета Оборона на тот момент, но, все же, ко всему прочему, сохранил за собой место наркома иностранных дел, которое тоже ко многому обязывало. Это же относилось и к Ворошилову, который мог быть в составе Комитета Оборона на правах, или заместителя, или, просто, руководителем структурного подразделения данного комитета. Но, разве можно было объявить Сталина Председателем Комитета Оборона при СНК на всю страну после 1953 года или 1956 года? И сейчас могут “посыпаться” вопросы: куда же Сталин делся со своим Комитетом обороны в первый день войны? и почему Ворошилов не возглавил Ставку?

Поэтому и “убрали” Сталина с поста Председателя Комитета, а его место “заменили” дуэтом Молотов — Ворошилов. Сам же Комитет отправили в небытие, заменив его Ставкой.

Так и напрашивается вопрос: “Кому же играло на руку структурное изменение руководства Вооруженными силами страны в самом начале войны путем создания Ставки?” Ведь это противоречило тем высказываниям специалистов по стратегии, о которых в самом начале своей работы упомянул В.А.Борисов. Но, не Сталину же, это было нужно?

Значит, исходя из умозаключений видных военных теоретиков, что “коней на переправе не меняют”, мог ли товарищ Сталин решиться на такой шаг, как передача функций Комитета обороны при СНК вновь созданной Ставке? Да, еще и сложив с себя полномочия Председателя Комитета обороны войти туда на правах рядового члена? Сомнительно, если не сказать большего, — что это произошло помимо его воли. Ну, а для нас, как всегда, в том числе и в работе Борисова, есть неприятное “затемнение” с составом Комитета Обороны при СНК и его председателем? Кроме того, привести сведения про Главный Военный Совет Красной Армии в 1938 году со Сталиным, и забыть о его назначении на пост главы государства в мае 1941 года. Не правда ли, странно?

Сразу вспоминаются бессмертные слова Грибоедова: “Ну, как не порадеть родному человечку?” В данном случае, читается, как высшему военному начальству товарища Борисова. А то “зарубили” бы очередную ученую степень и был бы Всеволод Александрович не доктором, а на крайний случай, кандидатом исторических наук. Поневоле напишешь или наоборот, скроешь любой состав Ставки или Комитета Обороны. Поэтому в сознание читателя и вбивается настойчиво мысль о том, что не Комитет Обороны при СНК должен был играть ключевую роль в военном руководстве, а некая Ставка. Для этого автор Борисов углубляется в историю первой мировой войны и приводит, в качестве примера, ее исторический прообраз — Ставку Верховного Главнокомандующего, созданную летом 1914 года. Более того, доктор исторических наук уверяет читателя, что та, царская Ставка “вполне себя оправдала”, правда, забывая при этом добавить, к чему пришла русская армия в начале 1917 года. Вновь о Ставке, как сообщает данный историк, можно говорить применительно к советско-финской войне 1939 года. Наверное, многому можно было поучиться у руководства этой Ставки, да вот опять незадача. Как пишет тот же, Борисов: **“все материалы высшего военного руководства за тот период уничтожены”**. Это, видимо, было сделано для того, чтобы враг никогда не узнал “мудрость” нашего военного руководства в период финской кампании. Перед самой Отечественной войной, как всегда, Сталин проявил “легкомыслие” или другую подобную “глупость” и никак не отреагировал на вопросы о создании Ставки поднятые Наркоматом обороны еще весной 1941 года. И уж, совсем, “преступно” поступил Сталин, “утвердив” Ставку 23 июня, “хотя документы по ней были отработаны Генштабом к 9 часам утра 22 июня”. Удивительно, что историк Борисов не добавил слова — “мудрым” Георгием Константиновичем Жуковым с товарищами.

Как только посыпались немецкие бомбы на советскую территорию, то аккурат, как видите, к “9 часам утра” документик положили на стол уважаемому Иосифу Виссарионовичу: “Извольте, подписать дорогой! Успели подготовить к сроку!”. Но Сталин, как всегда “проявил” преступную нерасторопность и “промариновал” документ целые сутки, заставив понапрасну нервничать военных.

Дальнейшее, нам известно. В состав Ставки вошла группа советников, где вперемешку с военными были и члены высшего партийного органа и правительства страны. Правда, в список, приведенный в данной работе, вкралась досадная опечатка: маршал Григорий Иванович **Кулик** превратился в **Куликова**. Но так как Григория Ивановича Кулика, после войны в 1950 году, все равно, ведь, расстреляли, то, видимо, редактора посчитали, что сойдет и так. Будет знать, как Сталину “перечить”. И завершая скромный рассказ о Ставке, доктор исторических наук В.А.Борисов выражает сожаление о советниках: “практически они не сыграли своей роли, так как почти все члены группы получили новые назначения, а замены не производились”.

Наверное, если бы Сталин не возглавил бы ГКО, то данные товарищи очень сильно бы отличились в составе Ставки, и война бы, к концу июня месяца закончилась бы “сокрушительной победой” Красной Армии под командованием Тимошенко со товарищами.

По-поводу Тимошенко и Жукова существует любопытный документ. В исследовательской работе “Машина смерти”, бывшего редактора Военно-исторического журнала Виктора Ивановича Филатова, есть глава посвященная генералу Власову. Само по себе исследование очень интересное и заставляет по новому взглянуть на судьбу опального военачальника Красной Армии. В приведенных в данной работе “допросах” А.А.Власова следователями СМЕРШа, есть очень

любопытный момент. Для меня важны не столько ответы Власова, так как они имеют свой скрытый подтекст, сколько **вопросы, задаваемые Андрею Андреевичу**. В большей степени интересны вопросы, даже, не с нашей стороны, а **с немецкой**. Почему так? — читатель поймет, ознакомившись с отрывком из главы **“Сколько было лиц у генерала Власова?”**

“Допрос” проводился **25 мая 1945 года** после задержания Власова в Чехословакии. Приведенный отрывок скорее похоже на какую-то стенограмму заседания командования, интересовавшегося деятельностью Власова у немцев.

“ВОПРОС. Кто из представителей германского командования вас допрашивал? (Связи с “переходом” А.А.Власова к немцам после разгрома 2-ой Ударной армии на Волховском фронте. — В.М.)

ОТВЕТ. **14 мая 1942 года** немцы доставили меня на автомашине на станцию Сиверская в штаб германской армейской группировки “Север”, где я был допрошен полковником немецкого генерального штаба, фамилию которого не знаю...

Мне также задавали вопросы, встречался ли я со Сталиным и что знаю о его личной жизни. Я сказал, что виделся со Сталиным дважды в Кремле: в феврале 1941 года и в марте 1942 года, о личной жизни его ничего не знал. Кроме того, немецкий полковник предложил мне дать характеристику на Жукова. Я сказал, что Жуков волевой и энергичный военачальник, но иногда бывает груб.

На вопрос, **может ли Жуков стать вторым Тухачевским**, я ответил, что вряд ли, так как он предан Сталину.

Тогда мне был задан вопрос, как уцелел и не был арестован в 1938 году **Шапошников**, в прошлом офицер царской армии, и **может ли он после падения Советской власти стать во главе правительства России?** Я заявил, что Шапошников, по-моему, также предан Советскому правительству, но так как его лично не знаю, ответить на вопрос, сможет ли он возглавить будущее правительство России, не могу.

Мне был задан вопрос, **что я знаю об антисоветских настроениях Тимошенко**, на который я ответил, что, хотя и служил вместе с Тимошенко, однако никаких антисоветских проявлений с его стороны не замечал”.

Хочу подчеркнуть особо, что это не советское командование интересовалось бонапартистскими замашками товарища Жукова и антисоветскими настроениями Тимошенко, а немецкие генералы. Кроме того они, видимо, прекрасно знали предательскую сущность Тухачевского (своего тайного агента) и их интересовало, насколько, именно, Жуков соответствует этим требованиям?

Как видите, разговоры о новом правительстве послевоенной России не пустые фантазии немецких генералов, а вполне обоснованное беспокойство о том, кому же, в будущем, доверить пост военного министра? Хорошо бы, думали они, к примеру, привлечь к этому делу бывшего царского полковника Шапошникова? Власов посеял семена сомнения в их ожиданиях.

Далее о Тимошенко. Куда же мы без Семеновича Константиновича? Тоже поспособствовал своими действиями, усомниться, в его приверженности Советской власти. Ведь, не возникли же у немцев подобного рода вопросы в отношении других наших крупных военачальников. Продолжим читать “допрос” генерала Власова.

“У меня также интересовались, **насколько грамотны в военном деле Ворошилов и Буденный**. Сославшись на то, что оба они герои гражданской войны, 25 лет служат в армии, окончили

Военную академию, я высказал предположение, что они поэтому должны быть опытными военачальниками”.

Жуков, как известно, академий не заканчивал, однако немцев почему-то не беспокоила компетентность будущего маршала в военных делах? Как видите, их интересовал совсем другой аспект знаний советского генерала. То же самое относится и к его коллеге, Тимошенко. А ведь эти люди стояли у истоков создания Ставки, тем более что Семен Константинович ее и возглавил. Видно, “шашка затупилась” у бравого наркома обороны, если попросили его (и вовремя) с этого поста?

Но все же, как же, нам быть с таинственно исчезнувшим Комитетом обороны при СНК? Неужели, продираясь сквозь дебри “военной исторической науки”, так ничего и не узнаем? Действительно, сложное положение с Комитетом Обороны. Сведения крайне скудны и официоз не представляет никаких документов по данной теме. “Умер Максим, ну и ... бог с ним!”. Неужели никто из работников не оставил никаких воспоминаний об этой государственной структуре? И вдруг блеснул лучик надежды! Есть, оказывается изданные мемуары человека, который работал в Комитете Обороны при СНК до войны. Какая удача! Давайте, скорее, познакомимся с этим человеком и узнаем все обстоятельства данного дела о Комитете. Открываем книгу “В дни войны и мира” генерал-майора Михаила Ивановича Петрова. В аннотации читаем, что “автор с 1937 года служил в **Комитете Обороны при СНК**... В своих воспоминаниях рассказывает о встречах и совместной работе с Маршалами Советского Союза К.Е.Ворошиловым, Р.Я.Малиновским и другими видными советскими военачальниками”.

Ну, Родион Яковлевич, на данный момент нас пока, мало интересует. Нам, несколько ближе по данной теме, Климент Ефремович. Поначалу несколько вступительных строк. В феврале 1936 года Михаил Иванович стал курсантом Ярославского военно-хозяйственного училища. Учился, надо полагать неплохо, так как в составе еще двоих своих товарищей по окончанию срока обучения получил направление в Москву.

“В Комитет Обороны мы явились 1 сентября 1937 года. Как говорить, с первым школьным звонком. И так же, как первоклассники, испытывали некоторую робость. Ведь для нас все здесь было новым и непривычным...”

Нас, молодых лейтенантов, кроме служебных приобщали еще и к общественным делам. А их, этих дел, особенно прибавилось в конце 1937 года, когда страна начала готовиться к первым выборам в Верховный Совет СССР...”

Как обычно, человек вспоминает свою юность. Первые робкие шаги на новом месте жительства и работе. Сказывается, чувство высокого доверия оказанного им, молодым выпускникам военного училища.

“Уже в те годы проглядывались алчные устремления гитлеровской Германии к захвату территорий других государств, была видна ее активная подготовка к войне. Кроме того, грозные тучи сгустились и на наших восточных границах. Это понималось и трезво оценивалось партией большевиков и Советским правительством. И делалось все возможное для отпора агрессору, для создания сильного экономического и военного потенциала страны.

Эти усилия партия и правительства видны хотя бы из тех решений, что принимались в Комитете Обороны при СНК СССР. А на его аппарат возлагались **исключительно ответственные задачи**”.

Никто и не сомневается. Думаю, и читатели согласятся с данными выводами. Комитет Обороны — важный государственный орган. Продолжайте, Михаил Иванович. Очень интересно. Нельзя ли, поподробнее об этих задачах?

“Комитет Оборона, например, держал связь с Наркоматом обороны, военными и промышленными наркоматами и ведомствами. Словом, ритм нашей службы и жизни был не только четким, но и довольно напряженным. Работать приходилось помногу. Обычно на службу мы приходили к 10 часам утра, а уходили всегда с новой зарей”.

Понятно, что Комитет являл собой узел связи, коли держал под контролем все наркоматы, входившие в состав Совета, в том числе, выделенный особо, и Наркомат обороны. А то, Жуков и прочие, озаботились: по началу войны, дескать, не было управления от лица государства. Ах, как они “мудро” поступили, когда создали Ставку — в пору дополнительные ордена выдавать!

Автор книги вспоминает предвоенные годы. Хотелось отметить такой факт, характерный для той поры: вся страна училась. И много училась. Нашего героя заставили поступить еще и на заочное отделение Военно-хозяйственной академии в Харькове. Знаний одного военного училища, на такой ответственной должности в Комитете, посчитали, будет не достаточно. Весной 1940 года, сдав зачеты в академии, Михаил Иванович вернулся в Москву, где его ждала новая работа. Комитет реорганизовывался, обрстая новыми дополнительными функциями.

“Секретариат К.Е.Ворошилова возглавил полковник Леонид Андреевич Щербаков. (Не родственник ли, начальника Политуправления РККА А.С.Щербакова? — В.М.) В него кроме меня и нескольких служащих вошли подполковник Л.М.Китаев и старший лейтенант С.В.Соколов.

Организационный период в секретариате оказался довольно напряженным. Кстати, он как раз совпал с выполнением одного срочного и ответственного задания. Дело в том, что Клименту Ефремовичу Ворошилову было тогда поручено возглавить работу, связанную с присвоением высшему командному составу Красной Армии генеральских и адмиральских званий, введенных Указами Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года. и на долю его секретариата в этой связи выпала большая подготовительная работа. Ведь требовалось в кратчайший срок отработать для комиссии солидное число документов.

И все-таки мы справились и с этой работой, выполнили ее успешно и в срок. Наш секретариат не был велик по численности, но он довольно быстро принял облик дружного и по-настоящему работоспособного коллектива. На первых порах большую помощь нам оказал генерал-лейтенант Р.П.Хмельницкий, длительное время трудившийся тоже под началом Климента Ефремовича Ворошилова. А уж затем мы и сами отработали, так сказать, свои формы и методы секретариатского труда”.

Из воспоминаний Петрова видно, что Ворошилов возглавлял одно из структурных подразделений Комитета Оборона. Кто возглавлял Комитет, Михаил Иванович не указал или не дали такой возможности. Но мы и так знаем, что его, до мая 1941 года, сначала возглавлял Молотов, по совместительству. А уже с 6 мая, лично Сталин, назначенный Политбюро на пост главы государства.

Время катится к началу войны. Какие сведения сообщит нам об этом товарищ Петров? Но что это? Какая неожиданность! Как всегда — кто бы мог подумать? С нашим героем случилась беда.

“Весной 1941 года вдруг почувствовал сильное недомогание. Крепился как мог, но потом все же вынужден был обратиться к врачам. Диагноз они поставили короткий: нервное перенапряжение. Так в **первых числах июня** оказался в Болшевском санаторном отделении. Здесь-то и застала меня суровая весть: началась Великая Отечественная война”.

Понятно, что “вдруг”! Но какие неквалифицированные врачи оказались в поликлинике по месту жительства. Поставили Михаилу Ивановичу “неправильный диагноз”. У него же присутствовала ярко выраженная амнезия. Неужели не видно, что у человека напрочь отшибло память. С этим явлением мы сталкивались у многих мемуаристов. Это “заболевание”, насчет памяти, особенно

распространено среди генералов той, военной, поры. Единственное, что помнит товарищ Петров, по тому времени, так это только “сильное недомогание” и “Болшевский санаторий”.

Но современные исследования по такому заболеванию показывают, и это подтверждается практикой, что излечение возможно. Это может быть новое сильное нервное потрясение и большой, к счастью, вновь обретает здоровое состояние. Но, по-видимому, Михаил Иванович об этом не знал в том, сорок первом, поэтому и не связал обретение памяти с особым событием произошедшем с ним, и со страной. Нападение Германии на СССР.

“О начале войны мы узнали так: 22 июня в 12 часов дня из громкоговорителей вдруг донеслись слова о том, что фашистская Германия вероломно, без объявления войны, начала боевые действия против Советского Союза... “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами” — говорилось... в заявлении первого заместителя Председателя Совнаркома СССР, Наркома иностранных дел В.М.Молотова”.

Как видите, память частично восстановилась после стресса полученного от сообщения по радио. Оказывается, вспомнил, что началась война. Также забрезжило в сознании, что Молотов был заместителем Председателя СНК СССР, но, к сожалению, те события, которые были до “болезни”, и во время оной, утеряны Петровым безвозвратно. Так и не мог “вспомнить” своего прямого начальника — Председателя СНК СССР товарища Сталина. Правда, по тем крупницам его воспоминаний, частично можно, в общих чертах, восстановить картину, того периода.

“Итак, **война!** А это для каждого военнослужащего значит, что он, где бы ни находился, **должен срочно явиться в свою часть.** Поэтому, не теряя времени, и наша группа командиров, во главе с комбригом И.Е.Колеговым. тоже работником аппарата Комитета Оборона, на грузовом автомобиле помчалась из Болшева в Москву...”.

Молодец, товарищ генерал! Все-таки отдельные сполохи в его сознании донесли до читателя основную мысль о Комитете Оборона. Мы Вас прекрасно поняли, дорогой вы наш, Михаил Иванович! Не Вы один, оказывается, “заболели нервным перенапряжением”. Вон сколько вас Комитетчиков собралось на “отдыхе” в Болшеве, вместе с комбригом. Целая группа. Небось, вас отправили в отпуск перед самой войной, чтоб не мешались под ногами у Ставки, вместе со своим грузовичком. Это характерное явление, насчет отпусков перед самой войной. Сколько раз на эту тему приводилось случаев, и будут еще. Но по началу войны все товарищи из Комитета, вдруг, сразу “выздоровели”! Такое, вполне, возможно.

“Уже на следующий день мы узнали, что Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов назначен членом **Ставки Главного Командования** (с 8 августа — Ставка Верховного Главнокомандования), а затем введен и в состав Государственного Комитета Оборона (ГКО)...”.

И это понятно. Уже проходили тот момент, когда шла перетяжка военных: кто куда? Важно, что Ворошилов остался верен Сталину, а бумага, с зачислением его в противоестественную его воли структуру, все стерпит.

Вот так по Жукову и получается, что война началась, а государственных структур управления войсками не было. Как же им быть, когда люди ответственные за порученное им дело “прохлаждались” в подмосковном санатории. Видимо, все сразу, чем-нибудь, да “заболели”. Но удивительнее другое, как же так получается, что Сталин не прореагировал на то, что работники Комитета “прохлаждались” в санатории? Наверное, оттого, что товарищ Борисов лишил его поста Председателя Комитета Оборона. Сталин “в сердцах” и уехал к себе на дачу на несколько дней, и пробыл там до тех пор, пока “обида” не рассосалась.

Да и Ворошилов, судя по всему, не проявил озабоченности связи с отсутствием своих людей. Может тоже отдыхал, где-нибудь, например, в Сочи? Товарищи из Политбюро, вполне могли озаботиться и его здоровьем.

Вот и всё по первым дням войны. Но у автора в дальнейшем присутствует важный момент, по Ворошилову, когда тот убыл на фронт в первый раз.

“Припоминаю отъезд К.Е.Ворошилова в **Могилев**, где он должен был выполнять ответственное задание Ставки. Время тогда было очень тяжелым. Немецко-фашистские войска, имея преимущество в танках и авиации, сумели совершить в тот период глубокий прорыв на флангах советских войск и стали угрожать нашим частям окружением в районе Гродно, Белосток, Бельск. Требовалось срочно создать новые оборонительные рубежи на Березине и Днепре и задержать на них гитлеровские полчища. Ведь нам тогда дорог был каждый час.

И надо сказать, что с этой задачей К.Е.Ворошилов справился, оборонительные рубежи в основном были созданы. И сыграли свою положительную роль. Но каких усилий это стоило!

“Моя поездка, — писал впоследствии маршал, — явилась кратковременной — **с 27 июня по 1 июля 1941 года**, — но она была настолько тяжелой и напряженной, что стоила мне, по всей вероятности, многих лет жизни”.

Добавлю, что во время этой поездки большую помощь Клименту Ефремовичу оказал **маршал Б.М.Шапошников**. Он принял участие в разработке плана обороны Могилева, в подготовке мероприятий по развертыванию партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск на территории временно оккупированных областей Белоруссии”.

Как видите, Ворошилов не покидал Москву в самый критический момент, начала войны. Отправлен был Сталиным на фронт после разборок с военными и партийцами в Наркомате обороны, которым были близки позиции “Ставки”. А о маршале Шапошникове, чуть подробнее, по тем дням, мы поговорим в другой главе.

“По возвращении с фронта Климент Ефремович пробыл в Москве опять же недолго. Дело в том, что **10 июля** его назначили главнокомандующим войсками Северо-Западного направления и он в тот же день специальным поездом убыл в Ленинград, взяв с собой полковника Л.А.Щербакова, подполковника Л.М.Китаева и меня. Остальные работники секретариата остались в Москве, чтобы оттуда держать связь с маршалом по неотложным делам”.

Вот так и завертелось колесо войны нашего героя. А по приведенному выше, что сказать? Значит, было, что скрывать цензорам из Политиздата в мемуарах генерал-майора Петрова Михаила Ивановича о его деятельности в Комитете обороны, коли “срубили” его предвоенные воспоминания “под самый корешок”. Да еще пририсовали 10-е июля, дескать, именно, тогда было назначение Ворошилова главкомом. Как было на самом деле, с назначением Климента Ефремовича, читатель узнает в самостоятельной главе “Главные направления”.

Когда Сталин вернулся в Кремль, было уже не до Комитета Обороны, который осуществлял связь с Красной Армией через Наркомат обороны. Необходим был контроль уже за самими военными из Наркомата, что Сталин последовательно и сделал. Сначала взял под контроль Ставку, со всеми ее функциями, на тот момент, а затем установил жесткий контроль и за самим Наркоматом. Не лавров Победы жаждал вождь, каким пытаются его нарисовать некоторые недобросовестные историки, а он сделал попытку остановить надвигающуюся катастрофу разгрома Красной Армии, которую подстроили деятели “пятой колонны”. Для этого и взвалил на свои плечи непомерную ношу ответственности, возглавив ГКО, Наркомат обороны, и одновременно, не снимая с себя обязанностей, как и главы правительства. На тот момент, надо было быть именно Сталиным,

чтобы в тяжелейших условиях войны справиться с возложенной на себя колоссальной по сложности задачей, решить которую не смог бы ни один человек!

Глава 19. Почему Молотов не написал мемуаров?

Зададимся вопросом, почему Молотову было “трудно” вспоминать всё, что связано с событиями первого дня войны? А давайте поближе ознакомимся с текстом выступления Вячеслава Михайловича по Всесоюзному радио 22 июня 1941 года. Ведь это же официальный документ, озвученный по радио, и судя по всему, не может же быть фальшивкой? Давайте, внимательно вчитаемся в текст документа.

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Советское правительство **и его глава товарищ Сталин** поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, **в 4 часа утра**, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — **Житомир, Киев, Севастополь, Каунас** и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. **Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.**

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к Советскому Союзу по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в **5 часов 30 минут утра** сделал **мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел**, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза **в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.**

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на Советский Союз, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы **и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией.** Такой же ложью и провокацией является **вся сегодняшняя декларация Гитлера**, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины. Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой

кроважидных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, **вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.**

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

(ЦГАЗ СССР, № П-253. Вр. зв. 15.38 — Тонфильм)

Итак, я утверждаю, что у Сталина в сейфе в Кремле находился мобилизационный пакет на случай войны, в котором предусматривался, к примеру, и проект документа с текстом для выступления главы правительства по радио в случае нападения Германии. Есть такое мнение, что песня “Священная война” была написана заблаговременно и ждала, как говорится, своего часа. Почему же проект речи не мог быть подготовлен заранее. Так как, все абсолютно, предусмотреть невозможно и дату нападения тоже, в тексте были, наверное, умышленно сделаны пропуски, в которые без труда можно было внести соответствующие правки и уточнения. Думается, что текст готовился для выступления самого Сталина, т. к., сообщение носит чисто информационный характер и только констатирует сам факт нападения Германии, не привязывая Сталина ни к каким обязательствам. Очень многие люди в своих воспоминаниях ссылаются на это несоответствие: ждали выступление по радио Сталина, а услышали Молотова. Как видите, этот текст озвучил заместитель председателя СНК и ничего страшного в стране и мире не произошло. Разумеется, Молотов, мог внести в подготовленный текст небольшие дополнения, которые вытекали из полученных сообщений от военных по факту нападения Германии, и не более того.

Все, предполагаемые дополнения, внесенные в текст выступления Молотова, мною выделены **жирным** шрифтом, курсивом и подчеркнуты. Как видите их немного. Представьте себе, что их в тексте нет. Без них содержание выглядит абсолютно “нейтральным” и его можно было подготовить задолго (условно говоря) до 22 июня 1941 года.

А теперь разберем вставленный текст по порядку. Убрав слова “**и его глава товарищ Сталин**” лишний раз убеждаешься, что текст написан вполне для Сталина и по стилистике, вероятней всего Сталиным. Но, по-видимому, Молотов сделал эту приписку не только для придания тексту большей весомости, но и по каким-то другим, лишь ему, понятным причинам подчеркнув, что во главе советского правительства, по-прежнему, находится Сталин.

Неужели, Сталин, находящийся в Кремле, этим предложением хотел подчеркнуть свою значимость, чтобы, дескать, не забыли, кто он есть? Сталин никогда не страдал “бонапартизмом”.

Ведь, по ситуации, можно же было сделать Молотову более простое вступление:

“По поручению Советского правительства хочу сделать следующее заявление и т. д.”.

Однако написано, именно, так. И это, неспроста.

Далее. Нужно время нападения “**4 часа утра**” легко подставить. Что ж, разве мы не знаем, когда на нас напали? Тот же Жуков из Генштаба сообщит, с точностью до минуты. Ведь, ему же звонил командующий Черноморским флотом Октябрьский. А вот к перечисленным в тексте городам: **Житомир, Киев, Севастополь, Каунас**, следует присмотреться. Действительно, а бомбили немцы Киев впервые часы агрессии, как нас уверяет товарищ Жуков, или нет? К городу Киеву, мы еще с вами вернемся, а сейчас обратите внимание вот на что! Расхождение с Жуковскими мемуарами — отсутствует город Минск, но зато присутствует город Житомир. Эта речь озвучена в день нападения Германии в 1941 году, по горячим следам, а мемуары писаны в 60-х годах, в “домашней” обстановке. Было, как говорить, время подумать. А что нам говорит хрущевская “История Великой Отечественной войны” тех лет? Она скромно умалчивает о городах подверженных бомбардировке и отделяется общими фразами: “Фашистская авиация подвергла варварской бомбардировке многие города прибалтийских республик, Белоруссии, Украины, Молдавии и Крыма”.

Как видите, по сравнению с “Выступлением по радио...” появилась республика Белоруссия, но в чистом виде, без городов, как и другие республики, плюс Крым, о которых в речи Молотова тоже, не было сказано, ни слова.

Обратимся за разъяснениями к более поздней по изданию, брежневской “Истории второй мировой войны”, 70-х годов. Та дает новую версию бомбардировок Германией Советского Союза впервые часы войны:

“Ее авиация произвела массированные налеты на аэродромы, узлы железных дорог и группировки советских войск, расположенные в приграничной зоне, а также на города Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Одесса, Севастополь”.

Здесь, как и в “Выступлении по радио...” приведены города, подвергшиеся бомбардировке, плюс появились Минск и Мурманск. Какая разница, скажет иной читатель? Что, разве Молотов мог точно знать, какие города бомбили утром 22 июня, а какие нет? Что ему передали из Генштаба, то он и озвучил. А в последующих “Историях” просто уточняли факты бомбежек, вот и все. На первый взгляд это может и так, но не будем торопиться с таким поспешным выводом. Молотов может и не знал, какие именно города бомбили немцы, зато это хорошо должен был знать Жуков! Ведь именно он, как начальник Генштаба и обязан был доложить правительству и Политбюро о нападении Германии и его последствиях. Вот он и доложил, а Молотов, базирясь на его данных, внес их в текст “Выступления”. Не из своей же головы взял он данные о бомбардировке? Почему же не только о Минске нет ни слова, нет ни слова о самой Белоруссии? Согласно версии Жукова (помните его мемуары?) — нет связи с Западным округом. Кстати, когда в Наркомат обороны, якобы, 29 июня приехал Сталин и члены правительства, по воспоминаниям Микояна, то связи с Западным округом тоже, почему-то, не было. Правда, Жуков выкручивался, говоря, что связь,

Советские люди слушают по радио правительственное заявление В.М.Молотова.

22 июня 1941 года.

дескать, была, да вот перед самым приездом высокого начальства вдруг прервалась. Так что, если “нет информации из Западного округа”, то откуда в сообщении Молотова Минску взяться. Зато Жуков, утром 22 июня подбросил Молотову со товарищами, город Житомир, чтобы создать в их представлении ложную картину: якобы, главное направление удара немцев — на Украине. Смотрите сами! Получается всего два направления удара немцев: на северо-запад — Каунас (кстати, с 20 по 40 годы был столицей Литвы) и на юго-запад — Украина (Житомир, Киев). Севастополь стоит особняком — военно-морская база Черноморского флота, а другие города Крыма не бомбили. После такой представленной правительству и Политбюро чудовищной лжи, да еще и румыны “границу обстреляли”, Жуков и помчался на Юго-западный фронт, якобы, “помогать” руководству фронтом, а фактически его разваливать. Он же знал ситуацию в Западном округе, но скрыл. А там-то, “свой” Павлов, фронт открывает, одним словом, бездействует. Теперь надо немцам помочь здесь, на Украине.

Но, задержимся немного, чтобы еще раз обратить внимание на отсутствие информации о Западном округе. Давайте, взглянем на черновик Директивы № 2 приведенный в книге А.Б.Мартиросяна “Трагедия 22 июня” на стр. 423. Вроде бы рукой Жукова там написано: “... немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль Западной границы и подвергла их бомбардировке”.

А почему же Молотову не сообщили об этом? Он бы, наверное, вставил бы это в свою речь? Белоруссия на тот момент еще входила в состав нашего государства. Опять, наверное, Жукова скромность подвела?

Но, а что там было в Западном округе, впервые дни войны, требует отдельного расследования, поэтому снова ограничимся лишь воспоминаниями заместителя командующего округом генерал-лейтенанта И.В.Болдина. Хочу обратить внимание читателей на такой факт, что все руководство Западного округа было отдано под суд и расстреляно, кроме, заместителя Павлова, упомянутого выше И.В.Болдина. Как он избежал карающей руки Военного трибунала, тоже отдельный разговор. Итак, предлагаемый отрывок, с небольшими сокращениями:

“Разведка установила: к 21 июня немецкие войска сосредоточились на восточно-прусском, млавском, варшавском и демблинском направлениях... Пожалуй можно считать, что основная часть немецких войск против Западного Особого военного округа заняла исходное положение для вторжения...”

Оперативный дежурный передал приказ командующего немедленно явиться в штаб... Через пятнадцать минут вошел в кабинет командующего...

— Случилось что? — спрашиваю генерала Павлова.

— Сам как следует не разберу. Понимаешь, какая-то чертовщина. Несколько минут назад звонил из третьей армии Кузнецов. Говорит, что немцы нарушили границу на участке от Сопочкина до Августова, бомбят Гродно, штаб армии. Связь с частями по проводам нарушена, перешли на радио. Две радиостанции прекратили работу — может, уничтожены. Перед твоим приходом звонил из десятой армии Голубев, а из четвертой — начальник штаба полковник Сандалов. Сообщения неприятные. Немцы всюду бомбят...

Наш разговор прервал телефонный звонок из Москвы. Павлова вызывал нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко. Командующий доложил обстановку... Тучи сгущались. По многочисленным каналам в кабинет командующего стекались все новые и новые сведения, одно тревожнее другого: бомбежка, пожары, немцы с воздуха расстреливают мирное население... Оказывается, с рассветом 22 июня против войск Западного фронта перешли в наступление более тридцати немецких пехотных, пять танковых, две моторизованные и одна десантная дивизии, сорок артиллерийских и пять авиационных полков...

Снова звонит маршал С.К.Тимошенко. На сей раз обстановку докладывал я...

В моем кабинете один за другим раздаются телефонные звонки. За короткое время в четвертый раз вызывает нарком обороны. Докладываю новые данные. Выслушав меня, С.К.Тимошенко говорит:

— Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам.

— Как же так? — кричу в трубку. — Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гибнут люди!

Я очень взволнован. Мне трудно подобрать слова, которыми можно было бы передать всю трагедию, разыгравшуюся на нашей земле. Но существует приказ не поддаваться на провокации немецких генералов.

— Разведку самолетами вести не далее шестидесяти километров, — говорит нарком.

Докладываю, что фашисты на аэродромах первой линии вывели из строя почти всю нашу авиацию. По всему видно, противник стремится овладеть районом Лида для обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки западного фронта, а затем концентрическими ударами в сторону Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск перерезать наши основные коммуникации. Настаиваю на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной.

Но нарком повторил прежний приказ: никаких мер не предпринимать, кроме разведки в глубь территории противника на шестьдесят километров”.

Мемуары Болдина опубликованы в 1961 году, то есть, задолго до Жуковских опусов. Это было время, когда началась кампания по уничтожению имени Сталина. Решения XXII съезда претворялись в жизнь. Как видите, связь с Павловым была, но “нехороший” Сталин, дескать, запретил по немцам стрелять. Тогда, “сыпется” версия “об отсутствии связи с Западным округом”. Все же, видимо, при издании Жуковских мемуаров, решили убрать звонки наркома Тимошенко, а “отсутствие связи” сохранить. Иначе, чем объяснить “молчание” командования Западного округа.

Если всё, что происходило в первые часы немецкой агрессии в Западном округе, действительно, было скрыто от руководства страны, то, что оно могло подумать? А может, действительно, там, в Белоруссии, на самом деле, нет никаких военных действий? Тогда стоит ли командованию ЗапОВО, в эти утренние часы, посылать условный сигнал на ответные военные действия, если там, на границе тихо? А в других округах, все ли так тревожно? Может, ограничиться посланием, командующим округов, какой-нибудь Директивы? Думается, что именно такой расклад сил, “умело” преподнесенный военными наверх, к руководству страны, явился основанием к составлению Директивы № 2, которая и ушла, в конце концов, в округа, связав, таким образом, руки командирам по выполнению поставленных задач находящихся в “красных пакетах”. Хитрый Жуков знал, что делает. Директива № 2 —это своего рода, тот же саботаж. Это Сталину, трудно “лапшу на уши навесить”, а этим “ничтожествам”, из правительства, что ни дай, все проглотят.

Кстати, Болдин сообщает, что

“наконец из Москвы поступил приказ немедленно ввести в действие “Красный пакет”, содержащий план прикрытия государственной границы. **Но было уже поздно.** В третьей и четвертой армиях

приказ успели расшифровать только частично, а в десятой взялись за это, когда фашисты уже развернули широкие военные действия”.

Это надо понимать, что дело с расшифровкой Директивы, просто напросто забросили за ненадобностью, так что ли?

Возвращаемся к речи. Вот еще одна наживочка Георгия Константиновича, которую Молотов заглотнул:

“Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории”.

Откуда Молотов это взял? Разумеется из Генштаба, от Жукова. Кто же, как не он, должен был поставлять военную информацию руководству страны?

В этом деле удивительно другое. Если и стреляли румыны с финнами по советским воинам, то почему же тогда вступили в войну с Советским Союзом, официально 26 июня, а не предъявили ноты о разрыве дипломатических отношений вместе с Германией. Молотов не дал по этому поводу никаких объяснений. Запомню, да и в архивы не пустили. Разве вспомнишь в круговерти дел, кто и когда объявлял нам войну. Хорошо, что про Германию вспомнил. Видимо, потому, что выступал по радио.

Да, но бомбили-то мы румынский Плоешти, значительно раньше 26 июня. Не попахивает ли это, своего рода, провокацией, уже со стороны наших военных, как оправдание факта нападения Германии. Это все, ведь, играло на руку лишь только заговорщикам и Гитлеру, чтобы ему иметь очередной повод объявить о нашей агрессивности. Уж не вложили ли в мобилизационные пакеты командующих ВВС, например, Юго-Западного фронта т. Птухину, какую-нибудь “провокационную гадость”? Иначе, чем объяснить его “таинственное” исчезновение с поста командующего ВВС, тайный арест и расстрел с группой военных 22 июля 1941 года. То, что это были “проделки” Хрущева и Жукова, лишний раз заставляет быть внимательным к данному вопросу.

Но и это еще всё. Темное дело и по Финляндии, по поводу бомбардировок ее территории. Как и Птухин, 27 июня “таинственно” исчез со своего поста начальника авиационного отдела ВВС 7-ой армии Северного фронта — И.И.Проскуров, впоследствии, якобы, расстрелянный по приговору Военного трибунала в октябре 1941 года.

Цитирую по книге В.Конева “Герои без Золотых Звезд”:

“Ему ставилась в вину принадлежность к **“антисоветской военно-заговорщической организации”**. Как следует из документов, он был “...признан виновным... по возвращении из Испании тормозил боевую подготовку летного состава, не боролся с аварийностью... Виновным себя не признал”... Вплоть до середины 80-х о нем писали, что “умер генерал Проскуров в годы Великой Отечественной войны”.

Понятно, что умер в тюрьме, унеся с собою, как свидетель, все тайны по началу войны.

Конечно, неплохо было бы узнать, на основании, чьего приказа бомбили Финляндию? Не знаю, как было по отношению к Румынии, но перед финнами наш посол в Хельсинки П.Орлов принес извинения от лица Советского Союза. Финны, тоже, небось, Советское радио слушают. Подробнее об истории с Финляндией мы поговорим, когда будем рассматривать “дело Новикова”.

В данном случае, по поводу Финляндии, Молотов с товарищами из Политбюро, явно “лопухнулись” — это факт. Доверился, Вячеслав Михайлович, военным, тому же Жукову, не перепроверил

сведения и запустил “дезу” на весь мир. Поэтому и сказал Ф.Чуеву, что “на Жукова надо ссылаться осторожно”. Ну, задним умом, мы все сильны!

Тут наши военные, из верхов, везде хитрили, где могли. Прикрываясь финской “угрозой”, с Прибалтийского округа сняли мощный 1-й мехкорпус, ослабляя тем самым оборону на пути немецкой группы “Север”, и перебросили его далеко на север. Но и это еще не все. Корпус “распушили”: часть его перебросили на Карельский перешеек, другую — загнали в леса восточной Карелии, где бойцы затаились и, как показало время, надолго.

Следующей вставкой по тексту у нас идет время вручения ноты Германского правительства, **“5 часов 30 минут утра”**.

Тут Молотов может себе поставить “плюс”, хотя, конечно же, как говорят, не обошлось без подсказки Иосифа Виссарионовича “Как себя вести с немцами в случае войны?”. Бытует мнение, что, дескать, узнали через разведку, когда немцы собираются вручить ноту и сорвали им представление на тему: “Как выглядеть “белыми и пушистыми” при нападении на Советский Союз?”. И как немецкий посол Шуленбург, якобы, не крутился, чтобы вручить ноту до начала военных действий, ничего не получилось! Сорвали, дескать, с них маску “миротворцев”. Так им и надо, фашистам проклятым! Когда факт агрессии пол-четвертого утра подтвердился, Молотов принял посла Германии значительно позже, в 5.30 утра, что и засвидетельствовал, дескать, в своем выступлении.

Но это всё наша официальная точка зрения, которая подчеркивала агрессивную сущность Германии. И это правда, об агрессивности, — да, не в ней, суть. Маленький нюансик. Молотов говорит в речи, что, дескать, Германия напала **“без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны”**. А как же нота, которую он получил, как говорит в своей речи в 5.30 утра? Для чего же ему вручил ее Шуленбург? Ведь не для того же, чтобы Молотов сходил с ней “до ветра”? В ноте и были изложены все претензии к Советскому Союзу. Однако, Молотов о них не захотел сказать “гражданам и гражданкам Советского Союза”? Опять вопросы, связи с непонятными ответами.

По данному случаю, может быть и другая трактовка событий, которая уже ни как не украсит, нашего уважаемого Вячеслава Михайловича.

Итак, начались приграничные военные сражения. Информация, наконец-то, дошла до Кремля и до Молотова. Надо же получить объяснения от Германской стороны, по поводу случившегося. В конце концов, Гитлеру, судя по всему, может было и наплевать, что о нем подумает мировая общественность? Подумаешь, признают агрессором. Кстати, в своей речи, как уверяют многие историки, 22 июня(?) он заявил, что наносит превентивный удар. Он же знал, что победителей не судят! К тому же, думал ли он в июне 41-го, что будет в 45-ом?

Поэтому, может быть, было дано указание Шуленбургу, специально затянуть время с вручением ноты, с тем, чтобы как можно максимально извлечь выгоду из внезапного нападения? Смотрите сами: начало агрессии 3.30, а вручение ноты, как нас уверяют, тот же Молотов — 5.30. Так, что неизвестно еще, кто кого “перехитрил”. То-то, наш официоз “затемнил”, при публикации со временем получения телеграммы послом Шуленбургом из Берлина. Молотов, поэтому и вставил в текст речи, что нападение произошло в “4 часа утра”, чтобы, хоть, как-то сгладить этот колоссальный разрыв по времени от начала агрессии — до получения ноты. А то вырисовывается совсем уж “интересная” картина. Нас “утюжат” на границе целых 2 часа, а руководство страны только через немецкое посольство узнает, что нам объявлена война? Хотелось бы, наоборот, чтобы максимум, через полчаса после стрельбы на границе, Молотов отрывал бы ручку от дверей немецкого посольства и требовал объяснений от Шуленбурга. А то, у Жукова, читаем, “принять посла поручили В.М.Молотову”. Хорошо, хоть без торжественного завтрака и почетного караула.

Но, есть и **третья версия** случившегося, которая скрывается от нас, и по сей день. Германия напала на нас с соблюдением всех приличествующих в этом отношении международных норм, если так, дипломатично, можно назвать начало войны. Вот эта тема наиболее интересная. Мы о ней поговорим попозже в отдельной главе.

А пока продолжим дальше идти по речи Молотова. Рассмотрим выделенный текст, по поводу “провокаций румын”. Видимо, Молотову сообщили об информации, прозвучавшей по румынскому радио, что их бомбили русские, вот он и сделал эту вставку. Надо полагать, что в отличие от румын, финны по своему радио промолчали, иначе Вячеслав Михайлович и их бы, “заклеймил позором”, в своем выступлении. Обратите внимание, что здесь, этот текст-вставка, является, как бы инородным телом, потому что, речь в документе, в основном идет о Германии. Откуда появились румыны с финнами? Сталин, не позволил бы себе такую небрежность в вопросах международных отношений.

Ну, и заключительная фраза (... сплотить свои ряды... “вокруг нашего великого вождя товарища Сталина”). У меня нет никаких сомнений в том, что эту фразу вставил в текст лично Вячеслав Михайлович, чтобы придать тексту более сильную эмоциональную окраску. Понимая, что Сталин, в данный момент отсутствует в Кремле, то, свое тревожное состояние, по поводу неопределенности этой ситуации, Молотов абсолютно правильно воплотил во фразе о вожде, чтобы консолидировать силы общества в связи с пришедшей бедой, началом войны. Молотов, конечно же, сознавал, что Сталин именно та, яркая и незаурядная личность, вокруг которой и могут сплотиться и партия, и правительство, и народ, к которому он обращался в своей речи. Уверен, что будь Сталин в Кремле и даже, поручив, предположим, выступать по радио Молотову, Сталин не мог так редактировать текст, чтобы выпячивать свою фигуру. Не такой он человек!

Кстати, редакторы, под руководством А.Н.Яковлева, подготовившие текст речи Молотова к публикации в сборнике “1941 год”, дали следующее пояснение. Данный текст речи, мол, приведен по изданию в Центральной прессе от 23 июня 1941 года. В речи же Молотова по радио 22 июня слова “и его глава товарищ Сталин” и “вокруг нашего вождя товарища Сталина” отсутствуют. Подтекст пояснения таков, что Молотов речь прочитал без слов “...товарищ Сталин”, а, дескать, сам Сталин, на следующий день, чтобы возвеличить свое имя приказал в газетах впечатать слова о себе.

Что ж, такое объяснение, тоже может сыграть в пользу нашей версии. Молотов же, точно знал, что Сталина нет в Кремле. Поэтому взял, да и зачеркнул в тексте речи слова “товарищ Сталин”. Будет, мол, знать, как сбежать из Кремля! А товарищ Берия, ясное дело — “злодей”, наверное, поехал к Сталину на дачу и “настучал” об этом случае. Иосиф Виссарионович, разумеется, рассердился и приказал во всех газетах на следующий день напечатать то, что поведали нам доблестные историки под руководством “мудрого” Александра Николаевича Яковлева. Им бы сказки писать для детей, а не историей заниматься.

Кстати, приведенный текст речи Молотова опубликован в сборнике “История советской радиожурналистики” (издательство Московского университета — 1991 год). Дана ссылка на Центральный Государственный Архив Звукозаписи. Указано даже: **Время звучания речи — 15. 38 минут.**

Но я не ограничился лишь текстовой частью. В интернете на сайтах есть звуковая запись выступления Молотова по радио 22 июня 1941 года. Читателю, очень даже полезно послушать. Молотов, как известно, страдал небольшим дефектом речи — слегка заикался. Первые предложения, прочитанные им — верх волнения. Чувствуется огромное эмоциональное напряжение, охватившее его в первые минуты у микрофона, да, к тому же, и легкое заикание. Постепенно Вячеслав Михайлович успокоился, если это слово можно применить к данной ситуации, и закончил выступление вполне достойно. Автор проверил на слух текстовую часть и внес в речь Молотова, приведенную выше, правки. Имевшие место написание слова “СССР” по

тексту, кроме одного случая, Молотов читал, как “Советский Союз”. Так что, никаких поправок к публикации речи в прессе Сталин, надо полагать, не делал. Так-то, вот!

Подошло к концу краткое исследование речи Молотова от 22 июня. И где же здесь, скажите, хвалиться Вячеславу Михайловичу, которого военные обвели вокруг пальца? Лучше, конечно тактично “промолчать в тряпочку”, сославшись на забывчивость.

Кстати, отвечая на вопросы писателя Ф.Чуева, Молотов пояснил:

“Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

— Сталин участвовал?

— Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, **чтоб утвердить, а когда утверждают**, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

— А речь третьего июля он готовил или Политбюро?

Нет, это он. Так не подготовишь. **За него не подготовишь. Это без нашей редакции”.**

Скажите, где здесь Молотов соврал? Ведь кажется все абсолютно верно, от первого до последнего слова. И, тем не менее, это не вся правда. Особенно не понятно: “за него не подготовишь”. Это относится к Сталинской речи. А выступление о нападении Германии, значит, можно подготовить без него? Так надо понимать?

Кроме того, Сталин, по Молотову, участвовал в составлении речи 22 июня по радио, редактировал ее (упомянув о себе, почему-то, в 3-ем лице), утвердил ее, и после всего этого, закапризничал и послал выступать Молотова. Умеют, однако, выкручиваться дипломаты. Хотелось бы спросить, “уважаемого” Вячеслава Михайловича, а ноту протеста германской стороны он Сталину показывал? И что? Он, после этого, отредактировал текст своего выступления, безо всяких упоминания претензий немцев, глупостей на границах и прочего, о чем мы говорили выше? Ни за что, в это не поверю.

Давайте, чуть забежим вперед и обратимся к другой речи, знаменитому выступлению Сталина 3 июля 1941 года. Нигде, в тексте речи вы не встретите слово — “Сталин”, кроме словосочетания в названии коммунистической партии — “Ленина — Сталина”. А ведь мог, по мысли, усердствующих яковлевцев, разбросать по тексту речи свою фамилию “Сталин”. Что ж не разбросал? Ведь, всё в выступлении Сталина очень скромно, деликатно и по делу. Остановлюсь лишь на двух моментах в речи: ее начале и заключительной части, т. к. для нас, именно это и представляет интерес.

“Товарищи! Граждане! Братья и сестры!” — наполненные волнением и тревогой, прозвучали эти слова.

“Товарищи!”. Понятно, что в первую очередь Сталин обращается к членам партийных и советских органов и простым коммунистам, товарищам по партии.

“Граждане!” — ко всему обществу в целом, всем социальным слоям.

“Братья и сестры!” — выделяя из общества, людей верующих в бога, преимущественно православного вероисповедания. Отсюда и обращение, принятое среди верующих.

Далее, Сталин особо выделяет армию и флот.

“Бойцы нашей армии и флота!”

— акцентирует внимание на рядовых служащих, которые, по мнению Сталина, всегда несут основную нагрузку в войне. И как бы, объединяя все выше приведенные обращения в единое целое, Сталин неразрывно связывает их с собой и говорит с ними в особо доверительной форме:

“К вам обращаюсь я, друзья мои!”

Оцените, как кратко, емко и правдиво прозвучало обращение к стране. Без лишнего пафоса, напыщенности и фамильярности. Лучше не скажешь! Недаром говорится, что краткость — сестра таланта! И заключительная часть речи Сталина:

“В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, **создан Государственный Комитет Обороны**, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. **Государственный Комитет Обороны** приступил к своей работе, и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина-Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы”.

И далее уже идут предложения — лозунги, определяющие направления действий советского общества:

“Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!”

Ну, лозунги, они и есть лозунги. На них не стоит обращать особого внимания, а лучше рассмотрим, подчеркнутый мною текст.

Сталин дает понять всем, что до образования ГКО власть была, как бы, рассредоточена или находилась в других руках, надо полагать — военных (уж не кивок ли на “Ставку”?), но теперь она консолидировалась в лице нового органа государственной власти и не просто нового, а обладающего значительной властью в государстве! И посмотрите, как Сталин обозначил пирамиду власти: не власть плюс партия и плюс, военные или как-нибудь по-другому, а именно: партия плюс Советская власть, которые, надо понимать, и будут **над** военными. И никак иначе! Поэтому и был возрожден статус комиссаров в Красной Армии. За военными нужен был особый глаз да глаз!

Тут с этими заговорщиками просто беда: они ведь планировали создать новое правительство. Поэтому Сталин вынужден был написать не о сплочении просто, вокруг правительства, другого-то, ведь в понятии граждан нашей страны не было, а о сплочении вокруг именно, Советского правительства. Как бы, заранее отметая все будущие происки заговорщиков.

3 июля по радио выступил Председатель Государственного комитета Обороны И.В.Сталин.

Но, а мы снова, вкратце, вернемся к информационному сообщению о нападении Германии. Если следовать логике Молотова, что данное информационное сообщение есть “официальная речь”, то, что же тогда представляло собой июльское выступление Сталина? Почему сообщение о нападении готовили всем партийным “колхозом”, даже Сталин “редактировал”, а выступление 3 июля Сталин готовил один? К тому же, по уверению Вячеслава Михайловича, всю работу самостоятельно проделал именно он: “ так не подготовишь”. Почему Сталин не привлек к такому важному делу своих товарищей из Политбюро? Того же Молотова? Или теперь уже, сам Вячеслав Михайлович, вдруг заупряился: “Пусть лучше товарищ Сталин сам свою речь готовит”.

И Жукова Сталин тоже не привлек, как начальника Генштаба по военным делам, иначе Георгий Константинович отразил бы сей факт в своих мемуарах. Наоборот, Жуков писал, что в начальный период войны Сталин не очень прислушивался к военным.

Более того, сам же Сталин и озвучил по радио подготовленный им материал для предания его гласности всей стране. И заметьте, никто его особо не упрашивал сделать это. И Сталин, на удивление, не строил из себя капризную барышню, и его, упирающегося, не вели под руки к микрофонам товарищи из Политбюро. Как видите, вопросов возникает много, но Молотов, как обычно, по данным событиям, не многословен. А стоило бы!

Тут яковлевцы привели в сборнике документов по 1941 году **“Первоначальный текст выступления В.М.Молотова”**. Нам представили укороченный вариант, якобы речи Молотова, находящийся в архиве. Приведено и место его хранения АВП РФ. Ф.7. Оп. 1. П.2. Д.24. Лл. 1–4. Даже дано пояснение, что это рукопись с автографом. Надо полагать самого Молотова или опять Маленкова? Если это черновой вариант, то где тогда должен находиться подлинник выступления? Смущает еще одно обстоятельство. Зачем Молотов подписывал свое же выступление, тем более черновой документ. Для истории что ли? Чтоб потомки не забыли? Ладно бы в документе были соответствующие реквизиты для подписи? Их ведь нет и они совершенно не нужны. Если следовать в русле рассказа Вячеслава Михайловича, то документ для выступления по радио являл собой коллективное творчество членов Политбюро. Следовательно, если уж утверждать документ такого уровня, (а Молотов говорит, что данный документ утвердили), то должен быть соответствующий реквизит. Как документ “Выступление по радио” попал в руки Молотову? Если есть “Первоначальный текст...”, с подписью Молотова, то, что он с ним сделал? Принес в Кремль и предложил Сталину выступить с ним? Или предложил членам Политбюро заняться коллективным творчеством по редактированию “своего” текста? Нет? Хорошо. Этот “Первоначальный текст...” отредактировали, и товарищи по партии сказали Молотову, чтобы старый текст, как черновик, сдал в архив на память, а с новым текстом, так как Сталин “закочевряжился” и выступать не будет, поехал бы на радиостудию и зачитал на всю страну. Только потом, куда же этот “новый” текст задевался, если его нет в архивах? Наверное, передали газетчикам для распечатки, а они взяли его, да и потеряли.

Какая жалость! Для чего все это придумано с укороченным вариантом? Цель — скрыть факт наличия мобилизационного пакета у Сталина. А речь представить, как спонтанную реакцию на Германскую агрессию. Ведь присутствие настоящего документа из мобилизационного пакета вождя, вполне могло подтвердить мою версию о так называемой “рыбе”, где в документе имелись пропуски, которые должны были заполняться при начале войны и получении информации из Генерального штаба и Наркомата обороны, о чем было приведено выше. Но, кто же, тогда провел все манипуляции с документом из “красного” пакета вождя? И где же, именно, происходило “редактирование” текста по Молотову? В Кремле или на даче вождя? Снова вопросы, вопросы, вопросы ...

И возвращаясь к теме: “Был ли Сталин в Кремле 22 июня?” хочу подтвердить свою мысль, что Сталин мог редактировать с Молотовым текст выступления по радио, но было это раньше 22 июня. А вот дополнения и поправки, о которых мы говорили выше, внесенные в текст воскресного выступления по Всесоюзному радио, Молотов с членами Политбюро и правительства готовили, судя по всему, самостоятельно, ввиду отсутствия в Кремле Иосифа Виссарионовича. И не факт, что последнее “редактирование” происходило именно в Кремле, а из содержания данного “Выступления” вполне просматривается все то, что и определяет степень “ничтожества” Сталинского окружения.

Есть в речи Молотова один пикантный момент. Он ссылается на выступление А.Гитлера, якобы, прозвучавшее в этот же день: “Такой же ложью и провокацией является **вся сегодняшняя декларация Гитлера...**”

Правда, а в какой же день произошло это событие, в смысле, выступление Гитлера? Когда было совершено нападение или когда была вручена нота? Или это произошло одновременно?

Следовательно, узнав, когда по немецкому радио выступал Гитлер, легко понять, **в какой день Германия вручила нам ноту**, с обвинительным материалом, и **когда готовилось выступление Молотова по радио**? К тому же, думаю, не без интереса, читатель ознакомится и с самой речью фюрера Германии. Советским людям при Сталине, было не до неё, а после смерти Иосифа Виссарионовича речь, почему-то “засекретили”? Она и на Западе, в загоне, так что определенный интерес для читателя, безусловно, представляет. Но с речью Гитлера познакомимся, чуть дальше, по тексту и получим ответы на поставленные выше вопросы.

Глава 20. Наша “пятая колонна”

А для тех, кто все еще продолжает сомневаться о наличии у нас “пятой колонны”, предложу рассмотреть следующий факт. В “Журнале записи лиц, принятых Сталиным” за 23 июня встречается одна фамилия известная многим — Власик. Время прибытия в Кремль — 0.50 ночи. Правильно, скажут некоторые читатели, это зашел в кабинет Сталина начальник его личной охраны, что тут удивительного? Наверное, должен был сопровождать его домой, на дачу? Можно было бы согласиться с этой точкой зрения, но дело в том, что больше генерал Власик никогда в других днях, начиная с 23 июня, не упоминался. Почему? Давайте разбираться. По прибытию в Кремль функции генерала Власика и его подопечных перепоручались охране Кремля. Поэтому, Николаю Семеновичу не было необходимости сопровождать Сталина до кабинета, кроме, разумеется, личного распоряжения самого Сталина. А почему же зафиксирован именно этот визит генерала Власика в Кремлевский кабинет? Если мы исходим из предположения, что Сталина не было в Кремле 22 июня, а он находился на своей даче, видимо, в не лучшем состоянии здоровья, то неужели члены Политбюро, Советского правительства, военные, среди которых были и наши заговорщики, не были заинтересованы в получении информации о здоровье вождя? Заметьте, прошло 22-е июня, затем целый день 23 июня. Ведь война же идет! У кого они должны были получить подобную информацию о главе государства? Разумеется, у начальника личной охраны товарища Сталина. Поэтому, генерал Власик, по всей видимости, и был приглашен в Кремль, в кабинет вождя, чтобы рассказать о Сталине. Вы представляете себе то, нервное состояние, в котором, думается, пребывали все: и те, кто желал смерти вождю и те, кто верил в его счастливую звезду. Ведь заговор находился в подвешенном состоянии. Все те военные, которые были “пассивными” членами заговора, тоже напряженно ждали, в какую сторону качнутся чаши весов. Поэтому информация о состоянии здоровья Сталина, на тот момент, была наиважнейшей. Как видите, не смогли дождаться утра следующего дня. Видимо, все заинтересованные лица собрались, далеко за полночь, в его кабинете в Кремле. Посмотрите список лиц. Разобьем его условно, на группы: первая — Молотов, Ворошилов, Мехлис, Берия; вторая — Вознесенский, Ватутин, Тимошенко; третья — Каганович, Кузнецов (скорее всего нарком ВМФ). Условно, говоря, три группы. Первая — верные сторонники вождя. Вторая — те, которые хотели от Сталина избавиться. Третья — держащие “нос по ветру”. Обратите внимание, с какой скоростью покинули кабинет военные — Тимошенко и Ватутин, через пять минут после прихода Власика. А что там им еще делать? Главное узнали — Сталин пока жив, поэтому побежали советоваться: как действовать дальше? Думается, что и Сталинская гвардия “не в носу ковыряла”. Берия, например, мог, в “пику” легендарному Василию Ивановичу Чапаеву, удвоить охрану в Кремле, подтянуть к Москве надежные части войск НКВД, усилить охрану правительственных зданий. Климент Ефремович, как заместитель Сталина, мог усилить контроль над военными со стороны Комитета Обороны при СНК, пусть и отодвинутого в сторону образованной Ставкой, а Лев Захарович, со своей стороны, через политработников, мог “нажать” на колеблющихся, да сомневающихся. Важен конечный результат. Заговор-то, проваливается! Но облегченно вздохнуть еще было очень рано. Надо было ждать, когда Сталин вернется к активной жизни. К тому же заговорщики, явно, не бездействовали. Жуков, как упоминалось выше, помчался на Украину воплощать в жизнь решения “новоявленной Ставки”. Мерецков рванул по приказу “товарищей” в Ленинградский округ. В Западном же округе Павлов продолжал безнаказанно проводить свою подрывную деятельность.

Кстати, как это было, приведено выше, в мемуарах Болдина, с благословения самого наркома обороны Тимошенко.

Нам часто, по тексту, придется обращаться к воспоминаниям Валентина Михайловича Бережкова. Он приводит много фактов, которые при внимательном прочтении, рисуют совсем другую картину, на которую, видимо, рассчитывал сам автор. Во всяком случае, то, что приведено ниже, мне показалось довольно занимательным.

Между прочим, Хрущев, когда **умер Сталин**, сразу узрел опасность в существовавшем “жилищном режиме” высшего руководства. В любой момент все они могли стать пленниками Берии за Кремлевской стеной. И потому одним из первых актов Хрущева было постановление о выезде членов Политбюро из кремлевских квартир. Для них построили особняки на Ленинских горах. Но вскоре руководители предпочли выехать и оттуда. Пустующие особняки стояли, как своеобразный памятник “исхода” вождей из Кремля.

Не могло ли, случится так, что Лаврентий Павлович Берия заблокировал передвижение по Москве сомнительных членов партийной верхушки Кремля, с целью ограничения их передвижения по дальнейшей координации заговора. Высшая партийная верхушка была расколота по своему отношению к агрессии Германии. Не просто же так, пустили “под откос” самого Сталина? Иначе, с чего это так Хрущев, вдруг, обеспокоился “жилищным режимом”? Помнил, наверное, неудачу 1941 года?

Но все же, как же заговорщики проявили себя в Москве в первые дни войны? — спросят читатели. Чем они были заняты? Очень просто. Для них наступает, не менее важный, второй этап. Мало обозначить себя — все, мол, обязаны теперь подчиняться нам, военным: Ставка-то, во главе с Тимошенко образована. Сталин, пока “устранен” на неопределенное время. Надо попытаться реально взять власть в свои руки. Помните, выше мы рассматривали переворот 1953 года, когда убрали из Москвы командующего Московского округа и попытка переворота удалась. А что было в 1941 году? Тоже была попытка со стороны заговорщиков установить контроль над Московским военным округом. Сначала зададимся вопросом: “А кто командовал данным округом в 1941 году?” Откроем любую энциклопедию и военную тоже. Из нее узнаем, что командующий МВО — Артемьев П.А. Вступил в командование в октябре 1941 года. Резонный вопрос — а кто же был командующим ранее, например, с июня по октябрь 1941 года. А вообще, кто до Артемьева, командовал Московским военным округом. Энциклопедия молчит и, думается неспроста. В чем же здесь видится военная тайна? Простой, казалось бы, вопрос, но на него нет ответа.

Посмотрим, например, список участников совещания высшего руководящего состава РККА от 23–31 декабря 1940 года, то, есть, практически, всего за полгода до начала войны.

Московский военный округ — командующий, генерал армии Тюленев Иван Владимирович; член Военного совета, корпусной комиссар Богаткин Владимир Николаевич; зам. командующего, генерал-лейтенант Захаркин Иван Григорьевич; начальник штаба, генерал-лейтенант Соколовский Василий Данилович.

Мы видим, что округом на тот момент командовал Иван Владимирович Тюленев. А командовал ли он округом 22 июня 1941 года? Открываем мемуары Тюленева “Через три войны”:

“... Уже смеркалось, когда я покинул штаб Московского военного округа. Перед уходом из кабинета перевернул листок настольного календаря. Завтра — 22 июня, воскресенье. Правда, в последние месяцы воскресные дни были для меня нерабочими весьма условно: обстановка, несмотря на существование советско-германского пакта о ненападении, становилась напряженнее с каждым днем, и **у меня, как командующего округом**, дел было по горло.... А Москва была так хороша в этот последний мирный июньский вечер! Невольно вспомнились все события прошедшего дня. В полдень мне позвонил из Кремля Поскребышев:

— С вами будет говорить товарищ Сталин

В трубке я услышал глуховатый голос:

— Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?

Я коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал:

— Учтите, положение беспокойное, и вам следует довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов.

В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые тревожные сведения о планах гитлеровской Германии. Я тут же отдал соответствующие распоряжения своему помощнику по ПВО генерал-майору М.С.Громадину. Вечером был у Наркома обороны Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала-армии Г.К.Жукова. От них узнал о новых тревожных симптомах надвигающейся войны. Настораживала и подозрительная возня в немецком посольстве: сотрудники всех рангов поспешно уезжали на машинах за город.

Позднее снова зашел к Жукову.

— По донесениям штабов округов, — сказал он, — как будто все спокойно. Тем не менее, я предупредил командующих о возможном нападении со стороны фашистской Германии. Эти предположения подтверждаются данными нашей разведки.

Я поинтересовался, каково сейчас соотношение сил — наших и германских.

— **У немцев**, насколько мне известно, **нет общего превосходства**, - коротко ответил Жуков.

Итак, реальная опасность войны возникла совершенно отчетливо”.

Итак, что мы поняли из приведенного выше отрывка? На начало войны товарищ Тюленев — командующий МВО! С ним говорит, как нас уверяет мемуарист, сам Сталин, и в разговоре нет, и тени намека, на те, перемены, которые произойдут с Иваном Владимировичем буквально через несколько часов.

Что вызывает сомнение в этом отрывке? Как известно, 18 июня (!) был отдан приказ о приведении войск в **полную боевую готовность** при непосредственном участии в этом деле И.В.Сталина. И вдруг Сталин 21 июня (!?) интересуется у Тюленева о состоянии войск ПВО округа и дает тому указание довести боевую готовность данных войск до семидесяти пяти процентов? Мог ли состояться такой разговор Тюленева со Сталиным? Вполне, возможно, но думается, только до 18 июня. В противном случае, Сталин как всегда, выглядит полным невеждой в военных делах. Решил что, не “напрягать” Московский военный округ по части приведения его в боевую готовность? Смущает, однако, эта фраза тем, что о боевой готовности говорят в процентах, не указывая степень её готовности. Ведь, какой бы степени она не была назначена вышестоящим военным должностным лицом (повышенная или полная), она, т. е. боевая готовность или есть, или ее нет. Не является ли этот эпизод неудачной попыткой уверовать нас в том, что Сталин был в Кремле и накануне, 21 июня? Не просто же так исчезла в “Журнале” страница за 19 июня?

Рассматриваем дальше действия наших военных. Жуков, по воспоминаниям Тюленева, предупреждает(!) командующих округов(!) о возможности нападения Германии(!). Более того, ссылается на данные(!) нашей разведки. Кстати, мемуары Тюленева изданы практически в то же

время, что и мемуары Жукова. И наконец, Жуковское — “у немцев... нет общего превосходства” в силах. Почему же, в таком случае, немцы напали на нас? Наверное, не слышали Жуковских слов, а то бы, могли бы и передумать о нападении. И еще интересная деталь. Тюленев поехал субботним вечером 21 июня домой отдыхать, планируя, как провести следующий выходной день 22 июня. Вообще, этот факт, с отпусками на выходные дни, характерен для командиров всех уровней Красной Армии, что и настораживает. Как же так? На пороге война, 18 июня, как говорилось выше, отдан приказ о приведение войск в полную боевую готовность, и в тоже время, всем командирам разрешено покинуть расположение воинской части, а некоторым, даже, были выданы, увольнительные на воскресенье, 22 июня? Но, Жуков, как он рассказывает, спать не ложился. И Тимошенко тоже бодрствовал. А командующий Московским округом поехал отдыхать?! Дальше, начинается чистое “кино”!

“В 3 часа ночи 22 июня меня разбудил телефонный звонок. Срочно вызвали в Кремль. По дороге заехал в Генштаб. (Своеобразное понятие у “нашего Тюленева” срочного приказа с вызовом “в Кремль”. — В.М.). Жуков по ВЧ разговаривал со штабами приграничных военных округов. После телефонных разговоров он информировал меня о том, что немецкая авиация бомбит Ковно, Ровно, Севастополь, Одессу”.

Как видите, еще один вариант бомбежки советских городов в первый день войны. Правда, город Ковно — это старое название Каунаса, но появляются Ровно и Одесса, а Минска, по-прежнему, нет! Промолчал Жуков, насчет событий в Белоруссии. А где же немецкие диверсанты, которые всю связь порезали? Или они ее резали избирательно — только в Западном округе? Да, но исчез и Киев. Мы еще вернемся к этому моменту, чуть ниже.

“В Кремле меня встретил комендант и тотчас проводил к Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову. Климент Ефремович спросил:

— Где подготовлен командный пункт для Главного Командования?

— Такую задачу передо мной никто не ставил, — ответил я. — Штаб Московского военного округа и ПВО города командными пунктами обеспечены. Если будет необходимо, можно передать эти помещения Главному Командованию.

Затем Ворошилов объявил, что я назначен командующим войсками Южного фронта. Отбыть к месту назначения предлагалось сегодня же. (Вот видимо для чего была приведена попавшая, якобы, “под бомбежку” Одесса — иначе, какой же тогда Южный фронт? — В.М.). Вернувшись из Кремля, я немедленно направился в штаб МВО. Согласно моим указаниям он срочно выделил полевой штаб для Южного фронта и начал подготовку специального железнодорожного состава для отправки штабных работников на фронт... Вечером 22 июня (Уже? Быстро, однако, у военных разворачиваются дела. — В.М.) железнодорожный состав с полевым штабом Южного фронта ушел из затемненной, посуровевшей Москвы. В пути мы с исполняющим обязанности начальника штаба фронта генералом-майором Г.Д. Шишениным и членом Военного совета А.В. Запорожцем изучали район предстоящих боевых действий. Допоздна засиделись над оперативными картами, за разговорами о предстоящих боях...”

Что здесь интересного для нас? Ну, кто бы, в то время в 60-70-х годах, дал бы возможность Ивану Владимировичу написать правду? После всех цензурных барьеров нам, в данный момент, приходится довольствоваться тем, что есть. И, на том, как говорится, спасибо!

Во-первых, поехал Тюленев в Кремль, а заехал в Генштаб. Зачем? Во-вторых, оказывается и Ворошилов не спал! Только куда он потом делся, будучи заместителем Сталина, неизвестно. Жуков о нем в своих мемуарах, почему-то, и не вспоминает. Вообще, в этом эпизоде, Ворошилов выглядит чудаковатым. Маршал не должность, а звание, поэтому непонятно, чем руководствовался Ворошилов, отстраняя Тюленева от командования МВО, и правомочен ли был

это делать? Ворошилов был заместителем председателя Комитета Обороны при СНК, а Тюленев относился к Наркомату Обороны. Именно приказом данного ведомства его могли переместить в “нужном направлении”. Значит, военные редактора не хотели привлекать внимание к ведомству Тимошенко? А как понимать: “подготовить командный пункт для Главного Командования”?

Понятно, что Ворошилова подтащили к этим делам, но не удивляет ли сама постановка вопроса командующему МВО? Неужели наша военная верхушка, тот же Наркомат обороны, не предполагал, что начнется война и встанет вопрос о Главном командовании. Кстати, состав данного военного органа почему-то не приведен. И где же предполагалось разместить сей орган? Неужели, только, при первых выстрелах врага озадачились вопросом размещения? Скорее всего, появился внеплановый орган — Ставка, для которой и потребовалось новое помещение. Кроме того, скорее всего, заговорщики готовились прибрать к рукам Московский округ, поэтому и нацелились на его узел связи. Тюленев не мог же открыто написать о своих предположениях и тревогах. Разумеется, речь шла о новоявленной Ставке, которую просто не хотели расшифровывать так рано, в начале утра 22 июня. Она же официально была образована лишь 23 июня! Кстати, мемуары Тюленева вышли уже после смерти Ворошилова. Это так, к слову. А Ворошилов, между прочим, был отнюдь не глупым человеком, каким его представляют некоторые современные историки, и он, неплохо разбираясь в вопросах политики и военного дела. Вряд ли бы, Ворошилов не понимал значения ведущей роли командующего Московским военным округом, чтобы вот так, среди ночи, самостоятельно решать этот вопрос, к тому же не относящийся к его компетентности. Да и “Ставку” привязывать именно к Ворошилову, верному стороннику Сталина, что-то явно не из той оперы. Очень уж все это выглядит более чем подозрительным. Скорее, это сделано преднамеренно, но кем? не Ворошиловым же? Ведь только что, несколько часов назад, по воспоминаниям Тюленева, сам Сталин, глава государства, звонил ему, как командующему и интересовался о боевом состоянии ПВО округа. А если звонил не Сталин, то кто? И дальше не совсем понятными становятся действия заместителя Сталина Ворошилова. Вдруг, без объяснения видимых причин, он отправляет его, Тюленева, далеко от Москвы. На основании, какого приказа? Тюленев, конечно же знал, но как видите, промолчал, или ему не дали сказать? А если эта инициатива принадлежала не Ворошилову, то кому это было выгодно? К тому же Комитет обороны при правительстве — орган коллегиальный и сразу напрашиваются вопросы: “Когда же все это переиграли? В связи с чем? Когда успели согласовать и утвердить?”. И главное — где председатель данного Комитета обороны, сам Сталин? Дальше, в рассказе Ивана Владимировича, ясности не становится больше. Вместе с Тюленевым, почему-то, отправляется только его и.о. начальника штаба Г.Д.Шишенин и член Военного Совета А.В.Запорожец. Согласно справочным данным, генерал-майор Шишенин Гавриил Данилович был назначен начальником штаба МВО на основании приказа НКО № 0423 от 13 февраля 1941 года, а этим же приказом Соколовский Василий Данилович был переведен в аппарат Наркомата обороны. Значит Тюленев, немного ошибается в должности своего начштаба. Понятно, столько лет прошло. Или же опять “темнят” военные “консультанты”, чтобы не было понятно, с какой целью “вычищают” штаб Московского округа, с тем, чтобы заполнить его своими людьми? Но кто же, тогда оставался начальником штаба МВО на тот момент, 22 июня 1941 года?

В отношении Запорожца Александра Ивановича, армейского комиссара 1-го ранга, тоже не все гладко и понятно. Осенью 1940 года, его переводят с поста члена Военного совета МВО в Главное управление политической пропаганды Красной Армии на основании приказа НКО № 464 от 7.10.40 года. Весной 1941 года, 8 марта, на основании решения Политбюро (?) Запорожец А.И. становится одним из заместителей Наркома обороны Тимошенко. Но 21 июня его стремительно выдергивают из наркомата обороны и на следующий день назначают членом Военного совета еще не образованного Южного фронта, без ссылок на какое-либо решение. Таким образом, Запорожец попадает в состав группы представителей МВО убывшей на южное направление.

Если учесть тот факт, что Запорожец возглавлял Главное управление политической пропаганды в Наркомате обороны, то он был человеком, представленным от партии по контролю над военной верхушкой. Нарком не мог его снять с данной должности не получив согласие партийцев. Представляется, что только с согласия тех, кто в партии представлял “пятую колонну” Александра

Ивановича и направили на вновь образованный Южный фронт. Кто же были эти люди? Пока никто не признался в содеянном!

Теперь, что касается бывшего в то время членом Военного совета МВО корпусного комиссара Богаткина Владимира Николаевича. Он был назначен на эту должность согласно приказу НКО № 04898 от 31 октября 1940 года, а вот на основании чего, был переведен 22 июня с этой должности на пост главного редактора “Красной Звезды”, неизвестно. Он заменил ответственного редактора данной газеты Болтина Евгения Арсеньевича, который исчез с этой должности в неизвестном направлении. В справочнике не приведена даже дата его смерти? (Его фамилия значится в составе редакционной комиссии издания “Истории Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941–1945” в шести томах, кроме того, он выступил с критикой мемуаров Жукова, за что получил в свой адрес начальственный втык). И почему в Управлении кадров Красной Армии возникла такая острая необходимость в “пожарном” порядке “перетряхивать” командный состав именно, Московского Военного Округа, к тому же, в день нападения Германии — вопрос остается открытым? Продолжим рассматривать дальнейшие “приключения” И.В.Тюленева.

Представляется следующая картина: поезд стоит “под парами” и Тюленеву, судя по всему, приказывают срочно убраться из Москвы. Надо, видимо, было сделать еще и так, чтобы командующий Тюленев “тихо” и “быстро” убрался, не привлекая внимание к смене руководства Московского округа. Обратите внимание на скорость, с какой выпроводили Тюленева из Москвы! Под утро приказ, а к вечеру 22 июня(!) “сборный” штаб уже бодро катил на юг. Маршал Захаров М.В. в своих мемуарах о начальном периоде войны, тоже выразил недоумение по поводу приезда на Южный фронт работников, именно, штаба Московского округа.

“Формирование управления Южным фронтом, — пишет он, — **согласно мобилизационному плану** (а кто бы думал иначе? — В.М.), **предполагалось на базе штаба Одесского военного округа**”. А “такое решение не отвечало обстановке и было явно неудачным. Личный состав штаба МВО не знал данного театра военных действий и его особенностей, состояния войск, их возможностей и задач. Времени для изучения всего этого не было и т. д., и т. п.” отмечает всю эту нелепость Матвей Васильевич в своих мемуарах. Это более чем странно, даже, скорее преступно, не правда ли?

Ранее, мы уже говорили о том, что западные округа при начале военных действий, преобразуются во фронты. Упрощенно, конечно. И это подтверждается практикой. Об этом, тоже, говорилось. Но в отношении Одесского военного округа, это правило, почему-то не сработало, что и удивляет. В связи с этим еще, более удивительным и, в тоже время, нелепым, выглядит, так называемый “Черновик Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) “Об организации фронтов и назначениях командного состава” от 21 июня 1941 года, с автографом, как нас уверяют издатели документа, самого Георгия Максимилиановича Маленкова. В этом черновом варианте Постановления, (“подлинник”, может быть, в скором времени, когда-нибудь и “найдется” в архивах?) и приводятся сведения о назначении т. Тюленева командующим Южного фронта. А чтобы, видимо, не скучал один, назначается ему в помощники член Военного Совета Южфронта (так в тексте документа) товарищ Запорожец. Впрочем, желающие могут поближе познакомиться с данным шедевром военно-политической мысли неизвестного автора.

21 июня 1941 г.

Особая папка

I

Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием

Военного совета в Виннице.

2. Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО.

3. Членом Военного Совета Южфронта назначить т. Запорожца.

II

Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом Военного Совета Южного фронта, назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III

Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.

2. Членом Военного Совета армий второй линии назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.

3. Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному организовать штаб, с местопребыванием в Брянске.

IV

Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство (?) Юго-Западным и Южным фронтами, с выездом на место.

V

Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом, с выездом на место.

VI

Назначить членом Военного Совета Северного фронта секретаря Ленинградского горкома ВКП (б) т. Кузнецова.

По мысли изготовителей данного опуса, все несуразности данного документа, видимо, как они посчитали, можно отнести к некомпетентности в военных делах **секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова**, сугубо штатского человека, чья виза, дескать, стоит на этом документе. А тот специалист, который будет перепечатывать этот текст с рукописи, (может быть и простая машинистка) видимо, по своему усмотрению, все расставит по своим местам, как надо. Да вот незадача! Георгий Максимилианович, на тот момент, когда “лепилось” это постановление, был **кандидатом в члены Политбюро**, что по статусу выше секретаря ЦК. Видимо, “лепились” от истории не узнали такую тонкость, что Маленков 21-го февраля 1941 года получил новую партийную должность.

А вот, между прочим, как вспоминает о Г.М.Маленкове маршал авиации А.Е.Голованов:

“Я лично считаю, что это был у Сталина лучший помощник по военным делам и военной промышленности. Незаурядные организаторские способности, умение общаться с людьми и мобилизовать все их силы на выполнение поставленных задач выгодно отличали его...”.

И кому принадлежит “автограф Маленкова” на самом деле, нам остается только гадать? Скорее всего, кто-то из партийцев, причастных к “сталинской оппозиции”.

Так как, в тексте данного документа не сказано, по-военному четко и ясно, что “т. Тюленев” должен убыть к месту назначения в г. Винницу, то не совсем ясно, где же он собирался исполнять возложенные на него, данным Постановлением, обязанности? Даже, если предположить, что этот черновик и настоящий, во что, правда, верится с трудом, то в подлиннике-то документа, откуда тогда разъяснению взяться? Много чудесных тайн хранит русская земля. К примеру, как Иван Владимирович, согласно данному Постановлению, должен был руководить двумя военными структурами одновременно: Южным фронтом и Московским округом. В тексте приведенного “черновика” именно так и написано, черным по белому: “...с оставлением за ним (Тюленевым — В.М.) должности командующего МВО”. Вот и непонятно, или Иван Владимирович будет находиться в Москве — матушке и руководить по совместительству “Южфронтом”, или будет командовать в Виннице-красавице “Южфронтом”, а необходимые бумаги для Москвы, направлять в штаб округа. “Решили”, как видите, по второму варианту. Ну, понятно, что “Г.М.Маленков” не военный человек, но те-то, кто бумагу марал, может слегка поторопиться фронт организовать? Как явствует из “черновика” число-то, на календаре было, пока еще 21-е июня, и война-то, еще, как следует из официальных источников, пока не началась.

Кроме того, я несколько поспешил передать в руки т. Тюленева Одесский военный округ. Эти хитрецы, кто мастерил подобный документ, все сделали обтекаемо. Пойми их, составителей, куда они дели округ, и какие армии они имели виду, вводя их в состав Южного фронта? О прочих глупостях, этого “Постановления”, пока не будем распространяться.

А как обстояло с Южным фронтом на самом деле. В “Истории Второй мировой войны 1939–1945” т.4, стр. 500, читаем: **“25 июня — Директива наркома обороны о создании Южного фронта”**. Неужели Тюленева обманули в Москве, вложив в его руки поддельный документ? Ну, дела!

Нескоро еще, видимо, вручат Ивану Владимировичу настоящий документ о создании фронта. Продолжим, однако, изучать “необычное путешествие” И.В.Тюленева к месту его нового назначения без соответствующего на то приказа.

Вскоре, он со своим штабом проездом был в городе Киеве.

“Хотя мы знали, что Киев не пострадал(?) от внезапного налета фашистских самолетов, но взор настороженно скользил по вздымающейся к Печерску террасе крыш, выискивая последствия бомбежки. Нет, все в порядке! Наши зенитчики и летчики не дали врагу совершить свое черное дело. Город лежал перед нами в нарядном кружеве зелени. Внизу, правее моста, красная коробочка трамвая двинулась из Слободки в первый утренний рейс. С Днепра потянуло ключевой прохладой. Даже не верилось, что недавно над городом появились немецкие бомбардировщики”.

Как видите, Тюленев все же узнал (видимо из штаба округа?), что Киев бомбила немецкая авиация. Не из сообщений же Молотова по радио? Вот он и пишет, что “Киев не пострадал от внезапного налета фашистских самолетов” и приписывает эту заслугу, нашим зенитчикам и летчикам. Неужели в Киеве в ночь на 22 июня уже находились средства ПВО? В силу, каких причин они там оказались? То Сталин никого слушать не хочет о начале войны, то по непонятным причинам, вроде бы, в мирной обстановке в столице Украины развернуты средства ПВО? Есть ли этому какое-нибудь вразумительное объяснение?

Ну, а наши летчики истребительной авиации, что делали? Сбили они хоть один вражеский самолет? Или просто отгоняли немецкие бомбардировщики от города как стаю каркающих ворон? Не складывается ли у читателя ощущение, что Тюленев прибыл в Киев днем 22 июня. Обратите внимание на фразу: “Киев не пострадал от внезапного налета”. Вряд ли такое можно было сказать 23 июня? Что, немцы отбомбились накануне разок и хватит? Сомнительно? От нас скрывается, связанный с началом войны, очень важный момент. Поэтому некоторые действия и не находят должного понимания. Если, Тюленев прибыл в Киев 22 июня, то, что же тогда получается? Неужели его отправили из Москвы, просто страшно подумать, вечером 21 июня, задолго до

нападения немцев? Фантазии в данных мемуарах, поражают воображение. Данный сюжет, в таком случае получается не просто интересным, а таинственно-загадочным. Но, читаем дальше.

“Нас встретил представитель штаба Киевского особого военного округа. Полное лицо его осунулось, под глазами синяки, видно провел ночь без сна. Чуть охрипшим голосом он доложил о том, что нам уже было известно: обстановка на Юго-Западном фронте в результате внезапного вторжения немецко-фашистских войск сложилась тяжелая. Я осведомился о подробностях боевых действий Юго-Западного фронта за предыдущий день. Штабист смущенно развел руками: что делается за чертой Киева, тем более на дальних, приграничных рубежах округа, он не знает. Конечно, его нельзя было обвинять в этом. Немецкая авиация внезапными бомбовыми ударами в первые же минуты войны вывела из строя ряд важнейших линий и узлов связи. Я попытался связаться **из города** командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М.П.Кирпоносом, но телефон ВЧ не работал. Для переговоров по радио требовалось много времени(?), а я не мог ждать — спешил на командный пункт Южного фронта в Винницу”.

Полное бездействие части штаба КОВО, оставшегося в городе Киеве, ввиду отсутствия связи. А штабист, как видите, разводит руками. Как всегда поражает “точность” немецкой бомбардировочной авиации: с ходу разнесли узел связи штаба фронта. Что удивляет: связи ни с кем нет, но представитель штаба знает (откуда?), что обстановка на фронте “сложилась тяжелая”. Командующий Кирпонос не доступен, надо понимать, не только для Тюленева. Вызывает еще большее удивление и тот факт, что для связи по радио со штабом фронта требуется много времени? Видимо, надо посылать курьера на лошади.

Вроде бы, 24 июня Тюленев, наконец-то, прибыл к месту назначения в город Винницу. А тут и Директива из Наркомата обороны о Южном фронте подоспела, и вроде настоящая, как уверяют составители сборника “М.В.Захаров. Генеральный штаб в годы войны”. Правда не приведены ее выходные данные: № и дата, но это мелочь, по сравнению со всем тем, что мы уже видели раньше. Хорошо, что хоть здесь учтены все те замечания, которые мы предъявили к Постановлению. Нарком Тимошенко в **п.6** Директивы предлагает “Командующему войсками Южного фронта о фактическом вступлении в должность донести...” ему. Но не торопитесь радоваться, мы еще вернемся к этим многострадальным документам. А пока, читаем, что нам написал Иван Васильевич по прибытию в Винницу.

“Надо сказать, что по сравнению с Юго-Западным наш, Южный фронт считался относительно “спокойным”. В положении войск фронта за время с 22 июня и в течение нескольких последующих дней существенных изменений не произошло. Мы воспользовались этим затишьем, чтобы привести войска в боевую готовность (?), наладить четкую связь, подтянуть в самый кратчайший срок к границе и ввести в бой части прикрытия...”

Но спокойствие длилось недолго. Уже в ночь на 26 июня две дивизии противника под прикрытием сильного огня артиллерии и при поддержке авиации атаковали наши части в районе Скуляны, что в десяти километрах севернее Ясс. Им удалось форсировать Прут и захватить Скуляны. Контратакой 116-й стрелковой дивизии гитлеровцы были отброшены за реку, при этом они потеряли свыше 700 солдат и офицеров убитыми и ранеными”.

Из воспоминаний Тюленева вполне ясно читается, что никаких активных действий на румынской границе не происходило вплоть до 26 июня. А когда противник частью сил все же форсировал реку Прут, то получил “по зубам” и был отброшен на свои исходные позиции за реку. Вот если бы, везде так происходило на границе! Но, видимо, не все командующие фронтов похожи на Ивана Владимировича. Не может ни вызвать ироничной улыбки фраза о приведении войск “в боевую готовность”. Несколько дней идет война, севернее Одесского округа противник продвинулся на сотни километров вглубь нашей территории, а здесь что? курорт? или другие вооруженные силы?

Давайте, вновь возвратимся к событиям в Киеве. Довольно интересный момент по началу войны. Вот как К.С. Грушевой, бывший в ту пору вторым секретарем Днепропетровского обкома партии, описывает начало войны и события в столице Украины Киеве. У него на квартире под утро зазвонил телефон:

“Знакомый голос обкомовской телефонистки звучал виновато:

— Вас вызывает генерал Добросердов.

Генерал командовал размещенным у нас 7-м стрелковым корпусом. Это был опытный военный. Офицером он стал в годы первой мировой войны, сражался на фронте, а после Великой Октябрьской социалистической революции вступил в ряды Красной Армии. До назначения на должность командира корпуса К.Л.Добросердов почти семь лет командовал дивизией. Человек широко образованный, обладающий высокой культурой, он неоднократно избирался депутатом облсовета и Верховного Совета УССР, был кандидатом в члены обкома КП(б)У”.

И вот Константин Леонидович, обладающий “высокой культурой”, извиняется за столь ранний звонок и сообщает Грушевому пренеприятнейшие известия:

“— Германия напала... — услышал я приглушенный голос генерала. — На нас напала, Константин Степанович! Нынче на рассвете...”

Война с Германией?! Вызвав машину, я стал торопливо одеваться. С мыслью о войне примириться было невозможно...

По пустынным улицам езды до штаба корпуса не более пяти минут. Дежурный по штабу предупрежден о моем приезде, ожидает у входа...

В просторном кабинете Добросердова полно людей... Подтянутый, стройный. С едва заметной сединой на висках, генерал Добросердов протягивает телеграмму из Москвы.

Генеральный штаб Красной Армии открытым текстом сообщает, что гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Немецко-фашистские войска перешли западную государственную границу нашей Родины на всем ее протяжении. Ряд крупных советских городов впервые же часы нападения подвергся жестокой бомбардировке...

В телеграмме — приказ: привести войска в полную боевую готовность. Пробежав глазами крупный машинописный текст, медленно перечитываю телеграмму еще раз, стараясь осмыслить прочитанное. Все еще не хочется верить случившемуся. Добросердов смотрит выжидающе.

— Из Одессы не звонили? — спрашиваю. (В то время наша область входила в Одесский военный округ)”.

Руководство Одесского округа уже отбыло в Тирасполь. А оставшееся на замену начальство, что же? еще не сориентировалось, что ему делать? Вполне возможно, что информация из Москвы, могла просто напросто, еще не дойти до Одессы. Далеко, однако. А странная получается картина. Приграничные округа получают Директивы, которые требуют значительного времени на их расшифровку, а в тыловые комиссариаты можно отправлять сообщения открытым текстом. Кроме того, неясно с положением Одесского округа. Что же с ним случилось такое в Одессе, если, как уверяет читателей Грушевой, от местного начальства не получено никаких сообщений? Вот и генерал подтверждает сказанное.

“Добросердов отрицательно качает головой.

— А из Москвы?

— Не звонили. Только эта телеграмма... **Выполняю полученный приказ.**

— Поеду в обком. **Попробую связаться по ВЧ с Киевом.** Потом позвоню..."

Почему же Грушевой не стал добиваться связи с Одессой, а решил выяснить обстоятельства дела в Киеве? Согласитесь, какое-то, необъяснимое поведение? Ведь с началом войны в области начинается мобилизация под контролем Одесского начальства, а оттуда, ни единого сообщения.

Во-первых, полевое управление сформированной на базе округа 9-й армии, из Одессы убыло в Тирасполь, а во-вторых, в одной из последующих глав будет дан ответ, связи с чем, Грушевой отдал предпочтение Киеву.

"Вот и пятиэтажное здание обкома партии. Знакомые ступени подъезда... Проходим в кабинет..., где установлен аппарат ВЧ. Не тратя времени на объяснения, вызываю по ВЧ Киев. Киев отвечает... Прошу соединить меня со вторым секретарем ЦК КП(б)У М.А.Бурмистренко... но в этот момент киевская телефонистка быстро сказала:

— Нас бомбят, товарищ!

Так вот оно что! Киев бомбят!

Неожиданно в трубке раздалось:

— Соединяю с товарищем Бурмистренко!

Несмотря на бомбежку, незнакомая телефонистка не покинула пульт, выполняя свой долг. Молодец!

— Кто говорит? — кричит в трубку Бурмистренко.

— Грушевой! — кричу и я, думая, что могут не услышать. — Это я, Грушевой! Из Днепропетровска!

— А! Вы уже в курсе? ... Хорошо. **Разберитесь с мобилизационным планом(!)**, слышите?! Я позвоню позже!"

Если Бурмистренко посоветовал Грушевому, более внимательно разобраться с мобилизационным планом, следовательно, Константин Степанович в телефонном разговоре, высказал свои сомнения по данному плану? Почему же они возникли? Тем более, с началом войны.

Далее автор рассказывает, что собрался расширенный состав обкома партии, в который вошли кроме работников обкома и представители НКВД, облпрокуратуры, облвоенкомата, руководства железной дороги.

"Товарищи спрашивали о причине столь срочного вызова. Облвоенком Н.С. Матвеев эту причину уже знал. Он доложил мне, что **пакет с мобилизационным планом вскрыт** и облвоенкомат дал необходимые указания городским и районным военкоматам. Когда все собрались, я сообщил тяжелую весть о нападении фашистской Германии, рассказал о телефонном разговоре с товарищем Бурмистренко и его обещании позвонить позже... Прибыл генерал Добросердов. Он сообщил о приведении корпуса в полную боевую готовность".

Ну, так бомбили немцы Киев, на рассвете 22 июня или нет? Как видите, если и происходила бомбежка, то уж никак не ранним утром, а значительно позднее. Конечно, К.С.Грушевой не являлся непосредственным свидетелем, на которого падали бомбы, но важно то, что это происходило уже после того как в Днепропетровск из Генерального штаба пришла телефонограмма о начале военных действий со стороны Германии. Так что, Жуков намеренно лгал Молотову о предупредительной бомбардировке Киева. Видимо, хотел иметь веские основания, для того, чтобы смыться из Москвы. Сомнительно, что немецкая авиация бомбила Киев ранним утром. Бомбардировочная авиация немцев не могла разорваться на части в силу своей малочисленности. Ранним утром надо было накрывать бомбовым ударом аэродромы, особенно, истребительной авиации, узлы связи, важные в военном отношении объекты. Лишь после этих “процедур”, завоевав господство в воздухе, можно было углубляться вглубь советской территории. К примеру, бомбить столицу Украины — Киев. Как видите, для Жукова важно было в Москве напустить туману, чтобы проворачивать свои “темные” дела.

О мобилизационных пакетах упоминать, думается, уже, наверное, и не надо. И так понятно, что их вскрывали, как говорил ранее, по голосовому приказу. Мобилизационные планы автоматически вступали в действие по началу военных действий.

Хотелось бы отметить еще один факт, на который часто ссылался выше.

“Поздним вечером **23 июня** мы получили по телеграфу постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, определявшее задачи партийных и советских органов в условиях военного времени. Этот документ внес необходимую ясность, ответив сразу на множество возникших проблем и вопросов”.

После получения Постановления следует перерыв до 26 июня. Никаких значимых документов поступивших из недр высшей власти в мемуарах К.С.Грушевого не отмечено. Как всегда центральная власть “онемела” с 22 по 26 июня, а после — как видите, пожалуйста.

“Чрезвычайно важным был Указ Президиума Верховного Совета СССР **от 26 июня** об увеличении продолжительности рабочего дня и отмене очередных отпусков на военное время”.

И еще один полученный документ, видимо, на основании пришедшей из Центра директивы: “**26 июня** ЦК КП(б)У и СНК УССР направили партийным и советским органам областей и районов республики директивное распоряжение “Об исключительной организованности в подготовке и проведении уборки урожая 1941 года”.

Как всегда, не густо, на эти дни с 22 по 26 июня, с документами из Москвы. Всего-то один и упомянут.

Возвращаясь к упомянутому выше генералу Добросердову, следует заметить, что с конца июля 1941 года, после того, как вверенный ему 7-й стрелковый корпус “растворился” в боях, на необъятных просторах украинских полей, он поступил в распоряжение командующего Юго-Западного фронта. С августа, наш генерал “с едва заметной сединой на висках”, уже начальник штаба 37-й армии, войска которой обороняли Киев. В дальнейшем, судьба была к нему не благосклонна, — 5 октября 1941 года, генерал-майор Добросердов, был пленен и до конца войны находился в немецких лагерях. И лишь 3 мая 1945 года, вместе с группой советских генералов, был освобожден американскими войсками. После этого 22 мая он был отправлен в Париж в распоряжение Советской военной миссии по делам репатриации. После войны Константин Леонидович Добросердов пройдя спецпроверку в НКВД, 28 октября 1945 года был восстановлен в кадрах Красной Армии. В январе 1947 года окончил ВАК при высшей военной академии им. К.Е.Ворошилова, после чего находился в распоряжении Управления кадров Сухопутных Войск. С июня 1947 по март 1949 года находился на руководящей работе военных кафедр ряда высших учебных заведений. 31 марта 1949 года умер (?) в далеко непреклонных годах, находясь на должности начальника военной кафедры Московского юридического института. Разумеется,

мемуаров, которые могли бы прояснить, что же произошло с Юго-Западным фронтом, в начале войны, не оставил. А жаль! Дело в том, что 37-й армией, в тот момент, при обороне Киева, командовал Андрей Андреевич Власов. Значит, это у него Добросердов был в начальниках штаба! После ожесточенных боев попал в плен к немцам. Если вам доведется прочитать книгу В.И.Филатова о Власове, о которой я упоминал ранее, то представляется, очень занятая история произошла с нашим героем. Ни встретиться с Андреем Андреевичем у немцев в плену, наш герой не мог. Значит, воевал в армии Власова (РОА) против американцев на Западе, коли, к ним в плен попал. Отсюда, видимо, и льготная проверка в СМЕРШ, и восстановление в звании, и преподавательская работа в столичном вузе. Но, скорая смерть после войны — загадочна.

Теперь возвращаемся в оставленную Тюленевым Москву. Генерал-лейтенант Иван Григорьевич Захаркин, заместитель командующего Московским военным округом, почему-то, в отличие от Тюленева, был оставлен в Москве. По какой причине, приходится только догадываться? Возможно, по проведению мобилизационной работы.

Однако, если проводить параллели с заговором 20 июля 1944 года против Гитлера, то напрашивается аналогичное предположение, соответствующее указанному моменту. Может, Захаркин должен был бы поддержать заговорщиков, при условии, что первое лицо государства будет устранено. Но, как видно, у заговорщиков, не всё получилось, и Сталин, по счастью, остался жив. При таких обстоятельствах поддержки Захаркин открыто заговорщиков, т. е. отдай приказ войскам МВО о передвижении к Москве или вводе в Москву с последующими активными действиями, то при живом Сталине ему надо было бы сразу класть голову на плаху. А вот если бы Сталин был мертв, то ситуация была бы совсем другой. Но, Сталин, если и отсутствовал на своем рабочем месте, на тот период, но, как мы знаем, был жив! Думается, что если он и был в тяжелом состоянии, но официального-то сообщения о его смерти, ведь еще не поступало. Не просто же так, Молотов в своей речи, подчеркнул, что главой Советского правительства является Сталин. А то, никто и не знал, что Иосиф Виссарионович Председатель Совнаркома.

Поэтому Захаркин, возможно и воздержался от резких телодвижений и время, чтобы свергнуть сторонников Сталина, было упущено.

Может быть, существовал и другой вариант, без Захаркина на первых ролях. Например, был назначен новый и. о. командующего Московского округа. Потом, когда дело “не выгорело”, после 25 июня его “тихо”, куда-нибудь спихнули. Захаркин, как заместитель командующего, разумеется, много знал о событиях тех, первых днях войны. И знаете, как закончился жизненный путь Ивана Григорьевича? Осенью 1944 года, когда немецкие войска были вышвырнуты за пределы нашей Родины, вновь был образован Одесский военный округ, считай глубокий тыл. Захаркина выдернули из Действующей армии с поста заместителя командующего фронтом и перевели на должность командующего округом, где он вскоре и погиб при исполнении служебных обязанностей **в автомобильной катастрофе?! Хрущев, кстати, в это время был первым руководящим лицом на Украине и сидел в Киеве.**

А вот, что сразу сделал Сталин, когда возвратился в Кремль после “болезни”, так тут же назначил нового командующего. Ну и что, скажут скептики? Командующего ведь, на тот момент, не было? Поэтому назначили нового. Почему же не было, хочется возразить? А как же “Черновик Постановления Политбюро”, где Тюленев совмещает два поста командующих округами? Если и директива НКО приведенная выше существует, то смотрите какой огород нагородили. Тюленев уехал из Москвы, оставив округ без командования, так что ли? Ведь в должность он вступил, по Директиве Тимошенко, только, 24 июня.

А вот если этот “Черновик” — “туфта”, то, что же получается, на самом деле? Что такой важный, в политическом отношении округ до 28 июня был “бесхозным”? Почему до 28 июня? Узнаете, чуть ниже. Этого, в принципе, не могло быть! Командующий, хоть в роли “исполняющего обязанности” обязательно должен был быть. Да, но мы, пока, его не знаем, а только лишь, предполагаем. Но, остроты вопроса, это не снимает. Может, “черновик Постановления” о Тюленеве и служит, эдаким

“фиговым листом”, чтобы прикрыть сей голый факт с отсутствием командующего Московским военным округом, в те, первые дни войны.

Да, судя по всему, этот факт с командующим не остался без внимания и Сталина, и окружающих его соратников. Да, действительно, вскоре назначили (или заменили) командующего Московским округом, но человеком, не из Наркомата обороны, как сомнительного, с точки зрения надежности военного органа, а из аппарата Л.П.Берии, к наркомату которого, как видно, доверия со стороны Сталина было больше. О чем косвенно, и подтверждается в рассказе Бережкова. Скорее всего, сам Берия и предложил эту кандидатуру. Артемьев, в своих воспоминаниях пишет:

“Общее руководство комплектованием ополченских дивизий **ГКО** поручил Военному совету Московского военного округа, **командование которым с 28 июня было возложено на меня**”.

“Все врут календари” — утверждал классик. Не знал, что и энциклопедии подвержены нашествию “паразитов”, которые искажают события.

Кстати, заменили и начальника штаба МВО, предложив на этот пост, тоже человека из органов. Предположительно, им стал заместитель начальника Управления войск НКВД генерал-майор Д.П. Онуприенко. Главное, на тот момент было, не потерять контроль над округом. А когда стало чуть спокойнее, то назначили, видимо, более сведущего в штабных делах генерал-майора И.С.Белова. А Захаркина Ивана Григорьевича, позднее, перевели командовать 49-й армией Резервного фронта. В первых числах октября, когда под Москвой остановка сложилась крайне тяжелой, с этой армией тоже произошла очень странная история.

Если же читатель думает, что автор намеренно сгущает краски в отношении действий “заговорщиков” в июне 1941 года, то снова возвращаюсь к книге В.Лескова “Сталин и заговор Тухачевского”:

“С планом военного переворота оппозиция носилась, по крайней мере, с 1934 года. Думали устроить его прямо в период ХУ11 съезда партии. Но тогда дело сорвалось: сами руководители поняли, что благополучный исход сейчас будет сомнителен. Затем переворот планировали на ноябрьские праздники 1936 года, на Новый год, на 23 февраля, на 8 марта и 1 мая 1937 года...”

Теперь, однако, в мае 1937 года, больше невозможно было отступать и колебаться — в силу смещения Ягоды с поста главы НКВД и многочисленных арестов, в том числе Путны и Примакова, видных руководителей заговора...

План переворота предусматривал следующие пункты:

1. Серия вооруженных конфликтов на границах — с целью создать напряженную атмосферу в стране и столице.
2. Захват Кремля, с убийством Сталина, Молотова, Ворошилова — ведущих политических фигур режима.
3. Захват здания НКВД на Лубянке, с убийством Ежова.
4. Взятие отрядами оппозиции зданий Наркомата обороны и Московского военного округа.
5. Захват городской телефонной станции и всех телеграфных отделений, чтобы помешать сторонникам Сталина вызвать помощь из соседних городов.
6. занятие своими людьми всех городских вокзалов и жесткий контроль движения.

...Убийство вождей предполагалось свалить на “акции контрреволюции”, под этим предлогом объявить военное положение, запретить всякого рода собрания и митинги, оттеснить сторонников Сталина от власти, сформировать новое Политбюро и Правительство — из троцкистов и “правых”, а также сторонников М.Калинина, с которым надеялись поладить. Затем думали вызвать в Москву Тухачевского, объявить его на время диктатором, а позже провозгласить президентом! После этого предполагалось провести чистку партии от сторонников Сталина и наполнить ее элементами вполне буржуазными и послушными. Программа и Устав подлежали быстрой переработке. Намечалось, что после завершения переворота Якир и Уборевич вернутся со своими людьми назад, чтобы в Киеве и Минске также быстро “провернуть” подобную операцию”.

И где здесь можно увидеть среди “белых и пушистых” заговорщиков, верных ленинцев? Вполне, очень серьезные ребята, с определенным чувством долга, по отношению к своим братьям по тайной организации. Без особых угрызений совести, жестокие и расчетливые “бойцы”, своеобразного, “невидимого фронта”. Правда, уже нет в живых Якира и Уборевича, но зато им подготовлена, видимо, неплохая замена. Так что, вполне можно сказать напутственные слова участникам новой военной оппозиции: “В долгий путь, господа-товарищи!”, разумеется, без пожелания им жизненных удач на этом нелегком пути.

Глава 21. Кто бы мог подумать?!

Часть 1. Мемуары “без купюр”

Когда предыдущая глава была уже готова к “употреблению” читателем, в руки автора попались мемуары И.В.Тюленева “Через три войны” изданные в 2007 году издательством Центрполиграф. Из предисловия к книге узнаем, что при жизни автора вышли, оказывается два издания мемуаров: в 1960 году и в 1972 году. Последнее, и было приведено в данной работе. Особенно интригующе в данной книге выглядела надпись на обложке “Впервые без купюр”. Быстро находим интересующую нас главу о первом дне войны. Разумеется, восстановлены изъяты цензорами части текста рукописи автора, но это всего лишь, в очередной раз и показывает, и доказывает все то, о чем мы рассуждали ранее. Скрывается важный момент начального периода войны в руководстве военного ведомства, как впрочем, и в верхних эшелонах власти.

Итак, предлагаемый вниманию читателя **изъятый текст** из мемуаров Тюленева: выделен курсивом, **жирным шрифтом** и подчеркнут.

“Позднее снова зашел в **Генеральный штаб** к Г.К.Жукову.

— По донесениям штабов округов, — сказал он, — на границах как будто бы все спокойно. Тем не менее, я **звоню всем командующим приграничных округов** и предупреждаю их о возможном нападении со стороны фашистской Германии. Эти предположения подтверждаются данными нашей разведки, **о которых вы знаете”**.

По мысли цензоров-редакторов следует, что если автор зашел один раз в Генштаб и достаточно. Незачем привлекать внимание читателей к Генштабу. Пусть будет нейтральное, просто “зашел к Жукову”, тем более что ехал в Кремль. Ведь, Жуков, как явствует из его мемуаров, в Кремле был не последним человеком. Мог, “прямо с аэродрома — к Сталину” в кабинет, в нечищенных сапогах явиться. Может быть, в тот момент, именно, там Георгий Константинович и оказался. А почему бы и нет?

Вопрос о связи с командующими округов головная боль надзирающих органов. Ведь решили же, что связи, особенно с Западным округом, не было. А здесь, в этом эпизоде, за несколько часов до нападения, как видите, функционирует исправно. (Убрать!)

Вопрос о данных нашей разведки. Если ее знает Тюленев, как командующий Московским округом, то почему эти данные не могли знать командующие приграничных округов? Значит, командующие округов заблаговременно были предупреждены о сосредоточении у границы немецких войск? Тогда, как понимать внезапное нападение? (Убрать!)

“Вместе с наркомом мы докладывали обстановку товарищу Сталину, но он одернул нас, сказав, что мы поднимаем панику, принимая провокации за войну. Осторожность не мешает, поэтому предупреждаю командующих войсками”.

Вы чувствуете, как все это не стыкуется с мемуарами Жукова. Первое издание мемуаров Тюленева вышло в 1960 году, практически, как и у Болдина. Цель, как говорилось выше, создать негативный облик вождя, якобы запретившего открывать огонь по врагу, до особого его распоряжения. Своего рода, подготовка к XXII съезду партии. И для противовеса, “нерешительному” и “сверх осторожному” Сталину, таким образом лепится, образ “смелого” и “мужественного” Жукова. Георгий Константинович крайне озабочен тревожной ситуацией на границе, поэтому и берет на себя ответственность по предупреждению наших командующих о нападении. Не его, якобы, вина, что там произошло на самом деле.

“... Итак, реальная опасность войны возникла совершенно отчетливо. Надо было немедленно, и впоследствии это стало очевидным, дать командующим приграничных военных округов короткий, четкий оперативный план. К сожалению, этого не было сделано”.

Это явная крамола, насчет короткого, четкого, оперативного плана. Глядишь, и до упоминаемого нами кодированного сигнала в войска, рукой подать. А по поводу срочности передачи информации в округа, так кто же этим больше озабочен? Как видим, автор мемуаров Тюленев — не Жуков же? (Убрать!)

“В 3 часа ночи 22 июня меня разбудил телефонный звонок. Срочно вызывали в Кремль... Сразу возникла мысль: “Война!..”

Помните, выше говорилось, насчет неглупых редакторов, которые убрали из уст высокого военного руководства слово: “Война”. Даже мыслей таких не должно было быть! Не их уровень был решать, что началась именно война, это могло быть что-то и другое. (Убрать!)

“...Климент Ефремович спросил:

— Где подготовлен командный пункт для **Верховного** командования?

Этот вопрос меня несколько озадачил.

— Такую задачу передо мной никто не ставил, — говорю я Ворошилову. — Штаб Московского военного округа и ПВО города командными пунктами обеспечены. Если будет необходимо, можно передать эти помещения **Верховному** командованию. Затем мне было объявлено, что **правительство** назначило меня на должность командующего войсками Южного фронта. Отбыть к месту назначения предлагалось сегодня же.

Что касается “Верховного” командования, то редактора правы. На тот момент, действительно, оно в таком сочетании не звучало. Оно могло прозвучать, как Ставка Главного командования? А вот этого-то нам знать и не положено. Выходит Ставка появилась еще до официального объявления о нападении Германии, так что ли? Интересно смотрится и другое предложение: “Этот вопрос меня несколько озадачил”. Разумеется, и не только его (Тюленева), но и нас, читателей (цензура предложила: немедленно убрать!). Получается, что решение правительства(?) было для Ивана Владимировича, как снег на голову! Не ожидал он такой прыти от исполнительной власти, по

части, вмешательства в вопросы наркомата обороны с назначением, как фронтов, так и должностей. Тюленев, ведь, вскрыл свой мобилизационный пакет и, судя по всему, такого решения там не было. Отсюда и его недоумение. Теперь о Клименте Ефремовиче. Упоминался ли Ворошилов в первом издании мемуаров? Как видите, нет! Во всяком случае решили убрать слово “правительство” и возложить ответственность на “Ворошилова”, а чего церемониться — возразить-то, с того света он уже не сможет. По сути дела командный пункт МВО, разумеется, с имеющимся там узлом связи, новоявленная Ставка подгрребала под себя.

Каждая минута была дорога. Штаб МВО согласно моим указаниям срочно выделил полевой штаб для Южного фронта **из командиров Московского военного округа** и стал готовить специальный железнодорожный состав для отправки штабных работников на фронт.

22 июня в 15 часов я снова был у Г.К.Жукова и хотел получить от него оперативную обстановку и задачу для Южного фронта. Но лично от Жукова никаких указаний не получил, так как он, как и я, спешил в этот день выехать на фронт, После этого я был в Оперативном управлении Генштаба, где мне сказали, что обстановку и задачи я получу на месте.

Как будет выглядеть это “место”, читатель узнает во второй части.

“Каждая минута была дорога” выглядит как-то легковесно. Все-таки, насчет Кремля весомее, да и надежнее. Пусть назначение Тюленева будет все же ассоциироваться с Кремлем, а значит и со Сталиным. “Командиров...” — убрать, чтобы не подумали, будто, весь штаб МВО “выкорчевали с корнем”.

Трудно, сказать, был ли этот текст в первом издании, но во втором, в 1972 году, он не мог быть определенно. Тогда не стыковалось бы с вариантом Жуковского отбытия на Юго-Западный фронт после обеда 22 июня. Что касается получения личных указаний от начальника Генштаба, то осторожный Жуков, вряд ли стал бы распространяться больше положенного. Одной “Одессы”, подверженной “бомбардировке”, вполне достаточно. А упоминать Оперативное управление Генштаба — упаси бог. Какую они Тюленеву могли дать оперативную документацию (по нашим предположениям 21 июня), если там, куда его отправляли, не было, не только боевых действий, но и не прорабатывался, видимо, даже вопрос о развертывании полевого управления Южного фронта, на базе штаба МВО, о чем нам поведал М.В.Захаров. Думается, что и в Оперативном управлении Генштаба, по поводу вопросов Тюленева, его работники тоже, видимо, оказались в “озадаченном” положении, как несколько часов назад и сам Иван Владимирович.

Ну, и на “десерт” **Приложение 1. “Из личного дела И.В.Тюленева. Прохождение действительной службы в Советской Армии”**. Нас, разумеется, будет интересовать время нахождения его в должности командующего Московским военным округом. Находим соответствующую строку. Командующим Московским военным округом И.В.Тюленев стал согласно Приказу НКО СССР № 0094 от 15. 08. 1940 года. Но это мы знаем. А вот сведения, по какой срок он исполнял эти обязанности, представили бы для нас еще больший интерес? Но этого-то, мы с вами, дорогие товарищи читатели, так и не узнаем. Месяц есть, а **число не указано**. Хорошо, но на основании какого же соответствующего распоряжения он стал командующим Южным фронтом? Пожалуйста, в соответствующей графе личного дела читаем: “Подтверждается приказом НКО СССР № 00801 от 26.08.1941 года”. В августе месяце?! А у нас по тексту, смотрите выше, в предыдущей главе, когда Тимошенко подписал Директиву о вступлении Тюленева в должность командующим фронтом — 25.06. 1941 года? Как видите, значительно раньше, в июне? Голова идет кругом. Может опечатка в тексте и следует читать, как 26.06 1941 года? Все ближе к истине.

А с какого же времени Тюленев вступил в должность командующего Южным фронтом? Та же картина. Месяц есть — июнь, **число не указано**.

А чье же распоряжение подтверждается приказом НКО за № 00801? Самого Тимошенко! Сплошной кроссворд. Как видите, этот момент в биографии генерала армии И.В.Тюленева за 22 июня 1941 года стараются, тщательно скрыть. Чтобы, не бросалось в глаза отсутствие в личном деле Тюленева столь важных в нашем понимании дат, цензоры-редактора решили изъять все дни. Поэтому, их нет ни в первой строке, ни в последней, кроме одной единственной, абсолютно нейтральной: “с 1.9.1941 по 15.10.1941 — На излечении по ранению”. Данный документ заверен “Зам. Начальника ОК ТШ начальник (?) Лебедев. 15 августа 1978 г.” (Так значится в документе. — В.М.). Скорее всего, Зам. Начальника **Отдела Кадров Генерального Штаба**, начальник какого-то (скрытого от читателя) отделения.

Для чего же тогда, все это делалось, по части искажения информации, если считалось, и считается, по сей день, что 22-го июня в Москве все было в полном порядке?

Вот как охарактеризовал все-то, с чем мы столкнулись при рассмотрении данных мемуаров, Алексей Тимофеев, подготовивший предисловие к этой новой книге генерала армии Тюленева:

“... Воспоминания генерала армии были абсолютно бесцеремонно изрезаны военно-партийной цензурой. Остается удивляться тому, как умели цензоры той поры убирать из текста страницы, ключевые для понимания важнейших событий, деятельности автора и тех, кто его окружал, не говоря уже о моментах острых, по которым до сих пор нет единого мнения у историков”.

Трудно, с этим не согласится, но, даже и по этой книге, с обнадеживающей надписью “Впервые без купюр”, как увидел читатель, прошлась безжалостная рука современного цензора. Или это не так?

Давайте подведем предварительный итог и коротко расскажем о судьбе наших героев. В дальнейшем война разбросает их по разным местам.

Гавриил Данилович Шишенин погибнет при невыясненных обстоятельствах в октябре на Южном фронте, уже, в должности начальника штаба 51-ой армии. Командующий Тюленев, еще раньше, 29 августа получит тяжелое осколочное ранение и будет эвакуирован в тыловой госпиталь. Подробнее, о нем, чуть ниже. Александр Иванович Запорожец пройдет всю войну, но в 1959 году, в период Хрущевской смуты, уйдет в мир иной.

Что еще хотелось бы рассказать о Тюленеве? После излечения по ранению Иван Владимирович получит вызов в Москву. Вот как он описывает встречу со Сталиным **13 октября 1941 года**:

“Когда я вошел в кабинет, то, прежде всего, понял, что Сталин куда-то спешит, и, видимо, поэтому он обратился ко мне всего с двумя короткими вопросами. Он спросил, как мое здоровье, на что я ответил, что здоровье мое позволяет приступить к работе. (Хотя в то время я мог ходить лишь в специально подготовленной для меня обуви.) последовал второй вопрос: могу ли я выехать на Урал для выполнения специального задания Государственного Комитета Обороны? Я ответил утвердительно. Тогда Сталин приказал Поскребышеву, находившемуся тут же в кабинете, заготовить для меня мандат и привезти его на подпись на дачу. **Мне также было приказано к часу ночи прибыть на загородную дачу Сталина”.**

Разумеется, что Сталин хотел побеседовать с Иванов Владимировичем в более доверительной обстановке, и не один. Также ясно и то, что Тюленев не мог самостоятельно добираться до его дачи. За ним должна прибыть специально присланная машина.

“На даче я был принят Сталиным в присутствии **других членов Государственного Комитета Обороны**. В состоявшейся беседе **они расспрашивали меня** о причинах отхода наших войск...”.

Не для этого Тюленева пригласили на дачу, чтобы вдали от любопытных глаз, расспрашивать о событиях на Южном фронте, да, и к тому же, Иван Владимирович прибыл не с фронта, а из госпиталя. Особо доверенные люди Сталина из ГКО, а их-то, было, по пальцам пересчитать, скорее всего, интересовались, как произошло его снятие с поста командующего Московского округа и убытие на Южный фронт, который свалился всем, как снег на голову. Тюленев и обрисовал им, ту, обстановку, которая сложилась в округе в ночь с 21-го на 22-ое июня. Думаю, что товарищей на даче интересовало, кто, именно, проявлял излишнюю активность от лица новоявленной Ставки? О многом можно было расспросить Ивана Владимировича по тем событиям. Сталина же не было в Кремле, в те дни.

Но это было в недавнем прошлом, а сейчас обстоятельства были другие, но, не менее, тревожные. Зная, какая критическая ситуация сложилась под Москвой, Сталин попросил Тюленева в самые сжатые сроки подготовить в Уральском военном округе резервы для Западного фронта. И с этой задачей Иван Владимирович блестяще справился. Конечно, можно еще и еще рассказывать о товарище Тюленеве, но объем данной работы, к сожалению, не в состоянии вместить о нем все материалы.

Надо продолжать начатую тему по началу войны. К счастью для читателя, не один Иван Владимирович присел за письменный стол, чтоб поделиться с читателями своими воспоминаниями.

Часть 2. Оборона западных рубежей

В этой второй части мы встретимся еще с одним свидетелем того, первого дня войны в Москве. Это начальник инженерной службы данного военного округа Аркадий Федорович Хренов. Но сначала немного о предыстории его появления в Белокаменной. Не просто же так, я продолжил заданную тему.

Закончилась война с Финляндией. Наш автор был на подъеме от удачного завершения военной компании. Многое удалось сделать на посту начальника инженерной службы и 7-й армии, и Северо-Западного фронта, в целом, что, разумеется, не осталось незамеченным. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

“Небывало счастливое и радостное чувство испытал я 30 марта, получая в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина **Золотую Звезду, орден Ленина и Грамоту Президиума Верховного Совета СССР**. Кажется, только теперь по-настоящему осознал и поверил, что удостоен высшего боевого отличия страны, заслужить которое и не чаял. Еще девять дней назад, на КП армии в Выборге, приняв первое поздравление с наградой, я не мог поверить, что все это — наяву. Да и сейчас не переставал удивляться в душе: в чем мой особый подвиг? Делал свое дело в полном объеме, с душой, как верный солдат и честный коммунист. Но ведь теми же нормами долга и чести руководствовался каждый...

В округ вернулся окрыленный (Речь, в то время, шла о Ленинградском военном округе. — В.М.). Казалось, горы сворочу! А забот было — хоть отбавляй. Перевод войск на мирное положение. Работы по разминированию, восстановление разрушенных мостов и дорог. Подготовка к летней учебе с учетом всех уроков, полученных на войне. Разработка соображений по строительству и переоборудованию укрепрайонов...

Но пролетел месяц с небольшим, и снова “Красная стрела” мчала меня в столицу. На этот раз в Москву, на расширенное заседание **Главного Военного совета РККА**, на которое были вызваны все высшие командиры и начальники, принимавшие участие в боевых действиях. Меня предупредили, что на заседании будет всесторонне анализироваться опыт минувшей кампании и что мне надо подготовиться к выступлению. Тезисы я уже продумал и, лежа на мягкой полке в двухместном купе, мысленно перебирал в уме узловые вопросы”.

С этим Главным Военным Советом мы еще встретимся по ходу ознакомления с мемуарами Аркадия Федоровича.

“...Участники заседания собрались в Кремле 14 апреля. Впервые я оказался здесь, впервые близко увидел И. В. Сталина, других членов Политбюро, все высшее руководство Красной Армии. Сталин открыл заседание. В короткой речи он отметил, что минувший вооруженный конфликт позволил нам увидеть свои недостатки, показал, как нужно воевать в современных условиях, обогатил нас опытом. Этот опыт необходимо взять на вооружение, быстро устранить выявленные недочеты, усилив подготовку к будущей большой войне, которую нам, несомненно, рано или поздно навяжут империалисты.

Начались выступления участников заседания. Первому слово предоставили мне. Этот факт, как я понял, свидетельствовал о возросшем престиже инженерной службы, которая успешно выполнила новую роль в минувших боях. Справившись с волнением, я высказал все, что продумал, не сглаживая острых углов, не приукрашивая общей картины.

Острыми, самокритичными были выступления и других участников. Заседание продолжалось до 17 апреля и затем проходило уже в помещении Наркомата обороны. Как только оно закончилось, я поспешил в Ленинград. Перед всеми нами была поставлена задача: решительно улучшить качество боевой подготовки, проводить ее в обстановке, всемерно приближенной к боевой. По этому поводу в ближайшее время должен был выйти приказ наркома обороны”.

Не совсем понятна обстановка на проходившем заседании в Москве. Вроде бы, в тот момент, в стране шли невиданные репрессии против командного звена Рабоче-Крестьянской — все боялись открыть рот, а здесь, в зале заседаний шли острые дискуссии.

Как многие знают из публикаций “демократически” настроенных военных историков, чуть ли не 40 с лишним тысяч пустили под нож, лучших сынов-командиров нашей доблестной Красной Армии. Видимо, поэтому нашему герою ничего не оставалось другого, как говорить только голую правду с трибуны в Кремле. Представляете, что пережил человек, когда “высказал все, что продумал”, да еще и “не сглаживая острых углов, не приукрашивая общей картины” прошедших сражений на Карельском перешейке с финнами.

Наверное, поблизости от трибуны, уже стояла в ожидании приказа на арест ретивого выступающего кучка НКВДшников с наганами в руках? Но, видимо, произошел непредвиденный сбой в работе карательных органов страны, поэтому и читаем дальше воспоминания товарища Хренова.

“...Результаты расширенного заседания Главного Военного совета и предшествовавшего ему Пленума ЦК ВКП(б) не заставили себя долго ждать. Стоявшая на повестке дня реорганизация Красной Армии началась с новых назначений и перемещений руководящего состава. **8 мая** наркомом обороны был назначен Маршал Советского Союза **С.К.Тимошенко**. Заместителем наркома стал командарм 1 ранга **К.А.Мерецков**. Комдив М.В.Захаров — помощником начальника Генштаба, комдив М.А.Парсегов — генерал-инспектором артиллерии, комбриг Л.А.Говоров — его заместителем. Начальника Ленинградского военно-инженерного училища комбрига М.П.Воробьева назначили инспектором инженерных войск.

Жарким июньским днем я отправился по вызову в Москву. В день приезда меня принял нарком.

— Мы считаем, — сказал он, — что по своей подготовке и боевому опыту вы — наиболее подходящая кандидатура на пост **начальника Инженерного управления**”.

Таким образом, наш герой поднялся на довольно значимую ступеньку по должностной лестнице став начальником Инженерного управления наркомата обороны Красной Армии. Сразу перед ним

были поставлены задачи: в кратчайший срок преодолеть отставание инженерных войск в техническом отношении и в тактико-специальной подготовке.

“Мне присвоили звание генерал-майора инженерных войск (7 мая для высшего состава были введены генеральские звания). За работу взялся, едва успев принять дела. Труд предстоял гигантский: план реорганизации всей структуры: инженерного ведомства и инженерных войск надо было разработать за три недели...”

Разумеется, что наш герой взялся за дело, засучив рукава. Не надо, однако, думать, что именно Семен Константинович Тимошенко и воспылил любовью к Аркадию Федоровичу, если тот, оказался в его ведомстве и на данной должности. Как читатель знает по жизни, слово и дело, это далеко не равнозначные понятия. С этим фактом наш герой вскоре и столкнется.

По всему следует, что нашему Аркадию Федоровичу, скорее всего, протезировал Жданов, так в наркомат обороны кроме Хренова попали еще несколько человек, проходившие службу в Ленинградском военном округе и близко общавшиеся с Андреем Александровичем.

“Благодаря поистине самоотверженному труду моих непосредственных помощников, сотрудников управления М. Л. Нагорного, К. С. Назарова и братьев Хухриковых **проект плана реорганизации** был готов к сроку. Он предусматривал преобразование Инженерного управления Наркомата обороны в Главное военно-инженерное управление Красной Армии, объединявшее в себе **управления боевой подготовки, оборонительного строительства, инженерного вооружения и заказов, оперативный, организационно-мобилизационный и административно-хозяйственный отделы, главную бухгалтерию и инженерный комитет.** Хотелось нам сделать самостоятельным и **отдел заграждений.** Но С. К. Тимошенко и К. А. Мерецков воспротивились этому”.

О чем, я и говорил, выше. Если Тимошенко, как пишет автор, хотел его видеть на посту начальника Инженерной службы, тогда отчего же тот, воспротивился реорганизации, проводимой его подчиненным? Видимо, по их мысли (наркома и его заместителя), дай волю таким, как Хренов, так они всю западную границу так перекопают, что немцы не только не проедут, вряд ли, перейдут. Да еще и заграждений всяких понастроят, как же Вермахту, в таком случае, придется прорываться? Поэтому никаких отделов! Итак, этот новоявленный Герой слишком уж, развил свою бурную деятельность — пусть малость поостынет. И как дружно-то воспротивились, друзья-товарищи: Семен Константинович и Кирилл Афанасьевич. То-то Аркадий Федорович недоумевал: “Почему отказались от его предложения работать с ним в Управлении такие признанные корифеи военно-инженерного дела как Георгий Георгиевич Невский и Дмитрий Михайлович Карбышев?” Понимали, видимо, те, что их ожидало бы при решении практических задач.

А наш герой, чувствуя поддержку Жданова, входящего в Главный Военный Совет, не опустил рук, при первых неудачах, а продолжил заниматься реорганизационными вопросами своего управления. И смотрите, что из этого получилось.

“... В первых числах июля (1940 года) я направился в Кремль и оказался в кабинете Сталина. Из руководителей партии и правительства здесь кроме него самого были **К.Е.Ворошилов**, Н.А.Вознесенский, **А.А.Жданов** и другие, а из военных — С.К.Тимошенко, К. А.Мерецков и **Б.М.Шапошников.**

Накануне я волновался страшно. Но, оказавшись в Кремле, вдруг ощутил полное спокойствие. Во взглядах и репликах присутствующих чувствовалась доброжелательность. У всех в руках я заметил подготовленные нашей группой материалы. Поэтому на доклад мне отводилось **не более десяти минут.** Я уложился в это время. После этого начались вопросы. Они ставились так профессионально, что невольно казалось, все здесь, особенно сам **Сталин**, хорошо знакомы с проблемой.

Неожиданно для меня Сталин предложил выделить **отдел заграждений** из состава управления вооружения и заказов и сделать его **самостоятельным**. Это было просто замечательно! Ведь мы даже не рискнули просить об этом.

Последовал короткий обмен мнениями, и Сталин сказал:

— У меня против рассмотренного плана возражений нет. Я — “за”!

Проголосовали “за” и все остальные...”.

Ну, как вам наше военное руководство? Не плохо, как следует из написанного, оно “разбиралось” в существе дела. Это кто же все-таки запишал отдел заграждений в управление по вооружениям? Ему что же там, самое место, по мысли руководства наркомата обороны? Нарком и его заместитель, как видите, поначалу воспротивились передаче данного отдела под крыло инженерной службы, но под давлением людей болеющих за Отечество (к тому же, частью гражданских), скрепя сердцем сдались. И это не мои фантазии насчет сердца, а суровые реалии жизни. О чем узнаете, чуть ниже.

Сколько ни рассматривай документов выпущенных под шапкой Политбюро или ни перечитывай мемуаров участников тех лет, никогда не встретишь упоминание о других членах высшего партийного органа страны, кроме, Сталина, Жданова и, в лучшем случае, Маленкова. Чем занимались хорошо нам знакомые: Хрущев, Микоян, тот же Л.Каганович, видимо, одному богу известно? Всегда, они где-то, незримо присутствуют на второстепенных участках работы. Очень скромно вспоминали о своей работе, в том же Политбюро. Правда, с критикой Сталина — это, будьте любезны, сразу в первом ряду: все заметят, все учтут. Мы к составу Главного Военного Совета еще не раз вернемся с рассмотрением очень важного вопроса, а пока продолжим следить за нашим героем финской войны.

Как видите, Аркадий Федорович получил и моральное, и материальное удовлетворение: план реорганизации инженерной службы наркомата обороны был полностью принят!

“Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР официально санкционировали перестройку инженерного ведомства. **Меня назначили начальником инженерных войск — начальником Главного военно-инженерного управления Красной Армии, или ГВИУКА, как сокращенно стали называть его**”.

Можно сказать, что товарищ Хренов поднялся на самую вершину своей профессиональной деятельности. Теперь работать бы и работать, чувствуя приближение войны.

“У меня наконец появились возможность и время углубиться в документы, отражающие состояние нашей инженерной и оперативно-технической подготовки в приграничной полосе. Знакомство с ними вызвало глубочайшую озабоченность и тревогу.

Еще недавно слова “граница на замке” вполне отвечали своему прямому смыслу. На всем протяжении от Балтики до Черного моря на главных операционных направлениях у нас были созданы полосы укрепрайонов. (По границе, существовавшей на 1939 год. — В.М.) При всех частных недостатках это был мощный заслон, тем более что граничили мы с государствами, не располагавшими серьезным военным потенциалом. Теперь положение решительным образом изменилось. После поражения Польши, не сумевшей противостоять ударам вермахта, и воссоединения украинского и белорусского народов значительная часть нашей границы отодвинулась далеко на запад. Фашистская Германия стала нашим непосредственным соседом. И **граница с ней оказалась весьма уязвимой**”.

На это было обращено внимание читателя в первых главах по поводу мирного договора с Германией от 1939 года. Одна из целей раздела Польши и было ослабление, в военном отношении, будущей границы с Германией с Советским Союзом.

“Как явствовало из документов и из ответов на сделанные мною запросы, старые УРы были законсервированы и **частично демонтированы**. Строительство же укрепрайонов на новой границе только-только разворачивалось.

Как раз в те дни произошли дальнейшие изменения границ — Бессарабия и Северная Буковина воссоединились с Советским Союзом, в Прибалтийских республиках была восстановлена Советская власть. За инженерную подготовку приграничной полосы в этих районах **предстояло только браться**”.

Тема нам близка, так как только что мы обсуждали возможности наших войск по отражению вражеской агрессии. В каком состоянии были наши УРы, читатель уже знает, да и Аркадий Федорович прозрачно намекает. Не напишешь же, что практически демонтированы. Или их все же будут разоружать чуть позже, аккуратно перед самой войной? Но главное для нас ясно: процесс пошел — “старые” УРы частично демонтируются за ненадобностью. А еще и года не прошло после событий с Польшей.

“Под **наблюдением** К. А. Мерецкова ГВИУКА срочно взялось за разработку плана оборонительного строительства на границах”.

Согласитесь, насколько по-другому читалась бы фраза, написанная, примерно так: “Благодаря повседневной заботе Кирилла Афанасьевича Мерецкова о новых работниках наркомата, наше ГВИУКА срочно взялось за разработку плана...”.

Но, скорее всего, более точным выражением было бы следующее выражение: “Под **надзором** К.А.Мерецкова ГВИУКА взялось за разработку **плана оборонительного строительства...**”. О срочности я опустил, в силу ее надуманности, о чем читатель узнает ниже.

“Но на Украине и в Белоруссии оно (строительство) уже велось. По решению Оперативного управления (вскоре преобразованного в Главное управление) и отдела укрепрайонов Генштаба, решению, опиравшемуся на мнение нескольких профессоров-фортификаторов из Военно-инженерной академии, работы начались с создания **долговременных сооружений** (ДОС) из бетона и броневых плит. Против этого решения было бы трудно возражать, **располагай мы неограниченным запасом времени**. Но для завершения такого строительства требовалось не менее двух лет”.

Понятно, что Аркадий Федорович хотел скорректировать начавшееся строительство, ведь, количество ДОСов надо было уточнить, чтобы не попасть впросак. Это, конечно, важный элемент обороны, но без других сооружений в укрепрайоне, ценность его снижается, хотя затраты на его постройку очень велики.

Эту, важную сторону этого дела, мы тоже обсудим, чуть ниже.

“А приближение войны ощущалось все сильнее. 22 июня 1940 года Франция капитулировала перед Германией. Столь быстрое крушение развитой капиталистической державы, оказавшейся неспособной к стойкой и решительной обороне, производило тягостное впечатление. В результате такого поворота событий главный из наших потенциальных врагов не только не был ослаблен, а наоборот — обрел дополнительные силы.

Реорганизация, охватившая Наркомат обороны, повлекла за собой новые служебные перемещения. Б.М.Шапошникова назначили заместителем наркома по оборонительному строительству, а **К.А.Мерецкова — начальником Генштаба**".

Таким образом, Кирилл Афанасьевич по службе, стал ближе к нашему герою, Аркадию Федоровичу, превратившись из прямого начальника, в — непосредственного. И тут же, "закипела" работа.

"Кирилл Афанасьевич сразу стал приглашать к себе узкий круг руководителей для периодического ознакомления с данными, полученными Главным разведывательным управлением. Обычно их докладывал нам генерал Н.П.Дубинин".

А нам все время галдили, что Голиков разведсводки бегал Сталину на ушко докладывать. Но тот, говорят, был очень нехорошим человеком, и не только не хотел им верить, но, и заставлял других, следовать тому же, принципу.

А здесь читаем, что генерал Дубинин из своего же, родного, Разведуправления, ясное дело, что узкому составу, но, все же — периодически докладывал о состоянии дел по ту сторону нашей границы и пояснял, как главный супостат готовится к войне с нами. Неужели ж, такое было в самом наркомате обороны? И как же такое, могло, проскочило в печать в разрез с проводимой политикой нашей партии о борьбе с проявлением культа личности товарища Сталина? Куда же в таком случае смотрела цензура? Ведь, форменное безобразие получается. Оказывается, все всё знали! И таким образом, нашим военным не было нужды гадать в курилках: нападет Гитлер нас или не нападет? Служивые из Разведуправления сами, как видите, всю правду-матку, как на духу, рассказывали.

На **первом же таком совещании** мы услышали несколько сообщений, свидетельствовавших о том, что гитлеровское руководство намерено обратить свою агрессию на Восток и что к нашим границам перебрасываются немецкие дивизии. **Посыпались вопросы.** Известно ли все это высшему руководству? Продолжаем ли мы выполнять свои обязательства по торговому соглашению с Германией? Почему новые данные не учитывают при разработке планов оборонительного строительства? Почему?.. Почему?.. Все вопросы начинались с "почему".

Удивительное дело. **Почему** всех слушателей не арестовали, как "немецких шпионов", а Дубинина — за разглашение "секретных" сведений? Ведь, столько вопросов ему задавали и явно, с целью, узнать подробности. Да еще и под контролем Мерецкова! Понятно, что если Сталин запрещал, то где же еще удовлетворить человеческое любопытство, как не на работе? Вот где, оказывается, происходила утечка "государственных секретов". Тогда становится понятным, почему Мерецкова арестовали через несколько дней после начала войны? Скорее всего, вменили в вину, как потворство ведению чуждых нашему генеральскому сословию разговоров. Мы с тихоней Кириллом Афанасьевичем еще столкнемся в отдельной главе. От врожденной скромности, как и Жуков, он читателю не поведаст об этих самых разговорах в Генштабе перед войной. Хорошо, хоть Аркадий Федорович, добрая душа, приоткрыл "тайную" завесу над военной жизнью товарища Мерецкова. Как видите, тот, все же, делился военными новостями с товарищами и подчиненными по службе.

"Кирилл Афанасьевич терпеливо отвечал. Он сказал, что все разведданные докладываются **куда следует**, что правительство проводит внешние и внутренние военно-политические мероприятия для улучшения стратегических позиций и дальнейшего укрепления оборонной мощи страны, а все это требует времени. Единственная возможность выиграть время — **делать вид, что мы всерьез относимся к советско-германскому пакту о ненападении.** В заключение Мерецков напомнил, что полученную информацию мы должны хранить в тайне, не обсуждать ее у себя в аппарате".

И ни в коем случае, не проговориться об этом на приеме у Сталина (Шутка).

Не совсем понятна мысль Кирилла Афанасьевича в интерпретации Аркадия Федоровича и редакторов-цензоров. Это кому же надо делать вид, что “мы всерьез относимся к советско-германскому пакту о ненападении”? Военным, что ли? Значит, на виду штык в землю, а в кармане фигу наготове держать? Кроме того, что надо скрывать от работников наркомата? Подготовку к войне или несерьезность отношения к советско-германскому пакту?

Кроме того, снова “тайны войны”. Так кому же докладывались разведывательные данные, если и через три десятка лет это составляло государственную тайну? Видимо, кроме Сталина об этом знали еще ряд товарищей, входящих в правительство, но все же, таинственное место “**куда следует**” редактора, вместе с Мерецковым, не захотела раскрыть. Хотя это был секрет Полишинеля. Итак, понятно, что это было Политбюро, куда заходила упомянутая выше тройка: Хрущев, Микоян, Л. Каганович и другие товарищи, упоминать, о вхождении которых в состав данного органа, было запрещено.

Разумеется, что данные товарищи не слышали ничего подобного о какой-то концентрации немецких войск у наших границ. Так, одни слухи.

“Вскоре, когда я явился к начальнику Генштаба с очередным служебным докладом, он сказал мне, что **Главный** (так в ту пору называли за глаза **И. В. Сталина**) дал указание тщательно следить за перегруппировкой и сосредоточением немецких войск, за перемещениями их командования и штабов в Восточной Пруссии, Финляндии и Румынии. Услышал я также, что ведено интенсивнее готовиться к проведению крупных общевойсковых учений в приграничных округах и быстрее завершать разработку плана оборонительного строительства”.

Прямо, не хочется верить написанному. Вдумайтесь! Сам Сталин “дал указание тщательно следить за перегруппировкой и сосредоточением немецких войск” вблизи наших границ?! Да он же, как нас уверяли и уверяют “умные” люди от исторической науки, и по сей день — нехорошие слова черкал на разведдонесениях. А Лаврентию Павловичу, вообще, дал указание, чтобы тот не верил этим бумажкам о неминуемом нападении Германии, а наоборот, сам убеждал окружающих его военных, обратному — дескать, не раньше, чем сорок второго года Гитлер решится пересечь нашу границу. Внешняя разведка НКВД узнала об этом у Рунцтедта. Помните, высказывания немецкого фельдмаршала из первой главы? Разумеется, тех, кто воспротивится сообщению — сразу за хитом и в кутузку.

Да, тот же Мерецков в своих мемуарах напрочь отмежевался от каких-либо разговоров в Генштабе по поводу разведданных. У него и Сталин-то не очень хотел вникать в существо дела. Приведу маленький отрывок из его книги, чтобы не бездоказательно обвинять Кирилла Афанасьевича в искажении действительности. Дело происходило, по описанию автора, в начале января 1941 года по окончании оперативно-стратегической игры. Мерецков пишет, что “игра прошла чрезвычайно **интересно** и оказалась очень **поучительной**”.

Запомнил, небось, Ленинское высказывание: “Учиться, учиться и, еще раз, учиться!”. После насыщения военными знаниями, группу интересующихся военными делами генералов, вызвали в Кремль к Сталину.

“Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и **январской** оперативно-стратегической **игры**. **На все ответили 15–20 минут**. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы”.

Такая важная игра была между “синими” и “красными”, что читателю, думается, очень захотелось бы узнать ее результат, а Сталин взял, да и перебил Мерецкова на самом интересном месте. А, на беду, Кирилл Афанасьевич был очень обидчивым человеком и, даже, через двадцать с лишним

лет, не захотел рассказать читателю о действиях “наших”, то есть, “красных”. Понятно, что держал обиду на Сталина за прерванное сообщение, но хотя бы сказал, чем дело-то, кончилось?

Понятно, что у Хренова Сталин был совсем другой — человек пытливого ума. А у Мерецкова Сталин — невоспитанный, нелюбознательный, да и вообще, малопонимающий в военном деле человек. Даже не интересовался тем, что ему частенько докладывала разведка. Вчитайтесь, что “с болью в сердце” пытается донести до читателя товарищ Мерецков. Понятно, что Сталину было наплевать, чем закончилась игра и кто, в конце концов, победил: “синие” или “красные”? Но что он пытается выведать у Кирилла Афанасьевича, задавая ему вопросы?

“Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за **последние месяцы** в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и **сведениях разведки, не произвели впечатления**. Тут **истекло отпущенное мне время**, и разбор был прерван”.

Сталин, по мысли Мерецкова, был или не осведомлен о действиях германской армии за последние месяцы, или слабо понимал суть этих действий, коли попросил вкратце дать им оценку. А так как мы уже знаем, что Кирилл Афанасьевич у себя в Генштабе был в курсе всех разведанных, то он и попытался, как пишет, дать анализ произошедших событий. Но, как видите, его высказывания “не произвели впечатления” — аплодисментов не последовало. А тут еще прозвучал сигнал, извещающий о том, что время на атаку (как в баскетболе) закончилось и у Кирилла Афанасьевича отобрали мяч, то есть, слово. Тяжело, ничего не скажешь. Кремль — это не Генштаб, там свои правила игры. Не дают сказать правду “честному” генералу. А как же тогда наш герой Аркадий Федорович умудрился со своим докладом уложиться всего за десять минут, просто, уму непостижимо.

Опричники Сталина “затыкали рот и выкручивали руки”, как выясняется не только Мерецкову.

“Слово пытался взять Н.Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к Народному комиссару обороны.

С.К. Тимошенко меня не поддержал. Более никто из присутствующих военачальников слова не просил”.

Вот так “топтали” в Кремле, по воспоминаниям Мерецкова, хорошую инициативу. Обратите внимание. Два человека описывают деятельность Сталина, но какой разительный контраст!

Но не забывайте, читатель, что на данный момент Мерецков стал непосредственным начальником Хренова. Теперь уж тому не спрятаться, как раньше, за спину Шапошникова, от бдительного ока Кирилла Афанасьевича. Теперь он будет все время на виду у Мерецкова.

И мы возвращаемся к рассказу Аркадия Федоровича, который по-прежнему трудился над планом обороны западных рубежей.

“Этот план ГВИУКА доработало теперь уже **под наблюдением Б.М. Шапошникова**”.

Рокировка, проведенная в наркомате обороны, не улучшило, положение дела товарища Хренова и ситуация с планом строительства, стала похожей на его фамилию. Теперь, Аркадию Федоровичу, чтобы дотянуться до Бориса Михайловича, необходимо стало, в ряде случаев, прыгать через голову Кирилла Афанасьевича. А это и неудобно, да и не всякий начальник одобрит подобную инициативу. Тем более что, как мы знаем, не очень-то Мерецков распахивал свои “дружеские” объятия инициативному новичку, с генеральскими погонами военного инженера. Так что и фраза

“под наблюдением Б.М.Шапошникова” скорее всего соответствовала русской пословице: “Видит око да зуб неймет!”.

Знал Мерецков силу Аркадия Федоровича по финской войне, поэтому и “вязал” Хренову руки. Ведь, тот был у него в 7-й армии начальником инженерной службы и утер, тогда нос французским инженерам, строившим линию Маннергейма.

А Шапошников, хотя и благоволил Аркадию Федоровичу, да, как говорят, не судьба, поработать вместе на благо Отечества.

“План предусматривал проведение работ в две очереди и был рассчитан на два года. **В 1940–1941 годах намечалось строительство полевых укрепленных районов с включением в них модернизированных старых фортовых крепостей и созданием между ними системы мощных оперативных заграждений.**

Работы **второй очереди**, запланированные на 1941–1942 годы, имели целью усилить полевые укрепрайоны **долговременными железобетонными и броневыми сооружениями (ДОС)**. Преимущества этого плана казались нам очевидными. **Даже будучи выполненным наполовину, он обеспечивал создание достаточно стойкой обороны на пути возможного вторжения врага”.**

Важный момент, упомянутый автором. Понимая, что война уже прикатилась к нашим границам, составители плана нашли компромиссное, но, в, то же, время, и разумное решение. Даже, выполнение плана наполовину, на случай внезапного начала военных действий Германии против нашей страны, позволило бы, все равно создать, что особенно важно, достаточно устойчивую оборону.

А нужна ли она была нашей “пятой колонне”? Разумеется, нет. В итоге получаем закономерный результат.

“Но план наш принят не был. Строительство продолжали вести на основе **прежних разработок**— так, будто в запасе у нас имелось по меньшей мере два года.

В первую очередь создавались долговременные (долгостроящиеся и дорогостоящие) сооружения (ДОС), и лишь потом предполагалось производить полевое заполнение УРов, то есть строить менее трудоемкие, наиболее массовые полевые укрепления...”.

Как видите, любое благое дело можно извратить до неузнаваемости. Издадут приказ задом наперед, и ломись в открытую дверь. Ведь, недруги сразу же возразят: все, что приняли раньше — выполняется. Чего же попусту возмущаться? Ведь, объекты же строятся.

Да, но ведь принято дом начинать строить с фундамента, а не с крыши. К тому же планировали подготовить сначала первую полосу обороны из двух запланированных, а затем, если успеют до начала войны, то заняться второй. Получилось, видимо, что начали строить ДОСы (ДОТы), сразу на обеих полосах обороны, выводя за скобки, как подчеркнул Аркадий Федорович, “полевое заполнение УРов”, то есть строительство менее трудоемких, но наиболее массовых полевых укреплений, тех же, например, ДЗОТов и заграждений.

Не забывайте, товарищи, что Мерецков, по своему положению, встал непреодолимой стеной между Хреновым и Шапошниковым.

“**Верное определение последовательности работ** составляло **не единственную проблему** оборонительного строительства. Не менее важно было вести его грамотно с оперативной и

тактической точки зрения, учитывая и наш собственный опыт и опыт полыхавшей на Западе войны. Чтобы познакомиться с тем, **как строятся УРы**, я выехал в командировку в приграничные районы. Впечатление от этого знакомства осталось **неутешительным**. Оно нашло отражение в докладе, написанном на имя начальника Генштаба.

“Изучение и обследование состояния укрепления наших границ, — отмечалось в этом документе, — показало, что система военно-инженерной подготовки театра военных действий (ТВД) недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в то же время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что основная вооруженная сила нашей страны, полевые войска, остается “необеспеченной, а **ТВД неподготовленным для действий полевых войск**”.

Доклад я сначала показал **Б. М. Шапошникову и М. В. Захарову**— людям, чье мнение для меня было особенно авторитетно. Оба отнеслись к нему с одобрением. **12 октября(1940 г.)**(как раз в этот день соединения вермахта были введены в Румынию) доклад лег на стол К. А. Мерецкова и действие возымел. Содержащиеся в нем соображения относительно увеличения глубины УРов до 30–50 километров и создания предполья были отражены в директиве наркома обороны военным советам приграничных округов, изданной **20 февраля 1941 года**. Но времени для выполнения этой директивы оставалось, увы, слишком мало. Да разве тогда мы знали об этом?...”

Автор, видимо, попытался рассказать о волоките, которая существовала в Генштабе во времена Мерецкова, но его наивные помышления ловко обыграли опытные редактора, замутив существо дела. Действительно, доклад был поначалу согласован с Шапошниковым и Захаровым, но последовавшая новая реорганизация Генштаба задвинула Шапошникова на вторые роли, поставив ему заслон, в виде Мерецкова, а Захарова, вообще, попросили очистить помещение еще **в конце июня**, направив начальником штаба в 12-ю армию Киевского военного округа.

Обиженный Матвей Васильевич Захаров впоследствии писал:

“Как мне тогда сказал Б.М.Шапошников, это перемещение имело целью дать мне возможность приобрести войсковой опыт в условиях, близких к боевым. Однако вскоре (в августе) Борис Михайлович и сам сдал дела Мерецкову”.

Понятно, что Шапошников, может быть, хотел, как-то смягчить горечь от незаслуженной отставки своего товарища, но как видите, и его оттерли в сторону. Вон они, как дела-то разворачивались в отношении **тех, чье мнение о подготовке инженерных сооружений на западной границе было авторитетным** для нашего героя. И это у нас идет речь о защите западных рубежей нашей Родины. А потом, тот же Жуков ахал, да охал — не успели построить крепкую оборону. Супостат не вовремя напал!

А теперь прикиньте время, которое понадобилось документу, чтобы он, рассмотренный в **июне** Шапошниковым и Захаровым, лишь **12 октября** смог лечь на стол К.А.Мерецкова, и застрять на нем неопределенное время. Кирилл Афанасьевич, видимо не очень жаждал видеть документ на своем столе, а когда, несмотря ни на что, доклад оказался все же у него, то не дал ходу этому документу, затянув с его рассмотрением до своей смены на посту начальника Генерального штаба.

А с **1-го февраля**, как утверждал сам, Георгий Константинович, уже он, стал начальником Генерального штаба. Как видите, Жуков тоже внес свою посильную лепту, чтобы потянуть резину по строительству УРов. Начиналась уже последняя декада февраля (**20-е число**)1941 года. Впрочем, Георгий Константинович сам может сказать несколько слов по этим событиям, разумеется, стряхнув пылинки со своего кителя:

“...Я хотел бы остановиться на судьбе **новых и старых укрепленных районов (УРов)**. К строительству новых укрепленных районов на западной границе приступили в начале 1940 года. Проект строительства УРов был утвержден И.В.Сталиным по докладу К.Е.Ворошилова”.

Представляется, что Жуков “запамятовал” кем, в действительности, был утвержден проект строительства УРов. На тот момент, Сталин был, просто, одним из секретарей ЦК партии, входивший в состав Политбюро. Если проект был вынесен на утверждение от лица наркомата обороны, то утверждать его должен был Молотов, как председатель СНК. Это после 5 мая 1941 года, как мы знаем, Сталин займет государственный пост. Он документы по Пакту от 1939 года не имел возможности подписывать, как государственное лицо. Понятно желание переложить ответственность на Сталина. Чего не сделаешь, если хочется.

К тому же, здесь Жуковым, как и многими недобросовестными военными и историками, введена путаница в обозначение УРов находящихся на **старой границе СССР**. Укрепленные районы с находящимися на них военными фортификационными сооружениями не были старыми, так как перенос границы произошел по времени всего-то ничего. Когда успело все состариться, трудно сказать? Их умышленно обозначают “старыми” чтобы иметь возможность наплевательски отнестись, как к самим сооружениям, так и находящемуся в них вооружению. В противном случае получается глупость, когда Жуков будет говорить о переносе вооружения из, якобы, старых укрепрайонов в новые. Что, и вооружение, тоже, успело состариться? Или все же вполне было пригодно к использованию? Кроме того, УРы строятся не на пару лет, а на десятилетия, так как госграницы не перетаскивают с места на место по прихоти государственных мужей. Если бы не хитрая игра Гитлера с нашими заговорщиками, то встречать бы Вермахт пришлось бы со “старыми” укрепрайонами, расположенными в западных округах на границе, сложившейся после перемирия заключенного с белопанской Польшей еще в 1920 году. И что? И тогда, Георгий Константинович, стонал бы, что у нас старые укрепрайоны?

Так что о новых УРах можно и нужно говорить так: “строительство УРов на новой государственной границе”. И никак не противопоставляя, неким, якобы, “старым”, находящимся на бывшей границе 1939 года.

А Жуков, по поводу этих УРов, на новой границе, скорбно причитает:

“...Однако строительство укрепленных районов **завершено не было**”.

Как же оно может быть своевременно завершено, когда план строительства мурыжился по столам начальства. Дела-то принял от своего товарища-подельника Мерецкова, а не поинтересовался, как там со строительством на новой границе? Больше полумесяца вникал в существо дела, а теперь в мемуарах оправдывается. Кроме того, он не хочет пояснить читателю, что понимает под завершением строительства УРов? Окончание строительных работ или полностью законченное оборудование укрепрайонов, особенно военно-инженерные монтажные работы, связанные с ДОСами (ДОТаами)? Хочет ускользнуть от ответа и сразу перепрыгивает на другую тему, тоже, весьма неприятную для него.

“Хочу внести ясность в вопрос о снятии артиллерийского вооружения **со старых укрепленных районов** (Опять та же песня. — В.М.) В феврале — марте 1941 года на Главном военном совете Красной Армии дважды обсуждалось, как быстрее закончить строительство новых УРов и их вооружение. **Мне хорошо запомнились** острые споры, развернувшиеся на заседании совета. Но как ни спорили, а практического выхода для ускорения производства УРовской артиллерии и обеспечения необходимой УРовской аппаратурой найдено не было”.

Как он ловко вывел себя за рамки проходящего обсуждения данного вопроса на Главном военном совете. Это кто же с кем спорил, дорогой ты наш Георгий Константинович? А где же находились в тот момент вы, “светоч военной мысли” возглавляющий Генеральный штаб? Что конкретного

предложили, вы, лично, для ускорения строительства и ввода в действие построенных военных объектов в укрепленных районах? Скромно дистанцировались от обозначенной проблемы. Взяли и перевели стрелки на покойников: Кулика, Шапошникова и Жданова. Дескать, это они не понимали значимость цели и тормозили важное для страны дело — оборона ее рубежей.

“Тогда заместитель наркома по вооружению маршал **Г.И.Кулик** и заместитель наркома по УРа^м маршал **Б.М.Шапошников**, а также член Главного военного совета **А.А.Жданов** внесли предложение снять часть УРовской артиллерии с некоторых старых укрепленных районов и перебросить ее для вооружения новых строящихся укрепленных районов. **Нарком обороны маршал С.К.Тимошенко и я не согласились с этим предложением**, указав на то, что старые УРы еще могут пригодиться”.

Хитер, ничего не скажешь! Ведь, в чем подлость момента? Хренов же намекал, что надо было пока построить первую полосу укрепления. Соответственно, меньше будет ДОСов (ДОТов), для которых необходимо артиллерийское вооружение. Ведь, его еще предстояло изготовить на заводах. О чем, видимо, и предупреждал, ранее, маршал Кулик. Но не зря же, затянули принятие доклада Хренова. Сооружения понастроили, особенно ДОСы (ДОТы) и, главное, на обеих полосах укрепления, а начинать их, до обидного, было нечем. Что теперь прикажите делать с ними на границе? Оставлять без “начинки”? Вот и было, видимо, предложено, как крайняя мера, частично демонтировать вооружение из УРов находящихся на старой границе 1939 года. Понятно, что эти УРы были, своего рода, теперь уже второй главной линией обороны. Никто об этом и не забывал. Ясное дело, что это вызвало споры. Не “дубы” же сидели на Главном военном совете? Думается, что в числе тех, кто был против, выступил Жуков. Преследовал свои цели.

Разумеется, как всегда, в своих мемуарах Жуков прикрылся Иосифом Виссарионовичем. Обратите внимание, что он чуть ли не в каждой строке приделывает к “Сталину” инициалы имени и отчества. Достаточно было бы написать товарищ Сталин или, просто, Сталин. И так любому понятно о ком идет речь. Нет! Выказывает напускную почтительность.

“Ввиду разногласий, возникших на Главном военном совете, вопрос был доложен **И.В.Сталину**. Согласившись с мнением **Г.И.Кулика, Б.М.Шапошникова, А.А.Жданова, он приказал** снять часть артиллерийского вооружения с второстепенных участков и перебросить его на западное и юго-западное направления...”.

Думается, было принято компромиссное решение. Жукову и компании поставили условие, что по мере поступления вооружения с заводов, будут доукомплектованы те объекты, с которых оно будет снято на старой границе. А Наркомату обороны и Генеральному штабу проконтролировать выполнение проводимых работ.

Смешным выглядит тот факт, что Сталин до войны, оказывается, знал, где у немцев будут направления Главных ударов, так как “приказал снять часть артиллерийского вооружения с **второстепенных участков**”.

А разве начальник Генерального штаба, каким являлся Жуков, не представлял себе, перспективные направления вражеского нападения на нашу страну? Как же в таком случае строились оборонительные укрепления? Если не знал, то поинтересовался бы у Аркадия Федоровича. Он же не просто так, землю перекапывал?

Что произошло с УРа^{ми}, читатель уже знает. Не надо думать, что в этом деле обошлось без Никиты Сергеевича Хрущева. Он был главный партийный деятель на Украине. Не объедешь.

А Жуков-то, как рвет рубашку на груди, рисуя себя защитником интересов родного Отечества. Сумел, дескать, только со второй попытки достучаться до сознания вождя. Иначе, было бы еще хуже.

“Однако после вторичного доклада И.В.Сталину нам было разрешено сохранить на разоружаемых участках **часть вооружения**”.

Как всегда Жуков “выкручивается”, пытаясь “замутить” воду. Воспользовавшись разрешением на частичный демонтаж оборудования, скорее всего, Мазепы начали разоружать УРы, именно, на основных направлениях предполагаемого удара врага. Думается, именно, вам, Георгий Константинович, как начальнику Генерального штаба, вкупе с наркомом Тимошенко и никому более, было адресовано указание Сталина, не грабить по полной программе УРы на старой границе СССР. Но Жуков, увы, относился к другой группе военных, название которым не украшает лексику русского языка.

Он опять начинает, как всегда, ловко оправдываться и “прокалывается”. Читаем:

“По вопросу об УРах, строительство которых началось в **1938–1939 годах**, генеральным штабом **8 апреля 1941 года** были даны командующим Западным и Киевским особыми военными округами **директивы** следующего содержания...”.

Именно, на **старой границе СССР в 38–39 годах** и велось строительство **новых, дополнительных УРов**. Никто, ведь, не предполагал, что в 1939 году будет подписано соглашение с Гитлером. К тому же, полномасштабной войны еще не было. В то время на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, безраздельно хозяйничала Польша, агрессивные планы которой хорошо были известны нашему командованию. Так что не все было “старо” на старой госгранице, коли велось строительство в те годы, о чем ненароком проговорился “великий” маршал.

Далее, он очень сильно расхваливает себя за предусмотрительность. И как следствие, в упомянутых выше директивах, вроде бы, даже выдал указание “начальнику Управления оборонительного строительства разработать и к **1.5.41 года** направить в округа технические указания по установке вооружения и простейшего внутреннего оборудования в сооружениях 1938–1939 гг.”.

Понятное дело, что бумагу он подписал, чтоб её направили в западные округа. А там местные военные товарищи, по его мысли, как только её получают, так сразу — и без промедления за дело. Только успевай подтаскивать! Так что ли, товарищ Жуков? И еще, Георгий Константинович, берет на себя смелость (мягко сказано) уверять, что это самое, именно, там и произошло.

Кстати, как думает читатель, кто был начальником Управления оборонительного строительства, на тот момент? Представьте себе, что из всего приведенного списка руководящего состава Наркомата обороны на начало войны, отсутствуют всего три руководителя, и один из них, наш начальник Управления оборонительного строительства. Может, поэтому Жуков и не привел его фамилию, чтобы спросить было не с кого? Вот они, маленькие тайны войны.

Кроме того, Георгий Константинович пытается окончательно замаять дело об УРах. Понимает, видимо, что могут ткнуть носом с собственное произведение.

“УРы на старой государственной границе не были ликвидированы и разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках”.

Есть еще у нас, — пытается оправдаться Жуков, — оказывается некоторые “недобросовестные” товарищи. Они, понимаешь ли, возводят напраслину, на него, Георгия Константиновича, и ставят под сомнение изложенные им, заместителем самого Сталина, кое-какие факты. Полное безобразие в исторической науке. Не доверять Маршалу Советского Союза? Такого даже в Америке не встретишь!

И товарищ Жуков клянется по поводу УРов на старой границе, говоря своим читателям, что

“...они были сохранены на всех важнейших участках и направлениях, и имелось в виду **дополнительно их усилить**. Но ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать **старые укрепрайоны**”.

Усилить по Жукову — это как? В дотах прорубить дополнительные окна для 152- мм гаубицы, которая стреляла бы “бетонобойными снарядами” по врагу? Или рядом поставить новые танки КВ-2 (без снарядов), которые бы одним своим видом отпугивали немецкую бронетехнику? Как их дополнительно усилить, дорогой вы наш, Георгий Константинович, **когда для ДОСов (ДОТов) на новой границе, на вашей двух полосной системе укреплений, не хватало вооружения**. Это вы, и подобные вам, недобросовестные военные протолкнули к реализации план возведения, сразу двух полос укреплений долговременных сооружений. Хренов и противился этому, о чем и написал в своих мемуарах.

И об этом, тоже, велась дискуссия на Главном военном совете. А сейчас наш маршал умничает, задним числом.

“Относительно **новых укрепленных районов** наркомом обороны и Генштабом неоднократно давались указания округам об ускорении строительства. На укрепления новых границ ежедневно работало почти 140 тысяч человек. Торопил нас с этим и И.В.Сталин”.

Дело не в ускорении, а в осмысленности военного строительства. Иначе получается и саботаж, и вредительство — и все в одном флаконе. Поэтому, как правило, когда нечего сказать в оправдание, дается ссылка на самоотверженный труд советских людей. Это действует безотказно. Многие сразу начинают верить в маршальскую писанину.

И как всегда, в конце темы, Георгий Константинович не удержался, чтобы не пририсовать к “Сталину” инициалы имени и отчества. Для придания большей весомости и правдивости своего изложения.

Получилось, скорее всего, так: на старой границе УРы раскурочили, а на новой — не оснастили.

Как вспоминал первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К.Пономаренко (мы с ним подробно встретимся чуть позже):

“Строительство велось напряженно, круглосуточно. Оно было **усилено до предела**. К сожалению, хотя чисто **строительные работы** к началу Великой Отечественной войны **были в основном завершены, артиллерийское и инженерное оборудование построенных укреплений не было закончено**. Например, только **в 35 % дотов** удалось установить орудия и пулеметы. Во многих дотах еще отсутствовали амбразуры, не было закончено электросиловое оборудование, не установлены минные заграждения и т. д.”

Получается, что 2/3 ДОТов практически были без вооружения?! И это там, где не было Хрущева! Что же тогда было на Украине? Это лишний раз говорит о том, что “пятая колонна” была не только на местах будущих сражений, — основное ее гнездовье было в Москве — наркомат обороны, Генеральный штаб и прочие военно-партийные организации.

Трагичнее всего и то, обстоятельство, что даже такие, наполовину готовые УРы, и то запрещалось, во многих местах, заполнять войсками накануне войны. Как же! — боялись, дескать, спровоцировать Германию на ответные действия. К тому же еще и “Сталин” приказал, чтобы без его особого указания, ни шагу — к границе. Так все и получилось в действительности.

С этими укрепрайонами, да с самим товарищем Жуковым так увлеклись разборкой, что чуть было не оставили без внимания нашего Аркадия Федоровича. Он заждался, вкупе с редакторами, чтобы “самому” пояснить сказанное Георгием Константиновичем.

“Наступил новый, 1941 год. С 1 февраля начальником Генштаба стал генерал армии Г. К. Жуков. Генерал армии К. А. Мерецков, принял дела заместителя наркома обороны по боевой подготовке”.

Тут нам ранее Кирилл Афанасьевич хотел вроде бы, поведать, как закончилась штабная игра “синих” и “красных”, но Сталин “не дал” ему сказать. Помните, прервал на самом интересном месте. Придется помочь “обиженному” товарищу Мерецкову просветить читателя. Дело в том, что за наших — “красных”, играл ни кто иной, как сам Жуков. Но ему в игре сильно не повезло и досталось от противника — “синих”, за которых “воевал” Павлов. Может быть, Мерецков и хотел бы сказать об этом, но его вовремя схватили за руку: “А как же образ мудрого в провидениях и непогрешимого в делах маршала Победы?” Вот тут Сталин и пригодился со своим несвоевременным вопросом.

А товарищ Хренов продолжает тем временем, по возможности, резать правду-матку в своих воспоминаниях. Теперь его стало волновать другое. Он решил добиваться

“изменения норм инженерного снабжения войск. Результатов не было. Обратился с письмом в ЦК ВКП(б). В нем постарался как можно убедительнее показать значение специальных инженерных частей и роль инженерных начальников в современной операции, разъяснить, что минное оружие является не только оборонительным, но и наступательным, что нам нужны специальные части для устройства и преодоления различных заграждений.

Это письмо, видимо, явилось той последней каплей, которой не хватало, чтобы покончить с недоверием к обоснованности наших запросов. Во всяком случае, после него дело сдвинулось с мертвой точки. Главному управлению предложили дать расчетные данные по всем видам инженерной техники на первые шесть месяцев войны. Эти расчеты были быстро представлены. Нас активно поддержал **маршал Б.М.Шапошников**. И новые нормы обрели право на существование”.

Это тот самый Шапошников, который по уверениям Жукова, якобы, приказал разоружать “старые” УРы, а Георгий Константинович изо всех сил сопротивлялся этому, даже, Сталина побеспокоил.

Интересно, как Жуков отнесется к этому нововведению Аркадия Федоровича, ведь тот так **желал усилить оборону стрелковых частей**? Тем более что “изменения были весьма ощутимыми. Если раньше на дивизию полагалось 2500–3000 противотанковых и 3000–4000 противопехотных мин, то теперь эти цифры соответственно увеличились до 14000 — 15000 и 18000 — 20000. Правда, принять новые нормы еще не означало снабдить в соответствии с ними армию. Фактически у нас в то время имелось около миллиона противотанковых мин и немногим более противопехотных. К началу войны их количество возросло”.

Вроде бы, хорошее дело сделал Аркадий Федорович, но отчего нет радости от написанного? Понятно! Произошло то же, что и со строительством укрепрайонов. Кругом скрытый саботаж. Хренов и поясняет, что принять новые нормы — это хорошо, а снабдить по ним Красную Армию — заведомо, не выполняемая задача.

Это была, видимо, лебединая песня товарища Хренова на поприще начальника Главного военно-инженерного управления Генштаба. В середине апреля 1941 года Аркадий Федорович, вдруг, оказался в Сочи, в военной санатории имени К. Е. Ворошилова. Интересно, смог ли, сдержать свои чувства, узнав, какое название носит данный санаторий? Это были своего рода перегибы того, далекого времени. Не знаю, уж, какие эмоции могли возникнуть у самого Климента Ефремовича, отдыхай он в санатории носящим его имя? Может, ощущался бы необычайный

восторг души и прибавление здоровья или, все же, данный санаторий предназначался для другой категории военных, которым всего лишь следовало знать и помнить свое вышестоящее руководство?

“Вся обстановка располагала здесь к отдыху, успокаивала. (Еще бы, в санатории носящим имя Ворошилова. — В.М.). Но можно ли было отвлечься от мыслей о делах? Тем более что на следующий день после приезда я встретил **Матвея Васильевича Захарова**. Мой давний и очень уважаемый знакомый после назначения из ЛВО на должность помощника начальника Генштаба около двух лет проработал в Москве. В прошлом году его назначили начальником штаба в Одесский военный округ. Почти все время мы теперь проводили вместе, и наши разговоры неминуемо возвращались к одному: к тревожной обстановке, предвещавшей близкую войну, к тому, что сделано и не сделано для отпора врагу”.

И чего переживали? Ведь в Генштабе же остался “пламенный патриот” Отечества маршал всех времен и народов Георгий Константинович Жуков. Уж он-то, вместо них даст “настоящий” отпор Гитлеру! Ни пяди родной земли врагу!

К сожалению, не знали они истинных чувств “полководца”, особенно, Аркадий Федорович. С грустью вспоминает он свою службу в Генштабе, как бы подводя итоги прошедшему.

“Служба на посту начальника ГВИУКА дала мне очень многое как специалисту и руководителю, расширила кругозор. Но главное не в этом. Что я сам сумел отдать службе? Этот вопрос я не однажды мысленно задавал себе. Далеко не все из задуманного удалось претворить в жизнь.

И все ж было немало такого, что приносило законное чувство удовлетворения. Само создание ГВИУКА значило многое, и было лестно сознавать, что разработка его структуры проходила при моем участии. Появилась директива, предусматривавшая увеличение глубины строящихся УРов. Были созданы новые документы по инженерной службе, отражавшие боевой опыт; утверждены реальные нормы снабжения армии инженерным имуществом и минно-взрывными средствами. Шагнула вперед выучка инженерных частей, происходило “осаперивание” всех родов войск. На испытательных полигонах появились опытные образцы облегченных **окопкопателей, траншейных, дорожных и прочих специальных; машин**. И разве мог я без теплого чувства вспоминать о М. П. Воробьеве, Л. З. Котляре, М. Н. Нагорном, И. А. Петрове, В. В. Яковлеве и других сослуживцах по наркомату, чья помощь была поистине неоценима? Трудились мы дружно, с полной отдачей, жили душа в душу”.

Пару слов об опытной технике. Кто бы ее стал внедрять, если, во-первых, в Уставе бойцу Красной армии того времени, было предоставлено право самостоятельно выкапывать для себя небольшую ячейку, а здесь речь будет идти о траншеях. Помните Рокоссовского по лету 1941 года, и его требование при обороне отрывать окопы полного профиля? И, во-вторых. Как это соотносилось бы с действиями наших заговорщиков? Судя по результатам с укрепленными районами на границах, вряд ли бы они способствовали проталкиванию в серийное производство подобные опытные образцы. Непроходимая оборона рубежей Советского Союза — не их удел.

Теперь, что касается грустной тональности в изложении нашего героя.

Отчего это он стал петь себе отходную? Ведь, вроде, отдыхал от повседневных забот? Наверное, сердцем чувствовал приближение перемен в своей военной жизни. Так оно и произошло.

“...Работа в ГВИУКА **неожиданно закончилась**. Теперь предстояло отправляться к новому месту службы: был получен приказ о моем назначении начальником инженерных войск **Московского военного округа**”.

Часть 3. Московский свидетель

Вот наконец-то и добрались до интересующего нас вопроса: “Как там было по началу войны в Московском округе?” С Тюленевым разобрались. Цензура сильно постаралась. Теперь на очереди воспоминания товарища Хренова. Что же дали сказать “душители свободы слова” Аркадию Федоровичу?

Ну, то, что его взащей вытолкали из Генштаба с ответственной должности связанной со строительством укрепительных сооружений на границе, повторяться не будем. Итак, все понятно. Сейчас нас интересует, как Аркадий Федорович описал события, предшествующие началу войны, находясь в Московском округе.

“С трудом дождался конца отпуска. Не терпелось скорее взяться за дело на новом месте.

Командующий войсками МВО Маршал Советского Союза С. М. Буденный встретил меня приветливо.

— Тут звонок от Главного был, — сказал он. — Велел, чтобы тебя не обижали. Да мы и не собирались обижать...”

Непредсказуема наша История. Особенно по периоду Великой Отечественной войны. Читатель уже видел, что сотворили с мемуарами Тюленева. У данного мемуариста ситуация не легче. Так, когда же его попросили из Генштаба, если еще Семен Михайлович Буденный был на посту командующего округом? Это надо полагать произошло еще до августа 1940 году, коли “Буденный ...встретил приветливо”? Вот тебе раз! Понятно, что доклад пылился на столах начальников Генерального штаба Мерецкова и Жукова. Но может, поэтому нашего автора и “переместили” пораньше, чтобы не бросалось в глаза, чрезмерно растянутая волокита по его докладу?

Мутят воду по поводу нахождения Хренова на посту начальника Главного военно-инженерного управления. Он в этом качестве, значится в списках высшего руководящего состава РККА на совещании в конце декабря 1940 года. Да и Тюленев фигурирует в качестве командующего Московским округом в тех же самых списках, приглашенных на совещание в Москве. Зачем, тогда, приплели Семена Михайловича, да еще, почти в мае месяце 1941 года в качестве командующего Московским округом? Видимо, чтобы скрыть, что он в тот момент был 1-м заместителем наркома обороны. Их и так, его и Ворошилова, изображают тупыми кавалеристами эпохи Гражданской войны.

Как обычно, содеянное прикрывают именем Сталина. Дешево и сердито. Поди, проверь: беспокоился тот, лично, за Аркадия Федоровича или нет? Это чтобы читатель подумал, что в Генштабе товарища Хренова по головке гладили и восхищались его инженерными талантами, а Московском округе на него, якобы, заранее точили зубы.

“Маршал коротко рассказал о внешнеполитических событиях последнего времени (после отпуска эта информация была для меня особенно интересной), о делах в округе. Перечислил главные мои задачи.

— Надеюсь, — заключил Семен Михайлович, — в обстановку вы вращаете быстро. Обо всех трудностях незамедлительно докладывайте лично мне...”

Будем считать так, что товарищ Хренов, по делам службы был на приеме у 1-го заместителя наркома обороны товарища Буденного и тот обещал ему поддержку, имея виду его новое назначение. Только и всего.

“Но докладывать ему не пришлось: в конце мая в командование округом вступил генерал армии И. В. Тюленев. Да и с особыми трудностями я, по правде говоря, не встретился. Коллектив окружного

инженерного управления принял меня очень радушно. Я сразу нашел общий язык со своим заместителем по боевой подготовке полковником А. Ш. Шифриным, с начальниками отделов. Все командиры и военные инженеры управления хорошо знали свое дело, отличались завидной исполнительностью — в столичном округе и кадры были соответствующие. Словом, с первых дней я почувствовал себя так, словно давно служил здесь, и с удовольствием окунулся в работу, позволявшую **быстрее видеть плоды своих усилий**".

У самого Тюленева упоминание о его назначении командующим Московским военным округом в мемуарах напрочь отсутствует. Но это, конечно же, не означает, что он вступил в должность командующего в мае 1941 года. Вопросы к нему: когда? при каких обстоятельствах? и вместо кого? — остались, к сожалению, без ответов. Почему? Да потому что, сделал что-то нехорошее хрущевцам. Вот они и искажают его в Истории.

Что же касается служебной деятельности Аркадия Федоровича, то он ясно дал понять, что может быть, хоть в Московском округе ему удастся в полном объеме увидеть результаты своей деятельности.

“В начале июня командующий собрал руководящий состав штаба округа и сообщил, что нам приказано готовиться к выполнению функций полевого управления фронта. Какого? Этот вопрос вырвался у многих.

— К тому, что я сказал, ничего добавить не могу, — ответил Тюленев.

Однако когда он стал давать распоряжения относительно характера и содержания подготовки, нетрудно было догадаться, "что в случае войны действовать нам предстоит на юге".

Тут и комментировать особо нечего. "Аркадий Федорович" опередил по мыслям самого командующего Тюленева. Как помните, у Ивана Владимировича в воспоминаниях, его назначение командующим Южным фронтом было для того, полной неожиданностью. Здесь же, заранее, за несколько дней до начала войны, выстилается ковровая дорожка на юг. А что же тогда было 22 июня? Сейчас узнаем.

“Кажется, ни один автор военных мемуаров не избежал соблазна хотя бы коротко рассказать о первом дне войны...

Не обойду и я в своем рассказе день 22 июня. На понедельник в штабе планировалась поездка для отработки организации и взаимодействия в составе полевого управления фронта. Поэтому **в субботу, отпустив пораньше всех командиров инженерного управления**, я задержался на службе: готовил документы и карты к предстоящей поездке. Домой вернулся далеко за полночь. Собрал все необходимое, что могло понадобиться в поле, и быстро улегся спать. С утра пораньше я собирался отправиться за город, в Жуковку, — там, на даче у родственников, жила **семья**".

Всё, как и везде. Отдыхаем, товарищи военные, до понедельника. До кабинета Тимошенко в Москве, не доносился гул немецких танковых моторов, а Жуков не знал дислокацию немецких группировок у границы. Они же не посещали Мерецкова, чтобы послушать доклады генерала Дубинина из Разведуправления. Поэтому решили собраться (надо же когда-нибудь это сделать) в кабинете Семена Константиновича, чтобы обсудить, как там дела у Гитлера, и что он планирует предпринять в ближайшие часы? Почему не поехали отдыхать домой к семьям, разрешив, это делать другим? Видимо проявляли трогательную заботу о своих подчиненных. О них же некому было побеспокоиться. Не Сталину же? К тому же, в скором времени, будет звонок из Севастополя от Октябрьского, и Жукову надо подумать, что ему ответить.

Но если Хренов стал готовить документацию к поездке, то значит, в субботу Тюленеву и вручили предписание об убытии в Винницу. Представляется сомнительным, чтобы руководство Московского округа должно было выделить полевое управление для убытия на фронт.

И вот наш, Аркадий Федорович, устав от мирских забот прилег отдохнуть до утра.

“Едва уснул, затрезвонил телефон.

— Товарищ генерал, — послышался возбужденный голос оперативного дежурного штаба округа, — вас вызывает командующий. Приказано не задерживаться. Машина сейчас выезжает...

Быстро добрались мы до Лефортова, въехали во двор штаба округа. Здесь уже чувствовалось необычное оживление.

В приемной командующего я застал начальника штаба генерал-майора Г. Д. Шишенина, начальника политуправления дивизионного комиссара Ф. Н. Воронина, начальника тыла генерал-майора А. И. Шебунина и еще нескольких товарищей”.

Первый сюрприз. Исчез заместитель командующего И. Г. Захаркин и член Военного совета В. Н. Богаткин. Зато появился полновесный начальник штаба Г. Д. Шишенин. У Тюленева он почему-то был, только как “исполняющий обязанности”.

“Генералы стояли группками, негромко переговаривались. В слитном жужжании голосов я уловил отдельные слова: “Кажется, началось...”, “Да, по всей границе...”.

Значит, война... Подошли еще несколько человек. Никаких подробностей никто не знал. Вскоре появился командующий и пригласил нас в зал заседаний Военного совета”.

Военный Совет округа без члена Военного совета. Может это был тот момент, когда Ставка одного сняла, а другого еще не назначила?

“Коренастый, подтянутый, с короткой щеточкой усов, Иван Владимирович Тюленев выглядел очень встревоженным. Войдя в зал и приняв доклад начальника штаба, он не сел, как обычно, за стол, а остался стоять.

— Товарищи, — обратился он к нам, — в четыре часа с минутами я был вызван **в Кремль**. Климент Ефремович Ворошилов и **Семен Константинович Тимошенко** сообщили мне, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину...”.

Для солидности сообщения о нападении Германии редакторам издания пришлось слить воедино наркома обороны и заместителя председателя Комитета обороны при СНК. Непонятно: они что же, по очереди сообщали Тюленеву о нападении немцев или говорили вместе, перебивая друг друга?

Кроме всего прочего выясняется важное обстоятельство, дающее пояснение мемуарам Тюленева. Как видите, не один Ворошилов напутствовал Ивана Владимировича в дальнюю дорогу. Рядом находился Нарком обороны Тимошенко, который по совместительству был еще и Председателем Ставки. Теперь, вполне правдоподобно назначение товарища Тюленева командующим Южным фронтом, так как соответствующее должностное лицо находилось рядом. Ему, то есть, Тимошенко, с руки было спросить у Тюленева и о командном пункте для Ставки, и дать тому приказание посетить Генеральный штаб для встречи с Жуковым.

А следом идет не менее интересный эпизод. Тюленев отдает приказание своим подчиненным:

“...А сейчас немедленно вызывайте своих подчиненных и приступайте к выполнению **плана мобилизационного развертывания**.”

Далее Иван Владимирович сообщил, что он назначен командующим войсками Южного фронта, членом Военного совета — армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, начальником штаба — генерал-майор Г. Д. Шишенин”.

Точно, как и предполагал. Богаткина уже убрали в неизвестном направлении, а Запорожец, видимо, еще не подъехал, иначе бы, командующий представил бы его собравшимся. И так, Московский округ обезглавлен. Командующего и начальника штаба округа отправляют подальше на юг, а члена Военного совета округа выдергивают по партийной линии. И кто же будет вместо них рулить Московскими войсками? Неужели, все же, ответственность возложили только на заместителя командующего И.Г.Захаркина? Темное дело. Деятели из новоявленной Ставки, судя по всему, знали, что делали.

“Начальниками родов войск и служб фронта назначаются соответствующие начальники из округа. Полевое управление отбывает на фронт двумя эшелонами. Место назначения — Винница. Состав первого эшелона должен быть готов к отправке сегодня, состав второго — завтра.

А разве в мобилизационном пакете командующего лежало предписание об отбытии в район действия Одесского военного округа, и развертывать там полевое управление фронтом? Конечно же, нет! Ведь, в мемуарах Тюленева назначение он получал, якобы, от Ворошилова. Здесь же, у Хренова, объединены взаимоисключающие структуры: Комитет обороны и подведомственный ему наркомат обороны.

Скорее всего, Иван Владимирович Тюленев зачитал приказ, который ему вручил Председатель новообразованной Ставки С.К.Тимошенко. Как всегда, чтобы его здорово не выделять, “пририсовали” за компанию Ворошилова. Все равно, ведь, тот уже умер, на момент выхода книги. Не обидится же?

А дальше все происходит по аналогии с мемуарами Тюленева.

Командующий “объявил, кто выезжает первым эшелонам, определил время сбора на Киевском вокзале к 15 часам и приказал мне приступить к обязанностям начальника первого спецпоезда...”

В полдень по радио выступил заместитель Председателя Совнаркома, нарком иностранных дел В. М. Молотов. Выслушали его молча и разошлись по рабочим местам. Время не ждало. К 13 часам все дела были завершены. Прежде чем отправиться на вокзал, я заскочил домой, рассчитывая попрощаться с родными. Как и ожидал, **жена с детьми** успела приехать с дачи. Обнялись, расцеловались, пожелали друг другу дожить до победы и все вместе спустились во двор, к машине...”

Понравилось, по поводу выступления Молотова: “Выслушали его молча и разошлись по рабочим местам”. Никаких эмоций. Тюленев же, им всё уже рассказал, а отправка за тридевять земель, судя по началу войны, не сулила ничего хорошего.

Далее, Аркадий Федорович описывает, как управление Московского округа поездом продвигались к югу, в сторону Винницы. Я решил включить его рассказ в канву повествования, чтобы уточнить некоторые моменты, опущенные у Тюленева. На мой взгляд, они представляют определенный интерес, в смысле, факта спланированного бардака. Впрочем, при дальнейшем знакомстве с воспоминаниями Хренова, любой читатель может сам убедиться в этом.

“В половине третьего мы уже были на вокзале... я пошел осмотреть спецпоезд, сверяясь с имевшейся схемой.

Погрузку закончили к 15 часам. Все начальники и командиры заняли свои места. В 15. 20 прибыли И. В. Тюленев и **А. И. Запорожец**. Я подошел к ним с докладом о готовности к отправлению.

— Отправляйте не задерживаясь, — распорядился Тюленев.

Через пять минут паровоз плавно сдвинул с места наш состав, и поезд, набирая ход, пополз вдоль непривычно пустого перрона.

До Киева мы ехали почти без остановок. В пути несколько раз собирались в салон-вагоне командующего. Тюленев и Шишенин сообщили то немногое, что знали об обстановке, познакомили нас с составом войск Южного фронта. Фронт включал в себя прежде всего 18-ю и 9-ю армии. Полевое управление 18-й формировалось в Харькове, на базе Харьковского военного округа, командующий которым генерал-лейтенант А. К. Смирнов был назначен командармом”.

А ведь, как сообщал М.В.Захаров, он просил Генштаб создавать фронт, именно, на базе Одесского военного округа. Но что не сделаешь, ради “хороших друзей” из Московского военного округа, как Тюленев, Хренов и другие. К тому же, на юге, как известно, значительно теплее, чем в Москве. Впрочем, есть и еще ряд положительных отличий от столицы, например: отдаленность от властей. Хотя, в какой-то мере, это нивелируется наличием телефонной связи.

Далее Аркадий Федорович знакомит читателя с другими войсковыми соединениями, входящими в состав Южного фронта. Кроме этого

“...командующий и начальник штаба рекомендовали нам сразу по прибытии получить документы, характеризующие состояние передаваемых фронту соединений, и все имеющиеся данные о театре военных действий”.

Приведены интересные зарисовки о штабе Киевского военного округа первых дней войны.

“В Киев мы прибыли вечером **23 июня**. **У вокзала нас ожидала машина из штаба округа**. Я оказался в числе тех, кто отправился в штаб. Принял нас заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант **В. Ф. Яковлев**. Он сообщил о весьма тяжелом положении, в котором оказался Юго-Западный фронт, отражая нападение немцев. Противник достиг **оперативной внезапности** и, развивая успех, наносит мощные удары. Предпринимаются попытки организовать контрудары, но управление войсками затруднено, связь с ними ненадежна. Более полными данными генерал не располагал”.

О самом В.Ф.Яковлеве, тоже, довольно скудная информация. У Тюленева вообще убрано упоминание о нем. Несколько слов о Всеволоде Федоровиче. Он был оставлен в Киеве, как заместитель командующего с целью организовать тыловую работу округа и в первую очередь — проведение мобилизации в соответствии с Указом от 23 июня. Как она была организована и проведена, остается только догадываться.

О тяжелом положении Юго-Западного фронта я уже упоминал в первой части. Хочу обратить внимание читателя, вот на какой момент. Тюленев и его людей на вокзале ожидала машина, чтобы отвезти в штаб Киевского округа. Зачем? Ведь у них были своя боевая задача, отличная от местных товарищей? Правда, Аркадий Федорович, уверяет, что у него, лично, нашлись важные дела, которые он должен был решить в данном штабе. Но что хотел узнать Тюленев у Кирпоноса, в ходе несостоявшегося телефонного разговора? Может Иван Владимирович надеялся

встретиться в Киеве с другими ответственными лицами, с тем же Жуковым, но их, к его глубокому сожалению, не застал на месте?

“Командующий войсками округа генерал-полковник М. П. Кирпонос возглавил Юго-Западный фронт и находился на КП в Тернополе. Там же были и другие командиры, составившие полевое управление фронта.

Я отправился по отделам и управлениям штаба добывать справки, топографические карты и прочие документы, касавшиеся укрепрайонов, а также дорожной и аэродромной сети в полосе **Южного фронта. Обстановка в штабе несколько озадачила меня.** Служебные кабинеты обезлюдели — их хозяева, что было вполне естественно, оказались в Тернополе. Но **те, кто оставался, не были наделены достаточными полномочиями и не имели доступа к интересующим меня документам.** У нас в МВО переход на военное положение был отработан четче”.

Все это лишний раз подчеркивает “липу” о, якобы, запланированном создании Южного фронта на базе МВО. Полевое управление фронта без соответствующих документов?! Вообще-то, удивляться не следует, зная, кто готовил и утверждал приказ Ставки.

Видимо, прилетев с Хрущевым в Киев, Жуков побывал и в штабе КОВО. Вполне, допускаю, что приказал опечатать сейфы с документами, чтоб “целее” были. Иначе, как понять, что работники штаба округа “не имели доступа к интересующим меня документам”.

“Выручили меня оказавшиеся на месте **работники Инженерного управления.** Они **по памяти** охарактеризовали мне состояние **УРов, дорог и аэродромов.** Набросали **примерную схему** расположения железобетонного командного пункта (КП) в Виннице, на берегу Южного Буга, — именно там и должно было разместиться наше фронтовое управление. Они же **предупредили,** что на КП может не оказаться необходимых средств связи и полного расчета обслуживающей команды.

Все эти сведения представляли для меня практическую ценность. **Большого в штабе округа я почерпнуть не смог.** Спасибо и на этом. Теперь можно было возвращаться на вокзал”.

“Неожиданный” сюрприз поджидал наших “путешественников” поневоле. Надо полагать, что сейфы с документами оказались закрытыми. Ключей, как и хозяев, днем с огнем не отыскать. Вполне возможно, что владельцы секретов могли и уехать на КП фронта в Тернополь. Что делать в таком случае? Обратиться за помощью к боевому братству порядочных людей — оно, как правило, не подводило. На высоте оно оказалось и в этом случае. Киевляне рассказали, что знали и, главное, что особо умилило, набросали примерную схему как нашим бедолагам добраться до своего командного пункта. Иначе, хоть: “Караул!” — кричи. Не будешь же, прибыв под Винницу, ездить вдоль берега реки и спрашивать у встречных и поперечных: “Где тут поблизости находится армейское КП? Мы не местные. Мы, дескать, из Москвы приехали повоевать”.

Вот так организовывал работу подведомственных структур Генеральный штаб под управлением Г.К.Жукова. Кстати, как помните, он при первых же выстрелах на границе рванул с Хрущевым, именно, в Тернополь. Видимо, кроме всего прочего, попутно прихватили с собой из Киева и тех служивых из штаба округа, которые обязаны были вести организационную работу в тылу. А зачем это надо Жукову — Хрущеву? Для них важнее было создать неразбериху и хаос в управлении войсками, что они целенаправленно и делали. Почему эта “сладкая парочка” оказалась в Тернополе? — поговорим, чуть ниже, в отдельной главе.

А наш Аркадий Федорович со своими боевыми друзьями, пожав на прощание руки киевлянам, покатил дальше на юг, к месту, приблизительно указанному товарищами их штаба КОВО.

Поезд шел без остановок, то убыстряя, то замедляя ход. В пути собрались у Г. Д. Шишенина. Обменялись сведениями, полученными в Киеве. Я доложил неутешительные вести: **инженерных и строительных частей, непосредственно подчиненных фронту, нет.** О том, чем располагали армии и Одесский округ, данных не было. Отсутствовали данные и о состоянии укрепрайонов. Не все было ясно и в отношении возможностей местных строительных, монтажных и ремонтно-восстановительных предприятий во фронтовой полосе. Вывод напрашивался такой: завтра же нашему управлению нужно начинать изыскивать и собирать инженерные, строительные, технические силы и материальные средства, чтобы обеспечить боевую деятельность командования, штаба, войск и тыла.

Вот так собирались обороняться на румынском направлении прибывшие из столицы москвичи. С помощью кого же предстоит готовить рубежи обороны, если отсутствуют инженерные и строительные части? Видимо, будут привлекать, как всегда, местное население, вооруженное лопатами. Хоть небольшой противотанковый ров, а выкопают, и то хорошо.

Где там наши мудраки-руководители Генштаба Мерецков и Жуков? Их преступная деятельность видна воочию. Мерецкова-то притянут за хобот, правда, по другим делам, да и то выскользнет, а Георгий Константинович, к сожалению, будет всю войну, находится в обойме “неприкасаемых”. Ни один волосок не слетит с его головы.

“В Винницу мы прибыли на рассвете **24 июня**. Быстро разгрузились на железнодорожной ветке, вклинившейся в пригородную рощу. Полученная в Киеве схема позволила без труда отыскать КП. Отправились туда на машинах...

Вечером следующего дня благополучно прибыл и второй эшелон полевого управления фронта”.

Маленькие радости на войне. Если бы ни товарищеская помощь работников штаба КОВО, было бы потеряно драгоценное время на поиски, даже этого, забытого богом КП. Что говорить в таком случае о подставе врагу? В других местах, с другими товарищами происходило еще более худшее, чем выпало на долю служивых из Московского округа.

“День **24 июня** стал, по существу, **днем рождения Южного фронта**. Несмотря на то, что в Киеве не удалось получить ни топографических карт, ни оперативно-тактических справок, в цейтнот мы не попали. Государственная граница во фронтовой полосе проходила по таким крупным водным преградам, как Прут и Дунай. Это позволяло войскам прикрытия успешно отражать попытки противника вторгнуться на советскую землю. Да и боевая активность гитлеровцев была не столь высокой, как на Юго-Западном фронте. Благодаря этому мы получили возможность осмотреться, наладить управление, осуществить развертывание основных сил, организовать оборону”.

Понятно, что был запланированный бардак. Но, именно, не предусмотренная никакими планами “пятой колонны” инициатива отдельных командующих, того же Тюленева с товарищами, позволяла создавать, буквально на ровном месте, будущие очаги сопротивления врагу. Румынию втянули в орбиту войны, провокационно разбомбив ряд объектов на ее территории, а на своей, не удосужились даже обозначить полосу укрепрайона. Благо географическое расположение крупных рек в том регионе, текущих в меридианном направлении, позволяло иметь естественные преграды. А ведь, это описывает человек, который, в свое время, возглавлял Главное военно-инженерное управление в Генеральном штабе. Неужели, за нерадивость, выперли с должности Аркадия Федоровича? Вряд ли. Скорее наоборот. Жуков органически ненавидел умных и порядочных людей, болеющих душой за Отечество. Думаю, что военных инженеров, представителей обширной когорты специалистов армейского толка, он ненавидел больше всего. Именно, от них, в большей степени, исходила угроза срыва Гитлеровского плана блицкриг.

Осенью 1941 года, заступив на пост командующего Ленинградским фронтом, Жуков вызвал к себе тамошнего начальника инженерной службы фронта подполковника Б. В. Бычевского. Столько

злости и ненависти “выплеснул” он на данного товарища, что тому мало не показалось на всю оставшуюся жизнь. Также прокатился и по адресу нашего героя, Аркадия Федоровича. С нескрываемым раздражением в голосе, по-хамски бросил в сторону Бычевского, через губу: “Хренова, что ли, сменил здесь?”, имея виду предшественника на посту начальника инженерной службы. Как помните, наш Аркадий Федорович за войну против финнов получил звание Героя Советского Союза. Надеюсь, понимаете, что за финскую — Героями не разбрасывались. А здесь, уже только фамилия, нашего героя, приводила Георгия Константиновича в неистовство. Видимо, хорошо помнил того по работе в Генштабе, за что и “сожрал”. Да, будь, наверное, его воля, всех бы военных инженеров закопал бы в противотанковом рве. Не мало они ему крови испортили своими фортификационными сооружениями. Не будь этих скромных тружеников войны с петлицами инженерных войск, еще труднее пришлось бы матушке-пехоте, чтоб остановить, рвавшего вглубь страны, врага.

И вот, по недоброму, упомянутый Жуковым, товарищ Хренов, начал вновь налаживать военную жизнь и на этом месте. За что осенью, Жуков, будет его в Ленинграде, поминать со скрежетом на зубах.

“В подземном командном пункте средств связи, как и предполагалось, не оказалось. К счастью, у нас имелись свои, которые и развернули незамедлительно”.

Это, скорее желаемое, выдаваемое за действительность. А может, за автора немного подсутились редактора? Матвей Васильевич Захаров в следующей главе пояснит читателю, как было под Винницей на самом деле.

“Перспектива жить в подземелье никого не прельщала — там было мрачно и душно. Пришлось нашим инженерам сразу заняться усовершенствованием вентиляционной системы. А управление фронта разместилось в находившемся неподалеку здании школы. Там и работали и жили. А под землю спускались только во время воздушных налетов.

В первый же день мне удалось добыть в облисполкоме запас земельных карт области. На этих картах, естественно, не были обозначены ни укрепрайоны, ни другие военные объекты, но расположение населенных пунктов, рек, а главное, дорог они передавали точно.

Какие практические шаги требовалось предпринять, прежде всего нам, работникам управления инженерных войск фронта? Опыт подсказывал: нужен организационный документ, четко определяющий, что и с какой целью следует сделать, в какие сроки и кто назначается ответственным.

Этим документом явилось **“Обязательное постановление Военного совета Южного фронта об инженерной подготовке прифронтовой полосы”**, представленное на утверждение **28 июня**. “Обязательное постановление” предписывало местным партийным и советским органам заняться приведением в порядок дорожной сети, обеспечить маскировку, водо- и энергоснабжение крупных городов и промышленных центров, развернуть инженерно-оборонительные работы на угрожаемых направлениях, в частности под Винницей, Кишиневом, Измаилом. С принятием “Обязательного постановления” вносилась ясность: кому, где и что делать, кто и за что отвечает. И выполняться оно начало с того самого дня, как было подписано.

Взгляд в масштабах фронтовой полосы не мешал, однако, Инженерному управлению осмотреться и у себя на месте. В Виннице мы почерпнули очень обстоятельные сведения о состоянии дорог в области. Получили на складах изрядное количество динамита и бертолетовой соли...”

На что хотелось бы обратить внимание читателя? Как помните, товарищи из штаба КОВО по памяти набросали схему, как товарищу Хренову добраться до нужного ему КП. А вот наш Аркадий Федорович нигде словом не обмолвился, что по памяти пытался восстановить расположение УРОВ

в данном регионе, с находящимися в них военными объектами. Ведь, схем-то у него не было. К чему клоню? Видать, не было дано свыше задание военно-инженерному управлению под начальством Хренова к **дополнительному обустройству** данного региона в оборонительном плане. Помните, как Жуков хвалился в Директиве от 1-го мая, что, дескать, и старые УРы, не только не будут разоружены, а даже, еще лучше — будут дополнительно укреплены. Хорошо, хоть не взорвали, и на том спасибо. Поэтому и вспомнить нашему герою было нечего, так как к этому времени его уже не было в Генеральном штабе, а до этого времени, такой вопрос, даже, и не поднимался.

Кроме того, ранее уже было упомянуто, что военные действия на румынском направлении начались 26 июня. А у нас, то есть в воспоминаниях Аркадия Федоровича, только 28 июня был подготовлен документ об инженерной подготовке фронтовой полосы. Так что никакие реки не помогут остановить неприятеля, если нет рукотворно-построенных защитных заграждений. Вот и покатила война на восток.

“Сдерживая неприятеля в ходе приграничного сражения, войска фронта завершали развертывание своих сил. Но... 1 июля противник, создав двойной перевес в людях и технике в районе Ясс, форсировал Прут и захватил плацдармы на нашем берегу. А на другой день перешел крупными силами в наступление, нанося главный удар в стык 18-й и 9-й армий. Напряженные бои одновременно разгорелись по всей линии Южного фронта. Согласно директиве Ставки Военный совет приказал командованию 18-й армии отвести правофланговые части, стыковавшиеся с левым крылом Юго-Западного фронта, на **линию старых укрепленных районов**. Оба командарма получили приказ **“привести в полную боевую готовность как главный рубеж обороны” УРы, расположенные по Днестру**”.

Уверен ли читатель в том, что УРы на старой границе были “девственно чисты”, в смысле, что их не коснулась рука “насилника” по приказу наркома обороны? Были ли они в состоянии выполнить свое функциональное предназначение?

Далее следуют, как правило, приписываемые автору дежурные фразы о героизме бойцов Красной Армии.

Но вот проступает, более реальное очертание действительности.

“Наши войска оказывали противнику ожесточенное сопротивление, проявляя высокие образцы героизма. И все-таки нам приходилось отступать. Сказывалось численное превосходство, созданное противником на направлениях наносимых ударов. **Строительство оборонительных рубежей** на этих направлениях **было только начато**, и они не могли надолго задержать продвижение гитлеровцев. Однако то, что было сделано, помогало нашим частям сдерживать неприятельский напор, причинять фашистам большой урон и самим нести минимальные потери. А главное, мы уже располагали сформированными стройбатами, которые удалось своевременно отвести в тыл и использовать для создания новых рубежей обороны”.

Надо ли комментировать прочитанное? Итак, все ясно.

Но закончить вторую часть главы мне хотелось, все же, воспоминаниями Тюленева, и вот почему? Как понял читатель, укрепрайонов на новой границе с Румынией, практически не было. Хорошо бы зацепиться за то, что сумели наковырять и построить за пару-тройку дней, но, как всегда сталкиваемся с непониманием (ли?) высоким руководством сложившейся обстановкой на данном ТВД. Читаем у Тюленева.

“Используя двойное, тройное, численное превосходство в силах и средствах на направлениях главных ударов, немецко-румынские войска, **отражая контратаки наших частей**, к исходу 7 июля вышли на рубеж Хотин, Тырново, Бельцы”.

“Узнаете руку мастера?” — как говорила одна из героинь фильма “По семейным обстоятельствам”. Так и мне хочется обратиться с таким же вопросом к читателю. Узнаете? Это прослеживается почерк нашего незабвенного Георгия Константиновича и его “боевых” товарищей. Изумительная военная тактика, особенно, по началу войны. Отступая под ударами численно превосходящего противника, не имея порою, даже, возможности закрепиться на новом рубеже, нашим частям следовал приказ свыше, бросаться в безрассудные ответные атаки на врага? Ни что, иное, как распыление и уничтожение, и без того скромных оборонительных сил. Помните рассказ Рокоссовского, бывшего, поначалу войны, командиром 9-го мехкорпуса. Он тогда довольно ловко уклонился от выполнения подобного приказа. Понимал же пагубные последствия от принятия решения на контратаку. Сохранил людей и средства для отражения, в последующем, очередного наступления врага. И очень, даже, все удачно получилось. Но не всегда это удавалось сделать низовому командному звену. И тот же Рокоссовский, уже в должности командарма 16-й армии, столкнется под Москвой с таким же приказом, и попытается его вновь обойти. Но, увы! Жуков, отдавший ему подобный приказ, покажет свои зубы. Что делать? Приказ для военного человека, есть приказ. Он, к сожалению, для умницы Рокоссовского, не подлежал обсуждению, а является основанием для выполнения поставленной перед ним боевой задачи. Вот и подумай читатель, что может натворить враг, прикрываясь мнимой заботой “о пяди родной земли”.

Глава 22. Главные направления

Очень важный момент в понимании происходящего по началу войны. Жуков не был бы Жуковым, если бы, как всегда не попытался соврать, в том числе и по данному моменту. Как не хотелось ему говорить правду о своем “боевом пути”. Понятно, что Жуков специально запутывает своих читателей с началом войны, потому что творил “темные” делишки. Вот и в данный момент, 22-го июня за несколько часов до начала военных действий Германии рисует себя в роли верного защитника Отечества.

По его рассказу выходило, что все высшее руководство Красной Армии в томительном ожидании находилось в кабинете наркома обороны с целью своевременного получения информации с границы об ожидаемом нападении немцев и, разумеется, мгновенного на нее реагирования. И “великий полководец” уверяет читателей своих “Воспоминаний”, что всё, дескать, что было написано его пером, было именно так.

“В 3 часа 07 минут **мне** (?) позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С.Октябрьский и сообщил: “Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; **флот находится в полной боевой готовности**. Прошу указаний”.

В какой боевой готовности находился наш флот, читатель узнает в конце данной работы из отдельной главы, специально посвященной этому делу.

Хотя Жуков мог написать о флоте, что угодно в возвышенных тонах — бумага, к сожалению, все стерпит, но морякам от этого, ведь, легче не было. Лучше бы бравый маршал поделился с читателем, в какой боевой готовности встретила врага Красная Армия под его руководством? Да, где там, за суетой с целью уведомить вождя о неприятностях на границе.

Теперь, что касается телефонного звонка из Севастополя. Конечно, и в данном случае Жуков слукавил. Вряд ли, Филипп Сергеевич все глазонки проглядел, разглядывая на небе “неизвестные самолеты”. То, что был телефонный звонок — не вопрос. Скорее всего, сообщение пришло в Москву, после того, как немецкие самолеты отбомбились по военно-морской базе. Но нас интересует другое: “Почему Октябрьский позвонил Жукову?”

Сам Жуков, этот момент не отрицает, даже более того, рвется в первые ряды патриотов. У него получается, что из присутствующих в кабинете быстрее всех отреагировал на звонок из

Севастополя, сам лично, Георгий Константинович, схватившись за телефонную трубку. Более того, действительно заверил читателей в том, что, дескать, именно, **ему** и был адресован данный звонок. Невольно задашься вопросом: “Почему же ранним утром 22-го июня 1941 года командующий Черноморским флотом Ф.С.Октябрьский позвонил, именно, начальнику Генерального штаба Г.К.Жукову?”

Но ответ на такой, казалось бы, простой вопрос не дал, ни сам, Георгий Константинович, ни, в последующем, Филипп Сергеевич. Хотя, с какой стати, командующий Черноморским флотом обеспокоился сообщением сухопутному начальству, пусть даже, и в Москве? Если уж звонить по службе в столицу, то лучше было бы, наверное, доложить своему морскому начальству — наркому ВМФ Н.Г.Кузнецову, а он попросил на линии связи соединить с Наркомом обороны. И как угадал! На его счастье телефонную трубку взял Жуков, и как выяснилось, именно, ему-то и должен был позвонить Октябрьский. Ну, не странное ли совпадение?

Почему Филипп Сергеевич отдал предпочтение Жукову, а не более высокому начальству, в лице того же Тимошенко? — военно-исторической науке не известно. Хотя звонил, как ясно читается из текста “Воспоминаний” в кабинет наркома обороны. Гложет сомнение, что Жуков, явно, прикрылся кабинетом Семена Константиновича. Согласитесь, как же, ему, например, можно было бы объяснить звонок Октябрьского, находясь, он в своем кабинете начальника Генерального штаба? А так получается, что командующий Черноморским флотом отыскал Жукова в кабинете наркома обороны и доложил о вражеском налете. Опять, ничем не объяснимое поведение наших героев?

Может Жуков, для красного словца, решил перетащить одеяло на себя, показать, дескать, какой я заботливый военачальник, в плане обороны страны? Однако, не похоже, что в данный момент соврал. Действительно, после звонка Жукову, Октябрьский позвонил своему прямому начальнику наркому ВМФ Кузнецову, что тот, впоследствии, и подтвердил. Да, но почему Жукову не позвонил командующий Балтийским флотом В.Ф.Трибуц или командующий Северным флотом А.Г.Головко? Может, побоялись нарваться на грубость от Георгия Константиновича и решили побереечь свою нервную систему? Не похоже, однако, на военных моряков, особенно, на Арсения Григорьевича.

С другой стороны, Октябрьский, вроде бы, беспокоясь о последствиях возможной бомбардировки, звонил, все же, в кабинет самого **Наркома обороны** Тимошенко с сообщением, что так мол, и так, неизвестные самолеты с недобрым делом на Севастополь налетели. Правда, хозяин кабинета Семен Константинович, на данный момент, скорее всего, отсутствовал — видимо, вышел по малой нужде, да Жуков постеснялся об этом говорить. А так как, начальник Генштаба остро чувствовал приближение войны, то живо отреагировал на звонок с юга, схватившись за телефонную трубку в чужом кабинете.

Но и такой вариант не проходит, так как Жуков, сам же, уверял читателя, что Октябрьский звонил именно ему. Более того, подтвердил сказанное, сообщив, что у него, через полчаса, состоялся еще один телефонный разговор с командующим Черноморским флотом. С другой стороны, опять получается тупиковая ситуация: немецкая авиация, ведь, совершила налеты и на Либаву — военно-морскую базу Балтийского флота, и на Полярный — базу кораблей Северного флота. Но, к удивлению, ни Трибуц, ни Головко, однако, не выразили своей тревоги, ни Наркому обороны, ни, тем более, тому же, начальнику Генерального штаба Жукову. Не стали разыскивать по кабинетам будущего “прославленного полководца”. Что сказать по такому поводу? Умеет, однако, Георгий Константинович запутать любое дело, даже простой телефонный звонок.

Нет! Тут что-то совсем другое объединяло Жукова и командующего флотом Октябрьского. Неспроста, Филипп Сергеевич выделил, именно, Георгия Константиновича, среди прочих военных высокого звания. Какой же невидимой нитью они были связаны?

Нарком Кузнецов, конечно же, знал обстоятельства дела, но не стал раскрывать маленькую тайну двух мужчин одетых в генеральскую форму, тем более что ни тот, ни другой, в дальнейшем, ни словом не обмолвились, что многократно звонили друг другу.

Тимошенко, вообще, не написал ни строчки о первых днях войны. Надо полагать, что события тех дней забыл насмерть.

А последний свидетель, находившийся в кабинете наркома — Ватутин, приказал долго жить в начале 1944 года при странных обстоятельствах его ранения.

У нас по войне довольно много необъяснимых фактов, в том числе и этот, связанный с телефонным звонком Октябрьского. И они, эти факты, в основном, как правило, относились к самому Георгию Константиновичу. Вот кто бы объяснил, почему всё же начальник Генштаба Жуков, якобы, по распоряжению Сталина, вдруг умчался после обеда 22 июня на Юго-Западный фронт, бросив на произвол судьбы не только свое служебное кресло, но и вверенную ему военную структуру не малого значения? Простое решение, оставить вместо себя заместителя, и то, якобы, пришло не ему в голову, а явилось инициативой товарища Сталина, который, дескать, и приказал Жукову убыть на фронт, а окружающим людям пояснил, что его место в Генштабе, в таком случае, займет Ватутин.

Обеспокоенный, что все умные мысли он забирает с собой, Жуков, якобы, поинтересовался у вождя, как же они без него в Москве будут руководить штабными делами? И у него, наверное, камень с сердца упал, когда услышал, как Сталин, хотя и раздраженно, но сказал, что **“мы тут как-нибудь обойдемся”**. У Георгия Константиновича в рассказе, несмотря на множество звезд в его петлицах, проскальзывает чисто русско-народное естество: авось, небось, да как-нибудь. Хотя это, ни в кое мере не приближает читателей его мемуаров, к пониманию описываемых им событий.

Кроме всего прочего, нас по настоящему заставляют верить в расхожую байку о том, что Жуков, дескать, в должности начальника Генерального штаба помчался на Украину командовать войсками фронта. И хотя это не серьезно, с военной точки зрения, данное утверждение Жукова, уже полстолетия, как укоренилось в сознании советских читателей, а теперь стало гнездиться в головах жителей современной России.

Предвижу иронию: “А что, разве Шапошников не покидал Генштаб, для поездки на фронт?” Разумеется, что Борис Михайлович, как выдающаяся личность из состава руководящих работников Генштаба, выезжал в боевые порядки, но, именно, как начальник штаба соответствующей структуры управления войсками, например, штаба Западного направления, предоставляя право другим командовать войсками, например, тому же, Ворошилову.

И в нашем случае, было бы терпимым, если бы Жуков поехал на Украину, скажем, в качестве начальника штаба фронта, а его сопровождал бы, вместе с Хрущевым, тот же Тимошенко, как командующий. Но, увы! Поездка в таком качестве не состоялась.

Сам Жуков, лично заверил читателя, что по приезду в Тарнополь уверенно взялся за командирский руль. Так что, именно, в должности начальника Генерального штаба Георгий Константинович и пытался “разгромить” передовые части немецкой группировки “Юг”.

Однако читаем у Франца Гальдера в его военном дневнике по тем дням:

“Войска группы “Юг” отражая сильные контратаки противника... **успешно** продвигаются вперед. Противник несет **большие потери**...”.

Противник — это же наши бойцы-красноармейцы Юго-Западного фронта, гибнущие в бесплодных контратаках. И это называется помощью растерявшемуся командующему Кирпоносу?

Кроме того у Гальдера есть и дневниковая запись за 26 июня, как бы подводющая итог первых четырех дней войны:

“Группа армий “Юг” **медленно** продвигается вперед, к сожалению неся значительные **потери**. У противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается **твердое и энергичное руководство**”.

Все по уши в потерях, но немцы почему-то, хотя и медленно, но, все же, продвигаются вперед.

Уж не своею ли рукою, Георгий Константинович вписал, сею фразу о твердом и энергичном руководстве в книгу немецкого генерала? Ведь, это он же был на Украине в эти дни!

По тому, что вытворяли со своими архивными документами (тот же Жуков), да, к тому же, и беззастенчиво ввали в своих мемуарах, — за нашими деятелями в маршальских погонах, как говорят, не заржавеет.

Апологеты Жукова эту фразу о твердом и энергичном руководстве приписывали, именно, Георгию Константиновичу ничуть не сомневаясь в том, кому она адресована. А ведь эта, слегка измененная фраза, взята из чуть более поздних дневниковых записей Гальдера и относилась совсем к другому человеку осуществлявшему общее руководство нашими войсками. Мы о нем скажем чуть позже. Так что подправить Гальдера (тем более мы одержали Победу над Германией) желающие нашлись, и, видимо, в немалом количестве.

Вот еще правленный фрагмент из дневника Гальдера за первые дни:

“Русские соединения, атаковавшие южный фланг группы армий “Юг”, видимо, были собраны **наскоро**”.

А как же было ранее написано в дневнике до его официального издания?

“Русские соединения, атаковавшие южный фланг группы Клейста, видимо, **понесли тяжелые потери**”.

Опять речь идет о наших потерях, исчезнувших при издании, но, как же, они в таком случае сочетаются с твердым и энергичным руководством нашего героя?

То что, повоевал товарищ Жуков на Украине — спору нет. Хотя, отчего-то, не захотел похвалиться достигнутыми результатами. Правда, за него это сделали другие, слегка подправив дневниковые записи немецкого генерала. А без этого, видимо, не было бы и “маршала Победы”! И так, с поправками, по всей Великой Отечественной войне.

Однако стоит ли удивляться еще и тому обстоятельству, связанному с украинскими делами, что Жуков в “Воспоминаниях” неоднократно подчеркивал, дескать, он, как был начальником Генерального штаба, так им и остался. Более того, оказывается, ему на КП фронта из Москвы звонил Ватутин с просьбой, якобы, дать согласие поставить его подпись, именно, как начальника Генерального штаба, под Директивой № 3 по разгрому врага. Поворчав, для порядка, Георгий Константинович, как пишет, дал свое согласие (для Истории!). Так что, о чем вести речь? Вне всякого сомнения, что именно начальник Генштаба был на передовых позициях Юго-Западного фронта, и точка! Обсуждению, как говорят, не подлежит!

Какие же тогда функции выполнял Ватутин, временно замещая Жукова на посту начальника Генштаба, приходится только догадываться? Неужели за все время отсутствия Жукова в Москве, умудрились выпустить только одну Директиву за подписью “начальника Генерального штаба”? А другие исходящие документы, кто же тогда подписывал? Или ждали возвращения в досталь навоевавшегося полководца?

Разумеется, что это не соответствует действительности, и Жуков, как всегда, соврал, но — зачем? Какова цель непрекращающейся лжи “маршала Победы”? Понятно, что он один из деятелей “пятой колонны” Мазеп. Но что от всех скрывает?

На все эти непонятные вопросы читатель, вскоре, получит ответы в ходе проведенного расследования по данной теме, а сейчас, вначале, необходимо вернуться к нашему герою предыдущих глав, бывшему командующему Московским военным округом Ивану Владимировичу Тюленеву. У него, ведь, тоже было ни чем не объяснимое непонятное поведение. Помните, его вызвали в Кремль, а он, ни с того, ни с всего, вдруг решил заехать в Генеральный штаб к Жукову. Но редактора-цензоры, чего-то испугались и убрали Генштаб из мемуаров Ивана Владимировича, оставив товарища Жукова в гордом одиночестве. Мы со всем этим сталкивались в предыдущих главах. Как помним, командующего МВО товарища Тюленева, с началом военных действий без видимых причин, вдруг, отстранили от должности. Причина — назначение командовать вновь образованным Южным фронтом. Его быстренько выпроводили из Москвы на юг Украины, оставив воевать в районе Винницы в подвешенном состоянии: войск нет; оборонительные сооружения в плачевном состоянии; структура управления фронтом, со стороны вышестоящего начальства, крайне запутана.

И товарищ Тюленев, с грустью вспоминая безрадостные дни лета сорок первого, решил поделиться сокровенными мыслями со своими читателями.

Его тревожило и волновало то обстоятельство, что создание **Юго-Западного направления** с главкомом С.М.Буденным, “явилось **излишним звеном** не только не облегчило положение фронтов, но, как (ему) казалось, наоборот, **еще больше осложнило руководство** боевыми действиями”.

И далее, Иван Владимирович с горечью заметил, что “если из Ставки Верховного главнокомандования мы не получали своевременно указаний, то из **штаба Главкома Юго-Западного направления** указания получались **с еще большим опозданием...**”.

Хотя в адрес Семена Михайловича Буденного выпущено немало критических стрел, по сути, они были направлены не по адресу. Не Семен же Михайлович, в данном случае, явился создателем данной структуры управления войсками. К тому же, как нас уверяет официальная История Великой Отечественной войны, Главные направления были образованы **10 июля**, а до этого времени, надо полагать у нашего героя никаких особых трудностей с вышестоящим руководством не возникало. Если, конечно, по войне, считать за мелочь — задержку оперативной информации из Ставки. Но с появлением Главного направления, как уверяет Тюленев, эта проблема еще более усугубилась, что должно удивить читателя: “А для чего же тогда эти направления были созданы?”. Но Иван Владимирович ответа почему-то не дал, и вопрос, таким образом, ушел в песок.

Тема о главных командованиях войск направления, и об их руководящей роли по началу войны, крайне интересна, но, к сожалению, мало изучена, вследствие этого и мало освещена в печати. А она, как выясняется, неразрывно связана с предыдущими нашими рассуждениями о Жукове: “В качестве кого же он убыл на Юго-Западный фронт?” Именно, на этом моменте и было заострено внимание в начале главы.

Ну, то, что его послал, именно, Сталин, вопросов никогда и ни у кого не возникало. Даже, несмотря, на утверждение историка В.Жухрая, будто бы Сталин был в Кремле, на тот момент, чуть

ли не в бессознательном состоянии по болезни. Как он, в таком случае, смог дать поручение Жукову, осталось “загадкой века”? Но главное не в этом. Важно, что “отправка” Жукова из Москвы состоялась. Далее, по приезду в Киев, его там, якобы, встретил, лично Никита Сергеевич Хрущев (хотя и это неправда) и они, вдвоем, сразу поехали в Тарнополь в штаб фронта к Кирпоносу помогать тому “в разгроме” немцев. Что в итоге получилось, мы прочитали выше.

Хрущев, к тому же, истово уверял читателей, уже своих мемуаров, что он прибыл туда в качестве члена Военного совета фронта. Хотя это выглядело несколько странным, так как там был уже член Военного совета, вновь образованного фронта — Николай Николаевич Вашугин, о чем читатель уже знает. Но зачем же, Хрущеву понадобилось, на пару с ним, толкаться в помещении штаба и делить служебное кресло? К тому же непонятно, как они распределили свои обязанности: неужели по-братски? тебе — половина, и мне — половина.

А как Жуков представился тамошнему фронтовому командованию? Я, мол, устал в Москве от штабной работы на посту начальника Генштаба, дай, думаю, ноги разомну от сидячей работы, так что ли? Ах, да! Чуть не забыл. Ему, как Георгий Константинович уверял читателей, сам Сталин указал, что “наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись”. Поэтому он, как глава государства, видимо, обеспокоенный сложившейся обстановкой на Украине и сообщает товарищу Жукову новость, что, дескать, **именно его** “Политбюро решило послать... на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования”.

В приведенном тексте ни одно слово не стыкуется, настолько содержание пронизано противоречиями. Если командующие не имели опыта в руководстве боевыми действиями, то с какой же стати, тогда их назначали на эти ответственные должности? Но это, ведь, не соответствует действительности, так как и Павлов, и Кирпонос, незадолго до последнего назначения на должность командующих округов, участвовали в советско-финской войне, так что о недостатке у них боевого опыта, вряд ли, стоило говорить. А вот, как раз, товарищ Жуков после Халхин-Гола 1939 года в боевых действиях участия не принимал, но, тем не менее, помчался на фронт со своими “мудрыми” советами, да наставлениями, а также с “огромным багажом” военных знаний. Что получилось, читатель прочитал у Гальдера.

Так же не ясно, когда же они (командующие) успели растеряться, если война идет всего несколько часов, и кто об этом уже успел доложить наверх Сталину?

Но оказывается, что это Политбюро озаботилось ситуацией на фронте и решило послать начальника Генштаба на войну, а Сталин только озвучил его решение. Тоже, получается довольно неуклюжее объяснение. Зачем тогда создается Ставка, если Политбюро будет через голову ее Председателя отдавать приказания. Пусть бы Политбюро, в таком случае, и рулило всеми военными делами. Кроме всего прочего, существует ли документ от лица Политбюро с указанием Жукову и Хрущеву об их полномочиях? Или только на словах все вопросы решали?

Но о какой Ставке Жуков ведет речь, когда сам же, пояснял читателям, что она будет создана только 23 июня, то есть на следующий день после его убийства? А получается, что уже после обеда 22-го июня Сталин ему сообщает решение Политбюро о создании Ставки, коли Жуков едет на фронт ее представителем. Когда же Иосиф Виссарионович всё успел сделать? И заседание Политбюро провести, и Жуковские бумаги по Ставке утвердить на этом же заседании, и на Украину Хрущеву позвонить, и персональное задание Георгию Константиновичу обмозговать, и вопрос с Генеральным штабом решить? И все один! Тяжело, однако!

Неясно, одно. Как Сталин мог давать указания представителю Ставки, поверх головы её **Председателя** Тимошенко, если он сам там, был всего-навсего на правах рядового члена? Непонятно, также, зачем же утверждал такое запутанное положение вещей?

Да! Не позавидуешь товарищу Сталину в том, что с ним вытворяли впоследствии на страницах “Воспоминаний” Жуков с подельниками от истории. Чистейшая хлестаковщина.

Видимо, эмоции от воспоминаний так порою захлестывали маршала, что все события перемешивались странным образом — никак не могли составить правдивую картину прошедшего. Вот что значит писать свои “Размышления” вдали от мирской суеты, да еще и на даче.

Как видите, действительно, в этом деле никак невозможно связать концы с концами. Сплошные недоразумения. Жуков и Хрущев не могли прибыть на Юго-Западный фронт с полномочиями на словах. Они прибыли в Тарнополь, как проговаривается Жуков, все же на основании решения Политбюро, но представители, какой же, тогда структуры управления? О Ставке уже сказано, но это никак не стыкуется с утверждениями самого Жукова, что он был ее представителем. Судя по всему, Жуков там, на Украине, не только давал советы, но и прямо вмешивался в деятельность командования Юго-Западного фронта, лично отдавая приказы. Что-то не очень похоже на функции уполномоченного?

Давайте-ка посмотрим, что там, у нашего Георгия Константиновича в мемуарах написано по начальному периоду войны? Есть у него, оказывается, в тексте по первым **июльским дням**, на удивление, псалмы во славу вождя.

“Назначение Верховным Главнокомандующим **И.В.Сталина, пользовавшегося большим авторитетом**, было воспринято народом и войсками с воодушевлением”.

Речь идет, обратите внимание, о **10 июля 1941 года**, когда, ГКО преобразовал Ставку Главного Командования, где председателем был Тимошенко, в Ставку Верховного Командования во главе со Сталиным. Соответственно, Тимошенко, в преобразованной Ставке, стал, “как ранее”, Сталин, просто рядовым членом.

Риторический вопрос товарищу Жукову. Если, как уверял маршал своих читателей, Сталин пользовался и большим авторитетом, и народ его воспринимал с воодушевлением, то кто же тогда, уважаемый Георгий Константинович, мешал по началу войны сразу назначить Сталина на этот пост? А то, взяли и засунули в Ставку вождя на правах рядового члена. Широкой огласке данному делу не придали, а то народ, может быть и подобное назначение Сталина воспринял бы с воодушевлением, кто знает? Чего испугались-то, со Сталиным?

Хитрец Жуков снова попытался вывернуться, уверяя, что он своею рукою, дескать, вписал товарища Сталина в проекте Ставки, как Главнокомандующего, но его кандидатуру не поддержали на Политбюро. Конечно, лукавит наполовину. То, что он, лично, предлагал Сталина на пост Главнокомандующего верить с трудом, так как в Ставке был пост Председателя. А вот то, что Политбюро не назначило Сталина руководителем Ставки — это вполне возможно. Важно, какой состав Политбюро утверждал кандидатуру Тимошенко? Не было ли там большинство из оппозиционеров вождю? Тогда стоит ли удивляться, видя Сталина на вторых ролях. Хотя, как утверждал ранее, Сталина вообще могло и не быть в том составе Ставки по причине его отсутствия в Кремле по “уважительной” причине.

А мудрецы от Истории придумали версию, что Сталин, дескать, сам себя назначил на должность рядового в Ставке. Даже бумагу соответствующую этому делу сочинили. Мы данную глупость уже подробно разбирали ранее. Никто из соратников вождя не отмечал у товарища Сталина сильного ушиба головы, чтобы вследствие подобной травмы он неадекватно воспринимал действительность. Поэтому пришлось фальсификаторам прокладывать еще одну дополнительную борозду, обозначая ложный путь.

Друзья-товарищи Хрущев с Микояном, подсустились и внесли поправку по первым дням войны, уверяя, что Сталин взял, да и уехал к себе на подмосковную дачу (видимо, вместе с бумагами о

Ставке). Может, поэтому он на глаза ни кому не попался, и о нем, вовремя не вспомнили? Это уже потом, обеспокоившись отсутствием Иосифа Виссарионовича на рабочем месте в Кремле, партийные товарищи попросили товарища Сталина возвратиться обратно (или хотя бы вернуть подписанный документ о Ставке).

К радости, он проникся их пожеланиями и 23 июня, взял, да и вернул утвержденный документ о Ставке в Кремль (Видимо, поэтому 22 июня Ставка и “не существовала” по Жукову, так как товарищ Сталин, вовремя не подмахнул принесенные ему бумаги). И только, после длительных раздумий (как бы война не закончилась без него), вождь, все же, возвратился на постоянное место службы и возглавил государственные дела, взявшись наводить наверху порядок, сразу начав с военных.

Странно в этом деле то, что когда была создана Ставка Главного командования, ведь, никакого правительственного сообщения по этому поводу, почему-то, не последовало. Разумеется, что это очень секретно, когда Сталин, вдруг, в рядовых членах, к тому же, “отдыхает” на своей даче. Однако когда было создано ГКО, то Сталин, вопреки всему, не испугался сказать на всю страну, что, именно, он возглавил данный орган. Ясное дело, когда Сталин во главе управления обороной всей страны, то это, получается — уже несекретно. Тем более что с загадочным “отдыхом” было покончено навсегда.

Далее, Жуков по поводу деятельности ГКО пишет, что “был реорганизован также Наркомат обороны, **уточнены функции** каждого управления, сформированы новые органы”.

Правда, маршал отчего-то, несколько забежал вперед по дням. Вопрос с Наркоматом обороны будет решен позже, во второй половине июля. Но, видимо, очень уж захотелось ему затереть вопрос со своим военным ведомством. Ну, да, ладно. Ведь, сколько существовал данный наркомат до войны, а у руководства все не хватало времени, чтобы подумать о правильном функционировании управлений, которые составляли его структуру. Так и дождались, когда началась война с немцами, а Сталин, лично, приступил к выполнению этого нелегкого дела.

Теперь главное, ради чего стоило заглянуть в мемуары “великого” полководца. Призываю читателя внимательно отнестись к представленному тексту ранних “Воспоминаний” Жукова за 1969–1971 годы. В последующих изданиях “Воспоминаний” маршала, приведенное содержание будет переработано с целью уничтожения не совсем удачно (а может и опрометчиво) приведенных данных.

“Одновременно с образованием Ставки Верховного Главнокомандования для лучшей координации действий фронтов, флотов и объединения усилий войск, находившихся на важнейших стратегических направлениях, были образованы три главных командования...”

Из текста выделенного жирным шрифтом легко предположить, что одновременно со Ставкой, **могли быть** образованы и главные командования на стратегических направлениях. А так как, ранее, мною утверждалось, что образование Ставки, имело место, именно, 21 июня, то соответственно, **вполне возможно**, что одновременно с ней были образованы и эти главные командования войск направлений. А у официоза Ставка образована 23-го июня. Тоже, как видите, мало приятного по времени. Вот и получается, что главные направления появились в самом начале войны.

Видимо, чтобы подобные мысли не возникли у читателя, в последующем этот текст, в **дальнейших изданиях “Воспоминаний” Жукова** полностью претерпел коренное изменение: его попросту, **убрали**. Теперь в мемуарах покойного Георгия Константиновича этот сложный момент в понимании Истории Великой Отечественной войны отражен совсем по-другому, но зато, по-военному четко, ясно и конкретно указано, что

“для **улучшения** управления фронтами **10 июля 1941 года** ГКО образовал **три Главных командования войск направлений...**”.

Как видите уточнено, что, дескать, именно, с 10 июля (чтобы не подумали о более раннем сроке создания) они — эти самые структуры управления и появились. Даже указано, с какой конкретной целью, и кто, именно, это сделал. Конечно же, не Ставка, а ГКО. Вечно виноватому Сталину приписать что-нибудь нехорошее — раз, плюнуть!

Это сделано, надо понимать, для укрепления позиции товарища Жукова, в том числе и по данному вопросу. То есть, те, военные историки, которые внесли изменения в текст его мемуаров, заставляют читателя поверить, что данное новообразование, очень даже нужное и важное дело, в отличие от горестных причитаний, по этому поводу, товарища Тюленева. Правда, дескать, оттого что это всё Сталин лично организовывал, потому, надо понимать, и не получилось хорошо в полной мере.

Но, в таком случае, получается некоторое расхождение с Иваном Владимировичем Тюленевым. Выходит, что до 10 июля, у него все было, относительно, нормально, в плане руководства Южным фронтом при взаимодействии с вышестоящей структуры, а вот после 10 июля, связи с образованием направлений, дела пошли и кривь, и вкось.

А у “Жукова” в новой редакции “Воспоминаний”, на удивление, в пожеланиях к образованию новой над фронтовой структуры звучат победные марши.

“Создавая Главные командования, **ГКО** рассчитывал помочь Ставке обеспечить возможность **лучшего управления войсками, организовать взаимодействие фронтов**, военно-воздушных и военно-морских сил...”.

Как же нам, в таком случае, понимать наших генералов имеющих диаметрально противоположные точки зрения по одному и тому же решению ГКО? Однако, наш “Георгий Константинович” твердо стоит на своем, доказывая целесообразность создания данной структуры управления войсками.

Хотя в предыдущей, более ранней публикации “Воспоминаний” было указано, что Жуков попенял Верховному Главнокомандованию, по сути, Сталину, что оно (или он) забрало, дескать, все резервы фронтов под свой контроль, и этим самым был значительно подорван престиж главкомов направлений.

Читаем:

“Но это (в смысле, образование Главных направлений. — В.М.) не исключало вмешательства Ставки в руководство фронтами, флотами и даже армиями. Последнее было связано с тем, что в то время ограниченные резервы сухопутных войск и авиации целиком находились в руках Верховного Главнокомандования. **Это, естественно, не могло не сказаться в какой-то мере на самостоятельности главкомов направлений**”.

Но, согласитесь, зачем же, тогда было Сталину создавать эти главные командования, заранее лишая их возможности самостоятельно оперировать резервами?

Однако выясняется, что у Жукова, оказывается, есть и другая оценка данного решения ГКО. Это в официальных “Воспоминаниях” он отвешивает реверансы в адрес данных новообразований. В устных же рассказах историку В.Д.Соколову его позиция о Главных командованиях выглядит несколько по-иному:

“Созданные **10 июля 1941 года** три Главные командования (Ворошилов, Тимошенко, Буденный) **себя не оправдали**.

Сталин их создал **вопеки нашим предложениям**. Он, видимо, рассчитывал, что при их помощи ему удастся справиться с руководством боевыми действиями, но **они оказались лишней бюрократической надстройкой**”.

Очень, даже, неплохо товарищ Жуков выдал про Главные направления. Особенно, последняя фраза — про бюрократическую надстройку. Да, но получается, что теперь он, вдруг, запел в унисон с Тюленевым. И когда же маршал был искренен?

К тому же не ясно, кто же автор предложений в попытке остановить товарища Сталина не делать подобных глупостей? Один известен — это сам Жуков! Другие инициативные герои-стратеги так и остались безымянными на века?

Да, но как прикажете понимать читателю написанное в последующих изданиях мемуаров товарища Жуковым с рецензентами о “возможности лучшего управления войсками”? Получается, что Георгий Константинович со своими “знатоками” истории, любого в трех соснах заплутает.

Значит, ранее ситуация на фронтах, все же, не удовлетворяла высшее командование, коли озаботилось реформированием управления войсками Красной Армии? Или были иные, не доступные для понимания причины?

А по поводу бюрократической надстройки, то это Георгий Константинович, как говорится, перевалил с больной головы на здоровую. Мы еще поговорим на эту тему в ходе дальнейшего расследования.

Кстати, а каким же виделось из Кремля деятельность главкомов при создании данной структуры? Трудно, даже, представить себе работу штаба Главного направления при планировании войсковой операции, не знаящему, что у него находится в тылу, в виде резервов? Не правда ли, странное решение ГКО (Сталина), желающего улучшения управления фронтами? Неужели Жуков в этом деле оказался прав?

Кроме того, отчего это Сталину не захотелось напрямую давать указания командующему Южным фронтом товарищу Тюленеву, и он решил затруднить способ передачи оперативной информации из Ставки, создавая эти самые направления, в том числе и Юго-Западное? Дескать, пусть сначала Главком данного направления Семен Михайлович Буденный ознакомится с документами из Москвы: он мне ближе по духу и милее по общению, а уж затем, пусть сам решает — отсылать их Тюленеву или нет? Получается удивительное непонимание товарищем Сталиным военных дел. И Жуков, тоже, что-то по этому поводу говорил нехорошее в адрес вождя. Возмущался тем, что, дескать, важная информация с фронта с трудом доходит до стен Генерального штаба, а если доходит, то невозможно оперативно отреагировать на нее.

Вот спросить бы Георгия Константиновича, но — увы! не дожидаться прямого ответа: “Уважаемый! А когда утром 22-го июня вы с Тимошенко, якобы, принесли проект Ставки в Кремль к Сталину на утверждение, то, как мыслили руководить войсками?”

Правда, Жуков, как всегда схитрил: взял, да и объединил должность Главкома и Председателя Ставки Тимошенко в одном лице. Таким, как Жуков — это не возбраняется. Получается, что был Председатель Ставки, но оказывается, что данное лицо, к тому же, еще и Главком. Уж не напутал ли, чего-либо, Георгий Константинович, в принесенных бумагах?

Этот вопрос по Ставке для Жукова всегда был болезненным, но посмотрите, как он старается вывернуться из этой ситуации. Читаем его дальнейшие пояснения о главных направлениях, высказанные упомянутому историку В.Д.Соколову.

“До 10 июля **Главкомом и председателем Ставки** был Тимошенко, но это был юридический Главком, а фактический **ГК** был Сталин. Без утверждения Сталина Тимошенко не имел возможности отдать войскам какое-либо принципиальное распоряжение.

Сталин ежечасно вмешивался в ход событий, в работу Главкома, по несколько раз в день вызывал Главкома Тимошенко и меня в Кремль, страшно нервничал, бранился и всем этим только дезорганизовал и без того недостаточно организованную работу Главного Командования в осложнившейся обстановке”.

Наш хитрец Жуков вновь хочет запутать читателя, уверяя, что Сталин был в Ставке с первого дня ее существования. Но нам же, известно, что Тимошенко руководил Ставкой в отсутствие Сталина и даже подписывал документы оригинальным образом, никак себя не обозначая: ни как Председателя, ни как уверял Жуков — Главкома. Помните, как Тимошенко подписывал документы, когда возглавлял Ставку?

“От Ставки Главного Командования Народный комиссар обороны С.Тимошенко”.

Здесь и через увеличительное стекло не увидишь Председателя, тем более Главкома. Мутит воду Георгий Константинович. Ой, мутит! Он специально смещает время. Ведь, до 26-го июня, уважаемого товарища “полководца” не было в Москве. Так что, в лучшем случае Сталин мог пригласить в Кремль только одного Тимошенко.

А как же без Жукова в Генштабе, да и в самой Ставке — управлялись? — вот какой вопрос нас более бы, всего, заинтересовал, но на него не дожидаться ответа. Кроме того запутан и вопрос о Главнокомандующем. Кем же был Тимошенко в действительности? Главкомом или Председателем? Или тем и другим одновременно? Получается, что Жуков не в состоянии ответить ни на один из поставленных вопросов.

И что, в таком случае, остается делать маршалу с грозным именем Георгий, кроме как врать, врать и еще раз врать, совокупи со всеми деятелями от советской военной исторической науки. Правды-то, ведь, не скажешь!

Он и так о Ставке в своих “Воспоминаниях” цедит сквозь зубы, стараясь особо не выпячивать ее деятельность по первым дням войны.

“У Ставки никакого другого аппарата управления, кроме Генерального штаба, не было. Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандования, как правило, шли через Генеральный штаб. Разрабатывались они и принимались обычно в Кремле, в рабочем кабинете И.В.Сталина”.

Понимать прочитанное надо, видимо, так: Генштаб рассылал на места приказы и распоряжения, которые готовились в Кремле в аппарате Сталина, а сам Генштаб, как низовое звено, занимался, только, лишь сбором военной информации. В дальнейшем, Жуков в своих “Воспоминаниях” много чего рассказал о работе товарища Сталина в Кремле, но главного так и не сказал. Не пояснил структуру управления войсками из Ставки Верховного Главнокомандования. Лучше, конечно же, было бы от него потребовать объяснения, как протекал подобный процесс, когда во главе Ставки был Тимошенко, но, об этом деле Жуков, в своих мемуарах, вообще, предпочел не упоминать. Он также не пояснил, почему в случае, когда у Ставки не было “никакого другого аппарата управления, кроме Генерального штаба”, он, лично, покинул пост начальника и стремглав умчался в Киев? Но, как помним, Жуков, в этом случае, хитро перевел стрелки на Иосифа Виссарионовича, дескать, тот сам так повелел вести дела.

Хочу напомнить читателю, что Сталин, на тот момент, 10 июля, уже держал в своих руках ГКО и Ставку, — остался, пока, вне его контроля, только лишь, Наркомат обороны. По мысли “военных историков”, уточняющих мемуары покойного маршала Жукова — Сталин, который из ГКО, решил помочь Сталину из Ставки, чтобы тому, дескать, сподручней стало воевать с немцами. С этой целью Сталин из ГКО, взял, да и употребил всю свою кипучую энергию на создание этого важного военного органа — Главного командования войск направления. Более того, якобы, даже сподобился выпустить нужный для этого дела документ.

Вот что “обнаружили” военные историки в бездонных недрах архива президента Российской Федерации.

“О НАЗНАЧЕНИИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ НАПРАВЛЕНИЙ”

№ ГОКО-83сс **10 июля 1941 г.**

Сов. Секретно

Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Назначить Главкомандующим войсками **Северо-Западного направления** Маршала Советского Союза т. К. Ворошилова с подчинением ему **Северного и Северо-Западного фронтов**.
2. Назначить Главкомандующим войсками **Западного направления** Маршала Советского Союза Наркома Обороны т. С. Тимошенко с подчинением ему войск **Западного фронта**.
3. Назначить Главкомандующим войсками **Юго-Западного направления** Маршала Советского Союза т. С. Буденного с подчинением ему **Юго-Западного и Южного фронтов**.
4. **Ставку Главного Командования** преобразовать в ставку **Верховного Командования** и определить ее в составе:

Председателя Государственного Комитета Обороны т. Сталина, Заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны т. Молотова, маршалов Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Начальника Генштаба генерала армии Жукова.
5. **Резервную армию** подчинить ставке Верховного Командования с тем, чтобы потом, когда она будет приведена в полную боевую готовность, — подчинить ее Главкомандующему войсками Западного направления.
6. Обязать Главкомов указать в специальном приказе подчиненному им фронтовому и армейскому командованию, что наблюдающиеся факты самовольного отхода и сдачи стратегических пунктов без разрешения высшего командования — позорят Красную Армию, что впредь за самовольный отход будут караться виновные командиры расстрелом.
7. Обязать Главкомов почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей.
8. Обязать Главкомов почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий, рвать мосты, развинчивать рельсы, поджигать леса, уйти в партизаны, все время беспокоить немцев-угнетателей. В призыве указывать, что скоро придет Красная Армия и освободит их от немецкого гнета.

Председатель Государственного

Комитета Обороны СССР И. Сталин

АП РФ. Ф.3. Оп.50. Д.415. Л. 132. Машинопись, заверенная копия”.

Во-первых, правильно сделали, что данный документ засекретили. Не всем его надо было показывать, чтобы не позориться. Кстати, отчего не ясна форма представленного документа? Что это — директива? приказ? распоряжение? Во-вторых, уровень интеллекта товарища Сталина не позволил бы ему подписывать подобную глупость. Непонятно, в качестве кого же вошел в новообразованную Ставку сам товарищ Сталин? Неужели и в этот раз ему было отказано в кресле Председателя? Или он от обиды за прошлое ликвидировал эту должность? Но ведь, не мог же, Сталин подписывать бумаги исходящие из Ставки, как **Председатель ГКО?** Или для канцелярии той, военной поры, по мысли военных историков, не было особой разницы, какой Председатель? — лишь бы, документы подписывал.

Помнится, на тот момент, то есть 10 июля, Сталин стал Верховным Командующим, но в данном документе, это, почему-то не отражено?

Кстати, когда Жуков говорил о Тимошенко, как о Главкоме, не эту ли приведенную должность в документе (как Главкома Западного направления) он имел в виду? Да, но куда же, в таком случае, исчезла должность Председателя Ставки. Понятно, что произошло реформирование, но почему и это не отражено в данном документе?

В-третьих, винегрет хорошо смотрится на столе, но не в документе. А здесь все в кучу! И преобразование Ставки, и назначение командующих направлениями, и создание Резервной армии — правда, почему-то в единственном числе. Может досадная опечатка? Неужели к десятому июля, едва наскребли на одну дополнительную армию? Тогда неудивительно, что Гитлер дошел до самой Москвы.

Как всегда вызывает удивление, когда в документах подобного рода одним людям оказывается предпочтение — Тимошенко и Жуков указаны в должностях, а другим — Ворошилову и Буденному, кроме звания не положено иметь ничего. Отчего к ним такая немилость? Неужели Сталин не заметил оплошности в документе или проявил элементарное неуважение по отношению к своим прежним боевым друзьям?

Кроме того, у каждого направления должно быть в подчинении, по крайней мере, два фронта, иначе, чем оно структурно будет отличаться от обычного фронтового управления? Если, только тем, что будет дублировать его, вот и все? И действительно, у Западного направления такой структуры: как два фронта, на тот момент, то есть, на 10 июля 1941 года, — не было?! Объяснений, разумеется, не дано. Есть, правда, неуклюжая попытка, какую-то, резервную армию передать под контроль данного главкома, но это, согласитесь, вовсе не является каким-либо фронтом. К тому же, это расходится с личным утверждением Жукова, что все резервы находились под контролем ГКО — Ставки. А здесь, сам Сталин утверждает документ, где обязуется привести в полную боевую готовность(?) армию и отдать ее под контроль Главному командованию западного направления. Опять происходит какая-то нестыковка по фактам.

Но если полистаем у Жукова его “Воспоминания”, то там есть некое упоминание о подвижках в Москве и Генеральном штабе. Оно датировано **26 июня**, то есть, за две недели **до** этого самого “решения” **ГКО**.

Читаем, что ранее, нам сообщал Георгий Константинович. Кто бы мог предположить, но оказывается

“товарищ Сталин **приказал(?)** сформировать **Резервный фронт** и развернуть его на линии Сущево — Невель — Витебск — Могилев — Жлобин — Гомель — Чернигов — река Десна — река Днепр.

В состав Резервного фронта включаются 19-я, 20-я, 21-я и 22-я армии”.

Это было 26 июня. По сути, создавалась вторая линия обороны, расположенная в тылу разорванного немцами на части Западного фронта. Как же, “товарищ Сталин” забыл о ней 10 июля, а товарищ Жуков ему не напомнил, как начальник, извините, Генерального штаба. Непорядок, получается, Георгий по батюшке Константинович. Забыть о четырех развернутых армиях на рубеже рек Западная Двина, Днепр и Десна!!! Или их к 10 июля все еще не развернули и они как неприкаемые с 26 июня, так и мотались с одного места на другое? А в “документе ГКО” за 10-е июля, всего-то, упомянута одна единственная безымянная армия, сиротиночкой приткнувшаяся на неизвестном рубеже, да, к тому же не приведенная в состояние боевой готовности.

Как же это “товарищи из ГКО” не проконсультировались у “полководца” и штабного “стратега”, по совместительству? Ведь, к 10-му июля, генерал армии Жуков давно вернулся в свой Генеральный штаб с “прогулки” по местам боевой славы на Украине. Сам же пишет:

“Теперь я начал работать непосредственно с И.В.Сталиным”.

Помните, как Жуков лихо рассказывал читателям, что по приезду с Украины в Кремле он, как дважды два, разобрался по картам, как, дескать, надо было правильно вести военные дела на Западном фронте? И вдруг такой пассаж — забыл о Резервном фронте из четырех армий!

Даже, если согласиться с тем, что Сталин быстро отреагировал на “гениальные” предложения нашего “стратега”, то и опять факты не стыкуются. Получается, что Сталин с товарищами из ГКО просто напросто, в начале июля, забыли о созданном ранее, Резервном фронте. Ладно, Сталин забыл — он всегда выглядел “недоумком” по начальному периоду войны, еще со времен Хрущева. Да, но в таком случае выходит, что и Генеральный штаб оказался не на высоте. А ведь, Жуков сам пояснял читателю, что “у Ставки никакого другого аппарата управления, кроме Генерального штаба, не было”. Следовательно, все оперативные материалы по подготовке документов, ГКО получал, именно, из Генштаба, которым руководил Жуков. Как же вы, Георгий Константинович, о Резервном фронте подзабыли к 10-му июля и не дали сведения наверх? Выходит, опять очень нехорошо поступили, что неожиданно “забыли”.

А ведь, по жизни известно, что Георгий Константинович никогда на свою память не жаловался. Вспоминая, например, события на Халхин-Голе, легко припоминал по фамилиям многих монгольских товарищей и, даже, не забыл заместителя главкома корпусного комиссара Ж. Лхогвасурэна. До последних своих дней, также, помнил и самого главкома Монгольской народно-революционной армии Хорлогийна Чойбалсана. А здесь, всего-то четыре армии, но, надо же — память подвела! Война, видимо, там была другая.

И наконец, подводя итоги рассмотрения приведенного документа **ГКО**, хочется заметить следующее: последние три пункта (**6,7 и 8**), на редкость, — ну, чистая пропаганда. Видимо, позаимствовано из бумаг Главного политического управления РККА.

Единственная извлеченная польза из данного документа, так это то, что в нем, ни словом не обмолвились о создании, этих самых Главных направлений. Ведь, прежде чем назначить командующего, поначалу необходимо иметь объект управления. Нас же заставляли уверовать в то, что именно, 10 июля и было, дескать, создано данное новообразование. А в приведенном документе создание оного объекта управления (главное направление), как видите, напрочь отсутствует. Следовательно, этим несуществующим фактом невольно подтверждается

предположение, о более раннем периоде создании подобной структуры — Главное направление, чем 10-е июля.

Как я считаю, и о чем сказал выше, это создание произошло, именно, 21-го июня, вместе с образованием Ставки, за день до нападения Германии. Разумеется, здесь замешана наша “пятая колонна”. О целях создания подобной структуры, как главные направления, поговорим ниже. А о приведенном документе, якобы, вышедшим из недр ГКО, можно выразиться всего двумя словами — чушь несусветная. Топорная работа деятелей от “исторической” военной науки, не более того.

Но читателю, конечно же, хочется, чтобы автор подтвердил свои высказанные предположения о Главных направлениях. Что ж, извольте!

Как известно, следы нашего героя Ивана Владимировича Тюленева привели нас из Москвы на юг Украины. И мы, по сути, почти попали во владения Одесского военного округа, где начальником тамошнего штаба был человек не так давно тянувший военную лямку, аж, в самом Генеральном штабе. Помните, ранее, упоминалось, что Матвей Васильевич Захаров был заместителем начальника Генштаба, но в результате хитрых преобразований в Наркомате обороны, его, за год до войны, от данной работы отлучили и отправили служить подальше от столичной жизни.

Однако прежде чем привести соответствующие выдержки из мемуаров маршала Захарова, вновь напомним читателю о некоторых документах. Они уже приводились ранее, но вспомнить о них еще раз, для пользы дела, ни сколько не помешает. Хотя документы, как уже отмечал, и выполнены неряшливо, да, к тому же, являются и фальшивками, — тем, не менее, вполне еще способны сыграть роль положительного героя.

“ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК СССР И ЦК ВКП(б)

"О СТАВКЕ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР"

№ 1724-733сс 23 июня 1941 г.

Совершенно секретно

Особая папка

Не для опубликования

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б)

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в

составе:

т.т. Наркома обороны Маршала **Тимошенко** (председатель), начальника Генштаба **Жукова**, Сталина, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала

Буденного и Наркома Военно-морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе:

т.т. Маршала Кулика, Маршала Шапошникова, **Мерецкова**, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, **Ватутина**, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса.

Председатель Совнаркома СССР,

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

АП РФ. Ф.93. Коллекция документов”.

Выделенные жирным шрифтом фамилии — это и есть “герои” первых дней войны. В основном, о них пойдет речь в данной главе. Но последняя группа лиц, выделенная курсивом: Жданов, Маленков и Мехлис, тоже представляют особый повышенный интерес, о чем и поговорим ниже.

Хотелось бы, также, задать еще дополнительный вопрос к составителям данного “шедевра”. Если уж, указали Председателя Ставки, то почему умолчали о его заместителе? Ведь случись, что с Тимошенко (например, попьет холодного молочка при летней жаре и заболит, как Жуков — “бруцеллезом”), то кто же будет замещать его на столь высокой должности, тем более, когда идет война?

Указывать настоящего заместителя невозможно из-за наличия в списке Сталина, который ломает все планы фальсификаторов. Не указывать Сталина в составе Ставки нельзя. Сразу возникнет масса неприятных вопросов, один из которых неизбежно будет таким: “А почему нет в руководстве Главного командования страны товарища Сталина?”. И что ответить в таком случае?

Указывать Сталина в первоначальном составе Ставки сложно, о чем уже говорилось: сам себя глава правительства назначил рядовым членом в органе управления вооруженными силами страны. Поэтому вопрос о заместителе, не хуже зубной боли для людей, состряпавших данный документ.

Предположим, что в заместителях решили упомянуть самого Сталина, посчитав, что этим скроют настоящее лицо, и отметили бы этот факт в документе. Пусть и невольно, но этим сразу бы выдали фальшивку. Вождь — в заместителях?! Тем более что сам себя и утвердил?! Да, но наличие в заместителях, например, Ворошилова или Буденного, вновь поставило бы составителей документа в неловкое положение: “А что там, простите, в таком случае делает наш дорогой Иосиф Виссарионович, уже на третьих ролях?”. И какой же составители могли дать ответ, в таком случае?

Поэтому лучшее, что можно было придумать хрущевцам-заговорщикам в такой ситуации со Сталиным по первым дням войны — это ограничиться только ролью Председателя Ставки — своего рода, свадебным генералом, а на данный момент, маршалом Тимошенко, а всех остальных, приведенных товарищей из списочного состава, оставить в роли рядовых членов. Пусть, дескать, сами разбираются, кто есть кто? Даже, в роли “Главкома”.

Как помните, в Хрущевской “Истории Великой Отечественной войны” из состава Ставки рискнули упомянуть, лишь, одного Тимошенко. О Сталине, в то время, решили благоразумно промолчать. Его же, как говорил Хрущев, не было в Кремле. Поэтому приводить в “Истории ВОВ” полный состав Ставки без Сталина — не рискнули. Одно дело болтать для делегатов XX съезда, о якобы, сбежавшем из Кремля Сталине, другое — подтверждать в официальных исторических документах его отсутствие без объяснения причин.

Когда рассматривался вопрос о Ставке, я уже выдвигал предположение, что Сталина в том списке не было по “уважительной” причине о которой поговорим позднее в одной из глав. В таком случае заместитель в настоящем списке был, но его, в дальнейшем, постарались не упоминать, чтобы не исказить нарисованную благостную картину под названием “**22 июня Молотов и Сталин читают в Кремле ноту Германского правительства**”.

Скорее всего, тот, кто указан вторым в составе Ставки и был в роли заместителя. Я имею в виду начальника Генштаба товарища Жукова. Именно он, и выполнял функции Заместителя Председателя Ставки. Вот теперь ему, в этой должности, было с руки, и проявлять необъяснимую активность по тем дням, и, якобы, звонить на дачу самому Сталину: Тимошенко, видимо, уже, хлебнул чего-то холоденького, и у него что-то случилось с горлом, так как не мог говорить по телефону. К счастью, подвернулся Жуков с хорошо поставленным командирским голосом (о чем, мы уже узнали, ранее), и его, к тому же, крайне трудно было смутить при любом разговоре.

Но вернемся к документу о Ставке. Ведь, именно, из этого приведенного списочного состава и должно было формироваться Главное командование. Сложность только в том, как его, то есть, командование, выделить из данного списка? Может объединить усилия с другим документом, тоже, приводимым ранее? Этот документ, всё из той же серии фальшивок. Однако пусть и он, даже в таком виде, поработает на пользу Отечеству.

“ЧЕРНОВИК ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ФРОНТОВ И НАЗНАЧЕНИЯХ КОМАНДНОГО СОСТАВА

Особая папка **21 июня 1941 г.**

I.

1. Организовать Южный фронт в составе **двух армии** с местопребыванием Военного совета в Виннице.
2. Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО.
3. Членом Военного Совета Южфронта назначить т. Запорожца.

II.

Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом Военного Совета Южного фронта, назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III.

1. Назначить **командующим армиями второй линии** т. Буденного.
2. **Членом Военного Совета армий второй линии** назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.
3. Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному **сорганизовать штаб**, с местопребыванием в Брянске.

IV.

Поручить нач. Генштаба т. **Жукову общее руководство** Юго-Западным и Южным фронтами, с выездом на место.

V.

Поручить т. **Мерецкову общее руководство** Северным фронтом, с выездом на место.

VI.

Назначить членом Военного Совета Северного фронта секретаря Ленин-

градского горкома ВКП(б) т. Кузнецова.

АП РФ. Ф.3. Оп.50. Д. 125. Лл.75–76. Рукопись, подлинник, автограф Г.М.Маленкова.

Имеются пометы и исправления”.

Ранее, уже отмечались многие несуразности данного документа, но можно продолжить их перечень.

Дело в том, что Винница, все же входила в полосу действия Юго-Западного фронта. Как же там мог оказаться штаб Южного фронта? Кроме того, не ясно: будет ли осуществляться новая нарезка разделительных полос фронтов, и главное, кем?

Обратите внимание, что Жуков указан в должности, а Мерецков — нет! Не захотели почему-то упоминать ни предыдущую должность Кирилла Афанасьевича, ни его новое назначение.

Если Жукову поручено осуществлять общее руководство, то, во-первых, кто же будет вместо него в Генеральном штабе, и, во-вторых, где расположено, это самое “место”, куда он должен выехать, судя по всему из Москвы?

Как, видите, фамилия нашего “героя” — Георгия Константиновича, кочует из одного документа в другой, и везде он на ведущих ролях. Но если Жуков, являлся заместителем Тимошенко, уже, не как Наркома обороны, а как Председателя Ставки, то тогда видится совсем другая картина. Это уже, вполне возможно, и фронтовая деятельность, где в конкретном ведении людские и материальные ресурсы бывших округов. За Генштабом можно поручить приглядывать и заместителю Ватутину, а самому, засучив рукава, взяться за это новое дело, тем более, как известно, Жуков к штабной работе особых симпатий не питал. Главное, в этом его новом назначении, то, что он осуществляет **общее руководство** двумя фронтами. Один — Юго-Западный сформирован еще по предвоенному плану прикрытия границы, а второй — Южный, как видите, скоропалительно организован за день до войны. Вот вам и появилась готовая структура Юго-Западного направления, и что характерно, именно, с двумя фронтами. Осталось только назначить Главкома.

Прервемся на короткое время с рассмотрением вопроса по данному направлению. У нас же отложена встреча с Матвеем Васильевичем Захаровым, который на тот момент, предвоенных событий июня 1941 года, находился, как уже упомянуто, в должности начальника штаба Одесского военного округа.

Уточним, еще раз, суть дела связанного с Захаровым. По плану прикрытия границы с Румынией на Одесский военный округ возлагалась задача при начале военных действий на базе управления округом сформировать **9-ю армию**, которая организационно входила в структуру Юго-Западного фронта. Ни о каком самостоятельном фронте на базе Одесского военного округа, поначалу, речь и

не шла. Но учитывая длинную протяженность границы, местное начальство пожелало привлечь под свое крыло дополнительные силы, для чего, вроде бы, направило докладную записку в Генеральный штаб с просьбой помочь, чем могут. Однако в Москве, на тот момент, посчитали, что и наличествующими воинскими частями очень даже “можно вести успешные активные действия на фокшанско-бухарестском направлении”. Итог всего дела таков: на все предложения руководства округом об увеличении войсковых частей, ответа из вышестоящих структур, они не получили. А ведь, в докладной записке помимо всего прочего, округ, вроде бы, осмелился попросить еще и целый **самостоятельный фронт развернуть** на румынском направлении. Но оказалось, что события потекли своим чередом.

В дальнейшем Одесский округ, как и все округа западного направления, получили приказ, направленный Комитетом обороны при СНК о приведении войск в полную боевую готовность и выдвижении их к государственной границе. В соответствии с планом развертывания, на базе управления округом образовывалась 9-я армия, задача которой была прикрывать румынское направление. Место дислокации штаба предписано было расположить в Тирасполе. Вот что вспоминал М.В.Захаров по тем дням:

“Утром **20 июня управление 9-й армии** тронулось в путь. На следующий день с разрешения командующего войсками округа я также выехал из Одессы поездом в Тирасполь и вечером прибыл в штаб армии...”

Собранный **по боевой тревоге** к 5 часам утра **20 июня** личный состав, выделенный на формирование управления **9-й армии**, был отправлен на автомашинах **в Тирасполь**. Мне выехать из Одессы в этот день не удалось по служебным делам. С разрешения командующего войсками округа я выехал **21 июня** поездом и прибыл **в Тирасполь** вечером того же дня”.

Все складывалось пока неплохо для местного руководства, даже, несмотря на то, что Наркомат обороны постарался нивелировать отданный ранее, приказ о полной боевой готовности войск приграничных районов. Не здесь, на юге, решалась судьба войны, поэтому у московских Мазеп, руки не дошли, чтобы скомкать планы местного руководства.

Полевое управление 9-й армии уже **20 июня (!)** оказалось на нужном месте в Тирасполе. Войска, тоже, пришли в движение. Осталось ждать начала войны.

Вдруг, неизвестно куда (?), во втором часу ночи **22 июня** направляется та, самая, известнейшая Директива из Москвы. Это, условно говоря, первая Директива, в которой Тимошенко и Жуков, якобы, предупреждают командующих округами о возможном нападении Германии. И что же мы читаем в шапке Директивы № 1?

“ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

КОПИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА”.

Происходит какая-то путаница? В Тирасполе уже развернуто управление **9-й армии**, а их именуют еще по меркам мирного времени — Одесским военным округом. Такое же положение и с другими округами, хотя их фронтовые управления, тоже, как уверял нас Жуков, уже находились на предписанных свыше командных пунктах. Так какому же руководству была адресована данная Директива и куда она была направлена? Если брать в расчет, упомянутый нами Одесский округ, то, практически, всё его руководство было, уже, давным-давно на новом месте, в Тирасполе. Получается, что дуэт Тимошенко-Жуков отсылали Директиву во вчерашний день. С точки зрения, задержки информированности командования фронтами о предписываемых им действиях, то подобный способ отправки “срочной” Директивы, очень хорошо встраивается в предполагаемую **схему торможения**. Лучше и не придумаешь! Выходит, что данная Директива № 1 была отправлена на “старые квартиры” и во все другие западные приграничные округа. А куда

торопиться-то? Вдруг немцы передумают нападать? Да и Сталин все равно спит. К тому же, еще ночь на дворе! Не будут же в это время самолеты рассредоточивать и маскировать.

Значит, в Прибалтийском округе, который развернул фронтовое управление в Паневежисе, Директиву направили по старому адресу в Ригу. В Киевском округе, вместо Тарнополя, Директиву направили в Киев. И только в Западном округе, в результате хитро задуманной операции, могли, действительно, ограничиться старым адресом в Минске.

Ну, да, ладно. Важно, что документ, все же, отправили, а то могли бы последовать пословице, что утро вечера мудренее.

Теперь, что касается наших одесситов. Если что и говорилось в Директиве относительно Одесского военного округа, то уж, во всяком случае, не о развертывании фронта. Так, прислали по случаю тревожной ситуации на границе, много “хороших” наставлений и дело с концом. Это, что касается существа “липовой” Директивы. Ясное дело, что она, уже, должна была быть направлена фронтовым структурам в места их выдвижения, а не по месту их предыдущего нахождения, как окружного начальства.

Что можно сказать, кроме всего прочего об этом документе? Читателей уверяли и уверяют, и по сей день, что данной Директивой войска приграничной зоны подняли по боевой тревоге. Точнее, можно было бы сказать и так, что данная Директива, являла собой введение в действие плана прикрытия западных границ, так как в ней, как раз и было заявлено о недопущении противника на советскую территорию.

В пункте 2. Директивы приведено: “войскам... военных округов в **полной боевой готовности** встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников”.

А в пункте 3, вообще говорится о предписываемых действиях:

“а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе”.

...

в) все части привести в боевую готовность...

Несколько слов о боевой готовности. Понятно, что хитро написано. То, что врага надо встречать в полной боевой готовности — это не надо быть Жуковым, чтобы понимать существо дела. Но приведение войск в состояние **полной боевой готовности** — это не строка в Директиве. Это комплекс мероприятий, рассчитанный не на минуты и часы, а — дни! Кроме перехода войск на новую ступень боевой готовности, он включает в себя и **эвакуацию** из приграничных районов население и **семьи командно-политического состава Красной Армии**. Мы еще поговорим на эту тему, когда будет рассматривать подготовку к войне военно-морского флота.

А то понаписали в Директиве — все части привести в боевую готовность. Какую? На местах, дескать, знают, что к чему. Обратили ли внимание, что о военных морях ни слова не сказали. То есть о боевой готовности флота, видимо, должен был лично побеспокоиться нарком ВМФ Кузнецов. Может быть, для этого ему и направили копию данной Директивы? Однако с такой бумагой Николаю Герасимовичу, скорее всего сподручней было бы сходить до ветра. Все была бы, какая никакая, а польза.

Еще несколько длинных строк о боевой готовности. Бытует мнение, что у нашей армии и флота перед войной были разные степени боевой готовности. На флоте, дескать, было три степени, а в

армии, как кот заплакал, всего — две. Сначала о подобной нестыковке, а затем — почему официоз предложил такой вариант развития событий? Но как всегда без показа документов той поры.

То, что должна быть повседневная боевая готовность в армии и на флоте и доказывать не нужно. Иначе, для чего же созданы подобные структуры в государстве? Не для одних же парадов на Красной площади. В последующем вектор боевой готовности у них, почему-то, раздваивается. На флоте вводится повышенная боевая готовность, а в армии — все остается по-прежнему, с ковырянием в носу. И только, когда уже грудь в грудь с врагом, по мнению официальных военных историков, то, дескать, тогда и вступает в силу положение о полной боевой готовности. Могла ли существовать подобная ситуация в действительности? Попробуем разобраться.

А для чего, вообще, вводится повышенная боевая готовность в войсках, и на флоте, тоже? Представим себе, что вблизи наших границ со стороны сопредельного государства начинает скапливаться большое количество военной техники и живой силы, фактически, потенциального противника. Как должно отреагировать на все это наше военное начальство и правительство? Необходимо запросить через посольство, что там собирается делать такое большое скопление военного люда, и долго ли это будет продолжаться? Нам объясняют, что вблизи границы, дескать, состоится футбольный матч между двумя военными группировками соседей: красно-синими в полосочку, и черно-белыми в клеточку. А все остальные собравшиеся — это, дескать, болельщики, с разных сторон. Если наше правительство не полные бараны с мякиной в голове, вместо мозгов, то оно должно отдать приказ военным привести воинские части, находящиеся в данном районе у границы в состояние повышенной боевой готовности и зорко следить, не превысит ли число “болельщиков” критическую массу, которая может вторгнуться на нашу территорию. К тому же прикажут еще, и подтянуть к границе дополнительные контингенты войск, с целью, что те, тоже, хотят полюбопытствовать, как там на “футбольном поле” у соседей будут развиваться события? Соответственно, и на флоте произойдут позитивные подвижки. Морячки тоже подтянут ремешки на брюках.

Если наши соседи по границе поймут, что затея с “футбольным матчем” провалилась, то “перенесут” его вглубь своей страны. Соответственно от границы уберутся и многочисленные “болельщики”. Напряжение спадет и ситуация на границе снова примет первоначальные формы. Нашим уже без нужды станет держать у границы такое количество войск, и прибывшие контингенты возвратятся к местам своей постоянной дислокации. Таким образом, состояние повышенной боевой готовности войск прикрытия будет свернуто и все вернется на стадию повседневной боевой готовности. И флотские ослабят ремешки на брюках.

Но в таком случае в представленном официозом утверждении о разных степенях боевой готовности, появляется трещина. Флот приведен в состояние повышенной боевой готовности, а армия — нет. Разве у нас с Германией по 1941 году намечались чисто морские сражения вдали от родных берегов, что не было нужды армию беспокоить? Или что? — немцы испугались наших тральщиков с деревянными корпусами и дали команду “Отбой!” своей эскадре, чтобы “Тирпиц” уберечь? Поэтому и не состоялась, дескать, битва морских титанов: Германии и Советского Союза. Поэтому повышенную боевую готовность и свернули на флоте. А сухопутным войскам, надо понимать, вообще, не было дел до потенциального противника. Подумаешь, “футбольный матч” на границе? Может его, в скором времени, перенесут на родину футбола в Англию? Зачем нам повышенная боевая готовность? Мы лучше кино посмотрим, на концерт сходим, и мороженое поедим!

Да, но что делать, если беспокойные соседи “футбольный матч” не перенесут, а наоборот, пригонят к границе еще большее число “болельщиков”? Тут и ежу станет понятно, что соседи хотят поближе познакомиться нас со своей “футбольной” стратегией и тактикой. Видимо, планируют провести “футбольный матч” уже на нашей территории, без согласования с нашими верхами.

Вот тогда, по здравому разумению, и вводится в войсках прикрытия границы следующая стадия боевой подготовки — полная боевая готовность. Вследствие этого, начинается эвакуация

населения из приграничной зоны и то, о чем мы говорили выше: эвакуация семей командно-политического состава, как в нашем случае, Красной Армии и Военно-Морского флота. При проведении “матчей” такого уровня, как правило, вспыхивают беспорядки среди “болельщиков”. С целью побережь жен и детишек от бесчинствующих “фанатов” их, целесообразнее, отправить вглубь страны. А мужичкам в военной форме надлежит забыть о кино, о концертах, и о мороженом, а быстренько отправиться на военные склады и запасть дополнительным оружием и боеприпасами. Ну и прочее, и прочее, что положено делать в таком случае.

Но у нас-то и с полной боевой готовности не получилось, в должной мере, поэтому, что же, официоз будет мурлыкать о повышенной?

Теперь о том, почему официоз все же предложил такую форму боевой готовности наших вооруженных сил? На флоте, дескать, — три степени, а в армии — две. Предполагаю следующее. Дело в том, что еще в 1959 году, задолго до Жуковских “мемуаров”, Арсений Головкин, бывший командующий Северным флотом в своих воспоминаниях приводил описание трех степеней боевой готовности на флоте. И адмирал Кузнецов подтверждал сказанное в своих книгах о тех же, трех степенях боевой готовности. Эти книги большими тиражами разошлись по стране. Не станешь же, после этого, принижать флотоводцев в умственной отсталости, дескать, им почудилось, что было три степени боевой готовности. Высокое начальство подумало и решило оставить, как есть, то есть — три, тем более, не на флоте поначалу все решалось? Мы с данными моряками еще столкнемся в главе о том, как советское морское командование встретило начало войны.

А вот как же выкрутиться с армией? Как же объяснить гражданам страны, что Германия напала внезапно? Ведь о том, что на границе готовится проведение “футбольного матча” было известно заранее. “Болельщиков” прибыло со всех стран Европы, как на проходящий чемпионат по футболу! Трудно не заметить. И посольские вовремя позаботились узнать, сколько “футбольных матчей” состоится, и в каких городах будут играть. Практически, получалось, что по всей нашей западной границе.

Как же понимать, что наши войска не привели в **повышенную боевую готовность**, которой, якобы, не существовало, когда на западное направление подтягивались воинские контингенты из сибирских округов? И это в связи, с чем же произошло? Неужели командующие тех округов решили ноги размять по своему усмотрению?

А с **полной боевой готовностью**, вообще, получился полный конфуз, если такое слово уместно употребить при случившейся трагедии. О какой эвакуации семей военнослужащих, можно говорить, когда войска-то по боевой тревоге не подняли! Как все это объяснить? Выкрутились тем, что, дескать, в Красной Армии до войны повышенной боевой готовности никогда отродясь и не было, а с полной боевой готовностью просто получилась (ну, кто бы мог подумать!) досадное недоразумение. Оказывается, “нехороший” Сталин “лапу” наложил на “правильные” решения военных. Правда, дескать, Жуков все же подсуетился, Директиву отослал в округа, мол: “Держитесь, товарищи бойцы и командиры. Скоро Сталина разбудим и откроем ему глаза на правду!”. Да, Директива, к сожалению, в проводах запуталась и опоздала к сроку. И петух, вовремя, не прокукарекал на рассвете — не разбудил Красную Армию у границы. И Сталин спросонья, не понял сути дела и “протянул резину”. И Ставка полтора дня собиралась — видимо, “крутили бутылочку” в Кремле: кому быть Председателем? Вождь, скорее всего, сам остановил стеклянную емкость, прямо указав на Тимошенко — быть по сему!

Конечно, изложено в шуточной форме, но можно ли поверить во все сказанное официозом о боевой готовности? Конечно, можно, если выступить в роли домохозяйки, слушающей по телевизору различные суждения современных историков о войне и Сталине, густо сдобренных показом телесериалов.

Но, ведь, данная работа рассчитана на людей, с извилинкой в голове, как, впрочем, и на тех, кто признает у себя наличие таковой. Неужели нельзя задуматься над поставленными автором вопросами? У Жукова, как понимаете, о степенях боевой готовности написано маловразумительно. Что ему начеркал официоз в “Воспоминаниях”, то он и подмахнул — не глядя. А то прикидывается простачком с петлицами генерала армии, что-то невнятное толкующим о своей деятельности на посту начальника Генштаба.

Однако возвращаемся к существу приведенного документа (Директивы) отправленного, как нас уверяют, дуэтом Тимошенко-Жуков. Неужели не знал начальник Генерального штаба, что в приведенной им “Директиве” **должна была присутствовать еще одна подпись** должностного лица, которой нет, но, судя по статусу документа, должна была там быть в наличие?

А почему ее не было, этой подписи? Лучше бы спросить об этом Георгия Константиновича с товарищами консультантами, но нас разделяет гигантский временной отрезок в полстолетия.

Вполне вероятно это произошло из-за того, что данная Директива была послана новообразованной Ставкой, а не Наркоматом обороны. Отсюда, как видите, и отсутствие в “шапке” документа военной структуры его выпустившей. Ставку же невозможно привести, а Наркомат обороны потянет за собой то, о чем мы вели разговор выше — вопрос о третьей подписи. А этого Жукову с товарищами, как раз и не надо.

Данная Директива — это заведомо искаженный документ, потому что в нем нет самого главного, на тот момент, — поднятие войск западных направлений по боевой тревоге. Отсюда, скорее всего, и отсутствие подписи третьего лица.

Действительно, на тот момент (конец дня 21-го июня), надо было думать уже не о боевой готовности войск (время-то уже упущено), а о том, чтобы воинские части, хотя бы, не застали врасплох у границы.

Думается, что настоящий-то документ, посланный в войска, в последующем как архивный документ, претерпел изменения, то есть, его слегка подкорректировали. Поэтому, то, что у Жукова в мемуарах приведено по поводу данной Директивы, якобы, выпущенной Наркоматом обороны — чистая “липа”, фальшивка.

Да, но интересно, знать: “А какой же тогда Директивой (или приказом) вводился в действие план прикрытия госграницы, если не этой?” Или так, по наитию и стали воевать? По идеи, именно, эта Директива должна была поднимать войска по боевой тревоге, но подлинность ее, крайне сомнительна.

А как же до Жуковских “Воспоминаний” военные историки обыгрывали эту тему — введение плана прикрытия государственной границы?

В хрущевские времена Жуков был в опале, и поэтому ему можно было, в определенной мере, предъявить вину за случившееся на границе с нашими войсками. Командный состав округов знал же настоящее положение дела по тем дням: не все же погибли в войну. Они же читали подлинное сообщение из Москвы. Поэтому наряду со Сталиным, вину за поражение первых дней переложили на плечи военного руководства Красной Армии. Разумеется, без упоминания имен. Так, отделались общими словами.

Как же преподнесли читателям тех, шестидесятых годов, начало войны в исследовательских работах? Прозвучало так: дескать, “некоторые руководители Наркомата обороны и Генерального штаба (Видимо, Тимошенко, Жуков и другие. — В.М.) не сумели сделать правильных выводов из создавшейся обстановки и **не приняли своевременно мер по приведению Вооруженных Сил в боевую готовность**”.

Неплохо смотрелось даже для 60-х годов при самом Хрущеве. Речь-то, ведь, шла о полной боевой готовности наших войск, которой, к сожалению не было. Стоит ли, в таком случае, говорить о степенях боевой готовности, или о какой-то там боевой тревоге. Немец стал стрелять и бомбить — наши, в конце концов, стали принимать ответные меры. Вот вам и вся боевая готовность, и вся боевая тревога. Неужели, дескать, наши командиры не поняли, что началась война?

К тому же, интересно знать, как по тем 60-ым годам, назывался документ, который отправили в округа Жуков и компания? О Ставке при Хрущеве, вообще, предпочли помалкивать. Решили оставить, только Наркомат обороны, коли там нашлись частично виноватые. Читаем далее.

“Достаточно сказать, что **приказ Наркома обороны “О развертывании войск в соответствии с планом прикрытия мобилизации и стратегического сосредоточения”**, переданный по телеграфу, был получен в приграничных округах лишь в ночь на 22 июня 1941 года, когда уже началась война”.

То есть, Директивой на тот момент еще и не пахло, поэтому обществу был предложен всего-навсего, лишь приказ от лица Наркомата обороны. Видите, как называлась бумага, которая должна была 22-го июня уйти в войска (или ушла 18 июня?). К тому же черным по белому написано, что и этот отданный приказ в войска опоздал — началась война.

После смещения Хрущева отношение к Жукову изменилось на противоположное. Кто-то же должен был стать героем войны! Политбюро сделало выбор в пользу героя Халхин-Гола. Соответственно, должен был измениться и документ, отправленный в округа накануне войны. Так, скорее всего, и появилась для солидности Директива. В нее, как видите, воткнули **полную боевую готовность** войск, которая, даже во времена Хрущева не состоялась, и таким образом нужный документ был готов для употребления широкими советскими массами.

А наш “верный защитник” Отечества — Георгий Константинович, стал выпекать эти Директивы, как блины на сковородке. Помните, как они вылетали с его подписью одна за другой. И все с благими намерениями: разбить супостата. Он и сам-то не утерпел — уж очень хотелось пальнуть по немцам. Из Москвы далековато, поэтому решил перебраться, поближе к военным действиям, в Тарнополь. Сам Хрущев, в те далекие 60-е годы, себя по началу войны никак не обозначил. Еще не придумал, где же ему надлежало быть.

Сколько мы говорили о Генеральном штабе, но, пока, ни разу не мелькнула фигура товарища Василевского. Он ведь тоже крутился в Генеральном штабе перед войной. Может чего и скажет нам интересного? Давайте-ка заглянем и в его мемуары. Тоже, ведь, своего рода, “светоч” военной мысли.

Александр Михайлович, разумеется, в подробностях знал все коллизии с этой лжеДирективой, как и то, что там было в Кремле и его окрестностях, по первым дням войны. Решил, однако, поддержать товарищей в маршальских погонах. Если Жуков упомянул в мемуарах, что Ставка создана 23 июня, то кто же тогда руководил войсками в первый день войны? Разве можно согласиться с тем, что наши генералы и маршалы не знали, как будут руководить войсками в случае начала войны? Эти вопросы оговариваются загодя, а не в тот момент, когда враг нападает на страну. Так что, по-детски наивный лепет товарища Жукова, что, дескать, рано утром они с Тимошенко документ о Ставке все же принесли Сталину, а тот, взял, да и отложил документ на потом — есть заурядная ложь, цель которой прикрыть творимые безобразия. Поэтому в его “Воспоминаниях” приведен текст только Директивы № 1, да и то, без подписи третьего лица, а тексты последующих Директив при издании “Воспоминаний” благоразумно были опущены. О них было только упоминание на словах самим автором. И все!

Помните, я говорил, что Жуков схитрил: дескать, убыл на Украину, и что там было без него, в Москве — не в курсе. Василевский, решил заполнить образовавшуюся пустоту. Иначе, получается

очевидная глупость — выходит, что войска не только не привели в состояние полной боевой готовности, не только не подняли по боевой тревоге, но ими, 22-го июня, вообще, никто не руководил?!

Читаем, что Василевский написал в своем, тоже, “бессмертном” творении под названием “**Дело всей жизни**”. Не дрогнула рука, когда выводил на бумаге такое:

“22 июня 1941 года руководство вооруженной борьбой осуществлялось **Главным военным советом**. На следующий день была создана Ставка Главного командования”.

Это было напечатано в первых изданиях его мемуаров. Руководство вооруженной борьбой — это что? — из восточных единоборств на мечях? Напишут же такое. По-Василевскому получается, что руководство войсками с началом войны осуществлялось, как бы, спонтанно. Тяжкий жребий пал на Главный военный совет. В более поздних редакциях, текст немного подправили. Теперь руководство осуществляется, как бы, по заранее продуманному плану.

Читаем новую редакцию.

“22 июня военными действиями **руководил**, как и предусматривалось, **Главный военный совет**, но уже на следующий день была создана Ставка Главного командования Вооруженных Сил Союза ССР”.

Теперь вооруженную борьбу заменили **военными действиями**. Не осмелился, однако, Василевский написать, что руководили **Красной Армией**. По понятным причинам, что все было как раз, наоборот. Красную Армию сдавали врагу.

А какое длинное название Ставки употребил наш штабной стратег, в последующих изданиях, что, не то, что запомнить, — с трудом можно выговорить. Мог бы, заодно, и “ССР” расшифровать от усердия. Еще большей солидности прибавилось бы в названии. Однако закончим “глубокую” мысль Александра Михайловича о новообразованной Ставке.

“Я сказал бы, что она носила несколько демократический характер, так как во главе ее был **не главнокомандующий**, а **председатель** — нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко”.

Товарищ Василевский, несколько запутался в терминологии о понятиях демократии, по причине частого общения с Хрущевым. Придется его поправить. Правильнее звучало бы — “**демократичный** характер”.

Хотя, дело-то не в должности и звании руководящего лица (Ставки), а в форме отношений: начальник — подчиненный. Вообще говоря, армия — это, конечно, не та, среда обитания, где правит бал демократия. Но, тем, не менее, если командир прислушивается к голосу подчиненных, то это, есть признак разумного **демократического** руководства. Если же командир, есть деспот в погонах, самодур и держиморда, то даже, если он будет в должности председателя, например, той же Ставки, — вряд ли та изменится по сути, а будет носить, по Василевскому, “демократический(?) характер”.

Теперь вернемся к существу дела, ради которого и привел выдержки из данных мемуаров. Василевский, выгораживая Жукова и его поделщиков по тем, начальным дням войны, сам, невольно, попадает впросак. Понятно, что Александр Михайлович латает образовавшуюся брешь — 22 июня. По его утверждению, в этот день Красной Армией руководил Главный военный совет. Правда, он почему-то не упомянул, что данный орган входил в состав Наркомата обороны, а не функционировал самостоятельно, сам по себе.

Что еще вызывает, и удивление, и недоумение одновременно? По Василевскому выходит, что в случае нападения Германии войсками сначала немного покомандует Главный военный совет, а когда Жуков принесет документы по Ставке на подпись Сталину, то, после их утверждения, к делу подключатся товарищи, вошедшие в состав данного новообразования.

Ему бы холодный компресс на голову, чтобы не писал подобное, а он еще рассказывает своим читателям о демократическом характере образованной, якобы, 23-го июня, Ставке.

Так как наше высшее военное руководство все время говорит неправду, то происходит непрерывная путаница по событиям. Очень сложно при вранье прийти к общему знаменателю. Вот и в данном случае Василевский невольно подставляет Жукова, уверяя, что Тимошенко был **не Главнокомандующим**, а только **Председателем** Ставки. Вот и разберись с нашими маршалами: кто из них, менее лжив в своих мемуарах? И это, заметьте, с разнообразной помощью при написании своих опусов. Включая целый штат всевозможных редакторов, консультантов и рецензентов от различных институтов по военной, и прочей, Историей. Вдобавок ко всему, еще и в обнимку с архивами. И всё, оказывается, не впрок, когда заранее пишешь неправду!

В чем еще состоит промах товарища Василевского? Как бы коряво он не убеждал читателя, кто именно, руководил войсками в первый день войны, ему ли не знать, что в приведенной Жуковым Директиве № 1 отсутствовала подпись третьего лица, коли привел Главный военный совет?

Александр Михайлович, видимо, пытался убедить читателей, что данная Директива вышла из недр Наркомата обороны, не приводя, однако сведения о том, что упомянутый им безымянный Главный военный совет относился, именно, к данному ведомству. Об этом, товарищ Василевский благоразумно промолчал, чтобы не разрушить выдуманную им же, хрупкую конструкцию, якобы, управления Красной Армией по первому дню. Знал он, конечно, что лукавит в данном случае, но что поделаешь? — партийная дисциплина — выше совести.

Наш товарищ Василевский, спаситель “чести” маршалов, являясь на тот момент, первым заместителем Оперативного управления Генерального штаба, конечно же, знал, что по **Положению о введении в действие плана прикрытия** (а это и есть, условно говоря, данная Директива № 1), в ней должна была стоять подпись члена Главного Военного совета при Наркомате обороны. В приведенной Директиве, как все знают, ее не было. Кроме того, особенность данной подписи состояла в том, что лицо, ее представляющее, относилось к партийной власти страны. А она, с октября 1917 года и до самого последнего дня падения Советского Союза, и являлась основной властью страны. И никакие военные не могли и шагу ступить, чтобы проявлять самостоятельность в принятии важных государственных решений, без партийного благословения. Разумеется, в плане обороны страны.

А как раз, незадолго перед войной был введен в действие приказ Наркома обороны Тимошенко об изменении состава Главного Военного Совета на основании Постановления ЦК ВКП(б). Об этом мы говорили в главе о Ставке. Повторяться обо всем составе не имеет смысла, поэтому поведем речь только о лицах, относящихся к высшему партийному руководству страны. Их в списке, как помните, было всего трое: **Жданов, Маленков и Мехлис** (Это как раз те, лица от партии, которые, якобы, фигурировали в Постановлении Политбюро от 21 июня о создании Ставки). Кто-то из них, в зависимости от ситуации и нахождения в Москве, должен был подписать эту, якобы, злосчастную Директиву № 1. Но, увы! Никто из них не обмакнул перо в чернильницу. Ставка была “липовой”, с точки зрения этих лиц, поэтому для них она не являлась легитимным органом. Возможно, что один из них и поставил подпись под настоящим документом, подготовленным на Главном Военном совете Наркомата обороны. Вопрос тогда прозвучит так: “А был ли дан ход этому документу?”

Разумеется, был. Помните, выше упомянутый приказ Наркома обороны из исследований 60-х годов “**О развертывании войск в соответствии с планом прикрытия мобилизации и стратегического сосредоточения**”,

Скорее всего, данный документ и был отправлен в войска 18 июня. Он приводил Красную Армию и Военно-морской флот в состояние полной боевой готовности. Осталось только ждать кодового сигнала боевой тревоги.

Как известно, впоследствии, произошла отмена полной боевой готовности и, как итог происходящего, накануне нападения Германии в западные округа пришла Директива № 1 Тимошенко-Жукова. Что она представляла собою в действительности, остается только догадываться, так как на данный момент читающей публике представлен, увы! — препарированный документ. Одним словом — фальшивка! Но, то, что этим документов стреноживали командование округов — не подлежит сомнению.

А тот факт, что в приведенной “Директиве” отсутствует подпись члена Главного Военного Совета от партии, лишь усугубляет существо дела. Кроме того, отсутствие третьей подписи, скорее всего, указывает на то, обстоятельство, что сей документ, вышел на белый свет не из Наркомата обороны, а из Ставки, еще первого довоенного созыва. Следовательно, на 22 июня она, уже, существовала, в пику Жукову. И он, как впрочем, и Василевский, прекрасно об этом знали. Но ввали! Значит, было что скрывать!

В советских газетах того времени о событиях на фронтах по первому дню войны было сказано так:

“Сводка Главного Командования Красной Армии

за 22. VI—1941 года.

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германский армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течении первой половины дня сдерживались ими.

Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Крыстынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки **Кальвария**, **Стянув** и **Цехановец**, первые два в 15 км, и последнее в 10 км, от границы.

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносящих большие потери противнику. Нами обито 65 самолетов противника”.

Не удержался и привел полностью первое сообщение о военных действиях с Германией в газетах того времени. По-русски написано, кто руководил войсками. Следовательно, это никоим образом не напоминает Главный Военный совет при Наркомате обороны, в чем нас хотел убедить хитроватый Василевский, а четко подтверждает то обстоятельство, что Жуков уехал на Украину с назначением, полученным из Ставки Главного Командования, которая так и называлась, на тот момент.

Но, смотрите! Даже в газету, наши военные деятели, постеснялись дать полное название своей вновь образованной военной структуры, предпочтя сокращенный вариант. Знали, видимо, что рыльце в пушку.

А читающая публика 70-х годов, ознакомившись с “Воспоминаниями” Жукова, жаждала увидеть тексты последующих, очень важных, в понимании прошедших событий Директив, проанонсированных автором. О них, как известно, к сожалению, было только одно упоминание, а увидеть их воочию, не представлялось возможным.

Вполне допускаю мысль, что данные Директивы № 2 и № 3 никогда не существовали в реалиях, а являлись прикрытием псевдо деятельности Жукова и компании.

Но, тем не менее, как и их-то, обнародовать без третьей подписи? Советская военная наука, во всяком случае, так и не решилась их опубликовать. И лишь в недавнее постсоветское время “полные” тексты Директив № 2 и № 3 увидели свет. На то, есть свое объяснение.

Если же приглядеться к Директивам № 2 и № 3 выпущенным, как и первая, безымянным ведомством, то можно заметить, что авторы этой (очередной) галиматии, все же, учли, то обстоятельство, на которое я просил обратить внимание читателей: наличие третьей подписи. На сей раз, подпись третьего лица, наконец-то, явилась на глаза читающей публики. Это член Главного Военного совета при Наркомате обороны Г.М.Маленков. Кстати, присутствует и подпись товарища Жукова, на удивление, в должности начальника Генерального штаба в Директиве № 3.

Помните, как он выкручивался, говоря, что ему на КП в Тарнополь Ватутин позвонил. Дескать, дорогой Георгий Константинович, не соблаговолите ли, дать согласие на то, чтобы Ваша подпись стояла под Директивой? Ну, что Вам стоит сказать — “Да”. И Жуков взял, да и согласился для пользы дела, на будущее. Тем более, как уверял читателей — дескать, сам Сталин приказал это сделать! Так что выходит, что Жуков опять ни в чем не виноват.

Но публиковать Директивы с фамилией Маленкова было опасным занятием, так как Георгий Максимилианович прожил долгую жизнь и умер в конце Горбачевской перестройки в 1988 году. И лишь с его смертью представилась возможность приклеить к этим Директивам **третью подпись** высокого партийного лица, соблюдая тем самым, якобы, законность выхода документа. Только Маленков, в определенной мере, удовлетворял всем тем требованиям, при которых его фамилию, можно было поставить в конце текста Директивы. Другие товарищи: Жданов и Мехлис, выпадали бы из документа по ряду обстоятельств. А без третьей подписи Директива была бы не законной. Так что, История — мамаша капризная. К ней, с любой бумажкой, просто так не сунешься. Такие вот дела!

Кстати, обратите внимание вот еще на что: в Директиве № 1 приведенной в “Воспоминаниях” 1969 года, и Тимошенко, и Жуков приведены без указания должностей. Почему? А чтобы можно было увильнуть от прямого ответа. Это, дескать, другой документ, где не требовалась подпись члена Главного Военного совета.

А задайте, любой из читателей, вопрос знатоку военной истории: “Кем был по должности Тимошенко? А кем — Жуков?”. Получите незамедлительно в ответ: “Неужели, дескать, не знаете, товарищи, кем они были в начале войны? Разумеется, Тимошенко — был наркомом обороны, а Жуков — начальником Генерального штаба! Даже у самого Василевского в мемуарах написано, что именно они, в этих должностях и подписали Директиву”.

Ну, если Василевский написал, то значит, “так оно и было”. С ним, ведь, тоже, много не поспоришь и не спросишь! Давно ушел в мир иной.

Но вернемся к нашим “липовым” документам. Например, в Директиве № 3 есть ряд необъяснимых обстоятельств, связанных, видимо, с ее фальсификацией.

Мы, весь документ подробно рассматривать не будем, а остановимся, в основном, только на вводной части.

ДИРЕКТИВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО, ЗАПАДНОГО, ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ.

№ 3 22 июня 1941 г.

Карта 1000000*.

Как видите, снова нет указания, из какого военного ведомства вышел данный документ? Как впрочем, этого не было и в предыдущих Директивах. Дескать, понимаете, сами как хотите.

1. Противник, нанося удары из Сувалковского выступа на **Олитаи** из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

Почему такая безграмотность в оформлении документа? Апологеты Жукова стараются причесать данный документ и даже, дают правильные, с их точки зрения, поправки. Хочется спросить служивых: “А как же в таком случае пользовались подобным документом в действительности, в то, военное время?” Что? За разъяснениями звонили Тимошенко в Москву?

Есть населенный пункт — Сувалки. Правильнее звучало бы, Сувалкский выступ. Правда, в дальнейшем тексте прилагательное от данного географического названия будет употреблено правильно: Сувалкская группировка противника. Также, слегка напутано и с другим названием — Радзехов. Правильнее, Радехов. Но это мелочь. Вполне возможна опечатка при изготовлении машинописной копии в послевоенное время.

Важнее другое. В документе приводятся данные, что противник наносит удар на Олита. Могло ли такое название быть в действительности? Дело в том, что данное название города было принято до 1917 года, когда Литва входила в состав Российской империи. После ее распада, в конце 1918 года Литва получила независимость, и данный город стал именоваться **Алитус**, с ударением на первый слог. Данное название сохранилось и до 22 июня 1941 года. Даже на немецких картах того периода можно прочесть, то же, самое название.

Как же так получилось с данным названием? Это уже трудно отнести к опечатке в машинописной копии. Выходит, что у нашего командования были свои отличительные от других карты, не связанные с топонимикой данной местности? Дескать, плевали мы на литовские названия, нам ближе по духу наше российское?

А может, кто из честных военных историков постарался? Воткнул в “липовую” директиву, своего рода, козью ногу.

Вот такие они “подлинные” документы из архивов. В заключение по данной Директиве № 3, хотелось бы обратить внимание читателя на один из подпунктов, где говорилось об интересующем нас Южном фронте.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу

территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать рр.Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на **23.6** сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

Остается только гадать, кому была адресована данная Директива, если командующий фронтом Тюленев, только еще ехал поездом со своим штабом по маршруту Москва-Киев, и прибудет к

месту назначения в Винницу, лишь 24 июня? А 18-я армия (одна из двух в составе фронта) еще находилась на стадии формирования в Харьковском военном округе.

В конце документа, как всегда подписи Наркома обороны Тимошенко и всюду успевающего Жукова. Но теперь, начиная с постсоветского времени к ним добавили подпись Члена Главного Военного Совета Маленкова. Чтобы все было, дескать, в ажуре. А в самом конце приведены сведения, откуда “выудили” данный документ.

Народный комиссар обороны Союза ССР **Член Главного Военного Совета**

Маршал Советского Союза

Тимошенко **Маленков**

Начальник Генерального штаба Красной Армии

генерал армии Жуков

ЦА МО РФ. Ф.48а. Оп. 1554. Д.90. Лл.260–262. Машинопись, заверенная копия. Имеется помета: "Отправлена в 21–15 22 июня 1941 г."

*** Не публикуется.**

Столько лет документ не мог появиться на свет! Все решали в высоких партийных инстанциях, можно ли военным историкам фальшивочку протолкнуть по поводу забот и хлопот по-отечески “неутомимого труженика войны” товарища Жукова? Наконец-то, дождались и действие свершилось! Читайте и наслаждайтесь прочитанным, граждане-товарищи!

Но если, уважаемый читатель, всё абсолютно подвергать сомнению, зная, что нам сказал историк Николай Григорьевич Павленко по первым дням войны, вполне возможным будет то обстоятельство, что состав партийных деятелей, указанных в предвоенном **Постановлении ВКП(б)** по Главному Военному Совету, является недостоверным.

Не просто же так, Николай Григорьевич, в свое время, отметил что

“уже пятый десяток лет пошел с тех пор, как кончилась эта война, но **правдивой истории** о ней как не было, так и нет до сих пор...”

Следовательно, можно предположить, что из данного состава были изъяты фамилии (или фамилия) партийных деятелей (деятеля) играющие на поле оппозиции Сталину. Тогда представляется вполне реальным, что данная Директива № 1 была подписана, именно, тем лицом, упоминать которое было бы, крайне, не желательным явлением. Поэтому его и не указали в Директиве в 1969 году. Не все же, знали, что должны быть три подписи в документе. Для читающей публики тех лет сошло и так. А, в дальнейшем, все же, рискнули внести третью подпись и заменить Маленковым. Надо же, соблюсти “законность” в приведенных документах.

Предполагаю, что, именно, Л.З.Мехлисом прикрыли то лицо от оппозиции, которое в действительности было в составе Главного Военного Совета на основании Постановления ЦК ВКП(б). На Мехлиса “навешивали” и не такое. Подумаешь, воткнули в состав ГВС при Наркомате обороны.

Так вот, данный член Политбюро, прикрытый Львом Захаровичем, был из состава Мазеп, иначе бы не подписал Директиву № 1, да, и, возможно, последующие — № 2 и № 3. Поэтому-то его

фамилию, в дальнейшем, при сокрытии фактов предательства, намеренно изъяли из текстов, как упомянутого Постановления ВКП(б), так и этих трех Директив.

Почему настаиваю, именно, на данной версии? Согласитесь, что в реальной жизни, Директива без третьей подписи не могла же быть отправлена в войска. Читайте, что напечатано в приведенной “шапке” Директивы (или приказа): **“Военным Советам ... округов”**. Следовательно, не только командующие округами (фронтами) знали, что в документах такого уровня исходящих из Москвы, должна присутствовать подпись члена Главного Военного совета, но и сами **члены** местных Военных советов, разумеется, были осведомлены о ней. Или они, что же, не члены Военных Советов округов (фронтов)? В противном случае, действительно, Директива не была бы законной, с точки зрения существующих правил. Как видите, сложности возникают и в таком, казалось бы, простом деле, как отправление Директивы в приграничные округа.

Все эти нюансы мы рассматривали с точки зрения законности выхода в свет данных Директив по самым запутанным дням нашей Истории — 21-го и 22-го июня 1941 года. Как видит читатель, многое в понимании случившегося, намеренно искажено и запутано. Поэтому нам и пришлось сделать чрезвычайно большущий круг в рассмотрении трех первых Директив, чтобы вновь вернуться к вопросу о рассылке самой первой Директивы в приграничные округа.

Снова обращаемся к первому приведенному Жуковскому документу (Директиве № 1) и вычленим из него Одесский военный округ, так как нас, по-прежнему интересует, именно, его преобразование. Ведь, всё это определенным образом связано, и нашими Главными направлениями, о которых мы, ранее, вели разговор, и с командующим МВО Иваном Владимировичем Тюленевым, и с начальником штаба ОдВО Матвеем Васильевичем Захаровым. Как выяснится, впоследствии, по необъяснимым причинам(?), последнего, приказом Наркома обороны отстранят от занимаемой должности 19-го июня.

Уж, не за своевременное и добросовестное исполнение приказа о приведение войск округа в состояние полной боевой готовности, получил начальственный втык? Но, в текучке тех дней приказ с опозданием найдет свой адресат, поэтому Захаров в неведении своего отстранения, будет решать боевые задачи сформированной 9-й армии, фактически, уже не являясь начальником штаба. Все это лишний раз подчеркивает то обстоятельство, что рассылка документации из Москвы шла на “старые квартиры”, в данном случае — в Одессу.

Надеюсь, помните, зачем Захаров тормозил высокое начальство? По-поводу **просьбы** местного одесского командования об организации самостоятельного фронта в пределах округа.

Так вот, уважаемый читатель, вы, наверное, подумали, что московское начальство забыло об этом пожелании Захарова, навсегда? Как бы ни так! Кому надо, “вспомнили” в нужный момент! И в связи с этим Матвей Васильевич пишет, что

“ход последующих событий показал, что **некоторые предложения Военного совета округа, направленные в докладной записке Генштабу, были, вероятно, приняты во внимание**”.

Неисповедимы пути докладной записки из Одесского округа направленной в Генштаб. Каким образом она попала в Центральный Комитет партии, а оттуда на самый верх в Политбюро, не знал никто, видимо, даже сам Захаров. Иначе бы, пояснил читателям. Может почта, по тем дням, ошиблась адресом?

Нам, важно понять одно. Этот “партийный орган”, хотя чуточку, и запоздал с решением, но, тем не менее, все же, отреагировал на просьбу одесситов. Кто помог в этом деле, как я сказал, история глухо умалчивает — может музыкант, Леонид Утесов порадел за своих земляков? — но, факт создания документа наличествует. Что ж, радуйтесь товарищ Захаров! Москва, как пишете, — пошла навстречу вашим пожеланиям!

“21 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение создать **Южный фронт** в составе **9-й и 18-й армий**.

Управление последней выделялось из **Харьковского военного округа**”.

Как видите, и у Матвея Васильевича отмечен тот факт, что само Политбюро озаботилось созданием Южного фронта. Теперь две дороженьки сошлись в одну. У нас ведь есть и раннее упоминание о заботе Политбюро по созданию Южного фронта.

Странно, однако, читать данный текст. Ведь, Жуков в своих “Воспоминаниях” уверял читателя, что, лично, дал указание командующим приграничными округами за несколько дней перед войной о выводе фронтовых управлений на командные пункты. Про Одесский округ особо подчеркнул, что выводится армейское управление, то есть, 9-я армия, в составе Юго-Западного фронта. И даже место указал — куда убыть? В Тирасполь. У Захарова тоже читаем подтверждение написанного Жуковым: управление 9-й армии, действительно, уже находилось в предписанном свыше районе. Тем не менее, Политбюро “озадачилось” созданием нового фронта. Опять выходит очередная нестыковка.

Кроме того, не вызывает ли удивление у читателя появление фронтовой структуры **21 июня**? Полевые управления армий (9-й и 18-й) — это уже фронт. Следовательно, все приграничные округа, если полевые управления убывают к месту расположения, превращаются во фронтовые структуры: что мы и наблюдаем по Одесскому округу. Логичным, в таком случае, выглядит и приведенное Постановление Политбюро о создании Южного фронта.

Да, но почему же в отношении других округов всё остается по-прежнему, в рамках мирного времени? И Директива № 1 направлялась в округа, а не в штабы полевых управлений, убывших к предписываемому месту развертывания.

У товарища Жукова мемуары, как знает читатель, книга довольно солидного объема. Оттого автору видимо трудно было упомянуть, что ранее написал. Поэтому про фронтовые управления приграничных округов, отмеченные в книге, которые он уже отправил к месту новой дислокации, малость подзабыл, а товарищи-рецензенты, вовремя, не подправили. Бывают, “досадные промахи”, и в издательском деле.

К тому же Жукову с консультантами, видимо, очень уж хотелось показать читателям, что, именно, на мирное течение жизни нашей страны, вдруг, внезапно обрушилась война. Поэтому округ, в таком случае, в мемуарах “полководца” выглядел предпочтительнее фронтового управления. Да и привлечь внимание читателей, к последнему, было делом нежелательным. Так все и получилось, в дальнейшем. Округа остались на старом месте, а 9-я армия, видимо, должна была “позабыть” про Тирасполь.

Однако и у Захарова этот факт создания фронта выглядит, все же, несколько странным. Согласитесь, с чего бы это, пусть даже, само Политбюро, решило вдруг поломать устоявшийся военный порядок в отношении округов и создало в противовес всему — Южный фронт? Что, заело сомнение и тревожное ожидание неизвестности на границе с Румынией? Поэтому, дескать, и уступили настойчивым просьбам начальника штаба Одесского военного округа. Да, будет фронт! Скорее всего, где-то наверху решались “свои”, трудные для нашего понимания, задачи.

Но радоваться Матвею Васильевичу, по поводу создания фронта, пришлось недолго. А что вы хотели товарищ Захаров? Просили дополнительные силы на границу — извольте, получить 18-ю армию. Хотели получить самостоятельный фронт на территории округа — и в этом деле ничего невозможного нет.

Удивительно, однако, то обстоятельство, что “Политбюро” не предупредило ни Тимошенко, ни Жукова о создании Южного фронта. От того в рассылке Директивы № 1, видимо, из “Наркомата обороны” и появилось обозначение ОдВО, вместо 9-й армии, а о фронте в документе, вообще не упомянули. Как же так получилось? А еще собрались с немцами воевать. Неужели и у них, было такое разгильдяйство в высшем штабном руководстве, как потеря фронтов?

Уважаемый читатель. Хочу напомнить, что то, о чем вы прочитали чуть выше (о Южном фронте), есть решение все того же, самого Политбюро, которое присутствовало и в “Черновике товарища Маленкова”, повторно приведенное в начале главы. Но в своих мемуарах Захаров, разумеется, ссылается на документ, а не на какой-то там черновик. Как бы это он мог написать, что, есть, дескать, черновик с каракулями Маленкова, где упоминается о создании Южного фронта. Скорее всего, документ о создании данного фронта существовал под другой шапкой и с другими утверждающими подписями, но, это сейчас, не столь важно. Главное, все же, что есть содержание документа, пусть и в таком усечено-искаженном виде. Важно, что в нем сказано о создании Южного фронта, и можно понять, вообще, о чем идет речь.

Теперь становится более ясным, почему к созданию данного фронта “приплели” товарища Маленкова с его “Черновиком”. Он, ведь, был одним из тех, трех партийцев, кто имел право подписывать документы от лица Главного Военного совета при Наркомате обороны. Жданова же, не было в Москве. Мехлиса, вообще, не желательно было упоминать, ни в коем случае. К тому же 21-го июня он уже возглавлял Главное политическое управление РККА. Остается, как говорил выше, один Маленков плюс законспирированный член Политбюро от оппозиции Сталину.

Итак, новый фронт — Южный, на пару с Юго-Западным, создан. Осталось только, как упоминал выше, назначить Главное командование для вновь образованного направления, если два фронта появились. Исходя из аналогии с документом, выпущенным, якобы, Государственным Комитетом Обороны (ГКО) 10-го июля. Помните, о нем, тоже, упоминалось в начале главы.

Ну, разумеется, за этим дело не задержалось. В подтверждение сказанного, читаем продолжение “Постановления” Политбюро, приведенное у Захарова.

“Этим же решением Г. К. Жукову поручалось руководство Южным и Юго-Западным фронтами, а К. А. Мерецкову — Северо-Западным фронтом”.

Понятно, что слегка отредактировали, чтобы сгладить новое назначение, как Жукова, так и Мерецкова. Кстати, прежнюю должность Георгия Константиновича — убрали, чтоб глаза не мозолила его принадлежность к Генштабу.

Чувствуете разницу между “Черновиком Маленкова” и документом из мемуаров Захарова? Исчезло общее руководство, и появилась конкретика. Так что, без всякого жеманства со стороны советской военной цензуры, можно было бы и, в то время, прямо, написать, что **Жуков 21-го июня 1941 года вступил в должность Главкома Юго-Западного направления**, в состав которого вошли два фронта. И точка. Но дрогнула рука цензора и вычеркнула из текста слово “Главком”. Итак, подумал, борец с вольнодумством: “Понаписано — голова кругом идет. Надо немного напугать, чтоб не подумали чего лишнего”.

А тут, кстати, и Мерецков под руку подвернулся. Ему — Северный фронт, как Змею Горынычу одну из голов, — сразу, отрубили. Не подумали о последствиях. Какой же он руководитель Северо-Западного фронта, когда им должен был стать, и стал, — командующий Прибалтийским особым военным округом генерал-полковник Ф.И.Кузнецов. Редактура, и в первом случае (помните, черновик Маленкова), была не на высоте, когда Мерецкова упомянула в сочетании с одним Северным фронтом, без Северо-Западного. Как известно, командующим Северным фронтом, должен был стать, и стал им, — М.М.Попов, из преобразованного Ленинградского военного округа. С Северным фронтом получилась вот такая история. Мерецков же был арестован, но этот факт,

как и время ареста, скрывались от широкой публики. Когда завесу таинственности немного приподняли, то решили сделать так: Мерецков, дескать, был арестован 23 июня. А что же он делал до этого? Якобы, командовал Северным фронтом. И правда, везде, во всех энциклопедиях упоминается создание Северного фронта, как 24-го июня, когда в командование вступил, вроде бы, М.М.Попов. А что же тогда сам Попов делал два дня с начала войны, являясь командующим Ленинградским военным округом? Ведь, именно, из руководящего состава данного округа формировалось фронтовое управление Северного фронта.

Получается, что официоз, так и не выскочил с Мерецковым из замкнутого круга: и правду сказать нельзя — и промолчать невозможно. Вот из-за лжи и происходит такая путаница. Но правдивого изложения, и по сей день, дождаться невозможно, иначе, рухнет вся, построенная на песке, военная концепция о первых днях Великой Отечественной. Так что, будем довольствоваться той, небольшой информацией, что просочилась из мемуаров Захарова. Но зато, этого оказалось, вполне достаточным для того, чтобы познакомиться с новоявленными **Главкомом направлений — Жуковым и Мерецковым!**

Вот что скрывали оба маршала в своих мемуарах. Как бы ни стала явью их деятельность на посту Главкомов направлений по первым дням войны. Одного на юго-западе, а другого — на северо-западе.

Снова сошлемся на историка Н.Г.Павленко. У него тоже есть опубликованные беседы с маршалом Жуковым на военную тему. Вот что в одной из них отражено по начальному периоду войны.

“В те трагические дни, когда велась тяжелейшая борьба с наступавшими силами противника, среди высшего звена нашего командования поползли слухи о том, что **арестован** бывший начальник Генерального штаба генерал армии **К.А.Мерецков**. По словам Жукова, до него эта весть дошла еще тогда, **когда он находился в командировке на Юго-Западном фронте**. Как только он узнал об этом, у него мелькнула мысль, что на Мерецкова будет возложена вина за поражение в начальном периоде войны. И в связи с этим он полагал, что **его тоже вскоре арестуют по этому же делу**”.

Нам теперь хорошо известно, что эта была за “командировка” Георгия Константиновича. К тому же Николай Григорьевич здорово замаскировал существо дела. Уберег от расправы цензурой данный кусочек текста. Умно прикрылся “слухами”. В дальнейшем же пишет, что до Жукова дошла весть. Какие же в таком случае могут быть слухи? К тому же нам известно, что Мерецков был таким же Главкомом, как и Жуков. То-то у нашего героя-полководца, на тот момент, затряслись коленки: “арестуют по этому же делу”. Нам теперь понятно, по какому именно, делу. В тот момент, Берия, вполне мог скрутить руки за спину добру-молодцу, но всемогущие члены Политбюро — чуждые советской ориентации, отстояли нужного им человека. Кстати и Мерецкова, в дальнейшем, Хрущев — как член Политбюро, вызовет с Лубянки.

Снова мы оставили товарища Захарова без внимания. Однако, отчего же, приуныл Матвей Васильевич в своем рассказе? — ведь, у него же, как просил, фронт создали! Даже дополнительное начальство, в лице товарища Жукова, появилось.

Но, как помним, товарищ Захаров вдруг подверг критике подобное решение.

“**Формирование** полевого управления Южного фронта **возлагалось не на Одесский округ**, как мы предлагали, **а на штаб Московского военного округа (МВО)**. Такое решение не отвечало обстановке и было явно неудачным”.

Однако смело сказано против Политбюро. Подвергнуть сомнению решение самого главного партийного органа страны — такое не каждому по плечу! Неужели остановится в критике только на этом моменте?

“Личный состав штаба МВО не знал данного театра военных действий и его особенностей, состояния войск, их возможностей и задач. Времени для изучения всего этого не было. Более того, руководству вновь созданного фронта надо было в условиях войны перебазироваться на новое место, заново организовывать и налаживать управление войсками, принимать прибывшие из внутренних округов соединения и части, обеспечивать их материально-техническими средствами и т. п.

Поэтому успешно решать перечисленные задачи управление Южного фронта не могло, что отрицательно сказывалось на действиях подчиненных ему войск в первые же дни войны.

Очевидно, наиболее целесообразным было бы сформировать предусмотренное **мобпланом округа** управление Южного фронта на базе аппарата Одесского военного округа, усилив его основные звенья наиболее подготовленными офицерами МВО”.

Как говорят, камня на камне не оставил от решения Политбюро предвоенного созыва. Но почему-то с мобилизационным планом вышла заминка. Видимо, было нелегко выговорить или товарищи решили при издании буквы сэкономить. Действительно, трудное словосочетание при написании.

Правда, хотелось бы отметить, что данная редакция мемуаров Маршала Захарова вышла в перестроечное время при Горбачеве, так что критика партийного Олимпа немногого стоит. А если учесть, что никакого Политбюро в подлиннике документа не существовало, то особого волнения партийцам от подобной критики испытать не пришлось. Хочу, однако, заметить, что в предсмертном издании автора в 1972 году, приведенное излияние мыслей автора, в тексте не наблюдалось. В данной же книге Захарова, переизданной, как упомянул выше, в перестроечное время начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии М.А.Моисеев, к тому же, привел в послесловии такие слова:

“Книга была написана М. В. Захаровым еще в **1969 году**, за три года до его кончины. Столь длительный разрыв между написанием и выходом мемуаров в свет объясняется несколькими причинами. Прежде всего тем, что тогда еще действовали довольно жесткие ограничения в отношении публикаций в открытой печати по вопросам организации, оперативной и мобилизационной деятельности Генштаба. С другой стороны, по негласным правилам того времени для выпуска любого военно-политического, тем более такого важного труда требовалось получить одобрение ряда заинтересованных должностных лиц. Это вылилось в диктат конъюнктурных мнений. Из книги исчезло много ценного информативного материала, **появились оценки, несвойственные автору**. На глазах М. В. Захарова происходило обесценивание его труда. Все, кто в этот период встречались с М. В. Захаровым, видели, как это тяжело сказывается на нем.

После смерти автора набор книги был рассыпан, изъяты материалы рукописи, находившиеся в личном пользовании.

Можно с уверенностью сказать, что в других условиях М. В. Захаров мог (и он говорил об этом неоднократно) написать более глубокий открытый труд.

Но и в увидевшей свет через двадцать лет рукописи автору удалось запечатлеть для потомства основной спектр вопросов и проблем, которые решал советский Генеральный штаб накануне великих испытаний. Глубоко убежден, что в книге маршала М. В. Захарова много поучительного и познавательного найдут для себя не только убежденные седины ветераны Советских Вооруженных Сил — современники воина и ученого, не только генералы и офицеры, военные профессионалы. Много интересного найдут в ней также все те, кто интересуется проблемами советской военной теории, стратегии, оперативного искусства, героической историей Советских Вооруженных Сил, нашей великой Родины”.

Если военные люди такого уровня, как Моисеев, и такое написали, то, представляете, что же там, в рукописи мемуаров Матвея Васильевича Захарова имелось в действительности!

Жаль, конечно, что еще одному автору не удалось в полной мере пробиться через преграды военно-политической цензуры той поры. Но и за то, что есть — Захарову, огромное спасибо.

Снова вернемся к вопросу, поднятому Матвеем Васильевичем о Южном фронте. Не о целях его создания хотелось бы говорить. Итак, понятно, что все это делалось неспроста. Обратите внимание, что с появлением Южного фронта появилась предпосылка не только к созданию, крайне важного для наших Мазеп — Юго-Западного направления, как впрочем, и остальных, но и к возможности избавиться от нежелательного руководства Московским округом, в лице Ивана Владимировича Тюленева с верными товарищами.

Хороший получился выстрел дуплетом. Недаром, Георгий Константинович любил поохотиться. После войны приволок к себе на дачу, в качестве “трофеев”, более десятка ружей с очень дорогой инкрустацией из охотничьих коллекций немецких баронов. Но не дали в радость пострелять по уточкам злыдни из сталинского министерства госбезопасности. Но, ничего. Придет время, и он им еще покажет, вместе с Никитой Сергеевичем, и кузькину мать, и где раки зимуют!

Возвращаемся к войне первых дней и к решению о создании Главных направлений. Как помните, для создания структуры направления необходимо было иметь в наличии, хотя бы, два фронта. Вот они и появляются в действительности. Даже, если бы Захаров и не возжелал бы развертывания в своем округе самостоятельного фронта, то он, все равно бы появился, так как был крайне необходим нашей “пятой колонне”. Таким образом, и получается, что уже к 22-му июня, были сформированы Главные направления, одним из которых стало Юго-Западное с **Главкомом Жуковым**. Не просто же так поручалось ему руководство двумя фронтами? В действительности выходит, что наш Георгий Константинович, просто напросто, получил новое назначение. В таком случае, баснописец дедушка Крылов говорил так: “А ларчик просто открывался!”

И нечего было юлить, якобы, заботясь о работе Генерального штаба: “Кто же будет осуществлять руководство... в такой сложной обстановке?”. Как всегда, нехороший Сталин, взял, да и приказал оставить вместо “стратега” — Ватутина. Выкрутился наш “герой” из сложной ситуации.

Несколько пояснительных слов по составу Ставки. Чтобы скрыть факт, что Жуков получил новое назначение, фальсификаторам от истории пришлось переkreить состав новообразованной Ставки. Жуков деликатно намекнул читателям мемуаров, что он предлагал ввести в состав Ватутина, но Сталин, дескать, воспротивился этой кандидатуре. Если бы фальсификаторы ввели Ватутина в основной состав Ставки (а он там был на самом деле), то невольно возник бы вопрос: “Зачем же два человека от Генштаба?”. Действительно, получалась несуразица: и начальник, и его заместитель — вместе, в одной упряжке. Зачем? Поэтому пришлось Ватутиным пожертвовать и отойти от истины. Жукова же, с Мерецковым не станешь представлять в новых должностях в составе новоявленной Ставки. Поэтому Жукова и оставили в прежней должности начальника Генерального штаба. Кто-то же должен представлять данную структуру. А Мерецкова для маскировки, как и Ватутина, благоразумно перевели, якобы, в состав советников.

Но возвращаемся к Жуковской “командировке”. Теперь нам становится более чем понятным, в качестве кого же, рванул в Киев, наш уважаемый “Маршал Победы”. Он стал **Главнокомандующим войсками Юго-Западного направления** и убыл к месту развертывания штаба, прихватив с собой ряд товарищей из Москвы.

Разумеется, вместе с ним, в качестве **члена Военного Совета Юго-Западного направления** в Тарнополь прибыл и “дорогой Никита Сергеевич Хрущев”, который тоже скрыл факт своего назначения на эту должность. Кто же будет трубить о подлости на страницах своих мемуаров? Поэтому и прикрылся, якобы, должностью члена Военного Совета фронта. При Хрущеве

упоминать фамилию Вашугина было нежелательным явлением, поэтому в мемуарах военных о том времени, о боях на Украине сорок первого года, мелькали только упоминания о безымянном члене Военного Совета фронта, не более того.

Таким образом, получается, что в данном случае Никите Сергеевичу по прибытию в Тарнополь, не надо было с Вашугиным делить, якобы, одно место члена Военного Совета на двоих: каждый, оказывается, сидел на своем стуле и на своей должностной ступеньке.

Кто же был начальником штаба данного надфронтного органа? По первым дням, предполагаю, им мог быть заместитель начальника оперативного отдела Генштаба Анисов Андрей Федорович. В дальнейшем, погибнет в мае 1942 года на Барвенковском плацдарме в должности начальника штаба 57-ой армии, вместе с командующим армии Подласом Кузьмой Петровичем.

Почему, именно, ему отдал предпочтение? Дело в том, что какой-то след должен был остаться от этого штаба по началу войны. Хочу обратить внимание читателя, что в издании мемуаров 1972 года у Захарова есть эпизод, когда он, за несколько дней до войны, звонил в Генеральный штаб в Оперативное управление и “к телефону подошел заместитель начальника управления Г.И.Анисимов”. В перестроечном же издании читаем: “к телефону подошел начальник управления А.Ф.Анисов”, ну и т. д. Согласитесь, что могла быть опечатка в фамилии, но чтобы и инициалы различались — это уже слишком. Видимо, по тем, семидесятым годам, не очень-то хотелось обнародовать подлинные фамилии лиц из Оперативного управления главного военного штаба страны, убиавших на фронт. Андрей Федорович Анисов еще долго прослужит при данной структуре. Он будет с С.М.Буденным, условно говоря, на Резервном фронте под Москвой, той, трагической осенью сорок первого года. Погибнет, как упомянул выше, в Харьковской “мясорубке” 1942 года. Якобы, застрелится, чтобы не попасть в плен. Видимо “не пожелал” делиться секретами с немцами, о том, как служил под командованием “выдающегося полководца всех времен и народов” Г.К.Жукова и любимца творческой интеллигенции шестидесятых члена Военного Совета Юго-Западного направления Н.С.Хрущева.

Никита Сергеевич, как клещ вцепится в эту должность члена Военного совета, и будет ходить в этой должности долгое время, перепрыгивая, в зависимости от обстановки, с одного места на другое: то на направление, то просто — на фронт.

Как долго просуществовала данная структура? Насколько позволил сам Хрущев и прикрывавшая его партийная братия. Как нам сообщают военные энциклопедии, лишь после краха Юго-Западного фронта (скорее всего направления) в мае 1942 года в районе Харькова, терпение Ставки (считай, Сталина) лопнуло. Все же, добился ликвидации данной структуры, но произошло это, лишь после очередной военной катастрофы, в конце июня.

Захаров, много кое-чего, порассказал о предвоенных планах Генштаба. Ему ли не знать, находившемуся на самом вершине военных секретов Красной Армии. В частности, он припомнил, что Черноморский флот в оперативном подчинении находился у Главного командования, не давая, однако, пояснения, что скрывалось под этим обозначением. Если полагать, что Главное Командование — это и есть Ставка (помните, газетное сообщение от 22 июня), то флоты, скорее всего, не могли подчиняться непосредственно ей, так как, по своей сути, предназначались для выполнения оперативно-тактических операций связанных с действиями сухопутных сил на побережье. У нас ведь не океанские просторы, а в основном, моря закрытого типа. Поэтому флоты Северный, Балтийский и, интересующий нас, Черноморский, в оперативном подчинении были у местного сухопутного начальства, а по войне — у фронта. Северный флот, вроде бы, был в оперативном подчинении у Северного фронта. А вот как было с Балтийским и Черноморским флотом, определить гораздо сложнее, так как дело умышленно запутано.

По логике, Черноморский флот — должен был находиться в оперативном подчинении у Одесского военного округа, в состав которого входили Крым и южное побережье Украины. И действительно,

накануне войны, Черноморский флот проводил учения совместно с войсками Одесского военного округа по взаимодействию высадки десанта.

Захаров и обеспокоился, зная, видимо заранее, что Черноморский флот уйдет из-под контроля Одесского округа, а, следовательно, 9-я армия лишится оперативного взаимодействия с флотом. Поэтому и настаивал на самостоятельном фронте.

И действительно, с началом военных действий Черноморский флот вдруг утратил свою взаимосвязь с данным округом. Понятно, что округ, вдруг, превратился в 9-ю армию, входящую структурно уже в Юго-Западный фронт. В таком случае, флот должен был бы по восходящей цепочке подчинения перейти под контроль Юго-Западного фронта. Однако, как показывали события, руководство данного фронта никоим образом не показало свою причастность к черноморским морякам. Куда же тогда подевалось сухопутное начальство, с которым должен был взаимодействовать Черноморский флот? И у Захарова, как раз и упоминается, что Черноморский флот находился в подчинении у Главного командования. Но если Главное командование, упомянутое у Захарова, имело продолжение в названии, как Юго-Западного направления, тогда другое дело. Черноморские моряки делали еще один шаг вверх по ступеньке подчиненности. Теперь все оперативно-тактические задачи флота, во взаимодействии с войсками Южного фронта, решало штабное начальство вновь образованного Главного командования Юго-Западного направления.

Кстати, обратили внимание, что копия первой Директивы от 22 июня направлялась Наркому ВМФ Кузнецову. Ему, ведь, тоже надо было знать, что собиралось делать с его флотом сухопутное начальство?

Именно, **Главному Командованию Юго-Западного направления**, обо всем, что связано с делами на море, и должен был докладывать командующий Черноморским флотом Филипп Сергеевич Октябрьский. Он, это и сделал согласно предписанию, позвонив ранним утром 22-го июня **Главкому** данного направления **Жукову**, и пояснил суть произошедшего: “Началось! Какие будут указания?” Что ему пояснил Жуков, мы уже знаем из более ранней главы. Вот такие они были “патриоты” своего Отечества.

Если уж, Главные направления были такими распрекрасными нововведениями, то почему же, тот же Жуков утаил от читателей факт своего участия в этом деле. Да, и судя по воспоминаниям других участников, им, почему-то было отказано упоминать эти направления в самом начале войны. Дело это оказалось подлым, по сути, оттого намеренно и скрывалось хрущевцами.

То же самое, то есть, сокрытие своего назначения, можно отнести и в адрес Мерецкова. Командующим Балтийским и Северным флотами — Трибуцу и, соответственно, Головки, не было никакой необходимости звонить в Москву, подобно Октябрьскому, и разыскивать товарища Жукова по кабинетам: у них появилось свое непосредственное начальство. Обо всех делах на Северном и Балтийском флотах необходимо было докладывать Кириллу Афанасьевичу в Ленинград.

Но данную информацию, ни в коем случае, нельзя было упоминать в постсталинское время. Тут с одним Жуковым с трудностей не оберешься, зачем еще одного главкома привлекать к этому пренеприятнейшему делу.

Итак, как развивались события? Суббота 21-е июня, день предполагаемого создания Ставки. Завтра война и поэтому “пятая колонна” приступает к выполнению своего плана по содействию немцам в разгроме Красной Армии. На основных направлениях ударов противника были созданы, поверх командования фронтов, эти новообразованные структуры, которые должны были парализовать ответные действия Красной Армии против немцев. А именно: внести сумятицу и хаос в структуру управления войсками. Помните, детскую игру в “испорченный

телефон”? Что говорить игроку в начале цепочки, и что мы с улыбкой слышим в конце? Совершенно разные слова.

Вообще, честно говоря, ловко было придумано с этими направлениями. Если из Москвы, те, кто сохранил чувство долга, и постараются руководить действиями фронтового начальства, то, сначала, они по цепочки попадут на командование Главного направления. А там сидят “свои” люди, тот же Жуков, тот же Мерецков. Если же фронтовое начальство начнет своевольничать внизу и громить немцев, так это же командование Главного направления, своевременно, даст им по рукам. Вот так у нас и начиналась война.

Теперь читателю, надеюсь, стал понятен и другой момент, в действиях нашего Ивана Владимировича Тюленева: почему он прибыл в Генеральный штаб к Жукову? На тот момент, Георгий Константинович уже был назначен Ставкой Главкомом Юго-Западного направления, а, следовательно, Тюленев, назначенный командующим Южным фронтом, отправился представляться своему новому начальству. Помните, Иван Владимирович зашел в Оперативный отдел за информацией, а там, наверное, все вытаращили на него глаза от недоумения: “Какой такой новый фронт организован? Ничего не знаем”. Он и ушел оттуда несолоно хлебавшись.

Наш товарищ Тюленев, по приезду в Киев, попытался связаться с Тарнополем, где в тот момент находились Жуков с Хрущевым. В мемуарах упомянута, якобы, его попытка дозвониться до Кирпоноса. Он, просто, пытался получить разъяснения у находящегося там, в Тарнополе, руководства Главного командования Юго-Западного направления, как командующий Южным фронтом. Как помните, у него ничего толком не получилось. Так для этого и был весь этот бардак создан, чтобы командующие фронтов не получали своевременной информации.

У Аркадия Федоровича Хренова тоже, упомянуто о том, как их “хорошо” встретили в штабе Киевского военного округа. Вот такое “великолепное” управление войсками было по началу войны. Причем здесь Сталин?

Матвей Васильевич Захаров, как и наши “путешественники”, тоже, отмечает факт безобразной организации вывода штаба МВО на местный театр военных действий.

“О прибытии штаба Южного фронта в Винницу мне сообщил по телефону генерал армии И. В. Тюленев. Прежде всего он просил меня **прислать ему карту с обстановкой и несколько телеграфных аппаратов**, так как эшелон с полком связи фронта где-то в пути подвергся нападению авиации противника и к месту назначения еще не прибыл. Пришлось срочно направить самолетом в Винницу офицера оперативного отдела штаба 9-й армии **с картой обстановки и несколькими телеграфными аппаратами**”.

Помните, у Хренова отмечено, что они, дескать, заранее озаботились средствами связи. Наверное, редакция подправила, чтобы несколько сгладить описываемое безобразие. Все это, приведенное выше, лишний раз показывает скоропалительность и преднамеренность образования данного фронта.

Итак, Жуков, по первым дням войны был **Главкомом Юго-Западного направления**. А когда же, интересно, он лишился этой должности? Разумеется, с возвращением Сталина в Кремль, и об этом его (Жукова) возвращении говорилось ранее. Мы к Юго-Западному направлению и к товарищу Тюленеву, еще вернемся, так как тема о Главных направлениях еще не закончена.

Думаю, что читателю будет любопытно узнать, как обстояли дела с двумя другими направлениями: Северо-Западным и Западным. О Северо-Западном, информации ничтожно мало, так как это связано с его первым Главкомом. Как помните из приведенного выше документа, пару Жукову составил еще один заместитель Наркома обороны, товарищ Мерецков.

Это направление объединило два фронта: Северо-Западный и, как нас уверяют военспецы по истории — Северный. Кто входил в состав руководства, кроме самого командующего Мерецкова, вызывает определенные затруднения. На должность начальника штаба, рискну предположить, был назначен М.С.Хозин, а членом Военного совета стал А.А.Кузнецов, секретарь Ленинградского горкома партии. Почему остановился на этих кандидатурах?

По Михаилу Семеновичу Хозину долго рассказывать, так как это довольно длинная история связанная, к тому же с Ленинградской темой. Это предположение, разумеется, основано на определенных догадках, но если Питерские военные историки раскопают в архивах подробности данного дела, то ничего не буду иметь против того, что данный фигурант не будет иметь к этой должности никакого отношения. А пока то, что есть.

Теперь по Алексею Александровичу Кузнецову. Тут и гадать особо не приходится. Он, упомянут в “Черновике Маленкова”. Эта личность, и по сей день, покрыта тайной. Давно ли его фамилия стала на слуху? Фотографию-то, не часто встретишь в энциклопедии. Почему обстоятельства занесли его на это место? Видите ли, в чем дело? На момент начала войны секретарь Ленинградского обкома и член Политбюро Андрей Александрович Жданов отсутствовал в Ленинграде по особым обстоятельствам. Во-первых, в середине июня его отправили отдыхать в Сочи, а во-вторых, это было связано с дочерью Сталина — Светланой. Более подробно читатель узнает об этом в другой главе посвященной нашему флоту.

Важен факт, что его не было в Ленинграде несколько дней. Видимо, с появлением Сталина в Кремле Жданов и вернулся в Ленинград. Не берусь ставить в вину Кузнецову его нахождение на этом посту. Вполне возможно, что было роковое стечение обстоятельств. Но то, что он был связан, впоследствии, родственными связями с Микояном, предполагает в нем человека сомнительного свойства.

По Кириллу Афанасьевичу Мерецкову много вопросов в силу того, что он был арестован по делу Павлова, да к тому же, видимо, немало намутил в должности Главкома Северо-Западного направления, но, все же, сумел выскользнуть из рук следователей, как уже сказал, при помощи Никиты Сергеевича Хрущева. Как это произошло, мы поговорим подробнее, тоже, в другой главе, тем более что там, данному герою, будет уделено достаточно много места. Хотя, в общих чертах о нем нам уже известно из воспоминаний А.Ф.Хренова.

С возвращением Сталина в Кремль и образованием ГКО данные лица первого назначения, сразу будут смещены с должностной лестницы Северо-Западного направления, хотя сама структура будет сохранена, так как Жуков, несколько “погорячился” с реформированием Наркомата обороны. Это произойдет немного позднее, как уже говорил ранее, во второй половине июля. Мушкетеры из данной структуры, да и сам Георгий Константинович, в роли д, Артаньяна, еще покажут зубы гвардейцам кардинала — Сталина из ГКО. Нельзя сбрасывать и со счетов само Политбюро, которое и создало подобную структуру. Не скоро еще подковерная борьба на вершине власти будет благосклонна к патриотам Отечества.

Но дело, по развороту военной машины Советского Союза на сто восемьдесят градусов, потихонечку тронулось с места в лучшую сторону.

Так что, никакой Сталин не звонил на КП Юго-Западного фронта, с целью потревожить Георгия Константиновича и оторвать его от важных военных дел. Пришел документ с заменой Главкома Жукова на другого человека. Вот и все. Георгий Константинович, не хуже “блудного сына” вернулся в родные стены Наркомата обороны. Он там еще покажет “волчий оскал” по приезду Сталина с товарищами на разборку с военными, но, на “удивленье”, так до конца войны и “застрянет” на самом верху военной лестницы, увешанный несчетным количеством наград.

А как, в дальнейшем, обстояли дела с Северо-Западным направлением? На должность главкома второй волны, в силу обстоятельств, будет назначен верный Сталину человек — К.Е.Ворошилов. Не отстанет от него, близкий ему по духу, и член Военного совета Андрей Александрович Жданов. А замкнет тройку главного командования, в должности начальника штаба, наш хороший знакомый, Матвей Васильевич Захаров.

А как же Балтийский флот? Кому же, в конце концов, он должен был подчиняться? В связи с вхождением прибалтийских республик в состав Советского Союза в 1940 году, Таллин, как крупная военно-морская база, стал местом основного базирования Краснознаменного Балтийского Флота. К какому же военному округу необходимо отнести территорию Эстонии?

Ознакомьтесь с первым довоенным приказом Наркома обороны С.К.Тимошенко, условно говоря, по Балтийскому флоту.

“Приказ НКО СССР № 0141

Об изменениях в составе военных округов в связи с формированием Прибалтийского военного округа и о переименовании Белорусского особого военного округа в Западный особый военный округ

г. Москва **11 июля 1940 г.**

Секретно

1. Приказываю сформировать к 1 августа 1940 г. управление Прибалтийского военного округа с дислоцированием г. **Рига**.
2. Управление Прибалтийского военного округа формировать по штатам, установленным для Ленинградского военного округа в составе:
3. Командующим войсками Прибалтийского военного округа назначается генерал-полковник Локтионов А.Д., начальником штаба округа — генерал-лейтенант Кленов П.С.
4. В состав Прибалтийского военного округа включить войсковые части, учреждения и заведения, дислоцируемые на территории **Латвийской и Литовской республик**, а также Западной части **Калининской области** в составе Опочецкого округа и районов: Ашевского, Бежаницкого, Великолукского, Куньинского, Локнянского, Невельского, Ново-Сокольнического, Октябрьского, Плоскошского, Сережинского, Торопецкого и Холмского.
5. Расформировать управление Калининского военного округа с обращением личного состава на комплектование Прибалтийского военного округа.
6. В состав существующих военных округов дополнительно включить:
 - а) Ленинградскому военному округу— **войска и учреждения, находящиеся на территории Эстонской республики;**
 - б) Белорусскому особому военному округу — **Смоленскую область — войска, учреждения и заведения, находящиеся на территории Смоленской области;**
 - в) Московскому военному округу — **Калининскую область без Опочецкого округа и районов, указанных в п. 4 настоящего приказа с войсками, учреждениями и заведениями, находящимися на этой территории.**

7. Переименовать Белорусский особый военный округ в Западный особый военный округ.
8. Начальнику Генерального штаба Красной Армии дать перечень частей, учреждений и заведений:
 - а) включаемых и состав Прибалтийского военного округа;
 - б) передаваемых из состава Калининского военного округа в состав Западного и Московского военных округов.
9. О сформировании Прибалтийского военного округа командующему войсками донести 31 июля 1940 г.
10. Приказ ввести в действие по телеграфу.

Народный комиссар обороны

СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 22. Л. 172—172об. Типографский экз.

Частично опубликовано:

Военно-исторический журнал. 1989. № 11”

Где в этом приказе заложены подводные камни? Не секрет, что воевать будем против Германии. Один из ударов немцев, вне всякого сомнения, будет нанесен по Прибалтике. Должен ли будет Балтийский флот оказывать содействие сухопутным войскам? Разумеется. Но как командующий Прибалтийским военным округом сможет отдать приказ морякам, если флот, дислоцируемый в Таллине, будет подчиняться Ленинградскому военному округу, а на случай войны — фронту? Военные, видимо, на такой вопрос, удивленно поморгали глазами и пожали плечами.

Но с подачи Сталина Политбюро пересмотрело состав Главного Военного Совета при Наркомате обороны, о чем сказал выше, и новые люди, вошедшие в Совет, видимо, увидели слабость данного приказа и потребовали его изменения. Практически через месяц, появился новый приказ, где и было исправлено это “досадное недоразумение”.

“Приказ Народного Комиссара Обороны СССР

**“О территориальных изменениях Прибалтийского, Ленинградского
и Московского военных округов”**

№ 0190 17 августа 1940 г.

(приводится в сокращении)

Во изменение приказа **НКО № 0141 от 11.07.1940 года**

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Территорию Эстонской ССР со всеми войсковыми частями и учреждениями исключить из состава Ленинградского военного округа и включить в состав Прибалтийского военного округа.

...3. Прибалтийский военный округ впредь именовать **Прибалтийский особый военный округ.**

...5. Приказ ввести в действие по телеграфу.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 60, л. 114–115. Подлинник. Ф. 4, оп. 15, д. 28, л. 231.

Типографский экз.”

Теперь всё, как будто бы встало на свои места. В случае предполагаемой агрессии Германии Балтийский флот будет в оперативном подчинении у командования Прибалтийского особого военного округа, а на случай войны — Северо-Западного фронта.

Получается, что если не знать о существовании данного приказа от 17 августа, то можно попасть впросак, с вопросом о подчиненности Балтийского флота по началу войны. В свое время Военно-исторический журнал (смотри выше) намеренно исказил существо дела, скрыв от читателей августовский приказ. И таким образом выходило, что Балтфлот по первым дням войны оперативно подчинился Ленинграду. Тем самым, уводили в тень Главное командование Северо-Западного направления с Мерецковым во главе. Вот так у нас и продвигалась “вперед” историческая наука.

Теперь поговорим о подводных камнях предыдущего (июльского) приказа, которые залегли на глубине до поры до времени и остались незамеченными, в последующем. Но кто бы мог подумать, в то, время, о плохом?

Хочу подчеркнуть, что округ с началом войны, как структура не исчезает. Взамен убывшего руководства округа на сформированное полевое управление, в данном случае, фронта (но может быть и армии), назначается новое, скорее всего по сокращенным штатам. Как правило, оно состоит из числа заместителей и оставшихся прежних военнослужащих, — которые переключаются на проведение в округе (в тылу) **мобилизационной работы по формированию новых воинских частей входящих в Резерв Главного Командования.**

Но обратите, внимание. Расположенная в глубоком тылу, вдали от границы Калининская область растаскивается по округам: Прибалтийскому и Московскому. С началом войны, именно на их плечи должна лечь основная задача по мобилизации. Но мы уже знаем, что наши Мазепы сотворили с руководством Московского военного округа по началу войны и что из этого вышло. И это притом, что поставленной цели они не достигли. А если бы всё у них получилось? Прибрав Московский округ к рукам, Мазепы сорвали бы повсеместную мобилизацию в тылу образовавшегося Западного фронта. А если учесть, что стремительный удар немцев по Прибалтике внес существенную дезорганизацию и в работу её тыловых структур, то в отошедших к Прибалтийскому округу районах Калининской области некому было организовывать мобилизацию населения, как тыловой структуре Северо-Западного фронта. А структура управления бывшего Калининского округа была заблаговременно ликвидирована. Обратите внимание, что и в тылу Западного фронта, в отношении Смоленской области произошла точно такая же ситуация. Руководство Западного округа в результате быстрого охвата войск фронта ударными группировками немцев, было охвачено паникой и деморализованное покинуло Минск, уж, никак не озабоченное свалившимися на него заботами. Местные комиссариаты Смоленской области должны были все дела по

мобилизации согласовывать, именно, с руководством Западного округа. Что у них получалось в бардаке первых дней войны, даже, трудно представить.

Хочу уточнить, что Московский округ должен был по мобилизационному предписанию в самое ближайшее время с начала войны поставить под ружье в формируемую 16-ю армию — 5 стрелковых дивизий, и еще, дополнительно, 5-стрелковых дивизий в составе двух корпусов (61-й и 69-й). А где оружие?

К тому же, необходимо было сформировать мехкорпус полного состава (2 — танковые дивизии и 1- мотодивизия). А где бронетехника и артиллерия? Тоже, небось, у границы дожидались?

Приведу в качестве небольшого примера по первым дням войны фрагмент из дневниковой записи хорошо нам известного немецкого генерала Гальдера. Ему докладывают о захваченном военном складе в Дубно. Количественный и качественный состав трофеев просто потрясает.

“Большое количество жидкого топлива и бензина (Жди, когда из Румынии доставят, а здесь сразу все под боком!), **42(!) 210-мм мортиры** (Как тяжелые орудия такого калибра оказались у границы? В дальнейшем пригодятся немцам для крушения наших оборонительных рубежей и будущего обстрела блокадных городов.), **65 пулеметов** (Наверное, нули в конце не пропечатались), **95 грузовых автомашин** (Оставили, чтобы поддерживать высокий темп продвижения немцев на восток), **215(!) танков** (жаль, что не указан тип танка, но все равно количество впечатляет), **50 противотанковых пушек** (неужели, Грабинские 57-мм орудия), **18(!) артиллерийских батарей** (Уж, не противотанковой ли артиллерийской бригаде РГК предназначалось это богатство?)”.

Как же все это без эмоций объяснить читателю доступным для понятия языком военных? Это, ведь, Жуков там был по тем дням. Об этом поговорим отдельно. Но особенно впечатляет количество бесхозных танков. Неужели не успели распределить по мехкорпусам округа?

Оставим, однако, Украину и вернемся к нашему горемыке — Балтийскому флоту. С образованием 21-го июня Северо-Западного направления флот снова был переподчинен новому командованию, которое уютно расположилось в городе на Неве.

Таким образом, приказ наркома обороны от 17 августа 1940 года, где решался вопрос о судьбе Балтфлота, вновь развернули в обратную сторону. Поэтому этот августовский приказ особо и не афишировали, чтобы не привлекать к нему внимание. Пусть все думают, что, дескать, вопрос о флоте был решен еще июльским приказом Наркома обороны. Вот так незатейливо уводился в сторону вопрос о Северо-Западном направлении первого назначения, с Мерецковым во главе.

Итак, что у нас прорисовывается с данным направлением по началу военных действий? Получается довольно неприглядная картина. Уже, никак не позавидуешь командующему войсками Северо-Западного фронта Ф.И.Кузнецову. Теперь — увы! не отдашь приказ командующему Балтийским флотом В.Ф.Трибуцу, чтобы тот подбросил в порядке помощи бойцам-красноармейцам огонька, со своих кораблей. Теперь надо было испрашивать, уже, разрешение у Главкома Северо-Западного направления товарища Мерецкова со штабом. А тот, в свою очередь, спокойно мог “пожевать варешку”, переадресовав просьбу прибалтийцев выше, в Ставку Главного Командования Председателю Тимошенко. Тот, таким мелким вопросом, мог и не заниматься — не с руки ему мараться несущественными делами. Запрос Ф.И.Кузнецова, вполне, мог уйти в Генштаб к Ватутину. Наш “великолепный умница-штабист” для уточнения принятия решения, очень, даже, мог себе позволить поинтересоваться морскими делами в Главном морском штабе ВМФ, где рулил исполняющим обязанности данной структурой В.А.Алафузов.

— А не забылось ли за текущей суетой с бумагами о Федоре Исидоровиче с его просьбой о поддержании пехоты огоньком с кораблей Балтфлота, — озаботится внимательный читатель.

— Ну, что, вы! — успокоил бы его любой военный чинуша из перечисленных структур. — Как же можно-с отказать в законной просьбе такому уважаемому человеку, как командующий Северо-Западным фронтом Кузнецов. Не извольте-с беспокоиться, товарищ. Данный генерал-полковник завтра же, в Паневежисе, получит соответствующий приказ!

А он, ему, уже, и не нужен этот приказ по вчерашнему дню. Да и получит ли его Кузнецов в Паневежисе? Войска отступили под сильным нажимом врага. Штаб фронта, уже, днем с огнем не найдешь в суматохе отступления. Да, к тому же, и присылать корабли Балтфлота в данный район побережья уже не имело смысла.

— Хорошо бы поддержать наши передовые части авиацией флота, — озадачится еще одной просьбой, объявившийся на новом месте Кузнецов. — Её, ведь, в немалом количестве имеется, у того же, начальства Балтики. Нанесли бы удар бомбардировочной авиацией по атакующей группировке противника — какое облегчение было бы для оборонявшихся бойцов.

Но и этот, новый приказ, тоже, должен был “пробежать” по тому же, кругу. Вот и “бегали” приказы во благо врагу. Чего же удивляться, когда к 10-му июля немцы прошли уже половину Прибалтики.

Видимо, вот за такую “доблестную” службу народу, Кирилла Афанасьевича Мерецкова и отблагодарили соответствующим образом — скрутили ему руки за спину и доставили на Лубянку в Москву.

Хорошо помня прошедшее, он предпочел не раскрываться по началу войны и в своих воспоминаниях, с удивительно подходящим для этого случая названием — **“На службе народу”**, где ни словом не обмолвился о том, кем же он был 22-го июня. Видимо, все же истово верил, что те безобразия, творимые под его руководством на Северо-Западном направлении, в полной мере отвечали такому понятию, как служение Отечеству. И его мало заботила составляющая, этого самого Отечества — народ, перетираемый в жерновах войны, по его, между прочим, вине. Но не дрогнула его рука, выводящая название своих военных мемуаров.

В 1945-ом году он, как и многие другие, в орденах и медалях с головы до ног. Как же, по-иному. Тоже, как и Жуков, полководец, однако.

Возвращаемся к нашей теме. Главкомы на данном направлении были: Мерецков и, в последующем, Ворошилов, то есть, всего-то — двое. Но путаницы создано, как будто их было больше, — втрое. Настолько скрыты обстоятельства, связанные к тому же и с блокадой Ленинграда, в которую затащили город на Неве. Как всегда, и везде — “наследил” Жуков, с поделниками.

Теперь у нас на очереди Западное направление. Вопрос: было ли оно создано первоначально вместе с перечисленными выше направлениями? Ведь в Белоруссии был всего один фронт, в отличие от соседей справа и слева. Или опять, чего-нибудь хрущевцы хитро задумали? Вполне достаточным было наличие одного полевого управления Западного фронта. Но советский официоз уверял, что Западное направление, тоже, было необходимо. Это, видимо, было нужно нашим Мазепам, чтоб фронтным товарищам труднее было бы докричаться до Кремля. Поэтому когда читаешь в представленном документе ГКО, что Тимошенко по решению этого органа был назначен Главкомандующим Западным направлением и одновременно командующим Западным фронтом, то невольно оторопь берет: какой Тимошенко, какому Тимошенко приказывал?

Скорее всего, в тылу будущего Западного фронта создали Резервный фронт из двух, находящихся во втором эшелоне армий: 21-ой и 22-ой. Неужели умные люди в Кремле не понимали, что Гитлер может ударить на Москву? Если и прошибет первую линию обороны, то эти армии заткнут образовавшуюся брешь.

Таким образом, объединив эти два фронта, получим новое направление — Западное. Но, выясняется, что Тимошенко по первым дням не командовал Западным направлением, хотя желание отправиться в Белоруссию у него было. В силу каких-то сложных обстоятельств, его поездку отменили.

Давид Ортенберг, известный газетчик из “Красной Звезды”, вспоминал:

“Иногда меня спрашивают:

— Ты на войну когда ушел?

— **Двадцать первого июня.**

— ?!.

Да, это было так...

Настало **21 июня**. Утром меня вызвали в Наркомат Обороны и сказали, что группа работников наркомата во главе с **маршалом С.К.Тимошенко** выезжает в Минск. Предупредили, что и я поеду с ней. Предложили отправиться домой, переодеться в военную форму и явиться в наркомат. Через час, а может быть, и меньше, оказываюсь **в приемной наркома обороны. Там полным-полно военного народа.** С папками, картами, заметно **возбужденные. Говорят шепотом.** Тимошенко уехал в Кремль. Зачем — не знаю. Ничего, кроме тревоги, мне не удается прочитать на его лице”.

Отчего же собравшийся военный народ в Наркомате обороны был заметно возбужден? Хотя и говорили шепотом, но не на ухо же, шептали друг другу? Можно же было расслышать, о чем идет речь, тем более что в приемной было полным-полно военного народа. Неужели Давид Иосифович вложил в уши ватные тампоны от цензуры?

“Около пяти часов утра(22 июня) нарком вернулся из Кремля. Позвал меня:

— Немцы начали войну. Наша поездка в Минск отменяется. А вы поезжайте в “Красную звезду” и выпускайте газету...”.

Как видите, уважаемые читатели, Давид Иосифович уже 21 июня знал, что начинается война, поэтому его и вызвали в Наркомат обороны. Правда, он прикинулся наивным простачком, и простоял в приемной наркома с каменным лицом, стараясь не прислушиваться к чрезвычайно-важным новостям, передаваемым из уст в уста. А еще, уверял читателя, что он, человек из газеты! И чтобы вот так, простоять столбом в прихожей целую вечность, зная, что его вызвали на войну, о которой, в конце концов, сообщили около пяти часов утра 22 июня и ничего, ранее, не понять из разговоров окружающих его военных людей?! Можно ли в это поверить? Да, но как прикажите разгадывать эту замысловатую шараду?

И Тимошенко, разумеется, знал, когда будет война, коли собирался взять с собой товарища Ортенберга. А вот Жуков почему-то не знал? Может потому что сидел безвылазно в своем кабинете? Ему бы, быть поближе к Тимошенко, который ездил в Кремль. Глядишь, и узнал бы все новости.

Удивительно другое: Семен Константинович, оказывается, брал с собою в Кремль Жукова?! Вообще, получается цепочка, довольно занятных “недоразумений”. Но хитрый Георгий Константинович, с помощью товарищей из института Истории СССР, постарался выкрутиться и из этой непростой ситуации. Предложенная версия отлучения Тимошенко по естественным надобностям из своего кабинета, скорее всего, соответствует действительности.

Читаем у Жукова в “Воспоминаниях”:

“...Заканчивался день **21 июня**.

Доехали мы с К.С.Тимошенко до подъезда наркомата **молча**, но я чувствовал, что и наркома обуревают те же тревожные мысли. Выйдя из машины, мы договорились **через десять минут встретиться** в его служебном кабинете”.

Это же надо! Всю дорогу промолчать и не сказать Жукову о начале войны? Наверное, Георгию Константиновичу думалось, что в своем кабинете Тимошенко будет более разговорчивым. Да где там! Так и пришлось дожидаться сообщения из Севастополя от Октябрьского.

За такие книги надо присуждать Государственную премию в области литературы. Сначала чествовать героя на Родине, а затем выдвигать на Нобелевскую, за выдающееся произведение, тонко передающее психологическое состояние военного человека накануне войны, и к тому же, занимающего важный государственный пост.

Видимо, поначалу оппозиция планировала, что все три направления возглавят свои люди, как три богатыря на картине В.Васнецова: Жуков, Тимошенко и Мерецков. Но, мозговой центр заговорщиков переиграл с назначением в отношении Тимошенко. И правильно, между прочим, сделал. Зачем сразу подставлять Наркома обороны, когда эту должность Главкома, на самом трудном участке обороны, можно было очень ловко навесить на другого человека. Заодно, замутив воду и в отношении командующего Павлова.

Тогда в поисках виноватого, при неблагоприятной ситуации для заговорщиков, следствие вынуждено будет искать его среди этих двоих: главкома направления и командующего фронтом. Кто-то же должен будет нести ответственность? Если бы Главком, по первым дням войны, сгинул бы в небытие, то Павлову значительно легче было бы на следствии. Выполнял, дескать, приказ старшего по должности и званию. Все вопросы к нему.

Тяжкий жребий ответственности, как мы знаем, действительно, пал на командующего фронтом Павлова. И заметьте, всё ведь, как, оказалось, складывалось не в пользу Дмитрия Григорьевича? И в начале работы, я это, тоже, подчеркивал — всё против него! Может, и на самом деле он оказался честным человеком?

Но без **настоящих** архивных документов, очень трудно разбираться с делами такого рода. Вопрос в одном, где их взять — подлинные документы? Неужели, что-то настоящее, еще сохранилось в наших архивах? Вы же видите, уважаемый читатель, что вытворяют с представляемыми документами. Это же тихий ужас — сплошная фальсификация!

Итак, кого же направили на Запад вместо Тимошенко? Гадать особо не приходится — это маршал Кулик Григорий Иванович. Его очень здорово подставили с эти делом. Скоропалительно, в конце дня, 21 июня, сняли с должности заместителя наркома по артиллерии, и тут же, видимо, назначили на новую должность Главкома Западного направления. То-то о нем нигде сведений не найдешь по началу войны. Он, сам, к сожалению, об этом не успел сказать, да и не дали. Мы к этому эпизоду, с его отставкой, еще вернемся в более поздней главе.

Кулика, намеренно вставили в эту хитро-задуманную игру. Ему могли поручить невыполнимое дело: через голову командующего Павлова возглавить управление войсками. Во что это вылилось, думается, не стоит даже и говорить.

Жуков в свойственной ему манере наводит тень на плетень, вскользь сообщил о действиях Григория Ивановича по первым дням войны. Действующие лица в данном эпизоде — одни покойники, разумеется, кроме нашего героя.

“Николай Федорович (**Ватутин**) говорил, что **И.В.Сталин** нервничает и склонен винить во всем командование Западного фронта, его штаб, упрекает в бездеятельности маршала **Г.И.Кулика**.

Маршал **Б.М.Шапошников**, находившийся при штабе Западного фронта, сообщил, что **Г.И.Кулик** утром **23 июня** был в штабе 3-й армии, но связь с ней прервалась”.

Если Ватутин, а он, на тот момент, исполнял обязанности начальника Генерального штаба, сообщил о Кулике, то, значит, связь с Западным фронтом была. Тем более со штабами армий, если из 3-й армии поступило данное сообщение. К тому же, если учесть, что правофланговая 3-я армия Западного фронта попадала под удар группировки врага из Сувалкского выступа, то там тоже была настоящая заваруха. Как Кулик уцелел, пробираясь по немецким тылам к своим, диво дивное. Но тот факт, что он все же вышел, не подлежит сомнению. Разумеется, что Кулик попутал карты нашим Мазепам, потому что на него, уже, собирались навесить все грехи по разгрому войск Западного фронта. Вполне возможно, что его выход из окружения, мог послужить серьезным обвинением командующего Павлова. Кулик же воочию видел творимый беспредел.

Но зная, что наш Георгий Константинович, не может, чтобы, не успев с утра чая попить, ни соврать! — предполагаю, что Кулик находился не в 3-й армии, а в другом месте. Помните, что ранее, писал Жуков о местах дислокации полевых управлений будущих фронтов? По Западному фронту предполагалось размещение полевого управления, дескать, в некоей Обыз-Лесне, а это есть район Барановичи. И что характерно, тоже, было одним из главных ударов немцев на центральном направлении. Например, части нашей левофланговой 4-ой армии, как раз и попадали под лязгающие гусеницы 2-ой танковой группы Г.Гудериана. Очень даже предсказуемо, что Григория Ивановича, могли послать в данный район, с целью, якобы, развертывания там штаба Главного командования Западного направления. Дескать, там же должно быть развернуто и фронтовое управление Павлова. Вместе, друженько, и будете руководить войсками. Но там ничего и никого не было, а из-под Барановичей, уже на второй день войны надо было уносить ноги. Соседом нашей 4-й армии с правого фланга, в центре выгнутой дуги-границы, была 10-я армия. Вполне вероятно, что из Барановичей, с целью координации действий этих двух армий, Кулик и отправился под Белосток. К сожалению, ни о каком управлении войсками штабом Кулика не могло идти и речи, так как, видимо, руководство прибыло туда, уже, с началом военных действий. Поймать, в хаосе стремительного наступления немецких танковых колонн, нити управления нашими войсками не представлялось возможным, тем более что существовало еще и фронтовое управление, которое, по всей видимости, специально “застряло” в Минске. Результат по первой недели боев — полный развал в управлении Западного фронта. Ко всем прочим свалившимся бедам была добавлена и запланированная дезорганизация управлением войсками. Но, несмотря на все тяготы, свалившиеся на плечи советских бойцов в первые дни войны, среди них был отмечен подъем небывалого героизма. Что, конечно же, не входило в расчеты как немецкого командования, так и наших заговорщиков. Разумеется, что темпы продвижения немецких войск были немного замедлены. Но что делать? — правду говорят: сила — солому ломит. Пришлось отступить под сильнейшим давлением немцев. Ни какой маршал Кулик, вместе с героизмом бойцов, все равно, не смогли бы выправить ситуацию. Поражение Красной Армии в начальном периоде войны было заранее запрограммировано нашими Мазепами. Но, подчеркивал не раз, и вновь подчеркиваю, что только благодаря неимоверным усилиям Сталина и его сторонников, удалось остановить надвигающийся коллапс Красной Армии. Уже к концу июля ситуация на фронтах постепенно стала стабилизироваться. Фронт стал приобретать реальные очертания. Кулика, по возвращению с фронта, еще раз подставят с военными перевозками вооружения: в этом деле прослеживался подлый след Лазаря Кагановича. И хотя нарком путей сообщения отделался лишь выговором: еще бы, член Политбюро! — то, Григорию Ивановичу Кулику это стоило должности и скорой отправки снова на фронт.

Его опять (и снова) крупно подставят под Ленинградом, когда он будет командовать 54-ой армией с целью внешнего прорыва блокады осенью 1941 года. Хорошую “свинью” ему тогда подложит, как раз, Георгий Константинович, когда будет орудовать в Ленинграде по началу блокады. Сорвет ответные действия Ленинградского фронта, а всю вину за провал операции возложит на Кулика.

Григория Ивановича окончательно добьют хрущевцы, уже, после войны, добившись его осуждения по расстрельной статье.

Почему выбор Мазеп пал на Кулика? Видимо, потому что в Белоруссии было главное направление удара немцев, — тем более, на Москву. Не Тимошенко же, сразу пихать под их удар у Барановичей? Зачем? Если была возможна замена. Когда Кулик выскользнул из расставленной ловушки, то всю ответственность пришлось навешивать на командующего Западным фронтом. У военных историков по Павлову, и так, неудобных вопросов наберется целый чемодан, поэтому данного генерала хрущевцы быстренько и расстреляли, чтоб помалкивал.

Гибель Кулика была бы, тоже, очень желательным исходом. На него можно было бы навесить все свершенные довоенные подлости по части вооружения: как по стрелковому, так и по артиллерии. Не просто же так, наши Мазепы тайно, разместили на военных складах у самой границы миллионы винтовок (около **10 млн.** единиц оружия), чтобы они, как можно быстрее, достались врагу. Это входило в план заговорщиков по части срыва повсеместной мобилизации.

С 23-го июня (22-го об этом, в верхах, как-то не подумалось?!) началось формирование новых воинских частей, а стрелкового оружия **катастрофически** стало не хватать. И где же оружие, выпущенное нашими военными заводами до войны? А оно, уже, тю-тю, — у немцев. Много всякого военного добра немцам перепало с помощью нашей “пятой колонны”, всего не перескажешь. Что у Гальдера приведено в дневнике — крохи!

Следующее должностное лицо рассматриваемого нами Западного направления по началу войны — это член Военного совета. Скорее всего, планировалось, что им должен был стать П.К.Пономаренко — как первый секретарь ЦК КП(б)Б. Но не сложилось, о чем читатель узнает из последующих глав. О начальнике штаба, тоже, пока затрудняюсь сказать. Хотя, если и была попытка избавиться и от Б.М.Шапошникова, выдающейся личности в области военного планирования, — посылая его вместе с Куликом, то это вполне могло иметь место.

По-поводу Бориса Михайловича, абсолютно точно можно сказать следующее: он будет зафиксирован вместе с Ворошиловым, примерно, 27 июня в Могилеве, где займется созданием новой линии обороны по рекам: сначала на Березине, а затем и по Днепру. Там же будет присутствовать в качестве члена Военного совета Западного направления и Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

О командующих данного направления можно сказать еще несколько слов. Цепочка Главкомов выглядит, примерно, так: Кулик — Ворошилов — Тимошенко — Буденный — Сталин (!) — Жуков.

Предполагаю, что в самый критический период сражения под Москвой, когда рухнул под Вязьмой Западный фронт, Сталин с Шапошниковым и возглавили, по совместительству, Западное направление. Жуков, в тот момент, был номинальным командующим Западным фронтом. Как следствие, за разгром немцев под Москвой не получил даже медали. Это справедливо, так как пакостничал под Москвой везде, где только смог. Примеров хватит на целое самостоятельное исследование.

Как долго просуществовала данная структура — Западное направление? Как уверяет военная энциклопедия, вроде бы, должна была быть упразднена 10 сентября 1941 года. Это когда под ее крылом Жуков на Резервном фронте натворил немало безобразий под Ельней, которые закончились к 8-му сентября. Но было ли так на самом деле, под очень и очень большим

вопросом, тем более, когда сам Сталин руководил военными действиями под Москвой. Да и в последующем, в начале 1942 года Жуков будет назначен Главкомом Западного направления, куда войдут Западный и Калининский фронты. Он, о своих подвигах на постах Главкомов постарался нигде не упоминать. И неудивительно, зная, с какой подлой целью они были созданы.

Почему же была предложена такая схема руководства, как Главные направления? Ко всему прочему, видимо, заговорщики посчитали, что военное руководство округов, особенно таких, как Прибалтийский и Киевский, трудно склонить к предательству. И как же, в таком случае быть? Как открыть дорогу немецким войскам? Самое лучшее — это возглавить данный округ-фронт! Но как? Решили создать дополнительную паразитную структуру управления фронтом, насытить ее своими людьми, и внедрить в жизнь. Для этого новоявленная Ставка и учредила 21-го июня командующих направлениями. А чтобы не бросалась в глаза определенная направленность цели, вполне возможно, решили “разбавить” своих командующих, инородным членом — например, маршалом Куликом.

Кроме того, как помним, Молотову, подсунили бумагу для выступления по радио, где фигурировало только два направления удара немцев: на Прибалтику и на Украину. Поэтому задачу Кулику, могли сформулировать и попроще: надо, мол, съездить, Григорий Иванович в Белоруссию, и посмотреть, как там, у Павлова дела? На границе, дескать, случайно, немцы не стреляют? Стоит ли повторяться в какое дело “вляпался” маршал Кулик по прибытию в Барановичи?

Упомянутый нами товарищ Василевский из Генштаба, так описывал начало войны. Что помнил, то и написал, не подумавши, в первых изданиях своих мемуаров!

“Некоторая **растерянность**, наблюдавшаяся среди работников Генштаба **вначале**, в дальнейшем быстро исчезла, да и отношение к Генштабу в целом со стороны **Главного командования** постепенно становилось иным. **В первые дни, когда руководящие лица Наркомата обороны и Генштаба по приказу Сталина(?) были посланы на основные направления фронтов**, все оставшиеся в распоряжении Наркомата обороны средства связи были брошены на установление с ними немедленного контакта.

У нас работников Генерального штаба, невольно создавалось впечатление, что **Генеральный штаб в самый ответственный момент оказался предоставленным самому себе**. Все решения принимались **наверху** помимо него, и он был лишь передаточной инстанцией”.

Как видите, первые дни войны, это, сами понимаете, не далекое **10-е июля**, но направления фронтов уже присутствуют. А что это за ответственный момент, когда Генеральный штаб оказался не у дел? Не тогда ли, когда его стены покинул Жуков, а Ватутин был лишь “передаточной инстанцией”?

В последующих изданиях мемуаров эта тема у Александра Михайловича не получила должного развития и благополучно **испарилась**. Более того, товарищу Василевскому, видимо, намекнули, чтобы он, в дальнейших переизданиях, “вспоминал” только в нужном для партии направлении. Что он “добросовестно” в последующем и сделал.

Но, а мы продолжаем знакомиться с действующими лицами из командного состава Главных направлений. Нас, конечно же, интересует, в большей степени Жуков с Хрущевым, поэтому снова, как говорят, на повестке дня, — Юго-Западное направление. Оно, как мы знаем, включало в себя Юго-Западный и Южный фронты. А на создаваемый Южный фронт можно было удачно спихнуть руководство Московского военного округа, во главе с Тюленевым, а не так, как ранее думал товарищ Захаров, предполагая, что это место займут товарищи из Одесского округа. Кроме того, не надо забывать, что данному направлению в оперативное подчинение попадал и Черноморский флот.

Теперь читателю ясно и понятно, почему командующий флотом Ф.С.Октябрьский поутру позвонил Жукову. Филипп Сергеевич отчитался о своей проделанной работе и доложил о результате налета “неизвестной” авиации: мин повсюду накидали, но боезапас флота, — увы! — “по счастью”, уцелел. Тут же получил в ответ указание — в ближайшее время бомбить Румынию и атаковать ее прибрежные объекты, где в результате морской операции Черноморский флот сразу потерял два крупных надводных военных корабля и подводную лодку. Так держать, товарищ Октябрьский плюс товарищ Жуков!

А что, в действительности, произошло на самой Украине, в смысле военного руководства? **Никто**, на мой взгляд, **из руководящего состава Юго-Западного фронта (Кирпонос, Пуркаев и Вашугин) не запятнали себя недостойным поведением.**

Вашугина убили сразу, как только он выявил предательскую сущность Жукова. Кирпоноса подставили под немцев при выходе из окружения в районе Лохвицы, где он и погиб. Пуркаев сумел, вроде бы, в то время выскользнуть из лап хрущевцев, но смерть, вскоре, после войны загадочна.

Цепочка Главкомов, здесь, чуть короче: Жуков — Буденный — Тимошенко.

Хотелось бы вновь предоставить слово Ивану Владимировичу Тюленеву. Ведь, именно, он настоящий герой нашего повествования. Как помните, Сталин сразу по возвращению в Кремль, якобы, отозвал “полководца” Жукова с Украины, но тот, ясное дело, наврал читателям о причинах своего убытия. А это произошло примерно 25–26 июня. Разумеется, Сталин постарался на его место назначить военного, верного делу Отечества. Им оказался, всем известный, Семен Михайлович Буденный. Ну, то, что его назначение по официальным данным произошло 10 июля, меня лично, не убеждает, о чем и было высказано выше. Читаем, что написано у Тюленева по этому поводу:

“На следующий день после моего приезда в Винницу (то есть, примерно 25 июня. — В.М.) штаб получил директиву народного комиссара обороны, в которой было сказано, что из резерва Ставки Главного командования создана группа армий под командованием Маршала Советского Союза С.М.Буденного”.

И все об этой группе армий во главе с Буденным. А ведь, дело-то произошло в то же самое время, когда Жукова “попросили” вернуться в Москву. Ясно, что в мемуарах было указано о смене руководства Юго-Западного направления по этим дням, но текст был сознательно искажен. Хотя, есть еще один нюанс. Не было ли здесь приведено частичное содержание еще, более раннего приказа Ставки об удалении из Москвы заместителя наркома обороны Буденного по случаю его назначения на Резервный фронт, который составлял, как бы, вторую линию обороны на Западном и Юго-Западном направлении? Такая была дислокация, упомянутых выше, 21-й и 22-й армий.

Так что, как знать? Хрущевская братия на все была способна.

По-поводу того, что С.М.Буденный командовал войсками задолго до 10 июля, есть упоминание и у английского историка Д.Фуллера, с которым мы ни однократно встречались ранее. Вот что тот писал в своей книге по тем дням:

“Одновременно с началом действий на минском направлении левое крыло группы армий фон Рундштедта перевалило через Карпаты и начало наступление в восточном направлении. **Буденный** отошел на линию Луцк — Броды — Тернополь — Черновцы. Однако правое крыло Рундштедта смогло форсировать Прут **только 5 июля**”.

Как видите, главком Буденный отвел войска на новую линию обороны еще до 5 июля, если Рундштедт вел наступательные действия до этого срока, чтобы в дальнейшем успешно

форсировать реку Прут. Так что ни о каком мифическом приказе из ГКО от 10 июля, с подписью Сталина, даже не стоит вести речь. Просто, очередная фальшивка, с использованием имени вождя. Жуков, с этим, разумеется, согласился бы, но, не более того.

Помните, в более ранней главе, где было рассказано о дневнике Ф.Гальдера, есть упоминание о записи 25-го июня, которую исказив, вставили в текст Жуковских мемуаров. Разве, отъявленный лжец Георгий Константинович указал бы, что войсками командовал Семен Михайлович Буденный, сменивший его на этом посту? Да, ни за что на свете!

Я привожу полный текст окончания дневниковой записи Гальдера в подразделе о группе армий "Юг".

"Создается впечатление, что противник подтягивает свежие силы с запада и юга против продвигающегося с тяжелыми боями на восток 4-го армейского корпуса и против корпуса фон Бризена (52-й армейский корпус), видимо, с целью поддержки своих разбитых соединений и **создания нового фронта обороны** на линии Самбор, Львов, Дубно. Необходимо отметить, что **командование** этого участка фронта (**командование юго-западного направления**) переместилось в Тернополь".

Видите, и у Гальдера отмечено, что против группы "Юг" действуют силы Юго-Западного направления. Редактура умно поступила, оставив в дневнике немецкого генерала в целостности обозначение нашей структуры управления на тот момент. А чтобы сильно не привлекать к этому внимание различных рецензентов в **примечании**, дескать, дали правильное наименование. Читаем: "Управление **Юго-Западного фронта** прибыло в Тернополь значительно раньше, т. е. 22.6.1941 г. — прим. ред."

Как думает, читатель: неужели немцы не знали, какая структура руководит военными действиями у противника? Не будем же наивными по отношению к врагу.

В отредактированных мемуарах Тюленева, есть и довольно смешной момент. Выше отмечал, что с образованием Южного фронта, кто же? и когда? произведет разграничительную линию вновь образованных фронтов. Хотите улыбнуться? Советская военно-политическая цензура решила этот вопрос так: дескать, когда "официально" было образовано Юго-Западное направление во главе с Буденным, тогда данный вопрос и был решен. Читаем:

"10 июля 1941 года в целях организации тесного взаимодействия и координации боевых действий двух фронтов было создано Юго-Западное направление, главнокомандующим которого был назначен Маршал Советского Союза С.М.Буденный, а членом Военного Совета Н.С.Хрущев.

Между фронтами устанавливалась разграничительная линия: Кременчуг, Винница, Коломыя".

А как же тогда воевал Тюленев, как командующий фронтом, до 10 июля, если не знал, где же у его 18-й армии стык с соседней 12-й армией Юго-Западного фронта?

Как известно, нас повсюду уверяли в том, что, дескать, Буденный, кроме лошадей, в военном деле ни в чем "не разбирался". Ему ли понимать разграничительные линии между фронтами? Да и начальника штаба, данной структуры, как видите, не указали. Тоже, наверное, был под стать своему Главкому? Остается один Никита Сергеевич, как член Военного совета Юго-Западного направления. Правильно сориентировался по глобусу (ему это, как раз было бы с руки) и передал сообщение в штаб Южного фронта. Поэтому если так руководили, то неудивительно, что так же стремительно и отступали.

Ну, а можно ли посмотреть настоящий приказ Ставки по Тюленеву? Захаров привел его в подлинных мемуарах, но цензура, как всегда, скорректировала. Поэтому имеем то, что есть. Однако Матвей Васильевич умно вывернулся. Читаем, что проскользнуло мимо цензуры. Захаров пишет:

“Привожу текст приказа Наркома, **в котором говорилось** о создании Южного фронта”.

Это надо понимать так, что существовал некий, полный приказ, из которого и была произведена данная выкопировка. Вопрос лишь в том, когда же был вручен Тюленеву подобный приказ? Ведь, до Винницы Ивану Владимировичу еще предстояло добираться несколько дней. Скорее всего, его могли вручить в Киеве, в штабе КОВО, куда Тюленев заезжал. Не просто же так он добивался там контакта с начальством. В Москве, Тюленеву, видимо, вручили приказ о его перемещении с командующего округом на должность командующего фронтом, и все. А все подробности, дескать, получишь в Киеве.

Рассмотрим этот “укороченный” приказ подробнее.

“ТЕРНОПОЛЬ.

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА — КИРПОНОСУ.

ВИННИЦА.

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА — ТЮЛЕНЕВУ.

Для объединения действий наших войск против войск противника, развернувшихся на территории Румынии,

ПРИКАЗЫВАЮ:

К 00.05 **25.6.41** г. создать Южный фронт в составе **18-й** и **9-й** армий и **9-го** Особого стрелкового корпуса в Крыму”.

Снова все с ног на голову. Все подобные документы готовились на одной кухне. Сначала назначается командующий, а затем для него создается фронт. По-иному и нельзя. Как можно было создавать 21 июня фронт, когда всех уверяли, что немцы внезапно напали на мирную страну 22 июня. Какой же тогда, выходит фронт? Кроме того получается путаница с Жуковскими мемуарами, где речь идет только о 9-й армии.

В отношении Румынии, стараются представить дело так, как будто она до 25 июня не предпринимала никаких особых военных действий. Так немного румыны пошумели на границе и еще обстреляли из орудий наши близко расположенные воинские части, вот и все.

Читаем дальше творение советских историков:

“Для этого:

1. Назначаю командующим войсками Южного фронта генерала армии Тюленева И. В.

Членом Военного совета фронта — армейского комиссара 1 ранга Запорожца А. И.

Начальником штаба фронта — генерал-майора Шишенина Г. Д.”

Вновь приходится говорить о “затемнение” в понимании содержания.

Как же можно обращаться (в шапке документа) к Тюленеву как к командующему фронтом, если фронт только еще, (как видим из содержания) создается данным документом, а Иван Владимирович, просто напросто, отсутствует в данном населенном пункте. Кто же в пустом КП под Винницей будет получать, и расшифровывать данную депешу? Сам же “Тимошенко” и подтверждает подобную глупость.

Но если соответствующую бумагу Тюленеву подсунили в Москве, о чем сказал выше, тогда получается, что все, вроде бы, нормально, по дням. Или в начале этого (полного) приказа было упомянуто о назначении Тюленева командующим Южным фронтом. Тогда данный приказ могли подготовить и в Москве, втихую. Иначе, в Оперативном отделе Генштаба Тюленеву выдали бы всю полагающую в таком случае военно-техническую документацию.

“2. К исходу **24.6** развернуть в г. Винница управление Южного фронта”.

Управление фронтом еще в дороге, а Тюленеву в Винницу, якобы, шлют указание. Неплохо смотрится Ставка по управлению войсками. Чему же удивляться, если, в конце концов, Красная армия под председательством Тимошенко подвергнется разгрому.

Ниже столько напишут о воинских соединениях — не захочешь, а поверишь, что, будто бы, весь документ правдивый.

“3. Включить в состав Южного фронта:

а) **18-ю** армию в составе 17 ск (96,60 гсд, 164сд); 16мк(39, 15тд, 240 мд); 64-ю авиационную дивизию, 88 иап.

Штарм 18 с 24.6.41 г. — Каменец-Подольск.

б) **9-ю** армию в составе 35 ск (30 гсд, 95, 176 сд); 14 ск (25,51 сд); 48 ск(74, 150сд);2мк(11, 16тд, 15мд); 18мк(44,47тд,218мд);2кк(5, 9 кд); 20, 21, 45 и 7 авиадивизии.

Штарм 9 — Тирасполь.

в) 9-й Особый стрелковый корпус в составе 106, 156 сд и 32 кд.

Штакор — Симферополь.

г) В непосредственном распоряжении фронта — 55ск(130, 169, 189 сд); штакор 55 — Дунаевцы. 7ск(116,142,196,206 сд) в районе Котовск, Болта.

д) Все пунктовые части ПВО и ВНОС в границах фронта.

е) Все склады и материальные запасы в границах фронта”.

Так как же, теперь быть, уже, с командованием Юго-Западного фронта? Ведь, 9-я армия, ранее входила в структуру данного фронта? Правильнее, сначала, надо было, указать в приказе командующему Кирпоносу, о передачи данной армии Южному фронту, а затем проводить нарезку разграничительных линий между фронтами. И все.

Последующее формирование Южного фронта относится исключительно к прерогативе его командующего и никакого отношения к Юго-Западному фронту не имеет. У нас, как всегда чудят! Если документ “липовый”, то в нем, как правило, всего намешают для придания правдивости.

Ниже читаем о нарезке между фронтами.

“4. Границы:

а) Между Юго-Западным и Южным фронтами — Черкассы, Винница, Бар, Отыня, В. Вышеу; все пункты, кроме Отыня, исключительно для Южного фронта”.

А дальше, штабу Юго-Западного фронта, уже, должно быть неинтересно — как там взаимодействуют армии соседнего фронта? А им, нет! — будьте любезны, ознакомьтесь! Запишите или запомните, как там и что там, будет у вашего соседа!

б) Между 18-й и 9-й армиями — Умань, Вапнярка, Ажурин, Тринка, Пашкани, все пункты, кроме Пашкани, исключительно для 9-й армии”.

Наконец-то добрались до существа дела, по которому решено создать новый фронт.

“5. Задачи Южного фронта:

Общая — оборонять государственную границу с Румынией. В случае перехода и перелета противника на нашу территорию — уничтожать его и быть готовым к решительным наступательным действиям”.

А до этого, какую же задачу выполняла 9-я армия, сформированная на базе управления ОдВО? Птиц что ли, бойцы в небе считали?

А Тюленева с товарищами, зачем из Москвы в такую даль пригнали? Чтобы они подготовились “к решительным наступательным действиям”? А кто же будет следить за румынами, до тех пор, пока московские товарищи не приедут? Судя по всему, это было отражено в том, “секретном” приказе, о котором сказано ниже.

“На период до исхода 24.6.41 г. — согласно приказу № 3 от 22.6.41 г.”

Если нумерация приказа, всего ничего, — № 3, то это, скорее всего документ из вновь образованной Ставки. Канцелярия, видимо, только-только начала работать.

В конце документа, как всегда схитрили. Чуть было, не купился на их уловку.

“6. Командующему войсками Южного фронта о фактическом вступлении в должность донести **мне** 24.6.41 г.”.

Тимошенко”.

После местоимения “мне” в данном документе, хитрецы поставили точку. Вроде бы, давая таким образом понять читателю, что документ, дескать, выпущен 24 июня, чтобы отвести подозрения от МВО по началу войны. Но это, тогда, не стыкуется уже, с самим содержанием документа, где сказано, что, лишь, к исходу 24 июня Тюленеву предстоит доложить Тимошенко о прибытии в Винницу. Так, когда же выпущен данный приказ? Дата, как видите, не приведена. Ее невозможно указать, чтобы не рассыпалась версия неожиданного нападения немцев.

И как всегда, трудности, с указанием должности Семена Константиновича, на тот момент. Ограничились одной фамилией. Разве, дескать, читатель не знает, кто такой Тимошенко? Конечно, читатель знает, кем был Семен Константинович. Более того, он прекрасно осведомлен, что когда маршал возглавлял Ставку, то подписывался своеобразным образом:

“От Ставки Главного Командования Народный комиссар обороны — С.Тимошенко”.

Именно эту запись Тимошенко постарались убрать публикаторы данного приказа, чтобы не раскрыть время подписания документа.

Вот так у нас дозволялось описывать события Великой Отечественной войны.

На этом, собственно, пока всё о Тюленеве, Захарове, о Хрущеве с Жуковым — на пару, и о Главных командованиях войск направлений.

С более полной версией данной главы читатель может познакомиться в самостоятельной работе под названием “Почему 22 июня 1941 года командующий Черноморским флотом Октябрьский позвонил Жукову?”.

Глава 23. Взгляд из-за рубежа

В своих воспоминаниях наш посол в Англии И.М.Майский так описывал события накануне войны. В субботу 21 июня ему позвонил посол Англии в Советском Союзе Стаффорд Криппс, который был в то время на своей родине и попросил встретиться. При встрече сообщил важную новость: “...У нас есть заслуживающие доверия сведения, что это **нападение** (германское — В.М.) **состоится завтра, 22 июня**, или в крайнем случае 29 июня... **Гитлер всегда нападает по воскресеньям..** Я хотел информировать вас об этом”.

После того, как они “обменялись краткими репликами по поводу этого сообщения”, Криппс прибавил:

“Разумеется, если у вас начнется война, я немедленно же возвращаюсь в Москву”.

Трудовой народ Англии с первых с первых дней нападения фашистской Германии на СССР выступил в поддержку Советского Союза.

“Когда Криппс ушел, — пояснял Майский, — я сразу же отправил в Народный комиссариат иностранных дел шифровку-молнию о его сообщении... но в голове еще острее, **чем раньше**, стоял неотступный вопрос: **“Неужели завтра война?”**”.

То есть читатель ясно понимает из прочитанного, что Ивана Михайловича и до прихода Криппса мучил вопрос о завтрашнем нападении Германии (т. е. 22 июня) на нашу страну. И действительно, страницей ранее, своих мемуаров, он писал, что у него было тревожное чувство, и он терзал себя аналогичными вопросами:

“Неужели завтра, послезавтра война?.. Неужели гитлеровские орды бросятся через нашу границу?.. Неужели фашистские бомбы обрушатся на наши города?.. Неужели десятки и сотни тысяч советских людей обречены на жестокую смерть под ударами врага?.. Ах, если бы всего этого можно было бы избежать!..”.

Хочу пояснить читателю, что никакие “заслуживающие доверия сведения” Криппс нашему послу Майскому не передавал, а, следовательно, Иван Михайлович — не получал. Дело в том, что и сам Майский был в курсе этих самых “доверительных сведений”. Их передало британское радио.

Помните радиоперехват севастопольских моряков? Так что, Ивана Михайловича, просто, вынудили “слегка подправить” воспоминания. А чтобы в тексте не прозвучал подлинный источник информации, его заменили Криппсом. Я не исключаю, того факта, что посол Англии в Советском Союзе и наш Майский, могли обмениваться мнениями, по поводу данного сообщения по английскому радио, так как оно, действительно, носило сенсационный характер, но не более того.

Кроме того, хотел бы обратить внимание читателя на одну странность в изложении данных событий товарищем Майским. Почему, по мнению нашего дипломата, война может начаться завтра или послезавтра? А Криппс, вообще, разносит сроки нападения, аж, на неделю. Что за странные сведения о предполагаемом нападении прозвучали по английскому радио?

О том, что это было за сообщение, мы, как всегда, поговорим в конце работы, и в отдельной главе.

Сейчас важно другое. Как наш посол повел себя, узнав, что завтра ожидается нападение Германии на Советский Союз, чью страну он представлял на Британских островах?

На следующий день в 8 часов утра Иван Михайлович узнал о том, что германские войска перешли нашу границу. Около 11 часов по советскому радио было сообщено, что в полдень выступит с заявлением по радио нарком иностранных дел.

“Когда я узнал о предстоящем выступлении, — вспоминал Майский, — первое, что пронеслось у меня в голове, было: “Почему Молотов? Почему не Сталин? По такому случаю нужно было бы выступление главы правительства”. Однако я не придавал данному обстоятельству особого значения...**(а сосредоточил главное внимание на содержании речи наркома иностранных дел)** — текст изъят.

Жирным шрифтом в скобках я выделил текст, который соответствовал изданию воспоминаний И.М.Майского в 60-е годы при Хрущеве. В более позднем переиздании мемуаров, при повторном редактировании, и от этого текста советской цензуре пришлось отказаться, так не сцеплялись последующие “исторические события” начального периода Великой Отечественной войны, предложенные советскому читателю. По ходу цитирования текста Ивана Михайловича Майского, я буду указывать читателю, что было изъято из текста его воспоминаний.

“Выступление наркома иностранных дел произвело на меня хорошее впечатление. Оно вполне соответствовало моему настроению. **(И моей твердой уверенности, что мы разобьем Германию. В тот момент, однако, — сознаюсь в этом откровенно, — я не представлял себе, какую страшную цену нам придется заплатить за победу. Но это объяснялось тем, что летом 1941 г. я, подобно многим, очень многим другим, не признавал ясно ни культа личности Сталина, ни всех трагических последствий этого факта)** — текст изъят.

Как видите, и у Майского возникло чувство недоумения по поводу отсутствия Сталина на Московском радио в полдень 22 июня. Но впоследствии, партийные товарищи, видимо, разъяснили бывшему послу в Англии, что он глубоко ошибался, по поводу своих переживаний из-за отсутствия в радиозэфире советского вождя.

Дальше события становятся не менее интересными. Майский вспоминает: “Я с нетерпением ждал каких-либо руководящих указаний от Советского правительства и прежде всего указаний о том, готовить ли мне в Лондоне почву для заключения формального англо-советского военного союза”.

Это высказывание нашего посла надо понимать так, что после начала войны с Германией ему в Лондон не было послано ни одного сообщения о поводу его дальнейшей деятельности. Но Майский, как честный человек, патриот, не мог оставаться безучастным к судьбе своей Родины: “Я считал, что в годину великого бедствия каждый советский гражданин должен что-то сделать для своей страны. Из моих прежних разговоров с товарищами в Москве я знал, что вопрос о втором

фронте является одним из важнейших в случае нападения Германии на СССР. Я решил сделать соответственный демарш. Но с кем говорить на такую тему?... По зрелому размышлению я пришел к выводу, что, пожалуй, целесообразнее всего первый демарш сделать перед лордом Бивербруком”.

Как видно и это решение он принимает самостоятельно, без указаний из Москвы. И как долго длилось данное состояние дел? Надеюсь, читатель не забыл, что началась война с Германией и бездействие советского посла в стране, волею обстоятельств ставшей теперь, как бы нашим союзником, вызывает полное недоумение. И сколько же времени продлилось это ничегонеделание?

“Бивербрук был в то время членом военного кабинета Черчилля и как таковой имел отношение к общим вопросам стратегии и ведения войны. Вдобавок за предшествующие шесть лет у меня сложились с ним хорошие личные отношения... И я решился: на пятый день после начала германо-советской войны я отправился в Черкли (имение лорда — В.М.) и просил Бивербрука поднять в военном кабинете вопрос об открытии второго фронта во Франции”.

Проведя несложное арифметическое действие, мы узнаём, что Иван Михайлович отправился на встречу с лордом Бивербруком 27 июня 1941 года, что также подтверждается его телеграммой на Родину от 30 июня: “В частности, по поводу мыслей Бивербрука, которые он мне высказал 27 июня...”. Таким образом, получается, что его “зрелые размышления” по поводу своих решительных действий, как гражданина-патриота, удивительным образом совпали с возможным отсутствием Сталина в Кремле и закончились как раз с предполагаемым возвращением Сталина к активной работе. Очень даже может быть, что это было случайное совпадение. В жизни всякое бывает, особенно, как у нас, в начальный период войны, но, смотрите, как после этого зашевелился Вячеслав Михайлович Молотов.

“О своем разговоре с Бивербруком, — вспоминает Майский, — я немедленно телеграфировал в Москву. Никаких возражений против моей инициативы не последовало. Напротив, нарком иностранных дел вызвал к себе Криппса и, ссылаясь на сочувственное отношение Бивербрука к идее второго фронта, просил британского посла поставить этот вопрос перед британским правительством”.

Чем же занимался наш нарком иностранных дел Молотов эти пять дней, если не удосужился послать Майскому, хотя бы одну телеграмму? А ведь тот очень тяготился своим неведением относительно дел на Родине.

И тут автору могут возразить товарищи, из министерства иностранных дел, подготовившие и издавшие в 1983 году в двух томах документы и материалы “Советско-Английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945”, где в 1-ом томе под номером 3 приведена телеграмма наркома иностранных дел СССР послу СССР в Великобритании.

“22 июня 1941 г.

“Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию Британского правительства, Советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что Советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации и оно в свою очередь готово будет оказывать помощь Англии.

Молотов”.

Так что же, выходит, Майский вводит нас в заблуждение, утверждая что не получал никаких указаний из Москвы? И кто же прав в таком случае? Майский или товарищи из министерства?

Давайте-ка, сначала разберемся вот с каким вопросом. Посол Майский послал на Родину срочное сообщение, основанное на информации Криппса о том, что на 22 июня ожидается нападение на нашу Родину. Почему же его не включили в данный сборник документов? Это ведь не какое-то рядовое сообщение, а чрезвычайно важное. Да ради таких сообщений порой и находятся послы в сопредельных государствах, чтобы первыми ударить в набат и предупредить свою Отчизну о планах врага. А здесь, посол Майский шлет экстренную телеграмму о сроках нападения, кстати, сведения оказались на удивление, достоверными, и решение, не включить такую телеграмму в сборник, представляется не вполне, обоснованным.

Разумеется, всегда можно сделать отговорку, сославшись, дескать, на то, что приведенные в сборнике документы, начинаются с 22 июня, начала войны, а послание Майского, о котором мы ведем речь, относится как бы, к довоенному времени — 21 июня. Пусть будет так, но Майский 22 июня посылает еще одну телеграмму. Так вот любителям русского языка и литературы автор предлагает поломать голову над вопросом: “Является ли телеграмма Молотова, приведенная выше, ответом на телеграмму Майского от 22 июня?”.

Приводить телеграмму Майского (док. № 2) полностью не решаюсь из-за ее большого объема, но ключевые предложения раскрывающие суть данного сообщения привожу. Итак,

“1. Сегодня в 8 час. 30 мин. утра секретарь Идена позвонил в посольство и просил меня быть у Идена (министр иностранных дел Англии — В.М.) ...

В 12 час. я был у Идена. Он начал с расспросов о содержании речи Молотова. Я его подробно информировал. Далее он заявил, что только сегодня утром беседовал с Черчиллем и на основании этой беседы считает нужным заявить, что объявление Германией войны Советскому Союзу ни в какой мере не меняет политику Англии, что ее действия в борьбе с Германией сейчас не только не ослабевают, но, наоборот, усилятся...

Далее Британское правительство готово оказать нам содействие во всем, в чем оно может, и просит лишь указать, что именно нам нужно. В частности, военная и экономическая миссии, о которых мне вчера говорил Криппс, могут вылететь в любой момент, если мы того пожелаем. Иден просил меня выяснить также, не нужна ли нам какая-либо помощь в морских делах?...

Вообще, подчеркивал Иден, нам нужно только сообщить, что мы хотим, а Британское правительство постарается, поскольку это в его силах, исполнить всякое наше желание. Я ответил, что по понятным причинам не могу сейчас дать ответ на вопросы Идена, но обещал снести с Советским правительством и после этого вновь его повидать. Жду от Вас по этому поводу указаний.

2. Иден сообщил мне, что сегодня в 9 час. вечера премьер выступит по радио и выскажется в том же духе, в каком Иден только что сделал мне заявление. Я заметил, что, учитывая слухи и разговоры, которые в последние недели велись вокруг прилета Гесса, “мирной кампании” немцев в США и так далее, было бы хорошо, если бы Черчилль в своей речи ясно и определенно заявил, что Англия тверда в своей решимости вести войну до конца. Иден обещал переговорить об этом с премьером и добавил, что совершенно спокоен за позицию своей страны: ни о каком мире с Гитлером не может быть и речи...

Затем я поинтересовался мнением Идена об американской реакции на совершившиеся события...

Иден ответил, что только вчера вечером имел длинную беседу с Вайнантом, который вчера прилетел из США на бомбардировщике, и в предчувствии того, что совершилось, как раз поставил перед американским послом аналогичный вопрос...

Со своей стороны Иден добавил, что, поскольку нападение Германии на СССР носит характер самой явной и оголтелой агрессии, реакция Америки должна быть более благоприятной для СССР и Англии, чем это имело бы место в других условиях...

3. Затем Иден перешел к вопросу о Криппсе. Он хотел бы, чтобы Криппс как можно скорее вернулся в Москву, однако ввиду инцидента с коммюнике ТАСС и болезненной реакцией на него со стороны Криппса Иден хотел бы знать, является ли Криппс для нас “персона грата”? Иден считал бы нецелесообразным в такой момент менять посла, но он готов это сделать, если бы мы того пожелали. Я заверил Идена, что подозрение Криппса ни на чем не основано, что отношение лично к нему у нас хорошее и что если у Криппса раньше были в Москве известные трудности, то это вытекало совсем из других, хорошо известных Идену причин. Иден был очень доволен моим ответом и заявил, что постарается срочно отправить Криппса в Москву”.

4. Иден интересовался поведением Турции и Японии, но я не мог ему сообщить ничего нового. В заключение я поставил Идену прямой вопрос: могу ли я сообщить Советскому правительству, что ни о каком мире между Англией и Германией не может быть и речи, что Англия не только не ослабит, а, наоборот, усилит свою энергию в борьбе с Германией и что Англия твердо будет продолжать войну? Иден ответил: да, можете это сообщить...

Когда я прощался, Иден в раздумье произнес: “Это начало конца для Гитлера”. Я ответил: “Война делает поворот всемирно-исторического значения”.

“Майский”.

И где же здесь в тексте упоминается о заявлении Криппса, товарищи дорогие, из министерства иностранных дел? Что же вы так не внимательны к своим же собственным документам? Ведь в послании Майского на Родину 22 июня (док. № 2) тот сообщает, что вел переговоры именно с министром иностранных дел Иденом и ни с кем другим, и, где в одном из пунктов был затронут всего лишь вопрос о Криппсе, точнее, о его возвращении в Москву.

А вот о заявлении Криппса, которое он сделал Майскому, отражено именно в телеграмме последнего от 21 июня. Текст этой телеграммы, как я уже отмечал, почему-то в сборнике не приведен, но в препарированном виде, этот текст можно обнаружить в т.1 в примечании под № 1.

“Примечания.

1. В беседе с Майским 21 июня 1941 г. Криппс заявил, что (и далее следует закавыченный текст, судя по всему этой самой экстренной телеграммы нашего посла от 21 июня — В.М.)”уже договорился с начальником генштаба Диллом о том, что в случае нападения Германии на СССР из Лондона в Москву в самом срочном порядке будет отправлена военная миссия для передачи нам опыта войны с Германией, причем данная **миссия сможет отправиться по воздуху без посадки из Англии в СССР через Швецию**... Равным образом Криппс договорился с соответствующими инстанциями о столь же **срочной посылке** к нам экономических экспертов в целях налаживания хозяйственной координации между обеими странами. Люди, которых в данных условиях послала бы Англия, были бы людьми “первого ранга”, могущими решать большинство вопросов на месте. Все это Криппс просил меня передать Советскому правительству немедленно и заверить его, что Британское правительство не допустит никакого промедления в оказании СССР (в случае нападения на него Германией) той помощи, на которую оно будет способно”.

Как видно, очень хочется, вышеупомянутым товарищам, заполнить этот злополучный день 22 июня, какими-либо действиями Молотова и правительства. Ну не могла эта телеграмма Молотова быть отправленной в Лондон 22 июня. Понятно, что если очень хочется, то можно! Телеграмму нашему послу от Молотова, видимо, от 26 июня перенесли на 22 июня и пытаются таким образом заполнить, тот, образовавшийся информационный вакуум по первым дням. Задайтесь вопросом:

“Зачем нужно передергивать даты телеграмм и почему нельзя правдиво изложить данные события?”

Ведь, все это лишний раз показывает и доказывает, что события начальных дней войны, видимо, очень беспокоили определенные круги постсталинского руководства нашей страны, по части правдивого их изложения. Иначе, зачем такая жесткая цензура?

Выше, я уже сказал, что воспоминания Майского подверглись вторичному “редактированию”. Сначала их “корректировала” хрущевская цензура, с тем, чтобы скрыть характер сообщения английского радио и по ряду других причин. Затем, в брежневские времена пришлось сделать усечение и того, что было издано ранее, так как и то, что оставалось, оказывается, тоже, мешало воссозданию “подлинно-достоверной исторической правды” о том периоде войны.

Можете прочитать, что же пришлось убрать, впоследствии, в мемуарах Ивана Михайловича, чтобы они засверкали, как бриллиант в новой оправе.

“Наступил второй день войны — из Москвы не было ни звука. Наступил третий, четвертый день войны — Москва продолжала молчать. Я с нетерпением ждал каких-либо руководящих указаний от советского правительства и прежде всего указаний о том, готовить ли мне в Лондоне почву для заключения формального англо-советского союза, но ни Молотов, ни Сталин не подавали никаких признаков жизни.

Тогда я не знал, какое положение создалось в Кремле в первые дни после нападения Германии, и объяснял себе молчание Москвы тем, что у правительства, заваленного сверхсрочными военными делами, просто не доходят руки до дел дипломатических”. — текст изъят.

А нас уверяют, что Майскому телеграммы из Москвы отбивали. Как видите, то, что устраивало поначалу хрущевцев — отсутствие Сталина в Кремле, уже никак не могло устроить последующее, брежневское руководство. На кого же, в таком случае, сваливать поражение по началу войны, если Сталина не было в Кремле, у руля власти? Кроме того, формировался культ партии. Как же быть в таком случае, когда возникнет вопрос: “Куда же смотрели “верные ленинцы” в Кремле?”. И если, как пишет Майский, он ЧЕТЫРЕ дня не получал никаких указаний из Москвы? Что же там, в Кремле произошло такое неординарное, что прекратил функционировать, ко всему прочему, и наркомат иностранных дел? Ответ дать невозможно, поэтому и пришлось убрать этот текст из мемуаров Майского, а в издании “Советско-английских отношений...” вставить фальшивку. Чего не сделаешь ради “исторической правды”?

Но и это не все, о чем бы хотел сказать Майский, но его оборвали на полуслове. Тогда, в июне 1941 года он “не знал, какое положение создалось в Кремле”, следовательно, по возвращению на Родину, он узнал причины молчания наркомата иностранных дел, и почему “Молотов и Сталин не подавали никаких признаков жизни”? Как видите, не только ответ Майского на этот вопрос, но и сам текст в последствии были изъяты из мемуаров.

Придется вновь вернуться к его разговору с Бивербруком.

Как нам пояснял Иван Михайлович, он поставил перед лордом вопрос о втором фронте и аргументировал, что это благоприятно скажется на интересах самой Англии.

“Бивербрук внимательно слушал меня и затем сказал:

— Все, что вы говорите, очень хорошо, но...

Он замолчал на мгновение и затем, испытующе глядя на меня, добавил:

— Позвольте быть с вами вполне откровенным... Вы действительно будете драться? **У вас не произойдет того, что случилось во Франции?**

Я был так ошеломлен вопросом моего собеседника, что сначала почти лишился дара речи. Опомившись, я вскипел и резко воскликнул:

— We will fight like the devils (Мы будем драться, как дьяволы).

Бивербрук внимательно посмотрел на меня, потом коснулся рукой моего плеча и каким-то более теплым, чем обычно, голосом сказал:

— Я вам верю... Хорошо, я попробую поставить вопрос о втором фронте перед правительством”.

Как и многое, данный диалог требует пояснения. Прошло четыре дня после начала войны, а Иван Михайлович, как мы знаем, не получил из Москвы ни одного сообщения. Интересно, наркомат иностранных дел игнорировал только свою посольскую службу или для иностранных послов, находящихся в Москве, делал исключение? Судя по всему, нет! Следовательно, лорд Бивербрук понимал, что в Москве происходит что-то странное и необъяснимое, так как посольства иностранных стран, скорее всего, были лишены приема у Молотова. Более того, Стаффорд Криппс не покинул пределы своей страны, так как наш Майский не мог получить из Москвы подтверждение на прилет английского посла. В свете изложенного Бивербрук и подчеркнул откровенность в разговоре с нашим послом и задал ему вопрос, который ошеломил Ивана Михайловича. А отчего это, наш Иван Михайлович, чуть было не лишился “дара речи”? Ведь, Бивербрук, всего лишь, выдвинул предположения по поводу **Франции**? Или это и было откровением в разговоре, воплощенное в одном единственном слове, которое было позволительно написать товарищу Майскому?

Мемуары Ивана Михайловича Майского заслуживают того, чтобы уделить им хотя бы несколько предложений.

Поначалу они были изданы в двух томах, но события в книге были обрублены 1939 годом. Это было во времена Хрущева — в 1963 году. После отставки Никиты Сергеевича и смерти лорда Бивербрука, в 1965 мемуары вышли небольшой отдельной книгой и освещали, уже завершающий период деятельности Майского, как посла с 1939 — по 1943 годы. Последующие годы жизнедеятельности Ивана Михайловича, по убеждению властей, того периода, не представляли, какого-либо “интереса” для советского читателя. А ведь, он был арестован в начале 1953 года службой госбезопасности Игнатъева с обвинением, что является “английским шпионом”. Вряд ли, читатель может, даже, предположить, что явилось истинной причиной ареста бывшего посла. Однако, если он внимательно прочитает данную работу, вполне возможно, что сможет самостоятельно угадать, с чьим именем будет связано пребывание на Лубянке уважаемого Ивана Михайловича Майского.

Через несколько месяцев после ареста он будет выпущен Лаврентием Павловичем Берией за надуманностью обвинений. Это будет одно из малых дел, которое успеет сделать Берия, объединивший в своих руках оба силовых ведомства МГБ и МВД. К сожалению, это решение по объединению несколько запоздает и начнет действовать уже после смерти Сталина, что не даст того положительного результата, на который они оба (Сталин и Берия) рассчитывали. Лаврентий Павлович, практически, останется в одиночестве и будет обречен на гибель.

Но закончим с воспоминаниями нашего дипломата о туманном Альбионе. Самое позднее издание мемуаров произошло в Горбачевские времена и представляло переиздание книги Брежневского периода 1971 года — сокращенный вариант всего того, что было издано ранее.

Возвращаемся, к прерванному разговору Майского с лордом Бивербруком. Помните, ранее, из энциклопедии 1947 года я приводил данные о “пятых колоннах” на Западе. Даже, в то, Сталинское время, не очень-то жаловали употребить это выражение по поводу Франции, заменив словосочетанием — профашистское правительство. Тем не менее, именно, “пятая колонна” во Франции поспособствовала краху республики при нападении Германии. Майский, в начальных главах книги издания 1965 года, давал очень резкую оценку деятельности французского правительства и вооруженных сил страны в период военных действий в 1940 году, в плане подставы Гитлеру.

Нет смысла приводить высказывания Ивана Михайловича по этому поводу. Важно другое. Лорд Бивербрук прямо спросил нашего посла, что, не произошло ли у него в стране то, что происходило ранее в ряде европейских государств, в том числе и во Франции? То есть, не собирается ли наше советское правительство сдать страну Гитлеру? Вот что следовало понимать под словом “Франция”.

А что другое, мог подумать английский лорд, когда с объявлением Германией войны Советскому Союзу, вместо руководителя правительства Сталина по радио выступил его заместитель Молотов. И в то же время, вот уже четыре дня, как посол Майский не получает от своего наркома иностранных дел никаких указаний. К тому же, Советское правительство никак себя не обозначает, а Сталин исчез в неизвестном направлении. Вот все это, совокупи, вполне возможно, и выложил лорд Бивербрук при встрече нашему послу.

Разумеется, тот вскипел: “Как Вы могли подумать такое!” На что, лорд вполне серьезно ему ответил, что он верит в честность, искренность и порядочность Ивана Михайловича, как человека, но будет лучше, когда тот дождет хороших вестей из Москвы. И только удостоверившись, что Майский получил от Молотова телеграмму о согласии на вылет Криппса, а Сталин был зафиксирован на встрече в Кремле, лорд Бивербрук и стал проявлять свои инициативы по открытию второго фронта.

Так что и разговор с лордом Бивербруком, произошел, скорее всего, не 27-го июня, а хотя бы на пару-тройку дней раньше, скорее всего 24-го июня, в момент, когда Иван Михайлович у себя в посольстве испытывал в полном объеме самый настоящий “информационный голод”. Отсюда следует, что хотя Бивербрук и был английским лордом, он прекрасно разбирался в существовании “пятой колонны” и профашистски настроенных правительств ряда европейских стран. Ему ли, владельцу газетно-информационной империи в Англии, не знать существование данного дела, когда он не раз поднимал шум в прессе из-за британских “миротворцев-голубков”, которые были пропитаны симпатиями к своим коллегам из фашистской Германии.

Но вернемся к воспоминаниям Майского и проследим, как он описывает последующие события.

“На двенадцатый день после нападения Германии на СССР, 3 июля, И.В.Сталин впервые выступил по радио. Я слушал его с затаенным дыханием и старался найти в его словах надежду на решительный перелом в военных событиях — и притом в самом ближайшем будущем”, — **(но это плохо удавалось.** — текст изъят), — признавался в своих чувствах читателям Майский. Да и в дальнейшем не скрывает, что услышанное его ничем не порадовало.

“Таким образом, теперь не подлежало сомнению, что немцы оккупировали обширные районы советской территории и что Красная Армия отступила от границ далеко вглубь страны. А призыв Сталина “в занятых врагом районах создавать партизанские отряды” и уничтожать “все ценное имущество” в оставляемых Красной Армией местах невольно наводило на мысль, что скорого перелома к лучшему, видимо, ждать нельзя, — тем более, что (далее Сталин прямо заявил: “Дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР”) — в скобках текст оставлен, т. к. он из речи вождя.

В голове невольно вставал роковой вопрос: как это могло случиться? Неужели опыт финской войны нас ничему не научил? Неужели Красная Армия оказалась неподготовленной к германскому нападению? Неужели вовремя не были приняты меры для мощного контрудара, если фашистские орды обрушатся на нас? Тут я вспомнил мою телеграмму о концентрации германских войск на советской границе, посланную в Москву 10 июня, и публикацию после того 14 июня заявления ТАСС, заверяющего о лояльном соблюдении Германией пакта о ненападении”. — текст изъят.

Из написанного Иваном Михайловичем вполне ясно читается, что тот лишь 3 июля, наконец-то, услышал самого Сталина и из его уст узнал о происходящем в стране в результате гитлеровской агрессии. Предыдущие сообщения по радио, как видите, Ивана Михайловича не радовали. К тому же он ждал, когда же его задействуют, как посла? А до предполагаемого появления Сталина в Кремле, с Майским, судя по его воспоминаниям, никто из нашего МИДа не вел никаких переговоров относительно его действий. Вообще, речь Сталина по радио 3 июля, произвела огромное впечатление не только на Ивана Михайловича, но и на мировую общественность. И не только из-за содержания речи, а еще, как мне думается, именно потому, что все услышали голос **живого** Сталина.

А то что на границе Советского Союза было сконцентрировано огромное количество войск, в большей степени беспокоило, видимо, нашего посла в Англии, чем, того же начальника Генерального штаба Жукова, который, в последствии, приводил массу оправдательных доводов, не достойных военного руководителя такого уровня. С такими взглядами на войну, ему предпочтительнее было бы возглавлять французский Генштаб в окружении, близких ему по духу, родственных душ.

Майский продолжает:

“С начала июля (разумеется, после речи Сталина 3 июля. — В.М.) стала возобновляться дипломатическая деятельность между СССР и Англией. В Москве был поставлен вопрос об оформлении новых отношений между обеими странами...

Черчилль был несколько обижен(?) тем, что Сталин никак не откликнулся на его речь по радио 22 июня, но решил все-таки сделать первый шаг для установления более дружественных отношений с главой Советского государства.

7 июля он направил Сталину письмо, в котором давал понять, что помощь Англии Советскому Союзу выразится главным образом в воздушных бомбардировках Германии”.

Смотрите, как стала проясняться картина. Черчилль, по замечанию Майского, высказал, определенное неудовольствие тем, что Сталин никак не отреагировал на его речь, но, тем не менее, первым сделал шаг к сближению наших стран. Да, но кто же мешал Черчиллю послать письмо раньше, хотя бы до 26 июня? Однако не решился этого сделать. Почему? Да потому что доподлинно знал, что Сталина нет в Кремле. Видимо, эта тема обсуждалась на заседании кабинета министров, иначе бы, Бивербрук не высказал бы Майскому упрек, со ссылкой на Францию.

Англичанин Д.Фуллер так многое подтверждает своими высказываниями в исследовании о второй мировой войне по нашей теме, что практически к любой главе у него можно найти интересный материал. Вот и по данному вопросу косвенно подтверждает сказанное Майским.

“...События в России развивались не так, как в Польше и Франции. Внешне “молниеносная война” была успешна сверх всяких ожиданий, однако, как ни странно, на русском фронте и за ним не было, или почти не было паники”.

То есть, немецкие генералы и политики, в том числе и сам Д.Фуллер, будучи английским генералом, были, видимо, абсолютно уверены в том, что Советский Союз ожидает участь Польши, но, главное — как и Франции. Ведь, именно, там, особенно ярко проявила себя “пятая колонна”. На что и обратил внимание посла Майского лорд Бивербрук.

Особенно, разительным был контраст по первым дням войны в нашей стране, когда поначалу успехи немецких войск были просто фантастическими. Это и отметил английский историк, показывая читателю, что “молниеносная война” была **успешна сверх всяких ожиданий**”.

Но, вдруг, немецкая машина стала давать сбои. В Кремль на пост главы правительства вернулся Сталин. И сразу на русском фронте и, что особенно важно, за ним — то есть, в тылу (понятие весьма растяжимое — можно считать до самого Кремля), не было паники. В отличие от той же Франции.

В дополнение к написанному материалу Фуллер привел характерную для той поры заметку из **немецкой газеты**, которая, видимо, появилась, как отклик на выступление Сталина от 3-го июля.

“6 июля во... “Франкфурте цейтунг” указывалось, что

“**психологический паралич**, который **обычно следовал** за молниеносными германскими прорывами на Западе, не наблюдается в такой степени на Востоке, что в большинстве случаев противник не только не теряет способности к действию, но, в свою очередь, пытается охватить германские клещи”.

Стоит ли повторяться в комментариях? Итак, все понятно!

По первым дням войны о событиях в Кремле, хотелось бы обратиться еще к одному иностранному историку. Из работы Габриэля Городецкого “**Канун войны: Сталин и дело Гесса**” приведу маленький кусочек, который, думаю, тоже заинтересует читателя.

“Когда британский поверенный в делах нанес визит в Кремль **рано утром 22 июня** по своей **собственной инициативе** и без особых указаний, он нашел русских не только, как могло ожидать “чрезвычайно нервными”, но также и “чрезмерно осторожными” (Вопросы истории № 11 за 1992 год).

Как видите, о Сталине ни слова, — это, раз. Но, как понимать — “по собственной инициативе”? Значит, имел (что?) личный интерес, не обусловленный каким-либо поручением дипломатического представительства? — это, два. “Без особых указаний” лишний раз показывает, что данное лицо выполняло определенное задание не дипломатического характера, скорее разведывательного, — это, три. Что же, британский поверенный в делах не привел конкретные фамилии “русских”, которые находились в Кремле и были не только “чрезвычайно нервными”, но и “чрезмерно осторожными”? — это, четыре.

Что же данное лицо хотело выяснить? Г.Городецкий, между прочим, привел это сообщение исходя не из своих личных выводов о кремлевском посланце, а базируясь на официальных архивных данных Форин Офиса, министерства иностранных дел Великобритании.

Я не собираюсь, грубо подталкивать читателя к выводу, что речь, в этом приведенном отрывке, шла именно о присутствии (или отсутствии) Сталина в Кремле. Но разве есть, разумное объяснение, столь странного утреннего визита в Кремль британского поверенного в делах? Что? Были сильные сомнения по поводу моральных качеств русских, и англичанин лично решил убедиться в этом, посмотрев на “русских”, а то, вдруг, они будут только “чрезмерно нервными” и не станут “чрезмерно осторожными, — так что ли?”. Я просто убежден в том, что данный визит

послужил поводом для англичан, лишний раз убедиться в наличии (или отсутствии) товарища Сталина в Кремле. Поэтому, Черчилль и не писал ему письмо после 22 июня, осведомленный об отсутствии главы Светского государства на своем посту. Но это еще не факт для Черчилля, что Сталин мертв. Затем, как видим, после 25 июня появились документы за подписью Сталина. Но и этого было мало английскому премьер-министру для принятия важных решений. Возможно, что английская разведка и зафиксировала появление Сталина где-либо, в правительственных учреждениях после 25 июня, но для Черчилля, только прямое выступление Сталина по радио, явилось неоспоримым доказательством того, что это настоящий живой Сталин, а не его, скажем, двойник (Он по делу Гесса сталкивался с подобным явлением). Поэтому он и написал письмо Сталину, именно, после 3 июля. А строить из себя обиженного, особенно в глазах советского посла Майского, то это была его отличительная черта, как политика-актера, не более того.

Подписание соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Москва, 12 июля 1941 года.

Теперь, давайте обратимся к личности посла Англии в Советском Союзе Стаффорду Криппсу. Как видно из сообщения Майского, министр иностранных дел Англии Иден обеспокоен тем, как отнесутся к возвращению в Советский Союз посла Англии и не будет ли тот “персоной нон грата”? А почему, собственно говоря, возникла данная проблема? Почему Криппс так “болезненно” отреагировал на сообщение ТАСС от 13 июня, которое прозвучало по радио для иностранных слушателей? Приведем отрывок из данного сообщения:

“Сообщение ТАСС.

Еще до приезда английского посла г-на Криппса в Лондон. Особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР Германией...”

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны...”

Криппс убыл из нашей страны за три дня до этого сообщения, якобы для консультаций со своим правительством. После же сообщения ТАСС, как пишет в своей книге “Трагедия 1941 года” А.Б.Мартirosян, Криппс срочной телеграммой приказал своей дочери, находящейся в Москве, немедленно выехать в Тегеран. Чего же он так испугался? Думается, не только начала войны, но и тех непредсказуемых событий, которые могли бы произойти в Москве. Криппс предполагал, что вторжение Германии начнется в ночь с 14-го на 15-е июня, т. к. Гитлер, как правило, совершал нападение с субботы на воскресенье. Сам Криппс пояснял это Майскому. Поэтому и удрал за разъяснениями в Англию, как себя вести в случае переворота, если власть захватит “пятая колонна”. Кроме того, могло быть вооруженное столкновение и стрельба, которая, пришлось бы, думаю, не по душе английскому послу. Все-таки, зря он убыл в Англию. Если бы был в Москве, то свое “сообщение о нападении Гитлера”, сразу бы принес Молотову в Кремль, а не суетился бы в Лондоне, через Майского. Столько лишних хлопот себе прибавил.

Кстати, Криппс умер в 1952 году еще при жизни Сталина! По зарубежным источникам он скончался от “тяжелого заболевания” в Швейцарской клинике, где проходил обследование. Вдали от дома всегда меньше любопытных глаз дотошных журналистов. И пусть не смущает читателей его возраст — 63 года. Лучше сопоставить его деятельность, как посла в СССР в 1941 году, и теми событиями, которые проходили в нашей стране в послевоенный период, вплоть до 1953 года.

И вот находясь в Лондоне, буквально накануне войны, 21 июня, Криппс напросился на встречу с нашим послом Майским и, якобы, сообщил ему “секретную информацию” о нападении Германии

на Советский Союз. Более того, выразил желание немедленно возвратиться в Москву для работы в посольстве и предложил направить военную и экономическую миссии для контактов с Советским правительством.

Помните, выше мы разбирали причины, по которым Гесс, якобы, прилетел в Англию. Пришло время рассказать об одной деликатной помощи (а может это оказалось личной инициативой самой Англии?), которую, видимо, должна была оказать Англия Третьему рейху. Что должно произойти с Германским посольством в Москве при начале военных действий между СССР и Германией? Совершенно верно, оно должно быть интернировано. Таким образом, связь заговорщиков и руководства Германии, осуществляемое, разумеется, главным образом через посольство, будет, таким образом, парализована. И через кого же, она будет осуществляться в дальнейшем и как? Ведь, без связи нет координации действий заинтересованных сторон: наших заговорщиков и Германской стороны. Вот эту функцию, видимо, и должно было взять на себя Английское посольство. Во-первых, ничем необъяснимая дружеская расположенность Криппса к нашему послу. К тому же, как-то с трудом, верится, в “дружеские порывы” английского дипломата? Вы посмотрите, на уровень его полномочий. Криппс, будучи дипломатическим работником, как видите, без труда “договорился с начальником генштаба Диллом” об отправке в Москву военной миссии. Кроме того, Криппс “договорился с соответствующими инстанциями о столь же срочной посылке к нам экономических экспертов”, которые тоже должны были войти в контакт с высшим руководством нашей страны. Обратите, также внимание на уровень полномочий лиц, составляющих военно-экономическую миссию. Эти лица “первого ранга”, будут наделены полномочиями “могущими решать большинство вопросов на месте”. Это вам не 1939 год, когда в Москву прибыла английская делегация под руководством адмирала Дракса для ведения переговоров без необходимых на то, полномочий.

Как было видно из сообщений Майского, Криппс буквально рвался в Советский Союз и Иден, в свою очередь тоже, подтверждал намерения английской стороны отправить Криппса с военно-экономической миссией как можно скорее. Вопрос был только в согласии нашей стороны. Если верить нашим архивистам и зная намерения англичан, то после телеграммы Молотова, якобы, от 22 июня нашему послу, где говорится о согласии принять данные миссии, они должны были бы прилететь буквально на следующий день. Однако, как следует из документов, Криппс и компания, прилетели в Москву только 27 июня, что, ну никак не соответствует логике событий и жгучих желаний самого Криппса срочно прибыть в нашу страну.

Как я уже говорил выше, эта “телеграмма от 22 июня” из наркомата, на самом деле, от 25–26 июня, к тому же, ее содержание выглядит намеренно сокращенным, чтобы по тексту трудно было понять, что она послана значительно позже указанной даты. Цель одна — затруднить понимание процессов происходящих в первые дни войны.

Но вот, наконец, английская миссия во главе с Криппсом 27 июня прибыла в Москву. В составе военной — генерал-лейтенант Мэсон Макфарлан, контр-адмирал Майлс, вице маршал авиации Кольер; экономической — Лоуренс Кадбюри, полковник Эксам, командор Уайбэрит и полковник Дэвис. Все, надо полагать, сплошь джентльмены!

Для начала обменялись дипломатическими любезностями, затем Криппс остался один на один с Молотовым. Вячеслав Михайлович попросил английского посла раскрыть карты, относительно деятельности представителей обеих миссий. Криппс сразу пошел с козырей: **“члены военной миссии должны войти в контакт с представителями советских военных кругов, причем английская военная миссия будет независима”** от него. А чего церемонится-то, время идет, а цель-то, еще недостигнута — советское правительство не свергнуто. А насчет другой миссии еще конкретнее: “экономическая миссия”, по утверждению Криппса, “должна будет установить контакт с **Микояном** и будет работать” под его руководством.

А что сказать по поводу вот такой информации приведенной в книге “Трагедия 1941 года” А.Б. Мартиросяна:

“До начала 1941 г. у британской разведки, к сожалению, имелся очень сильный, прекрасно информированный агент непосредственно в секретариате члена Политбюро А.И.Микояна. Кстати говоря, он передавал своим британским хозяевам информацию мобилизационного характера”.

Жаль, конечно, что у нас происходила утечка информации. Но и не факт, что этот агент был раскрыт в конце 1940 года? Иначе, чем объяснить конкретную направленность “экономической миссии”, которая так и рвалась на встречу с А.И.Микояном? А как вел себя Анастас Иванович, мы узнаем, чуть попозже из его воспоминаний?

Но пришлось, английской миссии несколько поубавить свою прыть. У Молотова, тоже нашлись свои козыри в данной игре: а ну-ка, любезный друг, Стаффорд, расскажи-ка нам про Гесса. С какой такой целью прилетел он к вам на острова? Криппс сразу завял и промямлил, что “Гесс прибыл в Англию не без ведома Гитлера”. Скажите-ка, на милость, какая прозорливость. Кто бы мог подумать такое! Ну, а по конкретнее можно? Или это все что “выжали” из Гесса на тот момент? Ничего вразумительного в ответ не прозвучало.

“В настоящий момент Гессом в Англии не интересуются”, попытался успокоить Криппс нашего наркома и клялся, отрицая его (Молотова) предположение о том, что “Гесс предупредил Английское правительство о возможности ближайшего нападения Германии на СССР”.

Разве, этот змий английский, проговориться, когда-нибудь? Не менее абсурдно звучит и фраза “Гессом в Англии не интересуются”. Один из руководителей Третьего рейха, видимо, в одиночестве бродит по Лондону, а представители английской общественности и, даже, дотошные журналисты, не хотят обращать на него, ну, никакого внимания.

А на тему, нельзя ли немедленно получить ответы на поставленные вопросы, Криппсу указали, примерно, как в “12 стульях” И. Ильфа и Е.Петрова. Днем вопрос — вечером ответ или вечером вопрос — утром, следующего дня, ответ.

Теперь-то, Молотову стало значительно легче: у него теперь есть весомый козырь — в Кремле, наконец-то, появился Сталин. Молотов, так прямо и заявил Криппсу, обо всем, что говорится на переговорах, он докладывает лично главе правительства И.В. Сталину. Поэтому, раньше и отделялся молчанием Вячеслав Михайлович с послом Майским, что до 25–26 июня не мог он, часто, советоваться со Сталиным. А взять на себя ответственность, как видно, не по молодцу шапка.

А английские ребята из военной миссии так насели на Молотова при очередной встрече, что нашему наркому пришлось, буквально, отбиваться от их настойчивых попыток иметь “детальную и подробную картину всей обстановки, существующей сейчас повсеместно на восточном фронте”. Молотов им разъясняет, “что он не собирается вдаваться в подробности существующей сейчас на фронте обстановки и не считает, что это входит в задачи собравшихся здесь. Общее положение на фронтах уже известно. Сведения опубликованы в советских газетах, в сводках Информбюро, из которых совершенно ясно вытекает, что обстановка на фронте весьма серьезная. Речь идет в настоящий момент не о деталях, а о серьезных вопросах, и помощь со стороны Англии весьма ослабила бы это напряженное положение... В этом смысле сейчас и встает вопрос, могут ли военные силы Англии каким-либо образом помочь своими действиями”.

А что, разве именно такая задача стояла у данной английской миссии? Макфарлан с подозрительным упорством снова стал домогаться “получения подробных сведений, без которых, по его мнению, Генеральный штаб (английский, разумеется — В.М.) не сможет решить вопрос о помощи и не сможет определить пути ее оказания”.

Макфарлану и компании нужно официально получить возможность контактировать с верхушкой нашего военного командования, среди которых и будут находиться нужные им люди из числа

возможных заговорщиков. Макфарлан делает очередной заход на цель, пытаясь выглядеть при этом невинной птичкой: он, дескать,

“не хочет получить конкретные сведения о расположении советских войск и линии фронта на карте, он лишь хочет получить соответствующие необходимые сведения от советского Генерального штаба, которые он мог бы сообщить в Англию”.

А чтобы отвести от себя подозрения в чрезмерной назойливости в получении информации от наших военных, то взял и перевел стрелки на посла Криппса, дескать, тот “уже телеграфировал о серьезности положения на фронте и просил Макфарлана выяснить детали этого положения”.

Нелегко приходилось Молотову на встречах с “товарищами по оружию”. Они из тех, о ком говорят: его гонишь в дверь, а он лезет в окно. Если не допускают до получения чужих сведений, то, англичане требуют, — дайте, хотя бы возможность, передать свои. И Макфарлан с упорством, заслуживающим одобрения своего начальства, пытается зайти с другой стороны: он, дескать,

“весь день хотел передать весьма важные сведения, полученные из Генерального штаба Англии, но, ввиду отсутствия возможности, до сих пор их не передал в Штаб советских войск. Он хотел бы обменяться информацией и сверить имеющиеся у него сведения, чтобы получить точные и полезные для обеих сторон материалы”.

Конечно, при желании все эти действия английской стороны можно представить и в другом свете. Дескать, “твердокаменный” Молотов не пускает британских представителей к нашим военным для передачи им боевого опыта англичан, например “под Дюнкерком”, а недалекий в военных делах Сталин не понимает “свалившегося на него счастья”, в виде английских генералов и адмиралов, грудью, пытающихся “встать”, на защиту нашего Отечества.

А вот давайте, зададимся таким вопросом: “С помощью чего должны установить связь наши заговорщики с немцами, если немецкого посольства в Москве уже нет и помощь англичан, как видели выше, будет блокироваться?”. Радиосвязь очень проблематична, так как ее тут же запеленгуют. Курьеры слишком долго и ненадежно. Остается, самое быстрое, после радио на тот момент — авиация. Наши “активисты из пятой колонны” вполне могли с помощью авиации совершать перелеты линии фронта и сбрасывать вымпела с нужной для немцев информацией. Разумеется, цель полета может быть вполне оправданной. Например, связь с нашими войсками, находящимися в окружении. Читатель вправе потребовать у автора привести примеры. Но, понимаете, в чем дело. В двух словах ведь не опишешь эти эпизоды, а полномасштабное описание уведет нас несколько в сторону от рассматриваемой темы. В дальнейших работах автор обязуется подробно осветить эту тему.

Поэтому, смотрите, что предлагает Макфарлан Молотову. Дескать, не у него одного имеется информация для передачи нашим военным. Такой же информацией обладает и вице-маршал авиации Кольтер,

“который до сих пор не был представлен ни одному из представителей Воздушных Сил Советского Союза”.

То-то, после войны, одними из первых, кто получил по записке от Сталина, были именно наши доблестные ВВС. Да, и в войну эти деятели от ВВС получали по “заслугам” от Сталина.

Видать крепко не допускали мы англичан до наших военных, что они решили изменить тактику: чем больше их представителей будет в Советском Союзе, тем лучше. Кто-нибудь да пробьется к цели. И вот из Англии прибывает дополнительная миссия:

“два эксперта по ПВО, три клерка — авиационный, военный, морской; один офицер-техник (специалист подводник), один офицер из разведки, имеющий последнюю информацию о германской армии; один офицер-шифровальщик; один офицер-воздушник, приехавший с военной делегацией два года тому назад; один сержант стенографист-машинист”.

Густо они, однако, облепили наш наркомат иностранных дел, ничего не скажешь. Пресекая, видимо, попытки контакта с англичанами и принимая во внимание имевшую место негативную оценку деятельности ряда лиц из числа военных высокого уровня, Сталин решил отправить их на фронт. В число явных фигурантов попали сам нарком обороны Тимошенко, представители Генштаба Ватутин, Маландин, и к ним в компанию, Соколовский. Вскоре к ним присоединится и наш, неутомимый борец с фашизмом, товарищ Жуков.

Глава 24. Говорят Сталинские наркомы

Вот кто, казалось бы, должен достоверно ответить на интересующий нас вопрос. Ведь как не им, работающим бок о бок со Сталиным в течение большого периода, тем более военного, не составит большого труда ответить на простой вопрос: “Что делал Сталин в первые часы и дни войны?” Историк Г.Куманев посвятил теме “Сталинские наркомы” большое количество труда и времени, и смог взять интервью у многих лиц, бывших в ту пору теми, кого мы привыкли называть коротким, но емким словом — нарком. Не все интервью удалось опубликовать, на то были разные причины, которые Георгий Александрович не счел нужным приводить. Итак, понятно, что высказывания определенных персоналий не попадали в русло установок ЦК КПСС и Министерства обороны. Но те, которые были опубликованы, вызвали определенный интерес не только у читающей публики, но и привлекли особое внимание историков и публицистов, специализирующихся на исследованиях о Великой Отечественной войне. Можно ли найти в этих интервью ответ по интересующей нас теме? Как-никак, Сталин был председателем Совнаркома СССР, а они, в то время, являлись его подчиненными.

Вот так прямо им вопрос: “Был ли Сталин в Кремле 22 июня?”, конечно же, не задавался, и понятно почему. Разговор с ними велся в русле того, как, дескать, данный человек, занимающий такой высокий правительственный пост, встретил начало Великой Отечественной войны, и какая реакция была у него связи с этим? Разумеется, разговор касался и личности самого Сталина.

Конечно, рассматривать все интервью не представляется возможным из-за большого объема информации, поэтому ограничимся лишь теми из них, которые представляют для нас наибольший интерес.

Молотов

Частично мы приводили воспоминания Вячеслава Михайловича. На вопрос о том, почему он не пишет мемуаров, Молотов ответил: “Трижды обращался в ЦК с просьбой допустить меня к кремлевским архивным документам. Дважды получил отказ, на третье письмо ответа вообще не было. А без документов мемуары — это не мемуары”.

В этом ответе видна определенная честность Вячеслава Михайловича. Человеческая память, каким бы не был высокоодаренным человек, все же остается не вполне надежным биоматериалом для сохранения информации. Человек может помнить определенные моменты общения с другими людьми, но чтобы, вот так, абсолютно точно сказать об определенной дате, спустя тридцать с лишним лет, это очень сложно. Поэтому Молотов и хотел, видимо, подстраховаться архивными документами, где точно зафиксированы даты важнейших для него, как мемуариста, событий. А так, без документов, описание тех дней будет неопределенным по времени, что значительно снизит качество воспоминаний участника событий. В конце концов, попросил бы дать свое выступление по радио 22 июня 1941 года. Может, в этом не отказали бы? Да прокомментировал бы с позиции тех лет, глядишь, и нам бы работы было бы поменьше.

Это, как говорится, одна сторона дела, но может быть и другая. Правду не напишешь, а врать не хочется. Можно, конечно, сослаться на отсутствие документов по тому или иному военному периоду или привести другие оправдательные ссылки, но отсутствие мемуаров Вячеслава Михайловича — неоспоримый факт. Остались только небольшие реплики по ряду вопросов зафиксированные Ф.Чуевым. И это все!

Но, тем не менее, без внимания, Вячеслава Михайловича мы не оставим. Он еще много чего порассказывает нам по ходу наших исследований. Сохранился порох в его пороховнице! Это Георгию Александровичу Молотову поскромничает отвечать в полном объеме. Найдутся люди, с которыми “железный” нарком был более откровенен.

А нам, все же в дальнейшем, при рассмотрении интервью, которые опубликованы Г. Куманевым, нужно будет учитывать и возраст наркомов, и временной интервал с той давней военной поры. Ведь прошло более тридцати лет со дня начала Великой Отечественной войны. К тому же “не всё вспомнишь”, что захочешь?

Каганович

Г. Куманев спрашивает Л.Кагановича о том, что в “Журнале лиц, принятых Сталиным в Кремле” есть его фамилия от 22 июня 1941 года и просит вспомнить:

— “Каким Вы нашли Сталина в тот момент?”

Л.Каганович: Собранным, спокойным, решительным.

Г.Куманев: Интересно, какие лично Вам он дал указания?

Л.Каганович: Очень много указаний я получил. Они показались мне весьма продуманными, деловыми и своевременными.

Г.Куманев: Вы пришли по своей инициативе или Сталин Вас вызвал?

Л.Каганович. Вызвал Сталин, он всех вызывал. Конечно, основной круг заданий мне был связан с работой железнодорожного транспорта. Эти поручения касались проблем максимального обеспечения перевозок: оперативных, снабженческих, народнохозяйственных, а также и эвакуационных”.

Прервем пока интервью с Лазарем Моисеевичем. Выходит, что Сталин был в Кремле, коли давал указания лично Кагановичу и был на тот момент “собранным, спокойным и решительным”. Не то, что в воспоминаниях у Жукова, “проявлял излишнюю нервозность”. Это интервью Г.Куманев брал у Л.Кагановича в 1990 году, когда тому исполнилось, можете себе представить, 97 лет. Стоит ли распространяться на тему: “В каком состоянии находится память и умственная деятельность у человека в возрасте приближающимся к сотне лет?” Продолжим прерванное интервью.

Л.Каганович: Я ведь тогда был министром путей сообщения СССР. Кстати, в дарственной надписи в Вашей книге Вы меня почему-то называете наркомом?

Г.Куманев: Относительно периода войны?

Л.Каганович: Да.

Г.Куманев: Нет, министры в годы войны еще назывались наркомками, а будущие министерства — народными комиссариатами, т. е. наркоматами.

Л.Каганович: Наркоматами во время войны назывались гражданские министерства.

Г.Куманев: Нет, нет, Лазарь Моисеевич. Нарком путей сообщения — это послевоенный министр путей сообщения. Я Вам напомню, что наркоматы были переименованы в министерства в 1946 г. после первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР.

Л.Каганович: Да, да, вспоминаю. Возможно, возможно”.

Грустные чувства вызывает это интервью. Если бы оно состоялось, хотя бы лет на тридцать раньше, тогда другое дело. А так, получается, что Каганович просто, что-то вспоминает про свою кипучую деятельность в те далекие сороковые годы, когда еще Сталин был “собранным, спокойным и решительным” и, о каком 22 июня, с ним можно говорить. Что можно требовать от памяти человека в возрасте 97 лет?

Пересыпкин

Интервью взято в 1978 году.

Г.Куманев. Каким для Вас оказался первый день войны, где Вы ее встретили?

И.Пересыпкин. “Накануне вероломного фашистского нападения на нашу страну, 19 июня 1941 г. около 10 часов вечера мне позвонил Поскребышев и сообщил, что меня приглашает к себе товарищ Сталин. По какому вопросу меня вызывают, Поскребышев, как обычно, не сказал. Такие вызовы случались довольно часто. И обычно до встречи со Сталиным было невозможно догадаться, с какой целью ты должен прибыть в Кремль. В кабинете, в котором я бывал уже не раз, Сталин находился один. Он поздоровался со мной, предложил сесть, а сам несколько минут прохаживался, о чем-то размышляя. Сталин показался мне несколько взволнованным. Подойдя потом ко мне, он остановился и сказал:

— У Вас не все благополучно, товарищ Пересыпкин, со связью и расстановкой кадров в Прибалтийских республиках. Поезжайте туда, разберитесь и наведите порядок.

После этого Сталин повернулся и направился к своему рабочему столу. Из этого я сделал предположение, что разговор, по-видимому, закончен...”

“Сложный” человек, этот Сталин. Как повернулся к своему столу, так и остался, наверное, стоять в таком положении, до нового посетителя кабинета. Слова, видимо, берег для другого разговора. Кроме того, плохо, товарищ Сталин знал географию. Не хуже Чеховского героя указал адрес убийства. Их ведь три республики, в Прибалтике-то? Да, но с другой стороны, всего лишь — три. Как же Иван Терентьевич догадался начать проверку с Литвы? Может, Поскребышев подсказал?

“Из Кремля я поехал в Наркомат связи, где со своими заместителями мы наметили ряд сотрудников, которые должны были вместе со мной отправиться в командировку. Но наша поездка задержалась. На следующий день, в пятницу 20 июня, состоялось заседание правительства, на котором был и я. Председательствовал глава СНК СССР Сталин. В ходе обсуждения одного из вопросов повестки дня для подготовки проекта решения потребовалось создать комиссию. В ее состав по предложению Сталина был включен и я. Проект решения мы должны были подготовить 21 июня. Отсюда я сделал вывод, что моя поездка в Прибалтику откладывается на два дня.

Во второй половине дня 21 июня комиссия подготовила проект решения и документ был подписан. После этого я побывал в Наркомате связи и часа через два уехал за город. Был субботний вечер, и мне пришла в голову мысль, что выезжать в Прибалтику надо в конце следующего дня, т. к. в воскресенье все там отдыхают. Когда же я приехал к себе на дачу, мне вскоре позвонил

Поскребышев и сказал, чтобы я срочно по такому-то телефону связался со Сталиным. Я тут же набрал указанный номер телефона.

— Вы еще не уехали? — спросил меня Сталин.

Я попытался объяснить, что по его же поручению работал в комиссии по проекту решения... Но он меня перебил:

— Когда же Вы выезжаете?

Я вынужден был поспешно ответить:

— Сегодня вечером.

Сталин положил трубку, а я стал лихорадочно думать, как нам в названный срок выехать из Москвы”.

Очередное сочинение на тему: “Как я провел субботний день, когда на нас напала фашистская Германия”. Как всегда кроссворд повышенной сложности. Я, никоим образом, не имею желание обидеть такого уважаемого человека, как Иван Терентьевич. Прекрасно понимая, что данное интервью подверглось жесточайшей цензуре, делаю на него ссылку, как на кроссворд. Будем разгадывать! Такое ощущение, что здесь описаны три Сталина. Один — посылает Пересыпкина в Прибалтику, другой — заставляет готовить проект решения в Совнаркоме СССР, а третий — после всего этого, разговаривает с ним еще и по телефону. Из трех “Сталиных” самый “туповатый” — это последний. Спрашивать абонента: “Вы еще не уехали?”, когда с ним по телефону разговариваешь. Это надо полагать, уровень “товарища Бывалова” из к/ф “Волга-Волга”. А выяснять “почему не уехал?”, значит признаться в том, что правое полушарие в голове не в ладах с левым. Разбираться, в данном моменте, с вопросом: “Какой из них настоящий Сталин, первый или второй?”, тоже малопривлекательное занятие.

Если первый — Сталин, то сомнительно, чтобы после отдания приказа о приведении войск в полную боевую готовность 18 июня, посылал бы Пересыпкина в Прибалтику разбираться с кадрами и связью? Раньше это надо было делать. Кроме того, высылать из Центра наркома Пересыпкина, это фактически блокировать руководство наркоматом связи, важнейшим органом управления по началу военных действий.

Если второй — Сталин, то, что же он не помнит, что накануне послал Пересыпкина в Прибалтику? К тому же, неясно, кто же пригласил Ивана Терентьевича на заседание Совнаркома? Конечно, эти вопросы лучше всего было бы задать тому, кто редактировал эти мемуары, да где ж его, родного, возьмешь теперь за давностью лет?

Но приближаемся к кульминационному моменту, началу войны. Она застала Ивана Терентьевича в пути. Он был в поезде под Оршей, когда узнал, что Германия напала на нашу Родину.

“Я размышлял, как мне поступить дальше: продолжать ли следовать в Вильнюс или возвращаться в Москву. Из кабинета начальника вокзала я позвонил в Наркомат связи своему заместителю Попову и попросил его срочно переговорить с маршалом Ворошиловым, который тогда курировал наш наркомат, и получить ответ, как мне поступить дальше”.

Ну, вот туман неопределенности понемногу начинает рассеиваться. Значит, командировочка была, конкретно в Литву, а не в абстрактную Прибалтику, и не задержись в Москве товарищ Пересыпкин, то 22 июня он был бы уже в зоне боевых действий с непредсказуемыми для него последствиями.

Думаю, что настоящий Сталин, до такого не додумался бы, чтобы отправить Пересыпкина из Москвы. К счастью, как всегда, в нужный момент возникает Климент Ефремович, который помогает “рулить” в нужном направлении. Опять фигурирует заместитель председателя Комитета обороны при СНК Ворошилов, но никак не Сталин. К тому же, обратите внимание, что Пересыпкин **сразу** обратился в Комитет обороны, так как доподлинно знал, что именно тот решает вопросы военного характера уровня наркомов. Куда же, в случае отсутствия Сталина, должен был звонить Пересыпкин, если не сюда?

Теперь по поводу телефонных звонков. Можно с уверенностью сказать, что задание “по связи и кадрам” в Прибалтике, Пересыпкину было дано в Наркомате обороны. Но на следующий день, ему, видимо позвонил или Поскребышев, или, например, Вознесенский, и пригласил на заседание Совнаркома. Как Пересыпкин мог отказаться, если тот же зампред СНК Вознесенский, вполне мог дать указание и Иван Терентьевич не мог отказаться, по должностному соответствию, так как был одним из наркомов. На заседании, где “председательствовал... Сталин” он получил задание “подготовить проект решения” поэтому и задержался с выездом из Москвы. Вполне возможно, что председательствовал, все тот же Вознесенский, так как он будет часто выступать в этом качестве. Третий “тупой” телефонный звонок был, видимо, опять из Наркомата обороны. Товарищ “оттуда” поинтересовался, выехал ли Пересыпкин в Прибалтику или нет? Отсюда и вопрошающий тон при разговоре. Разве, мог настоящий Сталин, так глупо вести телефонный разговор с Пересыпкиным: почему тот не уехал? Далее, война застает Пересыпкина в дороге и тут, надо полагать ему уже не до командировки, а стоит вопрос “Что делать дальше?”. Он позвонил к себе в наркомат и попросил своего заместителя выяснить обстановку в Кремле у Поскребышева, по степени своей подчиненности. Разумеется, объяснил причину своей поездки в Литву заданием Наркомата обороны.

Если бы Сталин был в Кремле, то зачем привлекать Ворошилова? А вот отсутствие Сталина, сразу переложило все его обязанности на заместителей, среди которых был и Климент Ефремович, и замперед Вознесенский. Так как командировка была по заданию военных, то разобраться, с этим делом и было, видимо, предложено Ворошилову, который как раз и был в Комитете по обороне при Совнаркоме СССР по связям с военными. Кому, как не ему решать военные дела? Поэтому Ворошилов, особенно не вдаваясь в суть дела, просто дал указание Пересыпкину, через его заместителя: “Немедленно возвратиться в Москву” и, разумеется, приступить к своим прямым обязанностям наркома. И неудивительно, как вспоминает Иван Терентьевич, что “в наркомате связи нас ожидало много чрезвычайно важных и сложных дел. Вот так я встретил первый день войны, так она началась для меня. К этому еще добавлю, что днем 24 июня я был вызван к Сталину”.

Итак, подводим, пока, предварительный итог. О 22 июня и 23 июня, в отношении Сталина, Пересыпкин ничего не сказал, так как не мог видеть вождя, а вот 24 июня, якобы, был вызван в Кремль к нему лично. Значит, что же, можно поверить Ивану Терентьевичу и согласиться, что Сталин мог быть в Кремле и ранее? Перефразируя, опять же, не безызвестного персонажа из “Кавказской пленницы”, товарища Саахова, так и хочется сказать его словами: “Э-э, здесь торопиться не надо. Общество должно получить полноценные сведения. Если, Иван Терентьевич что-либо и подзабыл, наша задача помочь ему. Вах-вах, ведь столько лет прошло!”.

Действительно, разве товарищ Пересыпкин не мог, просто по жизни, подзабыть некоторые, ничего незначущие для него, даты? Возраст, однако. Да и редакторы издательства, совокупи с рецензентами из Института истории СССР, вполне могли направить, не только мысль нашего дорогого товарища не туда, куда надо, но, и отредактировать его воспоминания так, что сразу появились три Сталина. Все было в их руках. Но, прервем на время воспоминания Ивана Терентьевича Пересыпкина.

Давайте обратимся за “помощью” в этом вопросе к товарищу Микояну. Уж, он-то, все знает! Тем более, книгу воспоминаний написал “Так было”. Но сначала открываем запись беседы Анастаса Ивановича Микояна с историком Г.Куманевым.

Микоян

Воспоминания Микояна приведенные в нашем исследовании о наркомках, надо выделить особо. Это “апофеоз” всего того, о чем мы рассуждали, предполагая отсутствие Сталина в первые дни войны в Кремле. Эта такая смесь фантазий, нелепостей и лжи, что порой удивляешься, неужели такой человек занимал руководящий пост в правительстве и Политбюро? Или что, других, отличных от него, не могло быть там, в принципе? Впрочем, он вполне соответствует поговорке: “От Ильича до Ильича, без инфаркта и паралича”.

Итак, предлагаю к рассмотрению воспоминания “верного ленинца” Анастаса Ивановича Микояна в записи историка Георгия Александровича Куманева.

“В субботу, 21 июня 1941 г., поздно вечером мы, члены Политбюро ЦК партии, собрались у Сталина на его кремлевской квартире. Обменивались мнениями по внутренним и международным вопросам. Сталин по-прежнему считал, что в ближайшее время Гитлер не начнет войну против СССР”.

Ну, “тупой”, Сталин, — что с ним поделаешь! К тому же очень “упрямый” человек, никак не переубедишь. Верит, понимаешь, какому-то Гитлеру, а своих боевых товарищей, по Политбюро, которые ему правду говорят, не хочет слушать.

Понятно, что все из Политбюро, кроме Сталина — умные, хотя “обменивались мнениями” у него на “кремлевской квартире”.

“Затем в Кремль приехали нарком обороны СССР Маршал Советского Союза Тимошенко, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-майор Ватутин. Они сообщили: только что получены сведения от перебежчика — немецкого фельдфебеля, что германские войска выходят в исходные районы для вторжения и утром 22 июня перейдут нашу границу”

Эта неизменная троица, так и кочует из одних мемуаров в другие и что интересно: они всегда втроем. Как персонажи из популярного кинофильма, своеобразные “Трус, Бывалый и Балбес”. Что, о немецком перебежчике надо было докладывать обязательно втроем, а то, если вдруг Нарком обороны что-либо забудет, найдется, кому напомнить? Хотя, и привел Микоян этих военных при полном параде и званиях в своих мемуарах, но “Балбеса”, Анастас Иванович, почему-то понизил в звании на одну ступень? Наверное, и правильно, по делу. Иначе, редакторы подправили бы автора.

“Сталин усомнился в правдивости информации, сказав: “А не подбросили ли перебежчика специально, чтобы спровоцировать нас?” Поскольку все мы были крайне встревожены и настаивали на необходимости принять неотложные меры, Сталин согласился “на всякий случай” дать **директиву** войскам, в которой указать, что 22–23 июня возможно внезапное нападение немецких частей, которое может начаться с их провокационных действий. Советские войска приграничных округов должны были не поддаваться ни на какие провокации и одновременно находиться в состоянии полной боевой готовности”.

Опять все обеспокоены судьбой государства, один Сталин с трудом поддается уговорам. В конце концов, на самом деле можно усомниться, по поводу немецкого перебежчика. Разве поведение во внешней политике Советского государства должно строиться на показаниях сдавшегося в плен немца? Неспроста запихали в нашу историю войны этого перебежчика. Как будто вся Красная Армия только и ждала, чтобы какой-нибудь, немецкий Лисков, переплыл пограничную реку и по секрету рассказал, что с минуты на минуту Германия из-за угла нападет на нас. А наши разведчики из ГРУ лениво ковыряли в носу, ожидая возможности отобрать лавры у Лискова, как первого осведомителя о Германском нападении.

На счет Директивы отосланной в войска мы уже знаем ее качество исполнения. Если эта та Директива, которую подготовила новоявленная Ставка, то Сталину, волей неволей, пришлось бы с ней “согласиться”. Он же в ней “был” на правах рядового члена, а не председателя. С Тимошенко же, как с Председателем Ставки, много не поспоришь.

Вот спросить бы Анастаса Ивановича: “Дорогой! Ведь, как член Политбюро — всё ведь, знаешь! Скажи, кто из вашей партийной братии подмахнул эту горе-Директиву?”

Не исключена возможность, что сам Микоян, мог испачкать перо в чернилах. То-то его Сталин не пустил в ГКО первого созыва.

Эта приведенная им фраза — “не поддаваться на провокации”, так бессмысленна в своей не конкретике, что невозможно представить себе, как это должно было выглядеть на самом деле, на практике? Немцы что же, будут хладнокровно расстреливать наших бойцов, а те, выполняя данные обязательства, еще крепче будут сжимать свои винтовки и, с еще большим презрением будут глядеть на беснующегося от безнаказанности врага?

И все это в сочетании с, якобы, полной боевой готовностью войск приграничной зоны, которую так никто и не объявил.

В последующем, этому “верному ленинцу”, грех было ни напомнить читателю о своей неустанной заботе о чаяниях народа: некогда, дескать, было даже сомкнуть глаз, так много работы, тем более, когда отвлекали связи с войной.

“Мы разошлись около трех часов ночи, а уже через час меня разбудили: война! Сразу же члены Политбюро ЦК собрались в кремлевском кабинете у Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. “Обманул — таки, подлец, Риббентроп”, — несколько раз повторил Сталин”.

Все время идет противопоставление: мы, то есть, истинные партийцы, и Сталин — хозяин кремлевского кабинета. Мы — не верим, Сталин — верит. Мы — верим, Сталин — не верит. Мы — обеспокоены, Сталину — “до лампочки”. И если следовать данной логике Микояна о противопоставлении то, выходит, что если Сталин выглядел в данном эпизоде “подавленным и потрясенным”, они-то, наверное, все “светились от счастья”!

Однако получается, по данному рассказу, что члены Политбюро были у себя на Кремлевских квартирах, коли разошлись? Это Сталину, надо было ехать обратно к себе на дачу поспать, а затем, получается что вновь, пришлось возвращаться в Кремль? Молотов же, уверяет, что все члены Политбюро были у Сталина на даче. Кому верить?

Им бы всем членам Политбюро, как и маршалам с генералами, надо было, после смерти Сталина собраться вместе и определиться: как освещать начальный период войны? А то, получается один в лес, другой по дрова. Кстати, о Жукове, по началу войны ни слова? А тот, так старался себя проявить, “названивая” рано утром на дачу Сталину. Получается, что именно Жуков, вроде бы, всех разбудил, а Микоян в его адрес доброго слова не отпустил. Почему? Может Жукова в Кремль ребята из НКВД не пустили? Позвонил, дескать, Сталину на дачу и хватит шум поднимать.

“Все ознакомились с поступившей информацией о том, что вражеские войска атаковали наши границы, бомбили Мурманск, Лиепаяу, Ригу, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь и многие другие города. Было решено — немедленно объявить военное положение во всех приграничных республиках и в некоторых центральных областях СССР, ввести в действие мобилизационный план (он был нами пересмотрен еще весной и предусматривал, какую продукцию должны выпускать предприятия после начала войны), объявить с 23 июня мобилизацию военнообязанных и т. д.”.

Тут, очередная страшилка для наших граждан. Прямо “ковровое” бомбометание с севера на юг по всей Восточно-Европейской части Советского Союза, не хватило до кучи, только Москвы и Ленинграда. Вот бы эту информацию, да Молотову для речи по радио, глядишь, и сам бы, наверное, догадался бы позвонить в Генштаб насчет Западного округа. Ну, а по поводу, мобилизационных планов, то про это мы и без Анастаса Ивановича знали. Лучше бы, этой информацией, в свое время, поделился бы с Институтом истории СССР Академии наук СССР, а конкретнее с сектором истории СССР периода Великой Отечественной войны и доверил бы эту “тайну” советским историкам. Глядишь, и не выдумывали бы в своих научных трудах о начальном периоде войны всякие глупости и небылицы.

“Все пришли к выводу, что необходимо выступить по радио. Предложили это сделать Сталину. Но он сразу же наотрез отказался, сказав: “Мне нечего сказать народу. Пусть Молотов выступит”. Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышит обращение к народу не Сталина — руководителя партии, председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы **авторитетный голос** раздался с призывом к народу — всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас; в другой раз это сделает, а Молотов сейчас выступит. Так как Сталин упорно отказывался, то решили: пусть Молотов выступит. И он выступил в 12 часов дня”.

Снова противопоставление: мы и Сталин. Снова унижение Сталина, до тупого непонимания радио, как средства массового информирования населения по конкретному вопросу. С другой стороны — “чтобы авторитетный голос раздался”? Получается, что среди Политбюро с авторитетным голосом для выступления оказалось всего два человека: Сталин и Молотов. Вообще, так трудно, уверяет нас Микоян, приходилось Политбюро, чтобы уломать капризного Сталина сделать что-нибудь хорошее, например, сообщить населению, что наступил “ответственный исторический момент” — началась война. Хорошо, что Молотов покладистым оказался и выступил по радио, а то народ, мог и не узнать, что Германия на нас напала. И как Микоян не пытался красиво врать Куманеву, а все же проговорился.

“Ведь внушали народу, что войны в ближайшие месяцы не будет. Чего стоит одно сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., уверявшее всех, что слухи о намерении Германии совершить нападение на СССР лишены всякой почвы! Ну а если война все-таки начнется, то враг сразу же будет разбит на его территории и т. д. И вот теперь надо признать ошибочность такой позиции, признать, что уже **в первые часы войны мы терпим поражение**.”

Чтобы как-то сгладить допущенную оплошность и дать понять, что Молотов лишь “озвучил” мысли вождя, 23 июня текст правительственного обращения был опубликован в газетах рядом с большой фотографией Сталина”.

Жаль, что Анастас Иванович уже никогда не объяснит читателю, что он имел виду, говоря о поражении “в первые **часы** войны”? Что-то быстро достигла Москвы информация о беспорядках на нашей границе?

Однако странным выглядит и то, что Микоян, в своем рассказе, все время дистанцируется от ранее принятых решений Политбюро. Почему? Ведь, какая не была бы личная инициатива Сталина по какому-либо вопросу, тот (вопрос) всегда проходил “обряд освящения” во время обсуждения всеми членами высшего партийного органа страны и Микояном, в том числе. А строить из себя “скромную девицу”, из состава Политбюро и “совращенную” Сталиным по наивности и доверчивости, это не красит, не только, Анастаса Ивановича, но и других подобных ему, из числа “единомышленников” по партии.

А насчет “озвучил мысли вождя” — это в самую точку попал! Помнил, наверное, под чьей редакцией и, главное, когда, готовили проект выступления по радио. Рассказ Микояна о создании Ставки я решил опустить, так как об этом было рассмотрено ранее, в достаточно большом

объеме. Переходим теперь к самому интересному моменту, ради чего собственно и рассматриваем данное интервью.

“Вечером **29 июня**, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Всех интересовало положение на Западном фронте, в Белоруссии. Но подробных данных о положении на территории этой республики тогда еще не поступило(?). Известно было только, что связи с войсками Западного фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны маршалу Тимошенко. Однако тот ничего конкретного о положении на **Западном направлении** сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой”.

Значит, по воспоминаниям Микояна следует, что члены Политбюро во главе со Сталиным, целую неделю (!), начиная с 22 июня, интересовались положением на Западном фронте, но позвонить в Наркомат обороны догадался только один Сталин. А что же он не догадался позвонить туда в первый день и выяснить обстановку? Так связи не было, помните, уверял нас в этом, сам Жуков. А что же Сталин не позвонил на второй или третий день войны и не поинтересовался положением дел на Западном фронте? В конце концов, у него что, нервы не выдержали от интереса, и он решил позвонить в Наркомат обороны лишь на седьмой день (!) войны? Более того, никто другой, а именно он, Сталин, “встревоженный таким ходом дела и предложил” товарищам по партии поехать туда. А вот такая простая мысль о поездке в данный наркомат, почему-то, не посетила головы товарищей Сталина по Политбюро. Снова, почему? Ответа, как всегда не найти. Да им, собратьям по Политбюро, в голову, действительно, не пришла еще более “оригинальная” идея, просто на просто, взять телефонную трубку и дозвониться до Наркомата обороны самостоятельно, без вождя.

Опять просматривается новое противостояние: Сталин — Политбюро. Сталин — встревожен положением дел на Западном фронте, а члены Политбюро с Микояном — только заинтересованы.

Только человек с “отмороженными мозгами” может поверить в такую чушь, что Сталин за семь дней ни разу не захотел позвонить из Кремля военным и узнать о положении дел в одном из важнейших в стратегическом плане округе.

Здесь, явная нестыковка с Жуковым. Помните, мы рассматривали приезд Георгия Константиновича в Кремль 26 июня. Сталин, якобы, бросил на стол карту Западного фронта. Для чего же тогда Жуков сначала просил сорок минут, а затем еще пять минут в “новых” воспоминаниях прибавил, чтобы “подготовиться” с ответом? Он ведь, по мысли тех, кто писал за него мемуары, должен был разъяснить обстановку, именно, на Западном фронте. Микоян-то, видимо, точно знал, что никаких карт не было, как не было никакого отчета Жукова. Может поэтому Сталин и был, якобы, “встревожен” положением на Западном фронте?

Но вот, все любопытные, но скромные товарищи из Кремля, вместе со Сталиным, приехали в Наркомат обороны с целью узнать, наконец: “Есть связь с Западным фронтом или нет?”.

“В кабинете наркома были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование фронта, какая имеется с ним связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не удалось. Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для восстановления связи, никто не знает. Очевидно, только в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения Германии и ее союзников. И все же **около получаса поговорили довольно спокойно**”.

Хочется возразить дорогому Анастасу Ивановичу, этому “верному ленинцу” из Политбюро. Уважаемый! У вас (ус отклеился! — помните?) все время концы с концами не сходятся. Вот и в

данном эпизоде, сам же утверждаешь, — знали, что “связи с войсками Западного фронта нет”, а Жуков уверяет, и как следует из его объяснения, связь, как минимум вчера была, но “за весь день восстановить ее не удалось”. Сталин сразу понял игру военных, и их явный саботаж вывел его из себя. Он не позволил водить себя за нос, как Молотова!

“... Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Раз нет связи, Генштаб бессилён руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал за состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек не выдержал, разрыдался, как баба, и быстро вышел в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5-10 Молотов привел внешне спокойного, но все еще с влажными глазами Жукова”.

Сразу вспомнилась смешная фраза “Из записных книжек” Ильфа и Петрова: “В комнату, путаясь в соплях, вошел мальчик”.

Смотрите, как Микоян выгораживает Жукова, рисуя того в розовых тонах. Опять мы наблюдаем противостояние, теперь уже Сталин — Жуков. Сталин — взорвался, а Жуков — просто растерялся. Сталин — груб, незаслуженно оскорбил “мужественного человека”. Жуков — сентиментален. Правда, разрыдался как баба, но хорошему человеку это дозволительно. С другой стороны, представить себе эту картину — **“Плачущий начальник Генерального штаба Жуков у карты Западного фронта”** — крайне сложно. Однако Анастас Иванович очень старается “обелить” Георгия Константиновича, — чем же ему, так Жуков мил стал? Уж, не из одной ли компании?

Вообще, у антисталинистов, а Микояна вполне можно отнести к этой категории лиц, своеобразное понятие человеческих качеств. У них всегда то, что принято считать положительным качеством у человека, оценивается со знаком минус и наоборот: отрицательные качества, почему-то, приобретают положительную окраску. Вот и в нашем случае. Что мужественного увидел Микоян в действиях начальника Генштаба Жукова? Отсутствие необходимого усердия и должностной подлог — это что ли, считать мужеством? В данном варианте воспоминаний, при описании произошедшего инцидента в Наркомате обороны, Жуков еще выглядит паинькой, а вот в воспоминаниях Молотова, пересказанных писателем Иваном Стаднюком, эта сцена выглядела совсем не так, сентиментально-плаксивой:

“Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутину, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками....”

Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча **немало оскорбительного** в адрес **вождя**. Кончилось тем, что **побелевший** Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения. Изумлённый такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу....”

Тем не менее, для Микояна Жуков будет всегда мужественным человеком. Это Сталину отказано во всем. Интересно, побелевший Жуков, случайно не бросился с кулаками на руководителя государства? Глазки-то, наверное, уже просохли от слез.

Продолжаем “увлекательное” чтение воспоминаний в рубрике: сказка для взрослых. Чем же закончилась эта поездка в Наркомат обороны, якобы, 29-го июня? По Микояну следует, что “главное тогда было — восстановить связь”. Да вот незадача. Каждый ее, видимо, понимал по-своему. По Микояну — послали на фронт курьеров с большими звездами на погонах, вот и будет связь. Разумеется, если им на плечо еще повесить катушку с полевым проводом, — тогда уж точно будет! Но так ли понимал связь, товарищ Сталин. Что ему следовало сделать, согласно логике

развития событий? Думаю, что 100 % читателей согласятся со мной. Сталину надо было срочно вызвать к себе на прием наркома связи И.Т.Пересыпкина!

И мы снова возвращаемся к воспоминаниям Ивана Терентьевича Пересыпкина, которые прервали на том, что он вернулся из несостоявшейся командировки к себе в наркомат связи и был вызван 24 июня (?) **днем (!)** на прием к Сталину.

“Необычность вызова(?) заключалась в том, что **чаще всего** мне приходилось являться в Кремль в вечернее время или поздно ночью. **Сталин подробно расспросил меня о состоянии связи с фронтами**, республиканскими и областными центрами, поинтересовался относительно нужд Наркомата связи”.

Тут вот какое дело. Во время беседы со Сталиным Пересыпкин рассказал ему, что творится в радиоэфире:

“На многих частотах лилась страшная антисоветчина, звучали фашистские бравурные марши, слышались крики “Зиг, Хайлы!” и “Хайль, Гитлер!”. Гитлеровские радиостанции на русском языке выливали на нашу страну, на советских людей потоки злобной и гнусной клеветы. Враг хвастливо сообщал, что Красная Армия разбита и через несколько дней германские войска будут в Москве”.

Чтобы не подумалось, что Иван Терентьевич, мог ввести Сталина в заблуждение, прочитаем, что написал сам Геббельс по этому поводу:

“Работа наших секретных передатчиков — образец хитрости и изощренности... Мы работаем тремя секретными передатчиками, направленными против России. Тенденции: первый передатчик — **троцкистский**, второй — **сепаратистский** и третий — **национально-русский**”.

Разумеется, Сталин не мог отнестись к сообщению своего наркома равнодушно, и заставил подготовить соответствующий документ. Обратите внимание на оперативность, с которой работал Сталин. Взял в руки подготовленный Пересыпкиным проект документа,

“просмотрел и написал резолюцию: “Согласен”. Потом сказал, чтобы я отправился к Чадаеву (управляющий делами Совнаркома СССР), и пусть тот выпускает закон”.

Следовательно, в этот же день и было выпущено Постановление Совнаркома СССР от 25 июня 1941 года **“О сдаче населением радиоприемников и передающих устройств”**. Думается, были приняты еще дополнительные меры, так как уже 27 июня Геббельс взвыл от досады:

“Большевики не из трусливых. Москва имеет более сильные радиостанции”.

Значит, сильно щелкнули по носу, отъявленного немецкого пропагандиста-лжеца. Но, а мы продолжаем тему о связи. Уточняем, что 25 июня Сталин был у себя в Кремле и вел беседу с наркомом связи Пересыпкиным и тот, разумеется, дал ему подробный отчет “о состоянии связи с фронтами”. Следовательно, надо полагать, что Сталин получил самостоятельную связь с фронтами. Иначе, он глава государства или кто? по мысли Микояна.

Действительно, в этот раз “Журнал посещения кабинета Сталина”, вроде бы, не соврал. Пересыпкин был у Сталина, правда, ночью –1.10 — 1.40, т. е., практически 25 июня. Что, вроде бы, соответствует Постановлению СНК. А редакторы Политиздата и Воениздата все пытаются заполнить пробел в днях, чтобы создать видимость работы вождя. Взяли и перетянули дату посещения Пересыпкина на 24 июня.

В нашем случае, логика неумолимо подталкивает нас к выбору ответа на вопрос о Сталине, что не мог тот находиться в Кремле ранее 25 июня. В противном случае, это был бы не Сталин, а кто-то другой.

Вот до какого безобразия доведены наши архивы, и какой подлой оказалась партноменклатура хрущевско-брежневско-горбачевского разлива, что невозможно верить документам, которые они (разумеется, архивы) представляют для открытой печати. А можно ли, абсолютно точно быть уверенным в том, что и дата указанного выше Постановления соответствует действительности?

Но оставим в стороне данное Постановление. Главное, на данный момент, это то, что Сталин с помощью Ивана Терентьевича получил связь с фронтами. Поэтому байку Микояна о том, что Сталин поехал в Наркомат обороны, чтобы подержаться за телефонную трубку, где должен был звучать голос командующего Западным фронтом, оставим на его совести. Не такой была цель поездки Сталина в Наркомат обороны, и не 29 июня происходило это дело.

Что же дальше **вспоминает Микоян**. Проходит четыре дня, со дня “появления” Жукова в Кремле, и у Сталина проявляется, видимо, рецидив старой болезни — “ничего не помню”, диагноз которой поставили ему советские историки еще во времена Хрущева. Микоян же, уверяет нас, что Сталин интересовался положением дел, но связи не было с Западным фронтом. И вот “под этим соусом” Сталин, дескать, вместе с товарищами, и Микояном включительно, поехал в Наркомат обороны. Версия поездки к военным в Наркомат обороны, по поводу связи, выглядит жидковато, но на помощь Анастасу Ивановичу приходят историки. Якобы, по совокупности со связью, Сталин узнал о падении Минска (из сообщений зарубежного радио) и это его подтолкнуло к данной поездке. Действительно, не все же радиоприемники конфисковали согласно Постановлению от 25 июня. Сталин свой, видимо, всё же утаил, и потихонечку слушал Германское радио на русском языке. Ему, надо полагать, не грозила геббельсовская агитация троцкистского толка. Узнав, что немцы уже в Минске, всполошился, и сразу бросился к товарищам из Политбюро. Первый, кто встретился Сталину на пути, видимо, был Анастас Иванович, которому он и излил свои тревоги относительно положения дел в Белоруссии.

А если серьезно? Надо полагать, что Сталин с помощью Пересыпкина (тот дал связь) узнал о положении дел на фронтах, и его могло встревожить то обстоятельство, что военные из Ставки (она же существовала реально) не информируют правительство о положении дел на фронтах, или информируют ложно, скрывая правдивую информацию. Кроме того, они, просто, могли вести свою игру, последствия которой могли оказаться катастрофическими для страны и армии. А как же насчет радио? Действительно ли, Сталин слушал вражеские голоса? Вряд ли, Сталин имел много времени для прослушивания радиоприемника, но люди, отвечающие за радиоэфир, разумеется, информировали его обо всех интересных сообщениях. Вполне возможно, что одно из сообщений и подтолкнуло его к данной поездке, но только не сообщение о взятии Минска. Если ездить к военным разбираться по поводу каждого сданного города, по тому тревожному времени, то можно было, вообще, не покидать Наркомат обороны.

Но как все это, связанное с поездкой, преподносит читателю товарищ Микоян? Ясное дело, постараться увести в сторону от истинного положения дела, намеренно перетащив дату поездки на 29 июня. К тому же, Анастас Иванович, все же, сглаживает остроту момента. Согласитесь, что сокрытие информации военными из Ставки — это уже есть должностное воинское преступление, а вот отсутствие связи, всегда можно представить и как объективные обстоятельства: дескать, всякое бывает, идет война; и как — субъективные: наркомат связи, дескать, “не чешется”. То-то, хитрый Анастас Иванович, на связь “стрелки перевел”, но это всё для нас, простых читателей его мемуаров. Сталину “лапшу на уши”, в вопросах связи, трудно было повесить. Не зря, одним из первых у него появился нарком Пересыпкин.

Поведение военных при встрече, сразу показало Сталину, что без полного контроля над (Наркоматом обороны — по Микояну), а точнее сказать над высшим военным генералитетом, который создал Ставку, удачи на фронтах не видать. Поэтому, Сталин и не стал втягиваться в

дальнейшие разборки с военными в Ставке (Наркомате обороны), а сразу вернулся к себе в Кремль. И кого он вызывал к себе, в тот момент, мы не сможем узнать, так как отсутствуют те, злополучные страницы “Журнала” за 29 и 30 июня 1941 года. Зато, Микояну удобно стало врать. Кто ж его опровергнет? Есть предположение, даже историков (наверное, с подачи Микояна), что Сталин уехал на дачу подумать и собраться с мыслями. Неужели растерял по дороге, когда ездил в Наркомат обороны?

Да, но в “Журнале” об этих днях (29 и 30 июня) отобразили бы, что “посетителей не было”. Или что, Сталину перестали приносить документы? Неужели всех оповещали, что Сталин на дачу уехал?

Дальнейшие же события, развивались в такой последовательности: образование ГКО, с абсолютной полнотой власти, в том числе, и это, главное, над военными, и последующий приказ об аресте руководства Западного фронта.

Микоян, не был бы антисталинистом, если бы, не попытался исказить события путем передергивания фактов. Вот и в интервью Г.Куманеву он утверждает, что Сталин после посещения Наркомата обороны, вдруг без видимых на то причин, взял да и “уехал к себе на “ближнюю” дачу в Кунцево, и всякая связь с ним полностью оборвалась”. Тут любого читателя оторопь возьмет. Абсолютно не просматривается мотивация поведения Сталина. На удивление, Микоян не привел ни одного довода, хоть как-то оправдывающего внезапный отъезд вождя. Неужели, решение “восстановить связь с Западным округом”, так повлияло на душевное состояние Сталина, что он потерял всякий интерес к Наркомату обороны? Микоян много чего пишет, но, то, что связь со Сталиным “полностью оборвалась” после его отъезда на дачу, представляет для нас определенный интерес.

За примером обратимся к школе. В начальных классах учеников обучают логически мыслить. Берутся кубики, на которых написаны отдельные слова и детям дается задание из этих слов составить предложение. Каждому слову соответствует свой кубик. После выполнению задания кубики обычно рассыпают, чтобы вновь использовать для новой задачи.

Так вот, у нас, примерно аналогичная задача. Анастас Иванович из “кубиков” составил предложение, но его нельзя предать гласности по ряду причин. Тогда Анастас Иванович расставил эти же кубики, но в такой последовательности, что за счет потери смысла в тексте стало возможным его новое прочтение и даже, публикация. Наша задача: попытаться расположить “кубики” в первоначальном виде, чтобы восстановить утраченный смысл.

По Микояну, следует, что Сталин в ночь на 22 июня присутствует в Кремле. Здесь расхождение с Жуковым, который уверяет, что Сталин в это время был у себя на даче. Дело в том, что хрущевцы и, принявшие у них эстафету Лжи, последующие творцы истории, никак не могут найти для Сталина удобное, с их точки зрения, место пребывания вождя в роковой для страны день, 22 июня. Поэтому и происходят различные нестыковки по времени, месту и действию. Это Правда, бывает только одна, а Ложь, как всегда, многолика и многогранна.

Последующие дни, по описанию Микояна, проходили так:

“На второй день войны для руководства военными действиями **решили образовать Ставку Главного Командования**. В обсуждении этого вопроса Сталин принял живое участие. Договорились, что председателем Ставки станет нарком обороны маршал Тимошенко...”.

Вот тебе раз! Как же это могло быть, что Сталин — глава правительства, “принял живое участие” в рассмотрении вопроса о Ставке, и вдруг оказался в ней на правах рядового члена? Чудеса! А с кем договорились, по высказыванию Микояна, сделать Тимошенко Председателем новоявленного органа управления войсками? Понимай, как хочешь, Кремлевского хитрована. Наверное, у Иосифа Виссарионовича было халявное угощение за столом, коли всё время собирались у него? Ни разу,

Анастас Иванович не пригласил товарищей из Политбюро к себе на дачу обсудить пару вопросов политического характера. Все время к вождю за советом и перекусить в перерыве. В дальнейшем же, все огрехи на его счет. “Товарищи”, однако.

Но это никак не стыкуется с утверждением Жукова, что он с Тимошенко рано утром принесли документы по Ставке в Кремль на подпись Сталину. Чудеса нашей советской Истории в воспоминаниях руководителей государства.

“Вечером собрались у Сталина. Были тревожные сведения. С некоторыми военными округами не было никакой связи. На Украине же дела шли пока неплохо, там хорошо воевал Конев. Мы разошлись поздно ночью. Немного поспали утром, потом каждый стал проверять свои дела, звонить друг другу, в Генштаб, каждый по своей линии: как идет мобилизация, как промышленность переходит на военный лад, как с горючим, снаряжением, с транспортом и т. д. Так начались наши тяжелые военные будни”

Как “разошлись поздно ночью” 23 июня, так стой поры Анастас Иванович и “потерял” боевого друга по Политбюро, Иосифа Виссарионовича.

“Помню, как на третий или четвертый день войны утром мне позвонил Молотов и пригласил на какое-то важное хозяйственное совещание. В его кабинете собралось более 30 человек: наркомы, их заместители, партийные работники”.

А почему же в это время отсутствует Председатель Совнаркома СССР И.В.Сталин, в чьем прямом подчинении находились сидящие здесь в кабинете наркомы? К тому же, как уверяют Микоян, совещание было “важное”. Что же Сталина-то не пригласили?

“Последующие четыре дня (25–28 июня) прошли в большой и напряженной работе. Достаточно сказать, что тогда мы рассмотрели и утвердили десятки решений по самым неотложным и очень важным военным и военно-хозяйственным вопросам...”

Помимо напряженной работы в эти дни в Политбюро ЦК, Совнарком и Наркомате внешней торговли, с 28 июня мне пришлось начать переговоры с прибывшей в Москву английской экономической миссией”.

Опять о Сталине, в эти дни, ни слова. Наверное, “растворился” в “напряженной работе”? Если бы, было что сказать о нем в эти дни, непременно измазали бы черной краской своего товарища по партии или бросили бы, на худой конец, камень в его огород. Кстати, как английские “товарищи” из военной делегации рвались на встречу с Анастасом Ивановичем, мы уже говорили ранее. Желание, видимо, было обоюдное.

И вот, якобы, только 29 июня Сталин “попал” в поле зрения Микояна. После злополучного разговора с военными в Наркомате обороны, Анастас Иванович, почему-то, отправляет Сталина на дачу с полной потерей с ним всякой связи. Пусть “покапризначает” в одиночестве, а мы без него “станем проверять свои дела, звонить друг другу” и решать важные задачи по народно-хозяйственному плану. Далее, следует версия Микояна о создании Государственного Комитета Обороны (ГКО).

Что здесь представляется сомнительным? И суток не прошло, как “оборванная с ним связь”, была восстановлена. В данный момент Сталина уже нельзя было отправлять далеко в неизвестность, чтобы, как говорить, “дать” ему возможность “залечь на дно”, так как произошедшие исторические события неизбежно вытолкнули бы его, как поплавок, на поверхность реальной жизни. Прибывшую из Англии 27 июня военно-экономическую миссию нельзя же выбросить за рамки исторического процесса, так как в протоколах ведения переговоров отражен Сталин, с которым вел консультации нарком иностранных дел Молотов. Сам же Микоян признается, что

участвует в данных переговорах, правда, как всегда лукавит, почему-то, ограничивая деятельность данной миссии, только экономическими вопросами.

Но возвращаемся к теме создания ГКО. По версии Микояна, инициатором этого мероприятия был Л.П.Берия, но разгребая горы лжи Анастаса Ивановича, можно ли с этим согласиться? Разумеется, во время своей незапланированной “болезни” Сталин был ограничен в получении информации и скорее всего связь с “внешним” миром поддерживал через Лаврентия Павловича и Вячеслава Михайловича. Из посещения Наркомата обороны (Ставки), Сталину стало ясно, что военные, внаглую подмяли всех под себя, видимо, отказываясь предоставлять какую-либо информацию о событиях на “Западном фронте” или наоборот, поставляли, заведомо лживую информацию. Отговорка “об утери связи”, эта сказочка не для Сталина и Берии, а для некоторых читателей мемуаров. Недаром, как говорят очевидцы, Берия на встрече в Наркомате с военными, во время острой стычки с военными, перешел на грузинский язык в разговоре со Сталиным. Видимо, предостерег!

Вообще, честно говоря, слухи о всевластии Сталина, очень сильно преувеличены. Иначе, как понимать, что во время данного нелicenseприятного разговора Жуков послал его по матери...

Да, у Сталина было много властных полномочий, но это было связано и с большой ответственностью за порученные дела. А так, чтобы, кулаком по столу, — нет! Если бы, это было — заметили бы. Политбюро был орган коллегиальный. Надо было еще убедить товарищей о принятии какого-либо решения. Не помню точно, чьи сведения, но при решении о расстреле Павлова, только Сталин и Берия были — “против”, остальные — “за”. Чем кончилось — всем известно. Павлова и компанию — расстреляли.

Даже в наркомате обороны, как видно из вышеприведенного, военные вели себя нагло. А если бы Сталин не стал бы в мае 1941 года Председателем Совнаркома? Могли бы и в шею вытолкать из наркомата обороны. Поэтому и поехал туда с Берией. С ним безопаснее.

Кроме того, читателю на размышление по данной теме. Почему Сталин поехал к военным в Наркомат обороны, а не вызвал их к себе в Кремль? Или там карта была крупнее? К тому же связь-то, по уверению Жукова, ведь, не работала?

Но, вновь, **возвращаемся**, к изучению так называемых, **воспоминаний Микояна**. Зачем Анастас Иванович притянул к созданию ГКО Берию?

После Наркомата Обороны, как уверяет читателей Микоян “связь со Сталиным была утеряна”. Она была утеряна не только для Анастаса Ивановича, но и для Николая Алексеевича Вознесенского, бывшего в тот момент заместителем Сталина по Совнаркому. Читаем дальше.

“На следующий день (30 июня — В.М.), около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский(?). Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему. Идем. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов и Берия. Мы их застали за беседой”.

И здесь происходит, якобы, “ответственный исторический момент”, создание Государственного Комитета Обороны (ГКО), которому решили “отдать всю полноту власти в стране”. Осталось только его “освятить”, путем наделения Сталина должностью председателя. Получается, что о Ставке уже забыли, куда Сталина воткнули, якобы, рядовым членом? Ведь, получается явное противоречие. Значит, когда создавали Ставку, то Сталин, на тот момент, не пользовался среди товарищей из Политбюро, тем авторитетом, который позволил бы его наделить функциями Председателя? Отдали этот пост Тимошенко. А прошла всего неделя и на тебе, пожалуйста: Сталин преобразился до неузнаваемости — целая куча достоинств, сразу, все не перечислить. Теперь его уже можно посадить на должность Председателя, опять вновь (!) созданного органа

управления ГКО. Вот такие кульбиты происходили в сознании членов Политбюро и товарища Микояна.

Дальше все пошло по накатанной колее. Молотов знакомит товарищей с документом. И тут происходит инцидент, инициатором которого, якобы, становится Вознесенский.

“Пусть Вячеслав Михайлович скажет, почему нас с Вами, Анастас Иванович, нет в проекте состава Комитета, — перебил Молотова Вознесенский, обращаясь ко мне и рассматривая этот документ.

— Каков же состав предлагается? — спрашиваю.

— Как уже договорились, товарищ Сталин — председатель, затем я — его заместитель и члены Комитета: Маленков, Ворошилов и Берия, — отвечает Молотов.

— А почему же нет в этом списке нас с Николаем Алексеевичем? — задаю новый вопрос Молотову.

— Но кто же тогда останется в правительстве? Нельзя же почти всех членов Бюро Совнаркома вводить в этот Комитет, — было сказано в ответ.

После некоторых споров Молотов предложил ехать к Сталину, чтобы с ним решить все вопросы. Мы считали, что **в одном имени Сталина** настолько **большая сила** в сознании, чувствах и вере народа, что **это облегчит нам** мобилизацию и **руководство всеми военными действиями**”.

Ну, то что “в одном имени Сталина большая сила”, особенно для военных, типа Жукова, мы уже познакомились при поездке Сталина в Наркомат обороны.

Давайте-ка, зададимся вот каким вопросом: “Почему в первоначальный состав ГКО не были включены Микоян и Вознесенский?” Судя, по воспоминаниям, Микоян был раздосадован не меньше Вознесенского, узнав, что их не включили в состав вновь образовавшегося органа государственной власти. Это читателям Анастас Иванович, в очередной раз, “вешает лапшу на уши”, принижая функции ГКО, говоря что, Комитет сосредоточит в своих руках только контроль со стороны правительства, Верховного Совета и ЦК партии, а о военных, как всегда, ни слова, вроде и нет никакой войны. Хотя со слов Молотова было ясно, что ГКО сосредотачивает всю полноту власти в стране в своих руках под руководством Сталина. Микоян-то, вместе с Вознесенским сразу понял, что им было отказано в доверии, вот в чем вопрос. Значит, отказано было за что-то? Может за активное сотрудничество со Ставкой Тимошенко? Возможно, Микоян и Вознесенский вошли в состав Ставки, чем навлекли на себя гнев других, но верных Сталину товарищей из Политбюро? А может, как предполагал выше, Анастас Иванович подмахнул первые три Директивы за члена Главного Военного совета? И как же им, Микояну с Вознесенским, быть? Ведь они, не войдя в состав, лишаются возможности получения оперативной информации, которая будет стекаться в ГКО. Обратите, внимание, с какой настойчивостью они добивались своего включения и добились его, хотя только на правах уполномоченных. И лишь в феврале 1942 года Микоян и Вознесенский будут включены полноправными членами в состав ГКО. Кто же им протезировал?

Микоян, как всегда, верен себе, так как проводит очередное противопоставление. На этот раз, на удивление, противопоставляя Сталину — Берия. Во-первых, надо исключить всякие предпосылки личной инициативы Сталина в создании ГКО, пусть лучше это будет исходить от товарища Берии. Во-вторых, подозрение в их неискренности, т. е. лишение их доверия от товарищей по партии, пусть тоже будет исходить от Лаврентия Павловича. Ему по статусу положено всех подозревать. Молотов, думается, обеспокоился заявлением посла Криппса об установлении контактов миссии персонально с Микояном, и поделился своей тревогой со Сталиным и Берией. И, в-третьих, без Берии не обойтись при “поездке на дачу”. Надо же найти “повод”, чтобы поехать к Сталину на дачу

и “уговорить” его вернуться в Кремль. Сам же пишет: “Охрана, видя среди нас Берию, сразу же открывает ворота, и мы подъезжаем к дому...”.

А если бы рядом не было Лаврентия Павловича, то, надо полагать, что охрана Сталинской дачи, ворота членам Политбюро не открыла бы, так что ли?

Интересно, кому охрана беспрепятственно открывала ворота? Только Сталину и Берии? Или Анастас Иванович, как всегда, лукавит?

Опять приходится переставлять “кубики” Микояна, чтобы события приняли правильные очертания.

Ведь не просто же так, говорил Хрущев с трибуны съезда, об отсутствии Сталина в Кремле впервые дни войны. Вот Микоян и пытается “подправить” своего “Первого секретаря ЦК КПСС”, перенося время “уединения” Сталина, на более поздние дни. Речь сейчас пойдет уже не о днях, как таковых, а о самой поездке. Как бы там ни было, а в реальной ситуации, при отсутствии Сталина, должны ли были члены Политбюро и правительства поехать к нему на дачу, чтобы навестить его и справиться о состоянии здоровья? Разумеется, были должны, вот они и поехали.

Предположительно, поездка была **утром 24 июня**, потому что мы уже зафиксировали появление Сталина в Кремле в час ночи 25 июня. У Молотова, к тому же, есть путаный рассказ о первых днях войны.

“Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на **второй (24 июня. — В.М.)** или на **третий (25 июня. — В.М.)** день войны. По моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню. Сталин был в очень **сложном состоянии**. Он не ругался, но не по себе было”.

Может, на самом деле было так: поехали в Наркомат обороны без Сталина? Узнали новости. Тихий ужас!!! Скорее к Сталину на дачу. Товарищ Сталин, выручай! Скорее возвращайся в Кремль и бери ситуацию под свой контроль!

О состоянии здоровья Сталина по Молотову — своеобразный диагноз, вполне достойный члена Политбюро. Вот и пойми — живой ли тот был, вообще?

Конечно же, Молотов прекрасно все помнит! Они, действительно, в эти дни, в этом составе ездили и на дачу к Сталину, и вместе с ним, в наркомат обороны (Ставку). И Вячеслав Михайлович, даже знает, по какому поводу. Но, как и Микоян, немного хитрит, прикидываясь, что запомнил.

А вот Микоян, на удивление, все помнит! Анастас Иванович отчетливо рисует ситуацию, когда прибыл на дачу к Сталину, якобы, после посещения наркомата обороны 29 июня. Какое же было у него первое впечатление от встречи с вождем? Товарищ Микоян крутит, как всегда свою шарманку, выводя лживые мелодии. Он тоже поставит диагноз, вполне подходящий для партийного руководителя высшей власти. Речь у нас идет о 24 июня. Молотов, только что, об этом говорил, выше. Но, Микоян, хочет нас уверить, что поехали 29 июня. Зачем? Будет понятно, в дальнейшем. Однако надо же, какая память! Прошло столько лет, но Анастас Иванович описывает ситуацию со Сталиным, как будто это было вчера.

“Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. (Сталин, конечно, решил, что мы пришли его арестовывать). Он вопросительно смотрит на нас и глухо выдавливает из себя: “Зачем пришли?” Заданный им вопрос был весьма странным. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать”.

Вообще, эту буйную фантазию, видимо все же, ошибочно приписали Анастасу Ивановичу. Уж, Микоян-то, должен был знать и помнить, что за его долгую жизнь, находясь в руководстве партии, он не только ни разу не участвовал в арестах кандидатов, но, а чтобы поднять руку (в смысле ареста) на своего брата, действующего члена Политбюро — такая, через чур, смелая мысль, вряд ли могла придти ему в голову.

В данном случае, я не совсем точен. Меня можно упрекнуть: “А как же, в таком случае, понимать арест члена Политбюро Лаврентия Павловича Берия?”

В более ранней главе я приводил воспоминания “товарища” Жукова об “аресте” товарища Берии. Это было заранее спланированное убийство, в котором ни каким арестом и не пахло. Так же хитро было подстроено и убийство члена Политбюро товарища Сталина. Какой мог быть арест вождя?! Такая мысль, даже и не могла возникнуть в головах его недругов. Только ловко подстроенная смерть позволяла окончательно расправиться с такой крупной политической фигурой, каким был Сталин. Это все знали и понимали, в том числе, и Анастас Иванович.

Ну, а если, скажем, и решились бы они, предположим, ограничить свободу перемещения Сталина заключением под стражу, ведь по версии Микояна, тот “Сталин” в кресле решил же, что его пришли арестовывать, то какое же должно было быть выдвинуто ему обвинение, и в чем, конкретно, оно должно было выражаться? Поэтому, стоит ли удивляться, читая, что Сталин “вопросительно смотрит” на прибывших товарищей, ему ведь тоже не совсем ясно: “За что?” Может, за то, что оскорбил в Наркомате обороны “мужественного” Жукова и после этого молчком уехал к себе на дачу? А скорее всего, за то, что “всякая связь с ним оборвалась”. А ведь по законам военного времени, умышленный обрыв связи, действительно, может быть приравнен к диверсии или саботажу.

Кстати, об описываемой обстановке. На мой взгляд, кресло, в котором, сидел “Сталин”, что-то плохо вписывается в интерьер столовой. Из жизни кремлевских богов, что ли, — обедать, сидя в кресле? Лучше всего, для этой залы подходят стулья или широкие лавки.

Теперь о внешнем виде вождя. Каким должен был выглядеть человек, перенесший отравление, болезнь или сильное нервное потрясение, в результате, предполагаемого покушения на его жизнь? Что? По всей видимости, все жаждали увидеть жизнерадостного кавказца с кинжалом на поясе и пляшущего в ритме горского танца. Это, только Никита Сергеевич, в вышитой рубашке, мог радовать членов Политбюро своим “гопаком”. И если человек после всего перечисленного выше еще слаб и требует отдыха, лучше всего ему, конечно, находиться в состоянии полусидя или полулежа.

У наших мемуаристов, из высшего эшелона власти, всегда происходит что-то, необъяснимое: только вчера в Наркомате, “Сталин взорвался”, т. е. если мягко сказать, был в ярости. Спустя всего сутки, от прежнего Сталина не осталось и следа: “голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг”. Вдобавок ко всему сидит в кресле, вместо того, чтобы активно передвигаться по комнате. Видимо, поэтому так долго прятали историю болезни Сталина, что там мог быть записан диагноз этого странного “заболевания” вождя.

А если серьезно, то приведенное описание, если и имело под собой веское основание, то уж во всяком случае, никак не могло быть соотнесено, как говорил выше, с поездкой в Наркомат обороны. А пообщавшись с членами правительства и Политбюро, прибывшими к нему на дачу, Сталин, и без помощи врачей, видимо, понял, что его промедление с возвращением в Кремль грозит гибелью не только Красной Армии, но и всего Советского Союза.

К тому же, возникает сильное сомнение по поводу поездки самого Анастаса Ивановича Микояна. Думается, что он участия в данном деле не принимал, но чтобы напустить туману в события, присочинил и себя родного. Если Микояну было отказано в доверии, войти в состав ГКО, то с чего

это было ему рваться на встречу со Сталиным? Он, ведь, и раньше не жаловал сделать Сталина председателем Ставки, а здесь вдруг обеспокоился, как бы ГКО не остался без авторитетного имени Сталина во главе. Если Микоян кругом лжет, то почему в этом деле должен быть правдивым?

Теперь о возвращении Сталина в Кремль после “болезни”. Ему сразу пришлось решать многие накопившиеся вопросы. А их было, действительно, множество: и по международным отношениям, — по поводу Англии, задействовав в делах посла Майского; и по реорганизации Московского военного округа, — путем замены командного состава своими людьми; и по установлению связи с фронтами, — привлекая к решению этой задачи наркома Пересыпкина; и создание ГКО, — с привлечением к руководству грамотных специалистов и т. д. и т. п. А то, что мемуары участников данных событий часто искажены, а архивные документы либо сфальсифицированы, либо просто уничтожены, лишний раз говорит о том, что в этом деле не все было чисто. Честному человеку нечего бояться и заведомо говорить неправду. А вот негодяю во власти, всегда хочется скрыть свои подлые делишки, чтобы не предстать обвиняемым перед судом Истории.

И еще немного о “болезни” Сталина. Если, как предполагаю, члены делегации приехали к Сталину на дачу 24 июня, и застали его в таком неважном состоянии, то значит, не по вине военных из Наркомата обороны, дошел Сталин до такого состояния? Читатель, надеюсь, улавливает мысль автора. Следовательно, “болезнь” Сталина, действительно была раньше 24 июня? Тогда и перепалка с военными никак не могла произойти 29 июня? Иначе, рухнет версия теперь уже “дарагова Анастаса Ивановича”?

Как бы микояны не переставляли “кубики” фактов, логика происходящих исторических событий все равно выстроит их в ряд закономерной последовательности. Как бы хрущевцы и их приспешники, не закатывали правду о войне асфальтом лжи и клеветы, все равно она, как росток, вечно живой природы, пробьется к свету, преодолевая, казалась бы непреодолимые препятствия. Более того, с каждым днем она будет набирать силу, укрепляясь и развиваясь. А затем, думается, все же наступит такое время, когда вся ложь, как шелуха, отлетит прочь, и мы увидим то, настоящее подлинное “зерно правды”, что было десятилетиями скрыто от нас, и по достоинству оценим тот подвиг, который совершил по истине, великий человек, имя которому — Сталин.

Тысячу раз, оказался, он прав, говоря, что “на его могилу нанесут кучу мусора”. Но не менее правым, оказался он и в оценке действия “ветра истории”, утверждая, что тот “безжалостно развеет эту кучу”!

Пономаренко

Предлагаю к рассмотрению материал о видном политическом деятеле Компартии Белоруссии П.К.Пономаренко. Несомненно, материал представляет определенный интерес по нашей теме. С этими воспоминаниями Пантелеймона Кондратьевича получилась целая история. Я, вначале, сомневался использовать их в данной работе, так они затрагивают вопрос о начальном периоде войны в Западном военном округе, а все это, так или иначе, связано с Д.Г.Павловым и его окружением, поэтому данная тема предполагалась рассматриваться самостоятельно. Но пришлось обратиться к ней сейчас, так как П.К.Пономаренко приводит такие факты, мимо которых нельзя пройти мимо. Они, эти факты, как бы, по сути “обрушивают” мою версию об отсутствии Сталина в Кремле в первые дни войны. Пономаренко “общался” со Сталиным, правда, по телефону, но, как у него написано, в самые первые часы гитлеровской агрессии. Тем более, с воспоминаниями надо ознакомиться и широкой читательской аудитории. Но, для начала, как всегда обратимся к мемуарам Г.К.Жукова — своеобразному Краткому курсу Великой Отечественной войны? Надеюсь, что читатели не забыли, что после обеда, 22 июня, Сталин “послал” его помогать командующему КОВО Кирпоносу, осуществлять “твердое” руководство на Украине. Более того, Сталин проявил, прямо таки отеческую заботу: якобы, предварительно позвонил в Киев Хрущеву и попросил лично встретить Георгия Константиновича. Затем, Никита Сергеевич, вместе с Жуковым, поехал в штаб Юго-Западного фронта, якобы, в качестве члена

Военного совета фронта, как будто, других дел у него, как первого секретаря ЦК КП(б)У в Киеве и не было, а в штабе фронта, в свою очередь, не было человека исполняющего эти обязанности. Там был членом Военного совета фронта корпусной комиссар Н.Н.Вашугин, с которым очень скоро, по приезду “сладкой парочки” Жуков — Хрущев, произойдет трагедия: очень странное “самоубийство” Николая Николаевича. Но эти события будут рассмотрены в другой работе, а сейчас давайте зададимся вот каким вопросом. А как повел бы себя впервые дни войны первый секретарь компартии Белоруссии, соседней с Украиной, советской республики? Он выполнял такие же функции, как и Хрущев, тем более интересно будет провести между ними параллели. По логике преподносимых нам фактов о деятельности Сталина в первые, даже не дни, а часы, он, как видите, нашел время позаботиться о товарище Жукове, которого, якобы, командировал на Украину. Следовательно, теперь Сталин и в отношении Западного направления, тоже должен проявить отеческую заботу, т. е. эти схемы с представителями “Ставки” должны быть логически увязаны. Смотрите сами: на Украину вылетает Жуков и товарищ Сталин “заботливо” звонит Хрущеву, то же самое, должно происходить и в Белоруссии. Итак, слово предоставляется Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко.

“22 июня 1941 г. в 4 часа 30 мин. Утра у меня на квартире раздался телефонный звонок. Командующий Западным особым военным округом генерал армии Д.Г.Павлов сообщил, что германская армия в 4.00 открыла военные действия против наших войск.

По всей линии границы и особенно у Бреста и Гродно идут бои. Вражеские самолеты бомбят крупные города и важнейшие стратегические объекты западной части страны. **Командующий попросил незамедлительно прибыть в Военный совет округа.** Я тотчас же позвонил дежурному по ЦК и, примерно рассчитав время, предложил к 5.30 собрать в ЦК партийных и советских руководителей республики, включая наркомов, а также секретарей Минского обкома партии и председателя горсовета. В 5.00 на Военном совете генерал — армии Д.Г.Павлов и начальник штаба округа генерал-майор В.Е.Климовских сообщили об обстановке, как она рисовалась в тот момент. Павлов проинформировал об указании сверху — ввести в действие необходимые силы, с тем, чтобы разбить и выбросить с нашей территории вторгнувшегося врага, но государственную границу не переходить, т. к., возможно, что это не война, а крупная провокация противника. Это заблуждение, как известно, нам дорого обошлось”.

То есть, Пантелеймона Кондратьевича надо понимать так, что если бы Д.Г.Павлову сразу бы сказали, что это война, а не крупная провокация, то он, не только бы разбил вторгшегося противника, но и перешел бы границу. Оригинальная трактовка событий. Видимо, бойцы Красной Армии, думая, что это крупная провокация, стреляли не по врагу, а в воздух, желая только напугать противника, чтобы он, в последующем, убрался с нашей территории. В таком случае, трудно не согласиться с Пономаренко, что это было заблуждением, которое “нам дорого обошлось”.

Только, что ранее, мы рассматривали тему о главных направлениях. Если проводить параллели с Хрущевым, то Пономаренко, по статусу должен был бы занимать пост члена Военного Совета Западного направления. Он им и стал, но редакторы постарались скрыть этот факт. Непонятно, как Пономаренко разминулся с Куликом, вскоре, после начала войны, прилетевшим из Москвы?

Этот вопрос частично разбирался ранее, поэтому в данном разделе подробнее рассмотрим воспоминания Пономаренко о, якобы, его телефонных разговорах со Сталиным поначалу войны.

“В 5.30 началось первое заседание бюро ЦК КП(б) Белоруссии с участием руководящего актива. Я сообщил присутствующим, что сегодня на рассвете фашистская Германия напала на Советский Союз. На всем протяжении границы идут тяжелые бои с рвущимися на нашу территорию фашистскими ордами. Начавшаяся война с опытным, коварным и жестоким врагом (Интересно, когда, об этом успели узнать? — В.М.) выдвигает перед партийными организациями, всем населением Белоруссии **новые, чрезвычайно сложные задачи**, при решении которых нельзя терять ни одной минуты. Сделав обзор **неотложных военно-мобилизационных мероприятий**,

которые требуется срочно осуществить, я предложил пока всем разойтись, каждому подумать в своей сфере первоочередные действия и затем в 9 часов утра вновь собраться, чтобы принять решения по конкретным задачам...”.

Собственно говоря, ничего неординарного, в описываемых событиях не произошло. До всех, кому надо было позвонить — дозвонились, и все ответственные советские и партийные работники, кому надо было собраться на Военном совете — собрались. Правда, смущает одно обстоятельство. Война, как известно, началась в половине четвертого, но позвонили Пономаренко домой в половине пятого. Наверное, не хотели потревожить его утренний сон? Так же неясно, где же собрались все вышеперечисленные товарищи? Как где? — удивится читатель, разумеется, там, где и должен был находиться Первый секретарь Компартии Белоруссии. По всей видимости, в столице республики — городе Минске, если Пантелеймон Кондратьевич не отсутствовал по уважительным причинам. Да, но где, в таком случае, должен был находиться командующий Западным военным округом Д.Г. Павлов, который присутствовал на Военном совете?

В соответствии с указаниями Генерального штаба, полевое управление штаба Западного округа должно было убыть под Барановичи (Обыз-Лесну), но, по каким-то невыясненным обстоятельствам осталось в Минске. Вопрос с месторасположением штаба Западного фронта крайне запутан, о чем уже шла речь раньше, но, тем не менее, факт его нахождения в Минске — неоспорим.

Таким образом, Пантелеймону Кондратьевичу, не оставалось ничего другого, как прибыть в штаб округа к Павлову. Его нахождение в штабе фронта, аналогично положению Хрущева, и только наличие Западного направления позволяет Пантелеймону Кондратьевичу занять правильное место в военной иерархии.

После этого начинается то, что характерно для всех мемуаристов из числа высшего партийного и военного руководства: наводить тень на плетень или немного лукавить. Некоторые это делали по убеждению, другие — под давлением партийно-советской цензуры. К числу последних можно отнести и товарища Пономаренко. Итак, читаем, что было позволено знать советскому человеку.

“Около 7 часов утра позвонил Сталин. Поздоровавшись, он спросил об обстановке и о том, что предпринимает ЦК Компартии Белоруссии в связи с началом войны. После моего сообщения Сталин сказал: “Сведения, которые мы получаем **из штаба** округа, теперь уже **фронта**, крайне недостаточны. Обстановку штаб знает плохо. Что касается намеченных вами мер, они, в общем, правильны, Вы получите в ближайшее время на этот счет указания ЦК и правительства. Ваша задача заключается в том, чтобы решительно и в кратчайшие сроки перестроить всю работу на военный лад. Необходимо, чтобы парторганизация и весь народ Белоруссии осознали, что над нашей страной нависла смертельная опасность, и необходимо все силы трудящихся, все материальные ресурсы мобилизовать для беспощадной борьбы с врагом. Необходимо, не жалея сил, задерживать противника на каждом рубеже, чтобы дать возможность Советскому государству развернуть свои силы для разгрома врага. Требуйте, чтобы все действовали смело, решительно и инициативно, не ожидая на все указаний свыше. Вы лично переносите свою работу в Военный совет фронта. Оттуда руководите и направляйте работу по линии ЦК и правительства Белоруссии. В середине дня я еще позвоню Вам, подготовьте к этому времени более подробную информацию о положении на фронте...”

Это что же выходит? Удивительным образом Пантелеймон Кондратьевич в 7 утра 22 июня 1941 года беседует по телефону со Сталиным и таким образом Пономаренко, фактически опровергает все выше приведенные автором доводы, о якобы, отсутствии Сталина в Кремле в первые дни войны. Такими “неопровержимыми” фактами припирает автора к “стенке”, что, в пору, надо сдавать свои позиции и складывать “оружие”. Еще бы! Сам Первый секретарь Компартии Белоруссии утверждает, что Сталин 22 июня был в Кремле. К тому же, звонил ему по телефону! Теперь не о чем вести речь! Все ясно, Сталин был в Кремле! Пономаренко, видимо, следует наградить посмертно орденом “Правда для народа” и медалью “За кристальную честность”.

Но, не будем торопиться делать поспешные выводы. Дело в том, что сталкиваясь с работами советских “историков” всегда надо ставить перед собой вопрос: “Насколько можно доверять опубликованному материалу?” Надо понимать, что они, историки той поры (а нынешние, тоже, не хуже), были люди “подневольные”, хотя некоторые действовали и по убеждению, и поэтому, что приказывало вышестоящее начальство написать и опубликовать, то и делали. Выше, мы уже рассматривали сомнительные, с точки зрения автора, документы и материалы, почему бы не рассмотреть и этот, представленный в сборнике Г.А.Куманева “Рядом со Сталиным”. Поэтому, и к данному тексту, давайте-ка, внимательно присмотримся. То, что такой разговор мог состояться и состоялся: нет сомнений. Вопрос о времени — когда? На все сто процентов — только не 22 июня, тем более в 7 утра.

Надеюсь, что и читатели обратили внимание вот на какую курьезную вещь. Глава государства товарищ Сталин рано утром звонит П.К.Пономоренко в Белоруссию и интересуется у того, что происходит в республике связи с нападением Германии? Не показалось ли странным, что сам Пантелеймон Кондратьевич, после звонка от командующего Павлова о начале военных действий на границе республики, не стал утруждать себя докладом в Москву, в ЦК партии, тому же Сталину, по партийной линии, а стал дожидаться звонка сверху. Уж не партийный ли барин республиканского масштаба товарищ Пономаренко?

Ну, почему мы, в таком случае, сразу плохо подумали о Пантелеймоне Кондратьевиче? Конечно же, он сам хотел первым позвонить в Москву, но Сталин взял, да его и опередил. Как помните, Жуков поднял с постели Иосифа Виссарионовича очень рано. Сразу, как только немцы сбросили бомбы на Севастополь. Вот, связи с тем, что сон перебили, вождь и озаботился рекомендациями Первым секретарям республиканских партий. Пономаренко шел по списку вторым. Первым, как известно, был Хрущев, которому Сталин наказал встретить на аэродроме “пламенного патриота своего Отечества” товарища Жукова.

Вообще, все эти публикации, под бдительным оком института Истории СССР, вызывают у меня, иной раз, снисходительную усмешку, не более того. Посудите, сами. Иногда получается, что в публикации “автор” мемуаров правой рукой пишет, а левой — зачеркивает. Это происходит в результате всевозможного рода проверок, перепроверок и запретов по представляемой рукописи воспоминаний. В результате, для достижения определенного результата происходит вставка определенного текста, который по смыслу не всегда стыкуется с ранее написанным. Вот и в нашем случае, что мы видим при прочтении текста? Состоялось важное утреннее совещание, где сам же Пономаренко предложил “пока всем разойтись, каждому продумать в своей сфере первоочередные действия и затем в 9 часов утра вновь собраться, чтобы принять решения по конкретным задачам”. Если это не перевод с немецкого, то ясно и понятно, что принятие решений состоится после второго заседания, которое намечено на 9 утра сего дня, то есть 22 июня, а не 21 июня или 23 июня, к примеру. Таким образом, получается, что Сталин обладает определенным даром провидения, потому что сообщает Пантелеймону Кондратьевичу еще в 7 утра, “что же касается намеченных вами мер, они в общем правильны. Вы получите в ближайшее время на этот счет указания ЦК и правительства”.

Действительно, если таким даром обладать, то никакие Гитлеры не страшны, поэтому, видимо, мы и выиграли войну. О наличии таких “талантов” у Сталина я, лично, даже и не предполагал.

А чуть ранее, в разговоре Сталин сказал, тоже из той же сочиненной “оперы”: “сведения, которые мы получаем из штаба округа, теперь уже фронта, крайне недостаточны. Обстановку штаб знает плохо”.

О каких сведениях из штаба округа могла идти речь в телефонном разговоре Сталина в 7 утра, когда сам командующий Павлов в показаниях следователю о событиях 22 июня говорил следующее:

“Примерно в **7 часов** прислал радиogramму Голубев (командующий 10А. — В.М.), что на всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка и все попытки противника углубиться на нашу территорию им отбиты”.

Это надо понимать так, что в 7 утра в штабе фронта были получены лишь первые данные о событиях на границе с одного участка, а еще предстоит получить и обработать данные с других, дать им оценку и только после этого отправить их в Наркомат обороны и Генштаб. Оттуда они, сведения, еще неизвестно, в каком виде, поступят к Сталину. Довольно длинная цепочка передачи сообщений, но дело-то, не в сообщениях, а о времени их получения. Как видите, и эти слова Сталина — трудно отнести не только к 7 утра, но и вообще к 22 июня. Скорее всего, одна часть приведенного разговора могла состояться до выступления Сталина по радио 3 июля, где он сформулировал первоочередные задачи на начальный период войны, видимо основываясь и на полученной от Пономаренко информации. А то, в данном случае получается, что Сталин бежит, опережая события. Еще не ясно, во что выльются начавшиеся приграничные сражения с немцами, а он уже толкует с Пономаренко о том, “что над нашей страной нависла смертельная опасность”. Это в своей знаменитой июльской речи, Сталин выскажет все то, что сейчас пересказывает от его лица, якобы, сам П.К.Пономаренко. Вспомним, выступление вождя, где он задался вопросами

“... что требуется для того, чтобы ликвидировать **опасность, нависшую над нашей Родиной**, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?” или “... необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли **всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране...**”.

Сталин, как всегда точен в изложении своих мыслей и невозможно удержаться от желания, чтобы не прокомментировать его. Обратите внимание на фразу: “...чтобы наши люди, советские люди поняли...”. Людей-то в стране много, но не все советские, а именно их выделяет и к ним обратился их вождь, в те трудные и трагические дни. Сравните нынешнее обращение — “дорогие россияне” и почувствуйте разницу.

Еще по поводу сравнения. Помните, в каком состоянии был “Сталин” в мемуарах Жукова и в описании В.Жухрая утром 22 июня. Похож он на того “Сталина”, говорящего по телефону через час с Пономаренко? То-то и оно!

Продолжим, однако. Теперь что касается другой части телефонного разговора со Сталиным, о работе штаба Западного фронта. Как нам стало известно, уже с первых дней войны существовало Западное направление. Более того, Жуков пояснил, что Сталин лично послал туда, в Белоруссию, и Кулика и Шапошникова, но в разговоре с Пономаренко, никак не проявил свою озабоченность данными людьми. Как всегда: послал и забыл.

Если же Сталин был не доволен полученными сведениями от военных и просит через Пономаренко, прояснить обстановку о положении на Западном фронте, то это можно отнести по времени на 26 июня и чуть далее. Главкомом Западного направления стал Ворошилов, а Военный совет возглавил Пономаренко.

Скорее всего, это было после того, как Пересыпкин организовал дополнительный (или самостоятельный) канал связи Сталина с Белоруссией, а точнее, со штабом Западного направления. Сталин мог узнать о падении Минска лично от Пономаренко, чем из какого-то сообщения иностранного радио. Но на запрос в Наркомате Обороны, с подтверждением этого факта, ему, надо полагать ответили, что все там, у Павлова, дескать, нормально (А могли и не ответить). Может поэтому Сталин и поехал разбираться к военным? Не всем же, Сталин обязан докладывать о наличии у себя дублирующей связи со штабами фронтов и направлений?

Не лучше обстояло дело и на Юго-Западном фронте и направлении. Штаб из Киева прибыл в Тарнополь, на командный пункт около 7 утра 22 июня, так что не о каких ранних утренних сообщениях в Наркомат обороны и Генштаб не могло быть и речи. Такие вот дела.

А у наших, академических историков, Сталин проявляет поистине фантастические действия — с утрачка пораньше, 22-го июня, раззванивается по штабам войск на западе страны, и требует оперативных данных о военных действиях.

Пантелеймон Кондратьевич продолжает:

“В 11.30 я приехал в ЦК, т. к. наступило время, когда как было условлено, должен был позвонить по высокочастотной связи Сталин...”

Раздался звонок. У телефона был Сталин. Он сразу спросил: “Что Вы можете сказать о военной обстановке? Что делает и как себя чувствует товарищ Павлов?”

Я рассказал ему коротко о тяжелой обстановке, как она рисовалась по данным штаба фронта и сообщениям секретарей обкомов и райкомов партии, о наших попытках восстановить связь и результатах этого”.

Опять — двадцать пять. Пономаренко рассказал Сталину о той обстановке, которая сложилась на данный момент, пусть и в короткой форме, но по данным штаба фронта. И “как она рисовалась”, означает, что с мест дислокации войск были получены определенные данные. Предполагается, что они (данные) были обработаны, проанализированы и на карту была нанесена соответствующая обстановка. Как член Военного совета Западного направления (а корпусной комиссар Фоминых, соответственно член Военного совета фронта.) Пантелеймон Кондратьевич должен был с нею, надо полагать, ознакомлен. Когда же он успел это сделать, да и все, вместе со штабом, к 11.30, якобы, первого дня войны? Это полная чушь. А когда же Пономаренко успел еще получить сообщения от секретарей обкомов и райкомов партии, по своей партийной линии, тем более, сам же говорит о том, что связь пришлось восстанавливать?

“На вопрос о генерале Павлове я ответил, что несмотря на свои положительные качества: **военный опыт, большую энергию, безусловную честность**, под давлением тяжелой обстановки, особенно из-за утери связи со штабами фронтовых войск, он потерял возможность правильно оценивать обстановку и руководить сражающимися частями, проявляет некоторую растерянность. Командующий загружен до отказа и, пытается сотни вопросов и дел, которыми могли заниматься его заместители, работники штаба фронта, не сосредотачивается на главных проблемах руководства...”

Все, что здесь изложено, однотипно с предыдущим. С одной стороны приведены доводы Пономаренко, которые он излагает Сталину о Павлове, как о командующем, “который загружен до отказа, пытается решать сотни вопросов и дел”. Опять вопрос: “Когда все это Павлов успел сделать до обеда?”. С другой стороны, происходит “обеление” Павлова и в текст воспоминаний делают вставку, чтобы подогнать под Жуковские мемуары. Помните, с какой целью “Сталин” отправил Жукова на фронт? Помочь растерявшимся командующим. Вот один из них, в лице Павлова, и предстал перед нами. Что мы читаем о нем? — “потерял возможность правильно оценивать обстановку ... проявляет некоторую растерянность”.

Это убеждают нас в этом те, кто корректировал воспоминания Пономаренко, что, дескать, примите во внимание его, Павлова “положительные качества: военный опыт, большую энергию, безусловную честность”. Трудно согласиться с мнением товарищей, что именно эти качества, особенно, безусловная честность, для командующего являются доминирующими. Но, тем не менее, такого замечательного человека, “по приказу Сталина”, взяли и расстреляли. Обычно, как правило, добавляется, что “без суда и следствия”. Но так, самочинно, именно Жуков и практиковал, а к нему, как всегда, претензий не имеется — время говорят, однако, было суровое. Понятно, что Сталин и Жуков, видимо, жили “в разные времена”.

Тут вот еще, какая тонкость. Нас же Жуков уверял, что, дескать, образована Ставка, во главе с маршалом Тимошенко, которая будет решать все военные вопросы. А академик Яковлев, в свое время даже представил документ, который, якобы, подтверждает достоверность сказанного Жуковым. Из документа явствует, что Сталин, по недосмотру или по каким иным причинам, но во главе Ставки утвердил именно Тимошенко, а себе там выделил “почетное место” рядового члена, чтобы, видимо, “избегать ответственности” за принятие решений. Так вот, почему-то получается, что с самых первых часов начала войны, Пантелеймон Кондратьевич обращается со всякого рода просьбами военного характера, не к Тимошенко, как к главному среди военных — Председателю Ставки, на тот момент, а к Сталину — рядовому члену этого органа. Почему? Наверное, потому, что Сталин на тот момент уже стал председателем ГКО и взял Ставку под свой контроль. Хотя и возвращение его в Кремль, как главы правительства, уже, само по себе играло существенную роль в принятии решений.

“Я хотел бы просить Вас товарищ Сталин”, — заявил я, — прислать, в штаб фронта одного из авторитетных Маршалов Советского Союза, который, не будучи поглощен разрешением многочисленных текущих оперативных вопросов” изучил бы внимательно обстановку, продумывал бы неотложные мероприятия и подсказывал их командующему”.

Сталин ответил: “Я уже думал об этом, и сегодня же к вам выезжает маршал Борис Михайлович Шапошников. Имейте в виду: это опытейший военный специалист, пользующийся полным доверием ЦК. Будьте к нему поближе и прислушайтесь к его советам”.

В тот же день, 22 июня, маршал Шапошников, прибыл в Минск...”

Это, те же самые блины, с той же самой сковородки. Состыковать информацию, изложенную в мемуарах Георгия Константиновича, с тем, что, якобы, вспоминает Пономаренко. По версии института Истории СССР, раз Хрущев встретил Жукова в Киеве, по просьбе Сталина, то надо, чтобы, якобы, Сталин проявил заботу и о Шапошникове, но только, через Пономаренко, чтобы не “выпячивать” заинтересованность встречи Жукова с Хрущевым. Поэтому, “Сталин” и идет на встречу “пожеланиям” Пономаренко: “...я уже думал об этом”. Еще раз напоминаю, чтобы не забыли: время половина двенадцатого дня 22 июня, еще Молотов не выступал по радио, а “Сталин” только и обеспокоен нашими военными, откомандированными в западные округа. Так и просится, в качестве комментария, эпизод из к/ф “Место встречи изменить нельзя”: “...шлю тебе с ним, Анюта, живой привет, будь с ним ласкова, за добрые слова его одень, обуи и накорми — вечно твой друг”. В нашем случае, можно было добавить, “товарищ Сталин”.

Как помните, в главе о Главных направлениях я высказал предположение, что с Куликом заодно, могли отправить и Шапошникова. Но в Барановичи, думается, Борис Михайлович мог и не полететь, так как штаб округа остался в Минске. Во всяком случае, не факт, что Шапошников отражен у Пономаренко, именно 22 июня. Целесообразнее, в тот момент, было срочно создавать вторую полосу обороны восточнее Минска на Березине, что впоследствии и будет сделано.

Пономаренко в беседе с Куманевым “вспоминает” еще один разговор со Сталиным, теперь уже, от 23 июня 1941 года. Если Сталин появился у “Пантелеймона Кондратьевича” 22 июня в Кремле, то теперь ему никуда от этого “не деться”. Обязан, по статусу, отвечать на звонки Первого секретаря Компартии Белоруссии.

“В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении (ЦК КП(б)Б принял решение об эвакуации. — В.М.). Он удивился и спросил: Вы думаете, это надо делать? Не рано ли?”

Я ответил: “Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым”.

Подумав, Сталин сказал: “Хорошо, приступайте к эвакуации...”

Значит, 23 июня можно было позвонить Сталину в Москву, не дожидаясь его звонка, а ранее, 22 июня — ну, ни как нельзя было? Но, тогда получается, что и 23 июня Сталин находился на своем рабочем месте и, как видите, вел телефонные переговоры с Пантелеймоном Кондратьевичем. Впрочем, по “Журналу посетителей...” Сталина в этот момент не было в Кремле. Может Пономаренко звонил ему на дачу?

Обратимся к работе доктора исторических наук Э.Иоффе “**Эвакуация**” размещенной на сайте www.minsk-old-k-2998new.com/mins. Текст приводится в сокращении. Используется только материал, перекликающийся с нашей темой.

“До сих пор в официальных изданиях проведение эвакуации в начальный период Великой Отечественной войны подается только как подвиг...”

Так ли все было на самом деле? Вот мнение авторитетного белорусского исследователя, кандидата исторических наук, большого знатока архивных источников, лауреата Государственной премии Беларуси Г.Д.Кнатько:

“П.К.Пономаренко пишет в воспоминаниях, что 23 июня 1941 г. ЦК КП(б)Б пришел к выводу о необходимости начала частичной эвакуации и что, позвонив Сталину, он получил разрешение начать ее. Сопоставление мемуарных источников показывает, что власти 23 июня принимали все меры, чтобы не допустить паники, даже до использования силы вооруженных отрядов для борьбы с паникерами. Рабочие не имели права покидать предприятия, разговоры об эвакуации карались. Если допустить наличие решения об эвакуации, так оно было тайным, народ о нем не знал. Официально эвакуационная комиссия была создана 25 июня, когда **руководство республики было в Могилеве**, куда оно выехало вечером 24 июня после того, как целый день противник бомбил Минск”.

(Примерно совпадает по датам: 25-го июня создана комиссия, а на следующий день, т. е. 26-го июня, до обеда Пономаренко мог звонить в Кремль. По “Журналу посетителей...” в кабинете Сталина в этот день было оживление — В.М.).

В статье И.Ю.Воронковой “Минск 22–28 июня 1941 года” есть такие строки:

“...Что касается населения Минска в целом, вопрос о его эвакуации 23 июня не поднимался. В этот день автотранспортом из города выехали в основном лишь семьи командного состава ЗаОВО. Семьи руководства Белоруссии были направлены сначала на дачи ЦК и СНК, ставшие своеобразным сборным пунктом, а затем вывезены на восток... Тем не менее, обстановка ухудшалась **с каждым часом**.”

Начать в таких условиях (речь идет о 25 июня 1941 г. — Э.И.) массовую эвакуацию из Минска предприятий, учреждений, населения было уже невозможно. Подвижные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными, часть подвижного состава была уничтожена. В перерывах между бомбежками отряды из рабочих, служащих и студентов пытались восстанавливать железнодорожное полотно и взлетную полосу аэродрома. Гигантские усилия предпринимались железнодорожниками, чтобы сформировать хоть какие-нибудь составы из разномастных вагонов, стоявших на запасных путях...

Авторитетный белорусский историк, профессор З.В.Шибeko отмечает:

“Наступление немцев вызвало развал советской администрации. Пинск коммунисты оставили, когда немцы находились на расстоянии более чем за 100 км. **ЦК КП(б)Б на четвертый день**

войны (25 июня — В.М.) был в Могилеве. Часть ответственных работников БССР уже в конце июня оказались с семьями на легковых автомашинах в Москве, но их сразу отправили назад. Функцию управления взяли на себя органы НКВД. Но с Западной Белоруссии сотрудники безопасности почти ничего не вывезли и **даже не успели там провести мобилизацию призывников...**

(Все это входило в планы Гитлера, о чем мы говорили ранее. — В.М.)

Политические узники в 32 тюрьмах БССР расстреливались. Крупные промышленные предприятия, сельскохозяйственная техника, животные, зерно — все ценное эвакуировалось или уничтожалось. Почти целиком были сожжены Витебск и Полоцк. А после войны все списывалось на немцев...”

Анализируя процесс эвакуации населения и материальных ресурсов из БССР в 1941 году, польский историк белорусского происхождения Юрий Туронак приходит к такому выводу:

“...Только **29 июня**, то есть на завтра после того, как немцы заняли Минск, Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК Всесоюзной Коммунистической партии большевиков направили в партийные и государственные органы прифронтовой полосы директиву, в которой очерчивались основные задачи эвакуации. Еще позже — 3 июля — эти задачи представил народу Сталин в своей речи по радио.

После того, как Пономаренко со своими соратниками уже 24 июня 1941 года оказался в Могилеве, он опасался гнева Сталина, который мог бы обвинить его в трусости. К большой радости Пантелеймона Кондратьевича, Сталин простил своего выдвигенца. А тот решил обелить себя”.

Разумеется, Пономаренко позвонил в Москву сразу, как начались военные действия. Другого варианта, и быть не должно, по определению. Это же не ясли, детсад или школа. Серьезные дяденьки в руководстве страны. Узнав, что Сталина нет в Кремле, а другим руководителям из Москвы, видимо, было не до него, — Пономаренко и принял такое, “неадекватное” решение, в результате которого “оказался в Могилеве”. Затем, Сталин дал о себе знать и “колесо закрутилось”. Безрадостные события в Белоруссии поставили Сталина перед свершившимся фактом, и надо было искать выход из создавшейся ситуации, а не заниматься разборками с Пономаренко. К тому же проблем у Сталина оказалось — не меряно, а бегство Пантелеймона Кондратьевича выглядело настолько мелким на фоне всеобщей катастрофы Западного фронта, что не было ничего удивительного в прощении вождем “своего выдвигенца”. Кроме того, были и другие обстоятельства, о которых уже говорилось ранее. Это приезд в Могилев Ворошилова и организация командованием Западного направления новой линии обороны. К тому же Пономаренко стал выполнять функции члена Военного совета Западного направления. Так что “бегство” Пономаренко в Могилев, скорее, можно отнести, как к запланированной акции. Не просто же так, именно, в Могилеве был размещен штаб Западного направления. А если Шапошников, как уверял Пономаренко, прилетел в Минск 22-го июня, то им обоим было с руки отправиться к месту будущего расположения Ставки Главкома Ворошилова в Могилеве.

Тем не менее, выводы историка Юрия Туронака, в общем-то, вполне перекликаются с предположениями о том, о чем мы уже говорили, анализируя, якобы, телефонные переговоры Пономаренко со Сталиным от 22 июня 1941 года. Никаких звонков от Сталина, как и самому Сталину, по первым дням войны не было и не могло быть. Только с появлением Сталина в Кремле 25 июня, колесо истории по обороне страны закрутилось с нужными оборотами.

Небольшое отступление от сталинской темы. У белорусского историка, профессора З.В.Шибeko промелькнула фраза о том, что “политические узники в 32 тюрьмах БССР расстреливались”. Это требует пояснения, так как тема необычна и выводит вновь на предвоенные события, тех, роковых дней, перед войной.

Обратимся к документу из сборника: “Приказано приступить. Эвакуация заключенных из Белоруссии в 1941 году”, Минск, 2005 г.

“Доклад Наркома государственной безопасности БССР Л.Ф. Цанавы первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко об итогах проведенной в западных областях БССР операции по аресту участников контрреволюционных организаций и выселению членов их семей

21 июня 1941 г.

Сов. секретно

г. Минск

Доношу итоговые данные проведенной операции по аресту участников **к-р** (**контрреволюционных**) организаций и формирований и выселению членов их семей и другого контингента, подлежащих выселению:

I. Операция, по заранее утвержденным планам, была начата в ночь **с 19-го на 20-е июня** одновременно по всем западным областям Белорусской ССР и, в основном, закончена в тот же день — 20 июня до 15 часов дня.

II. В результате проведенной операции всего репрессировано — **24412 душ**. В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских **к-р** организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого **к-р** элемента — 2059 чел.

2. Выселено — 22 353 душ. В том числе:

(Далее перечисляется количественный состав семей. — В.М.)

III. В разрезе областей вышеуказанный контингент репрессированных распределяется следующим образом:

1. БЕЛОСТОКСКАЯ ОБЛАСТЬ:

Всего репрессировано — 11905 душ.

В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских **к-р** организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого **к-р** элемента — **500** чел.

2. Выселено — 11405 душ. В том числе:

(Далее перечисляется количественный состав семей).

2. БРЕСТСКАЯ ОБЛАСТЬ: Всего репрессировано — 3339 душ. В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских **к-р** организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого **к-р** элемента — **300** чел.

2. Выселено — 3039 душ. В том числе:

(Далее перечисляется количественный состав семей)

3. **БАРАНОВИЧСКАЯ ОБЛАСТЬ:**

Всего репрессировано — 3199 душ.

В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских **к-р** организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого **к-р** элемента — **476** чел.

(Далее перечисляется количественный состав семей)

4. **ПИНСКАЯ ОБЛАСТЬ:** Всего репрессировано — 2662 душ. В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских **к-р** организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого **к-р** элемента — **363** чел.

2. Выселено — 2299 душ. В том числе:

(Далее перечисляется количественный состав семей)

5. **ВИЛЕЙСКАЯ ОБЛАСТЬ:** Всего репрессировано — 3307 душ. В том числе:

1. Арестовано и заключено в тюрьмы руководителей и членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских **к-р** организаций и формирований, чиновников быв. польского государства, белогвардейских офицеров, бежавших из Советского Союза, и другого **к-р** элемента — **420** чел.

2. Выселено — 2887 душ. В том числе:

(Далее перечисляется количественный состав семей)

IV. При проведении операции имели место следующие происшествия:

а) в Белостокской области два арестованных участника контрреволюционных организаций во время конвоирования бросились бежать. Сопровождавший их конвой, после неоднократных предупреждений, произвел несколько выстрелов, в результате чего оба арестованных были убиты.

б) в местечке Скидель Белостокской области жена полковника быв. польской, царской и белой армий Имижук Анна, 44-х лет, в момент прихода в ее квартиру оперативной группы, бритвой перерезала себе горло и тут же умерла.

в) в Столинском районе Пинской области жена арестованного участника к-р организации Баркевич, будучи доставлена на пункт погрузки, приняла сулиму. Баркевич была доставлена в больницу, где и умерла.

г) на хуторе Мервин Клейкого района Барановичской области оперативной группой вблизи дома бандита Сидорчика был обнаружен руководитель банды Мател, который пытался скрыться в лесу. Во время преследования Мател ранен и арестован.

д) в городе Белостоке при выселении Гужиудовской Ядвиги в ее квартире на чердаке изъят набор шрифта польского алфавита весом в 10 кг. Со слов Гужиудовской, набор шрифта принадлежит ее брату — Тельману Г.И. (находится на нелегальном положении).

е) в городе Гродно оперативной группой арестован подлежащий выселению быв. польский постерунковый полицейский Станкевич П.А., у которого в квартире обнаружено и изъято: топографическая карта Белорусской ССР, на которой нанесены дислокация войск вокруг города Минска и остальной территории западных областей БССР, с указанием частей по роду войск.

ж) в Вилейской области в Свирском районе при выселении семьи участника к-р повстанческой организации Пашунас, последний вышел из леса и произвел два выстрела по дочери депутата сельского совета, участвовавшей в операции, и скрылся, однако, от выстрелов никаких последствий не последовало.

Других происшествий не было.

V. Выселенные погружены в эшелоны и направляются к местам назначения.

Народный комиссар государственной безопасности

Белорусской ССР

Л.Ф.Цанава”

Что означает сей документ? Внутренними органами республики накануне войны была своевременно проведена “зачистка” западных областей республики от враждебных элементов, которые относились к местной “пятой колонне”. При нападении Германии они могли бы представлять собой прямую угрозу нашим войскам. В соответствии с приведением в полную боевую готовность регулярных частей Красной Армии от 18 июня, на следующий день НКВД Белоруссии оперативно начал зачищать тылы войск образовавшегося Западного фронта, особенно его приграничных областей. Как видит читатель, документ был направлен республиканскому руководству в лице П.К.Пономаренко. Второй адресат в документе, видимо, был союзный НКВД под руководством Л.П.Берия. Но Москву, как видите, решили к этому делу “не привлекать”.

Поэтому с улыбкой и читаем иногда мемуары высоких партийных, и иных чиновников, которые наивно утверждают, что о войне узнали, когда она началась. А до этого, дескать, ярко светило солнце и на небе ни облачка. Кругом тишь, да благодать и птички пели. Вдруг откуда ни возьмись появились немцы, и началась война.

Нет, уважаемые мои, в том числе и заредактированный “Пантелеймон Кондратьевич”! Всё вы знали заранее и данный документ, самое верное тому подтверждение. Зачистка тылов Красной Армии и выход ее частей к госгранице с занятием укрепрайонов, вот два основных компонента при отражении вражеской агрессии. Первый этап был выполнен войсками НКВД. Почему был сорван второй этап, об этом мы уже говорим не в одной главе.

Теперь что касается расстрелов, щемящих сердце слов — “политических узников”, то с данным контингентом читатель познакомился в первом разделе документа. Начинается война и всякие сентименты приходится оставлять в стороне. Жалко? А что прикажите делать? Речь идет о судьбе государства, и крайние меры являются суровой необходимостью в реалиях войны. С врагом не миндальничают, а его уничтожают. В противном случае враг уничтожит тебя. Что вытворяли на оккупированной территории Белоруссии все эти зондеркоманды из подобных элементов, перечисленных выше, думаю, говорить не стоит. Эти факты известны и особых комментариев не требуют. Так что всхлипывать по невинным жертвам, якобы, политических узников, думаю, не совсем уместно и корректно.

С другой стороны, можно же, конечно выразить, по-человечески, и сожаление по тем лицам, которые могли случайно попасть под топор войны. Не повезло. Такая судьба. Но, надо заметить, что семьи “КРов” не были осуждены к **ВМН**, а были, по возможности, вывезены в глубины России — Сибирь, Казахстан и прочее.

Думается, больший интерес должно представлять сообщение о еврейских контрреволюционных организациях. Скорее всего, это были сионистские организации, но все равно, забавно читать, что еврейские контрреволюционные организации готовят в тылу Красной Армии подлanky в пользу Гитлера. А через пару месяцев, когда уляжется пыль от немецкой техники, ушедшей на восток, на оккупированных западных территориях Советского Союза, начнется массовая зачистка от еврейского населения. Очень интересный, и крайне запутанный вопрос, который требует отдельного разбирательства и, который, напрямую связан с нашей “пятой колонной” в верхах.

Да, не удивляйтесь этому, уважаемый читатель. Вот такими они бывают, иногда — зигзаги истории.

Возвращаемся к нашему Пантелеймону Кондратьевичу. Тут к нему самому, как видите, накопилось немало вопросов, а мы хотели от него получить точные сведения о Сталине и первых днях войны.

Все же представляется очень маловероятным, все эти телефонные разговоры Пантелеймона Кондратьевича с Иосифом Виссарионовичем, к тому же, и к этим записям бесед Пономаренко с историком Куманевым, надо относиться более сдержанно. Это все же, не стенограммы переговоров Сталина, а вольный пересказ самого Пантелеймона Кондратьевича, к тому же, как видите, сильно заредактированный. Более того, все это было издано после смерти Пономаренко, а покойники, как известно — не возражают против того, что написано от их имени. Ведь с его мемуарами, еще при жизни, тоже вышла целая история. Вот как об этом рассказывает уже сам, Георгий Александрович Куманев.

“Мое личное знакомство с П.К. Пономаренко состоялось в ЦДСА 15 апреля 1965 г. на Международной научной конференции посвященной 20-летию Победы в Великой Отечественной войне, на которой он выступил на второй день её работы с интересным сообщением “Некоторые вопросы организации руководства партизанским движением”.

Потом были встречи еще на нескольких конференциях и совещаниях в 1966, 1970 гг. 11 мая 1972 года мне удалось “сагитировать” П.К. Пономаренко и генерала армии А.В. Горбатова побывать в гостях у коллектива нашего Института истории СССР АН СССР на торжественном заседании, посвященном 27-й годовщине Победы Советского Союза над фашистским блоком. И все же основные творческие контакты между нами ограничивались тогда телефонной связью.

Однако наши встречи стали особенно частыми, а отношения весьма теплыми и доверительными в последующие годы. В 1974 году Пантелеймон Кондратьевич обратился в институт с просьбой помочь в переработке рукописи его мемуаров о войне. Дело в том, что именно в это время бдительный “серый кардинал” М. А. Суслов провел в ЦК КПСС решение, согласно которому воспоминания политических деятелей страны отныне должны издаваться исключительно в Политиздате, а военных — в Воениздате.

Находившаяся в издательстве “Наука” рукопись мемуаров П. К. Пономаренко оказалась под угрозой исключения из издательского плана. Чтобы спасти положение, дирекция издательства предложила автору переработать текст воспоминаний в научно-исследовательский труд. В свою очередь руководство нашего института, **поручило коллективу** возглавляемого мною сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны оказать необходимую помощь автору в этом деле.

Мы с интересом откликнулись на указанную просьбу. Вскоре состоялась встреча сотрудников сектора с П. К. Пономаренко с его выступлением на нашем заседании, рукопись воспоминаний была обсуждена, отрецензирована, прошла первичное редактирование.

Но основная работа была еще впереди. Пантелеймон Кондратьевич трудился не покладая рук. В течение многих месяцев примерно два раза в неделю я ездил к нему на дачу во Внуково, где мы вдвоем (а иногда втроем с издательским редактором В. М Черемных) просматривали и нередко в горячих спорах обсуждали переработанные автором разделы, главы, а позднее — корректуру.

По ходу наших дискуссий или во время перерывов П.К.Пономаренко аргументировал те или иные авторские положения, комментировал затронутые сюжеты, рассказывал любопытные эпизоды, охотно отвечал на наши вопросы”.

Как следует из выше упомянутого текста, Пантелеймон Кондратьевич решил написать мемуары о своей жизнедеятельности, разумеется, осветив события и на посту Первого секретаря Компартии Белоруссии. Не оставил он без внимания, судя по всему, и события начального периода войны. И что из всего этого получилось? Его мемуары, как видно, не попадали в официальную “струю”. В Хрущевский период, о чем я говорил ранее в своих главах, официальная точка зрения на место Сталина в начальный период войны была такая: Сталин был в “прострации” и его не было в Кремле. Затем при Брежневе Сталин вновь был возвращен в Кремль, чтобы было на кого “повесить” все то, что “открылось нового” о Великой Отечественной войне в военной исторической науке. А, “открылись”, разумеется, частично, некоторые безобразия, которым нужно было дать оценку. Она, к сожалению, однозначно была негативной. Кто виноват в этом случае? Естественно Сталин. Но если одни деятели его убирают из Кремля, другие возвращают в Кремль, то, где же, был Сталин на самом деле?

Обратите внимание на то, как пришедшие к власти хрущевцы и их последователи обеспокоились теми обстоятельствами, что мемуары видных политических деятелей страны, особенно тех, кто работал бок о бок, со Сталиным, могут выпасть из-под их контроля, если будут издаваться в разных издательствах. Поэтому было решено ограничить их возможность быть изданными без должной проверки по официальной линии, будь то партийный деятель или крупный военачальник. Опасались, что излагаемые в мемуарах события не состыкуются с официальной точкой зрения.

А тут, не к месту, подвернулся П.К.Пономаренко со своими воспоминаниями, которые, тут и нечего гадать, портили всю ту “красочную” картину, которые нарисовали военные историки той поры. Поэтому перед этими воспоминаниям и загорелся красный свет. Но, стараниями друзей и сочувствующих, как видите, решили выкрутиться, издав их в другом формате.

“Работа над книгой П.К.Пономаренко “Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944” объемом более 40 п.л. продолжалась несколько лет. Последний вариант

доработанной и отредактированной рукописи неоднократно рецензировался в научных учреждениях, партийных инстанциях, посылался на апробацию в Белоруссию, на Украину, Северный Кавказ. Отзывы приходили весьма положительные, хотя и содержали ряд **конструктивных рекомендаций** и замечаний, связанных с некоторыми неточностями и пробелами. Все принципиальные предложения Пантелеймон Кондратьевич стремился учесть, и необходимые исправления быстро вносились в текст. По его просьбе, которую он считал необходимым даже согласовать с секретарем ЦК КПСС М.В.Зимяниным, мною было написано небольшое предисловие к книге. В июле 1981 года рукопись была сдана в набор, и к концу года поступила первая корректура. Казалось, еще два-три месяца и долгожданный труд, наконец, выйдет в свет”.

Пономаренко затянули “играть на чужом поле”. Научно- исследовательский труд — это согласитесь, все же не мемуарная литература. Поэтому, в данной работе, тем более посмертном издании, ничего личного, от воспоминаний Пономаренко, практически не осталось. Сухой, казенный язык официоза о партизанском движении на оккупированной территории, слегка разбавленный героическими эпизодами участников партизанских отрядов. И все! Особенно умиляет фраза о “конструктивных рекомендациях”. Что под этим подразумевала военная историческая наука, трудно сказать? Понятно, что готовился “научно-исследовательский труд”. Но, как мы знаем, по примеру спортсменов, на чужом поле очень трудно одерживать победы, тем более, если ты новичок в подобных соревнованиях.

“...Неожиданно производственный процесс резко застопорился. Два давних, мягко говоря, недоброжелателя П.К.Пономаренко: известный руководитель партизанского движения на Украине дважды Герой Советского Союза А.Ф.Федоров и бывший заместитель по диверсиям начальника Украинского штаба партизанского движения И.Г. Старинов — предприняли очередную, но на этот раз довольно продуманную акцию. В высокие партийные и государственные инстанции из Киева за подписью А.Ф.Федорова было направлено небольшое письмо (и серия его копий), в котором говорилось, что он (А.Ф.Федоров) ознакомился с рукописью книги П.К.Пономаренко и “дал ей добро”. Но через некоторое время как истинный патриот своей Родины он задумался: а не явится ли это произведение после опубликования прекрасным пособием для всех диверсантов и террористов в их борьбе против Советского государства. А поэтому не лучше ли издать книгу П.К.Пономаренко ограниченным тиражом “для служебного пользования” или вообще под грифом “Секретно?”.

В данном случае, надуманность принятого решения очевидна, а эти люди просто выполняли задание партии. В отношении И.Г. Старинова, сказать что-то определенное сложно, т. к. Илья Григорьевич тоже пострадал при написании собственных мемуаров: цензура нещадно вырезала “правду” о войне из его рукописи. Кроме того, ему “зажали” звание генерала, которое Старинов вполне заслужил своими ратными делами. Что же касается А.Ф.Федорова, то этот партийный деятель был довольно высокого ранга и вполне мог колебаться в соответствии с заданной линией партии.

“Почему Федоров и Старинов так ведут себя, чем вызвано их такое отношение к Вам?” — интересуюсь у Пантелеймона Кондратьевича.

Федоров, как и Хрущев, не мог пережить моего назначения начальником Центрального штаба партизанского движения. Я как-нибудь расскажу Вам, как все это произошло. Что касается Старинова, то причина его такого отношения ко мне тоже уходит в военную пору. В начале осени 1942 года ему удалось подписать у Ворошилова, назначенного 9 сентября Главкомом партизанского движения, распоряжение о массовом изготовлении новых типов мин для подрыва вражеских эшелонов. Главным агитатором этих мин был Старинов. Вскоре после снабжения ими партизанских отрядов в Центральный штаб партизанского движения стали приходиться тревожные сообщения: мины не взрываются. Только позднее была выявлена причина такого казуса: мины, которые активно пропагандировал Старинов, были рассчитаны на более тяжеловесные паровозы, какие имелись у нас, но никак не на немецкие. Потом партизаны с этим делом разобрались и

приспособили “стариковские мины” к подрыву поездов противника, но большие издержки были налицо. Старинов получил взыскание, хотя заслуживал более строгого наказания...”.

Дело, думается не в личностях, нашли бы других исполнителей воли руководителей высшего партийного звена. Цель — скомпрометировать Пономаренко и не дать возможности выпуска его, относительно правдивых мемуаров, а Федоров и Старинов — инструмент, как “фомка” для грабителя. К тому же высокие чины всегда стремятся сохранить видимость объективного судейства.

“Между тем письмо “истинного патриота” встревожило адресатов и достигло своей цели: “сверху” была спущена директива — издать работу Пономаренко тиражом не более 2 500 экземпляров под грифом “Для служебного пользования”. В таком виде, спустя полтора года, она, наконец, увидела свет и 9 марта 1983 года мне представилась возможность вручить её автору. Пантелеймон Кондратьевич был безмерно рад. На моем экземпляре книги он написал: “Дорогому Г. А. Куманеву на память о работе над книгой и с благодарностью за вложенный в неё труд. Пономаренко. 9.3.85. Внуково”.

Создали видимость демократии и свободы слова, а по сути, ограничили доступ к изданной публикации. Есть узкий круг лиц, кому предоставлена возможность прочитать книгу под грифом “Для служебного пользования”, а остальные пусть утрутся. А, ведь, надо учитывать, кем по должности, в свое время, был Пономаренко! Правил республикой Беларусь, которая имела самостоятельный статус в Организации Объединенных Наций. Это его, Пантелеймона Кондратьевича, Сталин ввел в 1952 году, в расширенный состав Президиума ЦК партии. Поэтому, в верхах, издания его мемуаров и боялись: много, чего мог, порассказать лишнего.

Но, все же наша общая радость омрачалась тем, что об этой книге ввиду ограничительного грифа нельзя было даже упоминать в исследованиях, библиографических описаниях, не говоря уже об откликах в средствах массовой информации. Словом, налицо парадокс: книга издана, а её вроде бы и нет.

Спустя какое-то время ответственный редактор книги академик А.М. Самсонов и я получили вызов к секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину. Он поручил нам обеспечить подготовку для открытой печати сокращенного варианта издания П.К.Пономаренко и добавил при этом, что освещение всех “партизанских изобретений”, тактических методов и других специальных вопросов из произведения Пономаренко следует изъять. В процессе новой работы было сокращено около 5 п.л. Открытый вариант книги был опубликован в 1986 году — через два года после кончины ее автора...”

Вот это, по-нашему, по партийному. Могли бы и на могилку принести книгу, о выходе которой мечтал усопший. Кстати, не надо обольщаться тем обстоятельством, когда говорят, что, дескать, автор не дожил до “светлого дня” и не увидел своего детища. Бывает, даже, лучше, что он этого не увидел, а то, мог бы умереть от разрыва сердца.

Согласитесь, что теперь, после смерти автора, кто же будет согласовывать издаваемую книгу, которая еще не вышла из издательства. Вот теперь-то, после смерти автора, как раз и наступает разгульное время: можно делать с еще не изданной книгой, что хочешь, практически, за руку, никто не схватит. И теперь безбоязненно в нее можно внести всевозможные редакторские правки или изъять те или иные главы, которое было бы немислимо сделать при живом авторе.

У кого есть сомнения, на этот счет, отсылаю к изданной после смерти Александра Ивановича Покрышкина его книге “Познать себя в бою” изданной в 1986 году. В раннем издании “Небо войны” Александр Иванович написал о некоторых мерзостях, которые творились в частях ВВС во время войны, в том числе и среди, “так называемого”, летного командного состава. Как думаете, сохранились ли те эпизоды, в новой книге, после смерти автора?

Конечно, в отношении мемуаров нельзя бросаться в крайности: или полностью отметить доводы автора или молиться на книгу, как на икону, в смысле истинной ценности. Лучше подходить к делу изучения воспоминаний участников войны, осторожно, помня, что с ними вытворяла советская цензура, вычищая достоверную информацию и заставляя авторов прогибаться под властью. И заметьте, к сожалению, что, чем дальше по времени, от происходящих событий, тем больше происходит искажение действительности. Поэтому, чтобы приблизиться к истине, необходимо тщательно анализировать предложенный читателю текст, включая в дело логику развития событий.

Да, действительно, много разного мусора натащили на могилу вождя!

Митинг на Московском заводе под лозунгом “Наше дело правое, враг будет разбит!”

Чадаев

Часть 1. Кремлевские воспоминания

Сложные чувства охватывают при прочтении данного материала. С одной стороны, человек приближенный к Сталину вспоминает те далекие, трагические дни начала войны и свое пребывание в Кремле. С другой стороны ощущается, какая-то фальшь, искусственность, надуманность. Какое-то чувство, что это не рассказ самого Чадаева, а нечто другое или точнее, рассказ Чадаева, но разбавленный теми “нужными” событиями, которые как раз и волнуют нас и поныне, в первую очередь. С одной стороны, Г.А.Куманев отличает в Якове Ермолаевиче, что “благодаря недюжинному уму, удивительной памяти, высокой степени организованности, инициативе и четкости в работе он умело справлялся с огромной и ответственной нагрузкой”, но в то же время, с другой стороны этого, как раз и не всегда наблюдается в его повествовании. С одной стороны мало в его рассказе того, чего он должен был бы осветить, как Управляющий в Кремле делопроизводством, а с другой стороны нам подсовываются именно те события, которые никаким боком не должны были бы касаться самого Чадаева. Хочу уточнить, что мы в данной работе рассматриваем довольно узкий отрезок времени — всего один день, 22 июня 1941 года, но связанный с именем Сталина. А посмотрите, сколько вокруг него нагромоздилось лжи. Ведь, на протяжении всего нашего небольшого исследования, мы только и занимаемся тем, что пытаемся “продрать” сквозь частокोल самого различного вранья: будь то, чьи либо воспоминания или опубликованные документы. Если бы все то, что нам представлено, было правдой, то не было бы разного рода вариантности. Правда — она или есть или ее нет. Эти все мемуары, как “блики” на поверхности Истории, если можно представить ее таким образом. Они — скорее, ложь, но другого нет и не предвидеться.

Что ж, давайте, рассмотрим еще один предложенный Г.А. Куманевым данный материал о беседе с человеком Сталинского времени — Яковом Ермолаевичем Чадаевым.

Его “воспоминания” о начале войны я разбил на несколько фрагментов. Пояснения будут даны ниже.

1). В субботний день 21 июня мне несколько раз пришлось приходиться в приемную Сталина — приносить для подписи или брать для оформления отдельные решения.

2). Члены Политбюро ЦК ВКП(б) в течение всего дня находились в Кремле, обсуждая и решая важнейшие государственные и военные вопросы. Например, было принято постановление о создании нового — Южного фронта и **объединении армий второй линии, выдвигавшихся из глубины страны на рубеж рек Западная Двина и Днепр, под единое командование.** Формирование управления фронта было возложено на Московский военный округ, который немедленно отправил оперативную группу в Винницу.

Политбюро ЦК заслушало сообщение НКО СССР о состоянии противовоздушной обороны и вынесло решение об усилении войск ПВО страны.

3). Вызванные на заседание отдельные наркомы получили указания о принятии дополнительных мер по оборонным отраслям промышленности.

Когда ко мне заходили работники Управления делами с теми или иными документами, то неизменно спрашивали, как дела на границе.

Я отвечал стандартно: “В воздухе пахнет порохом. Нужна выдержка, прежде всего выдержка. Важно не поддаваться чувству паники, не поддаваться случайностям мелких инцидентов...”

4). Руководители наших Вооруженных Сил от наркома до командующих военными округами были вновь предупреждены об ответственности, причем строжайшей, за неосторожные действия наших войск, которые могут вызвать осложнения во взаимоотношениях Советского Союза с Германией. Сталин дал даже распоряжение: без его личного разрешения не производить перебросок войск для прикрытия западных границ.

5). К концу дня у меня скопилось большое количество бумаг, требующих оформления. Я, не разгибаясь, сидел за подготовкой проектов решений правительства, а также за рассмотрением почты.

Приведенный выше текст, я разбил условно, на пять пунктов. Нечетные (1,3,5) — это, собственно, и есть, как мне думается, воспоминания Якова Ермолаевича о последнем предвоенном дне. Здесь нет военного умничанья, а просто, человек, занимающийся определенным делом в Кремле, у Сталина, вспоминает, что было с ним сорок (!) лет назад.

А вот четные пункты (2,4) — это очень похоже на то, о чем я говорил выше. Казенный официоз так и выпирает из этих, на мой взгляд, искусственных вставок. Особенно забавно выглядит п.2. Эту тему, о создании Южного фронта, мы уже рассматривали. Ну, скажите, зачем уважаемому Якову Ермолаевичу, сообщать нам о том, что было 21 июня заседание Политбюро именно по теме создания этого “злополучного Южного фронта”, через столько-то лет, помнить об этом? Или уж так захотелось поделиться радостью от причастности к “великим тайнам” Политбюро? Так в память врезалось данное заседание, что и через сорок лет всё помнит повестку дня? А дальше, наверное, еще больше захотелось поделиться военными “новостями”. Хотя война-то, давно закончилась, да “Чадаев” все никак не успокоится, а вроде, сугубо штатский человек.

Тема о создании Южного фронта, довольно подробно освещена в предыдущей главе, так что нам, уже, ясно, когда и с какой целью был создан Южный фронт.

Поэтому вернемся к воспоминаниям Чадаева. По поводу всего происходящего в данных публикациях, я решил вот что: если эти вставки делал не Чадаев, то надо их, кому-то, просто приписать. Но кому? Автор неизвестен, — не Куманеву же? Сделаем небольшое литературное отступление. Грибоедов при написании своего бессмертного произведения “Горе от ума” использовал фамилию для своего главного действующего лица — Чацкий. Не секрет, что под этой фамилией отображен его друг — Чаадаев. Трансформация данной фамилии Чаадаев — Чадаев — Чадский — Чацкий привела к появлению данного литературного персонажа. Так как, я сильно сомневаюсь, что всё, что нам предложено под фамилией Чадаев — настоящее, то я решил, всё то, что, на мой взгляд, является сомнительным — отнести к литературному творчеству некоего лица. Пусть это будет — Чацкий, как антипод нашему Чадаеву. Такую разбивку текста легче будет и прокомментировать. Итак, читаем, что получилось в дальнейшем.

(Чадаев) “Около 7 часов вечера позвонил А. Н. Поскребышев и попросил зайти к нему, чтобы взять один документ для оформления. Я сразу же зашел к нему. Поскребышев сидел у раскрытого

окна и все время прикладывался к стакану с “нарзаном”. За окном был жаркий и душный вечер. Деревья под окнами стояли, не шелохнув листом, а в комнате, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Я взял от Поскребышева бумагу. Это было очередное решение о присвоении воинских званий.

— Ну, что нового, Александр Николаевич? — спросил я. Поскребышев многозначительно посмотрел на меня и медлил с ответом. Обычно он откровенно делился со мной новостями, о которых знал сам.

— Что-нибудь есть важное?

— Предполагаю, да, — почти шепотом произнес Поскребышев”

Вполне объяснимое воспоминание по истечении стольких лет. О тревожном состоянии на границе с ним вполне мог поделиться и Александр Николаевич Поскребышев, тем, более что это никак не выходило за рамки дозволенного.

(Чацкий) — “Хозяин”, — кивнул он на дверь в кабинет Сталина, — только что в возбужденном состоянии разговаривал с Тимошенко... Видимо, вот-вот ожидается... Ну, сами догадываетесь что... Нападение немцев...

— На нас? — вырвалось у меня.

— А на кого же еще?

— Подумать только, что теперь начнется..., — сказал я сокрушенно, испытывая огромную досаду. — Но, быть может, это еще напрасная тревога? Ведь на протяжении нескольких месяцев ходили слухи, что вот-вот на нас нападет Гитлер, но все это не сбывалось...

— А теперь, пожалуй, сбудется, — ответил Поскребышев. — Уж очень сегодня что-то забеспокоился “хозяин”: вызвал к себе Тимошенко и Жукова и только что разговаривал с Тюленевым. Спрашивал у него, что сделано для приведения в боевую готовность противовоздушной обороны.

— Да... дело принимает серьезный оборот, — в замешательстве сказал я.

— То и дело поступают тревожные сигналы, — добавил Поскребышев. — Сталин вызвал к себе также московских руководителей Щербакова и Пронина. Приказал им в эту субботу задержать секретарей райкомов партии, которым запрещено выезжать за город. “Возможно нападение немцев”, — предупредил он”.

Хочу напомнить читателю, что Чацкий, по интеллекту значительно слабее Чадаева — ведь тот, как никак, был Управделами при Сталине (!), и поэтому, наш новоявленный персонаж, иногда выглядит чудаковатым. Интересно, на кого еще могли напасть немцы, находящиеся вблизи наших границ? А насчет Тюленева, Чацкий мог бы добавить и про 75 % боеготовности ПВО, о которых мы упоминали выше.

(Чадаев) “Позвонил правительственный телефон. Я вернулся к себе и долго находился под впечатлением сообщения Поскребышева.

(Чацкий) Тревожное чувство сохранилось, и я решил эту ночь провести у себя в кабинете. Но спал не более двух часов”.

Какое-то ребячество проскальзывает в действиях Чацкого. Уж не Анатолий Рыбаков ли вносил редакторские правки. Очень напоминает его “Бронзовую птицу”. Там, правда, двое мальчиков, в отличие от Чацкого, решили переночевать в одном помещении и по сути дела, это позволило им раскрыть тайну. А у нас всего один литературный герой. Зато, какой! Так что наш Чацкий вполне может сойти за двух мальчиков. Как и у Рыбакова, наш Чацкий остается на ночь, пусть и не в музее, но в более важном месте — Кремлевском кабинете, и там с ним происходят, не менее, удивительные вещи.

Во-первых, он узнает о войне. Он, конечно, мог узнать о ней и в другом месте, но, согласитесь, что в кабинете Кремля, интереснее. Кроме того, понимаете, в чем дело? Вот уже сколько приведено всякого рода фактов, которые могли бы, вроде, абсолютно точно доказать присутствие Сталина в Кремле, именно, 22 июня, но как видите, пока еще ничего не доказано.

И вот он, еще один “весомый” аргумент, в противовес моей версии. Некий Чацкий, под видом Чадаева, остался в одном из Кремлевских кабинетов с целью переночевать, а также своевременно узнать о начале войны.

Во-вторых, и это главное, утром увидеть и доложить нам, что версия об отсутствии Сталина в Кремле ошибочна.

(Чацкий) “Ранним утром 22 июня мельком видел в коридоре Сталина. Он прибыл на работу после кратковременного сна. Вид у него был усталый, утомленный, грустный. Его рябое лицо осунулось. В нем проглядывалось подавленное настроение. Проходя мимо меня, он легким движением руки ответил на мое приветствие...”

Ну, что тут сказать — нет слов, просто разведу руками. Видимо, я ошибся насчет Анатолия Рыбакова. Здесь явно поработал поэт:

“вид... усталый, утомленный, грустный...”, так и хочется добавить, о Сталине: “... он не пишет, нет! — диктует устно...”. Кто бы это мог быть из советских поэтов, частенько захаживающих в Кремль?

“...Проглядывалось подавленное настроение...” — прямо, художественное творчество. Одним словом — лирика.

Далее, снова пошла проза — “мельком видел” — это как? В дверную щелку или в замочную скважину? Это при таких обстоятельствах, наблюдая, возможно видеть мелькание людей? Такое, также, возможно, когда большое скопление движущегося народа и трудно уследить за всеми сразу. Если же Сталин шел по коридору, то где же, в это время, был наш Чацкий? Если шел навстречу Сталину, то какое же это мелькание? Не бегом же бежали навстречу друг другу? Если стоял в коридоре, то тем более, был в состоянии его разглядеть. Вон сколько строк в описании внешнего вида вождя. Почти, как в мемуарах у Жукова, даже еще хуже. И вот при таком состоянии, “Сталин” еще отвечает “легким движением руки” на приветствие Чацкому. Сценарий для комедии Гайдая. И это все нам преподносится только для того, чтобы сказать: “Был товарищ Сталин в Кремле 22 июня! Непременно, был! Вот, и Чацкий, подтверждает!”

Помните, что говорил в таких случаях известный режиссер театра Константин Сергеевич Станиславский? Я, тоже, присоединяюсь к его мнению.

(Чадаев) “Спустя какое-то время многие сотрудники Кремля узнали грозную весть: началась война! Первым делом я зашел к Н. А. Вознесенскому, поскольку он, как первый заместитель Председателя СНК СССР, вел текущие дела по Совнаркому. Когда я вошел в кабинет, Вознесенский в этот момент разговаривал по телефону с кем-то из военного руководства.

— Позвоните мне еще через час, — сказал он и положил трубку на аппарат. Настроение у него было хмурое, но достаточно уверенное. Всмотриваясь в мое лицо и напряженно о чем-то думая, он со сдержанным недовольством произнес:

— Вот видите, как нагло поступил Гитлер.

— Разбушевавшийся воробей человека не боится, — с оптимизмом заявил я.

Вознесенский долго и в упор посмотрел на меня и на вопрос: “Какие будут указания?” угрюмо ответил: “В данную минуту — пока никаких”.

Вот это уже похоже на правду. Я уже обращал внимание читателей на тот факт, что все те наркомы, которые прибыли 22 июня в Кремль общались, именно, с Вознесенским, хотя, как уверяет нас Чацкий, Сталин был в Кремле. Куда же он запропастился, в таком случае, когда шло заседание правительства, никто не знает. Правда, нас уверяют, что Сталин иногда не вел заседания, а сидел рядом с ведущим или ходил по кабинету с трубкой. Да, но в такой ответственный момент, мог же сказать товарищам, хотя бы пару слов ободрения для поддержки духа? Все-таки, не рядовое совещание — война началась. Ладно, сам не выступал, но присутствие Сталина, что-то, никто из наркомов не заметил и в своих мемуарах не отразил. Куда же он шел по коридору, в таком случае, если не на заседание в Совете? В неизвестность?

(Чацкий) В это время в кабинет вошла **Р. С. Землячка**. Поздоровавшись с Вознесенским и со мной, она, огорченно качая головой, произнесла:

— Все-таки свершилось вероломство, Николай Алексеевич.

— Да, удар нанесен сильный и внезапно, — заметил Вознесенский.

— А я специально зашла к Вам, чтобы спросить, какие новости на границе.

— Вчера поздно ночью стали поступать сообщения с западных границ, что в расположении немцев слышится усиленный шум моторов в различных направлениях и еще позднее из приграничных округов почти непрерывно начали сообщать о действиях авиации противника и затем, что немецкие захватчики вторглись на советскую землю. Первое военное донесение было получено в 3 часа 30 минут утра от начальника штаба Западного округа генерала Климовских. Он доложил, что вражеские самолеты бомбят белорусские города. Тут же поступило донесение от начальника штаба Киевского округа генерала Пуркаева, который сообщил, что воздушные налеты совершены на города Украины. И, наконец, из донесения командующего Прибалтийским округом генерала Кузнецова стало известно о налетах вражеской авиации на Каунас и другие прибалтийские города.

Далее Вознесенский подробно рассказал о том, что в это время происходило в кабинете у Сталина. Причем этот его рассказ весьма совпадает с тем, что изложено в книге маршала Жукова “Воспоминания и размышления”.

Очень сложно что-либо, сказать. Ну, как же можно было обойтись без Розалии Самойловны Землячки? Хотя и занимала, в свои 65 лет, высокий партийный пост в **ЦК партии**, но это, думается, все же, не повод, чтобы вот так, в Кремль, с утра пораньше. Это, видимо, было нужно для того, чтобы сообщить Вознесенскому о том, что “свершилось вероломство”? Каким же образом она узнала о начале военных действий? По радио сообщения пока не было. Как явствует из рассказа Чацкого, ее приход был до обеда. Может ей Сталин позвонил, как старому партийному работнику с большим революционным стажем? А может ее приход был не утром 22 июня, а в другой день, более знаменательный для страны, чем этот?

Потом, по тексту, как всегда, начинается перепев “Воспоминаний” Жукова. Все это венчает сообщение о том, что “рассказ” Вознесенского совпал со “сказками” Жукова. Ай, да Чацкий! Ай, да ... молодец! Кстати, начали бомбить города Белоруссии. Что же Чацкий не подсказал Вознесенскому, чтоб тот сообщил об этом Молотову? Может, тот успел бы вставить это сообщение в свою речь? Наверное, Розалия Самойловна его задержала...

(Чацкий) “К 12 часам дня я находился в своем кабинете и с тяжелым чувством приготовился слушать по радио речь В. М. Молотова. Война опрокинула у всех обычных распорядок мыслей. На душе было беспокойно, тревожно. Серьезность тона речи Молотова красноречиво говорила о том положении, в каком оказалась наша Родина.

Примерно часа через два после правительственного сообщения мне позвонили из приемной Молотова и передали приглашение прийти к нему. Не успел я зайти в его кабинет, как сюда же вошел Сталин. Я хотел было удалиться, но Сталин сказал:

— Куда Вы? Оставайтесь здесь.

Я задержался у двери и стал ждать указаний.

— Ну и волновался ты, — произнес Сталин, обращаясь к Молотову, — но выступил хорошо.

(Мог бы и добавить, что я, мол, тоже скоро выступлю по радио, где-то в начале июля, числа третьего, и учту все твои недочеты — В.М.)

— А мне казалось, что я сказал не так хорошо, — ответил тот. Позвонил кремлевский телефон. Молотов взял трубку и посмотрел на Сталина:

— Тебя разыскивает Тимошенко. Будешь говорить?”

Я уже отмечал невысокий интеллект товарища Чацкого. Слушать речь Молотова по радио в Кремле?! Да он, под видом Чадаева, находясь, в центре событий, общаясь со всей “верхушкой” власти в стране, стал бы слушать речь наркома иностранных дел в своем кабинете? Речь, которая была обращением к рядовому советскому человеку, которого просто ставили перед фактом, что началась война. А после всего, что услышал из динамика радиоприемника, еще и пошел в кабинет Молотова? Говорит, что позвали. Наверное, чтобы посмотреть на живого Молотова? Здесь происходит вторая за день встреча с вождем. Надо же подтвердить, что Сталин в Кремле. Кстати, проясняется и отсутствие Сталина в утреннее время. Вот по какой причине его не видели наркомы. Сталин, как и Чацкий, видимо, заперся в каком-то кабинете (Кремль-то, большой), и слушал речь своего боевого товарища Молотова. Сам же признался: “Ну и волновался ты. Но выступил хорошо”. Еще бы! Разве мог иначе? Молотов же утверждал, что речь вместе со Сталиным готовили. Хотя, видите, сам Вячеслав Михайлович, своей речью не совсем доволен. Может, догадался, что его военные подставили. А Сталин, как всегда, не догадался насчет военных и направления ударов немцев, видите, даже похвалил Молотова. Что с него взять? Понятное дело — только духовную семинарию окончил.

Вот как нам быть? В.Жухрай уверяет, что Сталина почти в бессознательном состоянии увезли на дачу, а у Чадаева, как видите, гуляет по Кремлю, слушает по радио речь боевого друга Молотова и звонит наркому Тимошенко, который по Жуковским воспоминаниям готовит важные документы. Может данные мемуары поначалу были выпущены в серии “Научная фантастика”?

(Чадаев) “Сталин подошел к телефону, немного послушал наркома обороны, потом заявил:

— Внезапность нападения, разумеется, имеет важное значение в войне. Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но Вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте в виду — немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии. Надо строго-настрога предупредить командующих о недопущении какой-либо паники. В директиве об этом скажите... Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с последней сводкой... Свяжитесь еще раз с командующими, выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется Вам времени? Ну, хорошо, два часа, не больше... А какова обстановка у Павлова?

Выслушав Тимошенко, Сталин нахмурил брови.

— Поговорю сам с ним...

Сталин положил трубку на аппарат и сказал:

— Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на границе! Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается на то, что опоздала в войска директива. Но разве армия без директивы не должна находиться в боевой готовности?

Я внимательно наблюдал за Сталиным, думая в тот момент, какую все-таки огромную власть он имеет. И насколько правильно сможет употребить эту власть, от чего зависит судьба всей страны..."

Не хочется повторяться, но это, все же, другой временной отрезок, другие дни после 22 июня. Сравните с воспоминаниями Пономаренко. Почти, те же слова о направлении Шапошникова на Западный фронт к Павлову и прочие военные глупости. А что еще "вспомнишь" через сорок лет о войне?

Над Чацким можно иронизировать до бесконечности, поражаясь убогости его умозаключений. Некий "Сталин", что-то умничает по телефону, а читателю подсовывается: "какую все-таки огромную власть он имеет". Надо полагать, что это и является главным моментом, на который надо обратить внимание?

Дальше, то же, самое. Но Чацкий, чем-то похож на Совинформбюро, передающее сообщения с фронтов. Правда, он, как всегда не в ладах с логикой: не успели подтянуть войска, то есть, не хватает живой силы, но зато — надо нанести контрудар. Этого мы у Жукова начитались. Видимо, и Яков Ермолаевич брал в руки книгу Георгия Константиновича.

(Чацкий) "Они (войска) оказались в очень тяжелом положении: не хватает живой силы и военной техники, особенно самолетов. С первых часов вторжения господство в воздухе захватила немецкая авиация... Да, не успели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени. Надо немедля нанести контрудары по противнику".

Весь дальнейший текст досконально приводить не имеет смысла, поэтому остановимся на самом существенном. Трудно иной раз отделить Чадаева от Чацкого, так их порой переплетают редактора.

(Чадаев, Чацкий) "В первый день войны мне довелось присутствовать на двух заседаниях у Сталина и вести протокольные записи этих заседаний. Что особенно запомнилось — это острота обсуждаемых вопросов на фоне отсутствия(?) точных и конкретных данных у нашего высшего политического и военного руководства о действительном положении на фронтах войны. Несмотря на это, решения были приняты весьма важные и неотложные".

А зачем нашему “высшему политическому и военному руководству” точные данные? Они и сами с усами. Тем более что есть “Сталин”. Вот пусть и думает по “острым вопросам”. А их задача, высшего руководства страны, только решения принимать: “важные и неотложные”. Что заседания были — не вопрос. Сколько их было у Чадаева за 10 лет — не перечить. Но, в данный момент, получается, прямо Штирлиц наоборот. Тот ведь уверял, что запоминается последнее. У нас же нет — особенно запомнился день 22 июня и два заседания у Сталина? Может, все же в кабинете Сталина? Да и наркомы утверждают, что заседание вел Вознесенский. Как быть? Кому верить?

(Чадаев) В течение 22 июня после визита к Вознесенскому я побывал также с документами у других заместителей Председателя Совнаркома. Нетрудно было убедиться, что почти все они еще не испытывали тогда больших тревог и волнений (Это Сталин стал не похожим на себя, от переживаний. — В.М.) Помню, например, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина (или все же в кабинете Сталина? — В.М.), я шел позади К. Е. Ворошилова и Г. М. Маленкова (стенографировал, наверное, для истории. — В.М.). Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора. Примерно такого же мнения придерживался тогда и В.М.Молотов”.

Разумеется, если сведения на фронтах будут сообщать им Тимошенко с Жуковым из Наркомата обороны (Ставки)?

На этом мы прервем приведенные воспоминания Я.Е.Чадаева, с которыми он “поделился” с Г.А.Куманевым, и обратимся к другой его истории. Она, в чем-то схожа с тем, что произошло с Пономаренко. Речь идет об издании его мемуаров. Чем кончилась история подобного издания у Пономаренко, известно. Вместо мемуаров вышла исследовательская работа — ни уму, ни сердцу. Теперь небольшое повествование по поводу одиссеи мемуаров Чадаева. Вот как это описывает Г.А. Куманев.

“Яков Ермолаевич напряженно трудился над мемуарами (“Мои воспоминания”), по несколько раз переделывая и перепечатывая отдельные главы и разделы. Их главную источниковую основу составили почти ежедневные записи (в том числе стенографические) автора различных заседаний, проходивших у Сталина во время войны. **“Таких записей и других материалов у меня накопилось на восемь чемоданов”**, — не раз говорил Я.Е.Чадаев. (Правда, по его же более позднему свидетельству, после перепечатки последнего варианта рукописи он ликвидировал(?) все эти записи и заметки военного времени, “занимавшие слишком много места в квартире”).

Где-то в 1983 г. Чадаев решил подготовить краткий вариант своих воспоминаний. Он попросил меня ознакомиться с полным текстом мемуаров и отметить наиболее важные и интересные места. Так появилась в сжатом виде почти готовая мемуарная рукопись объемом около 38 а. л. После перепечатки Чадаев направил ее в Комитет по печати, откуда она попала в Политиздат. Этими воспоминаниями там зачитывались, их похваливали, но, увы, результат оказался нулевым. По “высоким соображениям” начальство из ЦК “не сочло дать добро”. Так объяснил Якову Ермолаевичу отказ в публикации мемуаров один из руководителей Политиздата”.

Как и П.К. Пономаренко, наш герой решил издать мемуары. Особенность их состояла в том, что Яков Ермолаевич обладая возможностями стенографиста, вел записи своей Кремлевской работы. Вы представляете, какой клад для исторической науки они являли собой? Он подготовил максимально возможный объем своей работы и представил в издательство. Но вышло Постановление ЦК по мемуарной литературе партийных и военных деятелей, где все, подобного рода мемуары, должны были издавать в одном месте — ПОЛИТИЗДТе. Таким образом, Чадаев должен был направить свои стопы в данное издательство. Представляете состояние главного редактора, когда Яков Ермолаевич выложил на его стол свое сокровище. Да, с точки зрения исторической науки — это все, конечно, здорово! Но не забывайте, что наверху сидели еще те, кто был причастен и к убийству Сталина, и к государственному перевороту в июне 1953 года, а самое

главное — к событиям 1941 года. Очень им нужны мемуары разных деятелей: пономаренко, чадаевых, пересыпкиных и им подобных. И посылают они этих людей, с их правдой, куда подальше. А как же стенографические записи Якова Ермолаевича, что с ними стало? — спросите вы. Со слов Куманева, после завершения машинописного варианта рукописи мемуаров, Чадаев, дескать, все свои записи ликвидировал. Так ли это было на самом деле? — остается только догадываться. Столько лет эти записи находились в квартире Чадаева и не мешали ему и вдруг, стали “занимать слишком много места в квартире”. С чего бы это? Разумеется, что до тех пор, пока Чадаев не принес рукопись своих мемуаров в Политиздат, о наличии этих записей у него, никто, даже, и не догадывался. А здесь, в редакции, от него видимо, потребовали подтверждения написанного. Естественно, он дал объяснения. Теперь эти записи были обречены на забвение. Такой, по сути дела, “взрывной материал” не должен был попасть ни в чьи руки. Думаю, что не открою особого секрета, если предположу, что на квартиру к Чадаеву явились сотрудники грозного ведомства и просто изъяли все эти записи. Скорее всего, была установлена определенная договоренность с властью, потому что Куманев, говорит о подготовке Чадаевым сокращенного варианта мемуаров. Кстати, сам же помогал ему, как пишет, подготавливать данный материал. Но, представляется, что Чадаева, как и Пономаренко, тоже “перетянули играть на чужом поле”. Результат известен. Этих мемуаров мы не дождемся никогда. Будем довольствоваться вот такими изданиями воспоминаний Чадаева — Чацкого и на том, как говорится, спасибо.

А после истории с попыткой издания своих мемуаров Яков Ермолаевич, почему-то, недолго задержался на белом свете. Куманев продолжает свой рассказ:

“В творческом плане Чадаев был неутомим. Он намеревался в течение двух-трех лет написать большую книгу о руководителях Советского государства времен Великой Отечественной войны... Вот только бы позволило здоровье, а оно меня все больше тревожит”, — сокрушался Чадаев.

К сожалению, эти тревоги не оказались напрасными: все чаще он стал отлучаться по лечебным делам в санатории, продолжительно болел и дома. Осенью 1985 г. Яков Ермолаевич оказался в больнице, где 30 декабря того же года скончался...”

На такой грустной ноте, мы и заканчиваем наше исследование о воспоминаниях одного из тех, кто трудился рядом со Сталиным в тяжелое военное время.

Часть 2. Мог ли Чадаев издавать такие документы?

В этом маленьком по объему материале, похоже, мы снова столкнулись с Чацким. Он был у Сталина и взял подписанные им документы.

"Постановление 1728-737с СНК СССР

23 июня 1941 г. Москва, Кремль.

О комиссии по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации.

СНК СССР постановляет:

Создать при Совнаркоме СССР Комиссию по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации на 1941 год в составе: т.т. Ворошилова К.Е. (Председатель), Шверника Н.М., Шапошникова Б.М. (с заменой, в случае отсутствия, т. Соколовским)

Председатель СНК СССР И. Сталин

Управляющий делами СНК СССР Я. Чадаев"

Этот документ из той же серии “Яковлевских”, что и приведенный ранее “О Ставке”, сравните номера (О Ставке № 1714 — 733 сс). Теперь, далее по оформлению документа. Секретность! В чем секретность комиссии? Если для современных исследователей военной истории, то да. Просто обязательно. Почему убрали вторую букву “с” после номера документа? Видимо побоялись переборщить с секретностью. Перед комиссией, как всегда в таких случаях “мухляжа”, не ставятся ни цели, ни задачи. Потому что из содержания можно было бы легко понять время разработки и выпуска документа. В нашем случае, мы это и наблюдаем. Название документа. Кого собирается освобождать комиссия от призыва по мобилизации и кому собирается давать отсрочку? Судя по всему, название намеренно сократили. Об этом, чуть ниже.

Состав комиссии при СНК СССР вызывает вопросы. Если Ворошилов — занимается военными вопросами при СНК, как заместитель Сталина, то Н.М. Шверник — 1-й секретарь ВЦСПС, каким боком туда влез. Шапошников — все время при Генштабе, хотя и входящего в состав наркомата обороны. Если бы знали цели комиссии, то был бы ясен объединяющий мотив этих должностных лиц?

Теперь, что касается подписей должностных лиц в приведенном документе. При подписании подлинных документов на русском языке при написании должностного лица, ВСЕГДА ставилась его фамилия и инициалы его ИМЕНИ и ОТЧЕСТВА. Но, есть одна тонкость. При газетных публикациях или в иных печатных изданиях допускается ОТЧЕСТВО опускать. Так принято в журналистике и в издательском деле. Поэтому, если нам приводят так называемые “подлинники” документов, то их “стряпают”, видимо, исходя из выше приведенных разъяснений как для издательского дела, что показывает их искусственную сущность. Поэтому Сталин, с одной буквой в имени, без отчества — очень сомнителен. Да и сам Управляющий делами, но уже с одной лишней буквой в фамилии, выглядит весьма забавно. Это по сути, тот же Чацкий, т. к. настоящая фамилия Управляющего делами была — **Чадаев**, а не как дальнего предка известного русского мыслителя и общественно-политического деятеля 19 века П.Я. Чаадаева.

Что нам предложено? Если это подлинный документ, т. е. по мысли публикаторов, который должен был подтвердить наличие Сталина в первые дни в Кремле, то он что, оформленный таким образом и попал в перечень Постановлений СНК СССР? Глупость! Не более того. Это мог быть проект документа, подписанный Сталиным. Тогда возникает новый вопрос. Каким образом Сталин подписал документ, который не оформлен должным образом. Еще раз приглядитесь к пометке, сделанной Сталиным. Это поручение Чадаеву. Выяснить: кто есть кто, и впечатать в документ. Не может в таком виде оформленный документ выйти за стены кабинета Сталина. Документы издаются для работы, а не для того, чтобы показывать будущим историкам при ЦК КПСС. При таком написании документа, кому прикажите исполнять поручение. Шапошникову или Соколовскому? Чадаев должен был выяснить, где в данный момент находится маршал и, только убедившись в его отсутствии в Москве, впечатать в текст Соколовского, да и то при условии согласования с тем начальством, в подчинении которого тот находился. В данном случае, Г.К. Жукова, как начальника Генштаба или наркома обороны К.С. Тимошенко. Если это проект документа, то кто же его подготовил? Не Чадаев же? Неужели Управделами СНК СССР должен был заниматься мобилизационными вопросами? Кто же, тот таинственный незнакомец, принесший данный проект на подпись Сталину и главное когда?

Есть предположение о создании подобной Комиссии по отсрочкам и освобождению. По воспоминаниям Н.В.Новикова, работающего в наркомате иностранных дел, после объявления о мобилизации 23 июня, практически все работники его отдела ушли добровольцами на фронт. Некому стало работать в отделе, хотя объем работ возрос в связи с изменившимися обстоятельствами. Думается, в целях не допущения дестабилизации работы в высших органах власти и была создана комиссия с целью упорядочения призыва на военную службу сотрудников данных учреждений. Но это другой временной отрезок, более позднего времени, чем предложенный читателю в “документе”.

Глава 25. О чем, молчали Сталинские наркомы?

В этой, тоже, небольшой главе мы рассмотрим воспоминания некоторых наркомов, которые были первый день войны в Кремле и должны были, по идеи, видеть Сталина, который был председателем Совнаркома.

Военный историк Куманев Г.А., в свое время, задавал им вопрос, как и где они встретили первый день войны? Ответы некоторых бывших наркомов, заставляют по-новому взглянуть на события первых дней войны. Но нас, как всегда, конечно же, интересует, встречались ли они в первый день в Кремле со Сталиным? Остальные наркомы, представленные в книгах Г.А.Куманевым, которые, по ряду обстоятельств не смогли быть в Кремле 22 июня или отсутствовали на тот момент в Москве, не попали в зону нашего внимания.

Ковалев И.В. — “Начало войны застало меня в Наркомате государственного контроля, в моем рабочем кабинете. **22 июня 1941 года**, как и **последующие три дня**, сотрудники Наркомата государственного контроля, пребывали в каком-то неопределенном положении. Каждый чувствовал, что война, словно лавина вторгается в наш дом, что надо что-то делать, а что именно, никто не знал. Наркому и начальнику Главпура (его назначили на этот пост 21 июня) Мехлису было не до нас. Мы с Поповым, заместителем наркома, были дезориентированы...

Для меня это “подвешенное” состояние закончилось **26 июня**, когда я был вызван в Кремль к И.В.Сталину...

Сталин выглядел необычно. Вид не просто усталый. Вид человека, перенесшего сильное внутреннее потрясение. До встречи с ним я по всяким косвенным фактам чувствовал, что там, в приграничных сражениях нам очень тяжело. Возможно, **назревает разгром**. Увидев вождя понял, что худшее уже случилось. Хотя внешне был спокоен, и, как всегда, удерживая в левой, усохшей и полусогнутой руке трубку, правой рукой не спеша начинал ее табаком...”

Это тот самый Ковалев, который сорвал немцам блицкриг. Неплохо “отдохнул” Иван Владимирович впервые дни войны. Лишнего не дали сказать, но и то, что прошло в печать, как видите, дает пищи для размышления. Когда его призвали к активной жизни? Через несколько дней после начала войны. Что мы и предполагали, объясняя это отсутствием Сталина в Кремле. Обратите внимание на описание состояния вождя: “Вид не просто усталый...”. Интересно, есть ли чьи-нибудь воспоминания о каком-либо члене Политбюро, чтобы он выглядел впервые дни войны вот так же, как выглядел Сталин? Хотя, думается, многие переживали о случившемся, но чтобы, как Сталин — ни один!

Далее будут предложены воспоминания наркомов, которые придут на совещание к заместителю Сталина — Вознесенскому Н.А. Как всегда в их воспоминаниях найдутся противоречия.

Шахурин А.И. — “21 июня 1941 г., в субботу, я возвращался с работы на дачу несколько ранее обычного — в 2 часа ночи. В канун выходного дня семья всегда просит приехать пораньше...”

По воскресным дням обычно приезжал в наркомат после обеда. Завтрак и обед, если была возможность, проводил с семьей. Таков был план и на этот раз, на 22 июня.

Приехав, не спеша помылся, поужинал и около 4 часов лег спать, рассчитывая, что впереди полных шесть часов сна. Но прошло только два часа и в шесть часов утра по правительственному телефону позвонил В. М. Молотов: “Товарищ Шахурин, началась война. Фашистские войска совершили вероломное нападение на наши западные границы. Немецкая авиация бомбит приграничные аэродромы и города. Срочно приезжайте в наркомат”. Позвонив дежурному по наркомату и передав сказанное мне В. М. Молотовым, попросил немедленно вызвать в наркомат всех заместителей, начальников главков и управлений, секретаря парткома, предупредив, что буду в наркомате через 30 минут...

Дежурный секретарь доложил: “Звонил Николай Алексеевич Вознесенский, просил Вас позвонить по приезду в наркомат”...

Позвонил Вознесенскому. Он спросил, известны ли мне последние данные. Рассказываю, о чем сообщил Молотов. Вознесенский дополняет более поздними сведениями о налетах фашистской авиации и предлагает приехать к нему в 9 часов на совещание по разработке мобилизационных мероприятий...

Приехал в Госплан. Вознесенский, в обычных-то условиях человек серьезный, сейчас был особенно сосредоточен, да и все мы за эти несколько часов очень изменились...

Вознесенский, открыв совещание, прежде всего подчеркнул, что война предстоит тяжелая, нужна максимальная мобилизация наших ресурсов. Перед наркоматами обороной промышленности поставил задачи: срочно в течение одних суток разработать план максимального производства вооружения для армии, исходя из того, что мобилизационные планы промышленности должны были быть уже заранее подготовлены; изыскать заменители остродефицитных материалов и материалов и изделий, получаемых из-за границы...

Партия и правительство разрабатывали программу разгрома врага, создавались новые органы. 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным. Советский народ направил все силы на разгром коварных фашистских орд, вторгшихся на нашу территорию...

Начались дни, месяцы и, как потом оказалось, и годы работы авиационной промышленности в условиях Великой Отечественной войны. На третий день войны, 24 июня, на заседании Политбюро ЦК с обсуждением вопросов танковой промышленности было заслушано и мое сообщение. Политбюро приняло решение о переброске оборудования авиазаводов в глубокий тыл и об ускорении строительства предприятий авиационной промышленности в восточных районах...”.

Шахурин утверждает, что вызвали его к Вознесенскому, но поехал он, как говорит, в Госплан. Да, хоть в Кремль, какая разница? Главное, о Сталине, впервые дни войны, ни слова. А потом, сразу, быка за рога — образован ГКО и там был Сталин. Это мы и без него знаем, а официоз и не отрицает этого факта. Упомянул мельком заседание Политбюро, состоявшееся 24 июня, но был ли там Сталин — глухое молчание. Может и Сталин на том заседании молчал в уголке, потому Шахурин его и не заметил?

Горемыкин П.Н. — Войну я встретил в 4 часа 20 минут в здании, которое находилось напротив собора Василия Блаженного и где размещалось Главное артиллерийское управление (ГАУ). Там под председательством начальника ГАУ, заместителя наркома обороны СССР маршала Кулика заседала комиссия (созданная Комитетом обороны СССР) по вопросам наращивания мобилизационных мощностей по боеприпасам. В комиссию, кроме меня, входили нарком черной металлургии Тевосян, нарком цветной металлургии Ломако, заместитель председателя Госплана СССР Борисов и ряд работников Генерального штаба и Главного артиллерийского управления. На этом заседании обсуждались разные проблемы об увеличении выпуска боеприпасов и их размещении по военным округам. Очень резко были поставлены вопросы **генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым**. Он говорил о необходимости существенной доработки мобилизационного плана по боеприпасам, имея в виду увеличение цифровых заданий...

Раздался звонок от помощника Сталина Поскребышева. Он сообщил, что немцы бомбят наши города. Получив еще какие-то известия, Кулик поднялся со своего места и сказал:

— Я покидаю вас, вести заседание будет генерал-лейтенант Николай Дмитриевич Яковлев, который назначен начальником Главного артиллерийского управления. Заседайте и все вопросы теперь решайте с ним.

Через некоторое время в виду изменившейся обстановки было решено заседание прервать тем более, что должны были последовать важные решения Политбюро ЦК, связанные с началом войны.

Часа через 2–3 не успел я доехать до дачи, как мне позвонил заместитель Председателя СНК СССР, наш куратор Николай Алексеевич Вознесенский. Он сообщил, что состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), **на котором было утверждено** выступление Вячеслава Михайловича Молотова по радио о вероломном нападении гитлеровской Германии и ряда ее союзников на СССР и вынесены важные решения по мобилизации всех сил страны на отпор врагу. Я должен был срочно приехать к Николаю Алексеевичу. После моего прибытия Вознесенский тут же дал указание подготовить мероприятия для обеспечения мобилизационного плана, принятого 6 июня Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б). Хотя Наркомат боеприпасов СССР имел свой мобилизационный план, было сказано о необходимости пересмотреть его в сторону значительного увеличения плановых заданий. В заключение Вознесенский остановился на новых задачах и требованиях, которые диктует военная обстановка.

Так началась моя деятельность во время Великой Отечественной войны. Трудная и ответственная. Каждый из нас, конечно, глубоко переживал случившееся. Но какого-то уныния, подавленности не было. А была растущая уверенность: мы обязательно победим. Но для этого нужно отдать все силы, чтобы обеспечить важнейшие нужды фронта...

Что касается Н.А. Вознесенского? Как видите, данный участник беседы с Куманевым сообщает, что Вознесенский с утра был в Кремле (состоялось совещание Политбюро) и лишь после этого, Вознесенский собрал наркомов, но где, понять трудно? Для нас важно, что о Сталине опять ни слова. Здесь, на удивление, промелькнул Г.К.Жуков. Оказывается, по воспоминаниям Петра Николаевича, ранним утром Жуков был в ГАУ, где рассматривались вопросы по боеприпасам. Интересное сообщение. К сожалению, Георгий Константинович ни подтвердить, ни опровергнуть эти данные уже не может. Но, не зря же, его мемуары, называют сказками.

Несколько слов о тексте выступления Молотова. Как видите, текст был утвержден на заседании Политбюро. Я предполагал, что существовала “рыба” данного выступления, куда надо было, просто вписать те события, которые произойдут по началу войны. Разумеется, что в данном случае, смогли обойтись и без Сталина, но документа подтверждающего данное заседание, на удивление, “не сохранилось”. Об этих странностях, мы уже вели речь ранее, когда подробно рассматривали речь Молотова.

Гинсбург С.З. — В конце воскресенья 22 июня 1941 г., после напряженной трудовой недели многие сотрудники наркоматов, в том числе и я, уехали за город, в дом отдыха. Рано утром, когда большая часть отдыхающих еще спали, я ушел побродить по парку вдоль Москвы-реки. Возвращаясь с прогулки, услышал настойчивый звонок телефона, находившегося в пустой комнате дежурной. Я взял телефонную трубку и сразу узнал взволнованный голос первого заместителя Председателя Совнаркома СССР Николая Алексеевича Вознесенского. Он сообщил мне, что немецко-фашистские войска вторглись на нашу территорию и открыли боевые действия против СССР. Вознесенский попросил сейчас же оповестить о начале войны других наркомов, находившихся в доме отдыха, и чтобы все они немедленно прибыли в Кремль.

Первый вопрос, который я себе задал: что это будет за война и сколько она продлится? Но на такой вопрос никто тогда бы не ответил. И если я кого-то спросил об этом, тот просто бы меня высмеял.

Приехав в Москву, мы сразу же явились к Вознесенскому. Сообщив коротко о сложившейся тяжелой военной обстановке и не вдаваясь в подробности, Николай Алексеевич сказал, что нужна максимальная мобилизация наших ресурсов и предложил в кратчайший срок ввести военную

дисциплину в ведомствах усилить бдительность и каждому из нас лично обеспечить выполнение первоочередных заданий. Они будут даны незамедлительно.

Настроение у народных комиссаров, покидавших кабинет Вознесенского, было тревожное. Все сосредоточенно размышляли, оценивали услышанное, понимая, какой громадный объем задач предстоит оперативно решать их коллективам в новой, изменившейся обстановке...

В конце июня 1941 г. в Кремль были вызваны руководители промышленных наркоматов и ряда важнейших хозяйственных учреждений. **В Овальном зале с кратким сообщением к нам обратился Сталин.** Все присутствовавшие стояли. Откровенно заявив об очень трудном положении, создавшемся на фронте, он предложил в первоочередном порядке отправить на Урал и ввести в действие броневые станы, которые необходимы для производства танковой брони...

Вот и в данном случае, снова наркомов приглашают в Кремль к Вознесенскому. О Сталине как всегда молчок, но это, что касается первого дня войны. Смотрите, как переменялась картина, когда в Кремле появился Сталин. Может, кто-то хочет возразить, что такая церемония (все стояли, слушая речь) проходила на каждом совещании в Кремле. Надо полагать, что наркомы с начала войны не видели Сталина, вот он и, собрав всех вместе, обратился к ним с речью. Скорее всего, это произошло 30 числа, когда он возглавил ГКО и в зале присутствовали представители советских и партийных органов.

Предваряя данное интервью Хрулева, хочу уточнить, что оно было дано Куманеву в 1960 году, когда о Сталине, тем более о его пребывании в Кремле, нельзя было и заикаться.

Хрулев А.В. — Когда началась война, я был дома, и в этот день меня никто и никуда не вызвал. До 21 июня никаких указаний я не получал, и 22 июня я тоже ничего не получил. О фашистском нападении узнал по радио. И затем в течение двух суток я никуда не приглашался и сам никуда не ходил...

В этом тексте, трудно выделить значимую фразу. Все слова криком кричат. Ладно, Ковалев был в наркомате госконтроля и с началом войны функции госконтроля для данного периода еще не были определены. Но Хрулев-то, снабженец, тем более армейский. И что, вот так два, даже вполне возможно, три дня ничегонеделания? С трудом в это верится и невозможно представить? К тому же, не очень-то, видимо, разговорисься в хрущевские времена о начале войны, тем более о Сталине.

Г. А. Куманев: “Что предприняли органы снабжения впервые дни войны?”

— **Мы ничего не предпринимали недели две.** Больше думали над тем, что же нам делать? Ведь наши войска отступали по всей территории и, как говорится, седлали тыл со всеми его запасами. Поэтому в снабжении фактически не нуждались и к тому же почти все время шли по хорошим дорогам. Они не только сами питались, но и бросали очень много.

Когда, например, мы начали отходить на Бологое, у нас было там сосредоточено большое количество складов. Мы не знали, что делать со снарядами, возить нам ничего не надо было, наоборот, надо было вывозить или бросать, что и делалось...”

Это конечно, очень интересно, по поводу того, что делало высшее военное руководство в целях обеспечения Красной Армии. Если следовать логике товарища Хрулева, то получается, что для того, чтобы себя обеспечить всем необходимым, Красной Армии надо было отступать, так как все требуемое находилось в тылу без движения. Поэтому, видимо, и катились войска на восток первые две недели войны без остановок, потому что, как же воевать без боеприпасов и продовольствия, в первую очередь.

А вот оценку деятельности Сталина на посту Верховного главнокомандующего и прочих должностях, которую выдал Хрулев — выше всяческих похвал! И получается, что под чьим же тогда руководством была одержана великая Победа? Жуков и рядом не стоял. Читайте похвалу Сталину!

Г. А. Куманев: “Нельзя ли Вас попросить немного подробнее охарактеризовать Ставку ВГК и Государственный Комитет Обороны, на заседаниях которых Вам приходилось бывать?”

— Государственный Комитет Обороны (ГКО) — это кабинет Сталина. Что служило аппаратом ГКО? Особый сектор ЦК партии, аппарат Совнаркома СССР и аппараты всех наркоматов. А что такое Ставка? Это Сталин (и ни одного человека в его секретариате), Генеральный штаб (он вызывал к себе с картой начальника Генерального штаба или помощника начальника Генерального штаба) и весь Наркомат обороны. Это и была фактически Ставка. Вызывает он командующего войсками какого-либо фронта и говорит:

— Мы хотим Вам дать директиву провести такую-то операцию. Что Вам для этого надо? Тот отвечает:

— Разрешите мне посоветоваться с фронтом, узнать, что там делается.

— Идите в ВЧ.

Вся связь, которая была у Сталина, была ВЧ — один телефон, но все было подчинено ему. Как только сказал, сейчас все выключают и связывают его с тем, кого он хочет вызвать к телефону.

Никаких радиостанций, ни телеграфных станций, ничего не было. Телеграф был у Наркомата связи в Генеральном штабе. В Генштабе имелись и радиостанции. Не было такого положения, что Сталин сидит где-то и может все обозревать. Он все к себе тянул. Сам никуда не ходил. Он приезжает, допустим, в 4 часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинает вызывать. У него есть список, кого он вызывает. Раз он приехал, то сразу все члены Государственного Комитета вызываются к нему. Заранее он их не собирал. Он приезжал — и тогда Поскребышев начинал всех обзванивать.

Вы, возможно, представляете себе все это так: вот Сталин открыл заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку дня обсуждать и т. д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это Хрулева касается, давайте сюда Хрулева; это Яковлева касается, давайте сюда Яковлева; это Пересыпкина касается, давайте его сюда. И всем давал задания. Кроме того, все члены Государственного Комитета Обороны имели в своем ведении определенные участки работы. Так, Молотов ведал танками, Микоян — делами продовольственного интендантского снабжения, снабжения горючим. И у него был ленд-лиз. Иногда он занимался по отдельным поручениям доставкой снарядов на фронт. Маленков занимался авиацией, Берия — боеприпасами и вооружением. Кроме того, каждый приходил со своими вопросами: я прошу принять такое-то решение по такому-то вопросу.

И в Ставке, и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы. Руководство концентрировалось в руках Сталина. Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО. В течение дня принимались десятки решений. Причем не было так, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была сложная, так что никто не уходил из помещения. Никто не декларировал, что должно быть так, так сложилось.

Этот материал был опубликован почти через сорок лет после беседы с А.В.Хрулевым. Но и в наши дни, когда многое стало известным, почему-то, предпочитают отдавать почести в Победе другому человеку, который сделал несоизмеримо меньше для ее достижения и несоизмеримо больше для ее отдаления. Я говорю о Георгии Константиновиче Жукове, разбираться с которым в его “темных” делах еще предстоит, ох, как много.

Устинов Д.Ф. (Воспоминания приведены по его книге “Во имя Победы”).

Разумеется, как и другие мемуары известных советских деятелей “причесаны” и подогнаны под официальную точку зрения. Тем не менее, то, что нас интересует, наличествует.

“На рассвете 22 июня у меня зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал голос Н.А.Вознесенского.

— Говорит Вознесенский, — сказал он. — Война, Дмитрий Федорович. Германские войска перешли нашу границу. Война. Прошу прибыть ко мне... Я тут же позвонил В.М.Рябинову, передал ему известие о начавшейся войне и попросил сообщить об этом всем заместителям наркома, секретарю парткома, срочно собрать их в наркомате, потом поручил дежурному по наркомату вызвать начальников главков и отделов, а через них всех сотрудников — ведь было воскресенье — и поспешил в наркомат...

Поставив первоочередные задачи прибывшим в наркомат В.М.Рябинову, И.А.Барсукову, И.А.Мирзоханову и Н.П.Карасеву, поехал на совещание к Н.А.Вознесенскому. В приемной у него находились В.А.Малышев, А.И.Шахурин, затем подошли и другие наркомы оборонных отраслей. Ровно в девять нас пригласили в кабинет Вознесенского. Николай Алексеевич поднялся из-за стола.

— Все вы знаете, по какому поводу я собрал вас, — сказал он. — Судя по всему, нам предстоит тяжелая, очень тяжелая война. От страны, в первую очередь от экономики, потребуется максимальное напряжение всех сил. Нам нужно в течение ближайших суток разработать программы наращивания производства вооружения для армии с учетом имеющихся мобилизационных планов, принять меры по увеличению выпуска продукции, по строжайшей экономии и замене остродефицитных материалов, изыскать заменители тех из них, которые получаем из-за границы...

Возвратившись в наркомат, я пригласил к себе весь руководящий состав и сообщил о задачах, поставленных правительством.

— Нужно, товарищи, связаться с заводами, пусть без промедления расширяют производство”.

Устинов не выпал из обоймы наркомов прибывших по вызову к Вознесенскому. Так как раньше в главе о Ставке, уже упоминалось о Дмитрие Федоровиче, как тот встретил 22 июня, хочу уточнить его реакцию, якобы, на немецкое вторжение. Недоверчивые читатели, в первом случае, могли подумать, что он от переживания, что началась война, чуть было не потерял самообладание. Помните, скорбный жест Дмитрия Федоровича за своим рабочим столом, по воспоминаниям Грабина? Может ли это соотноситься с тем, о чем вы прочитали, чуть выше. Разве, Вознесенский, не обозначил ему контуры поставленных перед ним задач? Так о чем же переживал 22 июня молодой нарком, как не от новости о потере вождя? А Василий Гаврилович Грабин, как старший по возрасту товарищ, постарался утешить его и призвал заняться непосредственными делами.

Со сталинскими наркомами мы пока расстаемся. Жаль, что их время ушло безвозвратно. Неужели с ними ушло и всё неизвестное о войне? Как не хочется в это верить. Но есть, все же, надежда, что Правда о войне восторжествует!

Глава 26. Сталин, митрополит Сергий и Богоявленский собор

Приведа, в качестве примера, мемуары советских наркомов, в которых мы так и не увидели присутствия товарища Сталина в Кремле впервые дни войны, хотелось бы в этом деле свидетелей, поставить точку. Но, как всегда, появляются новые обстоятельства, заставляющие снова взяться за “перо”.

В ряде публикаций уважаемых людей, занимающихся военной историей и в том числе, Сталинской тематикой, проскальзывает мысль, да что там проскальзывает, просто таки, сквозит уверенность в том, что утром 22 июня Сталин имел встречу с митрополитом Московским и Коломенским Сергием. Что именно, на этой утренней встрече, еще до выступления Молотова по радио, Сталин, дескать, дал напутствие митрополиту Сергию в том, чтобы он, не держал обиды на Советскую власть в прошлом, а поднимал бы верующих на борьбу с иноземцами, нападшими на нашу Родину.

Понятно желание видеть Сталина во главе сил, одержавших трудную, но заслуженную победу над вторгшимся врагом. Еще раз хочу подчеркнуть, что я, отрицая факт встречи хорошо известных обществу людей (место? время?), ни коим образом не пытаюсь, даже пусть косвенно, умалить заслуги ни Иосифа Виссарионовича в деле разгроме фашизма, ни митрополита Сергия по наставлению верующих на путь патриотизма. Хочу еще раз подчеркнуть, что целью моей работы, является, именно выяснение обстоятельств трагедии 1941 года, в частности, ее начального периода. Присутствие вождя в Кремле я поставил под сомнение и, не без оснований придерживаюсь этой точки зрения. Поэтому снова и снова повторяю, что и к этому историческому факту с митрополитом Сергием надо подходить с более взвешенных позиций: внимательно и тщательно выверяя каждый шаг наших героев, ставя под сомнение каждое их действие. Почему? Да, потому что те, кто желает видеть вождя в Кремле 22 июня, а это в первую очередь, весь бывший советский официоз и, к сожалению, отдельные нынешние представители военно-исторической науки, — преследуют свои определенные, как мне думается, далеко не бескорыстные цели. Это, в какой-то мере дальнейшая фальсификация, с целью обелить бывшую военно-партийную верхушку тех лет, стоящую у руля государства и “провалившую” начало войны с Германией, но желающую переложить вину на Сталина. Данную позицию поддерживают и определенные историки, которых можно назвать — конъюнктурщиками, подстраивающиеся, опять же под нынешнее руководство военно-исторической наукой, стоящее, как не прискорбно, на позициях все того же, правда, модернизированного, антисталинизма Хрущева.

Ведь, в действительности, многим кажется, что эти группы занимают место на той же патриотической платформе, что и их оппоненты, из левого крыла — как же, Сталин в Кремле с первых дней войны. Это так здорово! Ведь и с их точки зрения, Сталин не струсил, не бросил страну в трудный момент: организовал и возглавил Государственный Комитет Оборона и т. д. и т. п. Ему самое место быть во главе сил сопротивления с самого начала войны. За что же, прикажите их разоблачать? Не скажите! Тут не все так просто. Если вскроется, что Сталина не было в Кремле впервые дни, то какой возникнет первый вопрос? **Где он был на самом деле?** А дальше пойдут следующие вопросы. **А как это могло случиться? Кто стоял за этим?** Разве, это надо вышеперечисленным товарищам? Нет! Пусть Сталин будет в Кремле с первого дня, — так спокойнее. Пусть начало войны будет таким, каким его было принято считать после Хрущева. Были ошибки, но кто, как говорится, не без греха?

А как же, в таком случае, историческая истина, вправе спросить читатель? Ведь по этому делу, отсутствие Сталина, действительно возникает много вопросов? Но им то, этим группам все это зачем, если они и собираются скрыть сам факт отсутствия Сталина? Эти вопросы нужны нам, гражданам своей страны, пытающимся разобраться в существовании данной проблемы. Поэтому, давайте-ка, рассмотрим еще один из поднятых вопросов, чтобы их число сократилось, хотя бы на единицу.

Итак, сначала факты по данному событию. Действительно ли имело место Послание патриаршего Местоблюстителя Сергия пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви 22 июня 1941

года? Обратимся, к неоднократно цитированной мною БСЭ за 1947 год. Думаю, ни у кого не возникнет сомнения по этому поводу, тем более что она, еще раз хочу подчеркнуть это, была издана при жизни Сталина.

“В дни Великой Отечественной войны православная церковь и почти все остальные религиозные объединения не на словах, а на деле показали, что они поддерживают патриотические усилия советского народа. 22 /VI 1941, т. е. в первый день войны, глава православной церкви в Советском Союзе митрополит Сергей обратился к духовенству и ко всем верующим с посланием, призывая к оказанию вооруженного сопротивления немецким захватчикам и патриотическим подвигам в труде для защиты страны.

В этом документе, положившем начало патриотической работе православной церкви в большом масштабе, митрополит Сергей определил участие в войне против немецких захватчиков как “священный и обязательный долг для каждого христианина”.

Примеру митрополита Сергея тотчас последовали руководители почти всех других церквей и религиозных объединений в СССР”.

Как видите, хотя и очень скромное описание данного события 22 июня, но факт Послания отмечен. Только, обратите внимание. Ведь, могли же, если бы наличествовало это неординарное событие, как встреча уважаемых обществом людей, упомянуть Сталина — однако нет. Можно, конечно привести довод в пользу того, что о встрече нет упоминаний в силу того, что наше государство светское, а не клерикальное, и Сталин не хотел связывать свое имя с церковью. Еще бы! Как бы высоко прозвучало это в церковных кругах! Сам Сталин, в начале войны, дескать, благословил на подвижничество митрополита Сергея, главу в то время, Русской Православной Церкви.

Давайте, обратимся к другим источникам. Вот отрывок из статьи “Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну” (журнал Московской патриархии № 5 за 2005 год):

“... 22 июня 1941 года, в день Всех святых, в Земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Во второй раз за XX век Германия вступила в смертельную борьбу с Россией, обернувшуюся для нее новой национальной катастрофой. Предстоятель Русской Православной Церкви митрополит Сергей в первый же день войны написал и собственноручно отпечатал на машинке “Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви”, в котором призвал православный русский народ на защиту Отечества.

В отличие от Сталина, которому понадобилось десять дней, чтобы решиться обратиться к народу с речью, Местоблюститель патриаршего престола сразу нашел самые точные и самые нужные слова. Патриотизм Церкви традиционен. Вождю коммунистов, которые привели Россию к поражению в Первой мировой войне, катастрофе и распаду, а незадолго до Отечественной войны утверждали, что такие понятия, как Родина и патриотизм, — буржуазные и фальшивые, теперь нелегко было соединить в своей речи имя воинствующего атеиста и создателя партии большевиков со святыми именами Александра Невского и Дмитрия Донского, хотя в конце концов он сделал это. Не по случайному совпадению, а по сознательному заимствованию повторены были Сталиным в обращении к соотечественникам некоторые мысли Предстоятеля Православной Церкви”.

Как видно и современная Православная церковь не только не отрицает данного факта с Посланием митрополита, а даже наоборот, подчеркивает свою, как бы значимость Церкви в деле начинания осознанного сопротивления врагу на ниве патриотизма. Более того, проявляет даже определенное пренебрежение к вождю советского народа, отодвигая его, как бы на второй план. К сожалению, по данному отрывку приходится отмечать присутствие в нем некоторого антисталинизма в высказываниях представителя современной Православной Церкви и наоборот,

отсутствие маломальских конкретных фактов, подтверждающих подобное утверждение. Где же, например, проходило такое важное, с точки зрения церкви, событие, как написание Послания? И о встрече, данная статья ответа, как видите, не дает. Зато, читателю подсовывают осовремененную трактовку истории окончания первой мировой войны со стороны России, где все промахи правящей верхушки государства переложили на довольно скромную, даже по меркам того времени, партию большевиков. Приятно пнуть бывшую власть, даже в скромной публикации.

А вот в статье из “Русского Дома” № 6 за 2001 год, журнала стоящего на позициях русского православного патриотизма, данный факт излагается более лояльно по отношению к товарищу Сталину, в чем хочется поблагодарить его редактора А.Крутова и автора Н.Леонова.

“22 июня 1941 года Митрополит Московский и Коломенский Сергей, тогдашний фактический глава РПЦ, написал и разослал по всем приходам обращение “Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви”. Он благословил “всех православных на защиту священных границ нашей Родины”, настойчиво напоминая им о долге следовать примеру святых вождей русского народа — Александра Невского и Дмитрия Донского... И в заключении выразил твердую уверенность, убежденность: “Господь нам дарует победу!”. Обратите внимание, эти слова были сказаны прежде, чем прозвучали ставшими известными слова И.Сталина: “Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!”.

Конечно, надо поправить автора, в том, что слова призыва “Наше дело правое!” и т. д. прозвучали впервые в речи Молотова. Но, думается, автор исходил, видимо, из своего благоволительного отношения к Сталину и решил приписать эти слова ему, очевидно решив, что хуже не будет.

Но и здесь, ко всему прочему, тоже не указано интересующее нас место действия.

Разумеется, современный читатель (вкуче, надо полагать и с современными военными историками) может сказать: “Чего голову ломать? Где ж ему было находиться, митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию, как не Московском Кремле? Не в Коломне же? Не скажите!”

Вот что мы читаем в “Очерках по истории Русской Православной Церкви. Выпуск 2. Издание 1988 г.”

“О нападении фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Митрополит Сергей узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из **Богоявленского собора**, где он служил Божественную литургию в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших. Первосвященитель ясно сознавал, что в этот тяжкий час испытаний для всего народа Русская Церковь, верная своим традициям, должна быть вместе с народом, питая его духовные силы. Митрополит Сергей ушел к себе в кабинет и, вскоре, его близкие услышали стук пишущей машинки. Патриарший Местоблюститель писал Послание к Церкви по случаю начала войны.

“Невзирая на свои физические недостатки — глухоту и малоподвижность, — вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), — Митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным: свое Послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам нашей необъятной Родины в первый же, день войны”.

Как, видите, ни о каком Московском Кремле речь не идет, более того, как отмечает свидетель архиепископ Димитрий, митрополит Сергей, после утренней литургии, возвратился “в свою скромную резиденцию”, которая, вряд ли сопоставима с покоями митрополитов за красными стенами. Вообще, слухи о любви Советского правительства, читай, Советской власти к церкви, даже уважаемого нами Иосифа Виссарионовича, сильно преувеличены.

Богоявленский кафедральный собор

Давайте, в связи с этим положением, почитаем отрывки из статьи игумена Дамаскина (Орловского) **“Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период”** (<http://www.fond.ru/index>) с моими комментариями.

“С приходом советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. Гонения, начавшись с конца 1917 года, приняли массовый и ожесточенный характер уже в 1918 году, когда был принят декрет об отделении Церкви от государства, ставивший Церковь в бесправное положение, и продолжались на протяжении всего советского периода, т. е. семидесяти лет”.

Чтобы не накалять страсти по поводу притеснения церковных служителей и верующих в 20-х годах прошлого столетия, я опускаю данные по арестам и расстрелам лиц, каким-либо образом относящихся к церкви. Эта не тема нашей работы, тем более оценка событий гражданской войны в обществе, всегда затруднена, так как претензий бывает в избытке, как со стороны “белых”, так и со стороны “красных”. Можно сказать одно, что много “дров” было наломано в то время, с обеих сторон, но нас, конечно же, в большей степени заинтересуют события приближенные к началу Великой Отечественной войны. Однако, все же следует сделать некоторые пояснения относительно событий начального периода Советской власти.

Противостояние большевистской власти и Православной церкви, как обычно, рассматривают только с точки зрения идеологической составляющей: атеизм и религия, — сводя все в рамки, якобы, борьбы за умы верующих. Но в основе всех неурядиц тех лет лежали и экономические причины, о которых церковники предпочитали умалчивать, а представители власти, бывшие “коммунисты”, так мимикрировали за последние десятилетия, превратившись в капиталистов, что на сегодняшний день, вообще предпочитают не говорить на эту тему. Поэтому придется уделить этому вопросу некоторое внимание. Противостояние возникло по причине национализации имущества принадлежащего РПЦ. В первую очередь, по Декрету о земле подлежали конфискации церковные земли, составляющие более 8 млн. десятин, которые поступали в распоряжение Комитетов бедноты в сельской местности. Далее шли, крупные многомиллионные денежные вклады, как самой Церкви, так и личные сбережения ее высшего духовенства в банках сначала царской, а затем буржуазно-демократической России, что тоже составляло огромные деньги. Затем 84 завода (пусть даже, все свечные) приносящие, однако значительные доходы. Кроме того, 1816 доходных домов и гостиниц (доходный дом — жилое помещение, комнаты которого сдаются внаем жильцам на длительное время). О прочих больницах, приютах и другом недвижимом имуществе церкви можно просто сказать, что они находились в ведении церкви, но затем были отчуждены в пользу государства, но отнюдь не в пользу частных лиц, “эффективных” собственников, как сейчас.

Не каждый гражданин смирится с утратой денег, пусть даже нажитых не праведным путем. Как показывает история, высшее духовенство все же отдавало предпочтение земным благам, — а отнюдь не небесным, и поэтому вступило в острую конфронтацию с новой властью. Не секрет, что в большинстве своем духовенство принимало позицию белого движения, что и не удивительно, так как, именно, оно, в определенной степени и стояло на реставрации существующего, на тот момент, общественного строя. Кроме того, начавшаяся гражданская война внесла полную сумятицу в определение лиц, занимающихся конфискацией церковного имущества. А это, ведь, и разгул бандитизма, продолжавшийся не один год и, даже, после окончания гражданской войны. Он, тоже, никоим образом не способствовал уменьшению самопровозглашенных экспроприаторов, “положивших глаз” на Божьи храмы с их кладовыми. И лишь к середине 30-х годов, когда возникла определенная стабильность в обществе, отношения власти и церкви приняли относительно спокойный характер.

Я и привожу эти отрывки из статьи игумена Дамаскина с целью показать, в каком состоянии находились взаимоотношения сторон, чтобы правильно оценивать позиции и действия, как советской власти, так и церковного руководства.

“В начале 1937 года власти поставили вопрос о существовании Русской Православной Церкви как Всероссийской организации. Как и раньше в случаях принятия широкомасштабных решений, тех, которые называются историческими и государственными и приводят к гибели миллионов людей (ради сохранения власти), инициативу возбуждения вопроса Сталин поручил другому, в данном случае Маленкову.

20 мая 1937 года Маленков направил Сталину записку: “Известно, что за последнее время серьезно оживилась враждебная деятельность церковников.

Хочу обратить Ваше внимание на то, что организованности церковников содействует декрет ВЦИК от 8.IV-1929 года “О религиозных объединениях”. Этот декрет создает организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов.

В статье пятой этого декрета записано: “Для регистрации религиозного общества учредители его в количестве не менее 20 человек подают в органы, перечисленные в предыдущей (4) статье, заявление о регистрации по форме, устанавливаемой НКВД РСФСР”.

Как видим, уже сам порядок регистрации требует организационного оформления двадцати наиболее активных церковников. В деревне эти люди широко известны под названием “двадцатки”. На Украине для регистрации религиозного общества требуется не двадцать, а пятьдесят учредителей...

Считаю целесообразным отменить этот декрет, содействующий организованности церковников. Мне кажется, что надо ликвидировать “двадцатки” и установить такой порядок регистрации религиозных обществ, который не оформлял бы наиболее активных церковников. Точно так же следует покончить, в том виде, как они сложились, с органами управления церковников.

Декретом мы сами создали широко разветвленную, **враждебную** советской власти легальную организацию. Всего по СССР лиц, входящих в “двадцатки”, насчитывается около шестисот тысяч.

Зав. отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Маленков”. Резолюция Сталина 26 мая 1937 года: “Членам ПБ от т. Маленкова”. С запиской были ознакомлены члены и кандидаты Политбюро: Андреев, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Косиор С. Т., Микоян, Молотов, Петровский, Постышев, Сталин, Чубарь, Эйхе.

Ответил на эту записку Маленкова Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР Н. Ежов. 2 июня 1937 года он написал Сталину:

“Ознакомившись с письмом т. Маленкова по поводу необходимости отмены декрета ВЦИКа от 8.4.29 года “О религиозных объединениях”, считаю, что этот вопрос поднят совершенно правильно. Декрет ВЦИКа от 8.4.29 г. в статье 5-й о так называемых “церковных двадцатках” укрепляет церковь тем, что узаконяет формы организации церковного актива. Из практики борьбы с церковной контрреволюцией в прошлые годы и в настоящее время нам известны многочисленные факты, когда антисоветский церковный актив использует в интересах проводимой антисоветской работы легально существующие “церковные двадцатки” как готовые организационные формы и как прикрытия. Вместе с декретом ВЦИКа от 8.4.29 г. нахожу необходимым отменить также инструкцию постоянной комиссии при Президиуме ВЦИКа по вопросам культов — “О порядке проведения в жизнь законодательства о культах”. Ряд пунктов этой инструкции ставит религиозные объединения на положение едва ли не равное с советскими общественными организациями, в частности, имею в виду пункты 16 и 27 инструкции, которыми допускаются религиозные уличные шествия и церемонии, и созыв религиозных съездов...”.

Как видите, власть обеспокоена легализацией общественных организаций, которые под контролем церкви, вновь принимают агрессивное состояние антисоветской направленности. Но, согласитесь,

что нельзя же, существующей власти сидеть и ждать открытой формы борьбы. Надо было сгладить шероховатости в выпущенных ранее неудачных директивных документах и не допускать проявления антисоветской активности в религиозной среде общества. Такой, виделась нашим вождям ситуация с церковью, в то время. Не вижу у автора статьи особых поводов к упреку властей. Да, и мы, сегодняшние, не вправе влезать в ту, далекую от нас Историю и изменять, сложившееся положение вещей. Что было, то было. Это уже прошлое нашей страны. Документы той эпохи бесстрастны. Это мы, давая комментарии, порой привносим в них элемент эмоций и, таким образом “подогреваем” общественный интерес к данным событиям.

Но все течет и все меняется...

“К весне 1938 года власти сочли, что Русская Православная Церковь физически уничтожена и отпала необходимость содержать специальный государственный аппарат по надзору за Церковью и проведению в жизнь репрессивных распоряжений. 16 апреля 1938 года Президиум Верховного Совета ССР постановил ликвидировать комиссию Президиума ЦИК ССР по вопросам культов. Из 25 тысяч церквей в 1935 году после двух лет гонений в 1937 и 1938 годах в Советской России осталось всего 1277 храмов и 1744 храма оказались на территории Советского Союза после присоединения к нему западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Таким образом, во всей России в 1939 году храмов стало меньше, чем в одной Ивановской области в 1935 году. Можно с уверенностью сказать, что гонения, которые обрушились на Русскую Православную Церковь в конце тридцатых годов, были исключительными по своему размаху и жестокости не только в рамках истории России, но и в масштабе всемирной истории.

В 1938 году Советская власть завершила двадцатилетний период гонений, в результате которых процесс разрушения был доведен до положения необратимости. Если храмы, которые были отданы под склады или разрушены, можно было в обозримой перспективе восстановить или отстроить заново, то более сотни архиереев, десятки тысяч священнослужителей и сотни тысяч православных мирян были расстреляны, и эта утрата была незаменима и невозполнима. Последствия этих гонений сказываются и по сию пору. Массовое уничтожение святителей, просвещенных и ревностных пастырей, множества подвижников благочестия понизило нравственный уровень общества, из народа была выбрана соль, что поставило его в угрожающее положение разложения. Причем власти и дальше не собирались останавливать процесс закрытия храмов, он продолжался и неизвестно, до чего бы дошел, если бы не Великая Отечественная война”.

При прочтении данного текста надо учитывать и тот фактор, что автор приведенного материала, является духовным лицом и поэтому статье присущ определенный негативно-эмоциональный настрой в отношении властей того, советского периода. Но нас интересует, все же, другое. Если, даже, постараться критически подойти к изложенному материалу, то вряд ли и в этом случае, можно будет обнаружить, хоть какие-либо следы, какого-нибудь дружественного расположения сторон. И вот на этом фоне, нам предлагают поверить в то, что Сталин, как только узнал о начале войны, тут же вызвал к себе в Кремль митрополита Сергия и в доверительной форме нашептал ему на ухо напутственное слово? В данном случае, всегда делается упор на то, что Сталин, в свое время, дескать, обучался в духовной семинарии. Хочется возразить, именно по этому поводу. А что же обучение в духовной семинарии, не позволило товарищу Сталину раньше, пригласить к себе митрополита Сергия и в дружеской обстановке, задолго до начала войны предложить тому заняться патриотическим воспитанием верующего населения вещая с амвона в церкви?

“Однако ни начало войны, ни поражения первых месяцев, ни оставление обширных территорий врагу нисколько не повлияли на враждебное отношение правительства советского государства к Русской Православной Церкви и не побудили власти прекратить гонение. И лишь после того, как стало известно, что немцы попустительствуют открытию храмов и на оккупированных территориях открыто **3732** храма, то есть больше, чем во всей Советской России, а на территории собственно России, без Украины и Белоруссии, немцы способствовали открытию **1300** храмов, — власти

пересмотрели свою позицию. **4 сентября 1943 года** состоялась встреча митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) со Сталиным. С утра следующего дня НКГБ СССР по приказу Сталина выделил в распоряжение митрополита Сергия автомашину с шофером и горючим. Один день потребовался НКГБ для приведения в порядок особняка, отданного патриархии, и 7 сентября митрополит Сергий со своим небольшим штатом переселился в Чистый переулок. И уже на одиннадцатый час следующего дня было назначено открытие Собора епископов и возведение митрополита Сергия в сан патриарха.

Таким образом, советское правительство демонстрировало миру перемену в своем отношении к Русской Православной Церкви, что теперь оно относится к ней лояльно, впрочем, всю свою лояльность исчерпав пустой декларацией. Если на территории, захваченной немцами, храмы продолжали открываться и восстанавливаться, то ни Сталин, ни советское правительство не собирались открывать храмы, ограничившись выгодами представительной деятельности Русской Православной Церкви за рубежом. Во все время Великой Отечественной войны не прекращались аресты духовенства. В 1943 году было арестовано более 1.000 православных священников, из них расстреляно 500 человек. В 1944–1946 годах количество смертных казней ежегодно составляло более 100 человек”.

Здесь автор не совсем корректен и я приостановил цитирование текста, чтобы дать соответствующее пояснение. Немцы не “попустительствовали в открытии церквей”, а проводили определенную политику в отношении оккупированного населения, т. е. способствовали открытию зданий относящихся к культовым учреждениям, что не одно и то же. Кроме того, попытались через русских церковников согласившихся служить режиму Гитлера, перевести верующих в лоно автокефальной церкви, т. е. подменить понятия православия католицизмом. Именно этот факт и вызвал бурный протест высшего духовенства Русской Православной Церкви.

Чуть выше мы вели разговоры о тех деятелях церкви, которые остались на родине, в России. А как же обустроились те, которые бежали с остатками разбитых белых армий за границу? Все хотят жить, — и церковники не составляют исключение из правил. Вот что писал по этому поводу Н.С.Гордиенко в книге “Крещение Руси”: факты против легенд и мифов”, изданной в середине последнего десятилетия Советской власти:

“В ноябре 1921 года в сербском городе Сремска Карловицы было созвано так называемое Общее собрание представителей русской заграничной церкви, в котором участвовали 13 архиереев, а также 150 клириков и мирян. Председательствовал на нем митрополит Антоний, задававший тон всему сборищу, которое присвоило себе наименование Русского всезаграничного церковного собора. Карловацкий псевдособор сразу же продемонстрировал свой не церковный, а чисто политический характер. Он призвал к объединению эмигрантских сил на антисоветской основе, выступил за организацию новой интервенции стран Антанты против Советской России с целью восстановления в стране монархической формы правления. Был создан зарубежный руководящий церковный центр — архиерейский синод, возглавлявшийся митрополитом Антонием (Храповицким). Он объявил эмигрантское церковное объединение независимым от Московской патриархии и стал называть эту группировку “русской зарубежной церковью”. Но она больше известна под названием карловацкой религиозно-политической группировки, или карловацкого раскола, так как ни одна христианская конфессия не признает ее за церковь.

...Первоначально руководство “русской зарубежной церкви” ориентировалось главным образом на империалистические круги стран Антанты, всячески пытаясь склонить их к новому туру вооруженной борьбы против Республики Советов.

...В конце 30-х годов карловацкие политики от религии сделали ставку на германский фашизм, в котором они увидели своего союзника по борьбе с “безбожным большевизмом”. Так, в “благодарственном адресе”, преподнесенном Гитлеру митрополитом Анастасием в 1936 году, фюрер возводился в ранг “вождя в мировой борьбе за мир и правду” и призывался к скорейшей

агрессии против Советского Союза (Митрополит Анастасий {1} заменил умершего на посту руководителя архиерейского синода Антония {2} . — В.М.).

Вторжение немецко-фашистских захватчиков в нашу страну карловацкий епископат и духовенство встретили с нескрываемым восторгом. В своих проповедях и статьях они благословляли гитлеровцев на жестокую расправу с советскими людьми, преданными социалистической Родине и коммунистическим идеалам. Официальный орган карловацкого архиерейского синода заявил в редакционной статье “Православная церковь против коммунизма”: “По всему земному шару русская зарубежная церковь с напряженным вниманием следит за ходом войны на Востоке, молитвенно поддерживая самоотверженных бойцов против безбожников и всегда готовая по мере своих сил и возможностей помогать в этой борьбе (Церковная жизнь, 1942, № 1, с. 9).

Для ведения религиозно-политической пропаганды в пользу немецко-фашистских оккупантов лидеры карловацкой группировки создали в Белграде специальные миссионерские курсы. По признанию митрополита Филарета (Вознесенского), сделанному на третьем “соборе”, предусматривалась “возможность перенесения миссионерской работы на русскую территорию”.

Профашистски настроенные сподвижники митрополита Анастасия изо всех сил старались вбить клин между членами антигитлеровской коалиции и всячески пытались отговорить западных союзников от активной поддержки советского народа, принявшего на себя главный удар немецкой военной машины. Так, проживающий в те годы в США карловацкий архиепископ Виталий (Максименко) публично заявлял, что “долг каждого православного русского человека всеми силами бороться против антихристовой Советской власти”, и письменно обращался к президенту Ф.Рузвельту с просьбой не оказывать помощи Советскому Союзу в борьбе с германским фашизмом”.

Но, все же, данный автор несколько поскромничал, отделившись общими фразами о деятельности сподвижников митрополита Анастасия. Можно было бы из той же “Церковной жизни”, за 1942 год, № 1 привести Послание митрополита Серафима (Лукиянова) в котором он приветствовал начало гитлеровской агрессии:

“Да будет благословен час и день, когда началась великая славная война с III Интернационалом. Да благословит Всевышний великого вождя Германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога...”

А вот ознакомьтесь с отрывком из статьи “Близок час” в “Новом слове” (№ 27 от 29.06. 41 года, Берлин), архимандрита Иоанна (небезызвестный князь Шаховский):

“...Кровавая операция свержения Третьего интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под этот хирургический нож тому, кто болен, не зазорно. Невозможно было долее ждать, что за эту задачу возьмутся те, так называемые “христианские правительства, которые в недавней испанской борьбе были и материально, и идеологически не на стороне защитников христианской веры и культуры. Новая страница русской истории открылась 22 июня, в день празднования русской церковью памяти “Всех святых, в земле русской просиявших”. Не ясное ли даже для самых слепых знамение того, что событиями руководит Высшая Воля. В этот чисто русский праздник, соединенный с днем воскресения, началось исчезновение демонских криков “Интернационала” с земли русской... Скоро, скоро русское пламя взвоет над огромными складами безбожной литературы. Мученики веры Христовой и мученики правды человеческой выйдут из своих застенков. Откроются оскверненные храмы и осветятся молитвой. Священники, родители и педагоги будут вновь открыто учить детей истине Евангелия. Иван Великий заговорит своим голосом над Москвой и ему ответят бесчисленные русские колокола. Это будет “Пасха среди лета”, о которой 100 лет тому назад, в прозрении радостного духа пророчествовал великий святой Русской земли преподобный Серафим. Лето пришло. Близка русская Пасха...”

Ну, и как венец завершению темы о русских по крови, но, не по духу — листовка “Воззвание к пастве” подписанная архиепископом Серафимом (Лядэ) и отпечатанная в июне 1941 года (отрывок):

“Во Христе возлюбленные братья и сестры! Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую власть, на ее приспешников и единомышленников. Христолюбивый Вождь германского народа призвал свое победоносное войско к освященной борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Будьте участниками в новой борьбе, ибо эта борьба и ваша борьба; это — продолжение той борьбы, которая была начата еще в 1917 году, — но, увы! — окончилась трагически. Каждый из вас сможет найти свое место на новом антибольшевистском фронте. “Спасение всех”, о котором Адольф Гитлер говорил в своем обращении к германскому народу, есть и ваше спасение. Настал последний решительный бой. Да благословит Господь новый ратный подвиг всех антибольшевистских бойцов и даст им на врагов победу и одоление. Аминь!”.

Вот такие были деятели в русской зарубежной церкви и такие творили дела во вред своей родины. А потом читаем стенания на страницах печатных органов о злодейском отношении советских карательных органов к церковнослужителям проводивших службу в культовых учреждениях на временно-оккупированной территории. Надо, видимо было бы наградить их орденом “Уничтожение Отечества” нескольких степеней или медалью “За подлость” на ленточке, с нанесением на нее крови замученных патриотов.

А ведь некоторые отделались только испугом на 10 или 15 лет и были выпущены на свободу Никитой Хрущевым, сразу после смерти Сталина.

Разумеется, и Русская Православная Церковь отнеслась к вражьиим сынам в сутанах из забугорья, с должным пониманием. Приведу статью из журнала Московской Патриархии № 1 за 1943 год, гневно осуждающую изменников веры и отечества, как из числа церковнослужителей, так и простых граждан религиозного вероисповедания.

“Рядом с отрадными явлениями патриотической деятельности православного духовенства и мирян тем печальнее видеть явления противоположного характера. Среди духовенства и мирян находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие: встречают немцев, как желанных гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства, выдавая врагу своих собратьев, например, партизан и других, жертвующих собою за родину. Услужливая совесть, конечно, всегда готова подсказать оправдание и для такого поведения. Но иудино предательство никогда не перестанет быть иудиним предательством. Как Иуда погубил свою душу и телом понес исключительное наказание еще здесь, на земле, так и **эти предатели, уготовляя себе гибель вечную, не минуют и каиновой участи на земле.** Фашисты понесут справедливую кару за свои грабежи, убийства и прочие злодеяния. **Не могут ожидать себе пощады и эти приспешники фашистов, думавшие поживиться за их спиной на счет своих братьев.**”

Святая Православная Церковь, как русская, так и восточная, уже вынесла свое осуждение изменникам христианскому делу и предателям Церкви. И мы, сегодня, собравшиеся во имя Отца, Сына и Святаго Духа, подтверждаем это осуждение и постановляем: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана. Аминь”.

(Статья подписана 19-ю высшими духовными лицами РПЦ.

г. Москва, 8 сентября 1943 г.)

Если соотнести число открытых немцами храмов — 3732 и с тем количеством обслуживающего персонала, условно говоря, не более трех человек в культовом учреждении, то получим величину примерно равную 10000 тысяч. Пусть, только половина находилась на освобожденной территории к концу 1943 года, и если учесть из вышеприведенных данных, что было арестовано около 1000, а расстреляно всего около 500 человек (цифры, как видите, округлены), то получим довольно приемлемую цифру по суду. Ведь, надо учитывать тот фактор, что данные деятели, своим поведением попадали под действия расстрельной статьи Уголовного кодекса. Так что проливать слезы об убиенных, в данном случае, думается, неуместно. Тем более что это противоречит высказываниям лиц более высокого духовного звания, чем наш автор игумен Дамаскин, и, которые взяли факты не из воздуха и вставили в текст своего воззвания. Обратите внимание на дату подписания: 8 сентября 1943 года, — война еще была в самом разгаре.

Кроме того, хочу заметить, что дата встречи 4 сентября 1943 года, когда Сталин принял в Кремле митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) выбрана не случайно. Только что отгремели сражения на знаменитой Курской дуге и обозначился коренной перелом в ходе войны. Красная Армия устремилась к Днепру освобождать Правобережную Украину. Только теперь, можно было перевести дух и заняться церковными делами, что Сталин незамедлительно и сделал. Раньше, видимо, просто не было ни сил, ни возможностей. Надо же, все-таки реально воспринимать действительность. Победа ковалась на полях сражений, а не под куполами церквей и Сталин, разумеется, понимал это не хуже нас.

Но и это еще не все. Утром на даче 4 сентября, еще до приема митрополитов, “Сталин в присутствии Маленкова и Берии обсудил положение дел в Русской Православной Церкви с **полковников госбезопасности Г.Г.Карповым**, долгое время работавшим в Комиссии по делам культов при ВЦИКе.

Несколькими часами позже в Кремле состоялась беседа Сталина с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины митрополитом Николаем. Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение в ближайшее время созвать собор епископов для избрания патриарха Московского и всея Руси и образования при патриархе Священного Синода. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий. На предложение митрополита Сергия созвать архиерейский собор через месяц, Сталин: заявил: “А нельзя ли проявить большевистские темпы?” Он предложил созвать собор через три дня и отдал распоряжение привлечь авиацию для сбора епископов. В конце встречи **Сталин представил иерархам Г. Г. Карпова, как руководителя создаваемого Совета по делам РПЦ”. (Вострышев М. И. “Москва Сталинская”)**

Это надо понимать так, что никаких особых иллюзий в отношении церкви Сталин особо не питал, если поручил контроль, над деятельностью РПЦ, органам госбезопасности. И даже подаренный патриарху Алексию автомобиль не должен вводить в искушение читателя, о якобы, существенных изменениях в политике советского государства по отношению к церкви.

Но ко всему выше сказанному хочу дать небольшое пояснение и уточнение. Это, чтобы у читателя не сложилась ложное отрадное чувство, что, дескать, немцы открывали православные храмы — поэтому они хорошие, в отличие от плохой Советской власти, которая их, в свое время, закрывала. У нас и по сей день стонут по разрушенному храму Христа Спасителя, всхлипывая при каждом удобном случае. **Да, были ошибки у большевиков** той поры. Даже Молотов признал. Но, не уничтожалось же, само культурное наследие предыдущих поколений. Фашизм же, в лице Гитлера, никоим образом не ставил перед собой задачу сохранения духовной культуры русской православной церкви. Это глубокое заблуждение. Это была иезуитская хитрость, по отношению к коренному населению, в силу сложившихся причин. Крах блицкрига, вынудил руководство Германии заигрывать с тамошним населением оккупированных территорий, до поры до времени. Отсюда и проводимая политика по открытию церквей, куда в основном привлекались люди,

которые с радостью шли в услужение немцам. Звериный оскал фашизма советские люди особенно ярко увидели, когда Красная Армия стала изгонять врага со своей территории, а его укусы ощутили на себе в самой полной мере.

Вот что писал, входящий в состав Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний, митрополит Николай (Журнал Московской Патриархии № 2 за 1943 год). Председателем этой комиссии был, как уже упоминалось выше Алексей Николаевич Толстой.

“В марте этого года, я совершил поездку по только что освобожденным древним русским городам: Ржеву — Калининской области, Сычевке, Гжатску, Вязьме — Смоленской области. Эта поездка была самой тяжелой, какую когда-либо приходилось нам предпринимать: страшные картины виденного заполняют потрясенную до глубины души. Нет слов для описания злодеяний немцев в г. Ржеве. Страшное впечатление произвел мертвый город. На левом берегу, где торговая и жилая часть города, копошатся еще какие-то люди. А на правом берегу, на так называемой Советской стороне, где была деловая часть, не встретишь почти ни души. А в городе было 56 тысяч жителей.

Город представляет собой груду развалин: не оставлено ни одного каменного здания, и сожжено подавляющее число домов деревянных. Этот город славился своим театром, краеведческим музеем, центральной библиотекой с 60 000 книг, своими высшими учебными заведениями и техникумами, своими заводами — механическим, спиртовым и другими...

Все эти здания, с их оборудованием, лежат в кучах кирпичных руин. Прекрасный мост через Волгу, искромсанный взрывом, лежит в воде. Взорваны и обращены в груды кирпичей **пятнадцать церквей** кроме случайно уцелевшей одной, о которой мы скажем ниже....

Всех оставшихся в живых жителей города, числом около двухсот человек, немцы согнали, в Покровскую церковь двери ее были плотно закрыты засовами, церковь заминирована, чтобы взорвать ее вместе с этими последними остатками мирного населения г. Ржева. Красная Армия ворвалась в город раньше, чем это злодеяние было доведено до конца... Красноармейцев, открывших храм, долго не выпускали из своих объятий счастливые люди....

В г. Сычевке, в числе сожженных и взорванных немцами зданий, погиб музей с пятью тысячами картин, среди которых были картины кисти Репина, Левитана и других корифеев русского искусства.

Здесь погибли взорванные здания всех школ и всех коммунальных предприятий и городских учреждений.

В этом городе при своем отступлении немцы **разрушили путем взрыва все 7 православных и старообрядческих церквей города, в том числе 2 собора**. Говорили нам, что для взрыва одного из этих соборов, так называемого Синягинского, было заложено больше 20 бомб по тонне, и силою взрыва было убито 40 немецких минеров...

В Гжатске, как и в других виденных нами городах, фашистскими зверями уничтожены все культурные учреждения и каменные жилые дома. Груды, кирпича и пепла лежат на месте городской электростанции, водопроводной станции, больницы, техникума театра, бани, заводов, дома инвалидов и всех остальных каменных зданий, которыми мог гордиться небольшой, но красивый, чистый, нарядный город...

В Гжатске мы побывали на месте, где стояла взорванная немцами в день ухода **церковь**, в которой до последних дней при немецкой оккупации совершалось богослужение. Куски искромсанный взрывом церковной утвари разбросаны по всей ограде, застряли в ветвях берез, окружавших храм, и верующие с благоговением собирают их, складывая на земле, и извлекают их

из-под груды обломков, оставшихся от прекрасного и благоустроенного храма. Здесь, на развалинах этой церкви, сразу после прихода Красной Армии, верующие, как они рассказали нам, со слезами молились за благодарственным молебном, радуясь своему освобождению...

Вязьма старый русский город. Строился он добротнo, на века. Стены из кирпичей в старинных зданиях клали в метр толщиной, руками не обхватишь. Немцы упорно трудились, чтобы разрушить этот город.

В Вязьме немцы **разрушили при своем уходе и несколько самых лучших церквей: Духовскую, Троицкую и другие.** На кладбище нам показали огромный ров, в который сброшены тела трех с половиной тысяч мирных людей, расстрелянных и замученных фашистами. И здесь лишь небольшой слой земли прикрыл тела несчастных жертв, среди которых мы видели много женщин, детей и стариков...

Проезжая по Смоленской области от города к городу, мы видели многие десятки деревень и сел, сожженных дотла. Лишь по обломкам многочисленных печных труб можно было догадаться, что здесь был населенный пункт. Вместе с уничтожением жилых домов немцами **разрушены и храмы** в селах Никитье, Короваево, Ярыгино, Васильевское и множестве других”.

Подобное вспоминает и протоирей Николай Ломакин, который был в составе аналогичной комиссии, только по Ленинградской области.

“До Отечественной войны в Старом Петергофе были следующие храмы.

1. Знаменской иконы Б. М. церковь в Верхнем Петергофе, у гранильной фабрики, однопрестольная, постройки 1776 г бывш. Гвардейского ведомства. Иконостас резной, вызолочен. Живопись работы художника Бельского.
2. Кладбищенская церковь Св. Троицы. Построена в 1870 г. 3-х престольная, каменная. Приписная к ней Лазаревская, малая церковь, построена в 1852 Р. деревянная.
3. Храм-музей Серафимовского монастыря. Стиль его — московско-нарышкинский XVII в. Замечателен иконостас в стиле древнего северного русского церковного зодчества.
4. Церковь-музей при собственной даче бывш. императрицы Марии Федоровны.
5. Храм при военном кладбище.

Кладбищенский Троицкий храм, как равно и прочие указанные церкви, были в полной сохранности и не требовали серьезного ремонта.

23 сентября 1941 года город Новый Петергоф был оккупирован немецкими захватчиками, и положение храмов г. Старого Петергофа и его мирного верующего населения резко изменилось. Немецкие войска в несколько дней систематическими артобстрелами и бомбежками лишили верующих их святынь **уничтожили все старо-петергофские церкви.** При этом свои обстрелы и разрушения храмов фашисты обставили так, что вместе с храмами погибли молившиеся в них (преимущественно старики, женщины и дети), искавшие под сводами храмов убежища в опасения от обстрелов и бомбёжек. Под сводами Троицкой церкви и в самой церкви собралось свыше 2000 человек, из коих не менее 100 детей. В подвале Лазаревской церкви и на кладбище (в склепах) укрывалось до 2000 человек. В убежище Серафимовской церкви было до 1000 человек. Эти цифры примерно, определяют число жертв, погибших под развалинами храмов.

Гибель верующих под сводами Троицкой кладбищенской церкви и в склепах кладбища, а также в подвалах-убежищах других названных храмов, уничтожение артобстрелом самого кладбища с его могилами, потрясают ужасом...”

Приведенные документальные зарисовки увиденного, хотя и ужасают масштабами вандализма, но, в то же время, позволяют правильно понять, кто есть кто? Как бы ни бросали камень в Советское правительство, надо же и меру знать. Да, признаться не любили коммунисты Церковь, но, что касается ненависти, то это не по адресу. Тем более, что Сталин “людоедством” в отношении к церковникам не отмечался нигде и никогда.

И вот после того, как была дана развернутая картина прошедших событий, читатель вправе задать вопрос автору: “А как там, насчет встречи 22-го июня 1941 года наших героев, не забыли?” Ничуть. Самое время подошло, чтобы возобновить разговор о наших героях первого дня войны.

То, что митрополит Сергей был в Богоявленском соборе, а не в Успенском в Кремле, еще ничего не говорит о том, что он не мог бы встретиться со Сталиным. Действительно, это трудно парировать. Но, с другой стороны, только в воспаленном сознании, известного читателю “Чацкого”, из воспоминаний Я. Е. Чадаева, можно представить картину, как Сталин пронесется мимо него. Помните, в главе о наркоммах: (Чацкий). “Ранним утром 22 июня мельком видел в коридоре Сталина”. Может, тот спешил, чтобы не опоздать на встречу с митрополитом Сергием? Как знаете, ни один нарком не мог увидеть Сталина в Кремле 22 июня. Наверное, уединились наши герои в доме на Елоховой (Бауманской) и товарищ Сталин помогал митрополиту редактировать текст Послания? А что? Обучался же Иосиф Виссарионович, в свое время, в духовной семинарии? Потом это редактирование вошло у него в привычку, и последовала помощь уже Молотову перед выступлением того по радио. А там и рукой подать, до знаменитого обращения к стране 3-го июля.

В реалиях, чаще всего, всё и всегда происходит буднично и прозаично. Вот что приводится в исследовании о Елоховском (Богоявленском) кафедральном соборе В.А.Любартовича и Е.М.Юхименко “Собор Богоявления в Елохове: история храма и прихода” .

“Фашистская Германия напала на Советский Союз 22 июня 1941 г., в день Всех святых, в земле Российской просиявших. В тот день в Богоявленском соборе служил литургию митрополит Сергей. Вернувшись после окончания службы к себе, в митрополичий дом в Бауманском пер., **владыка узнал о начале войны.** Сразу же уединившись в своем кабинете, он написал и собственноручно отпечатал на пишущей машинке “Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви”. Это послание вскоре было размножено и разослано по всем уголкам страны”.

Думается, что выступление Молотова по радио эхом прокатилось по стране. Этой горестной вестью делились друг с другом все: и верующие, и те, кто занимал позиции атеизма. Вряд ли, это известие о начале войны обошло стороной жителей Бауманского переулка. Как следствие, патриотично настроенный митрополит Сергей живо отреагировал на это скорбное сообщение “уединившись в своем кабинете”.

Насчет того, что послание было “размножено” — довольно сильно сказано. На тот момент РПЦ была лишена возможность издавать религиозную литературу еще с 1935 года, т. е. ей было запрещено иметь свою типографию. Процесс размножения, таким образом, мог свестись лишь к перепечатке на пишущей машинке или написанию от руки, и не более того. Хотелось бы отметить такой отраднейший факт: митрополит Сергей все же продолжал произносить под сводами собора свои патриотические речи.

“Вечером **26 июня** на молебне о победе русского воинства в Богоявленском соборе митрополит Московский и Коломенский Сергей призвал соотечественников на подвиг защиты родной земли, ее исторических святынь, ее независимости от иностранного порабощения. Он произнес тогда знаменательные слова: “**Да послужит и наступившая военная гроза к оздоровлению нашей**

атмосферы духовной, да унесет она с собой всякие тлетворные миазмы: равнодушие ко благу Отечества, двурушничество, служение личной наживе и пр. У нас уже имеются некоторые признаки такого оздоровления. Разве не радостно, например, видеть, что с первыми ударами грозы мы вот в таком множестве собирались в наш храм и начало нашего всенародного подвига в защиту родной земли освящаем церковным богослужением?”

Но, это будет чуть позже, когда война уже покатила на Восток. А как там было 22 июня, что известно?

Наконец-то, мы подошли к важному свидетельскому показанию прихожанки Зои Вениаминовны Пестовой, жены профессора Н. Е. Пестова. **Пестов Николай Евграфович**, доктор химических наук, проректор Московского Химико-технологического института им. Д.И.Менделеева. Кроме того известный богослов. Им написаны книги: “Пути к Совершенной радости” в 8 томах, “Над Апокалипсисом”, “Жизнь для вечности”.

Зоя Вениаминовна вспоминает:

“Начало войны застало нас в Москве. Накануне, в субботу 21 июня, я была у всенощной в Елоховском (Богоявленском) соборе. Служил отец Николай Кольчицкий. Служил и плакал, а после окончания богослужения сказал, обратившись к народу, что завтра утром (**т. е. 22 июня.** — В.М.) будет отслужена последняя Литургия, после чего храм закрывается, и ключи сдаются в исполком. Дома я с плачем рассказала Николаю Евграфовичу о том, что узнала. Лицо мужа стало еще более серьезным. Он тяжело вздохнул, перекрестился и сказал: “На все Божья воля”. Ночью он долго молился, стоя на коленях перед шкафом с иконами... На другой день (**22 июня 1941 года** — В.М.) рано утром я уже была в храме. Народу было немного. Все стояли грустные и печальные (Понятно, что им было жалко, что закрывают собор. — В.М.) После окончания Литургии (Видимо, эту службу и проводил митрополит Сергей (Страгородский). — В.М.) все ждали, что вот сейчас придут представители власти и собор будет закрыт. Но никто не приходил. Постепенно все стали расходиться. Ушла и я домой. Дома стала собирать вещи и продукты, чтобы ехать на дачу. Вернулся с работы и Николай Евграфович. Внезапно с лестничной площадки раздался шум. В дверь стучала соседка.

— Зоя Вениаминовна! Включите радио! Война! Через несколько секунд я услышала голос Левитана, извещавшего о начале войны с Германией”.

(<http://www.orthedu.ru/knigi/pestov/page>)

Вот такая в заключение получилась грустная история про Богоявленский собор, про митрополита Сергия, про его домик в Бауманском переулке, про власти Москвы, и про начало войны с Германией в воспоминаниях прихожанки Зои Вениаминовны Пестовой. Сможет ли пылливый читатель найти во всем этом следы пребывания товарища Сталина? А как вам постановление Мосгорисполкома о закрытии Богоявленского собора 22 июня 1941 года? Нестыковка, видимо, у них произошла с Иосифом Виссарионовичем. А может наоборот? Дали же утреннюю литургию провести: и на том, как говорится, спасибо! Кстати, как видите, 26 июня собор не закрыли. Началась война и стало, к счастью для прихожан, не до закрытия церкви.

Вот такие чудные дела творились в Московской епархии с началом войны, прости, господи!

Глава 27. О “пропавших” днях. Куда, куда вы удалились...?

Не просто же так пропадают страницы из Журнала посещения Сталина? Тем более, что никто и никогда, не говорил об утери страниц Журнала за 19 апреля или 19 мая? Кроме того, никто словом не обмолвился о том, что исчезли страницы за 29 и 30 марта или 29 и 30 января? Промолчим о феврале, с его 28 днями. Может, это было характерно только для июня месяца? Вполне возможно,

ибо в этот месяц, когда стоят самые продолжительные световые дни в году, люди могут быть очень рассеянными и вполне могут потерять страницы важных документов. Особенно, если это касается того периода, когда враг нападает на нашу страну. То, что исчезли страницы, сразу наводит на мысль, что это кому-то очень нужно было.

И все же отсутствие страницы за 19 июня никак не дает покоя. Кто же был в Кремле за три дня до войны, что пришлось уничтожить данные за это число? Как я уже отмечал выше, страницы за 29 и 30 июня могли быть удалены и для отвода глаз. Но подозрительно то, что эти два дня вместе. К чему бы это?

Но, все же, кто именно хотел замести следы за 19 июня? А ведь сам же, выше писал — “хрущевцы”, но предположить, что именно сам Хрущев, как-то, сразу не догадался. Обратите внимание, что Хрущев-то, действительно, нигде в Журнале не отражен, в отличие от Жукова, которому, вроде бы, незачем было скрывать свое присутствие (или отсутствие). Он и так, везде фигурирует в Журнале. Тимошенко тоже, не скрывается. А если исходить из событий 1953 года? Кто явился инициатором и даже исполнителем убийства Сталина? И тень подозрения, тяжелым покрывалом ложится на голову нашего “дорогого Никиты Сергеевича”.

Действительно, он, как-то затаился впервые дни войны. О нем никто и никогда не вспоминал. Только Жуков, выгораживая своего поделника, делал вид, что Хрущев все время, дескать, был в Киеве и только в конце дня 22 июня, по просьбе самого Сталина бросил все дела и приехал на аэродром встречать своего “лучшего друга”, т. е. его любимого. Хрущев сам “темнит”, с 22 июня и теми днями, что были ранее. Давайте-ка, почитаем, что он нам наговорил в своих мемуарах по этому поводу.

“Перед самой Великой Отечественной войной я находился в Москве, очень долго задержался там, буквально томился, но ничего не мог поделать. Сталин все время предлагал мне: “Да оставайтесь еще, что вы рветесь? Побудьте здесь”. Но я не видел смысла в пребывании в Москве: ничего нового я от Сталина уже не слышал. А потом опять обеды и ужины питейные... Они просто были мне уже противны. Однако я ничего не мог поделать. Наблюдал я за Сталиным, и на меня он производил плохое впечатление... Он находился в таком состоянии, которое не вносило бодрости и уверенности в то, что наша армия достойно встретит врага”.

Что это за странное бездельничанье Хрущева в столице накануне нападения Германии? Как первый секретарь компартии Украины, чего же он ошивался в Москве, да еще и взваливает на Сталина вину за то, что тот, только тем и был озабочен, как бы накормить обедом и ужином своего “маленького Маркса”? Также не совсем понятна “тирания” Сталина, сдерживающая деятельный порыв Никиты Хрущева? Кроме того, не надо забывать, что 18 июня, как мы знаем теперь, Сталиным был отдан приказ в войска о приведении их в боевую готовность. А у Хрущева — сплошь “ужины питейные”. Читаем дальше.

“...Я настойчиво добивался разрешения выехать в Киев и в конце концов прямо сказал Сталину: “Чего я сижу здесь, товарищ Сталин? Ведь война может разразиться в любой час и будет очень плохо, если я буду находиться в Москве или даже в дороге. Мне надо ехать, мне надо быть в Киеве”. И он согласился: “Да, верно, езжайте”. Такой ответ тоже свидетельствовал о том, что он и сам не знал, зачем меня задерживал. Понимал, что мне тут делать нечего и что мое место в Киеве, что я там нужнее, чем здесь. Вроде бы охотно согласился. Но, спрашивается, кто же меня задерживал? Это говорит о том, что он нуждался в присутствии как можно большего числа людей из своего окружения, с тем чтобы не оставаться одному, один на один с самим собой. **Такая у него была тогда человеческая потребность”.**

Хрущев “сдает экзамен” Сталину.

Хрущевские воспоминания очень трудно поддаются воображению, т. е. невозможно нарисовать мысленно картину, которую Никита Сергеевич пытался изобразить в своих мемуарах. Действительно, с большим трудом, могу представить себе, чуть ли не хныкающего Хрущева в кабинете Сталина, и умоляющего разрешить ему уехать к месту жительства. Также смутно рисуется образ вождя, жаждавшего тепла человеческого общения. Ведь, врет же Хрущев, а зачем?

Еще обращаю внимание читателей, вот на какой момент. Часто упрекают Сталина в том, что он отметал все доводы о начале гитлеровской агрессии и даже требовал расправы над теми людьми, кто говорил ему об этом. Читаем у Хрущева. Никита Сергеевич, в разговоре со Сталиным, ведет речь о начале войны не на годы, месяцы или дни, а на ЧАСЫ. Сам же говорит Сталину, что “ведь война может разразиться в **любой часи** будет **очень плохо**, если я буду находиться в Москве или даже в дороге”. Понимать, “очень плохо”, надо так, что партийная организация Украины находится, в данный момент, без руководителя и случись что? кто возглавит оставленное им дело? Хрущев и подтверждает высказанное нами предположение словами: “Мне надо ехать, мне надо быть в Киеве”. И Сталин, вопреки расхожему мнению о своей безграничной доверчивости к вождю немецкого народа Гитлеру, взял, да и согласился с мнением Никиты Сергеевича: “Да, верно, езжайте”. Никого не слушал тиран-деспот Сталин, а вот не мог отказать Хрущеву в его убийственно-точном, логически-обоснованном начале войны. Хрущев, убеждал Сталина, что война может начаться, даже, во время его возвращения в Киев, в дороге. Каким “прозорливым” оказался Никита Сергеевич? Всё, как “предполагал”, так и получилось. Но и Сталин, в данном изложении, Никиты Сергеевича, на удивление, предстает перед нами необычайно умным руководителем: “Понимал, что мне тут делать нечего...”. Из каких же корыстных соображений Хрущев нахваливает вождя? Иной раз доброго слова от него не дожدهшься в адрес Сталина по очевидным-то делам, а здесь специально выделил и похвалил. Неспроста! Значит, исходя из логики прочитанного, следует, что Сталин, все-таки согласился с доводами Хрущева, что война начнется вот-вот, с минуты на минуту, и благословил отбытие Никиты Сергеевича.

“Я сейчас же воспользовался согласием Сталина и выехал в Киев. Обстановка была очень нервная, предвоенная. Стояло жаркое лето; парило, как парит перед грозой. Приехал я в Киев утром, как всегда. Это была **суббота (21 июня 1941 года — В.М.)**. Сразу же пошел в ЦК КП(б)У, проинформировал работников о положении дел и вечером ушел домой (Долго же информировал, практически весь день. — В.М.). Вдруг мне в 10 или 11 часов вечера позвонили из штаба КОВО, чтобы я приехал в ЦК, так как есть документ, полученный из Москвы. В сопроводительной к нему сказано, чтобы с этим документом был ознакомлен секретарь ЦК КП(б)У Хрущев. Приехал я опять в ЦК”.

Трудно разобраться в Хрущевской лжи, так как он, как заяц петляет, стараясь сбить со следа. Позвонили из штаба округа, “чтобы приехал в ЦК”? Трудно, в данном отрывке уловить смысл написанного. Еще труднее понять, как могло случиться такое? Хрущев, якобы, приезжает из Москвы где, по его словам, он “настойчиво добивался разрешения выехать в Киев”, т. е. пробыл там несколько дней. Но московские партийные товарищи, с которыми, как уверяет мемуарист, он бражничал у Сталина на даче, не могли ему сунуть в руки документ, а предпочли его направить, вполне возможно, что и фельдъегерской связью, в Киев. Более того, обратите внимание: Хрущев руководитель Компартии Украины, а кому же был адресован документ, если Хрущев должен был с ним просто ознакомлен? Скорее всего, Никита Сергеевич просто лжет, чтобы заполнить каким-то действием происходившие события ночи с 21 на 22 июня. Для нас же важно одно: Хрущев накануне нападения Германии был в Москве и, видимо, был зафиксирован в Журнале в кабинете у Сталина в Кремле 19 июня, но по каким-то причинам постарался скрыть этот факт. Выехал из Москвы, как уверяет читателей, 20 июня вечером, раз утром 21 июня прибыл в Киев. Уточняет, что это происходило не раз — “как всегда”. Разумеется, зная, что представлял собой Хрущев, трудно отделаться от мысли, что здесь, не все чисто. Обратите особое внимание на то, что Хрущев и словом не обмолвился не только о том, что он член Политбюро ВКП(б), но и о том, что делало само Политбюро накануне войны и по ее началу. Поэтому ни о какой поездке из Москвы в Киев 20 июня вечером, не могло быть и речи, — не для этого Никиту Сергеевича в Москву вызывали или

сам напросился. Скептики возразят, сказав, что Хрущев известный враль, мог и в этом деле соврать. То, что врет, видно невооруженным глазом, но с какой целью?

Обратимся к интервью дочери Хрущева Раде Аджубей, которое она дала в свое время газете “Аргументы и факты”:

“В 1938 году отец был избран членом Политбюро ЦК ВКП (б) и уехал на Украину первым секретарем украинской партийной организации. Мы приехали в дом, где до нас жил Постышев — известный партийный деятель, который погиб вместе со всей семьей в годы репрессий...”

Война нас застала в Киеве. Мне было всего 12 лет, я была совсем девочкой, но этот день разделил мою уже долгую жизнь на “до войны” и “после войны”. Мы жили на даче под Киевом — в Межигорье. Место историческое, там когда-то был монастырь, куда запорожские казаки уходили, когда уже не могли воевать...

В тот памятный выходной (22июня 1941 года. — В.М.) мы собирались праздновать день рождения моей младшей сестрички (Леночки. — В.М.), **ждали отца**, но **он не приехал**, а нам объявили, что началась война. У меня должен был быть урок музыки, и мама взяла меня в город. Никакого урока, конечно, не было, а мы трое — мама, мой учитель и я — слушали выступление Молотова по радио. Я не осознавала тогда, что это значит — война...”

Думаю, всем тем, кто знаком с русским языком, понятно, что если бы человек, (в данном случае, Хрущев) находился бы в том же городе, то правильно звучало бы, что он “не пришел” на день рождения. “Не приехал” — подразумевает его отсутствие за пределами города, т. е. нахождение в другой местности. Если бы Хрущев был в Киеве, то неужели бы не позвонил домой и не поздравил бы дочку с днем рождения, — ей исполнилось четыре годика. А с началом войны, обязательно высказал бы по телефону свои опасения жене и старшей дочери. Как видите, ни первого, ни второго не произошло. Значит, остался в Москве, но предпочел скрыть этот факт. С ответом на вопрос: “Зачем?”, будет ясно в дальнейшем. А по поводу своего выступления на съезде об отсутствии Сталина в Кремле, Хрущев твердо знал, что того не было, но не сказал о причинах. Это главное, что он утаил от делегатов съезда. И почему ему не возразили по данному поводу члены Политбюро, загадка?

Таким образом, выяснили, что 19 июня очень не понравилось Никите Сергеевичу, и он постарался, для отвода глаз, якобы, “увильнуть” из столицы. И на самом деле, о Хрущеве, в первых днях войны нет упоминания ни в одном документе, да и он, по связям с Москвой, как оказалось, немногословен. Но, как показало наше расследование, Хрущев был все время в Москве, вплоть до 22 июня, и это мы уже выяснили. Потом Никита Сергеевич, вместе с Жуковым, якобы, убыл на Юго-Западный фронт.

Теперь нам известно, что были образованы Главные направления, одно из которых и возглавили данные друзья-товарищи. Так что врать Хрущеву было с руки, скрывая обстоятельства этого подлого дела.

Может быть, и 29-е с 30-ым июня, как-то с Хрущевым связаны? А почему бы и нет? Что важного произошло 30 июня 1941 года? Любой, кто не понаслышке знает историю войны, скажет, что в этот день был образован Государственный Комитет Оборона. Да, и в данной работе, этот Комитет не был мною обделен вниманием. Но давайте, внимательно присмотримся к документу, который подтверждает создание данного органа. Нет, ничего проще. Это **совместное** Постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 30 июня 1941 года. Обратите внимание на многообразие государственных учреждений собранных под одной “крышей”. Здесь и законодательная власть в лице Президиума Верховного Совета СССР, и Центральный Комитет Коммунистической партии (правда, без указания Политбюро, каким обычно “освящались” подобные документы), и наконец, сам Совет Народных Комиссаров, во главе со

Сталиным. Но, если присутствуют все три представителя государственной власти: законодательная, партийная и исполнительная, то должно ли это быть закреплено, на каком-либо собрании, заседании или съезде? Разумеется, ведь не просто же так собрались представители трех ветвей власти, с тем, чтобы под одной шапкой выпустить совместный документ. Но, если уважаемый читатель, захочет ознакомиться с данным совместным постановлением, то его, как и много раз до этого, ждет разочарование. Нет, упомянутого документа, нигде. Впрочем, может он и существует, но широкой публике не доступен. Если меня, поправят критики, и укажут место его нахождения, буду очень рад ознакомиться с этим незаурядным документом. Как же так? может упрекнуть меня, внимательный читатель. Да, постановление о создании ГКО на “каждом углу” висит, что в интернете, что в любой энциклопедии или иных документах по Великой отечественной войне. Постановление-то, как бы есть в наличии, только в нем приведено его решение, и то какое-то, куцее. Вся сопутствующая атрибутика, т. е., к примеру, преамбула и наличие утверждающих его лиц, отсутствует. В таком случае, обычно говорят: Федот, да не тот. Нам и так, ясен был состав ГКО: Сталин и группа особо доверенных и ответственных лиц. Но, хотелось бы посмотреть на всё Постановление целиком. Вот этого-то, как раз и не дано увидеть. Почему? Потому что, сразу поломается версия Микояна о келейности создания данного Комитета. Там ведь, как сказано, в мемуарах Анастаса Ивановича? Что, дескать, самые “смелые и решительные члены Политбюро”, вместе с Берией поехали на дачу к Сталину и там “осветили” намеченное дело. А здесь, в совместном Постановлении, только по одной “шапке” все выглядит совсем по-другому. Жаль, что подлинника нет.

Но мы можем познакомиться с аналогом этого документа, опубликованном в газете “Правда” за 1 июля 1941 года. Приведено из 15-го тома собрания сочинений Сталина изданных под редакцией Р.Косолапова.

“ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Оборона в составе:

т. Сталин И. В. (председатель), т. Молотов В. М. (заместитель председателя), т. Ворошилов К. Е., т. Маленков Г. М., т. Берия Л. П.

2. **Сосредоточить всю полноту власти** в государстве в руках Государственного Комитета Оборона.

3. **Обязать** всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона.

Председатель Президиума Председатель Совнаркома Союза ССР

Верховного Совета СССР и секретарь ЦК ВКП(б)

М. И. КАЛИНИН И. В. СТАЛИН

Москва. Кремль. 30 июня 1941 года.

Правда. 1 июля 1941 года”

Обратите внимание, как скромно оформлено создание данного государственного органа. Разумеется, надо сделать скидку на газетную публикацию. Это же должно быть издано как Указ Президиума Верховного Совета. Когда в сентябре 1945 года ГКО прекратит существование, то будет издано соответствующее решение Президиума. Так и в нашем случае должно быть. А члены Политбюро, вместе с Микояном, “растворились” в данном документе. Зато, после смерти Сталина, все лавры партия забрала себе.

Разумеется, должно, было в таком случае состояться собрание, в Кремле, при большом скоплении людей, представителей этих трех ветвей власти, где и было, видимо, принято данное совместное Постановление. Ведь, где-то и кем-то, оно было принято? Давайте, по порядку. Президиум Верховного Совета — это Председатель М.И.Калинин и 15 его заместителей, по одному от каждой союзной республики. Центральный Комитет представляло не только Политбюро в составе семи человек, без Сталина: Молотов, Ворошилов, Каганович, Андреев, Микоян, Жданов и **Хрущев**, но и представители самого ЦК. Совнарком — Председатель Сталин, его замы и прочие наркомы в количестве, соответствующее числу наркоматов, а также члены комитетов входящих в состав СНК. Довольно большое скопление народа. Не могли же они поехать все на дачу к Сталину? Да, этого и не требовалось, поскольку Сталин был в это время уже в Кремле. Помните, воспоминание наркома Гинсбурга С.З., приводимое в главе о Сталинских наркоматах:

“В конце июня 1941 г. в Кремль были вызваны руководители промышленных наркоматов и ряда важнейших хозяйственных учреждений. В Овальном зале с кратким сообщением к нам обратился Сталин. Все присутствовавшие стояли. Откровенно заявив об очень трудном положении, создавшемся на фронте, он предложил в первоочередном порядке...”

Концовку последнего предложения редактора-цензоры “забили” другим сообщением, но если следовать логике событий, то именно **на данном собрании в Овальном зале Кремля** и воплотилась Сталинская мысль о необходимости создания ГКО. Судя по всему, зал был набит до отказа, если “все присутствующие стояли”. Разумеется, если столько “важного” народа собралось.

Тогда, что же следует? Следует то, что никакого “уединения” Сталина на даче в эти дни, 29 и 30 июня, не происходило. А несколькими днями ранее, шло оповещение всех причастных к этим трем ветвям власти людей и они к 30 июня собрались в Кремле. Помните, у “Чацкого”, встречу с Р.Землячкой. Она, как член Комитета Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) прибыла в Кремль по приглашению Сталина, именно 30 июня, а не как у “Чацкого” с утра пораньше, 22 июня.

Читатель может задаться вопросом о том, что поездки Сталина к военным в Наркомат обороны, судя по всему, видимо, не было 28 июня? Да, в этот день она не была осуществлена, так как произошла несколькими днями раньше, и совсем по другому поводу.

Когда, рассматривался вопрос о поездке Жукова на Юго-Западный фронт, то, куда он, якобы, по звонку Сталина, возвратился? Все, кто знаком с мемуарами маршала, да и в начале работы этому было посвящено несколько страниц, дружно скажут, в Кремль. Помните, я еще поставил под сомнение время прибытия к Сталину этой троицы: Ватутина, Тимошенко и Жукова. Потом, с картой Западного фронта были “игры”, вместо того, чтобы рассказать, что там, на Украине, происходит? Так вот, вырисовывается очень мрачная картина. Как я показал ранее, Сталин возвратился в Кремль, примерно в конце дня 24 июня (или в начале 25 июня), после того, как к нему съездили члены Политбюро и правительства с безрадостными новостями. Речь, видимо, шла о том, что Ставка, “подмяла под себя” Комитет обороны при СНК и отказывается выполнять требования правительства. Сталин, по прибытии в Кремль, сразу стал вникать в дела и, по всей видимости, позвонил в Наркомат обороны и Генштаб, чтобы узнать обстановку на фронте. Ему сказали, что Жуков на Украине. Сталин потребовал, чтобы начальник Генштаба вернулся в Москву и прибыл в Кремль, чтобы отчитаться о “проделанной” работе. Но нам теперь известно, что Жуков выполнял функции Главкома Юго-Западного направления. А вместо него, в Генеральном штабе все дела вел Ватутин.

И вот, Жуков вернулся 25 июня, но, в данном случае, даже не важно, кто его вызвал? То, что Журнал зафиксировал его “появление” в Кремле в 15.00 часов, ни о чем не говорит. Это неправда. Жуков и не думал появляться в Кремле. Не для этого он уезжал из Москвы вместе с Хрущевым. Нарком Тимошенко, видимо, тоже не поехал в Кремль, а послал туда, вместо себя, Ватутина, исполняющего обязанности начальника Генштаба, что и отражает Журнал в 13.00. Сталин обеспокоен отсутствием в Кремле наркома обороны и начальника Генштаба. Дело, действительно, “попахивает” явным саботажем, со стороны военных, о чем и шла речь накануне. Какова его реакция? Если гора не идет к Магомету, то Сталин едет разбираться в наркомат обороны. Иначе, эти события и не читаются. А то, по Микояну, Сталин решил узнать в Наркомате обороны, есть ли связь с Западным округом? Как будто, туда полевой провод с фронта протянули? Я же говорил, что связь Сталину сделал Пересыпкин, иначе какой же он нарком связи? Кроме того, нам подбрасывают еще версию, что Сталин, якобы, узнал из сообщений радио (в некоторых случаях говорят, что из иностранного), что пал город Минск. А то, от своих узнать трудно, как там, на Западном фронте? Например, многие в Москве, у кого был телефон и родственники в Белоруссии и на Украине, задолго до сообщения Молотова по радио знали о начале войны. Подобных примеров, очень много. Даже, сам Ю. Левитан вспоминал, что на Центральном радио, рано утром было известно, что началась война, но не было команды передавать эту новость в эфир. Лишь незадолго до полудня из Кремля прибыл курьер и привез пакет, с текстом сообщения, который предстояло озвучить для жителей страны. Сообщение было очень коротким и примерно такого содержания, что в 12 часов дня будет важное правительственное сообщение. Вот и все.

Но, мы продолжим о поездке Сталина к военным. До него с ними, видимо, пытался контактировать Молотов, после чего сразу рванул на дачу к Сталину за помощью. Так что хорошего ждать в Наркомате обороны не приходилось.

Что там произошло у военных в Наркомате обороны, уже было приведено в разных вариантах: от плачущего Жукова, — по Микояну, до разъяренного хама, — по Молотову. Но это, думается, еще не все. Речь, не в хамстве Жукова, что не удивительно. Станным, было бы его поведение, как раз наоборот. И тот и другой, то есть, Микоян и Молотов, скрывают и суть поездки, и поведение военных, в том числе, и Жукова.

Сталин, хочу это подчеркнуть особо, поехал разбираться с **саботажем и вредительством** военных, вот цель его поездки, и поведение военных убедило его в этом. Видимо, Сталин потребовал дать объяснение проводимым военным действиям со стороны Ставки, а что ему ответил Жуков в “мягкой форме”? Помните, чуть раньше приводили рассказ Молотова: “Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и **не мешать им изучать обстановку и принимать решения**”. Это все в “мягкой форме”. А как прозвучало бы в более “жесткой форме”? Это выглядело бы примерно так: “Кто ты такой (Сталину), чтобы нам указывать? Есть Ставка, по решению Политбюро, есть ее председатель Тимошенко. Я вхожу в состав Ставки, подчиняюсь ее председателю и знать не хочу всех прочих начальников”. И в завершении всего сказанного, указал Сталину на дверь, с “матерью” в придачу. По-другому, мы, ведь, и не говорим. Это точнее, чем литературное смягченное слово “по матушке”.

Многие исследователи, приводя данные высказывания Молотова (со слов Стаднюка), как правило, этим и ограничиваются. А ведь продолжение, данного рассказа Молотова, не менее, занимательно. В пересказе Николая Александровича Зеньковича эти воспоминания Вячеслава Михайловича звучат следующим образом:

“Молотов рассказал Стаднюку **потрясающие подробности!** Когда нежданные визитеры спускались во внутренний двор наркомата обороны, где дожидались машины, Берия что-то возбужденно доказывал Сталину, зловеще поблескивая стеклами пенсне. По долетавшим обрывкам фраз Молотову показалось, что **глава грозного ведомства предупреждал о возможности этой ночью военного переворота.** Сталин выслушал, не проронив ни слова, а потом, не заезжая в Кремль, поехал на Кунцевскую дачу. Машина Берии свернула на Лубянку. Это

означало, что ее хозяин проведет на службе всю ночь, а его люди, **расставленные в разных местах**, будут докладывать ему о каждом подозрительном движении в городе”.

Понятно, что Молотов наступил на горло собственным воспоминаниям. А жаль, что струсил и промолчал! Эх, какая могла бы получиться у него лебединая песня!

Ну, как смотрятся наши “защитнички” Отечества из Наркомата Обороны? А ведь, это всё, повторюсь, еще мягко сказано. Да и в мемуарах, Жуков себя нарисовал — прямо, паинька. Сразу с аэродрома кинулся в Кремль, с нечищеными сапогами, “штафирке” Сталину планы на карте показывать. Сопоставьте с тем, как Жуков вел себя в Наркомате обороны. Похож? Как небо и земля.

А то нам, Микояны сказки рассказывают, что глава государства Сталин поехал в подведомственный ему по Конституции Наркомат обороны, чтобы узнать, видите ли, что там, на Западном фронте твориться? Как будто, других фронтов не было, о которых стоило позаботиться? В конце концов, мог вызвать военных в Кремль с отчетом. Он и вызвал их, да те послали его по знакомому всем русским, адресу. Повторюсь, но думаю, что “кашу маслом не испортишь”. Вновь образованная Ставка подмяла под себя Комитет Обороны при Совете народных комиссаров, где председателем был Сталин. Вопрос, когда? Не **19-го ли июня**, случился сей момент, когда по решению Политбюро, был образован, сей орган? Недаром же, его никак не приткнул на постоянное место жительства? То 21 июня, то 22 июня, наконец, вроде официально 23 июня создали. А если сказать, что “освятили” 19 июня, то, что же тогда получается? Снова возникнет вопрос о Сталине. Как так могло случиться, что он попал в рядовые члены? К тому же, уже ставил под сомнение сам факт, был ли Сталин, вообще, в том составе Ставки?

Но на данный момент, уже шло 26 июня. Сталина же не было почти неделю в Кремле. Много воды утекло. Сейчас рассматриваем не причины появления Ставки, а сам факт ее создания, которым козыряют военные, и Жуков в том числе. Сталин понял, что военные “в наглу” игнорируют требования главы государства. Надо что-то делать и немедленно, иначе все может рухнуть, так как в руководстве наркомата обороны идет явная подстава врагу. Кроме того, обратили внимание, что вместе со Сталиным, Ворошиловым, Берия, поехал и Молотов? Он же был членом Политбюро, вот и поехал, — можно и так сказать, но можно, и по-другому. Кроме всего прочего Молотов был наркомом иностранных дел. И что из этого? А из этого следует то, что наша авиация, через несколько дней после начала войны, взяла, да и нанесла бомбовые удары по Венгрии, Финляндии и Румынии. Разумеется, Молотов получил от министров иностранных дел этих стран, через послов, ноты о разрыве дипломатических отношений и объявлении нам войны. А то, мало у нас было проблем с одной Германией. Кто отдал приказы на проведение подобных мероприятий по бомбардировке? Вопрос ушел в песок. Сталин попытался установить контакт с военными и получил то, что и следовало получить от заговорщиков. Надо было немедленно перехватывать инициативу и добиваться перелома ситуации в свою пользу, то есть, в пользу Советской власти, которую представлял Сталин, каким бы хорошим или плохим он не казался людям.

(О данном эпизоде, поездке к военным, мы еще раз поговорим попозже, и приведем свидетельские показания одного человека, волею обстоятельств оказавшегося на данной встрече).

Поэтому Сталин, не стал откладывать это дело в долгий ящик, а с помощью своих единомышленников взял, да и собрал к 29–30 июня все ветви власти и тех лиц, которые придерживались его позиции, т. е., хотя бы формально, были на стороне советской власти. Поставил собравшихся в Кремле перед фактом грозящей нам катастрофы: если не принять скорейших мер по жесткому контролю над армией, то она рассыплется и соответственно, гибель государства будет неминуема. Видимо, дал понять членам партии, что будет с ними, как с коммунистами, в случае победы Гитлера? И он добился принятия нужного решения: передачи **большей части власти** в свои руки легитимным путем, создав новый орган управления —

Государственный Комитет Обороны. Вот собственно и все с этими днями, 29 и 30 июня. В Журнале, видимо, были записаны многие десятки лиц прибывшие в Кремль в кабинет Сталина.

И как же это все можно было объяснить? Такое большое скопление народа в Кремле в эти дни? Если, только, в духе Хрущевского антисталинизма и пещерного антикоммунизма, и никак иначе. Журнал, разумеется, со временем “причесали”, как следует. Может, кое-то и ученую степень получил за это? А страницы, компрометирующие наших заговорщиков, пришлось уничтожить. Вот и все!

Хотелось бы провести некоторую параллель. Помните пленум 1957 года, когда хотели убрать Хрущева? Как Жуков помог своему поделнику? Организовал быструю доставку членов ЦК, приверженцев Хрущева, самолетами транспортной авиации. Откуда пришла ему (или Хрущеву) в голову эта мысль? Сталинскую организацию проведения собрания по созданию ГКО использовала эта “сладкая парочка”, вот что! Сталин, своих сторонников, доставил в Москву самолетами и количественно переиграл партийное Политбюро и прочих “коммунистов” с партбилетами за пазухой, которые могли противиться этому решению.

Еще несколько слов о конце июня 1941 года. Не возник ли у читателя вопрос, как же это могло так быть, чтобы со Сталиным, вот так грубо могли разговаривать? А куда же глядели члены Политбюро? Неужели Ставка оказалась такой всевластной?

Она оказалась такой в силу обстоятельств. Во-первых, многие, как те, так и другие, думали, что Сталин не сможет вернуться в Кремль. Речь идет о противниках Сталина и его сторонниках. А если и вернется, то остановить разгром Красной Армии уже не сможет. Темпы продвижения немецких войск, действительно, были угрожающе-быстрыми. А паника, охватившая отступающую армию, разрасталась как снежный ком и могла смести любую преграду на своем пути.

Во-вторых, Политбюро “раскололось” и не представляло собой монолит. Это, как следствие, вытекало из первого обстоятельства. Жданов, особо доверенное лицо Сталина, член Политбюро, видимо, до самого создания ГКО оставался в Москве (или в Сочи), невольно позволив хозяйничать заговорщикам в ЛВО. Хрущев, недаром листы уничтожил. Видимо, нечем было “хвалиться”. А это всё ведь, Политбюро. Обратите особое внимание на то, кем подписан документ об образовании ГКО? Видимо, поэтому и скрывают подлинник Указа Президиума Верховного Совета СССР? Сталин объединил в одном лице себя, как Председателя СНК, так и представителя партийной власти. Не было доверия товарищам по партии. Могло быть и так, что накануне Жданов, все же, убыл в Ленинград разбираться по поводу бомбардировок Финляндии. Хитрый Хрущев заблаговременно смылся на Юго-Западное направление и затаился. Был ли он в Москве 29 и 30 июня и не пакостничал ли тайно, в противовес Сталину, вставляя палки в колеса по поводу создания ГКО, трудно сказать? Об Андрееве мало, что было слышно в те дни. Микоян и Лазарь Каганович особого доверия не вызывали. Помните, на следующий день после образования ГКО, то есть, **1-го июля**, якобы, брат Лазаря Кагановича — Михаил, к тому же, **член ЦК**, “покончил” с собой в неизвестном нам месте. А может это событие произошло на день раньше — 30 июня, что будет еще “интереснее”? Его место, вполне возможно, могло быть и в Овальном кабинете Кремля, но, к сожалению, оказалось в покойнице.

Остались рядом со Сталиным, лишь, верные друзья: Молотов и Ворошилов. Вот вам и все Политбюро. Кроме того, Ворошилов, вроде бы уже убыл на фронт, укреплять Западное направление, так что, еще неизвестно кто играл первую скрипку в данном органе, коли пришлось вводить в состав ГКО Маленкова.

Неизвестно, также, кто же по настоящему подписал документ о Ставке. Получалось, что Сталин в противовес своим товарищам по партии создавал новый орган власти ГКО.

В-третьих, и правительство дало “трещину”. Вспомните, что Вознесенский, как раз и “рулил” на всех собраниях, за что и не попал в состав ГКО, вместе с Микояном. “Тихих” саботажников хватало везде. Ну, а о “всесилии” Сталина, я уже упоминал, как о некоем желании некоторых товарищей, выдававшемся за действительность.

Вот такой “скромный” набор: “Что делать?”, Сталин и получил в критические дни, возвратившись в Кремль. Надо отдать должное вождю. Сумел переломить ситуацию в свою пользу и порушил нашей “пятой колонне” все ее планы, да и Гитлеру, заодно.

Только не надо обольщаться, что Сталин, создав ГКО, дескать, полностью взял власть в свои руки. Предстоял еще нелегкий путь, чтобы приструнить военных имевших покровительство в Политбюро. Сначала пришлось пересмотреть промежуточные органы стратегического руководства, так называемые, главные командования войск направлений: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное, “насытить” их, теперь уж, своими людьми. Туда Сталин направил верных бойцов: Ворошилова и Буденного. Было ли это желанием Сталина назначить в последующем на Западное направление Тимошенко, не берусь утверждать, но то, что переподчинил Комитету бывшую Ставку, возглавив ее, как Верховный главнокомандующий — это было очень важным мероприятием. Лишь 19-го июля Сталину удалось возглавить Наркомат обороны (что довольно занятно), подчиненного ему по статусу, и лишь теперь, можно было немного перевести дух.

У нас это заняло абзац, а в реальной жизни, сколько потребовалось пота, испорченных крови и нерв, чтобы “сломить” сопротивление “тихих саботажников” стоявших у руля Красной Армии и государства? А ведь, то, что представлено, всего лишь верхушка айсберга, торчащего из воды. Сколько “темных” страниц невидимой борьбы против “пятой колонны” из наших военных и партийцев высшего эшелона власти осело в глубинах архивов? Что там хранится в тех запаянных цинковых ящиках, о которых упоминал бывший редактор Военно-исторического журнала генерал Виктор Иванович Филатов, одному богу известно?

Но продолжим о нашем многострадальном Государственном Комитете Обороны, который создал Сталин. Несколько слов о количественном и поименном составе. Во главе комитета Сталин, понятно без слов. Далее, оба верных: Молотов и Ворошилов. Видимо, не замарали себя Ставкой. Потом идет Лаврентий Павлович Берия. Недаром же по всей Москве расставил своих людей с целью подавления заговора. Да и тыл Красной Армии крепко “сцементирует” впоследствии. От партии в состав ГКО ввели **кандидата** (!) в члены Политбюро Маленкова. Вот и весь ГКО.

Хочу обратить внимание, что даже в энциклопедии “Великая Отечественная война 1941–1945” изданной в начале 1985 года Маленков, правда, есть в составе ГКО, но ему отказано (?) в отдельной статье. Не плохо, как для главы советского государства, в свое время. А вот Лаврентию Павловичу отказано во всем: и в упоминании, как члена ГКО (?), и в отдельной статье. Его не баловали упоминанием ни при одном генсеке. По мысли редакторов, война прошла мимо него, как члена ГКО и правительства. Вот так и пишется наша История. Правильнее сказать, стирается со старых страниц.

Да, это и есть маленькая тайна — создание ГКО. Но, не меньшая тайна окружает и завершение его работы. Как таинственно возродился ГКО, так таинственно исчез. Есть, правда упоминание об Указе Президиума Верховного Совета от 4 сентября 1945 года о прекращении деятельности данного органа, но, как я уже говорил, по аналогии дали бы почитать и Указ о его создании. Думается, там было оговорено время действия Комитета и его властные функции? Но, скорость, с которой его расформировали, потрясает. Неужели, Сталин на все махнул рукой? Тут с созданием ГКО, с трудом разбираемся, а нам уже новую загадку припасли. Ладно, дойдет очередь и до её разгадки. Пока разбираемся с июньскими днями.

А как же с этим пропавшим днем 19 июня? Понятно, что в Журнале был отражен Хрущев, но какая связь между этими всеми событиями? Если провести аналогию с последними днями июня, когда от нас скрывалось объединенное заседание всех ветвей власти, то вполне возможно, что 19 июня было келейное заседание ограниченного состава ЦК ВКП(б) или расширенное заседание Политбюро, где было принято какое-то решение по отражению намечавшейся агрессии Германии. Надеюсь, что многие читатели, активно изучающие историю Отечественной войны, уже знают о том, что 18 июня в войска убыла Директива о приведении в полную боевую готовность всех военных округов западного направления. Этот факт очень долгое время скрывался не только от общественности, но и от историков, занимающихся темой Отечественной войны. Кроме того, существует сомнительный документ, как решение Политбюро от 21 июня о создании Ставки. Он сомнителен, так как является подделкой. Подлинное постановление, думается, уничтожено. Однозначно, что хрущевцы свершили очередную подлость (сам Никита Сергеевич скрывает факт своего присутствия в Москве), если “замутили воду” около этих трех предвоенных дней. Кроме того, пытаются представить дело таким образом, что, якобы, Жданов, в столь напряженное время находился **на отдыхе в Сочи** и прибыл в Москву, лишь с началом войны. Но все это крепко связано, именно, со Сталиным, о чем вкратце было сообщено ранее.

По 19 июня есть парочка занимательных историй. Одна из них связана с внешней разведкой. Военный историк Э.Шарапов посвятивший книгу “Две жизни” замечательной советской разведчице Зое Ивановне Рыбкиной, впоследствии ставшей известной писательницей Зоей Воскресенской, привел такой факт.

“Уже в марте 1941 года “Брайтейбах” сообщил, что в абвере в срочном порядке укрепляется подразделение для работы против СССР. Его новый начальник Абт, ушедший в свое время из гестапо как масон, по картотекам и спискам подбирает нужных людей. Когда к “Брайтенбаху” обратился Абт, он рекомендовал ему некоторых своих бывших сотрудников, уже вышедших на пенсию. “Брайтенбах” считал, что это будет и в наших интересах. Центр не возражал”.

Многие читатели уже знают, что под кличкой “Брайтенбаха” скрывался наш ценнейший агент в руководстве гестапо Вилли Леман. Зоя Ивановна, в определенной мере, сопричастна с так называемой “Красной капеллой”, так как на связь с одним из агентов она посылала связника для передачи кварцев для рации и новые шифры. Не по ее вине, как выяснилось в дальнейшем, но многие агенты из “Красной капеллы” были схвачены гестапо. Таким образом, погиб и Вилли Леман. Но, не о перипетиях разведывательной деятельности пойдет речь. Просто, даю понять читателю, каким образом, агент Вилли Леман попал в историю Зои Рыбкиной.

Продолжим дальше рассказ Эдуарда Прокофьевича Шарапова.

“Сведения о подготовке войны все более учащались, учащались и встречи с “Брайтенбахом”. Так, они встречались 15, 21 и 28 мая. В июне агент должен был уйти в отпуск до 17 июля”.

И вот, самое существенное, во всей этой истории с июньскими числами.

“**19 июня** он пришел на встречу крайне взволнованный и сообщил, что получен приказ о начале войны против СССР в 3 часа 22 июня. В тот же вечер информация ушла в Москву”.

Я уже высказывал предположение, что покушение на Сталина, могло служить сигналом для начала Германской агрессии против нашей страны. Примерная схема действий, такова. Покушение (желательно, с летальным исходом жертвы), затем ликвидация органа контроля над военными со стороны правительства (тот самый Комитет обороны при СНК), и наконец, образование Ставки, во главе с Тимошенко, которая будет “рулить” Красной Армией в нужном, для заговорщиков, направлении, то есть, приведет ее к поражению. Покушение на главу государства состоялось, по всей видимости, в ночь с 18 на 19 июня. Дальше “тянуть” было никак нельзя, так как, накануне, Сталиным был отдан приказ о приведении войск западного направления в полную

боевую готовность. Сведения о проведенной операции по ликвидации Сталина (видимо, она произошла по дороге на дачу) были переданы в Германское посольство в Москве, откуда поступили в Берлин. Наш источник “Брайтенбах” был очень информированным человеком, коли живо отреагировал на сообщение о действиях Германского правительства по началу войны.

Ранее, я приводил выдержку из речи А.Розенберга по поводу Украины и обратил внимание читателей на дату 20 июня 1941 года. То есть, за два дня до войны в правительстве Германии началась дележка советского пирога. С чего бы это? Видимо, возрадовались, что все идет по плану. Накануне из посольства, видимо, получили сообщение, что ликвидация произошла относительно удачно. Согласитесь, что странной выглядит дележка будущей территории противника, когда еще не сделано ни одного выстрела по врагу. Видите, как были рады в предвкушении будущей победы!

О том, что было у нас в Москве, накануне, мы обсудим в отдельных главах ниже.

Вторая история связана с писателем Иваном Алексеевичем Буниным (его фамилия мелькнет ниже, в одной из глав), но он, даже не будет оповещен об этом.

Из переписки Алексея Николаевича Толстого, приведу его письмо Сталину. При прочтении, обратите внимание на обращение “Дорогой Иосиф Виссарионович”, которое указывает на близость отношений. А как же им не быть такими, если, всего несколько месяцев назад, в марте того же года, Алексей Николаевич получил из рук Иосифа Виссарионовича Первую премию его имени в области литературы за исторический роман “Петр I”. Кроме того, Первой премией был также одарен и режиссер В.М.Петров за экранизацию данного произведения, где автором сценария фильма, опять же был Толстой. То есть, Алексей Николаевич писал вождю письмо, явно полагая, что его не выбросят в мусорную корзину. Речь в письме шла о судьбе Ивана Бунина. Но давайте сначала прочитаем написанное:

“Дорогой Иосиф Виссарионович, я получил открытку от писателя Ивана Алексеевича Бунина, из неоккупированной Франции. Он пишет, что положение его ужасное, он голодает и просит помощи.

Неделей позже писатель Телешов также получил от него открытку, где Бунин говорит уже прямо: “Хочу домой”.

Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример — как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму.

Бунину сейчас около семидесяти лет, он еще полон сил, написал новую книгу рассказов. Насколько мне известно, в эмиграции он не занимался активной антисоветской политикой. Он держался особняком, в особенности после того, как получил Нобелевскую премию. В 1937 году я встретил его в Париже, он тогда же говорил, что его искусство здесь никому не нужно, его не читают, его книги расходятся в десятках экземпляров.

Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам с важным вопросом, волнующим многих советских писателей, — мог бы я ответить Бунину на его открытку, подав ему надежду на то, что возможно его возвращение на родину? Если такую надежду подать ему будет нельзя, то не могло бы Советское правительство через наше посольство оказать ему материальную помощь. Книги Бунина не раз переиздавались Гослитиздатом.

С глубоким уважением и с любовью

Алексей Толстой”.

(ЛН, т. 84, кн. 2, с. 396; О литературе, 1984, с. 472–473).

Тема Бунина сама по себе очень интересная, но не она волнует нас сейчас, хотя несколько слов, по поводу написанного, можно и сказать. Встречаются публикации, где говорится о глубокой вражде писателя Бунина к Советской власти и, как, следствие, его непримиримая позиция ко всему советскому, в том числе и к вождю. Более того, скрытый подтекст данных публикаций всегда явно превозносил положение Бунина за границы, особенно напоминая на то, что он, дескать, получил Нобелевскую премию в области литературы и тем самым, его материальное положение должным образом было превосходным. Если бы, по мнению авторов, Бунин жил бы в Советской России, то положение его было бы куда хуже. Однако данное письмо показывает, что жизнь Ивана Алексеевича вдали от родины была полна горьких разочарований и мытарств. Можно понять обеспокоенность Алексея Николаевича судьбой Бунина, если он обратился с этим письмом к Сталину, полагаясь на положительный результат. Даже дает, как видите, совет, как быстрее, по возможности, осуществить намеченное мероприятие. Как думаете, оказал бы товарищ Сталин, помощь господину Бунину? Я, лично считаю, что Сталин не оставил без внимания такую крупную личность в мировой литературе, как Иван Алексеевич Бунин и по возможности, нашел бы способ, как поддержать материально известного русского писателя. Конечно, определенные трудности в оказании помощи возникли бы, ведь началась вторая мировая война и Франция, где проживал Бунин, была под пятой Гитлера. В письме, правда, указывается, что Бунин жил в Виши (той части Франции, где не было немецких войск), но, тем не менее, война есть война. Хорошо, что с Гитлером у нас пока были “дружеские” отношения. Но если с Буниным были проблемы, — далеко от Москвы, но Алексея Николаевича, наверное, вождь не оставил без внимания? Черкнул, наверное, ему пару строк, в ответ на приятные слова о любви. Но что это? Читаем в комментариях к письму литератора А.М.Крюковой:

“Толстой не получил ответ Сталина ... Бунину не удалось осуществить свою мечту о возвращении на родину, но до конца дней он сожалел об этом”.

Я умышленно сделал пропуск, в комментариях, обозначив его многоточием. У читателя, в мыслях, не возник ли вопрос при прочтении письма Толстого, когда это он сподобился обеспокоить главу Советского правительства? Ведь не просто же так я привел это письмо, которое, вроде бы совсем из другой темы: литературных изысканий?

Поясняю, что данное письмо Сталину написано Алексеем Николаевичем **18 июня 1941 года**. В то время почта была нечета нашей, российской, — даже, в брежневско-горбачевское время, она подвергалась критике. О сегодняшнем дне горестно промолчим. В сталинское время по городу, почта обязана была доставляться в течение дня, с определенными оговорками, типа, если письмо опущено в почтовый ящик до 11 или 12 часов дня. Во всяком случае, письмо к Сталину должно было лечь ему на стол, как максимум, 19 июня. Все же не рядовой рабочий или колхозник писал ему (не хочу обидеть ни того, ни другого), а маститый писатель, “инженер человеческих душ”. Литератор А.М.Крюкова по-женски, доходчиво объяснила читателю, что ответ Толстым от Сталина не получен, по причине того, что “через четыре дня началась Великая Отечественная война”. Да и Толстой, по ее мнению, не написал Бунину, по той же причине. Обратите внимание, что А.М.Крюкова видит причину прерванной переписки, в начавшейся войне, а не в высокомерных амбициях вождя: хочу — отвечаю, хочу — нет. Хотелось, только заметить, что письмо не могло лежать на столе без ответа четыре дня. Сталину письма приходили мешками, что подтверждает и Молотов, поэтому к работе с письмами были привлечены специальные люди из секретариата. Разумеется, что основная масса писем вскрывалась и письма от Ивановых, Петровых и Сидоровых, рассматривались в секретариате и по ним принимались решения в соответствии с содержанием.

Артем Федорович Сергеев, выросший в семье Сталина, знает, кто непосредственно занимался сортировкой писем:

“Это работа секретариата. Решали Поскрёбышев или его помощник Чечулин. Они просматривали и решали, что делать: с какими вопросами письма направляли к Сталину, а на некоторые письма в секретариате сами отвечали и решали поставленные в них вопросы”.

Не буду утомлять читателя инструкцией по делопроизводству, а сразу перейду к особому виду писем, — известных людей, писавших Сталину. Люди, работавшие в секретариате Сталина, были достаточно образованными людьми, чтобы выделить из общего потока писем послания, например, Шолохова, Эренбурга, Капицы и нашего уважаемого Алексея Николаевича Толстого. Такие письма не вскрывались и доставлялись лично в руки вождя. Сталин не мог откладывать ответ на потом, так как следующий день прибавлял новых забот. Если ответ требовал решения исполнительной власти, то Сталин писал соответствующую резолюцию лицу, от кого должно было исходить решение по данному вопросу.

Вот пример с ответом Сталина на письмо П.Л.Капицы:

“Тов. Капица! Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них. Что касается книги Л.Гумилевского “Русские инженеры”, то она очень интересна и будет издана в скором времени”.

Абсолютно точно. Книга “Русские инженеры” вскоре была издана. В конце 1953 года, уже после смерти Сталина ее успеют издать еще и вторым изданием.

А в нашем случае, как могло быть с письмом? Видимо, Сталин должен был написать в наркомат иностранных дел (Молотову) с просьбой оказать содействие Бунину, через советское посольство во Франции. Ответ же, Толстому, мог носить краткий характер, что письмо получено и будет принято положительное решение об оказании материальной помощи Бунину. В отношении его возвращения на родину, соответствующие организации возьмутся за решение этого вопроса, если Бунин напишет советскому послу во Франции заявление с соответствующей просьбой. Если бы письмо не носило такой доверительный характер, то Сталин мог, просто, дать указание секретариату подготовить надлежащий ответ адресату. Но, как мы видим, ничего сделано не было. Ни личного послания, ни ответа через секретариат Толстой не получил. Следовательно, Сталин, данное письмо не читал. Представленное письмо взято из архива писателя. Разумеется, можно выпустить в меня критическую стрелу, что все то, что приведено выше, еще ни о чем не говорит, что со Сталиным что-то случилось в эти дни? Но мое возражение будет таким: а есть хоть одно письмо вождю в период с 18 июня по 24 июня 1941 года включительно, чтобы он ответил адресату? Я выстроил свою гипотезу и для меня, даже маленький кирпичик, кладущийся в ее основание, будет укреплять позицию. Впрочем, покритиковать автора, желающие всегда найдутся. Но, давайте, подумаем. Началась война, и неужели, из известных людей, все как в рот воды набрали. Почему не захотели поделиться со Сталиным своими думами, как разбить врага? Или что? на почте мешки закончились, и не в чем стало переправлять письма вождю? Опять вопросы без ответов. Итак, понятно, что данный механизм обработки писем дал сбой.

Кроме того, несколько строк о самом авторе письма Сталину. Знает ли читатель, что в 1942 году “Указом Президиума Верховного была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков с широкими полномочиями по сбору материалов”? Ее возглавил писатель Алексей Николаевич Толстой. Когда до краха гитлеровской Германии осталось всего ничего, 23 февраля 1945 года (обратите внимание на дату) он умер. Хочу заметить, что Алексей Николаевич присутствовал на раскопках Катынских захоронений в 1943 году, вместе с Николаем Ниловичем Бурденко. Кстати, уважаемый Главный хирург Красной Армии, ненамного пережил знаменитого писателя и умер 11 ноября 1946 года, как раз с окончанием Нюрнбергского процесса, где нам так и не дали возможность ярко осветить Катынскую проблему. Международный суд дал гитлеровским палачам возможность увильнуть в сторону от содеянного преступления. Кроме того, Бурденко являлся важным свидетелем по странной смерти генерала Ватутина, так как сам ставил диагноз по его ранению. Так что, ссылка на возраст Бурденко, может быть и не причем?

Что сказать в заключение данной главы? Как видите, довольно занятыми оказались эти три дня в июне 1941 года.

Глава 28. Когда же Молотов получил ноту от Германского посла?

Мы как-то оставили в покое Вячеслава Михайловича в связи с его выступление по радио, а надо снова подступиться к нему с расспросами о том, трагическом для нашей страны, дне. Очень хорошо это удавалось делать писателю-поэту Феликсу Чуеву. Чудесной души был человек — вечная ему память! Вот как он описывает свои разговоры с Молотовым именно по данной теме.

“...Много раз за семнадцать лет наших встреч разговор возвращался к 22 июня. В целом, со слов Молотова получилась такая картина.

Семнадцать лет Феликс Иванович “пытал” твердокаменного Вячеслава Михайловича и вот, всего-то на пару страниц машинописного текста набралось воспоминаний. Можно понять и Вячеслава Михайловича: “слово не воробей, вылетит — не поймаешь!” Своих, из верхнего эшелона власти, не сдаст никогда. Ведь, рядом с ним его дети, внуки. А ну, как их, за дедовские откровения, от Кремлевской кормушки, да, по шее. Уж лучше жить по пословице: “Слово серебро, а молчание — золото”.

А вот что прикажите делать нам, товарищ Молотов, пытающихся узнать правду о войне? Приходится брать Ваши воспоминания и просеивать их, как в сите, на предмет обнаружения, какого-нибудь слова или намека, которые смогли бы помочь разгадать все то, о чем Вы молчали все последние годы после смерти Сталина. Получается, как у старателей, которые промывают в реке золотосодержащий песок. Промывают, промывают, — вдруг, раз! Блеснула чешуйка золота, — есть удача! Так и у нас, получается. Просматриваем текст бесед с Вячеславом Михайловичем, — а вдруг, где и обмолвится? Скажет, “лишнее” слово? Как чешуйку золота рассматриваем, найденное в тексте. А вдруг повезет и будет дан ход новому поиску! Что делать? Такова наша история и реальная действительность. Ну что, читатель — в новый путь! Не устал еще продирается вместе с автором, сквозь дебри лживых мемуаров, подложных документов и прочего авторитетного вранья? Помните, в фильме “Подвиг разведчика” с Павлом Кадочниковым в главной роли? “Терпение, мой друг, терпение! И ваша щетина превратится в золото!”. Так и у нас! Будет еще и на нашей улице праздник! Рассматриваем полученную от Молотова “картинку”. Речь идет об утреннем звонке Сталину 22 июня.

Вячеслав Молотов. — То ли Жуков ошибается, то ли я запомнил. Позвонил Жуков. Он не сказал, что война началась, но опасность на границе уже была. Либо бомбежка, либо получили другие тревожные сведения. Вполне возможно, что настоящей войны еще не было, но уже накал был такой, что в штабе поняли: необходимо собраться...

Значит, Жуков позвонил именно, на дачу Сталина, где были члены Политбюро и Молотов в том числе (иначе, как понимать “штаб”?), и сообщил о напряженном положении на границе? Не на дачу же Молотова он звонил, надо понимать? Почему позвонил? Чего хотел? Время было около часу ночи, и нет никаких спящих генералов у телефона. Хорошо, запомним. И еще. Я умышленно оборвал фразу Молотова: к ней вернемся, чуть ниже.

Феликс Чуев. — Но Жуков пишет, что разбудил Сталина и доложил, что бомбят. Значит, уже в час ночи бомбили?

В.М. — Подождите... В этой части, он, может быть, не точен. Жуков и Тимошенко подняли нас: на границе что-то тревожное уже началось. Может, кто-то раньше сообщил им о какой-то отдельной бомбежке, и раньше двух началось, это уже второстепенный вопрос.

По-Молотову, отдельная бомбежка нашей территории — это второстепенный вопрос. Время опять “плавает”. Но вполне возможно, что бомбить немцы начали раньше официального срока принятого у нас — 3.30. Видимо, это было связано с бомбежкой наших военно-морских баз.

— Мы собрались у товарища Сталина в Кремле около двух часов ночи, официальное заседание, все члены Политбюро были вызваны. До этого, **21 июня, вечером мы были на даче у Сталина** часов до одиннадцати-двенадцати. Может быть, даже кино смотрели, в свое время мы часто так делали вечером — после обеда смотрели кино.

Иногда, трудно понять наше руководство. То рвут рубашку на груди, доказывая, что только и делали, как трудились весь день и всю ночь на благо страны, думая как защитить страну от супостата, а то “кино” крутят, — решили развлечься в такое-то время, война же “на носу”. Понятно, что Вячеслав Михайлович боится сказать правду, поэтому и пытается показаться забывчивым.

— Потом разошлись, и снова нас собрали.

Очень похоже на то, как пионеры-ленинцы в Кремле (или все же на подмосковной даче у Сталина?) обсуждают важные пионерские дела. К концу дня старший пионерский вожатый собрал их на построение. После вечерней поверки звучит команда: “Отбой!” Кремль (или дача) с пионерами погружается в сон. Но нехорошие дяденьки не дают отдохнуть пионерам-ленинцам.

— А между двумя и тремя ночи позвонили от Шуленбурга в мой секретариат, а из моего секретариата — Поскребышеву, что немецкий посол Шуленбург хочет видеть наркома иностранных дел Молотова.

Вячеслав Михайлович путается и сам себе противоречит. Чуть ниже он даст пояснение, что **“послы министрам иностранных дел по ночам не звонят”**, а сам, тем не менее, не выказал никакого удивления по поводу случившегося. Кроме того, даже не перезвонил в свой секретариат и не выяснил причину просьбы о столь позднем визите Шуленбурга. Это нехорошо. Пионер, своим поведением должен показывать пример для окружающих.

— Ну и тогда я пошел из кабинета Сталина наверх к себе, мы были в одном доме, на одном этаже, но на разных участках. Мой кабинет выходил углом прямо на Ивана Великого. Члены Политбюро оставались у Сталина, а я пошел к себе принимать Шуленбурга — это минуты две-три пройти. Иначе было бы так: если б на дачу мне позвонили, что просится на прием Шуленбург, то я должен был позвонить Сталину — **послы министрам иностранных дел по ночам не звонят**. И, конечно, в таком случае я без ведома Сталина не пошел бы встречать Шуленбурга, а я не помню, чтоб я звонил Сталину с дачи.

Что это значит? То ли “старость — не радость” или “ври, да не завирайся”. Кабинеты находились “на одном этаже”, но пошел “к себе наверх”. Значит, Молотов сомневается в том, где он находился в ночь на 22 июня? На даче или в Кремле?

Позор таким пионерам! А еще ездил в Крым и был на пионерском слете в Артеке, где ему повязали на шею красный галстук. Таким пионерам не место в пионерской организации. Забыть, где был накануне войны? Стыдно, Вячеслав Михайлович.

— Но я бы запомнил, потому что у меня не могло быть другой мысли, кроме того, что начинается война, или что-то в этом роде.

Не надо оправдываться, дорогой ты наш, Вячеслав Михайлович. А путать понятие “война” или “что-то в этом роде” недостойное занятие даже для пионера, не то, что для наркома иностранных дел.

— Но звонил мне не Шуленбург, а **чекист**, связанный с Поскребышевым: Сталин дал указание собраться.

Тут надо серьезно подумать и вспомнить! Молотов, видимо, проговорился и назвал связующее звено: “чекист”. В переводе это означает: “сотрудник органов внутренних дел”. Помните, что Берия расставил всех своих людей в ожидании действия заговорщиков? Молотов, якобы, краем уха слышал? Но его это сообщение, по всей видимости, не взволновало. Очевидно, на уме были другие, более важные дела, чем какой-то заговор в Москве, тем более военных?

По месту пребывания Молотова трудно понять, где же он был на самом деле? Наверное, все же на даче у Сталина, а не в Кремле. Но почему такая система связи, — через НКВД? Значит, точно, что Кремль Берия заблокировал? То-то, Хрущев обеспокоился в 1953 году этой проблемой. Правда, очень трудно понять этот словесный ребус. Что же все-таки означает эта странная система связи? Может быть, это был кто-то из охраны Сталина или Берия, все-таки, уже ввел дополнительную охрану в Кремль?

— Шуленбурга я принимал в полтретьего или в три ночи, думаю, не позже трех часов. Германский посол вручил ноту одновременно с нападением. У них все было согласовано, и, видно, у посла было указание: явиться в такой-то час, ему было известно, когда начнется. Этого мы, конечно, знать не могли.

Разумеется, немцы очень дисциплинированные ребята. У них пунктуальность и обязательность в крови, что нередко с юмором обыгрывается в бесконечных анекдотах на заданную тему. То есть, если им сказали, что надо вручить ноту в такое-то время, — вручат; если сказали, что надо напасть в такое-то время, — нападут. Но у немцев дисциплина была и в организации рабочего дня. Молотов сам же говорит, что **“послы министрам иностранных дел по ночам не звонят”**, тем более не ездят. Разумеется, в любом посольстве существует строгий распорядок дня, и с какой бы стати Шуленбург, вдруг ночью поехал бы к Молотову в Кремль вручать ему ноту. Что? Дня, что ли не хватило или страдал бессонницей? К тому же вручать такой важный документ ночью?! Очень сильное сомнение. К тому же, помните в мемуарах Жукова, когда Молотов, якобы вернулся от Шуленбурга, нет упоминания о ноте. Но, а уж о незнании того, что замыслили немцы, тут, конечно, Молотов сильно “загибает”. Герхард Кегель — советский разведчик, работавший в немецком посольстве (!) в Москве вспоминает, что 21 июня ему

“надо было во что бы то ни стало передать Павлу Ивановичу (Куратор из разведки НКВД. — В.М.) **эти важные сведения. Но в первой половине дня я не мог незаметно выйти из посольства.** Это удалось лишь после обеда... Я позвонил не из дома, а из телефонного автомата с Центрального телеграфа на улице Горького, где всегда было много народа. Вечером состоялась экстренная встреча. Я самым настойчивым образом просил его передать своему руководству, что за точность сообщенных ему сведений ручаюсь головой”.

И Молотов, хочет нас уверить, что не знал о сведениях нашей разведки, которая работала почти “под носом” и у него, и у Шуленбурга?

Да, за такие дела, пионеров лишают красного галстука. Удивляет другое. Это все Молотов рассказывает, по-прошествии времени. Как он мог знать в тот момент, что вручают ноту, одновременно с нападением?

Ф.Ч. — Но и в три немец еще не напал на нас...

В.М. — В разных местах по-разному. В Севастополе отразили налет. Часа в два-три напали. Чего вы держитесь за пустяковую часть этого дела? Всё, конечно, интересно, и эти детали можно уточнить до минуты путем документов и расспросов, но они не имеют значения.

Видно, Феликс Иванович все же, как говорят, “достал” Вячеслава Михайловича. Как тот взорвался: “Чего вы держитесь за пустяковую часть этого дела?” То есть, по мысли Молотова, уточнить время германского нападения недостойное занятие, даже для любимого поэта. Какая мол, разница, когда напали? Не скажите, Вячеслав Михайлович. От этого зависит многое и не нам, Вас учить премудростям дипломатии. Так, в какое же время Шуленбург вручил Вам ноту? До нападения или после? Вы утверждаете, что вместе с нападением была вручена нота. Это как? Кроме того, как вас понимать, товарищ Молотов, когда вы утверждаете что “детали”, то есть, время нападения “не имеют значения”? Что вы хотели этим сказать, — что **это (т. е. нападение) уже** не имело никакого значения? Так вас надо понимать? Но Молотов, тут же, переводит разговор в другую плоскость.

— Маленков и Каганович должны помнить, когда их вызвали. Это, по-моему, было не позже, чем в половине третьего. И Жуков с Тимошенко прибыли не позже трех часов. А то, что Жуков это относит ко времени после четырех, он запаздывает сознательно, чтобы подогнать время к своим часам. **События развернулись раньше.**

Только нехорошие пионеры, уважаемый вы наш, Вячеслав Михайлович, — свои промахи и ошибки сваливают на других и, к тому же обманывают взрослых дядей. Где был Жуков в это время, мы знаем и без Тимошенко, и без Вас. А то, что “время подгонял” — это работа не одного Жукова, но и специалистов из института Истории СССР, и прочих военных ведомств.

Действительно, есть такое предположение, что с германской нотой у нас вышло не совсем гладко. Да и в дальнейшем, с дипломатическими нотами от стран-сателлитов Германии много странного. О вступлении в войну Румынии, Венгрии, Финляндии и Италии, Вячеслав Михайлович предпочитает вообще, помалкивать. Конечно, главные события на дипломатической почве произошли раньше военного нападения и, судя по тому, как выкручивается Молотов, ситуация сложилась не в нашу пользу. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос мы должны абсолютно точно знать, где был Сталин? В самом начале, этой главы, я умышленно опустил заключительную фразу Молотова, в которой он говорит о приезде в Кремль. Вот как она читается полностью: “В крайнем случае, около двух часов ночи мы собрались в Кремле, у Сталина, — **когда с дачи едешь, минут тридцать-тридцать пять надо**”.

Так чего же собираться в Кремле, когда вы все вместе были на даче у Сталина? Сам же говорил, что, 21 июня, вечером мы были на даче у Сталина часов до одиннадцати-двенадцати. А теперь снова “около двух часов ночи мы собрались в Кремле, у Сталина”. Выражение, “собрались в Кремле, у Сталина” можно трактовать и как, собрались в Кремле, в **кабинете** Сталина. Тогда выходит, что Сталин все же остался на даче? Об этом уже говорилось в главе “Москва, 22 июня 1941 года. Кремль без Сталина?”. Поэтому не будем повторяться, а обратимся снова к материалам Нюрнберга. Наши заговорщики, придя к власти в 1953 году, так запутали обстоятельства дела о начале войны с Германией, что до сих пор нет ясной картины произошедших событий. Разумеется, “заметая следы” своей преступной деятельности, они исказили истинное положение тех событий, уничтожив огромное количество документов, что создало большой пробел в области изучения Истории тех лет. Кроме того, заговорщики не погнушались и прямыми убийствами ряда лиц, представлявшими собой не только, как свидетелей их преступлений, но и как носителей важной информации для изучения Истории той эпохи. Ведь те, могли бы оставить после себя, бесценные по содержанию воспоминания, о событиях тех лет, но — увы!

Вячеслав Михайлович, в свое время имел беседу с писателем И.Ф.Стаднюком, который собирал материал для своей книги “Война”, и кое-что рассказал ему такое, что не подлежало не только публикации, но и огласке. Надо, понимать состояние Молотова. Тайна, которая тяготила его, должна же была выйти на волю. Тем более что, с точки зрения Вячеслава Михайловича, он не являлся ни преступником, ни предателем, по отношению к своему Отечеству. И он взял слово с Ивана Фотиевича, что тот не будет разглашать подробности их беседы. Но, к счастью, эта информация стала достоянием гласности и, у Н.Зеньковича в его работах можно прочитать

следующее пояснение Молотова, которое он дал, в свое время, И.Стаднюку. Частично, эта беседа была приведена в главе Сталинские наркомы — Микоян. Теперь дополнительно по данной теме.

(Молотов) — “Обнародовать эти сведения пока нельзя. (Речь идет о начале войны. — В.М.) Они наделают много шума за рубежом. Буржуазные писаки могут завопить. Что **никакого внезапного нападения Германии на нас не было. А была объявлена война. Как полагалось по международным нормам...**”

Что ж, неплохо звучит в устах бывшего наркома иностранных дел СССР данная фраза. Значит, наши предположения, что с Германским нападением не все гладко, подтверждаются самим Вячеславом Михайловичем? А дальше? А дальше, уважаемый товарищ Молотов снова начинает плутать в трех соснах, потому что, то, что он сказал выше Стаднюку, хотя и неприятно, но с этим жить можно. Однако, это всего лишь крохотный кусочек правды, как оставшиеся крошки хлеба в кармане, в котором, когда-то, лежал целый ломоть. А вот дальше, ну, никак нельзя! Табу! Все же крупницы золота блеснули. **Молотов, перед тем как ехать на “встречу с Шуленбургом”, находился на даче у Сталина.** Запомним это. Значит, если мы выясним, когда Шуленбург вручил ноту, то будем знать, что Сталин в это время должен был находиться на своей даче, а не в Кремле. Все же, Вячеслав Михайлович, так и не сказал Стаднюку, в какое же время нам была вручена нота Германского правительства?

Придется обратиться к той самой важной телеграмме Риббентропа к послу Шуленбургу от 21 июня 1941 года. Я уже обращал внимание читателей на то, обстоятельство, что неспроста, наши деятели от истории, убрали время приема этой телеграммы в Германском посольстве. Давайте-ка сопоставим содержание текста этой телеграммы и сообщение нашего разведчика Г.Кегеля, о котором упоминалось выше.

Риббентроп — послу Шуленбургу

(отрывок)

Берлин, 21 июня 1941 г.

(время приема телеграммы специально убрали, чтобы затруднить понимание документа)

“1. По получении этой телеграммы все зашифрованные материалы должны быть уничтожены. Радио должно быть выведено из строя.

2. Прошу Вас немедленно информировать господина Молотова о том, что у Вас есть для него срочное сообщение, и что **Вы, поэтому, хотели немедленно посетить его.** Затем, пожалуйста, сделайте господину Молотому следующее заявление: “Советский полпред в Берлине (Деканозов. — В.М.) получает в этот час от Имперского Министра иностранных дел **меморандум** с подробным перечислением фактов, кратко суммированных ниже...”

Лжецы! Исказили текст телеграммы! Деканозов должен получить в Берлине аналогичный текст ноты протеста, что будет вручена Молотову в Москве. Ведь наш Наркомат иностранных дел пошлет же запрос своему послу в Берлин о случившемся. К сожалению и то, что должно быть вручено Молотову, тоже убрали из текста.

Получается, что нашего наркома срочно должны известить о том, что его послу в Германии хотят вручить документ. Видимо, документ огромный по объему и представляет трудности его транспортировки в Советский Союз. Немцы решили так. Вручат его советскому послу Деканозову в Берлине и пусть русские сами думают, как доставить его к себе на родину. Молотову же, просто,

вручат краткую аннотацию меморандума и уведомят о том, что данный документ вручен советскому послу. И мы должны верить в подобную глупость.

Тем не менее, рассмотрим представленный документ подробно.

Из пункта № 1 ясно и понятно, что необходимо уничтожить имеющуюся в посольстве секретную документацию. Способ прост и надежен, даже для сегодняшнего дня — сжечь! Читаем у Г.Кегеля:

“Когда я в **субботний полдень 21 июня 1941 года** подъехал к посольству, мне пришлось оставить машину на улице, ибо во дворе посольства шла какая-то суета. Вверх поднимался столб дыма — там, видимо, что-то жгли. На мой вопрос, что там горит, “канцлер” Ламла ответил “по секрету”, что **ночью он получил из Берлина указание уничтожить оставшиеся в посольстве секретные документы**, за исключением шифровальных тетрадей, которые еще понадобятся. И поскольку уничтожить документы в печах посольства оказалось не под силу, ему пришлось по договоренности с послом развести во дворе костер. Через два часа все будет кончено, и я смогу снова поставить машину во двор”.

Наши “борцы за историческую правду” постарались и в данных мемуарах исказить существо дела. Они “подредактировали” приезд Г.Кегеля в посольство, указав, что он приехал туда в полдень, т. е., примерно, в 12 часов дня. Не думаю, что господин Кегель был настолько крупной величиной в посольстве, чтобы мог позволить себе приезжать на работу к обеду. Он был, всего лишь, торговым атташе в Германском посольстве. Более того, этот “субботний полдень” не вяжется с той его (Кегеля) информацией, которую я приводил выше: “Мне надо было во что бы то ни стало передать Павлу Ивановичу **эти важные сведения. Но в первой половине дня** (т. е. 21 июня. — В.М.) **я не мог незаметно выйти из посольства. Это удалось лишь после обеда**”.

Для чего наши “историки” передергивают факты? Задача, перетащить время этих действий как можно дальше к 22 июня, чтобы создать видимость, о которой нам говорил Молотов. Дескать, вручение ноты и нападение Германии произошло одновременно. А мы, теперь из пункта № 2 телеграммы, знаем, что по получении её, послу Шуленбургу необходимо “немедленно информировать господина Молотова о том, что ... для него срочное сообщение” и чтобы он, Шуленбург, немедленно его посетил. Когда у нас господин Ламла сообщил Кегелю о получении сообщения из Берлина (читай, телеграммы)? Правильно, ночью, точнее, к утру субботы 21 июня. А, что нам говорил Молотов насчет послов, которые “**министрам иностранных дел по ночам не звонят**”?

Как всегда, Молотов “темнит”. Ночью звонил не сам посол, а скорее всего, секретарь, который договорился об утреннем приеме Германского посла Шуленбурга главой наркомата иностранных дел, то есть, самим Молотовым.

Разумеется, Шуленбург дождался начала рассвета, отдал распоряжение об уничтожении секретных документов (пылающий костер из данных бумаг и увидел Гегель, приехав утром в посольство) и что он должен был делать, как посол? Действовать, в соответствии с требованиями своего начальства, т. е. на основании предварительных ночных договоренностей по телефону, поехать в Кремль к Молотову, чтобы вручить ему ноту о разрыве дипломатических отношений Германии и СССР. **И это произошло не позднее, чем до обеда 21 июня, примерно, в 9. 30 утра.**

Почему так точно, до минут? Дело в том, что немцы народ пунктуальный, да и у нас в наркомате, праздно шатающихся, вряд ли, увидишь? Ранее зафиксированные утренние встречи Шуленбурга с Молотовым проходили, именно, в это время.

Теперь читатель представляет себе всю ту, чудовищную, по своей значимости картину, произошедших событий. О начале военных действий со стороны Германии наше правительство было проинформировано еще **до 12 часов дня 21 июня, т. е. в субботу.**

Бездействие власти в течение такого огромного времени просто не укладывается в голове нормального человека.

Надо немного пояснить по поводу Кегеля. Увидев костер из горящих бумаг, он сразу понял, что это всё делается в преддверии войны. Он, как и многие, предполагал, что Германия нападет внезапно без дипломатических реверансов. Поэтому он стремглав, как только позволяли возможности, помчался сообщать своему куратору о том, что немцы жгут документы, следовательно, это происходит накануне нападения. Но, к удивлению многих Германия предъявила ноту. Казалось бы, им удобнее это было сделать так, как в дальнейшем все это представили советские историки, и о чем нам только что пояснял Молотов. Дескать, вручение и нападение произошло одновременно. Но, как видите, немцы не побоялись представить ноту заблаговременно, что не могло вызвать удивления. Почему они не стали хранить в тайне свое нападение, почти **за сутки до начала акта агрессии**? Видимо, некого было бояться, кто бы мог помешать им в этом.

Снова, чисто риторические вопросы: “Где же был Сталин? И что с ним случилось?” Понятно, что на него было совершено покушение, и он находился на даче, куда приезжал за консультациями наш “уважаемый” Вячеслав Михайлович. Отсюда и такая “смелость” немецкой дипломатии.

Несколько слов о том, что я думаю о Молотове. Нам часто, в мемуарной литературе, в качестве примера, приводили Вячеслава Михайловича, как верного ленинца, стойкого коммуниста, человека с несгибаемой силой воли и прочих достоинств. Разумеется, под этим подразумевалась крепкая идейная подоплека. Что-то, я ее у товарища Молотова в упор не вижу. В чем же его преданность идеалам той партии, членом которой он состоял? Да за светлые коммунистические идеи всеобщего благоденствия во всем мире, истинные коммунисты жизни не жалели, а здесь? Вцепился в свою тайну и боится, как бы ее огласка не повредила “родной партии”. Правильнее сказать, конкретно, Политбюро с Вячеславом Михайловичем, лично. Молотов, хотя и осуждает других в вероотступничестве от линии партии, сам представляет собой типичного ренегата, такого хитроватого мужичка, держащего “нос по ветру”. Чем он лучше Хрущева? Только что крови меньше, а так, как я уже говорил выше: Кремлевская кормушка подомнет под себя любую идею. Думаете, только Молотов был посвящен в эту тайну? Да, все Политбюро знало обо всем, что случилось со страной и Сталиным в то, трагическое время. Но, так и умерли со своей “тайной”. Этот их секрет, секрет Полишинеля и вы, уважаемый читатель увидите это сами. Вся эта, так называемая тайна — только для нас, бывших советских, а ныне российских граждан. Разве, за рубежом, на Западе не знают, когда напала на нас Германия? Тот же Черчилль в мемуарах написал. Просто, нам была не доступна объективная информация. Нас потчевали пропагандистскими штампами, да разного рода, расхожими клише о наших верных ленинцах из Политбюро. А на деле оказалось, что ни один из них не взошел на костер, ради правды, как Коперник, не отрекшийся от своих убеждений. Ю.Мухин в своей книге “Убийство Сталина и Берии” правильно подметил, что все соратники Сталина предали его после смерти. Так же предали и Лаврентия Берия. А почему? Потому что те были идейными людьми, что всегда крайне неприятно окружающим соратникам, которые в душе презирали их, за этот идеализм, сами оставаясь, всегда, расчетливыми прагматиками, если, не сказать грубее. И дело, собственно не в том, когда, именно, напала Германия? Дело, в другом. Во-первых, почему она это сделала открыто и безбоязненно, словно была уверена в своей безоговорочной победе? И, во-вторых, почему этот факт скрывается от нас и до сих пор? Какой незримой нитью связаны эти два факта? Ключом к этой разгадке, как я уже не раз говорил, является Сталин.

Оставим на время Вячеслава Михайловича с его “нераскрытой” тайной и вернемся в Нюрнберг, который нам даст много пищи для размышлений.

Глава 29. Снова Нюрнберг

Как мы уже знаем, Гесса не дали “по потрошить” на предмет, что он делал в Англии накануне агрессии Германии против Советского Союза и как планировался разгром Красной Армии за несколько недель?

Но ведь можно, же было допросить еще и других лиц, представленных суду и которые вполне могли рассказать много “интересного” о нападении на Советский Союз. Вот, например, в Нюрнберг был доставлен свидетель Ф.Паулюс, который являлся одним из активных участников разработки плана “Барбароссы. Но снова произошло очередное “торможение” свидетеля, дабы избежать утечки нежелательной для кого-то информации. Допрос должен был вести советский обвинитель Н.Д.Зоря. С ним на процессе через три месяца, после этого события, произойдет “несчастный случай”, в результате которого его жена, вдруг, станет — вдовой. Вот как происходило это дело в рассказе его сына Юрия, которым он поделился, в свое время, с польской журналисткой Кристиной Курчаб-Редлих (**Журнал "Новая Польша". № 9 за 2000 г.):**

“28 декабря 1945 г. в новой форме советника юстиции III класса он (Н.Д.Зоря — В.М.) вылетел в Германию. “Это был последний раз, когда я видел отца”, — говорит Юрий Зоря”.

Далее, польская журналистка приводит описание событий на процессе, в которых принял участие Юрин отец:

“Во время Нюрнбергского процесса Зоря совершил **три ошибки**. 11 февраля 1946 г. он допрашивал фельдмаршала Фридриха фон Паулюса. Цель — доказать, что Германия напала на СССР внезапно. Допрос он вел блестяще (на следующий день о нем писали все газеты) вплоть до того момента, когда заявил, что теперь будут **“представлены материалы и показания людей, располагающих достоверными сведениями о том, как на самом деле проходила подготовка нападения на Советский Союз”**. Тут речь Н.Зори оборвали на полуслове. Кабины советских переводчиков были отключены. Сталин приказал(?), чтобы дальше фон Паулюса допрашивал главный советский обвинитель Роман Руденко. О том, что на самом деле происходило перед 22 июня 1941 г., мир не должен был узнать никогда!”

Вот на такой высокой пафосной ноте, но, все же прервав на время, журнальную статью, и дадим некоторое пояснение. Автор из журнала “Новая Польша” и сын покойного — Юрий Николаевич Зоря, сблизилась на общей неприязни к Сталину и она, красной нитью проходит через всю публикацию. Об ошибочности версии, т. е. причастности Сталина к убийству, говорил при встрече сыну Н.Д.Зори, другой Юрий, известный публицист-историк Мухин. Но, по словам последнего, у сына — Юрия Николаевича, была “клиника” на почве “демократии” и, ни какие доводы не могли его переубедить, что следы преступления надо искать в другом направлении. Прежде, чем продолжить данное повествование, хотелось бы уточнить о первой ошибке Н.Д.Зори, которую он, якобы, совершил, по мысли польской журналистки. Но она по-женски, так не конкретна, что пришлось самому искать в вышеприведенном отрывке, где же “собака зарыта?” Видимо, первая ошибка Н.Зори состоит в том, что он не нашел веских доказательств того, что Германия напала на СССР внезапно. Предлагаю читателю еще раз перечитать приведенный отрывок с целью убедиться в правоте моих слов. Но, можно также предположить (в качестве шутки) и самое невероятное: неужели Н.Зоре, поставили в вину отключение микрофонов в кабинах наших переводчиков?

Читаем далее. “Ошибка неизбежная: проигрыш в интриге вокруг Риббентропа (Это надо, видимо, понимать — как, вторая ошибка Н.Зори. — В.М.). Зоря получил приказ не допустить показаний Риббентропа о существовании секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении. Но и Риббентроп, и его заместитель Вайцзеккер под присягой раскрыли его содержание. Это произошло 22 мая 1946 года. На следующий день Зорю нашли мертвым”.

Трудно понять, что больше всего привлекает польскую журналистку? Выступление Риббентропа, коли, дана дата его выступление или загадочная гибель советского обвинителя, о дате которой она говорит без конкретики — “на следующий день”?

“Смерть члена советской делегации в центре внимания всего мира — это не сталинский стиль. Сталин вызвал бы жертву в Москву и там с ней расправился. Значит, Зоря совершил что-то неслыханное, потребовавшее немедленной реакции. Он совершил ошибку непростительную: попросил своего непосредственного начальника, генерального прокурора СССР Горшенина, немедленно отправить его в Москву для доклада Вышинскому о документах по Катыни, ибо после их изучения у него появились сомнения, сможет ли он с ними завтра выступить перед трибуналом (Это, видимо, третья ошибка Н.Зори, по мысли автора статьи. — В.М.). Горшенин отказал. Сомнения в сталинской правде о Катыни — это смертный приговор не только сомневающемуся (что многократно подтвердилось позднее), но и его окружению. Зоря, скорее всего, этого не учел”.

Как видите, уважаемый читатель, человек, который вел обвинение от лица нашей страны и приблизился к какой-то тайне, был убит во время Нюрнбергского процесса. Что ж, давайте рассмотрим, якобы, эти три “ошибки” Н.Д.Зори, которые привели его к гибели. Но надо сделать вкратце, некоторое пояснение, относительно советских обвинителей. Еще на предварительных согласительных комиссиях до начала суда, примерно в середине лета 1945 года, была разработана методика ведения процесса. Общие требования к обвиняемым были сформулированы в виде определенных разделов. По каждому разделу на суде выступал свой обвинитель.

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря, представлял советское обвинение по разделам “Агрессия против СССР” и “Принудительный труд и насильственный угон в немецкое рабство”. Он и должен был допрашивать — и Ф.Паулюса, и Риббентропа с Вайцзеккером, и других обвиняемых с немецкой стороны, в том числе и по делу о Катыни.

Начнем сразу с Катынского дела. Не думаю, что расстрел несколько тысяч польских офицеров попавших к нам в плен в результате событий осени 1939 года, якобы, совершенный советскими работниками наркомата внутренних дел под руководством Л.Берии, послужил причиной убийства советского обвинителя Н.Д.Зори. На Нюрнбергском процессе столько было сказано и показано о жертвах нацистской Германии за годы нахождения их у власти, что те, несколько тысяч польских офицеров, убийство которых советское обвинение предъявило немецкой стороне, вряд ли могло перевесить на весах истории те миллионы жертв, о которых там шла речь.

Разумеется, только руководствуясь политической конъюнктурой Международный военный трибунал (МВТ) отклонил большинством голосов наши требования признать за это преступление виновным нацистский режим, который и совершил его осенью 1941 года. Подлость такого решения была в том, что еще не устоялись нормальные отношения между новым правительством Польши и Советским Союзом, и вбить клин, в добросердечные отношения между нашими народами, представлялось удачной попыткой, тем более Фултонская речь У.Черчилля прямо призывала к новому крестовому походу против большевизма, т. е. против нашей страны. Понятно, желание польской журналистки Кристины, видеть себя сильно обиженной нашей Родиной. Но лучше бы она, и ей подобные, изучали историю наших не простых отношений на государственном уровне за многие столетия и не подливали бы масла в огонь. Можно, также, порекомендовать ей почитать публицистику по данной теме, того же Ю.Мухина, и бывшего редактора ВИЖ В.Филатова.

Якобы, Н.Зоря убили сразу после его изучения материалов по Катыни? Это могло быть случайным совпадением, — раз. В конце концов, преступники могли направить следствие по ложному пути, — два. И не является ли данная статья очередной попыткой запутать дело Н.Д.Зори, — три?

Кроме того, госпожа Кристина сама себе противоречит, зачисляя в преступники, товарища Сталина:

“Смерть члена советской делегации в центре внимания всего мира — это не сталинский стиль. Сталин вызвал бы жертву в Москву и там с ней расправился”.

Теперь по делу Риббентропа и Вайцзеккера, из-за показаний, которых о “секретных протоколах” на суде, якобы, по совокупности и был убит Н.Зоря. А причем здесь протоколы соглашений Молотова-Риббентропа от 1939 года? Они касались советско-германских отношений и по их результатам были осуществлены многие международные правовые акты, которые были признаны во всем мире. Здесь, думается, польская журналистка несколько сгустила краски, так как она считает, что в этих “секретных протоколах” было осуществлено определенное расчленение Польши существовавшей в границах 1939 года.

Риббентропу вменили вину не за так называемые “секретные протоколы” с Советским Союзом, а за развязывание агрессии против Польши, т. е. за начало второй мировой войны. Хотя и это, не совсем, соответствует истине, так как шла сложная закулисная возня и Англия, как я уже отмечал выше, в лице Черчилля, сама стремилась быть вовлеченной в войну. Упрощенно говоря, Германию подставили ее союзники по Мюнхенскому соглашению. И в своем заключительном слове на суде Риббентроп с иронией заявил:

“Что же на данном процессе говорилось о преступном характере немецкой внешней политике и что было доказано? Из предъявленных защитой документов 150 были отвергнуты (судом — В.М.) без всякого обоснования. Архивы других стран и даже Германии были недоступны для защиты, **заявление о дружественных заверениях, которые дал мне Черчилль**, и о том, что слишком сильная Германия будет уничтожена, на основе чего можно было бы дать оценку мотивов немецкой внешней политики, было признано на данном форуме не относящемся к делу...”.

Как вам нравится “заявление о дружественных заверениях”, которое дал Черчилль Риббентропу, читай Гитлеру, но которое так и не было зафиксировано в наших документах Нюрнбергского процесса.

Так что, польская журналистка, немного передергивает факты, когда пытается привлечь внимание к этим, уже порядком набившим оскомину, “секретным протоколам” 1939 года. Не о расчленении Польши, шла речь в договоре Молотова и Риббентропа. Мы вернули свою территорию, по праву принадлежащую еще Российской империи. Кроме того, хотелось бы заметить, что граница по “линии Керзона” проходила западнее тех рубежей, на которых остановилась Красная Армия осенью 1939 года. И не Красная армия напала на Польшу в 1920 году, а именно, в результате агрессии самой “Речи Посполиты” были захвачены наши западные земли — Белоруссии и Украины. Советское государство никогда не посягало на права молодого Польского государства. Ведь, именно в результате сотен тысяч жертв советских солдат освобождавших Польшу от фашистского порабощения, она, после войны сохранила свой суверенитет и даже расширила свои границы, как на западе, так и на востоке, получив новые земли. Мы, ей (Польше), кстати, вернули Белостокскую область, которая по пакту Молотова-Риббентропа 1939 года отошла к нам. И если бы не советские солдаты, и стоявший во главе их Сталин, то оставаться бы “Речи Посполиты” — генерал-губернаторством под руководством очередного немецкого гаулейтера и молчать бы себе в тряпочку, вместо международных отношений. Вот такие дела, госпожа Кристина! Почитайте-ка, лучше речь Гитлера от 21 июня, он там всю правду вам рассказал.

Кроме того на Нюрнбергском процессе существовала договоренность стран-победительниц не предъявлять определенные претензии друг другу, дабы не запутать судебный процесс. Мы не стали “тыкать носом” англичан в Мюнхенское соглашение 1938 года, а они нас в договор Молотова — Риббентропа 1939 года. Решили эти вопросы, как говорят, “полюбовно”.

Если, же обращать внимание на показания господ Риббентропа и Вайцзеккера, то более интересными для читателя, представились бы их пояснения, относительно разрыва дипломатических отношений Германии и Советского Союза. Как же была осуществлена агрессия против нашей страны? И в какое конкретное время она началась? Но, в материалах Нюрнбергского процесса в советских изданиях об этом моменте, практически ничего нет.

И последнее. Вернемся к допросу Ф.Паулюса, немецкого фельдмаршала плененного в 1943 году в Сталинградской битве.

Тот факт, что были отключены микрофоны и был сменен обвинитель, по приведенным выше данным польской журналистки, особого сомнения не вызывает. У нас много чего по Нюрнбергу не приведено, видимо, есть что скрывать? Советская цезура при Хрущеве, да и после, сильно постаралась — “Не пущать!”. Во всяком случае, многие советские журналисты и писатели, которые были на Нюрнбергском процессе, крайне однообразно описывали происходящие там события и не выходили далеко за рамки дозволенного. Поэтому никаких материалов об убийстве Н.Д.Зори, а тем более об инциденте с микрофонами при допросе с Паулюсом, мне, во всяком случае, нигде не приходилось встречать.

Но есть один очевидец, который раскрывает “кухню” появления в Нюрнберге немецкого фельдмаршала Паулюса, что тоже немало значит в нашем исследовании. Слово представляется И.Ф.Филияеву старшему лейтенанту в отставке (ВИЖ № 5 за 1990 год):

“...Из числа сотрудников Главного управления по военнопленным и интернированным Министерства внутренних дел СССР в начале 1946 года были отобраны 5 человек, в том числе и я. Группу возглавил генерал-майор Павлов. Вскоре с генералами Паулюсом и Бушенгагеном мы специальным самолетом вылетели в Берлин. Оттуда направились в Потсдам к Маршалу Советского Союза Г.К.Жукову, который приказал разместить нас в той вилле, где останавливался И.В.Сталин во время Потсдамской конференции. Через несколько дней прибыл Р.А.Руденко — главный обвинитель от Советского Союза на Нюрнбергском процессе. С ним мы согласовывали сроки нашего прибытия в Нюрнберг, обсудили детали выступлений Паулюса и Бушенгагена на процессе. Вначале нам предстояло переехать поближе к границе американской зоны оккупации — в город Плауэн, недалеко от Нюрнберга. По распоряжению Маршала Советского Союза Г.К.Жукова нам выделили для этого пять легковых автомобилей, а для охраны — 10 младших офицеров. Так мы оказались в Плауэне.

Р.А.Руденко трижды приезжал туда из Нюрнберга, информировал о ходе судебного процесса, а 9 февраля привез нам пропуска на право проезда через границу американской зоны оккупации. **Они были оформлены на вымышленные фамилии**, кроме тех, которые предназначались для сопровождавших офицеров. Это вызывалось необходимостью отвлечь от нас внимание. По таким же фамилиям и фотокарточкам были оформлены пропуска для прохода в здание, где проходил Нюрнбергский процесс. На следующий день, 10 февраля, мы прибыли в Нюрнберг. Там нас разместили в полуразрушенном здании — весь город был в развалинах, — и только единственное здание, где заседал Международный военный трибунал, сохранилось в хорошем состоянии.

Утром, 11 февраля нам принесли пропуска для прохода в здание, где заседал Международный военный трибунал, охранявшееся американскими военнослужащими. В это же время Р.А.Руденко начал свою обвинительную речь, в которой упоминалось о письменном заявлении генерал-фельдмаршала Ф.Паулюса Советскому правительству. Читая письмо Паулюса, он просил суд приобщить его к материалам суда, как существенное доказательство вины подсудимых. Председательствующий английский юрист Лоуренс начал согласовывать вопрос с членами суда и обвинителями. Большинство высказалось против, мотивируя тем, что Паулюса, дескать, нет уже и в живых, а документ от его имени можно изготовить за десятками подписей и печатей. Р.А.Руденко, продолжая обвинительную речь, настаивал на согласии суда на приглашение Паулюса для личного его допроса. Посовещавшись с судьями, Лоуренс заявил: “Такую просьбу удовлетворить не можем, потому что Советскому представительству понадобится много времени,

чтобы доставить Паулюса, а мы не можем задерживать процесс”. Тут же последовало заявление Р.А.Руденко: “Для того чтобы доставить свидетеля на процесс, Советскому представительству понадобится всего пять минут. Свидетель Паулюс находится в здании трибунала”.

Заявление Руденко прозвучало для присутствующих словно взрыв бомбы. Среди подсудимых и их защитников возникли смятение, растерянность. Начался грохот стульев, с которых буквально сорвались представители прессы, защитники начали беспорядочные выкрики. Лоуренс с трудом восстановил порядок в зале и, посоветовавшись с судьями, объявил перерыв, после которого распорядился ввести свидетеля”.

Прервем на время воспоминания старшего лейтенанта И.Ф.Филияева. Согласитесь, что данный материал дает много пищи для размышления. Зачем нужно было так “секретить” свидетеля Ф.Паулюса с доставкой на процесс? Ведь, кажется, все, что мог сказать суду Ф.Паулюс, он сказал, и на все вопросы, которые ему были заданы — ответил. В чем же заключалась интрига этого дела? Ну, то что “Сталин приказал” Р.Руденко провести допрос Ф.Паулюса, по версии польской журналистки мы отмечаем из-за глупости: слишком мелкая была в то время фигура Р.Руденко, чтобы вращаться в орбите Сталинского окружения. К тому же, процесс курировал по заданию Политбюро Вышинский. Здесь, что-то другое. Вызывает определенное подозрение тот факт, что Паулюс, доставленный сначала в Берлин, а затем в Потсдам попал именно к **Жукову**. Сюда же зачастил и Руденко: “трижды приезжал ... из Нюрнберга, **информировал о ходе судебного процесса**, а 9 февраля **привез ... пропуска** на право проезда через границу американской зоны оккупации”. В начальных главах мы только обозначили контуры Жукова, как заговорщика, на ранней стадии войны и подробнее о нем будет сказано ниже, а вот фигура Р.Руденко, как креатура Н.С.Хрущева всплывет значительно позднее, только в 1953 году, сразу после убийства Л.П.Берии. Но это ничего не значит. Думаю, что он, и в 46-ом понимал, какому хозяину служит. Тесное сотрудничество этих людей в таком “щекотливом” деле, каким мы его видим, должно нас насторожить. Далее, обратите внимание вот на что: **Они (пропуска — В.М.) были оформлены на вымышленные фамилии**, кроме тех, которые предназначались для сопровождавших офицеров. Это вызывалось необходимостью отвлечь от нас внимание(?). По таким же фамилиям и фотокарточкам были оформлены пропуска для прохода в здание, где проходил Нюрнбергский процесс.

Значит, вышесказанное надо понимать так, что если бы с Ф.Паулюсом что-нибудь случилось бы по дороге в Нюрнберг (не дай бог, летальный исход), то тело бы идентифицировали бы, как человека по тем документам, которые при нем и находились бы? Занятненькое дельце получается? Вместо Ф.Паулюса мировой общественности был бы представлен кто? А почему, собственно, именно ей? Просто в местной печати в разделе криминальной хроники появилось бы сообщение, что обнаружен труп мужчины, а при нем были бы найдены документы, например, на имя Peter, по фамилии Unbekanntemann (Неизвестный человек) или что-то в этом роде, как например, скульптор Эрнст Неизвестный. А как прикажете понимать весь этот рассказ? Да на Нюрнбергский суд вызывались сотни свидетелей и, я не думаю, что их доставляли к зданию суда по подложным документам. Кстати, по каким документам он был представлен членам МВТ? Неужели он находился в зале суда, как человек без паспорта или с теми подложными документами? Разумеется, нет. Тогда зачем вся эта замысловатая игра с документами? Думается, вопрос вот в чем? В кадрах кинохроники о Нюрнбергском процессе, фильм немецких документалистов (сокращенная версия фильма на сайте запечатлен Ф.Паулюс, дающий показания, а голос диктора (переводчика) говорит о Паулюсе, называя его предателем. В чем же, по мнению немецкой стороны, создателей фильма, состояло предательство Ф.Паулюса? Видимо, наши заставили его дать ложные показания, иного объяснения слову предатель я, лично, дать не могу. Но не за капитуляцию же, обреченной армии, благодаря которой, хоть и 90 тысяч, но все же, были вырваны из жерновов войны. Значит, Ф.Паулюс лжесвидетельствовал на процессе? Снова вопрос: зачем и в чем? Ну, это мы немного забегаем вперед.

“Все присутствующие в зале ожидали, что войдет немецкий генерал-фельдмаршал в истрепанной военной форме с сорванными погонами. Но Паулюс появился в **черном костюме** при белой

рубашке с бабочкой, в лакированных туфлях. Подойдя к трибуне, поклялся на Библии говорить правду, и только правду. Лоуренс обратился к нему с вопросом: “Не угодно ли свидетелю присесть?” Комендант, подставил стул, усадил Паулюса и опустил пониже микрофон. Случай, пожалуй, единственный в практике международной юриспруденции, когда свидетель давал показания сидя”.

Действительно, просматривая документальный фильм немецких документалистов, при внимательном рассмотрении допроса Ф.Паулюса заметно, что когда он собирается давать показания, есть определенный разрыв во времени и мелькание человека в форме и с повязкой на рукаве. Видимо, это и есть комендант, который **дважды** поправляет Паулюсу микрофон, что, надо полагать, должно подтвердить сказанное о том случае на процессе в статье Кристины Курчаб-Редлих.

“Начался допрос. Р.А.Руденко задавал вопросы по содержанию письменного заявления Паулюса Советскому правительству. В своих ответах Паулюс конкретно называл фамилии подсудимых, указывая меру виновности каждого в преступлениях. Затем Лоуренс обратился к судьям, обвинителям, адвокатам и подсудимым с просьбой задавать вопросы свидетелю. Желающих не оказалось, кроме защитника генерального штаба сухопутных войск немецкой армии, который внес новое предложение: “Свидетель Паулюс появился настолько неожиданно, что на нас подействовал ошеломляюще. Если уважаемый суд сможет допрос свидетеля перенести на завтра, то мы сможем подготовиться и произвести перекрестный допрос”. Просьба защитника была удовлетворена. На следующий день, то есть 12 февраля, защитники провели перекрестный допрос. На все их вопросы Паулюс дал исчерпывающие ответы, охарактеризовав замысел о подготовке второй мировой войны, и в частности войны против Советского Союза, как преступный. Говоря о ходе боевых действий и роли в них фашистских организаций, отрицательно отзываясь об СС, СД, которые допускали зверства и злодеяния над военнопленными и лицами, находившимися в концентрационных лагерях, жителями оккупированных территорий, а также преследование лиц еврейской национальности.

После допроса Паулюса мы собрались в кабинете Р.А.Руденко, куда нам подали обед. Паулюс налил в стакан водку и произнес на ломаном русском языке: “Теперь можно выпить и русский водка”. До этого он почти ничего не ел из-за сильных переживаний. После обеда пригласили в качестве свидетеля генерала Бушенгагена, но ему никто вопросов не задавал. В Нюрнберге мы задержались на сутки, надеясь на свидание Паулюса с женой и дочерью, находившимися в английской зоне оккупации, но командование английских войск такой возможности ему не представило. 14 февраля мы отбыли в том составе в Плауэн, где несколько дней ожидали разрешение английской администрации на свидание Паулюса с семьей. 21 февраля последовало распоряжение из Москвы о нашем переезде в Дрезден, куда через четверо суток должен был прибыть за нами самолет, чтобы доставить нас в Москву. Свидание же Паулюса с семьей состоялось только в Москве, откуда его жена и дочь выехали в ГДР”.

Как сложилась дальнейшая судьба немецкого фельдмаршала? Сведения коротки, как некролог:

“В 1953 году военнопленного Паулюса репатриировали в Германскую Демократическую Республику, где он погиб в 1957 году при странных обстоятельствах”.

Что можно сказать по поводу прочитанного? Полнейший, строго дозированный и как всегда, жестко ограниченный рамками официоза, слегка разбавленный воспоминаниями самого т. Филяева, текст. Чтобы нас заинтересовало в данном отрывке приведенных воспоминаний? Из различной мемуарной литературы известен такой факт, что немецкий защитник обвиняемых д-р Заутер задал Паулюсу “щекотливый” вопрос: “Кого из сидящих здесь подсудимых вы, господин фельдмаршал, назвали бы как главных виновников развязывания войны?” Понятно, что этим вопросом защита хотела поставить Паулюса в неловкое положение перед подсудимыми, с которыми Паулюс общался длительное время, занимая высокий пост в штабе ОКХ. Но Паулюс, не дрогнувшим голосом назвал и Германа Геринга, и Вильгельма Кейтеля, и Альфреда Иудля. В семитомном

издании “Нюрнбергский процесс” данный эпизод изложен по-другому. Видимо, составители сборника, таким образом, хотели показать, что защита обвиняемых безмолвствовала, так как всё и всем было понятно, что главари нацистской верхушки виноваты во всех преступлениях, по определению. В сборнике слова д-р Заутера были вложены в уста Романа Андреевича, который, по мысли составителей, дескать, “терзал” свидетеля Ф.Паулюса своими “убийственными” вопросами.

Вызвало ли у читателя удивление, по поводу загадочной смерти Ф.Паулюса? Обратите, к тому же внимание, вот на что. Все фигуранты по этому делу преждевременно уйдут в мир иной и не по своей воле.

А как читатель отнесется к такому вот отрывку из книги Бориса Полевого “В конце концов. Нюрнбергские дневники”?

“...Обрамленная зеленым мрамором дубовая дверь в противоположном конце зала раскрывается. Пристав вводит высокого человека в **синем штатском костюме** (небольшое расхождение с И.Филияевым в определении цвета костюма — В.П.), который, однако, сидит на нем как-то очень складно, по-военному. Снова немая сцена. Щелкают вспышки аппаратов “спитграфики”. Глухо поют кинокамеры. Все с напряжением следят, как Паулюс поднимается на свидетельскую трибуну. Не знаю, что у него на душе, но внешне он абсолютно спокоен... Он появился здесь, точно призрак, вставший из сталинградских руин, принеся сюда горечь и боль трехсоттысячной армии, погибшей и плененной на берегах Волги. С тем же поразительным спокойствием Паулюс кладет руку на библию, подняв два пальца правой руки, твердо произносит:

— Клянусь говорить правду. Только правду. Ничего, кроме правды.

Неторопливо начинает давать показания...

— Свидетель Фридрих Паулюс, благодарю вас за показания. Можете покинуть зал, — объявляет председательствующий.

...Очень хочется пробраться к Паулюсу. Хочется по-человечески, по-репортерски. Я узнал, где он живет, нашел в отеле его номер, но, увы, ни убеждения, ни корреспондентская книжечка “Правды”, всегда очень помогавшая мне, ни даже мои погоны на сей раз не подействовали. К Паулюсу, оказывается, приехали на свидание сын и еще какая-то родня, и сопровождающий его советский полковник, очень тактичный и терпеливый, в качестве последнего аргумента произносит:

— Ну, представьте самого себя в подобных обстоятельствах. К вам приезжает сын. Приезжает ненадолго. Вам хотелось бы оставить его даже для интервью корреспонденту “Правды”?

Ну что ж, резонно. Да и в самом деле, о чем бы я стал беседовать с Паулюсом? Ведь самое существенное он сказал на Трибунале, а для остального, видимо, еще не пришло время”.

Как видите, Паулюс был все же в определенной “изоляции”, так что даже такой известный писатель-журналист Б.Полевой не смог взять у него интервью. Думаю, что Б.Полевой был достаточно информированным человеком, чтобы не понять, что ему “вешают лапшу на уши” по поводу, якобы, приезда к Паулюсу сына и родни. Видите, как тонко он подметил, что “самое существенное он (Паулюс) сказал на Трибунале”, а в остальном, сразу понял: Паулюс — закрытая для печати тема.

Тут нам И.Ф. Филияев, в своих воспоминаниях уточняет насчет сына Паулюса:

“Паулюс обратился к руководству лагеря (вероятно, 1943 год — В.М.) с просьбой изолировать его от пленных офицеров, чтобы они не чувствовали себя скованными в поступках, да и самому взвесить все происходящее. Его просьбу удовлетворили. **Вместе с сыном он стал жить отдельно** от остальных военнопленных и с этого времени на допросах начал подробно рассказывать о своей службе”.

Сопоставьте эту информацию с той, о которой нам поведал Б.Полевой. “Вопросы — есть? Вопросов — нет!” — такими словами всегда подводил итог сказанного товарищ Сухов, популярный персонаж из кинофильма “Белое солнце пустыни”.

Но они есть у нас, и мы снова возвращаемся к тем поставленным выше вопросам: “О чём и зачем, конкретно, лжесвидетельствовал Ф.Паулюс?”. Разумеется, все эти поездки Р.Руденко в Плауэн имели целью подготовки Паулюса к поведению на суде. Видимо, обговаривался круг вопросов и ответов по интересующим обвинение темам. Надеюсь, читатель помнит, что раздел обвинения “Агрессия против СССР” представлял на процессе именно Н.Д.Зоря, но к Паулюсу в Плауэн ездил только Р.Руденко. Именно он подготавливал Паулюса к процессу и поэтому становится понятным, что отключение микрофонов было спланированным, чтобы заменить Н.Зоря на Р.Руденко. Видимо, у обвинителя Зори были другие вопросы, при ознакомлении с которыми Руденко и компания, решили сделать такую вынужденную рокировку. Тут все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Предположим, что советское правительство было заинтересовано, чтобы Ф.Паулюс дал нужные нашему обвинению показания. А причина? Самая, что ни есть банальная. Видимо, Германия напала на нас с соблюдением всех международных норм и требований. Так и хочется воскликнуть, — товарищи дорогие! В руководстве третьего рейха находились политики очень высокого уровня, отнюдь не глупее наших нынешних историков-политологов, которые сегодня заполняют все телевизионные экраны, и в состоянии, говорить только глупости. Та, нацистская верхушка, проводила политику, пусть и преступную с точки зрения общественной морали, но приемлемую по отношению к самой Германии и с точки зрения немецкого обывателя. Поэтому, ни что не мешало министерству иностранных дел под руководством Риббентропа подготовить так нападение на нашу страну, в рамках международного права, что “комар носа не подточит”. Да, чтобы еще и прилично выглядеть на международной арене. И ей, Германии это, видимо, сделать удалось, с помощью нашей “пятой колонны”. Уж чего-чего, а хитрости и коварства Гитлеровским подручным было не занимать. А что же наши? Неужели, “лопухнулись”? Скорее всего, да. Правильно, между прочим, замечено в русской пословице: “На то в реке и щука, чтоб карась не дремал”. И всему, что сказано выше, удивляться не следует. Все, как в шахматах. Белые начинают и получают определенное преимущество. Черные могут сделать ответный ход только после хода белых фигур. А если ход белых очень сильный? Черные получают безвыходную позицию и проигрывают. Так и в нашем случае. Германия в 1941 году все время играла, как бы, белыми фигурами. Советский Союз все время предпринимал лишь ответные шаги. Ну, что делать? Так сложилась международная обстановка, такой был расклад сил. В данном же конкретном случае, надо было представить мировой общественности, а точнее, Международному военному трибуналу убедительные факты, что именно Германия являлась агрессором по отношению к нашей стране, а не наоборот. Как это так, воскликнет читатель, да всё давно ясно, что это Германия напала на нас. Даже известно, что Молотов по радио говорил об этом. Мы уже познакомились с тем, что нам говорил по радио товарищ Молотов, но суд, в данный момент, интересовала не речь нашего министра иностранных дел, а неопровержимые доказательства. Вот с этим-то у нас, видимо, было “туго”, если пришлось уламывать строптивного немецкого фельдмаршала на дачу нужных нам показаний. Не надо забывать, что у обвиняемой немецкой стороны, в соответствии с буквой закона, были защитники, — свои юристы международного права, и они представляли суду свои документы. Не просто так, во времена Н.С.Хрущева, когда издавались материалы Нюрнбергского процесса, старались не особенно выпячивать деятельность немецких защитников на суде, о чем я говорил выше, приводя пример с д-ром Заутером.

На беду Н.Зори, желание нашего правительства и цели заговорщиков, в какой-то степени, совпадали. Что случилось 21 и 22 июня, каждая сторона хотела исказить в свою сторону.

Правительство мы оставим в стороне, т. к. оно имело благие намерения. Кроме того, не мог же Молотов во всеуслышание заявить, что, дескать, наша “пятая колонна”, нам палки в колеса вставляла.

Речь, в данный момент, идет о заговорщиках. Им то, как раз хотелось представить факты таким образом, чтобы на них не падала тень подозрений. Поэтому-то они, в лице того же Жукова, с помощью Руденко, и могли оказывать давление на Паулюса координируя его поведение на суде в нужном для них русле не вызывая особых подозрений. А как же Паулюс? Неужели он согласился участвовать в афере? Во-первых, он думал о семье. Во-вторых, о себе. Не настолько же он был глуп, чтобы не понимать, для чего делаются документы на другую фамилию, когда ты — есть Паулюс? В-третьих, он, думается, понимал вину Германии перед советским народом, а данные “игры”, под руководством Жукова и Руденко, воспринимал по-философски: зло есть везде.

Помните, обещал читателю, что вернемся к рассказу бывшего заместителя министра иностранных дел В.С.Семенова по поводу его высказываний о неформальной истории, в смысле противопоставления документам, как историческому факту, а также по поводу “революции”? Милости прошу.

“Я был представителем военной администрации в Германии. Звонок:

— Это Сталин говорит. Передаю трубку Молотову.

— Слушаю, Вячеслав Михайлович.

— Вам поручается поехать в Нюрнберг и посмотреть, как там наша прокуратура работает.

— Будут ли какие установки, Вячеслав Михайлович?

— Установок нет, сами разберитесь.

Я поехал в Нюрнберг, посмотрел: **Руденко**, Смирнов ведут дело хорошо. Я жил там недели две-три, потом их собрал и сказал: “Вы ведете дело правильно. Я — политический советник маршала Жукова, **разрешите, я отбуду к месту назначения** и доложу об этом товарищу Сталину”.

Отрывок воспоминаний Владимира Семеновича маленький, но комментарий можно давать по каждому слову. Во-первых, опять Сталин в неприглядной роли: работает секретарем-помощником у Молотова. И номерочек наберет и трубочку передаст. Для чего был междугородный звонок по ВЧ из Москвы? Семенову поручили выяснить, как на процессе в Нюрнберге работает прокуратура. Обратите внимание, как хитро, Владимир Семенович пытается выяснить у Москвы, какую позицию он должен занять при проверке? Дальше очередной кроссворд. Человек пробыл в командировке около трех недель, выяснил что “ведете дело правильно”, но затем, в соответствии, с его же, выводами, как делается “революция”, он должен был испросить разрешения (у кого?) и убыть к месту назначения. А потом доложить “товарищу Сталину”, который на момент приказа Семенову, по данному делу, передал трубку Молотову. Разумеется, что по прибытии в Нюрнберг, он представился руководителю делегации советских представителей и объяснил там свое присутствие. Но, чтобы кого-то просить, с целью вернуться к себе на постоянное местопребывание в Германии, — что-то не вяжется по делу? У него же был статус проверяющего от Москвы? Помните, что я, ранее, говорил о неформальном главенстве в тайной иерархии? Да, и сам Владимир Семенович, признавал, что многое зависит, даже от телефонного звонка. Значит, Семенов или знал или догадывался кто в “доме” главный, коли спрашивал разрешение на отъезд? А фраза: “Я — политический советник маршала Жукова”? Это ли не пароль для Р.Руденко — “я свой”. Какую же информацию после этого он передал в Москву? Не было ли это связано с делом Н.Зори? Вопрос только, на какой стадии?

Но вернемся к нашему обреченному обвинителю. Немецкая сторона, представляя документы по защите своих клиентов, видимо, натолкнула Н.Д.Зоря на мысль, что тут не все “чисто” у нас, в плане нападения Германии. Не надо забывать, что помимо Германии, нам официально объявили войну Финляндия, Румыния, Венгрия и Италия. Ведь, с их стороны были же представлены нам определенные аргументы, которые характеризовали нарушение договорных обязательств. Пусть, с нашей точки зрения, они были лживы (и то, как сказать?), но на их основе были прекращены мирные соглашения и вступали в силу ультимативные заявления о начале военных действий против нашей страны.

Надо полагать, что Н.Д.Зоря, наткнувшись на неожиданные для него материалы и вызвавшие у него подозрение, решил поделиться своими сомнениями и тревогой с вышестоящим начальством. Помните, в статье польской журналистки, где она пишет:

“попросил своего непосредственного начальника, генерального прокурора СССР Горшенина, немедленно отправить его в Москву для доклада Вышинскому...”.

Трудно сейчас проверить, кого именно он просил об отправке и с кем именно поделился своими соображениями по найденным документам, но то, что он рвался на встречу с Вышинским — это факт, так как именно Андрей Януарьевич курировал деятельность советских государственных обвинителей. А то, что это нарушало планы нашей “пятой колонны” — несомненный факт. Если бы, Н.Д.Зоря, как обвинитель, своими действиями внес бы сбой в работу государственной машины, то его просто бы заменили кем-нибудь другим, более компетентным в данных делах. Вдумайтесь те, кто сомневается в деле убийства Н.Зори? Зачем же Сталинскому руководству затевать “мокрое дело” в Нюрнберге? Правильнее предположить, что его убрали люди, кому могли помешать имевшиеся у Н.Зори документы здесь, в Нюрнберге. Неспроста же тормозился его выезд в Москву к Вышинскому. К тому же в Москве, “убрать” Н.Зоря было бы значительно труднее, а здесь все под рукой и проведение следствия будет сильно затруднено, так как чужое государство.

Так все и случилось. У сына, Юрия Николаевича Зори сохранилось письмо из Германии, которое приводится в данной статье польской журналистки. Конечно, оно представляет определенный интерес, но, как всегда требует пояснений. К тому же не забывайте временной отрезок в сорок лет и фактор человеческой памяти.

“Уважаемый господин Юрий! В мае 1946 года мне позвонили из секретариата Сталина домой, в Лейпциг. Приказали к утру сделать цинковый гроб для транспортировки Вашего отца в Москву. Приказ был выполнен в срок, Вашего отца доставили на аэродром. В это время испортилась погода. Самолет в течение нескольких часов не мог вылететь. Из секретариата Сталина пришел новый приказ: похоронить на месте. Что и было сделано. Перед погребением никакой экспертизы не проводилось. Через год его останки были извлечены и кремированы. Жена, к сожалению, не помнит, на каком кладбище похоронен Ваш отец”.

Значит, Москва все же затребовала тело Николая Дмитриевича, если “приказали к утру сделать цинковый гроб для транспортировки...”. А почему не отправили? Потому что был явный саботаж с отправкой. Как прикажите понимать такое: “Самолет в течение нескольких часов не мог вылететь”. Так, говорят, что погода была нелетная. А откуда узнал об этом немецкий друг Юрия Зори? Он что, был на аэродроме? Или ему было достаточно посмотреть на небо и определить, что погода не летная? Это ему сказали после того, как “заговорщики — убийцы” добились захоронения тела Н.Д.Зори на немецкой земле. Сам же пишет: “пришел новый приказ: похоронить на месте”. Немецкий друг Юрия Зори, скорее всего, представлял похоронную контору, если был в курсе всех этих дел. Обратите внимание, с какой тщательностью убийцы заматали следы: “Через год его останки были извлечены и кремированы”. Ну, не из секретариата же Сталина, могло последовать такое распоряжение, если ранее требовали доставить тело? Таким образом, были обрублены все концы, чтобы только воспрепятствовать эксгумации тела.

Но в чем виделась опасность для заговорщиков, исходящая от Н.Зори? Видимо, работая с документами, представленными немецкой стороной он мог раскрыть механизм начала Германской агрессии и в дальнейшем выйти на лица, из числа советских высокопоставленных партийных чиновников и военных. Н.Зоря, надо полагать, проводил многочисленные допросы немецких военных чинов, которые в качестве военных консультантов были в странах союзников Германии по агрессии, и “накопал” много “интересных” фактов. К сожалению, во втором томе (раздел “Агрессия против СССР”) приведен только допрос генерала Бушенгагена, того самого, которого доставлял в Нюрнберг вместе с Паулюсом старший лейтенант И.Ф.Филиев. А вот интересующие нас материалы по Венгрии, представлены только письменным заявлением венгерского генерал-майора Штефана Уйсаси и генерал-полковника Имре Рюскицай-Рюдигера. Большой интерес для нас представляет заявление первого лица, Штефана Уйсаси, но мы его рассмотрим, ниже, когда будем рассматривать события начала войны.

А сейчас приведем скромные данные об обстоятельствах гибели Н.Д.Зори, приведенные в статье польской журналистки. Официальное заключение гласило: “смерть наступила в результате неосторожного обращения с личным оружием”. Почему-то семье Н.Д.Зори сообщили, что произошло самоубийство.

Дело это как видите, “темное” и материалы дела (вещественные доказательства: посмертная записка, документы, гильза и прочее) практически уничтожены. У сына Юрия имелась фотография из дела: на ней, было видно тело “лежащего в постели темноволосого мужчины. На одеяле — старательно уложенный пистолет. С правой стороны на подушке — темное пятно. Мужчина как бы улыбается во сне... Имя Николая Зори убрали из всех материалов о Нюрнбергском процессе, которые вышли в Советском Союзе (Не совсем верно. Данная фамилия — Н.Зоря, встречается в ряде документов. — В.М.). Его фигура исчезла из кинофильмов и с фотографий. И в немногочисленных, кастрированных советских документах, касающихся того процесса, сын Н.Зори не нашел ничего. Когда спустя годы он смог познакомиться с зарубежными изданиями, то понял, что огромное большинство материалов, изданных на Западе совершенно легально, в СССР считаются секретными, хранятся в особых архивах и доступ к ним имеет чрезвычайно узкий круг лиц. Оказалось также, что в СССР опубликовано менее трети материалов, известных за границей. Остальные оставались неизвестными даже историкам”.

Не так давно, в 2008 году состоялась премьера двухсерийного документального фильма “Нюрнбергский набат”, в основу которого легла одноименная книга Александра Николаевича Звягинцева, заместителя генерального прокурора РФ, писателя и историка. Накануне премьеры “Российская газета” брала у него интервью. Наиболее интересные отрывки я хочу предложить читателю.

Журналист Игорь Елков, представляющий данную газету, задал прокурору-писателю, очень интересный вопрос (за что ему огромное спасибо) о том, что в свое время американская газета “Старс энд страйпс” (примерный аналог нашей “Красной звезды”) сообщила о загадочной смерти Николая Зори на Нюрнбергском процессе и что он может сказать по этому поводу.

“Звягинцев: Было объявлено, что Зоря погиб случайно, во время чистки оружия. Руденко подтвердил, что так оно и было. Николай Дмитриевич Зоря, государственный советник 3-го класса, помощником главного обвинителя от СССР назначен в декабре 1945 года. Грамотный юрист и великолепный оратор. Трагедия произошла **22 мая 1946 года**. Зоря был найден мертвым в своем номере. По поводу его смерти существует несколько версий. Его сын, Юрий Николаевич Зоря, высказывал мне сомнения по поводу причин кончины отца. Он считал, что в свое время они не были тщательно исследованы. Тем не менее, **официальная версия — неосторожное обращение с оружием**. И ее пока никто доказательно не опроверг.

Российская Газета (РГ): ... речь зашла о слухах и мифах, ... прокомментируйте еще один. Существует мнение, что и Андрей Вышинский застрелился из личного браунинга.

Звягинцев: Андрей Януарьевич Вышинский скоропостижно скончался 22 ноября 1954 года. После его смерти в сейфе нашли заряженный браунинг, что и породило слухи о самоубийстве. Ложные!

РГ: А Вышинский посещал Нюрнберг во время процесса? Все ведь ждали, что представлять обвинение от Страны Советов должен именно он. Сталин совершенно неожиданно назначил молодого генпрокурора Украинской ССР Руденко.

Звягинцев: Нюрнбергский процесс прямо связан с именем Вышинского. Он руководил работой советской делегации, с его мнением считались союзники. Сегодня не все помнят, что текст Акта о безоговорочной капитуляции Германии, подписанием которого и ознаменовалось завершение войны, в Берлин привез именно Вышинский, оказавший маршалу Жукову правовую поддержку. Приезды же Андрея Януарьевича в Нюрнберг становились событием для всего трибунала. В его честь устраивали пышные приемы. Ощущая себя представителем Сталина, он чувствовал себя хозяином положения и за столом мог позволить, кроме остроумных и благодушных тостов, тосты нетактичные. Однажды, 1 декабря 1945 года, на банкете в его честь, устроенном англичанами, он поднял бокал "за самых лучших и благородных союзников СССР — англичан и американцев". Оскорбленные французы демонстративно покинули зал... Невозможно себе такое представить. Вышинский не мог допустить подобных промахов. Скорее всего, будучи рупором Сталина, он просто напомнил французам о недовольстве советского руководства слишком быстротечным падением Франции под натиском фашистов".

Небольшой комментарий. Почему расходятся даты смерти Н.Зори в статье К.Курчаб (23мая) и в рассказе А.Н.Звягинцева (22 мая)? Кроме того, по поводу официальной версии смерти государственного обвинителя Н.Зори, особых восторгов не испытываю. С трудом рисуется такая картина: Николай Дмитриевич, лежа на постели в генеральском мундире, увлеченно чистит личное оружие, приставив его к виску. Вдруг, неожиданный стук в дверь, заставляет его вздрогнуть и сделать произвольное движение указательным пальцем, лежащим на спусковом крючке. "Передайте Кристине — это четвертая моя ошибка", — прошепчет холодеющими губами Николай Дмитриевич, бережно укладывая пистолет рядом с собой. Слабеющей рукой пишет посмертную записку жене и сыну: "Если уж так получилось, то буду рад, что хоть так не увижу больше гадов-предателей рядом с собой. Юра, сынок — будь умницей. Скажи Кристине, что Сталин не...". Предлагаю читателю закончить записку по-своему усмотрению, — в зависимости от своего отношения к вождю советского государства. Кстати, насчет пистолета "Вальтер", найденного рядом с телом? Это что, было табельное оружие погибшего?

А вывод зампрокурора А.Н.Звягинцева о смерти Н.Зори, просто потрясает своей обескураживающей простотой:

"официальная версия — неосторожное обращение с оружием. И ее пока никто доказательно не опроверг".

Хотелось бы, конечно, узнать авторов "официальной версии" и время, когда она появилась? Кто же, — по мысли, уважаемого Александра Николаевича, мэтра юриспруденции, — должен заниматься расследованием смерти Н.Зори, чтобы попытаться опровергнуть официальную версию? Журналисты, историки или все же работники прокуратуры РФ? Кроме того, на основании какого официального документа следует, что данное происшествие — самоубийство в результате неосторожного обращения с оружием? Что, разве живо уголовное дело в отношении загадочной смерти Н.Д.Зори? Если, как следует из публикации польской журналистки, неизвестный военный прокурор тайно передал сыну Юрию фотографию (надо понимать из данного уголовного дела о смерти его отца), то можно представить, в каком состоянии находятся материалы дела. Если каждый прокурор будет тайно похищать документы из дела Н.Зори, даже руководствуясь благими намерениями, то работникам прокуратуры, в лице самого заместителя генпрокуратуры РФ, ничего не остается, как признать официальную версию (почти полувековой давности), как истиной в последней инстанции.

Кроме того, не смог бы уважаемый юрист-писатель объяснить, неужели, после смерти от “неосторожного обращения с оружием” тело через год должно извлекаться из могилы и подвергаться кремации, а затем снова должно производиться повторное захоронение. При этом кто же должен присутствовать на данной церемонии? Официальные лица, родственники покойного или те и другие одновременно? И это все попадает под определение с красивым названием — “официальная версия”.

И еще хотелось бы напомнить. А не забыл ли читатель, кто был куратором Н.Д.Зори? Правильно, А.Я.Вышинский. А к кому он спешил в Москву? Опять же к Вышинскому. Заметьте, что с Вышинским случилось такая же история, как и с Зорей. В Нью-Йорке, вдали от Родины он скоропостижно скончался (Уж не чистил ли случайно, лежа на кровати пистолет?) на посту постоянного представителя СССР в ООН в 1954 году, в разгар Хрущевской вакханалии. И опять в деле присутствовал пистолет. Правда, на сей раз “браунинг”. Почему-то, Звягинцев, насчет Нью-Йорка, не обмолвился ни словом.

Глава 30. Последнее дело Николая Зори?

В материалах Нюрнберга, на удивление, практически нет ничего в допросах Риббентропа о нападении на нашу страну. Так фразы общего порядка и никакой конкретики. Может, постарались, в свое время, наши “доброхоты” из института Истории СССР? Но определенный интерес представляют материалы о вступлении в войну, на стороне Германии, нашей западной соседки Венгрии. Во втором томе “Нюрнбергский процесс” представлено Заявление начальника венгерской разведки и контрразведки генерал-майора Штефана Уйсаси о подготовке совместной Венгеро-Германской войны против Советской России.

Давайте с ним ознакомимся. В целях экономии места и времени, я привожу лишь заключительный раздел, но все возникающие неясности поясню по тексту. Итак, из прочитанного, мы должны понять мотивацию Венгерского правительства о разрыве с нами дипломатических отношений и объявлении нам войны. Сначала речь идет о военной подготовке венгерских вооруженных сил к боевым действиям. Штефан Уйсаси продолжает:

“Сосредоточение венгерской “Карпатской группы” на русской границе было закончено к 20/VI — 41 г., (Такое обозначение римскими цифрами и буквами в тексте самого документа — В.М.) согласно результатам переговоров Верта и Гальдера (Генрик Верт, генерал-полковник — начальник королевского венгерского генерального штаба — В.М.). **21/VI — 41 г. началась война против Советской России.**

24. VI -1941 г. (насколько я помню) в 12.30 дня я получил сообщение, что советские самолеты бомбардировали Рахо (в Карпатской Руси) и обстреляли в его окрестностях поезда из пулеметов. В тот же день, после полудня, пришло известие, что советские самолеты бомбардировали Кошице. Вечером того же дня состоялось заседание коронного совета под личным руководством регента, который “на основе провокации Советской России” решил объявить ей войну. Против объявления войны выступил лишь один министр внутренних дел Франц Керестеш-Фишер, который требовал проверки обстоятельств мнимой “провокационной бомбардировки” и предложил лишь после проверки принять соответствующее решение (Нашелся же один умный человек, который усомнился в целесообразности нанесения бомбового удара по Венгрии Советским Союзом — В.М.).

Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками. Это я обосновываю следующим:

а) генерал-лейтенант Фюттерер и германская пропаганда очень широко “распространялись” по поводу этой бомбардировки;

(ранее, в тексте документа, приводилось следующее высказывание Штефана Уйсаси — В.М.

“... Так милитаристская клика разрабатывала планы, чтобы побудить правительство объявить войну Советской России в нужный момент. Об этом меня устно информировал генерал-майор Ласло (Ласло Деже — начальник оперативной группы королевского венгерского генштаба — В.М.). Эти планы исходили от генерал-лейтенанта Фюттерера (Германский атташе авиации в Венгрии — В.М.), его помощника подполковника Аримонта и генерал-майора Ласло. Они состояли в том, что в случае необходимости немецкие самолеты, замаскированные под русские, будут бомбардировать восточные пограничные области Венгрии бомбами русского происхождения).

b) генерал-майор Ласло немедленно приказал мне через отделение пропаганды 2-го отдела королевского венгерского генштаба получить фотоснимки найденных остатков “советских” бомб и опубликовать их в прессе фашистских государств;

c) генерал-лейтенант Фюттерер, генерал-майор Ласло и подполковник Аримонд распространяли путем “пропаганды шепотом” слух, что словацкие пилоты, находившиеся на службе у русских, бомбардировали Кошице, и удачные попадания бомб объясняются тем, что эти пилоты хорошо знают местность.

С упомянутого заседания коронного совета генерал-полковник верт возвратился ночью в генштаб и радостно сообщил генерал-майору Ласло, что на следующий день будет объявлена война России. Генерал-майор Ласло тотчас передал эту весть генерал-лейтенанту Фюттереру, который этой же ночью послал соответствующее донесение в Берлин.

Я подтверждаю своей подписью, что вышеприведенное сообщение мною лично написано и соответствует истине.

Я согласен на возможное опубликование настоящего и готов в качестве свидетеля дать такие же показания перед Международным Трибуналом против названных мною виновников войны.

Москва, 8 января 1946 г.

Штефан Уйсаси, венгерский генерал-майор”

Видимо, по поводу данного документа (а сколько их было представлено суду в Нюрнберге, неизвестно?) у нашего обвинителя Н.Зори и возникли сомнения, когда представляли упомянутый документ Международному Военному Трибуналу (МВТ). Впрочем, могло быть и так, что данный документ был представлен уважаемым судьям, но защита предъявила неопровержимые доказательства обратного. В противном случае, мы спокойно могли бы опубликовать в сборнике “Нюрнбергский процесс” уже не только заявление, но, и материалы допроса венгерского свидетеля Шандора Уйсаси. Но, как видите, ограничились лишь только, публикацией его московского заявления.

Итак, что же получилось: слабость обвинения или весомые аргументы защиты?

Во- первых. Почему, с точки зрения венгерского свидетеля война Германии против Советского Союза началась 21 июня? Почему же его никто не поправил или это опечатка при подготовке документа? Согласитесь, что такая странность может навести на определенные подозрения не только Н.Зорю. Он же не знал, когда Молотову была вручена Германская нота.

Во-вторых. Все то, что сказал свидетель, кроме как голословных заявлений, ничем документально не подтверждено. Слова: “ Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками”, для суда, я думаю, явились слабой аргументацией. А вот защита

могла предоставить те самые фотоснимки найденных советских авиабомб и сообщения об этом в прессе.

В-третьих. Один умный человек, министр внутренних дел Франц Керестеш-Фишер, который требовал проверки обстоятельств мнимой “провокационной бомбардировки” наверное, все же провел расследование и представил правительству результаты. Об этом свидетель почему-то не сказал ничего. Видимо, факты подтвердились не в нашу сторону? Прошла ли мимо этого факта защита? Еще несколько слов о венгерском министре внутренних дел. Думаю, что этот неглупый человек, прекрасно понимал, что Советский Союз не несет угрозы Венгрии. Понимая, что Германия втягивает его страну в войну против восточного соседа, он искренне не понимал, для чего Советский Союз нанес бомбовые удары, давая тем самым повод к развязыванию военных действий против него самого?

В-четвертых. Если все это организовала, якобы, немецкая сторона, как сообщил свидетель, и в этом деле был замешан немецкий атташе по авиации генерал-лейтенант Фюттерер, то скажите на милость, зачем ему распространять слухи, если присутствует сам факт бомбежки советской авиацией, и какая разница: кто именно находился в кабине бомбардировщиков — русские пилоты или словацкие? Тем более, непонятно, каким образом последние, оказались в Красной Армии в 1941 году? Неужели, действительно, имел место такой факт, и как об этом узнал немецкий атташе Фюттерер? Кроме того выглядит сомнительным сам метод провокации, каким он представлен в изложении свидетеля генерал-майора Уйсаси. Бесспорно, что немцы неоднократно использовали провокацию, как повод для развязывания войны, но использовали ее на территории Германии. Действительно, и Гляйвиц, и Фрейбург использовались с провокационными целями для начала войны против Польши и Франции. Но провокация требует и определенного сокрытия фактов, что удобно сделать, именно, на своей территории. В данном же случае с Венгрией, представляется маловероятным фактом, чтобы Германское руководство, в лице своего генерала Фюттерера, убеждало венгерское правительство разрешить побомбить немножко венгерскую территорию с тем, чтобы оно (правительство), впоследствии имело возможность объявить войну Советскому Союзу? Еще можно было как-то понять такие шаги немецкой стороны, если бы это делалось втайне от венгров, с тем, чтобы поставить их перед фактом. Но открыто предлагать Венгерской стороне бомбардировку ее территории своими самолетами с опознавательными знаками Советского Союза — очень сомнительное мероприятие? А если бы, был сбит немецкий самолет, и выяснилось, каким ВВС он принадлежал, то, как бы это происшествие объяснила венграм немецкая сторона, и что говорило бы по этому поводу само венгерское правительство? И как же Венгрия, в таком случае предъявила бы претензии Советскому Союзу? Разумеется, при желании, можно сделать что угодно, но не об этом идет речь.

Понятно, что с такой слабой аргументацией выступать обвинителю на суде означало проиграть выдвинутое нашей стороной обвинение в причастности к агрессии Венгрии. Поэтому Н.Зоря мог отклонить предложенные материалы и потребовать более веских подтверждающих документов. Но у него, как и у нас, могло возникнуть подозрение: что действительно, советская авиация могла нанести бомбовый удар по указанным объектам. Судите сами. Вот заявление свидетеля: “... это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками”. Откуда у него уверенность, что это были немецкие самолеты: не сам же он находился на посту ПВО. Только оттуда могло поступить сообщение о вторжении “вражеских” самолетов. И что могла зафиксировать данная служба? Дело в том, что мы перед войной закупили лицензию у немцев на производство “Ме-110” и переделали его в наикратчайшие сроки в пикирующий бомбардировщик “Пе-2”. К началу войны их было выпущено более тысячи. Были они и в составе бомбардировочной авиации Юго-Западного фронта в немалом количестве. По силуэту они были очень похожи на немецкий самолет Ме-110 (еще бы, отец родной!) и их часто, в начале войны сбивали, даже, наши зенитчики, принимая за вражеский самолет. Поэтому ничего удивительного не было в том, что венгерские ПВО могли их принять за немецкие самолеты с опознавательными знаками ВВС Красной Армии. К тому же, сильной аргументацией могли оказаться, не “фотоснимки найденных остатков “советских” бомб” и их публикация в прессе, а скорее всего фотоснимки остатков сбитого самолета с советскими опознавательными знаками. Ведь не “в носу же ковыряли” венгерские зенитчики во

время бомбежки? А может это была работа уже ПВО немецкой армии дислоцированной на территории Венгрии?

Вопрос можно поставить и в другой плоскости: “Кто дал команду нашей авиации нанести бомбовый удар по венгерским городам?”. А это произошло как раз в то время, когда на Юго-Западном фронте находился Георгий Константинович Жуков и дорогой наш Никита Сергеевич Хрущев. Теперь известно, что они представляли руководство Юго-Западного направления и без их указания, не могла осуществляться ни одна военная операция.

Вряд ли бы, без их одобрения полетели бомбить сопредельное государство, с которым еще не находились в состоянии войны. Кому было выгодно спровоцировать Венгрию на начало военных действий против нашей страны? Неужели Сталину и Молотову? Это для версии В.Суворова больше подходит, да для тех, кто стремился развязать войну, т. е. нашим заговорщикам. Зачем же нашей стране, лишней враг? Тут бы от немцев отбиться малой кровью.

Читаем у Ф.Гальдера в дневниковых записях от 26 июня. Делаем поправку по времени на более ранний период свершаемых событий.

“Венгрия. Русская авиация совершила налеты на ряд объектов в пограничной полосе. Официальное объявление войны не предусматривается, но решено ответить воздушными налетами”.

По-моему ясно написано и переведено. В ответ на бомбардировку своей территории правительство Венгрии пока не выступило с нотой о разрыве отношений с нашей страной, а органичилось в ответ, тоже, воздушными налетами. Видимо, посчитало, что такое положение дел будет более весомым аргументом для начала военных действий против Советского Союза. Нам, главное, не забыть, что инициатором бомбардировки сопредельного государства были наши ВВС Юго-Западного направления, где первую скрипку играли дуэт Жуков-Хрущев.

А теперь проследите цепочку: Н.Зоря находит какие-то документы и просится с докладом в Москву; Р.Руденко делает вояжи к Жукову: только ли с целью подготовки Паулюса к процессу? — вполне возможно, что Руденко посвящен в дела Н.Зори и мог информировать об этом Жукова. Как вы думаете, какая реакция ожидалась в ответ?

В свете таких вот сообщений о происходящем на границе СССР и Венгрии, не возникают ли у читателя сомнения, что и с самой Германией, не могли ли чего-либо “учудить” наши борцы с советским строем?

Глава 31. Немного о маршале Жукове

На данный момент, в деле Н.Д.Зори нас должен заинтересовать вот какой факт. Находился ли, Жуков в Германии 23 мая 1946 года? Заранее, предвижу встречный вопрос и уточняю, что если по Ф.Паулюсу был задействован Жуков, то, наверное, он был в курсе по делу и о Н.Зоре? Таким образом, вполне мог, например, воспрепятствовать отправке в Москву его тела? Такой матерый заговорщик, неужели остался в стороне? В массе различных документов по Жукову сказано:

“В 1945-46 г. — главнокомандующий группой советских войск и глава советской военной администрации в Германии. **С марта 1946 г.** — главнокомандующий сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных Сил СССР”.

Из этих энциклопедических данных следует, что вроде бы, Жуков убит из Германии в марте 1946 года и к убийству Н.Зори, даже косвенно, “ни каким боком” не причастен. Убийство, таким образом, следует считать, произошедшим, как бы, после его отъезда. Все вроде бы, действительно,

складывается в пользу Георгия Константиновича. Вот выписка из Постановления Совета Министров СССР о назначении заместителей министров некоторых министерств от 22 марта 1946 года.

Совет Министров СССР назначил:

...3) По Министерству вооруженных сил — **заместителями Министра:** генерала армии Булганина Н.А. (по общим вопросам), Маршала Советского Союза Василевского А.М. (он же Начальник Генерального Штаба вооруженных сил), **Маршала Советского Союза Жукова Г.К.**(он же Главнокомандующий сухопутными войсками), адмирала флота Кузнецова Н.Г. (он же Главнокомандующий военно-морскими силами), генерал-полковника авиации Вершинина К.А. (он же Главнокомандующий военно-воздушными силами), генерала армии Хрулева А.В. (он же Начальник тыла вооруженных сил).

“Правда”, 1946, 22 марта.

Опять публикация из газеты. Куда же деваются подлинники архивных документов? Хорошо, воспользуемся этим данным сообщением. Жуков назначается Главкомом сухопутных войск. Но, вдруг **1 июня 1946 года** (запомним эту дату) он вдруг подвергается обструкции: его снимают с должностей и с понижением направляют в Одесский округ.

Из приказа Министра Вооруженных Сил Союза ССР за № 009 от 9 июня 1946 года (Совершенно секретно).

Обстоятельства дела сводятся к следующему.

Бывший командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в правительство заявление на маршала Жукова, в котором сообщал о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандованию.

Высший военный совет на своем заседании 1 июня с.г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц.

Маршал Жуков, потеряв всякую скромность, и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе, в разговорах с подчиненными, разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Более того, маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному Главнокомандованию.

Будучи назначен главнокомандующим сухопутными войсками, маршал Жуков продолжал высказывать свое несогласие с решениями правительства в кругу близких ему людей, а некоторые мероприятия правительства, направленные на укрепление боеспособности сухопутных войск, расценивал не с точки зрения интересов обороны Родины, а как мероприятия, направленные на ущемление его, Жукова, личности...

Под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего военного совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может

оставаться на посту главкома сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы.

Высший военный совет, рассмотрев вопрос о поведении маршала Жукова, единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением и, исходя из этого, решил просить Совет Министров Союза ССР об освобождении маршала Жукова от должности главнокомандующего сухопутными войсками.

Совет Министров Союза ССР на основании изложенного принял указанное выше решение об освобождении маршала Жукова **от занимаемых им постов** и назначил его командующим войсками Одесского военного округа.

Настоящий приказ объявить главнокомандующим, членам военных советов и начальникам штабов групп войск, командующим, членам военных советов, начальникам штабов военных округов и флотов.

Министр Вооруженных Сил Союза ССР

Генералиссимус Советского Союза И. СТАЛИН

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 442. Лл. 202–206. Подлинник. Машинопись.

Опубликовано: Военно-исторический журнал, 1993, № 5.

После того, что прозвучало на Высшем военном совете, видимо, Жукову ничего другого не оставалось, как покорно склонить свою буйную головушку и смиренно принять заслуженное наказание.

Как-то, с трудом верится, во все это, приведенное выше. Командующего ВВС страны А.А.Новикова, как мы знаем, арестовывают, чтобы он рассказал следствию, какой нехороший человек Георгий Константинович Жуков? А “недалекий” Сталин, как только прочитал, что Жуков “считал себя обиженным; выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем; продолжал высказывать свое несогласие с решениями правительства в кругу близких ему людей” — сразу понял, что с этим маршалом ему не по пути строительства социализма, тем более, укрепления Вооруженных сил СССР. Взял, да и подписал сей “документ”, который, как уверяют публикаторы, хранится в архиве президента. Там им самое место, по мысли устроителей подобных “документов”.

Согласитесь, уважаемые читатели, что если документ под грифом “Совершенно секретно” должен был разлететься по просторам нашей необъятной страны и за рубеж, где имеются “группы войск, военные округа и флот”, — тогда, в чем же его секретность? В самом грифе, да месте хранения, что ли?

Кстати, документик-то, так и не привели полностью. Отделались сокращенным вариантом. А жаль! Придется опять рассматривать, что есть.

Что там нам А.А.Новиков написал позднее обо всем этом:

“Арестовали по делу ВВС, а допрашивают о другом...”

Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путём создания ложных показаний. Это мне стало ясно гораздо позднее. Вопросы о состоянии ВВС были только ширмой...”.

Ай, ай, как нехорошо “компрометировать... видных деятелей Советского государства”? Уж, не Сталина ли? То-то, он вознегодовал на Новикова! Понятно, что Александр Александрович был еще несмышленным, находясь на посту главкома. Зато, когда при Хрущеве выпустили из тюрьмы, сразу понял, за что посадили и что хотели выяснить в ходе следствия?

Нет, “дорогие” вы мои товарищи, яковлевцы. Как видите, не с такой целью был арестован Новиков, и не о том говорилось на данном заседании.

По поводу данного ареста и прочего. Арестован был Новиков, как уверяют, документы в конце апреля. Но какая космическая скорость ведения данного дела! Уже 11 мая, сего года состоялся суд, где ему, вроде бы дали самую малость, 5 лет за то, что, якобы, самолеты “некачественные” принимал от авиационной промышленности. У всех военных историков и прочей писательской братии пишущей на данную тему, есть “чудинка” в голове. Они плохо воспринимают объективную реальность. По их понятиям советский период разделен на две стороны: светлую и темную. На светлой — все жертвы проклятого тоталитарного режима, а на другой, темной — Сталин, со своими “опричниками”. Сына Сталина, Василия Иосифовича, они тоже относят к “темным” силам. Ему, оказывается, войны не хватило, чтобы выяснить про качество самолетов, на которых летали советские летчики. И он — нет, чтобы сразу после салюта Победы усесться за письмо к отцу, еще почти целый год “пропьянствовал”, и только затем накатал “кляузу” на “хорошего” человека, по фамилии Новиков. А его отец, “всероссийский самодержец” Иосиф Сталин, пошел на поводу у “морально разложившегося” сына и приказал привести в действие свой карательный аппарат под “руководством” небезызвестного “палача” Лаврентия Берия, который ни сном, ни духом не ведал, о таком оказанном ему особом доверии вождя. (Берия руководил атомным проектом и, на тот момент, никакого отношения не имел к силовому ведомству). Так пострадал “хороший” человек по имени Александр, у которого и отец, тоже был Александром, служившим в свое время, между прочим, в полицейском управлении. Кроме того утверждается что, якобы, Лаврентий Берия давно “точил зуб” на “правдолюбя” Георгия Константиновича Жукова. А показания на него, выбитые у “измученного ночным светом” Новикова, дали веские основания, “свести с ним счеты”. Вот примерная схема, запущенная в оборот, по так называемому “делу авиаторов”. Поэтому данное “постановление” очень хорошо читается в контексте о “злоствоаниях” Сталина в отношении высшего командования ВВС и Жукова, в частности.

Впрочем, у нас есть возможность опровергнуть вышеприведенный документ самим фигурантом этого дела. Слово предоставляется Георгию Константиновичу Жукову. Немного уточнения. Сами читатели должны понять, что не мог же Георгий Константинович, каким бы “правдолюбом” он ни был, рассказать, абсолютно всю правду, взял, да, кое-где и приврал. Мы, его по ходу рассказа, будем поправлять. Итак, читаем его “исповедь” из очерка полковника Н.С.Светлишина “Крутые ступени” в сборнике “Маршал Жуков: полководец и человек”:

“Я был предупрежден, что на завтра назначено заседание Высшего военного совета. Поздно вечером приехал на дачу. Уже собрался лечь отдыхать, услышал звонок и шум. Вошли трое молодцов. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск... Кем, было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие...”

От Хрущева, наверное, научился так врать. “Хорошие” люди есть везде, как видите, предупредили Жукова о Заседании, а то, получилось бы некрасиво. Все собрались, а Жукова, глядь, и нет, на Военном совете. Могло бы, и сорваться такое важное мероприятие.

Ко всему прочему, нельзя отказать Жукову в желании выглядеть “белым, пушистым и кристально-чистым”, отсюда, якобы, и незаконный обыск. Удивительно, что обыск происходит, как-то сам по себе, без связи с обвинением. Ну, захотелось, “троим молодцам”, покопаться в Жуковских вещах. Почему бы нет? Правда, по чьему приказанию это было сделано, Георгий Константинович предпочел, чтоб читатель догадался сам. Ай, да законник, товарищ маршал. Арест или задержание, в том числе и обыск, проводятся не на основании, чьего-либо желания (устного

приказаний), а на основании ордера, подписанного прокурором. Сам же виновник и отметил, что, якобы, “ордера на обыск они не имели”. А с чем же пришли к Жукову три молодца, — неужели, с одними желаниями?

Кроме того, это не прихоть прокурора, подписывать ордер на обыск: что хочу — то и ворочу, а на основании материалов следственного дела, в котором изложены причины, побудившие соответствующие органы прибегнуть к данной мере. Причины должны быть достаточно весомые, чтобы прокурор вынес соответствующее положительное решение об аресте и прочем. В противном случае, прокурор отклонит данное предложение об аресте и обыске, и будет прав. Еще сложнее обстоит дело с арестом или задержанием военнослужащего высшего командного состава. Прежде, чем идти к прокурору, надо, прежде всего, получить “добро” от непосредственного начальника лица, в отношении которого ведется разработка. Поэтому, оцените уровень лиц, вовлеченных в следственное дело Жукова. Кто может дать разрешение на задержание Жукова? — только Сталин. Кто может подписать ордер на обыск у Жукова? — сам, затрудняюсь ответить на этот вопрос. Но, думаю, что будет уровень Генеральной Прокуратуры СССР. А кто будет осуществлять задержание Жукова и обыск? Но, не районный, же отдел внутренних дел, в ранге участкового милиционера. Сам же Георгий Константинович упоминает “трех молодцов”, но почему-то промолчал, из какого они ведомства? А если бы пояснил читателю, что “три молодца” из госбезопасности, то сразу возник бы вопрос: “Почему госбезопасность интересуется Жуковским “барахлишком”? Кстати, отчего-то не упомянул понятых при обыске, неотъемлемый атрибут сталинской эпохи: соблюдать законность во всем. Или и понятых выгнал из дачи?

А может, обыск проводился в его отсутствие? Вот это гораздо интереснее, чем всё выше перечисленное. Это был негласный обыск, проведенный органами госбезопасности при ведении следственного дела. По этому поводу есть документ, который приведу чуть ниже. При этом обыске, видимо, не все улики изымались, а лишь фиксировались в протоколе. Об одной стороне Жуковского дела, “о барахле”, сведения просочились в открытую печать. Суть такова и многие знают, что речь идет об имуществе, которое Жуков незаконно, в огромных количествах вывез из Германии и, видимо, еще из других мест. Но в чем состояла пикантность негласного обыска?

“Совершенно секретно

Совет Министров СССР

Товарищу Сталину И.В.

(Документ приведен в сокращении)

В соответствии с Вашим указанием 5 января с.г. на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. **Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.** В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате. В шкатулке находилось: часов — 24 штуки, в том числе золотых — 17 и с камнями — 3; золотых кулонов и колец — 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями; золотой брелок с большим количеством драгоценных камней; другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями пр.). В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведенному **обыску** на квартире **не придавать гласности.**

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может **его скомпрометировать.** Нет не только чемодана с ценностями, но **отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д.** По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было...

Что касается необнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках берет его с собой. Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время. Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

Абакумов. 10 января 1948 года”

Искали чемодан с драгоценностями, награбленными “маршалом Победы” в ходе войны. Любой из “хапков” той поры, возненавидел бы Советскую власть, и Сталина, во главе ее. Ну, посудите сами. Мыслимое ли это дело, все время таскать с собой чемодан с драгоценностями? Это же самая настоящая “тирания”. Самое прискорбное для Жукова заключалось еще и в том, что все, “что было нажито непосильным трудом” в дальнейшем конфисковали. Какие при этом будут чувства у Георгия Константиновича, говорить, видимо, не следует? И так, понятно без слов. Но, обратите внимание, что чемодан, не основной повод к негласному обыску. Работников госбезопасности интересовали бумаги Жукова, но, — увы! Русским же языком написано, что

“квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать... отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было...”

“Хорошие” люди побеспокоили Жукова и на этот раз, предупредив об обыске. Тот не поленился очистить квартиру от личной переписки. Прямо, скажем — великий конспиратор или революционер со стажем.

Что сказать, по поводу чемодана с драгоценностями и прочих ценных вещах? Идет 1948 год. Страна разорена войной. Голодно, но над страной нависает новая угроза, уже атомной войны. Советские люди, (в правильном понимании этого слова) снова прилагают поистине титанические усилия, чтобы не только восстановить страну после войны, но и не дать состояться новой. И на этом, поистине героическом фоне, озирающиеся фигуры Жукова с женой, попеременно таскающие чемодан с награбленными драгоценностями. Вот подлинная картина (или хотите, скульптура), которая наиболее ярко охарактеризовала бы истинную сущность этого человека.

Теперь о том, о чем собственно и хотелось сказать, в связи с обыском. Жуков, как всегда лжет, говоря о, якобы, несостоявшемся аресте и обыске. Как только что прочитали из документа, обыск у Жукова носил негласный характер и, следовательно, не подлежал открытому обсуждению. Откуда же Жуков узнал об обыске? Очень просто. Во-первых, от “хороших” людей. Во-вторых, после убийства Сталина подельники Хрущева “смели” всех своих противников с государственных постов и, им открылся доступ в архивы, где они безнаказанно орудовали долгие годы. Именно там, надо полагать, и ознакомился Георгий Константинович с документами негласного обыска.

И вот после всего, что написано, Жуков строит из себя “героя”, вытолкавшего “в шею” представителей власти, да еще пригрозившего “применить оружие”?

“Ай, Моська, знать она сильна, что лает на Слона?”. Кроме того, жил, понимаешь жил, Георгий Константинович, Отчизне служил, как вдруг, откуда не возьмись, появились представители госбезопасности и не дали человеку отдохнуть в конце рабочего дня. Так надо понимать происходящее, в описании самого Жукова?

“А на следующий день состоялось заседание Высшего военного совета, на которое были приглашены Маршалы Советского Союза и некоторые маршалы родов войск...”

Сталин почему-то опаздывал. Наконец он появился. Хмурый, в довоенном френче. По моим наблюдениям, он надевал его, когда настроение было “грозное”. Недобрая примета подтвердилась”.

Понятное дело. На Сталина нашла очередная “блажь”: надо же, над кем-нибудь, “поиздеваться”. Как следует из “наблюдений” маршала, видимо, очередь дошла до него?

“...Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А.А.Новикова, находящегося в застенках Берия. Нет нужды пересказывать эти показания, но суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота”.

Обратите внимание: это Жуков, сам говорит о себе, как о заговорщике, пусть даже, якобы, со слов находящегося под следствием Новикова. Ведь, мог бы соврать или промолчать при встрече с военным писателем? Нет, взял и рассказал, почему его вызывали на Высший военный совет. Чудак! Если бы он только знал, что Яковлев и компания выпустят “липовый” приказ, наверное, не стал бы раскрываться? Вообще, подвели яковлевцы, прославленного маршала. А Жуков не унимается: сообщает все новые и новые подробности происходящего на совете.

“...После прочтения показаний генерала Телегина и маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. Наконец первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступить и высказывать мнение по существу выдвинутых обвинений в мой адрес. Выступили поочередно члены Политбюро ЦК партии Г.М.Маленков и В.М.Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в моей вине. Однако для доказательства не привели каких-либо новых фактов, повторив лишь то, что указывалось в показаниях Телегина и Новикова”.

Здесь надо немного дух перевести. Обратите внимание на фразу: “в зале воцарилась гнетущая тишина”. Жуков очень точно передает атмосферу данного заседания. Наверное, до конца жизни она стояла у него перед глазами. После прочтения обвинения в зале не раздавался, как правило, характерный гул, которым обмениваются собравшиеся, выражая свое отношение к сказанному. В зале все притихли! Многих собравшихся, от того, что они услышали, видимо, повергло в шок, а некоторые, думаю, и поехали. Кроме того, почему “выпали в осадок” показания Телегина? О них нет упоминаний ни здесь, у Жукова, ни в “приказе генералиссимуса”. Не могу сказать обо всех показаниях Телегина, в целом, но что касается событий под Москвой, в сорок первом, то это абсолютно точно было. Телегину вменялось в вину сокрытие прорыва немцев на Юхнов. Это все звенья одной цепи, начиная с событий под Вязьмой. Кстати, Телегин тоже, свой срок получил. Но, как всегда, после смерти Сталина, Хрущев и данного “героя”, тоже амнистировал.

Кроме того, как Жуков характеризует выступления Маленкова и Молотова? Разве честный человек мог бы сказать о себе такое: “не привели каких-либо новых фактов”? Мог бы, хотя бы для порядка, возмутиться: оклеветали, дескать, порядочного человека. Однако, не особо умен. Радует, не понимая, что говорит: нет “новых фактов”. А про “старые” уже, видимо, забыл?

Затем, свое слово сказали военные, близко общавшиеся с ним по службе.

“После Маленкова и Молотова выступили Маршалы Советского Союза И.С.Конев, А.М.Василевский и К.К.Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках моего характера и допущенных ошибках в работе. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что я не могу быть заговорщиком”.

Не столько важно, что они говорили, могли бы много и не знать? Важно, что Жуков сам о себе, в качестве заговорщика, сказал? Прикрылся, как всегда Сталиным.

“Особенно ярко и аргументировано выступил маршал бронетанковых войск П.С.Рыбалко, который закончил свою речь так: “Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны”.

Вот бы на радость всем заговорщикам так бы велись следственные дела: верю — не верю. “Товарищ Жуков, Вы заговорщик? — Нет!”. Тогда, ему в ответ: “Спасибо, Георгий Константинович! Вот Вам орден за правдивость ответа! Вы свободны!” К счастью, это было не так.

Замечу, по поводу приведенного отрывка. Вот откуда “выросли ноги” пресловутого “приказа генералиссимуса”. Это, видимо, надергали цитат из стенограммы выступлений генералов и “причесали” их. Хотелось бы заметить, что и у Конева, тоже “рыльце в пушке”, — будет он против Жукова выступать. Он ему за Вязьму, по гроб жизни обязан: Жуков, сам об этом говорил. Тоже, самое, и с Василевским. Этот, хитрющий тихоня из Генштаба, тоже наделал много разных “добрых дел”, “приближая” нашу Победу, как мог. Один Сталинград, чего стоит. Особняком здесь стоит, конечно же, Константин Константинович Рокоссовский. Знал он цену генеральскому слову. Не первый год в Красной Армии служил. Всякого перевидал. Скажешь, поперек кому-либо правдивое слово, “сожрут и костей не оставят”. Ему ли не знать о Сталинграде, где орудовал Хрущев с помощью Василевского?

Куда, в настоящий момент, подевался Василий Тимофеевич Вольский, честнейший, из наших генералов? Да, не так давно, буквально несколько месяцев тому назад, в феврале (данное дело происходило же в июне 1946 года), “заболел неизлечимой болезнью” и умер, унеся с собой всю тайну о том, что там было под Сталинградом в ноябре 1942 года, на самом деле. Поэтому и отделался Константин Константинович Рокоссовский общими фразами о Жукове. Против него пойдешь — никакой Сталин не поможет. Думаю, что в душе, Рокоссовский, может быть даже был рад, что получил от вождя предложение убыть в Польшу. Подальше от разборок с генералами-заговорщиками, спокойнее жизнь.

Он, ведь, тоже, прошел всю войну с первого дня, и бок о бок соприкасался со всеми “друзьями” Отечества, о которых мы вели речь. Ему ли, их не знать! Тот же Жуков под Москвой грозился расстрелом на месте товарищу Рокоссовскому за правильное понимание военной ситуации. Так и заставил совершить Константина Константиновича действия, идущие во вред обороняющейся 16-й армии. Поспособствовал врагу совершить прорыв фронта.

Странно, что Жуков почему-то пропустил выступление генерал-полковника Ф.И.Голикова? Видимо, в силу его острого содержания в свой адрес. И Голиков мог припомнить Жукову “славные дела”, которые тот вытворял с его 10-й армией под Москвой.

По-поводу, упомянутого эмоционального выступления маршала Рыбалко. Оставим “ярко и аргументировано” на совести Жукова, как не подходящие для такого случая слова. Можно, понять по-человечески, Павла Семеновича выступившего в защиту Жукова. Честный человек всегда “мерит людей своим аршином” и ему невдомек, что Маршал Советского Союза может быть непорядочным человеком. Впрочем, может быть, им двигали и другие причины, и говорил он совсем не о том? В этом отрывке, меня особенно “умилила” фраза о “допущенных ошибках в работе”, словно речь шла о каком-то выдающемся конструкторе совершившем просчеты при проектировании или крупном производственнике, не справившемся с выполнением намеченного плана.

Как, например, охарактеризовать атаку при штурме Зееловских высот в ночное время под Берлином в 1945-ом, да еще при свете прожекторов, когда погибло огромное количество советских солдат? На что списать? На конструктивный просчет или безмозглость при планировании командующего 1-м Белорусским фронтом? Можно ли данное побоище, назвать “ошибкой в работе”? “Соловьи-демократы” поют, что если бы “вовремя” не взяли Берлин, то жертв было бы

еще больше. Дескать, хорошо, что Жуков вовремя оказался на этом месте, а то, говорят, не видать бы нам Берлина, “как своих ушей”. За Берлинскую операцию Жукову полагалось бы оторвать причинное место, да обстоятельства не позволили. А жаль! Неужели, апологеты Жукова, всерьез думают, что кличка “мясник”, данная Жукову, возникла после войны и вследствие, вот такой его разборки, на Высшем военном совете? И у Рокоссовского были большие потери, война без жертв не бывает, но, солдатская молва, не наградила же, Константина Константиновича, подобной кличкой?

Кроме того, как прикажете понимать фразу, якобы, произнесенную маршалом Рыбалко: “Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик”. Значит, на Совете все же затрагивался вопрос о заговорщицкой сущности Георгия Константиновича? Интересно другое. Почему эту фразу оставили в воспоминаниях Жукова? Видимо решили, что мол, такая нелепица, как заговорщик, будет более сильно воздействовать на читателя, чем простое умолчание. Кому это может прийти на ум, подозревать маршала Победы в заговоре против Советской власти? Его! — в апреле 1945 года штурмом взявшего столицу поверженного врага! Быть такого не может!

Это я, уважаемый читатель, написал, что Жуков обвинялся в заговоре против Советской власти. Советско-партийный официоз благоразумно перевел стрелки лично на Сталина. Дескать, Жуков, якобы, посягал на приоритет Сталина, как Верховного Главнокомандующего. Ну, и прочая подобная чепуха. Уж не для весомости ли аргументов, Георгий Константинович, пригласил с собой в компанию 74 генерала. Впрочем, почитайте подборку, где сам Жуков поясняет ситуацию по обвинению его, как заговорщика.

Упомянутый ранее историк В.Д.Соколов, приводит вот какую зарисовку из воспоминаний самого Жукова.

Дескать, “Сталин прямо однажды сказал (ему, Жукову), что они (Берия и Абакумов) хотели меня арестовать. Берия нашептывал Сталину, но последний ему прямо сказал: “Не верю. Мужественный полководец, патриот и — предатель. Не верю. Кончайте с этой грязной затеей”.

Вообще, такое о себе сказать: “мужественный полководец, патриот” — ни каждый военный решится! Тем более написать! А здесь водопад скромности. Кто же, действительно, в таком случае поверит, что Жуков предатель? За такие “правдивые” слова о себе — еще одного ордена “Победы” не жалко!

У Константина Симонова тоже упомянуто о Жукове, как о заговорщике. Снова Георгий Константинович взвивается на дыбы, упоминая своих недоброжелателей.

“Берия с Абакумовым дошли до такой нелепости и подлости, что пытались изобразить меня человеком, который во главе этих арестованных офицеров готовил **военный заговор** против Сталина. Но, как мне потом говорили присутствующие при этом разговоре люди, Сталин, выслушав предложение Берии о моем аресте, сказал:

— Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя.

Так мне передали этот разговор, после которого попытка Берии покончить со мной провалилась”.

Как и у Соколова, здесь Жуков тоже вовсю расхваливает самого себя. Выясняется, что Сталин, оказывается, не в полном объеме был знаком с самим собою, особенно в период войны. Жаль, что бумага терпит все, что ни напишешь на ней.

Сталину “охотники” докладывают, что Жуков, лично, во главе заговора против него, а тот руками машет: “Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Он мне часто очень вкусные горячие пирожки приносил в Кремль, которые ему бабушка пекла. Не может он быть серым волком? Он самая настоящая Красная Шапочка, только в мундире маршала!”. Так и не дал “охотникам” стрельнуть по “лесному разбойнику”. А то бы, кремлевская история могла бы иметь совершенно другое окончание.

Сталину, в описании Симоновым, все это простительно, тем более что сказано со слов Жукова. Но серьезному читателю, думается не надо объяснять, что Кремль — это не домик в лесу из сказки Шарля Перро.

И в данном сюжете, как видите, снова присутствуют Берия с Абакумовым. Серьезные люди из серьезных ведомств. Вроде бы, послевоенные события. Однако наш герой лукавит по поводу офицеров. Речь шла о генералах, а это, как понимаете, не одно и то же. Но, видно писателя Симонова в 50-х годах, чуток подредактировали, чтоб не здорово резало глаза о генеральском сословии. Тем более что ни так давно был совершен государственный переворот с убийством Берии, так что о генералах лучше было бы помолкить.

Заканчивается же приведенный отрывок, как видите, только упоминанием об одном Берии. Уж, не начальный ли период войны припомнил сей страдалец, когда был в должности Главкома Юго-Западного направления? Тогда Сталин с заговором против него, был более, чем к месту.

Что интересно во всем этом, так это то, как Жуков ловко увильивает от прямого ответа, что он не заговорщик. Что-то не взорвался относительно выдвинутых обвинений в свой адрес. Мог же обратиться напрямую к читателю с негодованием честного человека, дескать, понапрасну оболгали? Я, дескать, кристально честный человек. Однако — нет! — прикрылся умершими, то самим Сталиным, то Рыбалко.

По данному заседанию Высшего военного совета хочу вот на что обратить внимание: нет в архивах стенограммы данного заседания, это — раз, и списка присутствующих и выступающих, это — два. К чему я клоню? Как читатель воспримет вот такой кусочек из работы Юрия Краснощока (<http://www.zn.ua/3000/3150/11907>)

“Маршал бронетанковых войск **Я.Федоренко** умрет неожиданно в кремлевской больнице 26 марта 1947 года, когда Жуков будет в ссылке в Одессе. После смерти Федоренко командующим бронетанковыми и механизированными войсками станет его заместитель **маршал Рыбалко**, но он **тоже неожиданно умрет** при непонятных обстоятельствах в кремлевской больнице через год, **28 августа 1948-го**. Эти неожиданные смерти вызывают большое подозрение. Маршалу Федоренко тогда было всего 51 год. Маршалу Рыбалко, дважды Герою — 52. На следующий день после смерти Рыбалко газета “Правда” опубликовала на своих страницах некролог, подписанный 69 руководителями партии, правительства и выдающимися военачальниками. Список возглавлял сам Сталин. Похороны были торжественные и помпезные. Интересные материалы дает по этому поводу член военного совета 3-й гвардейской танковой армии, где Рыбалко был командующим, С.Мельников. В мае 1947 года С.Мельников встречается с Рыбалко в Москве. Недавно похоронили маршала Федоренко.

По словам Мельникова, маршал Рыбалко чувствовал себя хорошо и вот что ему сказал:

— Работаю много, дня не хватает, приходится одалживать время у ночи...

Но уже через год при их встрече генерала Мельникова поражает состояние здоровья Рыбалко. Когда навещал его в Кремлевской больнице, вот что по этому поводу засвидетельствовал: “Я приехал проведать Павла Семеновича незадолго до того, как врачи запретили его навещать. Состояние Павла Семеновича не обещало ничего хорошего: он очень похудел, кожа на лице

пожелтела. Я еле удержался, как бы не показать своего волнения, которое охватило меня. А он, борясь с болью, держался бодро и все говорил про танки, самоходки, про их усовершенствование... Мне на прощание он сказал: “Только б вырваться из этой белостенной тюрьмы...” Что имел в виду маршал Рыбалко, называя кремлевскую больницу — белостенной тюрьмой?”

Понятно, что на человека умершего давно, можно ссылаться безбоязненно, приписывая ему слова, которые он, вряд ли продумал, не то, что произносил? Кроме того, с чего бы это “пламенный защитник Жукова”, так быстро занемог и покинут этот мир? Может, спешил, на том свете, разнести эту, радостную для Жукова, новость? Кроме того, Рыбалко умер 28 августа, а Жданов, заметьте — 30 августа. Неужели, за компанию?

Подходим к завершению этого нелегкого, для нашего понимания, Высшего военного совета.

“Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждения по этому вопросу. Затем он подошел ко мне, спросил: “А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать?” Я посмотрел удивленно и твердым голосом ответил: “Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно **служил партии** и нашей **Родине. Ни к какому заговору не причастен.** Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания от **Телегина** и **Новикова.** Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а поэтому глубоко убежден в том, что кто-то их принудил написать неправду”.

Если читатель, сделав “удивленное” лицо, сможет после этого, что-либо произнести “твердым голосом”, то путь в артисты драматического театра ему открыт. К тому же, вряд ли Жуков, в той ситуации, был так многословен? Кроме того, он, по обыкновению, обманывает читателя. Давно, не новость, что Берия с конца 1945-го не возглавлял силовые структуры, так что, не зачем возводить напраслину на человека? А вот присутствие Абакумова, в данном деле, Жуков почему-то, не указал? И на то, есть причины. О них подробнее, чуть позже.

Все же о показаниях Телегина Жуков молчит, “как рыба об лед”, тем не менее, яростно защитил своего “боевого” товарища.

Кроме того, хотелось бы отметить то обстоятельство, что когда товарищ Жуков принимал военную присягу, в ней не было ни слова о том, чтобы служить партии. Так что в этом случае, перед Сталиным, явно перестарался сверх меры.

“Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и затем сказал: “А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву”. Я ответил, что готов выполнить свой **солдатский долг** там, где прикажут партия и правительство...”

Что-то не очень похож этот Сталин на того, который описан у Соколова и Симонова. Не рискнул в этот раз Жуков сильно приукрашивать события, поэтому Сталин и получился более сдержанным в эмоциях. А мужественного полководца, патриота, попросили покинуть Москву, вместе с бабушкиными пирожками (последнее, шутка).

Кроме того, честному человеку незачем прикрываться своим отношением к чему-либо, достаточно, просто, сказать, что он — честный человек. И безо всякого натужного пафоса о Родине, партии и прочем.

К тому же, выясняется какой Жуков, лицемер. В феврале 1947 года в письме Сталину он писал, как раз упоминая данное заседание (как бумага не покраснела от стыда?):

“Товарищ Сталин, я еще раз со всей чистосердечностью докладываю Вам о своих ошибках...”

Все допущенные ошибки я глубоко осознал, товарищ Сталин, и даю Вам твердое слово большевика, что ошибки у меня больше не повторятся. На заседании Высшего военного совета **я дал Вам слово** в кратчайший срок устранить допущенные мною ошибки...”.

Его снимают с высокой должности, чуть ли не отдают под суд, а он “заливает”, что готов выполнить “свой солдатский долг”. Да, разве же ему было дано благое пожелание на выполнение ответственного дела? Как нашкодившего щенка, отправили подальше от центра, чтоб не мешал следствию. Под суд, такую фигуру, как Жуков, конечно же, никак нельзя было отдавать! И он знал об этом. Во-первых, он, только что год назад подписал капитуляцию Германии, а здесь, вдруг, заговорщик: в пользу этой самой Германии! Как обрадовались бы его “друзья-товарищи” сидящие в это время на скамейке подсудимых в Нюрнберге, и особенно, их коллеги с Запада. Во-вторых, как раз из-за этого-то проходящего процесса, тоже нельзя было наказывать Жукова. Недаром, видимо, существует поговорка: “Как с гуся, вода”. Это как раз про нашего героя.

Читатель может подумать, что автор пылает особой ненавистью к Георгию Константиновичу и его друзьям. Отнюдь! Я просто констатирую тот факт, что Жуков, как многие другие причастные к заговору люди, нарушили военную присягу и поэтому по существующим в то время законам подлежали уголовному наказанию. Кстати, чтобы не быть голословным, давайте ознакомимся с текстом той самой военной присяги принятой в Красной Армии в 1939 году. Ведь и Жуков должен был подписать подобный документ. Разве об этом он когда-нибудь и где-нибудь упомянул? Он эту присягу боялся как черт ладана. Этот текст отстегал бы его по мягкому месту не хуже казацкой плетки.

Военная присяга.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть **честным**, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и **до последнего дыхания быть преданным своему Народу**, своей Советской **Родине** и Рабоче-Крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я **клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.**

Если же **по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу**, то пусть меня постигнет **суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.**

Подпись (Ворошилов)

Звание Маршал Советского Союза

Имя, отчество и фамилия Климент Ефремович Ворошилов

Наименование части, управления, учреждения Народный Комиссариат Обороны СССР

23 февраля 1939 года.

Есть фотокопия текста военной присяги и с подписью Сталина, входящего на тот момент в состав Главного Военного Совета РККА. Но, ни один из военачальников в своих мемуарах не привел текста подобной военной присяги со своей подписью. Текст-то уж больно колкий.

Уже за одни свои лживые мемуары Жуков должен был понести наказание Суда Чести, как нарушение данной присяги, где прямо сказано, что лицо, подписавшее данный документ, обязуется быть **честным** человеком. А сколько их маршалов можно было выстроить в длинную шеренгу нарушивших данную клятву о честности? И это только морально-этическая сторона дела!

А профессиональная — как военного человека? Да при Петре Первом Жукова давно бы четвертовали бы на колесе на Лобном месте для острастки любителей легкой поживы на казенной службе. И никакой бы светлейший Меншиков не защитил бы, хотя и сам имел слабость к трофеям и прочим халявным слабостям из казны.

А наш Георгий Константинович еще имел наглость в своих “Воспоминаниях” беззастенчиво врать о, якобы, своей неустанной заботе об охране Родине от врагов. Жуков нарушил Военную присягу во всем, что там написано. От первого до последнего слова. И он знал об этом. Поэтому и вся его послевоенная деятельность сводилась к одному: как ускользнуть от ответственности. Или думаете, что Георгий батькович не знал, что

“если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся”.

Только Хрущев от лица партии мог спасти своего поделщика от строгости закона страны по отношению к клятвopреступникам. И он сделал это, так сама партия, какой бы хорошей она не была на тот момент, выпадала из действующего законодательства. Поэтому Жуков и промурлыкал в ее адрес нужные слова: **“ я всегда честно служил партии”**. Так и ускользнул по жизни от наказания.

Но вернемся к тому, с чего начали. Значит, на основании приказа Сталина, действительно, Жукова сняли с должности Главкома сухопутных войск.

В Докладной записке (Секретно) И.В. Сталину от 4 июня 1946 года Жуков сообщает о сдаче обязанностей И.С. Коневу

“

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 1157—476с от 3-го июня 1946 года, должность главнокомандующего сухопутными войсками Вооруженных Сил Союза ССР и обязанности заместителя министра Вооруженных Сил Союза ССР по сухопутным войскам — 4 июня 1946 года сдал маршалу Советского Союза тов. Коневу Ивану Степановичу.

Маршал Советского Союза Г.Жуков

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 11. Л. 93. Подлинник. Машинопись”.

После того, как он сдал дела Коневу, его этим же приказом от 9 июня 1946 года освобождают от всех должностей и обязанностей.

“Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. утвердил предложение Высшего военного совета от 1 июня об освобождении маршала Советского Союза Жукова **от должности** главнокомандующего сухопутными войсками и этим же постановлением освободил маршала Жукова **от обязанностей** заместителя министра Вооруженных Сил”.

Я, почему акцентирую внимание на должностях и обязанностях Жукова. Дело в том, что ввиду реорганизации структуры Вооруженных сил Георгию Константиновичу была определена должность Главкома Сухопутных войск, но с него не были сняты обязанности, как заместителя министра Вооруженных Сил. Иначе, с чего бы в данном приказе этот факт особо подчеркивать. Так вот, вполне возможно, что, несмотря на назначение на должность Главкома, Жуков вполне мог, оставаясь заместителем министра, выполнять и функции командующего советскими войсками, находящимися в Германии. Не спорю, что это только мои предположения. Но давайте посмотрим **Личный листок по учету кадров Жукова Георгия Константиновича**. На форзаце книги **“Маршал Жуков. Каким мы его помним”** как раз и приведена данная фотокопия, где, вполне возможно, собственноручно Жуковым, внесены соответствующие записи:

(Строка). “Время прохождения службы. **Ноябрь 42 г. по май 46 г.** Должность. Координировал действия фронтами и командовал 1 Укр. фронтом и 1 Белорус. фронтом и **Командовал оккупационными войсками в Германии**. Место прохождения службы. Действующая армия”.

(Следующая строка). “Время прохождения службы. **Май 46 г. по июнь 46 г.** Должность. Главком сух. Войск В.С. Место прохождения службы. Москва”. (Следующая строка). Время прохождения службы. **Июнь 46 г. по февраль 47 г.** Должность. Командующий ОдВО. Место прохождения службы. Одесса.

По-моему, ясно читается, что Жуков **“Командовал оккупационными войсками в Германии”** по **“май 46 года”**. А с **мая 46 г. по июнь 46 г.** Главком Сух. Войск В.С. Ведь сам же написал!

Мне представляется это дело таким образом. Еще раньше, для издания его книги “Воспоминания и размышления” хотели, видимо, на форзаце именно этого издания поместить его послужной список. Георгий Константинович бодро начертил на чистом бланке “Личного листка по учету кадров” свои прохождения по служебным ступеням (разумеется, без указания дней) но, дело почему-то не пошло. Почему на чистом бланке? Потому что, в подлиннике “Личного листа” обязательно должны были бы стоять полностью даты, и проставлены номера приказов, на основании которых происходило перемещение по службе. Разве, Жуков их мог запомнить? Что-то редакторам показалось не приемлемым, и сочли, видимо, за лучшее не печатать, дабы не привлечь внимание к его карьере. Мало ли, что может всплыть? А за давностью лет забылись тревоги, ушли в мир иной люди, которые давали замечание и таким образом в годы перестройки в 1988 году решили выпустить книгу о Жукове с этими данными. Сказано — сделано. Подсуетились и вставили в форзац, не используемый ранее “Личный листок”. Вот, собственно, и все. Что же касается приведенных данных, то, как видите, Жуков в мае, все же находился в Германии, а не как нас уверяют энциклопедии — убыл из Германии в марте. А то, что не приведены числа дней, то это нам знакомо по делу генерала армии Тюленева. Так что и здесь, не совсем, “все чисто”.

А как сам Жуков рассказывает об этом эпизоде со службой в Германии? Снова возвращаемся к очерку полковника Светлишина “Крутые ступени”. Автор поясняет:

“Сначала попросил рассказать, как и почему он уехал из Германии и почему так непонятно складывалась его послевоенная судьба. Думается, Георгий Константинович понял мою хитрость. Твердые губы его едва тронула усмешка. Заговорил:

— В конце марта 1946 года мне передали, чтобы я позвонил Сталину... Через несколько дней Сталин позвонил сам, спросил, какую бы должность я хотел бы занять. Пояснил, что в связи с реорганизацией управления должность первого заместителя Наркома обороны ликвидируется. Заместителем Наркома обороны, то есть его, Сталина, по общим вопросам будет Булганин. Василевский назначен начальником Генерального штаба, Кузнецов — Главнокомандующим Военно-Морскими Силами. А мне было предложено возглавить Сухопутные войска...”

Только приготовились узнать из уст самого Жукова обстоятельства данного дела, — как же, сам Сталин спрашивал: “Чего изволите?”, как вдруг появились многоточия. Далее, увы! — следует текст самого автора.

Тем не менее, хотя и с иронией, но улыбнуться от прочитанного, все же, можно. Жукову сообщили, чтобы позвонил главе государства. Но у него же, всё кабинет, кабинет. Так и не нашлось свободного времени на ответный звонок. Однако Сталин, хотя и сам с Кавказа, не гордым оказался. Как же не предложить “мужественному полководцу, патриоту” новую должность, тем более что “его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя”.

“В апреле 1946 года Г.К.Жуков вступил в новую должность. За дело взялся, по его словам, горячо. Но успел сделать мало, потому что через полтора месяца, то есть в июне этого же года, убыл из Москвы к новому месту службы”.

Видите, уже не март, а апрель значится в данном рассказе. А появление многоточий, лишний раз подчеркивает нежелание определенных лиц появлению правдивых данных о Жукове. Кроме того обратите внимание на путаницу с должностями. Кто же вносит лживую информацию? Жуков или фонд А.Н.Яковлева подготовивший данные документы к публикации.

Мы, ведь, всего-то, хотели просто напросто узнать, когда точно убыл Жуков из Германии? А смотрите, “как воду замутили”? Видимо, неспроста!

Тут, косвенно, И.С.Конев, тоже, на удивление, но вносит свою положительную лепту в нестыковку с Жуковским назначением.

“Я присутствовал на заседании Главного Военного Совета **летом 1946 года**, оно было посвящено разбору дела маршала Советского Союза Г. К. Жукова. **Незадолго до этого** был назначен первым заместителем Главнокомандующего сухопутными войсками. Сдав должность главкома Центральной группы войск и верховного комиссара по Австрии генералу В.В. Курасову, я получил разрешение на полуторамесячный отпуск и решил провести его в Карловых Варах. Вскоре туда мне позвонил Н. А. Булганин и попросил срочно выехать в Москву. **На второй день после моего приезда** состоялось заседание Главного Военного Совета в Кремле”.

“Отматываем” назад по времени, указанного Коневым. Значит, приехал в Москву 31 мая. До этого был в Карловых Варах на отдыхе. Даже, если бы весь отпуск провел там, и то речь бы шла опять же об апреле, а никак не о марте. Но, как пишет сам маршал Конев, по убытию в Чехословакию, ему “**вскоре туда**... позвонил Н. А. Булганин”. Не через месяц же? Даже неделя, большой срок для военного человека. Кроме того, “прохлаждаться” полтора месяца в Карловых Варах на водах, в такое-то сложное время?! Отдыхать-то можно, да кто ж ему так долго позволит? Значит, вполне допустимо, что Булганин звонил Коневу в 20-х числах мая. А это говорит о том, что данная реконструкция Вооруженных Сил не была скоропалительной акцией, если и Конев, только в мае, сдал свою должность Главкома Центральной группы войск.

Но и это еще не все. Помните, я обратил внимание на дату “1 июня”? Если Высший военный совет проходил 1-го июня, и, как следует из Постановления Совета Министров Союза ССР № 1157—476с от 3-го июня 1946 года, Жукова сняли с должности главкома сухопутных сил, а 4 июня, он свои дела уже сдал Коневу, (обратите внимание на скорость решения этих дел), то почему Сталин, затянул с подписанием приказа? Утвержден, аж, 9 июня. Не было ли тайного умысла наших “архивистов” растянуть это дело с 9 до 1 июня, чтобы “сгладить” временной отрезок Жуковского нахождения на посту главкома? Ведь, Конев пишет, “я присутствовал на заседании Главного Военного Совета **летом 1946 года**”. Знаете, как-то трудно, считать 1 июня — летом. Вот, если бы через недельку, то еще можно было бы говорить об этом времени года. Согласитесь?

Кроме того, абсолютно точно известно, что как только Жуков с Хрущевым, сделали свое “черное” дело в 1953-ем году, “Маршал Победы” сразу рванул в архив, поднимать свои послевоенные дела и “вымарывать”, в прямом смысле, заливать чернилами компрометирующие факты. Видимо, не гнушался и уничтожением особо “важных” дел, с точки зрения, собственной безопасности.

Есть еще одна “темная” история из его “доблестной” военной службы. При Жукове, когда он командовал советскими войсками в Германии, произошел еще один, трагичный случай. Погиб, 16 июня 1945 года, при весьма странных обстоятельствах первый советский комендант Берлина генерал-полковник Н.Э.Берзарин. Якобы, произошла автодорожная катастрофа, в результате чего, от полученных ранений в ходе аварии, Николай Эрастович скончался на месте происшествия. Если учесть, что генерал Берзарин на следующий день должен был вылететь в Москву на Парад Победы, то согласитесь, что гибель Николая Эрастовича выглядит весьма и весьма неожиданной. Военный писатель Василий Скоробогатов, ветеран 5-й Ударной армии, написал книгу, посвященную славному генералу Берзарину, который, в свое время, командовал этой армией.

В разделе: **Примечания** — привел любопытный документ. Это телеграмма на имя И.В.Сталина с описанием трагических событий связанных с гибелью Николая Эрастовича.

Суть ДТП такова: якобы, генерал Берзарин находился **за рулем мотоцикла с коляской** и врезался на полной скорости в грузовик. Читаем отчет, приведенный в телеграмме:

“... В результате катастрофы БЕРЗАРИН получил пролом черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске его ординарец красноармеец Поляков...”

Телеграмму подписали Командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал **Г.К.Жуков** и член Военного совета фронта генерал **К.Ф.Телегин**.

В текст телеграммы (поясняет сам автор. — В.М.) вкралась неточность. Офицер, в спешке готовивший текст телеграммы в Москву, не знал, что в тот трагический день ординарца Полякова, вне графика, сменил Петр Лахов. В автокатастрофе вместе с командармом погиб сержант Лахов”.

Крайне трудно оценивать приведенные факты. А насчет того, что точно погиб, именно Берзарин, сомнений у командования фронта, видимо, не вызвало? А то, может по ошибке, разбился какой-нибудь другой генерал, а сказали, что Берзарин? Что хотелось бы добавить к написанному? Генерал-майор Н.Э.Берзарин встретил войну 22 июня 1941 года командующим 27-й армией в Прибалтийском особом военном округе и, думается, не понаслышке знал о присланных Директивах из Москвы и подписанных, между прочим, Георгием Константиновичем, а также о тех безобразиях, творящихся в округе накануне войны. Да, и в Берлинской наступательной операции был не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником, воочию убедившимся в “полководческих” талантах звездного маршала.

Кроме того, это, наверное, единственный случай, когда генерал-полковник (!) и, к тому же, комендант Берлина, использовал для своего передвижения мотоцикл с коляской. К тому же у него, в ординарцах был не офицер, а сержант? Если же меня хотят убедить в том, что сержант был водителем у генерал-полковника, тоже непонятно, кто же кого возил? Все же, если бы Берзарин ездил на велосипеде, шансов уцелеть у него, думается, могло быть больше. Хотя, как сказать? Ведь, если подумать, то грузовик, вполне, может врезаться и в велосипед?

Как вы считаете, Сталин, получающий сведения о гибели своих генералов, реагировал на эти сообщения или нет? Мнения конечно разделятся. Для тех, кто нормально воспринимает прочитанное, продолжу цитирование из упомянутого очерка Светлишина:

“Не успели участники конференции разъехаться к местам службы, — продолжал рассказ Георгий Константинович, — как в расположении Группы войск прибыл генерал Абакумов — заместитель Берия. Мне о цели визита не доложил. Развернул бурную деятельность.

Когда стало известно, что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытию не изволил представиться мне как Главнокомандующему и почему без моего ведома как Главнокомандующего арестовывает моих подчиненных?

Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных генералов и офицеров освободить. Самому убраться туда. Откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем. Абакумов убыл восвояси...”

А если бы ответы Абакумова были, с точки зрения Жукова, “вразумительными”. Неужели, не препятствовал бы аресту? Чему же тогда удивляться, связи с необычными обстоятельствами в деле гибели генерала Н.Д.Зори? Запросто, Жуков, мог задержать вылет самолета. Кстати, знаете, кто сменил его на посту Главнокомандующего группой советских войск в Германии. Его очень хороший друг, Соколовский, который был начальником штаба Западного фронта в 41-ом году, под Вязьмой. Это его подпись стояла в приказе о дезорганизации управления 16 армии К.К.Рокоссовского. Там много было таких “чудес”, за которые данного начштаба можно было “ставить к стенке”. Но спас его от трибунала, как и Конева, в тот момент, Жуков. Во всяком случае, эту заслугу Георгий Константинович приписывал себе.

Видимо, взаимностью ответил Василий Данилович, “позаботившись” о кремации и перезахоронении Николая Дмитриевича Зори. Долг, как говорится, платежом красен.

Несколько слов о долге, каким его понимает Г.К.Жуков. Приведу письмо дочери генерала Трубецкого нашему звездному маршалу.

“Меня, а также мою семью очень трогает все, что связано с именем Георгия Константиновича. Мой отец, **генерал-лейтенант технических войск Трубецкой Н.Н.** до войны работал с Георгием Константиновичем в Генштабе — **начальником управления военных сообщений**. Через месяц после начала войны он был репрессирован, а мы, члены семьи “врага народа”, были отправлены, с конфискацией имущества, в ссылку в Сибирь”.

Грустно читать такие письма. Разве дочь знает всю правду о своем отце. Она думает, что “он хороший папа и все должны были его любить”.

Небольшая справка о данном генерале.

Трубецкой Николай Иустинович (1890–1942) — генерал-лейтенант технических войск (1940). С сентября 1939 г. — начальник военных сообщений РККА, с марта 1940 г. — начальник ВОСО РККА и начальник Управления военных сообщений Генерального штаба РККА. 11 июля 1941 г. был арестован по обвинению **“в участии в антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы в Красной Армии”**. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 13 февраля 1942 г. **осужден к высшей мере наказания**. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 ноября 1955 г. реабилитирован посмертно.

Ознакомимся с представленным ниже документом.

Донесение заместителя начальника 3-го Управления НКО СССР Ф.Я.Тутушкина В.М.Молотову о недостатках в организации железнодорожных перевозок.

(в сокращении)

6 июля 1941 г.

Государственный Комитет Оборона товарищу Молотову.

Перевозка войск, вооружения, боеприпасов и других воинских грузов на фронт на ряде железнодорожных дорог систематически срывается.

Сроки погрузки по Московскому и Орловскому округам сорваны на два дня. Срыв своевременной перевозки воинских грузов происходит из-за плохого руководства со стороны начальника УПВОСО генерал-лейтенанта технических войск Трубецкого и плохой работы НКПС.

В УПВОСО до 1 июля с.г. не велась сводка учета перевозок войск. С 1 июля она выпускается, но с опозданием от 7 до 24 часов, причем в сводке указывается только дорога, по которой идут эшелоны, а станции, где они находятся, не указываются. Это привело к тому, что УПВОСО не знает, где находятся эшелоны, и местонахождение ряда эшелонов УПВОСО не известно...

26 июня с.г. с Кировского (г. Ленинград) завода были направлены на ст. Орша-1 **два эшелона танков № 7/3016 и 7/3017**. Эти эшелоны несколько дней перегонялись в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск и не разгружались.

27 июня 1941 г. по вине начальника УПВОСО генерал-лейтенанта Трубецкого предназначенные на Южно-Западный фронт **47 эшелонов** с мототранспортом, в котором сильно нуждался фронт, были выгружены на станциях Полтава, Харьков, Конотоп, Бахмач...

Направленные на Северо-Западный фронт и Западный фронт **180 тысяч мин и 100 тысяч мин** на Юго-Западный фронт к месту назначения не прибыли. Где эти эшелоны находятся, УПВОСО не знает...

На ст. Электросталь под Москвой сосредоточено около **400 вагонов взрывчатых веществ**. Окружная дорога не принимает их для направления по назначению. Такое количество взрывчатых веществ, находящихся на расстоянии 30 км от Москвы, создает опасность для города".

Здесь приведена не вся гадость, которую учинила контора ВОСО под руководством генерала Трубецкого. Это сколько же жизней загубил своими гнусными распоряжениями данный генерал, друг Жукова? Как вы думаете, уважаемый читатель, что положено за такой саботаж во время войны? У вас есть сомнения по формулировке следственных органов ведших дело по Трубецкому?

А вот как, относя к данному решению военного трибунала Жуков после смерти Сталина, во времена Хрущева, узнаем из продолжения письма дочери Трубецкого.

"Георгий Константинович нам очень помог, когда в **1956 году** после посмертной реабилитации отца мы приехали из сибирской ссылки. Мама и брат были на приеме в Министерстве обороны. Георгий Константинович принял большое участие в нашей судьбе. Было тут же сообщено в управление военных сообщений, где до этого работал отец, а также в хозяйственное управление армии, чтобы их встретили там и **сделали все, что положено в таких случаях, с указанием "срочно"**. Предоставил им свою персональную машину, на которой, после того, как было все оформлено, их отвезли домой. **С указанием "срочно" было дано распоряжение на получение квартиры, на получение пенсии маме за отца, а также на получение пенсии младшей сестре, которой в то время было 16 лет.** И все это было сделано в течение недели. Таким образом **мы могли начать жизнь заново, не испытывая никаких трудностей.** А для нас тогда это было очень важно. Мы

глубоко чтим память Георгия Константиновича как народного героя. Победой нашей в войне мы все обязаны ему.

С глубоким уважением Наталия Николаевна Трубецкая и вся семья Трубецких”.

Спросить бы Жукова о том, как он помог семьям тех, кто погиб из-за подлости Трубецкого? О помощи семье Н.Д.Зори, даже и говорить не стоит.

Дочь Трубецкого благодарила Жукова за оказанную помощь, не предполагая, что Георгий Константинович, в свое время, пытался спасти ее отца от ареста, но уловка предпринятая маршалом не удалась. Лучше всего об этой истории расскажет хорошо нам знакомый И.В.Ковалев, тем более что она касалась, именно, его.

То, что творилось на железной дороге, по первым дням войны Иван Владимирович нам уже пояснял. Да и приведенные документы о многом говорят. Уже стало ясно в отношении Сталина, что он, когда никогда, а вернется в Кремль. Верхушка “пятой колонны” стала проявлять беспокойно в отношении

виновника творимого безпредела. Заговорщики стали думать, как обезопасить своего товарища Трубецкого. Ведь, доведись разматывать этот клубок безобразий, то по ниточке неизбежно придут к военным в управление ВОСО.

Конечно, лучшим выходом из ситуации, была бы замена его другим человеком — не из их круга, чтобы было кого подставить под удар. Но кого? Не назначишь же первого встречного на должность начальника ВОСО. Желательно, чтобы тот был бы причастен к железной дороге и был злейшим врагом наших Мазеп. Выбор, разумеется, пал на Ивана Владимировича.

Как знаем, еще 21 июня Мехлис перевели из наркомата Госконтроля в другое ведомство — ГлавПУ РККА, и Ковалев остался там за старшего. В приведенном отрывке его воспоминаний, как всегда, немного смещены акценты. Мехлис, как и Кулик, всегда в роли “козлов отпущения”. На них навешивали все огрехи войны, которые можно было навесить. Так, видимо, произошло и в данном случае по отношению ко Льву Захаровичу.

Мехлис “вдруг перестал посещать Наркомат государственного контроля. Спрашивать, почему это так и куда он делся, не полагалось. Он скоро мне позвонил. Просил зайти в Главное Политическое управление Красной Армии, оно помещалось тогда на улице Фрунзе. Я пришел и узнал от Льва Захаровича, что он вновь назначается начальником Главпура, но пока что об этом не надо распространяться”.

Пока все понятно. Уже говорил, что наверху происходили разборки, и шло перетягивание военных: кого — куда? Не вызывает удивление, что Ковалев был приглашен ко Льву Захаровичу. Тот мог посоветовать, как вести дальнейшую линию поведения в наркомате Госконтроля. А вот во что никогда не могу поверить, так это в то, что Мехлис стал “сватать” Ковалева на пост начальника ВОСО. Дело в том, что Мехлис сам затребовал перед войной, через партийный аппарат, Ивана Владимировича к себе в Госконтроль, объясняя это тем, что ему “нужен помощник, хорошо знакомый с железной дорогой”. Разумеется, для укрепления кадров своего наркомата. И вдруг, читаем, что Мехлис предложил Ковалеву “возглавить Управление военных сообщений (УПВОСО) Генерального штаба”.

С какой стати Лев Захарович озаботился делами военных из Генерального штаба? А как отреагировал наш герой на подобное предложение? Естественно, отказался. Почему же сюда приплели Мехлиса? Дело в том, что в свое время Ковалев категорически отказывался работать в данном наркомате Госконтроля, и не по причине неприязненного отношения ко Льву Захаровичу. Он, просто, хотел участвовать в практических делах, избегая тем самым функций контролера.

Но что это мы, вдруг, читаем у Ивана Владимировича?

“Кстати, потом **был такой же разговор с Г. К. Жуковым. Я опять отказался**”.

Вот кто на самом деле был крайне заинтересован в том, чтобы перетащить Ковалева на пост начальника ВОСО, в родной ему Генеральный штаб, помня его недавние претензии к военным по железной дороге западного направления. Естественно, Иван Владимирович отклонил подобное предложение Жукова. Но обратите внимание, на мотивировку его отказа.

“Не потому, что так уж полюбил Госконтроль. Наоборот, я с великим удовольствием вернулся бы к военно-железнодорожному делу, к своей профессии, притом любимой. Однако в Наркомат госконтроля назначил меня **Сталин**, и я уже достаточно знал неписанные законы таких назначений: он назначил — значит, только он может перевести меня в Наркомат обороны и в Генеральный штаб. Всякие вольности и инициативы в этом смысле он строго пресекал.

Это было где-то в середине июня 1941 года”.

То, что это было в районе 22-го июня, упоминать было воспрещено. Кроме того, не покажется ли читателю, что о Сталине ведется разговор, как об отсутствующем руководителе?

Кроме того, почему Жуков обратился к Ковалеву с предложением перейти на службу к ним, военным, в Генеральный штаб? Разве Жуков не знал “неписанные законы таких назначений”? Обратился бы с просьбой к Сталину, так мол, и так, Иосиф Виссарионович, нам позарез нужен, как Мехлису, в свое время, “помощник, хорошо знакомый с железной дорогой”. Сталин мог бы, и уступить настойчивой просьбе героя Халхин-Гола. Однако Жуков действовал в обход существующих правил, что позволило осторожному Ковалеву отклонить неожиданное для него, хотя, и лестное предложение, исходящее от военных. К тому же Ковалев, почему-то не предложил Георгию Константиновичу обратиться прямо к Сталину, с тем, чтоб тот, дескать, оказал содействие протеже Жукова на новую должность, да и сам, лично, никоим образом, не проявил активности увидеть вождя.

Да, но в таком случае получается, что Ковалева могли перевести в Наркомат обороны (считай в Генеральный штаб) и утвердить в данной должности помимо Сталина. Вам это, уважаемый читатель, ни о чем не говорит? Кто у нас ведал всеми делами в Совнаркоме по первым дням войны, помните? Вознесенский! Поэтому Ковалев и сказал фразу, понятную немногим. Сталин, дескать, назначил его, Ивана Владимировича, в Госконтроль, как Председатель СНК, вот пусть он и переводит его в другое ведомство. Причем здесь, в таком случае, заместитель Сталина — Вознесенский? Своего рода маленькая хитрость Ковалева, чтобы иметь повод отказаться. Формально-то, он был прав!

Может, даже статья, что, именно, после визита к нему Жукова, Ковалев и попросил аудиенции у Мехлиса, чтобы обсудить с ним создавшуюся ситуацию, а не наоборот?

В этом деле важно понять одно: начальник ВОСО Трубецкой, так и остался не замененным на своем посту, что конечно, стоило ему головы, так как ситуация с падением Советской власти в стране, повернулась в обратную сторону.

Кстати, по возвращению в Кремль Сталин вызвал Ивана Владимировича, как мы знаем, 26 июня к себе и предложил разобраться, как вы думаете с чем? — с деятельностью этого самого управления ВОСО при Генеральном штабе.

“Он взял со стола толстую папку с телеграммами и сказал:

— Командующие сообщают, что **на фронт, в войска не поступают снаряды, продовольствие, вооружение и снаряжение**. А управления Наркомата обороны, в том числе управление тыла, утверждают, что эти грузы давно отправлены железной дорогой. Мы проверили через **Госконтроль**. Вся продукция с заводов и баз отправлена железной дорогой. Где она застряла, неизвестно. В Наркомате путей сообщения и Управлении военных сообщений **есть люди панических настроений**. Распространяют слух, что без эффективной противовоздушной обороны железные дороги не обеспечат перевозки. Нам кажется, дело не только в этом. Вам надлежит пойти туда, разобраться, навести порядок”.

Текст немного “причесан”, особенно Сталинские слова. Через какой Госконтроль они проверили? — когда сам Ковалев и возглавлял, на данный момент, это ведомство. Как всегда из текста, скорее всего, убрали Берия с товарищами.

В конце концов, важно одно, что Ковалев стал разгребать Авгиевы конюшни, как в Наркомате обороны, так и в знакомом ему НКПС. Выяснилась неприглядная картина, где главными персонажами, разумеется, были Л.Каганович и Н.Трубецкой. Якобы, оба радели для пользы дела, но на практике оказалось, что это, скорее, замаскированный саботаж и диверсия.

Историк Г.Куманев задал нашему герою вопрос по теме:

“Когда и при каких обстоятельствах Вы возглавили Управление военных сообщений (ВОСО) Генерального штаба Красной Армии и какие задачи приходилось решать органам ВОСО и Вам лично в этой должности летом и осенью 1941 года...?”

На что Иван Владимирович ответил так:

“Примерно **8–9 июля** мне позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сказал:

— Ты сиди в кабинете Трубецкого, тебе сейчас принесут пакет.

Пошел я в кабинет генерала Трубецкого. **Его нет**, один военный китель висит на стуле”.

Настолько люди Берии быстро произвели арест данного лица, что тот не успел, даже, надеть свой китель. Дело же происходило жарким летним днем. А может так статься, что они, будучи настолько уверенными в виновности Трубецкого — после личного обыска начальника Управления, не предложили тому надеть генеральский китель, чтобы в нем не отправлять на Лубянку. Видимо, посчитали, что он не достоин звания генерала Красной Армии. Так китель и остался сиротливо висеть на спинке стула.

Ковалев, наверное, поежился, представляя, что его самого могла ожидать вот такая участь — руки за спину и в “черный воронок”. Разумеется, если бы, ранее принял предложение Жукова. Но, думаю, что Мехлис, как раз и отговорил Ковалева не делать этого, и успокоил Ивана Владимировича, сказав напутственное слово, что все, дескать, скоро нормализуется, со Сталиным.

И, правда, все удачно разрешилось. Сталин вернулся в Кремль.

“Сию, приносят пакет на мое имя. Вскрыл. Это одобренное Политбюро ЦК решение **Государственного Комитета Обороны** о моем назначении начальником Управления военных сообщений. Я позвонил Андрееву (на тот момент, член Политбюро ЦК ВКП(б) — куратор НКПС и управления ВОСО. — В.М.) и поинтересовался, освобожден ли я от должности заместителя наркома государственного контроля. Поздравив меня с новым назначением, он ответил, что не

освобожден. Я спросил, а где генерал Трубецкой. Надо же принять дела. Андреев ответил, что не знает, где Трубецкой, и не время для формальностей.

Трубецкой так и не появился. Потом я узнал, что **нарком Кагановичу** был объявлен строгий выговор, а **генерала Трубецкого** судил военный суд”.

Понятно, что он был из тех людей Наркомата обороны, которые были подвержены паническим настроениям. А Лазарь Моисеевич опять замечен в компании людей, явно не болеющих душой за Отечество. За что и схлопотал выговор по партийной линии. Как видите, выговор для члена Политбюро — это не Военная Коллегия Верховного Суда для простого генерала. Это все к вопросу о, якобы, испуге Сталина (связи с предполагаемым арестом) по приезду Микояна с товарищами к нему на дачу.

Тут у нас Лубянка плачет по данному члену Политбюро, а ему лишь выговорок запишут в учетную партийную карточку — и все! Кто ж его посадит, если он памятник! Московский метрополитен, в то время, носил его имя. На каждой подземной станции над входом красовалась его фамилия. Тем не менее, Лазарю Кагановичу было отказано в первом составе ГКО, и этим сказано многое.

Кстати, обратили внимание, что решение ГКО, возглавляемое Сталиным, прошло обряд “освящения” на Политбюро. Кто это у нас говорил о Сталине, как о “самодержце” Советского Союза? Читайте и вникайте в суть прочитанного.

И еще маленький штришок. Обратили ли внимание, что Ковалев остался и на прежнем посту в Госконтроле. За железной дорогой, в лице Л.Кагановича, нужен был глаз да глаз, что в скором времени и подтвердится в самый ответственный момент. Но это другая история о нашей “пятой колонне”.

Можно задаться вопросом: “Что было бы, если 22 июня Иван Владимирович Ковалев легкомысленно согласился бы возглавить управление ВОСО, уступив просьбе товарища Жукова?” Понятное дело, что Ставка его бы с радостью утвердила в этой должности. Тот же Вознесенский с Тимошенко, не раздумывая, подмахнул бы бумагу о его назначении. И как бы Ковалев потом оправдывался в творимых безобразиях на фронте по вине железной дороги при встрече со Сталиным 26 июня? Мог бы и попасть под “горячую руку” вождя, и с ним могло произойти то, о чем говорилось выше. А Трубецкой, на тот момент, был бы уже выведен из-под удара проводимого расследования. Такие вот творились скрытые дела по первым дням войны.

Возвращаемся к “товарищу” Жукову на посту Главкома в Германии. Почему, возможно подумает читатель, автор так настойчив, связывая дело Н.Зори и наших заговорщиков вместе с Георгием Константиновичем? Такой, наверное, вопрос вертится на языке у многих? Давайте, вновь пройдемся по цепочке данного дела. Николай Дмитриевич, в силу своих должностных обязанностей, на Нюрнбергском процессе изучал материалы начального периода войны и, как я отмечал выше, просто таки, должен был выйти на страны-агрессоры, которые пошли на нас вместе с Гитлером. Помните, дело по Венгрии? А как обстояло — по Финляндии? Ту, ведь, тоже, преднамеренно отбомбили. Кто же перед войной был командующим ВВС Ленинградского военного округа? Наверное, читатель ни за что “не догадается”? Разве ж можно подумать на А.А.Новикова? С трудом верится, что Александр Александрович с началом войны был командующим ВВС округа. Да и он сам, признается, что, дескать, за два дня до войны, он был уже не командующий ВВС(?). Задержанный органами госбезопасности в апреле 1946 года Новиков дал показания, и на Жукова, в том числе. Видимо, Н.Д.Зоря, подготовил еще дополнительные материалы и должен был их, по приезду в Москву, передать по назначению, но 22 (или 23) мая получил пулю, при невыясненных обстоятельствах. Как видите, из попытки передать документы ничего не вышло. Николая Зорю убили, а документы исчезли. А что, нам Новиков пишет о событиях тех лет, июня 1941-го года?

Давайте-ка, ознакомимся с его мемуарами. Занятное, знаете ли, чтиво о начале войны в описании всех этих “Лубяньских посидельцев”. Новиков, не исключение из этого правила.

Глава 32. О маршале авиации Новикове

Все эти “жертвы сталинизма” практически вывелись из одного инкубатора именуемого Белорусский военный округ — под командованием И.П.Уборевича. Там кроме нашего Новикова в разное время проходили своеобразную стажировку — Тимошенко, Жуков, Мерецков, Баграмян, Соколовский, — как наиболее яркие представители первой волны “защитников” Отечества. Ко второй, на мой взгляд, менее громкой, можно было бы отнести Конева и Малиновского. Это все я привел, руководствуясь данными приведенными из мемуаров самого Новикова: “Крестным отцом всех их был командарм Уборевич, который обладал каким-то удивительным чутьем на талантливых людей и умел не только подбирать их, но и воспитывать”.

Тут, трудно поспорить с Александром Александровичем, поскольку он лучше знал и “крестного отца” и всю его паству. Как известно, Уборевича “удивительное чутье на талантливых людей” не спасло от расстрела, а последствия раскрытия заговора коснулись и его воспитанников. Поэтому Новиков и отмечает с грустью: “В 1937 г. у меня случились большие неприятности по службе”. Понятно, что дружба с “крестным отцом” до добра не доводит.

Новикова роднит с Жуковым присущее им обоим, необъяснимое чувство “скромности”. О Жукове, в этом качестве, мы уже упоминали. Теперь пришла очередь поговорить о Новикове. То, что себя к талантливым записал, грех небольшой. Жди, когда о тебе такое напишут. А здесь, в мемуарах, своя рука владыка, да и друзей вниманием не обошел. Приведенные Александром Александровичем выше имена на слуху, в связи с участием этих лиц в Великой Отечественной войне. Как они воевали — это тема отдельного разговора. Хотелось бы, дополнить воспоминания “скромного” Новикова о “воспитанниках” Уборевича, которые не участвовали в Великой Отечественной войне по “уважительной причине”. О них, он почему-то, “постеснялся” упомянуть? Вот они, “жертвы” предвоенного заговора.

Рулев Павел Петрович (1896-1938) — комбриг, в 1937 г. — начальник автобронетанковых войск **Белорусского** военного округа.

Бобров Борис Иосифович (1896–1937) — комдив, в 1937 г. — начальник штаба **Белорусского** военного округа.

Карпушин-Зорин Андрей Леонтьевич (1895–1937) — с января 1936 г. по

май 1937 г. — заместитель начальника штаба **Белорусского** Военного

Округа.

Мальцев Владимир Иванович (1901-1938) — начальник 8-го отдела штаба **Белорусского** военного округа.

Белов Иван Панфилович (1893-1938) — командарм 1 ранга (1935). В 1931–1938 гг. — командующий войсками Ленинградского, Московского и **Белорусского** военных округов.

Смирнов Петр Александрович (1897-1939) — армейский комиссар 1 ранга (1937). Член Военного совета — начальник Политуправления Балтийского флота, Северо-Кавказского, Приволжского, **Белорусского** и Ленинградского военных округов.

Рожин Николай Поликарпович (1899–1937) — полковник (1935). Начальник штаба 21-й механизированной бригады **Белорусского** Военного Округа.

Булин Антон Степанович (1894–1938) — армейский комиссар 2 ранга (1935). С сентября 1935 г. — начальник Политуправления **Белорусского военного округа**. С апреля 1937 г. — начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА.

Бобков Семен Дмитриевич (1901–1937) — комбриг (1935). С июня 1935 г. — командир 21-й механизированной бригады **Белорусского** Военного Округа.

И на последок, в продолжение списка, заговорщик второй волны.

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941). С июня 1940 г. командовал войсками **Белорусского** Особого военного округа.

А то маршал авиации пишет в мемуарах: “в 1937 г. у меня случились большие неприятности по службе”. Это, у приведенных выше, товарищей, “случились большие неприятности”, а Новиков-то, как раз, отделался всего лишь “легким испугом”. Далее, судьба явно балует “воспитанника Уборевича”. В 1938 году, на удивление, он вдруг встретил, как повествует, своего хорошего знакомого Е.С.Птухина, который был командующим ВВС в Ленинградском военном округе. Тот, якобы, “по-дружески”, взял Новикова с собой, на должность начальника штаба округа. Может и действительно, все было так? — но, ведь, Евгений Саввич, с того света, увы, не возразит. Вскоре, Птухина, (на удивление) переводят в Киевский военный округ, где он “таинственно” исчезнет (навсегда) через несколько дней после начала войны. А Новиков, (кто бы мог подумать?), займет его место командующего ВВС в Ленинградском военном округе.

Когда приводили краткую биографию маршала Жукова, то помните, как он в 1938 году “сильно заболел бруцеллезом” и его положили на лечение в Центральный военный госпиталь в Москве. Видите, как “выкосили” командный состав причастный к “крестному отцу” — Уборевичу. По счастью, для Гергия Константиновича, он не попал в этот черный список. А то бы его “славная” биография могла бы закончиться теми же годами, как и у его товарищей по службе в Белорусском округе.

Кстати и у Новикова, практически в то же время, произошла “знаменательная встреча”, в результате которой, он удачно избежал попадания в этот же черный список. Но продолжаем рассказ о маршале авиации. Наконец-то, события неумолимо приблизили нашего героя к началу войны, где с ним произошли самые “невероятные” события, которые, видимо и привлекли внимание следователей в 1946 году. Итак, последние мирные дни перед войной.

“20 июня меня **неожиданно** по приказу наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко вызвали в Москву. В **субботу** (21 июня. — В.М.) я вернулся в Ленинград и тотчас позвонил в наркомат. Генерал Злобин, состоявший при наркоме для особых поручений, сообщил, что меня переводят в г. Киев.

Естественно, я сразу подумал о генерале Е. С. Птухине и осведомился, куда переводят его. Вопрос мой остался без ответа. Злобин как-то замялся и после недолгой паузы ответил, что вопрос о Птухине еще не решен, а мне надлежит быть у маршала в 9 часов утра **23 июня**, и повесил трубку.

Я немедленно заказал билет на “Красную стрелу” и стал собираться в дорогу. Но война все изменила”.

Богатый событиями отрывок. В чем заключалась неожиданность вызова — Александр Александрович, почему-то умолчал? А для нас **20 июня** будет знаковым днем. Об этом мы поговорим отдельно. На месте следователя, я тоже бы, проявил к этому моменту (с вызовом) неподдельный интерес. Как говорят: в чем же заключалась “фишка” данного вызова? Уехать в Москву, и тут же вернуться обратно? А не покажется ли странным, что не воспользовались телефонной связью? Так сведения могли быть строго секретными, скажут “умники”, разве ж можно по телефону? Кто бы стал спорить? Но почему вернувшись в Ленинград, тут же, позвонился в наркомат обороны по телефону? Или что? по дороге забыл инструкции “Что делать?”. Еще удивительней выглядит сообщение генерала Злобина о том, что Новикова переводят в Киевский округ. Накануне, видимо не успели в Москве сказать ему эту “новость”? Что же, касается вопроса Птухине, который “еще не решен”, то это неправда. Вопрос по нему был решен: он намечался в качестве жертвы, на которую, в случае неудачи с заговором, “повесили бы всех собак”. Так оно и получилось, в действительности.

Кроме того, снова вызывают в Москву? Да, Новиков только что вернулся из нее. Наверное, пыль с фуражки не успел стряхнуть? На ум приходят слова песни Б.Окуджавы: “Ах, война, что ты сделала, подлая...”. Все планы “поломала” уважаемому товарищу Новикову. Кстати, в Москву, он почему-то больше не поехал? В свете того, что читатель уже узнал из прочитанного ранее, не покажется ли ему все это описанное Новиковым, неким тайным механизмом запуска готовящегося заговора? Если, все же есть сомнения у читателя, то добавим еще дополнительного материала для аналитической работы ума. Как уже знаем, Новиков снова собирается выехать в Москву по вызову. Как он сообщает читателям, в Москве должен быть в 9.30 утра 23 июня. Значит, в конце дня 22 июня, он должен был бы сесть на поезд “Красная стрела”. Да, но, пока, в описании событий, лишь суббота 21 июня, поздний вечер, а почему-то, именно сейчас, Александр Александрович собирается к отъезду? Но, вдруг, Новикову домой звонит начальник штаба округа Д.Н. Никишев и просит “срочно прибыть к нему по очень важному делу”. И здесь мы сталкиваемся опять, но уже с новыми “невероятными” событиями, о которых упомянули выше. Оказывается, Александр Александрович Новиков уже не командующий ВВС округа?! Когда же его успели отстранить от обязанностей и, главное, по чьему распоряжению? Может, по тому приказу Тимошенко от 20 июня? Но, зачем? Новиков и сам подтверждает факт снятия его с должности командующего, но не говорит о подоплеке этого дела. Видимо, берег до 1946 года?

“Я ответил, что свои обязанности командующего ВВС уже передал генералу А. П. Некрасову и вечерним поездом 22 июня выезжаю в Москву.

— Знаю, знаю, Александр Александрович! — нетерпеливо перебил Никишев. — И все же прошу немедленно явиться в штаб. Обстановка очень серьезная. Все объясню при встрече. Жду вас.

Собираясь в штаб, я думал, чем вызван этот ночной звонок. Прежде, конечно, мелькнула мысль о войне”.

Почти, как у Черномырдина, “мелькнула мысль” и Новиков, конечно же, “стал её думать”? Однако это действие прервал приехавший шофер на штабной машине.

“Подхватив чемоданчик со сменой белья и туалетными принадлежностями, я вышел в коридор...

Черный “ЗИС” быстро понесся по безлюдному Измайловскому проспекту. Минут через десять я входил в кабинет Никишева. Дмитрий Никитич был очень взволнован. Он тут же, без всяких предисловий сказал, что на рассвете 22 июня, т. е. уже сегодня, ожидается нападение Германии на Советский Союз, и приказал немедленно привести всю авиацию округа в полную боевую готовность.

— Но пока, до получения особых указаний из Москвы, конкретных боевых задач авиации не ставить. Распоряжения прошу отдать лично.

Я вновь напомнил, что уже не являюсь командующим ВВС округа.

— Сдали дела, знаю, — сердито перебил меня Никишев. — Но приказа о вступлении в должность генерала Некрасова еще нет. Завтра из Мурманска **вернется** Попов, а из **Сочи, вероятно**, прилетит Жданов, они и примут окончательное решение о вашем замещении. А пока **командующим авиацией я считаю вас**".

Так как все "жертвы тоталитарного режима" отъявленные лжецы, то приходится хватать их за язык. Ведь, Новиков, чемоданчик с вещами взял в командировку, чтобы ехать в Москву. Значит, поздно вечером должен был сесть на поезд и утром, 22 июня он уже будет в Москве. Не так ли? А нас уверяет, что 23 июня в 9.30 назначена встреча у наркома. Он, что же, целый день в Ленинграде должен был таскаться с чемоданчиком, в котором лежали его личные вещи и "туалетные принадлежности". Как они все боятся 22 июня? Словно прикасаются к раскаленной плите.

Обратите внимание: командующего округом М.М.Попова кто-то отправил далеко на Север в Мурманск, но твердо знают, что тот завтра вернется.

Жданов, тоже отсутствует. Новиков уверяет, со слов Никишева, что тот отдыхает в Сочи, но его возвращение, еще точно неопределено.

Интересный вопрос по Жданову. Что же он делал в Сочи с началом войны? Какие причины вынудили его задержаться там? Трудно представить, что в это тревожное время он нежился на берегу теплого Черного моря. Ранее уже сказал, что его там задержали дела, связанные со Светланой, дочерью Сталина.

Кроме того, уважаемый товарищ Новиков так и не объяснил читателю, как это вдруг он оказался без должности, но на посту командующего ВВС в Ленинградском округе? Почему он сдал дела (неизвестно когда), а преемник, почему-то не вступил в должность, если дела принял? Нет такого понятия, как, просто "сдать дела"?! Кроме того, Новиков собирается "рвануть" в Москву, но вдруг соглашается остаться? Отчего начальник штаба округа, взял на себя такую ответственность, как отменить вышестоящий "приказ" об убытия Новикова к новому месту службы? При том, как прикажите понимать слова начштаба "командующим авиацией считаю вас"? А подчиненные Новикова тоже должны считать его командующим и забыть предыдущий приказ о его замене? Кстати, куда у нас запропастился преемник Новикова — генерал Некрасов и почему он принимает (вроде бы?) дела у бывшего командующего, но в должность не вступает? Что это за такой удивительный половинчатый приказ "сверху"? В этих вопросах можно запутаться. Не позавидуешь следователям, ведшим это дело. И это столько вопросов лишь к воспоминаниям Новикова. Представляете, сколько могло быть их в настоящем уголовном деле?

"Обстановка исключала какие-либо препирательства, и я согласился. Но мне было непонятно, как это авиацию привести в полную боевую готовность, а конкретных боевых задач ей не ставить? Ведь если война, то и действовать надо, как на войне. Без четких задач, без знания целей, по которым придется наносить удары, авиацию тотчас в дело непустишь, особенно бомбардировочную. У бомбардировщиков боекомплект зависит от поражаемого объекта: для ударов по живой силе он один, по укреплениям — другой, по аэродромам — третий. И я сказал о том Никишеву.

— Что вы, Александр Александрович, разъясняете мне азбучные истины! — рассердился начальник штаба. — Нам же приказано ясно: конкретных боевых задач не ставить. А приказ надо выполнять. Вот, прочитайте-ка!

Никишев протянул мне только что полученную телеграмму за подписями наркома обороны **С. К. Тимошенко** и начальника Генштаба **Г. К. Жукова**.

Я быстро пробежал ее глазами. После слов о возможности нападения Германии на СССР в ней предписывалось войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников. Нарком обороны приказывал в течение ночи скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, рассредоточить по полевым аэродромам авиацию, привести в боеготовность все войска и осуществить соответствующие обстановке мероприятия в системе ПВО. Других приготовлений без особых на то распоряжений приказывалось не проводить.

Это, по существу, была война, и я непроизвольно взглянул на часы — было уже около двух часов ночи.

До боли знакомая “туфта”. Мы уже встречались с такой, у Жукова. Нам нужна ясность с его “отстранением” от командования ВВС округа, а Новиков нам рассказывает “о боевой готовности”. А не плохо, как вы думаете? — по-военному, звучит: “я согласился”? Можно уже и чемоданчик с вещами под стол, — не пригодится. А поездка в Москву? — подождет до лучших времен. Значит, на основании устного распоряжения начальника штаба ЛВО Никишева, бывший командующий ВВС этого округа Новиков, вдруг, как Золушка, по волшебству, преобразается в настоящего командующего ВВС и отправляется выполнять полученную Директиву из Москвы.

Теперь, зная о том, что 21 июня, Ставка организовала Главные направления, становятся понятным действия и Никишева и Новикова. Никишев получил соответствующую бумагу из Москвы, где, видимо было указано, что Новиков переходит на соответствующую должность в новую структуру Главное командование Северо-Западного направления. Осталось ждать Главкома Мерецкова, который скоро появится перед читателем.

“Вернувшись к себе в штаб, я по телефону обзвонил командиров всех авиасоединений, приказал немедленно поднять все части по сигналу боевой тревоги и рассредоточить их по полевым аэродромам и добавил, чтобы для дежурства на каждой точке базирования истребительной авиации выделили по одной эскадрилье, готовой к вылету по сигналу ракеты, а для бомбардировщиков подготовили боекомплект для нанесения ударов по живой силе и аэродромам противника. Лишь после отдачи всех приказаний обошел управление. Убедившись, что все штабные работники на месте, вызвал к себе заместителя главного инженера ВВС округа А. Л. Шепелева и уехал с ним на один из ближних к Ленинграду аэродромов, куда накануне прибыл эшелон новых скоростных истребителей МиГ-3.

Так началась для меня война”.

И это все Новиков рассказывал следователям на Лубянке, а они, такие нехорошие, “сфальсифицировали” дело и передали его в суд, который за все эти “художества” дал “несчастному” Александру Александровичу срок? Но, и это, оказывается, еще не все его “чудеса и художества”.

“Первые часы войны были особенно тягостными. Состояние наше еще более усугублялось почти полным неведением того, что все же происходит на всей нашей западной границе южнее Ленинграда. Лишь в девятом часу утра 22 июня нас, командующих родами войск, ознакомили с новой директивой. В ней говорилось, что 22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецкая авиация бомбила наши аэродромы и города, а наземные войска открыли артиллерийский огонь и вторглись на советскую территорию.

Приграничным армиям приказывалось разгромить противника, но только в районах вторжения, причем указывалось, что границу до особого распоряжения не переходить. Авиации разрешалось наносить удары лишь по германской территории и только на глубину до 150 км, на союзников же третьего рейха — Финляндию и Румынию налеты вообще запрещались.

А в 12 часов дня по радио мы услышали правительственное сообщение о нападении Германии на нашу страну и о вступлении Советского Союза в войну. Лишь тогда война как таковая окончательно стала реальностью”.

Нового ничего нет. О войне, оказывается, узнал из правительственного сообщения по радио?! Что делал бы Новиков, если бы Молотов не выступил по радио, трудно себе представить? То, что запрещалось совершать налеты на союзников Германии под страхом смерти — нашли, чем испугать, таких молодцев, как Новиков!

О последнем предложении можно сказать следующее: это фирменный знак Института истории СССР. У Жукова, в его мемуарах, примерно, то же самое: “она (война) уже стала фактом”. Помните?

Но, вот мы приближаемся к тому, о чем собственно и хотелось поговорить: о бомбардировках Финляндии. То, что пишет Новиков со ссылкой на Директиву, и так, понятно. Странно, что о Венгрии ни слова. Как будто, и не числилась она, в союзниках фюрера? Ладно, не будем обращать на это внимание. Что у Новикова с Финляндией? Здесь он решил блеснуть перед читателем своей военной эрудицией.

“Поступившие к нам в округ сообщения о бомбардировке немецкой авиацией таких глубинных объектов, как Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир и Севастополь, не были для меня неожиданностью. Поразила лишь легкость, с какой вражеские самолеты столь далеко проникли на нашу территорию. Факт этот настораживал”.

Хочет убедить читателя, что недаром ел хлеб на военной службе, а изучал передовые военные теории, которые реализовывались на практике. Ему, дескать, в отличие, от более высокого начальства, была известна немецкая тактика ведения начальных военных действий и, в частности, авиации. Это он после 53-го года, когда его амнистировали, вдруг стал “умным”. А в 41-ом году, да сразу в первый день войны, откуда узнал всю информацию о легкости “с какой вражеские самолеты... далеко проникли на нашу территорию”? Может исходя из событий в своем Ленинградском округе?

“Нужно было принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке в первые же часы войны. Такими мерами могли быть наши активные действия в воздухе. Я высказал свои соображения руководящим работникам ВВС округа, они поддержали меня. Мы быстро прикинули наши возможности и решили, что если не будем медлить, то вполне справимся с такой задачей.

На другой день (23 июня. — В.М.) я доложил о нашем плане генералу Попову. Маркиан Михайлович согласился с нами, но сказал, что прежде этот вопрос надо согласовать с Москвой, так как приказ о запрещении налетов на Румынию и Финляндию еще в силе. В тот же день он позвонил маршалу Тимошенко. Нарком проконсультировался **в еще более высоких инстанциях**, и разрешение было получено.

Для ударов по вражеским аэродромам в Финляндии было выделено **540 самолетов**. В операции участвовали ВВС всех общевойсковых армий Северного фронта — 14, 7-й и 23-й, морских флотов и фронтовая авиагруппа”.

Надо полагать так, что если бы Никишев “не назначил” Новикова “командующим ВВС округа”, то такая “яркая”, с военной точки зрения операция, как превентивная бомбардировка Финляндии, могла бы и не состояться? Как ни как, а Маркиан Михайлович Попов, все же общевойсковой генерал, не то, что сам Новиков — из авиации! Правда, о Никишеве, начальнике штаба округа, как-то умалчивается, что он прибыл в Ленинградский военный округ незадолго до войны, представьте себе, из Главного управления ВВС Красной Армии. Тоже, понимаешь, не последний человек,

разбирающийся в авиационных делах. Военная “судьба”, потом забросит Никишева начальником штаба Сталинградского фронта, где членом Военного совета будет Хрущев. Согласно опубликованным сведениям, Никишев пробудет там, якобы, “до октября” месяца 1942 года и, как раз в самый переломный момент Сталинградской битвы, “судьба” круто изменит его жизнь. Вдруг, после Сталинграда, его переводят на преподавательскую деятельность кафедры Общей тактики Военной академии им. М.В.Фрунзе, на которой он “прокантовался” до конца войны. Но, и после войны, он не изменил своему новому, преподавательскому делу, став начальником кафедры Оперативно-тактической подготовки. После смерти Сталина, у него, вдруг, очень сильно ослабло здоровье, и согласно приказу министра обороны № 06117 от 7 декабря 1954 Никишев был уволен по болезни в запас, где и бесследно исчез, сохранив в тайне дату своей смерти. Такая вот грустная история “товарища по оружию” Александра Александровича Новикова.

Теперь, что касается, в отношении превентивного удара. Попов “позвонил маршалу Тимошенко” — именно так и “планируются” подобные операции: по телефону. Но самое пикантное в том, что “нарком проконсультировался **в еще более высоких инстанциях**, и разрешение было получено”. Официальная военная история уверяет же нас, что 23 июня образована Ставка Главного командования во главе с Тимошенко. Тогда, по мысли Новикова, с кем же должен был Тимошенко проконсультироваться выше? С заговорщиками из Политбюро, что ли, если Сталина не было в Кремле? Кто же ему, Тимошенко, дал благословение, на подобную операцию? Неужели нарком иностранных дел Молотов? То-то, накануне, в своей речи, он недобрым словом, финнов помянул. А как было на самом деле?

Нашему вниманию предложен, хранящийся в архиве Министерства обороны “План обороны госграницы. Ленинградский военный округ (Северный фронт)”. К нему дано краткое пояснение.

“Вниманию читателя предлагается последний предвоенный план боевых действий Ленинградского военного округа на случай нападения Германии. Датировать его невозможно, т. к. какие-либо отметки относительно времени составления этого документа отсутствуют. Ясно только, что он был составлен после 14 мая 1941 года, т. к. в самом начале указано, что основанием для составления является директива НКО от 14.5.41.

К сожалению, **по неизвестным причинам документ далеко неполный**. В папке отсутствуют многие листы этого плана, приложения и карты. Судя по всему, документ в архив попал уже в разукмплектованном виде, да и составлен был, очевидно, поспешно, хотя подписи должностных лиц на нем имеются. Возможно, что не имея времени к требуемым срокам составить полноценный план, командование округа прикрылось поспешно составленной запиской, надеясь затем составить документ полностью”.

Совершенно секретно.

Особой важности.

Экз. № 1

ЗАПИСКА

ПО ПРИКРЫТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

(Из этой записки, я выбрал лишь то, что представляет интерес только по нашей теме. — В.М.)

6. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным ж.д. узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

7. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

8. При благоприятных условиях обстановки всем обороняющимся войскам, резервам армий и округа быть готовым по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов по противнику. Задачи авиации, подчиненной непосредственно командующему войсками.

Состав: 4, 41, 39, 54, 3-я авиадивизии (последние две на обороне Ленинграда).

Задачи:

а) уничтожает авиацию противника на аэродромах Коуволла, Котка, Утти, Селянпя, Миккели; Порво, Лахти, Холода, Хит-тула, Подосиоки;

б) разрушает Коуволла и мост у Кория;

в) быть готовой во взаимодействии с КБФ и его авиацией к нанесению удара по кораблям и транспортам противника при попытке их пройти в Финский залив или высадить десант;

г) содействует 23-й армии в отражении наступления противника. Эти задачи выполняются 4-й и 41-й авиадивизиями. Прикрытие Ленинграда осуществляется 3-й и 54-й авиадивизиями.

Командующий войсками ЛВО

генерал-лейтенант (подпись) М.М.ПОПОВ

Член военного совета

корпусной комиссар (подпись) КЛЕМЕНТЬЕВ

Начальник штаба

генерал-майор (подпись) НИКИШЕВ

Написано в 2 экз.

Исполнил начальник опер. отдела штаба ЛВО

генерал-майор Тихомиров

экз. № 1 — в Генштаб КА

№ 2 — оперотдел штаба ЛВО

(ЦАМО РФ ф.16, оп.2951, д.242)

(Военно-исторический журнал № 6-1996 г).

Первое, на что хотелось бы, обратить внимание, после прочтения аннотации, так это на то, что документ находящийся, якобы, в архиве Министерства обороны, разукомплектован. С другой стороны, — нашли, чем удивить! В силу, каких обстоятельств это сделано, приходится опять, только догадываться? К тому же, документ не утвержден в Наркомате обороны, а точнее сказать, в Генштабе РККА и это, настораживает. Удивляет, также, отсутствие инициалов у должностных лиц, которые подписывали сей документ, кроме командующего. Скорее всего, это машинописная копия, которая должна, по мнению “разработчиков” документа, прикрыть все то, что произошло в начале войны. Создать видимость, какой-никакой обороны. Что там было на самом деле, в подлинном документе, вряд ли узнаем? Еще один непонятный момент. Обратите внимание, что “Записка” подготовлена в двух экземплярах. “Первый” нам представлен, как бы “извлеченным” из недр архивов Министерства обороны, а где же находится “второй” экземпляр? По идеи, он должен находиться в архивах Ленинградского военного округа? Есть ли он там, и в каком виде?

О содержании документа. Как видите, в п. 6 прямо указывается на нанесение превентивных ударов по Финляндии, а п. 8 приведено, на основании чьего указания надо наносить данный удар. Может ли из этого пункта, читатель понять, что это за таинственное анонимное “Главное командование”, к указанию которого надо быть готовым всем войскам округа? Оно же (Главное командование) не может “висеть в воздухе”, т. е. существовать самостоятельно и быть оторванным от структуры управления. Это, надо полагать, все та же многострадальная Ставка Главного командования, о которой, ну, никак не хотят упоминать наши деятели, облаченные в мундиры военных историков.

Вот, на основании указаний этой Ставки и были проведены превентивные воздушные удары по Финляндии. Автор, ни в коей мере, не хочет представить агрессивную Финляндию, в роли невинной овечки, которую обидел серый волк, в лице Советского Союза. Нас должно интересовать, каким образом наши заговорщики провоцировали Финляндию (и не только ее) на ответные враждебные действия и давали повод к началу военных действий против нашей страны? Вот и все! Что там бомбили на самом деле? — это другой вопрос. Хотя о бомбежках, можно было бы поговорить, отдельно. Вспоминается, первая Чеченская война времен Ельцина и заявление командующего ВВС России Дайнекина: “Особенно, не бомбили жилые районы Грозного...”. Наверное, позаимствовал, у своего коллеги Новикова?

В данном же случае, для нас важно, как заговорщики из Ставки втягивали в орбиту войны страны-сателлиты Германии и давали им дипломатический, а что еще важнее, и моральный повод для начала войны.

Хочу предложить вниманию читателя отрывок из работы Тимура Музаева “В колее конфликта” .

“Запланировав участие финских войск в войне против Советского Союза, представители германского руководства со второй половины мая 1941 г. стали прощупывать почву в Хельсинки. И здесь немцев ожидал неприятный сюрприз:

финны не желали участвовать в войне. 20 мая президент Р.Рюти заявил представителю Гитлера К.Шнурре, что “хотя Московский мир и саднит”, Финляндия ни при каких обстоятельствах не будет участвовать в наступательной войне против СССР, а также “не желает вмешиваться в вооруженное выяснение отношений между великими державами”. **Лишь в случае нападения советских войск на Финляндию, — отметил президент, финская армия вступит в войну.** “Естественно, мы будем очень рады, если получим помощь извне в этой оборонительной войне”, - подчеркнул глава финского государства. Более того, в ходе переговоров немецкой и финской военных делегаций в мае-июне 1941 года, финская сторона отвергла все предложения германского Генштаба о совместном наступлении на советскую территорию и согласилась лишь на операции в области Петсамо, принадлежавшей Финляндии. Не случайно немецкая сторона оценила итоги переговоров как “неудовлетворительные”: финны отказались участвовать в войне.

Несмотря на уговоры Гитлера, Финны не хотели участвовать в нападении на СССР. Только бомбардировка советской авиации финских городов заставила Хельсинки вступить в войну

9 июня 1941 г. Р.Рюти на заседании Госсовета Финляндии сформулировал позицию, избранную финским руководством. «Германия является ныне единственной страной, способной разгромить или, по крайней мере, существенно ослабить России, — заявил президент. — Максимально возможное ослабление России — условие нашего спасения. Если Россия выиграет войну, наше положение станет сложным, даже безнадежным... Таким образом, как бы это ужасно ни звучало, мы должны желать возникновения войны между Германией и Россией, рассчитывая при этом на то, что сами сможем остаться за ее пределами».

В этом случае, трудно давать комментарии, по поводу таких вот высказываний. Но надо! У президента Р.Рюти, во время выступления на заседании Госсовета, видимо, полушария головного мозга решили поменяться местами. Вдумайтесь, в смысл, сказанного президентом Финляндии. Если, Германия является, как он утверждает, единственной страной способной разгромить наш Советский Союз, то спрашивается, зачем же финнам, вмешиваться в этот конфликт. Одержит Германия победу, ну, и дай ей бог здоровья! Чего же еще желать? Однако он тут же приводит довод, начисто опровергающий его же собственное высказывание: «Если Россия выиграет войну, наше положение станет сложным, даже безнадежным...». А как же Германия, которая заведомо разгромит Россию? Уже забыл! Вот так обрабатывается послушное большинство: запоминают, как правило, сказанное в конце. Почти по Штирлицу. Но, к счастью, не у всех в Финляндии происходил «вывих мозгов». Все те, кто «наелся по полной программе» в Зимней войне, воевать с нашей страной не собирались ни под каким предлогом. Отсюда и решение правительства. Это те, кто хотел погреть руки на огне войны, жаждали втравить Финляндию в новую войну и, президент Р.Рюти, видимо, был в их числе. Плюс ко всему и наши заговорщики, чтобы не забыть.

«Итак, руководство Финляндии, сознавая свою зависимость от германских гарантий, тем не менее, не согласилось участвовать в нападении на Советский Союз и решило сохранить нейтралитет.

13 июня парламент Финляндии поддержал курс правительства. Не только реваншисты, мечтавшие о мести за Зимнюю войну и унижения Московского мира, но и левые фракции, в том числе социал-демократы, ненавидевшие Гитлера и категорически выступавшие против милитаризма и реваншизма, согласились с необходимостью союза с Германией при условии, что финская армия не будет участвовать в нападении на СССР. «Следует исходить из того, — заявил председатель социал-демократической партии Вяйнё Таннер 19 июня на совещании социал-демократов, представителей профсоюзов и рабочих организаций Финляндии, — что наши войска будут использованы лишь для обороны страны, но не для наступательных действий. Не следует также оказывать помощь нападающему».

20 июня президент Р.Рюти обещал депутатам социал-демократической фракции парламента, что финские войска не будут использованы для нападения на Советский Союз.

Таким образом, общественность Финляндии была в курсе внешнеполитических планов правительства и полностью поддерживала вынужденную политику сближения с Германией, сознавая, что единственной альтернативой этому курсу является советская оккупация.

В день нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года финское правительство заявило о нейтралитете Финляндии. В тот же день посол СССР в Хельсинки Павел Орлов заверил, что советское правительство уважает нейтралитет Финляндии».

А наши заговорщики 22 июня, буквально, вложили в уста Вячеслава Михайловича слова об артиллерийском обстреле с финляндской стороны. Видимо, очень «жаждали» повоевать с Финляндией еще разок?

“24 июня нейтральный статус Финляндии признали Германия, Британия и Швеция. А ранним утром следующего дня 18 финских городов и селений подверглись массовой бомбардировке советской авиации. По данным советских источников, в нападении участвовали 236 бомбардировщиков и 224 истребителя.

Состоявшиеся воздушные налеты против нашей страны, бомбардировки незащищенных городов, убийства мирных жителей — все это яснее, чем какие-либо дипломатические оценки показали, каково отношение Советского Союза к Финляндии. Это — война”, — заявил депутатам парламента премьер-министр Финляндии Юкко Рангель. Вечером 25 июня финский парламент признал, что Финляндия находится в состоянии войны с Советским Союзом”.

Все же наши заговорщики добились своего. Еще одним противником у нашей страны стало больше, а, следовательно, и крови наши солдаты прольют больше. Как всегда, сторонники демократии в России, все жертвы “повесят” на Иосифа Виссарионовича, чтоб им, пусто было! А дальше, события по войне станут усугубляться для нашей страны, как катящийся снежный ком. После бомбардировки Финляндии советской авиацией, “нейтральная” Швеция 26 июня 1941 года, предоставит свою территорию для транзита немецких войск в северную часть Финляндии, к советской границе. Такими вот окажутся последствия “коврового” бомбометания северной соседки. Кстати, сделал ли Новиков, хоть один боевой вылет за всю войну и, против Финляндии, в частности?

Но не хочется закрывать такую скользкую тему о Финляндии с ее довольно “необычным” вступлении в войну против нашей страны. Ведь, по большому счету она не очень хотела воевать, как читатель понял из прочитанной выше работы Т.Музаева. Но втянули в военный конфликт. Нашлись силы, как с одной, так и с другой стороны. В свете изложенного, хочу предложить читателю один занятный эпизод из мемуаров человека, с немалыми звездами на погонах.

Слово предоставляется адмиралу Николаю Михайловичу Харламову. В самом начале войны он был в должности начальника управления боевой подготовки в Главном морском штабе, и вот какая с ним приключилась история, в которой замешаны многие наши, ранее упомянутые “герои”.

“**Июль** (1941 года) в Москве стоял жаркий. Даже ночью было душно. В одну из таких ночей я и дежурил в штабе, когда задремал телефон.

— Говорит дежурный **Наркомата обороны**, — раздался голос в трубке. — Вас срочно вызывает **маршал Тимошенко**.

К Наркому обороны меня вызывали **в первый раз**. Зачем я ему мог понадобиться? По какому вопросу? **Интуиция** подсказывала, что речь может пойти о положении **в районе Мурманска**, и я на всякий случай прихватил с собой кое-какие документы, относящиеся к тамошней обстановке”.

Снова старая песня на новый лад. Харламова вызывали в Ставку к Тимошенко, но как всегда, Ставка и Тимошенко, вызывают зубную боль у редакторов. Убрать! Кроме того, встречаются случаи в ряде мемуаров, когда редактора умышленно меняли месяц **июнь** на **июль**, и наоборот. Но, может быть, это намеренно сделал и сам Харламов, чтобы “замаскировать” данный эпизод.

А интуиция, вообще, вещь необходимая человеку, но она у Николая Михайловича, почему-то работала избирательно (видимо, нельзя иначе), о чем читатель узнает ниже.

“В приемной я увидел начальника разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанта **Ф. И. Голикова**.

— Вы зачем здесь? — поинтересовался Филипп Иванович.

— Прошу трудных вопросов не задавать, — отшутился я.

Голиков пожал плечами. Мы еще некоторое время молча ходили по приемной. Наконец нас пригласили к Наркому.

К моему удивлению, в кабинете находились почти все члены Политбюро ЦК во главе с И. В. Сталиным, а также начальник Генерального штаба. Видимо, перед нашим приходом тут происходил серьезный разговор”.

Вообще, честно говоря, данные товарищи редко ведут несерьезные разговоры. Ведь, в их руках находится судьба страны. Но что это вдруг, их как магнитом притянуло в Наркомат обороны, то есть, на тот момент в Ставку? А серьезный разговор, это случайно, ни разговор на повышенных тонах?

“Сталин, покуривая трубку, неторопливо ходил по кабинету. В небольшой смежной комнате напротив входа располагалась переговорная. В ней стоял генерал-лейтенант **Н. Ф. Ватутин**, заместитель начальника Генерального штаба. Постукивая рычагом телефона, он то и дело повторял:

— Алло! Алло! Полное лицо генерала было **красным, вспотевшим**, и он вытирал его носовым платком”.

Ай, ай! Какая неприятность. Нет связи с войсками. Что-то знакомое нам уже встречалось ранее, по Западному фронту. А как же Наркомат обороны (то есть, Ставка), в таком случае, функционирует? И за всем этим безобразием, к тому же, наблюдают прибывшие сюда члены Политбюро и правительства. То-то, Ватутин покраснел от волнения. Наверное, вставили фитиль?

“Сталин остановился напротив нас и попросил генерала Голикова доложить о численном составе войск противника на мурманском направлении. Тот развернул на столе карту и, водя по ней указкой, сделал короткое, четкое сообщение.

— Так... Ясно... — проговорил Сталин. — А где находятся наши войска? — спросил он Голикова.

— Этого я не знаю, товарищ Сталин. Мне сводку не докладывают”.

Вас не удивило, читатель, что Сталин спрашивает об обстановке на фронте Голикова, а не присутствующих здесь начальника Генерального штаба Жукова и, пытающегося дозвониться по телефону, его заместителя Ватутина?

Как будет понято в дальнейшем из рассказа Харламова, Сталину, видимо, ранее были представлены данные, которые рисовали угрожающее положение на Мурманском направлении, да и на Кандалакшском, тоже. Одним словом, была представлена удручающая картина на Севере, в полосе действия нашей 14-й армии. Информация исходила из Наркомата обороны (Ставки), поскольку здесь были Тимошенко, Жуков и Ватутин. С этой троицей мы были знакомы не по одной странице, ранее.

Видимо, Наркоматом обороны было принято какое-то решение, вызвавшее беспокойство у руководства страны. У Сталина, надо полагать, возникли сомнения, и он потребовал дополнительных и уточняющих сведений, но уже, как видит читатель, через Разведуправление Генштаба и наркомат ВМФ. Почему? — станет понятным позже.

Положение немецких войск ему предоставил Ф.И.Голиков, как начальник Разведуправления, а уточняющие сведения о наших войсках и флоте, должен был, по всей видимости, предоставить Харламов, как работник Главного морского штаба.

Все это, вроде бы, так вырисовывается из рассказа Николая Михайловича. Но, с чего бы это вдруг у Сталина и членов Политбюро (жаль Харламов не привел, ни одну фамилию) возник такой жгучий интерес к дислокации войск, как наших, так и немецких, именно на Севере? Харламов указывает, что партийцы, почти в полном составе прибыли в Наркомат обороны. К тому же, почему для уточнения, вызвали не наркома Кузнецова, а его подчиненного? Не потому ли, что нарком Кузнецов, входил в состав злополучной Ставки, а Харламов, по всей видимости, — нет?

“Сталин повернулся ко мне:

— Ну, а что скажете вы, товарищ Харламов? Ведь моряки в первую очередь должны быть заинтересованы в положении дел под Мурманском.

По счастливому стечению обстоятельств я довольно подробно знал обстановку в этом районе. И в частности, состояние тех двух дивизий, которые сражались против корпуса Дитля. Дело в том, что **часа за два до вызова к Наркому я разговаривал с командующим Северным флотом контр-адмиралом А. Г. Головкин и с командующим 14-й армией генерал-лейтенантом В. А. Фроловым**. Из этих бесед мне было известно, что войска армии ведут тяжелые бои, **но удерживают рубежи обороны**. Я доложил Сталину о своем разговоре с командующими.

— А как вы с ними соединились?

— По обычному телефону.

— Вы убеждены, что разговаривали именно с Фроловым?

— Так точно, товарищ Сталин. Я знаком с ним лично и хорошо знаю его голос.

Действительно, с Валерианом Александровичем Фроловым я встречался неоднократно, в том числе на Севере **во время инспекционных поездок**”. Это был еще сравнительно молодой, энергичный генерал. Плотный, невысокого роста, он производил впечатление знающего, толкового и распорядительного военачальника”.

Харламов накануне войны был с инспекцией на флотах, и на Северном, тоже, поэтому так хорошо знал местное начальство. Видимо, Сталину с товарищами из Политбюро, военные из Наркомата обороны пояснили, что связи с Северной группировкой войск нет, поэтому сообщение Николая Михайловича и потребовало уточнения. Он и доложил прибывшим товарищам всё, что знал об обстановке в 14-й армии.

— А кто вас соединил? — продолжал допытываться Сталин.

— **Начальник связи Военно-Морского Флота Гаврилов**.

Не знаю почему, но у начальника Генштаба генерала армии Г. К. Жукова мой доклад вызвал **скептическое отношение**. Возможно, **он располагал иными сведениями**”.

Жуков вводил в заблуждение руководство страны, и в первую очередь, Сталина. Это мягко сказано — “иные сведения”. Расхождение в данных о положении войск пахивало явной дезинформацией, со стороны работников Наркомата обороны. Но с какой целью это было

сделано? Однако, смотрите, как Жуков активно проталкивает свою идею, пытаясь притопить Николая Михайловича с его сообщением.

— **Не может этого быть**, товарищ Сталин. **Адмирал что-то напутал.**

— Я докладываю, что мне известно.

Возникла пауза. Генерал Ватутин продолжал твердить свое “Алло! Алло!”, все время постукивая по рычагу телефона. Сталин молчал, снова прохаживаясь по кабинету”.

Да, Сталин оказался в сложном положении. Но он не был в состоянии человека, колеблющегося в своих чувствах: кому верить? Иначе бы не вызвал Харламова. Нужна была связь с 14-й армией, которая подтвердила бы его сомнения в неискренности Жукова и данной компании военных. Но, связи, как видите, в Наркомате обороны не было. К тому же, не Сталину ли знать, кем был Жуков в действительности? Только поддержка высоких партийных верхов, таких как Хрущев, позволяла “выдающемуся стратегу” всегда находиться на поверхности при всяких, казалось бы, губительных для него ситуациях. Вот и сейчас, глазом не моргнув, врал Сталину и прибывшим с ним товарищам, о ситуации на Севере, преподнося все в черном цвете. Но, зачем? Немного терпения.

“Наконец генерал Ватутин, довольный, повернулся к нам. Прикрывая ладонью трубку, он сообщил:

— На проводе командарм Фролов.

Георгий Константинович Жуков направился к переговорной, но Сталин остановил его взмахом руки.

— Не надо. Пусть товарищ Фролов докладывает, а Ватутин повторяет. Все смолкли”.

Жуков хотел перехватить инициативу в предстоящем телефонном разговоре с командующим 14-й армией Фроловым, но Сталин показал высший пилотаж в делах, подобного рода. Ватутин же, не осмелится исказить смысл сказанного Фроловым, и присутствующим товарищам ясно станет существо дела.

“Ватутин повторял то, что говорилось на другом конце провода. И тут стало очевидным: **мое сообщение полностью совпадало с докладом командующего 14-й армией**. Да это было и неудивительно: за два часа после моего с ним разговора обстановка под Мурманском вряд ли могла резко измениться.

— Нет, товарищ Жуков, не адмирал, а **кто-то другой напутал**, — заключил Сталин”.

А Николай Михайлович в мягкой форме поясняет читателю, связи с чем, привел данное повествование.

“Я рассказываю об этом эпизоде столь подробно вовсе не для того, **чтобы** тем самым **подчеркнуть свою осведомленность**. Не в том дело. Этот случай убедил меня, что в развернувшихся грандиозных событиях очень важно выработать гибкую систему управления войсками, и прежде всего обеспечить четкую работу связи, что нам всем — от наркома до рядового — предстояло еще многому учиться.

События последующих месяцев показали, что мы успешно справились с этой задачей”.

Молодец, товарищ Харламов! Все-таки сумел довести до читателя то, что хотел сказать! Сумел-таки обойти рогатки советской цензуры. Эпизод с Жуковым, Николай Михайлович привел

неспроста. Не о работе связи хотел нам сказать товарищ Харламов, это задача наркома Пересыпкина. Он говорил о другом, и это, мы должны были понять. Но все по порядку. Сначала об интуиции.

Прошло несколько дней после посещения Николаем Михайловичем Наркомата обороны. Опять в воспоминаниях обозначился **июль** месяца!

“В первых числах июля ко мне в кабинет зашли двое работников из отдела кадров и попросили фотографии на заграничный паспорт.

— Зачем это? — вырвалось у меня.

— Разве вы не знаете, что отправляетесь в Англию?

— Со мной на эту тему никто не беседовал. Кадровики пожали плечами. Я снял трубку и позвонил адмиралу Н. Г. Кузнецову. От него я узнал, что назначаюсь заместителем главы советской военной миссии, которая на днях должна отбыть в Лондон. Главой миссии утвержден генерал Ф. И. Голиков.

— Советую соглашаться, — сказал он. — Спорить бесполезно. Ваша кандидатура находит поддержку на самом верху.

Спорить, видимо, действительно было бесполезно. Прощай, флот, прощай, командирский мостик! И, вероятно, надолго. Начались сборы в дорогу...”

Что же в этот раз интуиция не подсказала Николаю Михайловичу, для чего отдел кадров затребовал фотографию на заграничный паспорт? Не подумайте, читатель, что я не по-доброму иронизирую по поводу сказанного Харламовым. Отнюдь, нет? Просто, в первом случае, Николай Михайлович знал, с какой целью был вызван в Наркомат обороны, но предпочел не раскрывать своей осведомленности. Иначе бы, данный эпизод ни за что бы, не остался в его книге! Вырезали бы! Поэтому и прикрылся интуицией. Но, как видите, в дальнейшем, чудесные свойства у нашего героя улетучились, и он оказался в замешательстве.

Несколько слов о его начальнике наркоче Кузнецове. Видимо, Кузнецов был рад избавиться от Харламова, если не сообщил ему ранее, о намеченном назначении в Англию. Решил, что чем больше по времени тот будет в неведение, тем лучше. Поздно будет переиграть данное назначение. Иначе, как объяснить, что все всё знают, кроме “виновника торжества”? И пришлось Николаю Михайловичу собираться в дальнюю дорогу.

А может, сыграло свою роль то обстоятельство, что Харламов сотрудничал с представителями английской миссии в Москве, поэтому и послало его начальство в туманный Альбион, как знающего дело человека?

Но что это мы читаем дальше?

“Перед отъездом нас с Голиковым приняли **Нарком обороны С. К. Тимошенко**, нарком внешней торговли А. И. Микоян, Маршал Советского Союза **Б. М. Шапошников**”.

Известно, что **2-го июля** 1941 года Тимошенко, получив назначение командовать Западным направлением, убыл под Смоленск. Значит, проводы состоялись не позднее 1-го июля, если Тимошенко еще был на месте? Харламов же упомянул, в начале данного эпизода, что за окнами был **июль**. Ясно же написал: “в первых числах июля”. Тогда возникает вопрос: “А когда же тогда

был вызов Харламова в Наркомат обороны (или Ставку)?". Ведь, 2-го июля Тимошенко не будет в Москве, а 1-е июля уже не подходит к рассказу, ни при каких обстоятельствах.

По всем выкладкам выходит, что Николая Михайловича с докладом к Тимошенко, вызывали раньше, в **двадцатых числах июня**. Вам, читатель это ничего не напоминает?

А вспомните, ту злополучную поездку Сталина с товарищами в Наркомат обороны, о которой упоминали Микоян и Молотов? Где еще "несчастный" Жуков слезами умывался, по рассказу Анастаса Ивановича. А Молотов, намекал писателю Стаднюку на заговор военных в Москве? Микоян, еще уверял читателей, что поездка была 28 июня. После посещения военных Сталин, в расстроенных чувствах, дескать, сел в машину и уехал к себе на дачу и так далее...

Я уже говорил ранее, что поездка в Наркомат, предположительно, была 26 июня, связи с бомбардировками Финляндии, которая в этот день объявила нам войну. Сталин с членами Политбюро (в том числе и с Молотовым, как наркомом иностранных дел) и поехал разбираться с военными, которые учинили накануне, 25 июня, данное безобразие с нашей северной соседкой. Поспособствовали той, начать военные действия на стороне Германии.

Что мы увидели в рассказе Харламова? Неожиданный интерес Сталина и членов Политбюро к действиям на Кольском полуострове. Видимо, Жуков, чтобы выкрутиться в данной ситуации с бомбардировкой Финляндии, как всегда наврал, что, дескать, та, вместе с немецким корпусом Дитля, 24 июня начала наступление в полосе 14-й армии Фролова. А мы, дескать, Наркомат обороны (Ставка), вынуждены были 25 числа, принять ответные меры, то есть нанести бомбовый удар по ней. Поэтому Голиков и показал обстановку на карте, с расположением войск противника, а Харламов уточнил, через Головки, и того же Фролова, ситуацию на Кольском полуострове. Эти данные показывали, что никаких активных действий немцев, и что особенно важно, финнов, в полосе нашей 14-й армии, в эти дни не было. Но, обратите, внимание! О Финляндии, границу с которой прикрывала, как раз 14-я армия Фролова, в данных мемуарах, не упоминается ни словом. Еще бы! Тогда уж, прямо бы и написали, что по приказу из Ставки нанесли бомбовый удар по Финляндии. Чего церемониться. Конечно же, редактора попытались скрыть этот факт, предоставив читателю самому догадываться, о чем идет речь. На всякий случай, подсунули генерала Дитля. Как же, ведь, идет война с немцами!

Но как проверить и эти, полученные сведения? У Дитля, разумеется, не спросишь. Да и вряд ли он поймет суть вопроса: "Извините, господин генерал! Вы случайно не начали активное наступление в полосе наших войск, вместе с финнами?". Хотя Ф.И.Голиков, основываясь на данных разведки, показал Сталину и присутствующим, расположение немецких войск на Севере. Никаких особых подвижек среди них не наблюдалось, иначе реакция Сталина была бы другой.

Конечно, лучше всего, было бы, получить эти сведения от командарма Фролова. Но Ватутин, чуть не разломал "от усердия" рычажок телефонного аппарата "пытаясь" связаться с 14-й армией. Сталин видя, что его явно пытаются "водить за нос" — связи нет?! — вызвал из наркомата ВМФ Харламова и задал вопрос, каким образом тот получил сведения от Фролова? И Николай Михайлович подсказал, что лучше это сделать через Наркомат ВМФ и начальника связи Гаврилова. Иван Терентьевич Пересыпкин был верен себе. Связь с фронтами была, но пользовались ею, как видите, избирательно. Для кого она была, а для кого и нет!

Разумеется, что после того, как Харламов "подсказал" товарищам из Наркомата обороны канал связи, Ватутину ничего другого не оставалось, как "радостно доложить", что на проводе командующий 14-й армией Фролов. Остальное читателю известно.

Вот в таком завуалированном виде, и попытался рассказать уважаемый Николай Михайлович Харламов о том инциденте в Наркомате обороны, после которого и произойдут серьезные кадровые перестановки в руководстве страны. Будет образован ГКО. А вскоре, Тимошенко

отправят командовать Западным направлением и, постепенно, избавятся от остатков неизменной тройки. И Жуков, и Ватутин, в дальнейшем, покинут Москву и будут тоже, направлены в войска. А Сталин займется вопросами функционирования ГКО. Без создания данного органа власти, в руках которого будет сосредоточен контроль над военными, такие безобразия, как инцидент с Финляндией, будут продолжаться до гибели страны.

Николай Михайлович в мемуарах, после данного эпизода, связанного с поездкой в Наркомат обороны, подсказал, когда произошло это событие? Чтоб не подумали, о каком-либо другом? Указал, что, дескать, вскоре, после этого, 27 июня в Москву приехала английская делегация, ну и так далее, давая понять, когда именно произошло событие в Наркомате обороны. И не важно, сам ли Николай Михайлович, или редактор издания, подрисовали к эпизоду июль месяц, важно одно, что событие, связанное с поездкой Сталина к военным, отражено в данных мемуарах.

Но продолжим за Николая Михайловича обсуждать данный эпизод в Наркомате обороны. Думается, что после того, как Голиков и Харламов были отпущены с данного совещания, и произошел, тот самый пик разборок, когда на требование Сталина дать объяснение случившемуся с Финляндией, Жуков послал его “по матери”.

То, что приводил Микоян в своих мемуарах, а Молотов — в рассказах Стаднюку, это все изложено, довольно, в мягкой форме. Речь там могла идти о серьезных делах, и разругались, скорее всего, по-крупному.

Неужели не было видно всем присутствующим, что Жуков врал целенаправленно. Никаких активных действий Финляндия на Мурманском и Кандалакшском направлении не вела, соблюдая, до поры до времени, свой, пусть хотя и шаткий, но нейтралитет. А Ставка, бомбардировкой подтолкнула ее к активным действиям на стороне Германии. Кто они, представители Ставки, на данный момент? Но уж, никак не патриоты своего Отечества.

А теперь вопрос о связи? Ведь, и Микоян обманывал читателей, говоря о той поездке в Наркомат обороны, что, вроде бы, не было связи с Западным фронтом. Волновались они, дескать, в Политбюро, как там и что там, с Минском произошло? Увел, однако, читателя в сторону. На наших глазах, по описанию Харламова, заместитель начальник Генштаба Ватутин, сколько времени давил на рычажок телефонного аппарата? И с кем он пытался соединиться? Разве 14-я армия находилась на Западном фронте? Если бы Харламов не подсказал, как установить связь с Фроловым, так Ватутин, наверное, до утра бы бормотал в трубку: “Алло, алло!”. А это как называется? Саботаж или покрепче, в выражениях?

Это все было по одной Финляндии. А как обстояли дела с Венгрией и Румынией? Может, тоже приходили другие, честные товарищи с картами, и объясняли присутствующим, каким-таким образом, эти страны вдруг объявили нам войну.

По Румынии мы знаем, как командующий Черноморским флотом Октябрьский “отметелил” мамалыжников авиацией и набегом кораблей Черноморского флота. А Венгрию, скорее всего, отбомбил Юго-Западный фронт, где в то время, “крутились” Жуков с Хрущевым, как известно руководя структурой Юго-Западного направления. Командующий ВВС округом Птухин, как помнит читатель, исчезнет навсегда, унеся все тайны в могилу.

Думается, что эпизод, все же требует уточнения. Зная, что Жуков, по тем дням был Главком Юго-Западного направления, следует сделать поправку.

Ватутин исполнял обязанности начальника Генерального штаба, поэтому и суетился возле телефонного аппарата. А так как, отбомбили, кроме Финляндии, еще и Венгрию с Румынией, то на данном совещании в Наркомате обороны (Ставке) должны были присутствовать и Главкомы

направлений: Юго-Западного — Жуков, а Северо-Западного — Мерецков. Скорее всего, Мерецков был, если присутствовал Жуков. Кроме того, Харламов рассказывал, именно, о Финляндии.

Именно, после этой разборки последовали отставки Главкомов, как одного, так и другого. Как известно, их заменили Ворошиловым и Буденным. Они, вместе со Сталиным будут расхлебывать ту “кашу”, которую “заварили” наши друзья из Ставки. Теперь предстояло выкручиваться и на международной арене. Не будешь же всем объяснять, что это, дескать, не мы сделали, а наши товарищи из “пятой колонны”, сильно постарались. Будьте, дескать, снисходительны.

Молотов, как глава правительства по иностранным делам, здесь же находился, в данном помещении вместе со всеми. Сам же рассказывал об этом. Ему, как главе наркомата по иностранным делам, разумеется, было ведомо, с какими претензиями выступили соседние с нами страны. В нотах, были же названы причины. Тоже, ведь, отбомбили их преднамеренно и заранее, чтобы дать повод для вступления в войну с нами. Понятно, что после всего этого, плюс Жуковское вранье, — Сталин и вспылит. Да, но и Георгий Константинович, как помните, показал зубы. Это Микоян подрисовал ему слезы, в противовес “жестокому” и “деспотичному” Сталину.

Такой вот оказалась “разборка” в Наркомате обороны. Думается, что не все члены Политбюро приехали в Ставку. Харламов же пояснил: почти все. Те, думается, кто держал нос по ветру с германской стороны, вряд ли бы, поехали в наркомат.

Хотя, как сказать? Могли и поехать, чтобы поддержать “братьев по крови”. Ведь, Микоян же, вроде, поехал? Может еще и потому, чтобы в дальнейшем, исказить данное событие в своих мемуарах?

Где же здесь видно, что Сталин проявил упадочническое настроение, описанное Микояном? Наоборот, Харламов показывает Сталина, довольно спокойным и рассудительным человеком, пытающимся разобраться в такой непростой ситуации. К тому же, отчего было Сталину, после серьезного разговора с военными, “сбегать” из Кремля к себе на дачу? От нерешенных проблем? Видите ли, вождю захотелось побыть в одиночестве: поразмышлять, собраться с мыслями. Придумают же, такое. Не хуже, чем по первым дням войны. Тоже, Кремлевские мудрецы объясняли читателю, почему тот не выступил по радио? Дескать, Сталину нужно было осмотреться по событиям, а вдруг Гитлер напал понарошку? Всякое в жизни бывает! Как знаем, вождь “осматривался”, аж, до 3 июля. Наверное, данная поездка в Наркомат обороны, тоже, входила в его планы по теме — “осмотреться”.

Не заскучал ли у нас Новиков, со своими воспоминаниями о начальном этапе военных действий? А то, сильно отодвинули мы его в сторону, связи с Финляндией. Но сам виноват! Писал бы правду, и читателю легче было бы разбираться в событиях. Но и так ясно, какого поля эта “ягода” была?

“День 27 июня начался для меня обычно. Проснувшись у себя в служебном кабинете, я занялся текущими делами: выслушал доклады начальников отделов — оперативного и боевой подготовки — полковников С. Рыбальченко и Н. Селезнева, ознакомился с разведданными, отдал необходимые распоряжения и уехал на один из аэродромов, где собирались и облетывались МиГ-3”.

Мир тесен. “Ба-а, знакомые все лица!”. После войны все встретятся вновь на Лубянке.

Н.П. Селезнев — будет проходить, вместе Новиковым, по делу “авиаторов” в 1946 году.

С.Т.Рыбальченко — будет предъявлено обвинение “в организации заговорщицкой группы для борьбы с Советской властью”. Вместе с Гордовым и Куликом будет, якобы, расстрелян в 1950 (?) году.

Но что-то о Финляндии товарищ Новиков больше не стал нам рассказывать. Видимо, понадеялся на то, что мы это сделаем за него.

На десерт, еще один “неожиданный” эпизод из жизни “легендарного” маршала ВВС.

“В один из августовских дней воздушная разведка преподнесла нам сюрприз. Я сидел в кабинете и вместе с начальником штаба генералом А.П.Некрасовым ломал голову, где и как выкроить побольше самолетов для поддержки войск Кингисеппского сектора, против которого гитлеровцы создавали особенно сильную ударную группировку”.

Не знаю, какой сюрприз преподнесла воздушная разведка Александру Александровичу, но читателю, сам Новиков, точно, преподносит очередной сюрприз. Это тот самый Некрасов, которому Новиков сдал дела 20 июня и который их, якобы, принял, но в должность командующего почему-то не вступил. Видимо, ему и в должности начальника штаба ВВС фронта неплохо жилось? Чудные дела творились в Ленинградском военном округе по началу войны, ей богу.

В более ранней главе, упоминая заговорщиков из ВВС, я назвал фамилию, некоего С.А.Худякова, маршала авиации расстрелянного в 1950 году. Хотя, сейчас заниматься вопросами битвы под Москвой мы не будем, небольшую занятую историю о данном “герое” приведу. Ее, в свое время поведал корреспонденту “Красной Звезды” А.Кочукову, сам Александр Александрович Новиков. Оцените, “байку” бывшего командующего ВВС. Хочу предупредить, что тот, кто не понимает чувство юмора, не сможет понять во всей красе, сие устное творчество.

“Худяков не всегда был Худяковым, — заметил в начале своего рассказа Александр Александрович. — Родился он в семье крестьянина из Нагорного Карабаха Артема Ханферянца, и его нарекли Арменак. После Октябрьской революции Ханферянц вступил в ряды Красной гвардии. Где-то в районе Астрахани баржа, на которой находились Арменак и его друг Сергей Худяков, была потоплена. Выросший в горах армянин плавать не умел. Его спас Сергей. Друзья добрались до Астрахани и в составе 289-го стрелкового полка 10-й армии храбро сражались с врагом. В одном из боев Сергей был смертельно ранен. Умирая на руках у друга, Худяков прошептал: “Арменак, бери мой клинок и выводите отряд из окружения. Пусть враги думают, что я жив. Ты теперь командир, и ты — Худяков”.

Бойцы похоронили своего командира, а Ханферянц поклялся на клинке, что выведет отряд из окружения и, если останется в живых, выполнит последнюю просьбу друга. Так Арменак Артемович Ханферянц стал Сергеем Александровичем Худяковым...”

Признаться, такого я еще не слышал. Понятно, что мужская дружба не знает границ, но, чтобы до такого?! Это ж надо! Практически волшебный клинок был у настоящего Худякова. А как иначе объяснить чудесное превращение Арменака в Сергея? Поцеловал, армянский юноша Ханферянц, клинок боевого друга, и превратился в Худякова. Наверное, бойцы отряда целовали ножны от клинка, чтобы поверить в чудесное превращение Арменака? Уж, не был ли одним из этих бойцов, сам Новиков? — очень уж красиво излагает. А вот следователи, арестовавшие в декабре 1945 года маршала Худякова, были, видимо, далеки от понимания народного армянского эпоса и не поверили такой красивой легенде о боевом братстве. Худяков-двойник, очевидно, намекнул следователям, что Новиков, тоже, немного знает эту историю о клинке и может подтвердить. Так, по всей видимости, А.А.Новиков и оказался на Лубянке.

Неплохо смотрятся мемуары по данной теме о Ленинградском военном округе, написанные другим, не менее известным “сидельцем на Лубянке”. Только первый “герой” — Новиков, сидел после войны, а второй — в самом ее начале. Но, сближает их одно общее дело.

Слово представляется Кириллу Афанасьевичу Мерецкову, автору книги “**На службе народу**”. О нем мы уже вели предварительный разговор, так что данный “герой” нам хорошо известен.

Но прежде чем брать, как говорят “быка за рога”, то есть комментировать воспоминаниях маршала, вернемся по времени несколько назад, в июнь 1941 года. Все наши герои страшно бояться рассказывать о Сталине накануне и в самые первые дни войны. Мерецков не исключение. Оказывается, еще в феврале месяце рокового сорок первого года, будучи на приеме у Сталина он так описывал эту встречу.

“В ходе ... беседы И. В. Сталин заметил, что пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны. Поэтому порядок ввода в строй механизированных корпусов будет еще обсуждаться. Необходимо сейчас уделить главное внимание обучению войск. Политбюро считает, говорил И. В. Сталин, что Наркомат обороны усилили, возвратив туда меня, и ждет активной деятельности.

Так закончился этот разговор с И. В. Сталиным. На следующий день я целиком переключился на боевую и учебную подготовку армии. С этого момента и вплоть до войны я **виделся с И. В. Сталиным очень редко**”.

А зачем? Если Сталин сам сказал что не исключено, “что до 1942 года мы останемся вне войны”. Мерецков, видимо, планировал, что в следующем году встреч со Сталиным будет больше, чем в сорок первом, поэтому, что зря глаза вождю мозолить? Лучше заняться боевой подготовкой войск.

“Считая наиважнейшим средством обучения войск практические учения, приближенные к боевым условиям, я наметил план действий в этом направлении и ряд поездок по военным округам. Нарком утвердил их без особых изменений.

Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе, которым командовал генерал-полковник М. М. Попов. Поездку в ЛВО я считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились хорошо”.

Весна — понятие растяжимое; к тому же состоит из трех месяцев. Или запомнил, по прошествии лет, когда был в городе на Неве? Дело в том, что все то, что описано Мерецковым, заведомая ложь, немного разбавленная определенными всполохами реальных событий. Не та личность, которой можно было доверять.

“Затем отправился в Киевский особый военный округ. В конце мая начальник оперативного отдела штаба округа генерал-майор И. Х. Баграмян доложил мне обстановку. Дело приближалось к войне. Немецкие войска сосредоточивались у нашей границы. Баграмян назвал весьма тревожную цифру, постоянно возраставшую”.

Трудно было ориентироваться нашим военным. С одной стороны все кругом говорят о подготовке немцев к нападению, с другой — Сталин “успокоил”, что до Нового года, дескать, ничего страшного не произойдет. Но, Кирилл Афанасьевич, как всегда “обеспокоен”.

“Прежде чем доложить в Москву, я решил еще раз все перепроверить. Поехал во Львов, побывал в армиях округа. Командармы в один голос говорили то же самое. Тогда **я лично провел длительное наблюдение** с передовых приграничных постов и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно”.

Мерецков, сам лично, в бинокль зафиксировал активность немецких офицеров. Вот что, оказывается, знаменует “приближение к войне”. Суметь так написать в мемуарах о подготовке немцев, чтобы ничего не сказать? Это и есть мастерство лжеца. Дальше — больше. Он сейчас нам будет рассказывать сказку об укрепрайонах, с которыми мы уже знакомы по воспоминаниям А.Ф.Хренова.

“На правом фланге Киевского особого военного округа строился в то время укрепленный район. Сооружения уже возвели, но еще **не было оборудования**. Имелись и части, предназначенные для укрепленного района”.

Это как раз направление удара немецкой танковой группы Э.Клейста. “Прекрасные” защитные сооружения на границе. Отчего же наш хитрован не указал, что за сооружения? И какого оборудования в них недоставало? А то читатели ненароком могут подумать, что сантехнического: кранов для умывальников и запорных устройств от смывных бачков для унитазов.

Как нам было известно из воспоминаний Аркадия Федоровича Хренова, — в сооружениях (ДОТах) не было самого главного: артиллерийского и стрелкового (пулеметного) вооружений. Только и всего! А в остальном все в полном порядке, — над головой не капало.

Так как читатель знает, кто виновник всех этих безобразий, то ознакомьтесь, как маршал изящно переводит стрелки на покойного Бориса Михайловича Шапошникова.

“В других местах оборонительные работы были еще не завершены. Ответственным за строительство укрепрайонов был Б. М. Шапошников, и я решил дополнительно поговорить с ним в Москве”.

Наверное, Шапошников в глубине своего письменного стола, по забывчивости, нечаянно оставил про запас несколько десятков орудийных стволов и пару сотен пулеметов. Надо было, видимо, напомнить уважаемому человеку, чтобы все вернул и направил по назначению.

Дальше, вообще трудно сдерживать смех, по поводу прочитанного.

“**Взяв на себя инициативу**, я сообщил командарму — 5 генерал-майору танковых войск М. И. Потапову, что **пришлю своего помощника с приказом** провести опытное учение по занятию укрепленного района частями армии, с тем, чтобы после учения 5-я армия осталась в укрепленном районе”.

Наверное, читатель по прочтению слов “взял на себя инициативу” подумал, что Мерецков тут же отдал команду о немедленном проведении учений в 5-ой армии, однако, зная, кто он есть на самом деле, трудно усомниться в правильности выбранного им решения.

“Затем я объехал **пограничные части**. Все они были начеку, и почти везде я слышал о том, что на той стороне неблагополучно”.

Так как пограничные части никогда не входили в состав Наркомата обороны, то непонятно, отчего это Кирилл Афанасьевич там решил свою ретивость показать? Видимо, перед читателями рисуется своей заботливостью о защите страны. В дальнейшем, у него и командующий округом М.П.Кирпонос, и командующий 6-ой армией И.Н.Музыченко (не упомянутый здесь по фамилии, скорее всего, из-за попадания в плен), тоже, будут виноваты. Один он, ничем незапятнанный вернется в столицу из поездки по округам. Срок возвращения, якобы, середина июня.

“В Москве вместе с С. К. Тимошенко я побывал у И. В. Сталина и рассказал обо всем увиденном. **Оба они отнеслись к докладу очень внимательно**”.

Как-то замысловато написано. Выходит, для того чтобы Нарком обороны был ознакомлен с результатами инспекционной поездки Мерецкова по округам, его необходимо было взять с собой на прием к Сталину. Или же Мерецков поставил условие Семену Константиновичу, что, дескать, зачем два раза повторяться, давайте лучше расскажу один раз, но на приеме у Сталина?

Если Нарком Тимошенко отнесся внимательно к докладу своего заместителя, то это и не удивительно — нарком обороны же, то внимательное отношение Сталина к сообщению Мерецкова представляет определенный интерес. Неужели Иосиф Виссарионович ни бросил в адрес Мерецкова ни одной нехорошей реплики о подготовке врага? И Лаврентий Павлович почему-то рядом не крутился с угрозами об аресте смелого замнаркома обороны?

Что смущает в рассказе “хитрого ярославца”, в данном моменте, так это то, почему он не побывал в Западном округе? Может, Сталин тоже выразил недоумение по этому вопросу и послал Мерецкова все же выяснить, что там, и как там в Белоруссии? И Кирилл Афанасьевич отправился к Д.Г.Павлову.

“В частности, мне было приказано дополнительно проверить состояние авиации, а если удастся — провести боевую тревогу. Я немедленно вылетел в Западный особый военный округ.

Шло последнее предвоенное воскресенье (**17 июня**. — В.М.). Выслушав утром доклады подчиненных, я объявил во второй половине дня тревогу авиации. Прошел какой-нибудь час, учение было в разгаре, как вдруг на аэродром, где мы находились, **приземлился немецкий самолет**. Все происходившее на аэродроме стало полем наблюдения для его экипажа.

Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Д. Г. Павлову. Тот ответил, что **по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР** на этом аэродроме велено принимать **немецкие пассажирские самолеты**. Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя И. В. Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны.

Я уже отмечал, что его роднит с Жуковым одно характерное обстоятельство: тоже любит ссылаться на покойников. Выше приведенные: Шапошников и Кирпонос — увы! умерли на войне. Музыченко не в счет. Ему все равно слова не дадут.

Сейчас пойдет вторая волна покойников из Западного округа. Но прежде о приведенном отрывке. Полная чушь! Во-первых, непонятно где это Мерецков организовал “боевую” тревогу? Уж не в Минске ли на Центральном аэродроме? Во-вторых, с каких это пор командующий военным округом выполняет распоряжения начальника Гражданской авиации? В-третьих, что гражданских аэродромов не хватило, если решили военный аэродром отдать под посадку немецких пассажирских самолетов? К тому же, как это данный немецкий самолет умудрился приземлиться на аэродроме, где проводились военные учения с боевой тревогой???

“А **крепко поругал Павлова**” — это, простите, из какого же Устава о дисциплинарных наказаниях? Из записной книжки генерала армии Мерецкова, что ли?

“Затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза И. И. Копец”.

Явно редакторская недоработка. Фамилии с окончанием на букву “Ц” имеют одну особенность. Женские фамилии не склоняются, в отличие от мужских. Поэтому правильно было бы фамилию начальника ВВС Западного округа написать как: “...я обратился к ... И.И.Копцу”.

“— Что же это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?”

Копец совершенно спокойно ответил:

— **Тогда буду стреляться!**

Я хорошо помню нашу взволнованную беседу с ним. Разговор шел **о долге перед Родиной**. В конце концов он признал, что сказал глупость. Но скоро выяснилось, что беседа не оказала должного воздействия. И дело тут не в беседе. Приходится констатировать наши промахи и в том, что мы слабо знали наши кадры. Копец был замечательным летчиком, но оказался не способным руководить окружной авиацией на должном уровне. Как только началась война, фашисты действительно в первый же день разгромили на этом аэродроме почти всю авиацию, и Копец покончил с собой.

Познакомившись с положением на западной границе и выслушав Павлова, я убедился, что и здесь Германия сосредоточивает свои силы”.

Как и во всем, так и по этому факту с командующим ВВС округа Копцом, Мерецков лжив по определению. Дело в том, что Иван Иванович Копец будет застрелен в первые же минуты начала войны, с целью сразу обезглавить ВВС округа. А все эти байки о его самоубийстве будут своеобразным прикрытием начавшегося бардака в авиации округа. Я же пояснял, что важной составляющей позволявшей немцам благополучно перебраться на нашу сторону пограничных рек будет “пассивное” состояние нашей авиации. Вот ее и сделали такой, например, в Западном округе, сразу лишив руководства. Последним, кто видел живым командующего ВВС, был наш Худяков-Ханферянец, начальник штаба данной структуры. О его судьбе было рассказано чуть выше. Так как это дело было очень “темным”, то во времена Хрущева говорить о “самоубийстве” командующего И.И.Копца было делом нежелательным. У Константина Симонова в его “Живых и мертвых” данный командующий ВВС выведен под фамилией Козырева. В истребителе он будет отправлен в свой “последний воздушный бой”, где и будет подбит. При приземлении, якобы, ломает позвоночник и чтобы не попасть в плен, по его разумению, Козырев — Копец застрелится. Но это, как понимаете совсем другая история ничего общего не имеющая с реалиями жизни. Но факт “самоубийства” Копца, все же, будет обыгран и немного облагорожен.

Как следствие, и данное местное военное начальство Западного округа в ходе проверки по описанию Мерецкова, тоже, будет виновато по началу войны, хотя Кирилл Афанасьевич и внушал им строго о долге перед Родиной.

Однако глупо находясь в Белоруссии, заодно ни заглянуть к соседям справа: как, мол, там у них дела в Прибалтике?

Ошибочно мемуары Кирилла Афанасьевича взяли и издали в ПОЛИТИЗДАТе. Их место было бы в ДЕТГИЗе в серии: рассказы о войне для юношества. Соответственно подходящей выглядела бы глава с примерным названием: “На страже западных рубежей Родины”.

“Вылетел в Прибалтийский особый военный округ. Приземлился на аэродроме одного истребительного полка, а сопровождавшего меня офицера послал на аэродром бомбардировщиков, приказав объявить там боевую тревогу”.

Чего хотел Мерецков получить от летчиков тяжелой бомбардировочной авиации, тем более на другом аэродроме? Чтобы заправились по полной программе, взлетели, покружили над заместителем наркома, приветливо попахали ему крыльями и улетели обратно к себе на посадку?

“Командир полка истребителей сразу же доложил мне, что над зоной летает немецкий самолет, но он не знает, что с ним делать, так как сбивать запрещено. Я распорядился посадите его и не медля запросил Москву. Через четверть часа поступил ответ: самолета не сбивать. О посадке умолчали. А мы его уже посадили. Что случилось потом с самолетом и его экипажем, не знаю, так как вскоре грянула война”.

Опять немецкий самолет. В этот раз трудно понять, какой именно: гражданский или боевой? Одно — точно: не истребитель, коли написано — экипаж. По приказу “смелого” Мерецков немецкий

самолет все же посадили. Как он вывернется из этой истории по приезду в Москву, читателям не сообщает. На его “счастье” вскоре начнется война, а то бы не избежать международного скандала.

А что же потом, целую неделю до войны, делало с немецким экипажем командование округа, Мерецкова, видимо, уже не интересовало. Может и немецкое командование, уже само позабыло про свой экипаж? Их же, сколько было у них в Германских ВВС? Много! Подумаешь, одним меньше стало.

А у нас было главное, на тот момент, перед войной — провести в частях учебную тревогу, чтобы показать советскому читателю, что такие, как Мерецков, не зря ели хлеб на военной службе.

“Тревога прошла удачно. И истребители и бомбардировщики быстро поднялись в воздух и проделали все, что от них требовалось”.

Ну, что от них потребовал Кирилл Афанасьевич, он так и не сказал, предоставив читателям самим домысливать, что положено делать советским летчикам в таком случае. Но, видимо, их действия произвели на московское начальство приятное впечатление.

“Но хорошее настроение тут же было испорчено. Заместитель командующего округом генерал-майор Е. П. Сафронов доложил мне о **сосредоточении немецких войск на границе**”.

Не дали в полной мере порадоваться хорошему человеку. Но почему на встрече с заместителем наркома отсутствовал командующий округом Ф.И.Кузнецов? Куда же он подевался в такой ответственный момент, когда Мерецков у него устраивал учебные тревоги? Он, видимо, заранее знал, что своим сообщением о концентрации немецких войск на границе сразу испортит настроение посланцу из Москвы. Поэтому и перепоручил своему заместителю сообщить эту плохую новость Мерецкову, а сам, видимо, решил от греха подальше, не показываться тому на глаза.

Как Кирилл Афанасьевич сильно огорчился от полученных сообщений! Оказывается и здесь немецкие войска на границе! Срочно, домой в столицу с нехорошими новостями!

“Я вылетел в Москву. **Ни слова не утаивая**, доложил о своих впечатлениях и наблюдениях на границе наркому обороны”.

Не мемуары военачальника, а школьное сочинение на свободную тему. “Ни слова не утаивая”, как прикажите понимать? Значит, до этого момента можно было кое-что оставить про запас при разговоре с вышестоящим начальством?

Как видите, дело прикатилось к самому кануну войны. На календаре было уже, видимо, 20-е июня. Но ситуация в Кремле изменилась коренным образом. Если раньше, неделю назад, “честный” Мерецков рвался поделиться приграничными новостями со Сталиным, то теперь ограничился сообщением одному лишь Тимошенко. И от чего же Сталин второй раз не стал проявлять внимание к новостям привезенным Мерецковым, Кирилл Афанасьевич не стал посвящать в такие тонкости своего читателя. А нам и без него понятно, что доступ к телу товарища Сталина стал строго ограничен, в силу сложившихся неблагоприятных условий для вождя.

“С. К. Тимошенко при мне позвонил И. В. Сталину и сразу же выехал к нему, чтобы доложить лично. **Было приказано** по-прежнему на границе **порядков не изменять**, чтобы не спровоцировать немцев на выступление”.

Куда на самом деле позвонил Тимошенко? — это знали только сам Семен Константинович, да Кирилл Афанасьевич, но эту тайну оба сохранили навек. А может Тимошенко никуда и не звонил?

Вряд ли, чего нового он мог сообщить Сталину, а Молотову для выступления по радио и так бумагу напишут.

Кем было отдано приказание, сохранять все как есть, без изменения на границе, как всегда, осталось на уровне догадок. А если написано, что порядок сохранялся прежний, то следует, что никакой полной боевой готовности в частях Красной Армии проведено не было. Далее в мемуарах следуют красивые рассуждения о том, как много хорошего хотелось сделать для Родины. Правда, у таких людей, как Мерецков, почему-то, всегда для этого не хватает времени. А после войны было уже не до хороших дел. Маршальские заботы тяжелой обузой легли на плечи — не сбросить до самой смерти.

И вот, наконец, мы приблизились к заветному рубежу. **Суббота, 21 июня. Москва. Наркомат Обороны.** Мерецков снова “исповедуется”.

“Меня вызвал к себе мой непосредственный начальник, Нарком обороны, находившийся последние дни в особенно напряженном состоянии. И хотя мне понятна была причина его нервного состояния, хотя я своими глазами видел, что делается на западной границе, слова наркома непривычно резко и тревожно вошли в мое сознание. С. К. Тимошенко сказал тогда:

— **Возможно, завтра начнется война!** Вам надо быть в качестве **представителя Главного Командования** в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное — не поддаваться на провокации. — **Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения?** — спросил я. — **Выдержка** прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну. Но будьте в боевой готовности. **В случае нападения сами знаете, что делать”**.

Здесь сразу “букет” всех новостей. Чего уж скромничать, по поводу возможного нападения Германии, если Молотов уже ноту получил от Шуленбурга. Знали, абсолютно точно, что завтра война. Уже и Ставку организовали, только всё, как девицы-скромницы, глазки до полу, и не могут это слово произнести. Опять, некое Главное командование, как в Записке по плану прикрытия госграницы. Ведь, хорошо известно, что полное написание данной структуры — Ставка Главного Командования. Она образована, как видите, ранее 22-го июня. Если сам же Мерецков написал, что дело было 21-го июня.

А вот и знакомое задание, как у Жукова: “при необходимости помочь руководству округа”. Тем более удивительно, что сами отправили командующего округом М.М.Попова далеко на Север. Чтобы “отмазаться” от всех обвинений в свой адрес, как заговорщика, Мерецков обыгрывает свою роль представителя Ставки следующим образом: все полномочия свелись к одному — “выдержка”. И все? — спросит любой недоверчивый читатель. Как видите, из написанного: больше ничего. А наш хитрец Мерецков, к тому же, прикроется вот такой “нейтральной” фразой, сказанной Тимошенко: “сами знаете, что делать”. Понимайте, читатель, эту фразу, как хотите.

Маршал Тимошенко, тоже “заливает”, со слов автора, мало не покажется. Предупреждает Мерецкова, что “возможно, завтра война”, но Мерецкова наделяет невиданными полномочиями, в случае чего, предотвратить войну?! Если, мол, на границе будут конфликты, то пусть берет брандспойт и тушит “пожар войны”.

Только никто из них, ни Тимошенко, ни, что удивительно, сам Мерецков, не сказали читателю, что Кирилл Афанасьевич был заместителем Наркома обороны. Понятно, что Тимошенко был его “непосредственным начальником”, но почему Мерецков предпочел, чтобы его принимали за “представителя Главного командования”, а не за правую руку Наркома обороны? Видимо, в таком случае, было как бы, меньше ответственности за произошедшее.

К счастью для читателя, он теперь знает, в качестве кого, его отправил Тимошенко в Ленинград. Как всегда, при редактировании откусили концовку новой должности Кирилла Афанасьевича, а он сделал вид, что не заметил этого.

Почему же отмолчался, что в должности **Главкома Северо-Западного направления** прибыл к ленинградцам?

“Все встало само собой на свое место, когда днем 22 июня я включил радио и услышал выступление Народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова о злодейском нападении фашистской Германии на нашу страну. Теперь мои спутники, **генерал П. П. Вечный** и порученец лейтенант С. А. Панов, получили ответ на вопрос, для чего мы едем в Ленинград”.

Обратите внимание, что мемуары по данной теме написаны, как через копирку. Кирилл Афанасьевич, тоже, как и Новиков, оказывается, узнал о нападении Германии по радио. Так и хочется сказать: “Да здравствует научно-технический прогресс и его, особо яркий представитель, из среды русских ученых, Александр Степанович Попов — изобретатель радио”. Иначе, даже трудно представить, что бы делали наши военные? Кроме того, новинка теоретической военной мысли. Представляете? — Наркомат иностранных дел, в лице Молотова, по радио, определил задачи представителям Ставки, которые ехали в Ленинградский военный округ. А то по приезду в Ленинград, так бы и не знали, зачем приехали? Понапишут такое, — даже не поморщатся.

Приглядимся к его спутнику генерал-майору Вечному Петру Пантелеймоновичу. Он представитель Генерального штаба из Управления боевой подготовки. Скорее всего, в роли заместителя главкома. Кого Мерецков скрыл в должности начальника штаба Северо-Западного направления? Не Хозина ли Михаила Семеновича? О члене Военного совета говорилось ранее — будет из местных Ленинградских партийцев — А.А.Кузнецов.

“Прибыв в Ленинград, я немедленно отправился в штаб округа. Меня встретили с радостью, все хотели услышать живое слово представителя Москвы, получить устное распоряжение. На месте были генерал-майор Д. Н. Никишев и корпусной комиссар **Н. Н. Клементьев**, вскоре назначенные соответственно в качестве начальника штаба и члена Военного совета этого округа, объявленного на третий день войны Северным фронтом. Командующий войсками округа М. М. Попов в момент начала войны инспектировал некоторые соединения округа”.

Понимаю, что некоторые читатели, могут упрекнуть меня в чрезмерной увлеченности цитирования мемуаров, пусть даже и “знаменитых” военачальников Великой Отечественной войны. Но, согласитесь. Есть же, что почитать! Такое написать, думаю, было бы не под силу, даже знаменитому обладателю тонкого юмора, каким был Марк Твен.

Посудите, сами: “Меня встретили с радостью, все хотели услышать живое слово представителя Москвы”. Ну, чем ни прилет летчиков с Большой Земли на полярную льдину к “Челюскинцам”? “Живое слово” из Москвы! Где такое возможно? Только в Ленинградском военном округе. Да, Новиков, только что телефонную трубку положил, после разговоров с Тимошенко. Слово “Ставка” колом им в горле стоит, что ли? Так боятся произнести. Им бы вместе, Мерецкову и Новикову, мемуары писать, на одной даче. Глядишь, договорились бы и без “живого слова”?

Интереснее другое. Командующего нет, и все вопросы обращены к начальнику штаба Никишеву. Случайно, не привез ли Мерецков бумагу, насчет того, чтобы оставить Новикова на месте, а не гнать того в Киевский округ? Там уже нашлась замена. После того, как “мавр” Птухин сделает свое дело, его заменят своим человеком из Главного управления ВВС Астаховым Ф.А. Тем более что он ранее, выполнял те же функции, что и Птухин: был командующим ВВС Киевского военного округа.

Еще одна тонкость. При издании мемуаров решили разъединить Клементьева и Попова. Посчитали, что их совместное отсутствие в штабе округа перед войной будет уж очень подозрительным. Пусть Клементьев останется в Ленинграде.

“Не успел я спросить об обстановке в войсках, как город подвергся налету вражеской авиации. **Два немецких самолета** прорвались непосредственно в небо над жилыми кварталами и начали бомбить их. Вскоре один самолет был сбит, о чем тотчас же сообщила местная противовоздушная оборона, положившая тем самым начало своей боевой деятельности”.

Пока Мерецков обменивался “живым словом” с представителями штаба округа, время вышло и он “не успел спросить об обстановке в войсках”. Какая жалость. Тут еще налетела “вражеская авиация” в количестве двух(!) самолетов и не дала новоявленному Главкому, по-человечески, обменяться мнениями с коллегами, что же надо делать по началу войны?

“Мы не знали планов врага и могли поэтому ожидать чего угодно: новых воздушных налетов; высадки десантов, особенно в районе Эстонии и Мурманска; массированных ударов со стороны финляндской границы. Помимо развертывания войск округа следовало скоординировать наши действия с работой тыла, наладить тесный контакт с партийными, советскими и хозяйственными органами и как можно скорее влиться в общие усилия страны, направленные на отпор врагу. **Я приказал созвать Военный совет округа, и, не дожидаясь, пока подъедут отдельные его члены, находившиеся в других местах, мы приступили к делу”**.”

Это Мерецков, так завуалировано выразился о командующем Ленинградским округом М.М.Попове и члене Военного совета Н.Н.Клементьеве. Действительно, зачем они нужны здесь, в Ленинграде, когда есть Главное командование Северо-Западного направления.

Что еще можно сказать по приведенному тексту? Насколько выразителен язык военных. Не каждый поэт, скажет такое об Эстонии — “район”? Правда, если под районом понимать Таллинскую военно-морскую базу Краснознаменного Балтийского флота, тогда другое дело. Как читатель знает, контроль над ней “уплыл” из рук Ф.И.Кузнецова в устье Невы, к Кириллу Афанасьевичу.

Увы, также, не спросишь Мерецкова и о другом? А что, и после войны планы врага так и не узнали? Действительно, большое упущение, когда не знаешь, что к чему? Как же вы бедные воевали, не зная намерения гитлерюг? Наверное, поэтому и были у нас такие большие потери. Если бы знали планы, то война бы была совсем другой. Раз, два и в дамках. И через месяц знамя Победы над рейхстагом. Жаль, не получилось. Здесь другое, жаркое на плите. Вот цель визитера из Москвы: пока нет Попова, Клементьева и, особенно, Жданова — быстро созвать Военный совет и приступить к “делу”, ради которого Мерецков и приехал в округ. Но, что-то помешало нашим “героям” довести начатое “дело” до конца.

Несколько слов о М.М.Попове, командующем Ленинградским округом. Все, кто соприкасался с заговорщиками сорок первого года, даже, если и не был с ними “в одной упряжке”, все равно, умирали странной смертью. По воспоминаниям маршала Голованова, Попов, якобы, сгорел на даче со своей любовницей, находясь в нетрезвом состоянии. Энциклопедия гласит, что смерть “настигла” Маркиана Михайловича в 1969 году. Как раз в этом году вышли “Воспоминания и размышления” Жукова. Может от радости по поводу издания книги бывший командующий округом и принял лишнее на грудь?

Как известно, перед самой войной Маркиан Михайлович Попов отправился с инспекционной поездкой на Кольский полуостров и встретился там с командующим 14-й армией и с командующим Северного флота. Вот что он вспоминал о той поездке:

“К концу нашей встречи А. Г. Головки сообщил, что миноносец, выделенный для комиссии **по выбору аэродромов**, на котором я должен был отправиться, к выходу в море готов, и предложил уточнить время этого выхода.

Не лежала душа, как говорится, к этому расставанию с сушей почти на **месячный срок**. Однако не выполнить **директивы наркома**, конечно, было нельзя”.

Все что угодно можно было ожидать от деятелей нашей “пятой колонны”, но чтобы командующего округом накануне войны отправлять на миноносце почти на месяц, неизвестно куда? — просто не укладывается в сознании. Судя по всему, в округ пришла соответствующая бумага, если читаем, что это была директива Наркомата обороны. И как же Маркиан Михайлович вывернулся в подобной ситуации? Он же не мальчик, чтобы не понимать последствия данной поездки накануне грозных событий на границе.

“После некоторых размышлений было найдено разумным доложить ему по телефону наши настроения. И вот нарком на проводе. Короткий доклад об обстановке на сухопутной границе, на море и в воздухе и откровенное заявление, что в этих условиях выход в море нецелесообразен.

“Хорошо, что позвонил, — прозвучал в трубке голос наркома. — Выход в море пока отложим. Немедленно возвращайся в Ленинград”.

Присутствовавшие при этом разговоре с наркомом — комфлота (Головки) и командарм (Фролов) — усмотрели в отмене выхода в море некоторое подтверждение нашим опасениям”.

Каким хорошим дяденькой оказался Нарком обороны Тимошенко. Сразу прислушался к разумным предложениям командующего округом. Однако думается, нашелся честный человек высокого ранга, который указал Тимошенко, чтобы тот повременил с подобным мероприятием. Семен Константинович подумал, и не стал, как говорят, “лезть в бутылку”. Решение по длительному плаванию Попова было свернуто.

Не совсем понятно, что было бы, не позвони своевременно Маркиан Михайлович Семену Константиновичу? Так бы и уплыл командующий ЛВО на миноносце в неизвестном направлении на долгие дни.

Впрочем, вполне возможно, что подобного разговора с Тимошенко могло и не быть, а честный человек высокого ранга самолично отменил плавание Попова “к Северному полюсу”. И такое по жизни случается, если, правда, наверху наличествуют честные люди.

Главное, все же, в данном событии то, что Попов, несмотря на препоны высшего военного начальства, отправился к себе домой, в устье Невы, а обрадованный Головки тут же подал команду на отмену выхода в море миноносца. Маленькие радости жизни. И командующий — на суше, и боевой корабль — остался под рукой.

“В Ленинград я возвращался поездом “Полярная стрела”. День 21 июня, проведенный в вагоне, прошел спокойно...”

В Петрозаводске, куда мы прибыли **около 4 часов утра 22 июня**, помимо ожидавшего нас командарма генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко, встретили еще секретаря ЦК Карело-Финской ССР и начальника Кировской железной дороги.

Прежде всего, они сообщили о полученном распоряжении из Москвы: вагон командующего от поезда отцепить и вне графика безостановочно доставить его в Ленинград, для чего выделить отдельный паровоз. Этот паровоз уже готов, и через несколько минут можно отправляться...

Мы с членом Военного совета корпусным комиссаром Н.Н.Клементьевым ломали головы в догадках, что означает это распоряжение о срочной доставке нас в Ленинград. Что это не случайно, а вызвано какими-то особыми событиями, сомнений быть не могло...”

Странно, что ни командарм 7-ой армии Гореленко, ни, тем более, секретарь ЦК Карело-Финской ССР (может Куприянов?), не были осведомлены о предполагаемых событиях на границе с Германией. Получается, что ни по партийной линии до Петрозаводска ничего не дошло, ни — по военной. Хотя чему удивляться, помня, кто находился в Ленинграде на данный момент.

“На одной из станций, где-то на полпути до Ленинграда, около 7 часов утра наш более чем скромный состав сделал свою первую остановку. Явившийся в вагон комендант с противогазом на левом боку, символом боевой готовности, представившись, доложил, что остановка вызвана необходимостью проверить буксы и будет очень короткой, а дальше намечается следование до Ленинграда без единой остановки. Но самое главное, продолжал он с заметным волнением, примерно час тому назад по селекторной связи из Ленинграда передали только для сведения начальника станции и коменданта сообщение, что немцы около 4 часов утра отбомбили на западе ряд наших городов и железнодорожных узлов и после сильного артиллерийского обстрела перешли границу и вторглись на нашу территорию. Им обоим приказано приступить к проведению мероприятий по плану от мобилизации.

На наши вопросы, подвергся ли бомбежке Ленинград и об обстановке на финской границе, комендант ответить не мог и попросил разрешения удалиться, чтобы поторопить отправку. Вскоре мы тронулись и с не меньшей, чем раньше, скоростью устремились к Ленинграду, до которого, по расчетам того же коменданта, оставалось не более 3 часов пути.

Утром 22 июня мы вернулись в Ленинград. Здесь мы узнали, что началась война, давно казавшаяся неизбежной”.

Будем считать, что Попов и Клементьев, все же, добрались до Ленинграда, если и не утром, 22 июня, как утверждает Маркиан Михайлович, то, во всяком случае, в самое ближайшее время наши путешественники, вроде бы, прибыли на место. Разумеется, что Военный совет прошел без них, и решения были приняты без их согласия.

Кстати, увидели новое начальство.

“В штабе округа находился **генерал армии К. А. Мерецков**, прибывший утром как **представитель наркома**.

... Я сразу же прошел в кабинет начальника штаба округа генерала Д. Н. Никишева, где застал ... П. Г. Тихомирова, П. П. Евстигнеева и других генералов и офицеров, склонившихся над картами, разложенными на большом столе”.

Как видите, в те, 60-е годы, когда были опубликованы данные воспоминания, еще не был решен вопрос со Ставкой, поэтому Попову, указали скромно написать о Мерецкове, как о представителе Наркомата обороны. Или у нас Мерецков, дескать, не был заместителем наркома Тимошенко? Конечно, был, но он сам, почему-то, обозначил себя представителем Главного командования. Ему ли не знать, кем он был, на самом деле, на тот момент?

А в штабе округа, в связи с войной, закипела жизнь.

“Звонили из армий, из Северного и **Балтийского** флотов, из Генштаба и из многих других мест, на запросы которых требовалось давать немедленные и исчерпывающие ответы”.

Вот у нас и обозначился Балтийский флот. Ясное дело, что теперь Трибуц должен был звонить в Ленинград, а не Кузнецову в Паневежис. Кстати, как и командующий Северным флотом Головкин.

Тут проясняется такое дело. Попов припоминает:

“Директивой Генштаба перед округом ставилась также задача **с первого дня мобилизации** принять от Прибалтийского Особого военного округа северную часть Эстонии с находившимся там 65-м стрелковым корпусом в составе двух дивизий и **обеспечить оборону побережья Эстонской ССР** и полуострова Ханко **совместно с Краснознаменным Балтийским флотом**. Вместе с командующим флотом вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем в конце мая мы побывали в Эстонии и на Ханко.

Ловко замаскировали свои действия Жуков и компания. Значит, как помнит читатель, в соответствии с приказом Наркома обороны от 17 августа 1940 года Эстония вошла в состав Прибалтийского округа, а, следовательно, и Таллиннская военно-морская база попадала в сферу интересов данного округа. У нас же получается обратная картина. До начала войны флот находится в зоне действия Прибалтийского округа, а как только начинается война, то Трибуцу уже надо подчиняться другому сухопутному начальству. У Попова, ясно же читается, что “принять от Прибалтийского Особого военного округа”, кроме всего прочего и Балтийский флот. Соответственно “обеспечить оборону побережья Эстонии”. А как же Латвия с Литвой? Это пусть у Кузнецова болит голова.

Также Маркиан Михайлович поделился с читателями своими сомнениями по поводу ситуации на границе с Финляндией.

Трудно было найти причины тому, что ни немцы, ни финны не начали сразу же наступления одновременно с развертыванием боевых действий на западных границах нашей страны. Возможно, таков был план войны — начинать наступление против Ленинграда лишь после того, **как обозначится значительный успех на западе**, или же первоначальная пассивность противника объяснялась недостаточной готовностью финнов и гитлеровских корпусов на севере. В те часы было трудно найти ответы на эти вопросы, но следовало сделать только один вывод, что наступление на нашем участке фронта может начаться в любой день и даже в любой час. Соответственно этому следовало принять все меры к усилению обороны, повышению бдительности и находиться в постоянной готовности к отражению наступления противника. Нужные распоряжения были отданы штабу и начальникам родов войск и служб округа, а также всем командармам по телефону.

К большому сожалению, в округе крайне незначительными были запасы взрывчатки, противотанковых мин, колючей проволоки и других средств для усиления обороны. Эти запасы планировалось создавать во второй половине 1941 г., а в основном в 1942 г. Пришлось рекомендовать заинтересованным начальникам обратиться за помощью к местным властям и всемерно использовать местные ресурсы.

Особенно горячо и оперативно откликнулся на наши просьбы секретарь горкома партии А. А. Кузнецов, направивший сразу же в штаб округа ответственных представителей горкома, связанных с производством и промышленностью города.

Вот и появился товарищ А.А.Кузнецов, “особенно горячо и оперативно” откликнувшийся на просьбы военных. Он у нас проходил, как член Военного совета Северо-Западного направления первого состава. Теперь надо ожидать скорого появления Андрея Александровича Жданова.

А тут, вдруг, выясняется, что товарищ Мерецков спешит быстро ретироваться с данного театра военных действий, хотя, оказывается, за ним числились добрые дела.

“К. А. Мерецков порекомендовал приступить к выбору и рекогносцировке возможных оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом, с немедленным вслед за этим развертыванием на них оборонительных работ с привлечением свободных войск, а главное — местного населения.

Такой совет бывшего начальника Генерального штаба, бесспорно лучше кого-нибудь другого знавшего наши возможности и перспективы развития событий, заставил призадуматься.

... Мы с А. А. Кузнецовым, понимая всю политическую значимость этого вопроса, решили все же посоветоваться с **А. А. Ждановым**, срочно возвратившимся из отпуска.

Учитывая значение этих мероприятий, А. А. Жданов решил все же посоветоваться с И. В. Сталиным и сразу же доложил ему об этом по телефону. Разговор носил несколько затяжной характер. По фразам Жданова чувствовалось, что ему приходится убеждать Сталина, а по окончании переговоров, положив трубку, он сказал, что Сталин дал свое согласие, указав одновременно на необходимость провести большую разъяснительную работу среди населения.

27 июня на заседании Военного совета фронта после всестороннего обсуждения предложений, внесенных секретарями горкома и обкома партии, было **принято постановление о прекращении строительства** Ленинградского метро, электростанций и других объектов с передачей всей высвобождающейся рабочей силы, техперсонала, механизмов и автотранспорта на оборонительные работы”.

Как видите, никто из наших героев не осмелился посоветоваться с Москвой по поводу развертывания оборонительных рубежей южнее Ленинграда, даже, представитель “наркома обороны” и “Главного командования”, как Кирилл Афанасьевич Мерецков. Ждали секретаря обкома партии Жданова. Он и позвонил Сталину. Это произошло 26 июня, то есть, в то время, когда Сталин появился в Кремле. Как во многих воспоминаниях, так и у Попова, о Сталине до 26 июня не было упомянуто ни слова.

Интересно другое. Идет война, а рабочие метростроевцы продолжают подземное строительство. Неужели хотели завершить начатое дело до подхода немецких войск? Вроде бы пора рыть траншеи. Если бы со Ждановым, что-нибудь случилось, то, скорее всего, закончили бы строительство “электростанций и других объектов”. Ну, дела! Мерецков, как и Новиков, просто, не хотели “замечать” войну.

У нас Кирилл Афанасьевич застоялся в очереди со своими воспоминаниями: хочет возразить по существу дела. Выясняется, что он наотрез отказывается от всех своих добрых начинаний по Ленинграду, и не хочет встречаться в своих мемуарах, ни с командованием Ленинградского округа, ни со Ждановым. И ведь, не прикажешь, и не заставишь! Пишет, что

“меня известили, что **23 июня** в Ленинград прибудет из Мурманска командующий войсками округа **М. М. Попов**, а из Москвы — член Политбюро ЦК ВКП(б) **А. А. Жданов**.”

Наступило утро второго дня войны. Я получил срочный вызов в Москву. Уезжая, распорядился, чтобы Военный совет округа поставил в известность уже находившегося в пути А. А. Жданова о намеченном. Позднее мне говорили, что Жданов прилагал много усилий к тому, чтобы быстрее выполнить этот план. В тот же день, то есть 23 июня, я был назначен постоянным советником при Ставке Главного Командования.

Вот так, представитель, “Главного командования”! Чего же не захотел встретиться с командующим округом и членом Политбюро? Испугался, что они сразу “раскусят”, зачем ты прибыл в округ? Особенным диссонансом звучит “получил срочный вызов в Москву”. С Новиковым, прямо два сапога — пара. Но, есть небольшая неувязочка: два маршала не договорились насчет Жданова.

По-поводу его приезда, правда, как всегда, где-то посередине. Жданов из Сочи заехал, наверное, в Москву, прямо в Кремль к Сталину “пображничать” или “подписать пару приказов на расстрел кристально-честных военных”, поэтому и задержался? А в Москву Мерецкова вызвали, наверное, для того, чтобы вручить удостоверение “постоянного советника при Ставке”, а то, как же без удостоверения советы давать? Что с ним стало по приезде в Москву, Мерецков вспоминать не любит. Придется напомнить, что следователи на Лубянке не страдают излишней доверчивостью и с трудом верят в сказки про “добрых” дядей, которые очень “любят” свою Родину. Наверное, Жданов по приезду в Ленинград, выяснил цели и задачи, московского визитера из Наркомата обороны или новоиспеченной Ставки, товарища Мерецкова? По времени, это могло совпасть с бомбардировками Финляндии и ее вступлением в войну?

А тут и Д.Г.Павлов вовремя подоспел со своим “покаянием”. Короче, взяли, как говорят, “за хобот” Кирилла Афанасьевича, бывшего Главкома Северо-Западного направления, да в кутузку. Сам ли не захотел писать о своем сидении на Лубянке или редактора отсоветовали, но факт, есть факт. Данные об этом эпизоде из жизни Мерецкова в данной книге мемуаров отсутствуют. Разумеется, есть даже воспоминания третьих лиц, которым, дескать, доподлинно известно, что сотворили с “честнейшим” Мерецковым в застенках Берии.

Приведу небольшой отрывок из книги Коняева Н.М. “Власов. Два лица генерала”, в которой упоминается и наш герой.

“...**На десятый день войны его арестовали (1-е июля)**, и весь июль и август сорок первого года Мерецков просидел в камере НКВД, где следователь Шварцман дубинкой выбивал из него признание, что Мерецков вместе с врагами народа Корком и Уборевичем планировал заговор против товарища Сталина. Когда Шварцман уставал упражняться с дубинкой, он начинал читать избитому генералу показания его друзей. Сорок генералов и офицеров дали показания на Мерецкова.

Спасла Кирилла Афанасьевича, как утверждает легенда, **шутка Никиты Сергеевича...**

— Вот ведь какой **хитрый ярославец!** — сказал он. — Все воюют, а он в тюрьме отсиживается!

Иосифу Виссарионовичу шутка понравилась, и 9 сентября Мехлис и Булганин отвезли “хитрого” генерал-арестанта на Северо-Западный фронт. Ольга Берггольц записала рассказ чекиста Добровольского, служившего тогда комиссаром 7-й армии, командовать которой сразу после своего освобождения был назначен Кирилл Афанасьевич.

— “Ходит, не сгибаясь, под пулями и минометным огнем, а сам туша — во! — Товарищ командующий, вы бы побереглись.

— Отстань. Страшно — не ходи. А мне — не страшно. Мне жить противно, понял? Неинтересно мне жить. И если я захочу что с собой сделать — не успеешь. А к немцам я не побегу, мне у них искать нечего. Я уже у себя нашел.

Я ему говорю: — Товарищ командующий, забудьте вы о том, что я за вами слежу и будто бы вам не доверяю. Я ведь все сам, как вы, испытал.

— А тебе на голову ссали?

— Нет. Этого не было”.

Не так уж и важно, мочился Шварцман во время допросов на голову Кириллу Афанасьевичу или это Ольга Берггольц для пущей крутизны придумала. На наш взгляд, если подобное и имело

место, то узнать это Добровольский мог только от своих коллег чекистов, от того же Шварцмана, например. Едва ли генерал стал бы ему рассказывать такое про себя”.

Мне думается, что Николай Михайлович Коняев, приведший данный рассказ со слов поэтессы О.Берггольц, все же сам отнесся к данным событиям с определенной иронией. Согласитесь, что по-другому их и нельзя воспринимать.

С определенными сложностями пришлось столкнуться и следователю Шварцману, так как довольно трудно “выбивать” то, что уже давно “выбито” еще в 1937 году. Враги народа Корк и Уборевич давно расстреляны. Трудно понять, чего хотел добиться Шварцман от Мерецкова? Чтобы тот подтвердил решение суда, о вынесении тем товарищам смертного приговора, так что ли?

Кроме того, не совсем ясно в отношении сорока генералов. Это, что же, те самые, которые были арестованы вместе с Корком и Уборевичем? И их четыре года “колбасили” дубинками, чтобы они дали показания на Мерецкова? Или это другие генералы, попавшие в сети НКВД, и в связи с другим делом, более позднего периода — начала войны? Довольно сложный текст для восприятия.

Насчет “сорока генералов” не берусь ни подтверждать, ни отрицать. Достаточно одного генерала Павлова, который показал на Мерецкова, как на заговорщика. Павлову, на удивление, быстро заткнули рот пулей 22 июля и сразу одним (остальные 39 генералов, неизвестны), но очень важным свидетелем-обвинителем, стало меньше. То, что замечен “след” Никиты Сергеевича Хрущева, сразу говорит о том, кто настаивал и подписал смертный приговор Дмитрию Павлову. Удачной оказалась и “шутка Никиты Сергеевича”, которая позволила Мерецкову выйти “сухим из воды”.

Продолжим, по порядку. “Ходит, не сгибаясь под пулями...а сам туша — во!” Во-первых, потому и не сгибается, что живот мешает. Во-вторых, где он их нашел, эти пули и прочее. Что, командующий армией, по брустверу окопа ходит, что ли? Да, он за десятки километров от передовой. Не каждая пуля долетит до середины армейского штабного блиндажа, а уж о mine, скромно промолчим. Теперь о комплекции командующего 7-ой армией. Если, “туша — во!”, это, как прикажете понимать, после двух месяцев изнурительных допросов “в камере НКВД”? Тогда в свете всего выше изложенного рассмотрим вопрос и об испражнениях неких следователей на голову выдающегося военачальника Мерецкова. Обратите внимание, что это не рассказ самого Кирилла Афанасьевича, а, некие воспоминания Добровольского, в пересказе, как выясняется не самой Ольги Федоровны Берггольц, а ее сестры.

Довольно витиеватый путь данных фантазий, пришедших к автору книги. Если у читателя хватило желания дочитать до этих строк, то значит с психикой у него все нормально. Поэтому могу спросить, но не удивляйтесь вопросу: “Не было ли у вас, читатель, желания справить малую нужду в своей комнате?” Можно поставить вопрос и по другому: “А на работе, в кабинете или комнате, где проводите рабочий день, не было ли попыток испражниться “в уголок”? Я, почему спросил насчет психики? Как поговорка гласит: “Умный поймет, а дурак не догадается?” Не дай бог, какой-нибудь недоумок-демократ, из пишущей или читающей братии, решится на проведение подобного эксперимента у себя дома? Как после этого работать и жить в данной комнате, которая становится туалетом? Предполагаете ли вы, что следователь Шварцман и другие его коллеги, смогут сделать то, что вам, то есть, нормальному человеку, только в страшном сне может такое предстаться: мочиться в своем рабочем кабинете или комнате? Кому эта тема “мила”, отвечаю на их предполагаемый вопрос, что это могло, дескать, произойти в камере, где сидел “несчастный” Мерецков? Скажу, что данные “герои”, как правило, проходят следствие под пристальным контролем со стороны высокопоставленных лиц, которые сильно заинтересованы в раскрытии заговора. Так скажите, Вы бы, на их месте стали бы применять пытки, чтобы добиться признания? Не забывайте, что смерть подследственного сразу обрывает все нити, которые ведут к

расследованию заговора. Вспомните, Никиту Сергеевича Хрущева, который при помощи “шутки” добился освобождения Кирилла Афанасьевича.

За Мерецковым грешки тянутся с 1937 года. Вот что написал о нашем герое в ВИЖ № 3 за 1989 год д.и.н. полковник О.Ф.Сувениров. Он, конечно, симпатизирует Кириллу Афанасьевичу, тем не менее, данную статью почитать стоит.

“Широко известна, например, личность одного из крупных военачальников второй мировой войны Маршала Советского Союза К.А.Мерецкова. Казалось бы, его военная карьера сложилась вполне успешно. В 30-е годы он занимал посты начальника штаба Белорусского военного округа и начальника штаба ОКДВА. В конце 1936 года отличился при оказании помощи республиканцам в Испании, в июле 1937 года сорокалетний комкор стал заместителем начальника Генерального штаба РККА. Но в октябре 1937 года на Мерецкова поступает “сигнал”, а, по существу, донос от одного из работников штаба ОКДВА. “Обвинения” были составлены по примитивнейшей, типичной для тех лет схеме: Мерецков, мол, работал в свое время **в штабе Белорусского военного округа**, а командующим там был **Уборевич**; Уборевич — разоблаченный “враг”, значит, и Мерецков, очевидно, враг, но еще не разоблаченный. Мерецкова стали “таскать” и проверять по всем линиям. Наконец 14 декабря 1937 года начальник ПУ РККА П.А.Смирнов предписывает: “Послать т. Николаеву (НКВД). Дело о Мерецкове всячески разбиралось”. Мерецков продолжает работать заместителем начальника Генштаба. Но крылья у него были уже подрезаны. В характеристике на Мерецкова военком Генштаба И.В.Рогов пишет 20 июля 1938 года: “За последнее время **работал не с полным напряжением**, явно проявлял боязнь в принятии решений и даче указаний. **Избегал подписывать бумаги** резолюций на бумагах никаких не писал, настроен был нервно и имел подавленное настроение. В разговоре со мной очень часто вспоминал, как его вызывали в НКВД и какие он давал объяснения”. Проходит полтора месяца, и в дополнение к характеристике отмечается: “По-прежнему Мерецков настроен нервно и неоднократно в разговоре с командармом Шапошниковым говорил, что “вот на меня все показывают, а я ведь ничего общего с врагами не имел”.

Гитлеровская военщина ликовала. Начальник германского генштаба генерал фон Бок, оценивая военное положение летом 1938 года, сказал, что с русской армией можно не считаться как с вооруженной силой, ибо кровавые репрессии подорвали ее моральный дух, превратили ее в инертную машину”.

Сначала Мерецкова прикрыл Смирнов: “дело...разбиралось”. Это, случайно не тот, Смирнов, который будет подписывать вместе с Тимошенко и Хрущевым Постановление Военного Совета Киевского военного округа “О состоянии кадров командного... состава” в марте 1938 года? То-то, инициалы его убрали, чтоб не догадаться. Затем, видимо, у Мерецкова нашлась рука и “помохнатее”. Так до самой войны и прокантовался на самых верхах. А как посмотреть на характеристику данную Роговым: “избегал подписывать бумаги и резолюций на бумагах никаких не писал”? Замаскированный саботаж. Помните, как военные из Генштаба волокитили дело о перешивке железных дорог в западных областях Украины и Белоруссии, а также со строительством УРов на западных границах. Тоже, небось, избегали ставить подписи и резолюции. Документы месяцами лежали без движения и дело тормозилось.

В отношении автора, полковника Сувенирова, можно сказать следующее. Есть хорошая русская поговорка: “Не хвались на рать едучи, а хвались возвратясь с нее”. Это по поводу написанного о “ликовании гитлеровской военщины”. Почувствовал ли на себе фон Бок в 1941 году под Москвой моральный дух русской армии и где он, потом, оказался от ее “инертного” воздействия?

И в заключение темы о Мерецкове. А как же, спросите вы, насчет Рокоссовского, которому зубы повышибали на допросах? Дорогой мой читатель. Увы, Константина Константиновича допрашивали подонки, бывшие во времена Ягоды и сохранившиеся при Ежове. Достались в наследство и Берию. Они были врагами народа, проникшими в органы госбезопасности. К тому же, на Рокоссовского был написан еще и ложный донос. Его непосредственный начальник (кто?) дал

санкцию на его арест. Его уничтожали, как порядочного человека, те же самые враги, которые потом помогли избежать заслуженного наказания Мерецкову. Лаврентий Павлович с первых дней прихода на пост главы НКВД, стал избавляться от этой нечисти. Думаю, что в центральном аппарате к 41-ому году, их число сильно поубавилось. Полностью утверждать, что таких не было, не буду, но “мочевой” вопрос, все же, поставлю под большое сомнение. Хотя, знаете, не могло ли это быть выражением, определенного презрения к подследственному со стороны его поделщиков по камере? Только версия и не более.

Уже не раз говорилось, что Сталин был не всевластен, и я приводил примеры его бессилия против товарищей по партии. Видимо, именно Политбюро выпустило Мерецкова. Но, в данном случае за подозрительным генералом (видимо, Сталин, все же, настоял на этом), должен быть контроль. Опеку, за “настоящим коммунистом” Кириллом Афанасьевичем, осуществлял лично, Лев Захарович Мехлис. Подробнее, об этом можно почитать у Ю.Мухина в его книге “Если бы не генералы”.

Думается, рассказ Никиты Сергеевича о Мерецкове не будет лишним в описании данного полководца. У Хрущева, и без увеличительного стекла видно, что в роли Берии выступал, лично, он сам. Как всегда, в его мемуарах все кручено-перекручено и шиворот-навыворот.

Итак, Никита Сергеевич вспоминает о Кирилле Афанасьевиче:

“Так вот, Берия еще при жизни Сталина рассказывал об истории ареста Мерецкова и ставил освобождение его себе в заслугу: “Я пришел к товарищу Сталину и говорю: “Товарищ Сталин, Мерецков сидит как английский шпион. Какой он шпион? Он честный человек. Война идет, а он сидит. Мог бы командовать. Он вовсе не английский шпион. Я и сейчас не могу понять, кто же его арестовал?”

Неужели Лаврентий Павлович не догадался спросить у самого Мерецкова: “Кто, мол, тебя побеспокоил арестом?”

А может английские спецслужбы разочаровались в Кирилле Афанасьевиче и сдали его нашим органам контрразведки? То-то, все время речь идет о Мерцкове, как об английском шпионе.

“Берия валил все на Абакумова. Но кто такой Абакумов? Человек Берии. Он в своей деятельности прежде отчитывался перед Берией, а уж потом перед Сталиным. Следовательно, Абакумов не мог арестовать Мерецкова, не посоветовавшись с Берией и без санкции Сталина. “И вот, — продолжает Берия, — Сталин сказал: “Верно. Вызовите Мерецкова и поговорите с ним. Я вызвал его и говорю: “Мерецков, ты же глупости написал, ты не шпион. Ты честный человек, ты **русский человек**. Как ты можешь быть английским шпионом? Зачем тебе Англия? Ты русский, ты честный человек”. Мерецков смотрит на меня и отвечает: “Я все сказал. Я собственноручно написал, что я английский шпион. Больше добавить ничего не могу и не знаю, зачем вы меня опять вызвали на допрос”. — “Не допрос. Я тебе хочу сказать, что ты не шпион. Ступай в камеру, посиди еще, подумай, поспи, я тебя вызову”. Его снова увели в камеру. Потом, на второй день, я вызвал Мерецкова и спрашиваю: “Ну, что, подумал?” **Он стал плакать**: “Как я мог быть шпионом? Я русский человек, люблю свой народ и верю в свой народ”. Его выпустили из тюрьмы, одели в генеральскую форму, и он пошел командовать на фронт”.

Чудеса следственного дела! Вот Павлов не догадался так сказать, как Мерецков, мол, “я русский человек, люблю свой народ и верю в свой народ”. Поэтому его не только не выпустили, но и расстреляли. А это были бы вещи слова для “Берии”. Сказал бы, как Мерецков, и одели бы “в генеральскую форму” и “пошел бы командовать на фронт”. Не догадался, вот и попал под трибунал!

А хитер же, Никита Сергеевич! Ох, и хитер! Ловко вызволил поделника из тюрьмы? Кстати, какой же национальности был Хрущев, если так усердствовал за русского Мерецкова? И еще! С чего бы это, вдруг, возник вопрос о крови? Разве Кириллу Афанасьевичу поставили в вину его, якобы, нерусскость? Коли, усердно оправдывался: “я русский человек”. Тут, что-то не так. Павлов, как известно, не плакал, доказывая, что он русский человек и все такое прочее.

Кто же был тем человеком, которым прикрылся в своем рассказе о Мерецкове Никита Сергеевич Хрущев, читатель узнает, когда мы затронем “дело о врачах” начала 50-х годов.

Давайте-ка, отложим Ленинградские проделки Кирилла Афанасьевича и вновь вернемся к делам Жукова и Новикова в 1946 году. В Википедии по “Трофейному делу” есть ряд лиц из числа работников НКВД арестованных “по причастности к данным событиям”. Вся “тонкость” состоит в том, что все эти лица представляли собой начальников оперативных секторов Восточной Германии. Ознакомьтесь с этим скромным списком.

Алексей Сиднев (начальник оперативного сектора МВД по Берлину), арестован в декабре 1947;

Григорий Бежанов (начальник оперативного сектора НКВД Тюрингии), арестован в декабре 1947;

Сергей Клепов (начальник оперативного сектора НКВД(?) Саксонии), арестован в декабре 1947.

Давайте поближе познакомимся с их биографиями и послужными списками. Единственное мое дополнение — это приведение к общему знаменателю даты их смерти. У Бежанова было указано, пришлось добавить и к остальным. Стилистика сохранена. Все сомнительные места и то, на что надо обратить внимание — подчеркнуто.

Сиднев Алексей Матвеевич (1907(1907) — 1958); сотрудник органов госбезопасности; Генерал-майор (26. 05. 1943 г.). Член ВКП(б) с 1931 г. С 1928 в РККА. Окончил военно-инженерную школу (1932).

1939 — служба в органах госбезопасности (НКВД); работа на руководящих должностях в особых отделах Ленинградского военного округа.

В 1939-41 начальник Особого отдела НКВД Ленинградского ВО.

(апрель 1943—1944 г.) начальник УКР СМЕРШ Карельского фронта. 1944—1945 — заместитель начальника управления военной контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта;

В 1945-47 начальник оперативного сектора НКВД — МГБ Берлина.

В 1947 году он был переведен из Германии на должность министра государственной безопасности Татарской АССР.

Арестован в 1948 году, до 1953 находился в заключении. В 1953 уволен из МВД СССР. Умер в 1958 году в возрасте 51 года.

Бежанов Григорий Акимович (1897—1965) деятель НКВД, генерал-майор (9.07 1945), бывший министр госбезопасности Кабардино Балкарской АССР.

Родился в 1897 году в армянской семье.

В 1917 — окончил Тифлисское коммерческое училище.

До 1920 — учился в Петроградском институте инженеров путей сообщения.

В 1920 — добровольцем вступил в Красную Армию.

В 1938–1939 — первый заместитель наркома госбезопасности Абхазии. Участвовал в Великой Отечественной войне, в годы блокады Ленинграда занимался организацией эвакуации и снабжения.

С 1943 — начальник Ставропольского краевого управления госбезопасности. С 1944 — министр госбезопасности Кабардино-Балкарской АССР

Депутат Верховного Совета СССР II-го созыва 1946–1950 от Кабардино-Балкарской АССР.

С мая 1945 — начальник оперативного сектора МВД в Тюрингии.

Министр госбезопасности Кабардинской АССР генерал-майор Григорий Акимович Бежанов был арестован 10 декабря 1947 г и осужден Военной коллегией Верховного суда 17 октября 1951 г. по Указу ЦИК от 7. 08. 32 г. и статьям 193-17 а УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Определением Верховного суда СССР от 23 июля 1953 г приговор по его делу был отменен, дело прекращено и Бежанов был реабилитирован. Умер в 1965 году в Тбилиси в возрасте 68 лет.

Клепов Сергей Алексеевич (1900(1900) — 1972) — деятель НКВД, генерал-майор (9 июля 1945 года), член ВКП(б).

С 1939 года по февраль 1941 г. — начальник Дорожно-транспортного отдела НКВД Львовской железной дороги.

февраль — июль 1941 года — начальник VI-го отдела II-го управления НКГБ СССР, майор государственной безопасности.

июль 1941 г. — 26 сентября 1941 г. — начальник Управления НКВД по Смоленской области, майор государственной безопасности.

30 сентября 1941 г. — начальник Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, майор государственной безопасности.

4 июня 1942 года— декабрь 1942 г. — начальник Управления НКВД по Орджоникидзевскому краю, старший майор государственной безопасности. декабрь 1942 г. — май 1943 г. — заместитель начальника II-го управления НКВД СССР.

май 1943 г. — ноябрь 1946 г. — заместитель начальника III-го управления НКГБ — МГБ СССР, комиссар государственной безопасности — генерал-майор.

ноябрь 1946 г. — 1947 год— начальник Саксонского оперативного сектора Советской военной администрации в Германии, генерал-майор.

В 1947 году арестован. В 1953 был освобождён. С октября 1953 года числится в запасе. В 1954 году был реабилитирован. Умер в возрасте 72 лет.

Сначала о Сидневе. С началом войны возглавлял Особый отдел НКВД Ленинградского военного округа. Это значит — по Новикову. Затем заместитель начальника управления военной контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта — это, по Жукову. Далее, еще интереснее.

Начальник оперативного сектора НКВД — МГБ Берлина. Здесь, у нас могут быть “и белка, и свисток”? Кто должен был заниматься расследованием гибели Берзарина? А куда сначала привезли Ф.Паулюса? К Жукову в Потсдам, под Берлином. Потом, чья-то рука его упрятала в Татарию, но в 48-ом арестован — это, по Жукову. В 1953 освобожден, и резко уволен из органов. Через пять лет скончался в возрасте 51-го года. Из-за барахла “мочить” не будут. Здесь интерес — спрятать “концы в воду” навечно.

О Бежанове. Очень сильно “затемнен”. Начальный период войны обозначен как контур, но понятно, что связан с Ленинградом. Это, по Новикову и видимо, по Жукову, Крюкову и Руслановой. Барахлишко из блокадного Ленинграда. Далее, в 1944 году “передернули карту”. Какой может быть министр в 44-ом году? Это события 46 года. А вот в 1945 году очень интересный факт из биографии. С мая 1945 — начальник оперативного сектора МВД в Тюрингии. Догадайтесь, любители географии: в каком землячестве (или области) Германии находится город Плауэн, куда Руденко ездил “консультировать” Паулюса?

Бежанова “мариновали” на следствии 4 года. А то, “скромному” Новикову, после ареста через три недели суд и 5 лет? Наверное, даже и не покраснел, когда говорил об этом. Помните, знаменитого Глеба Жеглова из кинофильма “Место встречи изменить нельзя”, который говорил вору Ручечнику, что у того на лбу отпечатан “закон семь-восемь”. Бежанову отпечатали тот же закон и, действительно, получил “десятку”. Но, может было, это было лишь прикрытие, трудно судить. Однако, как и все подельники, после 53-го освобожден и реабилитирован.

О Клепове. Сильно “наследил” в Германии. В послужном списке все вычищено, никакой конкретики. После смерти Сталина — Берия, удивляться не приходится, сразу на свободу “с чистой совестью”.

По Новикову, рука не поднимается поставить точку. Познакомьтесь с выдержкой из статьи Александра Вайса

“Разбирая сверхсекретный архив бывшего Политбюро ЦК КПСС, исследователи недавно обнаружили то злополучное заявление Новикова, сочинение которого и было, как теперь понятно, изначальной причиной и целью его ареста. Оно напечатано на машинке, и только фамилия допрашиваемого вписана в текст рукой Александра Александровича (сам бывший главком ВВС впоследствии утверждал, что печатный текст абакумовский подручный Лихачёв заставлял его ещё и переписывать от руки, но рукописный экземпляр заявления не обнаружен)”.

Разве нормальный человек может выдержать такие “изуверства” Абакумовских палачей? — переписывать от руки машинописный текст своих же показаний. Хорошо, что хоть место на листе было оставлено, чтобы Новиков вписал свою фамилию, а то, как “исследователи” обнаружат, что это подлинные материалы допросов? Сам же А.Вайс пишет, что “рукописный экземпляр заявления не обнаружен”.

Естественно, чтобы затруднить определение подлинности протоколов допросов Новикова, фальсификаторы и подсунули обществу машинописные листы, оставив место, только, для подписи “Новикова”. Чтобы не так бросалось в глаза, что это подделка. Хоть, что-то же должно быть написано в протоколах рукой подследственного? Решили оставить одну только подпись (одну подпись легче подделать, нежели все протоколы), а все остальное — машинописный текст. Пишущая машинка, что? — она железная; краснеть от стыда, что ложь печатает — не будет.

“Проблемам боеспособности и аварийности советской авиации в покаянном послании маршала, как ни странно на первый взгляд, посвящено всего два коротких абзаца. А остальные десять листов отведены описанию “беспредельного коварства” и неблагодарности маршала Жукова, который, оказывается, всю войну сознательно и методично вёл подкоп под вождя. Приведём один короткий фрагмент написанного Новиковым под диктовку Лихачёва:

“Жуков очень хитро, в тонкой и осторожной форме в беседах со мною, а также в разговорах с другими лицами, пытался приуменьшить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования. В то же время Жуков, не стесняясь, выпячивал свою роль в войне как полководца. И даже заявлял, что все основные планы военных операций разработаны им...”

Дело-то, значит, было в Жукове, а вовсе не в “аварийности самолётов”! Недаром в верхнем левом углу этого заявления Сталин первоначально написал: “Новиков про Жукова”. Затем перечеркнул фамилию Новикова и после слова “Жуков” начертил с нажимом: “В мой архив. И.Сталин”.

В статью вкралась неточность. Как это “написанного Новиковым”? — когда, ясно читается, что текст машинописный. Однако пронизательности данному автору не занимать: сразу догадался, что “аварийность самолетов”, не при чем. Тогда, почему же, товарищи по перу, неустанно Сталина-младшего к этому делу привлекают? И главное, насчет пометки сделанной Сталиным-старшим. Хочу сделать замечание Ю.Мухину, чтобы сильно не иронизировал по поводу надписи “В мой архив. И.Сталин” на ряде документов, в том числе и на этом. Как же “исследователи” обнаружат “важные” документы в архивах без данной надписи? Посудите сами. Где “исследователи” обнаружили данный документ? Правильно, в архиве “бывшего Политбюро ЦК КПСС”. А как он туда попал из “личного архива Сталина”? “Верные люди” принесли. К тому же, никто бы и не догадался, что это документ из “архива Сталина”, если бы “сам Сталин” не сделал нужную пометочку. Вождь, судя по всему, заботился о будущих “исследователях” по делу Жукова, Новикова и им подобных. Хоть одно “хорошее” дело Сталин, да “сделал” — карандашиком черкнул: “В мой архив”. Более того, чтобы не сомневались, в чей? — уточнил: “И.Сталин”. А то, все ругают его и ругают, конца и края нет. Пусть хоть разок похвалят, за надпись на документах.

Вот и про кумулятивные авиабомбы (ПТАБ) отняли у Верховного приоритет в применении. Почитайте, что написал А.Хоробрых, который, тоже, в свое время, брал интервью у маршала Новикова. Александр Александрович, даже не поперхнулся, когда рассказывал о событиях 1944 года на Украине под Корсунь-Шевченковским. Во всяком случае, автор очерка ничего подобного, в речи Новикова, не заметил.

“— С боевым использованием ИЛ-2 против танков, — рассказал мне Александр Александрович, — у меня связано воспоминание об одном довольно любопытном разговоре со Сталиным. Произошел он 13 февраля сорок четвертого, когда фашисты пытались выжить свои войска, окруженные в районе Корсунь-Шевченковского. “Скажите, товарищ Новиков, — глядя прямо в глаза, спросил меня Верховный, — можно остановить танки авиацией?” Секунды были отпущены мне на раздумье. Очень короткие секунды потому, что они протекали под пристальным взглядом Сталина. Где, сколько танков, когда — я не знал. А он задал вопрос, ждет”.

Сталин глядит в глаза Новикова и думает: “Соврет или не соврет?” Вот, каково быть, на месте Сталина? Ведь, получается, что одни лжецы среди военного руководства. Один Жуков чего стоит! Но, как видно, и Новиков ему мало в чем уступает.

“И тут мне вспомнилась Курская дуга. И я твердо ответил: “Остановить танки можно!” — “Завтра утром летите на фронт и принимайте меры, — приказал Сталин и добавил: — Нашумели о котле, а захлопнуть его не можем”.

Да, товарищ Новиков, согласен с вами! Сталин, может и сказал такое, только подумал другое: “Эх, Саша, Саша. Когда же ты врать отучишься? Ладно, лети на Украину, да передай Жукову, чтобы эту победу себе не приписывал. Кроме того, передай в будущее, военным историкам, что ПТАБы, на Курской дуге все же я, как Верховный Главнокомандующий, предложил применять, а не вы, “дорогой мой стратег”. Кроме того, к этому делу “не примазывайтесь” и меня, за дилетанта, в военном деле, не держите. **Совесть**, надо иметь, да и **стыдно**, небось, должно быть, за содеянное”.

Но, впрочем, вряд ли данные субстанции души, как стыд и совесть, присутствует у таких людей, как Новиков и компания?

“На другой день я был у генерала С.А. Красовского, командовавшего 2-й воздушной армией. Положение оказалось очень серьезным. В районе Шендеровки передовые части врага разделяла только 12-километровый просвет, а у наших наземных войск ни горючего, ни достаточного количества боеприпасов — распутица. Александр Александрович замолчал, чему-то улыбнулся. — И все-таки приказ Сталина был выполнен, — продолжил он, — 15 февраля штурмовики, вооруженные кумулятивными бомбами — на борту каждого по двести пятьдесят полуторакилограммовых бомб — нанесли несколько массированных ударов по наступающим танкам гитлеровцев и остановили их. Авиаторы хорошо решили свою задачу. Многие были награждены, а мне 21 февраля присвоено звание Главного маршала авиации...”

Не совсем понятно, чему “своему” улыбнулся Новиков. То ли “12-ти километровой просвету”, то ли тому, что у наших “войск ни горючего ни боеприпасов”. А может тому, что снова обманул Сталина и выхлопотал очередное звание? Потом ведь жаловался: за что в 1946 году, лишили всего? Для маршала, мог быть и подогадливее.

В завершение темы о Новикове несколько слов о “деле авиаторов”. Обратимся к статье Марка Галлая “**Я думал: это давно забыто**”. Написано в ней про Шахурину, с которым мы тоже познакомимся в данной работе. Но, так как они с Новиковым проходили по одному делу, поэтому поместил данную выдержку из статьи М.Галлая, здесь, в данной главе. Смысл статьи такой: якобы, данные фигуранты пострадали из-за некачественного выпуска самолетов. Определенные доброхоты, даже, приплели к этому делу Василия Сталина (имеется виду, якобы, его письмо на имя Сталина-отца). Однако, Марк Галлай, судя по всему, не сомневается, что именно, по самолетам им и отмерили по 5 и 7 лет тюрьмы, соответственно. Но сначала отрывок из статьи.

“И вот — сталинская благодарность. Суд под председательством знаменитого генерала юстиции В. Ульриха приговорил его к семи годам заключения за “превышение власти” и “выпуск нестандартной, недоброкачественной и некомплектной продукции”. Обращает на себя внимание то, что из всего многочисленного корпуса руководителей авиационной промышленности — от заместителей наркома до директора самого малого авиационного завода — не попал под суд ни один! Шахурин никого за собой не потянул. Надо полагать, что далось ему это непросто: ведь таким образом получалось, что всю “нестандартную, недоброкачественную и некомплектную” продукцию выпускал он один, самолично, без соучастников. Не очень-то убедительный результат судебного разбирательства. Впрочем, причем тут убедительность? Пришла команда “сверху” посадить (хорошо хоть, что не расстрелять!) — и посадили”.

Автор восхищается мужеством подследственного Шахурина: “никого за собой не потянул”, а подумать, почему так получилось, для летчика-испытателя почему-то, не получилось. Вариантов всего два.

Первый. Их привлекли к ответственности совсем по другим обстоятельствам, поэтому никого из наркомата авиационной промышленности, тем более директоров авиационных заводов не привлекли к этому делу. Соответственно, нашим “героям” могли отмерить и совсем другие сроки заключения, а не те, которые фигурируют в открытой печати, в настоящее время.

Второй. Дело сфальсифицировано следователями Хрущевского разлива, чтобы спрятать концы истинного дела по Шахурину, Новикову и другим. Прикрыли, якобы, делом о дефектных самолетах.

М.Галлай недоумевает: “Не очень-то убедительный результат судебного разбирательства”. А что же вы хотели при фальсификации дела? Что напечатали на пишущей машинке, то и получилось.

Какой бы эпизод из военной жизни наших вышеприведенных “героев” мы не разбирали, всегда в повествование вклинится Жуков со своими недобрыми делами. Так стоит ли удивляться о его причастности к делу Николая Зори?

Глава 33. О “неизвестной” речи вождя немецкого народа

Мы уже рассматривали речь Молотова. Частично обращались к речам Сталина и Черчилля. Но, ни разу не упомянули речь Гитлера, которую он произнес накануне нападения на нашу страну. Исправляем, это досадное “недоразумение”.

Так называемая, “речь Гитлера” — это “Обращение Адольфа Гитлера к немецкому народу”,^{1} **в связи с началом войны против Советского Союза.**

Предисловие Анатолия Глазунова (Блокадник) к речи Гитлера я взял с форума . Приношу автору свои извинения, но, думаю, что он не очень обидится на меня, за небольшую редакцию его выступления. Оно мне понравилось в целом, — просто, немного уточнил мысль и убрал слегка, как показалось, резковатые предложения.

Существуют несколько переводов данной речи Гитлера. Есть и довольно эмоциональные варианты, например, перевод профессора А.П.Столешникова. Остановился, условно говоря, на “нейтральном” переводе, если данное слово, уместно применить в нашем случае. .

Итак, сначала предисловие Анатолия Глазунова (Блокадника).

“Это обращение скрывалось 70 лет от русского народа, о нём неизвестно русским школьникам и русским студентам. В России продолжается антирусская цензура, то есть скрывается ПРАВДА, скрывается много такой информации, которая необходима для нормального развития русского народа. Обращение Адольфа Гитлера — необходимая информация для понимания причин нападения Гитлера на СССР. Но не надо, конечно, быть придурками и воспринимать это обращение Гитлера за полную ПРАВДУ.

Гитлер пытается представить хищниками только Англию, СССР и Мировое еврейство. Но, страшным хищником ведь была и сама Германия. И когда читатель знакомится с Обращением Гитлера от 22 июня 1941 году, где Гитлер уверяет немцев, что он вынужден напасть на СССР, то он (читатель), не должен забывать о стратегическом плане Гитлера о расширении жизненного пространства для германского народа на восток, до Уральских гор. О стратегическом плане Гитлера уничтожить, подчинить и сделать немецкими рабами русских людей, — мы, должны знать! И, кроме того, никогда не должны забывать об этом плане Гитлера покончить навсегда с Россией, и русским народом. Однако, немалая часть русских этого не только не знает, но, и к сожалению, даже обожает Гитлера. К несчастью, это люди, попали под влияние Запада. А Запад — это ведь не только марксизм, идеология “прав человека” и прочая “демократическая” чепуха, но и гитлеризм, и муссолинизм, и франкизм. Поэтому и предлагаю ознакомиться, после Обращения, с фрагментами из книги “Моя борьба” с комментариями, где Гитлер писал о необходимости покончить с Россией и русским народом”.

Теперь привожу сам текст речи Гитлера, с примечаниями переводчика указанные в квадратных скобках. Как автор данной работы, я, тоже, не удержался, чтобы не высказать несколько “ласковых” слов по поводу изложенного.

“Немецкий народ! Национал-социалисты! Одолеваемый тяжелыми заботами, я был обречен на многомесячное молчание. Но теперь настал час, когда я, наконец, могу говорить открыто.

Когда 3 сентября 1939 года Англия объявила войну Германскому Рейху, снова повторилась британская попытка сорвать любое начало консолидации и вместе с тем подъема Европы посредством борьбы против самой сильной в данное время державы континента.

Так некогда Англия после многих войн погубила Испанию. Так вела она войны против Голландии. Так сражалась позже с помощью всей Европы против Франции. И так на рубеже столетия она начала окружение тогдашней Германской империи, а в 1914 году — мировую войну.

Только из-за отсутствия внутреннего единства Германия потерпела поражение в 1918 году. Последствия были ужасны. После того, как первоначально было лицемерно объявлено, что борьба ведется только против кайзера и его режима, когда немецкая армия сложила оружие, началось планомерное уничтожение Германской империи. В то время, как казалось, дословно сбывается пророчество одного французского государственного деятеля,^{2} что в Германии 20 миллионов лишних людей, т. е. их нужно устранить с помощью голода, болезней или эмиграции, национал-социалистическое движение начало свою работу по объединению немецкого народа и тем самым положило путь к возрождению Империи.

Этот новый подъем нашего народа из нужды, нищеты и позорного неуважения к нему проходил под знаком чисто внутреннего воздержания. Англию, в частности, это никак не затрагивало и ничего ей не угрожало. Несмотря на это, моментально возобновилась вдохновляемая ненавистью политика окружения Германии. Изнутри и извне плелся известный нам заговор евреев и демократов, большевиков и реакционеров с единственной целью помешать созданию нового национального государства и снова погрузить Рейх в пучину бессилия и нищеты.

Кроме нас, ненависть этого международного всемирного заговора была обращена против тех народов, которым тоже не повезло, и они были вынуждены зарабатывать хлеб насущный в самой жестокой борьбе за существование. Прежде всего, оспаривалось и даже формально запрещалось право Италии и Японии, как и Германии, на свою долю в богатствах этого мира. Союз этих наций был поэтому лишь актом самообороны против угрожавшей им эгоистической всемирной коалиции богатства и власти.

Ещё в 1936 году Черчилль заявил, по словам американского генерала Вуда, перед комитетом Палаты представителей США, что Германия снова становится слишком сильной и поэтому ее нужно уничтожить.

Летом 1939 года Англии показалось, что настал момент начать это вновь задуманное уничтожение с повторения широкомасштабной политики окружения Германии.

Систематическая кампания лжи, которая была организована с этой целью, была направлена на то, чтобы убедить другие народы, будто над ними нависла угроза, поймать их сначала в ловушку английских гарантий и обещаний поддержки,^{3} а потом, как накануне мировой войны, заставить их воевать против Германии.

Так Англии удалось с мая по август 1939 года распространить в мире утверждение, будто Германия непосредственно угрожает Литве, Эстонии, Латвии, Финляндии, Бессарабии, а также **Украине**. Часть этих стран с помощью подобных утверждений отклонили обещанные гарантии и они тем самым сделали частью фронта окружения Германии.

При этих обстоятельствах я, сознавая свою ответственность перед своей совестью и перед историей немецкого народа, счел возможным не только заверить эти страны и их правительства в лживости британских утверждений, но и, кроме того, **специально успокоить самую сильную державу Востока с помощью торжественных заявлений о границах сфер наших интересов**".

Вот, личный ответ Гитлера, по поводу заключения соглашения 1939 года. Всего на всего, просто, “хотел успокоить самую сильную державу Востока с помощью торжественных заявлений о границах сфер наших интересов”. Слово “успокоить” в переносном смысле, в русском языке, может носить иной подтекст, знакомый любому взрослому человеку. Обратите также внимание, что опять в выступлении Гитлера, где упоминается Украина, он дает гарантии, что не несет ей никакой угрозы. Как будто, речь идет не о Советской республике, входящей в состав СССР, а о вполне, независимой стране, с определенным суверенным статусом. Понятно, что подыгрывал нашим Мазепам.

Хотелось бы в нескольких словах пояснить, насчет нашей Украины. Не надо думать, что обещание, и выполнение взятых на себя обязательств, по данному случаю, — это одно и то же? Мало ли чего, Гитлер наобещал нашим предателям? То, что творили немецкие фашисты на советской территории, это и есть его, Гитлера, реальная программа. А заигрывание с “пятой колонной” — это, в любом случае, объедки с барского стола! Так что, Хрущев и компания зря, думается, глотали слюны в предвкушении отведать пышного немецкого пирога под названием “независимая Украина”. Как говорится, “на чужой каравай, рот не разевай”. Так-то, вот!

“Национал-социалисты! Вы все, конечно, чувствовали тогда, что этот шаг был для меня горьким и трудным. Никогда немецкий народ не испытывал враждебных чувств к народам России. Только на протяжении двух последних десятилетий еврейско-большевистские правители Москвы старались поджечь не только Германию, но и всю Европу. Не Германия пыталась перенести свое националистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство, притом не только духовное, но, прежде всего, военное”.

Гитлер, со своими знаниями по истории, предстает перед нами круглым двоечником. Опустим прошлые века. С кем же это Россия, не так давно, воевала четыре года и в 1918 году подписала кабальный Брестский мир? Уж не с “братским” ли немецким народом?

Далее, когда Риббентроп подписывал договор с Молотовым в Москве, что Гитлер “не знал” национальный состав Советского правительства, кроме русского Молотова? Затем, надо полагать, немецкая разведка, “подсуежилась” и представила Гитлеру неопровержимые доказательства, принадлежности некоторых членов Советского правительства и Политбюро, — о, майн гот, к еврейской национальности. Как только Гитлер разочаровался в данном правительстве после прочитанных доказательств, — сразу стал готовиться к войне! Отомстить за тайное коварство Молотова и Сталина, в том числе, — это надо, видимо, и считать основным движущим мотивом намеченной агрессии?

“Но результатами деятельности этого режима во всех странах были только хаос, нищета и голод. В противовес этому я два десятилетия старался при минимальном вмешательстве и без разрушения нашего производства построить в Германии новый социалистический порядок, который не только ликвидировал безработицу, но и обеспечил благодаря повышению оплаты труда постоянный приток людей в сферу созидания.

Успехи этой политики новых экономических и социальных отношений в нашем народе, которые, планомерно преодолевая сословные и классовые противоречия, имеют своей конечной целью создание подлинного народного сообщества, уникальны во всем мире.

Поэтому в августе 1939 года для меня было таким трудным решение послать моего министра в Москву, чтобы попытаться там оказать противодействие британской политике окружения Германии. Я сделал это не только осознавая свою ответственность перед немецким народом, но, прежде всего, в надежде достичь в конечном счете продолжительной разрядки, которая могла бы уменьшить жертвы, которые потребовались бы от нас в противном случае”.

Знаем, какое “трудное решение” было у г-на Гитлера. Читатель, надеюсь, не забыл, как ликовал Германский вождь, по поводу подписания договора в 1939 году: “Мы победили!” А сейчас, прямо, чуть слезу не роняет.

“После того как Германия в Москве торжественно признала указанные в договоре области и страны — за исключением Литвы — находящимися вне сферы каких бы то ни было германских политических интересов, было заключено еще особое соглашение на тот случай, если бы Англии действительно удалось подтолкнуть Польшу к войне против Германии. Но и в этом случае имело место ограничение немецких притязаний, которое никоим образом не соответствовало успехам немецкого оружия.

Национал-социалисты! Последствия этого договора, которого я сам хотел и который заключил в интересах немецкого народа, были особенно тяжелыми для немцев, живших в затронутых им странах”.

Вот, видите, и вспомнил! Как же объяснить своим “товарищам по партии” и немецкому обывателю всю ту, позитивную шумиху в прессе по поводу заключения договора с нашей страной. Как всегда и везде: всё делается для народа, для него, любимого.

“Более полумиллиона наших соплеменников — сплошь мелкие крестьяне, ремесленники и рабочие — были вынуждены чуть ли не за одну ночь покинуть свою бывшую родину, спасаясь от нового режима, который грозил им сначала беспредельной нищетой, а рано или поздно — полным истреблением. Несмотря на это, тысячи немцев исчезли! Было невозможно узнать что-либо об их судьбе или хотя бы местонахождении. Среди них было более 160 тысяч граждан Рейха.

Я молчал обо всем этом, потому что должен был молчать, потому что моим главным желанием было достичь окончательной разрядки и, если возможно, — длительного баланса интересов с этим государством.

Но еще во время наступления наших войск в Польше советские правители внезапно, вопреки договору, выдвинули притязания также на Литву.

Германский Рейх никогда не имел намерения оккупировать Литву и не только не предъявлял никаких подобных требований литовскому правительству, но, наоборот, отклонил просьбу тогдашнего литовского правительства^{4} послать в Литву немецкие войска, поскольку это не соответствовало целям германской политики”.

Согласитесь, что предельно откровенно сказано. Если это не соответствует цели, то зачем “напрягаться”. Более того, вся германская политика 1939 года была на удивление уступчива по отношению к нашей стране. Недаром говорится, что “цель — оправдывает средства”.

“Несмотря на это, я согласился и на это новое русское требование. Но это было лишь началом непрерывной череды все новых и новых вымогательств.

Победа в Польше, достигнутая исключительно силами немецкой армии, побудила меня снова обратиться к западным державам с мирным предложением”.^{5}

Эту фразу Гитлера, да в рамочку с золотой каемочкой. И на память нашим “друзьям” в Польше, той же Кристине Курчаб-Редлих. Пусть знают истинную правду, а то, все с претензиями к нам, по поводу 1939 года.

“Оно было отклонено международными и еврейскими поджигателями войны. Но причина его отклонения уже тогда заключалась в том, что Англия все еще надеялась, что ей удастся

мобилизовать против Германии европейскую коалицию, включая балканские страны и Советскую Россию.

В Лондоне решили направить послом в Москву мистера Криппса. Он получил четкое задание при любых обстоятельствах восстановить отношения между Англией и Советской Россией и развивать их в английских интересах. О прогрессе этой миссии сообщала английская пресса, если тактические соображения не вынуждали ее к молчанию.

Осенью 1939 года и весной 1940 года первые последствия стали свершившимися фактами. Приступив к подчинению военной силой не только Финляндии, но и прибалтийских государств, Россия внезапно стала мотивировать эти действия столь же лживыми, как и смехотворным утверждением, будто эти страны нужно защищать от угрозы извне или предупредить ее. Но при этом могла иметься в виду только Германия, так как ни одна другая держава вообще не могла ни проникнуть в зону Балтийского моря, ни вести там войну. Несмотря на это, я опять смолчал. Но правители в Кремле сразу же пошли дальше.

В то время, как Германия войной 1940 года в соответствии с так называемым пактом о дружбе, далеко отодвинула свои войска от восточной границы и большей частью вообще очистила эти области от немецких войск, уже началось сосредоточение русских сил в таких масштабах, что это можно было расценивать только как умышленную угрозу Германии.

Согласно одному заявлению, сделанному тогда лично Молотовым, уже весной 1940 года только в прибалтийских государствах находились 22 русские дивизии.

Так как русское правительство само постоянно утверждало, что их призвало местное население, целью их дальнейшего пребывания там могла быть только демонстрация против Германии.

В то время, как наши солдаты 10 мая 1940 года сломили франко-британскую силу на Западе, сосредоточение русских войск на нашем восточном фронте постепенно принимало все более угрожающие размеры. Поэтому с августа 1940 года я пришел к выводу, что интересы Рейха будут нарушены роковым образом, если перед лицом этого мощного сосредоточения большевистских дивизий мы оставим незащищенными наши восточные провинции, которые и так уже не раз опустошались.

Произошло то, на что было направлено англо-советское сотрудничество, а именно: на Востоке были связаны столь большие немецкие силы, что руководство Германии не могло больше рассчитывать на радикальное окончание войны на Западе, особенно в результате действий авиации.

Это соответствовало цели не только британской, но и советской политики, ибо как Англия, так и Советская Россия хотели, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы ослабить всю Европу и максимально обессилить ее.

Угрожающее наступление России также в конечном счете служило только одной задаче: взять в свои руки важную основу экономической жизни не только Германии, но и всей Европы или, в зависимости от обстоятельств, как минимум уничтожить её. Но именно Германский Рейх с 1933 года с бесконечным терпением старался сделать государства Юго-Восточной Европы своими торговыми партнерами. Поэтому мы были больше всех заинтересованы в их внутренней государственной консолидации и сохранении в них порядка. Вторжение России в Румынию и союз Греции с Англией угрожали вскоре превратить и эти территории в арену всеобщей войны.

Вопреки нашим принципам и обычаям я, в ответ на настоятельную просьбу тогдашнего румынского правительства, {6} которое само было повинно в таком развитии событий, дал совет ради мира уступить советскому шантажу и отдать Бессарабию.

Но румынское правительство считало, что сможет оправдать этот шаг перед своим народом лишь при том условии, если Германия и Италия в порядке возмещения ущерба, дадут как минимум гарантию нерушимости границ оставшейся части Румынии.

Я сделал это с тяжелым сердцем. Причина понятна: если Германский Рейх дает гарантию, это означает, что он за нее ручается. Мы не англичане и не евреи”.

Понятно, договорились с Антонеску, что “оккупация” Бессарабии Советским Союзом, дело временное. Если тот будет слушаться “старшего брата”, то получит вдвое больше и лучше. А вот фраза что “мы не англичане, и не евреи” — это, все же, думается, намек и на обещания Черчилля, и на перелет Гесса. Ясно же читается, что те, то есть, англичане и сионисты, дали гарантии, но нарушили их. Сам себя, Гитлер, видимо, считал человеком слова.

“Я верил до последнего часа, что послужу делу мира в этом регионе, даже если приму на себя тяжелые обязательства. Но чтобы окончательно решить эти проблемы и уяснить русскую позицию по отношению к Рейху, испытывая давление постоянно усиливающейся мобилизации на наших восточных границах, я пригласил господина Молотова в Берлин.

Советский министр иностранных дел потребовал прояснения позиции или согласия Германии по следующим 4 вопросам:

1-й вопрос Молотова: Будет ли германская гарантия Румынии в случае нападения Советской России на Румынию направлена также против Советской России?

Мой ответ: Германская гарантия имеет общий и обязательный для нас характер. Россия никогда не заявляла нам, что, кроме Бессарабии, у нее вообще есть в Румынии еще какие-то интересы. {7} Оккупация Северной Буковины уже была нарушением этого заверения. Поэтому я не думаю, что Россия теперь вдруг вознамерилась предпринять какие-то дальнейшие действия против Румынии.

2-й вопрос Молотова: Россия опять ощущает угрозу со стороны Финляндии и решила, что не будет этого терпеть. Готова ли Германия не оказывать Финляндии поддержки и, прежде всего, немедленно отвести назад немецкие войска, которые продвигаются к Киркенесу на смену прежним?

Мой ответ: Германия по-прежнему не имеет в Финляндии никаких политических интересов, однако правительство Германского рейха не могло бы терпимо отнестись к новой войне России против маленького финского народа, тем более мы никогда не могли поверить в угрозу России со стороны Финляндии. {8} Мы вообще не хотели бы, чтобы Балтийское море опять стало театром военных действий.

3-й вопрос Молотова: Готова ли Германия согласиться с тем, что Советская Россия предоставит гарантию Болгарии и советские войска будут для этой цели посланы в Болгарию, причем он, Молотов, хотел бы заверить, что это не будет использовано как повод, например, для свержения царя?

Мой ответ: Болгария — суверенное государство, и мне неизвестно, обращалась ли вообще Болгария к Советской России с просьбой о гарантии подобно тому, как Румыния обратилась к Германии. Кроме того, я должен обсудить этот вопрос с моими союзниками.

4-й вопрос Молотова: Советской России при любых обстоятельствах требуется свободный проход через Дарданеллы, а для его защиты необходимо создать несколько важных военных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласится с этим Германия или нет?

Мой ответ: Германия готова в любой момент дать свое согласие на изменение статуса проливов, определенного соглашением в Монтрё{9} в пользу черногорских государств, но Германия не готова согласиться на создание русских военных баз в проливах.

Национал-социалисты! Я занял в данном вопросе позицию, которую только и мог занять как ответственный вождь Германского рейха и как сознающий свою ответственность представитель европейской культуры и цивилизации”.

Ну, да, так и есть. Атрибуты “европейской культуры” с прогретыми моторами уже готовились по его команде, нести на гусеницах, этот самый “европейский прогресс” в советские массы. Для сомневающихся в европейской “озабоченности” по поводу русской цивилизованности, в качестве добавочного аргумента, в бомбовые люки самолетов загружалась соответствующая “демократическая литература”, весом от 50 до 500 кг, в зависимости от “разъяснительной работы”.

“Результатом стало усиление советской деятельности, направленной против Рейха, прежде всего, немедленно был начат подкоп под новое румынское государство, усилились и попытки с помощью пропаганды свергнуть болгарское правительство.

С помощью запутавшихся, незрелых людей из румынского Легиона удалось инсценировать государственный переворот,{10} целью которого было свергнуть главу государства генерала Антонеску, ввергнуть страну в хаос и, устранив законную власть, создать предпосылки для того, чтобы обещанные Германией гарантии не могли вступить в силу. Несмотря на это, я продолжал считать, что лучше всего хранить молчание. Сразу же после краха этой авантюры опять усилилась концентрация русских войск на восточной границе Германии. Танковые и парашютные войска во все большем количестве перебрасывались на угрожающе близкое к германской границе расстояние. Германский Вермахт и германская родина знают, что еще несколько недель назад на нашей восточной границе не было ни одной немецкой танковой или моторизованной дивизии.

Но если требовалось последнее доказательство того, что, несмотря на все опровержения и маскировку, возникла коалиция между Англией и Советской Россией, то его дал югославский конфликт. Пока я предпринимал последнюю попытку умиротворения Балкан и, разумеется, вместе с дуче предложил Югославии присоединиться к Тройственному пакту,{11} Англия и Советская Россия совместно организовали путч,{12} и за одну ночь устранили тогдашнее правительство, готовое к взаимопониманию. Сегодня об этом можно рассказать немецкому народу: антигерманский государственный переворот в Сербии произошел не только под английскими, но и, прежде всего, под советскими знаменами. Поскольку мы промолчали и об этом, советское руководство сделало следующий шаг. Оно не только организовало путч, но и несколько дней спустя заключило со своими новыми ставленниками известный договор о дружбе,{13} призванный укрепить волю Сербии оказать сопротивление умиротворению на Балканах и натравить ее на Германию. И это не было платоническим намерением. Москва требовала мобилизации сербской армии. Поскольку я продолжал считать, что лучше не высказываться, кремлевские правители сделали еще один шаг.

Правительство германского рейха располагает сегодня документами, из которых явствует, что Россия, чтобы окончательно втянуть Сербию в войну, обещала ей поставить через Салоники оружие, самолеты, боеприпасы и прочие военные материалы против Германии. И это происходило почти в тот самый момент, когда я еще советовал японскому министру иностранных дел д-ру Мацуоке добиваться разрядки с Россией, все еще надеясь послужить этим делу мира. Только быстрый прорыв наших несравненных дивизий к Скопле{14} и занятие самих Салоник{15} воспрепятствовали осуществлению этого советско-англосаксонского заговора. Офицеры сербских ВВС улетели в Россию и были приняты там как союзники. Только победа держав Оси на Балканах сорвала план втянуть Германию этим летом в многомесячную борьбу на юго-востоке, а тем временем завершить сосредоточение советских армий, усилить их боевую готовность, а потом вместе с Англией, с надеждой на американские поставки, задушить и задавить Германский Рейх и Италию.

Тем самым Москва не только нарушила положения нашего пакта о дружбе, но и жалким образом его предала. И в то же время правители Кремля до последней минуты, как и в случаях с Финляндией и Румынией, лицемерно уверяли внешний мир в своем стремлении к миру и дружбе и составляли внешне безобидные опровержения.

Если до сих пор обстоятельства вынуждали меня хранить молчание, то теперь настал момент, когда дальнейшее бездействие будет не только грехом попустительства, но и преступлением против немецкого народа и всей Европы.

Сегодня на нашей границе стоят 160 русских дивизий. В последние недели имеют место непрерывные нарушения этой границы, не только нашей, но и на дальнем севере и в Румынии.^{16} Русские летчики забавляются тем, что беззаботно перелетают эту границу, словно хотят показать нам, что они уже чувствуют себя хозяевами этой территории. В ночь с 17 на 18 июня русские патрули снова вторглись на территорию рейха и были вытеснены только после длительной перестрелки. Но теперь настал час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве.

Немецкий народ! В данный момент осуществляется величайшее по своей протяженности и объему выступление войск, какое только видел мир. В союзе с финскими товарищами стоят бойцы победителя при Нарвике у Северного Ледовитого океана. Немецкие дивизии под командой завоевателя Норвегии^{17} защищают вместе с финскими героями борьбы за свободу под командованием их маршала^{18} финскую землю. От Восточной Пруссии до Карпат развернуты соединения немецкого восточного фронта. На берегах Прута и в низовьях Дуная до побережья Черного моря румынские и немецкие солдаты объединяются под командованием главы государства Антонеску. Задача этого фронта уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех”.

“Поэтому я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь бог в этой борьбе!

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Нынешним стратегам НАТО ничего выдумывать и не надо. Все уже сделано за них и, до них. Им надо, просто, взять речь Гитлера и заменить некоторые слова и фамилии тех, политических деятелей в прошлом, на — нынешних, и, как говорить, по-немецки: “С нами Бог!”. Как известно, на пряжках гитлеровских солдат было выбито именно это напутствие.

Теперь познакомимся с послесловием **Анатолия Глазунова (Блокадника)**, о котором шла речь в начале главы:

План Адольфа Гитлера в отношении России и русского народа. Фрагмент из его книги “Три преступления жидов против В. И. Даля”. СПб., 2007 год.

“Не надо слушать коммунистических пропагандистов, жидовских фашистов и разного рода германофилов (это по поводу перевода речи Гитлера проф. Столешниковым А.П. с его комментариями. — В.М.). Послушаем по этому вопросу, что говорил сам Гитлер. Гитлер и его пропагандисты много говорили об интересах арийской расы, о преобразовании даже пятой расы в шестую, но на деле все силы были брошены, прежде всего, на удовлетворение интересов германского народа — на завоевание для германского народа огромного пространства на востоке. Это была главная стратегическая цель Гитлера. Уже в “Моей Борьбе” (М., Витязь, 2002), в главе “Восточная ориентация или восточная политика”, Гитлер ясно высказался о политике по отношению к России и русскому народу. Для выживания и нормального развития в будущем, Германия должна стать мировой державой. Но стать мировой державой она могла лишь в

результате приобретения новых земель на востоке. У нас, писал Гитлер, пока “неблагоприятная пропорция между количеством населения и количеством земли. 500 тысяч квадратных километров — это ничтожно мало для нормального развития германского народа. На таком пространстве наш народ не выживет в кольце гигантских государств”. “Наше государство, прежде всего, будет стремиться установить здоровую, естественную, жизненную пропорцию между количеством населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством наших территорий, с другой”. “Все мы теперь понимаем, что нам предстоит ещё очень большая и тяжёлая борьба с Францией, но эта борьба была бы совершенно бесцельна, если бы ею исчерпывались все стремления нашей иностранной политики. Эта борьба с Францией может иметь и будет иметь смысл лишь постольку, постольку она обеспечит нам тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе. Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами. При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии. Лишь такой прирост земли обеспечивает нам тот прирост сил, который обуславливается большой сплошной территорией...”

Задача нашего движения состоит не в том, чтобы быть адвокатом других народов, а в том, чтобы быть авангардом своего собственного народа” (С. 555). Всё внимание Гитлера — на расширение “жизненного пространства” для немцев на востоке. “Мы должны стремиться к тому, чтобы наш немецкий народ получил на этой земле такие территории, которые ему подобает” (С. 554). “Мы должны освободиться от нынешней тесноты” (С. 548). “Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены” (С. 556). “Сама судьба указывает нам перстом...

В течение столетий Россия жила за счёт именно германского ядра в её высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своём подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории. Наша задача, наша миссия должна заключаться, прежде всего, в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч” (С. 557). Без огромного сплошного “жизненного пространства”, по понятиям Гитлера (и он был прав, если исходить из интересов немцев), германский народ не способен нормально развиваться, увеличить свою численность и выжить на планете в жестокой Борьбе за Существование, в борьбе со страшно многочисленной жёлтой расой и огромным мусульманским миром. И Гитлер считал своей великой исторической миссией дать германскому народу это необходимое ему огромное “жизненное пространство” на востоке. Для этого надо было после “завоевания Польши”, не только “покончить с правительством жидов и коммунистов в России”, но и ограничить Россию до размеров старой Московии и заселить немцами теперь уже бывшие западные и южные пространства России. Те из германофилов, которые отрицают существование таких планов у Гитлера, ничего не понимают в великих идеях Гитлера и принижают этого великого исторического деятеля Германии. Но на пути великого Гитлера находился великий Русский народ, хотя и подмятый жидами и коммунистами. Вторая Мировая война, и в частности война 1941–1945, которую большая часть русского народа считала и считает войной освободительной, имела очень сложный характер. Здесь нельзя впадать в крайности во избежание фальсификации”.

Вот читатель и ознакомился с выступлением фюрера немецкого народа перед нападением на Советский Союз. Да, еще и с комментариями. Что же так усердно скрывали от советского человека сие выступление? Неужели, из-за “еврейско-большевистского правительства”? В других

переводах, этот эпитет звучит еще жестче. А что? Может, в составе нашего правительства не было большевиков в 1941 году? Давайте, посмотрим. Молотов, Ворошилов, да и сам Сталин, все они из тех, самых, большевиков произошли. Что скрывать-то? Или что? Никто не знал, что Каганович, Мехлис, тот же Ванников и другие — евреи? Мне, думается, что причина в другом, и об этом в начале главы сказал Анатолий Глазунов. Скрывалась необходимая информация для понимания причин нападения Гитлера на СССР. И в этом — главная причина. Но нам хотелось бы, все же, быть поближе к нашей теме и, поэтому нас, в первую очередь, интересует точное время выступления Гитлера. А то получается, что и с выступлением Адольфа Гитлера, тоже происходит некоторая неувязка. Когда же он действительно выступил по радио? В примечании в п. 1 говорится, что, 22 июня рано утром, якобы, с речью Гитлера выступил И.Геббельс? Но это, совсем, не так.

Слово начальнику штаба ОКВ Вильгельму Кейтелю. Место нахождения Гитлера, в тот момент — это исторический факт, который трудно скрыть, но нашим “историкам” и кому-то, из партийно-военного руководства, не очень хотелось привлекать к данному моменту ненужный, с их точки зрения, интерес.

“Еще до ночи с **21 на 22 июня 1941 года** поезд фюрера с его самым близким окружением, включая Йодля, меня и наших адъютантов, прибыл на новую штаб-квартиру фюрера в лесной лагерь около **Растенбурга** (Восточная Пруссия — В.М.). Оперативный штаб министерства был размещен в очень большом лагере, в тридцати милях от нас, в то время как Геринг, главнокомандующий германскими ВВС, перевел свой штабной поезд в другой лагерь, находящийся в соседнем Иоганнсбургском лесу; в результате чего все верховные главнокомандующие могли в любой момент пообщаться или в течение часа (а возможно, и намного быстрее при помощи своих легких самолетов “шторх”) собраться по приказу фюрера”.

О переводном характере с английского, данных мемуаров, говорит такой факт. Расстояние приведено в милях, что присуще, именно Англии и, ряду англоязычных стран. В Германии, да, и в нашей стране, использовалась и используется поныне, метрическая система мер — километр (км).

Как видите, Гитлер, ну, никак не мог выступить по радио в Берлине 22 июня, по столь уважительной причине, как убытие в свою Ставку в Восточной Пруссии. Почему и предложил зачитать текст Геббельсу. Но, и это не все. Геббельс зачитал не саму речь Гитлера, а, своего рода, комментарии к ней. А кто же тогда зачитал речь Гитлера? Как кто? — сам Гитлер! Не мог же он, как и Сталин в речи от 3 июля, доверить свое обращение к нации зачитывать другому лицу? А то, получилась бы форменная глупость! Речь, подготовленная главой государства (или для главы государства) зачитывается только им самим. Также и Сталин, как глава государства, лично обратился к советскому народу со своей речью и тоже по поводу войны.

Это ведь не просто информационное сообщение, о чем либо. Данное выступление — это обращение руководителя государства к своей нации, к гражданам своей страны, накануне важного исторического события, начала войны, в котором озвучиваются поставленные перед народом задачи. Правда, каждый лидер государства ставил конкретно свои цели, резко отличающиеся друг от друга. Ну, на то, она и война.

Геббельс был министром пропаганды и не мог подменять собой главу правительства, то есть, главу государства. Таким образом, следует, что **Гитлер, лично зачитал свое Обращение к немецкому народу!**

Да, но когда же это произошло, если 22 июня он был в Растенбурге в Восточной Пруссии? Ведь, выше только что прочитали: Гитлер, вместе с военным руководством, прибыл в свою Ставку Верховного командования. Когда же он выступил? **Он выступил в субботу 21 июня 1941 года!** Но ведь его речь — это же, призыв к войне с Советским Союзом! А если зачитал по радио, то его услышали во всем мире и тогда, о какой внезапности нападения можно вести речь? — разве не

такой вопрос, вправе задаст читатель автору? Все это необычно читать нам, бывшим советским, а ныне российским гражданам. Как я уже говорил, на Западе многое знают больше нашего. Но, данная информация с большим трудом доходит до нас. Главное, это конечно препоны со стороны власти, но и трудности, с иностранным языком. К большому сожалению, немногие читатели смогут прочитать, даже в Интернете, документы на немецком и английском языках.

Но, вернемся к данной речи. А как же вся та внезапность, “о которой все время твердили большевики” из Политбюро? Позвольте, задать вопрос читателю. А кто, собственно говоря, твердил о внезапном нападении? Неужели Сталин, где обмолвился? Ни разу в своей речи от 3 июля, а это первое его выступление перед страной после начала войны, он нигде не произнес, что, дескать, Германия “внезапно напала” на нас. Сомневающиеся, могут внимательно перечитать выступление Сталина от 3 июля.

Он произнес: “вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину”. Учитель Мельников, из кинофильма “Доживем до понедельника”, так пояснял своим ученикам данное слово: “Вероломная (речь на уроке истории в школе шла о политике царя. — В.М.), то есть ломающая веру, предательская...”.

Снова отрывок из речи Сталина: “Фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году...”. Как видите, и в данном случае слова “неожиданно” и снова “вероломно”, относятся к нарушению пакта, но отнюдь, не к самому факту нападения. Выходит, что Сталин и не знал, что Германия напала на нас “неожиданно”? Разумеется. Ведь, по “мысли” щербующих поклонников псевдодемократии, он же на даче “скрылся от страха” и “впал в прострацию”. Хотелось бы пояснить этим непонятливым, но ретивым поклонникам современной истории, что, во-первых, должно как минимум состояться это самое “внезапное нападение”, а уж, после него, — “драп” на дачу с последующей “прострацией”. И никак, не наоборот. Но вот незадача. Как видите, выясняется, что никакого внезапного нападения просто напросто не было, если Гитлер произнес свою речь за сутки до нападения.

Кстати, Сталин сразу “раскусил”, цели и задачи, которые обозначил в своей речи “свободунесущий” фюрер:

“Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу”.

Значит, Сталин знал, что Гитлер напал не внезапно? Разумеется, знал, потому что, уж ему-то, Молотов, должен же был, показать эту самую ноту, в соответствии с которой, Германия разрывала с нашей страной дипломатические отношения? Кроме того, Молотов же уверял нас, что Сталин помогал ему редактировать речь, значит, это было **до 22 июня**.

Помните, что Молотов говорил в своем выступлении по радио? Вот его слова: “По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что...”

Такой же ложью и провокацией является **вся сегодняшняя декларация Гитлера**, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта”.

Но нам, теперь известно, что Гитлер выступал 21-го июня. Следовательно, речь Молотова готовилась в субботу, если написано, что **“сегодняшняя декларация”**. Это лишнее подчеркивает, что Германская нота была вручена субботним утром, если Молотов ссылается на выступление Гитлера по радио. Есть же, у нас специальные люди, в обязанность которых входила прослушка вражеских голосов. Тут же доложили правительству о намерении Германской стороны. Кроме того, речь Гитлера была растиражирована по всему миру. Уж один-то экземпляр должны были подготовить и положить на стол наркома иностранных дел.

Молотов сразу к Сталину на дачу. “Так, мол, и так, товарищ Сталин! Немцы разорвали соглашение! Готовятся на нас напасть! Что делать?”

Подготовили текст выступления по радио и оставили, как я говорил пропуски, которые следует заполнить в случае прямого нападения. Ведь, немцы же не сказали, конкретно, когда это произойдет? Потом поехать на радио и озвучить текст на всю страну. Всё.

А как же так получается, что Гитлер открыто, объявил о начале войны, фактически за сутки, предупредив противную сторону? И как же наше правительство, все это проглотило? Почему оно бездействовало? Вот это и есть загадка, ответ на которую, как и саму загадку, хрущевцы, спрятали от народа. Точно также непонятно поведение Сталина и место его пребывания? Тогда, получается, что надо ставить вопрос уже не только о том, где был Сталин 22 июня, но где же, он был 21 числа, то есть, в субботу? Понятно, что на своей даче, но почему?

Более того, проследите за последовательностью процесса, которое провернула немецкая дипломатия. Гитлеру, прежде чем объявить на весь мир о начале войны с Советским Союзом, надо было, чтобы посол Шуленбург, своевременно вручил ноту о разрыве дипломатических отношений. Затем, пресс-конференция в Берлине перед представителями дипломатических посольств и журналистов крупнейших издательств с участием советского посла в Берлине Деканозова, которому вручат соответствующий документ (Об этом будет сказано чуть ниже). Иначе, с чего бы Гитлер, начал вещать на весь мир о войне с Советским Союзом? Теперь Германия перед всем миром предстает в облике невинной овечки, проблеявшей, что она заранее предупредила противника о начале военных действий. Какой же она в таком случае агрессор?

Да и в Советском Союзе схема действия немецкой дипломатии, до крайности, проста. В Германское посольство в Москве, посылается срочная телеграмма с уведомлением. О ней мы уже вели речь, ранее, и даже обратили внимание, на тот “удивительный” факт, что наши деятели от истории, скрыли время приема этой телеграммы. Посол Шуленбург в соответствии с телеграммой и распорядком рабочего дня, **в 9.30 утра 21-го июня**, вручил текст этой ноты Молотову. Это было необходимо успеть сделать до обеда, так как в полдень 21-го июня Гитлер намечал выступление по радио после всех дипломатических процедур и пресс-конференции. После своего выступления, Гитлер со штабом выехал в Раценбург в Восточную Пруссию, откуда и планировал руководить своими командующими трех основных армейских групп: “Север”, “Центр” и “Юг”. После начала военных действий против нашей страны, **утром 22 июня по радио, уже выступал Геббельс со своей речью**, о которой можно сказать следующее. Это, как я говорил выше, своего рода комментарии к предыдущему выступлению Гитлера со свойственным Геббельсу пропагандистским налетом.

Давайте ознакомимся еще вот с каким документом.

“Распоряжение Главнокомандующего сухопутными войсками о назначении срока нападения на Советский Союз.

Главное командование **10 июня 1941 года**

сухопутных войск

На основе предложения, представленного главным командованием сухопутных войск, верховное главнокомандование вооруженных сил назначило для готовности к военным действиям следующие сроки:

Днем “Д” операции “Барбаросса” ... считать **22 июня**.

В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято **не позднее 18 июня**. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) Сигнал “Дортмунд”. Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступить к открытому выполнению приказов.

б) Сигнал “Альтона”. Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут; начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно.

По поручению: Гальдер

По пункту № 1. Опять “выдрали, что-то важное заменив, как всегда, многоточием.

Пункт № 2. Насчет 18 июня сильно сомневаюсь, так как “наши” историки могли исказить эту дату. Думаю, что следует читать “не позднее 20 июня”. Это связано с “ликвидацией” Сталина.

Пункт № 3. Если ликвидация состоится, то в 12.00 с речью выступает Гитлер, а после этого в 13.00 передается сигнал “Дортмунд”. Сам же Гитлер выезжает в Ставку в Восточной Пруссии. Если ликвидацию Сталина не удастся осуществить в намеченные сроки, то последует другой сигнал “Альтона”. Конечно, нападать с субботы на воскресенье удобно, но перенос срока еще на неделю затруднит маскировку самого нападения, так как огромные массы войск, конечно же, трудно скрыть от противника, что и беспокоит немецкое командование.

Конечно же, речь Гитлера, это обработка общественного мнения. Руководству рейха, безусловно, было бы желательно, начать все это значительно раньше, но обстоятельства мешали.

Хочу предложить читателю еще один документ, вышедший из недр ОКВ, даже, чуть раньше предыдущего.

Предложения штаба ОКВ по пропагандистской подготовке нападения на Советский Союз

Отдел обороны страны 8 мая 1941 года

(приводится в сокращении)

Начало подготовки:

... Для России наш удар должен оказаться внезапным. В то же время придется отложить идеологическую подготовку немецких солдат и немецкого народа, хотя она сама по себе была бы

желательна. Но если русские до начала военных действий сами пойдут на провокацию, то это будет означать, что наступил момент открыть как идеологическую кампанию по подготовке к войне нашего народа, наших немецких солдат, так и действия по разложению русского народа. Правда, и в этот момент наши намерения еще должны оставаться в тайне. Должно сохраняться впечатление, будто главной задачей на летний период остается операция по вторжению на острова, а меры против Востока носят лишь оборонительный характер и их объем зависит только от русских угроз и военных приготовлений.

Подготовка немецкого солдата:

Следует считать достаточным краткое ориентирование солдата относительно его новых задач. Ориентирование должно осуществляться за короткий срок до дня “Д” операции “Барбаросса”. Инструктаж офицерского состава могут провести командиры частей и соединений приблизительно за восемь дней до дня “Д”, а с рядовым составом проделают необходимую работу командиры рот (батарей) в самые последние дни перед началом военных действий. Инструктаж будет проводиться в духе ранее представленного предложения управления пропаганды вооруженных сил...

Подготовка зарубежного общественного мнения:

Если начинать идеологическую обработку зарубежных стран и оккупированных областей, а также действия по разложению русского народа (например, подпольными радиостанциями, листовками и т. п.) до наступления дня “Д” операции “Барбаросса”, то это преждевременно раскроет наши намерения. Копирование ранее использовавшихся методов пропаганды лишит операцию фактора внезапности. Зато было бы целесообразно до последнего дня усиливать пропаганду против Англии.

Объявить о наших действительных планах немецкому народу и зарубежным странам можно будет только в день “Д”, без всякой предварительной подготовки”.

По пункту № 1. Конечно, и по этому документу прошла “советская” цензура. Видимо, заранее подготавливали материал для Резуна-Суворова. Неужели, немцы такие тупые создания, что противоречат сами себе или не понимают существа дела?

Из дневника Ф.Гальдера (если читатель, еще не забыл этот документ).

“**22.5.1941 г.** ...Майор Вестерберг (из отдела аэрофоторазведки штаба военно-воздушных сил) докладывает о результатах аэрофотосъемки эскадрильей Ровеля русских пограничных районов. Имеются точные данные о том, что **вдоль границы ведутся обширные работы по строительству укреплений** (особенно противотанковых рвов). На подготовку сплошного оборонительного рубежа указывает также укладка кабеля. Аэрофотосъемка подтверждает наше мнение, что русские полны решимости удерживать свои границы...”.

Пусть читателя не смущает дата 22 мая. Ведение оборонительных работ на границе нашей стороной, осуществлялось задолго до 8 мая, которое отражено в предложениях штаба ОКВ. Вопрос вот в чем? Кто же готовит оборонительные сооружения, мы или немцы? Если мы, якобы, собираемся провоцировать немцев, то получается, что мы, вроде бы, и хотим напасть на Германию? Зачем же тогда роем противотанковые рвы? Создать себе трудности при атакуемом положении, а потом их стойко преодолевать? В чисто русском стиле, так что ли?

С другой стороны: за кого немцы принимают нас? За полных идиотов?

Кто же должен поверить в то, что для нападения на Англию, немецкие войска спрятались в “засаду” у границ Советского Союза? Если только руководитель Советского государства товарищ Сталин, у которого “крыша поехала”, — с подачи “дорогого Никиты Сергеевича”, да, тех историков, которые истово верят в данную глупость?

По теме, пункт № 2. Разъяснение солдату в нескольких словах цель войны против СССР необходимо осуществить “до дня “Д” операции “Барбаросса”. Что и было сделано.

Пункт № 3. Предельно откровенно, особенно в отношении нас. Эту методику “разложение русского народа”, в виде эстафеты, Запад взял после речи Черчилля в Фултоне и продолжил ее вплоть до уничтожения СССР. Теперь на очереди Россия. Что с нами будет дальше?

Возвращаемся к рассмотрению событий 21 июня 1941 года. На наш “огонек”, набрел У.Черчилль со своей речью. Мы о ней тоже упоминали ранее и я, даже заострил вопрос, отчего это он свою речь, с субботы перенес на воскресный вечер? Помните? Как только Гитлер на весь мир объявил о начале войны с Советским Союзом, то это сообщение, разумеется, сразу довели до Черчилля. Сначала он хотел сразу дать свою оценку выступлению Гитлеру, но затем, подумав, стал ждать, как будут события развиваться дальше. Вопрос стоял: “успелись” со Сталиным, в смысле ликвидации, или нет? Черчилль, разумеется, всё о планах Гитлеровского руководства узнал из допросов Гесса. Не просто же так он к ним “прилетел”? В нашем случае, события в Англии, вроде бы, развивались так: посол Криппс, якобы бы, проявил “осведомленность”. Сразу, как пишет посол Майский, тот позвонил ему и напросился на встречу. У наших мемуаристов, всегда, валят на покойников. Когда Майский писал свои воспоминания, Стеффорд Криппс уже лежал в земле сырой. А с того света не возразят и не опровергнут. Думается, Иван Михайлович “темнит”, по поводу сведений от Криппса. Как я уже отмечал ранее, он сам узнал из сообщений английского радио о том, что Гитлер готовит нападение на нашу страну. А вспомните, черноморских моряков из Севастополя, которые перехватили сообщение “из-за бугра” по радио о начале войны и передали в штаб ВМФ Рогову. Разумеется, Германское радио раструбило на весь мир о своем предстоящем нападении на Советский Союз. К тому же все мировые информационные службы продублировали выступление немецкого вождя. Ясное дело, что телеграмма посла Майского не была открытием для нашего наркомата, сами, небось, владели ситуацией, но, тем не менее, Иван Михайлович все же, обеспокоился случившимся. Он отбивает эту самую “срочную телеграмму о нападении” и шлет ее в свой наркомат. То-то, ее “не смогли найти в архивах”, наши “историки” в дипломатических мундирах.

Кроме того, в речи Гитлера не было сказано о точной дате нападения. Поэтому Иван Михайлович Майский и терзался сомнениями, что нападение произойдет завтра или послезавтра? А Криппс подсказал ему, что, дескать, Гитлер любит нападать с субботы на воскресенье, поэтому, если нападения не будет в ближайшее воскресенье, то оно, возможно, произойдет через неделю, 29 июня. Вот и все недомолвки в “Воспоминаниях советского дипломата”.

Думаете, Сталин не проявил интерес к Ивану Михайловичу Майскому? В 1943 году (раньше было не до него), его отозвали на Родину, но дневник, который он вел по дипломатической службе, не поплыл на корабле, вместе с бывшим хозяином, а был отправлен самолетом. Это не тот дневник, в широком понимании этого слова. Это специальный дневник посла, куда заносятся все его действия. Это очень, не побоюсь этого слова, очень ценный документ. Как видите, в Кремле посчитали, что самолетом доставить безопаснее, чем на корабле морем. Кроме, того мы не знаем обстоятельств такого вынужденного размежевания дневника и его владельца. Я уже говорил, что Майского после войны, в самом начале 50-х, “за хобот” притянут на Лубянку. Хотя и не по Гессу, а по другой, не менее интересной теме, но, тем не менее, “английским шпионом” назовут. И совершенно напрасно, между прочим, с чем, категорически не согласится Лаврентий Павлович, выпустив на свободу незадачливого дипломата.

Этот момент и обыгрывает Хрущев, используя рассказ Берии о Майском, в своих мемуарах. Он заменит в эпизоде с арестом Мерецкова, причину по которой тот будет находиться на Лубянке.

Историю с Майским Никита Сергеевич припишет Мерецкову. Не будет же Хрущев приводить настоящую причину ареста своего подельника. Именно, Майскому вменял в вину, как “английскому шпиону”, министр госбезопасности Игнатъев. Именно, с Майским (настоящая фамилия которого — Лиховецкий) и возник вопрос о крови, так как он был арестован по сфабрикованному делу о Кремлевских врачах, где подоплекой стоял еврейский вопрос. В дальнейшем, мы вкратце, столкнемся с этим делом.

Лаврентий Павлович Берия, арестовав Игнатъева, тут же выпустил из тюрьмы ни в чем не повинного Ивана Михайловича. Ведь его засадили в тюрьму совсем за другие дела, никоим образом не связанные с врачами.

Вот такая история с продолжением по Мерецкову. Хрущев знал, что ставилось в вину Кириллу Афанасьевичу, поэтому приложил все усилия, чтобы вытянуть того с Лубянки. Длинные руки были у Никиты Сергеевича.

Вернемся к “нашим баранам”. Можно ли ознакомиться с речью У.Черчилля. Разумеется, да. Но для русского читателя, данное выступление приведено в сокращенном варианте.

“За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но всё бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем...

Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома...

Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на всё это надвигается гнусная нацистская военная машина с её щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с её искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десятков стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с ещё не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу. За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий...

Я должен заявить о решении правительства Его Величества, и я уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером — наши враги...

Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности. Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара.

(Churchill W. The Second World War. Vol. 3 L., 1951. P. 331–333).

Что уж такого секретного мог произнести Черчилль, узнать которое, было не дано советскому человеку? По всей видимости, Черчилль обмолвился о речи Гитлера от 21 июня, что и побудило его, как он пишет в мемуарах, взяться за перо, при подготовке к выступлению по английскому радио. Это можно понять даже из его “обрубленных” мемуаров на русском языке, отрывок из которых был приведен ранее. Советскому читателю знать это, в полном объеме, было не положено. А признак многоточий в таком важном для понимания истории документе, как мемуары или приведенная выше речь, такой знаковой фигуры в мировой политике, как Черчилль, не более того, как попытка скрыть от читателя, весьма неудобные для власти предателей, — факты. Вот назвал Хрущева и его со товарищей — предателями, а не перегнул ли палку? А кто же они, — в действительности? Совершить страшную катастрофу 1941 года, положив под немецкие танки, почти разоруженную Красную Армию. Как тогда они называются, если не предателями? Сделать два переворота, второй — в 1953 году, удачный: это что не предательство? Ведь, дорвавшись до власти в 1953 году, они учинили погром и в архивах нашей страны. Сколько уничтожено документов, которые уличили бы их в свершении преступления во время Великой Отечественной войны? Тысячи! Более того, они подменили фальшивками настоящие документы и исказили нашу историю войны до неузнаваемости.

Главное, сколько честных людей уничтожили, которые верой и правдой служили своему Отечеству.

Подвести итог событиям 21 и 22 июня 1941 года, которые произошли в Германии, хотелось бы воспоминаниями Валентина Михайловича Бережкова, бывшего в ту пору первым секретарем нашего посольства в Берлине. Мы с ним уже встречались по данной теме. Разумеется, данные мемуары “препарированы” советской цензурой и наиболее значимые места искажены или удалены, но в свете того, что нам уже известно многое, этот текст, все равно, хорошо дополнит все то, о чем мы говорили выше. Если чего Валентин Михайлович и упустил, мы его вовремя подправим. Тем более что у него есть еще и “демократический” вариант издания.

“В субботу 21 июня из Москвы пришла срочная телеграмма. Посольство должно было немедленно передать германскому правительству упомянутое выше важное заявление”.

Уже говорилось о том, что при получении Молотовым германской ноты, мы должны были послать запрос в свое посольство в Берлине, которое должно было подтвердить правомочность подобного заявления. А вдруг, Шуленбург провокатор, — который хочет поссорить народы Германии и СССР? В данном случае, речь, как бы идет о другом, и в посольстве, явно “не понимают” происходящего.

“Мне поручили связаться с Вильгельмштрассе и условиться о встрече представителей посольства с Риббентропом. Дежурный по секретариату министра ответил, что Риббентропа нет в городе. Звонок к первому заместителю министра, статс-секретарю Вейцеккеру также не дал результатов. Проходил час за часом, а никого из ответственных лиц найти не удавалось. Лишь к полудню

объявился директор политического отдела министерства Верман. Но он только подтвердил, что ни Риббентропа, ни Вейцзеккера в министерстве нет.

— Кажется, в **Ставке фюрера** происходит какое-то важное совещание. По-видимому, все сейчас там, — пояснил Верман. — Если у вас дело срочное, передайте мне, а я постараюсь связаться с руководством...

Я ответил, что это невозможно, так как послу поручено передать заявление лично министру, и попросил Вермана дать знать об этом Риббентропу...

Это очень сложный момент в понимании происходящего. Если бы наши историки и дипломаты не врали, относительно происходящего момента, тогда можно было бы предположить, что германская сторона решила схитрить. Посол Шуленбург, ноту о разрыве дипломатических отношений, Молотову вручил, а, аналогичное уведомление, уже нашему послу в Берлине Деканозову, вручено не было. Молотову, в тот момент, действительно, не позавидуешь: полная сумятица в голове. Как понять, насколько правомочным было вручение ноты Шуленбургом? Наркомовцы пытаются связаться с Берлином, а связи нет. Могло же так быть? Сейчас тяжело это проверить (но, при желании, можно). События специально запутаны, чтобы трудно было понять, в какой день это происходит: 21-го или 22-го июня? Поэтому Бережков бодро и пишет, что

“из Москвы в этот день несколько раз звонили по телефону. Нас торопили с выполнением поручения. Но сколько мы ни обращались в министерство иностранных дел, ответ был все тот же: Риббентропа нет, и когда он будет, неизвестно. Часам к семи вечера все разошлись по домам. Мне же пришлось остаться в посольстве и добиваться встречи с Риббентропом. Поставив перед собой настольные часы, я решил педантично, каждые 30 минут, звонить на Вильгельмштрассе”.

Хочется верить написанному, но гложет сомнение. На протяжении всего рассказа о пребывании в Германии Бережков ни разу не назвал фамилии нашего посла. Почему? Столько привел описаний разных лиц, а своего непосредственного начальника Деканозова Владимира Георгиевича не упомянул ни разу, отделившись лишь нейтральным словом “посол”. Может это связано с тем, что когда Хрущев совершил переворот, то в числе первых, кто попал под пули заговорщиков, был именно, бывший посол СССР в Германии В.Г. Деканозов. Ему ли не знать, что было на самом деле 21 июня? А курировавший легально разведывательную сеть в Германии и находящийся при посольстве Александр Михайлович Коротков, тоже многое мог бы порассказать, но, как пишет Бережков, “в конце 50-х годов скоропостижно скончался на теннисном корте в Москве”. Наверное, теннисный мяч попал в Александра Михайловича и “повредил жизненно-важные органы” нашего замечательного разведчика?

Так вот, в тот описываемый момент, секретарь Бережков названивает в министерство иностранных дел Германии на протяжении, как пишет, всего дня, а о действиях нашего посла — ни слова.

“Трудно было отделаться от мысли, что ходивший по Берлину слух, в котором фигурировала последняя дата нападения Гитлера на Советский Союз — 22 июня, на этот раз, возможно, окажется правильным. Казалось странным и то, что мы в течение целого дня не могли связаться ни с Риббентропом, ни с его первым заместителем, хотя обычно, когда министра не было в городе, Вейцзеккер всегда был готов принять представителя посольства. И что это за важное совещание в ставке Гитлера, на котором, по словам Вермана, находятся все нацистские главарь?..”

Иной раз напишут такое, наши доктора исторических наук, что с трудом поддается осмыслению. (Кстати, Валентин Михайлович имел, именно, эту ученую степень). Я, имею в виду, те, слухи, которые распространялись по Берлину, относительно даты нападения на нашу страну.

Не в том месте находился Р.Зорге, а то бы прислал в радиограмме более точную дату нападения. А, может наша разведка (тот же Коротков, например?) эти слухи “распространяла”? Знала же, что в Москве к их сообщениям “Сталин относится скептически” и подумала, что может Бережков, как-то поможет, передаст? Может, “за слухи”, Короткову и “залепили” теннисным мячом на корте насмерть? В отношении странностей, я уже сказал выше. Кроме телефона в посольстве был и автотранспорт, так что можно было и колеса размять, скатав для приличия в министерство иностранных дел Германии, чтобы, лично убедиться, в чем там дело? Да, к тому же, и бумагу соответствующую передать секретарю, своему же собрату по дипломатической работе или еще, что-нибудь сделать, что положено в таких случаях. А насчет Ставки Гитлера, — сплошное убожество. Ему ли, Бережкову, не знать обстоятельства этого дела. Сам рассказывал о наших разведчиках в Германии, в одной из глав своих воспоминаний. А здесь, прикидывается первоклассником на уроке в школе. Что, уж и Кейтеля не читал в оригинале, что ли? — когда готовил мемуары, или, при защите докторской диссертации пошел на поводу у оппонентов?

Правда, в более поздних изданиях своих воспоминаний, ему дали возможность “вспомнить” о Деканозове, более подробно. Вот как это выглядит в современном виде, изданном в девяностые годы.

“Начальник имперской канцелярии Отто Мейснер сразу же после прибытия в Берлин в декабре 1940 года нового советского посла Владимира Георгиевича Деканозова завел с ним дружбу. Ясно, что она была санкционирована самим Гитлером, который познакомился с посланцем Сталина, когда тот сопровождал Молотова в его поездке в столицу рейха и присутствовал при переговорах в кабинете фюрера. Деканозов — маленького роста, но плотного телосложения, с бочкообразной грудной клеткой, лысеющей головой и густыми рыжими бровями — при новом назначении сохранил свой пост заместителя наркома, что подчеркивало особое доверие, которым он пользовался у “вождя народов”.

Когда меня в конце декабря назначили первым секретарем посольства СССР в Германии и я приступил к своим обязанностям, Владимир Георгиевич встретил меня очень любезно. Часто приглашал на ужин, брал с собой на все важные переговоры, хотя в посольстве имелся специальный переводчик. Деканозов знакомил меня не только со всеми телеграммами, касавшимися отношений с Германией, но и с документами, которые ему присылали из Москвы как члену Центрального Комитета партии. За бутылкой грузинского вина он любил поговорить о том, что они со Сталиным земляки, ибо оба карталинцы (одна из кавказских народностей). Но прежде всего он был человеком Бериин, да и перешел в Наркоминдел из органов безопасности. Видимо, все это учитывали в рейхсканцелярии, благословляя особые отношения между Деканозовым и Отто Мейснером”.

Ведь, можно же, при желании, поведать читателю настоящую правду о нашем после в Германии? И не только о нем. Давайте ознакомимся с отрывком из последней книги В.Бережкова с несколько шокирующим названием: “Я мог убить Сталина”. Это, видимо, надо понимать как воспоминания о не сбывшейся мечте, так что ли?

“21 июня 1941 года получили телеграмму от Сталина. Он опять предлагает встречу с Гитлером. Он понимает: война принесет несчастье двум народам, и, чтобы избежать этого, нужно немедленно начать переговоры, выслушать германские претензии. Он был готов на большие уступки: транзит немецких войск через нашу территорию в Афганистан, Иран, передача части земель бывшей Польши. Посол поручил мне **дозвониться до Ставки Гитлера** и передать все это. Но меня опередил телефонный звонок: нашего посла просили прибыть в резиденцию Риббентропа. Едем, настроение тревожное”.

Разумеется, после получения ноты в Москве от Шуленбурга, Кремль обязан был отреагировать. Предполагалось выяснить через посла Деканозова, так ли всё на самом деле? Тут пристально всматриваясь, не можем разглядеть Сталина, а Бережков от него 21 июня депеши получает. Уже и Молотова оттерли, получается, от поста наркома иностранных дел? Кроме того, ясно же читается,

что Бережкову предлагалось звонить в “Ставку Гитлера”, то есть, в Растенбург. Или есть сомнения, что Берлинская имперская канцелярия, могла носить такое название? Но, смотрите, министр иностранных дел Германии Риббентроп вызывает нашего посла Деканозова. Разумеется, чтобы вручить ему соответствующую официальную бумагу. Дату вручения Бережков указал, как 21 июня 1941 года.

Но в первоначальном варианте советского издания, разумеется, даже это событие излагалось по-иному.

“Внезапно в 3 часа ночи, или в 5 часов утра по московскому времени (это было уже воскресенье 22 июня), раздался телефонный звонок. Какой-то незнакомый голос сообщил, что рейхс-министр Иоахим фон Риббентроп ждет советских представителей в своем кабинете в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе. Уже от этого лающего незнакомого голоса, от чрезвычайно официальной фразеологии повеяло чем-то зловещим”.

Полгода проработал в посольстве и вдруг, услышал незнакомый голос? Наверное, приняли “новенького” в министерство, чтобы напугал по телефону Бережкова. Еще момент. Риббентроп ожидает их в своем кабинете.

“Выехав на Вильгельмштрассе, мы издали увидели толпу у здания министерства иностранных дел. Хотя уже рассвело, подъезд с чугунным навесом был ярко освещен прожекторами. Вокруг суетились фоторепортеры, кинооператоры, журналисты. Чиновник выскочил из машины первым и широко распахнул дверцу. Мы вышли, ослепленные светом юпитеров и вспышками магниевых ламп. В голове мелькнула тревожная мысль — неужели это война? Иначе нельзя было объяснить такое столпотворение на Вильгельмштрассе, да еще в ночное время. Фоторепортеры и кинооператоры неотступно сопровождали нас. Они то и дело забегали вперед, щелкали затворами”.

Уважаемый читатель. Мы с вами при исследовании, уже встречались со многими воспоминаниями. Как правило, у наших мемуаристов, всегда встречается расхожая фраза: “в голове мелькнула мысль — неужели война?” Не избежали подобной участи и мемуары Бережкова. У наших “героев” подобная мысль ни разу не мелькала в их головах, хотя бы за неделю, в крайнем случае, хотя бы за сутки до начала войны? Нет, тютелька в тютельку, в половине четвертого утра или, как у Бережкова, чуть-чуть попозже. Еще интересный момент: “Чиновник выскочил из машины первым и широко распахнул дверцу”. Это чей же чиновник выскочил из нашей машины? Судя по всему, немецкий. Не стал бы, так называть Бережков, своего товарища по посольству. Тогда, как это понимать? А понимать это надо так, что посол Деканозов и сопровождающие его лица, скорее всего, **были доставлены** на пресс-конференцию, где официально было объявлено о начале войны Германии и СССР. Отсюда и появление в машине представителя немецкой службы безопасности. Машина была уже не наша, посольская, а представительская — министерства иностранных дел Германии. Наше посольство уже заблокировали, к этому времени, и выезд наших машин был запрещен. Факт вручения ноты о разрыве дипломатических отношений всегда знаменует собой, начало момента особых отношений. Думается, в данных мемуарах, время действия, как всегда “передернули”.

А как изложены данные события в современном издании девяностых годов?

“У подъезда резиденции Риббентропа в роковое утро 22 июня 1941 г. нас — Деканозова и меня — ожидал “мерседес” рейхсминистра, чтобы доставить обратно в посольство. Повернув с Вильгельмштрассе на Унтер-ден-Линден, мы увидели вдоль фасада посольского здания цепочку эсэсовцев. Фактически мы были отрезаны от внешнего мира. Телефоны бездействовали. Выходить в город запрещено. Ничего не оставалось, как ждать дальнейшего развития событий. Около **двух часов дня** канцелярии зазвонил телефон. Работник протокольного отдела германского МИД Эрих Зоммер сообщил, что впредь до выяснения вопроса о том, какая страна

возьмет на себя защиту интересов Советского Союза, посольству предлагается назначить дипломата для связи с Вильгельмштрассе. Посол Деканозов поручил эту функцию мне, о чем я и проинформировал протокольный отдел, когда мне вновь позвонили. — Должен вас предупредить, — разъяснили мне, — что представителя посольства при поездках в министерство иностранных дел будет сопровождать начальник охраны, установленной вокруг посольства, хауптштурмфюрер СС Хейнеман. Через него вы можете связаться, если понадобится, с протокольным отделом...”

Все может человек при желании. И через сорок лет, оказывается, помнит какая машина подъехала к нашему посольству? А когда был молодым да неопытным, все “спотыкался”, воспоминания.

Обратите внимание на время: “около двух часов дня”. По-московски, будет пять часов. Нота уже вручена. В дальнейшем, будет врать, что по приезду от Риббентропа в посольстве будут слушать речь Молотова. Видимо, в записи специально для Бережкова и его друзей. Хотя все это происходило 21-го июня. Снова возвращаемся к советскому изданию мемуаров.

“В апартаменты министра вел длинный коридор. Вдоль него, вытянувшись, стояли какие-то люди в форме. При нашем появлении они гулко щелкали каблуками, поднимая вверх руку в фашистском приветствии. Наконец мы оказались в кабинете министра. В глубине комнаты стоял письменный стол, за которым сидел Риббентроп в будничной серо-зеленой министерской форме. Когда мы вплотную подошли к письменному столу, Риббентроп встал, молча кивнул головой, подал руку и пригласил пройти за ним в противоположный угол зала за круглый стол. У Риббентропа было опухшее лицо пунцового цвета и мутные, как бы остановившиеся, воспаленные глаза. Он шел впереди нас, опустив голову и немного пошатываясь. “Не пьян ли он?” — промелькнуло у меня в голове. После того как мы уселись и Риббентроп начал говорить, мое предположение подтвердилось. Он, видимо, действительно основательно выпил”.

Для чего я привел кабинет Риббентропа и весь антураж происходящего, читатель поймет, чуть ниже.

“Советский посол так и не смог изложить наше заявление, текст которого мы захватили с собой. Риббентроп, повысив голос, сказал, что сейчас речь пойдет совсем о другом. Спотыкаясь чуть ли не на каждом слове, он принялся довольно путано объяснять, что германское правительство располагает данными относительно усиленной концентрации советских войск на германской границе. Игнорируя тот факт, что на протяжении последних недель советское посольство по поручению Москвы неоднократно обращало внимание германской стороны на вопиющие случаи нарушения границы Советского Союза немецкими солдатами и самолетами, Риббентроп заявил, будто советские военнослужащие нарушали германскую границу и вторгались на германскую территорию, хотя таких фактов в действительности не было”.

Здесь речь шла о том, что Деканозов собирался вручить Риббентропу послание от Молотова о многочисленных нарушениях советской границы. На что Риббентроп ответил нотой о разрыве дипломатических отношениях, препроводив свое сообщение, по дипломатическому этикету, что аналогичная нота вручена (или будет вручена) послом Шуленбургом министру иностранных дел Молотову. В данном случае посла страны, с которой расторгают дружеские отношения, вызывают “на ковер” в министерство иностранных дел, где и совершается обряд “экзекуции”. В данном случае, при описании Бережковым, все это смикшировано и заведомо искажено. Обратите внимание, что и в этом случае, наш посол, так и “не получил” эту самую ноту протеста. Как и в мемуарах Жукова, Молотов, ведь тоже, вернулся ни с чем от Шуленбурга, только со словами.

“Далее Риббентроп пояснил, что он кратко излагает содержание меморандума Гитлера, текст которого он тут же нам вручил. Затем Риббентроп сказал, что создавшуюся ситуацию германское правительство рассматривает как угрозу для Германии в момент, когда та ведет не на жизнь, а на смерть войну с англосаксами. Все это, заявил Риббентроп, расценивается германским правительством и лично фюрером как намерение Советского Союза нанести удар в спину

немецкому народу. Фюрер не мог терпеть такой угрозы и решил принять меры для ограждения жизни и безопасности германской нации. Решение фюрера окончательное. Час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза”.

Для нас в данный момент совсем не важно, что нам по обыкновению, фантазирует очередной мемуарист. Нам нужно свидетельство, что будет упомянуто о “меморандуме Гитлера”. Обратите внимание, как замысловато названо “Обращение Гитлера к немецкому народу”, прозвучавшее по радио. Это чтобы, в то время советский читатель не понял, что к чему? Значит, речь Гитлера состоялась, и Риббентроп вручил ее текст советским представителям (вместо ноты)?

“Затем Риббентроп принялся уверять, что эти действия Германии являются не агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями. После этого Риббентроп встал и вытянулся во весь рост, стараясь придать себе торжественный вид. Но его голосу явно недоставало твердости и уверенности, когда он произнес последнюю фразу:

— Фюрер поручил мне официально объявить об этих оборонительных мероприятиях...

Мы тоже встали. Разговор был окончен. Теперь мы знали, что снаряды уже рвутся на нашей земле. После свершившегося разбойничьего нападения война была объявлена официально...”

Понятно, что вместо ноты, по Бережкову, послу Деканозову, якобы, вручили “меморандум”, который он принял из рук Риббентропа и направился к выходу. Уж не за это ли его расстрелял Хрущев? Будет знать как “распространять речи Гитлера” на советской земле.

“Тут уже нельзя было ничего изменить. Прежде чем уйти, советский посол сказал:

— Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь...

Мы повернулись и направились к выходу. И тут произошло неожиданное. Риббентроп, семени, поспешил за нами. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто лично он был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать...

— Передайте в Москве, что я был против нападения, — услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор...

Подъехав к посольству, мы заметили, что здание усиленно охраняется. Вместо одного полицейского, обычно стоявшего у ворот, вдоль тротуара выстроилась теперь целая цепочка солдат в эсэсовской форме”.

Владимира Михайловича, цензоры явно поторопили отправить в свое посольство, добавив ему в придачу коллег по работе. Обычно процедуры подобных мероприятий проходят, примерно, по такой схеме. В своем кабинете министр иностранных дел, в данном случае, Риббентроп, в конфиденциальной обстановке вручает ноту протеста послу, уже ставшей, недружественной стране, а затем, вместе с ним выходят на пресс-конференцию, где публично министр иностранных дел делает соответствующее заявление дипломатическим представителям стран, с которыми у Германии сохраняются дружественные отношения. Общим сторонам задаются вопросы, и журналисты, присутствующие на данной конференции, получают ответы. В главе “Москва, 22 июня 1941 года. Кремль без Сталина?” приведена фотография данной пресс-конференции. Обратите внимание на большое скопление народа. Жаль, что Бережков “отказался” присутствовать на данной пресс-конференции, а то, многое, мог бы порассказать в будущем.

“В посольстве нас ждали с нетерпением. Пока там наверняка не знали, зачем нас вызвал Риббентроп, но один признак заставил всех насторожиться: как только мы уехали на Вильгельмштрассе, связь посольства с внешним миром была прервана — ни один телефон не работал...”

Не во всех же головах мелькала подобная мысль о войне, как у Бережкова: поэтому “ждали с нетерпением”. Насчет связи, и ежу понятно. Зачем же врагу давать в руки возможность информировать свою сторону. Дальше, как всегда, без тупости не можем. Всё! — время смешалось в кучу. Так уже наступает утро следующего дня, 22 июня, а накануне, посол с переводчиком Бережковым были у Риббентропа. Понятно, что ноту вы “утаили” от читателя, а чего ждете от Москвы? Чтоб Молотов сказал вам, что война началась?

“В 6 часов утра по московскому времени мы включили приемник, ожидая, что скажет Москва. Но все наши станции передали сперва урок гимнастики, затем пионерскую зорьку и, наконец, последние известия, начинавшиеся, как обычно, вестями с полей и сообщениями о достижениях передовиков труда. С тревогой думалось: неужели в Москве не знают, что уже несколько часов как началась война?”

Станный вы человек, Валентин Михайлович, а еще переводчик с немецкого языка. Вам, что Риббентроп сказал в кабинете? А вы взяли, да соврали нам, сказав, что вызывали, чтобы вручить “меморандум” Гитлера. (Это чтобы состыковалось с текстом телеграммы от 21 июня, о которой говорилось ранее). Выходит, что “аналогичное послание”, видимо, вручил и Шуленбург Молотову? Тогда, чего же вы ждете от Москвы? Вот вам и передают “утреннюю гимнастику” с “пионерской зорькой”. Но, надо как-то исправлять положение и Бережков описывает способы связаться с Москвой и передать важное сообщение. Фашисты-“редиски”, Бережкову не сказали, что Шуленбург, в Москве подсуетился и уже передал это важное сообщение Молотову. А из Берлина, нашим посольским, передать сообщение на Родину, было весьма проблематично. Ни у кого не получилось, кроме, как у нашего “героя”. Привожу дальнейшее повествование Бережкова, ради чего, собственно и включил данный отрывок.

“...Я сел за руль, ворота распахнулись, и юркий “опель” на полном ходу выскочил на улицу. Быстро оглянувшись, я вздохнул с облегчением: у здания посольства не были ни одной машины, а пешие эсэсовцы растерянно глядели мне вслед.

Телеграмму сразу сдать не удалось. На главном берлинском почтамте все служащие стояли у репродуктора, **откуда доносились истерические выкрики Геббельса**. Он говорил о том, что большевики готовили немцам удар в спину, а фюрер, решив двинуть войска на Советский Союз, тем самым спас германскую нацию”.

Вот Бережков и подтверждает, что выступление Геббельса прозвучало утром 22 июня и, как видите, это не речь Гитлера, а комментарии, если о фюрере говорится в третьем лице. Следовательно, речь Гитлера прозвучала накануне, коли Риббентроп, вручил послу Деканозову отпечатанный “меморандум” и никак не 22 июня, если Геббельс уже давал немцам объяснения по поводу войны.

Кстати, и сам министр пропаганды Йозеф Геббельс может подтвердить сказанное Валентином Бережковым. В его дневниках, оказывается, есть запись от **22-го июня**. Она сама по себе нейтральная, но как, увидите, оказалось, что очень даже, может о многом рассказать.

“...**3 часа 30 минут**. Загремели орудия. Господь, благослови наше оружие! За окном на Вильгельмплац все тихо и пусто. Спит Берлин, спит империя. У меня есть полчаса времени, но не могу заснуть. Я хожу беспокойно по комнате. Слышно дыхание истории. Великое, чудесное время рождения новой империи. Преодолевая боли, она увидит свет. Прозвучала новая фанфара.

Мощно, звучно, величественно. **Я провозглашаю** по всем германским станциям **воззвание фюрера** к германскому народу. Торжественный момент, также, для меня...”

Вот и “продираемся” сквозь “заросли” лжи, чтобы выяснить, где же находился Сталин, если **о нападении Германии было известно за сутки!** Картина свершившегося события, вырисовывается чудовищная, как по форме, так и по содержанию. Тотальное вранье всего постсталинского верхнего эшелона власти страны и высшего генералитета.

Нет ни каких телефонных звонков на дачу Сталину. Зачем звонить и так ясно, что напали, — еще вчера немцы сами предупредили, вручив ноту. То-то молчали наши военачальники, по поводу того, кто напал на нас 22 июня? Боялись произнести слово “немцы”, чтобы, дескать, не раскрыть факт ранее доставленной Молотовым ноты о разрыве дипломатических отношений с Германией. А то, пишут “неизвестные самолеты” налетели на нас и не знаем, кто бы это мог быть? Вроде бы, — не японцы? Далековато, однако.

Нет и Жукова в Кремле, который присутствовал, оказывается, на заседании в другом месте.

Нет, всей этой суеты в стенах Кремля с проектом Ставки и прочими документами.

Нет, разумеется, и самого Сталина с набитой табаком трубкой в руках.

Всего этого не было по одной простой причине, что этого не могло быть по определению. Всё, написанное ранее, неправда. Помните, я высказал в адрес Деборина, Жилина и Степанова, что они не взяли грех на душу: не вставили в текст Жуковских мемуаров ноту Шуленбурга. Совесть честного человека не позволила глумиться над Историей. Да, было трудно и в то время, нормальному человеку. Но ведь не вставили фальшивку. И за это скромное деяние, большое человеческое спасибо. На том свете, как говорить, им зачтется. А как же все эти вопли о том, что Сталин, дескать, не позволил открывать огня по врагу, вторгшегося на нашу территорию? Как это понимать? Очень просто. Не было его в Кремле с 19 июня, поэтому военное руководство, при поддержке предателей из Политбюро и правительства и вело себя так, как им заблагорассудится. Это и был план нашей “пятой колонны” в действии! Как ускорить разгром Красной Армии в наикратчайшие сроки? Первое... Написал и задумался. Да все первое, за что не возьмись? Авиация. За несколько недель до начала войны начались массовые аресты высшего командного состава ВВС Красной Армии. Это притом, что как стало известно, органы контрразведки, накануне войны, были переведены “под крыло” Наркомата Обороны. Откуда информация почти не просочилась к патриотически-настроенному руководству страны. Да и речь-то, шла всего о, каких-то, пару недель. Если бы у заговорщиков всё получилось со Сталиным, и все бы рухнуло, то, уже никто бы и никогда, не стал докапываться, что там произошло с тем или иным военным, арестованным до войны.

Бережков, тоже свидетельствует, что

“в первые недели войны... казалось, что Советский Союз вот-вот рухнет...”. И подчеркивает, **“...ведь положение у нас было действительно катастрофическое”**.

Ему ли не знать, вращаясь на самом верху, в Кремле, о ситуации в стране по началу войны?

Понимая важнейшую роль авиации при ведении боевых действий, наши предатели сделали все возможное, чтобы наши самолеты не взлетели. Примеров, данных безобразий, “вагон и маленькая тележка”. Немцы отмечали даже такой необычный факт. Часть прибывших в западные округа наших новых самолетов, даже не были собраны. Упакованные фюзеляжи самолетов так и остались лежать на земле в деревянных коробах?!

Бронетанковые силы. Нет горючего, боеприпасов. По сути — железный лом. Более того, перед самой войной нещадно вырабатывался моторесурс у старой техники, а новую — не давали осваивать?!

Многострадальная пехота. Сорвали своевременную мобилизацию и, в Красную Армию не поступал автотранспорт. Пешком топала пехота сотни километров до района прикрытия. Нет оружия, которое заранее, подлым образом, привезли к самой границе в количестве несколько миллионов штук!!! и которое сразу было захвачено врагом. Начался призыв по мобилизации в Красную Армию, а нечем вооружать призывников! Что творилось со снабжением Красной Армии, мы с вами узнали у Хрулева, который три дня, с начала войны “пролежал на печке”. Дезавуировали, отданный 18 июня приказ о приведении войск западного направления в полную боевую готовность. Помните приказ Тимошенко о проведении лакокрасочных работ, отданный в войска накануне нападения? А все эти Директивы, которые вносили сумятицу в умы командиров всех уровней? И многое прочее, мало чем отличавшееся от перечисленного выше.

Как известно, гитлеровская Германия всю войну страдала от нехватки горючего и если бы не Румыния, то вообще, войну можно было бы не затевать. Но предатели в погонах озаботились проблемами немцев. Румыния далеко от главного удара немцев, да и Антонеску, вдруг, да и выкинет какой-нибудь фокус, воевать-то, не больно расположен, — взяли и расположили у самой границы, огромные запасы горючего, чтобы немецкие танки и авиация без задержек двигалась на Восток. После войны, как все это объяснить народу? Выдумали! Дескать, Сталин собирался напасть на Германию, поэтому загодя к границе всего понатащали. Потом в архив засунули какие-то “писульки” о том, что хотели сразу “окружить немцев и разбить”. “Наполеоны” задним числом, однако. Если готовилось вторжение в Европу, то должны были быть разработки: планы, карты, прочая военная документация, без которой ни армии, ни войны, — не бывает. А этого нет!

У немцев же сохранилась огромная документация по подготовке к нападению. Гальдер, даже дневник вел, где отражал мероприятия по подготовке нападения. По сути, если бы у нас было подобное, то это была бы та же “Барбаросса” — только, наоборот. Но, ведь, как известно, этих материалов нет. Как не было и такого интенсивного сосредоточения наших войск у границы, в отличие от немцев.

Еще несколько слов о 21-ом июня 1941 года. Знакомый нам генерал Блюментрит так вспоминал час “Ч” на советско-немецкой границе.

“Напряжение в немецких войсках непрерывно нарастало. Как мы предполагали, **к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит**, но на другом берегу Буга перед фронтом 4-й армии 2-й танковой группы, то есть между Брестом и Ломжей, **все было тихо**. Пограничная охрана русских вела себя как обычно. Вскоре после полуночи, когда вся артиллерия пехотных дивизий первого и второго эшелонов готова была открыть огонь, международный поезд Москва — Берлин беспрепятственно проследовал через Брест. Это был роковой момент...”

Что должны были понять бойцы Красной Армии к вечеру 21-го июня? — по мысли немецкого генерала. Можно гадать о чем угодно, если не знать того, о чем читатель узнал в этой главе? Советский читатель был лишен этой правды, в том, далеком 1958 году, когда были опубликованы воспоминания Блюментрита. Понятно, что это перевод с немецкого, плюс советская цензура тех лет при Хрущеве, которая вполне могла подсократить высказывания данного генерала.

Блюментрит недоумевает, почему у русских все было тихо? Ведь они же, как ему было известно, уже получили ноту о разрыве дипломатических отношений, что означало войну между Германией и СССР. Кроме того, Гитлер на весь мир объявил, что нападает на Советский Союз и даже, по этому поводу, произнес довольно длинную речь по радио. Все это, по мысли немецкого генерала, должно было бы вызвать среди русских, по меньшей мере — суматоху, и как следствие, определенную активность на границе, однако этого не наблюдалось. Необъяснимым явлением для

немецкого генерала была и отправка международного экспресса Москва- Берлин с Брестского вокзала в сторону Германии.

Думается, Блюментрит был обеспокоен тем, как бы русские не подстроили какую-нибудь коварную ловушку, но нет — все обошлось, на удивление, удачно!

“К 3 часам 30 минутам — это был час “Ч” — начало светать, небо становилось каким-то удивительно желтым. **А вокруг по-прежнему было тихо.** В 3 часа 30 минут вся наша артиллерия открыла огонь. И затем случилось то, что **показалось чудом: русская артиллерия не ответила.** Только изредка какое-нибудь орудие с того берега открывало огонь. Через несколько часов дивизии первого эшелона были на том берегу. Переpravлялись танки, наводились понтонные мосты, и **все это почти без сопротивления со стороны противника.** Не было никакого сомнения, что 4-я армия и 2-я танковая группа **застали русских врасплох.**”

Прорыв был осуществлен успешно. Наши танки почти сразу же **прорвали полосу пограничных укреплений русских** и по ровной местности устремились на восток. Только в Брестской крепости, где находилась школа ГПУ, русские в течение нескольких дней оказывали фантастическое сопротивление”.

Вот и советские люди, те, которым удалось ознакомиться с подобным высказыванием генерала Блюментрита, были в недоумении от прочитанного: “Как же так произошло?” Да и по сей день, историки ломают копья, пытаются отстоять, каждый свою версию внезапного нападения немцев.

Как видите, с помощью подсказки о ноте германского правительства врученной 21-го июня нашему правительству, текст перестает быть загадочным папирусом, а четко разъясняет недоумения немецкого генерала. Согласитесь, что, действительно, “странная” позиция советского командования. Немцы ноту вручили, а высшее военное командование “ваньку валяет” — как бы, не спровоцировать Германию на конфликт. Смотрите, мол, на границе по немцам не стреляйте! Вдруг ноту назад заберут и передумают нападать. Более пятидесяти лет такими сказками нас кормили.

Также, неплохо перекликается с высказываниями Гюнтера Блюментрита и сам Франц Гальдер, упомянутый чуть выше. В своих дневниковых записях по первому дню войны, он так описывает хаос в частях Красной Армии. Есть, как говорится, на что, и у него обратит внимание читателя.

“Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.

Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для проивника свидетельствует тот факт, что **части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом,** а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность”.

Хотя и перевод, но нарисованная картина спланированного бардака яснее ясного. Теперь, как говорится, осталось выяснить самую малость: “Кто же позволил, чтобы немецкая армия застала наших красноармейцев врасплох и практически беспрепятственно пересекла государственную границу?” Именно об этом велся, и ведется разговор на протяжении всей работы.

Возвращаясь к основной нашей теме, можно с достаточной уверенностью сказать, что все то, о чем говорилось выше и есть результат примененной, образно говоря, схемы поражения Красной Армии, осуществленной в июне 1941 года нашими заговорщиками.

Но, по счастью, в дальнейшем, все их планы поломал советский народ и главное — Сталин! Всю войну он был врагом № 1 для Адольфа Гитлера и тот скрипел зубами в бессильной ярости от того, что стали рушиться его планы блицкрига. Сколько готовилось попыток покушения на нашего Верховного главнокомандующего, но тщетно. И лишь, когда подельник Гитлера, по поражению нашей страны и Красной Армии, в частности, подлый Никита Хрущев взялся за это дело, оно увенчалось успехом. Еще не написана самая полная и правдивая книга об этом творце “демократической оттепели”, которому всех отрицательных эпитетов, характеризующих человека, будет мало.

Он страшнее Гитлера. Сколько своего народа перестрелял в период “массовых репрессий”, которые и сам же организовал, — нет счета. Не меньше, чем уничтожил Гитлер в своих концлагерях, выходит. Сохранились, по счастью, некоторые документы в архивах о причастности к “чисткам” Хрущева, до которых не дотянулись его руки, и руки, его подельников.

А Великая Отечественная война? Сколько же народа положили Хрущев с Жуковым и прочими “доброхотами”! Здесь счет, тоже идет на миллионы. Все котлы, как правило, были там, где был Хрущев и его, верный помощник Жуков. Это весь 41-й и 42-й годы. В 43-ем, уже на Курской дуге, в полосе Воронежского фронта, Хрущев пакостничал, как только мог. Прорыв-то, немцев, максимальный по глубине, произошел именно здесь, у Ватутина, где членом Военного Совета был Никита Сергеевич. Перечислять все прегрешения Хрущева с братией, нет времени и места в данной работе. Единственное, о чем хотелось бы пометить, так это о том, что бы, за всё, что он сделал с нашей страной и советскими людьми — Хрущев попал бы в ад. А черти, варили бы его на медленном огне и по сей день, и, если это так, то пусть это действие продлится, как можно дольше!

Глава 34. Катастрофа на дороге

Теперь нам предстоит попытаться ответить на вопрос, поставленный в предыдущей главе. Почему Сталин продолжал оставаться на своей даче, и даже, не выступил по радио, поручив это сделать Молотову?

Когда, я выдвинул предположение о покушении на Сталина, то опирался в основном вот на какие факторы: стрельба и отравление. Соответственно привел и доводы, но они самому не показались на 100 % убедительными. Увы! Но, что делать? — тема, уж больно, деликатная. Слабость моей позиции, была вот в чем: используемый прием, в покушении на высокопоставленное лицо, как правило, не повторяется. И на то, есть причина. Ведь, лицо подвергнутое нападению, в случае неудачи заговорщиков, обратит на это особое внимание, предпримет **в дальнейшем**, соответствующие меры предосторожности по этому действию. Так как, стрельба планировалась использоваться в 1937 году, и заговор был раскрыт, то были приняты соответствующие жесткие меры по недопущению проникновения вооруженных лиц в Кремль. При входе личное оружие отбиралось. Поэтому стрельба в Кремле отпадает. Отравление, скорее всего, было осуществлено в 1953 году. Значит, ранее, оно не использовалось. Таким образом, эти два способа покушения в сорок первом, определенным образом можно исключить. Что же у нас остается? Выбор довольно ограничен, но один, довольно распространенный способ по устранению высокопоставленных лиц, остался неиспользованным. Я говорю об автокатастрофе. В советское время в 1980 году, таким способом был устранен Петр Миронович Машеров, первый секретарь Компартии Белоруссии. По этому поводу, в энциклопедии выпуска 1982 года даже не рискнули указать причину его кончины, чтобы, на всякий случай, не привлечь к этой смерти внимание читателей. Как всегда отделались скромной нейтральной фразой: “Умер в 1980 году”. Получается: жил человек, работал, не болел и вдруг — бац! и ушел в мир иной. Так что автокатастрофа довольно распространенный вариант при сведении счетов с соперником. Способ этот не нов, так как и в данной работе есть упоминание об

автокатастрофах с летальным исходом. Это и генерал Захаркин в 1944 году, и генерал Берзарин в 1945 году.

Давайте, рассмотрим, как версию, этот вариант покушения на Сталина. Как вы думаете, уважаемый читатель, можно ли найти по этому делу какие-нибудь свидетельские показания или что-либо близкое к этому? Сразу скажу, что весьма и весьма затруднительно. Неужели, думаете, что преступники не замечали следы по данной теме? Конечно, нет ничего такого, что прямо бы указывало на покушение именно в дорожной катастрофе, но, косвенные улики, все же, находятся. Кое-что нам подсказал В.Жухрай. Просто так, лечащего врача, ночью к Сталину, не повезут. Кроме того, отсутствует история болезни вождя. То, что предложено общественному мнению, историей болезни трудно назвать. Так, какой-то обрывок из 1953 года, якобы, по поводу смерти вождя. Можно подумать, что Сталин не болел ни разу в жизни. Даже, Преображенский Б.С. — специалист по уху, горлу, носу, должен же был оставить в истории болезни какие-либо записи. Хотя бы рецепт на применение чайной соды для полоскания горла, в крайнем случае. Если же именно так, только 1953-им годом, представлена история болезни Сталина, то трудно тогда говорить о смерти в результате старости и, тем более, о не перенесенном, якобы, инсульте. Как правило, предпосылки высокого кровяного давления коры головного мозга должны были проявляться и отражаться в записях его истории болезни. Поэтому исчезновение Сталинской истории болезни, играет в пользу моей версии, так как травмы или что там было на самом деле, должны же были быть отражены профессором Преображенским (пусть пока им, по версии В.Жухрая) в результате осмотра пострадавшего и в дальнейшем его лечении.

Итак, на поиск. Как вы думаете, волкогоновы и им подобные, постараются увести нас в сторону? Значит, уже сообщение этих субчиков надо рассматривать со знаком “минус”, т. е. понимать, как противоположное.

Даже в нашем варианте, можно исходить из следующего. Если, как я предполагаю, в июне 1941 года наши заговорщики устроили Сталину автокатастрофу, то оставшись в живых, предпринял ли он дополнительные меры предосторожности при поездке на автомобиле? Вряд ли, ответ будет носить многовариантный характер.

Но, сначала приведу журналистские страсти-мордасти. Они разбросаны по газетным сайтам, но, как правило, похожи одна на другую.

“Подозрительный Сталин никогда не пользовался одной и той же машиной. Постоянно менялись номерные знаки, которые устанавливались только сзади. Никто из водителей кремлевского Гаража Особого Назначения (ГОН) не знал, на каком именно автомобиле сегодня поедет Иосиф Виссарионович. А перед самым выездом из Кремля Сталин имел обыкновение менять свой маршрут, начиная с того, через какие ворота поедет кортеж — это он решал сам, буквально в последнюю минуту перед выездом”.

Так и видится, следующая картина: Власик свертывает в трубочку листки с фамилиями шоферов и бросает в свою фуражку. Иосиф Виссарионович, откладывает свою неизменную курительную трубку и нехотя достает из глубины перевернутого головного убора своего верного “холуя”, листок с фамилией водителя кремлевского ГОНа. Тот, на которого пал “жестокий” жребий, после уведомления, лихорадочно начинал привинчивать на свою машину новый номерной знак.

Однако, по свидетельству очевидца, Сталинский кортеж до войны ездил “по одним и тем же улицам, в одни и те же часы”. И только “в военные годы стали ездить каждый день разными маршрутами, чтобы уберечься от покушений немецких диверсантов”.

Понятно, что война — особый режим поездок, но зачем ёрничать по поводу поездок в мирное время. Хотя определенная безопасность соблюдалась. Обратите внимание! До войны, как

известно, Сталин был более благодушен к автоперевозкам. Война — это особый период, а вот послевоенный — это уже бронированный вариант передвижения.

Как оказалось, не знаешь, кого больше бояться? Если немецких диверсантов НКВД арестовывало и даже известна история их поимки, то с нашими “любителями рыночных отношений” до сих пор все покрыто мраком непроглядной тайны. Так и не пояснили читателям, кого же боялся Сталин после войны, если до самой кончины продолжал ездить на бронированном ЗИС-115?

Значит, имелись на то основания!

Вот еще один триллер о предвоенных годах.

“Поездки Сталина по Москве в конце 30-х годов совершались в режиме большой секретности. На крышах домов располагались снайперы, сотрудники ОРУДа перекрывали движение, а “Паккард” сопровождали четыре машины охраны (сегодня в кортежах президентов стран СНГ их по меньшей мере 10). Впереди шли два фэтона “Линкольн КБ” с мощным 12-цилиндровым мотором и откидным верхом, который не мешал круговому ведению огня, а сзади ехали два “ЗИС 101” с сотрудниками охраны”.

Хотелось бы спросить у автора, в чем суть, нахождения снайпера на крыше? Если в предыдущем эпизоде, говорилось о смене маршрутов перед выездом, и это можно, как-то понять, то, как же быть со снайперами? Или решили все московские крыши заселить снайперами, чтобы не суетиться без нужды, когда Сталин даст команду: где ехать, или, наверное, как в первом случае, тянуть жребий, кто, и на какой крыше? Не понятно, что должен делать снайпер при проезде по улице машины со Сталиным? Если нахождение на крыше — это охрана должностного лица, то в чем она должна выражаться? Стрелять на поражение по террористам, что ли? Как их с крыши различишь, среди людей? А если ночью, когда Сталин, в основном, и ездил? Глупость, — одним словом. А вот к описанию кортежа, стоит присмотреться. Значит, впереди два кабриолета “Линкольн КБ”, а сзади два “ЗИС 101”. Кроме этого, в публикациях приводится довольно занятный эпизод:

“Надо сказать, что в довоенный период лимузин Сталина в аварии не попадал, не считая инцидент, произошедший в 1940 году с машиной охраны. На мокром асфальте при повороте от площади Дзержинского на Кировскую огромный “Линкольн” занесло, и он врезался в стену дома. Окровавленные сотрудники охраны, выскочившие из фэтона, мигом остановили какую-то “Эмку”, выбросили перепуганного водителя и помчались вслед за главной машиной”.

Откуда же доподлинно известно, что в довоенный период в аварии не попадал? Или есть такое желание? Теперь, по поводу случившегося. Не будем обращать внимание на год, когда произошел инцидент? Так нам и напишут, в “июне 1941 года”. Почему один “Линкольн” занесло на “мокрый асфальт”, а другой нет? Ведь кортеж едет с одинаковой скоростью. Кроме того, непонятно, отчего так окровавились сотрудники охраны? Стекол в машине нет, впрочем, есть лобовое. Неужели о стену здания носы поразбивали или, все же, лобового стекла хватило на всех?

Ну, а главная загадка состоит в том, что с бывшей площади Дзержинского (ныне Лубянская) нет крутого поворота на бывшую улицу Кирова (ныне Мясницкая). Практически прямая линия, если не считать слабого изгиба вправо. Как “рояль в кустах” появилась “эмка” с перепуганным водителем, которого выбросили из машины, как это привычно делает Арнольд Шварцнеггер в американских боевиках. Если рассматривать описываемое событие, разумеется, в рамках нашего расследования, то можно предположить следующее: происходит, явная, “блокировка” правительственного кортежа. Неизвестная машина сбоку, под прямым углом, врезается в шедший впереди “линкольн” и отбрасывает его к стене здания. Судя по тому, что сотрудники на экспроприированной “эмке” “помчались вслед за главной машиной”, кортеж сумел прорваться через преграду образованную неизвестным автомобилем. Но это то, что нам показывает автор

статьи. Вполне возможно, что кортеж мог развернуться и двинуться в противоположном направлении? Все же, вряд ли покушение готовили в центре Москвы? Скорее, ближе к окраине или за ней. Но может быть и такой вариант. Снайпер (с вражеской стороны) поражает водителя “Линкольна” и машина, потеряв управление, врежется в стену здания. Тогда охране, нет необходимости выбрасывать водителя “Эмки”. Или сами, были в состоянии справиться с управлением автомобиля?

В данном случае, надо полагать, охраняемое лицо не пострадало, и было благополучно доставлено к месту назначения.

Давайте-ка, сначала уточним, на каком четырехколесном детище двадцатого века предпочитал ездить Сталин до войны? Если бы наша история, так называемого советского периода, была правдиво изложена, нам достаточно было указать эту информацию (об автомобиле) в одном абзаце. Но, по определенным причинам, всё, что связано со Сталиным, оказалась трижды оболганным, извращенным и деформированным до неузнаваемости. На примере с автомобилем, вы читатель, убедитесь в этом в полной мере. Сразу вопрос: “С какой целью скрываются, казалось бы, очевидные факты?” Видимо, по той самой причине, которая указана в названии данной главы?

Итак, отправляемся в автомобильный мир тридцатых годов.

“В 1932 году распахнул свои двери автосалон в Детройте. Восхищенная публика увидела новый гигантский “Паккард” с 12-цилиндровым мотором, который так и назывался — “Твелв”. Этот автомобиль оснащался двигателем 7,7 литра, развивающем при форсированном варианте до 180 сил. Разумеется, правительство большевиков не смогло пройти мимо такого автомобиля, бывшего в те дни самым дорогим серийным средством передвижения. В 1933 году была закуплена партия машин с открытым кузовом фэзтон. Один из них с упрощенным 160-сильным мотором попал к Сталину...

В то время в США увеличилось количество террористических актов против правительства, и в моду вошли бронированные лимузины. Сам президент Франклин Делано Рузвельт, выезжающий на массовые мероприятия в открытой машине “Паккард Твелв” с кузовом дубль-фэзтон, для повседневных поездок использовал бронированный лимузин той же марки. Вот он и решил подарить своему коллеге Сталину самый роскошный и дорогой лимузин 14-й серии. Это был наиболее совершенный по техническим данным экземпляр с семиместным кузовом, бронированным в ателье “Дэрхем”, что в Пассадене...

Именно эта машина, покрашенная в белый цвет, была преподнесена Сталину в октябре 1936 года американским послом Авереллом Гарриманом. Иосифу Виссарионовичу машина очень понравилась, однако он приказал в срочном порядке перекрасить белый “Паккард” в государственный черный цвет”.

В последнем абзаце, что ни слово, то мимо. Во-первых, в то время, А.Гарриман не был послом в СССР. Во-вторых, в силу, каких причин, Ф.Рузвельт озаботился одаривать Сталина бронированным автомобилем в 1936 году? Да, наша страна лишь после 1933 года только начала налаживать контакты на дипломатической ниве с Америкой. А здесь вдруг, на! — получи товарищ Сталин бронированный лимузин на четырех колесах. А кто такой Сталин в 1936 году? Даже, не генеральный секретарь партии большевиков и, к тому же, не имевший никакого государственного поста. Кроме того, с послом Уильямом Буллитом (1933–1936 гг.), кроме официальных отношений (передать соответствующие бумаги), не было сделано ни малейших попыток сближения на почве неформальных отношений. В-третьих, данный автомобиль стал производиться в Америке лишь в 1939 году. Если же исходить из того, что послом в Советском Союзе Аверелл Гарриман стал в 1943 году и, если подарок Рузвельта имел место, именно, из-за его личного опыта попадания в авткатастрофу, то согласитесь, что подаренный автомобиль играет определенную роль, но произойти это должно было только после 1941 года.

Кроме того, С.Д. Доронин, директор компании "АРМЕТ", в своей статье пишет, что "первые действительно незаметного бронирования автомобили были закуплены в Америке в конце 1930-х гг. Этому предшествовала череда экспериментов и попыток забронировать что-нибудь свое. Ходит такая легенда, так и не подтвержденная, что первый бронеавтомобиль был подарен Иосифу Виссарионовичу Сталину президентом США Франклином Делано Рузвельтом, уже пережившим и неудачное покушение, и знавшим толк в защите от таковых. Подарили или купили первый автомобиль — подтверждений тому нет, но, тем не менее, были приобретены и использовались бронированные Паккард (Packard Twelve) 1935–1937 модельных годов и их небронированные собратья более поздних годов выпуска. Исходное шасси было великолепно: 12-цилиндровый Паккард (Packard) в 1935 модельном году шел под обозначением 1208, код типа кузова-835, а в 1936–1408 (ну не любят в Америке число 13). В 1937 модельном году появилось заметное отличие: на шасси 1508 и кузове 1035 передние двери стали навешиваться по ходу движения и изменились бамперы. Но все машины имели полностью бронированный изнутри кузов (толщина брони 6,35 мм), а внутренняя обивка салона крепилась на деревянных брусках, что соответствовало технологии производства заказных кузовов того времени. На некоторых деревянных деталях каркаса сохранились надписи на английском языке с датой — октябрь 1936 года. По мере наращивания поставок и другие руководители высшего ранга пересели на бронированные автомобили Паккард (Packard Twelve), которых насчитывалось 13–15 штук. Некоторые экземпляры дожили и до наших дней, однако они раскиданы историей не только по просторам России, СНГ, но и далее. И все нынешние владельцы в один голос утверждают, что именно на их автомобиле ездил сам И.В. Сталин. **(Кстати, при сегодняшней реставрации одного из первых бронированных Паккардов не обнаружено следов белой или иной краски, якобы имевшейся первоначально, а то легенда имела бы подтверждение).** Пулестойкие стекла толщиной 76 мм, поворотные форточки окон из бронестекла с металлической окантовкой, защита пола. Весь добавочный вес бронезащиты легко компенсировался мощностью 185-сильного мотора. Броня устанавливалась на кузовном заводе Дэрхем (Derham) в Калифорнии. Это был весьма быстрый и хорошо защищенный автомобиль, и И.В. Сталин брал его во многие путешествия как по югу страны, так и на международные конференции. Автомобиль обычно путешествовал вместе с хозяином на поезде, на специальной платформе и с соответствующей их статусу охраной. А в поездках по Москве, кроме сотрудников вдоль трассы следования, впереди кортежа его обычно сопровождали две машины Линкольн (Lincoln) KB с откидным верхом и два ЗиС-101 или те же Линкольн (Lincoln) KB, но уже закрытые — позади кортежа с сотрудниками охраны.

(Каталог "Бронеавтомобили. Специальное приложение к журналу "Системы безопасности"-2008. <http://secuteck.ru/articles2/Mashina/kak-vse-nachinalos-iz-istorii-razvit-auto-nezametnogo-bronirov-chat-2>)

Понемногу разбираемся с автомобилями Сталина. Как видите, не дарил белый "Паккарт" Рузвельт Сталину в 1936 году. Кроме того, как вам нравится крепление внутренней обивки на "деревянные брусочки"? К бронированному "Паккарду" и его техническим характеристикам мы еще вернемся.

Все же, на какой машине Сталин ездил в 1941 году?

"Страна Советов, которая семимильными шагами шла по пути индустриализации, никак не могла освоить производство собственных лимузинов высшего класса. Еще в 1933 в Ленинграде на заводе "Красный Путиловец" была выпущена партия из шести советских "Бьюиков" — автомобилей "Л- I", но завод перепрофилировали, а работу над советским лимузином передали в Москву на завод имени Сталина. Там решили довести до ума "бьюиковскую" ходовую и двигатель, а значительно устаревший внешний вид осовременить, прибегнув к помощи американских специалистов. 29 апреля 1936 года партия из четырех новых лимузинов "ЗИС 101" — два черных, один бежевый и один вишневый — выехала за ворота завода и покатила в сторону Кремля. Члены правительства, осмотрев новую машину, сделали свои замечания. В частности, Сталин приказал поставить за передним сиденьем разделительное стекло (он не терпел лишних свидетелей при

разговорах), перенести салонный светильник от заднего сиденья в середину кузова (он не выносил яркого света), заменить фигурку-талисман на капоте на более лаконичную”.

По-поводу разделительного стекла есть другая противоположная версия: Сталин, дескать, сказал, что не надо его ставить, так как “у меня нет секретов от своего народа”.

“Естественно, все сталинские поправки были выполнены, а лимузин пошел в серию. Несмотря на все сложности производства, в 1936–1941 годах было выпущено 8752 машины “ЗИС 101”. Самый первый серийный экземпляр подарили, естественно, лучшему другу советских автомобилистов — И.В.Сталину”.

А что нам пишет историк “всех времен и народов” Д.Волкогонов по этому поводу:

“В конце октября (1941 года. — В.М.), ночью, колонна из нескольких машин выехала за пределы Москвы по Волоколамскому шоссе, затем через несколько километров свернула на проселок. Сталин хотел увидеть залп реактивных установок, которые выдвигались на огневые позиции, но сопровождающие и охрана дальше ехать не разрешили. Постояли. Сталин выслушал кого-то из командиров Западного фронта, долго смотрел на багровые сполохи за линией горизонта на западе и повернул назад. На обратном пути тяжелая бронированная машина Сталина застряла в грязи. Шофер Верховного А.Кривченков был в отчаянии. Но кавалькада не задерживалась. Берия настоял, чтобы Сталин пересел в другую машину, и к рассвету “выезд на фронт” завершился”.

А вот как это было в действительности, по воспоминаниям охранника Алексея Трофимовича Рыбина.

“В августе 1941 года Сталин с Булганиным ездили ночью в район Малоярославца для осмотра боевых позиций. Черным восьмицилиндровым “Фордом” управлял шофер Кривченков, сотрудниками для поручений были: генерал Румянцев — старый чекист, участвовавший еще в подавлении левых эсеров и освобождении Дзержинского, Хрусталева, Тукова. Они же через несколько дней сопровождали Сталина, Ворошилова и Жукова во время осмотра Можайской оборонительной линии...

В конце октября Сталин и Ворошилов поехали на боевые позиции шестнадцатой армии генерала Рокоссовского, где наблюдали за первыми залпами “Катюш”. Когда они побатарейно дали залп — пронесся огненный смерч. После этого надо было сделать рывок в сторону километров на пять. Но тяжелый “Форд” застрял в проселочной грязи. Верховного посадили в нашу хвостовую машину и быстро вывезли на шоссе. Расстроенный шофер Кривченков просил не бросать его без помощи. Выручил танк, вытянувший машину на шоссе. Конечно, немецкая авиация тотчас нанесла бомбовый удар по месту стоянки “Катюш”, но те уже находились далеко. На рассвете Сталин в грязной машине вернулся в Москву”.

Волкогонов, хочет нас уверить в том, что у Сталина в то время была бронированная машина, но он почему-то не привел ее марку? Из воспоминаний охранника Рыбина, следует, что Сталин ездил на “Форде”. Но здесь опять не все ясно. “Форд”, не мог быть 8-ми цилиндровым, это — “Бьюик”, автомобильной компании Дженерал моторс. С другой стороны, тот же “Линкольн” — это компания Форд, но, все же, данный автомобиль — 12-ти цилиндровый. Одно, вроде бы не подлежит сомнению, — машина, которая была у Сталина, американская, что подтверждается официальными источниками: в начале 30-х годов для Советского правительства в Америке были закуплены “Бьюики”, “Кадиллаки”, а для ЦК партии приобрели “Линкольны КБ”. Обратите внимание, что в этом эпизоде нет упоминания о, всеми знакомом, Сталинском “Паккарде”. Куда же подевался довоенный образец, подарок Рузвельта? Да он еще и не появился на свет. Давайте, почитаем, что нам пишут в журнале “Автолегенды” № 16 за 2009 год.

“6 января 1942 года Государственный Комитет Обороны принял решение о восстановлении автомобильного производства в Москве, на автозаводе им. Сталина (ЗИС), не нарушая темпов роста оборонной продукции, а 14 сентября того же года вышел Приказ Наркомата среднего машиностроения о создании на ЗИСе нового легкового автомобиля высшего класса. Через пять дней директор И.А.Лихачев издал приказ (№ 723 от 19.09.1942 года) о создании на заводе конструкторско-технологического бюро по проектированию ЗИС-110. Таким образом, еще до решающей битвы под Сталинградом, когда предопределился исход войны, в Москве начались работы по созданию нового послевоенного правительственного лимузина”.

Неужели, читатель должен поверить в то, что Сталину нечем было заняться в 1942 году, как давать задание на производство легкового автомобиля после войны, когда еще неясно было, как все повернется на фронте в настоящее время. Посмотрите на дату приказа: август 1942 года. Немцы вовсю рвутся к Волге и на Кавказ. Еще месяца не прошло после Сталинского приказа “Ни шагу назад!” Разве было до проектирования легковых автомобилей будущей послевоенной постройки? А как же приказ И.А.Лихачева? Но, надо же понимать и военный момент. Секретность нужна повсюду. Проектирование отечественного бронированного автомобиля для Верховного главнокомандующего должно вестись в тайне. Как прикрытие данной разработки, проектирование одновременно и гражданского автомобиля. Между прочим, очень трудно различить легковой автомобиль ЗИС- 110 и его бронированного собрата ЗИС- 115. Но это будет чуть позже, к концу войны, а пока

“с лета 1943 года работу бюро по легковому автомобилю возглавил Андрей Николаевич Островцев, который пришел на должность заместителя главного конструктора ЗИС в 1942 году. Раньше он работал главным конструктором автомобильного отдела НАМИ, а позднее в той же должности на заводе КИМ (впоследствии — АЗЛК). Задача перед ним ставилась простая и сложная одновременно: когда бы ни закончилась война, в год Победы в стране должен появиться новый лимузин, который просто обязан стать показателем высокого уровня советской техники. В годы войны советские конструкторы провели огромную и самоотверженную работу, несмотря на то, что ЗИС-110 и не был полностью самостоятельной их разработкой. За основу был взят американский Packard-180, 1942 модельного года”.

Немного уточним. “За основу” был не просто взят “американский Паккард -180”, а в рамках ленд-лиза были доставлены в Советский Союз американские машины. Видимо, среди них и оказалась бронированная модель Паккарда, которую Рузвельт, якобы, “подарил Сталину в 1936 году”. Ведь, Сталин должен же был ездить на какой-либо бронированной автомашине в военное время? Жди, когда еще свою машину, сделают? А для того, чтобы было, на что посмотреть и сравнить,

“из США прибыли машины-прототипы для копирования. Ими оказались два "Кадиллака" моделей "67" и "75", "Крайслер Империял" и три "Паккарда" (два небольших "Клипера" с автоматической трансмиссией и один гигантский "Паккард 180). Все машины были 1941 года. Но выбор сталинского автоэксперта Власика пал на самый устаревший и тяжеловесный лимузин "Паккард 180".(По материалам

Иногда удивляешься всем этим специалистам по автомобильным делам. Думают одно, а пишут другое. Все машины прошлого года выпуска, но один из экземпляром уже устарел? Может, имелось в виду, что не современен, т. е. устарел морально? Кроме того, а почему бы Власику не поручить сконструировать бронированный автомобиль? Ведь напишут такое — “автоэксперт Власик”? Кроме того, есть небольшие расхождения по датам изготовления привезенных автомобилей. Обратили внимание: в одном случае 1941 год, в другом — 1942 год.

“Выбор прототипа, возможно, обусловлен тем, что с конца 30-х годов в гараже И. В. Сталина были бронированные лимузины, в том числе и Packard. Поэтому и для нового советского правительственного лимузина заводу рекомендовали выбрать автомобиль той же марки”.

Но, если был в гараже у Сталина бронированный образец “подаренный Рузвельтом”, то, зачем же, закупать ту же модель “Паккард-180” еще раз. Что валюту девать некуда было в военное время, когда каждая копейка была на счету? Кроме того, почему остановились все же на “устаревшем “Паккарде”? Во-первых, оказывается, у него был вместительный салон на пять человек. Когда сконструировали советский ЗИС-115, то в нем были предусмотрены еще дополнительные боковые раскладные сиденья, которые увеличивали количество пассажиров до семи человек. Сталин и при поездке вел с гостями непринужденные беседы, чтобы не скучали. Однако, не это главное. Во-вторых, видимо, эта закупленная модель “Паккарда” и была бронированным вариантом, на котором должен был ездить Сталин. Когда писалась история советского бронированного автомобиля, то обойти вниманием Сталинскую тему было нельзя. Но, чтобы увести читателя в дебри автомобилестроения и отвлечь от темы, когда у Сталина появился бронеавтомобиль, видимо, было решено запутать дело с этим “Паккардом”. Отсюда и 1936 год, с Рузвельтом в придачу. Даже, посла А.Гарримана для весомости добавили в повествование. А суть-то была в том, что данный, закупленный “Паккард” был бронированным, о чем и говорилось выше.

“Броня ставилась на заводе “Derham” в Калифорнии. Исходное шасси было великолепно: 12-цилиндровый Packard 14 серии (1408-935) 1936 begin_of_the_skype_highlighting end_of_the_skype_highlighting модельного года. Машина имела полностью бронированный изнутри кузов, — хотя и с отдельными элементами, выполненными из дерева, по тогдашней технологии, — **пулестойкие стёкла толщиной 50 мм**, поворотные форточки окон, защиту днища. Добавочный вес брони компенсировался мощностью 185-сильного мотора” (<http://www.avtossr.ru>).

Подтвердить, что бронированного “Паккарда” не было у Сталина в 1941 году, может и автор книги “Запасная столица” Андрей Павлов .

“В Москве, собирая по крохам материалы к этой своей работе, мои розыски привели к знакомству с Юрием Григорьевичем Кудрявцевым...

Незадолго до войны устроился Кудрявцев электрослесарем в гараже ЦК ВКП(б). Его отец, Григорий Григорьевич, работал там же с 1930 года шофером. И семью Маленкова приходилось ему возить. Юрий Григорьевич рассказал мне следующее: осенью 41-го года около 200 машин ЦК под специальной охраной были отправлены своим ходом в Нижний Новгород, тогда — Горький. Там погрузили машины на баржу, чтобы доставить в Самару. А шоферы и сам Кудрявцев ехали пассажирским пароходом. Прибыли в Самару. Устроились москвичи в общежитии во дворе обкома партии. Ждали свои машины. А буксир с баржой, оказалось, застрял в молодых льдах где-то под Ульяновском. Наконец, прибыл груз. Так вот к чему эти, вроде бы малозначительные, подробности: среди машин ЦК ВКП(б) находились и **три личных бронированных автомобиля Сталина — “ЗИС”, “Бьюик” и “Кадиллак”**. Юрий Григорьевич, уже в Самаре, сам обслуживал их электрическую часть, и они в любой момент были наготове”.

Назвать их бронированными, это конечно, сильно сказано. Они имели элементы защиты, так правильнее будут звучать характерные особенности этих машин, но “Паккарда”, как видите, нет. Почитаем, еще одну статью специалиста по автомобилям Председателя клуба “Следопыты автмотостарины” Льва Шугурова .

Был “Паккард”, как говорится, да весь вышел. Речь, по-прежнему у нас идет о проектировании будущего бронированного ЗИС- 115.

“Что касается кузова, то изначально был предусмотрен его бронированный вариант. Да вот незадача — внутри “паккардовских” дверей, если усилить их к тому же бронелистами, едва размещались механизмы гидравлических стеклоподъемников. Поэтому Андрей Островцов, ведущий конструктор проекта ЗИС-110, решил чуть отойти от высочайшего канона и взять за основу кузов от другой американской машины того же года — “Бьюик-Лимитед-90-L”.

“БЬЮИК-ЛИМИТЕД-90-L” подарил ЗИСу свой кузов.

Что за странная прихоть, кузов массовой модели использовать на представительском автомобиле? А дело-то все в том, что “Лимитед-90-L” был едва ли не единственной в истории этой марки попыткой построить роскошную модель высшего класса. Поэтому на шасси “Бьюика” установили 8-местный лимузин, спроектированный кузовной фирмой “Фишер” для... самого дорогого “Кадиллака”. Необычно широкий для тех лет, просторный и комфортабельный, кузов этот был гораздо современнее и удобнее сразу же порядком устаревшего лимузина от “Паккарда”. В результате машина получилась более широкой, “паккардовские” выступающие подножки ушли внутрь кузова. Кроме того, художники московского завода изменили форму задней части передних крыльев, убрали из них две “запаски”, ввели дополнительные горизонтальные молдинги на передке, сделали более выпуклым багажник”.

Уважаемый читатель! Вы еще случайно не забыли тему нашего поиска? Где же этот пропавший бронированный мастодонт “Паккард” подаренный Рузвельтом в 1936 году? Тишина. То-то Волкогонов отделался молчанкой про “Паккард” в 1941 году под Москвой. Если бы это было в действительности, то, небось, нарисовал бы картину достойную кисти Малевича, — в стиле “Черного квадрата”.

А на заводе ЗИС в конструкторском бюро закрутилась и завертелась кропотливая работа по созданию отечественного, как легкового ЗИС- 110, так и его аналога, бронированного автомобиля ЗИС- 115.

“Автомобиль ЗИС-110 отличался рядом конструкционных особенностей. Многие из них были впервые применены на отечественном автомобиле. Усложнения позволили обеспечить плавность хода, бесшумность и высокий комфорт машины. Так, главная передача заднего моста стала гипоидной, что позволило опустить ниже карданную передачу и отказаться от туннеля для нее. Кроме того, такая передача создавала меньше шума при работе. Новинкой на советском легковом автомобиле стала передняя независимая подвеска передних колес, передний и задний стабилизаторы поперечной устойчивости. Также впервые тормоза оказались с гидравлическим приводом и барабанными тормозными механизмами с колодками плавающего типа. На ЗИС-110 установили восьмицилиндровый мотор, что сделало его самым большим по объему (6005 см³) и самым мощным (140 л. с.) отечественным силовым агрегатом. Новаторским оказалось применение в его системе газораспределения гидравлических толкателей (компенсаторов зазоров) клапанов. Распределительный вал приводился в действие бесшумной пластинчатой цепью Морзе. Ведущим конструктором по двигателю был А. П. Зигель. Двигатель с необычно высокой для того времени степенью сжатия (6,85) нуждался в соответствующем бензине с октановым числом 74. По этой причине для ЗИС-110 в стране пришлось специально налаживать выпуск такого бензина — распространенный тогда А-66 совершенно не годился для столь требовательной машины. Характеристики двигателя позволили оснастить автомобиль трехступенчатой коробкой передач с рычагом управления на рулевой колонке — впервые расположенной таким образом, опять же, на ЗИС-110. Цельнометаллический кузов не был несущим, он ставился на мощную лонжеронную раму с Х-образной поперечиной посередине. Такая конструкция обладала хорошей сопротивляемостью

к скручиванию рамы и имела приличный запас прочности. ЗИС-110 слыл самым комфортабельным советским автомобилем послевоенного времени.

И это неудивительно. Его характерные особенности — хорошая шумоизоляция, улучшенная система отопления, серийно устанавливаемый радиоприемник, сиденья с набивкой из гагачьего пуха, опускающаяся с помощью электрогидропривода стеклянная перегородка между кабиной водителя и салоном (кузов типа “лимузин). При необходимости из перегородки салона можно было разложить два дополнительных сиденья — стропонтена, превратив пятиместный автомобиль в семиместный”.

Так и хочется перечислять все достоинства советской конструкторской мысли тех далеких сороковых годов, которые опередили, по некоторым показателям, своих коллег ведущих автомобильных держав на целые десятилетия. Ведь разработанная, например, советскими конструкторами “капсульная система бронирования” станет известной Западу, только после “погрома” знаменитого ЗИС -115. Некоторые экземпляры попадут за рубеж и подвергнутся пристальному изучению.

В послевоенное время, работа по созданию данных автомобилей будет оценена по заслугам, За создание ЗИС- 110 (разумеется, и бронированного собрата ЗИС- 115) группа конструкторов в составе А.Н.Островцева, Л.Н.Гусева, А.П.Зигеля, Б.М. Фиттермана была удостоена в 1946 году Сталинской премией СССР 2-й степени. Оцените деликатность вождя. Мог бы за сохранность своей жизни дать первую степень, но что подумают люди? Буквально несколько слов о Сталинской премии. Это был, в какой-то степени и его личный фонд, который формировался из зарплаты и гонораров Сталина, за издание книг и статей. Но, конечно же, в большей и значительной степени фонд формировался за счет бюджета, так как на выдачу многочисленных премий, никаких личных Сталинских денег не хватило бы. Это, однако, ни в коей мере не умаляет заслуг Сталина, как одного из председателей данного фонда. Хрущев и последующие нечистоплотные люди, изъяли из энциклопедий, издаваемых после смерти Сталина, сведения о его премиях. Якобы, этих Сталинских премий не было никогда, а существовали только Государственные премии. Хотелось бы спросить “творцов” истории: “Из каких средств формировался фонд этой, вновь образованной Государственной премии?”. Только из государственного бюджета! Ни один из последующих генсеков после Сталина, не вложил ни рубля своих сбережений, чтобы одаривать своих сограждан, свершивших высокий гражданский трудовой подвиг, в чем бы он не проявлялся. Будь то искусство, наука или производство. О сельском хозяйстве, и связанных с ним ряде отраслей народного хозяйства, лучше совсем и не упоминать. Можно брызгать злобной слюной в адрес Сталина, но, ни один злопыхатель, даже, из его бывшего окружения, не мог сказать что-либо худого, по поводу интеллекта вождя. Ни один из последователей Сталина на посту главы государства, не мог дотянуться до уровня Сталина ни в одной отрасли знаний, настолько высок был его умственный потенциал. А чтобы, по аналогии со Сталиным быть председателем комиссии по распределению Государственных премий? — даже близко не мог стоять! Хрущев тоже попытался рулить искусством, но кроме эмоционально-неприличного высказывания: “Пид...сы!”, которое он произнес на художественной выставке в Манеже, других оценок, по поводу увиденных полотен, услышано не было.

А знаете, чью фамилию постарались стереть с Доски почета славного ЗИСа? Его бывшего директора Ивана Алексеевича Лихачева. Он ведь тоже был награжден Сталинской премией, но о нем почему-то постарались забыть. Может потому, что умер летом 1956 года, в год “знаменательного” двадцатого съезда партии? Ведь странно получается. Коллектив конструкторского завода получил премию за разработку и внедрение, а о директоре Сталин забыл, так что ли? Как всегда, в энциклопедии совершена подмена. Покойному заменили Сталинскую премию Государственной, которую он отродясь в руках не держал. А ведь, коснись, узнать, за что это Сталин отблагодарил Ивана Алексеевича премией, и сразу всплывет вопрос о бронированном автомобиле. Что, да как? Кто поручил, да в связи с чем? Хрущевцы, посчитали, что не надо привлекать к этому делу товарища Лихачева. И точка.

Вернемся к нашему бронированному детищу ЗИС- 115. Сохранились воспоминания югославского журналиста Милована Джиласа, которые он оставил об одной из поездок с вождем.

“Мы сели в автомобиль Сталина, как мне показалось, в тот же самый, в котором мы с Молотовым ехали в 1945 году. Жданов сел сзади, справа от меня, а перед нами на запасных сиденьях — Сталин и Молотов. Во время поездки Сталин на перегородке перед собой зажег лампочку, под которой висели карманные часы, — было около двадцати двух часов, и я прямо перед собой увидел его уже ссутулившуюся спину и костлявый затылок с морщинистой кожей над твердым маршалским воротником”.

ЗИС-115 был похож на “Паккард”, отчего и показался Джиласу тем же самым. К тому же, каждый видит то, что хочет видеть. Журналист Джилас увидел пожилого человека, как форму, но не увидел его содержание: грузинское гостеприимство и радушие. Ведь, Джилас был усажен на мягкое заднее сидение, как гость, а Сталин сел на приставное сидение, чтобы разговаривать с гостем, глядя ему в лицо. Согласитесь, что сидя на заднем сидении трудно разговаривать с рядом сидящим человеком. Кроме того, позаботился об освещении в салоне, чтобы были видны лица пассажиров. А российский журналист после описания Джиласом своей поездки дал еще и свои комментарии.

“Многие склонны видеть в такой посадке боязнь покушения, но после войны Иосиф Виссарионович был уже старым человеком: у него болели кости и суставы, и, возможно, ему было уже тяжело карабкаться на заднее сиденье”.

А мы все думаем, что история болезни Сталина исчезла, ан, нет! Как видите, прочитали, что вождь имел болезнь верхних и нижних конечностей. Действительно, сформировалась целая армия писарчуков от журналистики, которые и не всегда понимают то, о чем пишут. Точно, как в поговорке: смотрит в книгу, а видит фигу. Ай, да больной Сталин! Сидеть на мягком заднем сиденье ему, видите ли, тяжело было, как впрочем, и забираться на него, а вот находиться на откидном боковом стульчике всю поездку — это в самый раз!

Тут в наш рассказ о бронированном автомобиле прошмыгнул маршал Жуков. В пересказе журналистов его история выглядит не хуже, как и приведенная выше. Подивитесь человеческой глупости и подлости.

“Сталин указал мне, чтобы я сел на заднее место. Я удивился.

Ехали так: впереди начальник личной охраны Власик, за ним — Сталин (по-видимому, на приставном сидении — страпонтене. — В.М.), за Сталиным — я.

Я спросил потом Власика: “Почему он меня туда посадил?” — “А это он всегда так, чтобы, если будут спереди стрелять, в меня попадут, а если сзади — в вас”.

То, что могут стрелять сбоку и попасть в маршальскую голову — такая мысль Георгия Константиновича не посетила. О журналистских головах говорилось выше. И это, ко всему прочему, относилось к бронированному автомобилю, который выдерживал выстрел фаустпатрона! Сколько же ненависти у пигмеев к великому человеку?

Правда, мы немного забежали вперед по времени. Давайте, вернемся в 1942 год, во времена “Паккарда”. Обратимся к воспоминаниям У.Черчилля. Вот как он описывает события, происходившие **12 августа 1942 года**. Черчилль вместе с Гарриманом рано утром вылетел из Тегерана в Москву.

“Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь?...

Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников...

Примерно в 5 часов показались шпили и купола Москвы. Мы кружились вокруг города по тщательно указанным маршрутам, вдоль которых все батареи были предупреждены, и

приземлились на аэродроме, на котором мне предстояло побывать еще раз во время войны. Здесь находился Молотов во главе группы русских генералов и весь дипломатический корпус, а также, как и всегда в подобных случаях, много фотографов и репортеров. Был произведен смотр большого почетного караула, безупречного в отношении одежды и выправки. Он прошел перед нами после того, как оркестр исполнил национальные гимны трех великих держав, единство которых решило судьбу Гитлера. Меня подвели к микрофону, и я произнес короткую речь. Аверелл Гарриман (пока еще не посол. — В.М.) говорил от имени Соединенных Штатов. Он должен был остановиться в американском посольстве. Молотов доставил меня в своей машине в предназначенную для меня резиденцию, находящуюся в 8 милях от Москвы, — на государственную дачу номер 7. Когда мы проезжали по улицам Москвы, которые казались очень пустынными, я опустил стекло, чтобы дать доступ воздуху, и, к моему удивлению, обнаружил, что **стекло имеет толщину более двух дюймов**. Это превосходило все известные мне рекорды. “Министр говорит, **что это более надежно**”, — сказал переводчик Павлов. Через полчаса с небольшим мы прибыли на дачу”.

Так как ЗИС-115 еще находился в стадии разработки, то на какой же машине ехал Черчилль? Разумеется, на бронированном “Паккарде”. Если внести поправку на перевод, то можно прочитать и так: “стекло имеет толщину **около** двух дюймов”. Это соответствует техническим характеристикам американской машины, приведенным выше (пустынные стёкла толщиной 50 мм). У нашего ЗИС- 115 толщина стекол будет около 75-80мм. Но, главное обратите внимание на фразу переведенную Павловым, “что это более надежно”. Так и хочется спросить у Молотова: “Это надежнее, чем было до этого у Сталина? Так надо вас понимать, Вячеслав Михайлович?”

К счастью, и Валентин Михайлович Бережков подтверждает в своих мемуарах официальный прилет английского лидера. Это чтобы не подумали, будто бы это второй визит Черчилля в 1944 году.

“Вскоре после семи часов машина Черчилля, миновав Красную площадь, въехала через Спасские ворота в Кремль и остановилась у здания Совета Народных Комиссаров под вычурным навесом крыльца, через которое обычно входил в свои апартаменты Сталин. Британского премьера сопровождали Аверелл Гарриман, посол Великобритании в СССР Арчибальд Кларк Керр и переводчик Денлоп. Павлов в качестве официального переводчика с советской стороны встретил всю группу у входа, провел на второй этаж и дальше по коридору в кабинет главы советского правительства.

Меня тоже вызвали туда для записи беседы незадолго до прибытия гостей. Мое появление служило своеобразным сигналом о том, что иностранцы явятся с минуты на минуту. Сталин и Молотов прервали беседу, связанную с визитом британского премьера. Я услышал лишь последние слова Сталина: — Ничего хорошего ждать не приходится.

Он выглядел угрюмым и сосредоточенным. На нем был обычный китель полувоенного покроя, к брюкам, заправленным в кавказские сапоги, давно не прикасался уют. Открылась дверь, и в проеме появилась тучная фигура Черчилля. Он на мгновение задержался, огляделся вокруг. Его взгляд скользнул по висевшим на стене портретам прославленных русских полководцев — Александра Невского, Кутузова, Суворова, по увеличенной фотографии Ленина и, наконец, остановился на Сталине, неподвижно застывшем у своего письменного стола и внимательно рассматривавшем заморского гостя. О чем он мог думать в этот, несомненно, исторический момент? Испытывал ли он удовлетворение от того, что к нему в Кремль пожаловал лидер британских тори, никогда не скрывавший неприязни к созданной Сталиным системе? Разумеется, только чрезвычайные обстоятельства вынудили Черчилля приехать в Москву. До нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Великобритания находилась в отчаянном положении. Сам Черчилль допускал возможность оккупации нацистами английских островов, обещая в таком случае продолжение борьбы с территории Канады. Советско-германский вооруженный конфликт коренным образом изменил обстановку. В Лондоне вздохнули с облегчением. Чем дольше этот конфликт продлится, тем больше у Англии шансов избежать вторжения и, в конечном счете,

оказаться в числе победителей. Но пусть Черчилль не обольщается — так просто русские не гарантируют успех. Ему придется тоже потрудиться и пролить кровь. Если он собирается торговаться о втором фронте, надо ему показать, что это чревато опасностью и для Британии. Сохраняя суровое выражение лица, Сталин медленно двинулся по ковровой дорожке навстречу Черчиллю. Вяло протянул руку, которую Черчилль энергично потряс. — Приветствую вас в Москве, господин премьер-министр, — произнес Сталин глухим голосом. Черчилль, расплывшись в улыбке, заверил, что рад возможности побывать в России и встретиться с ее руководителями”.

Пусть читатель не обижается на большие вставки воспоминаний. Хотелось показать психологическую атмосферу событий тех драматических дней истории нашей страны.

У меня, по данной теме, есть возможность привести воспоминания одного мальчика — Сережи Хрущева. Очень умный мальчик для своих лет, с цепкой памятью. Родился в 1935 году, как раз за год до того, как Рузвельт “подарил” Сталину бронированный “Паккард”. Вы, читатели, пожалуйста, не обращайтесь внимания на его детский возраст в то время, а лучше ознакомьтесь с тем, что он написал, будучи уже в очках и с брюшком, о своих довоенных годах.

“В Москве в жизни отца появилось еще одно нововведение — бронированный ЗИС -110 (правильнее ЗИС-115. — В.М.), последнее достижение автозавода имени Сталина. Еще до войны для членов Политбюро закупили в Соединенных Штатах бронированные “паккарды”. Полагалась такая машина и отцу. Однако он в покушения не верил и к тому же любил простор, свежий воздух. Запирать себя в душную, тесную коробку он решительно отказался. Предпочитал открытую машину с надвигающимся на случай дождя брезентовым верхом. На ней отец и колесил вдоль полей украинских, волоча за собой тучу мелкой пыли. От нее он защищался специальным холщевым пыльником, плотно застегивающимся по самое горло. “Паккард” же одиноко скучал в гараже. Только при поездках в Западную Украину и Карпаты отец соглашался сменить автомобиль. Там шла настоящая война, на дорогах стреляли, показной храбрости отец не любил”.

Я же предупреждал выше: не смотрите, что Сережа был маленьким мальчиком — все помнит! Особенно, про “Паккард”. Также, неплохо Сережа ввернул, насчет того, что папа “в покушения не верил”. Можно, конечно, и не верить, но от этого, ведь, покушения не исчезнут на белом свете. А если бы поверил? От кого бы папа прятался за бронированными дверьми автомобиля, — неужели от Сталина?

Надо напомнить, Сергею Никитичу, что все политические процессы середины 30-х годов прошли под знаком, именно, покушений на членов Советского правительства и Политбюро. Понятно, что он, в то время, был маленьким и газет не читал, а когда вырос, стало, видимо, не до них. И так, все интересное узнавал от папы. А спросить зятя Аджубея, тот, как-никак был главным редактором “Известий”, видимо, постеснялся. А зря! Алексей Иванович много чего мог порассказать: все же был близок к газетному делу. А может, Сергей Никитич папиных сказок наслушался о Сталине и сам поверил в сказанное отцом, как в прописную истину?

“В Москве царили иные законы. Сначала все шло как и раньше, от настойчивых предложений охраны пересест в бронированную машину отец отмахивался. Но однажды во двор дачи въехал ЗИС, чем-то неуловимо отличавшийся от привычного. Такой и не совсем такой. Я, как всегда, встречавший отца, взялся за ручку дверцы. Она повернулась, но дверь не поддавалась. Я приналег (То есть, слегка навалился. Правильнее, было бы сказать — потянул на себя. — В.М.), образовалась небольшая щелка, постепенно дверца приоткрылась. Тяжела и толста она оказалась неимоверно. Одни стекла толщиной сантиметров десять.

Из машины, покряхтывая, вылез недовольный отец. Как-то презрительно глянув на машину, бросил:

— Теперь на этой буду ездить. Заставили.

Кто заставил, он не договорил. Может, Власик пожаловался Сталину, и последовал однозначный приказ. Или **отец сам счел неблагодарным выделяться среди других** облаченных в броню руководителей. Не могу сказать. Проездил он в этом броневике до марта 1953 года, а тогда уже бросил его навсегда.

Интересно, что его примеру последовал только Микоян. **Остальные** же члены коллективного руководства, **особенно Ворошилов и Молотов**, цепко держались за бронированные чудовища. Что, им за каждым кустом виделась жертва, жаждавшая отмщения? Или просто становилось не по себе, если между ними и окружающим миром не стояла непробиваемая стена? Так и доездили они до июня 1957 года, дальше броня уже не полагалась”.

Я же говорил: не по годам развитый мальчик. Значит, ему в начале войны было 6 лет. Кроме того Сережа заболел, видимо, костным туберкулезом и был прикован к постели. Так что, насчет того, чтобы передвигаться не могло быть и речи. Пишет: “В самый интенсивный период формирования сознания я был исключен из детского общества. Кому нужен товарищ, накрепко привязанный к постели”.

Это он после войны познакомился с ЗИС -110 и его бронированным собратом ЗИС -115. Но хочется помочь батьке в таком щекотливом деле, как покушение на Сталина, вот и старается подсуетиться насчет “Паккарда”. А это было уже после войны, насчет поездок по Западной Украине. Затем тема плавно скользнула на ЗИС-115. До этого ездили на ЗИС -110. Сам же пишет, что очень похож новый бронированный — на старый, предыдущий. Папу, видишь ли, заставили ездить на броневике. А тот, упирается, какие, дескать, могут быть покушения на вождей в рабоче-крестьянском государстве? Чай, не в Америке с гангстерами, живем? Это их президентам покушения снятся и днем и ночью, поэтому и озаботились Сталину бронированный “Паккард” подарить. А мы и на ЗИСе с брезентовым верхом можем, с ветерком...

А как деликатно, Хрущев-младший, обошел дату смерти Сталина. Теперь, оказывается, можно ездить и на открытой машине. А кого бояться-то? Микоян за компанию с Хрущевым, тоже оказался, уж очень, “смелым”. Они-то знали, кто есть настоящие заговорщики! Ведь, кроме их самих и прочих друзей, никакой другой оппозиции Сталину не было. Отсюда такая показная смелость. Но, в отличие от них, Молотов и Ворошилов знали, что угроза еще не миновала их жизни, пока они занимали высокие государственные посты и лишь с решением партийного Пленума 1957 года, когда карьера их рухнула, они перестали представлять угрозу Хрущеву и компании.

Потом, почему Сергей Никитич написал “за каждым кустом”? Разве, мало укромных мест, откуда можно выстрелить по машине? Или это чтобы отвести глаза от загородной дороги, где покушение может произойти? В 1953 году Сереже Хрущеву было 18 лет, и он уже многое понимал. Очень хорошо, кстати, описал психологическое состояние отца, тех роковых дней истории Советского государства, когда “умер” Сталин. Небольшой штришок.

“Уже совсем вечером позвонил Маленков, сказал, что со Сталиным что-то случилось. Не мешкая, отец уехал... Некоторое удивление вызвало скорое возвращение отца, он отсутствовал часа полтора-два. Однако вопросов никто не задавал, он молча поднялся в спальню и вновь углубился в свои бумаги. Когда он уехал вторично, я уже не слышал, наверное, лег спать. На этот раз отец не возвращался очень долго, до самого утра. Мы все еще ничего не знали. Только на следующий день он рассказал, что Сталин болен, состояние очень тяжелое и они с Булганиным будут по ночам дежурить у постели больного на ближней даче”...

5 марта 1953 года отец возвратился домой раньше обычного, где-то перед полночью...

Пока отец снимал пиджак, умывался, мы молча ожидали, собравшись в столовой. Он вышел, устало сел на диван, вытянув ноги. Помолчал, потом произнес:

— Сталин умер. Сегодня. Завтра объявят.

Он прикрыл глаза...

Отец продолжал сидеть на диване, полуприкрыв глаза. Остальные застыли на стульях вокруг стола. Я никого не замечая, смотрел только на отца. Помявшись, спросил:

— Где прощание?

— В Колонном зале. Завтра объявят, — как мне показалось, равнодушно и как-то отчужденно ответил отец. Затем он добавил после паузы: — Очень устал за эти дни. Пойду посплю.

Отец тяжело поднялся и медленно направился в спальню. Я был растерян и возмущен: “Как можно в такую минуту идти спать? И ни слова о нем. Как будто ничего не случилось!”

Поведение отца поразило меня”.

Разумеется, Сергей Хрущев не знал всех тонкостей покушения на Сталина ни в 1953 году, а уж в 1941 году и подавно, но, конечно же, догадывался, что это связано именно с его отцом. Поэтому в своих мемуарах Сергей Никитич постарался “обелить” папу, выставляя его и радушным хозяином, и верным заботливым другом.

Сделаю небольшую перебивку воспоминаний сына Хрущева. Интересно, как повел себя сам, Никита Сергеевич, после смерти Сталина в отношении бронированного ЗИСа.

“С приходом к власти Хрущева бронированные при Сталине машины были забыты и отодвинуты в дальний уголок истории. Игрок в демократию Никита Сергеевич был открыт для народа, а посему предпочитал кабриолеты. После судьбоносного XX съезда завод ЗиС превратился в завод имени Лихачева (ЗИЛ), а Хрущев пересел уже на новый автомобиль: ЗИЛ-111. Для встречи почетных гостей использовался автомобиль ЗИЛ-111В с открытым верхом. Именно эта машина и везла в 1961-м году Юрия Гагарина в Кремль. Естественно, были приостановлены и разработки бронированных версий на базе представительских автомобилей. Но до поры, и до времени. Вновь они появились на ватманах ЗИЛовских конструкторов в 1981 году. И не только в теории; были востребованы оставшиеся экземпляры ЗиС-115 для проведения испытаний, включая лобовой крэш-тест по всем современным правилам. В результате с поставленной задачей создать бронеавтомобиль справились быстро и качественно, он долгое время не имел аналогов в мире. (Степан Доронин. <http://www.armor-gr.ru>)

Кого же было бояться Никите Хрущеву? Сталин с Берией убиты, существующая оппозиция Хрущеву, типа Молотова, Кагановича и Маленкова не представляла прямой угрозы жизни, а новая “зубастая” оппозиция еще не состоялась. Можно и в кабриолете покрасоваться. Поэтому и были заброшены при Хрущеве все “разработки бронированных версий на базе представительских автомобилей”. Но “грянул гром” в 1980 году (гибель Машерова в автокатастрофе, о чем сказал в начале главы) и Леонид Ильич “перекрестился”. В 1981 году началось проектирование новой бронированной машины ЗИЛ- 41052 и в начале 1982 года она покатила по советским дорогам. Интересно, Брежнев верил или не верил в покушения на дорогах? Что, думает по этому поводу, сам читатель?

А Сережа Хрущев уже вышел из детского возраста и стал зрелым подростком.

“Летом 1950 года отец решил навестить своего старого друга Николая Александровича Булганина. Дружили они еще с 30-х годов, когда отец работал секретарем Московского комитета партии, а Булганина назначили председателем Моссовета. “Отцы города” — так называл их Сталин. После

1930 года, когда отец покинул столицу, пути их разошлись. Теперь они жили на одной лестничной площадке, на пятом этаже дома № 3 на улице Грановского. Этажом ниже жил Маленков. Встречались не по службе изредка: то вместе приедут после позднего “обеда” у Сталина, иногда Булганины заглядывали на пару минут к нам, порой мы к ним. Слово “навестить”, возможно, и не очень годиться, точнее, отец напросился к Булганину в гости на дачу. Поехали всей семьей. Встреча старых товарищей не получилась. Вроде и хозяева старались проявить радушие, и стол полной чашей, а разговор то и дело обрывался, застывая томительной паузой. Одно дело — встречи в Киеве, вдали от Кремля. Здесь, в Москве, мир оказался устроен по-другому. Зачем это Хрущев вдруг поехал на дачу к Булганину и они вдали от любопытных глаз и чутких ушей долго гуляли вдвоем в лесу? Не дожидаясь вечера, мы отправились восвояси...

Возможно, фиаско нашего визита произошло совсем не по политическим причинам. Дело в том, что во время войны, пребывая в качестве члена Военного совета на Западном фронте, Булганин завел себе новую семью. В высшем партийном эшелоне разводы не поощрялись, на них смотрели строже, чем в католической церкви. Поэтому не только оформить, но и обнародовать свои отношения Николай Александрович не решился. Вот и принимал он нас на даче старой семьи. Какое тут радушие... Отец в то время не знал о семейных метаморфозах своего друга. Так или иначе, но больше отец к Булганину не ездил и к себе на дачу не приглашал”.

Когда читаешь такого рода воспоминания, трудно сдержать улыбку по поводу прочитанного из жизни государственных мужей. Никита Сергеевич Хрущев “решил навестить своего старого друга Николая Александровича Булганина”. Где ж его навестить, как не на даче? А то, понимаешь на одной лестничной площадке, в правительственном доме, трудно встретить человека проживающего рядом, когда дверь в дверь. Я уже приводил примеры встреч Никиты Сергеевича с Якиром и Корытным. Вряд ли, данная была особым исключением. Всё о том же. Кого и как! Помните, кто руководил всей организацией убийства Лаврентия Берия? Николай Александрович Булганин. А кто решал, кого привлечь в группу “ликвидаторов”? Тоже он. Поэтому не зря встречались Никита Сергеевич и Николай Александрович вдали от людских глаз. Хрущев не раз возмущался по поводу прослушки высокопоставленных советских чиновников и партийной элиты. В лесу надежнее. Разговор прикрыли темой о, якобы, второй семье Булганина.

Милый Сергей Никитич. Ваша “наивность” импонирует. С той поры, когда Николай Александрович был на Западном фронте, много воды утекло. Это же были 1942- 43 годы. И сколько их было у него ППЖ за всю войну? Говорят и балеринами Большого театра увлекался. А после войны уже прошло 5 лет, а он, Булганин бедняжка, все страдал и мучился, как Буриданов осел, из какой “копны” ему столоваться, так что ли? Потом не совсем понятно, “на даче старой семьи”? А что, у новой семьи, тоже была дача, но Булганин не решился туда ехать и, тем более, приглашать туда Хрущева? Воспользовался старой связью? Вот настоящие конспираторы: “больше отец к Булганину не ездил и к себе на дачу не приглашал”. Вот так потихонечку плелась новая паутина заговора.

“Неправда! — может воскликнуть, какой-нибудь ретивый поклонник Хрущевской “оттепели”. — Никита Сергеевич на даче у Булганина договаривался с ним, чтобы вместе, вдвоем, у постели больного Сталина дежурить, если с тем, что-нибудь случится! Об этом его сын — Сергей Хрущев, пишет”.

Да, но я об этом и говорю, только другими словами. А что, неплохой сюжет может получиться при желании. Этим друзьям по жизни, для полноты счастья не хватало саквояжика с аптекарскими принадлежностями, чтобы на просьбу умирающего вождя, всегда, по первому его требованию нужное лекарство на ложечку и в рот. И ведь, найдутся желающие и поверят в сестер милосердия: Хрущева и Булганина, не смыкавших очей у постели умирающего Сталина.

Но этим событиям убийства Сталина еще предстоит свершиться, а мы обратим внимание на покушение по дороге на дачу в 1941 году.

Хочу ознакомить читателя с отрывком из воспоминаний хорошо знакомого нам В.М.Бережкова. В беседе с А.И.Микояном он завел разговор о М.М.Литвинове, бывшем наркоме иностранных дел и отстраненного в 1939 году. Пожалуйста, получите пикантную историю от Анастаса Ивановича. Не подумайте, чего плохого, что Литвинов тут, будто бы, в чем замешен? Просто, без еврейской подоплеки, она, видимо, звучала бы пресновато. Итак, товарищ Микоян повествует:

“Верно, что Литвинова решили заменить, когда наметился пакт с Гитлером. Литвинов, как еврей, да еще человек, олицетворявший нашу борьбу против гитлеровской Германии в Лиге Наций и вообще на международной арене, был, конечно, неподходящей фигурой на посту наркома иностранных дел в такой момент. Однако он мог остаться замнаркома. Его опыт можно было бы использовать. Но Молотов добился того, чтобы его отстранили вовсе. Молотов слабо разбирался в международных делах и не хотел иметь рядом человека, который был в этом отношении более опытен и сведущ”.

Это явный наговор, в адрес Вячеслава Михайловича Молотова. Можно, что-то другое поставить ему в вину, но слабость в понимании внешней политики Советского Союза — это, увольте.

“В итоге Литвинов оставался до осени 1941 года не у дел. Только тогда, когда наши дела стали катастрофически плохи, когда Сталин был готов хвататься за любую соломинку, он решил снова использовать опыт Литвинова и направил его послом в Вашингтон”.

Вот здесь Микоян и показывает свое истинное лицо, противопоставляя себя Сталину. Значит, Сталин изыскивал малейшую возможность облегчить положение своей страны в тяжелейшую пору 41-го года, а Анастас Иванович упрекает его в этом. Видимо, и по сей день, раздосадован тем, что Сталин, в то время, пусть и с помощью Литвинова, но нашел выход из создавшейся ситуации. О чем, Микоян, поправляя сам себя же, и говорит ниже:

“И Литвинов проделал там огромную полезную работу. Можно сказать, что он спас нас в тот тяжелейший момент, добившись распространения на Советский Союз ленд-лиза и займа **в миллиард долларов**. Теперь легко говорить, что ленд-лиз ничего не значил. Он перестал иметь большое значение много позднее. Но осенью 1941 года мы все потеряли, и, если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, теплые вещи для армии и другое снабжение, еще вопрос, как обернулось бы дело. И в этом заслуга Литвинова, который использовал личные к нему симпатии Рузвельта и других американских деятелей и помог наладить военное снабжение так же, как в свое время он сумел добиться признания Соединенными Штатами Советского Союза и установления советско-американских дипломатических отношений. Но как только дела наладились, Молотов снова повел интриги против Литвинова, и его отозвали из Вашингтона”.

Опять Микоян возводит напраслину на Молотова. Видать, “крепко тот мешал ему по жизни”. Недаром, Вячеслав Михайлович не желал пересаживаться из бронированного ЗИСа в кабриолет, как Хрущев. А насчет Литвинова, то все намного проще, чем нам рисует Микоян. Будучи послом в Америке, Максим Максимович вдруг резко начал выступать против курса президента Рузвельта. Могло получиться так, что он стал бы персоной “нон грата” в этой стране. Чтобы не доводить дело до крайностей, Литвинова заменили на Громыко. Андрею Андреевичу, тоже достанется от Микояна, который, видимо, ненавидел всех выходцев из “Сталинской школы”.

Что еще сказать по поводу прочитанного отрывка? Помните, в главе “Денежная составляющая войны” велся разговор о советском золоте? Не будь его, никакие симпатии не помогли бы. Микоян об этом знал, но, как и положено таким людям — промолчал. А к вопросу о золоте, мы еще вернемся. Без этого презренного металла в любой войне невозможно обойтись: будь та — большая, будь — маленькая.

“Думаю, что этого не надо было делать. Литвинов еще мог быть полезным, и его не следовало заменять посредственным, безынициативным человеком (Это речь шла об А.А. Громыко. — В.М.).

Вернувшись в Москву, Литвинов, хотя и получил формально пост заместителя министра иностранных дел, фактически оказался не у дел, а потом и вовсе был уволен в отставку. А кончил он жизнь вообще трагично. Автомобильная катастрофа, в которой он погиб, была не случайной, она была подстроена Сталиным”.

Бережкова, так потрясло заявление об автомобильной катастрофе устроенной Литвинову, что он высказал собеседнику о своих чувствах, говоря, что не в состоянии поверить этому. Действительно, любого нормального человека потрясет такое сообщение. Дело в том, что”в конце 1951 г. он (Литвинов — В.М.) перенёс очередной инфаркт и скончался 31 декабря. Его сын Михаил Литвинов рассказывал журналисту Леониду Млечину:

“Отец последние месяцы лежал неподвижно, — после инфаркта рядом с ним неотлучно находилась медицинская сестра” (см. Википедия).

И писатель Александр Терехов в своей книге “Каменный мост” тоже, уделил Максиму Максимовичу Литвинову, определенное внимание. Особенно его смерти. По тексту присутствуют сильные эмоциональные характеристики, данные автором нашему герою, но надо сделать поправку, что это, все же, художественное произведение.

“За два года до смерти Максим Максимович, как и положено боярину, верному псу, прощально написал императору

(Как сказала бы, в таком случае Стрелка, героиня кинофильма “Волга-Волга”, что “уж больно долго помирает”. — В.М.)

на издевательски крохотном бланке депутата ВС (Верховного Совета): обращаюсь к вам в этом посмертном письме с последней просьбой... Считаясь с приближением естественного конца жизни... Не оставьте в беде жену и детей... Он попросил назначить Айви Вальтеровне персональную пенсию и сохранить семье квартиру, “у детей недостаточно средств к существованию”. И закончил тем, что: “Умирать буду со спокойной совестью в сознании, что сделал для коммунизма и дорогой родины все, что мог, в меру своих сил, знаний и разумений и что не по своей вине не сделал больше” — последнее слово Литвинов пытался оставить за собой. “С последним приветом и пожеланиями Вам здоровья и долголетия”, — никакого лизания стоп и слюней. И подпись — большим, беглым росчерком. И слег умирать видный деятель, ненавидевший открытые двери, от третьего инфаркта в Кремлевку — веселый, молчаливый человек, в лучшие свои дни макавший с легкой, хмыкающей усмешкой молодой лучок в сметану, походивший на добродушного семьянина; на радиоприемник, чтобы все время видеть, поставил вырезанную из старого журнала фотокарточку императора — заведующего вечной памятью, теперь годилась только правда. Желтый блокнот с анекдотами можно выбрасывать. Жене (вот тут появляется супруга, надо же проводить) он говорил: мне снятся похороны на Красной площади... (уже закрыв глаза)... я вижу карту мира (это, наверное, для газетных статей)... я вижу свою страну без тюрем (а это придумали через десять лет, пропитания ради)... И открыв глаза (кому я это говорю? с кем я остался?): “Англичанка. Иди домой!” И жил еще на кислороде и морфии, всегда дежурили две медсестры, и в новогодний вечер начал задыхаться, медсестра схватилась за шприц, но “мама” перехватила ее руку:

— “Что это даст?”

— “Несколько дней жизни”.

— “...Это не стоит того”. Так решила Айви Вальтеровна Лоу. Кто-то расслышал, как Литвинов выдохнул: скорей бы... Англичанка вернулась домой в новогоднюю ночь и объявила: It’s all over. Он им не достался. Да, к сожалению, в эту минуту она выразилась именно так”.

Что? Очень похоже на последствия автокатастрофы? Тогда зачем вся эта придуманная история?

Но, Анастас Иванович продолжил свой рассказ Бережкову, дополняя его новыми, леденящими душу, подробностями:

“Я хорошо знаю это место, неподалеку от дачи Литвинова. Там **крутой поворот**, и когда машина Литвинова завернула, **поперек дороги оказался грузовик...**

Все это было подстроено. Сталин был мастером на такие дела. Он вызывал к себе людей из НКВД, давал им задание лично, с глазу на глаз, а потом происходила автомобильная катастрофа, и человек, от которого Сталин хотел избавиться, погибал. Подобных случаев было немало. Такая катастрофа произошла и с известным актером еврейского театра Михоэлсом, и с советским генконсулом в Урумчи Аapresовым, и с другими”.

Так и просится вопрос Анастасу Ивановичу Микояну: “Откуда дровишки?”. Если задания “людям из НКВД” давались Сталиным “лично, с глазу на глаз”, то откуда об этом узнал Микоян. Неужели на Политбюро “пытали” Сталина — расскажи, дорогой, что сделал? да как получилось?

Но самое “удивительное”, во всей этой истории то, что и “дорогой Никита Сергеевич”, в курсе этого происшествия: как будто, вместе читали “Дело об убийстве Литвинова”. Хрущев тоже вспоминает, буква в букву:

“Когда подняли ряд документов после смерти Сталина и допросили работников **МГБ**, то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. **Есть там такая извилина при подъезде** к его даче, и именно в этом месте хотели совершить покушение. **Я хорошо знаю это место**, потому что позднее какое-то время жил на той самой даче”.

Почему после отъезда Литвинова в Америку осенью 1941 года Хрущев забрал его дачу себе? Что, не надеялся, что хозяин вернется живым? Или по каким иным причинам? И при написании мемуаров, почему-то вешает смерть Максима Максимовича, именно на Сталина? Почему не на Берия? Лаврентию Павловичу приписать лишнюю жертву, ведь, гораздо удобнее — не перегрузишь. На том свете, наверное, тот со счета сбился, когда узнал, какой ему Никита Сергеевич список жертв приволок?

С какой целью и что именно, хотел прикрыть Хрущев этой обозначенной схемой? Неужели, то, тайное предвоенное событие июня 1941 года?

А Микоян так поясняет мотивы “покушения” на Литвинова:

“К убийству Литвинова имелось у Сталина двоякое побуждение. Сталин считал его вражеским, американским агентом, как всегда называл все свои жертвы агентами, изменниками Родины, предателями и врагами народа. Играла роль и принадлежность Литвинова к еврейской нации”.

И этот, ударил в тот же, еврейский “бубен”. Но, Хрущев, все же, хитрее Микояна. Он и соврал-то мастерски. Пойми Хрущева: убили в дорожной катастрофе Литвинова или не убили? А вот Микоян “прокололся”. В 1951 году уже не было “людей из НКВД”. Связи с реорганизацией правительственных учреждений весной 1946 года появятся министерства. Следовательно, описываемые события более раннего периода. Тогда зачем “приплели” к этому делу Литвинова?

Никита Сергеевич же, тонко “прикрывает” это, якобы, происшествие людьми из Министерства госбезопасности (был куратором этого ведомства), так как более осведомлен об этом деле и не допустил явных промахов в своих воспоминаниях. Помните, как в рассказах Микояна, тот “выгораживал” Хрущева? — то, от причастности к созданию Ставки; то, от причастности

“образования” ГКО? А как врал нам, читателям, о, якобы, поездке к Сталину на дачу 29–30 июня? А как исказил приезд Сталина к военным в Наркомат обороны? Неужели и в этом “деле о покушении на бывшего наркома” решил поведать правду? Со смертью Литвинова тоже, как мне кажется, не все так гладко. А то, взял, да умер 31 декабря — как раз под Новый год! А кто же еще у нас так неожиданно скончался в предпраздничную ночь? На следующий год, в то же самое время умер Пуркаев Максим Алексеевич. В июне 1941 года, помните, Пуркаев был начальником штаба Юго-Западного фронта, куда 22-го июня прибыли Жуков и Хрущев после образования Ставки?

А в 1956 году, тоже в новогоднюю ночь с 31-го декабря на 1 января будущего года, скончался Авраамий Павлович Завенягин. Он был правой рукой Л.П.Берии по атомному проекту, а на тот момент, заместитель предсовмина СССР. Во многом, благодаря Завенягину, вовремя была сделана советская атомная бомба. Год смерти, уж больно знаковым, оказался. Как же, знаменитый XX съезд партии состоялся. Хотя не на Новый год, но можно к необычным смертям, в этот год, приплюсовать директора ЗИСа Ивана Алексеевича Лихачева, который приказ о бронированном автомобиле пописывал, помните? Царство ему небесное! А чуть позже, в 1958 году после тяжелой болезни покинул своих товарищей, бывший министр черной металлургии Иван Тевадросович Тевосян. В 1961 году смерть подкосила известного производственника, бывшего наркома Михаила Васильевича Хруничева. Выкашивал Хрущев сталинские кадры беспощадно.

В деле Литвинова, Хрущев, видно, хотел убить двух зайцев: прикрыть смертью Литвинова другое событие, которое ему, видимо, не давало покоя и пустить следствие по ложному следу, обозначив еврейскую тему. В “деле врачей” Хрущеву и компании этот трюк удался, почему бы не попытаться и в этот раз. Помните, как Хрущев делом Майского прикрыл арест Мерецкова? Что ж, язык и рука, набиты в подаче вратья своим читателям.

Микоян, в деле покушения на Сталина, тоже не отстает от своего друга Хрущева. Как же отвести от себя подозрение, в этом деле со Сталиным, произошедшем в канун войны? Самое лучшее, что можно придумать, это устроить в дальнейшем, покушение против собственной персоны. Давайте ознакомимся с одним из вариантов данной версии (<http://avi.udm.ru/Avto-centr/466>).

“В ноябре 1942 года в Москву проник дезертир Савелий Дмитриев, который решил отомстить Сталину за своего раскулаченного отца”.

Ну, уж если мстить, так мстить. Значит, за отца — не меньше, чем Сталин, должен ответить! А уж, вершить суд — то, только в Москве, да на Красной площади! Можно было бы и на Лобном месте, да жаль народ на смотрины не соберешь — война. К тому же, как ни дезертиру осуществить эту дерзкую операцию. Кстати, по каким документам он прибыл в столицу нашей Родины Москву? Или дезертирам выдавали спецпропуска на проезд в столицу, тем более, крутиться в военное время около Кремля?

“В течение нескольких дней он наблюдал за работой сотрудников службы безопасности на выезде из Кремля. Террорист заметил, что генсек(?) всегда ездит на переднем сиденье своего авто”.

На “генсека” похоже не стоит обращать особого внимания — это так, мелочь.

Как удалось осуществлять наблюдение гражданину Дмитриеву на Красной площади, видимо, известно было только следствию и автору заметки. Особенно умиляет “генсек... на переднем сиденье своего авто”. Власик, видимо, как барин, дремал во время поездки на заднем сиденье?

“Шестого ноября Дмитриев появился на Красной площади на “эмке”, в которой была спрятана винтовка и представился сотрудникам безопасности как назначенный на этот участок для усиления охраны в предпраздничные дни”.

Вообще-то, весь автотранспорт в военное время был под строгим контролем и учетом. А чтобы, вот так, дезертир на легковой машине, да без специального пропуска мог появиться вблизи Кремля, — фантазия чистой воды. Особенно умиляет фраза: “назначенный на этот участок для усиления охраны”. Жаль, что один пошел на такое опасное дело, надо было прихватить с собой еще несколько дезертиров — сразу, многократно увеличилась бы огневая мощь.

“Около трех часов дня из Спасских ворот Кремля выехала машина, в которой сидел усатый пассажир в полувоенном френче. Дмитриев вскочил вовнутрь Лобного места и открыл оттуда огонь по лимузину. Он стрелял метко и расчетливо, но его пули отскакивали от брони автомобиля. Водитель, почувствовав удары по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушел от обстрела”.

Поражает и тупость тех, кто готовит подобную глупость, и тех, кто готов поверить в нее. Что, на всё Кремлевское руководство пришлось всего два человека, с усами: Сталин и Микоян? Анастас Иванович, тоже хорош, ничего не скажешь. Не мог приспустить стекло в двери автомобиля и крикнуть Дмитриеву что, мол, тот обознался: Сталин едет в другой машине. В смысле, чтоб патроны приберег для другой цели. Ну, что с дезертира взять: ни воевать толком не умеет, ни стрелять по цели не может.

“В этой истории вождь не пострадал и не мог пострадать, поскольку преступник спутал Сталина с Микояном, у которого также были усы и похожая одежда. Один из охранников успел метнуть гранату и тяжело ранил нападавшего. 25 августа 1950 года по приговору военной коллегии Верховного суда СССР Дмитриев был расстрелян”.

Вообще-то, глядя на фотографию А.И.Микояна, трудно свыкнуться с мыслью, что он “как две капли воды” похож на собрата по Политбюро И.В.Сталина. Дмитриев, судя по всему, был социально чуждый элемент в советском обществе и, наверное, не ходил на праздничные демонстрации 1-го мая и 7-го ноября. В колоннах трудящихся того времени было очень много портретов советских вождей, в том числе и Сталина, и Микояна. Если приглядеться повнимательней, то можно было найти в портретных изображениях определенные различия этих людей. Сталин, например, курил трубку (шутка).

Это послевоенная фотография, на которой запечатлены: Сталин, Микоян, Молотов и другие государственные мужи. Время года: или ранняя весна, или поздняя осень. А в нашем, приведенном случае, время — 6 ноября. Вполне подходит по сезону. Видите, как одет Сталин? На нем плащ военного покроя. Вряд ли он снимал верхнюю одежду, перед тем как садиться в машину, тем более раздевался внутри нее? У нас в описании указан пассажир “в полувоенном френче”. Как это понимать? Не подходит.

Кроме того, знаете, в какую машину садится Сталин с пассажирами на данной фотографии? ЗИС-110, с характерными белыми обводами колес. В бронированном варианте ЗИС-115 этих белых обводов нет (см. предыдущее фото). Так что о “патологическом страхе” за свою жизнь упрекать Сталина все же не следует.

Теперь, по поводу охранника бросившего гранату. Впервые прочитал, что в экипировку вооружения бойца Кремлевской охраны входила граната? Тем более, ее применение на Красной площади? В другом изложении данного “покушения” осколочная граната заменена на газовую. Якобы, Сергей Берия, сын Лаврентия Павловича, тоже, засомневался по поводу применения осколочной гранаты и решил осовременить эпизод. Но, по военным годам, все возможно. А как же в нашем случае происходили дальнейшие события? Тяжелораненого террориста сначала, видимо, лечили, затем допрашивали, потом пришел 1947 год и отмена смертной казни. Еще немного подождали до января 1950, когда вернули смертную казнь для таких как Дмитриев: чего зазря хлеб на них переводить и, лишь только после всех перипетий, согласно автору данной статьи — расстреляли. Хотя бы пару строчек из данного дела? Молчок. Месть за отца и точка. Зато, Микоян

с “гордостью” мог сказать Сталину, что и на него тоже было совершено покушение. И знакомый нам журнал “Автолегенды” № 16 тоже приводит данный эпизод, но без присущей данному жанру патетики, хотя доля антисталинизма присутствует.

“В ноябре 1942 года на вождя была предпринята попытка покушения, правда, неудачная. Тогда дезертировавший из Красной армии Савелий Дмитриев, спрятавшись на Лобном месте на Красной площади, произвел три выстрела по правительственной машине, выезжавшей из Спасской башни Кремля. Одна из попавших пуль только разбила фару, да и сама машина оказалась Анастаса Ивановича Микояна, а вовсе не Сталина”.

Исчез из рассказа раскулаченный папа, месть приобрела размытые очертания: лишь бы пальнуть по правительственной машине. Как понимать? — “машина оказалась Анастаса Ивановича Микояна”. Что, случайно под руку подвернулась? А на кого тогда было произведено покушение? О самом стрелке молчу, как и в первом случае. Разброс пуль просто потрясает: одна из них “разбила фару”. Все бы это смахивало, как бы, на хулиганство, но с учетом военного времени, нахождение вблизи Кремлевских ворот и стрельба, хотя и без определенной цели (желание террориста нам неизвестно) — наводит на определенное подозрение. Кстати, сам Микоян об этом случае в своих мемуарах не упоминает.

Но точку в этой истории все же, поставим чуть попозже. У Евгения Жирнова в “Коммерсант-Власть” за 26.06.2001 год прочитаем следующее:

“Во время войны, в 1942 году, когда Меркулов возвращался с Дальнего Востока, он неожиданно попросил посадить самолет в Свердловске, где в это время служил его сын, а также привезти лейтенанта Меркулова на аэродром. По сути, он ничего особенного сыну не сказал. Какие-то общие слова. Но потом оказалось, что в этот день на Красной площади солдат Красной армии с Лобного места стрелял в машину Микояна...”

Удивительное совпадение. Отсутствие заместителя Л.П.Берия по вопросам госбезопасности Всеволода Меркулова в Москве, сразу создало “напряженную” обстановку в столице. Безобразия! Палят, понимаешь, из ружей, по членам Политбюро у стен Кремля. Куда смотрят органы?

Микоян, по примеру Хрущева, тоже провел неплохую двойную комбинацию: и себя обелил (стреляли же, — почти покушение), и под Меркулова “подкоп” произвел (видимо, с поделчиками планировал заменить его своим человеком).

Но, Всеволод Николаевич остался на своем посту. Более того, связи с “делом волчат”, госбезопасность в июле 1943 года, опять выделили в самостоятельное подразделение подчиненное непосредственно главе государства, т. е. Сталину. Он, т. е. Меркулов, и накажет детишек Микояна по этому делу, правда, не по полной программе, но, все ж память о нарах останется на всю жизнь. Об этом деле, ниже, в другой главе.

Продолжим о предполагаемом покушении на дороге. Кто из врачей Кремлевки мог приехать к Сталину, попавшему в дорожную переделку, в ночь с 18 на 19 июня? Историк В.Жухрай хочет нас уверить, что это был профессор Б.С.Преображенский. Но мне думается, что Сталин вряд ли, в тот момент повредил гланды и нуждался в помощи врача-отоларинголога, каким был Борис Сергеевич. Скорее всего, доставили терапевта Виноградова В.Н., как лечащего врача Сталина. Но, тут есть одна тонкость. Вспомните 1953 год. Когда у Сталина произошел инсульт, туда ведь, на дачу, приехал не один врач, а целая группа. Для чего? Дело же ответственное. Надо провести консилиум и принять решение. Групповая ответственность “размажет” ответственность каждого врача и в случае летального исхода пациента будет затруднительно найти виновного, так как было принято коллегиальное решение. Собственно говоря, дело житейское. Кому охота оказаться за решеткой из-за ошибки при диагнозе? Тем более что еще не закончилось “дело врачей”. Но и в случае 1941 года Виноградов, вряд ли бы поехал один, помня о коллегиальной ответственности,

кроме того у него был ученик, с которым он всегда консультировался по важным моментам. Это хорошо известный читающей публике врач-терапевт М.С.Вовси, проходивший по “делу врачей”, между прочим, как и сам В.Н.Виноградов. Я категорически не исключаю профессора Б.С.Преображенского. Вполне мог приехать в составе группы врачей. Не в нем суть дела.

Дочь профессора Вовси на радио “Эхо Москвы в свое время давала интервью и много чего рассказывала о своем отце.

Л.Вовси.

- ... Поскольку папа был консультантом Кремлевской больницы, он в какой-то степени соприкасался с довольно высокопоставленной публикой и нашими деятелями.

М.Королева- корреспондент: — Рассказывал когда-нибудь об этом?

Л.Вовси. — Это не полагалось, мы только знали некоторые фамилии, и он особенно не распространялся на эти темы. Но у него были хорошие добрые отношения именно на почве того, что они ему доверяли, и он их лечил.

М.Королева. — А со Сталиным встречался, не говорил об этом?

Л. Вовси- Нет, это я могу сказать твердо, что нет. Лечащим врачом Сталина был профессор Виноградов, и это был папин учитель.

Не совсем понятно, по какому поводу, Любовь Мироновна выразилась “я могу сказать твердо, что нет”. То ли не встречался, то ли не говорил? Думаю, о последнем. Действительно, врач должен хранить служебную тайну, тем более, такой врач, который обслуживал правительственные персоны. Почему я настаиваю, что профессор Виноградов брал с собою Вовси? Дело в том, что дочь, Любовь Мироновна написала еще и воспоминания, где приведены, вот какие ее слова:

“Вся медицинская Москва прекрасно знала, что именно профессор Виноградов является личным врачом Сталина и именно в силу этого, а не за свои действительно выдающиеся качества диагноста, целителя и преподавателя, он обычно бывал особо отмечен, награжден и обласкан”.

Поэтому без консультантов Виноградову было бы трудно обойтись. А здесь под боком ученик, имя которого было известно всей Москве, т. е. случись со Сталиным какая-либо неприятность, то уж Виноградов и Вовси в обязательном тендеме прибыли бы на дачу к вождю. А как вы, читатель, отнесетесь вот к другому отрывку воспоминаний дочери Вовси, Любове Мироновны из ее изданной книги?

“Летом 1941 года началась Отечественная война. **Как раз накануне** папа собирался поехать со мной в Латвию, навестить 80-летнего отца, моего дедушку; **но по случайному стечению обстоятельств наш отъезд отложился на неделю.** И это нас спасло — как стало известно после окончания фашистской оккупации, дедушка был убит сразу, а папин брат с семьей провели более двух лет в гетто и были уничтожены перед приходом Красной Армии”.

Папа, Мирон Семенович Вовси, собирался с дочерью выехать в Прибалтику, как раз накануне войны. Почти история с И.Т.Пересыпкиным. Правда, того умышленно пытались спровадить в Прибалтику, а Мирон Семенович собирался поехать руководствуясь личными пожеланиями. Но, согласитесь, какие вдруг случайные обстоятельства могут задержать врача, являющимся консультантом у самого Виноградова, который в свою очередь, есть лечащий врач Сталина? Не находите ли странным совпадение, что М.Вовси пришлось отложить поездку на неделю. Ведь, именно неделю Сталин и отсутствовал в Кремле. Судя по всему, Мирон Семенович показал себя с наилучшей стороны, если почти через месяц после начала войны, 9 августа 1941 года, он был

назначен Главным терапевтом Красной Армии. По-моему, это лучшая рекомендация его врачебной деятельности со стороны Верховного главнокомандующего. И дочка подтверждает сказанное.

“Вскоре после начала войны возникла необходимость организации терапевтической помощи раненым и больным военнослужащим. Опыт предыдущих войн, в том числе и финской кампании 1940 года, показывал, что очень велики потери от осложнений после ранений, от обострения хронических заболеваний, обморожений, инфекционных болезней. И тогда, помимо существовавшей должности Главного хирурга Красной Армии, были учреждены должности Главного терапевта и Главного инфекциониста”.

Когда у нас Сталин полностью взял в свои руки военное руководство Красной Армией? Исходя из ранее написанного, 19 июля 1941 года. Примерно, совпадает. Разгреб дела после Тимошенко и через три недели озабочился об улучшении медицинского обслуживания бойцов Красной Армии, назначив М.С.Вовси Главным терапевтом.

А после войны, в конце 1952 года появилось это странное “дело врачей”. Что характерно, именно “паровозиком” шел по этому делу М.С.Вовси. Незадолго до ареста, он имел беседу со своей дочерью.

“В дни ноябрьских праздников 1952 года я, по установившейся традиции, приехала из Ленинграда в Москву к родителям с трехлетним сыном Боренькой.

На следующий день мой папа, вечно занятой и замученный необходимостью “лечить всю Москву” (как в сердцах говорила мама), вдруг предложил мне пойти погулять. Я с радостью согласилась и мы отправились, оторвавшись от вечно звонившего телефона, по старому привычному Арбату, через Арбатскую площадь, в сторону Кремля, по улице Калинина... Когда мы с папой уже проходили мимо Ленинской библиотеки, как раз напротив Кремлевской больницы, папа сказал мне: “Знаешь, на днях арестован Петр Иванович Егоров. И был очень странный юбилей Владимира Никитича Виноградова”. Странность этого юбилея состояла в том, что он прошёл очень тихо, без всяких наград и приветствий...

Я поняла, что папа очень взволнован, так как с обоими этими людьми он был тесно связан и деловыми, и личными отношениями на протяжении многих лет... Но с В.Н.Виноградовым постоянно продолжались встречи на консилиумах, на заседаниях в редколлегиях журналов и, особенно, на собраниях Московского и на съездах Всесоюзного Общества терапевтов.

А с П.И.Егоровым папа сотрудничал во время Великой Отечественной войны. Петр Иванович был Главным Терапевтом Западного, а позднее Ленинградского фронта. А 1943 году он стал заместителем Главного Терапевта Красной Армии, т. е. папиным заместителем и помощником. В 1947 году он стал начальником 4-го Главного Управления Минздрава СССР, к которому принадлежали Кремлевская больница и поликлиника. Большинство участников последовавшей вскоре драмы “дела врачей” 1952-53 гг. в той или иной степени работали в этих учреждениях.

Эти оба папиных сообщения встревожили меня, но всю трагичность последствий я, конечно, не могла оценить. Через несколько дней я поняла, что эта “прогулка” и этот разговор были папиной попыткой предупредить меня и как-то морально подготовить к тому, что неотвратимо надвигалось на нас, и чьё страшное дыхание папа, при своем уме, чуткости и жизненном опыте, не мог не ощущать заранее...”

Вообще, аресты начались раньше и совсем по другому поводу. Это было связано со странной смертью А.А.Жданова и, если копнуть поглубже, А.С.Щербакова. Но, Любовь Мироновна, тактично обошла эту тему.

“Так, в декабре 1951 года был арестован профессор Я.Г.Эттингер, которого папа высоко ценил, часто консультируясь с ним в тяжёлых случаях. Папа, суеверно относившийся к лечению членов своей семьи, не брал на себя, такую “ответственность” и, когда я подростком тяжело заболела, водил меня к Якову Гилярьевичу. Правда, папа всегда с опаской относился к манере Якова Гилярьевича громко пересказывать услышанные им новости из передач всяких “вражеских голосов” и новости, прочитанные им в столь же “опасных” газетах. Эттингер прекрасно владел иностранными языками. Его нисколько не смущало присутствие при этих разговорах окружающих случайных слушателей. Так что его арест в условиях тогдашней жизни был как-то объясним”.

Понятно, что его арестовали за громкое звучание голоса, а умер-то, Эттингер в тюрьме от чего? От тоски? Не с кем, видимо, было словом перекинуться, так что ли? Но, дочь Вовси, тактично промолчала и не стала развивать и эту тему.

Хотелось, однако, заострить по ходу исследования о “деле врачей” одну особенность лечащей врачебной братии. Почему-то им очень хорошо удавалось лечить посторонних людей, но, как правило, в отношении близких и своего собственного здоровья, как видно из прочитанного выше, они бывали порой по-детски беспомощны и доверчивы. Наверное, это присуще всем московским медицинским “светилам”. К этому мы вернемся чуть ниже. Говорят, что Сталин не доверял врачам. Наверное, у него были на то основания. Видимо, каждый умный человек, должен знать и понимать, как функционирует его организм. Сталина, с какой стороны на него не посмотреть, к глупцам не отнесешь. Отсюда и малая потребность во врачах, если сам человек понимает, что может навредить его здоровью. Конечно, есть моменты, когда без врачебной помощи не обойтись. Но, это, как правило, крайние меры, как в данном случае, автокатастрофа.

А наша Любовь Мироновна вспоминает, что

“в 1952 году была арестована близкая знакомая нашей семьи Е.Ф.Лившиц. Она была вдовой талантливого профессора М.А.Лясса, который во время Отечественной войны был главным терапевтом Карельского фронта; после войны он начал очень успешно работать в Московском главном госпитале и активно занимался обобщением итогов работы военных медиков. Но весной 1946 года, будучи ещё совсем молодым человеком, он скоропостижно скончался. Папа, вызванный Евгенией Фёдоровной, не успел даже доехать до их близко расположенного дома. Для папы это была горькая потеря, т. к. Мирон Акимович был и прекрасным врачом, и блестящим, остроумным и мудрым человеком”.

Кому же “перешел дорогу” или для кого являлся нежелательным свидетелем профессор М.А.Лясс? Обратите внимание, на скорость, с которой скоропостижно скончался друг семьи Вовси. Если после звонка жены Лясса, Евгении Федоровны (видимо, было сообщено, что Мирону Акимовичу стало плохо), сам Вовси не успел даже доехать до близлежащего дома друга.

Но от всех этих арестов, давайте сразу перейдем к марту 1953 года, когда из жизни страны ушел Сталин. Что нам интересного, по этому поводу, скажет Любовь Мироновна?

“Второго марта появилось сообщение о болезни Сталина. Эта тема никогда раньше не звучала, не затрагивалась и не освещалась. Ибо само собой разумеется, что такой человек бессмертен и обычные человеческие хвори его не могут касаться”.

Не могу упрекнуть дочь Вовси в трактовке данных событий. Ведь сама же признавалась, что папа держал “рот на замке” в отношении своей деятельности с Кремлевскими небожителями. Кто же знал историю болезни Сталина? Для всех простых, вождь, действительно выглядел всегда здоровым и бодрым человеком. Продолжаем.

“Поэтому сейчас можно было предположить, что болезнь очень тяжёлая. Следующие три дня прошли в напряжении, в ожидании новых сообщений. Сейчас трудно себе представить то

ощущение катастрофы, в котором мы находились в течение последних месяцев. И, как это ни невероятно звучит, мы с ужасом (!) ждали последнего сообщения. Ведь всякая перемена должна была принести ещё большие страдания, ускорить развязку, приблизить полную катастрофу. Какие ещё могли случиться страшные события по сравнению с уже пережитым, объяснить невозможно. Никаких здравых размышлений, никакой логики — один только ужас перед неумолимо надвигающейся силой, которая должна была уничтожить родных людей, раздавить и изломать наши жизни и судьбы наших детей. А ведь **Сталин**, приказав арестовать лучших московских врачей, включая В.Н.Виноградова, **оставил себя в свой последний час без должной медицинской помощи**. Об этом рассказывали в своих воспоминаниях все, кто присутствовал в то время в его нелюдимой даче”.

Если выбросить всю мудреность ее переживаний, то получается, что она сама не знала: радоваться ей тяжелому состоянию Сталина или нет? А вдруг со смертью вождя события приобретут необратимый характер и папу не выпустят? Но главное, что она, не являясь медицинским работником, поставила очень правильный диагноз произошедшим событиям: “Сталин... оставил себя в свой последний час без должной медицинской помощи”.

К сожалению ни Виноградов, ни Вовси, ни кто другой из арестованных врачей не смог прибыть на дачу к умирающему вождю в первые мартовские дни. А врачей-терапевтов густо посажали по инициативе Рюмина. Кроме Виноградова В.Н. и Вовси М.С., за решеткой оказались два брата — Коган М.Б. и Коган Б.Б., сам Егоров П.И., Фельдман А.И., Майоров Г.И... Это не считая коллег прочих врачебных специальностей. А ведь, могли же подсобить, в те трагические дни своим товарищам-эскулапам, прибывшим на дачу Сталина, “по зову партии”. А насчет Сталина, Любовь Мироновна, как и многие читатели, ошибается, приписывая арест врачей делу рук Иосифа Виссарионовича. Он к этому “делу врачей” не имел никакого отношения. Мы же договорились, чтобы Сталина к глупцам, не относить. Поэтому, те, кто готовил расправу над вождем при помощи отравляющего препарата, заранее побеспокоились об изоляции ведущих медицинских специалистов. Но “дело врачей” явилось, как бы завершающим аккордом, а началось оно гораздо раньше, тише и тоньше. Ведь был же “мозговой центр” всей этой заговорческой организации, который разрабатывал подобного рода комбинации. Поверить, что подобное мог повернуть один Хрущев, как-то не очень получается.

Слово предоставляется непосредственному участнику “дела врачей”, арестованному в то время, Якову Львовичу Раппопорту.

“Летом 1952 года (а некоторые в 1951 году) из кремлевской больницы были изгнаны без объяснения причин многие выдающиеся клиницисты, работавшие там много лет в качестве консультантов, лечившие выдающихся деятелей Советского государства. В их числе — М.С. Вовси, В. Н. Виноградов. Арестованы: бывший начальник санупра Кремля, т. е. кремлевской больницы А. А. Бусалов, профессор П. И. Егоров, профессор Я. Г. Этингер, врач С. Е. Карпай. Отстранены от работы: академик А. И. Абрикосов и его жена Ф. Д. Абрикосова-Вульф (патологоанатом) и многие другие. Я не беру на себя функции и роль историка “дела врачей”, не изучая специального документального материала, был вдалеке от того, что происходило в центре деятельности “врачей-убийц” — в кремлевской больнице. Могу лишь сообщить только о событиях, сведения о которых доходили из случайных источников, а нескромный интерес к ним в ту пору (да и позднее) мог иметь тяжелые последствия. Однако и у близких к этим событиям сотрудников этой больницы, с которыми у меня были случайные встречи, была только растерянность, а не осведомленность о причинах этих грозных событий, их существовании, иногда некоторые из них с большой осторожностью делились со мной, отмечая полное непонимание происходящего”.

Хочу пояснить читателю, что заниматься в полном объеме “делом врачей” не представляется возможным из-за обилия информации, но так как оно по ряду факторов перекликается с нашей темой и, по всей видимости, является одной из составных частей общего заговора, то уделить внимание основным персоналиям данного дела, пришлось по необходимости. Поэтому от Якова Львовича Раппопорта мы возьмем только, на мой взгляд, главное, что заинтересовало бы в

данном деле, и о чем я уже говорил выше. Его, как и нас, должно было смутить одно обстоятельство.

“...М.С.Вовси изображался как лидер антисоветской террористической организации, роль которой **абсолютно не соответствовала** общему облику. Кроме того, ведь М.С.Вовси был во время Отечественной войны главным терапевтом Красной (Советской) Армии и первым организатором терапевтической службы в Армии во время войны — роль, с которой он блестяще справился.

Доверие, оказанное ему таким важнейшим поручением, предполагало, что он политически проверен и перепроверен, и поэтому выдвинутые против него обвинения в преступлениях, в которых он признался, были громом среди ясного неба. Потрясал не только характер преступлений, но и то, что их совершил М.С.Вовси. Я на протяжении многих лет общался с М.С.Вовси и редко слышал от него высказывания на политические темы. Во всяком случае, ни одно из них не застряло в моей памяти, я скорее помню, что я ему говорил (в частности, о положении дел в Институте морфологии), чем то, что он говорил мне, хотя он — главарь политической антисоветской организации, в которую я якобы вхожу”.

Знаете, что было бы Мирону Семеновичу за то, что он шел как главарь антисоветской организации? Высшая мера наказания — расстрел! И все получилось бы на законных основаниях, но мы лишились бы важных свидетелей того, что произошло в 1941 году перед самой войной, так как за компанию к Вовси добавились бы и другие участники довоенного консилиума врачей на даче Сталина. Может Лясс и был в их числе? Юрий Мухин, занимающийся темой убийства Сталина в 1953 году, связи с “делом врачей” пишет, что Рюмина (замминистра МГБ — главного обвинителя по данному делу),

“по распоряжению Сталина увольняют из органов МГБ 12 ноября 1952 года — сразу после “победы”. В чем дело?... Сталин, видимо, понял, что смерть Жданова нужно рассматривать саму по себе и она не связана с евреями”.

Думается, что Сталин вспомнил и 1941 год. Что тогда мешало врачам поспособствовать ликвидации главы государства? Тем более и обстоятельства были более благоприятными. Продолжим.

“Казалось бы, что после того, как Сталин убрал юдофоба из МГБ, еврейская тема должна была заглохнуть. Но не проходит и двух месяцев, как Игнатъев, уже сам, без Рюмина, проводит аресты полтора десятка врачей-евреев...”.

Это была вторая волна арестов, которая должна была “затемнить” истинную цель арестов. И она удалась. В итоге заговорщики добились вожденной цели: врачи — в тюрьме, а Сталин — умирает, без оказания должной медицинской помощи. Видимо, Иосиф Виссарионович недооценил возможности “оппозиционеров”, за что и поплатился жизнью. А как же наши герои за решеткой? Берия, который пытался продолжить курс вождя, незамедлительно выпустил на свободу всех фигурантов проходящих по “делу врачей”, в том числе и Мирона Семеновича Вовси. Хотелось бы заметить, что и по сей день, освещая события “дела врачей” некоторые недобросовестные журналисты и историки придают этому событию нежелательную антисемитскую окраску. Иной раз договариваются до того, что, дескать, уже на запасных железнодорожных путях стояли составы для депортации евреев из столицы и других крупных городов. Даже, якобы, был известен конечный пункт прибытия: Еврейская автономная область со своей провинциальной столицей Биробиджан. А вот не пришло в голову данным исследователям от истории простая мысль: почему из всей многочисленной еврейской диаспоры, той же Москвы, которая состояла (и состоит, по сей день) из ученых, писателей, журналистов, музыкантов, артистов и прочих, выбрали только врачей? Почему не арестовали за компанию к Вовси, Коганам, Раппопорту, хотя бы парочку скрипачей Большого театра?

А в чем могла быть их вина? — спросит читатель.

Ну, например, при большом желании можно же было пальнуть по Сталину и из оркестровой ямы под руководством дирижера, скажем, того же, Самуила Абрамовича Самосуда. Правда, его в 1943 году (год уж больно знаковым получился) сменил за дирижерским пультом Пазовский Арий Моисеевич, обласканный Сталинскими премиями. Но, он в 1948 году, когда закрутилось дело по АЕК, вдруг сильно заболел и, вы не поверите, но 6 января 1953 года, в конце концов, умер. Видимо, сильно не хотел попасть “под нож” Сталинских репрессий. Кстати, о своем житье-бытье, успел написать книгу, но увидела она свет лишь в далеком 1966 году. Неужели, надо было, чтобы она “отлеживалась” на редакторской полке так долго? А Голованов Николай Семенович, принявший от него дирижерскую палочку в 1948 году? Тоже, ведь мог дать сигнал, тем, предполагаемым безымянным “героям-скрипачам”, нажавшим на спусковой крючок. Но почему-то при Сталине не привлек внимание органов? Напротив, при тиране-вожде, тоже, четырежды был обласкан в виде премий его имени. А вот после смерти Сталина, сразу, без болезни, ушел 28 августа 1953 года советоваться на тот свет, со своим предшественником Арием Моисеевичем о музыкальных делах. К чему этот маленький рассказ о дирижерах Большого театра? А к тому, что уж очень избирательно работали органы сначала с Рюминым, затем под руководством самого Игнатьева. Крутили руки за спину исключительно врачебной братии еврейского сословия. Правда, чтобы не бросалась в глаза такая избирательность, несколько разбавили представителями славянской расы, но в корне, это дело не меняло.

Вернемся, к нашему многострадальному Миرونу Семеновичу. Не долго, тому осталось жить на белом свете. Возвращаемся к воспоминаниям его дочери, и о том, о чем я говорил выше. Об отношении к своему здоровью.

“Вдруг осенью 1958 года папа стал жаловаться на боли в голени левой ноги, стал заметно прихрамывать. Запомнился его последний приезд к нам в Ленинград... Однажды он, будучи на каком-то заседании в Боткинской больнице, пожаловался между делом сидевшему рядом опытному хирургу доктору Осповату на боли в ноге, и тот, не глядя, сказал: “Заходите, Мирон Семёнович, к нам в отделение. Я скажу, чтобы Вам наложили парафинчик”. Видимо, и папа, вопреки своему таланту диагноста, гнал от себя мрачные подозрения. Несколько процедур с разогретым парафином, вероятно, лишь ускорили рост злокачественной опухоли — саркомы. Такое небрежное отношение к своему здоровью двух опытных врачей, к сожалению, очень характерно. Нам потом рассказывали общие знакомые, что доктор Осповат очень горевал по поводу своего несерьёзного совета... Болезнь быстро прогрессировала. Весной 12 апреля 1959 года папу оперировали. Ногу ампутировали выше колена. Папа понял это решение хирургов как приговор. И здесь он проявил величайшее мужество и свою огромную мудрость. Об этом можно написать отдельную повесть. По поводу его роковой болезни много раз возникали мысли и рассуждения, **не связана ли она (болезнь) с его арестом и заключением 1952-53 года**, тем более что он возвратился домой с кроваво-синюшными “браслетами” на руках и на ногах. Это были следы от тяжёлых наручников и кандалов, которые надевали на заключённых, что подробно описал в своей книге Яков Львович Раппопорт, но о чём не рассказывал папа. Он только старался опустить рукава сорочки таким образом, чтобы дома никто эти следы не заметил”.

Но, дочь Люба, все же, заметила и рассказала нам об этом. Хотелось бы уточнить, что не только болезнь, но и смерть ее дорогого и любимого отца напрямую связана не только с арестом и заключением.

Кроме того, Любовь Мироновна не совсем точна, говоря, что “небрежное отношение к своему здоровью двух опытных врачей, к сожалению, очень характерно”. Это где, она увидела такое отношение к здоровью, тем более, у двух врачей? Это можно сказать, только в отношении одного врача, ее отца. Разве Вовси и Осповата в один гроб положили? Кажется, один из них, даже слезу пустил по поводу другого. Видимо, все органы у него функционировали нормально. Конечно, вызывает удивление “легкомысленно” поставленный диагноз доктора Осповата, насчет “парафинчика”, да еще и “не глядя”. Если бы, впоследствии, его горестные восклицания как-то

помогли бы вернуть Любе горячо любимого отца, тогда другое дело. А так, утерли слезы, и забыли. Кстати, Виноградов Владимир Никитич, тоже умер во времена Хрущева в 1964 году.

“После операции папа вызвал к себе Я.Л.Раппопорта и, сказав, что верит его глазам больше, чем любому микроскопу, потребовал прямо и честно обсудить, каким временем для завершения своих издательских и семейных дел он располагает. К сожалению, срок этот оказался ещё короче, чем названный Раппопортом — один год вместо двух. Всё это время его мужество было невероятным для такого мягкого и сострадательного к чужой боли человека. Единственные самоутешительные его слова, которые я слышала несколько раз, были: “Судьба подарила мне семь лет жизни”. Счёт вёлся от возможной расправы 1953 года. А я мысленно добавляла: “...И кончину в своей постели, рядом с любящими родными и преданными врачами, которые делали, всё что могли, чтобы облегчить страдания”.

Приведу еще один “интересный” эпизод из жизни М.С.Вовси в изложении его дочери. После освобождения из следственной тюрьмы, Мирону Семеновичу пришлось еще раз поехать на Лубянку за получением наград отобранных при аресте.

“Он был потрясён встречей, которая неожиданно произошла там же, на Лубянке. По такому же поводу, для получения возвращаемых наград, туда приехал многолетний папин пациент Алексей Иванович Шахурин, бывший министр авиационной промышленности СССР. Этот обаятельный человек и его жена Софья Мироновна давно уже были не только пациентами, но и друзьями папы. Особенно их сблизило огромное несчастье этой семьи. В 1943 году на набережной Москвы реки в разгар Отечественной войны их единственный сын Володя в порыве юношеской любви застрелил из пистолета свою любимую девушку, дочку советского посла в одной из латиноамериканских стран. А потом выстрелил в себя. Рана была смертельная, ничего нельзя было сделать, и через день Володя умер на руках у моего папы... И вот, совершенно случайно встретившись, Алексей Иванович и папа бросились друг к другу, обнялись и расплакались... До самой своей смерти папа лечил Шахуриных, дружил с ними, а они, в свою очередь, проявляли много внимания к маме и к моей семье после папиной кончины. Они умерли оба друг за другом, как древнегреческие Филимон и Бовкида, и покоятся вместе с сыном на Ново-Девичьем кладбище...”.

Мало, видимо, было Мирону Семеновичу быть свидетелем по делу Сталина в 1941 году, так он еще оказался причастным к “делу волчат” 1943 года. А это звенья одной цепи. К тому же Володя Шахурин, как говорит Любовь Мироновна, “умер на руках у моего папы”. Значит, Вовси знал о характере огнестрельного ранения в голову подростка? Жаль, что он не поделился с дочерью подробностями трагического события на Каменном мосту. Я уже говорил, что эту тему не объедем мимо и вернемся к ней, но, чуть позже.

Врачи, соприкасающиеся по долгу службы с высокопоставленными пациентами, обязательно попадают в “интересную” историю. Вовси, в 1944 году консультировал раненого Ватутина, который был на излечении в Киеве. Тот, при невыясненных обстоятельствах вдруг, взял, да и умер от гангрены, когда всем казалось, что генерал в скором времени убудет на фронт. Такие вот дела встречались во врачебной практике.

А сейчас перейдем к другим фигурантам по нашей теме о событиях далекого 1941-го года.

Глава 35. Об американских послах

Когда нам подбросили “подарок” Рузвельта, вместе с послом Гарриманом, невольно задашься вопросом: “А кто у нас был послом от Америки в 1941 году?”. Нет ничего проще ответа: послом Соединенных Штатов в Советском Союзе, на тот период, был Лоренс Стайнхардт или как принято в другой транскрипции, Лоуренс Штейнгардт. Краткие энциклопедические сведения.

“Уроженец города Нью-Йорка Лоуренс Адольф Штейнгардт во время Первой мировой войны служил в армии США. При президенте Франклине Рузвельте он был посланником в Швеции, затем послом в Перу. В 1939 году, менее чем за полгода до начала Второй мировой войны, Штейнгардт был назначен на работу в СССР. Нападение Германии на Советский Союз заставило иностранные посольства эвакуироваться на восток, в город Куйбышев (ныне Самара). Штейнгардт выехал в Куйбышев в конце 1941 года, оставив в Москве второго секретаря Льюэллина Томпсона и часть сотрудников посольства. Вскоре Штейнгардт был назначен послом США в Турции, где работал до окончания войны. Позже президент Трумэн направил его послом в Чехословакию, а затем в Канаду. В СССР Штейнгардт находился в весьма сложный период, когда был заключен пакт между Гитлером и Сталиным, произошел раздел Польши, пала Франция и готовилось нападение нацистов на Советский Союз. В этот период США еще официально сохраняли нейтралитет, но неофициально оказывали помощь Великобритании. В июне 1941 года, сразу после нападения Германии на СССР, президент Рузвельт предложил Советскому Союзу военную помощь”.

Но мы пока отложим пристальное рассмотрение данной личности, а обратимся к его предшественнику на посту представителя Соединенных Штатов в Советском Союзе в период с 1936 по 1938 год, Джозефу Дэвису. Тоже небольшие энциклопедические сведения.

“Уроженец города Уотертаун в штате Висконсин, Джозеф Эдвард Дэвис жил и занимался юридической практикой в Вашингтоне. При президенте Вудро Вильсоне он два года был председателем Федеральной комиссии по торговле.

В 1919 году он был советником президента Вильсона по экономике на мирной конференции в Париже. В 1936 году президент Франклин Рузвельт назначил Дэвиса послом в СССР. Два года работы в Советском Союзе пришлось на период напряженности в Европе — это было время гражданской войны в Испании, возвышения нацистской Германии и громких судебных процессов над “врагами народа” в Москве. В 1938 году Дэвис был назначен послом в Бельгии и находился там до начала Второй мировой войны. Во время войны он был помощником государственного секретаря Хэлла, а затем председателем Президентского совета по контролю за военной помощью”.

Почему читателю раньше предложена к рассмотрению эта кандидатура будет видно из небольшого рассказа. Предлагаю читателю для ознакомления главу “Две миссии Джозефа Дэвиса” из книги Льва Балаяна “Сталин и Хрущев” .

“На исходе 1941 года в Соединённых Штатах Америки вышла в свет книга Джозефа Дэвиса “Миссия в Москву”. Этот человек был послом США в СССР, а точнее — личным посланником Франклина Рузвельта в советской столице, куда прибыл с вполне определённой миссией: добиться аудиенции у Сталина, глубоко изучить и проанализировать внутривластную обстановку в Советском Союзе и его внешнеполитический курс, а также собрать сведения по вопросам обороноспособности нашей страны. Деятельность Дэвиса на посту посла США в СССР продолжалась с января 1937 до весны 1938 года, т. е. пришлась на пик “политических репрессий”, а потому личный посланник Ф. Рузвельта и его свидетельства о происходивших в ту пору событиях, а также сама его книга представляет огромный интерес. Недаром на своём личном экземпляре “Миссии в Москву” президент Рузвельт оставил такую надпись: **“Эта книга — явление, она на все времена”**...

Чем же привлекла американского читателя книга Джозефа Дэвиса? Для так называемого “среднего американца” на рубеже 30-х — 40-х годов СССР был по большому счёту “terra incognita” (с одной стороны, установление дипломатических отношений с Кремлём после признания Америкой Советов в 1933 году, стажировка советских инженеров в США, расширяющиеся двусторонние связи в области культуры, встречи сталинских соколов — экипажей Чкалова и Громова на американской земле и другие позитивные моменты, способствовавшие нормализации американо-советских отношений, а с другой — страшные слухи о “принудительной коллективизации”, “зверствах карательных органов”, “политических репрессиях” ...) И американский обыватель с

жадностью искал ответа на вопрос: **“Так что это за зверь такой — советский человек, и какую роль в его каждодневной жизни играет Сталин?”**. Ибо именно с этим именем связывали во всём мире как положительное, так и отрицательное в делах и днях совершенно непостижимой планеты под названием СССР, интерес к которой резко подскочил после нападения на него фашистской Германии и особенно в дни перехода в контрнаступление Красной Армии под Москвой (а именно тогда вышла книга Дэвиса! — Л.Балоян.).

25 июня 1941 года, то есть спустя три дня после нападения Гитлера на Советский Союз, Д. Дэвис выступал с лекцией в Гарвардском университете. Его спросили, что бы он мог сказать о наличии в СССР **“нацистской пятой колонны”**. Последовал короткий ответ: **“Её больше не существует — все расстреляны”** ...

В одном из писем, вошедших в книгу и написанных в апреле 1938 года, Дэвис писал по поводу процесса по делу “Правотроцкистского блока” и, в частности, **Николая Бухарина**: **“Итак, сомнений больше нет — вина уже установлена признанием самого обвиняемого... И едва ли найдётся зарубежный наблюдатель, который бы, следя за ходом процесса, усомнился в причастности большинства обвиняемых к заговору, имевшему цель устранить Сталина”**.

Опрос, проведённый институтом Гэллапа среди американских читателей в октябре 1942 года, позволил выявить их мнение, что главным достоинством книги “Миссия в Москву” и заслугой её автора является “достоверность информации о суде над заговорщиками, выступившими против Сталина”. Дэвис приходит к выводу, что советское руководство готовилось к войне не только путём наращивания оборонной мощи, но и путём тщательной чистки своих руководящих кадров, какой бы высокий пост они ни занимали: **“У русских были свои квислинги, по аналогии с той же Норвегией, и они их уничтожили”**...

Не без ведома президента Рузвельта было решено бестселлер экранизировать. История создания этого фильма сама могла бы явиться темой занимательного чтения, тем более, что позиция Дэвиса противостояла позиции режиссёра фильма Кертица и продюсера Бакнера. Этих двоих раздражала, как они выражались **“простаалинская линия”** автора книги, а Дэвис обвинял продюсера (и, разумеется, не без основания) в том, что он находится под влиянием американских троцкистов во главе с Дьюи, а режиссёра в том, что у него огромное количество советчиков из числа белоэмигрантов, покинувших Россию либо сразу после революции, либо даже задолго до неё, а потому не знавших тех изменений, которые произошли за два десятилетия бурного развития на их бывшей родине... Что касается концепции авторов фильма в отношении проводившихся в СССР репрессий, то Дэвис высказался за то, чтобы в картине была чётко очерчена **вина** тех, кто проходил по процессам 1937–1938 годов. Это вызвало резкий протест продюсера Бакнера (**сочувствующего троцкистам!**), что совершается “грандиозная историческая ошибка”. Вопрос стоял ребром. Но тут Дэвис, поинтересовавшись, сколько средств уже вложено в данный фильм, достал из кармана свою чековую книжку и предложил выписать чек на миллион долларов, чтобы выкупить у братьев Уорнер готовую картину. Поскольку Дэвис был миллионером и вполне мог позволить себе такую покупку, эффект от его жеста был ошеломляющий. Правовладельцам фильма братьям Уорнер пришлось согласиться не отступать от трактовки этих судебных процессов в книге.

Дэвис через тогдашнего посла СССР в США М. Литвинова просил Сталина для обеспечения успешного завершения работы над кинофильмом “Миссия в Москву” передать в его распоряжение некоторые материалы советской документальной хроники, что и было сделано. Заключительные сцены фильма были сняты в марте 1943 года (**после победоносного завершения Сталинградской битвы! — Л.Б.**). Специально прибывшие в Голливуд из Вашингтона представители Американского бюро художественных фильмов при правительственном отделе военной информации (оказывается, и “там” существовала жёсткая цензура — Л.Б.), приняли эту картину с таким заключением: **“Данный кинофильм является достойным ответом на лживые заявления стран оси и их пособников, и ответ этот — правда, самое сильное пропагандистское оружие”**.²¹ апреля фильм был продемонстрирован в Белом доме специально

для президента Ф. Рузвельта и его окружения, а 22 апреля братья Уорнеры организовали в Голливуде просмотр для широкой рабочей аудитории. Реакция на фильм была положительной как в Белом доме, так и в среде рабочих. Когда же фильм вышел в широкий прокат, первой подняла визг протроцкистская газета "Нью лидер". А вскоре и "Нью-Йорк Таймс" опубликовала идеолога троцкизма философа Джона Дьюи, который назвал "Миссию в Москву" "первым в Соединённых Штатах случаем тоталитарной пропаганды, рассчитанной на массовое потребление". В прессе началась ожесточённая дискуссия, но большинство американцев всё-таки склонялись к тому, что фильм подкупает исключительной правдивостью, и предупреждали, что "кое-кто не понимает, как легко можно стать жертвами нацистской пропаганды, если выступать за подрыв единства объединённого фронта союзных сил".

В мае 1943-го отношения между СССР и США стали заметно охлаждаться, так как Запад всё время откладывал открытие второго фронта, с чем Сталин мириться не мог. Джозеф Дэвис имел беседу по данному вопросу с Рузвельтом, и президент поручил ему возглавить новую миссию, которой вменялось в обязанность встретиться со Сталиным и убедить его в том, что США не изменяют своему союзническому долгу и готовы к тесному послевоенному сотрудничеству. Дэвис привёз И.В. Сталину копию своей картины и присутствовал во время просмотра ленты в Кремле. Перед началом сеанса Дэвис передал Сталину личное послание Рузвельта ("Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документ № 83 от 5 мая 1943 г.) и сказал, что, по мнению президента, после просмотра фильма Сталин может прийти в "проамериканское настроение". Дэвис писал Гарри Уорнеру, что успех превзошёл все его ожидания: "Маршал Сталин и все присутствующие на просмотре высоко оценили картину". Особенным успехом кинолента "Миссия в Москву" за пределами США пользовалась в Великобритании и Китае... Фильм "Миссия в Москву" был тогда же просмотрен в логове Гитлера. Геббельс записал об этом в своём дневнике в мае 1943 года. Получив информацию о поездке Дэвиса в Москву, он назвал его "салонным большевиком" и "опасным типом". По указанию Геббельса, книга Дэвиса и ее автор стали объектом изощреннейших издевательств в германской прессе.

Что касается самого Джозефа Дэвиса, то на обеде в Кремле, данном в его честь в мае 1943 года, Вячеслав Михайлович Молотов назвал его настоящим другом Советского Союза. Сам же посол в своей ответной речи поднял тост за Красную Армию, за советский народ и руководителей Советского государства, прежде всего, Иосифа Сталина. Именно Дэвис предложил увековечить подвиг героев Сталинграда, оставив его в руинах как памятник и построив рядом цветущий город.

В 1945 году, по предложению Иосифа Виссарионовича Сталина, Джозеф Дэвис, будущий организатор и почётный председатель Национального совета американо-советской дружбы **за большой вклад в дело укрепления доверия между СССР и США в предвоенный период и во время войны был удостоен ордена Ленина**".

Но есть и другой взгляд на деятельность Джозефа Дэвиса в Советском Союзе. В журнале "Вестник" № 17(276) от 14.08.2001 года, автор Георгий Чернявский (Балтимор) в статье "Нечестивый собиратель" приводит свою точку зрения на данные события. .

Статья приводится в сокращении.

"Дэвис, однако, продолжал выслуживаться перед Сталиным. Он даже в письмах дочери Эллен повторял то, что писал в официальных отчетах. Во время мартовского суда 1938 года он сообщал ей: "Процесс показал все элементарные слабости и пороки человеческой природы — личное тщеславие самого худшего образца. Стали ясными нити заговора, который чуть было ни привел к свержению существующего правительства". То же он повторял и во время кратких поездок в США. "Совершенно ясно, — заявил он в одном из выступлений, — что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью энергичного и решительного усилия сталинского правительства предохранить себя не

только от переворота изнутри, но и от нападения извне... Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены". И только в дневниковых записях очень редко и осторожно появлялись намеки по поводу "признаний" как единственного доказательства, размышления о том, что, возможно, обвиняемым давали какие-то неведомые медикаменты и т. п. Полностью одобряя деятельность американского посла, сталинский режим не скупился на вознаграждения. Придворный советский живописец А.М.Герасимов написал портрет супруги посла, выполнив его в псевдоклассическом стиле. Один за другим следовали подарки из фондов Третьяковской галереи, Киево-Печерской Лавры, Чудова монастыря. Кроме того, послу и его супруге давали возможность делать покупки художественных ценностей по бросовым ценам. Им удалось создать великолепную коллекцию картин И.К.Айвазовского, Д.Г.Левицкого и других замечательных художников, коллекции фарфора, керамики, художественного серебра. Коллекция же творений Карла Фаберже была настолько грандиозной, что в 1965 году университет штата Оклахома издал ее специальный каталог. Сталин поощрял послушного любителя художественных ценностей не только материально. Дэвис был первым иностранным дипломатом, которого принял большевистский диктатор (о встрече с ним 5 июня 1938 года посол напишет в американские официальные инстанции целую серию хвалебных отчетов). Сталин преподнес Дэвису собственный портрет с теплой подписью, и его примеру последовали другие "вожди". Летом 1938 года Рузвельт, наконец, среагировал на недовольство Госдепартамента, сотрудников посольства, представителей других стран деятельностью Дэвиса и перевел его на малозаметный пост посла в Бельгии, а еще через два года отозвал в США, где ему были поручены совсем уже второстепенные дела. В годы Второй мировой войны США и СССР стали участниками антигитлеровской коалиции, и в 42-ом году появилась книга бывшего посла "Миссия в Москву", а в следующем году по этой книге был снят фильм того же названия. Сталин приказал закупить фильм, который заполнил все советские экраны, а Дэвис отхватил новый солидный куш в виде гонорара. В мае 1945 года Дэвис — единственный из всех западных дипломатов за всю советскую историю — был награжден орденом Ленина с выразительным обоснованием: "За успешную деятельность, способствующую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействующую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран". По случаю вручения награды посольство СССР в Вашингтоне устроило грандиозный прием. Новый президент США Гарри Трумэн отправил 70-летнего Дэвиса в отставку, и остаток своей жизни он провел в забвении..."

Сколько людей, столько и мнений. Я уже говорил, что каждый видит то, что хочет видеть. Но здесь, чуточку иной подход к теме о Д.Дэвисе. Автор, Георгий Чернявский, видимо, хочет видеть героя своей статьи неким бессребреником, своеобразным альтруистом. А то, что он будет выглядеть экзотическим субъектом в мире капиталистических отношений, это его, судя по всему, ни сколько не смущает. Ведь, не надо забывать, что Джозеф Дэвис сформировался как личность в определенной среде людей, с заданными человеческими пороками и каким же, по мысли автора, тот должен был быть? Идеалистом мечтателем? Современным Дон-Кихотом? Осуждать Дэвиса за стяжательство и стремление к накопительству. Да, помилуй бог! Сталин что, должен был вести с ним беседы о марксистской теории победе мирового пролетариата во всем мире? Или что, подарить ему Краткий курс истории ВКП(б) со своей дарственной надписью? Ставить Дэвису в вину, что тот заработал деньги на своей книге и ее экранизации — смешно. Дескать, все это было сделано в угоду Сталину и Советскому Союзу. Сталин политик и, к тому же, вождь своего народа. Для победы в войне ему не жалко было бы одарить и десять таких Дэвисов, только бы это пошло на пользу его Родине. Не надо забывать, что в Америке "реакция на фильм была положительной как в Белом доме, так и в среде рабочих".

Кроме того, довольно ясно было сказано, что орден Ленина был вручен Дэвису "За успешную деятельность, способствующую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействующую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран".

А это согласитесь, дорогого стоит! Разве могли с этим смириться враждебные нашей стране люди в Америке, занимающие высокие места во власти? Вот и вынужден был Рузвельт заменить Джозефа Дэвиса другим человеком.

А теперь по теме о нашей “пятой колонне”. Несколько дневниковых записей Джозефа Дэвиса.

(18 февраля 1937 г.) Общее мнение дипкорпуса состоит в том, что правительство в ходе процесса достигло своей цели и доказало, что обвиняемые, по крайней мере, участвовали в каком-то заговоре. Беседа с литовским послом: он считает, что все разговоры о пытках и наркотических препаратах, якобы применяемых в отношении к подсудимым, лишены всяких оснований. Он высокого мнения о советском руководстве во многих отношениях. Беседа с послом, проведенным в России 6 лет. Его мнение: заговор существовал и подсудимые виновны. Они с юных лет вели подпольную борьбу, многие годы провели за границей и психологически предрасположены к заговорщической деятельности.

(28 июля 1937 г.) ДЕЛО ТУХАЧЕВСКОГО. В среде дипломатического корпуса бытует мнение, что казненные генералы были виновны в преступлениях, которые по советским законам караются смертной казнью. В апреле Тухачевский присутствовал, среди прочих (Ворошилов, Егоров и др.) на приеме, организованном нашим посольством в честь Красной Армии. Он имел репутацию талантливого человека, однако на меня не произвел особого впечатления. Выглядел Тухачевский по-мальчишески свежим, был несколько тяжеловат для своих габаритов и вполне жизнерадостен. Если, вдобавок ко всему, он еще страдал бонапартистскими замашками, то надо признать — Сталин избавился от своего “корсиканца”.

(Лето 1941 г.) ПЯТАЯ КОЛОННА В РОССИИ. Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские агенты действовали повсюду, даже в Соединенных Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Генлейна. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грелль)... Однако ничего подобного в России мы не видим. **“Где же русские пособники Гитлера?” — спрашивают меня часто. “Их расстреляли”, — отвечаю я.**

Обратите внимание, как поработала рука цензора. Везде стоят даты в дневниковых записях, кроме одной, как раз, главной для нас. Когда же Дэвис сделал подобную запись, и является ли данный текст полным? Получается, что “пятая колонна” для кого-то, как красная тряпка для быка. Но и так, “лето 1941 года”, о многом говорит.

(7 июля 1941 г.) Мой друг Линдберг сильно удивил меня, заявив, что он предпочитает нацизм коммунизму. Вообще делать такой выбор — дело отчаянное, однако между двумя этими предметами разница слишком велика. И Германия и Россия — тоталитарные государства. Оба они реалистичны. Оба они применяют строгие и безжалостные методы. Однако существует одно существенное отличие, которое можно показать следующим образом. Если бы Маркс, Ленин или Сталин были верующими христианами, и если попытаться поместить коммунистический эксперимент, проделанный в России, в рамки догматов католической или протестантской церкви, то полученный результат был бы объявлен величайшим достижением христианства за всю историю человечества в его стремлении к человеколюбию и воплощению христианских заповедей в жизнь общества. Дело в том, что христианскую религию можно совместить с коммунистическими принципами, не совершая большого насилия над его экономическими и политическими целями, главным из которых является “братство всех людей”. Проведя аналогичный тест в отношении нацизма, мы обнаружим невозможность совмещения двух идеологий. Принцип христианской идеологии невозможно наложить на нацистскую философию, не разрушив политической основы государства. Фашистская философия создает государство, которое фактически базируется на отрицании альтруистических принципов христианства. Для нацистов любовь, благотворительность, справедливость и христианские ценности всего лишь проявления слабости и упадка, если они противоречат потребностям государства. В этом вся и разница — коммунистическое советское государство может действовать, имея христианство в качестве основы для достижения конечной цели — всеобщего братства людей. Коммунисты допускают отмирание государства по мере усовершенствования человека, тогда как идеал нацистов прямо противоположен — государство превыше всего.

(3 октября 1941 г.) Слушал по коротковолновому радиоприемнику выступление Гитлера. Весьма примечательное признание: немцы допустили серьезную ошибку, недооценив силу Красной Армии и степень ее боеготовности. Очевидно, фюрер пытался объяснить своему народу, почему Красная Армия продолжает сражаться, тогда как он уже каждую неделю с начала войны объявлял на весь свет, что одержана окончательная победа. Это был совсем другой Гитлер, чем тот, которого мне приходилось слышать по радио на протяжении нескольких лет. Впервые этот человек, обладающий параноидальной самоуверенностью, признался в совершении ошибки. Однако главной ошибкой было решение о вторжении в Россию. С приближением зимы на стороне советского Верховного командования будет воевать "Генерал Мороз" и "Генерал Истощение". 22 июня находились специалисты, которые предсказывали, что немцы будут в Москве через 3 недели. Немецкий блицкриг промаршировал к побережью французского Аббевилля (185 миль) за 10 дней. Танковые дивизии, поддержанные самой мощной в мире авиацией, гнали галантных бельгийцев, великолепных британцев, а также французскую армию на протяжении 65 миль в течение 18 суток. На сегодняшний день истекло уже 14 недель, а Красная Армия все еще удерживает линию фронта".

Вот мы и ознакомились, как бы с двумя сторонами одной медали (монеты) — Джозефом Дэвисом. Но есть и третья, ребро — так называемый, гурт. Оно мало интересует любителей, но чему уделяется пристальное внимание знатоков нумизматики, а в нашем случае, — истории. Это как раз про Джозефа Дэвиса. То, что Дэвис любил живопись — это его хобби, не более того. Но, не за пополнением же, своей коллекции посылал его Рузвельт в Советский Союз? И Сталин знал цель Дэвиса. В главе "Денежная составляющая войны" я говорил, что основа войны — это деньги. Неужели, думаете, Сталин не знал этой прописной истины? Я приведу еще одну выдержку из дневника американского посла.

(15 марта 1937 г.) ДОБЫЧА ЗОЛОТА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сведения, которыми я располагаю, дают основание сделать следующие выводы:

— добыча золота в Южной Африке достигает 350 т. в год

(Помните об африканском золотишке, которое Англия передала Америке в счет поставок оружия на сумму в 50 млн. долларов. — В.М.);

— Советский Союз производит примерно 175 т.;

— Соединенные Штаты — 100 т.;

— Канада — 100 т.;

Мне показали кладовые Госбанка, где собраны различные драгоценности. Меня, в частности, поразили самородки весом от 40 до 50 фунтов (16–20 кг). Судя по внешнему виду они состоят почти целиком из чистого золота.

Госпожа Литвинова, которая преподает в одной из школ на Урале, рассказывала, что школьники на каникулах занимаются сбором самородков в горах. Недавно она сама во время обычной прогулки случайно нашла кусок камня с приличным содержанием золота".

Вот что интересовало Дэвиса в первую очередь: платежеспособность Советского Союза в будущей войне. Дэвис крупная фигура в теневой политике Америки. Он и убыл из Советского Союза, накануне второй мировой войны в 1939 году, с "положительным сальдо" — есть в Сталинской кубышке, золотишко! Кроме того, Дэвису ли не знать, когда "запахнет жареным"? А на его место был назначен человек более низкого ранга, хотя и не без способностей к установлению нужных связей.

И мы вновь возвращаемся к послу Лоуренсу Штейнгардту. Как только была намечена его кандидатура вместо Дэвиса, сразу по каналам разведки через Советское посольство в Америке, срочно была поставлена задача собрать по нему соответствующий материал.

Письмо временного поверенного в делах СССР в США

К.А. Уманского народному комиссару иностранных дел СССР

М.М. Литвинову о назначении посла США в СССР

01.03.1939

Секретно

Многоуважаемый Максим Максимович!

Назначение к нам Штейнгардта все еще американцами замалчивается. Подобные назначения, как правило, оглашаются президентом на приеме печати. Между датой получения нашего агремана (согласие правительства принимающего государства на назначение определенного лица в качестве дипломатического представителя аккредитующего государства. — В.М.) и отъездом Рузвельта на морские маневры в Караибском море был промежуток в 10 дней, которым он не воспользовался для оглашения назначения. Президент вернется послезавтра. Слухи о назначении Штейнгардта просочились в прессу из немецких источников (сообщения германского радио “Трансошен” со ссылкой на “слухи в московских кругах”; думаю, однако, что немцы узнали об этом не в Москве, а в Лиме), но пресса настолько перестала верить бесконечным комбинациям о кандидатах на московский пост, что ни одна газета слуха этого не опубликовала. Хэлл на приеме печати, отвечая на вопрос о достоверности этого слуха, отшутился, заявив, что “должен просмотреть все списки кандидатов и тогда даст ответ”. В аппарате Госдепартамента назначение это известно всего 2–3 крупнейш чиновникам. Назначение Штейнгардта пока не послано президентом на утверждение Сената. Штейнгардт находится сейчас в Лиме, его планы мне не известны.

Из этих несколько необычных в здешней практике обстоятельств назначения Ш (при болтливости американцев успех его “засекречения” просто поразителен) я не стал бы делать далеко идущих выводов и не думаю, например, чтобы Рузвельт намеревался оттянуть оглашение своего назначения до урегулирования вопроса о возвращении Вильсона (1) или нового посла в Берлине (этот вопрос на очереди). Но допускаю, что американцы не прочь затянуть опубликование назначения и, возможно, отъезд Штейнгардта до, и с целью, выяснения наших намерений о новом полпреде в Вашингтоне. Невозвращение Трояновского по-прежнему истолковывается многими видными людьми в Вашингтоне как ответная демонстрация на не назначение ам посла и как давление. Этот же факт невозвращения Трояновского по-прежнему используется враждебными нам кругами (включая отдельных реакционных чиновников Госдепартамента, о которых мы это достоверно знаем) для распускания слухов об “исчезновении” Трояновского, — слухов, которые как раз за последние дни подаются прессой Херста в более сенсационной форме, чем когда-либо ранее. Ввиду неизменной популярности Трояновского эти слухи, выдаваемые за факты и которым верит, несмотря на все наши отрицания, пожалуй, большинство политического Вашингтона, приносят нам немалый вред. Очень возможно, что слухи эти пущены сейчас с новой силой именно немцами, чтобы затормозить официальное назначение Штейнгардта, которое еще более оттенило бы состояние полуразрыва в американо-германских отношениях. В этом немцам охотно помогут наши недруги в Госдепартаменте. Мне кажется, что в этих условиях было бы не вредно шепнуть кое-кому из видных журналистов о том, что Штейнгардт назначен, быстро получил наш агреман и в ближайшем будущем выедет к новому месту работы. Если к моменту получения данного письма положение останется тем же, то прошу Вас телеграфно разрешить мне пустить этот слух, например через известного журналиста Пирсона (автора ежедневной “Вашингтонской карусели”,

публикуемой в ок 300 газетах), через которого я не раз пускал необходимые нам сведения и кот меня пока ни разу не подводил. Он мог бы сослаться на информацию из Лимы.

Теперь о самом Штейнгардте. Особых оснований к тому, чтобы быть в восторге от этой кандидатуры, нет. Человек он малоизвестный, никаких признаков близости президенту нет, вес в деловых кругах незначительный (киты Уолл-стрита едва ли его знают), ни в какой искренней приверженности рузвельтовской программе или каким-либо прогрессивным идеям неповинен, говорят, очень тщеславен, наконец, тесно связан **с сионистскими кругами** и, что **ОЧЕНЬ** существенно, принадлежит к тем представителям американской еврейской буржуазии, которые считают отмежевание от нас непереносимым условием своего антифашизма и не мыслят себе борьбы с антисемитизмом без нелепых рассуждений на тему о том, что, дескать, “не все евреи за коммунизм и СССР” (пошлости в этом стиле можно найти в передовых “Нью-Йорк таймс” и др. связанных с еврейскими буржуазными кругами газетах).

Плюсы Штейнгардта: с реакционной кликой Госдепартамента не связан, от нее не зависит, будет выслуживаться у Рузвельта, настроен, конечно, антинацистски, убедился на практике в Лиме о реальности нацистской угрозы ам интересам в Южной Америке, бывал в Европе, не провинциал, давно добивался назначения к нам, еще до возобновления отношений.

Прилагаю биографическую справку, составленную мною на основании всех доступных материалов и отдельных осторожных расспросов, допустимых в рамках неразглашения его назначения к нам.

С товарищеским приветом,

И.о. поверенного в делах К. УМАНСКИЙ

АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 25. Д. 18. Л. 5–7. Копия.

Приложение к документу № 432 (Секретно)

СПРАВКА О ЛОУРЕНСЕ ШТЕЙНГАРДТЕ

Штейнгардт родился в 1892 г. в Нью-Йорке. Отец — бизнесмен достатка выше среднего (владел фирмой по эмалировке и штамповке). Отец дружил с бывшим владельцем “Нью-Йорк таймс” Оксом (умершим в 1935 г.) (2), а также с родственником по линии жены сына — видным сионистским деятелем Унтермейером (3). Атмосфера в семье типичная для умеренно-либеральной зажиточной “успешной” еврейской нью-йоркской семьи. Штейнгардт избрал карьеру адвоката, считает себя и экономистом. В 1923 году кончил юридический факультет Колумбийского университета, в 1915 году получил степень магистра. В этом же 1915 году издал — по-видимому, на свои деньги, для саморекламы — небольшую книжку на тему о юридическом статусе американских профсоюзов. Книги этой ни в одной крупной публичной библиотеке США нет, как нет на ней и пометки об издателе. Полпредство нашло книгу с трудом. Ознакомление с ней свидетельствует о том, что у Штейнгардт была в это время тенденция доказать, что у профсоюзов вообще нет и не должно быть никакого юридического статуса. Под соусом всяких лжелиберальных рассуждений о том, что конституция США обеспечивает полную свободу действий не только рабочим, но и предпринимателям, которых нельзя заставить признать профсоюзы, Штейнгардт этим развивал аргументацию, которая целиком совпадала с применявшейся в это время американскими судами практикой при вынесении решений против бастующих рабочих. Характерная цитата: “Чувства солидарности, лежащие в основе рабочих союзов, не должны стеснять и угнетать ту свободную личность, которая предпочитает добиваться улучшения своего жизненного уровня индивидуальными усилиями (т. е. вне союзов). Организация рабочих совпадает с интересами государства постольку, поскольку она является законным орудием для общего блага. Если же организация рабочих направлена против общественного интереса, если мощь этой организации направлена в сторону подавления индивидуальной свободы, то где тот принцип,

которым можно оправдать существование подобной организации?” В дальнейших известных нам писаниях и выступлениях Штейнгардт подобных реакционных рассуждений мы больше не встречали. Незадолго до войны сначала работал в фирме “Деллоид, Плэндер и Грифитс” (английская фирма в Нью-Йорке). В 1918 г. вступил в армию нижним чином, оставил армию в конце того же года в чине сержанта. По-видимому, на фронте во Франции не был. (Служил в 60-м полку полевой артиллерии.) В 1919 году служил в Военном департаменте в Вашингтоне в качестве консультанта отдела жилищного строительства и здравоохранения. В 1920–1933 гг. был членом крупной нью-йоркской адвокатской фирмы “Гуггенгеймер, Энтермайер и Маршалл”. Сын одного из основателей этой фирмы Маршалла сейчас находится в Вашингтоне, работает в лесничестве Минзема, считается одним из самых передовых молодых чиновников. Брат его Джордж Маршалл — член редакции близкого нам журнала “Совет Раша тудей”. Из косвенных расспросов выяснилось, что у Штейнгардт в названной фирме была репутация “жесткого эгоиста, которому чужды какие бы то ни было идеалы и всякая филантропия, упорного и в общем успешного карьериста”. Одновременно со своей работой в адвокатской фирме Штейнгардт сколачивает свое состояние, фундамент которому заложен средствами, полученными от отца. Являлся директором и членом правлений ряда фирм, обувных, ресторанных, продуктовых и пр. (“Киннэй Ко”, “Аффилейтед продэкт инкорпорейтед”, “Пату”, “Лэссинг”, “Луи Филлипп”, “Ни”, “Фрют энд продюс аксептэкс корпорейшен”, “Инмак корпорейшен”, американское отделение Британской энциклопедии, “Леопольд Штерн и сыновья” и др.). Справка об этих фирмах и о личном имущественном положении Штейнгардт и его жены в настоящее время составляется через Амторг. Фирмы преимущественно средние и выше среднего, имеют репутацию “независимых”, что, конечно, фикция. Банковские связи выясняются. Выше следовало упомянуть, что в процессе своей адвокатской деятельности Штейнгардт вел несколько “громких”, с точки зрения светской хроники, дел. Дело танцора Нижинского (5), дело о каком-то наполеоновском ожерелье по поручению австрийской эрцгерцогини Марии Терезы и др.

По адвокатской фирме связан со своим родственником Энтермайером, очень видным еврейским буржуазным общественным деятелем, до 1936 г. являвшимся вице-президентом постоянного всеамериканского “Еврейского конгресса”. Энтермайер один из лидеров американского сионистского движения, до 1927 г. был президентом “Палестинского фонда”. Сейчас он президент “Антинацистской лиги борьбы за права человека”, возглавлявшей в первые годы нацизма движение за бойкот германских товаров в США. Энтермайер считается одним из крупнейших нью-йоркских адвокатов, конек которого — защита прав мелких и средних фирм от засилия крупных, умеренно-либеральная борьба против монополий, за антимонополистское законодательство и его применение на практике. Энтермайер, который явно является духовным отцом Штейнгардт, был делегатом конгрессов Демократической партии в 1904, 1908, 1912, 1916, 1932, 1936 гг. Семья Штейнгардт также является традиционно приверженной Демократической партии, т. е., в условиях Нью-Йорка, — Таммани Холлу. Штейнгардт в 1932 году был, еще до избрания Рузвельта кандидатом в президенты на демократическом съезде, членом комитета по кампании в пользу выдвижения Рузвельта кандидатом. После съезда Штейнгардт, как поставивший на правильного кандидата и в вознаграждение за личные финансовые услуги (еще до съезда Штейнгардт сделал пожертвование в 10 тысяч долларов на избрание Рузвельта) избран членом финансовой комиссии Демократической партии, функции которой сводятся к финансированию избирательных кампаний, сбору средств и, естественно, купле-продаже назначений, льгот и т. д. После съезда Штейнгардт снова внес пожертвование на избрание Рузвельта (точная сумма неизвестна) и в 1933 г., после прихода Рузвельта к власти, **получил**, как это, несомненно, было заранее обусловлено, **назначение посланником в Швецию**. По пути в Стокгольм в 1933 году он остановился в Лондоне, где в это время происходила Международная экономическая конференция. Сообщенные ранее нами сведения, будто Штейнгардт был членом американской делегации на этой конференции, ошибочны. Имелись, правда, сообщения печати о том, будто Штейнгардт имел какое-то поручение к Хэллу от президента. Сообщения эти Штейнгардт сам вскоре опроверг (“Нью-Йорк таймс” от 7 июля 1933 г.). В этот же период Штейнгардт заявил в беседе с печатью следующее: **“Считаю, что Стокгольм является выгодным пунктом для наблюдения за русскими делами**. Я, конечно, буду время от времени сообщать президенту об этих своих наблюдениях” (Нью-Йорк таймс” от того же числа). Аналогичные заявления о своем интересе к нашим делам Штейнгардт сделал и другим газетам. Отдельные газеты восприняли его заявление как выступление в пользу

“признания” и как желание быть первым американским послом в СССР. Заведующий Отделом печати Госдепартамента Мак-Дермотт говорил мне на днях, что по поручению Белого дома он официально опроверг тогда слухи о временном характере назначения Штейнгардт в Стокгольм и его намечении на пост посла в Москве после восстановления отношений. Следов этого опровержения в печати не нашел. **В Стокгольме Ш пробыл до конца 1936 г. Говорят, что вел в Стокгольме широкую жизнь, тратил много денег.** Это лучше проверить через тов. Коллонтай (6). В марте 1937 г. был назначен послом в Перу. На недавней Лимской конференции был членом делегации США. Ездившие в Лиму американские журналисты отзываются о нем и жене как радушных хозяевах, говорят, что Штейнгардт установил добрые отношения с президентом Перу, с его женой, которая, кстати говоря, является собственницей снимаемого американского посольством здания. Говорят далее, что он одновременно много сделал для выявления японского, немецкого и итальянского влияния в этой, пожалуй, наиболее фашистской из всех южноамериканских республик. Действительно, еще 13 апреля 1938 г., когда сигнализация угрозы фашистского внедрения в страны Латинской Америки за счет интересов США еще не входила в официальную платформу американского правительства, Штейнгардт выступил в Лиме с речью об этой опасности (не называя агрессоров по имени) и призывал к единому фронту против внешней агрессии (см. “Нью-Йорк таймс” от 14.IV.1938 г.). Во время Лимской конференции Штейнгардт в своем выступлении призывал к совместным мерам против проникновения в Латинскую Америку пропаганды, “исходящей из стран диктатуры”.

По сообщению Херстовской “Нью-Йорк америкэн” в связи с его назначением посланником в Стокгольм, Штейнгардт **является членом-основателем Американского союза сионистской молодежи, членом правления и казначеем Американской федерации сионистских организаций.** О его сионистской деятельности собираются дополнительные сведения.

Штейнгардт член Американской ассоциации адвокатов. Жена его, урожденная Гофман, состоятельна. Более точных сведений о ней пока нет. Женат с 1923 г. Дочь 14 лет.

Повторяю, что неоглашение американцами назначения Штейнгардт затрудняет сбор сведений о нем. По опубликовании назначения выяснится много дополнительных данных.

К. УМАНСКИЙ

АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 25. Д. 18. Л. 2–4. Копия.

Как явствует из документа Лоуренс Штейнгардт связан с сионистскими кругами и об этой связи мы поговорим чуть позже. А сейчас хотелось бы прочитать что-нибудь из воспоминаний данной дипломатической персоны, тем более, Штейнгардт был послом в Советском Союзе как раз в интересующий нас, предвоенный период и в начале войны, а убыл в конце ноября 1941-го года. Вот бы почитать, что он там написал в своих воспоминаниях о 22-м июня и о Сталине? Но оказывается, нас ждет глубокое разочарование. Лоуренс Штейнгардт погиб в авиационной катастрофе в 1950 году вместе с женой в Канаде, являясь послом в данной стране. Таким образом, свидетель событий начала войны в нашей стране, канул в Лету. Очень жаль. Но приведу, чтобы разнообразить сухие фразы официальных отчетов, маленький отрывок о поведении Штейнгардта в Кремле.

Знакомый нам писатель А.Терехов, творчеству которого мы посвятим целую главу, так описал одну из встреч посла с нашим наркомом иностранных дел.

“Молотов, набывшись, считал, складывал и делил про себя: получалось, что он, нарком Вячеслав Михайлович, 24 мая 1941 года выговаривал американскому послу Штейнгардту (тот плакался, умолял: скоро война, выпустите семью!), с вежливым презрением к трусу: “Хватит истерик! Непонятны ваши опасения. Войны не будет. А вот наши нервы достаточно крепкие — своих жен из Москвы мы куда отправлять не собираемся”.

Знал, выходит, милок из Америки, что война не за горами, коли слезу проронил за свою семью? Молотов, в данном случае, молодец! Не раскрывает свои карты в понимании происходящего, но и не проявляет видимого интереса к партнеру. Мол, не понимаю, о чем это вы так переживаете? У Штейнгардта, между прочим, остались обширные связи со Швецией. Знал, абсолютно точно, что очень скоро война. Думаю, что и про Гесса имел сведения.

Хотелось бы также узнать, как сложилась судьба Уманского, который составлял досье на американского посла. Об этом, к сожалению, можно сказать словами ослика Иа-Иа, из Милновского “Винни-Пуха” глядящего в одну и ту же лужу, с разных сторон — И здесь, ничуть не лучше.

Вместе с женой Раисой Михайловной, Константин Александрович погибнет в авиационной катастрофе во время перелета из Мексики в Коста-Рику в 1945 году. Странность заключалось в том, что, будучи послом в Мексике, получил дополнительную нагрузку виде Чрезвычайного и Полномочного Посланника в Коста-Рике. При вылете из столицы по делам, связанным с этой “банановой” республикой, самолет на взлете упал и загорелся. Все, кто находился в самолете, кроме одного человека, погибли.

Но это еще не все, что связано с семьей Уманских. Накануне убийства Константина Уманского на новое назначение в Мексику в июне 1943 году, их единственная 14-летняя дочь Нина, будет застрелена на Большом Каменном мосту в Москве. Убийцей сочтут, якобы, ее возлюбленного Владимира Шахурин, школьного товарища и, по совместительству, сына наркома авиационной промышленности А.И.Шахурин (Помните, воспоминания Любви Мироновны Вовси об этом деле?). Но и Владимир Шахурин, якобы, нанес себе тяжелое огнестрельное ранение в голову в данном происшествии, через два дня, скончается в больнице. Двойное убийство получит определенный резонанс, так как выяснится, что Владимир Шахурин входил в молодежную антисоветскую организацию “Четвертая империя” и более того, якобы, был ее руководителем. Членами данной организации являлись дети советской(!) элиты. Если принять во внимание, что нарком авиационной промышленности Шахурин-старший будет проходить одним из главных фигурантов по “Делу авиаторов” в 1946 году, то согласитесь, что здесь завязывается еще один тугой узел, который очень трудно поддается распутыванию. Думается, что без нашей “пятой колонны” здесь не обошлось.

Глава 36. Дело “волчат”

Часть первая. Дети “Четвертой империи”

Делом “волчат” оно, это самое уголовное дело “О Четвертой империи”, было названо так, якобы, со слов Сталина, когда он дал оценку представленным материалам о двойном убийстве подростков в результате расследования.

Но сначала слово, уже упоминавшемуся выше, писателю Александру Терехову. О данных событиях он написал книгу “Каменный мост”, в которой и осветил те события, произошедшие более 50-ти лет тому назад. Все, что предшествовало написанию, он изложил в своем интервью журналу “Огонек” (№ 23 от 19.10.2009 г.). Приведу некоторые высказывания автора на вопросы журналиста.

“Андрей Архангельский. — “Дело волчат” удивительно: в 1943 году дети советской элиты играют в фашистов, мечтают о захвате власти, создают организацию “Четвертая империя”. Звучит как абсурд. Что это было, по-вашему, подростковый цинизм, глупость или нечто другое?

Александр Терехов. — В этой истории сошлись три советских поколения, почти весь русский век: старики — руководители советского государства, люди из первой кремлевской сотни. Во-вторых,

"отцы" — поколение 40-летних Шахуриных и Уманских, в которых проявляется уже острейшее желание "просто жить", пользоваться своими привилегиями, строить особняки, коллекционировать иномарки, менять своевременно жен. Наконец, поколение "детей", в которых ощущение вседозволенности, вплоть до права на убийство, очень болезненно сталкивалось с пониманием того, что в будущем они обречены на жизнь в тени отцов.

"Четвертую империю" нельзя назвать игрой зажавшихся подростков. Они были образованными, одаренными, особенно Владимир Шахурин. Много читали, в том числе и "Майн кампф", секретные экземпляры которой были у их родителей. Они совершенно точно знали, что происходит на фронтах и что их сверстники стоят у станков, умирают от голода, воюют в партизанских отрядах. Но жизнь страны, советская мораль, да и просто нормы обыденной жизни мальчиков "Четвертой империи" не касались. Россия переживала самую трагическую свою пору, а сыновья героических наркомов восхищались фашистской формой, рейхом и разнообразными способами искали удовольствий. Это не игра, это обыкновенная жизнь, так часто бывает. Посмотрим за окно — там все то же самое. Просто у нынешних мальчиков есть возможность получить наследство и есть куда уехать из места, откуда папы качают нефть и газ.

А.А. — За этой вызывающей оболочкой просматривается желание детей советской элиты жить другой жизнью — иной, чем родители.

А.Т. — В этом бунте поколения был и еще один серьезный момент: ощущение этими детьми отсутствия перспектив в жизни. Они понимали, что законных оснований получить наследство отцов, советских функционеров, у них нет. То, что полагалось им, то, что им готовилось, было в их понимании ничто, пыль, нищета и унижение. Судьба обычных студентов, инженеров! Сын наркома не мог стать наркомом, а сын маршала не мог быть маршалом. И они понимали, что для обеспечения будущего им нужна другая идеология. А настоящее нужно отменить. В каком-то смысле это была попытка все-таки получить наследство и приумножить, встать на ступеньку выше, чем отцы. Дети словно предчувствовали эту обреченность. В 15 лет они понимали: сейчас — их лучшее время, лучше уже не будет. Не будут красться за ними охранники, их не будут катать самолеты. Не будет таких дач и машин. Не будут трястись губы у милиционеров от звука их фамилий. И мальчики не ошиблись. Впоследствии никто из детей советской элиты не превзошел своих отцов. Все "династические" браки распались. Множество "кремлевских" детей от безысходности спились.

А.А. — Роман вызывает удивительное чувство подлинности, документальности...

А.Т.— О том, как писалась книга, можно написать еще более изнурительную книгу. О поездках в Британию, Израиль, Австрию для опроса свидетелей, которые не сказали ничего. О покупках документов. О многолетних уговорах престарелых трусов сказать "хоть что-нибудь" — и безрезультатно! О быдловатых наследниках, которые выбрасывали родительские архивы на помойку. Первые годы этого безумия я утешал себя тем, что я это все делаю не просто так, а "для книги", потом я понял, что заигрался и уже сам становлюсь персонажем и не могу остановиться. Словно умершие люди хватают тебя за рукав и просят: и нас возьми, и про нас напиши, мы тоже хотим... Кто убил Нину Уманскую и что на самом деле происходило между мальчиками, меня занимало меньше всего. Ответы на эти вопросы находятся в четырех томах уголовного дела, давно рассекреченного. Но по сей день этого дела целиком, я думаю, не видел никто. Чтобы его увидеть, нужно получить письменные доверенности от всех живых "мальчиков", разъехавшихся по двум континентам, и от всех наследников "мальчиков" умерших. И тогда станет ясно, почему участники организации ни разу не встретились все вместе после ареста. Я обхожу деликатно вопрос о том, каким образом я осведомлен о деталях этого дела. Но **утверждаю, что все цитаты и документы в этой книге — подлинные.**

Согласитесь, что писать роман, основанный на документальных материалах и не попытаться ответить на главный вопрос, довольно необычная позиция автора. Но чужая душа — потемки. Кроме того, автору давали "дружеский совет" не ворошить это дело. Но несмотря, ни на что, роман

увидел свет. Если, все приведены документы подлинные, в чем нас автор уверяет, то большое ему спасибо, от читателей, за огромную проделанную работу. Безусловно, Александр Михайлович много “накопал” интересного материала, который, к сожалению, частично отсеялся в процессе издания книги. Попытаемся в сжатом виде разобраться в существе дела.

Нина Уманская и Владимир Шахурин за несколько дней до смерти, май 1943 года.

Убита девушка-школьница, которая на следующий день должна была улететь в Мексику вместе с отцом-дипломатом. Была ли Нина Уманская в составе данной организации “Четвертая империя”? Думаю, что нет. Среди приведенных фамилий, которые стали известны читателю, восемь мальчиков и ни одной девочки. Возможно, что они и были в организации, но не приведены. Можно также сделать допущение, что Нина Уманская не была и “своей” в “Четвертой империи”. Не тот уровень родителя. Это, кстати, отмечает и автор романа: “порядковый номер Шахурина в Империи располагался между 25 и 50. Уманский хорошо, если замыкал третью сотню”.

Следовательно, причина может быть в том, что Нина, невольно стала свидетельницей того, чего не должна была знать. Но из показаний одноклассников, учителей, родственников и прочих знакомых, нет, ни каких намеков на то, что убитая страдала чрезмерным любопытством. Тогда, как все это объяснить?

Второе, главное действующее лицо — Володя Шахурин. Никто не может с абсолютной уверенностью утверждать, что именно он и являлся руководителем этой организации. На мертвого можно “повесить” всё — вряд ли он возразит? Сам, Шахурин — старший, безусловно, крупная величина, но член Политбюро Микоян на два порядка могущественнее. Почему бы его сыну Вану Микояну не быть маленьким фюрером? Кроме того, трудно поверить, чтобы семиклассник, верховодил ребятами старших классов.

Начнем по порядку. Так как весь роман пересказывать, занятие не благодарное, и к тому же, долгоиграющее, а заниматься “разбором полетов о художественных достоинствах произведения” не наша задача (братья по перу оценили автора почетной премией), то мы сделаем проще и доступнее. Процидем содержание романа через фильтр документалистики и оставим для анализа, только голые факты. Думаю, что Александр Михайлович не обидится на подобную процедуру. Полученный результат рассмотрим под определенным углом зрения, тем самым, под которым рассматривали и другие произведения. Что же привело подростков на Каменный мост? Видимо обстоятельства, которые назывались, сыном Анастаса Ивановича Микояна — Вану Микоян. Это он “организовал” встречу Нины и Володи на мосту. Цель понятна — свести вместе намеченные жертвы. А какова, в дальнейшем, его роль? Соглашусь с автором книги, что основное задание Вану — это унести с места преступление оружие, из которого будут убиты жертвы. Главное, ведь было в том, чтобы не привлечь к этому делу взрослых дядей, которые не зримо стояли за спинами детей. Нас и так стараются убедить, что если пистолет, дескать, принадлежал молодому Микояну, то взрослые дяди, вроде бы в этом деле, уже и ни причем? Кто же, в таком случае, убил наших “героев”? Разумеется, ни в коем случае, не Вану Микоян. Это было бы слишком “круто”, даже для американского боевика. Это сделали люди “совершенно из другого района”. Оцените почерк. Уманскую — в затылок, Шахурина — в висок. Такое, при всем желании, не каждому взрослому по плечу, тем более, подростку Микояну. Это сделали профессионалы из органов. Почитайте у Ю.Мухина в “Антироссийской подлости”, как работали специалисты (в данном случае, палачи) в НКВД. Смертельный выстрел в затылок в район первого шейного позвонка снизу вверх. Кстати, в деле об убийстве на Каменном мосту, выстрел в голову Нины Уманской, действительно имеет такое направление снизу вверх. Но, правда, учтите ряд неблагоприятных обстоятельств для убийцы: место “действия”, особенно выбирать не приходилось, рядом с Домом правительства; к тому же, девочка, не есть жертва судебного приговора; и плюс фактор ограниченности времени — спешка.

Очень важное в понимании, для нас, все же почерк в убийстве, — наповал. Ни шума, ни крика. Только маленький прокол, кто бы мог подумать? — что сквозное ранение головы на вылет в

области виска, даст возможность Володе Шахурину жить еще двое суток. Шум от выстрелов был прикрыт движущимся троллейбусом. Есть такие показания в деле, насчет движения городского транспорта по мосту. А так все “чисто”, не подкопаешься. Пистолет, в дальнейшем, появится в деле, как начищенный самовар. Вороненая сталь не сохранила ни чьих отпечатков пальцев. Прекрасная работа молодого Ваню. Хоть таким, неблагоприятным образом, но приучался к физическому труду отпрыск Анастаса Ивановича. Его незавидная роль сводилась к простому: свести жертвы в одном месте и забрать оружие убийства.

Детям Анастаса Микояна сходили с рук разнообразные ошибки молодости.

(сидят: второй слева — Серго, в центре — Ваню, справа — Степан)

Выбирать место, как уже говорил выше, не приходилось из-за нехватки времени и из-за трудности реализации, т. е. ликвидации. Ведь надо было представить дело таким образом, чтобы сложилось мнение о “любовной драме”. Именно, под этим соусом Л.Шейнин и состряпал первое дело. Кстати, оно именно так и освещается, и по сей день. Слезы, вперемешку с соплями, обильно смочили страницы многих печатных изданий.

Но что явилось толчком к тому, чтобы “снежная лавина” сорвалась и внезапно накрыла ничего не подозревавших об опасности подростков? Мои предположения таковы. Молодой Шахурин в порыве откровенности и с целью привлечь к себе внимание дочери посла, решил поделиться с Ниной, о чем он мечтал со своими сверстниками. Мечты, могли быть прозаическими для детей московской элиты конца 42-го и начала 43-го годов. Что будет, когда Гитлер, наконец, разгромит Красную Армию и возьмет Москву? Сохранят ли их родители свои высокие посты в новом правительстве, без Сталина? Сколько ящиков печенья и бочек варенья будет выделено растущему молодому поколению, в дальнейшем, при легализации “Четвертой империи”? Примерно, такие рассуждения, могли вертеться в головах у подростков, сверстников Владимира Шахурина.

Представьте себе состояние Константина Александровича Уманского, с которым поделилась услышанным его дочь Нина? Почему я так уверен в этом? Информация о тайных делишках ребят вышла за пределы их круга. Нина Уманская, как сказал выше, не являлась членом их тайного общества, так как принадлежала к другому уровню родителей, как материального, так и мировоззренческого. Могло ли заинтриговать молодую девушку полученное сообщение от Володи Шахурина? Разумеется, да. Так как интересы ее родителей лежали совсем в другой плоскости, тем более, ее отца. Теперь, далее. Все, окружающие семью Уманских, отмечали необыкновенную любовь отца и дочери. Поэтому, с большой вероятностью, можно предположить, что Нина поделилась, именно, с отцом новостью, полученную от Володи Шахурина. А ведь недаром, в романе проскальзывало, что Константин Уманский, почти как “генерал НКВД”.

Предполагаемые действия самого Уманского посвященного в тайну подростков? Думаю, что он, решив сохранить хорошие отношения с семьей Шахуриных, решил по-мужски, переговорить с Шахуриным-старшим. Не думаю, что Алексей Иванович особо отличился на “фронте оппозиции” Сталину. Даже после смерти вождя, после своего тюремного заточения не бросил в адрес своего непосредственного начальника, не только комок грязи, — слова упрека, не произнес. Как это понимать? Видимо, знал свою вину и нес свой тяжкий крест всю оставшуюся жизнь. Сгубила женушка ясного сокола, втянув его в трясины обывательского накопительства и алчности к наживе. Но дальше за эту границу, нарком, видимо, не ступал, ни-ни. Поэтому и молчал о Сталине. Как пишет Ф.Чуев, Молотов в ответ на упрек Шахурина, что посадили, бросил ему убийственное: “Скажи спасибо, что мало дали!” Шахурин промолчал в ответ: нечем было парировать удар.

Есть, в этом плане, одна очень интересная фраза автора “Каменного моста” о Шахурине: “Боготворил императора, Отца; и Хрущева, поэтому ненавидел до остервенения”.

Это надо понимать так, что именно хрущевцы поломали жизнь Алексею Ивановичу. Навечно отняли сына, втянули в “темные” дела, из-за которых загубил семь лет, своих сороковых. Потом лишили любимого дела, а он, действительно, поначалу “горел” на работе, в наркомате. А дальше, по понижающей. Он же не глупым был, а к старости, говорят, вообще философом заделался. То есть, привел свои мозги в порядок. Отсюда, надо полагать, и появилась, лютая ненависть к Хрущеву. Но, увы, поздно.

Итак, Уманский переговорил с Шахуриним. Как же дальше могли развиваться события, которые привели к роковым последствиям.

У Алексея Ивановича был друг, который проходил с ним в 1946 году по “делу авиаторов”. Предположительно, он мог оказаться и свояком, женатым на сестре его жены, Анне Мироновне. Встречается такая информация. Но найти, абсолютно достоверные сведения, подтверждающие их родство, не представилось возможным,

Тоже, как и Шахурин, получил срок, но только 5 лет, как уверяют энциклопедии. Если Алексею Ивановичу “отгрузили” 7 лет, и как уверял Молотов, мало дали, то почему-то, главный “герой”, его друг, получив в 1946 году всего 5 лет, вышел за ворота Лубянки только после смерти Сталина в 53-ем. Почему арифметика, в данном случае, дала сбой, остается только догадываться. Да мы его фамилией, чуть выше, все страницы одной из глав измарали. Новиков, его фамилия. Бывший главком ВВС Александр Александрович Новиков, собственной персоной. Просим, как говориться, любить и жаловать его в этой истории.

Уверен, что и для Шахурина-старшего новость, сообщенная ему Уманским, была убийственно-неожиданной. Воспитанием сына, как правило, в таких семьях заведует мать, в данном случае, неспроста, прозванная сыном “черным бомбардировщиком”. Почему так сын называл свою мать Софью Мироновну? Сказалось, видимо, увлечение всем немецким. На фронте наш штурмовик немцы называли “шварц тод”, т. е. черная смерть. Бывший летчик-испытатель Марк Галлай, впоследствии, написавший о Шахурине хвалебную оду, заметил, что “жена Шахурина была обыкновенная толстая еврейка”. Видимо, габариты мамы превышали тактико-технические характеристики штурмовика. Пришлось сыну квалифицировать ее, как бомбардировщик с ковровым бомбометанием. Вот, думается, и все, что связано с этой кличкой.

Можно предположить, что Алексей Иванович все же знал о связях своего сына, но закрывал глаза на суровую действительность. Мужской разговор с Уманским, вполне мог вывести его из той семейной “спячки”, в которую его погрузила неугомонная, но властная женушка Софья Мироновна.

Каковы могли быть дальнейшие действия наркома авиапромышленности? С кем посоветоваться? — вот первое, что могло прийти на ум после известий от Уманского о “Четвертой империи” с сыном в придачу. А что если переговорить со своим другом (или свояком)? Александр Александрович Новиков в то время был на хорошем счету у вождя и к тому же имел немалый генеральский чин. А кем у нас в исследовании проходил Новиков? Самой, что ни есть, важной шестеренкой в механизме заговорщиков. Вот этот разговор вполне мог стать, по сути, подписанием смертного приговора детям. Если Новиков, уже в своем кругу, доверительно прошептал, что источник, Константин Уманский знает о проделках их детей, то, какие чувства могли испытать те, кому принес эту новость главком ВВС? Паника в умах! Что делать? Лучшее, что обычно осуществляется в таких случаях, это ликвидация нежелательных свидетелей. Желательно обоим: дочь и отца. Но это сразу может броситься в глаза. Лучше по отдельности.

На что хотелось бы обратить внимание.

Первое. Уже с 20 мая Нина Уманская перестала посещать занятия в школе в связи с отъездом родителей. Почему тянули с убытием на Американский континент столько дней, аж, до 4 июня? Что, нелетная погода была над Мексикой?

“СОФЬЯ МИРОНОВНА: Но скоро выяснилось: отлет отложили, у кого-то из Уманских ангина. Володя попросил меня: давай и мы поедem на аэродром провожать. Конечно!”.

Огромная семья Уманских. Трудно сосчитать до трех. Нина все время на глазах с Володей. Константин Александрович не тот человек, чтоб из-за ангины не лететь. Остается некрасивая Раиса Михайловна? Что, мороженое поела, после горячего?

Второе. 30 мая у Шахуриных день рождения “черного бомбардировщика”. Чета Уманских была в полном сборе, вместе с ангиной. Однако, почему-то, среди гостей не зафиксированы Новиковы. Отчего нет нигде упоминания о данной супружеской паре?

Третье. Шахурина Софья Мироновна договорилась с молодой Уманской обмениваться не только письмами, но, по предложению Нины, даже и телеграммами. Надо полагать, не было даже тени намек на готовящуюся разыграться трагедию. В данном случае, даже трудно приклеить версию, что Володя убил свою подругу, якобы, из-за горечи предстоящего расставания. Вот такая была диспозиция сторон накануне трагедии.

В дальнейшем, на удивление, эту трагедию начинают преподносить так, что она станет больше смахивать на историю с ревнивцем Хосе, расправившимся с неверной Кармен, чем на сентиментального Ромео, пальцем не дотронувшегося до своей Джульетты.

А Новиков, все равно, войдет в нашу историю, пусть и через слегка приоткрытую дверь Шахуриной квартиры, но войдет. Правда, это будет в далеком 1953 году после тюрьмы, но, все же “засветится”.

“Берия исхитрился вызволить Новикова пораньше, хотя давно и на совесть хлопотал за обоих друзей — Новиков, в синем лоснящемся костюме, приехал к Софье Мироновне: выводили гулять по крыше внутренней тюрьмы, один раз (за шесть лет) он оглянулся и увидел своего друга Лешу. Вот все, что знает”.

Ну, каким был “скромницей” главком ВВС, мы уже узнали из главы посвященной именно ему. Так что не новость об этом его качестве характера.

3 июня 1943 года, день трагедии. Ближе к вечеру Ваню Микоян привел молодую пару на заклание. Раздались выстрелы и два молодых тела, поочередно, рухнули на гранитную площадку при спуске с моста.

Та самая лестница, на которой произошла трагедия.

Справа — знаменитый Дом на набережной.

Фото: Л.Репина

Уманского, такой поворот событий поверг в шок. Важные свидетельские показания И.Эренбурга приведенные автором.

“Никогда не забуду ночи, когда Константин Александрович пришел ко мне. Он едва мог говорить, сидел, опустив голову, прикрыв лицо руками... Несколько дней спустя он уехал в Мексику. Его жену (Раису Михайловну) увозили почти в бессознательном состоянии. Год спустя он писал мне: “Пережитое мною горе меня окончательно подкосило. Раиса Михайловна — инвалид, и состояние наше намного хуже, чем в тот день, когда мы с вами прощались. Как всегда, вы были правы и дали мне некоторые правильные советы, которых я — увы — не послушался”.

Если правильно понимать прочитанное, то ясней ясного читается, что трагедия с дочерью произошла неожиданно для семьи Уманских. Впрочем, как и для семьи Шахуриных. Удар, нанесенный Уманскому, был действительно очень тяжелым: «он едва мог говорить». Жена была не в меньшей степени потрясена случившимся: «увозили почти в бессознательном состоянии». Правда, в день отлета успели похоронить.

Тут в романе вынырнул наш старый знакомый автомобиль «Паккард».

«Отца и мать покойницы (Уманских. — В.М.) привез в крематорий Руда Хмельницкий на двенадцатицилиндровом темно-синем «паккарде» (всего в империи их ездило два, вторым владел Василий Сталин, но тут существенное расхождение — другой источник свидетельствует: «паккардов» с бронированными стеклами имелось в наличии все-таки поболее двух единиц, но полагались они только членам Политбюро, а Вася именно в июне сорок третьего ездил попеременно на «виллисе» и канадском «грэхэме».

Но, как выясняется: действительно, «Паккард» — «Паккарду», рознь! Не всем дано, как видите, право, задыхаться за бронированными стеклами.

Почему Уманский согласился кремировать дочь? Все это сомнительно, даже имея свидетельские показания. Может просто привезли на кладбище, на отпевание. Трудно сейчас, разбираться с вероисповеданием Константина Уманского, но кремация тела Нины означает, концы в воду. С другой стороны, семиты — все же Восток, там быстро хоронят после смерти.

Свидетельские показания гласят, что Уманский на похоронах успел посоветоваться с Шейниным и вернулся со странной фразой: «Когда поговоришь с умным человеком — совсем другое дело». Понятно, что у Уманского, был катастрофический дефицит времени, коли принял совет, хотя и родственника, но все же, до существа данного дела дошел не своей головой. Те, кто готовил операцию, все рассчитали точно, чтобы приурочить ликвидацию Нины ко дню отлета.

«Старший помощник прокурора СССР, лучший сыщик империи и автор захватывающих детективов, Лев Романович Шейнин первое следствие по делу Уманской — Шахурина провел бесшумно и быстро: детей сожгли, Уманские вылетели в Мексику, директор школы Леонова, учителя и несколько одноклассников дали показания о плохом воспитании и подростковой любви...».

Сам зачитывался, в свое время, «Записками следователя» и «Старым знакомым». В рассказах Льва Романовича, есть очень интересные зарисовки военной Москвы. Знает ли читатель, что в пригородных поездах в военном, 1944 году (описываемое событие в одном из рассказов, именно этого года), первый пассажирский вагон назывался «вагон для матери и ребенка», в который билеты продавали беременным и матерям с грудными детьми. Машинист пассажирского состава, видимо, в соответствии с инструкцией тех лет, мог оказать помощь и роженице, и остановить поезд в любом месте и т. п., что способствовало оказанию первой помощи в экстренной ситуации. В постсталинский период это введение сошло на нет. Действительно, нечего машиниста отрывать от основной работы — зорко смотреть вдаль, чтобы вовремя заметить, где там, среди шпал террористы подкладывают под рельсы толстые шашки.

«Дело закрыли, пепел Шахурина зарыли на Новодевичьем, несгораемые останки Нины на полтора года легли в керамической посуде «на выдаче праха» Донского крематория; седьмой класс 175-й школы выехал на воспитательные сельскохозяйственные работы в совхоз «Поля орошения» в Люблино — собирали овощи и клубнику, пололи свеклу; в город отпускали на выходные — помыться. Школьники не выполнили план, но их не ругали и даже выдали по сорок килограммов овощей. Потом произошло неуставленное «что-то», и восемь мальчиков арестовали, всех (кроме младшего) в один день, — живые из них до сих пор спорят: в субботу или в воскресенье».

Трудно упрекнуть Льва Романовича. Он сделал все, что мог, “по просьбе трудящихся”. Но, видимо, сведения просочились выше, и дело приняло ненужную, для наших семей, окраску. Что мог посоветовать Шейнин своему родственнику-зятю? Этот “зубр” в прокуратуре СССР, сразу почувствовал, откуда подул ветер и, думается, посоветовал Константину Александровичу одно: затаись. Ведь убийство дочери, действительно, было грозным предупреждением от неизвестной стороны. Если кремация произошла с его согласия, то Уманский внял совету. Возможно, Шейнин посоветовал осмотреться, чтобы точно узнать, откуда, конкретно, нанесен удар. Может сам взялся за это деликатное дело. Что ему хранить улики? И так, все ясно по почерку. Он что, малое дитя в криминалистике?

“ШЕЙНИН (об Уманской): Акт от 4 июня, труп девочки-подростка, длина 158 сантиметров, правильного сложения, хорошего питания, грудные железы развиты хорошо... Волосы на голове запачканы кровью. Входное пулевое ранение — на левой половине головы в области теменного бугра (вверх от уха и назад), круглой формы, выход на правой половине головы... Выстрел, следовательно, производился в направлении слева направо, снизу вверх, кзади. Не на близком расстоянии, свыше двадцати пяти, тридцати сантиметров...”.

“ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ (о Шахурине): ... выстрел произведен практически в упор. На виске остались следы пороха”.

Птицу видно по полету, а Лев Романович подсунил на заключение Генеральному прокурору Бочкову, байку о желторотом Ване Микояне, с дуэлью на пистолетах, за что того (вполне возможно и по другим причинам, о которых поговорим в этой же главе, но ниже), в конце года, заменили на своем посту Константином Горшениным. Помните, такого по делу Н.Зори? Прочие свидетельские показания немножко пролили чернил на глянцевую фотографию улыбающегося Володи Шахурина, несостоявшегося дальнего родственника старшего следователя прокуратуры СССР Шейнина. Впрочем, к одному из показаний, можно и присмотреться.

Дочь, одного из высокопоставленных, “Эрка Кузнецова (Сколько их, таких Кузнецовых? адмирал ли? генерал ли? — В.М.), когда узнала, что Шахурин ... не выжил, сказала: сволочь, так ему и надо”. Почему? Видимо, прошел слух среди своих, что Владимир Шахурин рассказал Нине Уманской об организации, что с точки зрения ее членов равносильно предательству. Могли преподнести дело и так, якобы, чтобы пресечь утечку информации Володя пошел на крайнюю меру. Смущает, однако, фраза: “так ему и надо”. Может читаться, и как “праведный” приговор, приведенный в исполнение. Однако после смерти последовали аресты одноклассников. Может, отсюда “сволочь”, а уж потом, “так ему и надо”?

Еще из ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ Владимира Шахурина. Взгляните на список врачей: Спасокукоцкий, **Бакулев**, Бурденко, Бусалов, Гринштейн, Очкин, **Вовси**, Арутюнян, Стефаненко, Кочергин...

Знакомый нам, Семен Миронович Вовси “загремит под фанфары” по “делу врачей”. А Бакулев Александр Николаевич, чей сынишка будет проходить по “делу волчат”, отделается только легким испугом. Почему? Может, потому, что не ездил в составе врачебной делегации в 1941 на дачу к Сталину?

Немного лирики. Вороша “грязное белье” в прошлой жизни молодого Шахурина, вышли на его пребывание в Куйбышеве. Там проживало в эвакуации много детей из московской знати. Несколько слов об их “мытарствах” в чужом краю вдали от родного дома. Сопоставьте два свидетельских показания. Из детских рассказов знакомого нам Сережи Хрущева.

“Вспоминается Павлик Литвинов, он вечно хотел есть и, подкапывая осенью картофельные кусты, лакомился клубнями, когда печеными на костре, а порой и сырыми. Ни до ни после мне не приходилось видеть, чтобы картошку ели сырой”.

Роман Терехова, густо насыщен Литвиновыми, поэтому и вставил воспоминание, как пример. Сей отпрыск, тоже, был с задатками молодого барина. Не думаю, чтобы Павлик подкапывал клубни в своем огороде. Вряд ли он знал и о том, как правильно держать лопату в руках? Скорее это были набеги на огороды “черни”, которая “досыта лакомилась” дарами природы, не только в виде картошки, но и иными огородными деликатесами.

Второе воспоминание — это одноклассник Володи Шахурина. Время действия то же, и там же.

“Я помню, учитель пришел к нам домой принимать экзамен. Ему предложили стакан чая и пирожное на блюде. А голод страшный. На всю жизнь я запомнил: учитель чай выпил, а пирожное, как полагается... не доел”.

Вполне возможно, что Павлик Литвинов и Сережа Хрущев “помогали окучивать картофель” на огороде, именно этого школьного учителя. Я же говорю, что местные, наедятся дома огородных деликатесов, а потом в гостях на пирожные смотреть не могут, не то, что есть. Такая вот, правда жизни. Почему вспомнилось о пирожных? В день убийства молодого Шахурина домработница Дуса предложила молодому барчуку: “Съешь пирожное. — Лучше вечером съем” (оставшуюся жизнь домработница помнила эти пирожные, сколько они пролежали, как смотрела на них Софья Мироновна”).

Сколько граммов черного хлеба получали сверстники молодой московской знати из простых семей, работая на фабриках и заводах, “приближая нашу Победу, как могли”? Мой родной дядя Вася, двенадцати лет от роду, один из шести своих братьев и сестер, лишившись отца-кормильца зимой 1942 года, встал за слесарные тиски на авиационном заводе, где делали ЯКи. Наверное, старший Шахурин, по нескольку раз в день звонил директору Левину и интересовался, сколько еще самолетов сверх плана могут выпустить труженики тыла для разгрома врага. Может, один из орденов Шахурина полит потом, маленького паренька Васи, из слесарного участка. Ему, чтобы дотянуться до рабочего места, старые рабочие смастерили широкую скамеечку под ноги. Вот так, со скамеечки и начал свою трудовую деятельность мой родной дядя. А моя мама, чуть постарше своего брата, работала в заводской столовой на подхвате у повара. В конце дня, украдкой, получала небольшой бидончик каши на всю семью. Если бы, не подобная выручка сердобольных людей, умерли бы с голоду студенкой зимой 1942 года. Как выжили в войну отдельный разговор. А здесь, понимаешь, пирожное оставил на ужин. Мои дяди и тети делили подсолнечные или тыквенные семечки, по счету. Какой разительный контраст и целая пропасть между поколениями.

Вспоминает Шахурина: (За несколько часов до торжества, по случаю дня рождения сына) “Володя попросил разрешения поставить себе в комнату отдельный круглый столик — принес туда вазу фруктов. Еще дала ему коробку конфет, был просто счастлив...”.

Недаром говориться, кому война, а кому — мать родна. Софья Мироновна собирала для коллекции фарфор, а старший Шахурин — автомобили. Между прочим, один из восьми, ему подарил Новиков, по-товарищески (или по-родственному?). Когда Алексей Иванович, как говориться, за “все хорошее”, угодил в 1946 году на нары в Лубянку, то, как пишет Марк Галлай

“вышел Шахурин из тюрьмы, в которой перенес тяжелый инфаркт, ровно через семь лет... О годах своего заключения Шахурин вспоминал весьма неохотно. Причем не только с таким, в общем, не очень близким ему человеком, каким был я; даже братьям своим сказал: “Что было, то прошло, и нечего на эту тему говорить”.

Понятно, что хвалиться нечем. Не будешь же на каждом углу кричать, что сидел в тюрьме. Люди могут не правильно понять. Тем более, если расскажешь правду. И Алексей Иванович выдал из себя “горькую, как полынь, правду” о своей отсидке. Как же выжил, в “нечеловеческих” условиях советской тюрьмы сталинского периода?

“Меня спасла только вера в партию. Только вера в партию, чистота перед ней, только то, что я, подвергаясь пыткам и оскорблениям, ни один час из этих тяжелых лет не чувствовал себя вне партии, спасло меня”.

Вот что значит быть в дружбе (или родстве) с Новиковым. Как только буквы на бумаге не расплылись от обильно пролитых слез, когда писал о себе такое?

Но сохранилось детское воспоминание о тех днях, когда дядя Леша был арестован и “скучал” на Лубянке.

“Он сидел в одной камере с Перецем Маркишем. Делал зарядку. Гулял. Раз в месяц разрешали передачу. Чтобы Алексей Иванович понял, что жена не осталась одна, мы упаковывали в коробку **торт, который делали только у Рейзенов, — огромные, в полстола, коржи из песочного теста, пропитанные шоколадным кремом, и сверху, на белый заварной крем брызгали опять шоколадом**”.

Говорят, что в зрелом возрасте, есть много сладкого, вредно: скажется на здоровье. Видимо, поэтому на Лубянке разрешали передачу раз в месяц. Берегли, видимо здоровье, таких, как Шахурин.

Но вернемся к нашему Константину Уманскому.

Первый этап операции осуществлен удачно. Убрали важных свидетелей. Особенно молодую Уманскую. Теперь папа, если и тявкнет в сторону верхов, да кто ему поверит? Чья дочь рассказывала, и где она теперь? Говорят, что её застрелили в результате несчастной любви? Какая жалость! Кем? Её возлюбленным! А он? Тоже застрелился! Ну, что ж? Пусть уголовный розыск занимается этими Ромео и Джульеттой.

Кстати, и Лев Романович именно на это и напирает. Зачем кричать на весь мир, когда поняли...кто? и за что? Опытный Уманский сразу попытался повернуть события под нужным углом.

Он “вел себя сдержанно, подходил и каждому грозил учительским пальцем: “Только не плакать”, и напоминал: не проговоритесь, Раиса Михайловна должна думать, что Нину сбил автомобиль, дочь ударилась виском о камень мостовой”.

Засекреченный “генерал НКВД” знал как себя вести. Всем надо показать, а Шахурину особенно, чтобы не догадались, что Уманский в курсе, откуда засквозило. Отсюда и телеграмма с нужным содержанием. Если и покажет Шахурин эту телеграмму кому надо, пусть подумают, что Константин Александрович в неведении о случившемся. Лев Романович, тоже будет дуть в трубу о Ромео и Джульетте. Уманский же не глупым был, по выстрелам вычислил, что “пролетел” с Алексеем Ивановичем. То-то, и Новиков не обозначился на дне рождения Софьи Мироновны. Иначе, с чего бы **телеграмма** Шахурину? Уманский, вполне, мог и позвонить по телефону? Да, но телефонный разговор не покажешь, в качестве вещественного доказательства “нужным” людям? А телеграмма — документ!

“Утром вылетаю за границу. Передаю привет и крепко жму руку Алексею Ивановичу и Софье Мироновне. О плохом прошу не думать, так как не время этим заниматься. Горе и печаль **общая. Супруга моя** о свершившемся факте **подробностей не знает**. Я ей сказал, что дочка шла по лестнице, споткнулась и от сильного сотрясения мозга умерла. В письмах к нам об этом факте прошу не писать. Супруга моя от сильного расстройства находится в плохом состоянии. Уманский”.

Не думаю, чтобы Константин Александрович испугался. Вся его жизнь, связанная с разведкой, это хождение по лезвию бритвы. Подумаешь, одной опасностью больше. Жену, Раису Михайловну

отодвинул на второй план — “находится в плохом состоянии”. Главное — хотел сохранить ей жизнь: “Супруга моя... подробностей не знает”. Дает понять той, “вражьей” силе, и напомнить, заодно, Шахурину, что дочь поделилась информацией только с ним.

А Лев Романович ему, действительно, мог подсказать, что надо выждать и оглядеться. Думаю, что Уманский и сам мог подготовить ответную операцию. Связи тоже имелись немалые в НКВД.

Почему же “вражья сила” не “грохнула” Уманского в Союзе? По вышеуказанной причине: очень подозрительно: сразу отец и дочь. Кроме того, вдали от Родины с “генералом НКВД” легче разобраться. Меньше будет любопытных.

Может быть, дело и завершилось бы по сценарию Льва Романовича, но в события вмешался “черный бомбардировщик”.

“СОФЬЯ МИРОНОВНА ШАХУРИНА, ДОМОХОЗЯЙКА, 35 ЛЕТ: Произошла ужасная катастрофа... Прошу любой ценой найти убийц, так как пущенную кем-то версию о том, что Володя застрелил Нину, а потом себя, категорически отвергаю на следующих доказательствах...”

Как мать, ее понять можно. Потерять горячо любимого сына. Что же Шахурин не удержал Софью Мироновну от необдуманного поступка, — кричать во весь голос? Испугался и спрятался за широкую спину жены. Не мог же он разговор с Уманским выложить, как на блюдечке, kloкочущей от негодования и ярости жене. Да, и вряд ли бы она поверила в сказанное? Читайте, что выводило раскаленное от гнева перо жены наркома:

“В итоге могу сказать не только как горем убитая мать единственного горячо любимого сына, но и как член партии... Володю и Нину **убили**. Найдите **убийцу**, это важно для будущего других детей и снимите со светлой памяти моего сына это ужасное дело”.

Думаю, бессмысленным было бы также убеждение Софьи Мироновны в том, что состоялась дуэль на пистолетах и прочая детская забава с оружием.

Хорошо ли, плохо ли получилось, трудно сказать. Но Софья Мироновна так ударила в набат, что его шум достиг кабинета Всеволода Николаевича Меркулова, и дело из Следственного отдела прокуратуры переползло в госбезопасность. Там, сказками про Ромео и Джульетту, трудно было, кого-либо убедить, даже такому опытному, как Лев Романович. За что и получит “по шапке”, но позже. Разумеется, детишек из “Четвертой империи” “примерно” наказали: сначала посадили в тюрьму. Пусть посидят, подумают. А взрослые дяди, что-нибудь придумают.

Часть вторая. **Бескрылая авиация**

Если наложить это происшествие на события войны, то столкнемся с еще одной историей, отголосок которой долетит, как мне думается, до марта 1946 года. Сначала слово известному авиаконструктору Александру Сергеевичу Яковлеву, где он в своей книге “Цель жизни” так описывает заканчивающийся день **3 июня 1943 года**. Москва, Кремль. Время по журналу приема — 22.30.

“...Меня и заместителя наркома П.В.Дементьева, ведавшего вопросами серийного производства, вызвали в Ставку Верховного главнокомандования. В кабинете кроме Сталина находились маршалы Василевский и Воронов. Мы сразу заметили на столе куски потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолета и поняли, в чем дело. Предстоял неприятный разговор...”.

Суть происшествия, в изложении Яковлева, такова. Производственный брак, не обнаруженный на авиационном заводе, дал о себе знать в процессе эксплуатации, то есть в зоне боевых действий истребительной авиации. Что же конкретно произошло с нашими истребителями?

“Дело в том, что на выпущенных одним из восточных заводов истребителях ЯК- 9 обшивка крыльев стала растрескиваться и отставать. Произошло **несколько случаев срыва полотна с крыльев самолета в полете**. Причиной этому явилось плохое качество нитрокраски, поставляемой одним из уральских химических предприятий, где применили **наспех проверенные заменители**”.

Как и многие мемуаристы, слегка лукавит. Не думаю, что только в кабинете Сталина, он и узнал о происшествии с обшивкой. Как всегда, понадеялся, по-русски — “авось пронесет”. Но это по мысли Яковлева. То же, скорее всего, можно сказать и о Дементьеве. Оба знали, зачем их вызывают, поэтому были готовы с ответными предложениями. Единственное, что их беспокоило, так это реакция Сталина на полученное известие от военных.

Продолжим о случившемся. Брак химиков поставил под удар производственников, т. е. предприятия авиационной промышленности (по версии Яковлева дефект был связан только с одним из “восточных заводов” по производству истребителей Як). Поэтому становится понятным появление Александра Сергеевича, как конструктора известных самолетов, в ночное время в кабинете Сталина. Хотя Яковлев, старается принизить количество выявленного брака, (почему? — пойдем ниже.) сводя все к “нескольким случаям”, Сталин, однако, придал серьезное значение этому факту, и как выяснилось, в дальнейшем, был более осведомлен о случившемся.

Что усугубляло чрезвычайное происшествие с самолетами, так это то, что все происходило накануне грозного сражения наших войск в районе Курска. “Никогда не приходилось видеть Сталина в таком негодовании.

— Значит, на заводе это не было известно?

— Да, это не было известно.

— Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

— Да, это так.

— Да знаете ли вы, что так мог поступить только **самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, — выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на фронте оказались негодными!** Враг не нанес бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!

Он несколько раз повторил, что самый коварный враг не мог бы нанести большего вреда.

— Вы знаете, что **вывели из строя истребительную авиацию?** Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! **Вы гитлеровцы!**

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно теребил в руках кусок злополучной обшивки...”.

Читатель, вправе подумать, что вождь, несколько, сгущает краски, преподнося случившееся, как нечто из ряда вон выходящее. Не правда ли? Но в дальнейшем, из рассказа Яковлева, выясняется, что, действительно, речь шла не об отдельных дефектных самолетах, а о нескольких сотнях, поэтому и становится понятной резкость Сталина, в разговоре с нашими “героями”. А то, как пишет вначале Яковлев, “поняли, в чем дело”. **Он** (вместе с Дементьевым) **знал, в чем дело, о**

чем и напишет ниже. А по поводу дефекта, как всегда, старается выгородить себя и производителей: “всеми мерами стремились ликвидировать его”, т. е. дефект.

Разумеется, Дементьев обещал в самые наикратчайшие сроки выправить положение и устранить не только допущенный брак, но и не допускать новый. И Яковлеву Сталин попенял, как главному конструктору: “Как это тот не в курсе дел? Чей самолет? Должен знать! Данное происшествие — это ведь событие не одного дня”.

Но, как следует из написанного, вроде бы, “гроза” прошла стороной и “молния” не поразила виновников. Особо строгих оргвыводов не последовало.

“Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод, почему в лабораторных условиях не проверили в достаточной степени качество лаков. Тут же было дано указание отправить две комиссии для расследования: на уральский завод лаков и красок и на серийный завод, производивший Яки...”.

Видите, с какой оперативной быстротой решались возникающие проблемы. Чадаев, наверное, с трудом успевал записывать постановления, а Поскребышев звонить по нужным инстанциям. Для уточнения. Речь шла об авиазаводе № 166 находившемся в Омске. Это было объединенное предприятие местного автосборочного завода № 6 и эвакуированных московских авиазаводов № 156 и № 81, а также авиамастерских ГВФ.

“Проведенная работа оказалась ко времени. Буквально через два-три дня началось знаменитое **сражение на Орловско-Курском направлении**”.

Надо же, на “удивление”, совпасть такому случаю с самолетами с началом Курской битвы? Не хуже, чем получилось у В.Жухрая, когда Сталин “заболел” перед самым началом войны.

Итак, мы видим, что этот внеплановый вызов в Кремль, двух специалистов НКАП произошел **3-го июня в 22.30** по московскому времени, т. е. **через несколько часов после выстрелов на Каменном мосту** в наших “героев-подростков”. Если бы не трагедия с сыном, то вместе с Яковлевым, должен был бы стоять и Шахурин-отец, но Александр Сергеевич, не указав присутствие наркома в кабинете Сталина. Журнал посещений, тоже не дал положительного ответа на присутствие в данном месте, убитого горем отца. Почему? Действительно, получилась весьма щекотливая ситуация для Шахурина. Мог ли он отказаться от приглашения в Кремль, в связи с тяжелым ранением сына? Ведь, в тот момент, как уверяют многие, Шахурин-младший еще был жив, хотя и находился в критическом положении. Если отказался, то, как объяснил Сталину, свою невозможность присутствовать? Сынишка, дескать, неудачно пострелял из пистолета, так что ли? Момент конечно интересный! Возможно ли отсутствие Шахурина в Кремле на том момент? Или как всегда, “подчистили” Журнал, убрав наркома и заменив его заместителем? Сам Яковлев, в своих воспоминаниях выгородил Шахурина, объяснив его отсутствие простым умолчанием, а для любознательных пояснил, что “вопросами серийного производства” самолетов, дескать, ведал его заместитель Дементьев. Хочу отметить, что Яковлев в дальнейшем, в своих мемуарах, так и ни разу не упомянул фамилию — Шахурин, отделавшись нейтральным словом — нарком. О привлечении же Алексея Ивановича к уголовной ответственности “по делу авиаторов” в 1946 году, тоже не рискнул упомянуть. Просто, вместо упоминавшегося слова нарком, появилось слово министр, с новой фамилией Хруничев Михаил Васильевич. Вот и все, что было в дальнейшем.

Но мы остановились на 3-ем июне. Явилось ли случайным совпадением убийство подростков и привезенными в кабинет Сталина кусками “потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолета”? Не было ли это выявленное на фронте “безобразие” целью отвлечь Сталина от случившегося на мосту? Или наоборот: убийство на мосту сглаживало отстраненность выявленного безобразия с обшивкой самолета? Разумеется, у Яковлева об инциденте на мосту ни единого

слова. И об отце-Шахурине-то, как сказал выше, тоже, молчок. Хотя и здорово переплелись эти два происшествия, но Александр Сергеевич благоразумно промолчал о московском. Ему, лично, под завязку хватало и случившегося фронтового ЧП, тем более и оно, как выяснилось, имело “двойное дно”.

Во всяком случае, Яковлев, довольно правдиво, как мне кажется, передал свое психологическое состояние по поводу вспышки гнева Сталина: “Я чувствовал, что холодею”. Хотя, надо признаться, основной удар, все же пришелся на Дементьева. Однако услышать из уст Сталина: “Вы гитлеровцы!” — думаю, мало не показалось обоим. Теперь по поводу “выявленных” безобразий. Почему я ставлю это все под сомнение? А потому что это не стенограмма беседы в Кремле, а воспоминания авиаконструктора, написанные после XX съезда партии, к тому же прошедшие, как и многие, военно-партийную цензуру. Обратите внимание на “слова Сталина” о том, кто мог сделать подобный выпуск продукции: “**самый коварный враг**”, — разумеется, в редакторской правке. И кто же, “по мысли” Сталина, да и Яковлев догадался тоже, иначе бы не похолодел, — был этим коварным врагом? Наша “пятая колонна”! — вот о ком, прямо намекнул нашим “друзьям, Сталин. Заговорщики, изменники Родины, пособники врагу, — одним словом, забрезжила статья уголовного кодекса РСФСР 58-1б, которая не имела снисхождения к подонкам подобного рода. Только расстрел с конфискацией имущества. Иначе, с чего бы это Александр Сергеевич, вдруг похолодел? Выходит, что те военные, которые привезли “куски потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолета” в кабинет Сталина, подставляли Дементьева и Яковлева под расстрельную статью? Выходит так. Неужели такое возможно? Как видите, да.

Разумеется, военные отдавали себе отчет о том, какие могли быть последствия, но, думается, знали также и о хорошем отношении вождя к авиаконструктору. Потом обстоятельства дела еще не вышли на “пик” трагических последствий. Поэтому Сталин вряд ли бы отдал под арест Яковлева и Дементьева (или Шахурину), именно в этот момент, хотя, Берия присутствовал в Кремлевском кабинете, и слова о “военной прокуратуре” скорее всего, относились к его ведомству НКВД, которое вместе с ним, цензура решила “опустить” в этом деле. Зачем привлекать повышенный интерес, к какой-то там обшивке? А Лаврентий Павлович, вообще, не упоминался в то время в советской мемуарной литературе.

Тогда, может, наши военные, решили сделать этот факт, с отлетающей от плоскостей обшивкой, достоянием гласности руководствуясь своими патриотическими чувствами? Тоже не совсем ясно? Уже, только единичный факт, выявленного заводского брака на фронте, должен был вызвать тревогу, так как связан с жизнью летчика, а здесь дефектные самолеты насчитывались десятками и сотнями!!! Смысл содеянного поступка нашими военными (о доложенном факте вождю), может быть только в том, о чем я сказался выше: отвести Сталину глаза на прозвучавшие выстрелы на мосту. К тому же, в первом случае, т. е. 3-го июня, военные могли просто указать на факт дефектной продукции, и в этот день, вполне возможно, еще не были известны масштабы содеянного. Сталин, вполне мог, лишь поручить ГКО создать комиссию, которая могла бы более тщательно разобраться с этими дефектными самолетами и доложить в Ставку. И действительно, 9-го июня, как гласит запись в Журнале посещений, в Кремлевском кабинете появился член ГКО Маленков, курировавший авиационную промышленность. Кроме того к старым знакомым Яковлеву с Дементьевым прибавились нарком Шахурин (наконец-то!), и руководство ВВС, в лице начальника штаба Г.А.Ворожейкина и, снова всплывшего, но уже, как видим, в новой истории, командующего ВВС Александра Александровича Новикова. Так мы, с этой троицей, сталкивались “по делу авиаторов”, а Новиков, так это наш “лучший” друг. Кого, явно не хватает, для полной компании, как вы, думаете, уважаемый читатель? Правильно, “лучшего стратега” Красной Армии, Георгия Константиновича Жукова. Яковлев его не упоминает в мемуарах о 3 июне, как и не упоминает свой визит в Кремль 9 июня. Да и Жуков, тоже отделался молчанкой в своих мемуарах не только о своих визитах к Сталину 3-го и 9-го июня, но и ни словом не обмолвился в своих обширных мемуарах о происшествии с обшивкой самолетов перед Курской битвой. К чему бы это? Наверное, посчитал, что не барское это дело генералу сухопутных войск с большими звездами на погонах, самолетами заниматься.

А мне подумалось, что именно, в этот день 9-го июня, стал известен масштаб случившегося с самолетами и, именно в этот день, Александр Сергеевич похолодел, так как на 10 июня (по сведениям разведки) было запланировано наступление Гитлера на Курской дуге. Как всегда, нелюбимая Жуковым разведка, доложила точно. Оно не состоялось в этот день, по причине, о которой будет сказано ниже, но этого из присутствующих, пока никто не знал и поэтому угроза Сталина о статье “Измена Родине”, реально витала в воздухе. Скорее из-за этого и пожелали остаться неизвестными в данной истории и Новиков, и Жуков, и даже Василевский, который, якобы, в паре с Вороновым и доставил сие изобличающие производственников улики к Сталину. Мы, как-то забыли, что в кабинете 3-го июня, находились, кроме означенных страдальцев, еще пара будущих маршалов. Если последний был ни хуже, ни лучше других, то с Александром Михайловичем Василевским мы уже имели честь познакомиться в ранних главах. И он не показал себя уж очень большим сторонником вождя и ярким патриотом. А если учесть, откуда они прибыли, то мы увидим лысоватую голову Никиты Сергеевича Хрущева. Василевский был представителем Ставки и вполне мог побывать на Воронежском фронте, где наш “дорогой” Никита Сергеевич “крутился” тамошним членом Военного совета. А “рулил” на посту командующего Ватутин Николай Федорович. С добавлением Георгия Константиновича, получается, что хоть снова рассказывай о начале войны в 1941 году. Вся компания в сборе. И что? Эти “друзья”, только вчера обнаружили, что обшивку отлетает с плоскостей на нескольких сотнях(!) самолетов? Чего же раньше ждали или просто выжидали, когда можно об этом сказать? Или как могли, тормозили всплывшие огрехи, но когда стало неважно сдерживать, то нашли подходящий момент, чтобы “выпустить пар” и этим смикшировать московское происшествие на мосту. Приурочили всё, как раз к наступлению немцев, но те, как и 1941 году подвели наших “героев”. Так что ли выходит? Снова вопросы, вопросы, вопросы...

Теперь, попытаемся раскрыть существо дела, связанное с этим некачественным покрытием плоскостей крыльев и прочих поверхностей самолета. Оно относится к секретному мероприятию, связанному с Курской битвой, но почему-то никто из перечисленных выше военных, не удосужился написать о нем, ни строчки в своих мемуарах. Даже, Яковлев промолчал. Правда, Новиков, вскользь упомянул, но перенес действие на 1944 год, когда уже никакой секретности, в этом деле, не было. А почему же такая боязнь? Гордиться этим делом надо было бы, а они все, рот на замок. Один, правда, Новиков “не побоялся”, но и то, очень осторожно упомянул, и совсем по-другому поводу.

Не буду долго интриговать читателя, так как многие уже, видимо догадались, что речь идет о противотанковых авиационных бомбах (ПТАБ), которые применило советское командование в Курской битве против немецких танков. Не хочу обидеть других авторов, занимающихся этой темой, но мне более знакомы статьи Ю.Мухина, посвятившего ПТАБам, и все, что связано с ними и Курской битвой, большой материал. Существо дела таково. Наша “пятая колонна” — куда же мы, опять, без нее в данной главе, — всё сделала для того, чтобы оставить Красную Армию в войне с Германией без настоящей противотанковой артиллерии. По сорок первому году обходились, так как у немцев не было серьезной бронетехники. Зачем она им была, когда планировали войну закончить через пару месяцев. Когда же гитлеровское командование поняло, что война принимает затяжной характер, то вплотную занялись выпуском тяжелых танков. И только теперь вдруг выяснилось, что встречать немецкие танки “Тигр”, “Пантера” и самоходное орудие “Фердинанд” на Курской дуге, практически нечем.

Если и смогла бы 76-мм пушка ЗИС-3 пробить толстую лобовую броню данных танков с близкого расстояния, то кто бы ей мог позволить, из немецких танкистов, сделать это. А на безопасном расстоянии от танка, сила снаряда нашей пушки была лишь годной для поражения более легкой бронированной техники врага. Если, конечно, она доживала до этого момента. Немецкое командование, разумеется, знало об этом, поэтому и решило устроить нашим войскам своеобразную “мясорубку” на дуге. Но, изобретение конструктора Ларионова оказалось вовремя и свело бы на нет, все усилия германской промышленности по производству танков с мощной броней, при условии, что это изобретение, как и упомянутая выше пушка, дожило бы до своего звездного часа.

Маленькая кумулятивная бомбочка разных модификаций весом в 1,5 и 2,5 кг оказалась самым эффективным средством против немецких танков. Испытания, проведенные весной, дали превосходный результат. Наверное, вздох облегчения вырвался из груди, честных генералов, обеспокоенных судьбой Отечества. Есть, что противопоставить немецкому бронированному “зверинцу”! Легкость изготовления и дешевизна производства позволяли произвести ПТАБ в большом объеме, что являлось ее большим достоинством. А самым важным ее показателем было то, что достаточно было только **одного** попадания бомбочки, чтобы танк загорелся. То есть противодействие немецким танкам было найдено. Разумеется, в дальнейшем будет запущена в производство, снятая, “в свое время” деятелями из “пятой колонны”, Грабинская 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2, на Т-34 установят 85-мм пушку, на самоходках поставят пушки большего калибра, но это будет потом. А на июнь 1943 года главным было устоять на Курской дуге, в противостоянии с “Тиграми” и “Пантерами” с тем, что есть, и новинка ПТАБ, была главной надеждой и хорошим подспорьем.

Давайте познакомимся с очерком П.Я.Козлова “Штурмовики”, где автор подробно рассказывает об этой бомбочке-малютке поступившей на вооружение в части ВВС. Павел Яковлевич поясняет:

“В самый канун Курской битвы во 2-й гвардейской авиадивизии прошла военно-техническая конференция. Причем с докладом выступил командующий 16-й воздушной армией генерал С.И.Руденко. Обрисовав обстановку на этом главном теперь участке борьбы с гитлеровцами, генерал настоятельно потребовал тщательно готовиться к предстоящим боям. Командующий подчеркнул, что максимум внимания необходимо сосредоточить на отработке действий больших групп штурмовиков, налаживании радиосвязи с КП и между самолетами. Следовало учитывать и то, что в предстоящих сражениях наряду с повседневной поддержкой наземных войск штурмовая авиация будет участвовать в массированных ударах по соединениям врага.

В заключение Руденко сообщил, что в ближайшие дни во все штурмовые полки поступят новые противотанковые авиабомбы, обращению с которыми необходимо срочно научиться. Он распорядился, чтобы от каждого полка были выделены один-два экипажа и группа оружейников для освоения новой авиабомбы на учебном пункте”.

На удивление, сам, маршал авиации С.И.Руденко, довольно скромно, в своих мемуарах “Крылья Победы”, описал применение ПТАБов в Курской битве, уделив данной военной новинке не более десяти строк. Понятно, что существовала установка партии, не очень сильно привлекать внимание читателей к данной теме о новом авиационном оружии. Таким, как Жуков и компания, хвалиться перед читателем о кумулятивной авиабомбе не было особого желания. Скорее, это была их недоработка, чем успех.

“Когда инструктор подвел представителей авиаполков, прибывших на учебу, к столу, на котором аккуратными рядами лежало с десятков маленьких, прямо игрушечных бомбочек, все явно разочаровались.

— Вот эти огурчики и есть грозная новинка военной техники? — не скрывая иронии, спросил (один из летчиков), вызвав смех товарищей.

— А вы погодите смеяться. Недаром ведь говорят: мал золотник, да дорог, — заметил инструктор. — Противотанковая авиабомба — ПТАБ — конструкции инженера Ларионова принята на вооружение вот в таком виде. Вес ее всего полтора килограмма (в дальнейшем будет разработана модификация и 2,5 кг, о чем говорил выше. — В.М.). В основе секрета эффективности ПТАБ лежит кумулятивное, то есть направленное действие заряда, горящего при очень высокой температуре. Все мы знаем, что луч солнца, сфокусированный с помощью стеклянной линзы или зеркального рефлектора, легко прожигает лист бумаги. Вот и здесь струя раскаленных газов ПТАБ, сфокусированная внутренним рефлектором — специальной выточкой в ее заряде, — прожигает броню танка, растолковывал инструктор. — Действие ПТАБ можно сравнить с действием

газосварочной горелки, которая своим пламенем режет толстые листы металла. Только струя раскаленных газов этой бомбочки много мощнее пламени газовой горелки. Если кого-то заинтересуют данные, скажу, что газовая струя ПТАБ имеет скорость, близкую к первой космической, и удельное давление во много тысяч атмосфер. В течение нескольких секунд такая бомба способна прожечь насквозь броневой лист в два, а то и в три пальца толщиной”.

Именно, верхнее броневое покрытие корпуса танка, имеющее меньшую толщину, и возможно прожечь с помощью данной бомбочки без особого усилия. Лобовую броню немецкого танка, равную 80-100 мм, не каждый снаряд мог в состоянии пробить. Но именно, против ПТАБов, немецкие танки — особенно “тигры” и “пантеры”, и оказались бессильны. Ну, кто из немецких танковых конструкторов мог предположить, что русский инженер Ларионов подложит им такую свинью, найдя уязвимое место у танка там, где никто не ожидал — наверху!

“Инструктор разрешил слушателям осмотреть ПТАБы, к которым у них уже начало меняться отношение, а затем продолжил:

— В бомбоотсеки штурмовика Ил-2 ПТАБ загружаются в несколько рядов на створки бомболюков. На одном самолете размещается около двухсот таких бомб. Высыпаются они сразу же после открытия створок бомболюков. Один штурмовик, летящий на высоте порядка ста метров, накрывает ПТАБаами на земле полосу шириной пятнадцать — двадцать и длиной около семидесяти метров. Как видите, вероятность попадания в танк, находящийся в этой полосе, хотя бы одной бомбочкой — довольно высокая. Ну, а тактику наиболее эффективного применения ПТАБов вам придется отработать самим в боях, — закончил пояснения инструктор”.

Справились наши летчики с тактикой применения новинки военной инженерной мысли. Очень даже здорово у них получилось!

Но это мы на радостях от свершившегося события, забежали несколько, вперед по времени, описывая уже применение ПТАБов. Пока у нас время было весеннее. Только прошли испытания по применению данной бомбочки. Как говорил выше, честные генералы радостно потирали руки: “Утрем немцам нос этой новинкой!”. Осталось разработать тактику применения. Но, как понял читатель, на нашем небосклоне появились грозные тучи. План применения ПТАБов оказался под угрозой срыва.

Хрущев и компания из “пятой колонны”, тоже ведь, стали думать, как сорвать данное мероприятие и помочь Гитлеру? И выход был найден. Сталин, сразу “раскусил” почерк незримого врага. Вывести из строя авиацию и лишить советское командование главного козыря в предстоящей схватке. Это Яковлев, приглушил “шум прибора” доносившийся из Сталинского кабинета, говоря, что дело свелось лишь к истребителям ЯК- 9, да авиазаводу, в далеком сибирском городе. Нет, дело высветилось в более неприглядном виде, о чем я и сказал, указывая на **9-е июня**. Значительное количество самолетов было поражено этим недугом: отслоением покрытия на плоскостях крыльев и в других местах фюзеляжа. К истребителям ЯК, а он был самым массовым истребителем в Красной Армии, добавился и “Лавочкин”. Но более всего, Сталина, видимо, взорвало то обстоятельство (а это главное!), что и **штурмовик** не обошла стороной эта зараза. Ил-2 ведь был основным поставщиком ПТАБов на поле боя с немецкими танками.

Обратимся к исследованиям **Виталия Горбача** в его книге “Авиация в Курской битве”.

“Количество дефектных машин оказалось велико, составляя **358** единиц (100 Як -7/9, 97 Як-1, 27 Ла-5, **125 Ил-2** и 9 других машин других типов). В частности на истребителях Ла-5 были отмечены **массовые случаи** отставания обшивки и срыва полотна с плоскостей центроплана в полете и на земле, а также коробление фанеры, трещины шпона обшивки фюзеляжа вследствие плохой просушки и оклейки”.

Это конечно не все данные по дефектным самолетам. Автор приводит в последующем, что “к 10 июля в районе Курского выступа удалось отремонтировать **577** самолетов. Эта работа продолжалась и во время напряженных боевых действий, по мере поступления из запасных полков новых машин”.

Приведенные данные, надо полагать, отражали состояние восстановленной дефектной техники только в районе данных боевых действий и не затрагивали количественный состав дефектной техники на других участках советско-германского фронта. Цифры могли достигать угрожающих размеров.

Недрузи советского народа воспользовались тем обстоятельством, что авиационная промышленность, была еще не в состоянии, конкурировать с передовыми странами в области авиастроения, как США, даже, с той же Германией. Поэтому и возможно было применить у нас данную диверсию. Нельзя, конечно, буквально, воспринимать факт не достижения определенных высот в области самолетостроения в данной войне, как некую техническую отсталость Советского Союза. Сказался и фактор, что многие предприятия по производству самолетов, были эвакуированы, нарушились технологические связи с поставщиками, наконец, некоторые виды производств были просто захвачены и уничтожены врагом. Поэтому техническая сторона, данного дела, выглядела так, что многие элементы самолета приходилось делать деревянными, а для сохранения прочности и жесткости изделия пришлось жертвовать весом самолета. Острая нехватка алюминиевых сплавов привела к изменению технологических операций, что не могло не сказаться на качестве изделия авиационной промышленности. Но не надо забывать и тот положительный фактор, что при всех недостатках применения деревянных конструкций, они были сравнительно дешевы и менее дефицитны, что в условиях войны, как это не покажется странным, имело и свои преимущества. Почему-то некоторые исследователи, и данный автор тоже, упорно считают причиной появления дефектной продукции на фронте перед Курской битвой, результатом следующих факторов:

“Некачественная сборка и нарушение технологии на авиазаводах, использовавших недостаточно квалифицированную рабочую силу, приводили не только к снижению летных данных вновь выпущенных машин, но также к авариям и катастрофам...”

На многих штурмовиках и истребителях, выпущенных в январе — марте 1943 года, было обнаружено растрескивание и отставание обшивки, ставшие причиной нескольких катастроф и аварий в строевых частях. Причина крылась как в плохом качестве клея и лакокрасочных покрытий, так и порой в низком качестве используемой древесины”.

Если использовать логику причинно-следственных связей, то можно придти к выводу, что у следствия плохого качества клея и лакокрасочных покрытий, как и используемой древесины, тоже была своя причина. Кроме того, как отнестись вот к такому фрагменту из работы данного автора, где он дает такую оценку случившемуся:

“Все дефектные самолеты принадлежали сериям, выпущенным в **феврале — марте 1943 года**. Аналогичная ситуация сложилась во 2-й воздушной армии, где осмотр нескольких десятков машин выявил недостаточно прочное крепление обшивки к поверхности крыла у Як- 1 и Як- 7б, выпущенных в марте 1943 года”.

А теперь внимание! Продолжение абзаца.

“На ранее построенных истребителях подобных дефектов обнаружено не было”.

Как же все это объяснить и состыковать с ранее высказанным? Что, в этот период с февраля по март, изменилась технология сборки? Нет! Изменилось качество клея и лакокрасочных изделий, — вот что было выявлено в результате проверки. А после того, как работники НКВД “прошерстили”

деятельность химических предприятий, сразу резко снизилось число брака в производстве самолетов. Что-то после этого, проведенного органами внутренних дел мероприятия, подобные явления, как отслоение обшивки, не наблюдалось ни на заводах авиационной промышленности, ни тем более, на фронтах. Кроме того, более пристальное внимание уделили военной приемке в системе ВВС Красной Армии. Не потому ли притянули к ответу после войны в 1946 году начальника главного управления заказов ВВС Селезнева, главного инженера ВВС Репина, и за компанию члена военного совета ВВС Шиманова? Не было ли мотивом в данном расследовании, что за преступления перед своим народом, нет срока давности?

Теперь давайте, рассмотрим подготовку к Курской битве схематично, зная, что к авиации приложили свои “грязные руки” наши Мазепы. Все происходит как в шахматной партии. Сильные противники, сильные ходы.

В январе 1943 года мы были поставлены перед фактом, что у немцев появился “Тигр” с толстой лобовой броней, которая не “по зубам” нашей артиллерии и танкам. Но найден выход с применением ПТАБ — авиационных кумулятивных бомб. Использование — штурмовая авиация.

Ответные действия немцев, через “пятую колонну”. Снижение качества клея и лакокрасочных изделий для отделки поверхностей самолетов, что привело к массовому выходу из строя, как истребительной, так и штурмовой авиации.

Сильный ход Сталина. Помните, похолодевшего Яковлева и красного Дементьева, нервно теребящего злополучную обшивку? В дальнейшем Александр Сергеевич вспоминал, что, Петр Васильевич проявил “невероятную энергию и инициативу”. Кто бы сомневался в этом!

“Благодаря **экстренным мерам**, принятым наркоматом, действительно удалось в течение двух-трех недель на **многих сотнях самолетов** укрепить обшивку крыла, полностью устранить опаснейший дефект, который в критический момент войны мог обречь нашу истребительную авиацию на бездействие и лишит воздушного прикрытия наши войска”.

Хорошо, что успели, так как, первоначально, именно, на **10-е июня** было запланировано наступление немцев на Курской дуге. Разведка доложила об этом. Но Гитлер сам протянул со сроком наступления (получилось в июле): хотел как можно больше подготовить тяжелых танков, что невольно сыграло нам на руку (у немцев не было стахановского движения и ударников социалистического труда, вот и не потели сверх нормы). А ведь предатели в погонах рассчитали все точно. Начни германское командование наступление в намеченный срок, т. е. 10-го июня, то нам, практически, нечего было бы поднимать в воздух.

Но немцы тоже, как понимаем, не сидели, сложа руки. Снова их неожиданные ответные действия. Видимо, узнали, как досталось Дементьеву (Шахурину) в Кремле от Сталина. Последовала немедленная реакция немецкого командования. Снова читаем у **Виталия Горбача**:

“...В течение июня было совершено до 14 налетов на Ярославль, **Саратов** и другие промышленные города. Попытка командования ВВС Красной Армии сбить активность немецких бомбардировщиков путем организации повторных ударов по аэродромам результата не дала”.

До Омска далеко, руки коротки для немецкой бомбардировочной авиации, не достать. Значит, умно поступил Сталин, эвакуировав важные предприятия далеко вглубь страны. Тогда немцы решили нанести бомбовый удар по авиазаводу № 292 производящий истребитель ЯК-1. Город Саратов, в котором и находился данный авиазавод, был в зоне досягаемости немецкой бомбардировочной авиации. В ночь с 23 на 24 июня 1943 года немецкие бомбардировщики прорвались сквозь систему ПВО города и обрушили бомбовый удар по авиазаводу. Урон, нанесенный заводу, был страшный: практически он был разрушен. Также сгорела документация и заготовительные цеха. В 7 часов утра 24 июня на завод прилетело московское начальство. Среди

них был и многострадальный Петр Васильевич Дементьев. Опять в центре событий оказалась наша истребительная авиация.

Теперь слово за Сталиным и советским народом. Директор завода И.С.Левин вспоминает, что прибывший замнаркома, увидев масштабы катастрофы, предложил эвакуировать остатки промышленных мощностей, оснастку и работников завода в Сибирь (надо полагать в Омск, где делали Як-9). Но, он, посоветовавшись с руководящим составом своего завода, отверг доводы высокого начальства и предложил в свою очередь, силами заводчан, восстановить завод в наикратчайшие сроки. Сталин, выслушав по телефону Левина, ответил:

“Внимательно все подсчитайте, посоветуйтесь с товарищами на заводе, в обкоме, с Дементьевым и доложите ГКО. Передайте коллективу, что мы поможем саратовцам. Нужно только быстрее организовать выпуск истребителей”.

Левин, в своих воспоминаниях, отражает факт ликования Германского командования. Видимо, директору сообщили, что Берлинское радио трубит о победе доблестной авиация фюрера: она смела с лица земли Саратовский авиационный завод. Представляете, какую важную роль играл данный завод в тот момент, в сложившихся условиях войны! Невозможно описать словами подвиг заводчан. Как это возможно было, чтобы после жуткого бомбардировочного погрома, через пять дней!!! начать выпуск продукции. А уже несколько недель спустя выпуск самолетов составил около 25 % от планового выпуска!!! Разумеется, в этом деле заводу помогала вся страна. А выпуск недостающих истребителей фронту, как повышенное обязательство, взяли на себя другие авиазаводы. Уже к середине сентября саратовцы вышли на плановые показатели выпуска продукции. Конечно, результат бомбежки сказался на выпуске самолетов. Но если бы не трудовой подвиг саратовцев, в самые “жаркие” дни Курской битвы, то, несомненно, на фронте было бы еще тяжелее. Но, а мы, опять чуть-чуть, но все же, забежали вперед.

Небывалый трудовой героизм советского народа — вот сильнейший ответный ход Сталина, который в очередной раз сорвал подлые планы нашей “пятой колонны”. По теме Курская битва можно привести не один пример негодяев-хрущевцев, которые отодвигали нашу победу, как могли. Не все из них получили заслуженную “награду” от Сталина. Жуков, как уже знаете, все же избежал Лубянской посиделок. А жаль! История нашей страны могла бы повернуться в лучшую сторону.

В продолжение темы можно сказать следующее. Вызывает удивление некое пассивное поведение службы ПВО страны. Немцы, почти в течение нескольких недель июня, безраздельно хозяйничали в нашем глубоком тылу, нанося бомбовые удары по важным производственным объектам. Ведь службы ВНОС фиксировали же перелет линии фронта, большой группы бомбардировщиков врага. Почему же не были приняты меры по перехвату самолетов или по активной обороне важных объектов? Разумеется, если гитлеровцам были переданы безопасные маршруты проникновения в обход постов наблюдения, то, тогда, другое дело. Иначе, чем объяснить такой безнаказанный разбой? Кроме того, в нашем тылу действовали и разведывательно-диверсионные группы, которые наводили на цели вражеские бомбардировщики. Мне довелось, в свое время беседовать со свидетелями воздушных налетов на Саратов в 1942-43 годах. Они отмечали, что когда немецкие самолеты подлетали к городу, то довольно большое (с их точки зрения) количество вражеских агентов пускали ракеты в сторону авиазавода и нефтеперегонного завода Крекинг. Вполне возможно, что это была часть нашей “пятой колонны”, которые помогали Гитлеру. По рассказу одного свидетеля, который, во время налета был наблюдателем, ему с товарищами удалось обнаружить и схватить ракетчика, который прятался на склоне одного, близлежащего от завода, оврага. Задержанный был передан в руки районной милиции, от которой все наблюдатели получили благодарность.

А вот несколько строчек официоза из “Истории второй мировой войны” (т.7) по нашей теме:

“В июне немецкие бомбардировщики совершили ночные налеты на крупные промышленные центры — Ярославль, Горький, Саратов. В общей сложности противником было произведено свыше 1200 самолето-вылетов. Семь раз звучал сигнал воздушной тревоги в Горьком, девять раз в Саратове. При отражении налетов истребители и зенитная артиллерия сбила более 40 немецких самолетов. Однако отдельные налеты немецкой авиации средствами противовоздушной обороны отразить не удалось, и часть промышленных объектов пострадала. В связи с этим ГКО принял специальное решение о дальнейшем укреплении Войск ПВО страны”.

Ну, как? Очень похоже на то, что изложено выше? Поэтому, видимо, и называется, официальная точка зрения. Ни правых, ни виноватых. Ни горько, ни сладко. Так, серединка, на половинку. Зато, теперь знаем, что, если от семи до девяти раз прозвучит сигнал воздушной тревоги, в каком-нибудь тыловом городе, то одного крупного промышленного объекта мы лишаемся.

Сильно отклонились мы от Каменного моста с убитыми подростками, но зато узнали о проблемах нашей авиации перед битвой на Курской дуге и познакомились с героическим прошлым авиазавода № 292 на берегах Волги в Саратове. Кроме того узнали и о деятелях нашей “пятой колонны”.

Подводим итоги. Наступило 5-е июля, и начались дни тяжелейших сражений на Курской дуге. С самой лучшей стороны проявили себя штурмовики ИЛ-2 со ПТАБами. Здорово пожгли немецкие “тигры” с “пантерами”. Истребители тоже не остались в стороне от этого дела. Прикрывали с воздуха штурмовые группы “Илов”. Снова возвратимся к очерку П.Я.Козлова “Штурмовики”.

Началось немецкое наступление и “... ПТАБ обрушили на танковые колонны гитлеровцев летчики 291-й штурмовой авиадивизии полковника А.Н.Витрука. За день эта дивизия уничтожила до 30 “тигров” и “пантер”.

В 225-й штурмовой авиадивизии первым “испробовать” действия ПТАБов поручили старшему лейтенанту Григорию Рогачеву. Опробование прошло успешно, вскоре он со своей группой “илов” обрушил уже многие сотни этих бомбочек на скопление вражеских танков в районе Саймонова. Фотоконтроль штурмовки зафиксировал полтора десятка танков, горящих жаркими смоляными кострами...

Конечно, в первые дни боевого применения нового оружия всех особенно интересовала его эффективность. Полученные данные тщательно фиксировались и докладывались командованию. Вот примеры таких донесений из штаба штурмовой авиадивизии:

“15 июля 1943 г. 4 экипажа 614-го Курского авиаполка штурмовали танки противника (среди них 8 “тигров”), которые контратаковали наши войска на юго-западной окраине Подмаслова. Экипажи сбросили ПТАБ. На земле горело 7 танков, в том числе 4 тяжелых”.

“16 июля 1943 г. 23 экипажа 810-го авиаполка в районе Подмаслова, Федоровки, Филатова помимо других типов бомб сбросили 2700 ПТАБ. Уничтожено 17 танков”.

В считанные дни боевая эффективность ПТАБов была заслуженно признана весьма высокой. Тактика боевого применения этой бомбочки особенно удачно сочеталась с тактикой боевых действий штурмовиков Ил-2. Начиная с Курской битвы два этих вида оружия с неизменным успехом действовали “сообща” до самого конца войны”.

Но это, как говорится, хорошо то, что хорошо кончается. Если бы не крутой разговор в Кремлевском кабинете Сталина, еще не известно было, как повернулись бы события на Курской дуге. К победе многие могут примазаться.

Помните, как хитрый Новиков, якобы, сам провернул дело по разгрому немецких танков, а Сталину, просто, напомнил об этом? Так вот, в самый напряженный момент битвы, когда земля горела в районах Белгорода и Орла, неужели люди Хрущева решились подсунуть вождю дело о “Четвертой империи”? Тут не только, в сердцах, волчатами назовешь, подобных детенышей, а как-нибудь и покруче, и покрепче. К счастью, для Микоянов на фронтах все закончилось крупной победой наших войск, и наступил перелом в войне. А то бы, под горячую руку, “дело волчат” могло бы завершиться и более суровым приговором.

В завершении темы о Саратовском авиационном заводе. Директор Левин выезжая на фронт по делам о выпускаемых самолетах, оказался свидетелем допроса пленного немецкого летчика бомбардировочной авиации. По иронии судьбы он был одним из тех, кто бомбили завод в июньские дни и были удостоены высоких наград Германии. Ему, видимо, намекнули, что он сбит истребителем Як-1 выпущенным с разбомбленного им завода. Когда ему представили Левина, то он заметил, что “директор, может быть, и есть, но завода нет. Нет завода. Мы его полностью уничтожили. Мы его превратили в груды пепла и щебня”.

Его разум тевтона, был не в состоянии оценить произошедшее и понять силу духа советского человека, его высокие морально-волевые качества. Чтобы разбомбленный завод выпускал продукцию?! Нет! Нет! И еще раз, нет! С допроса он ушел преисполненный уверенностью, что русские водят его за нос.

Ну, а в Москве вождь проявил милость к задержанным “волчатам”. А может, отложил на потом, дескать, после войны разберемся, кто есть ху? Все-таки, сказку о Ромео и Джульетте оставили, видимо, с дальним прицелом, но прозрачно намекнули, что все знаем. Отсюда, и соответствующее по духу, решение властей.

“1943 года, декабря 18 дня, мы, Народный Комиссар Государственной Безопасности Союза ССР тов. Меркулов и Прокурор Союза ССР тов. Горшенин, рассмотрев материалы расследования в отношении арестованных МИКОЯНА Ваню, МИКОЯНА Серго, БАРАБАНОВА Леонида, (В данном месте у автора А.Терехова стоит знак “инкогнито”. Он дал слово интервьюеру, что не будет использовать их фамилию при публикации своей книги. Возможно, что это ХАММЕР Арманд. — В.М.), БАКУЛЕВА Петра, РЕДЕНСА Леонида, ХМЕЛЬНИЦКОГО Артема и КИРПИЧНИКОВА Феликса, НАШЛИ: в конце 1942 года и в начале 1943 года ученик 7-го класса 175 школы гор. Москвы Шахурин Владимир предложил некоторым из своих товарищей по школе создать тайную организацию. Вначале организация носила характер игры, но затем под влиянием Шахурина Владимира, начитавшегося переводов фашистских книжек, выродилась в явно антисоветскую организацию. Участники организации в своих беседах восхваляли немецко-фашистскую армию и немецко-фашистских лидеров. Участникам организации были присвоены звания, заимствованные у немецких фашистов, “рейхсфюрер”, “фельдфюрер” и “фельдмаршал”, а сама организация была названа “Четвертая империя”. В беседах между собой участники организации обсуждали вопросы о способах ведения пропаганды, направленной к подрыву советского строя, о свержении после войны Советской власти. Некоторые из участников организации предавались любовным развлечениям, заводя “романы” с девочками. В итоге всей этой уголовщины и морального разложения создалась обстановка, приведшая к тому, что 3-го июня с. г. руководитель организации Владимир Шахурин на романтической почве убил из револьвера, принадлежавшего Ваню Микояну, свою знакомую ученицу той же школы Уманскую Нину, после чего застрелился сам. Сообщники Шахурина Владимира, понимая антисоветский характер организации “Четвертая империя”, никому не сигнализировали о существовании организации и сохраняли ее в тайне, а Микоян Ваню не сообщил о факте убийства Шахуриным Нины Уманской. Поведение участников организации тем более преступно, что оно имело место в условиях Великой Отечественной войны, когда весь советский народ напрягает свои силы в борьбе с немецким фашизмом. Считаем необходимым... выслать из гор. Москвы в разные города Сибири, Урала и Средней Азии сроком на один год под поручительство родителей... срок высылки считать со дня освобождения из-под стражи.

Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР Меркулов. Прокурор Союза ССР Горшенин”.

Что сказать по поводу данного постановления? Уже много страниц потрачено на доказывание наличия антисоветского заговора, который проявил себя в самом начале войны, даже чуть раньше. Высвечены фигуры партийного, советского и военного руководства, замешанные в этом антинародном деле. Почему в антинародном? Так сколько загублено было бойцов Красной Армии ради того, чтобы с помощью Гитлера восстановить строй при котором, сохранялись бы династические привилегии родов “советской” элиты.

Автор, Александр Терехов, в своей книге и ряде интервью, давая оценку трагедии разыгравшейся на мосту, подчеркивал социальный фактор произошедшего. Дети хотели, чтобы их жизненный статус-кво сохранился навечно. Во всяком случае, при их жизни. Чтобы все было так, как в детстве: дачи, квартиры, машины, барахло и все прочие материальные блага. Яблоко от яблони недалеко падает. Родители, впрочем, с этим были солидарны. Взлетев на самый верх карьерной лестницы, и получив доступ в Кремлевскую кормушку, кто ж откажется от продолжения пиршества? А все эти высокие слова о служении народу останутся пустой трескотней с трибуны съездов, пленумов и разного рода партийных собраний. Работа отойдет на второй план, так как первой заботой станет упрочение своей позиции на этой иерархической лестнице. Плевать они хотели на весь этот социализм, с его человеческим лицом. При существующем строе, на страже которого стоял Сталин, им ничего “на халяву”, не светило. Отсюда и такая лютая ненависть к нему. Сталин требовал от властной советской верхушки работы, работы и еще раз, работы. Почитайте воспоминания настоящих сталинских наркомов. Одна мечта — выспаться досыта. Все остальное время, только работа, т. е. служение советскому обществу. Были ли привилегии? Конечно, были. Не об этом речь. Меру надо было знать во всем, в том числе и в этом деле. У Терехова промелькнуло:

“Почему-то она (Шахурин — В.М.) тянулась к Вере, жене секретаря московского горкома Щербакова. Своего сына Вера растила в советской простоте — он плавал кочегаром и масленщиком на пароходе, учился в военно-морской школе. Она с удивлением слушала рассказы Софьи Мироновны про необыкновенную одаренность Володи — мальчика растили как барина, преподавательницы приходили к нему на дом”.

Вот вам яркий пример настоящего советского воспитания: я имею в виду семью А.С. Щербакова. Кстати, многие из партийно-советской элиты о самом Александре Сергеевиче отзывались нелицеприятно. Оно и сразу видно: деспот и тиран. Родного сына отправить в кочегарку?! Нет, таким не место на партийном верху. Еще чего доброго, заставит других сыновей стоять, к примеру, у станков или прочей железной “глупости”. И что вы, думаете? Есть “правда” для верхов! На праздничном вечере 9 мая 1945 года, посвященном окончанию войны, Щербакову что-то, поплохело с сердцем и он, в одночасье скончался. Уверяют, что какого-то яркого следа, в истории партийной жизни страны не оставил. Или постарались, чтоб не оставил. Действительно, сын самого Щербакова — работает масленщиком?! Не звучит. Другое дело, занятие иностранными языками дома, с частными преподавателями. Почти, как в песне. Первым делом, первым делом — за границу (осваивать местные диалекты), ну, а самолеты, как у папы? — Самолеты, мы оставим на потом. На приватизацию.

Часть 3. Истории о сыновьях Кремлевских богов

Как причудливы, порой, переплетаются судьбы людей? Вот и в нашем исследовании, о трагическом событии 1943 года с детьми высшей номенклатуры, надо рассказать еще об одном чаде. С его отцом в данной главе мы расстались на Курской дуге, на Воронежском фронте, а вот о его старшем отпрыске, не упомянули, нигде ни разу. А ведь занятная получается история, если ее тоже наложить по времени на предыдущие события, о которых говорилось в данной главе, в том числе и о Каменном мосте. Речь пойдет о Леониде Хрущеве — летчике, “пропавшем без вести” в одном из воздушных боев, на Западном фронте.

Статья “О сыновьях Хрущёва без румян”

“Правду, полную и документированную, о старшем лейтенанте Леониде Никитиче Хрущёве никто и никогда не узнает, так как его папаша в 1953 и 1954 годах, получив(?) доступ к архивам, провёл их чистку и изъял из личного дела сына протоколы допросов в немецком плену и другие компрометирующие Леонида документы. Об этом говорят авторы публикаций о сыне Хрущёва, в частности, Николай Над, которого интересует: “Почему из “личного дела” его сына так внаглую выдраны страницы, касающиеся тех военных лет, когда в судьбе его Лёньки появились вопросы? А взамен, хотя и наспех, но уверенно выдранных (от которых, правда, остались клочки) через 10–15 лет после войны вдруг возникли новые, датированные уже 60-ми... Выходит, в нём было что-то такое, что не давало Хрущёву покоя до конца жизни”.

Однако, как всегда бывает в подобных случаях, версий — хоть отбавляй! Одна из них представляется наиболее правдоподобной. Это версия генерал-майора КГБ в отставке, прослужившего в контрразведке 37 лет, участника Великой Отечественной войны **Вадима Удилова**, написавшего книгу “**За что Хрущёв отомстил Сталину**”, фрагмент которой был опубликован в “Независимой газете” 17 февраля 1998 года. А уже 4 апреля того же года та же газета публикует материал, полученный из США от внучки Леонида Хрущёва, — Нины Хрущёвой “За что сталинисты мстят Хрущёву?” Но доводы, которые приводила из-за океана 27-летняя выпускница Принстонского университета, были малоубедительны и не опровергали версию осведомлённого бывшего старшего офицера госбезопасности.

Речь идёт о том, что Леонид Хрущёв в начале 1941 года совершил уголовное преступление на почве злоупотребления алкоголем, он должен был предстать перед судом, но благодаря отцу избежал не только наказания, но и суда. Вторым преступлением Леонида Хрущёва было убийство сослуживца во время попойки, после чего, по свидетельству Степана Микояна, который дружил с Леонидом, его судили и дали восемь лет с отбытием на фронте”.

Остановимся на время с чтением данной публикации. Те же события, но в изложении автора Н.Добрюхи представлены “Аргументами и фактами” в 2007 году и смотрятся немного по-другому. Из двух уголовных дел уже получается, как бы, одно. Каким образом оказался причастным ко второму событию Степан Микоян, один из сыновей Анастаса Ивановича, приходится только догадываться. Не стоит удивляться этому в отношении данных семейств Микоянов и Хрущёвых. По делу “волчат” так накручено, Агата Кристи, в подметки не годится. Итак, новая версия случившегося в изложении упомянутого автора Н.Добрюхи.

“Точную дату случившегося в Куйбышеве назвать мне никто не смог. Всё-таки столько лет прошло! Но то, что это действительно было, утверждают два известных в Москве человека. Первый, от кого я это услышал, — Герой Советского Союза лётчик Степан Анастасович Микоян. Именно он посоветовал мне разыскать артистку Большого театра Валентину Филипповну Петрову, которая, по его словам, об этой истории расскажет точнее и больше — ибо она находилась, что называется, рядом с местом событий... **Однако начну с рассказа, который я получил из рук самого Степана Микояна.**

“В Куйбышеве я ходил на процедуры в поликлинику, где познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном вождя испанской компартии знаменитой Долорес, и Леонидом Хрущёвым...”

Вот так живешь, живешь в Москве и не знаешь, что у приятеля отца — Хрущёва, есть взрослый сын Леонид. Спасибо войне, что свела и познакомила в Куйбышеве, а то бы никогда в жизни и не встретились бы. Описываемые события, скорее всего, произошли до августа 1942 года, так как Рубен Ибаррури, погиб 3 сентября под Сталинградом. Испанский юноша отдал свою жизнь за нашу Родину, а наш герой из Кремлевской элиты что-то не поспешил за ним на фронт, чтобы продолжить дружбу в боевых условиях, пока в дело не вмешался отец.

“Леонид Хрущёв был хороший, добрый товарищ. Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, около трёх месяцев. К сожалению, он любил выпить. В Куйбышеве, в гостинице, жил в это время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший “блат” на ликёро-водочном заводе. Они покупали там напитки в расчёте на неделю и частенько распивали их в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Бывали там и другие гости, в том числе и девушки. Леонид, даже изрядно выпив, никогда не буянил, он становился ещё более добродушным и скоро засыпал.

Мы познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации, — с Валей Петровой и Лизой Остроградской...

Когда меня уже в Куйбышеве не было, там произошла трагедия, о которой я узнал от одного приятеля Леонида, приехавшего в Москву, а потом рассказ подтвердила и Валя Петрова...”

Что же это за “товарищ” Микояна, который приехал в Москву из Куйбышева? Не тот ли, у которого был “блат” на ликеро-водочном заводе? Потом, очень трудно понять, что именно подтвердила Валя Петрова, потому что ее рассказ смахивает, вроде, как бы на другую историю? Получается, прямо таки еще один “Каменный мост”, правда с одним трупом. Но закончим читать версию Степана Микояна плюс то, что поведал ему приятель из Куйбышева.

“По его рассказу, однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно “под градусом”, в разговоре кто-то сказал, что Леонид — очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом из пистолета бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом всё-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счёл это недостаточным, сказал, что надо попасть в самую бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в голову. Его осудили на восемь лет с отбытием на фронте (это тогда практиковалось в отношении осуждённых лётчиков). Он не долечив ногу, уехал на фронт, добившись переучивания на истребитель Як-7Б. Когда он был проездом в Москве, мы с ним встретились, но об этой истории я ещё не знал, а он мне ничего не сказал”.

Не находите, что получается, какой-то осовремененный пересказ сюжетов повестей из русской классической литературы со стрельбой по мишеням из живых людей? Почему могла взбрести в голову, пусть и хмельного моряка, мысль, что горлышко от бутылки, не есть сама бутылка? Тем более что попасть в горлышко, значительно труднее, чем в саму бутылку. Занятнее выглядело бы, если Леня первый раз попал бы в пробку, которой была бы заткнута бутылка. Это было бы все же более весомой причиной для “моряка”, при повторной стрельбе. А так, все это как-то затеняет событие и невольно обеляет Леонида Хрущева. По рассказу выходит, что “моряк” сам настоял на повторном выстреле? Какие могут быть в таком случае претензии к нашему “герою”? Также не ясны обстоятельства, в силу чего, “моряк” оказался на фронте, а не на море? И что побудило его добровольно согласиться исполнять роль сына Вильгельма Телля? Но, в данной истории получается, что Степан Микоян распивал-распивал с Леонидом Хрущевым “блатное” спиртное, а как дошло дело до стрельбы — вдруг, оказался в столице нашей Родины Москве и говорит, что Валя Петрова, дескать, лучше его эту историю знает. А сам Леонид Хрущев, наверное, как набрал в рот хмельного в Куйбышеве, так с полным ртом и ходил, в дальнейшем, по Москве? Иначе, почему не поделился с собутыльником своим горем? Пришлось Степану “пытать” постороннего человека, чтоб узнать о Куйбышевских “новостях”. У Николая Добрюхи тоже возникли сомнения по данной истории, но, несколько по другому поводу.

“Забегаю вперёд, скажу, что мои знакомые из прокурорской среды слова о “восьми годах с отбытием на фронте” сочли крайне сомнительными — дескать, в военную пору за подобный дебош с кровавым исходом виновному точно присудили бы “вышку”. И смягчение приговора вряд ли могло произойти без вмешательства первых лиц государства. Собственно, это подтверждают и другие свидетели...”

Теперь та же история, но в изложении другого лица. Почему-то эта история рассказанная Валей Петровой, не убеждает меня в своей правдивости. Понятное дело, что столько лет прошло после войны? Потом на память налегли отпечатки послевоенных политических событий, что тоже, согласитесь, деформирует сознание, не так ли?

Николай Добрюха продолжает.

“Выйти на Валентину Петрову получилось не сразу. Удача пришла лишь через 7 лет (!) после того, как был записан приведённый выше рассказ С. Микояна. Выяснилось, что Валентина Филипповна не только здравствует, но и готова рассказать всё, что знает. А знает она немало, так как была женой старшего сына кандидата в члены Политбюро сталинских лет А. Щербакова (москвичи, скорее всего, помнят, что его именем называлась станция метро “Щербаковская”). Вот почти дословная запись её воспоминаний.

“...Шла Великая Отечественная война. И я, тогда 20-летняя танцовщица, с театром эвакуировалась в Куйбышев. Теперь это город Самара. В конце 41-го или в начале 42-го познакомилась со Стёпой Микояном и Лёней Хрущёвым, которые находились там в то время. Несмотря на страшную войну, с октября 41-го года театр продолжал напряжённо работать в Куйбышеве. Утром были репетиции, вечером — спектакли. Но были и свободные дни, в которые мы и встречались... Всё началось с того, что меня на сцене увидел Стёпа Микоян. И, наверное, я ему понравилась, потому что он захотел познакомиться. Он часто ходил на наши спектакли и увидел, как я танцую джигу в балете “Дон Кихот”. Стёпа знал Ольгу Васильевну Лепешинскую и попросил её познакомить его со мной. Но это у неё никак не получалось. И тогда, когда однажды я шла в столовую по улице Некрасова, вдруг рядом со мной остановилась машина, из неё выскочил человек, схватил меня в охапку и... втолкнул в машину...”

А нас все время уверяют, что хорошеньких девушек на улицах все время вылавливали, то сластолюбец Лаврентий Павлович Берия, то садист Виктор Семенович Абакумов. Теперь ясно, откуда они этого набрались? Отец Степана, Анастас Иванович, видимо, похвалился “успехами” сына в своем узком кругу, а его товарищам, стало завидно? Решили тоже, попробовать. Кроме того, а как же с ранением наших героев и последующим амбулаторным лечением? Судя, по всему, что схватил в охапку — ранение не помеха?

Дочь Никиты Сергеевича Рада Аджубей вспоминает, что их семья Хрущёвых жила в эвакуации, тоже в этом приволжском городе.

“Жизнь в Куйбышеве была мирной, город ни разу не бомбили. Но там были тыловые госпитали — очень страшные. Мы, школьники, дежурили в палатах раненых — писали письма под диктовку, читали вслух, приносили гостинцы. Это были тяжелые раненые — без рук, без ног, слепые. Навещала я в госпитале и своего старшего брата Леонида, который был сбит и получил тяжелый перелом бедра”.

Судя по тому, как куролесил ее брат, ранение было все же не таким тяжелым, как хочет нам представить его единокровная сестра? Рада Аджубей вспоминает, что впоследствии,

“нам сообщили, что Леня пропал без вести. Я долгие годы надеялась, что он вернется. Шла из школы и думала: а вдруг я сейчас приду, а там висит его шинель. Но этого не случилось. Конечно, он погиб. И этому есть свидетели”.

Правда, она так и не назвала ни одного. А из ее рассказа выясняется, что брат Леонид все же жил дома, коли там висела его шинель. Может, вместе с ним в семье Хрущёвых жил и Степан Микоян? То-то, рассказывает, что проходил амбулаторное лечение в близлежащей поликлинике.

Продолжаем рассказ Вали Петровой.

“В машине ждало меня невероятное знакомство... с сыновьями сразу двух членов Политбюро. В ней сидели Стёпа Микоян и Лёня Хрущёв. Интересные оказались ребята... Сами они встретились друг с другом в поликлинике, куда попали долечиваться после тяжёлых ранений на фронте. Так мы познакомились. Потом я познакомилась с ними свою подругу Лизу Остроградскую. И она стала встречаться с Лёней Хрущёвым. Мы... как бы... со Стёпой были пара, а она — с Лёней. (Кстати, в то время у него уже была жена и двое маленьких детей. — Авт. Н.Д.) Лёня и Стёпа любили нас катать на машине. А когда наступила весна 1942 года, они стали возить нас гулять за город. В лесу мы развлекались, как могли. У Лёни Хрущёва был пистолет. И вот Стёпа и Лёня подбрасывали вверх дощечки, а мы в них стреляли. Я хорошо стреляла и попадала в эти дощечки, потому что у нас в балетной школе было военное дело, и мы ездили в тир стрелять. Я так хорошо стреляла, что мне вручили даже знак “Ворошиловский стрелок”... Стёпа оказался почти непьющим. Зато Лёня, хотя и был очень тихий и спокойный, выпить любил. Правда, никогда я его напившимся не видела. Никогда! Но о том, что он сильно и часто напивается, слышала много. У Лёни был приятель Петя, у которого в гостинице был номер. Этот приятель работал на ликёро-водочном заводе. Он привозил оттуда в таких... керамических бутылочках ликёр. И угощал нас в своём номере... Когда Степан и Лиза Остроградская уехали в Москву, Лёня связался с цирковой актрисой. Она на лошади в цирке каталась... После такого поворота событий мы с Лёней, конечно, уже не встречались, как прежде, когда были Стёпа и Лиза. Я осталась одна...”

Лиза Остроградская (слева) и Валя Петрова.

И вдруг прибегают ко мне Петя (друг Лёни) и говорит: “Беда! Трагедия! Произошёл жуткий случай... Лёню окружили эти циркачи... Они его постоянно спаивали... И вот у них вышел спор — сойдёт ли Лёня из пистолета бутылку с головы какого-то там товарища. Ну... Лёня сбил, но... только горлышко бутылки. Сказали: не считается! Поставили другую. Лёня выстрелил и... попал в этого человека. Он убил его...”

Но всё это влияние вот этих вот цирковых артистов. Втянула его в их круг наездница. Особенно неприятный тип был клоун...

Всё это произошло, насколько я помню, в цирке. Сам бы Лёня до этого не дошёл! Я хорошо знала его: он был очень тихий и спокойный. Муху не обидит. Но тогда про этот жуткий случай говорил весь город. Дальше, как мне рассказывали, Лёня уехал в Москву. И отец послал его на фронт. Где он и погиб”.

Ну, этот Петя, у которого “блат” на ликеро-водочном заводе, и врун! Так запутать историю. Степану Микояну рассказал одно (о моряке), а Вале Петровой — совсем другое (о циркачах). Так как же было дело в действительности? Ведь, и со второй историей, рассказанной Валей Петровой, не все так гладко. Это где же нашли такое место в цирке, чтобы можно было палить боевыми патронами? Неужели на манеже, в качестве нового оригинального трюка? И почему это Степан Микоян был так уверен, что Валя Петрова больше знает об этой истории, чем он сам? Ведь, по ее рассказу получается, что и она сама, только со слов приятеля Пети, узнала подробности о стрельбе Леонида?

Автор Николай Добруха, пытается досказать историю о Леониде Хрущеве, но мы пока приостановим и его рассказ. Поговорим о летном деле и событиях весны 1943 года.

Кем же в действительности был Леонид Хрущев? Говорят, карьеру летчика начинал в бомбардировочной авиации. Интересно, кем? Командиром корабля? Получил тяжелое ранение ноги. Неужели, что случилось, когда спрыгивал на землю из бомбового люка? Понятно, что в справке могли написать и про инвалидность, но, наверное, это было сделать сложнее, так что ограничились “тяжелым ранением”. Уголовное дело, со стрельбой на поражение в голову “моряка”, поставило Леонида Хрущева в тяжелую ситуацию. Если от “вышки” еще можно было увернуться, с помощью отца, то штрафной эскадрильи было не миновать. Вопрос, как избежать войны, где

стреляют? На переднем крае пуля, ведь, не разбирает кто ты: простой офицер или сын члена Политбюро? Видимо, вместе с папой разработали такой план, что надо перейти из бомбардировочной — в истребительную авиацию? А вот зачем, станет понятно из последующих событий?

Но, закончим с историей о Леониде Хрущеве в изложении Н.Добрюхи. По его рассказу bravому летчику сыну Никиты Сергеевича не дали по немцам пальнуть из пулеметов истребителя, а сразу заломали руки за спину и к стенке. Расстрельная команда по приказу Сталина не стала уподобиться знаменитому Теллю, а сразу все пули уложила в грудь бывшего старшего лейтенанта Красной Армии Леонида Хрущева.

“А теперь — о том, чего не могла знать в те годы актриса Большого театра, но знал и рассказал мне занимавшийся охраной высшего руководства замначальника “девятки” известный генерал КГБ **Михаил Докучаев**”.

У нас получается, прямо таки, рассказ на рассказе сидит и рассказом погоняет. Кроме того, выясняется, что этот генерал КГБ противоречит высказываниям другого генерала КГБ, о котором мы упомянули ранее, В.Удалове. Сам Н.Добрюха тоже высказывает сомнения в повествовании своего генерала, о чем и доводит до читателя:

“Согласно архивным документам, после всего, что было в Куйбышеве, сын Хрущёва действительно оказался на фронте в эскадрилье лётчиков-истребителей. В связи с этим возникает вопрос: если Л. Хрущёву грозила высшая мера наказания, то за что именно? Было ли это случайное убийство или что-то ещё?”.

А генерал КГБ Михаил Докучаев все из той же статьи Н.Добрюхи рассказывает:

“Однажды, во время войны, Сталину позвонил с фронта Хрущёв. Хрущёв настоятельно просил Сталина принять его. Получив согласие, Хрущёв вылетел в Москву. Перед этим Сталину сообщили, что сын Хрущёва Леонид, военный лётчик, совершил тяжкое преступление, за которое полагается высшая мера наказания. Как и полагалось, Поскрёбышев доложил, что товарищ Хрущёв прибыл и ожидает в приёмной. Когда Поскрёбышев вышел, Хрущёв решил изложить свою просьбу. Говоря, Хрущёв заплакал, а потом стал рыдать. Мол, сын виноват, пусть его сурово накажут, только не расстреливают...”

Все, как-то деликатно сказано, по поводу свершившего преступление Леонида Хрущева. Изложено, так гладко и обтекаемо, что трудно понять, за что конкретно, нашему герою определили высшую меру. То ли за “моряка”, то ли еще что-то нашел Леонид на свою... горемычную голову? Можно ли понимать генерала КГБ М.Докучаева так, что в деле Леонида Хрущева, Сталин воспользовался формулировкой кровь за кровь, смерть за смерть. То есть, за гибель “моряка” Леонид Хрущев должен был заплатить своею жизнью? Вот такая непростая жизненная ситуация сложилась у Кремлевских богов, а Сталин должен был разбираться.

Наших генералов из КГБ впору сажать за стол, чтоб занялись армреслинг, а если сказать по-русски, кто кого пережмет? То есть, чья сила возьмет, у того и рассказ правдивее.

Тем временем наступает 1943 год со своими проблемами. Помните, в предыдущей части, данной главы, мы только что говорили о наших проблемах с немецкими танками, у которых увеличили лобовую броню. А также радовались нашей новинке ПТАБах и их удачных испытаниях.

Но еще не вспучилась краска на плоскостях самолетов, и не стала отслаиваться перкаль, так как еще не наступило лето с ожиданием трудного сражения на Курской дуге. К тому же, еще не прозвучали выстрелы на Каменном мосту.

Обратимся к книге бывшего летчика **Станислава Грибанова** “Хроника времен Василия Сталина”, где автор уделил несколько страниц и сыну Хрущева.

“О его судьбе, последних месяцев боевой работы мне рассказал бывший командир 303-й авиадивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г.Н. Захаров. К Георгию Нефедовичу Захарову летчик Хрущев попал сразу после трибунала... И вот в готовности искупить свою вину — кто за что — в дивизии собрались штрафники В.Брык, Л.Хрущев, П.Шевцов... Каждый день военная прокуратура запрашивала комдива, как ведут себя проштрафившиеся.

“— Помню, прибыл к нам Леня в бекеше, папахе. Определили мы его в восемнадцатый полк. И началась боевая работа. Хрущева поставили ведомым к лучшему летчику полка Ивану Заморину, который насбивал уже тогда восемнадцать самолетов противника. Леня из бомберов, ему не так-то просто было на истребители перейти, и командир полка майор Голубев под разными предложениями старался удерживать его от воздушных боев...”.

Понятно, что по делу об убийстве моряка Леонид Хрущев попал в военный трибунал, но ему, как сыну члена Политбюро, дали всего лишь, штрафбат. Но и в войсковой летной части ему оказывалась поблажка, поэтому здесь трудно судить о том, кто кого удерживал от боя? Не просто же так, каждый день звонили из военной прокуратуры. Комдиву и так проблем хватало, а здесь штрафник, сын Хрущева. Правда, сколько не сдерживай, но все равно летать Лёне Хрущеву придется. И наступил тот судьбоносный день **11 марта 1943 года**, когда летчик Хрущев отправился на боевое задание.

“В составе девятки под командой комэска капитана Мазурова он вылетел на боевое задание в район севернее Жиздры. Предстояло отразить налет бомбардировщиков, не допустив бомбометания по наступающим войскам 16 армии. Когда подошли “фоккеры”, Заморин и Хрущев вступили в бой. Вскоре Иван сбил одного ФВ-190, а Леонид прикрывал своего ведущего и был атакован вторым “фоккером”. Заморин закрутил машину на помощь ведомому. Сверху камнем бросился отбить атаку противника Герой Советского Союза Василий Барсуков. Но самолет Хрущева вдруг сорвался в штопор...”.

Читаем похожее сообщение (ВИЖ № 11 за 1989 год). Видимо, из объяснительного документа тех лет, вышестоящему начальству. Недаром же военная прокуратура беспокоилась так часто.

“11 марта 1943 г. в 12.13 группа из 9 Як-7б, ведущий капитан Мазуров, вышла на боевое задание с задачей уничтожения бомбардировщиков противника в районе Кожановка, Ашково, Ясенок, Дынное, Жеребовка.

Группы для выполнения боевого задания пошли эшелонировано по высоте, т. е. одна группа в 5 самолетов, ведущий Мазуров, шла на Н-2000 м и другая группа — 4 самолета, ведущий гв(ардии) мл(адший) лейтенант Ляпунов, шла на Н-2500 м. Придя в район действий, группы из-за плохих метеословий (дымка до 20000 м) стали действовать самостоятельно.

В момент прихода на линию фронта летчики справились о воздушной обстановке, станции наведения ответили: “Самолетов противника пока нет, но будьте осторожны”.

После 3–5 минутного пребывания над линией фронта появились истребители противника, которые, пользуясь дымкой, начали производить атаку наших самолетов, приняв бой, разбились на три группы.

Два наших самолета, ведущий гв(ардии) ст(арший) лейтенант Заморин и ведомый гв(ардии) ст(арший) лейтенант Хрущев, были атакованы 2 ФВ-190, в результате завязался воздушный бой пары на пару на Н—2500 м. Закончился воздушный бой в районе Мужитенский (вост {3} Жиздры 6 км). Сам воздушный бой происходил следующим образом: гв(ардии) ст(арший) лейтенант Заморин

производил атаку одного ФВ-190 и с дистанции 50–70 м открыл огонь и сбил самолет противника. Хрущев шел с правой стороны...

Заморин сбил самолет противника и увидел, что к хвосту машины Хрущева пристроился один ФВ-190 и вел по нему огонь. Заморин открыл огонь по самолету противника под углом, немецкий летчик, видя свое невыгодное положение, отвалил от Хрущева и с пикирования пошел на юг, Заморин продолжал атаковать. В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, Хрущев с переворотом под углом 65–70 градусов пошел к земле и, когда Заморин возвратился, то Хрущева не нашел и считает, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор.

В момент, когда вел(и) воздушный бой Заморин и Хрущев, все остальные 7 на различных высотах и (в) районах вели воздушный бой с истребителями противника, которых было 8-10 штук, а именно: гв(ардии) лейтенант Ходаковский вел воздушный бой в районе Жиздра с 2 ФВ-190, из которых по докладу летчика оба были сбиты.

3-я группа из 5 самолетов вела воздушный бой с 4 ФВ-190 в районе Акимовка, в результате которого по докладу летчиков мл(адшим) лейтенантом Замковским сбит один ФВ-190.

Командир 18 гап гв(ардии) майор (**Голубев**)

Начальник штаба 18 гап гв(ардии) подполковник (**Вышинский**)

Примечание. За время нахождения тов. Хрущева в 18 гап им произведено 6 боевых с налетом 4 ч и 26 мин и проведено 3 воздушных боя. Кроме боевых вылетов, произведено 28 учебных полетов с налетом 13 ч 01 мин”.

Пока о дальнейшей судьбе пропавшего летчика не сказано ни слова. И лишь через месяц Никита Сергеевич получил официальную бумагу. Фронтовое начальство не нашло ничего лучше, как направить нарочным к Хрущеву, с этим сообщением, самого Ивана Заморина, ведущего пары. Дескать, сам выкручивайся, как можешь? Но, когда Станислав Грибанов “спустя годы, обратился к Ивану Заморину по поводу давнего боя, из которого он вернулся без своего ведомого”, Заморин на его письмо не ответил. Видимо, в силу того, что это “темная” история.

Теперь по поводу содержания официального ответа Хрущеву. Приводится в сокращении.

“...Организованные **мною** самые тщательные поиски с воздуха и через партизан пока не дали результатов. В течение месяца мы не теряли надежду на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитич пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков. Первая воздушная армия потеряла молодого талантливый летчика-истребителя, а Вы лишились сына. Сообщая Вам эту тяжелую весть, прошу принять мое искреннее соболезнование”.

Знаете, кем подписано это официальное сообщение? Командующим 1-й воздушной армией генерал-лейтенантом Худяковым. А это наш старый знакомый Ханферянц! Тот самый товарищ, который принял от боевого друга саблю и стал Худяковым! Помните? А поисками, о которых упоминает в сообщении “Худяков”, занимался лучший друг Никиты Сергеевича, член Военного совета Западного фронта, будущий министр обороны, Николай Александрович Булганин. Не правда ли, что только Новикова не хватает в этой компании? Чутьочку терпения. Скоро в нашей истории появится и Александр Александрович с приказом.

Что меня удивило в этом сообщении? Во-первых, если летчик “с переворотом под углом 65–70 градусов пошел к земле” и исчез, то почему это надо считать “пал смертью храбрых”? Во-вторых, почему полетело девять самолетов Як-7? По-моему, давно уже наши летчики летали парами? Ясно же читается, что “ведущий старший лейтенант Заморин”, а его “ведомый старший лейтенант Леонид Хрущев”. В чем же тут дело? Может быть, Леонида Хрущева “пасли” двое наших истребителей: один спереди — Заморин, другой — сзади? На начальство авиаполка, возможно, давили сверху и оно, видимо, очень боялось ответственности за жизнь сына члена Политбюро, даже, если он и числился штрафником. Может, поспособствовали в дополнительной защите важного штрафника, отсюда и такое сочетание самолетов в воздухе — нечетное?

Правда, у Грибанова читаем, что когда немец попытался зайти в хвост Хрущева, то “сверху камнем бросился отбить атаку противника Герой Советского Союза Василий Барсуков”. Хотя это и не официальный отчет, тем не менее, можно понять и так, что Барсуков пресек атаку немецкого летчика зайти в хвост самолета Хрущева. Конечно, это не убеждает, но недаром же, Заморин отказался отвечать на вопросы писателя С.Грибанова.

Теперь, зная высказанную мою точку зрения, сумеете понять объяснение старшего лейтенанта Замонина, о том, что произошло в полете, которое отражено в рапорте полкового начальства:

“когда Заморин возвратился, то Хрущева не нашел и считает, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор”.

Как понимать данный ребус по русскому языку: “Хрущёв сбитым быть не может”?

Может быть, в этом деле нам поможет друг Леонида, Степан Микоян? Правда, его высказывание прозвучало значительно позже, по окончании войны и они, к тому же, не летали вместе. Ко всему прочему, Степан Анастасович стал уже начальником в авиации, но все же? Пусть оценит ситуацию, по-генеральски.

Степан МИКОЯН, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза: “Но это же, чушь! Дело в том, что авиационные снаряды не могут рваться, не доходя до цели, они могут рваться, только попав в цель”.

В этом случае, трудно что-либо возразить генерал-лейтенанту. Тем более, когда говорят, что краткость — сестра таланта. Но они (снаряды) могут рваться, попадая в самолет, прикрывающий хвост самолета Леонида Хрущева, не так ли?

Хотелось, правда, услышать мнение о поведении Леонида Хрущева в том бою, но Степана Анастасовича больше интересовали авиационные снаряды, чем его бывший друг, той суровой поры.

А что скажет другой военный, по поводу вышеизложенного рапорта?

Иван МОЛЧАНОВ, полковник, однополчанин Леонида Хрущёва:

“То, что вот Заморин рассказывал — перетянуть ручку, — я не знаю, как это можно. Я перетягивал часто, и Як-7 (Седьмой) в штопор очень трудно входил. Сколько перетягивал, что переворачивался, и перетягивал, и в штопор никак не загоню. Не мог он быть в штопоре, просто его сбили. Сбили, где-нибудь упал”.

Как видите, все факты, вроде указывают, что Леонид Хрущев погиб при боевом вылете 11 марта 1943 года. А вот генерал КГБ М.Докучаев в этом не уверен, в чем, видимо, убедил Н.Добрюху. Поэтому его статья с рассказами Степана Микояна и Валентины Петровой заканчивается не

гибелью на фронте Леонида Хрущева, а тем, что он “совершил тяжкое преступление, за которое полагается высшая мера наказания”. Согласитесь, что это несколько иная трактовка событий. Генерал Докучаев (в статье Н.Добрюхи) поясняет:

“Этот случай(?) дал повод хождению разговоров среди работников Кремля о трагедии в семье Хрущёва и отказе Сталина в просьбе о помиловании сына. Происшедший инцидент на встрече Хрущёва со Сталиным до сих пор всплывает в разговорах сотрудников госбезопасности, особенно когда речь заходит об отношениях между Сталиным и Хрущёвым. В частности, утверждается, что в этом заключается главная причина всех нападок Хрущёва на Сталина и одна из главных причин разоблачения культа личности. При этом делаются ссылки на неосторожное заявление Хрущёва в присутствии своих приближённых, когда он сказал: “Ленин в своё время отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мёртвому, за сына”. Хрущёв до самой смерти не мог простить Сталину того унижительного положения, в котором он оказался на глазах у всех по воле вождя. Своё слово Хрущёв сдержал...”.

Эти слова хорошо информированного генерала наводят на мысль: если бы не то случайное убийство, история СССР могла быть совсем не такой, какой мы ее знаем...”.

Опять, какая-то загадка века? О каком случайном убийстве ведет речь Н.Добрюха? Об убийстве “моряка”, в результате, чего Л.Хрущев попал на фронт и “погиб”? Или о том, что Сталин, якобы отдал приказ о расстреле Леонида Хрущева за “тяжкое преступление”? Тогда как понимать слова автора “случайное убийство”? Неужели Леонид Хрущев и спикировать удачно не смог, в результате чего убил падающим самолетом еще одного “моряка”? Может быть, уже эти “два моряка” переполнили чашу терпения Сталина, и составили то, самое, “тяжкое преступление”?

Давайте-ка, на время, оставим историю с Леонидом Хрущевым в неопределенности. Он, вроде бы погиб, но, как видите, со странностями. Этот вялотекущий инцидент с сыном Хрущева приближается к июню 1943 года. Как помните, из рассказанного ранее, **3-го июня** вечером, раздались выстрелы на Каменном мосту. Ночью, в половине одиннадцатого Сталин заслушал объяснения по поводу дефектных самолетов. **9-го июня**, уже сам Шахурин объяснялся в Кремле, как там, с самолетами. А что же главком ВВС Новиков, о котором мы упомянули выше?

Александр Александрович не остался в стороне и от данного дела. Чтоб Никите Сергеевичу подсластить горечь утраты подписал бумагу, из которой следует, что “**12 июня** 1943 года приказом командующего ВВС маршала авиации **А. Новикова** гвардии старший лейтенант **Хрущев Леонид Никитович** за образцовое выполнение боевых заданий командования... и проявленные при этом доблесть и мужество” был награжден орденом Отечественной войны Первой степени”.

Сын Н. С. Хрущёва Леонид

Вы спросите: за что наградили? Наверное, за то, что “достаточного опыта в боевой работе на скоростном истребителе Як-7... не имел” и налет на истребителе составлял “всего 4 часа и 26 минут”. Или может за что иное, недоступное нашему пониманию?

С другой стороны, целая куча детей из высшего советско-партийного руководства в фашистов играет, так пусть хоть сын Никиты Сергеевича Хрущева будет достоин боевого ордена! Тогда выходит, что “второго моряка” не зашиб самолетом, если орден дали? За что же тогда на него так Сталин “озлобился”, если “вышка” засветила?

Давайте, вернемся к тому, с чего начали. Что нам вначале третьей части, втолковывал первый упомянутый генерал КГБ о Леониде Хрущеве? Вот продолжение статьи с его пересказом.

“По свидетельству **В. Удилова**, подтверждаемому другими источниками, самолёт-истребитель, пилотируемый сыном Хрущёва, **ушёл в сторону расположения немцев и бесследно пропал.** Так

Леонид оказался в фашистских лапах. Скорее всего, он пошёл на это добровольно, **так как ему терять было нечего**".

Очень неудачное словосочетание автора по поводу фашистских лап. Если к ним, немцам, переходят добровольно, то перебежчики никак не могут оказаться в "фашистских лапах". Правильнее сказать, Леонид Хрущев оказался в немецко-фашистских объятиях. А как в таком случае понять другую фразу: "он пошёл на это добровольно, так как ему терять было нечего". Что же такое, растерял Леонид Хрущев на советской земле, собираясь найти на территории врага? Думается, главное, что мог потерять советский офицер, это его честь. Если она утеряна, то тогда, точно, можно сказать, что "ему терять было нечего". Все потери материального плана могут быть восполнимы, кроме, — нравственной. Как же оценить поступок Леонида Хрущева с этих позиций? Ведь, кроме того неясно, был ли этот поступок летчика скоропалительным решением или к данному мероприятию готовился заранее? Не оказывал ли кто помощь в осуществлении задуманного? Как нашел вражеский аэродром и осуществил посадку? Или немцы его загодя ждали? Если же выпрыгнул с парашютом, то при каких обстоятельствах оказался у немцев? И главный вопрос: "Не был ли, санкционирован перелет к немцам самим отцом, Никитой Сергеевичем Хрущевым?" Такие вопросы, вполне возможны при ведении следственного дела в отношении бывшего старшего лейтенанта летчика Хрущева. А насчет папаши удивляться не следует?

У А.Мартиросяна в книге "Трагедия 22 июня..." приведена, и по сей день, неразгаданная история с таинственным перелетом в Мценск, занятый немцами, командующего 48 армией, бывшего резидента ГРУ в Белграде "Софокла" — генерал-майора А.Г.Самохина. События произошли, тоже весной, но ранее, в 1942 году. Мне, думается, что это было грамотно организованное похищение нашего генерала. Сам, Арсен Беникович, тоже склоняется к мысли, что с этим "перелетом" не все чисто и замечает, что впоследствии, мы потерпели очень тяжелое поражение под Харьковом. Разумеется, так как с Самохиным "улетели" важные карты и документы. Напомню, что командовал войсками Юго-Западного направления, неизвестный нам маршал Тимошенко, а членом Военного Совета у него был наш "горячо любимый" Никита Сергеевич Хрущев. Этим "героям" посвящено немало страниц в данной работе. То есть, летнюю кампанию 1942 года наша Красная Армия провалила. Впоследствии будут тяжелые бои, и война прикатится на Волгу и на Кавказ.

Что мы имели весной 1943 года? Вновь таинственный перелет к немцам, теперь уже сына самого Хрущева. Вполне возможно, что Леонид полетел к немцам не с пустыми руками? Может, перед дальней дорогой папаша засунул ему в карман пирожки, завернутые в Директивы СВГК? Скажет, потом на Политбюро, что мол, обознался в темноте блиндажа — перепутал, дескать, бумаги?

А теперь сопоставьте с замаскированной массовой диверсией по самолетам, о которой говорили в предыдущей части. И всё это в преддверии Курской битвы, где опять же решалась судьба очередной летней военной кампании.

Как вы думаете, фронтовая контрразведка забыла обстоятельства "перелета" генерала Самохина? Может, поэтому и заставила суетиться многих?

А как повели себя "герои" предыдущих глав данного исследования? Все наши послевоенные подельники по "пятой колонне" внесли свою "положительную" лепту в дело о Леониде Хрущеве. Булганин был в курсе всех событий на Западном фронте и, якобы, руководил поисками "погибшего" летчика. Худяков выразил "соболезнование" папаше и представил сына к ордену. Новиков подмахнул наградной лист в нужное время. А сколько их, безымянных "героев", "трудившихся" на Хрущева, скрылось в тени?

Кроме того, так и остался открытым вопрос о том, как же Леонид Хрущев оказался у немцев? Вряд ли Л.Хрущев участвовал в бою? Очень высока была вероятность, что его могли сбить немецкие истребители. Скорее, это был разведывательный полет. Могли, случайно, наткнуться на пару

немецких “охотников”, типа Хартмана с товарищем. Те произвели атаку на самолет Хрущева, но, уже его “ведомый” подставил себя. Так, видимо, надо понимать, рвущиеся снаряды далеко в хвосте самолета Леонида, в описании Заморина. Немцы улетели, так как ввязываться в маневренный бой “охотникам” было не с руки. Как же события, могли развиваться в дальнейшем? Оказавшись над вражеской территорией, летчик Хрущев изменил курс и направил свой самолет вглубь, от линии фронта. Что стали делать его сопровождающие? Полетели вслед за ним, не понимая его действий. Не будут же они сбивать сына члена Политбюро, даже, заподозрив неладное? Остановить сложно — самолет, не машина. Если и обгонишь, то поперек движения самолет не поставишь! Время идет, а бензин кончается. Достигнув максимальной точки удаления от базы, вынуждены были вернуться на свой аэродром. Сели писать рапорта о случившемся. Как на старшего в группе, вся тяжесть вины от случившегося, легла на старшего лейтенанта Ивана Заморина. А что он мог написать в объяснение? Что летчик Леонид Хрущев к немцам перелетел? Ему что, жить спокойно надоело? А полковое командование, узнав о случившемся, точно, за голову схватилось! Да, за такое происшествие замотают по инстанциям с непредсказуемыми последствиями. Вернее всего, что начальство, вполне могло и выдумать воздушный бой, с рвущимися далеко в хвосте самолета Хрущева снарядами. Главное, слова Заморина: “Что Хрущёв сбитым быть не может”. Вот ключ к пониманию загадочного происшествия. Он же ясно видел, что Хрущев не сбит, а улетел в сторону противника до упора. Как это скрыть и не подставить под удар ни себя, ни товарищей, ни местное начальство? Трудно даже упрекнуть в этом боевого летчика сбившего немало вражеских самолетов в воздухе, но попавшего в непростую ситуацию на земле, к тому же, у себя в части.

Как же стало известно о перелете к немцам Леонида Хрущева? Шила, как говорят, в мешке не утаишь. Свою территорию прочесали, но место падения самолета не обнаружили. Тогда подключили партизан и отряды спецназначения подчиненные НКВД. Надо же понимать момент случившегося? Исчез не просто летчик, а сын члена Политбюро. Зная, по 1941 году Хрущева, Лаврентий Павлович с помощью Павла Судоплатова “землю рыли”, чтоб найти следы “без вести пропавшего”. Ведь, Леонид мог захватить с собой и важные документы. Хотя бы, по — ПТАБ. Ведь в ней был использован кумулятивный эффект, новинка по данному виду вооружения. Не думаю, что перелет сына был спонтанным и отец был не в курсе его дел, о чем и сказал выше? У читателя, есть сомнения в обратном?

Еще один момент, трудный для понимания. Что мешало Леониду Хрущеву перелететь к немцам в сорок первом году или сорок втором? Почему перелет произошел, только в сорок третьем? Только ли те обстоятельства, что служил в бомбардировочной авиации, затрудняли выполнение задуманного? Если смотреть с таких позиций на свершившееся, то именно переход из бомбардировочной авиации в истребительную, дал возможность реализовать задуманное. Потом, в 41-ом, “пятая колонна” надеялась, что Красная Армия вот-вот, рухнет. Но, к их несчастью, устояла. Затем в 42-ом под Сталинградом, все ведь, у наших на волоске висело. Немец уже к самой Волге вышел. Касками воду черпали. Как мы выстояли в данной ситуации, диво дивное?

Хрущев, поэтому и “озабеспокоился” весной 1943 года. Все должно было решиться этим летом, в боях на юге. Если бы не ПТАБы, немцы точно пробили бы насквозь Воронежский фронт, где как раз и суетился наш “дорогой Никита Сергеевич”. Можно сказать, что и пробили, но резервный Степной фронт заткнул брешь. Кроме того, был еще Центральный фронт, а Рокоссовский — не Ватутин, с Хрущевым в придачу. Дал немцам прикурить! Поэтому и выстояли! Еще не вся, правда, известна о битве на Курской дуге.

Конечно, это всё предположения по Леониду Хрущеву, что “не пустой” к немцам полетел, но папаша Хрущев, не просто же, так озаботился уничтожением документов по делу сына. Явно, заметал следы. Но это мы, немного, залетели вперед...

Поиски “пропавшего” Леонида Хрущева велись активно, но что сказал по этому поводу его брат Сергей Никитич Хрущев:

“Потом, как я слышал, отец запретил, сказав, что никого вы там всё равно не найдёте: если он погиб, то он погиб, если он ушёл к партизанам, то мы об этом рано или поздно узнаем, если его немцы захватили, то что вы будете зря рисковать людьми”.

Ясное дело, что отец-Хрущев, рад был бы, запретить поиски сына, знал, где тот, но к счастью, в этом деле у него оказались руки коротки.

Вообщем, ситуация с Леонидом проясняется. Он, все же не погиб в полете 11 марта. Не зря Иван Заморин всех убеждал, что “Хрущёв сбитым быть не может”, и он оказался прав.

Давайте закончим с повествованием **Станислава Грибанова** и его изложением событий по Леониду Хрущеву, тем более что у него есть с чем ознакомить читателя.

“Вот что рассказали мне — со слов Вячеслава Михайловича Молотова — Феликс Чуев и Евгений Джугашвили.

Летчик Хрущев в штопорящем самолете не разбился, а попал в плен к немцам и стал с ними сотрудничать, агитировать наших бойцов за сдачу врагу. Тогда специально подготовленная группа выкрала сына Хрущева, затем партизаны сообщили об этом в Москву и запросили самолет, чтобы переправить “агитатора” через линию фронта. Из Москвы последовал ответ: “Не будем рисковать жизнью другого летчика, — самолет не дали, а по поводу пойманного распорядились: — Решайте сами...”.

Сына Никиты расстреляли”.

Трудно сказать, кто кому “вешал лапшу на уши”? То ли Молотов — Чуеву и Джугашвили, то ли они оба, соответственно — Грибанову? Начнем, как говорить, с разбора “полетов”. Значит, абсолютно точно, Москве стало известно, что Леонид Хрущев попал в плен, так как агитацию на стороне немцем не скроешь. Видимо, были выпущены листовки, и было обращение к нашим бойцам по радио. Что решило, в этом случае Московское начальство, тот же Молотов, входящий во все властные структуры: ГКО, Политбюро, правительство? Разумеется, дали задание по линии НКВД, если была создана “специально подготовленная группа”. Но Вячеслав Михайлович, не был бы Молотовым, если бы, не стал юлить и выкручиваться, как он делал, ни раз, до этого. Смешно читать, что после поимки Леонида Хрущева, Москва потеряла к нему всякий интерес. Значит, создавая спецгруппу и забрасывая её в тыл врага, привязывая к партизанскому отряду — это конечно, не риск для бойцов, а просто прогулка по пересеченной местности. Да и перелет через линию фронта, для летчика транспортной авиации, надо полагать, своего рода разнообразие в полетах. Смотрите, однако, как изменились у Молотова приоритеты, связи с поимкой предателя Хрущева-младшего, — “не будем рисковать жизнью другого летчика”. Трудно понять, о жизни какого летчика вел речь Молотов? Того, кто перебросил спецгруппу через фронт или того, кто будет его доставлять оттуда? А может Молотов имел в виду самого Леонида Хрущева? Тоже, ведь, бывший летчик?

Всё знал о судьбе сына Хрущева Вячеслав Михайлович, бессменный член Политбюро, по тем годам, да не рискнул приоткрывать завесу таинственности над этим делом. Как всегда, перевел стрелки в другую сторону, на партизан. Те, надо полагать подумали, подумали и решили, что незачем за зря хлеб переводить на похищенного “невозвращенца”, все равно в отряде самолетов нет — летать не будет, к тому же, может обратно к немцам улететь, — взяли, да и расстреляли сына члена Политбюро и руководителя правительства Украины — “дорогого” Никиты Сергеевича Хрущева. Таким образом, что же тогда получается? Могилка “расстрелянного” Леонида Хрущева затерялась, где-то в лесной чаще, даже, безо всякого упоминания об убитом. Какая жалость! Некуда будет родителям и цветочки принести, и негде слезу уронить.

Данную версию расстрела у Станислава Грибанова “подтверждает” генерал-полковник **И.А.Кузовлев**, заместитель начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР, но переносит расстрел беглеца, все же, на Большую землю:

“...сын Н.С.Хрущева, Леонид, в 1943 году попал в плен к немцам. По настоятельной просьбе Н.С.Хрущева И.В.Сталин дал согласие на обмен его сына на немецкого военнопленного. Обмен состоялся, но, как установили работники КГБ, когда Л.Н.Хрущев находился в фильтрационном лагере для бывших военнослужащих, в плену он вел себя плохо, работал в интересах гитлеровской Германии. По совокупности совершенных преступлений Л.Н.Хрущев военным трибуналом был осужден и приговорен к расстрелу”.

Рассказ, не хуже, чем у Молотова. Ясное дело, что Сталин “дал согласие” на обмен Леонида Хрущева. Это же был не его сын, Яков, которого он не желал обменивать, согласно легенде, на фельдмаршала Паулюса. На кого же из пленных немцев обменяли сына члена Политбюро Хрущева? Неужели от немцев, тоже, кто-то на самолете “по ошибке” к нашим перелетел, являясь ближайшим родственником, какой-нибудь “шишки” из нацистской партии? Вообще, представляет определенный интерес, такого рода обмен пленными. Хотелось бы подробностей (кто? где? когда?), но, к сожалению, информация до крайности скудна — “обмен состоялся”.

Наверное, это происходило как в фильме “Мертвый сезон”. Видимо, нашли на обширном ТВД, где германские войска вели сражения пограничную реку с мостом и произвели обмен. На той стороне моста, где немцы — полный раскаяния плачущий Леонид, а на этой, нашей — Никита Сергеевич, с солдатским ремнем в руках. Не с Леонида ли Хрущева, идут истоки подобного обмена пленными? Но генерал-полковник Кузовлев не стал посвящать читателя в детали такой “ответственной” операции “по обмену”. Вопросы: “Для чего это надо было делать?”, а также, “Был ли согласен с обменом сам Леонид Хрущев и окружавшие его ответственные лица из состава немецкого командования?” — как и всегда, повисли в воздухе. Также не укладывается в логическую схему папа-Хрущев. Он что же не знал о проделках сына в плену, коли согласился на его обмен? За такие “шалости”, при возвращении, по головке не погладят. Минимальное, что светило Леониду за пособничество врагу — это расстрел, без конфискации имущества. Получилось, не хуже, чем у Тараса Бульбы в одноименном произведении Н.В.Гоголя: “Я тебя породил, я тебя и убью!”. Ведь, так и читаются данные события, например, по тому же Кузовлеву. Никита Сергеевич-то — обмишурился, получается. Сынишку, дескать, после состоявшегося обмена “потерзали” в фильтрационном лагере особисты, и выудили из него всю компрометирующую информацию. Военному трибуналу ничего другого не оставалось, как вынести решение о расстреле неверного сына нашей Родины. Аналогии с “Тарасом Бульбой”, в какой-то степени проскальзывают. Там, сына-изменника настигла карающая пуля, и в нашем случае, не обошлось без применения огнестрельного оружия.

Но это все очередные перепевы на тему о злобствованиях советских военных трибуналов и вождя. Большой интерес представит комментарий самого Станислава Викентьевича Грибанова о проделках Хрущева-старшего.

“В доме на Лубянке, известном своей революционной крутостью, мне рассказывали, как в годы правления Никиты основательной ревизии подвергались там многие “дела”. Беспощадно были подчищены и протоколы допросов советских военнопленных. Не случайно в них остались записи: “изъято... 180 листов”, “изъято ... 36 листов”. Особенно ударную чистку специалисты компетентных органов провели в 1953 и 1954 годах — с восшествием на престол “нашего дорогого Никиты Сергеевича”. Что делать, в Кремле любят, чтобы во всем был порядок...”.

Аналогичные данные привел и историк А.Н.Колесник, подготовивший публикацию о Леониде Хрущеве в Военно-историческом журнале.

“Работая в архивах, я обратил внимание на то, что многие страницы из личного дела сына Н.С.Хрущева оказались замененными уже в послевоенный период. Было ли это сделано для большего “удобства” самого Н.С.Хрущева или с какой другой целью, ответа на этот вопрос я не нашёл”.

Вот главный аргумент по делу Леонида Хрущева и прочих пособников по “пятой колонне”. Архивы подверглись нашествию “паразитов” и утратили свое предназначение: сохранение Истории. Трудно, по пришествию многих лет попытаться разобраться с каким-нибудь делом об очередной “жертве сталинских репрессий”, когда из материалов следствия, например, изъято 180 страниц. Зато появилось раздолье всяким любителям неумных фантазий освещать данные события. Попробуй, опровергни, когда в деле зияют огромные проплешины, словно на зерновом поле развилась комбайн, не соблюдающий правила жатвы: то здесь скошил, то там.

Наконец-то, приблизились к развязке данного события в изложении генерала КГБ **В.Удилова**. В целом, то же самое, но есть некоторые подробности, отсутствующие у предыдущих товарищей.

“Итак, Леонид пошёл-таки на сговор с германскими фашистами. Убедившись в этом, И.В. Сталин поставил перед военной контрразведкой “Смерш” задачу выкрасть Л. Хрущёва и доставить его в Москву. Спецзадание Верховного Главнокомандующего было выполнено. Вместе с Л.Хрущёвым были доставлены в Москву документальные данные, свидетельствовавшие о его предательской деятельности. Военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу. Узнав о приговоре военного трибунала, Никита Хрущёв обращается в Политбюро с просьбой отменить суровую кару. И.В. Сталин согласился обсудить вопрос о судьбе Леонида Хрущёва на заседании Политбюро. Начальник контрразведки “Смерш” генерал-полковник Абакумов изложил материалы дела, приговор военного трибунала (?) и удалился. Первым на заседании выступил секретарь Московского обкома и горкома, он же начальник Глав ПУРа Красной Армии и кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков, который в своём выступлении сделал упор на необходимости соблюдения принципа равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он, прощать сынков именитых отцов, если они совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков предложил оставить приговор в силе.

Затем слово взял Берия, который был в курсе прежних проступков сына Хрущёва, напомнил о них и о том, что сына Хрущёва уже дважды прощали. После чего выразили свои точки зрения Молотов, Каганович, Маленков. Мнение у всех членов Политбюро было едино: оставить приговор в силе”.

Не могу согласиться с уважаемым генералом, вот связи с чем? Дела такого уровня, особенно, связанные с членами Политбюро, вначале решал не суд, какой бы высокой инстанции он не был, а само Политбюро. Только принятое решение на Политбюро давало возможность суду, как правило, Верховному или Военной Коллегии при нем, выносить решение в соответствии с действующим законодательством. Поломать, эту сложившуюся традицию, не мог даже сам Сталин. Что, в дальнейшем, стоило ему жизни. Поэтому решение о судьбе Леонида Хрущева решалось келейно на заседании Политбюро, а уже по итогам решения высшего партийного органа суд от имени государства закреплял итог содеянного. Почему в данной ситуации, автор В.Удилов, решил по другому?

Скорее всего, на заседании Политбюро было рассмотрено представленное заключение следственного отдела (управления) СМЕРШ, если упомянут Абакумов, которое должно быть направлено в Военную Коллегию Верховного Суда СССР, с ходатайством о применении наказания к обвиняемому соответствующей статьи УК. Скорее всего, статья была расстрельная, так как шла речь о суровости наказания. Вы же, обратили внимание, о чем вел речь Щербаков? О предполагаемом наказании Леонида Хрущева! Как же они могли рассуждать об ответственности Хрущева-младшего, когда уже, якобы, было решение Военной Коллегии Верховного Суда? Скорее всего, как я и предположил выше, разбирались представленные Абакумовым материалы следствия. Хрущев-старший, как всегда мог схитрить, что, дескать, надо тщательнейшим образом

проверить все обстоятельства данного дела. Пусть этим делом вновь займется, например, не Абакумовская контрразведка, а, предположим, прокуратура. Главное, потянуть время и увести материалы следствия от Абакумова к своим людям.

Генерал В.Удилов не представил же нам ни одной строчки из заседания Политбюро. Так, вольный пересказ своими словами.

Вот и возникает вопрос о поведении Никиты Сергеевича Хрущева на заседании Политбюро. Нам пытаются навязать мнение, что Хрущев, дескать, в ногах валялся у Сталина, вымаливая прощение о сыне. У того же М.Докучаева, из статьи Н.Добрухи, можно прочесть:

“Хрущёв упал на колени. Умоляя, он стал ползти к ногам Сталина, который не ожидал такого поворота дела и сам растерялся. Сталин отступал, а Хрущёв полз за ним на коленях, плача и прося снисхождения для сына”.

Отсюда, с этих позиций, легко можно перекинуть мостки на месть Хрущева, по отношению к Сталину и его окружению. А это ложный путь в понимании происходящего? Хрущев главный заговорщик, скрытый враг Советской власти. Это матерый волк, рядящийся в овечью шкуру. Те, кто хочет представить плачущего Хрущева в роли горем убитого отца, или сами не понимают сути дела, или пытаются обмануть нас, в понимании происходящего. Во-первых, нам не показывают даты поимки Леонида Хрущева и его осуждения. Во-вторых, мы не знаем, когда же произошло и само заседание Политбюро. В-третьих, скрывают и сам факт перелета Леонида Хрущева к немцам и что, именно, он там делал? В-четвертых, что конкретно ставилось в вину Хрущеву-младшему?

А слезы папаши Хрущева можно истолковать, как искусно выполненный спектакль. Кроме того, Хрущев мог вполне правдоподобно возмущаться полученными сообщениями о действиях сына Леонида, типа: “Как же я не углядел? Как же я не досмотрел? Кто бы мог подумать?” и т. д. и т. п. Затем, вполне, мог инсценировать нервное потрясение с обмороком. Читаем далее, у М.Докучаева. Тот, словно сам присутствовал на данном заседании и подносил Хрущеву стаканчик с водой.

“Сталин просил Хрущёва встать и взять себя в руки, но тот был невменяем. Сталин вынужден был вызвать Поскрёбышева и охрану. Когда те влетели в кабинет, то увидели всю эту неприглядную картину. Сталин попросил вынести Хрущёва в одну из соседних комнат, пригласить врачей и привести Никиту Сергеевича в чувство, после чего сопроводить до места, где он остановился”.

Должна ли у нас быть уверенность в том, что на Политбюро было принято решение о вынесении Леониду Хрущеву смертного приговора? Лично у меня такой уверенности нет. На основании, какого документа, мы должны удостовериться, что с сыном Хрущева поступили так и не иначе? Так документов же нет! — возразят скептики. Правильно, в начале данной статьи мы же прочитали, что по приказу Хрущева

“из “личного дела” его сына так внаглую выдраны страницы, касающиеся тех военных лет, когда в судьбе его Лёньки появились вопросы? А взамен... после войны вдруг возникли новые, датированные уже 60-ми...”.

И Грибанов подтверждает, что “беспощадно были подчищены и протоколы допросов советских военнопленных”.

Да и Колесник говорил о том же самом, что “многие страницы из личного дела сына Н.С.Хрущева оказались замененными уже в послевоенный период”.

Что же тогда получается? Получается то, что Политбюро приняло какое-то другое решение в отношении Леонида Хрущева, нежели расстрел? Если бы существовали расстрельные документы по Леониду Хрущеву, то отцу-Хрущеву на XX съезде, сам бог велел трясти ими перед делегатами, показывая кровавый характер тирана Сталина, по отношению к его сыну. Не пощадил, дескать, сына, — злодей! О причинах, по привычке мог и наврать. И так, весь его доклад на съезде лживый. Однако, о расстреле сына делегатам съезда, ни гу-гу. И в дальнейшем, тоже. А зачем уничтожил все документы по сыну? Боялся, как бы, не всплыла правда. Да, но вот вопрос, какая?

Я предполагаю, что Леонида Хрущева не расстреляли, хотя по законам того времени, вины у него было, выше крыши. Сначала его взяла в разработку контрразведка СМЕРШ, так как был упомянут Абакумов. Затем, думается, им занялись органы госбезопасности. Видимо, к этому был причастен, вначале Меркулов, как руководитель данного ведомства (Связи с “делом волчат” оно и выделилось в самостоятельную структуру). А вспомните, ничем, вроде бы, не обоснованный арест Всеволода Николаевича при Хрущеве, состоявшийся после смерти Сталина и ликвидации Берии, — с последующим смертным приговором ему?

После войны, всеми подобными делами вновь заведовал Абакумов. Тот, тоже сложил свою голову на хрущевской плахе. Уверяют, что в 1954 году, но это маловероятно. И какова была дальнейшая судьба Леонида Хрущева — тайна! Думаю, что его ожидала участь Михаила Кагановича. Потому что о сыне Хрущева, туман еще плотней, чем о старшем брате Лазаря. Главное, неизвестно, во всяком случае, мне, когда же было это заседание Политбюро? Ведь **В.Удалов** ссылается на него, но дату не приводит. Может приведенные данные этого заседания очередная фальшивка, чтобы опять направить исследователей по ложному пути, якобы, “мести” Хрущева?

Хочу напомнить, что 12 июня 1943 года главком ВВС Новиков наградил сына Хрущева орденом Отечественной войны первой степени. Если Леонида Хрущева приговорили бы к расстрелу, то по закону его лишили бы государственной награды, автоматически, как изменника Родины. А вот если ему дали тюремный срок или, что самое интересное — он, длительное время находился под следствием, то, что стало бы с его орденом? Он (орден), вполне возможно, подлежал бы конфискации, как на период следствия, так и при отбытии заключения. Но по завершению того или другого, должен был быть возвращен владельцу. Конечно, смотря, какое решение вынес бы суд? Но, что мы видим?

Сын Леонида Хрущева, **Юрий Леонидович Хрущев** вспоминал, что “...это был единственный орден, который имело право хранить семья. И этот орден, которым был награжден отец, его вручили Никите Сергеевичу. И уже после смерти Никиты Сергеевича, Нина Петровна этот орден отдала мне, сказала: “Пускай будет у тебя”.

Как жаль, что уходят из жизни важные свидетели прошедших событий. Юрий Леонидович Хрущев умер совсем недавно, в 2003 году в больнице при проведении операции на сердце.

Но мы еще не закончили о Леониде Хрущеве, его отце. Есть ссылка на свидетельство писателя Ивана Стаднюка (он нам уже приводил важные показания), что комиссия по реабилитации жертв сталинских репрессий под председательством Н.Шверника, пыталась польстить “дорогому Никите Сергеевичу” и обратилась в Военную коллегия Верховного Суда СССР с предложением пересмотреть дело летчика Леонида Хрущева. Речь шла о том, чтобы снять с него, якобы, необоснованное обвинение. И что же ответила Военная коллегия достопочтимой комиссии?

Я же говорил, какой красивый “реабилитанс” можно было бы сделать из расстрела Леонида Хрущева? Однако надеждам творцов из комиссии Шверника не суждено было сбыться. Представьте себе, что Военная коллегия не захотела дуть в одну дуду с данной комиссией по поводу Леонида. Она, видите ли, “не нашла возможным снять с него судимость”. Как вам это нравится? Военная коллегия, что? — побоялась, разумеется, по указке сверху самого Хрущева, обнародовать сам факт наказания или, все же, расстрелом там и не пахло, так как не было

никакой судимости, по причине того, что Леонид находился под следствием? Отсюда, видимо, и вытекает отписка Военной коллегии: как же можно снять судимость, если ее нет? Хрущеву было выгодно представить дело именно так, как его сейчас и трактуют: Сталин приказал расстрелять Леонида Хрущева. Кроме того, не указывая или скрывая, мотивы наказания. Значит, факт награждения Леонида Хрущева орденом остался за рамками судебного решения. И хотя его перелет к немцам не оспорим, до суда дело, как видите, не дошло. Причина может быть банальной — **смерть подследственного**. Не хуже, чем в истории Михаила Кагановича — все концы в воду.

Работая над этой темой, наткнулся на интересный факт: в книге “Воспоминания” Н.С.Хрущева помещена фотография его сына с надписью: “Леонид Никитич Хрущев, летчик, **погиб в боях за Родину**”. Держу в руках более позднее, 2007 года, издание данных мемуаров Хрущева. Под интересующей нас фотографией, видимо, отредактированные данные: “Сын от первого брака Леонид, **погиб в 1943 г. в воздушном бою**”.

Во-первых, убрали слова “в боях за Родину”, заменив нейтральными “погиб в воздушном бою”. Чтобы не было, видимо, двоякого толкования, за какую именно Родину погиб и, ограничив его героизм одним боем? К тому же семья Сергея Никитича Хрущева давно сменила Родину на Америку. Через двадцать лет книгу о Леониде Хрущеве в Германии можно спокойно издавать под рубрикой “Герои Третьего рейха”. Пойми, в каком бою и с кем, погиб герой книги? Во-вторых, сократили срок проживания на “белом свете”, ограничив 1943 годом? Почему? Ведь, расстрела-то, не было. В-третьих, убрали отцовство. Согласитесь, что Леонид, звучит менее полномерно, чем Леонид Никитич Хрущев? Все это можно понимать так, что наследники, и по сей день, стоят на страже интересов “дорогого Никиты Сергеевича” отца и деда, поэтому и следят за подвигами в прессе.

Кому же, по мысли тех, кто придерживается версии “мести Хрущева”, сильно “насолил” впоследствии Никита Сергеевич? Список довольно солидный. Сам Сталин, в первую очередь, за ним остальные: Берия, Абакумов, Судоплатов и т. д. При внимательном изучении списка, версия мести рассыпается ввиду ее несостоятельности. Мечь к людям вынесшим, якобы, необоснованно-жестокий, с точки зрения Хрущева, приговор его сыну, должна была носить форму смертельного исхода, по отношению к намеченным жертвам. Но почему-то она, мечь, приняла странной избирательный характер? Кроме того, мера Хрущевского наказания балансировала в довольно размытых границах установленных пределов. Одни официальные лица были, действительно, подвержены смерти, другие — суровому наказанию, третьи — всего на всего, лишились только насиженных мест в правительстве. А например, Анастасу Ивановичу Микояну, входящему в состав того Политбюро, якобы, вынесшего смертный приговор, Хрущев не повредил, видимо, даже, прическу. Также вызывает удивление, почему согласно версии о мести, ряд лиц, как бы остались без внимания Хрущева, но настигшая их скорая смерть носила, явно, загадочный характер? Я имею в виду руководителя службы госбезопасности Меркулова, председателя Военной коллегии Ульриха и начальника ГлавПУРа Красной Армии Щербакова. Кроме того, вызывает удивление, когда в качестве жертвы мести упомянут, сын Сталина — Василий? Он то, с какой стати? Разве, Василий входил в состав Политбюро или в состав Военной коллегии?

Значит, видимо, было за что! Василий Сталин, скорее всего, был свидетелем по делу смерти отца, поэтому и был обречен на забвение и скорую смерть от рук хрущевцев.

А ведь это историческое лицо стоит того, чтобы ему уделить немного места в нашем исследовании. Он, ведь, косвенно, тоже имеет отношение к нашему делу.

Придется, снова вернуться к книге **Станислава Грибанова**. А то, в названии упоминается имя Василия Сталина, а мы говорили, только о Леониде Хрущеве. Надо исправить, это досадное упущение.

“О боеспособности своего 32-го истребительного полка Василий Сталин, вчерашний инспектор, вполне мог судить с первых дней работы. Враг не ждал. Воевать надо было, и полк включился в боевые действия сначала на Великолукском направлении, а с 10 февраля на Демянском плацдарме, куда были брошены все части дивизии. Здесь немцы сосредоточили большие силы и вклинились в нашу оборону. С аэродрома Заборовье и началась боевая работа 32-го гвардейского авиаполка...

Напряженность боевой работы все нарастала. В начале марта Василий вылетал на задания почти ежедневно, иной раз делал по три-четыре боевых вылета в день. Об этом рассказывают штабные документы и те же полетдонесения.

...26 февраля Сталин вылетал на задание с Ореховым и был тогда ведущим пары... В тот же день Василий летал со Степаном Микояном — и опять ведущим. А Степан-то совсем молодой пилот... Были боевые вылеты командира истребительного авиаполка Сталина в паре с Власовым, Луцким, Якимовым. А то уходил на задание вообще один. Например, 8 марта, 9 марта 1943 года”.

В заключительном абзаце нарушена хронология изложения, но это автор книги дает отповедь тем лицам, которые сомневались в боевом участии сына вождя. По их мнению, Василий Сталин не летал, а “отирался” при штабе авиаполка. Обратите внимание, что мелькнуло знакомое имя — Степан Микоян. Повезло сыну Анастаса Ивановича, что попал под надежное крыло Василия Иосифовича. Или знал отец Степана, куда надежнее отправить сына после Куйбышевских гулянок с Леонидом Хрущевым? Если бы Василий был сродни сыну Никиты Сергеевича, разве могли ему доверить авиаполк? Любое начальство, и авиационное, в том числе, не враг себе, чтобы авиаполком командовал, какой-нибудь, пусть и Кремлевский, но шалопаи! Отвечать-то, в любом случае придется ему, начальству.

Воспоминание боевого друга Василия, Героя Советского Союза Сергея Федоровича Долгушина о своем командире авиаполка: “Мы его уважали, любили и даже немного гордились, что нами командует Сталин”.

А вот донесение замполита полка майора Стельмашука от **9 марта 1943 года** дивизионному начальству.

“С 1 по 7 марта было сделано на сопровождение самолетов Ил-2 в район цели, а так же прикрытие своих войск 227 боевых вылетов, проведено 10 групповых воздушных боев. Сбито **20** самолетов противника, из них ФВ-190 — 8 самолетов, Ме -109 — 12 самолетов... Один самолет ФВ-190 сбит лично гв. полковником Сталиным”.

Между прочим, полк В.Сталина воевал рядом с Западным фронтом, где находился Л.Хрущев, — то на Брянском, то на Калининском, — фронтах. Приближаемся к знаковой дате.

11 марта 1943 года Василия Сталина наградили орденом Александра Невского. Вот такие разные судьбы детей Кремлевской элиты. Один получает заслуженную награду от Родины, другой, в данный момент, ее предает. Но это еще не вся “интересная” история о тех мартовских военных днях. Уже знакомый нам замполит полка майор Стельмашук пишет докладную, в которой мы воочию увидим звериный оскал врагов Советской власти и Сталина.

“2 марта 1943 г. во время осмотра самолета Як-9, принадлежащего командиру 32-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии **полковнику Сталину В.И.** (техник самолета — старший техник-лейтенант Поваренкин), обнаружено в соединении первой тяги от хвоста рулей глубины **воткнутое техническое шило, которое заклинивало управление самолета.**

Предварительным расследованием выяснилось, что самолет последний полет имел 26.2.43 г. (в феврале 1943 года было 28 дней. — В.М.), с тех пор на нем производилась работа по проверке

шасси и съёмка бензобаков... Считаю: совершен акт с диверсионной целью. Необходимо немедленно: для личной охраны гвардии полковника Сталина, штаба полка и самолетов **Сталина** и капитана **Микояна** прикомандировать к полку 2-го отделения по 10 человек автоматчиков из внутренних войск НКВД”.

Как видите, Степан Микоян уже новую звездочку на погоны получил. Думаю, что не за красивые армянские глаза капитана дали. Хорошо, надо полагать, жал на гашетку. Это все же лучше, чем девочку в охапку, и грузить в машину. По-поводу бензобаков. Надо полагать, меняли баки не для того, чтобы установить “новые из нержавеющей стали”? Предыдущие, видимо, были все в дырах от прошедших воздушных боев? А с авиационным бензином шутки плохи.

Теперь по поводу самого Василия Сталина. Вы поняли, что это был ядовитый укус хрущевцев, устроивших данную диверсию? Трагедия заключалась в том, что если бы В.Сталин поднялся бы в воздух и обнаружил дефект, то он не только не смог бы посадить самолет, но и не смог бы покинуть его. Во время войны Василий Сталин совершил акт гражданского мужества! Чтобы **не запятнать свою честь**, как сына вождя — **пленом**, и тем самым не бросить тень на своего отца, как Главнокомандующего Красной Армии, он принял ответственное решение. Ведь, уже гуляла немецкая байка о том, что старший сын Сталина — Яков, якобы, находится у них в плену и сотрудничает с ними. Читаем у Ю.Мухина “Асы и пропаганда”:

“Поэтому,... было совершенно недопустимо, чтобы и Василий попал в плен. Неужели Василий этого не понимал? Понимал.

И поэтому **Василий Сталин боевые вылеты делал без парашюта!** В случае если его подобьют, он не оставлял себе никаких шансов остаться в живых. И этот факт никогда и нигде не публиковался!”

Недаром, говорится, что враг коварен. Враг был рядом и точно знал, что Василий летает без парашюта. Отсюда, видимо, и воткнутое в соединение тяги “техническое шило”. Тихо и без взрыва можно было отправить на тот свет сына Сталина. И это планировалось в преддверии Курской битвы. Значит, получалось бы, что один сын члена Политбюро (может все же с документами?) перелетает к немцам, а другого “убирают”, чтобы побольнее ударить по Сталину? Все-таки, какие мерзавцы, эта самая “пятая колонна”!

Но, по Василию Сталину необходимо сказать еще немного. Предвижу колкости оппонентов по “рыбалке”, где с сыном Сталина произошла неприятность. Поясню суть данного дела и дам соответствующий комментарий. Группа летчиков из авиаполка, вместе с командиром Василием Сталиным получила возможность отдохнуть несколько дней от войны, так как шло переформирование полка. Решили расслабиться на природе, у реки, где занялись глушением рыбы. Трагедия произошла из-за взрыва, то ли гранаты, то ли самодельного взрывного устройства, в руках одного из участников. Были жертвы и ранения, в том числе и самого Василия. Сталин-отец строго наказал сына, отстранив от командования полком. Резолюция была грозной и её до сих пор ставят в укор сыну вождя.

Я, лично, не стал бы так сгущать краски в этой истории. Не произойди этот нелепый случай на “рыбалке”, практически нечего было бы поставить в вину боевому офицеру Василию Сталину на войне. Кроме того, он сам оказался жертвой в этой истории, получив осколочное ранение в ногу. Что боевые офицеры-летчики, молодые парни, не заслужили несколько часов отдыха у реки весенним днем? Они что? притащили к себе в компанию своих ППЖ, как это делали их старшие товарищи командиры с большими звездами на погонах? Так за что же, все время мусолят эту трагическую историю с неудавшимся глушением рыбы и ёрничают по адресу Василия Сталина связи с отстранением от должности? Не проявляется ли в этом, своеобразная месть хрущевцев? Хоть так-то, мазануть черной краской в отместку, боевого офицера, сына Сталина.

Вот выше, упоминали отца Леонида Хрущева. Горевал, говорят Никита Сергеевич, по своему старшему сыну. Почему же отказано в этом Сталину, у которого погиб старший сын Яков. Многие ли поверили в немецкую фальшивку о пленении Якова Джугашвили? Всего-то, одна единственная “приличная” фотография и была у немцев, которую сподобились воткнуть в листовку-фальшивку. Видимо или фотопленка у геббельсят кончилась, или химреактивы подвели, или Яков, рожи корчил перед фотокамерой, чтобы снимки не получились? Эта размытая фотография и есть, весь тощий “улов”, якобы, по “пленению” старшего сына вождя.

Да и дело Василия Сталина, в отличии о Леонида Хрущева, не разбирали на закрытом заседании Политбюро о предательстве по отношению к своей Родине. Неужели Сталин, как отец, не воспользовался этой трагической ситуацией на “рыбалке”, чтобы, хоть на время, побережь своего младшего сына Василия от войны? Знал же, ведь, что сын летал без парашюта. А совокупи с докладной о диверсии с самолетом, все легло в копилку отцовской заботы о сыне. Мог бы, в конце концов, отправить сына служить, на безопасный в то время, Дальний Восток. Однако же не сделал этого. Стало поспокойнее в небе, в сорок четвертом (если, можно такое сказать о войне), и вернул сына в действующую армию. А ведь, кругом были враги: как с той стороны фронта, так и с этой.

А с аналогом, такой же, “тихой” авиакатастрофой, мы еще раз столкнемся в следующей части данной главы.

Часть четвертая. Гибель Уманского

Читатель вправе задать вопрос об Уманском. Что там случилось с ним в Мексике?

На разгром “Четвертой империи”, по Уманскому был нанесен ответный удар. Как нам пояснял А.Терехов:

“25 января самолет с Константином Уманским, сорока трех лет, взорвался на взлете, направляясь в Коста-Рику... Мексиканский военный самолет перенес их в царство Плутона раньше, чем в несчастную Коста-Рику, которую Уманский рассматривал как отдушину русской разведки”.

Здорово “ломать” голову по поводу катастрофы самолета, на котором полетел Уманский, не приходится. Почему полетел рано утром, еще затемно? В условиях разряженного высокогорья, вылет, желательно производить в ночное время суток, когда воздух более плотный, чем днем. Как устроить катастрофу самолета, без применения взрывчатых веществ? Одно из основных факторов успеха — это расцентровка самолета, т. е. неправильное распределение груза.

В показаниях: “самолет взлетел в Коста-Рику примерно в пять тридцать и взорвался через четыре минуты, развалившись на две части. Взлет происходил сразу за другим самолетом... Пробеги как в учебнике пилотирования — на две трети полосы. Погасли сигнальные огни на крыльях, что происходит при отрыве от земли, пилот убрал шасси. Эксперты считают: набранная скорость составила сто сорок четыре километра в час, высота восемь-десять метров. Полет продолжался полминуты”.

Самое страшное для устойчивости самолета тогда, когда груз находящийся в нем, не закреплен, и может переместиться во время полета, особенно, при взлете или посадке. Это перемещение груза, может сильно повлиять на изменение угла подъема самолета, что в свою очередь, приведет к срыву воздушного потока на крыле, и, как следствие, к резкому снижению подъемной силы. А там и рукой подать до катастрофы.

Представим, что на борту самолета, на котором полетит Уманский, находится груз, который может легко переместиться вдоль фюзеляжа. “Кто-то видел, что в самолет поднимались подозрительные лица и грузили ящики в хвостовую часть”. Самое “лучшее” для аварии — слегка закрепленные металлические бочки, например, с горючим или чем-нибудь другим, прикрытые для маскировки

брезентом. Что происходит при начале движения самолета: “Пробег как в учебнике пилотирования — на две трети полосы”, т. е. все по правилам. Затем, груз начинает перемещаться назад (бочки покатались), в хвост самолета, так как его нос начинает задираться при начале взлета и наличии подъемной силы на крыле. Далее: “Погасли сигнальные огни на крыльях, что происходит при отрыве от земли, пилот убрал шасси”. Все! Это наступил критический момент. Шасси убрались под фюзеляж, и неустойчивое равновесие перешагнуло свой критический порог. Бочки собрались в кучу в хвосте и он, вдруг, резко проседает, а угол подъема, в ответ на это, резко возрастает. Происходит, как говорилось выше, срыв с крыла воздушного потока. Подъемная сила, вместе с самолетом, резко падает. Звучит финальный свисток. Полет окончен.

Нам подсовывают официальное заключение министерства обороны страны, которое проводило расследование: “ошибочный расчет в пилотировании. Видимо, пилот решил уменьшить угол подъема для быстроты набора скорости и в темноте потерял ориентацию”.

Только что, перед “нашим” самолетом, взлетел предыдущий. Его пилот, на удивление, “в темноте”, не “потерял ориентировку”.

Но, и “наш” летчик действовал абсолютно правильно, в условиях высокогорья, и начал набор высоты с малым углом подъема, чтобы не сорвать с крыла поток, и так, разряженного воздуха. К самолету, на удивление, претензий нет:

“Накануне самолет испытывали на земле и в воздухе летчиком Кероном — у него большой опыт ночных полетов и полетов вслепую, общий налет 3755 часов, ни одного взыскания”.

О летчике, мы высказали свое мнение, а вот о самолете, пока никакой конкретики. Значит, заключение “липа”? В акте следственной комиссии основной акцент сделан, как сейчас модно говорить, на человеческий фактор. Видимо, чтобы меньше внимания было уделено самому самолету. Понимать их надо так, что если, дескать, шасси убрано, значит, самолет был в полном порядке, коли полетел. А уж, что там с ним произошло в полете, это уже проблема летчика: “потерял ориентацию”. Прозвучало, словно на железнодорожном транспорте все произошло — поехал не по тем рельсам.

Следует обратить внимание, еще вот на что? “Также сбиты и повалены несколько столбов ограды. На земле, внутри аэродромного ограждения найдены следы лопастей винта — метров семьдесят примерно самолет ковырял землю одним винтом, а потом небольшое расстояние — другим... По расстоянию между метками установлено, что мотор работал в полную мощность. Следы продолжились опять в ста шестидесяти метрах за оградой и найдены на протяжении девяноста трех метров — там самолет загорелся и взорвался. Установлено: при падении самолет разорвало пополам в районе грузового отсека. Баки с горючим правого крыла разорвало, бензин вытек, воспламенился, пламя охватило левое крыло, и баки левого крыла взорвались”.

Это все надо понимать так, что шасси, все-таки, еще не успели убрать, когда самолет “клюнул” носом и свалился на землю. Не мог же он “проползти на брюхе” такое большое расстояние? Взлетная полоса уже закончилась, и самолет “заковылял” по пустоши, которая всегда сопутствует аэродромам, с немалой скоростью и для автомобиля, — сто сорок четыре километра в час. Рельеф местности, как правило, разительно отличается от взлетной полосы, поэтому самолет мотнуло, сначала в одну сторону, затем, в другую. Отсюда и следы от ударов лопастей о землю. Метраж “земляных работ”, впечатляет. Самолет был обречен на гибель, так как топливные баки всегда полны при взлете и малейшая утечка легковоспламеняющегося авиационного бензина, плюс искра от любого удара, приводит к грандиозному пожару, что подтверждается материалами следственной комиссии. К тому же самолет, как правило, разламывается от чрезмерных деформаций фюзеляжа и крыльев, что еще больше способствует распространению пожара от разливающегося бензина.

Есть еще один фактор, который мог привести к катастрофе самолета, это выход из строя одного из элементов крыла — щитка-закрылка. Если посмотреть на профиль крыла, то его подвижная задняя часть, проходящая вдоль крыла, и есть данный элемент. Назначение: изменяя профиль крыла, регулирует подъемную силу. Воздушный поток, обтекая крыло, ввиду различия профилей верхней и нижней плоскости создает на них разницу давлений воздуха. На нижней — больше, а на верхней плоскости крыла, соответственно, меньше. В результате образуется подъемная сила, которая и поднимает самолет в воздух и удерживает его в полете. Если с этим (или этими) щитком-закрылком, что-либо произойдет: жди беды. Предлагаю читателю ознакомиться с эпизодом, описанным в книге Игоря Шелеста “Лечу за мечтой”, где присутствует наш “злополучный” элемент:

“...При испытании одного из опытных реактивных истребителей Семена Алексеевича Лавочкина, кажется, это был ЛА-15, у Ивана Евграфовича Федорова (летчик-испытатель. — В.М.) произошел такой феноменальный случай. Федоров планировал на посадку. Вдруг наблюдавшие со старта заметили, как истребитель стал быстро крениться. Больше, больше... “Конец!” — обожгла всех мысль, когда самолет и вовсе перевернулся на спину...

Но нет. Будто подхваченный горизонтальным смерчем, истребитель вертанул крылом еще резче и вышел в нормальное положение. Под ним оказалась бетонная полоса, и секундами позже он покатился по ней, как ни в чем не бывало. Захотелось протереть глаза: “Было, не было?” Но, переглянувшись, люди поняли: “Да, было!”. Сперва никто не мог отделаться от мысли, что Женя-Ваня, как называли тогда Ивана Евграфовича товарищи, отчубучил на планировании перед самой посадкой непростительно дерзкий номер — бочку. Но выяснилось совсем иное. Он только нажал на рычаг выпуска закрылков-щитков, как тут же почувствовал: самолет резко устремился в крен. Федоров — отличнейший мастер высшего пилотажа, можно сказать, “воздушный акробат”, не воспрепятствовал машине, уловив сразу же, что это не в его силах, а скорей рефлекторно помог ей без зарывания носа к земле закончить полный оборот.

Пока самолет “доворачивался” к нормальному положению, Иван Евграфович успел догадаться, что во всем виноват щиток-закрылок, и быстро перевел кран в исходное положение. Самолет тут же прекратил вращение.

Все это Федоровым было выполнено поразительно точно. И оказалось единственно правильным действием.

Когда самолет обрел послушность, летчик сосредоточился на посадке и выполнил ее по своему обыкновению очень хорошо. Он подрулил на стоянку, и устремившиеся к нему люди немного подивились, что Женя-Ваня выпрыгнул из кабины, как обычно, в своем веселом расположении духа. Правда, потом он дал себе волю и, смеясь, бранил подлый щиток-закрылок, говоря механикам: “Не будь я Женей-Ваней, из-за подлейшего, факта, сыграл бы в ящик!”

Механик забрался в кабину и повернул кран щитков на выпуск. Под правым крылом щиток-закрылок выпустился на весь угол, под левым — не шелохнулся. Техник поддел щиток отверткой, тот выпал и повис на петлях. Ушко тяги управления закрылком было сломано.

Мы поздравляли от души в тот день нашего Женю-Ваню. С везением?... Нет, с умением... За время испытаний упомянутого самолета Женя-Ваня, что называется, вжился в него, всем существом улавливал малейшие его настроения. Вот почему и “кульбит” этот, и последовавшая за ним посадка, казалось, выполнены были с точностью электронного робота. Но мы-то ведь знали: в кабине был наш товарищ с душой и сердцем, отнюдь не робот!

И вот что еще важно. Летчик доставил на землю неоспоримые доказательства едва не состоявшейся катастрофы и предотвратил в дальнейшем возможные неприятности из-за поломки этого ушка тяги”.

Как читатель понял из случившегося, дефект ушка тяги управления щитка-закрылка, едва не привел к катастрофе самолета. И лишь благодаря мастерству летчика-испытателя полет закончился благополучно.

А могло ли подобное произойти в нашей истории? То есть, можем ли мы предполагать рукотворный характер, например, дефекта ушка? Очень даже возможно.

“Кто-то видел, что в самолет поднимались подозрительные лица и грузили ящики в хвостовую часть”.

Конечно, груз мог быть виновником катастрофы, но, как правило, в обязанности второго пилота входит осмотр распределения и крепления груза в самолете. Не думаю, что он является врагом своего здоровья и ему безразлично его собственная судьба. Это что касается выполнения его обязанностей. А вот осмотр самолета лежит на совести механика, и действительно,

“на борту дежурили два аэродромных механика, по очереди, сменяя друг друга каждые два часа”.

То есть, было вроде бы, и кому самолет осмотреть, и кому посторожить от проникновения в него посторонних лиц. Тем не менее, механик — это, все же, не второй пилот. Он, ко всему прочему, остается на земле. Вполне возможно, что за время подготовки к новому полету, некая “тварь”, из семейства “мышиных”, смогла проникнуть в самолет и надгрызть либо ушко тяги, либо регулировочный винт тяги, либо штангу тяги управления щитком-закрылком. Любой из этих элементов одинаково важен для управления. У подобных “грызунов” есть острые, как металлическая пила, зубы, способные легко сделать надпил на стальных деталях тяг. Никаких нарушений систем управления самолетом, обслуживающим персоналом аэропорта, упомянутыми выше механиками, замечено не было. Да, и какие к ним могут быть претензии? Сколько лет все летали нормально, и никаких аварий не было. Почему в этот раз что-то должно произойти? Кроме того, эта “тварь” из семейства “мышиных”, всё постаралась сделать незаметно для глаз проверяющих.

Итак, мы снова рассматриваем взлет самолета С-80 с Константином Уманским на борту. Самолет набрал необходимую скорость на земле, и подъемная сила на крыле подняла его в воздух. Нагрузка на шток-закрылок, в момент подъема, уже достаточно велика и будет увеличиваться при подъеме до максимальных величин. Если из перечисленных выше деталей узла управления поворотом щитка-закрылка, хоть один был приведен в дефектное состояние, то он мог не выдержать данной нагрузки и сломаться. Это в описанном выше случае, все кончилось благополучно, так как это был все же истребитель; управлял им летчик-испытатель; и главное — была высота, столь необходимая для маневра. В нашем случае, ничего из этих факторов спасения, и близко не стояло. Что могло произойти и, скорее всего, произошло? Лопается ушко, регулировочный винт или штанга тяги, что выводит из строя щток-закрылок. Он возвращает профиль крыла в первоначальное состояние, что катастрофически резко снижает подъемную силу на крыле. От этого самолет “клюет” носом вниз и начинает свое последнее “путешествие” за аэродромной пустошью. Как понимает читатель, достаточно вывести из строя одно крыло, чтобы произошла катастрофа. Малой высоты (8-10 метров), вполне достаточно, чтобы самолет при падении превратился в горящие обломки.

И заметьте, без всяких взрывчатых веществ, как видите, спокойно можно отправить пассажиров самолета не по тому адресу. Предполагать, каким другим способом диверсии отправили на тот

свет семью Уманских не вызывает особого желания. Что мы имеем на данный момент — это останки погибших посольских работников в закрытых гробах, вместе с Константином Уманским и его женой Раисой Михайловной, а также молчание об Уманском на многие десятилетия. Для нас главное, попытаться найти связь между нашей “пятой колонной” и данной катастрофой. Если бы Уманский полетел рейсовым самолетом, то могло ли произойти то, что случилось с ним на аэродроме “Бальбуена”? Вполне возможно, что и нет. Почему же тогда Уманский принял предложение президента Мексики? А как он мог его не принять? Эти дипломатические тонкости могут любого подсадить на крючок? К тому же, разве можно определить тот кирпич, и время, когда он упадет тебе на голову? Есть сомнения по поводу посла Коста-Рики, прибывшего на аэродром, но, якобы, отказавшегося, почему-то, лететь вместе с Уманским? Думаете, что “шестерка”, которой поручили проследить, чем закончится дело? Да, но на следующий день все мексиканские газеты, только и говорили об этом происшествии на аэродроме. Тогда, смысл данного контроля? Отказался полететь? Вполне возможно, что это не входило в его планы. Скорее всего, исполнители задуманного, провернули это дело через президента с его самолетом? Не обязательно посвящать первое лицо государства в детали операции. Можно, просто ему “посоветовать”, что неплохо было бы, если советский посол полетел бы в Коста-Рику именно на президентском самолете. Всего-то, нужно президенту произнести пару слов согласно этикету.

Обратите внимание, что стало твориться в столице Мексики после гибели Уманского, с небольшой поправкой, что это все же роман.

“Неизвестные лица” обыскали квартиру посольского завхоза Петра Кирмасова, а через три дня взломали дверь квартиры первого секретаря Гребского; “уличные хулиганы” избивали дипкурьеров, новый посол Капустин сидел тихо и все силы отдал строительству водопровода, гостей советского посольства прямо называли “шпионами ГПУ”, полиция и суды обрушились на мексиканскую компартию; славянский клуб и “Общество друзей СССР” впали в ничтожество, печатались работы Троцкого и откровения перебежчиков под заглавиями “Ночь позади” и “Жизнь и смерть в СССР”, наши испанские выкорыши под руководством американцев месили и выпекали мемуары “Я потерял веру в Москву”, “Люди “сделанные” в Москве”; в месяц в Мексику въезжало до двухсот пятидесяти сотрудников ФБР и ЦРУ, искали подземные ручейки, по которым утекали атомные секреты, — запахло разрывом отношений, советское посольство обходили как лепрозорий даже восточноевропейские дипломаты — всего-то за считанные недели...”.

Если бы западные спецслужбы задались целью “убрать” неудобного советского посла, стали бы они так громко шуметь, после удачно проведенной операции? Зачем навлекать на себя ненужное подозрение и озлоблять противника? Но в данном случае, все происходит, именно, вопреки сложившейся практике. Не является ли все это отвлекающим маневром, спрятать истинных заказчиков убийства? Что это за резкая вспышка шпиономании в Мексике со стороны США? Все-таки, хотя и не достаточно далеко до Аламогордо, что в штате Нью-Мексико, где расположен атомный центр США, но все же, такая “проверка” осуществляется, ведь, не на ее территории. До ядерного взрыва на полигоне еще было целых полгода. К тому же пик, нашей разведывательной активности по добыче “Манхеттенского проекта”, еще не наступил.

И еще немного упрека в адрес американцев, — Уманский летел, все же в противоположную сторону от США.

Почему его не трогали почти два года? А что мы знаем о его ответных действиях? Тоже, ведь, абсолютная тишина. Но, если принять во внимание, что “осиное гнездо” все-таки разворошили, и мальчикам, из элитной школы “надавали подзатыльников”, с последующей дисквалификацией за пределы Московского кольца, то может и Константин Александрович внес, посильную лепту, в это дело? Не думаю, что он сидел, сложа руки в Мексике, у себя в посольском кабинете. Ну, не отдавать же, все лавры, темпераментной Софье Мироновне, бьющейся с завидной решимостью, за “честь” своего любимого сына.

В дальнейшем, действительно, нашему герою Уманскому, не достанется, практически ни строчки внимания. Александр Терехов, в романе, словами одного из героев, отмечает:

“За шестьдесят лет — ни одной публикации лично о нем. В дневниках, мемуарах, письмах, комментариях к письмам — ноль. Ни иностранцы — кого он там сопровождал? Ни Горький на своих обедах. Ни друзья — Маяковский, композитор Р-ов (Шостакович. — В.М.), Евгений Петров. Авангардисты — тоже ноль. И друзья промолчали, тот же Михаил Кольцов, а вроде дружили, как братья. Даже белая эмиграция... **Мог бы Бунин хоть пару едких строк...** А ведь наш клиент — редчайшего обаяния человек. Видный дипломат. Загадочная гибель в цветущем возрасте. Да еще трагическая история красавицы дочери... Как это могло не запомниться?!”

Видимо, те, кто захватил власть в 1953 году, прекрасно знали подоплеку дела на Большом Каменном мосту. Кто же позволит привлекать внимание, к личности Уманского, чью дочь застрелили в 1943-ем, а сам он погиб в авиакатастрофе на другой половине земного шара. Не плохая, получилась бы история о герое нашего времени.

А наши хрущевцы в Москве? Ведь, кто-то же в наркомате иностранных дел из отдела кадров подготовил, по чьему-то предложению, перемещение Константина Уманского сначала в Мексику, а затем и в Коста-Рику? Обратите внимание, что в НКВД обеспокоились авиакатастрофой, коли создали комиссию по расследованию. Значит, отреагировали на случившееся. Не так часто, видимо, гибли посольские люди, в самолетах транспортной авиации? Что же явилось толчком к убийству Уманского? Забытое “дело волчат” или новые обстоятельства? Месть за попытку разглашения секретов кремлевских отпрысков или новая тайна, в которую успел влезть, по характеру своей деятельности, Константин Александрович? Не покажется ли читателю странной, реакция властей после смерти Сталина на деятельность Льва Василевского, находившегося вместе с Уманским:

“По стечению счастливых обстоятельств он **избег расстрела и тюрьмы**: одного из лучших исполнителей Империи всего лишь исключили из партии “за связь с Берией”.

Это надо понимать так, что он не представлял угрозы разоблачения? На счастье Василевского, посчитали, что до Мексики, видимо, не долетел шум выстрелов на Каменном мосту. Однако в органах, более, не задержался. А насчет того, что Константин Александрович “генерал НКВД”, все же вернее, так как “за связь с Берией”, не только, исключали из партии, но и расстреливали.

Обратимся к статье “Дипломат суровой поры” Александра Сизоненко в “Независимой газете” от 12.07.2000 года. Он обстоятельно занимался темой об Уманском, поэтому предоставим ему самому сказать о деятельности Константина Александровича.

“После Вены Уманский почти 10 лет работал корреспондентом ТАСС в Западной Европе. Владея феноменальной памятью, свободно говорил на английском, французском, итальянском. Талантливого журналиста замечает Литвинов и берет его в качестве заведующего отделом печати в НКВД. Нарком не раз поручал Уманскому составлять ответственные документы, потому что потом они легко проходили у Сталина. Впрочем, последний сам знал Уманского: тот не раз переводил беседы хозяина Кремля с иностранными гостями. Во время одной из них — с американским газетным магнатом Роем Говардом — Сталин подарил гостю свою фотографию. “И вам тоже?” — спросил он Уманского. Тот, конечно, согласился. Так у него появилась фотография с надписью “Уманскому. Сталин”, которая всегда стояла на видном месте”.

То, что Уманский лично был знаком со Сталиным, играло немаловажную роль. Мог, по случаю, и черкнуть вождю пару строк о помощи по поводу гибели дочери. Дальше, тоже есть интересный момент.

“В конце 1942 г. были восстановлены дипломатические отношения с Мексикой, где учреждалось первое тогда в Латинской Америке посольство СССР. Выбор пал на Уманского, и, думается, не случайно. Мексика играла одну из ключевых ролей в том регионе, на новый пост нужен был опытный, умный, энергичный дипломат, который, кстати, мог бы сгладить неприятное восприятие Советского Союза, сложившееся в Мексике после убийства там Троцкого. Впрочем, **сначала послом в Мексику назначили другого, почти никому не известного дипломата, но вскоре он подал в отставку**, и последовало назначение Уманского”.

За давность лет, разве можно узнать детали всей этой замены на Уманского? Согласитесь, что в связи с “делом волчат” эта замена выглядит очень подозрительной, о чем и сказано выше. Кроме того, как понимать: “подал в отставку”? Ушел с дипломатической службы, что ли? Если отказался лететь, уже интересно. Видимо, нашлись и причины, посерьезнее ангины? Ведь надо понимать, что ведь, кто-то же подсуетился об отправке, именно Уманского? Еще отрывок из статьи.

“К концу 1944 г. во многом благодаря деятельности Уманского климат советско-мексиканских отношений окончательно приобрел дружественный характер. Обе страны намеревались значительно расширить свои связи уже в послевоенный период, и, видимо, не случайно Сталин дважды в годы войны принимал в Кремле посла Мексики из СССР Кинтанилью. Отношения Уманского с мексиканским руководством носили такой же дружественный характер. Впрочем, не забывали его и в США. Об этом говорит хотя бы такой малоизвестный эпизод: в сентябре 1944 г. в Мехико неожиданно прилетел бывший посол США в СССР Дэвис. Через него Рузвельт счел нужным проинформировать Уманского, с тем чтобы тот довел до сведения Сталина детали встречи в Квебеке Рузвельта с Черчиллем. Запись этой конфиденциальной беседы в тот же день ушла в Москву”.

Все, казалось бы, шло хорошо, Уманский видел скорую победу, мечтал и хотел поехать в Москву. Но в ночь с 25 на 26 января 1945 г. самолет, на котором он направлялся в Коста-Рику для вручения верительных грамот посла по совместительству, сразу после взлета неожиданно рухнул на землю. Погибли все пассажиры, в том числе Уманский и его жена. Словно какой-то рок висел над ними после гибели дочери. Причины этой катастрофы до сих пор не выяснены”.

По тексту мелькнул знакомый нам Д.Дэвис, доверенное лицо президента Рузвельта. Не малая величина был Константин Александрович, коли ему доверялась тайна переписки глав великих государств.

Что касается расширения послевоенных связей с Мексикой, думается, что это конечно хорошо, но шла война и военная тема должна была превалировать в переговорах с послом Кинтанилью.

Всю Вторую мировую войну, о чем писал ранее, Германия испытывала определенные затруднения в нефти и продуктах ее переработки. Потребности, в большей степени, удовлетворялись добычей нефти в Румынии и Венгрии. Но этого, все же, не хватало. Американская нефтяная компания “Стандард ойл” на протяжении всей войны помогала Гитлеру в ликвидации все возрастающего дефицита топлива. Обходя законы США, которые запрещали торговлю с воюющими странами Тройственного союза, компания перенесла свою торговую деятельность в **Мексику**, страны Центральной и Южной Америки. Разумеется, наша разведывательно-диверсионная сеть не оставила без внимания транспортировку нефти в фашистскую Германию. Но там, в Мексике, и кроме нефти, хватало важных грузов перевозимых к немцам, которые следовало “тормозить”. А срыв поставок, видимо входил в задачу К.Уманского, коли он был связан со Львом Василевским, руководителем диверсионной сети. Думаю, что после Испании, тот не забыл навыки данной работы?

Все же для Сталина, представляется, было бы важнее надавить через посла на президента страны, чтобы официально закрыть доступ американской и мексиканской нефти (как и прочих товаров) из данного региона в Германию. Но, не надо забывать, что Мексика, была все-таки “под

боком” у своего грозного соседа США. Интересы американских нефтяных компаний наживающихся на торговле с Германией через Мексику, вполне могли быть причиной вмешиваться в политику соседнего государства. Особенно, острая ситуация с нефтью стала складываться в конце 1944 года, когда сначала от стран-сателлитов отлетела Румыния и зависла, в ожидании худшего, Венгрия. Каждый танкер, не дошедший до адресата, бил “под дых” немецкую экономику. Почему бы интересам немецких агентов и американских спецслужб нефтяных компаний, в отношении Уманского, было бы не совпасть? А если сложить все это с желанием наших гадов-предателей, которые тоже были очень заинтересованы, чтобы отправить Константина Александровича на тот свет, то, понятно, что сумма предпринятых действий утроилась.

Кроме того, нет ли связи с событием, которое произошло в середине января в Венгрии, т. е. до катастрофы Уманского 25 января. Это событие и до сего дня, не дает покоя историкам всех стран. О личности, чей арест состоялся в зоне боевых действий Красной Армии на территории Венгрии, мы поговорим в одной из последующих глав. А напоследок, читателю на раздумье.

В 1955 году, т. е. во времена Хрущева, “за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира” была присуждена международная Сталинская премия “За укрепление мира между народами” — Ласаро Карденасу, бывшему президенту Мексики (1934–1940 гг.). В бытность на посту президента в 1937 году, он лично пригласил в свою страну Льва Троцкого. Так вот, министерство обороны, чья следственная группа проводила расследование катастрофы самолета, в котором полетел Уманский, возглавлял ни кто иной, как упомянутый выше, Ласаро Карденас.

Использую, модную сейчас на телевидении для ряда случаев, текстовую заставку: без комментариев.

Глава 37. О флотах, адмиралах и их делах

Так как, в процессе исследования появляются новые документы, автор вправе внести соответствующие дополнения, в ранее опубликованные материалы. Поэтому в данную главу, по сравнению с предыдущей публикацией, внесены некоторые уточняющие поправки. Это ни в коей мере не удаляет от основной направленности данной публикации. Мазепы из “пятой колонны” как были, так и остаются на своих местах. Просто, более яркими и четкими стали выглядеть. Только и всего!

Часть 1. Как Северный флот встретил войну?

В главе посвященной Черноморскому флоту читатель познакомился с обстановкой в Севастополе, с командующим флотом Ф.С.Октябрьским, с морскими минами лежащими под открытым небом и прочими безобразиями, как всегда сопутствующими предвоенным и первым дням войны. Но давайте перенесемся в, то же, самое время, с юга из Крыма, на север Кольского полуострова в Мурманск, штаб Северного флота во главе с контр-адмиралом А.Г.Головко. Как там, на Севере развивались события по началу войны?

Арсений Григорьевич в книге “Вместе с флотом”, изданной еще в 1958 году (все ли сохранилось в последующих изданиях?), вспоминает:

“Когда было получено официальное сообщение о начале войны, в моем кабинете находились член Военного совета **А. А. Николаев**, начальник штаба флота **С. Г. Кучеров**, начальник управления политической пропаганды **Н. А. Торик**. Не помню, кому пришла мысль спросить о возрасте присутствующих, но выяснилось, что среди нас нет никого старше тридцати пяти лет и ни один из нас не имеет опыта управления флотом в военное время на таком обширном и трудном морском театре. В этот момент — так показалось мне тогда — мы прочли в глазах друг друга невысказанное вслух: по-настоящему осознанное беспокойство за все, что нам было поручено

возглавлять и за что мы с тех пор больше, чем когда-либо, должны были ежечасно, ежеминутно в самых тяжелых условиях держать ответ”.

После всего того, что читатель узнал о начале войны, он должен был бы поинтересоваться у адмирала Головки, что тот имел в виду говоря об официальном сообщении о начале войны? То ли знакомое нам всем выступление Молотова по радио 22 июня, то ли оперативная директива, полученная из Москвы от Главного морского штаба, то ли какую иную бумагу Тимошенко с Жуковым прислали?

Так как этот вопрос был деликатным и в то время, в конце 50-х, то на этом моменте воспоминания автора по времени вдруг прерываются, и начинается рассказ о том, как Арсений Григорьевич попал в командующие Северным флотом. Несколько страниц посвященных его деятельности по прибытии на пост командующего флотом завершают первую главу его книги.

Но наш герой, несмотря на все препоны военно-партийной цензуры, пытается все-таки довести до читателя сведения о том, как в действительности встретил врага наш Северный флот. Насколько ему это удалось, читатель убедится, познакомясь с продолжением воспоминаний прославленного флотоводца. Как всегда мы поправим и дополним по тексту представленные мемуары, сравним, к тому же, поведение командующих Черноморского и Северного флотов.

Разумеется, автор испытывает определенную симпатию к своему герою. И естественно, хочется верить в искренность его рассказа, но суровая действительность, в лице упомянутой цензуры, затрудняет проявление этих чувств. Если по первым публикациям, порою, где-то и бывал снисходительным к написанному Арсением Григорьевичем, то, в последующем, чем больше раскрывались проделки наших Мазеп, тем более жесткие требования пришлось предъявлять к тексту Головки. Ведь его книга с дополнениями издавалась, и после смерти адмирала. Поэтому пришлось по необходимости часть воспоминаний флотоводца еще более внимательно пересмотреть, особенно по части боевой подготовки флота к войне.

“Популярная всюду в нашей стране песня “Если завтра война” отзвучала на Севере уже **17 июня 1941 года**, за пять суток до официального сообщения о нападении гитлеровцев. Именно в тот день всем на флоте стало ясно, что война из растяжимого понятия “завтра” переходит в область конкретного “сегодня”. В тот же день всем стало ясно еще одно: мы не зря торопились с боевой подготовкой; не зря отработывали многое, что приучало людей быть собранными, бдительными в любой момент. В частности, не зря воспользовались возможностью, которую предоставили условия перевода всего флота из **одной оперативной готовности в другую**”.

Арсений Григорьевич делает второй заход, чтобы снова подвести читателя к тем трагическим дням начала войны. Обратите внимание на дату: 17 июня. Значит, и на флота ушла Директива из Комитета Оборона при СНК, о приведении наших морских вооруженных сил в полную боевую готовность. Снова Головка ссылается на официальное сообщение, но сказать, откуда и от кого, именно, получил сообщение — не может. В то время, имя Сталина было — табу. Да и об известных нам теперь Главных направлениях, что тогда, что теперь, никто, особо не распространялся.

“Дело в том, что на всех флотах к весне 1941 года была введена система разных степеней оперативной готовности, очень продуманная и досконально разработанная. Каждая степень (всех насчитывалось **три**) предусматривала свои мероприятия, которые обеспечивали готовность той или иной части боевых сил флота к немедленным действиям. Такая система сыграла весьма положительную роль в боевой подготовке: она приучила командиров и личный состав обходиться без дополнительных распоряжений и приказов, всегда отнимающих лишнее и всегда драгоценное время. Короче говоря, система оперативных готовностей была подобна автоматическому переключению, предусматривавшему в конечном счете комплекс определенных действий всего флота.

Вот почему и не захватили нас врасплох действия гитлеровцев. Тем более что у себя на флоте мы напряженно присматривались к обстановке по ту сторону границы: и в море и на берегу. Особенно с тех пор, когда немецко-фашистские войска с помощью предателя Квислинга и его сообщников вторглись в Норвегию, оккупировали ее и захватили северные порты этой страны — Варде, Вадсе и Киркенес, расположенные в непосредственной близости к нашему Заполярью”.

Как видите, Арсений Григорьевич не обошел молчанием “пятую колонну” предателей в Норвегии. Местный Квислинг со товарищами неплохо помогли немецким фашистам с меньшими потерями захватить страну. Это же было их прямое предназначение.

Кстати, адмирал Головкин пытался рассказать нам о степенях боевой готовности на советском флоте, но бдительная цензура военных ведомств не позволила автору развить эту тему. Быстрый переход из одной боевой готовности в другую, это конечно, хорошо, особенно, когда речь идет в сторону повышения мощи обороняющейся стороны. Но может быть и другая сторона дела. Это когда наивысшая боевая готовность флота сходит по нисходящей линии на прежний уровень. А правильнее сказать — когда сверху приказывают это сделать. В этом и заключалась трагедия 1941 года начала войны.

Арсений Григорьевич, как мог, пояснил, что от тревожно развивающихся событий на германско-советской границе менялась и степень оперативной готовности вверенного ему флота. Но нам теперь известно, что такое положение дел было характерным не только для Северного флота, но, и всех остальных, как Балтийского, так и Черноморского флотов. К тому же оперативная готовность менялась, как в сторону ее повышения, так и возвращалась на прежние позиции.

Интересно, конечно узнать, а как военная советская энциклопедия, трактует такое понятие, как боевая готовность? Ознакомьтесь с этим шедевром военной мысли энциклопедистов в погонах.

“Боевая готовность, состояние, определяющее степень подготовленности войск к выполнению возложенных на них боевых задач.

Боевая готовность предполагает определенную укомплектованность соединений, частей, кораблей и подразделений личным составом, вооружением и боевой техникой; наличие необходимых запасов материальных средств; содержание в исправном и готовом к применению состоянии оружия и боевой техники; высокую боевую и политическую подготовку войск (сил), прежде всего полевую, морскую и воздушную выучку личного состава; боевую слаженность соединений, частей, подразделений; необходимую подготовку командных кадров и штабов; твердую дисциплину и организованность личного состава войск и флота, а также бдительное несение боевого дежурства”.

Написано таким унылым языком, словно заповедь на скрижали. Не из архивов ли царского Морского ведомства позаимствовали? Может поэтому при Николае, и потерпели поражение при Цусиме? Да и в Первую мировую особых побед на море не снискали.

Конечно, эти записи не тех, прошедших предвоенных лет, а уже семидесятых годов, но дух формализма и казенщины ощущается в полной мере. И как же в послевоенное советское время звучал вопрос о степени боевой готовности в армии и на флоте? Для военной бюрократии нет проблем: слова есть — напишем.

“Степень боевой готовности войск в мирное время должна обеспечивать их своевременное развертывание и вступление в войну, успешное отражение внезапного нападения противника и нанесение по нему мощных ударов”.

Почти по Г.Жукову. Если в то, предвоенное время, сразу предлагалось окружить противника, то есть немцев — в Польше, и уничтожить без промедления, то в советское послевоенное время, что

собирались делать после мощных ударов по потенциальному противнику, которым являлось НАТО?

Кстати, никто не возражает, **что** боевая готовность “должна”, вопрос лишь требует конкретики, **что это такое** “степень боевой готовности”?

“С нарастанием угрозы войны степень боевой готовности повышается путем увеличения количества войск (сил), способных немедленно начать военные действия, а также сокращения времени, необходимого для подготовки остальных войск (сил) к выполнению боевых задач. С началом боевых действий **боевая готовность** определяется способностью к немедленному выполнению поставленных боевых задач”.

Я уже подчеркнул, что написано таким языком, чтобы, видимо, наш потенциальный враг не догадался, как мы собираемся готовиться к отражению внешней агрессии. Противник, ведь, изучает же нашу военную мысль, заключенную в энциклопедическую оболочку. Кстати, читателю, на полном серьезе, предлагается изучить опыт НАТО. Видимо, нам, по понятиям военных верхов, представляется без нужды готовиться к обороне. Только вперед, к Атлантическому океану!

“В вооруженных силах НАТО для поэтапного их проведения в полную боевую готовность установлена система тревог. В соответствии с ней 1-м этапе производится увеличение дежурных сил средств, частичное рассредоточение частей ВВС ВМФ; на 2-м этапе усиливаются группировки вооруженных сил в возможных районах военных действий, формируются новые соединения и части, усиливаются дежурные смены на командных пунктах и узлах связи, уточняются боевые задачи, проводится рассредоточение частей ВВС ВМС, на 3-м этапе осуществляется оперативное развертывание вооруженных сил и приведение их в наивысшую степень боевой готовности.

Боевая готовность каждого вида вооружения имеет свои особенности. Различным может быть и порядок их приведения в разные степени готовности...”.

Видимо, рассуждать о чужой боевой готовности представляется более приятным занятием, чем о своей? Для чего внимание читателя переключают на другие армии мира? О своей боевой подготовке нельзя было писать честно, и открыто. Сразу появятся аналогии с Великой Отечественной войной, и что тогда прикажите делать фальсификаторам военной истории? И так, “затемнили” для широкой читающей публики с приведением наших войск в полную боевую готовность в начальный период войны. Вот и приходится им ссылаться на забугорное НАТО. Дальше, в энциклопедической статье, много написано пустых слов военной терминологии, но приблизиться к пониманию степеней боевой готовности, как и значения, самой боевой готовности, так и не представилось возможным. Все было заменено дежурными словами о неустанной заботе партии о Советских Вооруженных Силах. И как апофеоз, выдержка из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева от 5 июля 1967 года на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий.

“...В **боевой готовности** войск, как в фокусе, сосредоточены огромные усилия и материальные затраты народа на оснащение армии, сознательность, боевая выучка и дисциплина всех военнослужащих, искусство командного состава в управлении войсками и многое другое. Это в конечном итоге, венец боевого мастерства войск в мирное время и ключ к победе на войне”.

Теперь читатель “подкованный” знаниями о боевой готовности НАТО, и воспользовавшись наставлениями Генерального секретаря Центрального Комитета коммунистической партии, познакомится с настоящей подготовкой к войне, проведенной командованием Северного флота. И учтите сложные условия проведения, как природно-климатические, так и военно-политические. Плюс ко всему, подлые дела “пятой колонны” в Москве.

Адмирал Головкин продолжает свой рассказ:

“Нам было известно (по данным разведки и по сведениям, получаемым от беженцев из норвежской области Финмарк), что немецко-фашистское командование непрерывно накапливало свои войска и технику в Северной Норвегии и в пограничных с нами районах Финляндии. В районе Петсамо находились части горнострелкового корпуса (не меньше трех дивизий) под командованием генерал-полковника Дитла, на аэродромах этого района уже было свыше сотни боевых самолетов, а вдоль норвежского и финляндского побережья значительно усилилось движение различных судов. Нам также было известно, что гитлеровцы накапливают в северных норвежских шхерах и фиордах значительные военно-морские силы, что уже создана военно-морская группа “Норд”, что надводные корабли и подводные лодки гитлеровского флота продолжают прибывать в базы, находящиеся неподалеку от советско- норвежско- финляндской границы. Наши береговые посты отмечали в нескольких местах вблизи территориальных вод советского Заполярья перископы подводных лодок. Все убеждало, что фашистский зверь готовился к прыжку в нашу сторону”.

Приятно читать, что командование Северного флота не зря штаны протирало, засиживаясь в штабе. Латинское выражение: кто предупрежден, тот вооружен, в полной мере можно отнести и к Арсению Григорьевичу. Это тем более важно, так как и Северный флот и 14-я армия, прикрывавшая весь Кольский полуостров, значительно уступали (количественно) немецким морским и сухопутным соединениям. Адмирал Головкин и не скрывал этого. Грамотно распорядиться своими скромными ресурсами, вот достоинство военачальника любого ранга.

Он пишет, что “если брать соотношение сил лишь в абсолютных цифрах, по количеству и по оснащённости современными для того периода боевыми средствами, Северный флот и сухопутные войска, расположенные на участке, примыкавшем к государственной границе в районе Кольского полуострова, должны были оказаться в самом невыгодном положении с первого часа военных действий.

Помог нам, как это ни парадоксально, сам противник. Немецко-фашистское командование не отличалось дальновидностью в своих планах. Оно делало ставку на все то, что могло принести успех ему лишь на **первых порах**, — на вероломство, на психологическое воздействие внезапностью удара и на превосходство в силах, хотя бы и временное. Располагая войсками, уже привычными действовать в расчете на такие условия ведения войны — совокупностью этих приемов была оккупирована Европа, — гитлеровцы настолько уверовали в их неотразимость, что перестали соблюдать элементарную осторожность. Они сами же в течение нескольких суток, предшествовавших началу войны, дали нам понять, что нападение совершится если не с часу на час, то со дня на день. А это должно было, в свою очередь, служить предупреждением, что они обязательно попытаются захватить Мурманск — наш единственный в Заполярье незамерзающий порт, который дает выход в океан и вместе с тем связан железнодорожной магистралью со всей страной. Иначе немецко-фашистскому командованию не понадобилось бы сосредоточивать против нас на территории Финляндии свои войска и такую ударную силу, какой является горный корпус “Норвегия”, состоящий из егерских частей, прошедших специальное обучение”.

Товарищ Головкин, чуть ли не возвращает нас в первую главу, где рассматривался вопрос о том, почему Гитлер напал на нашу страну? И Арсений Григорьевич отмечает, что ставка гитлеровцев на Севере была сделана только на кратковременность боевых действий. Полный успех лишь по первым дням войны, как впрочем, и везде.

Немного поясню положение дел на Кольском полуострове. До войны у нас не было общей границы с Норвегией. Наши страны разделяла небольшая полоса финской территории выходившей к Баренцеву морю, чуть западнее полуострова Рыбачий. На этой финской территории, особенно в районе Петсамо, как раз на Мурманском направлении, на данный момент, накапливаются немецкие войска (На норвежской территории, в районе Киркенеса, тоже). С этой территории, также летают и немецкие самолеты с разведывательными целями. Наша сложность заключается в том, что с Финляндией у нас мирный договор, но немцы, находящиеся на ее территории, провоцируют нас на боевые действия, чтобы Финляндия имела повод объявить нам войну. Об этом мы уже вели

речь в одной из глав. Положение сложное, но как говорят, безвыходных ситуаций не бывает. Командующий ВВС Новиков со своими товарищами из Северо-Западного направления, как уже знает читатель, показали один из вариантов ее решения. Головки сдерживается, чтобы не допустить дипломатического конфликта, но на своей земле, мы, все же, хозяева.

Снова возвращаемся к 17 июня 1941 года. Дневниковые записи адмирала Головки.

“... **17 июня 1941 года.** Около четырнадцати часов ко мне в кабинет вбежал запыхавшийся оперативный дежурный.

— Немецкие самолеты! — не доложил, а закричал он.

Первой мыслью было: гитлеровцы бросили свою авиацию для массированного удара по объектам Кольского залива — Мурманску, Полярному, аэродромам...

— Уточните, — сказал я, стараясь сохранить спокойствие и тем самым успокаивая взволнованного дежурного.

Придя в себя, он объяснил, что над бухтой и Полярным только что прошел самолет с фашистскими опознавательными знаками, и на такой высоте, что оперативный дежурный, выглянув из окна своего помещения, увидел даже летчика в кабине. По всем данным, самолет был разведчиком. Малая высота понадобилась ему, несомненно, чтобы сфотографировать гавань Полярного. Он успел беспрепятственно пройти над гаванью, затем над Кольским заливом и над аэродромом в Ваенге.

Моментально все стало ясно — начинается война. Иначе на такое нахальство — пройти над главной базой флота — даже гитлеровцы бы не отважились.

Ни одна батарея не сделала по фашистскому воздушному соглядатаю ни единого выстрела. И самолет благополучно ушел восвояси”.

Смотрите, как военно-политическое руководство Германии уверенное в успехе предпринимаемого ими дела, нагло вело себя на наших границах. А чего стесняться-то? Все идет по их плану. Оборонительные действия противника будут парализованы “нужными” указаниями из Москвы.

Но ведь, Комитет Оборона при СНК своей Директивой привел войска западных округов и флот в состояние полной боевой готовности. Осталось получить сигнал боевой тревоги из Центра и приступить “**к немедленному выполнению поставленных боевых задач**”. Именно таким действием и характеризуется завершающая фаза полной боевой готовности при начале военных действий. Но до этого, оказалось, очень и очень далеко.

Головки, видимо, поначалу руководствовался данной Директивой, пока не последовало новое указание товарищей из Ставки не поддаваться провокациям на границе, то есть, постепенное свертывание полной боевой готовности и дальнейшая ее отмена. Скоро мы с ним, с указанием, столкнемся.

Но прежде, ознакомимся с воспоминаниями адмирала **Амелько Н.Н.** “В интересах флота и государства”. В них, аналогичные события, то есть, связанные с началом войны, происходят на Балтике.

Николай Николаевич рассказывает, что

“о приближении войны мы уже знали довольно точно. **18 июня** я с кораблем и курсантами был в **Таллинне**. Вечером с преподавателем училища, который руководил практикой, капитаном II-го ранга Хайнацким мы были в ресторане “Конвик” что на улице Торговая. Вдруг приходит шифровальщик и шепчет мне, что **пришла шифрограмма из Москвы**, зашифрована моим командирским кодом. Срочно пошел на корабль, достал из сейфа командирский код и расшифровал: **“Флотам боевая готовность**. Всем кораблям немедленно возвратиться в свои базы по месту постоянной дислокации”. Дал команду срочно готовить корабль к выходу. Механик Дмитриев доложил о готовности. Затем старший помощник командира корабля, в свою очередь, получив доклады от командиров боевых частей и боцмана Ветеркова, кстати, прекрасного специалиста сверхсрочника, старше меня по возрасту, доложил: “Корабль к бою и походу готов”. Снялись с якоря и швартов и пошли в **Кронштадт**. Явился к командующему В.Ф. Трибуцу. Он говорит:

— У тебя постоянное место дислокации — **Ленинград**, около училища.

Я доложил, что мне нужно погрузить уголь.

— Хорошо, вставай к угольной стенке, грузи уголь под “завязку” и бань (чисти) котлы.

И добавил:

— Дело пахнет войной, **можешь съездить домой** и распорядиться по семейным вопросам”.

Обратили внимание, как у Амелько, цензура “откусила” степень боевой готовности, о которых говорил нам Головки. Их же, было всего три. Если 18-го июня Николай Николаевич получил срочную шифрограмму, значит, в ней была указана боевая готовность № 1, то есть полная боевая готовность. Он и явился к командующему Трибуцу, а тот, что-то слишком кисло отдал последующее распоряжение.

Дальше, как всегда. Боевая готовность растворяется, как соль в воде.

И дело не в указанном корабле, мы еще с ним встретимся, когда будет вести разговор о гибельном Таллиннском переходе, а в том, что боевая готовность объявлялась и по Балтийскому флоту, о чем упоминает Амелько, но, в дальнейшем, была сведена к нулю. Фактически, вернулись к повседневной. И такое явление было повсеместным, на всех флотах.

Всё, однако, было в руках командующего флотом. Но как себя повести? С одной стороны — честно выполнить свой долг перед Родиной, а с другой — моя хата с краю, ничего не знаю?

Но, ведь, можно было и с потаенной радостью на сердце — наконец-то, в лице Гитлера, дождалось спасителей Отечества от проклятых большевиков! Всяких людей хватало, облаченных в военные кителя со звездами в петлицах.

Вот и товарищ Трибуц дрогнул. Пошел на поводу недругов Советской власти. Неужели проведение на корабле профилактических работ (чистка котлов), соответствует подготовке к немедленному выполнению поставленных боевых задач”? А что же тогда означает отправка командира корабля домой — боевая тревога? Не кажется ли все это четко обозначенной схемой дезорганизации командного состава флота? Случись сигнал боевой тревоги, где прикажите искать командиров кораблей, вместе с товарищем Амелько? У тещи на блинах?

На Балтику мы еще вернемся, а сейчас, снова к событиям на Севере, к Головки. Речь идет, якобы, об указании Сталиным не давать повода противнику для начала войны. Дескать, не стреляйте по немцам. Такая установка была дана хрущевцами всем военным, пишущим воспоминания о

начальном периоде. Да и в сорок первом московское высокое начальство, тоже, давало указание воздержаться от открытия огня по врагу, как бы чего не вышло непредсказуемого, со ссылкой на вождя.

“Поднятые в воздух по моему приказанию дежурные истребители не догнали гитлеровца: скорость его полета намного превышала скорость наших И-15 и И-16. Побывав на батареях, я задавал командирам один и тот же вопрос: почему не стреляли, несмотря на инструкции открывать огонь? Получал один и тот же ответ: не открывали огня из-за боязни что-либо напутать. То есть инструкции инструкциями, а сознание большинства продолжало механически подчиняться общей нацеленности последнего времени: не поддаваться на провокацию, не давать повода к инцидентам, могущим вызвать маломальский конфликт и послужить формальным предлогом для развязывания войны”.

На флоты, как и в приграничные сухопутные части, пришел приказ Наркомата обороны, запрещающий открытие огня по вражеским самолетам. Поэтому И-15 и И-16 не догнали немецкий истребитель-разведчик. Кроме того, неясно, кому подчинялись зенитные батареи? Если они, конечно, не входили в состав военно-морской базы.

Но Головки уверяет читателя, что настоял на том, чтобы служба ПВО шугала немецкие самолеты от Полярного. Хорошо, если так было на самом деле.

Помните, как бездействовала авиация Черноморского флота, когда немецкие самолеты проводили налет на Севастопольскую военно-морскую базу? Почему-то Октябрьский не стал поднимать в воздух истребители, которых было более чем достаточное количество, чтобы отразить налет немецкой авиации, — “не рискнул”, в пользу Отечества.

“Поскольку Северный флот по вопросам сухопутной обороны оперативно подчинен Ленинградскому военному округу, моей обязанностью было немедленно донести туда о происходящем у нас. Так и сделано. Командующий войсками округа генерал-лейтенант **М. М. Попов** находится, кстати, сейчас неподалеку: **проводит учения в районе Кандалакши**. Ответ на мою телеграмму получен незамедлительно, подписан начальником штаба округа: “Не давайте повода противнику, не стреляйте на большой высоте”. Гадаю и никак не возьму в толк, что же это значит. Не стрелять, чтобы гитлеровцы не использовали сам факт стрельбы для конфликта? Или не стрелять, потому что большая высота?

На все **мои запросы** о положении и обстановке ничего определенного **никто не сообщает**. Понять это можно лишь так: извольте сложа руки сидеть у моря и ждать погоды. Нелепо и необъяснимо. Ведь гитлеровцы не сидят сложа руки. Приходится **на свой страх и риск** снова проявлять инициативу. Перевожу флот **своим распоряжением на оперативную готовность № 2**”.

Здесь мы встречаемся с нашими знакомыми по Ленинградскому военному округу. Командующего округом Маркиана Михайловича Попова накануне войны, как видим, отправили на учения (?) в район Кандалакши. Когда же их проводить, как не за несколько дней до войны? Войска будут в хорошей физической форме, как спортсмены перед соревнованиями.

А начальник штаба округа Никишев Дмитрий Николаевич (неупомянутый здесь поименно), помните, как он оставил Новикова в Ленинграде — в данном случае преподносит Головки своеобразный исторический каламбур: “Казнить нельзя помиловать”. Поставьте запятую по своему усмотрению и смысл написанного изменится на противоположный. Арсений Григорьевич, тоже в тупике: получил, оказывается разъяснения от начальства. Хорошо хоть то, что флот был в оперативном подчинении у ленинградцев, только по вопросу сухопутной обороны полуострова, в противном случае не избежать бы нам самых тяжелых последствий в Заполярье.

Как тяжело читать военные мемуары, даже Головки! С трудом приходится постигать написанное автором? Командующий округом находится рядом, под Кандалакшей, но приходится докладывать в Ленинград, чтобы разъяснили существо дела. А, как известно, с Поповым, в поездке, был и член Военного совета округа Н.Н.Клементьев. Интересно, что они, обо всем этом, вскоре скажут Арсению Григорьевичу при личной встрече?

Если Головка берет на себя ответственность и переводит флот “на оперативную готовность № 2”, как пишет в мемуарах, то это надо понимать, что оперативную готовности № 1, указанием от 17 (18) июня, уже свели, как и на Балтике, к нулю. Но понимая ситуацию на границе, Арсений Григорьевич “на свой страх и риск” и пытается поддержать на флоте, хотя бы повышенную боевую готовность. Во всяком случае, это лучше, чем тупо выполнять невразумительное указание московского начальства.

Вот так и служим своему Отечеству, действуя согласно логике развития событий, а не как того требует воинский закон погранный Мазепами из Наркомата обороны.

Как проходил перевод флота на повышенную боевую готовность № 2 с 17 июня Арсений Григорьевич поясняет ниже.

“18 июня. Посты службы наблюдения весь день доносят о так называемых неизвестных самолетах повсюду — от Полярного до Кандалакши. Один из этих самолетов обстрелян зенитчиками 14-й стрелковой дивизии, прикрывающей подступы к Полярному и Кольскому заливу, после чего скрылся в северо-западном направлении.

Обстановка неясная и тревожная. Люди настороже, хотя держатся спокойно. Шутки почти исчезли, в глазах напряженная внимательность, особенно когда открывают стрельбу зенитные батареи и проносятся истребители, несущие непрерывный барраж.

Шила, как говорится, в мешке не утаишь. Все видят: перевод флота на повышенную готовность сопровождается большой приемкой оружия, боезапаса, продовольствия, сдачей учебных принадлежностей и всего имущества, ненужного для военного времени.

Предполагал, что получим кое-какие разъяснения непосредственно от командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта Попова. Он сегодня прибыл в Мурманск. Отправился к нему вдвоем с членом Военного совета. Надежды не оправдались. Разговор шел **о мероприятиях, не имеющих прямого отношения к тому, что происходит вокруг.** Обсуждались и утверждались места строительства(?) различных укреплений, **аэродромов**, казарм, складов и т. п. в условиях и по нормам мирного времени. О том же, как складываются отношения между Советским Союзом и фашистской Германией, командующий округом ничего не сказал. Вероятно, знает не больше, чем мы. Печально. Ибо неопределенность — это и есть малоприятная перспектива попасть под внезапный удар. **Вечером Попов уехал в Ленинград.** Проводили его до Колы. **Угостил** он нас на прощанье **пивом** в своем вагоне, **тем и закончилась наша встреча.**

Из Москвы также ничего определенного нет. Обстановка остается неясной”.

Командующим ЛВО Поповым манипулируют из Москвы. Из более ранней главы нам теперь известно, какую перед Поповым поставили задачу? На миноносце, который должен был предоставить Головки из состава флота — к далекому “Северному полюсу” аэродромы проверять.

Это все знакомо по тем делам, когда, к примеру, артиллерию из округов Западного направления, накануне войны приказом свыше отправили на полигонные стрельбы. У нас же, здесь, командующего Ленинградским военным округом отправили за тридцать земель на невесть, откуда взявшиеся учения (за несколько дней до войны!), и никак не хотели возвращать на место.

Помните, из главы про Новикова, что Маркиан Михайлович и 22 июня отсутствовал в Ленинграде. Понятно, что из Мурманска дорога оказалась долгой.

По-поводу Москвы, “яснее ясного” — идут разборки властных структур. Предполагал, что автокатастрофу Сталину подстроили с 18 на 19 июня. Если Головки удерживает повышенную боевую готовность “на свой страх и риск” в эти дни, то, понятно, что “пятая колонна” приступила к реализации своего плана действий. Арсений Григорьевич понимает, что боевая подготовка сворачивается и пытается добиться от командующего четкого разъяснения — что делать? Но, к сожалению, Ленинградское начальство ничем не могло помочь: “Разговор шел о мероприятиях, не имеющих прямого отношения к тому, что происходит вокруг”.

А в Севастополе, по воспоминаниям Кулакова, на Черноморском флоте, якобы, тоже, 18 июня объявили повышенную боевую готовность. Понятно, что и там, процесс о боевой готовности пошел в обратную сторону. Было бы неудивительным, если бы это происходило в глубинке, например, на Каспийской флотилии.

А к Черноморскому флоту мы, тоже, еще не раз вернемся.

“19 июня. Получена директива от Главного морского штаба — готовить к выходу в море подводные лодки. Задача: наблюдая за боевыми кораблями вероятного противника, отразить нападение, если оно последует. **Приказал рассредоточить лодки по разным бухтам и губам**, с тем чтобы вышли в море немедленно, как только будет дан **сигнал**”.

Головки надеется, что как только из Москвы последует сигнал на флота — боевая тревога, то он сразу направит подводные лодки на боевые позиции к вражеским коммуникациям. Скоро узнаете, как Мазепы из Главного морского штаба “обрадовали” Арсения Григорьевича своим сообщением.

“Направил начальнику Главморштаба адмиралу **И. С. Исакову** доклад об изменении плана использования лодок на случай войны: **лодки типа “щука”** и часть лодок типа “малютка” послать в район морских сообщений гитлеровцев между северными норвежскими шхерами и Петсамо; остальные “малютки” направить для прикрытия входа в горло Белого моря.

Обосновал изменение плана следующим: “малютки” имеют пониженную мореходность, район их действия более ограничен, чем лодок других типов, стало быть, они по своим данным более пригодны для прикрытия наших коммуникаций. А все “щуки” целесообразнее, по-моему, использовать на морских сообщениях противника. Полагаю, что основной поток грузов и резервов для немецко-фашистских войск, расположенных на плацдарме против нас, **будет направляться морем**. Сухопутные дороги для этого мало приспособлены. Их всего две. Одна протяженностью шестьсот километров от Ботнического залива через всю Финляндию до Петсамо, другая — от Нарвика до Петсамо — проложена через Финмарк, но слишком узка. Снабжение по сухопутным дорогам потребует очень много автомашин, и конечно же гитлеровцы будут вынуждены производить перевозки морем, через норвежские шхеры, где конвои могут укрываться и отстаиваться в случае необходимости.

Дважды за сутки в главной базе объявлялась воздушная тревога. Сегодня фашисты летают не только для разведки. Один из их истребителей пытался напасть на **И-153**, но безуспешно.

Постепенно вводим в действие то, что должно в первую очередь обеспечить нужный нам оперативный режим на театре. Установлены дозоры на двух линиях, определяющих охрану подступов с моря к главной базе, а военно-воздушным силам вменено в обязанность производить авиаразведку вдоль побережья от мыса Нордкин до острова Харлова”.

Теперь, зная, что Сталина в Кремле нет, и не будет долго — активно зашевелилась наша “пятая колонна”. Не хочу бросить упрек в адрес И.С.Исакова, как начальника Главморштаба (в тот

момент, его уже не было в Москве), но, тем не менее, из его ведомства — Главного Морского штаба, поступила директива контр-адмиралу Головки: **перераспределить подводные лодки “Щ” и “М”**.

Это сделал тот, кто замещал его на время отсутствия. Более мощные по вооружению подводные лодки — “щуки”, у которых четыре носовых и два кормовых торпедных аппарата и запас в десять торпед, отправить в тыл, а “малютки”, которые брали на борт всего две торпеды, отправить на коммуникации противника. Неплохо для подставы немцам по началу. Высокое начальство решило “поберечь” наши “щуки”. Знали, видимо, в сорок первом, что война продлится долго.

Но Головки твердо отстаивал свои права и показал характер. Направил в Главный морской штаб изменения по использованию подводных лодок. Сразу видно, что не глядел в рот начальству. “Щуки” должны бить врага, а не прохлаждаться на своих внутренних коммуникациях. Обратите внимание, что Арсений Григорьевич установил морскую авиаразведку от мыса Нордкин, северной оконечности Норвегии (!), чтобы более оперативно реагировать на подвижки врага.

Кстати, начальника Главморштаба Исакова, “своевременно” удалили на учения в акваторию Черного моря. А ведь, война на носу! Но кто-то же, ведь, задумал провести эти учения! А что? Как говорил выше — своеобразная разминка перед боем.

Промелькнул в рассказе Головки самолет **И-153 (Чайка)**. Об упомянутом выше самолете, сообщит нам, в своих мемуарах нарком Н.Г.Кузнецов. Запомните дату — 19 июня.

“20 июня. Обстановка прежняя. Над Ваенгой (пос. в Кольском заливе, будущий Североморск. — В.М.) пролетел и был обстрелян зенитчиками неизвестный самолет. Данные разведки еще раз предупреждают о накапливании гитлеровцами войск в приграничных пунктах — Петсамо, Киркенесе, Варде. Немецкий гарнизон Киркенеса насчитывает двадцать тысяч человек. Гитлеровцы решили избавиться себя от лишних глаз: движение иностранных торговых судов от Тромсё до финской границы закрыто.

Сегодня в Полярном были **командующий 14-й армией генерал-лейтенант В. А. Фролов** и начальник штаба армии полковник Л.С.Сквирский. Части этой армии прикрывают границу вплоть до Кестеньги (Огромное расстояние протяженностью в сотни километров на юг. — В.М.) На участке, примыкающем к району Мурманска, Полярного и Кольского залива, по-прежнему находится только **одна** 14-я стрелковая дивизия неполного состава. Договорились, что армия для защиты этого участка выделит еще одну стрелковую дивизию, переброску которой в район Западной Лицы и Титовки (приграничные населенные пункты. — В.М.) должны обеспечить мы”.

Обратите внимание, что командующий Северным флотом по собственной инициативе, как грамотный в военном отношении начальник, договаривается с командующим **14-й армией Фроловым**, чьи стрелковые части прикрывают приграничную зону, заблаговременно выделить еще дополнительные силы на опасный участок Мурманского направления. Ведь, только что был командующий округом М.М.Попов, который должен был решать эти поставленные задачи, но видимо, у того были “связаны” руки. А может молчаливо дал согласие и благословил на ратные дела, тем более что рядом с ним был член Военного Совета округа Клементьев.

Головки и Фролов договорились, как говорят, “полюбовно” в интересах дела. Северный флот морем перебросит пехоту в район прикрития.

В конце концов, в случае чего, спросили бы именно с них, но они не побоялись ответственности. На наше счастье, что именно Арсений Григорьевич, оказался на этом месте, в нужное время. Да и Валериан Александрович не подкачал в оказании помощи боевому другу.

Это ведь, тот самый В.А.Фролов, командующий 14 армией, до которого никак не мог дозвониться 26 июня товарищ Ватутин из Генштаба. Помните, приезд Сталина в Наркомат обороны, чтобы разобраться с военными по поводу Финляндии?

Наступает самый ответственный момент в нашей истории.

“21 июня. В течение суток над нашей территорией появились два фашистских самолета — один у полуострова Рыбачьего, второй в районе Териберки. Это значит, что гитлеровцы просматривают побережье Мурмана. Думаю, что они хотят выяснить, идут ли у нас перевозки из Белого моря и готовимся ли мы к отражению удара. Над Кольским заливом чужих самолетов не было, поэтому обошлось без воздушных тревог и стрельбы зениток...”

А что им там делать, немецким-то, самолетам? Уже авиаразведка выяснила, где находятся корабли и подлодки. Рассредоточил ли, на свой страх и риск, корабли по заливу Арсений Григорьевич, вот в чем вопрос? Судя, по твердости характера Головки, хочется верить, что это произошло.

Сейчас читатель столкнется с характерным явлением тех дней. Об этом упоминалось и в главе о Черноморском флоте. Сейчас на очереди — Северный.

“В Полярном находится на гастролях Московский музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Сегодня вечером состоялся очередной спектакль этого театра. Показывали “Периколу”. Когда мы втроем — член Военного совета **Николаев**, начальник штаба **Кучеров** и **я** — пришли в театр, зрительный зал был переполнен: всем хотелось посмотреть игру москвичей. Наше присутствие сразу же было замечено.

“Похоже, что обстановка разрядилась, поскольку начальство здесь”, — читал я на многих лицах. Если бы это было так...

Играли артисты хорошо. На какой-то срок, следя за игрой, отвлекся от навязчиво-тревожных мыслей. То же самое, судя по репликам, испытывали Николаев и Кучеров. Да и всю дорогу на обратном пути из театра в штаб мы толковали о спектакле. Возможно, потому, что хотели заглушить тревогу в себе”.

Лишний раз приходится повторять, что это прибытие артистов во все части западных округов и, как видите, флотов, даже на Севере, — заранее спланированная акция, с целью рассеять внимание командного состава и отвлечь его от выполнения поставленных перед ним боевых задач оборонительного характера. Ничего другого вразумительного, по артистам, как по случившимся событиям тех лет, трудно придумать. Получилась, к тому же, лишняя головная боль для местного начальства. Среди прибывшего на спектакль руководства флотом отсутствовал по “уважительной причине” один человек. Об этом, чуть позже, он нам сам расскажет.

“Возвратились — и действительность неумолимо напомнила обо всем.

Просмотрел за чаем вечернюю сводку. Привлекли внимание данные воздушной разведки. В течение дня были обнаружены: на подходах к губе Петсамо тральщики; в самом порту, на рейде, пятнадцать тральщиков; на рейде Варде — транспорт; в Перс-фиорде — транспорт. В общей сложности за сутки из Петсамо вышли восемь транспортов и вошли в гавань три транспорта, два рыболовных траулера, один сторожевой катер. Пока размышлял над сводкой, **принесли радиogramму особой срочности.**

Николаев, Кучеров и заглянувший “на всякий случай” начальник управления политической пропаганды флота Торик **забыли** и **про спектакль** и про чай, когда я начал читать вслух

радиограмму. В ней сообщалось, что немецко-фашистское командование стянуло войска (около двухсот дивизий) к нашей границе и что с часу на час надо ожидать их вторжения на территорию Советского Союза. Нам предписывалось **перевести все части флота на боевую готовность № 1**.

Фактически флот уже в готовности. Остается, как только последует **сигнал** о всеобщей мобилизации, принять положенные по моб(илизационному)плану различные вспомогательные суда и помещения, а также принять запасников, приписанных к флоту. Мало сил, недостаточно техники, но, по существу, мы готовы”.

В данном случае боевая готовность № 1 означала полную боевую готовность, по которой личный состав кораблей должен находиться на боевых постах, а всё вооружение и технические средства готовы к немедленному использованию по отражению внезапного нападения противника.

Хорошо написано в радиограмме. Только не Жуковско-Тимошенковская ли это Директива, которую, якобы, сочиняли эти “друзья” весь вечер 21-го июня? Тогда, ничего путного в ней не было, а Арсения Григорьевича подправили в рукописи, чтоб весомо выглядело сообщение из Москвы. Дескать, Кремль, шибко обеспокоен, как там дела на границе? Нет ли, где поблизости врага?

В данной Директиве морякам, вообще, ничего конкретного, указано не было. Просто, с ее копией должен был ознакомиться нарком ВМФ Кузнецов. Вот и все. Поверьте, совсем “пустой” был документ. К счастью Головки мух не ловил от безделья. Во всяком случае, думается, его нахождение в штабе флота, соответствует действительности, в отличие от других морских военачальников. Что там было мудреного в этой “радиограмме особой срочности”, читатель узнает, чуть позже, когда будем рассматривать балтийские дела. А вот как на нее отреагировало командование Северного флота, прочтет ниже.

Головки продолжает дневниковые записи.

“22 июня. Дата, памятная каждому советскому человеку, — начало войны с гитлеровской Германией. Ясно, что борьба предстоит беспощадная. Это смертельная схватка с фашизмом. Кто кого. **Приказание наркома Военно-Морского Флота о немедленном переходе на оперативную готовность № 1**, переданное в адрес Военного совета, исполнено прежде всего сигналом по флоту”.

Редактура решила подыграть Наркому ВМФ. Помните, ранее, Н.Г.Кузнецов вспоминал, что он, как будто, послал Алафузова “дать тот самый условный сигнал, к которому мы в течение этих двух лет готовились”. Написано топорным языком, оно и понятно, чтобы затушевать действия Москвы.

Читателя хотят заставить поверить в то, что наркомат ВМФ озаботился положением с флотами и успел передать сообщение об оперативной готовности № 1. Да флот уже находился в полной боевой готовности, еще 18-го июня, но ее отменили, вернув флот на повседневную, то есть оперативную готовности № 3. Теперь тужатся представить это дело так, как будто бы полная боевая готовность и явилась панацеей от всех бед, позволяющей встретить врага во всеоружии. Когда немцы нанесли бомбовый удар по нашим базам, то тут не шифрограмму о приведении флота в состоянии полной боевой готовности посылать надо, а поднимать флота по боевой тревоге. И в каком состоянии находились боевые экипажи кораблей, в таком они и будут встречать врага. Для чего отменили полную боевую готовность деятели из “пятой колонны”? Чтобы флот (как и войска) был(и) в разобранном состоянии. Смогут ли подводные лодки, если не были заправлены боезарядами, топливом, сжатым воздухом, питанием — выйти на боевые позиции в море? Конечно, нет! Также и в отношении кораблей, чьи экипажи отпущены в увольнительные на берег вместе с командованием слушать выступления артистов.

Сам нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов, когда писал мемуары, то свою вторую книгу посвященную началу войны, так и озаглавил **“На флотах боевая тревога”**. Но он в ней много понаписал вразрез с установкой военно-политического руководства страны. Пришлось срочно менять название книги и перерабатывать содержание. В новом варианте книга стала иметь бодрое название **“Курсом к победе”**. Мы с Кузнецовым и его книгой встретимся чуть попозже.

Скорее всего, ни какой Наркомат обороны, ни сам нарком Кузнецов не поднимали ни войска, ни флота — **по боевой тревоге**.

А о чем же тогда писал адмирал Головкин? Подразумевается, что именно то, что надо было военно-политическому руководству Вооруженных Сил и, соответственно, страны. Все, дескать, было в ажуре, дорогие наши товарищи и уважаемые гости страны. Врага встретили, как положено, во всеоружии и как результат, в мае 1945 года водрузили Победное Знамя над Берлином. Все нормально — Григорий, все отлично — Константин! — как говорил наш известный сатирик Михаил Жванецкий.

Хотя, сказать открыто ключевое слово — сигнал, по которому Черноморский, Балтийский и Северный флота, а также соответствующие флотилии поднимались бы по боевой тревоге адмирал Кузнецов не решился, или не дали возможности написать, как и не дали отправить сигнал на флота.

Тогда, что же печатать по этому поводу в книге Арсению Григорьевичу? Или точнее, что же отправили из Москвы на флота? Эту самую “радиограмму особой срочности”, которую Головкин и получил. Однако, о ней, адмирал Кузнецов, в раннем упоминании, не скажет ни слова. Но мы о ней узнаем из других источников.

Думается, что на Северном флоте была проявлена, в определенной мере, чистой воды, самодеятельность. Когда немцы утром 22-го начали бомбардировку города и его окрестностей, то Головкин и безо всяких Директив из Центра стало ясно, что это война. Поэтому он, как командующий, не раздумывая, отдал по Северному флоту сигнал боевой тревоги.

Сигнал был такой: **“Павлин — один”**. С автором воспоминаний, откуда почерпнута эта информация, мы столкнемся, чуть ниже, а пока продолжим рассказ самого Арсения Григорьевича.

“А пограничные посты доносят: в течение только первых полутора часов сегодняшних суток уже шесть самолетов (четыре немецких, один финский и один неопознанный) появлялись над нашей территорией на высоте около тысячи метров.

Другая директива наркома, адресованная Военному совету: **к семи часам утра** выделить для обороны горла Белого моря две подводные лодки (тип не указан), эскадренные миноносцы “Грозный” и “Сокрушительный”, эскадрилью морских бомбардировщиков МБР-2”.

По-поводу подводных лодок хотелось сказать следующее. Адмирал Головкин, видимо, ранее вскрыл свое мобилизационное предписание, где и была указана несурзаца по дислокации “Щук” и “Малюток”. Заодно отправлялись в тыл и те, немногие разведывательные самолеты. Там, в тылу, видимо, были “нужнее”.

По-поводу указанных в директиве самолетов. Само название, приведенного Арсением Григорьевичем самолета, расшифровывалось так: **Морской ближний разведчик (МБР)**. Когда Головкин доложил в Главморштаб, что он установил авиаразведку (см. его запись от 19 июня), то сразу последовало указание свыше — эскадрилью МБР-2 отправить в тыл. Его, ко всему прочему, лишали возможности следить за перемещениями немцев. Понятно, что данные самолеты были многофункциональны: могли при случае и немного побомбить, но в данный момент, они были нужны именно, как разведывательные самолеты.

Подправили мемуары, чтобы не бросалось в глаза, такое, ничем необъяснимое указание Центра, которое, явно, играло на руку врагу. Разумеется, запрос Головки в Главморштаб требовал от ведомства пересмотреть данное решение, с чем московское начальство никак не хотело соглашаться. Не желая проявлять себя, как явного пособника врага, отделалось молчанкой. Однако тихо спустило вниз еще одно дополнительное указание, не меняющее существа дела.

“Стиснув зубы, ведем счет неопознанных самолетов, проносящихся за облаками над Кольским заливом вплоть до рассвета (по календарному времени суток).

И вот около **четырёх часов утра** первый раскатистый гул взрывов: **в районе Полярного сброшены бомбы**. Гул взрывов слышали все. По городу засновали люди в поисках убежищ. Многие из тех, кому не обязательно оставаться здесь, кинулись, несмотря на ранний час, к стоявшим у причалов буксирам и пароходам, чтобы переправиться в Мурманск и оттуда выехать поездами вглубь страны”.

Отчего это стиснуло зубы командованием Северным флотом? Оттого, что им, этой “радиограммой особой срочности” запретили открывать огонь по немецким самолетам. А читатель, что подумал? Потому что, дескать, самолетов не видать за облаками? А как же тогда Головка с товарищами вели счет этим самолетам? Вот Арсений Григорьевич и зашифровал свою запись неопознанными самолетами за облаками. Стиснутые зубы командующего о многом говорят.

А вот когда на базу в Полярном сбросили бомбы, то ситуация сразу “прояснилась”. Чего же гадать? Война! Как всегда вопрос: “Где были корабли?” Успел ли их рассредоточить, уважаемый Арсений Григорьевич? Хотелось бы верить в лучшее.

“Всполошились артисты-москвичи. В течение двух часов из Полярного выбрался весь состав театра, забыв взять декорации и реквизит. Удивляться и досадовать не к чему: привыкнуть, вернее, приспособиться к бомбам сразу нельзя, для этого требуется известное время”.

Сколько страданий выпало на долю этих артистов, горемык в гриме, которых явно подставляли с неблагоприятной целью. Их вины, конечно же, не было в том, что они невольно отвлекали командиров и бойцов, в такой напряженный момент, от их основной задачи: обороны вверенного им уголка земли нашей Родины. Подло сыграли на лучших душевных качествах человека, его любви к искусству и людям, его представляющим.

“Отовсюду поступают донесения о фашистских самолетах, о неопознанных силуэтах надводных судов, о перископах подводных лодок. Береговые зенитные батареи и корабельная артиллерия то и дело ведут яростный, но все еще бесполезный огонь по самолетам: по чужим и по своим. Еще не умеют ни стрелять в боевой обстановке, ни различать типы самолетов”.

Но, ведь, не напишешь же, что сидели и смотрели в небо? Когда немцы отбомбились по Мурманску, около четырех утра, тут уж, и дураку ясно стало, что надо стрелять, пока жив. А почему “бесполезный огонь по самолетам”? Это была уже стрельба вдогонку. Немцы-то, свое дело сделали, нанесли бомбовый удар по городу. Стрелять-то, нашим, сначала запретили. А уж, когда поняли, что немцы не шутят, тут и наша истребительная авиация, видимо, подоспела. Поэтому и получилась суматоха в воздухе. И немецкие самолеты в воздухе, и наши.

“На телефонные запросы нам отвечают из Главморштаба, что началась война, **однако ничего другого пока сказать не могут**”.

Изумительная по значимости фраза Головки. Ну, прислали сообщение из Москвы, что Германия напала на страну. Дальше-то, что? Боевой тревоги по флоту — нет! Приказа о вскрытии “красных” пакетов — нет! Стрелять по немцам — видимо, по своему усмотрению? Слепо выполнять указания

ранее присланных директив Главного морского штаба: все, что может нанести урон немцам — в глубокий тыл. Что же прикажите делать в таком случае командующему флотом?

Теперь-то, читателю, станет более понятной ситуация на Северном флоте. Это ему не Главморштаб “ничего другого пока сказать не смог”, а товарищи из Ленинграда, где обосновалось Главное командование Северо-Западного направления. Теперь им, должен был подчиняться Арсений Головкин. А те ответят, когда получат указание из Москвы. Куда спешить? Войны на всех хватит.

Головкин думает, что товарищи из Ленинграда поймут его положение и отменят московский приказ по подводным лодкам. Дудки! Они сошлются на указание москвичей. Головкин заставят плутать в трех соснах. Вот так мы отбивали первый натиск врага. В каждом начальственном кабинете — по “патриоту”, с карандашом в руках.

“Тогда я запрашиваю относительно плана использования подводных лодок. И вдруг начинается перепалка. Главморштаб категорически настаивает, чтобы к входу в Белое море, вернее в горло Белого моря, были направлены большие лодки, то есть “щуки”, а не “малютки”. **Никакие мои доводы не принимаются.** Переговоры насчет лодок возобновляются несколько раз. Дело заканчивается тем, что Главморштаб категорически предписывает мне послать к горлу Белого моря “щуки”, ссылаясь при этом на **личное указание И. В. Сталина**. Проще говоря, не сумев доказать свою правоту, мотивировали таким образом”.

Ясно, что и повышенную боевую готовность на Северном флоте пытались свернуть, оставив повседневную. Да, но что делать при начале войны? Можно ли стрелять? Как, видите, ответа из Москвы нет. К тому же, по поводу использования подводных лодок — видимо, данное указание высокого начальства шло вразрез с мобилизационным предписанием, которое известно Головкину. А вскрывать пакеты, о чем сказал выше, разрешения не давали.

Наверное, вместе с Жуковым утром Сталину звонил, еще и нарком Кузнецов? Если, как говорит Головкин, было “личное указание И.В.Сталина” по поводу подводных лодок. (Шутка).

Понятна и реакция Головкина на подобную присланную чушь. А как озлобились в Москве (а в Ленинграде?) на строптивого командующего Северным флотом! Фактически играют в пользу фашистов, позволяя тем безнаказанно перебрасывать морскими транспортом военные грузы и подкрепление на Мурманское направление. Это уже не саботаж высокого начальства, а нечто иное, за что, в военное время полагалось “к стенке”. Тут же обозначился “товарищ Сталин со своим указанием”. Чувствуете, иронию Арсения Григорьевича? Он же прекрасно понял, что никакой Сталин и близко не стоял около Главного морского штаба ВМФ.

Зная о созданных главных направлениях, с высокой степенью вероятности можно предполагать, что подобная “глупость” скорее всего, могла исходить и из Ленинграда, где обосновалось Главное командование Северо-Западного направления, во главе с Мерецковым. Оно и блокировало вскрытие мобилизационных пакетов на Северном флоте, а совокупи с Мазепами из Главного Морского штаба, срывало выход на боевые позиции подводных лодок “щук”, отправляя их в тыловые районы.

После войны в 1948 году группу военных из высшего состава ВМФ передали Суду чести Министерства Вооруженных Сил СССР. Суд признал их виновным и постановил ходатайствовать перед Советом Министров СССР о предании виновных суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Одним из осужденных был В.А.Алафузов, который на тот момент (22 июня 1941 года) был заместителем начальника Главного Морского штаба, а фактически, выполнял функции самого начальника.

Фигуранты послевоенного уголовного дела были осуждены по ст. 193 (Преступления воинские), за преступную халатность в отношении своих служебных обязанностей. Но это могло быть представлено, как бы, для широкой общественности, не более того. А что там было, на самом деле, “подчищала” реабилитационная комиссия, приступившая к работе, вскоре, после смерти Сталина.

Хрущевцы, чтобы замазать свои “темные” делишки во время войны, после взятия власти в свои руки в 1953 году, со временем “пересмотрели” и Уголовный Кодекс РСФСР. Они убрали ряд статей, а некоторые просто изменили. Короче, внесли определенную путаницу, чтобы было трудно понять, за что же были наказаны те или иные лица в, условно говоря, Сталинское время? Если бы в Уголовный Кодекс просто бы внесли дополнения, то взяв в руки УК РСФСР, изданный, например, после 1960 года, можно было бы, довольно легко определить, например, степень вины того же Алафузова. Но из Уголовного Кодекса изъяли главу “Преступления воинские” и был изменен ряд статей. Поэтому статья 193 в новом Кодексе уже содержит другое наполнение. По Алафузову, чуть позже, я приведу один “интересный” момент.

Но, снова, возвращаемся к трагическому дню 22 июня 1941 года на Севере. С болью в сердце Головки пишет:

“Не теряя времени, **приступаем к массовой эвакуации детей и женщин из Полярного, а также из других гарнизонов.** Когда пароход “Ост”, переполненный женщинами и детьми, отвалил от причала, послышался гул самолетов и на гавань из облаков посыпались бомбы.

Четвертое приказание наркома(?) Военному совету принято в десять часов тридцать пять минут — выслать подводные лодки в район Варде с задачей вести решительную борьбу против боевых кораблей и транспортов противника, не допуская их к Варангер-фиорду”.

“Четвертое приказание наркома” — а, где три предыдущих? Убрали из текста мемуаров, как несоответствующие действительности, так что ли? Время, уже **10–30** утра. Уже 7 часов прошло с начала войны, а из Москвы поступает “тупое” указание по выдвигению, всё тех же “малюток”, на коммуникации врага. Много они навоюют с двумя торпедами на борту. К тому же неясно, какое количество подлодок приказали выслать? Неужели, для смеха — всего, две?

О какой “массовой эвакуации детей и женщин из Полярного” ведет речь командующий флотом Головки? Разумеется, это семьи командно-политического состава, которых наша “пятая колонна” подставила под удар немцев. Даже у Арсения Григорьевича написано, что когда переполненный пароход с семьями “отвалил от причала, послышался гул самолетов и на гавань из облаков посыпались бомбы”. О судьбе парохода “Ост” автор тактично умолчал. Как и о том, чьи же семьи были погружены на пароход.

При переходе военного округа (или как в нашем случае флота) на полную боевую готовность из приграничных областей начинают вывозить в глубокий тыл семьи командно-политического руководства. Нечего им там делать под бомбами и снарядами противника в начинающейся войне. Хорошо знакомый нам Матвей Васильевич Захаров так описывал эту ситуацию, находясь в должности начальника штаба Одесского военного округа.

“В апреле (или мае), рассматривая план мобилизационных перевозок округа, я обратил внимание на то, что **в плане нет расчетов на вывоз семей начсостава из приграничной зоны.**

На мой вопрос, чем это вызвано, начальник ВОСО округа полковник П.И.Румянцев сослался на то, что в изданном в 1941 году **Наставлении по мобилизационной работе** раздел по эвакуации семей из приграничной зоны **отсутствовал** (в **ранее** имевшемся наставлении такой **раздел был**)”.

Захарову ли не знать, что было в документах Генштаба, в бытность его заместителем начальника данного военного ведомства. Как вам нравится такая ситуация с семьями начальствующего состава? О них, вообще, **преднамеренно** забыли! Это наивысшая подлость мерзавцев из военных верхов по отношению к семьям военнослужащих командного состава Красной Армии и Военно-Морского флота. Население — из приграничной зоны эвакуируется до начала военных конфликтов вглубь страны — как бы ни пострадало! А здесь подставить под удар врага жен и детей своего же брата военного?

Впрочем, о чем мы говорим? На предателей Родины подобные нравственные принципы, как известно, не распространяются. Матвей Васильевич попытался “выкрутиться” из такой щекотливой ситуации.

“Этот пробел в плане был срочно ликвидирован. Начальникам приграничных гарнизонов немедленно были даны распоряжения о порядке вывоза семей **в случае объявления мобилизации или начале боевых действий**. В них указывались железнодорожные станции, к которым приписывались гарнизоны, порядок прибытия семей военнослужащих к месту посадки в эшелоны, какие гарнизоны куда эвакуировать. Главные пункты эвакуации намечались в районах Кировограда, Днепропетровска, Запорожья”.

Не во власти было товарища Захарова отменять действия установленных воинских законов. Кроме того, из Москвы поступила отмена введенного в действие указания о приведении войск в полную боевую готовность. Как следствие, намечаемая эвакуация семей была свернута. А то, о чем пишет Матвей Васильевич — это размеренное течение жизни. Помните, когда была объявлена мобилизация по стране? Только 23 июня!? Целый день давали врагу издеваться над незащитными женщинами и детьми, которые остались в военных городках вблизи границы. Счастьем было то обстоятельство, что на советско-румынской границе, поначалу, не было столь активных военных действий со стороны противника.

“Принятые меры, как показали дальнейшие события, себя оправдали. **Большинство семей** военнослужащих приграничных гарнизонов было после начала боевых действий эвакуировано”.

Как понимать написанное — “большинство семей военнослужащих ...эвакуировано”? А что же было с оставшимся меньшинством? И каким же количеством оно выражалось? Или написанное следует понимать так — лучшее, что удалось сделать в той ситуации, это спасти **большее** количество семей. На самом деле, всё могло обернуться значительно худшими последствиями.

По этой же теме. Из показаний на следствии бывшего командующего Западным фронтом Д.Г.Павлова:

“На мой вопрос — каково положение на его правом фланге, Кузнецов (Генерал-лейтенант, командующий 3-й армией данного фронта. — В.М.) ответил, что там **положение**, по его мнению, **катастрофическое**, так как разрозненные части в районе Козе (севернее Гродно) с трудом сдерживают натиск противника...”

Это 22 июня, Западный фронт — Белоруссия. Здесь не граница с Румынией. События сразу становятся угрожающими. Уже, намечается разгром войск 3-й армии под Гродно.

А как здесь обстояли дела с вывозом в тыл семей командиров и политработников данной армии и всего округа в целом? На удивление, показания Павлова поражают своим откровенным цинизмом.

“Наконец Кузнецов спросил: “Я чувствую, что нам придется оставить Гродно, в случае чего **как быть** со складами и **семьями начсостава**, **многие из них уже остались у противника**. Я ответил, что при оставлении каких-нибудь пунктов — склады и все добро, которое нельзя вывезти,

уничтожить полностью. Кузнецов передал трубку члену Военного совета Бирюкову, который снова спросил — **как же быть с семьями?**

Я ответил: “Раз застал бой, сейчас дело командиров не о семьях заботиться, а о том, как ведется бой”.

Не хуже, чем у Лермонтова: “Смешались в кучу, кони, люди...”. У нас — склады и люди. Понятно, чтоб склады не достались врагу их необходимо уничтожить. Жаль, что вместе с ними нельзя было приказать уничтожить и семьи начсостава. И врагу не достанутся, и проблем станет меньше. Неужели Павлов не понимал, что говорит и пишет? Или снова, как всегда, немного подправили по тексту?

Ему командиры в два голоса криком кричат о семьях, а он вроде бы не понимает, о чем идет речь? Понятно, что легко рассуждать о судьбах чужих семей, когда своя — под боком в Минске. Ну, лицемер! Ну, умник! Командир, дескать, должен не о семье заботиться, а о воинском долге. Легко, так кивать, в чей-то адрес.

Кто же в таком случае отменил приказание о вывозе семей начсостава данной армии из приграничной зоны? Не из штаба ли Павлова пришел подобный приказ? И не надо кивать на Москву. Для этого существует честь офицера. Именно она является защитой от выполнения подлых приказов вышестоящего начальства. Не для шелканья каблуками в угоду начальству, ему звездочек в петлицу напихали. Сумей показать командирский голос не только в общении с подчиненными. Не захотел? Или был заодно с теми, кто отдавал подобные приказы?

А ситуация у Кузнецова, по сравнению с Захаровым на Южном фронте, сложилась куда, как более, трагичная. Если Матвей Васильевич написал, что большее количество семей им удалось вывезти, а значит, и спасти — то, в 3-й армии Западного фронта ситуация полна неопределенности. Павлов дал ясный ответ — семьи побоку. Скорее всего, часть их них, погибнет, часть сумеет вырваться из лап войны, — оставшиеся, вместе со складами будут захвачены врагом. Хорошо известно, что делали немцы с семьями начсостава. Не конфетами угощали. Да и оставшиеся семьи еще предстояло спасать от жестокостей войны.

Эти факты, к сожалению, не единичные, как и цинизм высшего командования. Хорошо нам знакомый К.А.Мерецков так отобразил похожий момент в своих мемуарах.

22 июня он уже восседал в кресле Главкома Северо-Западного направления в Ленинграде. Ему докладывает, заместитель командующего Северо-Западного фронта Е.П.Сафронов.

“Далее < он > сказал, что **очень беспокоит судьба семей комсостава**. За несколько дней до начала войны по указанию командования округа семьи комсостава вывезли в тыл. Но **20 июня** из Наркомата обороны пришло категорическое распоряжение немедленно **возвратить всех на старые места**. И вот теперь судьба семей комсостава неизвестна. Скорее всего, они в плену у врага.

Е.П.Сафронов попросил у меня совета, как ему дальше действовать”.

Зная Кирилла Афанасьевича, как “хитроватого ярославца” именно, по этой причине и назначенного на эту должность, трудно усомниться в “высоких морально-волевых качествах” данного товарища. Читайте, что написал человек с погонами Маршала Советского Союза.

“Я посоветовал прежде всего **установить связь с войсками и наладить управление ими**. Затем разыскать командующего и координировать все действия с Балтийским флотом и соседом слева

— соединениями Западного особого военного округа. Однако, как вскоре стало известно, командование Прибалтийского особого военного округа действовало по-прежнему неуверенно”.

А как же семьи командного состава: жены и дети, подлым образом возвращенные под снаряды немцев? О них лучезарный Кирилл Афанасьевич даже и не заикнулся. Свой-то сынишка, в дальнейшем в генералы выбьется по проторенной отцом дорожке. Другим мальчишкам из того предвоенного командного состава Прибалтийского округа будет отказано даже в праве на жизнь!

Вот такое начало войны уготовила нашим командирам “пятая колонна”.

Так что пароход “Ост”, приведенный у Головки, может о многом рассказать, не хуже, чем иной “сохранившийся” документ из архива президента. Кстати, в какую категорию по Захарову попал бы данный пароход, перевозивший семьи командиров и политработников? В большую или меньшую спасенную часть?

“Одновременно сообщается, что объявлена всеобщая мобилизация. Начальникам пароходств и Главсеврыбпрома даны указания сосредоточить весь транспортный флот в портах, предназначенных быть пунктами для мобилизации. Аварийно-спасательные отряды ЭПРОНа, а также корабли морпогранохраны включались в состав флота.

Наконец из Москвы поступает пятое приказание(?): в связи с вражескими диверсиями в непосредственном тылу объявить военное положение в базах, укрепленных районах и секторах; установить строжайший режим пропусков; принять меры, необходимые для охраны тыла, особенно средств связи.

К полудню положение в стране вырисовывается: немецко-фашистские войска вторглись в пределы Советского Союза и перешли в наступление на всем протяжении государственной границы. Немецко-фашистская авиация подвергла бомбардировке ряд наших городов. Первый налет совершен около четырех часов, тогда же, когда сброшены первые бомбы в районе Полярного; стало быть, бомбовый удар наносился фашистской авиацией одновременно по всей линии фронта.

Однако войска и корабли противника, сосредоточенные на исходных рубежах, примыкающих к районам Северного флота и 14-й армии, еще не ведут наступательных действий на море и на суше. **Активничает лишь авиация.** Весь день фашистские самолеты, одиночные и группами, стремятся к району Кольского залива и Мурманска. Их перехватывают и поворачивают вспять наши истребители. Один из гитлеровских бомбардировщиков перехвачен у Рыбачьего летчиками-истребителями Сафоновым и Воловиковым. Били они его как будто неплохо, он задымил, значит, имел прямое попадание, но все-таки оторвался и ушел. Оба летчика ручаются, что вражеский стрелок убит, но сказать, что же случилось с фашистским самолетом, не могут. А раз так, нельзя и заносить его на чей-либо счет. Судя по всему, гитлеровцы не сомневаются, что мы знаем о подготавливаемом ими ударе, и потому продолжают накапливать силы, чтобы затем одержать верх над нами численным превосходством. По данным разведок флота и 14-й армии, через Киркенес и фиорды поступает много вооружения и прибывают новые контингенты войск”.

Судя по всему, Головки, все-таки, скрутили руки относительно подводных лодок типа “Щука”, раз морем идет основной поток вражеских грузов. Ну, не может же, нормальный человек мириться с этим безобразием. Тогда Арсений Григорьевич просит оказать содействие авиацией. Читайте, что происходит в дальнейшем.

“В районах пограничной полосы на территории Финляндии **происходит эвакуация населения,** сосредоточиваются части финской армии, подтягиваются немецко-фашистские войска, перебрасываемые из Северной Норвегии, увеличивается количество самолетов на аэродромах. Понятно, что противник намерен и рассчитывает разделаться с нами одним ударом. Не

исключено, что фашисты будут пытаться в первую очередь отрезать Кольский полуостров от остальной страны и захватить подступы к Мурманску и Полярному с моря, то есть полуострова Рыбачий и Средний, прикрывающие вход в Кольский залив. Учитывая это, прошу **командарма 14 Фролова** выделить часть армейской авиации, чтобы нанести совместно с авиацией флота удар по фиордам и по дороге Тана-фиорд — Киркенес, по которой доставляется вооружение и перевозятся войска противника. Увы, **командарм не согласен**. Армейский полк скоростных бомбардировщиков нацелен в другом направлении — на защиту Кандалакши. **Сообщаю наркомку и прошу помочь**. Ответ получаю быстро: **помочь пока нечем**. Положение на Балтике и на Черном море (?) тяжелее. Нам надлежит стараться уничтожить вражескую авиацию на ее аэродромах ударами с воздуха и действовать подводными лодками у Варангер-фиорда, не позволяя противнику подвозить подкрепления. Финские войска не трогать, поскольку Финляндия с нами не воюет. Но как понимать и расценивать факт предоставления Финляндией своей территории гитлеровским войскам, ведущим войну против Советского Союза? В общем, теперь можно сделать вывод: хорошо, что неожиданность, которую мы ждали, не захватила нас врасплох”.

Читатель, поставь себя на место командующего Северным флотом. Ты же, прекрасно понимаешь, что тебе твое собственное высокое начальство оказывает противодействие по выполнению твоего воинского долга — защите родного Отечества. Головка же не мальчик, чтобы не видеть, что творится несправедливость по отношению к делу защиты Родины, ищет пути выхода. Как, видите, просит командарма Фролова помочь авиацией. Отказ. Я бы не стал сильно валить на Фролова, так как авиация была у 14 армии в оперативном подчинении и поэтому, вряд ли бы, лично Фролов мог жестко приказать действовать авиации вне предписываемых ей действий. Да, но Финляндия еще не находится с нами в состоянии войны, так зачем же бездействовать авиации, охраняя район Кандалакши, находящейся, к тому же, значительно южнее, в то время, как Норвегия для нас является вражеской территорией и там немецкие войска сосредоточивают свои силы. А кто у нас теперь командовал всей авиацией направления, в состав которой входила и Северная группировка войск? Новикова помните? Судя по всему, он был озабочен в тот момент совсем другими делами.

Ко всем тяготам, добавлен безрадостный ответ наркома Кузнецова из Москвы. Читателя, во всяком случае, он удивит, особенно, по части событий в акватории Черного моря. Да, на нем за всю войну у немцев не было ни одного крупного военного корабля. 22 июня был один воздушный налет на Очаков и на базу в Крыму. Война в Севастополь придет значительно позже, через много месяцев после начала войны. А по первым дням Румыния, как и Финляндия, выжидала и не вела особенно активных наступательных действий. По Балтике тоже много вопросов, в части, с чего бы это адмирал Кузнецов так сразу сгустил краски? Хорошо, хоть по Финляндии не подлил масло в огонь.

Кстати, обратил ли внимание читатель, что я выделил в начале рассматриваемого абзаца? Фашисты проклятые и то, свое население из прифронтовой зоны эвакуируют. Скоро предполагается вести там боевые действия и его (финский народ), естественно, надо побережь. В какую же категорию нелюдей, надо отнести наше высшее командование, всех этих тимошенко, жуковых, мерецковых, октябрьских и прочих алафузовых, подставивших под вражеский удар, не только местное население приграничных районов, но и семьи военнослужащих Красной Армии и Военно-Морского флота? Да и чистолю- скромницу робкого Кузнецова, вполне можно было бы отнести к этой компании. Не первый год военную лямку тянул и знал, что надо делать, когда война на носу.

Кстати, что сам-то Кузнецов написал по поводу начала войны? Я уже ранее приводил его интервью Г.Куманеву, где он “напугал” Маленкова, якобы, сообщением Сталину о начале войны. Возьмем в руки, упоминавшуюся ранее, его книгу “Курсом к победе”. Какое яркое название, особенно в свете вышеизложенного. Направил “Малютки” курсом к победе в открытое Баренцево море, где им, отродясь, неуютно было.

Знакомимся с воспоминаниями наркома Кузнецова по данному моменту.

“На рассвете 22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут мне позвонил из Севастополя командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С.Октябрьский”.

Как же он мог не позвонить, когда ему Георгий Константинович Жуков лично приказал доложить морскому начальству. Он и позвонил. Только Георгий Константинович или сам соврал, может, и по забывчивости, или напраслину возвел на Филиппа Сергеевича по части “неизвестных” самолетов. Помните, как наши “герои” никак не могли узнать, кто же бомбил? У Кузнецова, в отличие от Жукова, память оказалась хорошая, все помнит.

“Он (Октябрьский) доложил, что на Севастополь только что совершили налет **немецкие самолеты**. Стало ясно — началась война: нападение на главную базу Черноморского флота не могло быть случайностью или даже крупной провокацией. И хотя всем ходом событий я в какой-то степени морально был подготовлен к возможному нападению фашистской германии на нашу Родину, это известие ошеломило меня”.

А никто и не сомневался, что на Севастополь совершили налет немецкие самолеты. Это Жуков и другие мемуаристы, как например, Кулаков, “темнят” по поводу “неизвестных” самолетов. Вызывает улыбку “моральная подготовка” наркома Кузнецова к предстоящей войне. Хорошо, что не поделился с ней, хотя бы с тем же, Головки. Того, судя по его воспоминаниям, “неожиданность, которую мы ждали, не захватила... врасплох”. Видимо, в отличие от Кузнецова, у него моральная подготовка проводилась по другой методике.

“Свора Гитлера ликовала: внезапность нападения, на которую фюрер возлагал большие надежды, в какой-то мере была достигнута. Вторжение немецко-фашистских войск в пределы нашей страны началась в четвертом часу утра, а уже **в шесть часов Геббельс выступал по радио** и оповещал весь мир о первых грандиозных успехах на Восточном фронте...”

После войны Германское командование можно и сворой назвать, не придут с претензиями. А насчет выступления Геббельса лишнее подтверждение, что Гитлер выступал по радио 21 июня и на данный момент был в своей Ставке в Восточной Пруссии, то есть никак не мог выступать по радио 22 июня.

Наконец, Николай Герасимович начинает рассказывать о том, как развивались события по началу войны.

“Итак, я ждал новых сообщений с флотов. Ждать пришлось недолго. Уже в первой половине дня заместитель начальника Главного морского штаба контр-адмирал В.А.Алафузов обстоятельно доложил о положении на флотах, о всех распоряжениях, отданных им от имени наркома, а также о своих предположениях на будущее.

Ничего **особо существенного на флотах пока не происходило. Без подробностей было доложено о налетах на Либаву** (Лиепая), поступили также уточненные данные о воздушно-минной атаке Севастополя. **Спокойнее всего было на Севере”**.

Надо же! Написать такое о войне! Видимо, мало поубивало мирных жителей Мурманска и военнослужащих в первые часы немецких авиационных налетов на город, порт и военно-морскую базу, с точки зрения наркома Кузнецова, если сподобился написать такое. Понятно, что все в мире относительно! — любой философ скажет об этом. Поэтому, разумеется, нельзя сравнивать события на Севере с началом боевых действий, например, в той же, Белоруссии. Но на каких весах, прикажите, взвешивать спокойствие на войне?

В Москве, разумеется, пока не дрожали стекла от бомбежек в кабинете наркома, поэтому и был такой минорный тон в описании событий.

Вот так бы, потихонечку, и рулить бы флотами из Москвы всю войну. Жаль, что с немцами по данному поводу не договорились заранее.

Правда, после окончания войны, Кузнецов со товарищами, почему-то обижались, что их, дескать, наказали понапрасну. И действительно, за что?

Промелькнула фраза о налете на Либаву. Это как же надо было сообщать о вражеском налете, без подробностей? В-первую очередь, докладывают о результатах бомбежки. Чтобы и высокое начальство имело представление о понесенных потерях. Иначе, как же ставить боевую задачу морякам, если, вдруг, после бомбардировки военно-морская база приказала бы долго жить? Знаете, для чего так написано? Чтобы можно было сказать, что флот встретил налеты вражеской авиации подготовленным. В дальнейшем, Кузнецов будет хвалиться тем, что, дескать, в первый день войны флот никаких потерь не понес. Как будто от этого станет легче командованию на местах? Оно же знало истинное положение дел на флоте. Кому же тогда врал? Будущему поколению. Чтоб оно мемориальные доски на улицах развешивало в честь флотоводцев с большими звездами на погонах.

А как читатель оценит, вот такое адмиральское высказывание: “Я ждал новых сообщений с флотов”. К счастью, дождался.

Но ведь, по связи сверху, сообщения не ждут от подчиненных, а получают, поддерживая непрерывную связь, как в данном случае, со штабами флотов. Обратите внимание, что Кузнецов все время общается с заместителем начальника штаба Алафузовым. Тот и рулит активно всеми событиями. А где же сам начальник штаба И.С.Исаков? Скоро появится.

Интересно следующее сообщение адмирала Кузнецова.

“Не знаю, по своей инициативе или по поручению Сталина вечером говорил со мной по телефону В.М.Молотов, спрашивал об обстановке на флотах. Пока что я не имел оснований(?) докладывать о плохих вестях. Воздушный налет на Севастополь был отражен, черноморцы начали контрольное траление фарватера, чтобы обезвредить сброшенные немецкими самолетами мины. Организованно, в полной готовности встретила яростный шквал огня с румынского берега не менее сильным огнем своих кораблей Дунайская флотилия. Не было потерь и в Полярном. Что касается Балтийского флота, то мины, сброшенные с немецких самолетов возле Кронштадта, были замечены постами наблюдения и связи и поэтому особой опасности не представляли, их легче было тралить. От военно-морских баз противник был еще сравнительно далеко. Правда, **жестоким воздушным атакам подверглась Либаву**, но данных о значительном продвижении немцев на сухопутном фронте еще не было”.

Неплохой отчет наркома ВМФ перед читателями: пора давать орден за первый день войны!

А все-таки, Либаве здорово досталось, если так написано. Световой день был самым длинным в году. Было время немцам порезвиться в воздухе.

Но и нарком ВМФ, как бы то ни было — лицо подчиненное. Пришло время и ему по настоящему отчитаться о проделанной им работе. Значит, доложить Сталину о том, что началась война, Кузнецов не постеснялся, а пояснить вождю, сложившуюся ситуацию на флотах, в результате налета вражеской авиации, поскромничал. Дождался, когда Молотов побеспокоится. Обратите внимание, что и в этот раз Кузнецов не видел Сталина 22 июня. Да и в интервью Г.Куманеву о звонке, якобы Сталину, отделался короткой фразой: “...**взялся за телефонную трубку** и доложил Сталину о том, что началась война”. А как отреагировал Иосиф Виссарионович на то, что Николай

Герасимович “взялся за телефонную трубку”? Понимайте, как хотите. Даже, в данном случае, (ну, что делать?) приходится соглашаться, в какой-то степени с версией В.Жухрая. У Сталина действительно были проблемы со здоровьем. Только, думается, у него была не ангина, со сложным названием, а кратковременная потеря слуха. То, что ему мог сказать в телефонную трубку Кузнецов, он все равно бы не услышал. Поэтому Сталин и попросил Молотова позвонить командующему ВМФ Кузнецову, а затем содержание разговора написать на листке бумаги, чтобы можно было прочесть. Шутка, конечно. А то, действительно, особо доверчивые читатели могут поверить, что Сталин оглох на оба уха.

Довольно высоким стилем пишет высшее военное руководство страны о событиях войны. Ведь, врут же наши военные о событиях тех трагических дней, то себе друг другу, то нам, читателям. Всегда вопрос: “Зачем?”. Видимо, чтобы оправдать полученные награды при “защите” Отечества?

Но продолжим выяснять положение на Кольском полуострове. Как же, Николай Герасимович вывернулся в истории с Северным флотом? Ведь Головки же криком кричал об оказании и помощи, и **об изменении мобилизационного предписания**.

“Около шести часов вечера позвонил командующий Северным флотом А.Г.Головки. Его **беспокойли** наши отношения с Финляндией. “Все по-старому”, — ответил я ему, оставляя в силе разрешение атаковать лишь аэродромы, занятые гитлеровцами на норвежской территории”.

Нашим военным с большими звездами на погонах, надо было бы почаще собираться и писать свои мемуары в одной комнате. Была бы возможность, хотя бы, договориться по ряду вопросов. Головки просит помочь бомбардировочной авиацией, а ему отвечают из Москвы (через Ленинград), что можете бомбить только норвежскую территорию. С другой стороны, Головки пишет, что попросил оказать содействие по бомбежке норвежской территории. Отказали. А вдруг Финляндия нападет. И смех, и грех. Я думаю, что и без комментариев читателю все ясно, как “руководили” из Москвы (и Ленинграда).

Теперь, наконец-то, дошла очередь до еще одного важного свидетеля, тех памятных дней, о котором говорили выше. Это бывший заместитель командующего Северным флотом, в то время, капитан первого ранга Василий Иванович Платонов. Всю описательно-лирическую часть его мемуаров мы опускаем и сразу приступаем к существу дела. Хотя признаться, всё в рассказах Василия Ивановича интересно, даже, лирика.

“Уже наступил июнь, а штаб флота все тянул с объявлением сроков выхода в район учений. Объяснялось это двумя причинами. Дело в том, что у командиров плавающих соединений не было единого взгляда на методы боевой подготовки кораблей. Одни считали, что готовиться к войне следует не в тепличных беломорских условиях, а в своем суровом районе, там, где предстоит встреча с противником, и учиться надо не только летом, но и круглый год. Другие им возражали, утверждая, что начинать погружаться на больших глубинах Баренцева моря для молодых подводников слишком опасно, и в подтверждение приводили примеры аварий и даже гибели подводных лодок. Новый командующий флотом контр-адмирал А.Г.Головки был склонен к компромиссному решению: молодым командирам подводных лодок проводить отработку первых задач на малых глубинах в Белом море, а артиллерийские стрельбы и торпедные атаки надводных кораблей перенести к берегам Мурмана.

Однако отпускать **в глубокий тыл** даже небольшой отряд флота, ослабляя силы главной базы, **было рискованно** ввиду подозрительного поведения гитлеровцев у наших границ”.

Мне, думается, что Василий Иванович, немного не договаривает, как всегда по причине, как бы, не сказать чего лишнего. Кроме того, не надо забывать советскую военную цензуру. Мало ли что было пятьдесят лет назад? Нельзя подвергать сомнению официальную точку зрения на начало

войны. Все было хорошо, прекрасная маркиза, только товарищ Сталин, как всегда вносил диссонанс в правильно играющий военный оркестр наркомата обороны.

Что такое — проведение военных учений в открытом море накануне войны? Думается, командующий Головко понимал, в каком состоянии вернутся военные корабли из предстоящих июньских учений на свою базу. Что ответят главные механики на вопрос: “Будут ли данные корабли в состоянии сразу выполнять поставленные перед ними боевые задачи?” Поэтому и тянул с учениями: не лучше ли побережь ходовую часть кораблей перед предстоящей схваткой с врагом? Тем более что перед этим не сидели же, сложа руки. Платонов и подтверждает сказанное.

“Как всегда, и 1941 год мы начали с отработки зимних задач боевой подготовки, а как только унялись февральские штормы, корабли соединений флота вышли в море для выполнения стрельбовых задач. Противолодочные корабли охраны водного района (ОВР) приступили к напряженным тренировкам по поиску подводных лодок, торпедные катера учились выходить в атаки по надводным целям, которые имитировал минный заградитель “Мурман”, тральщики отрабатывали траление в заданном районе и проводку кораблей за тралами. Учились выходить в торпедные атаки эскадренные миноносцы и подводные лодки. Май был особенно напряженным для бывалых командиров-подводников М.И.Гаджиева, В.Н.Котельникова, **Н.А.Лунина** и экипажей их лодок. Они отрабатывали задачи по выходу в атаку по боевому кораблю, идущему двадцатиузловым ходом в охранении катеров МО, по скрытному прорыву противолодочной завесы. Командиры дивизионов И. А. Колышкин и Н. И. Морозов могли гордиться успехами своих воспитанников. Пристально следил за результатами боевой подготовки командующий флотом А. Г. Головко”.

Примерно, как у генерала Рокоссовского. Новой танковой техники в его, 9-й мехкорпус, не поступало, а начальство свыше, требовало проведение учений. Понимая поставленные перед ним, как воином-защитником своего Отечества боевые задачи, Рокоссовский отказался следовать в русле вышестоящего указания. Он решил побережь моторесурс старых танков. Иначе с началом войны, не на чем было бы воевать. Новых танков нет и не предвидится (видимо, часть осталась в Одессе?), а старые — встали бы “на прикол”.

И Рокоссовский, как показали события, оказался прав. Может и Арсений Григорьевич, по мыслям, был сродни Константину Константиновичу?

Обратите внимание, что и “май был особенно напряженным”. Почему же тогда настаивала Москва на проведение новых учений? Или в отличие от Головко Главный морской штаб не понимал того, что прекрасно понимало низовое командное звено?

Можно было бы написать, что это было странное поведение высокого морского командования. А так, как читатель уже осведомлен о многих “странностях” учиненных нашей “пятой колонной”, стоит ли вновь удивляться представленному факту.

Насчет атак подводных лодок “по боевому кораблю, идущему **двадцатиузловым ходом** в охранении катеров МО”, думается, Платонов подыграл нашим подводникам. Примерно с такой скоростью шла немецкая эскадра во главе с “Тирпицем”. По транспорту, идущему в охранении с вдвое меньшей скоростью, попали бы торпедой и то, как говорится, большая удача. А попасть в боевой корабль, да, к тому же, идущий на сложном противолодочном зигзаге — большая редкость. Это уж, Василий Иванович, написал для красного словца. Но не будем слишком строги к адмиралу Платонову, тем более в отношении себя, он был, на мой взгляд, достаточно честен.

“10 июня 1941 года, когда в Мотовском заливе корабли ОВРа отрабатывали задачи траления, командующий прибыл на мой флагманский корабль. Он был очень озабочен. И немудрено: иностранная печать и радио назойливо сообщали о подготовке гитлеровской Германии к войне с

русскими, предсказывали скорое нападение на Советский Союз. Командующего флотом больше всего беспокоило отсутствие по этому поводу исчерпывающих инструкций”.

Опять видим, чтобы не раздражать московское начальство Головкин провел в июне, частично, морские учения. Мотовский залив, вроде бы уже и Баренцево море, но близко, под боком. Тральщики, тоже корабли, и к тому же, неплохо лишний раз потренироваться на предмет того, что немцы могут с началом войны набросать мин на фарватер Кольского залива. Конечно, Арсений Григорьевич лавировал, как дипломат. Поневоле им станешь, в дополнении к основной профессии моряка.

“Особенно его тревожила близость главной базы флота — Полярного к советско-финляндской границе, где были сосредоточены немецко-фашистские войска, и то, что незамерзающий океанский порт Лиинахамари превращен гитлеровцами в военно-морскую базу.

— Жаль, что мы не добились прошлой зимой этого старого прихвостня российского трона Маннергейма, — сказал Арсений Григорьевич. — А теперь видишь, как ловко он снюхался с Гитлером.

Беседа была долгой, нас угнетало отсутствие информации по поводу действительных намерений немцев, но мы утешали себя мыслью, что в Москве лучше нашего знают и оценивают военно-политическую обстановку и не допустят просчета в таком серьезном деле. Однако твердо сошлись во мнении, что порох надо держать сухим”.

Конечно, это в определенной мере повторяет сказанное самим Головкин, но мне хотелось показать боевое содружество командиров отвечающих за жизнь тысяч людей и главное, понимание ими поставленных задач и их реализация вопреки всему. Об этом ниже.

“Северный флот вел интенсивное строительство и оборудование военно-морских баз, аэродромов и береговых артиллерийских позиции. Их нынешнее состояние пока еще не в полной мере обеспечивало базирование и боевую деятельность сил флота. Несмотря на открытый характер морского театра, Северный флот не имел **ни линкоров, ни крейсеров**, которые, по понятиям того времени, олицетворяли морскую мощь.

Перед Великой Отечественной войной он насчитывал только **три** плавающих **соединения**: отдельный **дивизион эскадренных миноносцев, бригаду подводных лодок и бригаду охраны водного района** главной базы. По корабельному составу и вооружению эти соединения равнялись нынешним дивизиям и тесно взаимодействовали друг с другом. Однако кораблей, предназначенных специально для плавания в северных широтах, тогда еще не строили, а корабли, подобранные с других флотов, не полностью соответствовали особенностям театра и сложным условиям океанского плавания. Так к нам попали новые эсминцы проекта “7”, один из которых разломился на волне, а **подводные лодки типа “М”** из-за их малой мореходности мы **остерегались выпускать дальше 100 миль от базы**. К сожалению, Северный флот по сравнению с другими флотами имел и самую слабую морскую авиацию.

Большая часть ОБРа состояла из торговых и рыболовных судов, призванных по мобилизации во время финской кампании. Они обладали высокими мореходными качествами, но были малопригодны для боевого использования либо из-за малых скоростей, либо из-за большой осадки.

Соединения ОБРа в то время представляли собой новые формирования не только на Северном, но и на других флотах. В их задачу входила борьба с минами, подводными лодками и торпедными катерами для обеспечения безопасного плавания транспортов и боевых кораблей в прибрежной зоне моря. Реализация этой задачи требовала большой затраты сил и средств.

Для действий против подводных лодок в районе, прилегающем к базе, предназначались **малые охотники** — быстроходные и маневренные корабли **с деревянными корпусами**. Они были вооружены двумя универсальными 45-мм орудиями, двумя 12,7-ми зенитными пулеметами, большими и малыми глубинными бомбами. Командовали охотниками только что выпущенные из училища лейтенанты — молодые, жизнерадостные и смелые люди. К сожалению, катера МО имели на вооружении довольно-таки несовершенную гидроакустическую аппаратуру типа “Посейдон” и плохо “слышали” лодки, находящиеся под водой. Выходить из Кольского залива они могли при волне не выше трех баллов, так как проектировались для закрытых морских театров как корабли погранохраны, предназначенные для действий в прибрежных водах”.

Подчеркнул по тексту чтобы показать: слабоваты были малые охотники для океанской волны. Но, ведь, воевали же! Да, еще как!

К ранней редакции решил сделать небольшое дополнение. Военному кораблю с деревянным корпусом, не страшны электромагнитные мины. Перед самой войной у нас было свернуто производство тральщиков с деревянными корпусами против подобной немецкой заразы. Хотелось бы заметить, что данные мины удобно было применять, именно, в мелководном Балтийском море. В таком случае и малые охотники с деревянными корпусами, целесообразно было бы использовать на мелководье. Однако, почему-то, отправили на Север в глубоководное Баренцево море под напор могучих волн. Видимо, посчитали, что везде, мол, вода соленая.

“Для борьбы с подводными лодками в более удаленных районах моря предназначались переоборудованные из рыболовных траулера сторожевые корабли. Все их вооружение составляли два 45-мм орудия и два пулемета, они могли брать на борт до трех десятков глубинных бомб. Никаких **гидроакустических устройств у них не было**. (Значит, бомбили подлодки на авось, лишь бы отпугнуть. — В.М.) Правда, были у нас три сторожевика типа “Ураган” — корабли специальной постройки и с хорошим вооружением, но мы не решались выпускать их далеко в море из-за большого износа механизмов и корпусов...”.

Понятна озабоченность и Арсения Григорьевича и Василия Ивановича. Перефразируя высказывание царя Пирра, можно было сказать, что еще одно морское учение Северного флота и воевать будет не на чем. Кроме того, Василий Иванович сетует, насколько не была продумана структура управления организацией боевых кораблей. Это, ведь, все он приводит по мобилизационному предписанию, которое вступило в силу с началом войны.

“Для создания позиционных противолодочных преград на подходах к базам использовались сетевые и минные заградители. Поскольку сети предназначались только для защиты от подводных лодок, то отнесение сетевиков к силам противолодочной обороны и подчинение их ОВРу споров не вызывало. Другое дело минные заградители, в боевом использовании которых нуждались многие соединения флота. Однако и они организационно входили в состав нашего соединения. Случалось, что в ОВР включали корабли, заведомо не имеющие отношения к выполнению функций охраны водного района главной базы. Так было с пассажирским теплоходом “Кооперация” и с ледокольным пароходом “Дежнёв”. Включали только потому, что для решения задач, ставившихся перед другими соединениями, они подходили еще меньше.

Кроме противоминной, противолодочной и противокатерной обороны на ОВР возлагалось и оповещение флота о появлении сил противника в границах вод главной базы и о налетах его авиации со стороны моря. Для этой цели на побережье была развернута сеть постов наблюдения и связи. На ОВР возлагалась также задача по охране транспортов и боевых кораблей, стоящих на рейде и в гаванях. Для этого предписывалось выставлять противокатерные боновые заграждения, а к ним подвешивать плетенные из стальных тросов противоторпедные сети, держать закрытыми входные ворота, регулировать движение кораблей и судов по фарватерам”.

Это все наболевшее, бывший в ту пору, капитан первого ранга Платонов сообщает нам неспроста. По мобилизационному предписанию с началом военных действий, он, как заместитель командующего флота становился командующим ОВР (Охрана водного района). Поэтому и перечисляет все те просчеты высшего и местного руководства, в том числе, которые выявились с началом войны. Но это только преддверие той истории, которая произошла с Василием Ивановичем.

“Вечером 15 июня меня срочно вызвал А. Г. Головка. Выяснилось, что час назад заместитель наркома корпусной комиссар С. П. Игнатъев сообщил ему, что начальник управления кадров полковой комиссар А. В. Зорин уходит на учебу. На его место предлагалась моя кандидатура. Арсений Григорьевич пытался возражать, мотивируя отказ сложностью оперативной обстановки на морском театре, но его доводы не были приняты во внимание. Мне было приказано на следующий же день выехать в наркомат для предварительных переговоров”.

Дело, конечно же, не в сложности оперативной обстановки, хотя её, тоже нельзя сбрасывать со счетов, а в том, о чем сказано выше. Платонов с момента начала боевых действий становится командующим ОВР. На него возлагается огромный круг обязанностей, с которыми только он, как заместитель командующего флотом, в состоянии справиться. И об этом, конечно же, знает Головка, и всячески противится решению Москвы. Кем он должен заменить внезапно выдернутого из обоймы командования Северным районом подготовленного человека, каким являлся Василий Иванович Платонов. И это накануне грозных событий — на что особо напирал Головка. Но с московским начальством много не поспоришь. Платонов убывает в Москву.

“Уже тогда из Мурманска в столицу ходил фирменный экспресс “Полярная стрела”... Мысли снова и снова возвращались к цели неожиданной командировки. Я пытался найти ответы на мучившие меня вопросы: **кто** предложил мою кандидатуру, почему именно **меня**, а если осуществится предполагаемое, справлюсь ли **я**? Так и не найдя подходящего ответа, решил положиться на совет старинной русской поговорки “утро вечера мудренее”.

На следующий день после приезда состоялась беседа с заместителем наркома по кадрам С. П. Игнатьевым. Мы служили вместе в бригаде подплава на Балтике в начале 30-х годов. Он был тогда инструктором политотдела этого соединения. Бывший сослуживец говорил о значении лозунга “Кадры решают все”, о моей будущей работе, об ответственности вверяемого мне управления за подбор, расстановку и подготовку командирских кадров. О нашей прежней службе на подводных лодках не вспоминал, то ли забыл, то ли считал это неуместным. Заканчивая беседу, мой будущий непосредственный начальник сказал, что **командование настоятельно рекомендует мне сразу же отправиться в очередной отпуск**, а после него мне надлежит прибыть к новому месту службы. Остаток дня ушел на предварительное знакомство с новыми делами и обязанностями.

Начальник управления А. В. Зорин, которого мне предстояло сменить, прежде служил на Северном флоте инструктором политуправления. Ему хотелось, чтобы я не испытывал затруднений в первые дни пребывания в незнакомой должности, и он откровенно, обстоятельно и добросовестно вводил меня в курс дела. Служебные разговоры нет-нет, да и прерывались воспоминаниями о штормовых походах, о кораблях, о друзьях-североморцах”.

Вам не показалась странным, читатель, некое раздвоение реального положения дел. На Северном флоте Головка думает, как отбиться от предстоящего нападения врага, тем, малым составом сил, что имеется в наличии. А у него отбирают грамотного и подготовленного заместителя, который в самое ближайшее время должен приступить к выполнению поставленных перед ним боевых задач. Здесь же, в наркомате ВМФ как будто, другая жизнь. Словно предстоящее нападение Германии не суровая действительность, стучащаяся в дверь, а некая надоедливая муха, жужжащая на оконном стекле, и которую при желании легко прихлопнуть подвернувшейся под руку свернутой газетой с Заявлением ТАСС от 14 июня.

Видимо, больше нечем заняться высокому московскому начальству, как накануне грозных событий отправлять из наркомата на учебу в академию начальника по кадрам? В конце концов, могли бы продвинуть по службе его заместителя? Нет! Подавай служивого из Северного флота, который, ко всему прочему, находится на острие удара немцев в Заполярье. И в завершение всему, — это неожиданный очередной отпуск для нашего героя. Флот же приведен в состоянии повышенной боевой готовности, как уверяет нарком Кузнецов (тоже пишет и Головки), то есть, со дня на день ожидается нападение немцев. Какой может быть отпуск на пляжах Крыма?! Кто скажет, как все это, называется по-русски?

“В Полярный я возвратился **20 июня**. Начальник штаба соединения капитан 3 ранга Б. И. Мещеряков доложил, что над главной базой чуть ли не каждый день летают фашистские самолеты-разведчики и по ним разрешено открывать огонь, что с 19 часов 30 минут 19 июня флот переведен на боевую готовность № 2 и мы уже выставили в море **три линии корабельных дозоров**. Подытожив доклад кратким “добро”, я поспешил к командующему флотом. Внимательно выслушав отчет о поездке в столицу, Арсений Григорьевич дал разрешение отправляться на отдых в Гурзуф.

— Будем надеяться, что ты полностью отгуляешь свой отпуск, — сказал он на прощание, — но, если обстановка потребует, я тебя потревожу”.

Представляю, какими словами они оценивали действия московского начальства. Уже по немецким самолетам открывали стрельбу, а Василия Ивановича насильно отправили в отпуск. Значит, 17 июня флот по Платонову, привели в боевую готовность № 2 (пусть будет так), но 18 июня все вернули на свои места. Поэтому Головки и обратился за разъяснениями к командующему округом Попову, так как, видимо, приказ об отмене прошел по каналам наркомата обороны через Генштаб. Флотские, были же у них в оперативном подчинении. Головки, каким-то образом (сам пишет), все же возвращает флот в прежнее состояние боевой готовности № 2 (?). Говорил, как помните, что сам, лично, проявил инициативу.

Да, но инициатива командующего — это, конечно, хорошо, но стыкуется ли она, реально, с боевой готовностью флота? По бумаге-то, выходит, всегда хорошо. Кроме того, и Василий Иванович мог выдавать желаемое за действительность. Думается, что по немецким самолетам не стреляли, а открывали предупреждающий **заградительный огонь**, чтобы не допустить пролет над акваторией морской базы.

Что можно сказать в оправдание Платонова? Военные, люди подневольные, то есть, обязаны выполнять приказ начальства, каким бы абсурдным он не показался подчиненному лицу. Те же события предвоенных дней, как и у Головки, но другим взглядом.

“**21 июня** в небе над Полярным трижды появлялся на небольшой высоте немецкий самолет Me-110. Корабли вели по нему интенсивный огонь. Без привычки некоторые артиллеристы зря горячились”.

Понятно, промазали. Ни за что, не попадешь во вражеский самолет, если дан приказ “Огня не открывать!”.

“Положение “необъявленной” войны иногда приводило к недоразумениям. Стоявшему в гавани тральщику по вине вахтенного сигнальщика не было передано приказание стрелять по неопознанным самолетам. Вызываю командира корабля:

— Почему ваши орудия молчали, когда над нами кружил воздушный нарушитель?

— Не получал разрешения стрелять.

— Но вы же видели, что в базе тревога, что все корабли ведут огонь?

— Видел, это точно, но ничего не понял. Смотрю, летит самолет, то ли наш, то ли нет, мишени вроде не буксирует, а все палят. **Куда палят** — не разберу.

Субботний вечер ушел на сборы в дорогу. Жена хлопотала над чемоданами, счастливые дети примеряли белые панамки, готовясь ехать: сын — в Артек, а дочь — в Евпаторию. Летний отпуск, да еще всей семьей, — явление в жизни военного моряка чрезвычайно редкое. Наконец семейство уgomонилось. Заказав на 10 часов утра катер к дневному поезду, я лег спать. Завтра воскресенье, 22 июня, — первый день отпуска”.

Поэтому и не было Платонова вместе с начальством на спектакле московского театра, что готовился к отъезду на юг.

Смотрите, как озаботилось высокое начальство о семействе Платонова. Сынишке предоставило путевку в Артек, а дочке дали возможность подлечиться в Евпатории. А папа и мама этих детишек, видимо, по мысли московского начальства, должны были отдыхать по близости в санатории для военных моряков.

По данной теме, об отдыхе в Крыму, есть интереснейшее воспоминание Нины Константиновны **Забродиной** (в девичестве Колесниковой) о своем пребывании в пионерском лагере “Артек” накануне войны (СИ № 10 от 5 марта 2011 года, “**Детство без инфантильности**”).

“Мне дали путевку в “Артек”, с 5 июня по 14 июля 1941 года, я была счастлива, но пробыла там всего 2 недели. Когда ехали в лагерь, я на пересыльном пункте заболела, у меня температура, я отстала от своих сверстников, лежу в изоляторе. В изоляторе меня навещает **Светлана Иосифовна** с подругой Наташей, не знаю её фамилии до сих пор. Дочка Сталина **Светлана** не хотела в “Артек”, ей надоело каждый год ездить, она в том году, по-моему, 11-й класс кончила (Всего лишь 8-ой, но для Нины она казалась старше; так всегда бывает в детстве. — В.М.), но поехала в “Артек” только из-за того, чтобы увидеть меня...

Ей разрешили меня забрать в “Артек”, она же и вывезла меня из “Артека”.

“Артек” начали бомбить раньше, чем была объявлена война. С 19 июня немец нещадно бомбил Черноморское побережье. И все местное мужское население сразу пошло на фронт. У нас один мальчик сломал ногу, к нам из Алупки шел катер с врачами. Налетел немецкий самолет, стал бомбить, с катера махали белым халатом. В результате бомбежки в катер было прямое попадание, и только один хирург выплыл с поврежденной рукой. Он приплыл в лагерь и потерял сознание. Только успел сказать: “Это война”.

Когда объявили войну 22 июня, мы уже три ночи вставали в 4 утра и шли под кроны огромных деревьев в горах, туда нам приносили еду. Немцы с утра начинали бомбить. Ходили в специальных комбинезонах темно-синего цвета, даже белые воротнички велели запрягать. Был тихий час, я взяла с кровати покрывало и подушку и ушла спать в розарий — очень любила розы. В это время дали один автобус для вывоза элитных детей. Надо садиться в автобус, Светлана с Наташей должны ехать, а они кинулись меня искать, меня нет нигде, автобус задержали на 40 минут. Но они меня нашли, я упиралась, а Светлана и Наташа, подхватили меня под ручки, сунули в автобус. Почему я так четко запомнила, потому что в лагерь приехала с именным портфелем, а там была эмблема: “Дочери путевого обходчика Ниночке Колесниковой за предотвращение крушения пассажирского поезда 20 марта 1941 г.”. остальных детей вывели пешком через перевалы”.

Даже, если и ошиблась Нина Колесникова на пару дней, память, штука не очень надежная, то все равно жуткая история. И это все под боком командующего Черноморским флотом. Недаром о начале войны, ни какой правды от большого начальства не дождешься.

По-поводу Светланы Сталиной. Откроем ее зрелые воспоминания “Двадцать писем другу”.

“Когда началась война, у всех людей проснулось чувство общности, всякие разногласия отступили перед лицом общей опасности. Так произошло в нашей, уже развалившейся семье. Сначала нас всех отослали в Сочи: бабушку, дедушку, Галочку (Яшину дочку) с ее матерью, Анну Сергеевну с детьми, меня с няней. К сентябрю 1941 года мы вернулись в Москву...”.

Отредактировали, будь здоров! О Сталине, как отце — ни слова. Откуда она приехала в Сочи? И почему? Что на подмосковной даче в Зубалово, вдруг, тесно стало? Все оставшиеся летние каникулы провела на правительственной даче в Сочи и вернулась в Москву к началу учебного года. Неужели в июне столица была более опасная, чем в сентябре, на пороге грозных событий в Подмосковье?

В рассказах Молотова писателю Чуеву, есть маленький штришок о Жданове: “Он в Сочи был, когда началась война... Упрекают: “О чем они думали? О войне? Нет, они в Сочи сидели!” Оптимисты, мол, какие, члены Политбюро”.

Если сопоставить эту информацию, с приведенной выше, то вырисовывается занятная картина. Значит, Светлану из Крыма перевезли на дачу в Сочи под крыло Жданова? Видимо, Сталин посчитал, что у своего друга Андрея Александровича, в Сочи, ей будет безопаснее, чем возвращение в непредсказуемую Москву? Светлана, могла оказаться в роли заложницы в руках заговорщиков, что мало привлекало Сталина, как отца. То-то, Жданов задержался с прибытием в Москву, а, в последующем, и в Ленинград. Организовывал надежное охранение дочери вождя. После войны, пытались породниться Сталин и Жданов. Но не удалось в полной мере. Хотя их дети Светлана и Юрий, поженились после смерти Андрея Александровича, и даже родилась дочка, но по ряду причин, не сумели удержать семейный корабль на правильном курсе.

Возвращаемся к нашему капитану первого ранга Василию Ивановичу Платонову, готовившегося отправиться в отпуск к Черному морю.

“Только успел забыться, как зазвонил телефон. В трубке взволнованный голос дежурного по штабу ОВРа:

— Товарищ капитан первого ранга, получен сигнал **“Павлин-один”!**

— Исполнить **“Павлин-один”** всем кораблям и частям соединения.

Вскочил, стал поспешно одеваться. Ни о чем не спрашивая, жена тревожно глядела то на меня, то на спящих детей. Откуда ей было знать, что этот сигнал, по которому флот переводится в боевую готовность № 1, сейчас означал непосредственную угрозу войны или ее начало”.

Вот мы и подошли к сигналу по Северному флоту, объявлявшему боевую тревогу на флоте. Никакого отношения к птице, это слово-сигнал, не имеет. Думается, что большевик **Павлин** Федорович Виноградов, который в 1918 году был избран заместителем председателя Архангельского губернского исполкома, дал свое имя этому кодовому сигналу. Виноградов был создателем и командующим Северо-Двинской военной флотилии давшей начало будущему Северному флоту.

“В штабе флота удалось узнать лишь то, что высшая степень готовности объявлена **Москвой**. Сразу же распорядился, чтобы работники штаба проверили подготовку кораблей к бою. Правда, те уже давно стояли готовыми, все, что от нас зависело, мы уже сделали: приняли боезапас, топливо, питьевую воду и продовольствие, рассредоточили корабли дивизионов по заливу.

В четвертом часу ночи позвонил А. Г. Головки:

— Василий Иванович?

— Да, я слушаю вас, товарищ командующий.

— Началась война! Немцы на западе перешли нашу границу. Нанесли удары с воздуха по ряду городов, в том числе и по Севастополю. Надо ждать налета и на Полярный. Прикажи усилить дозоры, лично проверь расстановку по гавани катеров МО. Сам проинструктируй командиров и проконтролируй, чтобы дружно вели огонь и прекратили стрелять, когда воздушный бой завяжут наши истребители. Да, вот еще. Тебе придется возглавить эвакуацию населения.

Помнится, я и сам удивился тому, что воспринял это страшное известие со спокойствием и твердой уверенностью, что мы отобьем любое вражеское нападение, не допустим какой-либо оплошности...”

В отличие от Черноморских товарищей, и Головки, и Платонов не испытывали сомнения по поводу “неизвестных” самолетов. Кроме того, Головки, как видите, в случае авиационного налета немцев приказал, в отличие от Октябрьского, поднимать в воздух свою скромную, по военным меркам, истребительную авиацию. Простим, Василия Ивановича, за маленькую ложь: сигнал по флоту прозвучал, все же, как думается, после того, как узнали, что немцы границу перешли. Видимо, как сказал чуть ранее, Головки, скорее всего, не стал дожидаться решения московских товарищей из штаба, когда те раскачаются. А может, верный человек позвонил: “Так, мол, и так, Арсений Григорьевич. Бери ответственность на себя. У тебя, самое сложное положение. До границы, вместе со штабом флота, несколько десятков километров. Упустишь время, пиши — пропало”.

Разве узнаешь, теперь, все подробности за давностью лет? Вполне возможно, что и редакция военного издательства могла подыграть официозу: “Москва не дремала и вовремя подала сигнал о полной боевой готовности. Знай враг, наш доблестный советский флот!”

“Следя за боевыми действиями, которые вела фашистская Германия в Европе, мы отчетливо представляли мощь и разрушительную силу современной авиации. Флотские строители принимали все меры к тому, чтобы зарыть в землю жизненно важные объекты флота.

К началу войны у нас имелся хороший склад боеприпасов, выдолбленный в скале. Полным ходом шло строительство подземного хранилища и ремонтных мастерских торпед”.

В сравнении с командованием Черноморского флота, расположившим свои морские мины на открытом воздухе, и при первом же налете вражеской авиации, чудом не взлетевшим на воздух вместе со всем боезапасом флота, товарищи на Севере оказались более дальновидными и расторопными, если не сказать больше. Наверное, понимали разрушительную силу морских мин и торпед, коли упрятали склады в подземном хранилище в скале. Также обеспокоились на будущее и ремонтными мастерскими. Реально понимали, что война продлится не один день. С командованием флота, и в частности ОВР, даже случился небольшой казус, от чрезмерного усердия по службе. За делами по укрытию боезапаса и прочего военного имущества забыли о себе, как о людях, которые в случае вражеского налета могли бы пострадать при бомбардировке. Головки Платонова, даже, в шутку, пожурил за это. К счастью, подземные хранилища смогли вместить в себя и флотские штабы.

“Воздушные налеты немцы начали с Мурманска, где бомбили главным образом рыбный порт. Вначале урон был невелик. Частично пострадали производственные предприятия и причалы, получили повреждения и два траулера, но потопленных судов не было. Рубленные деревянные жилые дома не боялись взрывной волны фугасок, им были страшны только прямые попадания да пожары, которые возникали мгновенно...

Немцы, встретив над городом упорное противодействие истребителей 14-й армии, в первом же воздушном бою потеряли три бомбардировщика. Отличились и флотские артиллеристы.

23 июня батареи старших лейтенантов А. И. Казарина, А. П. Исаева и лейтенанта Б. А. Сацука сбили два самолета.

24 июня немецкая авиация вновь совершила налет, но теперь уже на Полярный, полуострова Средний и Рыбачий, остров Кильдин. Над главной базой флота вражеские самолеты появились около восьми часов утра. Шестерка Ю-87, не торопясь, по всем правилам, как на учениях, зашла со стороны солнца и, разделившись на пары, камнем свалилась в пике на корабли, стоявшие у причалов и на рейде...

Стрельба не давала видимых результатов, хотя мешала немецким летчикам прицельно атаковать, — бомбы падали вокруг кораблей в воду и на берег...

По второй шестерке самолетов моряки стреляли уже уверенней. Боевые расчеты крупнокалиберных пулеметов и 45-мм орудий на катерах МО терпеливо и, как мне показалось, даже хладнокровно выжидали момент, когда немецкие самолеты, выходя из пике, зависали в воздухе, и открывали ураганный огонь с выгодных дистанций. Один Ю-87, так и не сбросив смертоносного груза, просвистел над нашими головами и врезался в воду...

Другой самолет стал в воздухе разваливаться на части, третий ушел на запад, оставив за собой черный шлейф дыма”.

Как видите, командующий 14 армией Фролов, если и не дал бомбардировщиков, но все же, помог своими истребителями отбить вражеский налет. Кроме того, ПВО флота поубавила активности немецким летунам.

Снова зададимся вопросом: “Что было бы при отсутствии Платонова, как заместителя командующего”? Где бы мог найти Головка такого человека, каким был Василий Иванович на своем месте, и который мог бы в состоянии справиться с таким колоссальным объемом работ по планам мобилизации?

Видимо, отпуск Платонова в планах Москвы был более важным моментом в предстоящих событиях, чем реализация требований Головка. Оцените масштаб проводимых работ, с которыми столкнулся Василий Иванович.

“Мобилизация была объявлена уже **в конце первого дня войны**. Были вскрыты сургучные печати на **красных** неприкосновенных до поры до времени пакетах, в которых находились мобилизационные планы и планы боевого развертывания сил флота”.

Как и везде, Москва задерживала вскрытие “красных” пакетов. Флот бездействовал, если не считать открытия огня с кораблей по вражеским самолетам и прочие мелкие дела, проходившие по инициативе местного руководства. Как видите, только “в конце дня” 22 июня было разрешено поломать сургучные печати. Наконец-то, были сброшены путы бездействия, и у командования флотом появилась реальная свобода рук в отношении боевого использования кораблей. Но проблем, к этому времени, накопилось по самое горло, как бы, ни захлебнуться.

“Соединения эскадренных миноносцев и подводных лодок и в мирное время почти полностью укомплектованы кораблями, а экипажи кораблей людьми. Иное дело — соединение ОВРа. В его состав должны были влиться прежде всего 1-й Северный отряд пограничных судов Морпогранохраны НКВД вместе с береговой базой в Кувшинской салме. Это было довольно крупное “хозяйство”, в которое входили мастерская, слип, жилые дома, клуб и даже пекарня. Из призываемых рыболовных траулеров, дрейфтеров и мотоботов необходимо было сформировать два дивизиона траления, два дивизиона сторожевых кораблей, дивизион катеров-тральщиков и дивизион сторожевых катеров. По числу вымпелов ОВР увеличился в три с лишним раза, примерно во столько же раз увеличилась и численность личного состава. Нужно было назначить командиров дивизионов, сформировать их штабы, подобрать места базирования, демонтировать на судах промысловое оборудование и установить вооружение, расписать специалистов и командиров по должностям и тревогам, провести учет коммунистов, создать партийные и комсомольские организации, обучить мобилизованных бойцов владеть оружием, а командиров на первых порах хотя бы элементарным тактическим приемам. Снизу сыпались вопросы и требования, сверху — распоряжения и приказания. Работники штаба и политотдела соединения валились с ног от усталости, ходили голодные, небритые, засыпали на ходу”.

В двойне приятно рассказывать о хороших людях. Так бы и продолжался рассказ о мужестве и героизме моряков Севера, но рамки данной работы не позволяют “растягивать” материал до бесконечности. Тем не менее, еще несколько моментов из воспоминаний адмирала Платонова, я все же, приведу.

“Уместно рассказать об одном эпизоде, характеризующем высокий патриотизм советских людей.

В губе Титовка перед войной начали строить аэродром. На земляных работах было занято несколько сот заключенных. В бою с немцами погибла вся вооруженная охрана лагеря. Несмотря на отсутствие стражи, репрессированные организованно отступили вместе с войсками к Западной Лице. Ни один из них не сдался в плен, не остался у врага. Прибыв на кораблях в Полярный, они обратились к командованию с просьбой разрешить им сражаться против фашистов и честно воевали всю войну”.

Это по поводу злопыхательства о заградительных отрядах и штрафных ротах. На данный момент, пока не было ни тех, ни других. Но были советские люди, которые защиту Родины поставили выше своих личных обид, пусть, даже, как они могли полагать, к несправедливо обидевшей их, исполнительной власти.

“3 июля 1941 г. по радио выступил И. В. Сталин. Его волнение передалось нам через тысячи километров. В репродукторе было слышно, как тяжело дышит оратор, как наливает в стакан воду. Первые же слова, обращенные к народу — “Братья и сестры!” — заставили всех содрогнуться. Так говорят, когда Отечество в смертельной опасности...”

Много раз я возвращался к этому эпизоду в своих воспоминаниях. Меня тревожило, что читатель может неправильно понять то состояние души, которое было не только у меня, но и, не боюсь слишком сильного обобщения, у подавляющего большинства воинов. Мы ничего не знали о преступлениях, которые совершил И. В. Сталин против партии и народа, и беззаветно верили его словам”.

И не знали бы до самой своей смерти, но в 1956 году Никита Сергеевич Хрущев с трибуны XX съезда партии “раскрыл” народу глаза на “преступления” Сталина и эту эстафету подхватили и несут все новые и новые обличители. Число “жертв” продолжает расти. “Демократическая” бухгалтерия скрупулезно ведет подсчет страдальцев. Цифры зашкаливают за все допустимые пределы человеческой глупости и подлости.

Возвращаемся к адмиралу Платонову. Василий Иванович продолжает вспоминать эпохальное выступление вождя.

“Забыть этот день и эту речь невозможно. Невозможно хотя бы потому, что в сознании каждого советского человека наступил крутой перелом, до этого момента мы тешили себя мыслью, что отступление наших войск явление временное, а военные неудачи всего лишь недоразумение. Теперь же наивные надежды уступили место суровой действительности. Стало ясно, какая ужасная опасность нависла над нами, какой ожесточенной и длительной будет эта война. После прослушивания речи мы долго молчали. Каждый думал о том, что он может сделать для победы, что еще, кроме жизни, отдать Родине”.

Это на Севере, немецкая группировка, получив по зубам, не сможет в дальнейшем, развить наступление и немного продвинувшись вперед, по первым дням — до конца 1944 года зареется в полярных сопках в ожидании неотвратимости наказания. На Восточно-Европейском же театре военных действий ситуация для наших войск была далеко не радужной, поэтому и задумались североморцы о том, “какой ожесточенной и длительной будет эта война”.

И последний эпизод из воспоминаний, который наиболее ярко высвечивает все то, что мы в этой главе разбираем.

“Война выявила, насколько неудачно было выбрано осенью 1933 г. место главной базы флота. Екатерининская гавань Кольского залива невелика и могла вместить лишь плавающий боевой состав кораблей начального периода развития флота. Отсутствовало и железнодорожное сообщение с тылом флота в Мурманске и аэродромом в Ваенге (ныне Североморск). Правда, еще председатель Кабинета министров в правительстве Николая II С. Ю. Витте, облюбовавший Екатерининскую гавань для строительства порта, планировал соединить Александровск-на-Мурмане (так тогда назывался Полярный) железной дорогой с поселком Кола, что лежал близ Мурманска. Но намерению этому не суждено было осуществиться. К сожалению, и в проекте строительства главной базы Северного флота прокладка железной дороги также предусмотрена не была, то ли в силу сложности того времени, то ли в результате просчета.

О том, насколько трудно представить базу флота без железной дороги, говорит такой случай. Как-то зенитчики сбили самолет Ю-88, а катаера МО подобрали из воды летчика.

На отобранной у него топографической карте я с удивлением обнаружил несуществующую железнодорожную ветку из Колы в Полярный.

По-видимому, противник не мог даже предположить, что военно-морская база обходится без железнодорожной транспортной связи со страной. Когда я показал оригинальный трофей командующему флотом, тот только тяжело вздохнул”.

Василий Иванович привел в своей книге столько вопиющих фактов, противоречащих здравому смыслу по защите Родины, со стороны руководства наркомата ВМФ, что трудно не усомниться в истинном патриотизме деятелей из Москвы считающих себя знатоками морского дела.

Не думаю, что Арсений Григорьевич Головкин отреагировал только тяжелым вздохом, увидев “оригинальный трофей”. Немцы не могли фантазировать с чужими картами, поэтому вряд ли им в голову могла придти мысль о нанесении на свои карты несуществующей обстановки. Кстати, откуда у них взялась такая подробная карта Советского Заполярья? Разумеется, своя разведка постаралась. Железная дорога в сторону Полярного, это перспективное строительство важных, в военном отношении, объектов.

Вполне возможно, что строительство в Полярный было заморожено на неопределенное время. Но может статься и так, что проволочка со строительством важной, в военном отношении

железнодорожной ветки в Заполярье, было, своего рода, актом саботажа. Ковалев же писал, как ему было тяжело проталкивать дела, которые являлись прямой обязанностью самих военных.

В чем “изюминка” данного трофея? У немецкого командования были карты, полученные из самых верхов управления Красной Армией и Военно-Морского Флота, вот в чем вопрос. Не могло же наше Главное управление геодезии и картографии печатать карты с несуществующей железной дорогой? Враг коварен, в чем мы убеждаемся лишний раз. Да, но с нашей стороны это было разгильдяйство или все же злой умысел? Если читателя и в конце работы обуревают сомнения, что подумать по этому поводу, то жаль! Тогда ему придется подбрасывать монету. “Орел” — разгильдяйство, а “решка” — негодяи из “пятой колонны”. Хотя военный трибунал плакал по тем и другим.

В отношении высказанного нашими героями — Арсением Григорьевичем Головки и Василием Ивановичем Платоновым по поводу начального периода войны, можно поставить и точку. Они честно выполнили свой воинский долг, несмотря на различные козни московского начальства. Что, само по себе, конечно же, удивительно, не правда ли?

По-поводу Арсения Григорьевича Головки добавлю несколько слов: его смерть во времена Хрущева в 1962 году и, по сей день, загадочна и необъяснима.

Рассмотрим еще некоторые моменты, связанные уже с самим наркомом ВМФ Н.Г.Кузнецовым.

Болезненный вопрос, это его, якобы, встречи и телефонные звонки со Сталиным в период, когда по моей версии, вождь отсутствовал в Кремле, на своей постоянной работе, примерно с 19 по 24 июня. Ну, телефонный звонок, это понимаете, не глаза в глаза с вождем: Сталин же не умер? Вопрос стоит о личных встречах. Кузнецов, в своих мемуарах удачно лавирует, как лыжник на слаломе. Трудно понять его игру слов. По Журналу Кузнецов был в Кремле в кабинете Сталина с 21 по 24 число, стало быть, должен был видеть вождя, по официальной версии. Но, как видите, отделяется от своего читателя “телефонными звонками”. Даже в день нападения, 22 июня, Молотов ему, видите ли, позвонил по поручению Сталина. Так по Журналу Кузнецов был в Кремле 22 июня. Видел он или нет Сталина? Вот вопрос? Однако, молчок. Я уже писал ранее, что все те, кто по статусу должен был видеть Сталина в эти дни, не мог внятно написать, что видел, дескать, товарища Сталина и разговаривал с ним на такую-то тему. Эту незримую черту — “лично видел Сталина”, не мог перешагнуть никто, у кого была, конечно, совесть. Еще один маленький кусочек из воспоминаний наркома Кузнецова.

“На совещании в кабинете И.В.Сталина **вечером 24 июня** я докладывал о полетах финских и немецких самолетов над Ханко, о бомбардировке наших кораблей в Полярном и не только о сосредоточении немецких войск на финско-норвежской границе (об этом правительство знало раньше), но и о том, что они продвигаются по финской территории к нашим границам”.

Написано по пословице: “И волки сыты, и овцы целы”. Уже говорил, что кабинет Сталина, ни есть сам Сталин. Кому докладывал нарком — опять молчок? Образована же была Ставка, и был ее председатель Тимошенко? Что в Сталинском кабинете летом прохладнее было, что ли, если собрались там? А реакция Сталина на сказанное Кузнецовым в докладе? Или как у В.Жухрая, Сталин, и в этот момент, находился в горячечном бреде и не реагировал на происходящее? Трудно сфантазировать то, чего не было. Поэтому Николай Герасимович и отделяется такими предложениями, типа “догадайся сам”.

Давайте, вот что? Переключимся на его заместителя Владимира Антоновича Алафузова. Я уже заострял вопрос на его чрезмерной “активности” по отношению к нашим героям Заполярья. Вновь вернемся к беседе Кузнецова с историком Куманевым.

Николай Герасимович обронил такую фразу: “Бывший со мной адмирал В.А.Алафузов, исполняющий обязанности начальника Главного морского штаба, был немедленно послан в штаб...”.

По каким причинам у нас должностное лицо исполняет, чьи либо обязанности? Когда сам не утвержден в данной должности — раз. Когда замещающее должностное лицо находится в длительной командировке, исключающей возможность его личного руководства вверенного ему подразделения — два. Или, например, отсутствует по болезни, или находится в очередном отпуске — три. Последний вариант самый интересный. Думаю, что читатель, вместе с Головкиным, негодовал по поводу отпуска Василия Ивановича Платонова за два дня до войны. Со дня на день ждуть нападения немцев, а заместителя командующего Северным флотом отправляют в отпуск, вопреки желанию командующего. Неплохо, по началу войны.

Вообще, по мемуарной литературе, можно найти много случаев, когда руководителей любого уровня, будь то военное или гражданское лицо, отправляли в отпуск, даже, с 22 июня. Самый яркий пример, с Платоновым, приведен выше. Как это понимать? Можно согласиться, в какой-то степени, с низовым звеном гражданского руководства, но военные-то, руководители? Неужели, не знали, что враг уже у границы? Трудно в это поверить, но как это объяснить? Помните, про паралич власти при воздействии “пятой колонны”? Только таким образом можно пояснить все, на первый взгляд, нелепицы с необъяснимым отправлением в отпуск должностных лиц, особенно высшего военного командного звена. Все это так, но почему не было, в ту ночь с 21 на 22 июня в Главном морском штабе И.С.Исакова? Мы же, знаем из воспоминаний члена Военного Совета Черноморского флота **Н.М.Кулакова**, что на Черном море накануне войны было учение.

“**18 июня** учение закончилось, и корабли стали возвращаться в Севастополь. Однако на флоте была сохранена оперативная готовность номер два. Разбор маневров планировался на 23 июня. Адмирал Исаков объявил, что задерживаться не может, и, поручив проведение разбора Военному совету флота, отбыл в Москву”.

В дальнейшем, в своем повествовании, Кулаков нигде словом не обмолвился в том, что в Севастополе, в штабе Черноморского флота находился начальник Главного морского штаба Исаков. К тому же, Ивану Степановичу, в такие тревожные дни, благоразумнее всего было бы находиться, именно, в своем штабе в Москве, куда стекались важные сообщения со всех флотов и быть в курсе всех дел. Но он, удивительным образом пропал в неизвестном направлении. Не в Гурзуф ли его отправил нарком Кузнецов, отдохнуть на пару с Платоновым? Заодно и в теннис бы размялись на корте, пока немецкие самолеты еще не подлетели? Поэтому и руководил всеми штабными делами заместитель начальника Главного морского штаба, Владимир Антонович Алафузов.

Кузнецов, в своей упомянутой выше книге “Курсом к победе” пишет, что 22 июня “в вечерней сводке, доложенной мне начальником Главного морского штаба (ГМШ) адмиралом И.С.Исаковым, который вернулся из Севастополя, отмечалось значительное продвижение противника к Либаве...”.

Нет, уважаемый Николай Герасимович, тут что-то не так. Как-то хитро написано. Надо, видимо, воспринимать приведенное так, что лишь к вечеру 22 июня адмирал И.С.Исаков вернулся в Москву.

А как в таком случае понимать написанное главным коммунистом Черноморского флота Кулаковым, который по партийному твердо и уверенно убеждал читателя, что 18-го июня, после окончания учений Иван Степанович отбыл в Москву? Как же это он умудрился, почти целых пять (!) дней добираться из Севастополя до Москвы. Уж, не на конном ли экипаже двигался до первопрестольной?

Однако умеют же врать наши военачальники, что в большом деле, что по мелочам. И ведь не скажешь же про них, что горек хлеб, потом и кровью заработанный.

Адмирал Исаков не оставил воспоминаний, хотя пристрастие к литературной деятельности имел. Но ряд интервью дал. В частности, с ним беседовал известный военный писатель **Константин Симонов**. И не удивительно, что, именно, о начале войны, Иван Степанович не сказал, ни слова. А ведь, это самая злободневная тема, которую затрагивают писатели в беседе с известными людьми в погонах. Тем, не менее, кое-что интересным, Исаков все же поделился.

“За две недели до войны я докладывал Сталину по разным текущим вопросам. Это были действительно текущие вопросы, и некоторые из них даже не были срочные. Я помню это свидание и абсолютно уверен, что Сталин был тогда совершенно убежден в том, что войны не будет, что немцы на нас не нападут. Он был абсолютно в этом убежден. Когда несколькими днями позднее я докладывал своему прямому начальнику о тех сведениях, которые свидетельствовали о совершенно очевидных симптомах подготовки немцев к войне и близком ее начале, и просил его доложить об этом Сталину, то мой прямой начальник сказал:

— Да говорили ему уже, говорили... Все это он знает. Все знает, думаешь, не знает? Знает. Все знает!

Я несу тоже свою долю ответственности за то, что не перешагнул через это и не предпринял попытки лично доложить Сталину то, что докладывал своему прямому начальнику. Но, чувствуя на себе бремя этой вины и не снимая ее с себя, должен сказать, что слова эти, что Сталин “все знает”, были для меня в сочетании с тем авторитетом, которым пользовался тогда в моих глазах Сталин, убедительными”.

Интервью дано в 1962 году, когда по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева началось стирание имени Сталина со страниц истории нашей страны. Так что ничего особо выдающегося в адрес вождя, в тот момент, сказано не было. Кстати, с легкой руки Константина Михайловича, из-под пера которого вышло это интервью, и сложилось мнение о прострации Сталина впервые дни войны. Но не в упрек ему будет сказано, так как и над ним было бдительное око цензуры. Желающих мазнуть черной краской умершего вождя хватало.

Что в этом отрывке интересного? Значит, “за две недели до войны” Исаков лично докладывал Сталину (это, примерно 8-10 июня) “по разным текущим делам” и не считал обращение зазорным. Однако, позднее, когда стало известно о близком начале войны, почему-то ступешался идти на прием к Сталину и стал просить своего прямого начальника, чтобы тот доложил обо всем том, о чем наболело у самого Ивана Степановича? Не находите, данное поведение, странным? Кроме того, Исаков, почему-то, не называет фамилию своего прямого начальника. Что это за военная тайна такая? Кроме того, этот прямой начальник, отмахивается от Исакова с его просьбой доложить вождю, как от назойливого комара: “Все это он знает. Все знает, думаешь, не знает? Знает. Все знает!”. Еще, что смущает, так это прекрасное знание внутреннего мира вождя: Сталин убежден, Сталин знает! Не приведена ни одна реплика Сталина, но есть твердое убеждение, что это, сказанное выше, именно так. Не военные, а прямо таки, психологи-экстрасенсы.

Но вернемся к прямому начальнику Исакова, которого он никак не хотел называть. Читатель, наверное, подумал, что это Николай Герасимович Кузнецов? Нет, Кузнецов был непосредственным начальником Ивана Степановича Исакова. Наркомат ВМФ организационно входил в структуру наркомата обороны и Николай Герасимович Кузнецов, как нарком ВМФ был заместителем наркома обороны. Таким образом, прямым начальником Исакова был сам нарком обороны Семен Константинович Тимошенко. Вот кому докладывал Иван Степанович “о совершенно очевидных симптомах подготовки немцев к войне и близком ее начале”. Но, ведь, мог же, Исаков пойти сам к Сталину и доложить, как сделал это “за две недели до войны”? Почему же не пошел? Потому что не хорошо прыгать через голову своего начальства. Пришлось идти к

Тимошенко. Тому, видимо, не понравилась горячая напористость представителя солнечной Армении и наверху решили (может уже и в Ставке?), что будет лучше, если надоедливый Иван Степанович немного отдохнет от работы в Москве. Пусть поедет на учения Черноморского флота. Там, ласковое море и жаркое солнце. А то, везде, носится, со своей боевой готовностью по флоту и поднимает, никому не нужную шумиху по данному вопросу. Так будет спокойнее всем, и в Генштабе, и в Главном морском штабе.

Что “начудили” в Главморштабе, при отсутствии Исакова, нам уже известно из горестных воспоминаний Головки и Платонова. Хотя фамилия Исакова фигурирует в воспоминаниях Арсения Григорьевича. Оно и понятно. Какую роль играл маршал Тимошенко, по первым дням войны, читатель знает из предыдущих глав.

В данном интервью опубликованным Симоновым, есть небольшой рассказ о том, как Исаков, однажды, шел вместе со Сталиным по Кремлю и тот сказал такую зловещую фразу, имея в виду кремлевских охранников:

“Заметили, сколько их там стоит? Идешь, каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...”.

Исаков сказал Симонову, что “этот случай меня потряс”. И не только его, но и любого, кто прочитает эти строки. Вот так, порядочек был в Кремле, подумает читатель! Сам Сталин (!) опасался за свою жизнь. Кстати, он же, читатель, может и поинтересоваться: “А в какие годы произошел этот разговор?” Симонов, вроде, со слов самого Исакова уверяет читателя, что это было еще во времена свирепого Генриха Ягоды, то есть в середине 30-годов, после убийства Кирова. Такая, мол, царила атмосфера в Кремле. Но это, не совсем так.

В 1967 году Иван Степанович дал единственное и последнее интервью перед смертью своему соплеменнику Леониду Гурунцу. Маленький рассказ армянского журналиста так и называется “У адмирала Исакова”. **Леонид Гурунц**, почему-то, не с особой симпатией относился к вождю, поэтому в тексте читатель не встретит восторженных эпитетов в адрес Сталина. Тем более, стоит с определенным доверием отнестись к изложенному материалу.

“Я знал, что Сталин хорошо относился к Ивану Степановичу, и хотелось узнать, что он думает о вожде. Иван Степанович не сразу ответил на мой вопрос.

— Давайте лучше попьем кофе, — сказал он. Жена его принесла на подносе две чашки, и мы принялись пить молча, обжигаясь, маленькими глотками. Мне казалось, что адмирал откажется от разговора о Сталине, и после кофе решил переменить тему. Но Иван Степанович начал рассказывать.

— Я встречался со Сталиным сорок два раза...

— Сорок два раза? И все сорок две встречи помните? Не больше и не меньше? — спросил я.

Иван Степанович грустно улыбнулся.

— Мы с Кузнецовым и уцелели потому, что разгадали его характер... Человек он был знающий, — продолжал адмирал, — мы с ним разговаривали по делу как со специалистом, и он во многом разбирался. Но Сталин и **нам не верил**. В разговоре вдруг возвращался к беседе, которая произошла три — четыре года назад, задавал те же вопросы. Надо было вспомнить и ответить так же, как тогда. Мы с Кузнецовым вели записи о наших встречах. Прежде, чем идти к Сталину по

вызову, мы вызубривали вопросы, которые были заданы нам при последней встрече, при предпоследней...

Однажды он вернулся к разговору, который имел место чуть ли не десять лет тому назад. Я сказал то же самое, что десять лет назад. Сталин улыбнулся в усы: “Слово в слово повторили, ничего не забыли”. Я спросил у адмирала, можно ли посмотреть эти записи. Иван Степанович замешкался с ответом.

— **Я их сжег**, — сказал он, — **в годы Хрущева**. Он не очень миловал нас, меня и Кузнецова. Не хотелось, чтобы эти записи попали в его руки”.

Что значит, по отношению к Сталину: “верил — не верил”? Верить, просто, как человеку — это одно. Сталин и относился с Исакову хорошо, о чем и подтвердил сам Гурунц. Другое дело, доверять, как специалистам, государственным людям — это другое. Сталин обладал феноменальной памятью, которую развил в процессе длительной работы. Он задал вопрос Исакову, как тот говорит, десятилетней давности, и получил ответ его удвоительный. Сталин проверил Ивана Степановича, насколько тот помнит существо дела? Только и всего. Согласитесь, как бы выглядел Исаков в глазах Сталина, если бы дал иной ответ? Человеком, который не твердо знает свое дело. В какой мере можно доверять компетенции такого специалиста? Сомнения такого рода, всегда были присущи Сталину, как руководителю государства. Иного, как говорить, и не дано.

Да, но не худшей памятью, надо полагать, обладал и сам Исаков, коли помнил, о чем его спрашивал вождь десять лет назад?

Теперь к вопросу о записях. Так кто же больший тиран-деспот? Сталин, при котором Исаков безбоязненно вел записи или Хрущев, при котором эти записи о прошлом пришлось уничтожить? В какое же время Исаков испытывал больший страх за свою жизнь? И кстати, а вел ли он дневниковые записи при Никите Сергеевиче?

“Сталин не был ни профаном, ни дилетантом, — продолжал адмирал Исаков. — О чем бы ни шел разговор на заседаниях, во всем он основательно разбирался и вносил свои дельные коррективы. **И не знал усталости!** Заседание могло длиться четыре — пять часов! Однажды оно затянулось, и конца не было видно. Сталин хотел начать обсуждение нового вопроса, которое могло занять еще несколько часов, но вдруг, улыбнувшись, сказал мне:

— На сегодня хватит! Вы, наверное, устали. Я лучше покажу вам новый фильм Чарли Чаплина. Я его еще не смотрел, вместе посмотрим.

Присутствующие стали подниматься со своих кресел. Ногу свою я, наверное засидел, она не послушалась меня, и я не мог сразу подняться **на костыль**. Сталин с удивительным проворством подошел ко мне, помог подняться и, держа меня за руку, направился к заднему выходу из кабинета, за которым начинался длинный — длинный коридор с высокими глухими стенами, залитый обильным светом так, что ничего вокруг нельзя было видеть. Я шел неуверенно, не видя пола, казалось, вот — вот провалюсь в бездну. Коридор этот под прямым углом ломался, по углам едва угадывались застывшие как изваяния силуэты охраны. Коридор ломался несколько раз то вправо, то влево, пока мы не дошли до небольшого зала с экраном. Я первый раз оказался со Сталиным один на один, и пока мы шли по коридору, не знал, о чем с ним говорить. Было мучительно от обильного света, от того, что идешь, как слепой, не видя ничего под ногами. Я спросил, не слишком ли много света. Сталин не сразу ответил...

— Вы хотели сказать: не слишком ли много охраны?

— Да, пожалуй, и это.

Сталин снова задержался с ответом. Потом медленно, едва слышно, выцедил:

— Не в том беда, что много света или много охраны. Беда в том, что я не знаю, когда и кто из этих негодяев пустит мне в затылок пулю.

— По-моему, — заключил свой рассказ Иван Степанович, — мнительность и подозрительность Сталина к людям были вне всякой меры.

Не трудно было догадаться, что и ослепительный свет в коридоре тоже имел свое назначение, был вызван его подозрительностью.

— Что касается его “особой любви” ко мне или Кузнецову, — продолжал адмирал, — это заблуждение. Любой из нас мог стать жертвой, допусти в обращении с ним хотя бы малейшую оплошность. Мы с Кузнецовым были крайне осторожны и предупредительны. И немного подумав, добавил: — А может быть, обжегшись на многих просчетах, на ощутимых потерях, поредевших рядах военачальников, он берег нас как военных специалистов?”

Чтобы читателю было более понятно, что произошло на заседании в кабинете Сталина, необходимо дать небольшое пояснение. Контр-адмиралу Исакову, бывшему в должности заместителя командующего и члена Военного совета Закавказского фронта (с августа 1942 года) было поручено координировать действия Черноморского флота, Азовской и Каспийской флотилий с операциями фронтов. Исаков стал одним из руководителей битвы за Кавказ. 4 октября 1942 года, когда немецкие войска рвались к Туапсе, Иван Степанович попал под бомбежку на Гойтхском перевале и был тяжело ранен в бедро. В суете боевой обстановке только через двое суток удалось доставить его в госпиталь. Из-за начавшейся гангрены потребовалось ампутировать левую ногу. После тяжелого ранения в 1942–1943 годах адмирал находился на лечении. Есть утверждение, что уже в мае 1943 года он вернулся в Москву, в свой кабинет. Таким образом, его посещение Сталина в Кремле состоялось, чуть позже.

Может, стоит сравнить **осколочное ранение** Исакова, который только через двое суток был доставлен в госпиталь и в результате гангрены, ему вынуждены были ампутировать ногу, — с **пулевым ранением** в ногу генерала Ватутина? Первый, даже в результате начавшейся гангрены остался жив, правда, потеряв ногу, другой же, в более “тепличных” условиях расстался с жизнью от раны, которая, по мнению академика Н.Бурденко, не представляла особой опасности. Видимо, Ивану Степановичу повезло больше от того, что рядом не оказалось Хрущева?

Таким образом, Исаков, кстати, по просьбе самого Сталина, имея инвалидность, продолжал службу в рядах ВМФ. По поводу физического недостатка Ивана Степановича, Сталин заметил, что некоторые военные и на двух ногах не имеют такой умной головы, какую имеет Исаков, стоя на одной ноге.

Поэтому Сталин с учтивостью, и помог Исакову подняться со своего места и, поддерживая под руку, шел с ним по коридору. И когда же, по мнению читателя, в действительности, произнес Сталин, ту, страшную фразу о кремлевской охране? Неужели, в середине 30-х годов? Судя по характеру поведения вождя, я предполагаю, что встреча состоялась после Курской битвы, так как Сталин был в приподнятом настроении. А если наложить на это событие “дело волчат”, то вождю, действительно, имело смысл опасаться за свою жизнь, даже, в Кремле. Как он был прозорлив!

Подшло к завершению еще одно небольшое исследование о действиях советского флота в начальный период войны. Несколько слов о начальствующем составе ВМФ, который получил после войны тюремные сроки. Как и все послевоенные события, эта история окутана плотным туманом. По сведениям в открытой печати известно, что суду были привлечены нарком Кузнецов и ряд высокопоставленных военных из руководства ВМФ: Алафузов, Галлер и Степанов. Есть сведения, что они были осуждены по статье **193-17а**. Но есть определенные странности, так как по

данной статье и пункту **17-а**, наказание определялось сроком не ниже шести месяцев. Почему Военная коллегия Верховного Суда так высоко задрала верхнюю планку наказания, оценив халатное отношение подсудимых сроком в десять лет? Не буду, особо придирчив, к нашим судебным органам, тем более, что по этой же статье, по пункту **17-б**, была высшая мера социальной защиты. С другой стороны, по пункту **17-в** — вообще требовалось применять к виновным, лишь, дисциплинарный устав РККА. Да, но и состав обвиняемых был разделен по степени наказуемости. Алафузов и Степанов получили по 10 лет, Галлеру определили только 4 года, а Кузнецов отделался только понижением в должности и звании.

Но смотрите, что получается? Иван Степанович Исаков выпал из общего списка репрессированного руководства ВМФ, хотя и после войны, до 1947 года занимал пост начальника Главного штаба, в последующем, связи с болезнью, занимал немалую должность, будучи заместителем Главкомандующего ВМФ. Видимо, не нашлось грехов, в славной карьере одного из руководителей флота, а может быть, еще и не сказались непричастность к тем, “темным” делам, по началу войны. Не зря же наградил его Сталин собственной премией за благие дела перед Отечеством.

Часть 2. Нарком ВМФ Кузнецов вспоминает...

Мы уже обращались к воспоминаниям адмирала Кузнецова изложенные в его книге “Курсом к победе”, а также, приводили его интервью, данное историку Куманеву. Но у него есть еще книга “Накануне”. Она тоже представляет определенный интерес, так как в ней, материал по началу войны, изложен более полно. Если и будут встречаться известные нам сведения, не беда: кашу маслом не испортишь!

“На июнь было запланировано учение на Черном море. Но международная обстановка так накалилась, что у меня возникло сомнение: не лучше ли отказаться от учения? Поскольку проводить его предполагалось совместно с войсками Одесского военного округа, мы запросили мнение Генерального штаба. Оттуда не сообщили ничего, что дало бы основание изменить наш план. В целях предосторожности мы дали флоту указание держать оружие в полной готовности. Руководить учением выехал начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков. Перед отъездом мы с ним договорились, что я **немедленно поставлю его в известность, если обстановка примет чрезвычайный характер**. Он на месте должен был дать указание командующему применять в случае необходимости оружие”.

Здесь мы сталкиваемся, один в один, с тревогой Головки о том, как бы поберечь ходовую часть кораблей флота перед нападением немцев. Кузнецов же, ясно пишет: “не лучше ли отказаться от учений”? Это были не чисто морские учения по отработке боевого взаимодействия кораблей и экипажей, а совместное учение, с привлечением ОдВО. Это намечалось провести после Сообщения ТАС от 14 июня. Решили что, немцев “обмануть” своей миролюбивостью, что ли? Кузнецов, естественно, запросил начальство, того же Тимошенко. В силу взаимосвязи с сухопутными войсками из Генштаба, через Жукова, получил приказ выполнять ранее принятое решение. Опять, мы видим, что с высоким начальством, много не поспоришь. Да и был ли, спор-то? Здесь обозначился Исаков. По-русски, читаем, насчет применения оружия на кораблях, в случае военного конфликта. Значит, Кузнецов, как уверяет, даст, мол, знать Исакову о боевой готовности № 1, чтобы враг не застал врасплох корабли флота на море. Тогда снова вопрос: “А зачем же тогда учения, когда со дня на день ожидается военное столкновение с Германией?”

Но, что так сухопутное начальство обеспокоено, именно, морскими учениями Черноморского флота? Даже, вынудили отправить туда начальника Главного морского штаба. Вроде, “Тирпица” с эскадрой на Черном море и близко не видать, а румын за серьезного противника, отродясь, не считали. Турки же, соблюдали нейтралитет, и без нужды, ввязываться в войну с нами планов не строили. Кого же было бояться-то? Если все это было устроено с целью удалить Исакова из Главного морского штаба? Тогда другое дело.

“Я пригласил к себе контр-адмирала В.А.Алафузова — он замещал уехавшего на Черное море адмирала И.С.Исакова. Не прервать ли учение в районе Одессы? Но одно соображение удержало нас: флот, находящийся в море в полной фактической готовности, не будет застигнут событиями врасплох. Это было 16 или 17 июня...”.

Теперь понятно, с какого времени, убывшего на учения Исакова, замещал в его должности начальника штаба Владимир Антонович Алафузов?

“Я видел И.В.Сталина 13 или 14 июня. То была наша **последняя** встреча перед войной. Доложил ему свежие разведывательные данные, полученные с флотов, сказал о большом учении на Черном море, о том, что немцы фактически прекратили поставки для крейсера “Лютцов”.

Кузнецов, в данных воспоминаниях более точен по дате встречи со Сталиным. 13 июня готовилось к выпуску в эфир, то, самое известное заявление ТАСС с разъяснениями относительно советско-германских отношений и Сталин, видимо, давал пояснения высшему командному составу, в чем суть этого дипломатического демарша с нашей стороны.

“Никаких вопросов **о готовности флотов** с его стороны не последовало. Очень хотелось доложить еще о том, что немецкие транспорты покидают наши порты, выяснить, не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии, но мне показалось, что мое дальнейшее присутствие явно нежелательно. Для меня бесспорно одно: И.В.Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной. Договор 1939 года он рассматривал лишь как отсрочку, но отсрочка оказалась значительно короче, чем он ожидал. У него, конечно, было вполне достаточно оснований считать, что Англия и Америка стремятся столкнуть нас с Германией лбами. Такая политика западных держав не являлась секретом, и на этой почве у Сталина росло недоверие и неприязнь к ним. Все сведения о действиях Гитлера, исходившие от англичан и американцев, он брал под сомнение или даже просто отбрасывал. Так относился он не только к сообщениям из случайных источников, но и к донесениям наших официальных представителей, находившихся в этих странах, к заявлениям государственных деятелей Англии и Америки. “Если англичане заинтересованы в том, чтобы мы воевали с Германией, значит, все, что говорится о возможности близкой войны, сфабриковано ими” — таким приблизительно представляется мне ход рассуждений И.В.Сталина. Он, конечно, понимал, что отрезвить агрессора можно только готовностью дать ему достойный ответ — ударом на удар. Агрессор поднимает кулак, значит, надо показать ему такой же кулак”.

По-поводу приведения флотов в боевую готовность № 1, то есть в полную боевую готовность, то 13–14 июня Сталин, разумеется, счел это мероприятие преждевременным. Он же, вроде, дал команду 17–18 июня, как явствует из мемуаров наших флотоводцев, о приведении в повышенную боевую готовность всех вооруженных сил и флота в том числе. Так что, зачем же шпорить коня? Во всем остальном, в адрес Кузнецова можно, прямо, раздавать овалы. Четко и толково изложил существо дела. Даже, не верится, что советский адмирал способен на такое.

“В те напряженные дни ко мне зашел заместитель начальника Генерального штаба **Н.Ф.Ватутин**. Он сказал, что внимательно читает наши оперативные сводки и докладывает их своему начальству. Ватутин обещал немедленно известить нас, если положение станет критическим”.

Вот и Ватутин появился с недоброй вестью. Оказывается, Оперативный отдел Генштаба “внимательно читает” бумаги, присланные от моряков. С ума можно сойти от такой новости. Правда, Николай Федорович успокоил Кузнецова. Если, мол, что случится, сразу крикну, свистну — предупрежу, не волнуйтесь. Однако, Николай Герасимович, что-то засомневался в лучших качествах работника Генштаба. Иначе, с чего бы это так его потянуло на самостоятельность?

“Мы решили однако больше не ждать указаний, начали действовать сами. Балтийский флот 19 июня был переведен на оперативную готовность № 2. Это в какой-то мере оберегало его от всяких неожиданностей. На Северном флоте было спокойнее, чем на Балтике, но и его мы перевели на ту же готовность.

18 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флоти получил приказ остаться в готовности № 2. Большая часть матросов и командиров кораблей так и не сошли на берег. Многие из них потом еще долгие месяцы не видели своих близких”.

Моряки, по сути еще не успели соскучиться, как их, вроде бы, вернули назад. Опять ребусы-кроссворды. Видимо, приказ о полной боевой готовности, поступивший к наркому обороны Тимошенко от Сталина, то есть, из Комитета по обороне СНК, стал волокититься в структурах Генштаба и вскоре был окончательно отменен. Кузнецов, знавший о приказе, потребовал объяснений. С успокоениями и пришел к ним Ватутин, пообещавший, что “как только, так сразу”. Иначе, трудно было бы понять Кузнецова, в силу каких же обстоятельств “мы решили однако больше не ждать указаний”? Не от Сталина же? Он их уже дал. Значит, остается Генштаб со служивыми, типа Ватутина или Жукова? Но ведь, не будешь же, писать, что за день до войны на флотах царила беспечность. Даже о боевой готовности № 2, как мы теперь знаем, приходилось мечтать. Была, как обычно, повседневная боевая готовность, с ковырянием в носу. Читатель с этим явлением встретится попозже, и не у Кузнецова. Нарком “оберегал” честь мундира.

Хочу напомнить, что книга “Курсом к победе” заменила собой, выпущенную ранее его же книгу “На флотах боевая тревога”, содержание которой, вполне возможно, могли немного подправить. Поэтому и появилась дата **18 июня**, когда, дескать, корабли Черноморской эскадры вернулись в Севастополь. В защиту Николая Герасимовича хочу сказать, что он честно написал, когда эскадра вернулась к себе на базу. Это было указано еще в книге “На флотах боевая тревога”. Но бдительное око цензуры каким-то образом просмотрело сей момент, и эта информация, чудесным образом переключалась и в книгу “Курсом к победе”. Там она выглядела не броско, по этой причине, видимо, и сохранилась.

Когда дойдем до событий на Черном море, мы к этому утверждению Кузнецова еще вернемся. А пока все оставляем без изменения, предоставляя право властвовать буйной фантазии “добровольных” помощников адмирала.

“Субботный день 21 июня прошел почти так же, как и предыдущие, полный тревожных сигналов с флотов...”

Мои размышления прервал заместитель начальника Главного морского штаба В.А. Алафузов. Как всегда, он пришел с вечерним докладом. Обстановка как будто не изменилась: по-прежнему была очень беспокойной на Балтике, на Черном море — спокойнее; на Севере не происходило ничего особенного...”.

Как, видите, уже вечер 21 июня, а Ивана Степановича Исакова в штабе нет. Его, и на данный момент, все еще замещает Алафузов. Но ведь Исаков, как уже указывал ранее Кулаков с Черноморского флота, 18 июня убыл с учений. И Кузнецов уверяет нас, что учения закончились 18 июня. Где же Исаков? Он должен, по идее, давно приступить к выполнению обязанностей начальника штаба. Уж, не надоела ли ему штабная служба? А то, получается, как в “Кавказской пленнице”: “Всё кабинет, кабинет...”.

Читатель, теперь уже знает, что Германская нота давно вручена. Сталина нет. Военные ушли на сходку в Ставку. Но, Кузнецов же, нам об этом не мог сказать, в то, время.

“Снова оставшись **один**, я позвонил Наркому обороны.

— Нарком выехал, — сказали мне. Начальника Генерального штаба тоже не оказалось на месте. Решил связаться с флотами. Поговорил сначала с командующим Балтийским флотом В.Ф. Трибуцем, затем с **начальником штаба Черноморского флота И.Д.Елисеевым**, с командующим на Севере А.Г.Головко. Все были на местах, всё как будто в порядке. Командные пункты развернуты, флоты уже в течение двух дней поддерживают оперативную готовность № 2...”.

То есть, как все были на местах? Командующие Северным и Балтийским флотами, действительно, находились на местах. Трибуцу можно было бы, к тому же, переадресовать упрек Галлера, по части, не рассредоточения крупных кораблей, той же “Октябрьской революции”. А вот с Черноморским флотом большой вопрос: “Почему командующий Ф.С.Октябрьский, на тот момент, отсутствовал в штабе флота”? Что за причина вынудила Филиппа Сергеевича покинуть командный пункт? В связи, с чем, его замещает начальник штаба? Кузнецов, как видите, не придавал этому значение.

“В 20.00 пришел М.А. Воронцов, только что прибывший из Берлина.

В тот вечер Михаил Александрович минут пятьдесят рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил: нападения надо ждать с часу на час.

— Так что же все это означает? — спросил я его в упор.

— Это война! — ответил он без колебаний”.

Воронцов прилетел из Берлина. Слышал выступление по радио Гитлера. Деканозову вручили аналогичную бумагу о разрыве дипломатических отношений. Воронцов был в курсе всех дел, поэтому и сказал, что ожидается нападение.

Вот откуда такая осведомленность товарища Кузнецова, по части, знания, что вскоре начнется полномасштабная война. Только непонятно, почему целый час военно-морской атташе в Берлине Воронцов, который выполнял функции разведки от военно-морского ведомства, в частной беседе, потчевал Николая Герасимовича такой важной информацией о нападении немцев? Или поделиться было не с кем, поэтому и зашел к морякам по старой дружбе?

Почему Кузнецов не сказал читателю, кем в действительности был Воронцов и откуда у него такая важная информация? Дверь в кабинет наркома, наверное, устала открываться и закрываться от посетителей?

“Едва ушел Воронцов, явился адмирал Л.М. Галлер. Он тоже не уехал домой. Уже около года Л.М.Галлер занимался судостроением. Он завел разговор о каком-то документе, касавшемся приема кораблей. Дело было неспешное и не бог весть какое крупное. Я понимал, что Льва Михайловича привело не это. Заговорил о напряженной обстановке, о готовности флотов.

— “Октябрьская революция” все еще в Таллине и на открытом рейде, — осторожно напомнил он. За этим стоял невысказанный вопрос: все ли сделано, чтобы обеспечить безопасность линкора?

Мы поговорили о положении на Балтике, особенно в Либаве — она беспокоила меня более других баз...”.

По-поводу, указанного линкора “Октябрьская революция” остроумно замечено, что его переход из Таллина в Кронштадт, в последних числах августа 1941 года, был самым длительным боевым походом за всю войну. Практически он простоял всю военную компанию у стен Ленинграда, являя собой плавучую артиллерийскую батарею крупного калибра, и был, к несчастью, заманчивой мишенью для немецкой авиации.

Так и осталась невысказанная тревога о Либаве. Почему она более всего тяготила Кузнецова?

“Я успел выслушать еще один, внеочередной доклад В.А.Алафузова. С флотов поступали все новые донесения о неизвестных кораблях, появляющихся вблизи наших берегов, о нарушениях воздушного пространства. Около 11 часов вечера зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С. К. Тимошенко:

— Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне. Быстро сложил в папку последние данные о положении на флотах и, позвав Алафузова, пошел вместе с ним. Владимир Антонович захватил с собой карты. Мы рассчитывали доложить обстановку на морях...

Наши наркоматы были расположены по соседству. Мы вышли на улицу...

Через несколько минут мы уже поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет С. К. Тимошенко (Вот где было месторасположение председателя Ставки. В дальнейшем предполагалось, видимо, переместиться в помещении штаба МВО? — В.М.).

Маршал, шагая по комнате, диктовал...

Генерал армии Г.К.Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало **несколько заполненных листов большого блокнота для радиোগрамм**. Видно, Нарком обороны и начальник Генерального штаба работали довольно долго. Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, **не называя источников**, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну”.

Обратите внимание, что Кузнецов поначалу **не указал должность** ни Тимошенко, ни Жукова, приведя только их звания. Нам-то, теперь известно, кем они были на тот момент. Тимошенко — Председатель Ставки, а Жуков — Главком Юго-Западного направления и заместитель Председателя Ставки, по совместительству.

Как они все, корчат из себя заботливых благодетелей. Лучше бы побеспокоились о семьях советских командиров и политработников. Да мысли крутились в голове, видимо, в другую сторону.

“Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была **пространной** — на **трех листах**. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии. **Непосредственно флотов эта телеграмма не касалась** (Это как понимать!? — В.М.). Пробежав текст телеграммы, я спросил:

— **Разрешено ли в случае нападения применять оружие?**

— Разрешено.

Поворачиваюсь к контр-адмиралу Алафузову:

— Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один. Бегите!

Тут уж некогда было рассуждать, удобно ли адмиралу бегать по улице. Владимир Антонович побежал, сам я задержался еще на минуту, уточнил, правильно ли понял, что нападения можно ждать в эту ночь. Да, правильно, в ночь на 22 июня. А она уже наступила!..

Трудно комментировать фантазии и разного рода глупости, а может и подлости. Знали, ведь, что собираются сдавать армию и флот. Отсюда и фраза: “Разрешено ли в случае нападения

применять оружие? То есть, если немцы нападут, можно ли стрелять по ним? Дяденька Гитлер, случайно, не обидится? Или же, при первых выстрелах, сразу руки “в гору” и стройными колоннами в плен сдаваться?

Это, какое же надо иметь сознание, чтобы такое сказать и тем, более, написать в книге? Хрущевцам такие слова бальзам на сердце, поэтому все это и проскочило в печать.

В данном случае, наркому Кузнецову не поаплодируешь. Еще, хотелось бы заметить, что телефон изобрели не для того, чтобы он красовался на столе у начальства. Все то, что сказал Тимошенко Кузнецову, можно было передать и по телефону, а не заставлять Алафузова бегать по улице. Кроме того, всю информацию, услышанную от Тимошенко, дорогой наш Николай Герасимович, часа полтора назад узнал от Воронцова. Однако не обеспокоился позвонить, тому же Тимошенко, чтобы забить тревогу.

Читатель, уже прекрасно знает, что давным-давно, Молотову вручена нота о разрыве дипломатических отношений Германии с нашей страной. Так что нечего строить из Тимошенко провидца, который, дескать, осведомлен о многом. Все всё знали, в том числе и сам Кузнецов, только место каждого разделила незримая баррикада. По одну сторону настоящие патриоты своего Отечества, а по другую те, кому тугой кошелек дороже всего на свете. Подача сигнала боевой тревоги на флота (как и в войска) состоит из одного слова, а наш “доблестный” Георгий Константинович три листа бумаги изрисовал. Помнится, что некоторые из штабов Западного направления, до самого утра бились с расшифровкой Жуковской **трехстраничной** телеграммы, пока им гитлеровцы бомбовым ударом не указали без всяких кодированных депеш — война.

Кроме того, непонятны фальшивые хлопоты флотоводцев. Ведь Директива, а это была, именно, она — “непосредственно флотов...не касалась”. Отчего всполошились-то? Хотя, как сказать! Николай Герасимович заметил, что содержание было на **ТРЕХ листах**. Значит, Жуков многое понаписал в данной Директиве. Вполне возможно, что скрутили руки и морякам, чтоб и те, по немцам, лишний раз, не стреляли.

Сравните объем написанного в Директиве № 1 — **пол-листа**, и тот объем — **трехстраничный**, о котором говорил Кузнецов? Как говорят: почувствуйте, разницу.

Впоследствии, после 1953 года, содержание данного документа могли и переработать, как нежелательное свидетельство. Если это не так, то почему Алафузов так резво побежал к себе в штаб? Не оттого ли красные пакеты разрешили вскрыть в конце дня, 22-го июня? Дальше тянуть было опасно! Как бы, не переусердствовать от старания! Сталин-то был живой.

Но и это еще не все. В других, более поздних воспоминаниях “**Крутые повороты: из записок адмирала**”, Кузнецов эти события преподносит несколько по-другому.

“Генштаб совсем не занимался флотскими вопросами, иначе от него поступили бы хоть какие-нибудь запросы или указания о боевой готовности флота. Не интересовалось и не давало никаких указаний и высшее руководство...”

Даже в канун войны, 21 июня 1941 года, я не был вызван никуда в правительство, а только вечером **был приглашен в кабинет к Тимошенко, который информировал меня (и не больше) о том, что возможно наступление немцев в эту ночь.** Судя по тому, что делалось в его кабинете, указания были здесь получены еще **днем**, но **флот никто не считал своим долгом даже поставить в известность”**.

Как видите, решения были приняты еще днем, что лишний раз подчеркивает время получения германской ноты протеста. Судя, по всему, новорожденная Ставка, просто, не захотела посвящать Кузнецова в свои дела. Видимо, по причине его осторожности, как человека, или по иным своим

причинам. Алафузов, поэтому и являлся основным проводником идей новоявленных полководцев Тимошенко и Жукова. Поэтому и пошли разными дорогами от Тимошенко Владимир Антонович и Николай Герасимович.

Но что это? Видимо, Кузнецов никак не может решиться: или идти врозь с Алафузовым или вместе с ним? Как же состоялась эта встреча у Тимошенко в действительности?

Новый вариант из другой главы этих же самых воспоминаний. Речь шла о Жукове. Пришло указание свыше: можно хвалить “Маршала Победы”!

“Канун войны, **21 июня**, когда я наблюдал его пишущим телеграмму округам о серьезном положении и возможном нападении немцев, оставил у меня неизгладимое впечатление. Как сейчас вижу Жукова без кителя, сидящим за столом и пишущим что-то, в то время, как нарком Тимошенко ходит по кабинету и диктует ему...”

Из отрывочных разговоров я уловил, что писалась телеграмма по тому же вопросу, по которому был приглашен и я с заместителем начальника штаба ВМФ Алафузовым.

Моя попытка подробнее поговорить об обстановке и возможных действиях со стороны нас, моряков, **не увенчалась успехом**: они были слишком заняты своим чисто армейским делом, чтобы сейчас уделить внимание флоту. Я это понял, и **мы быстро ушли заниматься своими делами** по приведению **флотов в полную готовность**, ожидая ежеминутно докладов о их состоянии”.

Судя по всему, никакой Тимошенко Кузнецова к себе не вызывал, так как ясно читается, что попытка Николая Герасимовича “подробнее поговорить об обстановке и возможных действиях со стороны нас, моряков, не увенчалась успехом”. Это была его личная инициатива. Скорее всего, вызывали одного Алафузова, ведь он же отправлял Директиву на флота? Кузнецов, пошел со своим “заместителем”, чтобы выяснить обстановку. Выяснил, называется. Да, на него просто не обратили внимания: “я это понял”. Вот и хорошо. Вместе с Алафузовым и Директивой вернулись к себе в наркомат. В книге “Накануне”, чтобы придать значимость своей фигуре, Кузнецов сделал вид, что задержался у Тимошенко, чтобы, дескать, еще посекретничать с глазу на глаз. Надо же, что-то сказать, чтобы оправдать свое появление в наркомате обороны.

Читатель! Какая версия наркома ВМФ Кузнецова, понравилась вам больше всего? А какая — на ваш взгляд, более правдоподобная? К сожалению, здесь не математика, где можно было бы сложить числа и, разделив на их количество, получить искомое среднее. К счастью, Правда не бывает в среднем значении. Она или есть, или ее нет. Вот так у нас пишутся и редактируются мемуары.

Снова, возвращаемся к событиям по книге “Накануне”. Николай Герасимович вспоминает:

“Позднее я узнал, что Нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И.В.Сталину. Следовательно, уже в то время **под тяжестью неопровержимых доказательств** было принято решение: привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно **за одиннадцать часов** до фактического вторжения врага на нашу землю”.

Прошли годы. Теперь можно и написать, что “очень жаль, что оставшиеся часы не были использованы с максимальной эффективностью...”. Где уж там, если вместо телефонов использовали курьеров. Хотелось еще поправить адмирала Кузнецова и сказать, что принятие решения наверху, еще не означает его своевременное доведение до исполнителя внизу. На данном примере видно, как короткий путь приказа о полной боевой готовности (а надо было о боевой тревоге) превратился в дистанцию огромного пути. Жуков, и так, не мереное количество

времени потратил, сочиняя поэму на трех листах, под красочным названием Директива, хотя и без этого нравоучения было понятно, что Германская дипломатическая нота о разрыве отношений была не шуткой. Нам-то, теперь ясно, что скрывалось за фразой “под тяжестью неопровержимых доказательств”. Аналогичная фраза встречается и в Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2. (издание 1963 года).

“Только 21 июня, когда **поступили неопровержимые данные** о том, что 22–23 июня немецкая армия нападет на нашу страну, Советское правительство приняло решение **предупредить(?)** командование приграничных военных округов и военно-морских флотов о грозящей опасности и привести Вооруженные Силы в боевую готовность...

Однако **из-за неправильной организации передачи директивы** непосредственным исполнителям многие из них узнали о содержании этого документа уже после начала боевых действий”.

Все Советское правительство, как видно из пояснений Кузнецова, и состояло из Тимошенко и Жукова. Последний и черкал предупреждение, от которого было ни жарко, ни холодно нашим войскам.

Какая жалость, что организация передачи Директивы оказалось неправильной. Видимо, буквы перепутались, слова слиплись, а подписи ответственных лиц под документом, оказались не разборчивыми и похожими на немецкие. Как же в таком случае могло состояться предупреждение наших приграничных военных округов? Ясное дело, что грозящая опасность воплотилась в реальное поражение наших войск.

Итак, причину установили. Осталось только найти виновников неправильной организации передачи Директивы. Увы! Сколько лет прошло, а воз и ныне там. Никто так и не обеспокоился данной проблемой. На удивление, пресловутый человеческий фактор, в данном моменте, оказался, ни при чем. Как же Наркомат обороны и Генеральный штаб выпали из расследования о виновности? Кто же тогда организовывал передачу подобной информации в низовые военные структуры? Или вся ответственность данного дуэта: Тимошенко — Жуков свелась к проставлению подписей под документом. Не хуже, чем по пословице: “Отзвонил — и с колокольни долой”.

Вот и разберись в этой Истории с войной. Кто дает указания? — то правительство, то Сталин. К Тимошенко с Жуковым вопросов у наших историков никогда не возникало. Они, почти, как святые, с той лишь разницей, что в военных мундирах.

К тому же, не совсем понятно, почему, как видно по данным воспоминаниям, якобы, к Сталину на прием пошел нарком Тимошенко с начальником генштаба Жуковым, а не с двумя своими заместителями: Мерецковым (по сухопутным войскам) и самим Кузнецовым (по морским делам)? Ладно, Мерецкова, в случае чего, мог заменить и сам Тимошенко, но флотские-то дела, нельзя же, было порекомендовать кому-либо, кроме моряков? Ведь, явная же “липа” с визитом Жукова. Неужели флот отстранен от выполнения поставленных перед ним боевых задач на море? А что прикажите писать в своих мемуарах наркому ВМФ Кузнецову? Дескать, Сталин исчез, по непонятным причинам, а его самого не пускали на порог Наркома обороны.

Кроме того, как его, Николая Герасимовича, понять? Журнал посещений, вроде бы, говорит, что Кузнецов должен был со Сталиным встретиться в Кремлевском кабинете 21 июня, а нарком клянется, что Сталина увидел только через несколько дней после войны. И ведь, действительно, прав-то, оказался Николай Герасимович: кабинет, ни есть, сам Сталин! Но нам-то, от этого, не легче.

Небольшое пояснение к дальнейшему. Значит, Алафузов убежал отдавать приказ на флота. Вслед за ним, пешком, после ночного променада, возвратился на свое рабочее место и Николай

Герасимович. Если читатель не знаком с элементарными законами физики в области электричества, то ему будет трудно уловить юмор в происходящем. Как правило, мемуары людям с большими звездами на погонах (со средними, тоже) пишут литераторы, которых не зря относят к определенному типу людей, называемых лириками. У них своеобразное восприятие окружающего их мира. Они считают себя очень “умными”, поэтому могут поверить в любую чушь. Что им скажет интервьюер, то и запишут, не утруждая себя напрягом мысли по данному предмету. Впрочем, я, может быть, и чрезмерно придирчив к пишущей братии. А ведь, это же их кусок хлеба.

Продолжаем дальше читать ночные бдения флотоводца.

“В наркомате мне доложили: экстренный приказ уже передан. Он совсем короток — сигнал, по которому на местах знают, что делать. **Все же для прохождения телеграммы нужно какое-то время, а оно дорого**”.

То, что сигнал состоит из кодового слова, мы уже знаем на примере Северного флота. Но нарком Кузнецов так и не сказал, какой сигнал был отдан по всем флотам? Неужели эту тайну нельзя было раскрыть и через тридцать лет? А может быть никакого сигнала на флота, вовсе, и не поступало из Главного морского штаба, а была отправлена некая Директива, примерно такого же объема, какую писал Жуков? Может быть, даже, еще более “разбавленную водой” — специально, для моряков? То-то, Тимошенко и не позвонил, а вызвал Алафузова (с Кузнецовым заодно) к себе. Это чтобы вручить ему многостраничный “меморандум” Жукова. По телефону такой объем информации трудно передавать: слова слипнуться. Вот эту Директиву, которую скромно называли телеграммой, и побежал отправлять Алафузов.

Еще раз перечитаем, приведенный отрывок Кузнецова. Такое ощущение, что описывается работа почтового ведомства Наркомсвязи. Для полноты картины не хватает письмоносицы Стрелки, которая доставила бы телеграмму, товарищу Бывалову, на флот.

Вы о какой телеграмме ведете речь, уважаемый Николай Герасимович? Ваш сигнал по флотам даже не надо шифровать — само слово является кодом. Кроме того, телеграфный аппарат отправил бы ваше кодовое слово со скоростью движения электрического тока, которое и по сей день неизменно, и равно скорости света — 300 000 км/час. А то, что вы нам вешаете лапшу, извините, на уши, по поводу какого-то времени прохождения телеграммы, то это и есть ваша цель (правильнее, советского официоза), запутать своего читателя так, чтобы он не понял существа дела. А оно представляется таким. Тимошенко и Жуков, заставили вас, Кузнецова (вместе с Алафузовым) или Алафузова (вместе с Кузнецовым) отправить на флота Директиву, подобную той, какую отправляли в военные округа. Её, только кодировать надо было, часа два. Столько же — раскодировать. Цель одна — сорвать приведение флота в полную боевую готовность; не допустить рассредоточение боевых кораблей находящихся в базах; предотвратить выход на боевые позиции подводных лодок и прочие необходимые, на тот момент, мероприятия.

И главное, по возможности, как можно дольше протянуть с отдачей приказа войскам (и соответственно флотам) сигнала боевой тревоги.

Поэтому Кузнецов, заранее зная, что данная Директива, действительно, не скоро доберется до исполнителя, вполне мог по телефону, быстрее дозвониться до своих штабов все трех флотов западного направления.

Понимаю, в каком трудном положении оказался Николай Герасимович Кузнецов в звании адмирала и в должности наркома ВМФ. Если честный человек, то, что предпринять, в такой ситуации? Думаю, что он не забыл телефонный номер предыдущего наркома обороны, тем более что тот входил в состав Комитета обороны при СНК. Я говорю о Ворошилове. Ему, как известно, из ранних глав звонили многие. Уважаемый читатель, на ваш взгляд, что посоветовал бы Кузнецову Климент Ефремович? Впрочем, его точку зрения, вполне, мог бы разделить и Вячеслав

Михайлович Молотов. Недаром же, как уверял нас, ранее нарком, тот, в свое время, звонил ему по поручению Сталина. Интересно, могла ли придти на ум Кузнецову, такая мысль о звонке этим товарищам? К сожалению, не пришла.

“Берусь за телефонную трубку. Первый звонок на Балтику — В.Ф.Трибуцу:

— Не дожидаясь получения телеграммы, которая вам уже послана, переводите флот на оперативную готовность номер один — боевую. Повторяю еще раз — боевую”.

Кузнецов выгораживает себя. Знал же, что флот, только что, закончил проводить учения. Кроме того, как понять сказанное об оперативной готовности № 1? Это же полная боевая готовность, как в армии, так и на флоте. Неужели она может быть не боевой?

“Он, видно, ждал моего звонка. Только задал вопрос:

— Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли или базы?

Сколько раз моряков одергивали за “излишнюю ретивость”, и вот оно: можно ли стрелять по врагу? Можно и нужно! (Нам, это ясно. Неясно другое. Сказаны ли были эти слова Трибуцу? — В.М.)

Командующего Северным флотом А.Г.Головко тоже застаю на месте. Его ближайший сосед — Финляндия. Что она будет делать, если Германия нападет на нас? Есть немало оснований считать, что присоединится к фашистам. Но сказать что-либо наверняка было еще нельзя.

— Как вести себя с финнами? — спрашивает Арсений Григорьевич. — От них летают немецкие самолеты к Полярному.

— По нарушителям нашего воздушного пространства открывайте огонь.

— Разрешите отдать приказание?

— Добро.

В Севастополе на проводе начальник штаба И.Д.Елисеев.

— Вы еще не получили телеграммы о приведении флота в боевую готовность?

— Нет, — отвечает Иван Дмитриевич.

Повторяю ему то, что приказал Трибуцу и Головко.

— Действуйте без промедления! Доложите командующему.

Ни он, ни я еще не знали в ту минуту, что от первого столкновения с врагом Севастополь отделило менее трех часов...

Снова заглянул Л.М.Галлер. “Что нового?” — читаю на его лице. Рассказываю об указаниях, полученных от Наркома обороны. Меня больше всего тревожило положение на Балтике, а Лев Михайлович — старый балтиец. Обсуждаем с ним, в каком состоянии там наши силы, смотрим карту...”

Теперь, я думаю, читателю становится понятным, что Кузнецов действует, как бы, параллельно действиям Алафузова, который на данный момент исполняет обязанности начальника Главного морского штаба. Тот, видимо, готовит к посланию многостраничную Директиву Тимошенко — Жуков, с неясным содержанием, а Кузнецов, с его слов, телефонным звонком, якобы, будоражит командный состав флотов, не давая тому заснуть на своих постах в ту, тревожную ночь с 21-го на 22-е июня. И вновь, на удивление, в штабе Черноморского флота нет командующего Октябрьского. Кузнецов об этом знает, поэтому приказывает начальнику штаба доложить о своем приказе командующему флотом. Куда же подевался Филипп Сергеевич Октябрьский? Уж не пошел ли проверять склад морских мин хранящихся на открытом воздухе? Видимо, подумал, как бы чего не случилось с ними, связи с войной?

“Как развивались события в ту ночь на флотах, я узнал позднее. Мой телефонный разговор с В.Ф.Трибуцем закончился в 23 часа 35 минут. В журнале боевых действий Балтийского флота записано: **“23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1”**.”

Люди были на месте: флот находился в повышенной готовности с **19 июня**. Понадобилось **лишь две минуты**, чтобы началась фактическая подготовка к отражению удара врага”.

По-поводу двух минут, можно сказать, что Николай Герасимович очень уж “расщедрился” по времени. Вполне, мог бы ограничиться и одной; все равно, ведь, неправда.

“Северный флот принял телеграмму-приказ в 0 часов 56 минут 22 июня. Через несколько часов мы получили донесение командующего А.Г.Головки: “Северный флот **04 часа 25 минут** перешел на **оперативную готовность № 1**”. Значит, за это время приказ не только дошел до баз, аэродромов, кораблей и береговых батарей — они уже успели подготовиться к отражению удара”.

Вроде, все военачальники уверяли, что немцы прилетели бомбить нас в 3 часа 15 минут. Кузнецов же утверждает, что и в 4 часа 25 минут самое время, чтобы “своевременно” начать дать отпор врагу. Нам же, русским, надо время на раскачку. Хотя бы часок: на всё про всё. Мы же не немцы, чтобы все делать по минутам.

“Хорошо, что еще рано вечером — около 18 часов — я заставил командующих принять дополнительные меры. Они связались с подчиненными, предупредили, что надо **быть начеку**. В Таллине, Либаве и на полуострове Ханко, в Севастополе и Одессе, Измаиле и Пинске, в Полярном и на полуострове Рыбачий командиры баз, гарнизонов, кораблей и частей в тот субботний вечер **забыли об отдыхе в кругу семьи**, об охоте и рыбной ловле. Все были в своих гарнизонах и командах. Потому и смогли приступить к действию немедленно”.

К теме, как командиры забыли об отдыхе в кругу семьи, мы еще вернемся, а насчет отпусков накануне войны уже вели речь. К тому же, всегда, если нет реальных дел, приходится фантазировать. Дополнительные меры, по Кузнецову, это, как видите, “надо быть начеку”. Наверное, взято из инструкции: “Памятка адмирала Советского ВМФ” — Как себя вести в начале войны?

А как бодро перечислил все те места, где “смогли приступить к действию немедленно”. Хорошо, что пальцев хватило на руке.

Давайте, внимательно проследим по времени за отправкой телеграмм. Северный флот получил 22 июня, как пишет Кузнецов, “телеграмму-приказ в 0 часов 56 минут, и в 4 часа 25 минут перешел на оперативную готовность № 1”, таким образом, затратив на переход к полной боевой готовности 3,5 часа.

Германия, как известно, напала на нас в 3 часа 15 минут. Таким образом, получается, что и Северный флот попадал под удар вражеской авиации, находясь лишь в стадии повышенной

боевой готовности, как уверял сам Кузнецов (хотя и того, не было). Правда, как мы теперь знаем, на Северном флоте, после сообщения Москвы о нападении Германии, там сами подняли флот по боевой тревоге. В каком состоянии находился флот, Кузнецов, может только догадываться, так как он (флот) до начала военных действий поступил в оперативное руководство сухопутных сил. Что с ним сотворили Тимошенко-Жуков своими Директивами легко можно догадаться исходя, даже из воспоминаний Арсения Головки. Кузнецова просто ставили в известность о свершаемом. Недаром, в Директиве было указано, что копия направляется в наркомат ВМФ. Вот и все.

Так и в данном случае. О какой, тогда, полной боевой готовности флота (или оперативной готовности № 1) может идти речь, когда уже больше часа идет немецкое вторжение? Просто красивые слова.

По идеи, рассылка приказа о полной боевой готовности по флотам должна происходить веером, в одно и то же время. Иначе, что это за сигнал? Никаких звонков Кузнецова о том, что он якобы, своим личным приказом взбудоражил весь Советский флот, просто-напросто, не было. Были его телефонные звонки-предупреждения: мол, смотрите в оба и ждите срочное указание из Главного морского штаба, — и всё. Это видно невооруженным глазом, хотя бы по Северному флоту. Не на телефонный же звонок Кузнецова отреагировал штаб Северного флота, а на телеграмму, о чем и сообщил в Москву Арсений Головки. Кстати, обратили внимание, как построен разговор Кузнецова с Головкой? Всем он, якобы, отдает распоряжения о приведение флота в готовность № 1, а с Арсением Григорьевичем, отделяется разговором о Финляндии. Дело в том, что мемуары Головки были изданы ранее, чем описания Кузнецова, и, как, наверное, заметил читатель, в них ни коем образом не была отражена отеческая забота Николая Герасимовича, с целью предупреждения угрозы о начале войны. Поэтому и ограничился адмирал Кузнецов, в своей книге расхожими фразами о финнах. И безо всяких там, высоких слов о защите Родины.

Теперь посмотрим, что у нас получается с Балтийским флотом? Если штаб флота получил телеграмму-приказ, как и Северный флот в час ночи, плюс, примерно 3,5 часа, как у североморцев, на переход к полной боевой готовности, то не удивительно, что немцы набросали им мин на фарватер, что у Либавы, что в Финском заливе. Наша авиация-то, наверное, на аэродромах отставалась? То-то Кузнецов пишет, как за Либаву родимую, волновался. В каком часу, на той базе были готовы встретить вражеские самолеты в полной готовности? Промолчал. Если Северный флот, как пишет, был готов, почти к половине пятого, что говорить о Либаве, которая была в подчинении штаба Балтфлота, того же Трибуца? Её накрыла вражеская авиация, к отражению которой база не была готова. Её и не приводили в состояние полной боевой готовности.

Наркому Кузнецову в данном случае надо было говорить, уже, не о боевой готовности № 1 (это необходимо было сделать заранее, и не по телефону), а о подаче сигнала БОЕВОЙ ТРЕВОГИ на флота. Того самого сигнала, к которому готовились два года. Сам же книгу написал с подобным названием: “На флотах боевая тревога”. Или это было желание, выдаваемое за действительность?

Но приходится повторяться, что отданный Комитетом Обороны при СНК приказ о приведении всех войск и флота западного направления в полную боевую готовность, в дальнейшем был отменен. Кузнецов в обход официального отмена боевой готовности, пытается, каким-то образом, привести флота в состояние, способное, хоть как-то, отразить внезапное нападение врага. Флот, ведь, находится только в повседневной боевой готовности. О каком выходе кораблей на боевые позиции в море можно вести речь, когда, как известно, одни командиры кораблей вместе со своими экипажами слушали выступления артистов, другие распивали чай в окружении жены и домочадцев.

Кузнецов же был не настолько глуп, чтобы не понимать происходящее. Видимо его здорово подмяла под себя сухопутная братия, что не решился “взбрыкнуться”. Взял бы, да и послал бы от своего имени грозную бумагу командующим флотами. Хотя, кому посылать? Не Октябрьскому же,

с Трибуцем? А Головку и без бумаги сверху сообразил, что надо делать. Кроме того, как сказал выше, флота у Кузнецова Ставка выдернула из рук. И ему ничего другого не оставалось, как отделяться телефонными сообщениями. Так как, он понимал пагубность всего происходящего. Как бы ни подшучивай над его мемуарами, все ж таки, он был наркомом ВМФ и по идее, должен был неплохо соображать. Другое дело, что не дали ни сказать, ни написать!

Но вернемся к нашим балтийцам, на Либаву. Обратимся к мемуарам командира-подводника Петра Денисовича Грищенко (правильнее было бы, Петра Дионисиевича Грищенко).

Для начала, несколько строк из его книги “Мои друзья подводники” изданной в далеком 1966 году.

“Война застала нас в Лиепае (Либаве). В ночь на 22 июня все офицеры, находившиеся на квартирах в городе, были вызваны посыльными на корабли и в части. Команды подводников из казарменных помещений перешли на подводные лодки. Все корабли были приведены в полную боевую готовность”.

Это, прямо, по Кузнецову, тем более, что обе книги были изданы, примерно, в одно и то же время. Но в более позднем издании в воспоминаниях П.Д.Грищенко был, видимо, частично восстановлен первоначальный вариант, и мы смогли прочитать, что там, в Либаве было на самом деле. Правда, с учетом того, что и в последующие годы, многого, не больно-то, и скажешь, и напишешь. Цензуру же никто не отменял. Однако содержание разительно отличается от первоначального варианта.

“Нападение фашистской Германии было для нас **настолько неожиданным**, что, когда в **четыре утра** над нами появились самолеты со свастикой, мы подумали: это продолжается учение. Накануне, в субботу вечером, все обратили внимание на то, что громкоговорители на территории военно-морской базы часто повторяли: “Граждане, проживающие в городке! Учение по местной противовоздушной обороне Либавы продолжается, следите за светомаскировкой”.

Однако в 23 часа 37 минут 21 июня по Балтийскому флоту была объявлена оперативная готовность № 1. в два часа личный состав из береговых казарменных помещений перешел на подводные лодки.

Первый час мы стояли с замполитом Бакановым на мостике, **курили, гадали**, что будет дальше. То же происходило на соседних подводных лодках: все с нетерпением ждали сигнала “отбой”, но его не было. Спустившись в центральный пост, я решил не терять зря времени, провести учение по живучести и непотопляемости корабля...”.

То, что написано в последнем абзаце и есть “оперативная готовность № 1” или полная боевая готовность флота (Шутка).

Чтобы читатель ясно себе представлял, что такое боевая готовность корабля и, как в нашем случае, это должно было происходить с подводной лодкой “Л-3”, приведу соответствующую цитату.

“Боевая готовность корабля, это состояние корабля (соединения), характеризующее способность вступить в бой с противником (в том числе к отражению его внезапного нападения).

По боевой готовности корабля № 1 (Как в нашем случае. — В.М.) **весь личный состав корабля находится на боевых постах, а всё оружие и технические средства готовы к немедленному использованию”.**

А так как речь у нас идет о подводной лодке, то состояние полной боевой готовности для нее означало “под парами” ожидать приказа о выходе в море на боевую позицию. Как же тогда объяснить, что командир со своим заместителем по политической части **курили** на мостике? Очень просто. Это была, просто, **учебная тревога**, по проведению противовоздушной обороны базы, отмену которой, как пишет автор, все с нетерпением ожидали. Трагикомичность данной ситуации заключалась в том, что через несколько минут начнется настоящий налет немецких самолетов на базу.

Кроме того, подводная лодка стояла у пирса в надводном положении и, судя по всему, никакого рассредоточения боевых кораблей на базе в Либаве, и не предусматривалось. А то нам, везде трубят! Да, в 23 часа, аж, в 37 минут, да, все как один плечом к плечу, да, все глазоньки проглядели, пытаюсь обнаружить крадущегося врага и прочая чепуха, подобного рода.

Кстати, хотите прочитать отрывок из того, что наскребал по бумаге пером Георгий Константинович в кабинете Тимошенко, а затем, подредактировал Алафузов, может, и с помощью Кузнецова. Это отрывок из той самой Директивы № 1, о которой Жуков раструбил на всю страну, изображая из себя защитника Отечества. Подлинный текст, разумеется, утаили от читателя, но с отдельными фразами можем познакомиться. То, что выставлено на широкое обозрение публики содержит от силы пол-листа текста. А Кузнецов нам подсказал, что документ был на трех страницах.

Вряд ли бы, Трибуц взял бы на себя, целиком, такую ответственность, как сильно отступить от официального документа? Скорее, скопировал распоряжение московского начальства. Конечно, многие вопиющие безобразия, как всегда, скрыты за многоточиями. Вместе с Грищенко читаем:

“В 3 часа 30 минут, в самый разгар наших учений, получив радиограмму с адресом: “По флоту”, я быстро прочел вслух:

“...последнее время многие командиры занимаются тем, что строят догадки о возможности войны с Германией и даже пытаются назвать дату ее начала...”

Вместо того чтобы...

Приказываю прекратить подобные разговоры и каждый день, каждый час использовать для усиления боевой и политической подготовки...

Комфлот Трибуц”.

Все облегченно вздохнули”.

Ну, как? Все ли стыкуется со всем тем, что нам расписывал нарком Кузнецов, сидя у себя в кабинете? А то, командующий Балтфлотом Трибуц обеспокоился, можно ли палить из пушек по супостату? А Николай Герасимович ему открытым текстом по телефону (как не испугался прослушивания немецкими диверсантами): “Можно и нужно!”.

Это уж потом, ему, отлученному от флота, в уютной домашней комнате, в шерстяных носочках, да в теплых тапочках, легко было водить пером по бумаге, по поводу того, как мы здорово дали немцам “прикурить”! В действительности было, как раз всё наоборот, и не по вине низового командного звена и матросов.

Да, и адмирал Трибуц после войны, в своих мемуарах, внес изменения в каракули Георгия Константиновича, чтоб приятней читалось. Давайте, сравним по содержанию с предыдущим текстом. Заранее, можно сказать, что таким приказом, немцев не испугаешь. Взято из книги В.Ф.Трибуца “Балтийцы сражаются”.

“В течение 23 июня возможно внезапное нападение немцев. Оно может начаться с провокационных действий, способных вызвать крупные осложнения. Одновременно быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. Приказываю: перейдя на готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих тер(риториальных)водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого разрешения не производить”.

В этот раз, адмирал Трибуц, свою фамилию под “приказом”, поставить почему-то, постеснялся. Вы обратили внимание, когда ожидалось нападение немцев? В воскресенье, дескать, все отдохнут от напряженной недели, а уж, в понедельник 23-го — на войну, как на работу.

Видимо и в московской Директиве подписанной Жуковым, стояла дата возможного нападения — 23 июня? Представляете какой “сюрприз” подготовили нашим командирам на границе! Поэтому на корабли, той же Балтики, немецкие самолеты и свалятся, как снег на голову.

Особенно умилила фраза о тщательной маскировке боевой готовности. Она, видимо, было необходима для командиров кораблей курящих на мостике папиросы. Надо, чтобы они их прятали в рукаве кителя и не демаскировали себя. И все это на фоне изготавившегося к удару врага. Сплошная подлость, выдаваемая за миролюбие.

Но продолжаем читать воспоминания подводника Грищенко.

“Но уже через **минуту-две** штурман Петров доложил с мостика:

— В гавани над подводными лодками на высоте пятьсот — шестьсот метров пролетели **три самолета-бомбардировщика** с черными крестами и фашистской свастикой.

Даю команду — “воздушная тревога”. Готовим к бою зенитное орудие. Но никто из командиров подводных лодок, памятуя указание комфлота — **“Огонь не открывать”**, не решается взять на себя смелость и нарушить его. Между тем самолеты третий пролетают над нами. Где-то в стороне не то взрывы бомб, не то стрельба из орудий”.

Хороша, однако, полная боевая готовность — “Огонь не открывать!”. Петра Денисовича, тоже, заставляют врать по-маленькому. Но его читать, надо по-умному. Не будет же он писать, что стояли и глазели, не зная, что делать, когда немец прилетел? Ну, скрылись по отсекам. Не станешь же объявлять стоя у пирса: “Срочное погружение!” Пишет, что открыли огонь из зенитного орудия. Точнее, это была полуавтоматическая пушка (21-К) — 45 мм, крайне, не эффективная по своему назначению. Попадание в быстро летящий самолет противника одним снарядом было весьма проблематичным, а дистанционные взрыватели на снарядах отсутствовали. Вот такую боевую технику заказывал наркомат обороны, в том числе и наркомат ВМФ. Адмиралам же, не стрелять из пушки, ни при каких обстоятельствах. Дистанционные взрыватели натолкнули меня на одну очень интересную историю, которую приведу ниже, по окончанию воспоминаний подводника П.Д.Грищенко.

А то, что немцы отбомбились по Либавской базе — факт. И конечно, самолетов было не три, а, наверное, все тридцать три, так как, на базе было что побомбить. Да и подлодки, как на подбор, в надводном положении стояли. Вот так и встречали “подготовленными”, начало войны. Как следствие, началась сумятица.

“Все телефоны на пирсах заняты. Звоним во все инстанции, но ответ один: ждите указаний. И мы ждали. Только **в шесть часов утра** до нас дошла весть: “Германия начала нападение на наши **базы** и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника...”.

Надо же! А Грищенко с товарищами и не знали, кто их бомбил сверху? Оказывается, Германия напала. Что же теперь делать нашим морякам?

“Мне показалось тогда несколько странным: почему в столь ответственной телеграмме — по сути, об объявлении войны — такое осторожничанье: “отражать попытки нападения”? **враг бомбит наши базы и порты**, а командование все еще не уверено, что это и есть настоящая война. Но, видимо, **это было не в компетенции и командования флотом...**

Все ждали указаний...”

А я, так хорошо подумал о Кузнецове при всех его прегрешениях. И всего-то, дал, по примеру Северного флота 3,5 часа на раскачку по Балтийскому флоту. А смотрите, что получается? Никому верить нельзя из высшего московского руководства. Они и в **шесть часов утра**, оказывается, умудрились водить за нос балтийских моряков. Для чего же тогда Алафузов бегом бежал к себе в штаб? Кстати, а прибежал ли он туда? Ведь, Кузнецов пишет, что он отправил его в штаб, но не сообщил читателю, видел ли он сам Алафузова, по возвращению к себе в наркомат, и что тот делал, с полученным от Тимошенко сообщением? К тому же, такое ли было на самом деле содержание приказа наркома обороны, о котором говорил Кузнецов? И можно ли, после всего этого, ему верить? И последнее. Как Нарком Военно-Морского флота, должен ли был адмирал Кузнецов подписывать составленную Алафузовым телеграмму? Или чернила, в ответственный момент кончились?

Теперь, предстоит узнать, что было в “красных” пакетах командиров подводных лодок на Балтике? Петр Денисович вспоминает.

“Вскоре из штаба подводных лодок прибыл командир дивизиона Анатолий Кузьмич Аверочкин. Вручив мне пакет с грифом особой важности он минуту или две постоял, посмотрел, помолчал, пока я читал, затем спросил:

— Задача ясна?

— Так точно, товарищ капитан третьего ранга, но...

— Что — но? — строго прервал он меня.

— Ничего, — ответил я недоумевая.

Обидно было читать такой приказ: командиру “Л-3” предписывалось выйти в море и не далее как в пятнадцати милях от Либавы занять место в **ближнем базовом дозоре**. Это означало погрузиться под воду и ждать, когда появятся корабли противника, чтобы донести о них командиру Либавской военно-морской базы. Только после донесения разрешалось атаковать врага торпедами”.

Вместо того чтобы подводному минному заградителю идти к фашистским берегам и там на выходах из вражеских портов и военных морских баз ставить мины, им поручают роль обычных подлодок “Малютки”. Комдив, на вопрос Грищенко о данной безобразии, видимо, только развел руками. А что делать, если сам командующий флотом запретил покидать свои территориальные воды? В приказе приведенным самим Трубуцем, косвенно подтверждается запрет выхода наших подводных лодок на коммуникации противника. Это все отголоски той Директивы № 1, парализующей ответные действия наших войск и флота.

Но не будем, столь придирчивы к Петру Денисовичу. Он рассказал, что мог. У него с самим приказом и то, целая история.

Как правило, боевой приказ, находящийся в запечатанном пакете, командир корабля имеет право вскрывать только по выходу в море. Будем считать, что написанное относилось, только, к мобилизационному пакету и, как думается, его принес из штаба, сам же командир 3-го дивизиона Аверочкин. Вполне возможно, что из-за любви к ближнему, он и заставил Грищенко, при нем, вскрыть пакет, чтобы убедиться, правильно ли поймет командир лодки поставленную перед ним задачу, а заодно и сам узнает, что там сверху, наприказывали командирам подлодок? Здесь, мы узнаем о таких же безобразиях, какие нам рассказал Головки. Использование боевого корабля **не по назначению**.

Этот тип подводной лодки "Л", ко всему прочему, являлся **минным заградителем** и нес на борту, кроме 12 торпед для своих 6 носовых торпедных аппаратов, еще и **20 морских мин** для 2-х кормовых минных труб. Вопрос в том, имелись ли мины на борту Л-3, в тот момент? Ведь, по требованию боевой готовности № 1 лодка должна была быть в полном боевом снаряжении и по боевой тревоге, уже, должна была выйти на боевые позиции в море, а она, судя по всему, все еще пребывала в состоянии флотских учений. Поэтому Грищенко и возмущается, видимо тем, что его "полупустого", скорее всего, без мин отправляют в море. Он и говорит, что его используют вместо "Малютки", у которых только торпеды. Балтийское море, действительно, мелководное и поэтому использование подводных лодок "М" здесь, в какой-то мере, оправдано, в отличие от глубоководного Баренцева. Но, все равно и здесь, пакостничают нелюди из Главморштаба, изменяя целевое предназначение подлодок. Перед самым началом войны 1-й дивизион подводных лодок (капитан 3 ранга Трипольский), вроде бы, переводят с передовых позиций у Либавы, в тыл, Усть-Двинск (под Ригу). Данный дивизион состоял из более мощных подводных лодок серии "С", чем "Малютки". Но это сомнительно, так как по документу командующего 1-ой бригады Египко Н.П., вроде бы эти дивизионы подводных лодок находились на тот момент в Либаве. С этим же явлением, не использованием на передовых позициях более мощных подлодок, мы столкнулись и на Северном флоте. Таким образом, на острие удара нашего подводного флота остался, практически один 3-й дивизион "Малютки" плюс четыре подлодки "Калев", "Лембит", "Ронис" и "Спидола", которые достались в наследство от прибалтийских стран, вошедших в наш Советский Союз незадолго до войны. Но были ли, две последние подлодки готовы к выходу в море, тоже под большим вопросом.

Кстати, подводная лодка "**Лембит**", тоже была минным заградителем, но по началу войны, также как и Л-3 не получила задание на постановку мин. Первый боевой поход она осуществит лишь **12 августа**. На оживленной коммуникации около шведского побережья в проливе западнее о. Борнхольм советские моряки удачно поставят минную банку.

Теперь, по поводу того, что хотел сказать Грищенко своим, "НО"? С этим явлением, мы столкнемся еще не раз. Командир подлодки Л-3 вскрыл пакет, который, на удивление, ему принесли из штаба??? Даже, пусть его принес непосредственный командир Петра Денисовича. Тем не менее, это вызывает определенное подозрение, так как подобные пакеты хранятся лично у командира корабля и должны быть вскрыты по особому сигналу. Что же удивило Грищенко, если он произнес это загадочное "НО"? Изменение поставленной перед ним боевой задачи. Вот что! Он же знал, какие боевые задачи возлагаются на его подлодку, как минный заградитель и эти требования, ранее, были вложены в его мобилизационный пакет. Представьте его состояние, когда он вскрыл принесенный Аверочкиным пакет из штаба(?) и обнаружил несоответствие. Он об этом и поведал читателю позднее, а в момент вскрытия пакета, выразил недоумение прочитанным приказом, и своим возмущением, в виде "НО". На что Аверочкин понимая, что ничем не может помочь своему подчиненному потребовал выполнять поставленную боевую задачу.

Предполагаю, что накануне войны, в штабе Балтфлота, как и во многих местах, была произведена подмена мобилизационных пакетов, с целью изменения поставленных боевых задач, в частности подводным лодкам, так как именно они должны были быть на острие удара по врагу. С подобным мы уже встречались на Северном флоте у Головки, когда мощные "Щуки" приказом свыше (могли и по предписанию мобпакета) были удалены с передовых позиций в глубокий тыл.

Но могло и быть простое запрещение на вскрытие красных пакетов, и такие факты, тоже, имелись. Скорее всего, Грищенко принесли приказ из штаба по выполнению поставленной перед ним боевой задачи, и он, зная, что надо вскрыть мобилизационный пакет по началу войны, выразил этим свое недоумение командиру Аверочкину. Отсюда и его — “НО”.

Получается, что если Платонов по Северу вспоминал, что им было разрешено вскрыть “красные” пакеты лишь в конце дня 22-го июня, то почему на Балтике условия должны были быть другими? Ведь, Северо-Западное направление включало в себя оба флота: Северный и Балтийский. Значит, и время вскрытия “красных” пакетов должно было примерно совпасть.

Видимо, так оно и было на самом деле. Отсюда и такая реакция Петра Денисовича на подобное “тупое” решение.

Но это, еще не вся подлость высшего командования по отношению к подводным лодкам, назовем их условно, “ударной группой”. Дело в том, что для подачи радиосигнала в то, далекое время, подводная лодка должна была всплывать. Радиоволны в воде не распространяются. Да, но всплытие подводной лодки перед кораблями противника, теряло всякую скрытность для атаки, если не сказать хуже. Раннее обнаружение, давало кораблям вражеского охранения просто напросто дополнительную возможность быстро её уничтожить. Понятно возмущение Грищенко полученным приказом, но чем мог помочь ему командир дивизиона? Только солидарностью с разведенными руками. Чтобы читатель не подумал, что я сильно сгущаю краски относительно флотского начальства, читаем далее.

“Увидев на мостике стоявшего рядом с замполитом курсанта Николая Сеницына, Аверочкин как бы с сожалением добавил:

— А курсантов надо списать на берег, они будут отправлены в Ленинград.

— Есть списать на берег.

Жаль было расставаться с этими прекрасными людьми, но ничего не поделаешь...

Не пришлось нам больше увидеться с Анатолием Кузьмичом, которого любили не только офицеры, бывшие его ученики, но и матросы — к ним он относился с редким дружелюбием и душевностью. В сентябре мы узнали, что Аверочкин погиб при переходе из Таллина в Кронштадт на подводной лодке “С-5”.

Очередное всплывшее безобразие. На проводившихся учениях Балтийского флота, на боевых кораблях были, в качестве стажеров, курсанты военно-морских училищ. Оно, вроде бы, и понятно. Готовятся будущие кадры, моряки военного флота. Да, но после этих, пусть и странных учений закончившихся, как нас уверяют, 18 июня, курсантов необходимо было отправить к месту учебы. Что получилось? Началась война, экипажи военных кораблей уходят в море, и что теперь, прикажите делать с парнями-курсантами под бомбами? Кстати, почему их не использовали на подводных лодках учебного отряда в Финском заливе? О дальнейшей судьбе, мальчишек с курсантскими нашивками на рукаве, история, почему-то, умалчивает.

О гибели любимого командира Грищенко Анатолии Кузьмиче Аверочкине будет подробнее рассказано чуть ниже.

А Петр Денисович поясняет далее обстановку на базе:

“Л-3” была почти готова к выходу в море...

В 18 часов 22 июнямы вышли в авапорт для полного погружения...”

Ничего удивительного, что вышли только в шесть часов вечера. Подлодка до этого была же пустая. Пока загрузились, то, да сё, и вечер подоспел. Или что? Все таки, выпустили полупустую только для разведывательных целей?

Последнее, скорее всего, более правдоподобно. Над базой непрерывно висела вражеская авиация. О какой погрузке мин и торпед на подводную лодку днем могла идти речь? Это было возможным только ночью, но Л-3 выпихнули из базы, засветло. В 6 часов вечера 22 июня солнце еще стоит высоко и светит, будь здоров.

“Задача была проста — находиться на подступах к Либаве и ждать вражеских кораблей. Если появятся — сообщить командиру базы и только после этого атаковать...”

А зачем сообщить командиру базы? Чтобы тот по цепочке связи доложил самому Трибуцу, испрашивая разрешение на торпедный залп? А до получения ответа Л-3 должна будет находиться на поверхности и визуально наблюдать за курсом немецких кораблей. В случае задержки сообщения из штаба флота, со спокойной совестью принимать бой в надводном положении? Да и атаковать, у Грищенко, видимо, написано для красного словца.

“Шли **третьи сутки войны**, а мы не имели точных сведений о том, что делается в стране, на фронтах и даже в Либаве, которая была видна нам в перископ. Когда всплывали для зарядки аккумуляторной батареи, то с мостика отчетливо было видно, что порт и город в огне. Горели топливные склады, завод “Тосмари”, штаб военно-морской базы и казармы”.

Как становится понятным, 24 июня руководства Либавской базы, уже точно, не было на месте. Связь подлодки Л-3 была в одну сторону: как в ниппеле.

Приведу еще одну трагическую историю, связанную с Либавой. Трудно назвать первоисточник, так как история встречается в ряде изданий и отличается лишь незначительными деталями.

Как упоминал ранее, от убывшего в Усть-Двинск 1-го дивизиона на ремонтной базе в Либаве, якобы, остались две подводные лодки С-1 и С-3. Уже к вечеру 22 июня немцы вплотную подошли к нашей военно-морской базе. Чтобы подлодка С-1 не досталась врагу, её 23 июня взорвали, а экипаж перешел на подлодку С-3. Но беда заключалась в том, что подлодка С-3 могла идти только в надводном положении и с очень малой скоростью около 5-ти узлов. В районе Ирбенского пролива (чуть-чуть осталось, чтобы дойти до цели) ее настигли немецкие торпедные катера. Несмотря на отчаянную попытку отбиться артиллерийским огнем, ничего не получилось. Подводная лодка С-3 погибла.

Что меня смущает в этой истории? Какой дефект на подводных лодках С-1 и С-3 не позволил им уйти из Либавы со своим 1-м дивизионом? Не думаю, что на Либавской базе, накануне войны, было целесообразно проводить капитальный ремонт ходовой части подлодок? Для этих целей лучше всего подходит глубокий тыл. Что же явилось причиной, побудившей командира 1-го дивизиона Трипольского оставить подлодки в Либаве? А может начальство настояло оставить эти подлодки в Либаве? Ни в этом суть.

По боевым потерям за второй день войны 3-й дивизион “Малютки” Аверочкина, потерял четыре лодки. 23 июня их пришлось взорвать, чтобы не достались врагу, так как они, якобы, находились в “ремонте” и не смогли бы покинуть базу, а она уже была в окружении немецких войск. По той же причине, якобы, взорвали и подлодку С-1. О неспособности подлодки С-3 погружаться мы уже говорили. К чему я клоню? Вспомните, рассказ Грищенко о первом вражеском налете на Либаву. Была ли база готова к отражению вражеского воздушного налета? Разумеется, нет. Более того, подводные лодки спокойно стояли у пирса в ожидании команды “отбой” по окончанию учебной

тревоги. Базу подставили под удар вражеской авиации, в результате которого сразу недосчитались четырех подлодок 3-го дивизиона и плюс серьезные повреждения получили подлодки С-1 и С-3, из 1-го дивизиона. На С-1, после бомбежки сразу поставили крест, а на С-3 пытались спастись. Смотрите сами. С-3 не смогла погружаться. Она что, такой с учений пришла? Видимо получила повреждение балластной (и топливной) цистерны, потому и не смогла нырять под воду. Кроме того, смущал ее тихий ход. На дизелях, она спокойно могла дать свыше 16–17 узлов, имея, при паспортных данных, 19. На одном дизеле и то, скорость должна была быть выше, чем 5 узлов. Может, шла на аккумуляторах? Видно, сильно помяли ее бомбами, что еле двигалась.

Если к этим потерям приписать погибшую, якобы, 25 июня М-83, тоже, кстати, как и предыдущие подлодки, взорванную экипажем, то список потерь подлодок уничтоженных собственными руками, просто, потрясает. Понятно, что обстоятельства были такими. Но, причина — явная неготовность к вражескому нападению. Вот вам и боевая готовность № 1, о которой распинались наши адмиралы. Если это не подстава врагу, то, как называется данное безобразие? Неужели все это и есть суровые будни военно-морского флота, готовящегося встретить врага? За такие вещи мало срывать погоны с руководящего командного состава: расстрел, и то, должен быть для них мягкой карой, за гибель тысяч советских моряков, а также, и граждан страны, доверившим для защиты свои жизни.

Теперь небольшой рассказ о гибели командира 3-го дивизиона подлодок Аверочкина. Как говорил ранее, на этой подводной лодке “С-5” из Таллина отправлялся, видимо, командный состав подплава бывшей Либавской базы. Об этом, чудовищном по тупости и подлости перехода кораблей из Таллина в Кронштадт, на данный момент имеется достаточное количество исследовательского материала. По ряду обстоятельств караван судов пошел через минные поля. Подводная лодка “С-5” не избежала судьбы многих кораблей. Она подорвалась на mine. Вот как описывает этот трагический поход заместитель командира подводной лодки “Лембит”, на тот момент, Алексей Михайлович Матиясевич.

“Вечером 27 августа получили распоряжение о перебазировании. На лодку должен был прибыть командир дивизиона капитан 3 ранга А.К.Аверочкин, но уже перед самым выходом нам передали, что он пойдет вместе с комбригом Н.П.Египко на **С-5**, которая отойдет от наружной стенки гавани **последней**”.

Вот судьба у человека. Я имею в виду Аверочкина. Плыви он на “Лембите” и остался бы жив, хотя бы, на этом переходе. Но и над подлодкой С-5 судьба, в виде начальства, поиздевалась. Останься она последней в кильватерном строю, еще были бы шансы уцелеть. А так, все беды для Анатолия Кузьмича собрались в кучу. А почему?

“В 23 часа ошвартовались у пирса в бухте острова Нарген. Над Таллинном высоко в небо поднималось яркое зарево. Враг вступал в город.

28 августа, в 16 часов, заняли свое место в кильватерной колонне кораблей, направляющихся на восток. За крейсером “Киров” (командир капитан 2 ранга М.Г.Сухоруков) на котором держал свой флаг командующий вице-адмирал В.Ф.Трибуц, **шла подводная лодка С-5**, за ней С-4, “Лембит”, “Калев”, далее следовали “щуки” и “малютки”. Затем параллельными кильватерными колоннами шли транспорты и небольшие военные корабли — сторожевики, охотники за подводными лодками, катера. Собрались сотни судов разных классов, все двигались в одном направлении. Военные корабли шли с параван-тралями. Тральщики прокладывали дорогу в **густых минных полях**”.

Трибуц-то, морское командование Либавской базы, почему-то решил держать поближе к себе, поэтому и шла С-5 за флагманским кораблем. А зачем, вообще, нужно было тащить в Кронштадт подводные лодки в надводном положении вместе с военными кораблями? Чтобы лучше было их топить авиацией врага? Мало, наверно, им было бомбежки на Либаве? Или была какая-то иная причина, недоступная нашему пониманию?

“Противник начал обстрел с берега из дальнобойных орудий. Появившиеся фашистские самолеты, боясь зенитного огня военных кораблей, беспорядочно сбрасывали бомбы”.

А зачем немецким летчикам особенно было лезть на зенитки военных кораблей, когда, практически, беззащитных транспортов — хоть отбавляй, тем более что они всегда более лакомая цель. К тому же, они шли отдельно, своей колонной. Даже маневрировать толком не могли, так как вокруг одни мины. Плыли, как в аду. Снизу рвутся мины, сверху падают бомбы.

“В нескольких метрах от борта лодки проплывали мины, подсеченные тралами впереди идущих кораблей. На палубе и булях лодки мы приготовили шесты, чтобы в случае необходимости отталкивать мины от корпуса лодки. На минах подорвалось уже несколько транспортов. Военные корабли шли строго в кильватер по протраленной полосе. Но и это не всегда помогало.

Все внимание Полищука (командир подлодки “Лембит”. — В.М.), мое, сигнальщиков было сосредоточено на водной поверхности. Боцман Переточно держал лодку в кильватер С-4.

Мы заметили, что миноносец “Яков Свердлов”, шедший впереди “Кирова”, вышел влево и стал разворачиваться почти на обратный курс. Мы продолжали движение. Когда по нашему курсовому углу 45 градусов левого борта до миноносца оставалось меньше двух кабельтовых, мы увидели взрыв по его правому борту в районе грот-мачты. Корма сразу стала погружаться в воду, а нос неестественно быстро поднимался вверх. На палубе было много людей, они пытались бежать к носу, но дифферент на корму нарастал молниеносно. Люди срывались и падали в воду. Не прошло и двух-трех минут, как “Яков Свердлов” навсегда скрылся под водой. На поверхности, в густом липком слое мазута, плавали десятки людей. Много я видел страшных картин, но такой еще не видывал. Мурашки забегали по спине. Самым мучительным было то, что мы ничем не могли помочь нашим товарищам. Подбирать людей бросились катера и тральщики”.

Либо миноносцу “Якову Свердлову” при бомбежке, заклинило рули, и он на циркуляции вывалился из строя, либо иная веская причина заставила его покинуть кильватерный строй, что его тут же, и погубило — попал на не протраленную от мин акваторию моря.

Отклонились от темы. Забежали вперед по событиям. Но трагедия Таллиннского перехода должна остаться в сердцах честных людей на века. Помни, товарищ войны и предателей, которые сделали подставу врагу. Тысячи советских людей погибли на том, гибельном курсе. Матиясевич, еще немного затушеввал трагедию, показав что, дескать, катера и тральщики бросились спасать людей. Очень сложно было организовать спасение на минном поле. Останавливаться кораблям было нельзя, равно, как и выходить из кильватерной колонны, — равносильно самоубийству. Вправо — влево, мины, а неподвижный корабль, тут же превращался в привлекательную цель для немецких самолетов.

Продолжаем горестный рассказ офицера-подводника Матиясевича, о котором можно сказать одно: действительно, его воспоминания — не сладкий мед.

“...Вдруг глухой сильный взрыв потряс воздух. На месте подводной лодки С-5, шедшей за “Кировым”, поднялся огромный черный, с медно-красным отблеском столб. Он немного сместился вправо и обрушился на воду. По-видимому, **лодка подорвалась на подсеченной мине** и ее боезапас сдетонировал. Людей, находившихся на мостике и палубе лодки, взрывом выбросило в воду...”

Нам удалось поднять из воды лишь краснофлотца-комендора Антоненко, который проплывал близко от борта “Лембита”. Кильватерная колонна продолжала движение. Для того чтобы оказать помощь остальным товарищам, выброшенным взрывом в разные стороны, нужно было выйти из протраленной полосы и специально проводить поиск, а это грозило подрывом на минном поле или на плавающей мине. Между тем на борту “Лембита” было двадцать мин и полный запас торпед.

Только в Кронштадте мы узнали, что катера, тральщики, шлюпки подобрали пятнадцать человек с подводной лодки С-5”.

Немного спаслось из начальства, находящегося на мостике — командир бригады Египко, да командир подлодки Башенко. В отношении Анатолия Кузьмича Аверочкина, можно сказать, что поговорка: “Начальству — всегда везет”, в этот раз, к сожалению, почему-то не сработала.

А вот военный корреспондент Николай Михайловский отказался, не смотря на все уговоры, от предоставленной возможности плыть на С-5 с командным составом и остался на транспорте “Вирония”. Представляете, после ожесточенной бомбежки, со страха от взрыва бомбы рядом с кораблем, сиганул за борт. К его удаче, с несколькими товарищами по несчастью был подобран катером и доставлен на борт “Ленинградсовета”, которым командовал, упомянутый ранее, адмирал Н.Н.Амелько (На тот момент он был, всего лишь старшим лейтенантом). К сожалению, как мы знаем, “Вирония” тоже погибла от мины. Вот вам и судьба. Сумел же Михайловский вернуться от двух смертей.

Петр Иванович Макеев, в должности начальника походного штаба первого отряда транспортов, находящийся на борту, все того же “Ленинградсовета”, так вспоминал, тот гибельный переход.

“Когда стало уже совсем темно, за кормой увидел ослепительную вспышку и поднявшийся высоко огненный столб ярко-белого цвета высотой не менее 100 метров, который продержался несколько секунд, осветив вокруг силуэты кораблей, и погас. Потом мы услышали глухой звук взрыва, и через несколько мгновений все вокруг снова погрузилось в полную темноту.

Выясняю, что подрывался на mine и затонул транспорт “Ярвемао”. Боевые торпеды, погруженные на него при отходе из Таллина, сдетонировали при взрыве мины.

... Действие такого взрыва страшно, — представить себе его не в силах ничье воображение. Вот прошло уже более 50 лет, а я до сих пор не могу забыть эту ужасную картину.

Не успело отхлынуть катившееся над водой эхо взрыва, как его подхватила серия глухих ударов, доносившихся далеко сзади нас. Это еще ряд кораблей из других конвоев подрывался на минах. Иногда то один, то другой корабль совершенно исчезает из виду, скрытый высокими столбами воды, брызг и черного дыма.

Яркие вспышки, глухие взрывы, столбы пламени и дыма поднимались за нами на горизонте, зловеще возвещая об очередной гибели кораблей”.

Поступила команда: “Всем кораблям встать на якорь”. И вот караван судов ночью остановился в Финском заливе, посередине минного поля “Юминда”.

“Машины перестали работать, и сразу вокруг наступила полная тишина. Теперь отчетливо стали слышны крики плавающих в воде людей: “Спасите нас”, — кричали в одиночку и хором из темноты. На стихнувшей поверхности моря плавала масса обломков с кораблей и среди них люди. Наши катера осторожно идут на крики, подбирают плавающих и доставляют их на корабль. Отыскивать людей в воде, ночью при затемненных огнях кораблей было трудно, приходилось ориентироваться по зову и крику. Но у многих в холодной воде и от волнения быстро пропадал голос. Поднятые из воды, они долго не могли говорить”.

Кто-нибудь ответил за всю эту трагедию-подлость? Да никто и никогда! И по сей день, история Таллиннского перехода 1941 года не имеет широкой огласки.

Это сколько же человеческих жизней замечательных советских людей унесла эта трагедия, организованная подлыми людьми с продажными душонками? Потому немцы так безнаказанно и расправлялись с нашими кораблями: что с постановкой мин на фарватере, что с обстрелом с берега, что с бомбежкой с воздуха.

Петр Иванович Макеев подводит грустный итог Таллиннского перехода.

“Из первого конвоя, в составе которых я шел, благополучно дошли до Кронштадта только учебный корабль “Ленинградсовет”, три подводные лодки (Щ-307, Щ-308, М-79) и катера обеспечения.

Четыре транспорта (“Элла”, “Вирония”, “Алев” и “Ярвемао”) подорвались на минах и погибли. Четыре транспорта (“Вальдемарс”, “Колпакс”, “Кронвальдис” и плавмастерская “Серп и Молот”) погибли от авиабомб”.

В других конвоях ситуация с транспортами была не лучше. Это было следствием того, что на следующий день, 29 августа главные силы и отряд прикрытия, а это военные корабли, — **бросили конвои** и самостоятельно убыли в Кронштадт. А мы и по сей день, не перестаем возмущаться действиями англичан по поводу того, как это они оставили без боевого прикрытия караван PQ -17. Но там-то хоть, на транспортах везли грузы, а здесь же, в основном, кругом были свои советские люди.

Петр Иванович с горечью констатирует, что

“оставшись без истребительного прикрытия и зенитных средств боевых кораблей, транспорта с войсками в этот день понесли большие потери от ударов противника с воздуха”.

А высокое морское начальство в это время уже разминало ноги на брусчатке острова Котлин. Такие вот дела.

Вопросов к командованию Балтфлота по войне, особенно, по начальному периоду, очень много, но все они так и остались без ответов.

По Таллиннскому переходу хотелось сказать лишь следующее. Как по пословице: “Отольются кошке, мышинные слезки” — так и к немцам пришел грозный 1945 год. Нахлебались немецкие беженцы студеной водицы Балтийского моря. Сначала 30 января А.Маринеско на своей подлодке С-13 пустит ко дну громадный лайнер “Вильгельм Густлоф” с 5-ю тысячами беженцев и частью военнослужащих эвакуированных из Померании через порт Готенхафен, а через 11 дней, он же, топит транспорт “Штойбен” с 3,5 тысячами человек, тоже преимущественно беженцами и ранеными военнослужащими. В апреле весенней водицы из Балтики напьются еще около 7-ми тысяч человек, находящихся на транспорте “Гойя”. Тоже, как и предыдущие немцы: раненые и эвакуированные из восточных земель, бежавшие от наступавшей Красной Армии. Это гибельное купание им устроил В.Коновалов на знакомой нам подводной лодке Л-3.

Автор, никоим образом, не злорадствует, над трагедией немецких беженцев, втянутых в водоворот военных событий и погибших в холодных водах Балтийского моря. Просто подчеркивает, что вполне возможно, что на этих судах, ушедших на дно, могли находиться и раненые летчики из Люфтваффе, бомбившие, в свое время, наши транспорты с мирным населением. А вполне возможно, что там находились и родственники, и друзья этих же самых пилотов. Все возможно. Вот и испытали, все они, вместе взятые, на себе все “прелести” войны. А ведь, поначалу боевых действий, очень даже, могли радоваться успехам своих мужей, сыновей и братьев на Восточном фронте. Что ж, вполне закономерный итог — возмездие восторжествовало!

Но ближе к нашей теме о предательстве и подставе врагу. Каким же образом военное руководство, не только сорвало боевую готовность Балтийского флота, но и позволило противнику беспрепятственно устанавливать морские мины 21 июня (и даже чуть раньше), западнее Таллиннского меридиана. Вдобавок, в середине лета, пользуясь прямым попустительством нашего командования, не организовавшим элементарную морскую разведку, немцы установили целое минное поле “Юминда” на середине прямой, между Таллинном и Кронштадтом. И это в водах, подконтрольных Балтфлоту?!

Недаром, контр-адмирал Ю.Ф.Ралль, участник еще русско-японской войны 1904–1905 годов, командир арьергардной группы военных кораблей в данном, Таллиннском переходе, назвал эту трагедию “Второй Цусимой”.

Хочу немного развеять грустные мысли читателя. Хотите улыбнуться?

На десерт несколько сообщений Советского Информбюро о событиях на Балтике того времени.

До Таллиннского перехода.

“за 14 июля 1941 года.

Вечером 12 июля в Балтийском море были обнаружены германские транспорты с войсками и танками, охраняемые сильным отрядом эсминцев, сторожевых кораблей, торпедных катеров и истребительной авиации.

Краснознаменный Балтийский флот рядом последовательных ударов авиации, кораблей и береговой обороны нанес противнику крупные потери: потоплены два эсминец, тринадцать транспортов и баржа с танками; кроме того, получили сильные повреждения и горят тринадцать транспортов и один эсминец. **С нашей стороны потерь в кораблях и самолетах нет”.**

После Таллиннского перехода.

“за 12 сентября 1941 года.

В Финском заливе наши бронекатеры 10 сентября потопили несколько немецких катеров и две баржи с фашистской пехотой. Вражеские корабли пытались ночью скрытно подойти к нашему берегу и высадить десант. Советские моряки расстроили их планы. На полном ходу бронекатеры...

В данном тексте, именно так — многоточие. Как у Михаила Задорнова на концерте зритель должен почувствовать всю прелесть данной лажи.

начали таранить неприятельские корабли. Советские моряки потопили один за другим четыре немецких катера. Не слыша выстрелов, немцы

Снова, внимание! Самая “сладость” сообщения.

вслед за катерами послали две баржи с буксирами. Наши командиры решили, не открывая огня, снова идти на таран.

С немецкими катерами этот же фокус удался! Зачем снаряды понапрасну тратить.

Бронекатеры нанесли мощные удары по буксирам, а затем по баржам. Получив пробоины, баржи быстро затонули. На дне Финского залива нашли себе могилу несколько сотен фашистских солдат и офицеров”.

Ну, как вам показалось ура-патриотическое сообщение? Не правда ли, что кроме улыбки, не может вызвать ничего. Прямо по-Суворовски: “Чего их жалеть-то, басурман проклятых!”

Вновь о серьезном.

Если читатель не забыл, то теперь обещанная тема о взрывателях к зенитным снарядам, и, конечно, не только о них. Встретимся со “старыми знакомыми”.

Обратимся к мемуарам **Яковлева Н.Д. “Об артиллерии и немного о себе”**. Было бы, конечно лучше, если бы Николай Дмитриевич, более подробно рассказал о себе, чем об артиллерии (о ней мы и без него узнаем), но у Лубянских послевоенных поседельцев, почему-то сильно развито чувство скромности, по отношению к собственной персоне.

Итак, небольшая история по начальному периоду войны. Яковлев, будучи начальником артиллерии КОВО, вспоминает.

“Вечером мне передали приказание командующего войсками округа, чтобы к утру 16 июня я непременно прибыл в Киев. Поехал в тот же вечер. Утром генерал М. П. Кирпонос объявил мне, что я, оказывается, назначен **начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии**. Вот это неожиданность!

Первое, что нашелся спросить, было: а кто будет назначен вместо меня в округ? М.П.Кирпонос сказал, что уже завтра, 17 июня, в Киев с должности генерал-инспектора артиллерии прибывает генерал И.А.Парсегов. Он-то и будет начартом КОВО. Ну, а мне после сдачи ему дел, 21 июня, надлежит явиться уже в Москву, где представиться Народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С.К.Тимошенко”.

Нам это не в новинку, когда перед самой войной происходит перемещение и смещение командного состава. Значит, все артиллерийские дела, которые были в Киевском военном округе, вдруг, переходят из одних рук в другие. Как мы знаем, артиллерия из воинских частей, накануне войны, по приказу сверху, в данном случае, и Яковлева тоже, убыла на полигонные испытания. Комкор Рокоссовский свою артиллерию отстоял и встретил войну с пушками, а другие, менее твердые в своих убеждениях, “лапу сосали”, когда немец границу перешел.

А Николай Дмитриевич, который приказ отдавал по поводу артиллерии в Киевском округе, в это время, уже будет в Москве, связи с “неожиданным” назначением. По воспоминаниям И.Х.Баграмяна Парсегов прибыл в Киев 19 июня. Как раз перед войной. Неясно, за что, его из Москвы на округ? Баграмян отмечает: “Три года на высших постах в артиллерии дали Парсегову много. Это уже был командир с широким оперативным кругозором, смелый и быстрый в решениях”.

Вроде, без иронии написано, что самое время подошло, чтоб Парсегова с высших постов в артиллерии, да на Киевский военный округ. Главное, смог ли он быстро разобраться с оставленным ему Яковлевым артиллерийским хозяйством округа, за два дня до войны, вот вопрос?

А новоиспеченный начальник радостно вспоминал:

“В Москве я тоже никогда не служил. Правда, бывал в ней проездом или же в командировках. Но это — считанные дни. Центрального аппарата, кроме управления начальника артиллерии РККА, не знал. Теперь же нужно было все это познавать, привыкать к новому, **столичному** ритму работы.

Итак, я стал готовиться к отъезду в Москву. Мне предстояла встреча с бывшим командующим войсками КОВО, а ныне наркомом обороны **С. К. Тимошенко**, с его преемником на этой должности генералом армии **Г.К. Жуковым**, сейчас возглавлявшим Генеральный штаб. Был уверен, что **мое назначение начальником ГАУ не обошлось без их непосредственного участия**. Поэтому и надеялся, что на первых порах смогу получить помощь с их стороны.

В наркомате было и еще несколько моих сослуживцев по КОВО. Это бывший начальник штаба округа **Н. Ф. Ватутин**. Сейчас он являлся заместителем начальника Генерального штаба — начальником оперативного управления. В его непосредственном подчинении работал и генерал **Г. К. Маландин**. До середины 1940 года он занимал в Киеве должность заместителя начальника штаба округа. Мы даже жили с ним в одном доме.

Начальником бронетанковых войск РККА также был наш, “киевский”, — **Я. Н. Федоренко**. Выходцем из КОВО являлся и **Я.М.Хотенко**, возглавлявший сейчас Центральное финансовое управление, строительством руководил **А. В. Хрулев**, кипучей энергии человек. Да, все эти товарищи были уже крупными военными работниками. Однако непосредственно в ГАУ они мне мало чем могли помочь”.

Все-таки, что не говорите, а со своими, служить вдвойне приятно. Приехал, понимаешь в Москву, а здесь все “киевляне” под крылом у Хрущева. Хотя и Киев — столица, но в Москве — все же, лучше.

“К **19 июня** я уже закончил сдачу дел своему преемнику и почти на ходу распрощался с теперь уже бывшими сослуживцами. На ходу потому, что штаб округа и его управления в эти дни как раз получили распоряжение о передислокации в Тернополь и спешно свертывали работу в Киеве”.

Точнее, было бы сказать, что все свои дела передал “на ходу”, так как Парсегов только 19 июня прибыл на место. А может быть и 20-го? Уж больно знаковые дни. Как шустро наши военные, замеченные в нехороших делах, зашевелились с перестановками командного состава перед самой войной. Яковлев и не скрывает, что на новом месте ему нужно будет “все это познавать, привыкать к новому, столичному ритму работы”. Можно ли сказать по этому поводу, что во всеоружии встретит врага?

А что сказать об оставленном Парсегове? Успели, думается, только руки пожать друг другу, и, как говорят — до свидания. А пушечки на полигонах, так и остались стоять, немцев дожидаясь.

“**21 июня около 14 часов** приехал в Москву. Буквально через час уже представлялся наркомом обороны Маршалу Советского Союза С.К.Тимошенко.

В кабинете наркома как раз находился начальник Генштаба генерал армии **Г. К. Жуков**. Мы тепло поздоровались. Но С. К. Тимошенко не дал нам времени на разговоры. Лаконично предложил с понедельника, то есть с **23 июня**, начать принимать дела от бывшего начальника ГАУ Маршала Советского Союза Г. И. Кулика. А уже затем снова явиться к нему для получения дальнейших указаний”.

Немцы уже войну объявили, а Тимошенко на понедельник наметил Яковлеву приемку дел от прежнего начальника. Обратите внимание, что уже есть решение об отстранении Григория Ивановича Кулика от должности, но тот об этом пока еще не догадывается. Хотя, Яковлев из Киева примчался, как на пожар.

Время, как видите, около трех часов дня, но представляется, что значительно позже. Германская нота вручена и все хрущевцы, уже знают, что им предстоит делать.

“Во время нашей короткой беседы из Риги как раз позвонил командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал Ф.И.Кузнецов. Нарком довольно строго спросил его, правда ли, что им, Кузнецовым, отдано распоряжение о введении затемнения в Риге. И на утвердительный ответ **распорядился отменить его**”.

А зачем затемнение? Немцам в темноте трудно будет работать. На Балтике, как и в других местах, в это время работали маяки!!! Это чтоб немецкие корабли ошибочно не выбросили мины в каком-нибудь другом месте моря. Вот вам наглядный пример, как сводилось на нет, отданное ранее распоряжение о приведении войск в полную боевую готовность. Примерно, по такой схеме происходило и с другими округами.

“Продолжения этого телефонного разговора я уже не слышал, так как вышел из кабинета наркома и из его приемной позвонил Г.И.Кулику. Тот согласился начать сдачу дел с понедельника, а пока предложил к 20 часам приехать в ГАУ и неофициально поприсутствовать на совещании, связанном с испытаниями **взрывателей к зенитным снарядам**”.

Открытый разговором с Тимошенко, наш герой сразу взял быка за рога. Читать подобные фантазии — Задорнов отдыхает на телеэкране! Зачем беспокоить наркома обороны с разрешением покинуть кабинет? Пусть поговорит по телефону в свое удовольствие. А товарищ Яковлев потихонечку выйдет из кабинета и попугает маршала Кулика новым назначением. Интересней было бы, если б Кулик не согласился на понедельник. Кроме того, необычным выглядит неофициальное присутствие на совещании постороннего. Обычно круг лиц хорошо известен. Представьте, что среди военных, вдруг, появляется неизвестный генерал. У всех сразу возникнет вопрос: “Кто он? И что здесь делает?” Но стоит ли посвящать читателя в такие тонкости повседневной жизни военных высшего звена.

Наш Яковлев поехал на совещание, которое проводилось в здании, напротив Кремля и на котором шло обсуждение этих самых “взрывателей к зенитным снарядам”. Это же была основная тема нашего рассказа. Ведь, скоро предстоит стрелять по немецким самолетам, а здесь, все еще решаются вопросы об этих самых дистанционных взрывателях.

“Г.И.Кулик почему-то ни с кем меня не познакомил. То ли потому, что, являясь заместителем наркома обороны и Маршалом Советского Союза, не счел удобным это сделать. Ведь он-то, видимо, хорошо понимал, что сдает должность начальника ГАУ **вопреки своему желанию**. И кому! Какому-то малоизвестному генералу из войск! Поэтому, вероятно, и счел, что ему не к лицу рекомендовать такого преемника.

Но это, как говорится, было его дело. Важно, что я все-таки присутствовал на данном совещании”.

Обратите внимание, как разворачиваются дела в Москве. Как мы знаем, Сталина нет. Нота немцами уже вручена. Ставка образована для своих людей. Кулика, как заместителя наркома обороны, отодвигают (?) в сторону. На его место, начальника ГАУ, ставят своего человека из Киева. Написано довольно откровенно. И Яковлев не скрывает, что Кулика сняли вопреки его желанию. Но это еще не всё. Яковлев — генерал-лейтенант, а едет к Маршалу Советского Союза с распоряжением о его замене? Через, чур, смело! Здесь исчез из поля зрения один человек и Николай Дмитриевич, не хотел упоминать о нем, чтобы не поломать официальную точку зрения. Я говорю о генерале армии Георгии Константиновиче Жукове. Помните воспоминания наркома Горемыкина, в которых шла речь об утреннем совещании 22 июня в ГАУ, и о присутствии там начальника Генштаба? **Так вот, Жуков и приехал туда, с целью, представить Кулику приемника Яковлева**. А то, как писал Георгий Константинович в мемуарах, сразу поутру бросился по телефону Сталину звонить о начале войны.

Они с Тимошенко своих людей расставляли по Москве. Жукову по званию и по новой должности, было приемлемо разговаривать с маршалом Куликом. Понимаю состояние Григория Ивановича, на которого обрушилось такое сообщение об отставке.

“Г.И.Кулик вел совещание с заметной нервозностью, но высказывался крайне самоуверенно, вероятно надеясь, что авторитет его суждений обязан подкрепляться высоким служебным положением и званием маршала.

Слушая путаное выступление Г.И.Кулика, я с горечью вспоминал слышанное однажды: что он все же пользуется определенным доверием в правительстве, и прежде всего у И.В.Сталина, который почему-то считал Г.И.Кулика военачальником, способным на решение даже оперативных вопросов. И думалось: неужели никто из подчиненных бывшего начальника ГАУ не нашел в себе смелости раньше, чем это уже сделано, раскрыть глаза руководству на полную некомпетентность Г.И.Кулика на занимаемом им высоком посту? Но тут же утешил себя: а все-таки **нашлись смелые люди!** Справедливость-то восторжествовала!”

Высочайшая “эрудиция” у нашего рассказчика. Послушал немного бывшего начальника и сразу вынес решение: я — лучше. И как это никто не мог со страху “раскрыть глаза руководству на некомпетентность Г.И.Кулика”? Правда, и он сам, почему-то, не назвал этих “смелых людей” и откуда они взялись? Наверное, Ставка, где эти люди обитали, для Яковлева, оказалось трудно выговариваемым словом? А ведь они с Жуковым одного поля ягода. Тот тоже, был мастером сходу по картам все дела разруливать.

Рассказ приближается к завершению.

“Была уже глубокая ночь, а совещание все продолжалось. Теперь высказывались военные и гражданские инженеры. Первые давали свои оценки взрывателям, вторые — свои. Спорили подчас довольно остро. Г.И.Кулик не вмешивался, сидел молча, с безразличным выражением на лице. Я тоже вскоре потерял в потоке жарких слов нить обсуждения, да честно говоря, **мне в общем-то и не была известна суть дела.** (А как же суждение о некомпетентности Кулика? — В.М.) К тому же и просто устал.

Так проспорили **до начала четвертого утра 22 июня.** А вскоре последовал звонок по “кремлевке”. Кулик взял трубку, бросил в нее несколько непонятных фраз. **Со слегка побледневшим лицом** положил ее на рычаги и жестом позвал меня в соседнюю комнату. Здесь торопливо сказал, что немцы напали на наши приграничные войска и населенные пункты, его **срочно вызывают в ЦК,** так что мне теперь самому надо будет вступить в должность начальника ГАУ. И действительно, Г. И. Кулик тотчас же закрыл совещание и уехал”.

В то время, когда писал мемуары Яковлев Н.Д., еще не были “причесаны” страницы Журнала посещения Сталинского кабинета в Кремле. Это здесь Кулик поехал в ЦК, только не понятно, в каком качестве? А по Журналу пририсуют его посещение Кремля. Помнится, его, якобы, сделали представителем Ставки и выпихнули на фронт, чтоб собирал потерявшие руководство воинские части.

Но теперь известны обстоятельства первых дней войны. Поэтому Кулик побледнел не от того, что про войну услышал (маршал — и побледнел?), а от того, что получил приказ Тимошенко о снятии с должности заместителя наркома и, марш вперед, в Белоруссию в должности Главкома Западного направления. А здесь и Жуков подсуетился: представил маршалу Кулику его приемника. Надо же было дождаться окончания совещания. Как все это провернул Жуков с компанией, не совсем понятно. Снимать Кулика было не в их с Тимошенко компетенции. Видимо, это дело освятили свои партийные люди из Политбюро. Тот же, например, Хрущев. Непросто же так, скрывал свое присутствие в Москве. Да и Жуков, видимо, козырял своим назначением, как заместитель Председателя Ставки.

Как уже говорил ранее, Кулика, по жизни, сделают “козлом отпущения” за все “промахи” высшего командования на войне. Достанется, по полной. Да и после войны, воспользовавшись болезнью Сталина, хрущевцы его засудят и расстреляют, так как слишком много знал о тайных проделках высшего командного сословия. А Яковлев, в свою очередь, уже от Сталина, получит “на орехи”, тоже, в послевоенный период. Как всегда при Хрущеве: на свободу с чистой совестью.

Давайте закроем тему о Балтике еще одним небольшим фрагментом из воспоминаний адмирала Кузнецова. Напомню, что у него, уже начался день 22 июня 1941 года, первый час ночи.

“Прошло лишь **двадцать минут** после моего разговора с вице-адмиралом Трибуцем — телеграмма еще не дошла до Таллина, — а оперативная готовность № 1 была объявлена уже на Ханко, в Прибалтийской базе и в других местах. Об этом опять же свидетельствуют записи в журналах боевых действий: “Частям сектора береговой обороны Либавской и Виндавской военно-морских баз объявлена готовность № 1”.

В 02 часа 40 минут все корабли и части флота уже были **фактически** в полной боевой готовности. Никто **не оказался** застигнутым врасплох.

Позади были недели и месяцы напряженной, кропотливой, иногда надоедливой работы, тренировок, подсчетов и проверок. Позади были бессонные ночи, неприятные разговоры, быть может, взыскания, наложенные за медлительность, когда людей поднимали по тревоге. Много было позади, но все труды, потраченное время и нервы — все было оправдано сторицей в минуты, когда флоты уверенно, слаженно и без проволочек изготовились к встрече врага”.

Бумага, наверное, плакала, когда на ней выводили такие лживые слова. Заставить бы Кузнецова по три раза перечитать мемуары его подчиненных, может быть, и дрогнула бы тогда рука при написании, что “флоты уверенно, слаженно и без проволочек изготовились к встрече врага”? Вот такими “правдивыми” мемуарами и кормили нас “верные” защитники Отечества.

Теперь переходим к Черноморской теме, освещенной Николаем Герасимовичем.

“Первым принял удар на себя Севастополь. Пускай другие вступили в бой лишь на час-другой позднее, но они уже знали: враг напал на нашу Родину, война началась! **Севастополь встретил нападение подготовленным**. Командованию флота пришлось самому принять решение об открытии огня. Стоит еще раз напомнить о том, что лишь за неделю до этого всех нас заверяли: война не предвидится, разговоры о ней — провокация, чтобы понять, как драматична была обстановка в ту ночь и какое внутреннее торможение, колебание, неуверенность должны были преодолеть в себе люди, прежде чем твердо и мужественно отдать такой приказ.

Впоследствии мне рассказывали, что в ту субботу, как и в предыдущие дни, корабли стояли в Севастопольской бухте **рассредоточено**, с оружием, готовым к действию. Они были затемнены, и с берега нельзя было различить их силуэты на черной воде”.

Великий баснописец дедушка Крылов, хорошо зная человеческую сущность, недаром, в одной из своих басен написал: “За что же, не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха? За то, что хвалит он Кукушку”. Вот так и у нас происходит. Адмиралы хвалят друг друга, как они хорошо несли службу, то есть, не зря ели народный хлеб. Но при этом, никак не могут договориться, чтобы было слово в слово. Вот и вылезают в мемуарах разные нестыковки. Наша задача, выражаясь морским языком, определить, кто меньше всего отклонился от основного курса? Пока о командовании Черноморского флота — общими словами.

Это все обозначало для Черноморского флота оперативную готовность № 1. А забота Севастопольского начальства видна воочию. Как видите, из всего высшего начальства, хотя и остался один начальник штаба, да и то, умудрился, и домой сбегать, и ценное указание получить.

“Н.Т.Рыбалко вновь увидел контр-адмирала меньше, чем через два часа, когда тот быстро вошел в комнату дежурного, **держа в руках телеграмму**.”

“Я ее помню дословно, — пишет Н. Т. Рыбалко, — только не ручаюсь за то, в каком порядке были перечислены флоты”. Вот эта телеграмма:

“СФ, КБФ, ЧФ, ПВФ, ДВФ. Оперативная готовность № 1 немедленно. Кузнецов”. (ПВФ — Пинская военная флотилия. ДВФ — Дунайская военная флотилия. — прим. ред.)

Сразу же главной базе был дан сигнал “Большой сбор”. И город огласился ревом сирен, сигнальными выстрелами батарей. Заговорили рупоры городской радиотрансляционной сети, передавая сигналы тревоги. На улицах появились моряки, они бежали к своим кораблям”.

Сначала о бегущих по улице моряках. Это как понимать, если Черноморский флот находился в состоянии повышенной боевой готовности? Экипажи боевых кораблей, запросто, гуляют в увольнительных по городу? На Балтике такого безобразия и то, вроде бы, не было. Теперь по поводу действий начальника штаба флота. Это куда же он со своего дежурства-то, “намылился”? Наверное, забыл отключить дома электронагревательный прибор. К тому же “младшего брата” покрывает сам Кузнецов, уверяя читателя, что Елисейев, будто бы, вскоре вернулся “меньше, чем через два часа”. Как это соотносится с предупреждением самого Елисейева, что отлучится “на несколько минут”? Порядочки, однако, были на флоте.

Кузнецову, видимо, не совсем комфортно покрывать своих адмиралов, поэтому передает слово одному из “участников” ночного бдения. Пусть сам “отдувается”.

“Вот что пишет в своих воспоминаниях адмирал И.Д.Елисейев:

“Учитывая тревожную обстановку, мы договорились, чтобы в штабе флота ночью обязательно присутствовал кто-нибудь из старших начальников, **облеченный правом в случае необходимости принимать ответственные решения**. В ночь на 22 июня на такое дежурство заступил я, начальник штаба. Такова уж традиция на флоте: самым ответственным считается дежурство с субботы на воскресенье”.

Договорились, это как? Тянули на спичках, что ли? Или все втроем, Кулаков и Октябрьский придачу, устроили считалочку? Как могли убыть домой все трое из командования флота, когда с минуты на минуту должна была быть объявлена полная боевая готовность флота, как уверял нас Кузнецов? Ведь со дна на день ожидалась война. По зарубежному радио всюду уже трубят о начале войны Германии с Россией, так как Гитлер уже выступил по германскому радио. Да, сам начальник разведотдела флота полковник Д.Б.Намгаладзе (замечательный, кстати, человек) предупредил о передаче по английскому радио, в которой сказано о начале войны Германии с Советским Союзом. Впрочем, вполне возможно, что был перехват и немецкого радио. А в штабе Черноморского флота считают ответственным дежурство с субботы 21-го на воскресенье 22-го июня, так как это, видите ли флотская традиция. Думается, что Октябрьский, как командующий, приказал Елисейеву остаться в штабе флота и ожидать, как упомянутый выше “товарищ Бывалов”, срочную телеграмму из Москвы.

Но, тому, тоже жизнь дорога (объясню позже, в чем суть), и он перепоручает свое дело дежурному по штабу капитану 2 ранга Рыбалко.

“В 01.03 поступила телеграмма из Москвы. Через две минуты она уже лежала у меня на столе. Вскоре телеграмма была вручена прибывшему командующему флотом. Это был приказ Наркома ВМФ о переводе флота на оперативную готовность № 1. Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала я приказал использовать первый способ. Но

в штаб стали поступать сообщения, что переход на повышенную готовность осуществляется недостаточно быстро. Тогда я приказал сыграть базовую тревогу.

Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту в 01:15 22 июня 1941 года”.

Так как, Елисеев был назначен старшим по штабу, то ему было не отвертеться от ответственности, даже, находясь дома. Пришла шифрованная телеграмма из Москвы. Кто за старшего? — Елисеев! Так как именно ему (на спичках?) и было приказание оставаться в штабе. Все всё знали. На машине офицер-шифровальщик не повезет же шифровой журнал на подпись Елисееву домой. Телеграмму принял Рыбалко, указав в Журнале, что телеграмму принял именно он. Доложил о телеграмме начальнику штаба домой. Так как в телеграмме, как мы знаем, были общие слова, то ознакомившись с посланием от Алафузова, Елисеев успокоился, но, как и положено по службе, доложил по телефону командующему Октябрьскому. А может это, опять, сделал Рыбалко, зачитавший по телефону командующему флотом, эту филькину грамоту из Москвы.

И мы, с вами читатель, теперь тоже знаем, что в той телеграмме из Главного морского штаба, ни слова не было сказано о приведении флота в полную боевую готовность. Так общие рассуждения, типа не поддаваться панике, не более. И что, после этого, Октябрьский или Елисеев, будут, как Головкин на Севере, спорить с Москвой? Да ни за что на свете! Тем более что, ни о какой боевой подготовке, там речи не было. Помните, Грищенко приводил Директиву по Балтике подписанную Трибуцем? Так, сотрясение воздуха. Поэтому и здесь, в Севастополе, никакой полной боевой готовности, в ту ночь, на Черноморском флоте, не было. Хотите в этом убедиться?

Сначала своими воспоминаниями поделится с нами бывший в ту пору командиром крейсера “Червона Украина” из состава Черноморского флота, **Николай Ефремович Басистый**. Он, конечно, будет нас убеждать в обратном, дескать, была сначала повышенная боевая готовность, а когда наступила ночь, так сразу все перешли на полную, но будет делать это так неуклюже, что поневоле засомневаешься в искренности его сообщения.

“Пятеро суток “Червона Украина” то вместе с эскадрой, то вдалеке от нее бороздила Черное море при ярком свете солнца и темными южными ночами. Грохотали залпы ее главного калибра, стреляли зенитные пушки.

Порядком уставшие, невыспавшиеся, **19 июня** мы вернулись в Севастополь...”.

Ну, адмиралы, практически старались друг друга не подводить, по части написания мемуаров. Примерно, так же как и у Кулакова из предыдущей главы. Пишет, что вернулись в Севастополь с учений за несколько дней до войны. Пусть будет так. Теперь читаем, дальше, как товарищ Басистый “уверенно” вспоминал про войну.

“Наступило 21 июня. Суббота. День большой приборки. По корабельным коридорам и палубам не пройти. Все моется, всюду наводятся чистота и блеск.

Вымыв крейсер, как говорится, от клотика до киля, краснофлотцы и старшины занялись своими делами. Работала корабельная баня. На бельевых леерах, протянутых над палубой, колыхались на легком ветерке выстиранные добела парусиновые рубахи и штаны”.

Как же не понять прочитанное. Самая, что ни на есть повышенная боевая готовность, даже выстиранные рубахи на ветру. А действительно, что может подумать читатель? Что на боевую готовность это, что-то не похоже? Явно, непорядок. Сейчас этот недостаток в мемуарах будет устранен.

“В моей каюте собрались командиры боевых частей. Подсчитываем, сколько и каких запасов принял крейсер. За те два дня, которые прошли после учения, у борта корабля побывали баржи с топливом, водой, боеприпасами, продовольствием. Мы пополнили все запасы, порядком израсходованные в учебных боях, и были готовы к новым походам...”

Не помнилось также, чтобы когда-нибудь по окончании столь больших учений оставалась **оперативная готовность номер два**. А такая готовность, безусловно повышенная по сравнению с повседневной, была объявлена всему флоту.

Сейчас, желая показать свою прозорливость, можно было бы говорить, что в те дни чувствовал себя тревожно, ждал чего-то серьезного. Но, признаться, никакой особой тревоги не испытывал”.

А чего волноваться-то? Советский флот в данной акватории Черного моря на две головы был сильнее всех вместе взятых государств по побережью.

“О войне, конечно, думалось. К нам в Севастополь приезжали лекторы из Москвы. Один из них недвусмысленно дал понять, что нельзя полностью верить в договор о ненападении, заключенный с гитлеровской Германией. Мы знали, что должны повышать бдительность и держать порох сухим. Все это так. Однако я погрешил бы против истины, если бы сказал, что в субботу 21 июня видел приближение непосредственной опасности”.

Лектор из Москвы им, видите ли, намекнул, что, мол, ребята, скоро что-то будет. Случайно, лектор — не начальник Главного морского штаба Исаков, который прибыл на учения?

К тому же, что местное начальство, ничегошеньки не говорило своим командирам боевых кораблей о предстоящей войне? Не понимало происходящее на границах? Или наоборот успокаивало, что, дескать, не волнуйтесь, дорогие товарищи. Ни один вражеский самолет не посмеет вторгнуться в пределы военно-морской базы в Севастополе, так что ли?

“Обстановка на Севастопольском рейде, несмотря на повышенную оперативную готовность, не располагала к особой тревоге. **Ко второй половине дня здесь собралась вся эскадра**”.

Действительно, чего волноваться-то? Такое ощущение, что прибыли в гавань после удачной утренней рыбалки в ближайших водах. Или ночью проводили морские гонки вокруг Крыма?

“Прибранные и умытые, по всей ширине бухты неподвижно стояли красавцы-корабли. На их бортах, на иллюминаторах играли солнечные блики, отраженные от воды. Часть личного состава было разрешено уволить на берег. Краснофлотцы и старшины, одетые по летней форме — во все белое, садились на катера, буксиры и барказы. Уходили в город и офицеры — кто домой, к семьям, кто в Дом флота, на устроенный там вечер отдыха”.

Понятное дело для моряка: гуляй братва, пока — повышенная. Это когда приспичит, и будет полная боевая готовность, да, немцы с бомбами прилетят по началу войны, тогда другое дело. А сейчас можно отдохнуть, расслабиться по полной программе. Тем более, как нас уверяет товарищ Басистый, в трюмы боевых кораблей загрузили всё под завязку до лучших времен. Интересно, штаны с бельевых лееров сняли, когда ушли отдыхать на берег или оставили сохнуть до утра?

“Позднее других, но еще засветло сошел на берег и я, получив на это разрешение командира бригады крейсеров. На корабле остались мой заместитель по политической части батальонный комиссар Мартынов и исполнявший обязанности старшего помощника командира капитан-лейтенант Сергиевский.

Хорошо вернуться домой после долгого отсутствия. У моряка есть это “преимущество” перед другими людьми — частые расставания и радостные встречи. Тамара Иосифовна, моя жена, хлопотала с ужином, а дочь Лена, почерневшая от загара, как и все севастопольские девчонки и мальчишки, расспрашивала об учениях, которые тут, в главной базе, ни для кого не были тайной. Жена и дочь хотели вытащить меня погулять по городу, спуститься с нашей Красноармейской улицы на Приморский бульвар, а мне, соскучившемуся по домашнему уюту, да и порядком уставшему, вовсе не хотелось никуда двигаться. И потому после ужина мы все трое сидели на балконе, тихо разговаривали, наслаждаясь красотой теплого южного вечера”.

Хотелось бы спросить уважаемого Николая Ефремовича, да где там за давностью лет? Но все же? Что, за три дня стоянки на Севастопольском рейде с 19 по 21 июня, так и не довелось ни разу отлучиться домой с корабля? Все в бинокль с командирского мостика разглядывал знакомый балкон своей квартиры? А, действительно? Разве ж можно бросить крейсер на произвол судьбы? Никак нельзя иначе! Служба превыше всего! Так могли поступать только настоящие коммунисты-моряки, ставящие судьбу Отечества выше низменных страстей плотской любви со своею женою у домашнего очага. Ему, наверное, “на третий день” стоянки на рейде приказал, по-дружески, убыть домой командир бригады крейсеров капитан 1-го ранга С.Г.Горшков, будущий Адмирал Советского Союза: “Сходи, мол, на берег, дорогой Николай Ефремович! Обними жену и дочь! Крейсер-то, ведь, железный — все выдержит. А ты, все же человек! Отдохни по-хорошему. Войны на всех хватит, и не на один год”.

А приказ командира — закон для подчиненного. Поэтому и оказался в кругу семьи товарищ Басистый. Но не дали ему выспаться досыта Германские фашисты.

“Ночью я проснулся **от пушечной пальбы** и тревожных гудков. Прислушался и мигом вскочил с кровати, поняв, что в Севастополе дается сигнал большого сбора. По такому сигналу флот немедленно принимает готовность к боевым действиям. Снова учения? Тороплюсь одеться и почему-то уже точно знаю — нет, тревога не учебная, для учебной не тот час.

— Война, Тамара! — говорю жене”.

Вот пример настоящего командира для подражания. Сразу подумал, что началась война.

“Выскочил из дому и побежал с холма вниз, к берегу бухты. Бежал по непривычно темным улицам — повсюду в Севастополе было погашено уличное освещение. Спереди и сзади слышался топот ног — многие моряки по тревоге спешили на свои корабли.

Катер ждал у Графской пристани. На нем было уже несколько офицеров с “Червоной Украины”. Приказал старшине немедленно идти к крейсеру, не дожидаясь остальных наших товарищей, тоже ночевавших на берегу (Понятное дело, в такое время корабль без командира. — В.М.).

— За ними сходите еще раз, — коротко бросил я.

Казалось, катер никогда так медленно не ходил. Наконец он стопорит ход у трапа, и я взбегаю на палубу крейсера. Сергиевский взволнованно докладывает:

— По большому сбору на корабле объявлена готовность номер один. К зенитным орудиям поданы боеприпасы. Есть распоряжение Военного совета флота: если над базой появятся чужие самолеты — открывать огонь.

С мостика говорю по телефону с командирами боевых частей. Все люди готовы к действию”.

Голубчик, Николай Ефремович! Что за пушечная стрельба подняла Вас с постели. Неужели зенитчики разминались перед боем? Или стрельба из пушек тоже входила в сигнальную систему большого сбора?

Ну, что сказать в оправдание товарищу Басистому? Приходится фантазировать, да еще как! Какие лучи прожекторов на “темном” небе в четвертом часу утра? Притом, что данная июньская ночь самая, что ни наесть, короткая в году. Однако уже не исправишь написанное.

“Было уже **более трех часов ночи**, когда лучи прожекторов пронзили небо, крестиком засветился в них самолет. Ударили зенитки. Совсем недалеко, в районе Артиллерийской бухты, раздался мощный взрыв. “Крупными бомбят”, — подумалось мне. Позднее мы узнали, что взорвалась сброшенная с самолета на парашюте морская мина. Вместо бухты она попала на берег и сработала как авиабомба.

...Один из самолетов летит над рейдом. Крейсер вздрагивает от выстрелов — наши зенитные пушки бьют боевыми снарядами. Потом стрельба смолкает, гаснут лучи прожекторов. На рейде и в Севастополе **устанавливается тишина**”.

Остается добавить, что город, видимо, продолжил досыпать прерванный сон...

А что случилось-то? Подумаешь, упало несколько бомб на город. В войну и не такое случается. А насчет “боевых снарядов” к зенитным орудиям, это как понимать? Оправдание, что ли? Дескать, как хорошо, что успели заменить холостые на боевые после учений? А “вздрагивающий” от зенитных выстрелов крейсер? От страха? — что так и не смог привыкнуть на учениях, или слабость конструкции корабля? Что же тогда будет с крейсером, случись открыть стрельбу главным калибром? Конечно, можно много иронизировать по поводу неуклюжих попыток адмирала Басистого представить себя и команду крейсера находящимися в состоянии полной боевой готовности, но, ей богу, это довольно малопривлекательное занятие.

“Утром обстановка окончательно прояснилась. Из штаба флота был получен семафор: “Фашистская Германия напала на нашу страну”. Напала. Не провокация, не какое-то недоразумение, а война”.

Ну, как им из штаба “просемафорили”, мы узнаем ниже, а сейчас хотелось бы подвести предварительный итог. Если отбросить в сторону все фантазии адмирала Басистого, то читается как дважды два, что ни о какой полной боевой готовности флота, о которой распинался нарком Кузнецов, и в помине не было. Даже, повышенная боевая готовность на корабле(ях) близко не стояла. Иначе, с чего бы это командир крейсера проложил курс к себе домой на вкусный ужин?

После случившегося налета немецкой авиации начинает рассказывать читателю, как вся команда стала дружно трудиться над приведением корабля в полную боевую готовность, которую, видимо, прервала бомбардировка. Время, читателю назвать постеснялся, и как в старые добрые времена ориентируется по солнцу. Наверное, впопыхах, забыл дома часы?

“Когда над Севастополем встало **яркое солнце**, я доложил командиру бригады крейсеров, что корабль к выполнению боевых заданий готов.

Первое боевое задание мы получили через несколько часов. Нам было приказано принять на борт мины и ночью вместе с другими кораблями выставить их в районе Севастополя...

Минеры крейсера во главе со своим командиром старшим лейтенантом Александром Давидюком отправились на береговой склад. Им предстояло принять мины, произвести предварительную подготовку к постановке, а затем на барже доставить их к борту крейсера.

Когда к кораблю подошла тяжело нагруженная баржа, на палубе закипела трудная и небезопасная работа. Краснофлотцы с величайшей осторожностью подхватывали висящие на грузовой стреле стальные шары, разворачивали их так, чтобы колеса тележки-якоря точно вставали на палубные рельсовые пути. Затем мины откатывали, выстраивали одну за другой и закрепляли. Всего на палубу было принято 90 мин — несколько меньше полной нормы”.

Вот они наши злосчастные морские мины, “заботливо” оставленные на открытом воздухе. Повезло товарищу Басистому с товарищами, что “не накрыли” немцы склад с данными боеприпасами. Где бы были корабли и вспомогательные суда, типа этой баржи, когда поднялся бы “на воздух” боезапас флота? То-то Николай Ефремович озаботился после бомбежки немцев, сказав:

“Судя по всему, внезапный воздушный налет не имел успеха. **Корабли на месте, корабли целы**”.

Данные мемуары вышли в свет в 1970 году, но уже, как видите, после “Воспоминаний и размышлений” Жукова. Поэтому подгонялись под официоз, что 22 июня в Севастополе, все было в ажуре. А вот мемуары упомянутого Николая Михайловича Кулакова вышли после мемуаров Николая Ефремовича. Как видите, товарищ Басистый не смог дать внятного пояснения, что за “пушечная пальба” подняла его с постели, поэтому схитрил, представив вторую стрельбу, как попытку зенитной артиллерии базы, и корабельной в том числе, вести огонь на поражение вражеских самолетов.

Кулаков, как помните, в первой части писал, что вражеские самолеты, дескать, делали неоднократную попытку прорваться к городу, но каждый раз, отгонялись артиллерией базы. Попытался, вроде, подыграть своему товарищу по званию.

А теперь предлагаю вниманию читателя воспоминания капитана 1-го ранга подводника **Я. Иосселиани** “В битвах под водой” изданные в далеком 1959 году. Еще только-только прошел XX съезд партии и к теме о начале войны, еще не подступали вплотную. Да и Жуков был в “опале” во времена Хрущева. Поэтому мемуарами “Воспоминаний и размышлений” еще некого было удивлять.

Что нам написал о предвоенном Севастополе офицер-подводник, мы сейчас узнаем.

“В субботу вечером, после длительного пребывания в море на учениях, в Северную бухту **возвратились из похода крейсера**, эскадренные миноносцы, сторожевые корабли, тральщики. У пирсов в Южной бухте ошвартовались **подводные лодки**”.

Как видите, по свидетельству очевидца Ярослава Константиновича Иосселиани, корабли Черноморской эскадры возвратились с учений под самое начало войны, **21 июня, в субботу**. И этому можно верить, так как всё станет ясным в дальнейшем. Таким образом, начальник Главного морского штаба И.С.Исаков к концу данного дня, предположительно, должен был оставаться в Севастополе. А не как утверждающий, ранее, член Военного совета Кулаков, что, дескать, Иван Степанович, еще 18-го июня убыл в Москву. Кроме того, никакой, даже повышенной боевой готовностью в воздухе и “не пахло”. Экипажи кораблей радостно праздновали на земле окончание учений. А истосковавшийся по жене командир “Червонной Украины” товарищ Басистый, тоже, на радостях, вместе со всеми сошел на берег и отправился к своей семье.

Иосселиани вспоминает:

“Сойдя на берег, матросы и офицеры заполнили знаменитый Приморский бульвар и тихие улицы Севастополя. Шумно стало в Матросском клубе, где моряки веселились до поздней ночи.

(А как же светомаскировка, о которой упоминает начальство? Увы! Как всегда, неправда. — В.М.)

Начинало светать, когда мы с приятелем Василием Лыфарем возвращались с бала, который устраивали в Офицерском клубе в честь успешного завершения морских учений. Сквозь расступающийся мрак неотчетливо вырисовывался Севастополь.

— Хороший день будет! — воскликнул Лыфарь, взглянув на небо. — Но что это? Самолеты? (Как видите, и прожектор не понадобился, чтобы разглядеть на небе движущиеся объекты. — В.М.)

До нашего слуха донесся отдаленный гул моторов.

— Да, самолеты, — подтвердил я, — и, кажется, **много**. Но наших вроде не должно быть...

В этот момент небо прорезали красные, белые и зеленые полосы трассирующих снарядов. Грозным хором зловеще загудели сигналы воздушной тревоги. Где-то недалеко послышался короткий, но резко выделившийся среди других звуков свист, и сразу за ним раздался раскатистый взрыв.

(Вот что разбудило командира крейсера Н.Е.Басистого и прочих севастопольцев. — В.М.)

— Бомба! Скорее в базу! — и Лыфарь бросился бежать.

И, хотя до бухты было довольно далеко, мы прибежали к месту стоянки подводных лодок в числе первых. На борту нашей подводной лодки уже находились командир лодки капитан-лейтенант Георгий Васильевич Вербовский и его заместитель по политической части Иван Акимович Станкеев. Остальные офицеры прибыли через несколько минут... Матросы и старшины занимали свои места по боевому расписанию. Через минуту минер лодки лейтенант Глотов доложил:

— Орудия к бою готовы!

— Отставить! Поздно! — спокойно, хотя и не без досады, произнес Вербовский. — Вам только со сбитыми самолетами воевать, а не с летающими.

Действительно, самолетов уже не было слышно...".

Вот вам и вся оперативная готовность № 1 и прочие атрибуты, которыми козыряло высокое морское начальство, уверяя доверчивого читателя, что свой священный долг перед Родиной о защите ее рубежей они свято соблюдали. Наши молодые командиры бежали к своим кораблям, услышав звук вражеской бомбежки, а не призывной сигнал боевой тревоги. Понятно, что посты оповещения передали сообщение в штаб флота, оттуда дали команду, и ПВО флота открыло огонь. Но все это, никакого отношения к повышенной, а тем более, полной боевой готовности, отношения не имеет. О том, как это произошло, мы еще рассмотрим подробно чуть ниже. А сейчас, кстати, хотелось бы отметить такой факт, что наши молодые командиры были в пути, когда слышали звуки бомбежки. Бежали к своим кораблям, но не успели на боевой пост, так как налет закончился. А вот предыдущего участника Севастопольской "эпопеи", товарища Басистого, тревога подняла с постели, но он, как уверял своего читателя, успел прибыть на свой корабль и даже, немножко пострелять по врагу. Как гласит народная мудрость: "Если нельзя, но очень хочется, то — можно!"

Но возвращаемся к нашему герою Ярославу Иосселиани.

"К борту подводной лодки подбежал рассыльный и передал приказание командира дивизиона объявить отбой боевой тревоги. Экипажам всех подводных лодок предлагалось построиться на пирсе. Как помощник командира лодки, я выбежал на пирс и стал наблюдать за выполнением приказа...

— Неужели это серьезно? — шепнул я Ивану Акимовичу, оказавшемуся рядом со мной.

— Да, — отозвался он, — это, конечно, война. На учения не похоже... В городе упали бомбы, и ... говорят, есть жертвы.

— Но с кем же? А может, все-таки это какое-нибудь особое учение, когда нужно создать условия, приближенные к боевым?

— Нет, это война! И, кроме фашистов, так подло, вероломно напасть на нас больше некому. Вероятно, скоро узнаем подробности.

Когда экипажи подводных лодок построились, Бурмистров (Командир дивизиона. — В.М.) отдал распоряжение срочно выдать всему личному составу боевые противогазы и находиться на кораблях в повышенной боевой готовности. Сходить на берег без специального на то разрешения запрещалось”.

Как видите, о повышенной боевой готовности завели речь лишь после того, как по Севастопольской базе отбомбилась немецкая авиация. А о полной, в данный момент, даже и не заикались. Ну, с этим явлением мы столкнулись и на Балтике.

Опять немцев, величают фашистами. Но, в данном случае, можно согласиться с редактором. В то время, в 50-тые годы были сложные отношения с ГДР. Не хотелось проводить параллели с Гитлером. Посчитали, что те немцы, в сорок первом, не немцы, а фашисты. Это, чтоб нынешние немцы, в ГДР, не обиделись. Политика, однако.

Но по теме бомбежки следует сказать еще несколько слов. И Басистый, и Кулаков сообщают читателю, что на город-то упало, всего пара бомб, не более. Иосселиани же говорит, что — бомбы. Действительно, сколько же бомб немцы сыпанули на Севастополь, если, как утверждал Ярослав Константинович, самолетов было много? Уверенно сказать можно только одно: двумя взрывами, конечно же, данная бомбежка не обошлась. А сколько было на самом деле очагов поражения при налете на город и базу, безусловно, знал Кулаков, как член Военного совета флота. Но привести их в своих мемуарах не смог бы, ни при каких обстоятельствах. И самому ни с руки, да и цензура не пропустила бы. Одно ясно, что если “команды МПВО и моряки разбирали завалы”, то жертвы мирных жителей и моряков исчислялись не единицами.

Вот такая у нас была ситуация 22 июня 1941 года на Севастопольской военно-морской базе.

Конечно, не стоит приведенными мемуарами командиров-подводников Иосселиани и Грищенко, размахивать как флагом, утверждая, что это и есть самая сермяжная правда, но в целом, общая направленность к тому, что на флотах никакой боевой готовности — повышенной, а уж, тем более полной, перед началом войны не было, подтверждается. Было бы удивительным, если она была бы проведена. Флоты находились в оперативном подчинении у военных округов. Там, перед началом войны был запланированный бардак, не хуже флотского, который тоже зафиксирован во множестве мемуарной литературы. С чего бы это, на флоте должно было быть по-другому? Указания выходили из одного центра, которым руководил дуэт: Тимошенко — Жуков. В связи с этим, крошечный отрывок из дальнейшего воспоминания Иосселиани. Конец воскресного дня. Уже прослушано дневное выступление Молотова. Читаем:

“Вечером по радио передали сводку Верховного Главнокомандования”.

Восстановим правильное написание руководящего военного органа страны на тот момент, начало войны — 22 июня, и прочитаем вновь: “Вечером по радио передали сводку из Ставки Главного

командования”. А что? Неплохо смотрится данное предложение. Жаль, нельзя показать Георгию Константинову, как впрочем, и Николаю Герасимовичу, для освежения памяти.

Но как помним из более ранней главы о направлениях, в первые дни войны руководство Ставки боялось, даже, упоминать ее название в сводке новостей. Указали, просто, “Главное Командование”. Это все по адресу товарища Жукова, непревзойденного вруна о событиях войны.

Кстати, мы, совсем, забыли про адмирала Кузнецова. Не заснул ли он в Москве с телефонной трубкой в руках, обзванивая командующих флотов? Время-то было позднее, глубокая ночь. Да и мы задержались, с приведенными мемуарами моряков.

Пришлось, как читатель помнит, прервать воспоминания Николая Герасимовича на том, где он рассказывал, как мудро поступил, обогнав своим сообщением по телефонным проводам официальную телеграмму. Речь уже шла о Черноморском флоте, где мы с вами уже побывали. Ведь, в Севастополе, тоже, шла борьба за “право первой ночи” быть на командном пункте морской базы. Как, помните, “тяжкий жребий” пал на начальника штаба контр-адмирала Елисеева.

Его воспоминания красочно пересказывает сам адмирал Кузнецов.

“Постепенно начали гаснуть огни на бульварах и в окнах домов. Городские власти и некоторые командиры звонили в штаб, с недоумением спрашивали:

— Зачем потребовалось так спешно затемнять город? **Ведь флот только что вернулся с учения.** Дали бы людям немного отдохнуть.

(Как, только что вернулся? Адмиралы же уверяли, что 19 июня? А они всегда, вроде бы, правду говорят? — В.М.)

— Надо затемниться немедленно, — отвечали из штаба. Последовало распоряжение выключить рубильники электростанции. Город мгновенно погрузился в такую густую тьму, какая бывает только на юге. Лишь один маяк продолжал бросать на море снопы света, в наступившей мгле особенно яркие”.

Правда, еще поблескивал огнями Приморский бульвар, с Офицерским и Матросскими клубами и прочее, и прочее, что должно было светить ночью в Севастополе. Но это так, мелочь. В остальном, действительно, всё было “погружено во тьму”.

Закончим с данной лирикой. Теперь настало время вернуться к упомянутому ранее сообщению адмирала Кузнецова, где он приводил дату возвращения эскадры в Севастополь. Как помните, бывшего наркома ВМФ тоже подправляли в воспоминаниях, но ему, как подводной лодке, ловко удалось ускользнуть от атаки надводных кораблей-фальсификаторов. Он и здесь фразой “флот только что вернулся с учения” дает понять, что флот прибыл в Севастополь накануне войны. Но более раннее упоминание о возвращении Черноморской эскадры еще точнее.

Вот что сам Николай Герасимович написал еще в книге “На флотах боевая тревога”:

“Наш **Черноморский флот** развивался быстро и к началу Великой Отечественной войны состоял из линкора, 6 крейсеров (и т. д.)...”

Как и на других морях, одной из важнейших задач флота считали обеспечение флангов армии. Чем ближе шло дело к войне, тем больше внимания уделялось взаимодействию флота с войсками приграничного Одесского военного округа. Именно отработке такого взаимодействия было посвящено и последнее, закончившееся **в канун войны учение...**

Как и на Балтике, где мысль о потере Либавы, а тем более Риги казалась совершенно недопустимой, на Черном море не предполагали, что Одессу придется защищать от сухопутного противника.

Хотя флот вернулся с учений за сутки до войны, и в море оружие на кораблях находилось в полной боевой готовности, тема учений не соответствовала обстановке, которая могла возникнуть с началом военных действий”.

Яснее ясного написано. За сутки, значит, точно 21-го июня. Хвала советским цензорам, допустившим такую промашку.

Николай Герасимович еще и сами предвоенные учения подцепил, с целью критики, но о них мы уже вели речь, когда рассматривали события на Северном флоте, да к тому же, водить пером после войны, значительно легче, чем отстаивать интересы флота с глазу на глаз с наркомом обороны.

Кузнецов продолжает свой рассказ о последней предвоенной Севастопольской ночи. Желания автора перехлестывают через край реальных событий на флоте.

“Связь с маяком оказалась нарушенной, может быть, это сделал диверсант. Посыльный на мотоцикле помчался к маяку через темный город.

В штабе флота вскрывали пакеты, лежавшие неприкосновенными до этого рокового часа. На аэродромах раздавались пулеметные очереди — истребители опробовали боевые патроны. Зенитчики снимали предохранительные чеки со своих пушек. В темноте двигались по бухте катера и баржи. Корабли принимали снаряды, торпеды и все необходимое для боя. На береговых батареях поднимали свои тяжелые тела огромные орудия, готовясь прикрыть огнем развертывание флота”.

Воспоминания Николая Герасимовича по литературной яркости, ничуть не уступают лучшим произведениям о морях Валентина Пикуля. Может известный писатель-маринист редактировал мемуары адмирала? Что сказать по поводу прочитанного: красиво врать — не запретишь!

“В штабе торопливо записывали донесения о переходе на боевую готовность с Дунайской военной флотилии, с военно-морских баз и соединений кораблей.

“Примерно к 02 часам 00 минутам 22 июня весь флот находился в готовности”, — записано у Н.Т.Рыбалко”.

Кузнецов, так все детально описывает, словно смотрел на экран монитора, к сожалению несуществующего в то время, телевидения. Кстати, можно вспомнить и повторить воспоминания Николая Михайловича Кулакова из главы о Черноморском флоте.

“В штабе флота уже почти все были в сборе. Здесь царил деловая сосредоточенность, все выглядело так, будто продолжалось флотское учение. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский находился в своем **кабинете на втором этаже**. Он протянул мне бланк с телеграммой наркома. Это был краткий, состоявший из нескольких слов, приказ всем флотам, кроме Тихоокеанского, о немедленном переходе на оперативную готовность номер один. Телеграмма, принятая в начале второго часа ночи, шла из Москвы считанные минуты, но за это время нарком Н. Г. Кузнецов лично передал этот же приказ по телефону (к аппарату подошел контр-адмирал И. Д. Елисейев, остававшийся в штабе с вечера).

Дав мне прочесть телеграмму, командующий спросил:

— Как думаешь, Николай Михайлович, это война?

— Похоже, что так, — ответил я. — Кажется, **англичане** не наврали. Не думали все-таки мы с тобой, Филипп Сергеевич, что она начнется так скоро...

Перевод флота на высшую боевую готовность был у нас хорошо отработан, и все шло по плану. Корабли и части приступили(?) к приемке добавочного боезапаса, топлива, продовольствия”.

Наши мемуаристы из высшего морского командования, видимо, так прониклись содержанием предвоенной песни: “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...”, что реально воплотили ее в жизнь. Данные мемуары подтверждают сказанное. Кроме того, Кулаков уверял, что он вместе с Октябрьским, якобы, находился в штабе флота, что опровергается самим начальником штаба Елисеевым. Что, сказал бы известный сатирик М.Жванецкий по поводу мемуаров наших “героев”? — “Тщательнее, надо ребята. Тщательнее”. Теперь начинается, своего рода, мероприятие, под названием: “Аттракцион в штабе флота”.

“Около 3 часов дежурному сообщили, что посты СНИС (Служба наблюдения и связи) и ВНОС (Воздушное наблюдение, оповещение и связь) слышат шум авиационных моторов. Рыбалко докладывает об этом И.Д.Елисееву.

— Открывать ли огонь по неизвестным самолетам? **Звонит** начальник ПВО полковник Жилин.

— Доложите командующему, — отвечает начальник штаба. Рыбалко докладывает комфлоту. И тут у них происходит разговор, который воспроизвожу по записи дежурного”.

Отредактировано, насмерть. С трудом можно связать концы с концами. Приношу читателю свои извинения, но в тексте мемуаров Кузнецова пришлось удалить один знак препинания — дефис. Иначе, терялся смысл сказанного. Если есть сомнения, прошу недоверчивых читателей обратиться к оригиналу. Знаковое слово, перед которым мною сделана данная “хирургическая” операция, выделено жирным шрифтом.

Мы знаем, что Елисеев пошел навестить свою семью на пару минут в город и, видимо остался там, разомлев от домашней обстановки. Не надо, только, забывать, что он, по его же словам, “облеченный правом в случае необходимости принимать ответственные решения” и был оставлен в штабе. Поэтому ему и позвонил домой, в первую очередь, дежурный офицер Рыбалко. Если бы Елисеев находился в штабе, ему, самому, достаточно было взять в руку телефонную трубку и ответить на звонок начальника ПВО. Но вопрос очень щекотливый и Елисеев, в телефонном разговоре, переводит “стрелку” на командующего, дескать, надо звонить командующему. Так как в штабе никого нет из начальственной троицы, то дежурный Рыбалко вынужден записывать в журнал их распоряжения и приказы, отданные по телефону. В случае чего, как он оправдывается в своих действиях, если состоится служебное расследование? Было бы руководство флота в штабе, на кой черт, понадобились бы эти записи в Журнал боевых действий? По телефону Октябрьский лично отдал бы приказ начальнику противовоздушной обороны базы и всё. А вот когда подчиненное лицо получает приказ особой важности через посредника, (которым в данном случае, был дежурный по базе), тогда и возникает необходимость записи в Журнале. Мало ли кто, приказал? Потом не расхлябаешься. Поэтому и “всплыл” этот журнал с записями, который приводит Кузнецов. Конечно, его “подчистили” для массового читателя, но общий смысл понять можно.

Ф.С.Октябрьский. — Есть ли наши самолеты в воздухе?

Вот перлы-то! Командующий спрашивает у дежурного офицера то, что должен знать сам. Октябрьский, что? не знает, поднимал ли он в воздух авиацию или нет? По мысли Кузнецова, командующий флотом, дескать, был озабочен, как бы свои самолеты не сбить по ошибке. Может

пассажирские самолеты, как птицы, летели стайкой? А то, что базу накроют бомбовым ударом, это, видимо, дело второе.

Н.Т.Рыбалко. — наших самолетов нет.

А откуда дежурный узнал, что в воздухе нет наших самолетов? В окно выглянул? Видимо, позвонил, командующему ВВС флота. А время идет. Вражеские самолеты приближаются к базе. Октябрьский, как командующий, на удивление, как говорят, “тянет резину” и к тому же еще начинает угрожать дежурному по флоту расстрелом за то, что тот видимо, предлагает открыть огонь по самолетам. Рыбалко действует абсолютно правильно в соответствии с существующими правилами. Если вражеский самолет проникает в воздушное пространство базы, по нему должен быть открыт зенитный огонь и поднята истребительная авиация флота. Помните, как Головки пресекал попытки немецкой авиации проникнуть на территорию базы еще до 22 июня.

Ф.С.Октябрьский. — Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, **вы** завтра будете расстреляны.

Вообще, это читается, как явный саботаж с целью не допустить открытия зенитного огня по немецким самолетам. А что? Возможны другие версии? Ладно бы, сказал Филипп Сергеевич, если собьете, мол, наш самолет — ответите. А то обоих — и начальника ПВО, и дежурного по штабу — сразу за жабры: расстреляю. За что?

Рыбалко не позавидуешь. Он пытается давить на командующего, ссылаясь на инструкции. Интересно, как Октябрьский выпутается из этой ситуации? Только, читатель не обольщайтесь его ответом. Это же пересказ самого Кузнецова.

Н.Т.Рыбалко. — Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

Ф.С.Октябрьский. — Действуйте по инструкции.

На помощь, как всегда, приходит адмирал Кузнецов. Он пытается снять ответственность и с Октябрьского, и с самого себя. Ведь, сам же, только что, говорил ранее, что своими телефонными звонками перевел флот на полную боевую готовность, то есть, это когда моряки уже стоят на боевых постах у пушек. Трибуцу говорил, что стрелять по врагу “можно и нужно”. И вдруг: неизвестные самолеты; нежелательные осложнения. Что? Октябрьскому эти слова забыть сказать? А против какого же врага, тогда Кузнецов изготавил флота — Северный, Балтийский и Черноморский? Неужели, против турок? Им, вроде, несподручно было бы воевать на Севере, если их туда, конечно, не зашлет наше начальство.

А может и ничего не говорил командующему? Видимо, поэтому и написал, что передал сообщение Елисееву, а не Октябрьскому.

Но тут же, поясняет читателю...

“Я дословно привожу записи Н.Т.Рыбалко не для того только, чтобы дать характеристику людям. Хочется пояснить, как было трудно принимать первые решения, означавшие переход от мирного времени к войне. Ведь дело касалось Севастополя — главной военно-морской базы Черноморского флота. Отдать здесь приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным еще в те минуты самолетам далеко не равнозначно открытию огня на какой-либо пограничной заставе, привыкшей ко всяким инцидентам. На командовании лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой — не вызвать нежелательного осложнения. Несколько позже, когда все флоты получили прямое разъяснение, что война началась, сомнения и колебания отпали”.

По-моему, немцы своими бомбежками по базам, яснее ваших телефонных указаний, товарищ адмирал, разъяснили нашим морякам, что началась война.

Но читатель, из воспоминаний наркома ВМФ должен понять, для чего Октябрьский оставил при штабе Елисеева, ответственного принимать решения? Не для того ли, чтобы самому остаться “в тени”?

Но тот, на удивление, тоже оказался, не промах. Видимо, отделался фразой, что по таким делам, как стрельба по самолетам, пусть возьмет на себя ответственность командующий флотом. Вот Рыбалко и метался от одного к другому, пытаясь получить “Добро” на выполнение приказа. А помните воспоминания Кулакова? Там, ведь, это событие было представлено, с точностью наоборот.

“В эти минуты командир одного из дивизионов зенитно-артиллерийского полка, прикрывавшего Севастополь, соединился по телефону с командующим флотом”.

Наш знакомый, начальник ПВО базы полковник Жилин, “пониженный” Кулаковым в должности до “командира дивизиона”, имел возможность связаться только со штабом флота, с дежурным. Кто это будет его соединять с дачей командующего?

“Очень волнуясь, он сказал, что не сможет решиться открыть огонь: а вдруг самолеты наши и тогда ему придется отвечать за последствия.”

Ф. С. Октябрьский потребовал прекратить неуместные рассуждения и выполнять приказ.

— В противном случае, — закончил командующий, — вы будете расстреляны за невыполнение боевого приказа”.

Вон оно, как дело-то повернулось? Якобы, у одного из командиров низового звена поджилки затряслись. А выяснилось, что сам начальник ПВО базы Жилин криком кричал, немцы летят, что делать? А ему, видите, “впяли” нерешительность, чуть ли не трусость. Хорошо, что Рыбалко, вроде бы, возьмет на себя смелость отдать приказ, а то неизвестно, чем бы дело кончилось? Конечно, немцам, по первым часам войны, на зенитки ПВО, лезть особо не хотелось, хотя цель была очень заманчивая. Могли бы хорошенько “проутюжить” базу. Конечно, сбросили бомбовый груз, не для этого летели, чтоб назад везти, и убралась восвояси. То, что немцы напакостили — это факт, за этим и летели. Пубовывали мирных жителей Севастополя, морских мин на фарватер набросали. Нанесли ли урон базе — кто же теперь скажет? Если только в архивах сохранилось что-либо, по тем дням? Севастополь же сдали немцам. Документы могло, частично, и само начальство уничтожить, чтоб концы в воду. По сорок первому году, как правило, всегда “темные” дела.

Вот, например, адмирал Октябрьский. Ведь, всё же хватал за руки начальника ПВО, как бы Кулаков не расхваливал своего командующего. Но, начальственная круговая порука, как всегда выше правоты дела. Цитируем далее, воспоминания Кулакова в роли адвоката.

“Этот эпизод показывает, насколько трудно было некоторым нашим товарищам быстро “переключить себя” на войну, осознать до конца, что она уже стала реальностью. Но я упоминаю об этом случае также и потому, что в отдельных военно-исторических произведениях появлялись утверждения, будто какие-то колебания насчет того, следует ли открывать огонь, возникали у командующего Черноморским флотом. Как человек, находившийся рядом с ним, могу засвидетельствовать, что никаких колебаний и сомнений на этот счет у Ф. С. Октябрьского не было...”

Понятно, что адмиралы “стояли плечом к плечу на капитанском мостике”, да, еще, и под “бомбами”...

Кстати, а с чего бы это адмирал Кузнецов так озаботился мелкими подробностями, связанными с открытием огня по самолетам в далеком от него Севастополе?

Во-первых, надо было нивелировать воспоминания участников тех лет, таких как, например, офицер-подводник Иоселиани: что всё было не так. Сколько раз была переиздана книга Иоселиани и сколько Кузнецова? Во-вторых, повторюсь, выгораживая Октябрьского, Кузнецов и себя, рисовал в роли спасителя Отечества, накапливая, своего рода, дивиденды на будущее. Книги адмирала и по сей день красуются на полках магазинов. Официозу адмирал Кузнецов нужен, как некий противовес одиозному Жукову. Все же Георгий Константинович, выглядит несколько “дубоватым”, в отличие, от “интеллигентного” флотоводца Кузнецова.

Последние штрихи по событиям в Севастопольском штабе. Как предположил, так, видимо, и получилось с Октябрьским. Он переложил ответственность за открытие зенитного огня на Елисеева, как ответственного по базе, на тот момент. А Кузнецов, как всегда поясняет:

“Естественно, такой ответ не мог удовлетворить дежурного Н.Т.Рыбалко, и он обратился к стоявшему рядом с ним начальнику штаба флота И.Д.Елисееву:

— Что ответить полковнику Жилину?

— Передайте приказание открыть огонь, — решительно сказал И.Д.Елисеев.

— Открыть огонь! — скомандовал Н.Т.Рыбалко начальнику ПВО”.

Теперь уже не спросишь адмирала Кузнецова: “Читал ли он сам лично “свои” мемуары?”. Понимал ли, суть, им написанного? Якобы, начальник штаба флота, наделенными высшими полномочиями на тот момент, стоит рядом с дежурным офицером и слушает телефонную перепалку с командующим? Даже не может решиться отдать команду на открытие огня. Можно ли в это поверить?

Так, вроде, он же отдал команду на открытие огня? Это Кузнецов лепит из него нового “защитника” Родины. Сам командующий Октябрьский не отдал приказ — укрылся за инструкцией, а Елисеев будет напрягаться? То, что здесь написано, неправда. Елисеев, наделенный всеми правами старшего по базе, должен был сам взять телефонную трубку и приказать Жилину открыть огонь по вражеским самолетам. Если приказ отдал дежурный Рыбалко, значит, Елисеев здесь и близко не стоял.

Вся ответственность открытия огня по немецким самолетам легла на дежурного Рыбалко и начальника ПВО базы Жилина.

“Но и полковник Жилин хорошо понимал весь риск, связанный с этим.

— Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий, — ответил он, вместо того чтобы произнести короткое флотское “Есть!”.

— Записывайте куда хотите, но открывайте огонь по самолетам! — уже почти кричит, начиная нервничать, Рыбалко”.

Полковник Жилин не получил приказ ни от одного из командиров высшего командования базы: ни от командующего Октябрьского, ни от начальника штаба Елисеева, ни от члена Военного Совета

Кулакова. Приказ ему передал дежурный офицер штаба капитан 2-го ранга Рыбалко, по армейским меркам, подполковник. Поэтому начальник службы ПВО базы и был вынужден записать в Журнал боевых действий, что приказ получен от дежурного офицера, а не от командования. Служебное расследование штука серьезная, может и до цугундера довести. Судя по тому, что творилось в штабе флота, где не было ни одного представителя руководства флота, представляется маловероятным, что был открыт зенитный огонь по самолетам.

Вот если бы, кто-нибудь из большой тройки приказал бы начальнику ПВО базы: “Открыть огонь по воздушным нарушителям государственной границы Советского Союза!”, тогда бы полковник Жилин и ответил бы в ответ на приказ — “Есть!”. Почему же, адмирал Кузнецов не понимает разницы в происходящем? Командующий флотом Октябрьский, как помните, даже грозился Жилину расстрелом, за защиту Отечества. Кузнецов, тоже, не выразил никакой благодарности Рыбалко, он только оправдал действия командующего. Вот и снова пишет, что услышал по телефону взволнованный голос Октябрьского. Тот, как всегда, говорит невпопад.

“— На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...”

Так кратко доложил, словно телеграмму отправил. Из написанного следует, что командующий, будто бы находится в гуще событий: “зенитная артиллерия отражает нападение самолетов”. О сбитых самолетах, вообще, молчок. Кроме того, весьма расплывчато, о том, какая именно зенитная артиллерия вела огонь: ПВО базы или корабельная? А может, ни та, ни другая? Вполне возможно, что просто был заградительный огонь. Ни дай бог, собьешь самолет, в трибунал загремишь. Что нам Иоселиани написал? Пока приготовились стрелять, а самолеты уже улетели. Поэтому командующий Октябрьский и был не многословен в телефонном разговоре с Москвой. Или Кузнецов постеснялся весь рассказ привести?

“Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений — война!”

Наверное, засветился от счастья, что угадал с войной? Надо поделиться этой новостью с другими. Хочу напомнить, что для Кузнецова, его непосредственным начальником являлся Тимошенко, как нарком обороны. Но он нарушает субординацию и хочет доложить своему прямому начальнику, председателю СНК товарищу Сталину. В то время, когда писались эти мемуары, Хрущева уже сняли со всех постов и отправили на пенсию. Таким образом, главного хулителя Сталина, вроде, не стало. Теперь, однако, появился вопрос? Как отображать Сталина в мемуарной литературе? Хрущев же заявил, в свойственной ему манере полуправды, что Сталина не было в Кремле в первые дни войны. Причину отсутствия Сталина в Кремле, он, как помните, назвал смехотворную. Кузнецов же, твердо зная, что Сталина не было в Кремле, и написал, то, что было на самом деле. Сталина в Кремле нет. Не вдаваясь, правда, в причины отсутствия. Как всегда, превозносит себя, любимого. Ранее, мы уже говорили об этом. Дескать, я первый, хотел, сообщил Сталину о начале войны, да не получилось. После звонка Октябрьского из Севастополя Кузнецов сразу берет быка за рога.

“Снимаю трубку, набираю номер кабинета И.В.Сталина. Отвечает дежурный:

— **Товарища Сталина нет**, и где он, мне неизвестно.

— У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину, — пытаюсь убедить дежурного.

— Не могу ничем помочь, — спокойно отвечает он и вешает трубку”.

А по Журналу посещений Кремлевского кабинета Сталина товарищ Кузнецов толкался там целый день. Как же быть?

Как гласит народная мудрость: “Единожды солгав, кто тебе поверит? Так и с адмиралом Кузнецовым. Может, он и сказал-то, первый раз в жизни правду, о Сталине, а товарищи читатели сомневаются. Можно ли верить ему после всего того, что в его мемуарах написано?”

Теперь Кузнецов докладывает, как и положено по субординации, наркому обороны и Председателю Ставки, по совместительству.

“Звоню маршалу С.К.Тимошенко. Повторяю слово в слово то, что доложил вице-адмирал Октябрьский.

— Вы меня слышите?

— Да, слышу.

В голосе Семена Константиновича не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает.

— Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!

Возможно, не я первый сообщил ему эту новость. Он мог получить подобные сведения и от **командования округов**. Говорить Наркому обороны о положении на флотах, об их готовности сейчас не время. У него хватает своих дел”.

Диалоги изумительны по своему “содержанию”: “Вы меня слышите?” — “Да, слышу”. А кому же докладывал о положении в Севастополе? Вот такое “гениальное” руководство. Одному, больше сказать нечего, другому — ответить. Складывается такое ощущение, что отсюда “выросли ноги” мемуаров Жукова. Уж больно сильно домогались оба, товарища Сталина, как видите, что тот, что этот. Так и прыгали через голову начальства, чтобы по телефону Иосифу Виссарионовичу новость о войне сообщить. У Жукова, помните, утренний звонок Сталину о начале войны: “Вы меня поняли?”. А Сталин молчит. Ведь, не скажешь же, в ответ, как Тимошенко: “Да, слышу”. Сталин подумал, подумал и решил: “Наверное, без Семена Константиновича, не обойтись?” и спросил в ответ у Жукова: “Где нарком?”. Тут колесо истории и завертелось...

Но Кузнецов, в то, время, “не знал”, что Сталин на даче, поэтому продолжал названивать в Кремль.

“Еще несколько минут не отхожу от телефона, снова по разным номерам звоню И.В.Сталину, пытаюсь добиться личного разговора с ним. Ничего не выходит. Опять звоню дежурному:

— Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!”

Приведенные телефонные звонки похожи на заезженную пластинку на проигрывателе. Ну, нет товарища Сталина в Кремле, и не будет. А Кузнецов все не унимается, хочет показать, как заботится о защите Родины, так и хочет позвонить, именно, Сталину. Да, вот незадача. Товарищ Сталин не хочет телефонную трубку брать. Кузнецов звонил в те места, где по его рассуждениям, мог быть вождь. Но, как видите, не удачно.

Обычно, по традициям русских народных сказок добрый молодец, если чего решил добиться, должен был не менее трех раз попытать свое счастье. Иначе, не получится. Два раза поговорить со Сталиным не удалось, но традицию уважать надо.

“Около 10 часов утра 22 июня я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку. Москва безмятежно отдыхала... (Не долго осталось. — В.М.)

В Кремле все выглядело как в обычный выходной день. Часовой у Боровицких ворот, подтянутый и щеголеватый, взял под козырек и, как всегда, заглянул в машину. Немного сбавив скорость, мы въехали в Кремль. Я внимательно смотрел по сторонам — ничто не говорило о тревоге. Встречная машина, поравнявшись с нашей, как было принято, остановилась, уступая дорогу. Кругом было тихо и пустынно.

“Наверное, руководство собралось где-то в другом месте, — решил я. — Но почему до сих пор официально не объявлено о войне?”

Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат”.

Так и видится жуткая картина. Обезлюженный Кремль, с забытыми крест-накрест досками — окнами и дверьми. На одной из дверей приколот большой лист бумаги с надписью от руки: “Кремль пуст. Все ушли на фронт”.

Вот так и писали мемуары, не ведая, что где-то храниться Журнал посещений Кремлевского кабинета вождя. А там, вся, что ни наесть, подноготная о многих, в том числе и о Кузнецове. А может это был не он? Ведь, недаром же инициалы убрали. Как, помните, редактор издания Журнала, писал в сносках: “Видимо, нарком ВМФ СССР Н.Г.Кузнецов?”. Докажи, что был адмирал? Ведь, Кузнецов, сам же, пишет: “Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат”. Тут, не до Сталина. Хоть, кого бы увидеть из начальства. Такие вот творились дела в Москве.

Несколько слов о редакторских ремарках. Это о наркome Кузнецове, упомянул: видимо. Кузнецов написал же в мемуарах, что приезжал в Кремль, да никого не застал. О других посетителях Кремля редактор был более конкретен. Откуда известно? Неужели, в те годы, где-нибудь в кабинете на стульчике в углу пристроился, и отмечал в блокнотике?

Кроме того, разумеется, я пошутил, насчет заколоченного Кремля. Но, если, серьезно, то вспомни, читатель? Вознесенский, где собирал наркомов? У себя в Госплане. А Бережков, что нам говорил о Хрущеве, который переселил семьи членов верхушки партии из Кремля, после 1953 года? А Молотов, что сказал Стаднюку, о Берии и готовящемся военном перевороте? Кремль был закрыт. Всюду были верные Берии люди из НКВД. Поэтому Кузнецов и не попал туда, куда хотел. Написал, для отвода глаз, что поездил на машине, по Кремлевской брусчатке, и вернулся к себе.

Но адмирал Кузнецов, все же, нарушил традицию предков, хоть и в сказочной форме, но нарушил. В четвертый раз, однако, захотел поговорить со Сталиным. Посмотрим, что из этого вышло. Николай Герасимович ранее, уже упоминал, что 24 июня был у Сталина. Захотелось побывать еще разок, чуть пораньше. Кто может запретить такое желание? Кузнецов пишет:

“Поздно вечером **23 июня** я был приглашен к Сталину. **Это был первый вызов с начала войны.** Машина подошла к подъезду в тупике, где всегда было тихо и безлюдно. Только узкому кругу лиц было известно, как подняться на второй этаж и по ковровой дорожке пройти в приемную Сталина. Оставив фуражку в гардеробе первого этажа, я вошел в лифт и поднялся наверх. В приемной никого не было. Значит, все уже в кабинете, решил я, и поспешил справиться у А.Н.Поскребышева, можно ли пройти. Как всегда, над его столом висела фотография Сталина в буденновском шлеме времен обороны Царицына. Внешне все оставалось по-старому. Я мысленно готовился доложить о нормальном развертывании флотов, наступлении немцев на Либаву и **подготовке Черноморского флота к операции по обстрелу Констанцы**”.

Вот дела! Создали флот, а он никому не нужен?! То наркому Тимошенко своих дел хватает, то Сталин два дня слушать отчет Кузнецова не желает.

Наконец-то, правительство “зачесалось”. Вызвали на ковер для слушаний. Великолепная память на окружающую обстановку в Кремле. Видимо вел дневниковые записи, которые “прятал под подушку”. Но, что удивительно? Адмирал хорошо помнит, что было двадцать лет спустя, но абсолютно не помнит, что написал в своих воспоминаниях, в более ранней главе. Придется напомнить.

“В первой декаде июля меня вызвали в кабинет С.К.Тимошенко, и **там я после значительного перерыва в первые дни войны встретился со Сталиным**. Он стоял за длинным столом, на котором лежали карты — только сухопутные, как я успел заметить.

— Как дела на Балтике? — спросил Сталин. Я хотел развернуть карту Балтийского моря и доложить обстановку, но оказалось, что в данный момент его интересовала лишь оборона Таллина и островов Эзель и Даго”.

Трудно понять товарища Кузнецова? Так, когда же он первый раз по началу войны увидел Сталина? В июне или июле?

Но продолжим рассмотрение его воспоминаний. Критики скажут, что Кузнецов ошибся. Именно, **данная встреча** — 23-го июня, была, по настоящему — **первой**, а насчет обороны Таллина и островов, Сталин его спрашивал в последующие визиты. Пусть будет так.

Значит, договорились с критиками, что 23-е июня — якобы, первая встреча Кузнецова со Сталиным. А почему же, все-таки, фигурирует в мемуарах дата — 23-е июня? Да потому что, надо было “привязать” Сталина по событиям в Румынии. Помните, ранее, я высказал сомнение в том, что Сталин вряд ли, находясь в составе Ставки, мог санкционировать нападение на Констанцу. Это было дело рук исключительно “самих товарищей из Ставки”. Кроме того, о 22 июня и Сталине, речь вел Жуков, в своих мемуарах, а здесь, вроде бы Кузнецов подхватывает эстафету, со своим 23-м июня. Вот и получается, что Сталин “все время” на своем боевом посту в Кремле!

Но вернемся к этой, якобы, встрече нашего героя со Сталиным.

“В кабинете Сталина кроме членов Политбюро находился Нарком обороны. **На столе развернуты карты**. Как я понял, речь шла о строительстве оборонительных рубежей в районе Вязьмы. Завидев меня, Сталин попросил доложить о положении на флотах. Выслушав, удовлетворенно кивнул: хорошо”.

Помните, как Никита Сергеевич Хрущев с трибуны съезда язвительно укорял Сталина за любовь к глобусу? Обратите, внимание, что в двух встречах Кузнецов ведет речь о картах. Значит, Сталин, все же, разбирался в топографии. Иначе бы, зачем, наркому таскать с собой карту? Но, а по поводу Вязьмы, это Николай Герасимович сильно загнул. Чтобы 23-го июня, рассуждать о Вязьме, где события развернутся в середине осени? Я, конечно, уважаю, товарища Сталина за ум. Но, чтобы до такой степени быть прозорливым, чтобы на второй день войны, знать, что будет через три месяца? Ни за что не поверю! Да и Либава еще держалась, а Сталин уже думает, как Таллин удержать? К тому же, 23-го июня, вроде бы, образована Ставка Главного командования, с Председателем Тимошенко, а он, упомянут, как нарком обороны. Так какого же, спрашивается, Сталин, как рядовой, права качает за старшего, да еще и требует отчета? А если бы он был Главным в Ставке? Страшно, даже, подумать что было бы? Читаем дальше.

“В это время донесли о приближении вражеских самолетов. Все встали и вопросительно посмотрели на Сталина.

— Что ж, придется прервать работу, — сказал он. Все уселись в машины и направились в еще не совсем готовое помещение на станции метро “Кировская”. При мне Сталину передавались донесения с командного пункта ПВО. Командующий противовоздушной обороной Москвы генерал-

майор М.С.Громадин пережил тяжелые минуты. Он докладывал о всех принятых с его стороны мерах, а самолеты приближались...

Вскоре оказалось, что самолеты — наши. Тревога была ложной. В газетах на следующий день об этой тревоге писалось как об учебной. Работники ПВО Москвы, как мне известно, тяжело переживали ошибку, но по указанию Сталина никто не был привлечен к серьезной ответственности. Ложная тревога принесла свою пользу. Была усилена противовоздушная оборона столицы. **9 июля** Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление по этому вопросу, на основе которого Ставка более чем втрое увеличила число истребительных авиаполков в 6-м авиакорпусе, прикрывавшем Москву. Значительно был пополнен 1-й корпус ПВО. Почти в три раза увеличилось количество аэростатов заграждения. Поэтому когда немцы 22 июля предприняли массированный (свыше 250 самолетов) налет на советскую столицу, то получили организованный отпор.

К нашему счастью, данный случай, действительно, имел место при обороне Москвы. Только, вот что смущает. Уж, очень “оперативно” отреагировало руководство ГКО на события произошедшие, как уверяет своего читателя Николай Герасимович, 23-го июня. Прошли, ведь, больше двух недель, когда сподобились выпустить постановление!? Поэтому, видимо, немец и оказался под Москвой при такой нашей нерасторопности.

Вдруг, “на помощь” адмиралу Кузнецову приходит человек, тоже, с немалыми звездами на погонах. Генерал-полковник Д.А.Журавлев, в то время, командовал 1-м корпусом противовоздушной обороны Москвы. Он, как сейчас, помнит, что было тогда, в сорок первом. Предоставляем ему слово, хотя он и не догадывается, зачем мы его “вызвали на ковер”. Сначала, он уточняет дату:

“На исходе вторых суток войны, в 3 часа утра **24 июня**, группа наших бомбардировщиков возвращалась с боевого задания на один из подмосковных аэродромов. Они потеряли ориентировку и направились прямо к городу. Наблюдатели многих постов ВНОС в то время еще не имели практики опознания типов самолетов по звуку моторов. Не удивительно, что с постов стали поступать противоречивые данные. Короче говоря, ситуация создалась сложная. Однако, коль скоро самолеты летели к Москве, было решено открыть по ним огонь...”.

Так, что Кузнецов, чуть-чуть, не встретился со Сталиным 23-го июня, да Журавлев помешал. Но не беда. Чем, 24-е июня, хуже предыдущего дня? “Подумаешь, — сказал бы Кузнецов (или редактор?) — ошибся. Всего-то, на один день!” Да, но мы не поинтересовались, как насчет памяти у самого Даниила Арсентьевича Журавлева? Всё ли, верно, помнит? А то, ненароком, может и подвести, боевого товарища Николая Герасимовича. Уже один день у него отобрал. Долго ли, до беды?

Журавлев, однако, бодро вспоминает.

“Вернувшись на командный пункт, я застал там М.С.Громадина. Он рассказал, что недавно докладывал И.В.Сталину о ночном эпизоде. Сталин подробно расспросил обо всем, а потом потребовал разобрать со всеми командирами происшедший инцидент и принять меры. Чтобы подобные случаи больше не повторялись”.

В деталях, всё, вроде бы, сходится с рассказом Кузнецова. Остался только, как всегда, вопрос со временем. В этом, на удивление, сам генерал-полковник Журавлев, нам и помогает. Он же не знает, что наш читатель “подкован” по части, кто есть кто? Суть дела была такова. Еще до войны наши зенитчики использовали для стрельбы по воздушным целям шрапнель. В ту ночь, когда летели наши самолеты, они тоже вели огонь шрапнельными снарядами. Но вся штука в том, что когда при взрыве убойные элементы разлетаются в воздухе, то стальные стаканы, в которых находилась шрапнель, падают на землю. Жители города Москвы приняли упавшие на землю шрапнельные стаканы за неразорвавшиеся бомбы, и стали сообщать об этом, в разные представительные органы власти.

Ну и какая же связь, между этой зенитной стрельбой, адмиралом Кузнецовым и воспоминаниями генерал-полковника Журавлева, спросит въедливый критик? Да самая простая. Даниил Арсентьевич поясняет:

“Один такой шрапнельный стакан влетел в кабинет генерала П.А.Артемьева — командующего войсками Московского военного округа. Впоследствии он вручил мне этот “трофей” на память, запретив использовать шрапнель для стрельбы в городе. Этот стакан мне потом отникелировали, и он в течение всей войны стоял с карандашами на моем письменном столе, напоминая о тревожной июньской ночи”.

Вот так у нас и получается, среди военных высокого уровня. Захочет, кто-либо из них, выручить хорошего человека, из своих, в смысле, немного “вильнуть в сторону”, чтоб воспоминание, покрасивши выглядело, а глядишь и сам, попадет в глупую историю. Я же, недаром, обращаюсь к памяти читателя. Думаю, что он прекрасно помнит из главы о Московском военном округе, когда вступил в командование Павел Артемьевич Артемьев. Он же сам, в своих воспоминаниях указал нам, читателям, что вступил в командование округом **28 июня**. Следовательно, данные события, были значительно позднее, ранее указанной Журавлевым даты — 24-е июня. Предположительно, это было с 6 по 8 июля. Поэтому, если решаться переиздавать мемуары генерал-полковника Журавлева, необходимо поправить и число, когда летели наши самолеты, и последнюю фразу. Жаль, что “никелированный стакан” подвел память “о тревожной **июньской** ночи”, такого уважаемого человека. Дело-то, было в **июле!**

Так что, со Сталиным в Кремле, да, по первым числам войны — опять прокол. Даже Кузнецов, с Журавлевым, не помогли. Что делать? Сталин не любил лживых людей, поэтому события никак и “не срastaются”. Это можно также отнести и к тем советским редакторам, которые умышленно искажали мемуары военных людей, чтобы заполнить нишу в Кремле с отсутствующим Сталиным. Видите, как “стараются”, да, правду, трудно загнать в подполье.

Тогда, что же получается? Если события, которые описывал Кузнецов ложные, то Сталин никак не мог отдавать приказания о бомбардировке Румынии в июне. Зачем же возвел клевету на своего начальника? И не от того, что мертвого льва можно пнуть безбоязненно. Речь шла не о человеческих достоинствах Сталина. Рассматривался важный исторический момент в военной истории Великой Отечественной войны. А Кузнецов, в своих мемуарах солгал читателю. С какой целью? Разумеется, сокрытие истины. А что, могут быть иные причины для лжи?

Завершаем Кремлевскую тему и возвращаемся вместе с Кузнецовым к нему в наркомат. Конечно, описывать все безобразия по флотам — чернил не хватит, но хотелось бы уделить внимание, вот какому вопросу: “Зачем Кузнецов звонил по телефону командованию флотов?” Как мы уже поняли, никакого отношения телефонный звонок наркома к приведению боевой готовности флотов не имел. Так зачем же он звонил? Выше, уже указывал, что Кузнецов был, конечно же, обеспокоен, что с флотами творят беспределщики из новоявленной Ставки. Хотел, видимо, как-то помочь морякам. Но есть и другая сторона дела.

Рискну предположить, что он звонил, с целью предупредить флотское начальство и своих людей их наркомата, находившихся в служебных командировках, чтобы те побереглись, хотя бы, в личном плане, так как, ожидается вражеский налет на базы флотов. Не могу решать в отношении Северного флота, где строптивый Головкин, вряд ли мог внушать симпатию Кузнецову, а вот в отношении Черноморского командования, картина представляется совершенно правдоподобной. Читатель уже обратил внимание, что Кузнецов не разговаривал по телефону с командующим Октябрьским и, даже, не потребовал его присутствия в штабе. Согласитесь, что здесь явное несоответствие служебных полномочий. Ожидается же нападение фашистской Германии на нашу страну. Сам же Кузнецов, говорит об этом. И вдруг, командующий Черноморским флотом исчезает, кстати, вместе с членом Военного Совета флота и начальником Главморштаба. А его непосредственный начальник нарком Кузнецов, делает вид, что этого, просто, не замечает. Более того, при исследовании мемуаров адмирала Кузнецова мы видели, как он выгораживал местное

флотское руководство при его, явном, увиливании от ответственности, находя им оправдательные мотивы.

Когда у Кузнецова произошел этот разговор с командующим Черноморским флотом? Сейчас разберемся. Эскадра вернулась с учений на базу в Севастополь к вечеру 21 июня. С эскадрой находился начальник штаба Исаков, как инспекция от наркомата ВМФ. Неужели по прибытии на базу, он не доложил наркому Кузнецову о возвращении эскадры и о том, как прошли учения? Разумеется, доложил. Что ему мог сказать Кузнецов? Соскучился, мол, Иван Степанович, родной, по тебе. Садись на поезд и спокойно приезжай к нам, в Москву. Ведь, знал же, что немцы ноту вручили. Почему не вызвал Исакова в Москву? Потому что, видимо, не он организовывал учения, не ему и приказывать.

Теперь нам известно, что у Черноморского флота появилось новое начальство в лице главкома Георгия Жукова. Оно и решало, что делать морякам. А Кузнецов мог, только, позаботиться по-отечески, да, подсказать советом. Не более того. Также обстояло дело, как знает читатель, и с Балтийским флотом. То-то Кузнецов не встретил у Тимошенко Кирилла Афанасьевича Мерецкова. Новоявленный Главком Северо-Западного направления, уже ускакал в Ленинград. В дальнейшем столько дел наворачивают по военно-морским базам на Балтике, что и по сей день трудно разобраться.

Кулаков обмолвился в мемуарах, что на 23 июня (!) было назначено мероприятие по разбору прошедших учений. То есть, Исакова задерживали в Севастополе еще на два дня, так как 22 июня было выходным, а 23 июня, понедельник, рабочим днем. Следовательно, ни в какую Москву Исаков выехать не мог. Он “отдыхал” в Севастополе, дожидаясь предстоящих разборов прошедших учений. Война, следовательно, застала его там. Когда Исаков выехал или вылетел из Севастополя в Москву, неизвестно. Также, можно поставить под сомнение и упоминание Кузнецова о его (Исакове), якобы, возвращение в Москву вечером 22 июня. Кто сейчас проверит?

А помните, что в настоящей Директиве было указано, что нападение немцев ожидается 23 июня? Вполне возможно, что Исакова могли и “попросить” задержать в Севастополе, с целью, чтоб не мешал в Москве активным сторонникам из стана Мазеп. Еще неизвестно, как в дальнейшем будут разворачиваться события по началу войны.

С Исаковым, ясно, одно. Вместо него телеграммы по флотам рассылал Алафузов. Содержание, как знает читатель, “извини, меня”. Кузнецов, однако, текст телеграммы, в своих мемуарах не приводит. Всеми делами, дескать, ведал Алафузов, с него и спрос. К тому же, Исаков был еще жив, когда Кузнецовым писались мемуары, поэтому сильно исказить события не представлялось возможным. Николай Герасимович решил, просто, не упоминать своего начштаба.

Кузнецов, вероятно, мог по-дружески, предупредить Ивана Степановича по телефону, чтобы тот поберегся, так как, мол, ожидается нападение немцев. Исаков, видимо, не стал гнуть из себя высокое начальство, и предоставил местному руководству базы самому решать свои флотские дела. Вот те и решали.

Теперь, по Октябрьскому. У него, кстати, была прекрасная русская фамилия Иванов. Однако, с псевдонимом, видимо, быстрее доберешься до звания адмирала? Как командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский, тоже должен был доложить наркому об окончании флотских учений. Кузнецов и этот разговор не приводит, по аналогии. Видимо, в разговоре с последним, он, тоже, предупредил Октябрьского о нападении немцев. В Москве же, было известно, что именно, произойдет со дня на день? Разговор-то, был в субботу вечером, следовательно, о немецкой ноте-то, уже начальству было известно. Политбюро уже дало указание Тимошенко в пятом часу дня, как об этом намекал Кузнецов. Поэтому и писал Жуков свою трехстраничную “поэму” в округу.

Командующий Октябрьский, предупрежденный Кузнецовым об ожидаемом налете вражеской авиации на Севастополь, сразу вспомнил об морских минах, лежащих под открытым небом. При попадании бомбы, маленькая “Хиросима” Севастополю, была бы обеспечена. Поэтому он и назначил ответственным по флоту начальника штаба Елисеева.

Кулаков, чьи воспоминания мы, тоже, приводили, был из другого ведомства — Политуправления РККА. Ему, здорово, не прикажешь. Тот, осведомленный о случившемся, тоже не стал искушать судьбу, и не полез в первые ряды защитников Отечества. В своих мемуарах Николай Михайлович так описывал картину произошедшего вечером 21-го июня 1941 года.

“В тот субботний вечер личному составу кораблей был предоставлен отдых”.

Какая уж тут повышенная боевая готовность, если экипажи кораблей разбрелись по городу. По Кулакову, выходит, что готовность № 2, это когда на кораблях нет иллюминации.

“И хотя корабли оставались **затемненными, город сиял яркими огнями**. Улицы и бульвары заполнили празднично настроенные севастопольцы и уволенные на берег моряки. В Доме флота давали концерт артисты московской эстрады.

Выходов кораблей на боевую подготовку на следующий день не планировалось. В середине дня намечались учебные полеты в отдельных авиационных подразделениях, **а ночью не должно было происходить ничего**.

Приняв все это к сведению, **я поздно вечером уехал к семье**, жившей летом в **пригородном поселке Максимова дача**. Оперативному дежурному по штабу флота капитану 2 ранга Н.Т.Рыбалко наказал, чтобы в случае каких-либо неожиданностей он сразу же высылал за мной машину, а уже затем звонил по телефону. Несмотря на поздний час, жена с дочерью ждали меня, спал только наш шестимесячный сынишка...

Домашняя обстановка, атмосфера наступившего семейного праздника несколько успокоила меня. Дала себя знать и усталость, и я быстро уснул”.

Теперь читателю понятно, почему в советских военных словарях и энциклопедиях не указывали, что такое боевая готовность различных степеней? Сильно это описание происходящего в Севастопольской базе, похоже на оперативную готовность № 2, тем более на № 1, когда все расчеты у орудий, а зенитные стволы смотрят в небо? Кто же тогда занимался погрузкой на кораблях при боевой готовности, если экипажи ушли в увольнительные в город?

Думается, что таким же маршрутом (за город, на дачу) убыл и командующий Филипп Сергеевич. А Николай Михайлович, ну и хитрец. Это он читателя вводит в заблуждение, пытаюсь показать ему, что, мол, в целях экономии времени, приказал дежурному, чтобы, мол, не тратил зря время на телефонные звонки, сразу высылал машину. Дело в том, что когда вражеские самолеты подлетят к цели и будут обнаружены наземными службами, то по цепочке телефонный звонок должен дойти и до Кулакова. Он же хитрит, оттягивая время с машиной. Очень не хочется лезть под бомбы, вот и придумывает отговорки. Кстати, в мемуарах Кузнецова, о нем, Кулакове, нет упоминаний.

Это что же получается? Один едет на дачу, другой, по всей видимости, тоже, а как же начальник штаба базы, на которого возложили всю ответственность? Неужели, можно поверить, когда прочитали о Елисееве: “На несколько минут отлучусь домой”? Он, что же, не военный, что ли? Сразу понял, после ночного звонка Кузнецова, что его ожидает? Кому же охота испытать на себе бомбардировку базы с непредвиденным результатом? Также, небось, был осведомлен, где хранились морские мины? Не отсюда ли возникло стремление отлучиться домой или в пригород?

Вполне, вероятно, что все дачи нашего начальства находились неподалеку друг от друга.

А как же московское начальство, в лице начальника штаба И.С.Исакова? (Возможно, были и другие лица). Он же, вроде, остался в Севастополе? Я уже говорил, что Исаков не оставил мемуаров и воспоминаний о первых днях войны. Его местонахождение в тот момент неизвестно. Вполне, вероятно, что по статусу должен был находиться вместе с Октябрьским. А этим, чаепитием на даче, вдали от Севастопольской базы и событий, связанных с ее бомбежкой, согласитесь, трудно хвалиться впоследствии. Потому и промолчал. Что, читатель, думает сам, по этому поводу?

Вопрос всегда в чем? Это всё есть преступная халатность или умышленный сговор? Помните, что говорил Исаков, об отношении Сталина к нему и Кузнецову? Недоверие. Если к Исакову, после 1942 года, когда тот в боях потерял ногу, — Сталин, в какой-то мере, восстановил хорошее отношение (ведь воевал и пролил кровь за Отечество), то к адмиралу Кузнецову, так и сохранил прохладное чувство до конца своих дней. Сталин любил честных людей, как Рокоссовский. Поэтому и называл того, в знак взаимного уважения, по имени отчеству. А это был, удел немногих. Глупо думать, что Сталин не знал о том, как проявило себя все высшее командование флота по началу войны? Вопрос всегда в том, когда совершится справедливое возмездие по отношению к тем людям, которые нарушили свой долг перед Родиной? С этим у нас, как всегда, большие проблемы.

Часть 3. Слова и дела адмирала Кузнецова

В этой части мы рассмотрим воспоминания Кузнецова, где он делится своими впечатлениями о событиях, которые, на его взгляд, оказались весьма важными в понимании происходящего.

Немного пояснения к упомянутым воспоминаниям.

О Ставке.

“Вспоминается финская война. Председателем Совнаркома тогда был В.М.Молотов, а вся власть фактически сосредоточивалась в руках Сталина. Не занимая официального поста в правительстве, он руководил всеми военными делами”.

Кузнецов, как и многие, подчеркивает тот факт, что власть сосредоточивалась в руках Сталина. Каким по мысли Кузнецова, должен быть глава государства? Слушаться советов, таких, как Кузнецов, и ни в чем им не перечить? Кузнецов подчеркивает, что Сталин “руководил всеми военными делами”. Запомним это.

“Лично я рассуждал примерно так: "Коль в мирное время не создано оперативного органа, кроме существующего Генерального штаба, то, видимо, во время войны аппаратом Ставки станет именно он — Генеральный штаб. А Ставка? В нее, надо думать, войдут крупные государственные деятели. Значит, возглавлять ее должен ни кто иной, как сам Сталин”.

Но какова будет роль Наркома обороны или Наркома Военно-Морского Флота? Ответа на этот вопрос я не находил”.

Читатель, надеюсь, не забыл, что при Совнаркоме существовал Комитет обороны во главе с Председателем Сталиным? А Кузнецов забыл. Поэтому и пишет, что “в мирное время не создано оперативного органа”. Отсюда и получается, что он не мог найти ответа. Не той дорогой шли, товарищ адмирал, поэтому и не нашли. Хотя, ход мыслей у данного адмирала, был в правильном направлении, относительно того, что, по логике вещей, именно Сталин должен был возглавить

Ставку. Но вдруг вектор правильного направления мыслей переменялся, а Николай Герасимович этого и не заметил.

“Ставка Главного Командования Вооруженных Сил во главе с Наркомом обороны С.К.Тимошенко была создана 23 июня 1941 года, то есть на второй день войны”.

Понятно, что Сталин “проспал” начало войны. Когда вернулся в Кремль, все хорошие места в Ставке были уже заняты. Не нашлось, даже, вакансии, как заместителя. Пришлось, видимо, согласиться на место рядового.

“И.В.Сталин являлся одним из членов этой Ставки.

Считаю, было бы лучше, если б Ставку создали, скажем, хотя бы за месяц до войны. Оснований для этого в мае — июне 1941 года имелось достаточно. Учреждение Ставки и ее сбор даже в канун войны, 21 июня, когда И. В. Сталин, признав войну весьма вероятной, давал указание И.В.Тюленеву (около 14 часов) и Наркому обороны с начальником Генерального штаба (около 17 часов) о повышении боевой готовности, сыграло бы свою положительную роль, и начало войны тогда могло быть другим.

Ставка образована. Во главе её нарком обороны маршал Тимошенко, а Кузнецов, даже, не удивился: “Почему не Сталин?”. Вяло констатирует, что “И.В.Сталин являлся одним из членов этой Ставки”. Да, как же, так? Только, что писал, что у Сталина и вся власть в руках, и военными лично руководит, а теперь, что же получается? Пролез в Ставку рядовым членом. Вместо того, чтобы дать читателю объяснение такой метаморфозе, Кузнецов вдруг проявляет озабоченность по поводу несвоевременного, якобы, создания Ставки. Дует, как мы знаем, в ту же официальную дуду, относительно образования Ставки. То, что она создана, до начала военных действий, читатель, в отличие от Кузнецова, знает. Жаль, что этой информацией, уже нельзя поделиться с наркомом ВМФ.

Кстати, побывав, лично, на заседании этого военно-политического органа, Кузнецов, на удивление, сделал удачные внешние зарисовки. Сумел ускользнуть от цензуры.

“Первые заседания Ставки Главного Командования Вооруженных Сил в июне проходили без Сталина.

Председательство Наркома обороны маршала С.К.Тимошенко было лишь номинальным. Как члену Ставки, мне пришлось присутствовать только на одном из этих заседаний, но нетрудно было заметить: Нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал. Да и члены Ставки тоже. Функции каждого были не ясны — **положения о Ставке не существовало**. Люди, входившие в ее состав, совсем не собирались подчиняться Наркому обороны. Они требовали от него докладов, информации, даже отчета о его действиях. С.К.Тимошенко и Г.К.Жуков докладывали о положении на сухопутных фронтах. Я всего один раз, в конце июня, доложил обстановку на Балтике в связи с подрывом на минах крейсера “Максим Горький” и оставлением Либавы, хотя и был членом Ставки”.

Не для этих целей была создана Ставка, какие приписывал ей Кузнецов. Милый Николай Герасимович, как всегда пытается усидеть на двух стульях. Он же прекрасно знал, что деятельность Ставки была пораженческой. Сам же получал из рук Тимошенко трехстраничную Директиву на флота в конце дня 21-го июня. Или не понимал, что это такое? Как все хотят выглядеть чистенькими перед Историей. Как птички на ветках, прихорашиваются, перышки разглаживают. Вот и наш, Николай Герасимович, оправдывается: всего-то, говорит, один раз и согрешил, по неопытности, когда в Ставку попал. О Сталине, не соврал. Абсолютно точно, что первые заседания Ставки проходили без Сталина. И по поводу Тимошенко не могло быть иначе.

Он, являлся свадебным генералом, а за ним стояли партийные люди из Политбюро, реальной власти в государстве. Иначе, как понимать слова Кузнецова:

“Люди, входившие в ее состав, совсем не собирались подчиняться Наркому обороны”?

Не военные же? Кроме того, опять наш нарком соврал по времени. Это что же, только через неделю о происшествии с крейсером доложил высокому начальству? Ну, дела?!

Пишет, далее.

“Нам, морякам, не оставалось ничего другого, как следить за действиями Наркомата обороны. Мы понимали **подчиненную роль флота** по отношению к сухопутным силам в будущей войне и не собирались решать свои задачи отдельно от них. Когда Наркомом обороны был К.Е.Ворошилов, мы исходили еще и из того, что он, как член Политбюро, лучше нас знает планы и решения высшего руководства, сам участвует в их разработке, а, следовательно, может многое нам посоветовать.

После финской кампании Наркомом обороны стал С.К.Тимошенко. Я старался установить с ним тесный контакт. Но отношения у нас как-то не клеились, хотя их нельзя было назвать плохими. С.К.Тимошенко, загруженный собственными делами, уделял флоту мало внимания. Несколько раз я приглашал его на наши совещания с командующими флотами по оперативным вопросам, полагая, что это будет полезно и для нас и для Наркома обороны: ведь мы должны были готовиться к тесному взаимодействию на войне. Семен Константинович вежливо принимал приглашения, но, ни на одно наше совещание не приехал, ссылаясь на занятость”.

А как здорово Николай Герасимович описывал начало войны. Сам решился на отдачу приказа на флота о полной боевой готовности. Лично звонил руководству флотов, чтоб “не спали” в ночь на 22-е июня. И вдруг заявляет, что руководство ВМФ, моряки, понимали “подчиненную роль флота” и “не собирались решать свои задачи отдельно” от руководства сухопутных сил.

Именно, поэтому, Тимошенко и вызвал к себе Алафузова с Кузнецовым и вручил трехстраничную Директиву. Так что “кипучая деятельность” адмирала Кузнецова, не более чем “буря в стакане воды”. Кроме того, что же это, с точки зрения Кузнецова получается? Оказывается, за начало войны надо нести персональную ответственность? Нет, этот вариант не для генералов и адмиралов Красной Армии и Военно-морского флота. Это пусть товарищ Сталин отвечает. Тем более, дано указание партии о переносе ответственности на данного человека. А он, с того света, никому не возразит.

“Огромный авторитет И. В. Сталина, как мне думается, сыграл двоякую роль. С одной стороны, у всех была твердая уверенность: Сталину, мол, известно больше, и, когда потребуются, он примет необходимые решения. С другой — эта уверенность мешала его ближайшему окружению иметь собственное мнение, прямо и решительно высказывать его. А на флотах люди были твердо убеждены: коль нет надлежащих указаний, значит, война маловероятна”.

Опять Сталин виноват: теперь, за свой огромный авторитет. Вот угоди военным. Как пишет Кузнецов, он, как и многие, боялся высказать “свое мнение” Сталину. Вот так фокус. А с чего бы это, Николай Герасимович так рвался позвонить Сталину? Видимо, по законам логики, следует понимать, что ни какого страха адмирал Кузнецов от своих звонков Иосифу Виссарионовичу, не испытывал. Так же нечего было бояться попасться Сталину на глаза, и в результате поездки в Кремль. Потому что, в противном случае, пришлось бы “прямо и решительно высказывать” свое мнение Сталину. А его, судя по всему, у наркома ВМФ не имелось, как и страха.

О работе Главного морского штаба.

“Контакт с Генштабом я считал особенно важным потому, что И.В.Сталин, занимаясь военными делами, опирался на его аппарат. Следовательно, Генштаб получал от него указания и директивы, касающиеся и флота”.

При прочтении многих мемуаров крупных военачальников, ни разу не встретишь раскаяния по поводу того, что, дескать, я ошибся, а Сталин в этом вопросе оказался прав. Сталин всегда, выглядит вечным двоечником, в лучшем случае троечником, который бесконечно ошибается в отличие от непогрешимых военных.

Но, ведь, связь военных и Сталина, всегда была двухсторонней. Не мог же Сталин принимать решения, без учета данных, представленных Генштабом сухопутных войск и Главным морским штабом. В основном, на базе этих данных, Сталин, как руководитель государства и принимал решения. Или у товарища Сталина имелся, кроме всего прочего, еще и личный Генштаб, с Главморштабом в придачу? Это же, вы, товарищ Кузнецов представляли сведения наверх, Сталину, обо всех флотских делах. И уверяли истово, что если кто к нам сунется непрошеным гостем, встретим, как полагается, по-русски. Сам же писал, что враг понимает только силу кулака. Теперь же, после 1953 года, выяснилось, что Сталин кругом виноват, даже, и в морских делах.

“В бытность” начальником Генштаба Бориса Михайловича Шапошникова у нас с ним установились спокойные и деловые отношения. Удовлетворяли нас и отношения с К.А.Мерецковым, который возглавлял Генеральный штаб с августа 1940 года. Кирилла Афанасьевича я немного знал еще по Испании, потом встречался с ним, когда он командовал Ленинградским военным округом. Мы всегда находили общий язык. Мне приходилось решать с ним ряд вопросов, например об усилении сухопутных гарнизонов Либавы и Ханко, о взаимоотношениях Балтфлота с Прибалтийским военным округом. И мы как-то легко договаривались.

К.А.Мерецков был начальником Генштаба всего несколько месяцев. 1 февраля 1941 года его сменил на этом посту генерал армии Г.К.Жуков. Я ездил к нему несколько раз, но безуспешно. Он держал себя довольно высокомерно и совсем не пытался вникнуть во флотские дела”.

В момент написания мемуаров Кузнецова, маршал Жуков был в опале. Еще не было принято решение о его “Воспоминаниях”. Поэтому Кузнецов и мог написать о никчемности Георгия Константиновича, как штабного деятеля. Кроме того, показал не лучшие качества Жукова, как человека, а не военного. Ясное дело, что тот был не подарок, в общении.

“Сперва я думал, что только у меня отношения с Г.К.Жуковым не налаживаются и что с ним найдет общий язык его коллега, начальник Главного морского штаба И.С.Исаков. Однако у Исакова тоже ничего не вышло.

Помнится, он был однажды у Г.К.Жукова вместе со своим заместителем В.А.Алафуаовым. Жуков принял их неохотно и ни одного вопроса, который они ставили, не решил. Впоследствии адмирал Исаков обращался к Жукову лишь в случаях крайней необходимости”.

Вот так мы и готовились к войне. Как понимать действия товарища Жукова? Саботаж в чистом виде. Помните, как Ковалев, работник НКПС описывал свои мытарства с военными, по поводу железнодорожных дел? В отношении же Исакова, как читатель знает, поступили просто. Убрали перед войной, чтоб не мешался под ногами.

“Вместе с тем в Генштабе были товарищи, относившиеся к флотским делам с вниманием, например заместитель начальника Генштаба Н.Ф.Ватутин, начальник оперативного управления Г.К.Маландин и его заместитель А.М.Василевский. До сих пор с удовольствием вспоминаю встречи перед войной с генерал-лейтенантом Н.Ф.Ватутиным и генерал-майором А.М.Василевским. Однако трудности создавали не отдельные работники, которые всегда отличаются друг от друга

своими личными качествами. Отношения двух военных наркоматов не были достаточно четко определены — вот в чем был гвоздь вопроса!”.

Так и хочется, снова воскликнуть: “Ба, знакомые, все лица!” — Ватутин, Маландин, Василевский. Понятно, что Кузнецов не хочет обижать своих “товарищей по оружию”. Виноваты, как всегда простые исполнители, которые неправильно истолковывают “мудрые” приказы начальства. В чем же Кузнецов видел удовольствие от встреч с Ватутиным? Неужели от того, что тот “внимательно читает ... оперативные сводки (наркомата ВМФ) и докладывает их своему начальству”? Или от того, что “Ватутин обещал немедленно известить (Наркомат ВМФ)..., если положение станет критическим”?

Завершающий аккорд о штабе.

“Лично я Главному морскому штабу, где собран коллектив высокообразованных специалистов, старался придавать первостепенное значение, считал его “мозгом флота”.

Кузнецов захотел стоять на одной ступеньке с Борисом Михайловичем Шапошниковым. Даже позаимствовал у того название штаба, переименовав на морской лад.

“Главный морской штаб изучает, анализирует, обобщает все общефлотские вопросы: сколько кораблей должен иметь тот или иной флот, какие корабли надо строить, какие другие боевые средства потребуются флотам. Получив все исходные данные сверху, от правительства, штаб решает задачи флота в системе всех Вооруженных Сил, предлагает наилучший вариант их выполнения. Без столь высокоспециализированного коллектива, с моей точки зрения, нельзя решать ни одного крупного вопроса. Мы приложили много сил к совершенствованию центрального аппарата и штабов на флотах. И все же во время войны сказались некоторые недоработки, которые пришлось устранять уже в ходе боевых действий”.

Так красиво написано, что с трудом верится: “О том ли Кузнецове, мы говорили ранее?” Когда Николай Герасимович взял высокую ноту, — как у него все было хорошо на флоте, то, видимо, вспомнилось о сорок первом годе. Понизил на полтона ниже, “сказались некоторые недоработки”. Поскромничал сказать, сколько и чего, попало под первый удар немецкой авиации.

“Говоря об организации ГМШ, нельзя обойти молчанием роль его начальника. Мне всегда представлялось правильным начальника ГМШ считать первым заместителем наркома: он постоянно в курсе всех дел на флотах, и прежде всего тех, которые могут потребовать спешного и ответственного решения. Следовательно, ему и карты в руки. Это полностью подтвердила практика военных лет”.

Поэтому, видимо, и спровадили И.С.Исакова на учения Черноморского флота, что “ему и карты в руки”. А в это время, товарищ Алафузов будет выполнять функции заместителя Кузнецова, а заодно, и замещать, отсутствующего начальника штаба.

“Помнится, на одном из совещаний высоких военачальников сразу после войны, когда министерство было уже единое и обсуждались новые уставы, все единогласно высказались: именно начальник штаба фактически оставался за командира, даже когда формально кое-где имелся первый заместитель.

Действительно, где, как не на должности начальника штаба, на кипучей работе, проверяется и готовится настоящий заместитель командира, командующего!

Начальником Главного морского штаба до войны был вначале Л.М.Галлер, затем его сменил И.С.Исаков. Оба они без особых на то полномочий выполняли функции первого заместителя

наркома, и никто другой, пусть даже назначенный официально, не мог претендовать на эту роль, ибо по опыту и знаниям вряд ли кто мог их заменить”.

С чего бы это в своих мемуарах, Николай Герасимович пел такие дифирамбы своим начальникам штаба? Не потому ли, что один из них, перед войной “пропал” на учениях, а другой, после войны, умер в тюрьме?

О боевой готовности флота.

Это самое интересное высказывание адмирала. Шутка ли, поведать читателю военную тайну. Военные энциклопедии по такому случаю помалкивают, как знает читатель, в тряпочку, а здесь, сам адмирал флота разоткровенничался. Но сначала, чтобы “обелить” себя, надо, немного ложки дегтя в адрес командующих заморскими флотами. Досталось американцам, за Перл-Харбор в 1941 году и итальянцам, — за атаку английской авиацией базы Таранто в 1940 году.

Прорвалось несколько слов и о наших потерях.

“Иными, гораздо большими, могли быть потери впервые дни войны и у нас в Севастополе, Измаиле, Кронштадте, Таллине и Полярном, если бы командование на местах не приняло всех мер предосторожности”.

А говорил, что ни одного корабля не пострадало? Кроме того, неясно, относительно потерь: “Гораздо большими”? Это, когда все корабли будут на дне как при Цусиме? Или в сравнении с Таллинским переходом?

К тому же, как надо понимать слова адмирала Кузнецова о командующих флотами, которые приняли меры предосторожности? Помнится, сам же говорил, что флота были приведены в состоянии полной боевой готовности и он, лично, обзванивал штабы соединений кораблей и предупреждал об опасности внезапного нападения. И вдруг, написал такое, как “меры предосторожности”? Это уже получается, не как приказ наркома ВМФ, а, скорее, совет врача в женской консультации.

“Специфика” заключалась в том, что почти два года на всех флотах шла разработка документов по системе готовностей. Их настойчиво вводили в жизнь, проверяли и отработывали на сотнях учений — общих и частных”.

О язык военной бюрократии. Сказать такое о документах по боевой подготовке: “Их настойчиво вводили в жизнь...”. Такое ощущение, что человек писавший данные мемуары, пусть даже сам Кузнецов, параллельно окончил медицинский институт. “Настойчиво”, это как? Кто-нибудь сопротивлялся, что ли? “Вводили в жизнь” читается, вообще, как насилие над пациентом. Кроме того, читатель, поделите сотни учений на два года. Каторга на Колыме показалась бы раем.

Теперь приготовимся читать о военной тайне — боевой готовности всех трех степеней на флоте.

“Было точно определено, что следует понимать под готовностью № 3, под готовностью № 2, под готовностью № 1.

Номером три обозначалась обычная готовность кораблей и частей, находящихся в строю. В этом случае они занимаются повседневной боевой подготовкой, живут обычной жизнью, но сохраняют запасы топлива, держат в исправности и определенной готовности оружие и механизмы.

Трудно, из данного пояснения, понять для чего создается флот и его предназначение. Как будто не было традиций русского военного флота, а все то, о чем ведет речь адмирал Кузнецов, некое

нововведение, о котором никто и никогда не слышал, и не видел. Корабли “живут обычной жизнью”? Это как — вино, кино и домино? Что-то, ни слова о моряках: командирах и личном составе? Или они, только тем и заняты в повседневной боевой подготовке, что сохраняют топливо и не допускают разрывов механизмов и оружия?

“Готовность № 2 более высокая. Корабли принимают все необходимые запасы, приводят в порядок материальную часть, устанавливается определенное дежурство. Увольнения на берег сокращаются до минимума. Личный состав остается на кораблях. В таком состоянии корабли могут жить долго, хотя такая жизнь требует известного напряжения”.

Судя по тому, что корабли принимают на борт все необходимые запасы, то в повседневной боевой готовности им, видимо, все же, чего-то не добавляли? Ужас, что вытворялось на кораблях до готовности № 2, коли, они должны привести в порядок материальную часть. О людях, снова, ни слова. В состоянии готовности № 2 “корабли могут жить долго”. Видимо, до конца войны, если не заболеют и не утонут?

Наконец, наступает момент истины. Вот она долгожданная готовность № 1. То, что она боевая, ни слова. Тсс! Это же военная тайна!

“Самая высокая готовность — № 1. Она объявляется, когда обстановка опасная. Тут уже всё оружие и все механизмы должны быть способны вступить в действие немедленно, весь личный состав обязан находиться на своих местах. Получив условный сигнал, каждый корабль и каждая часть действует в соответствии с имеющимися у них инструкциями”.

Интересно, командиров кораблей, не тошнило ли в море, от таких инструкций Главного морского штаба? Или все написанное, есть послевоенные фантазии, то ли самого флотоводца, то ли товарищей его замещавших за письменным столом?

Поначалу не все получалось гладко. Первые проверки и учения на кораблях вскрыли массу недостатков. Не меньше года понадобилось, чтобы флоты научились быстро и точно переходить на повышенную готовность. Не буду перечислять все, что пришлось проделать в штабах, на кораблях и в частях. Большая это была работа, шла упорная борьба за время — не только за часы, но и за минуты, даже секунды с момента подачи сигнала до получения доклада о готовности флота. Такая борьба за время в военном деле чрезвычайно важна”.

Судя по написанному, до 1939 года, на советском военном флоте о том, что существует боевая готовность корабля, никто, видимо, не знал. Хорошо, что нарком Кузнецов со своими штабными, озаботился раскрыть людям глаза на положение дел. А то, так до начала войны, никто бы и не догадался, для чего построили железные коробки — военные корабли, с всякими, на них, механизмами и вооружением. Конечно, немцы поступили подло, не указав точного времени нападения. А то бы мы, по немецкой пунктуальности, да нашей Кузнецовской суперсекундной готовностью, как дали бы — сразу бы, немчура сдалась! Чего столько времени пришлось зря мучиться, — целых четыре года.

Принесут, вот такую ахинею товарищу Сталину на просмотр, а потом еще и обижались, что, дескать, тот не понимал их, военных. Да, судя по всему, Сталин от подобного чтива, сразу бы “заштормил”, баллов на шесть — восемь.

Кстати, еще немного о Сталине, в контексте данных воспоминаний Кузнецова. Как и многие, адмирал не удержался, чтобы не соврать, по определению. Время, говорят, было такое.

“Я предложил Главному морскому штабу дать указание флотам открывать по нарушителям огонь без всякого предупреждения. Такая директива была передана 3 марта 1941 года. 17–18 марта немецкие самолеты были несколько раз обстреляны над Либавой. Что же делать, если агрессор

наглеет? Уговорами его не приведешь в чувство. В последние предвоенные недели, когда немецкие самолеты стали особенно нагло появляться не только над отдельными объектами, но и над главными базами — в частности над Полярным, — я снова распорядился открывать по ним огонь, приказав такие случаи особо выделять в оперсводках для Генерального штаба. Не припомню, докладывал ли я устно об этом И.В.Сталину или В.М.Молотову...”

Помните, читатель, доклад Ф.И.Голикова Сталину от 20 марта о предполагаемом нападении Германии на нас в мае месяце? Видимо, Филипп Иванович, предварительно, показал его Николаю Герасимовичу. И вот нарком Кузнецов, не стал дожидаться указаний из Москвы, что надо делать с немецкими самолетами. Подал рационализаторское предложение о стрельбе по немецким самолетам в свой собственный штаб. Как видите, опередил Голикова с его докладом Сталину. Утверждает, что немецкие самолеты, точно, обстреляли, но поскромничал сказать, из чего? Уж не из охотничьего ли ружья командующего Либавской базы? А по поводу Полярного — так это взято из мемуаров Головки. Поэтому и не помнил нарком Кузнецов, докладывал он Сталину об этом или нет? Надо бы, напомнить Николаю Герасимовичу, что он, как писал ранее, видел Сталина последний раз перед войной 13–14 июня. А события в Полярном были 18 июня. Но, мы же, с вами, читатель, уже знаем, что никакого зенитного огня по немецким самолетам не было, даже, вначале 22 июня, так как был запрет сверху. Кузнецов выкручивается.

“Кстати говоря, Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил (?), так что фактически в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших “чайках”.

О самолетах И-153(Чайках) — это снова взято из воспоминаний командующего Северным флотом Арсения Головки, в которых описаны последние дни перед войной. Помните, читатель, в первой части я обращал на это ваше внимание. Теперь версия, по которой, якобы, отменили стрельбу по немецким самолетам.

“После одного из таких случаев меня вызвали к Сталину. В кабинете кроме него сидел Берия, и я сразу понял, откуда дует ветер. Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям. Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение.

“Английский шпион” Лаврентий Берия, как всегда, снова наябедничал Сталину на хорошего человека. Теперь им оказался Кузнецов. Почему Сталин, не захотел выслушать объяснения товарища по партии, осталось тайной, которую вождь унес с собой в могилу? Судя по всему, именно, Лаврентий Павлович и сорвал боевую готовность нашей армии и флота, по отражению гитлеровской агрессии. Но, мемуары Кузнецова, вдруг совершают кульбит. Оказывается, все это происходило раньше, еще весной.

“Главный морской штаб дал **29 марта** директиву: “Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки самолетов противника на аэродромы”. Результаты нетрудно было предвидеть. Немцы, чувствуя, что мы осторожничаем, стали вести себя еще более вызывающе”.

Зачем же Кузнецов, перевернул события? После доклада Голикова 20 марта, о подготовке майского немецкого нападения и было принято решение в Кремле о недопустимости открытия огня по немецким самолетам, чтобы не давать повода Гитлеру для объявления войны. Но мы не знаем, было ли сделано допущение относительно военно-морских баз об открытии огня, если над ней появится немецкий самолет? Вообще, нарушение воздушного пространства любой страны, чревато дипломатическими разборками. Но, как видите, Кузнецов замотал эту тему и поэтому трудно сделать определенные выводы, что было на самом деле. Что было накануне войны, вплоть до 22 июня включительно, читатель, конечно же, прекрасно знает и без Кузнецова. Открытие огня по немецким самолетам было запрещено. Он снова воспользовался мемуарами Головки. А что

делать? Только там, на Северном флоте, все было более-менее, сносно. Об остальных флотах читатель, уже знает, не понаслышке.

Но давайте, почитаем в воспоминаниях красивые слова об обороне, тем более что это был не американский Перл-Харбор.

“Чтобы нас не застали врасплох, мы вели постоянную разведку самолетами и подводными лодками на подходах к базам с моря. Около баз выставляли **усиленные дозоры**. Флоты ускоряли перевод кораблей в первую линию, то есть повышали их боеспособность. Обо всех этих мерах предосторожности я, как правило, докладывал, но не слышал ни одобрения, ни протеста. Обращаться же за письменным разрешением избегал, зная, как часто наши доклады остаются без ответа”.

Как? Разве, очень похоже, на то, как происходили события, особенно на Балтике, в преддверии войны? Хорошо смотрится усиленный дозор из одного тральщика. Описывать все безобразия, учиненные нашему флоту, рука устанет. Остановимся на последнем, по поводу нашей базы в Либаве. Как же Кузнецов вывернулся в этом случае?

“Как я уже писал раньше, скученность кораблей в этой базе нас беспокоила и раньше. Но теперь, в обстановке надвигающейся военной грозы, требовалось предпринимать решительные меры. Необходимо было перевести часть кораблей оттуда, но мы знали, что И.В.Сталин смотрел на дело иначе. Решили обсудить вопрос официально на Главном военном совете ВМФ в присутствии А.А.Жданова. Андрей Александрович приехал за полчаса до заседания. Войдя в мой кабинет, прежде всего, спросил:

— Почему и кого вы собираетесь перебазировать из Либавы?

Я развернул уже подготовленную подробную карту базирования кораблей.

— Тут их как селедок в бочке. Между тем близ Риги — **прекрасное место для базирования**. Оттуда корабли могут выйти в любом направлении.

— Послушаем, что скажут другие, — ответил Жданов. На совете разногласий не было. Все дружно высказались за перебазирование отряда легких сил и бригады подводных лодок в Рижский залив. Так и решили.

— Нужно доложить товарищу Сталину, — заметил А. А. Жданов, прощаясь...”.

Исходя из данного разговора, возникает недоумение. Разве не лично Кузнецов отдавал приказ о базировании данных кораблей в Либаве? Или кто другой, вместо него, мог отдать подобный приказ? Иначе, чем объяснить, якобы, “обеспокоенность” Кузнецова скученностью кораблей на базе. Он, что же, не нарком ВМФ, что ли? А как красиво пишет! “Прекрасное место для базирования” под Ригой — прямо: пальмы, пляжи, красивые девушки в купальниках.

“Оттуда корабли могут выйти в любом направлении”. Вот заткнут Кузнецову со товарищами, немцы минами проливы и будут наши корабли, как кильки в банке. Что ж по войне, своевременно не вышли “в любом направлении” и, кроме того, не удержали в своих руках, “прекрасное место”?

“На этот раз я, кажется, убедил Андрея Александровича в том, что корабли целесообразно перебазировать в Усть-Двинск (На прекрасное место. — В.М.). Жданов предложил мне написать об этом Сталину, **но не захотел говорить с ним сам**. А дело-то было спешное. Я сразу же направил письмо, **но ответа не получил**. Так случалось нередко. Поэтому, направляясь в Кремль, я постоянно держал при себе папку с копиями наших писем. В кабинете И. В. Сталина, улутив

момент, раскрывал ее: “Вот такой-то важный документ залежался. Как быть?” Часто тут же на копии накладывались резолюции. На этот раз я напомнил о своем письме и решении Главного военного совета ВМФ о перебазировании кораблей. Сталин, правда, резолюции писать не стал, но устно дал свое согласие. Вернувшись к себе в наркомат, я первым делом позвонил командующему Балтфлотом: — Действуйте, разрешение получено...”

Вот тебе раз! Жданов, курировавший флот и обеспокоенный подвижками командования ВМФ по Балтике, отказался идти на совещание у Сталина, именно, по данному вопросу? А Сталин, до этого, накладывавший резолюции на бумаги, в этот раз, почему-то, отделался устным распоряжением. Может, карандаш у него “не вовремя” сломался?

А ведь, Кузнецов, заведомо ложно трактует свои посещения кабинета вождя. Посудите, сами. Снова “тупой” Сталин накладывает резолюции на **копиях документов** представленных заботливым адмиралом? Видимо, **подлинники** присланных документов Сталин отправлял (как нехорошо!) себе в личный архив, на всякий случай. Кроме того, почему в этот раз, Николай Герасимович не принес копию документа о передислокации части морских сил из Либавы в Усть-Двинск? Забыл?

Кузнецов, прямо светился радостью от случившегося: “Вернувшись к себе в наркомат, я первым делом позвонил командующему Балтфлотом”. Понятно, что “прекрасное место”, как магнитом, притягивает.

О чем-то очень туманно написано у Кузнецова? Чтобы это все значило? Какие подвижки на Балтийском флоте в самый канун войны были произведены без согласования со Ждановым и без резолюции Сталина? Уж, не о создании ли Прибалтийской военно-морской базе шла речь, если промелькнул Усть-Двинск? Когда ниже, будем рассматривать оборону Либавы, затронем и этот вопрос.

О военно-морской базе Либаве.

Выше уже говорилось обо всех безобразиях, которые на ней произошли накануне, и впервые дни войны. Приводятся и еще, кое-какие “интересные” моменты. Взято с сайта .

“К 9 часам утра немцы после упорных уличных боев выбили пограничников из Паланги. Уже к полудню 22 июня они вошли в Руцаву. Пограничники были буквально сметены с лица земли, (личный состав погранотряда насчитывал 1.190 человек). Немецкая авиация подвергла Либаву бомбардировке (к 22 часам 22 июня зафиксировано **13 налетов с участием 135 самолетов**, 3 самолета было сбито). К окончанию первых суток войны немцы вышли на подступы к Либаве”.

Как помните, Грищенко нам сказал, что поначалу вражеских самолетов было три. Этим и ограничилось его сообщение о налетах. Представьте, что там, на базе, наделала авиация немцев за целый день своими тринадцатью налетами? Встречается информация, что налетов было пятнадцать. То есть, немцы молотили бомбами по базе с утра до вечера. Безусловно, наши “упирались”, как могли, но сила, солому ломит.

“В это время защитники базы кроме частей 67-й дивизии имели: 32-й караульный батальон, курсантов Либавского Военно-Морского училища ПВО им. Фрунзе (начальник генерал-майор береговой службы И.А.Благовещенский), 23-ю и 27-ю батареи береговой обороны КБФ, 18-ю железнодорожную батарею КБФ, 7-ю отдельную железнодорожную роту, флотский полуэкипаж (260 человек), 148-й истребительный авиационный полк из состава 6-й смешанной авиадивизии — 63 самолета), 43-ю морскую авиаразведывательную эскадрилью (командир капитан И.Я.Вахтерман; состояла из самолетов МБР-2 и базировалась на озеро Дурбе в 15–20 км от города), 43-й (командир майор В.Х.Русских) и 84-й (командир старший лейтенант В.С.Сорока)

отдельные зенитно-артиллерийские дивизионы ПВО, пулеметную, прожекторную и телеграфную роты”.

Но все это имело бы определенный результат, если бы нападение немцев, во-первых, было бы не внезапным, и, во-вторых, командный состав базы не устранился бы от руководства боевыми действиями. Как следствие, по первому пункту, получили то, что и должны были получить по трехстраничной Директиве присланной из Москвы, а по второму пункту — полную дезорганизацию обороны базы. С этим явлением мы столкнемся ниже в одном из приведенных боевых эпизодов. По-поводу генерала Благовещенского. Это тот самый, который к немцам перебежал и служил в РОА у Власова.

“Авиация противника господствовала в воздухе. **Аэродром 148-го истребительного авиаполка был разбомблен**, оставшиеся самолеты перелетели в район Риги, оставив базу вообще без какого-либо авиационного прикрытия”.

Кроме того, хотелось бы заметить, что немецкая авиация, вряд ли ограничилась бомбежкой 22 июня. А если учесть, что от бомбовых ударов, ПВО базы вряд ли усилилась, и к тому же авиационное прикрытие улетело искать немцев в другом направлении, то Либавской базе сильно не повезло.

По второму пункту, в дополнение к сказанному, можно добавить, что произошло то, что и следовало из телефонного звонка Кузнецова: поостеречься командному составу. Руководство базы, тут же сбежало в Усть-Двинск на торпедном катере. К сожалению, встречается и такая информация. Насколько она, верно, отражает события тех дней, поговорим ниже.

У меня, к тому же, сильные сомнения в том, что командующим базой был капитан 1-го ранга М.С.Клевенский. Адмирал Кузнецов, в книге “Курсом к победе”, уверяет, что это был именно он. Трибуц, тоже поддержал своего бывшего начальника в отношении Клевенского. Да и многие из руководства Балтийским флотом в воспоминаниях упоминали Клевенского, как командующего. Правда, почему-то не указывали, кто же тогда был, начальником штаба данной базы? Почему Николай Герасимович, в нашем случае, передернул факты? Или как всегда, события войны густо перемешаны? В первой публикации, я сам был в затруднении дать четкие объяснения случившемуся, настолько все, намеренно, запутано.

Давайте, по началу, ознакомимся с документом, вышедшим из недр Главного политического управления РКВМФ летом 1941 года.

ДИРЕКТИВА ГЛАВПУ РКВМФ ЧЛЕНАМ ВОЕННЫХ СОВЕТОВ И НАЧАЛЬНИКАМ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЙ ФЛОТОВ, ВОЕНКОМАМ И НАЧАЛЬНИКАМ ПОЛИТОТДЕЛОВ ФЛОТИЛИЙ, СОЕДИНЕНИЙ, УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И СПЕЦУЧРЕЖДЕНИЙ О ПОВЫШЕНИИ ПЕРЕДОВОЙ РОЛИ КОММУНИСТОВ И КОМСОМОЛЬЦЕВ В БОЯХ С ВРАГОМ И УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ ПРОТИВ ТРУСОВ И ПАНИКЕРОВ 51 сс 8 августа 1941 г

(приведено в сокращении)

Истекшие полтора месяца боев кораблей и частей Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота с фашистскими захватчиками показали, что абсолютное большинство командиров, политработников и краснофлотцев мужественно, храбро и стойко сражаются с заклятым врагом и, преодолевая трудности и лишения, самоотверженно, не щадя своих сил и самой жизни, бьются за каждую пядь советской земли и ее морских границ. Ширятся и становятся подлинно массовыми образцы героизма и боевых подвигов командиров, политработников и краснофлотцев во славу Советской Родины.

Однако наряду с этим имели, а на некоторых кораблях и в частях **продолжают иметь место позорные случаи оставления своих боевых постов**, трусости, панического бегства с корабля и со своих позиций **отдельных командиров**, политработников и краснофлотцев, в том числе коммунистов и комсомольцев, забывших свой долг перед Родиной, данную ими перед лицом народа Советского Союза священную клятву — военную присягу.

Бывший командир Либавской ВМБ контр-адмирал Трайнин, бывший начальник штаба Либавской ВМБ капитан 1 ранга Клевенский и командир Виндавского укрепсектора полковник Герасимов проявили позорящую звание командира трусость и паникерство, преступное бездействие власти, допустили развал управления частями базы. **Трайнин, Клевенский и Герасимов** отданы под суд военного трибунала...

Труссы и паникеры с партийным или комсомольским билетами — самые худшие враги, изменники Родины и делу Коммунистической партии.

Беспощадная борьба и расправа со всякими дезорганизаторами — с паникерами, трусами, дезертирами и распространителями слухов и восстановление железной воинской дисциплины — священный долг политорганов и военных комиссаров, каждого командира, политработника и краснофлотца, каждого коммуниста и комсомольца.

Приказываю:

1. Начальникам политуправлений флотов и военным комиссарам соединений проверить, что сделано политотделами, военкомами кораблей и частей, партийными и комсомольскими организациями в целях повышения передовой роли коммунистов и комсомольцев в борьбе с врагом, как они борются с теми, кто не оправдывает высокого звания коммуниста и комсомольца в боевой обстановке...

4. Политорганам, военным комиссарам, политработникам, партийным и комсомольским организациям вести беспощадную борьбу с паникерами, трусами, шкурниками и пораженцами невзирая на лица. На каждом корабле, в части, в каждом их подразделении создать совершенно нетерпимые условия для всех тех, кто своим паникерством и трусостью, шкурничеством и легким отношением к провокационным слухам мешает делу укрепления боеспособности корабля, части.

Паникеров, трусов, шкурников, дезертиров и пораженцев немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала.

5. С настоящей директивой ознакомить весь начальствующий состав, всех коммунистов и комсомольцев.

Начальникам политуправлений флотов командировать на корабли и в части лучших политработников для оказания помощи и проверки выполнения настоящей директивы.

6. О ходе работы и достигнутых результатах докладывать мне в очередных политдонесениях.

Первое донесение выслать к 25 августа.

Начальник Главного политического управления РКВМФ

армейский комиссар 2 ранга РОГОВ

ЦВМА, ф. 11, оп. 2, д. 61, л. 231–235. Подлинник.

Сначала несколько слов о самом документе. Обратили внимание на степень секретности? Это ее приделали уже в послевоенное время. Иначе, для кого же был издан этот документ в августе 1941 года? Он не был секретным, в то, военное время, так как он был издан для руководства к действию. Скрыть факты, позорящие командный состав военно-морского флота по началу войны — вот, что вынудило, в последующем, послевоенное начальство спрятать этот документ под сукно. Однако, это еще не все.

Из приведенного документа читатель видит, кто был командующим Либавской базой, а кто выполнял обязанности начальника штаба.

Как думаете, небезызвестный нам Иван Васильевич Рогов, армейский комиссар 2 ранга, начальник Главного политуправления Рабоче-крестьянского военно-морского флота, который подписал данную Директиву, испытывал сомнения в подлинности должностей указанных товарищей Трайнина и Клевенского?

Разумеется, он был уверен, что данные товарищи, материалы на которых были переданы в Военную Коллегию Верховного Суда (ВКВС), занимали те должности, о которых он упомянул, подписывая директиву. Иначе, как тогда прикажите понимать написанное?

Этим товарищам грозил расстрел, но ВКВС сделала для них приятное исключение, и 12 августа присудила этим товарищам сроки 10 и 8 лет, соответственно, разумеется, полностью разжаловав их (речь у нас идет только о Трайнине и Клевенском).

По всему прочему, ВКВС дала несколько странное определение виновности данных товарищей. Историк Алексей Спирин в своей работе “Сто семьдесят огненных миль” приводит выдержки решения Верховного суда:

по П.А.Трайнину — “за оставление части имущества в Риге и беспорядочную эвакуацию из **Лиепая и Вентспилса**”;

по М.С.Клевенскому — “за действия, способствовавшие оставлению пунктов, которыми командовал”.

Не правда ли, довольно странное определение вины героев нашего рассказа. Конечно, сведения скудные и написано, довольно обтекаемо, но почему Трайнину, командующему Либавской ВМБ вменили в вину судьбу других военных объектов? Да и Клевенскому, как начальнику штаба, приписывают функции командующего? Согласитесь, что все это вызывает недоумение при чтении.

По счастью, наши герои не были, не только не расстреляны, что не удивительным было бы по законам военного времени, но, даже, не отсидели свой срок. В конечном итоге их полностью помиловали и, даже, восстановили в прежних званиях. По меркам войны — это прямо чудеса.

Но, на то, видимо, были свои причины. С “неба упала” амнистия, и их отправили служить: Михаила Сергеевича Клевенского на Ладугу, а Павла Алексеевича Трайнина на Волгу. Трайнин, вообще-то, после Балтики, еще и на Ладого “наколбасил” с десантами, почему и попал в руки Особого отдела. Ему там, “до кучи”, припомнили и Либаву.

Кстати, как отмечает Кузнецов, “Жуков не раз посылал в Ленинграде моряков в десант (в Петергофе и **на Ладого**), и они напрасно несли жертвы. Чистой воды волонтаризм, который непозволителен и во время войны”.

Понятно, что оба, Жуков и Трайнин, были “выдающимися полководцами” в своем деле. Но в рассматриваемом нами тандеме, все же, Георгий Константинович отдавал приказание, а в оправдание Трайнину, можно сказать, что он вынужден был только отвечать: “Есть!”

Но возвращаемся к документу. За что же их (Трайнина и Клевенского) помиловали, в смысле, как командование Либавской базы? Во-первых, как бы это выглядело в планетарном масштабе? Гитлер евреев стирает в порошок, а Сталин, хотя и на противоборствующей стороне, но, вдруг, санкционирует расстрел Павла Алексеевича (Файвеля Ароновича) Трайнина? Лучшего сюжета, для геббельсовской пропаганды не придумаешь. Во-вторых, Трайнин, контр-адмирал. По армейским меркам генерал-майор. Уже из Западного округа хлопнули кое-кого, так что же лишнюю генеральскую кровь проливать. В-третьих, неужели не заступились друзья-товарищи, родственники и близкие? Так как шли “в одной связке”, то и помиловали обоих.

Думается, Иван Васильевич Рогов даже и не подозревал, что существовало некое решение в отношении наших героев, которое прошло мимо него или же его намеренно ввели в заблуждение, что, прямо, вытекает из содержания приведенной директивы. Во всяком случае, Рогов был в неведении творимого беспредела, настолько скрытно оно проводилось.

Как и по многим другим делам по началу войны, в данном, — не обошлось без подлостей нашей “пятой колонны”?

Когда, видимо, следствие разобралось с делом Трайнина и Клевенского, то, в пору, привлечь к ответственности уже тех лиц, кто допустил подобное безобразие. Да где ж ему, армейскому комиссару 2-го ранга, тягаться с Мазепами из Политбюро. Подсудное дело, конечно же, замяли. Нашим бедолагам, сначала вышло послабление, в виде тюремного наказания, а затем их, окончательно вернули на воинскую службу. Скорее всего, их, оставили как важных свидетелей на будущее.

Как же в дальнейшем сложилась жизнь наших героев? Знамо дело, что в атаки в “штрафбате” не ходили, поэтому во время войны уцелели. А вот после смерти Сталина, что-то не задержались на белом свете. Клевенский, кстати, дослужившийся до помощника командующего Тихоокеанского флота, вдруг 17 июля 1954 года умер в возрасте 51 года. Как отмечает источник, это был “единственный советский адмирал, принявший смерть на борту боевого корабля”.

Трайнин, ненадолго пережил своего поделщика “по Либаве”. Умер тоже, во времена Хрущева в, знаменательном, 1956 году после съезда. У Павла Алексеевича, есть туманный след по Венгрии зимой 1945 года, где он был помощником председателя Союзной Контрольной Комиссии.

Вот и все, в общих чертах, по теме: кто, есть кто, на Либавской ВМБ?

Читатель вправе задать вопрос: так наши герои представляли командование Либавской базы или товарищ Рогов ошибся? Ответ будет немного парадоксален: и да, и нет!

Как же так? Давайте, попытаемся разобраться, почему во всей мемуарной литературе, в том числе, и у Кузнецова, фигурирует в качестве командующего Либавской ВМБ капитан 1-го ранга Клевенский? О Трайнине, как правило, вообще, полная тишина.

Чуть выше я приводил упоминание о Прибалтийской военно-морской базе. На сегодняшний день, она встречается в ряде документов, но странное дело, о ней, как и о Трайнине, нигде не упоминается в мемуарной литературе. Отчего так?

Дело, видимо, в том, что дата ее образования весьма необычна. Представляете, за день до войны, то есть, 21 июня! Поневоле задашься вопросом. У нас, ведь, по данному дню вопросов

целый мешок. Это был день, когда была образована Ставка и ряд Главных направлений, в том числе и Северо-Западное. Помните, еще у Кузнецова упоминается, что перед самой войной, дескать, Жданов куда-то пропал и не смог со Сталиным переговорить, да и сам товарищ Сталин, почему-то, дал устное распоряжение перевести корабли подальше от границы. Именно, то, что Сталин в устной форме разрешил сделать что-то, и смущает. Видимо, скрывается факт образования этой самой Прибалтийской ВМБ.

Какие военно-морские базы были включены в ее состав, остается загадкой, и по сей день. Скорее всего, в ее состав вошли базы: в Либаве, Виндаве и Усть-Двинске. С какой целью это сделано? С целью дезорганизации управления военно-морскими силами в данном районе Балтийского моря. Выше, комментируя директиву Рогова, я сделал ссылку на существование некоего распоряжения, которое и должно, по сути, объяснить всю подоплеку дела.

Представьте, что Вы — Трайнин, командующий военно-морской базой в Либаве. Вдруг, неожиданно, поздно вечером 21-го июня, Вы получаете некий **приказ**, в котором говорится о Вашем назначении командующим новообразованной Прибалтийской ВМБ. Кроме всего прочего Вам предписано убыть на место дислокации вашего нового штаба, разумеется, вне Либавы. Естественно, на основании этого приказа, Вы должны отправиться на новое место службы и принять под свое командование, вверенное вам морское хозяйство (упомянутые выше военно-морские базы). Скорее всего, именно, это и произошло. Да, но через несколько часов, после приказа о Вашем назначении, началась война. Ваши действия?

Ну, то, что Вы будете в смятении чувств, об этом даже не стоит и говорить. Какие Вы предпримете шаги, как новый командующий, вот вопрос? Вряд ли Ваше новое назначение пойдет на пользу делу.

Оставим Вас, читатель, в покое, и перейдем к предполагаемым действиям нашего реального героя. В конце дня, 21-го июня на основании полученного приказа контр-адмирал Трайнин должен был сдать дела новому командующему базой. Видимо, в том приказе оговаривалось, кому Трайнин должен был сдать дела. Скорее всего, на тот момент, им должен был стать начальник штаба Либавской ВМБ М.С.Клевенский.

Не хотите ли, уважаемый читатель, теперь, оказаться и на месте Михаила Сергеевича? К тому же война, как для одного, так и для другого, наступила 22-го июня. То, что это, отнюдь, не поспособствовало уверенной организации обороны Либавской базы, думаю, не стоит повторяться.

Если на это событие наложить решение о переподчинении Балтийского флота, связи с образованием Северо-Западного направления, которое затруднило руководство ведением боевыми действиями на флоте, то стоит ли удивляться снижению боевой мощи прибрежных военно-морских баз данного региона.

Как следствие развала организации обороны военно-морских баз и последующие тяжкие последствия отступления наших войск и флота, послужили основной причиной вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении наших героев.

Теперь становятся понятными отголоски тех упреков, в которых говорилось о слабом руководстве базой. Дескать, командование ее бросило, спасаясь впопыхах. Видимо, действительно, Трайнин с группой морских офицеров, на торпедном катере скоропалительно вынужден был убыть из Либавы в штаб сформированной Прибалтийской ВМБ. Скорее всего, в Усть-Двинск под Ригой. Теперь более ясным и понятным становится судебное решение, вынесенное и в его адрес. Всё это так, но представьте, как это выглядело в глазах моряков? Что они могли подумать? Разумеется, что начальство дало дёру.

Однако возникают дополнительные вопросы. Дело в том, что Лиепая и Вентспилс, названия, появившиеся уже после войны. Если эти названия были указаны у Алексея Спирина со ссылкой на “судебное решение”, то, тогда, трудно дать оценку случившемуся. Для сокрытия правды, “военные историки” из числа хрущевцев, не гнушались ни чем. Подделывали любые документы, только бы скрыть правду о войне.

Но вернемся к многострадальной Либаве. Последствия начала войны печальны. Через несколько дней войны Либава пала и соответствующим приказом вышестоящего руководства **1-го июля** данная военно-морская база была расформирована. Все. Концы в воду. Точно также обстояло и с последующими военно-морскими базами на побережье. Кто там будет разбираться в суете военных дней, кто был командующий, а кто начальником штаба, той же Либавы? Не связи ли с новыми назначениями на Балтике беспокоился по телефону нарком Кузнецов накануне войны? Ведь копии приказов из Ставки и от Главкома Северо-Западного направления штаб наркомата ВМФ получал же. Вопрос, доводил ли эти сведения до соответствующих структур наркомата ВМФ, того же, Политуправления? Рогов же оказался в неведении.

Тут, вдруг, сам Николай Герасимович подбрасывает дополнительного хвороста в огонь, своим новым сообщением читателю. Речь пойдет о Моонзундских островах. Читаем, о чем это он хотел нам поведать?

“Когда началась война, начальник Генерального штаба генерал армии Г.К.Жуков **23 июня** подписал директиву Военному совету КБФ:

“Ответственность за сухопутную оборону островов возлагается: Саарема (Эзель) — на Прибалтийский военный округ и Хийумаа (Даго) — на Ленинградский.

Командуют обороной на островах сухопутные командиры. Береговая оборона остается за командованием КБФ, которое ставит ей задачи”.

Как известно, 23 июня Жукова не было в Москве, поэтому никакие приказы он подписывать не мог. Более того, 23 июня уже не существовало Прибалтийского военного **округа**, в широком смысле, этого слова. Округ, ранее, был преобразован в Северо-Западный фронт. Но, если присутствует начальник Генерального штаба Жуков, то это решение было, скорее всего, принято до войны, 21-го июня. Хотя подобное решение могло быть принято и вновь образованным Северо-Западным направлением. Но привлечь внимание читателя к персоне Мерецкова, как впрочем, и к Ватутину, цензура посчитала крайне опасным явлением. Пусть лучше Жуков останется. Ему выкручиваться не впервой. К тому же в кутузке не сидел, как Кирилл Афанасьевич. Ясное дело, что подобное решение было делом недобрым. Тут и без Кузнецова понятно, что разваливается оборона, очень важных в стратегическом плане, группы островов из Моонзундского архипелага. Очередное через, чур, “умное” решение, то ли Генштаба, то ли Ставки, то ли новообразованного Северо-Западного направления?

Кузнецов, наверное, за голову хватался, когда его знакомили с копиями документов выходящих из-под пера новоявленного командования, особенно, касающихся деятельности флотов.

“Получив **для сведения** копию этой телеграммы, я был искренне **огорчен**. До войны Наркомат Военно-Морского флота настойчиво требовал от командования береговой обороны, чтобы оно было готово командовать различными родами войск и полностью отвечать за оборону островов. Однако согласно телеграмме сухопутные части оставались в подчинении военных округом. Кроме того, войска на двух находившихся рядом островах, имевшие одну оперативную задачу, подчинялись разным округам”.

Читатель, я думаю, давно обратил внимание на то обстоятельство, как недруги страны переворачивали оборону государства с ног на голову. Все, что было отработано до войны и гласно

было доведено до командования на местах, и оно знало, что необходимо делать в случае агрессии врага, вдруг утрачивало свою значимость. Более того, взамен предлагались заведомо ошибочные действия, если не сказать больше — преступные. Все это создавало невообразимую мешанину, которая просто являлась тормозом в принятии правильных решений.

Стилистика данных мемуаров вызывает, иной раз, скептическую усмешку. Надо же такое написать: огорчен.

Это когда жена забыла положить чистый носовой платок в карман брюк адмирала, можно сказать, что огорчен ее невниманием. А здесь речь идет о судьбах тысяч моряков и красноармейцев. Возмущаться надо по поводу творимых безобразий, а не прикладывать к глазам “просроченный” платок, убирая набежавшую слезу. Понять искренность чувств адмирала можно, но согласиться — нет!

“Правда, ход событий вскоре заставил подчинить все войска коменданту островного района генерал-майору А.Б.Елисееву, но затяжка с решением этого вопроса отрицательно повлияла на дело.

Флотское командование смогло **по-настоящему взяться за организацию** противодесантной и сухопутной **обороны** лишь тогда, когда враг уже занял Либаву и Ригу”.

Тут вопрос стоит уже не с затяжкой принятия решения, иначе получается уход от постановки вопроса: кто же был виноват ранее? — а понимание того, кто же впоследствии принял правильное решение? Если Кузнецов не приписал себе подобную мудрость, а редакция не заострила на этом моменте внимание читателей, следовательно, это были мероприятия последующих преобразований в руководстве страны, и как следствие — в армии и на флоте. Знакомое нам ГКО, затем реформируемая Ставка, и в конце мероприятий проводимых Сталиным, очищение, от скомпрометировавших себя военных из Наркомата обороны и Генерального штаба. Уточним, что Рига пала 1-го июля 1941 года. Через несколько дней Ворошилов был назначен новым Главкомом Северо-Западного направления, взамен Мерецкова. Поэтому и произошли подвижки в изменении структуры управления Моонзундских островов, в частности.

Так что в свете изложенного, стоит ли удивляться необычной рокировки в смене командования Либавской военно-морской базы, и почему с ней случилось столько неприятностей?

Кроме всего перечисленного выше, есть еще данные о том, как Балтийское начальство “озаботилось” о своем форпосте на юге Балтике по началу войны и прочих сюрпризах начала войны.

Вот штурман бомбардировочного полка **Петр Ильич Хохлов** хочет поделиться своими воспоминаниями о тех трагических днях.

“Неспокойно было весной сорок первого. Немецко-фашистские оккупанты уже маршировали по многим странам Европы. Прибрали к рукам Польшу, запахло порохом у нашей государственной границы.

Мне и моим товарищам по оружию все чаще приходили в голову напутственные слова М. И. Калинина: “Готовьтесь ко всяким неожиданностям”. И мы готовились. Наши самолеты были рассредоточены, личный состав в состоянии повышенной готовности. Сообщение 22 июня о вероломном нападении Германии на Советский Союз, хотя было ошеломляющим, но не застало нас врасплох”.

Ссылаться на “Всесоюзного старосту” Калинина, мне кажется, не самый удачный пример идеологического воздействия на массы, в то, предвоенное время. Да, но не на Сталина же было ссылаться во времена написания мемуаров? Он же, как твердили народу в ту пору, развитого социализма, вообще отказывался верить, что будет война с Германией. Будет Иосиф Виссарионович призывать военных к чему-нибудь хорошему? Ограничились “нейтральным” — Михаил Ивановичем. Хотя, его с большим натягом можно было отнести к людям связанным с армией. А уж, приписываемая ему фраза: “Готовьтесь ко всяким неожиданностям”, по нашей теме, вообще, отдает определенной двусмысленностью. Чего-чего, а этого добра честные служаки хлебнули в полной мере.

По-поводу состояния повышенной боевой готовности данной воинской летной части, можно сказать, следующее: “Повезло, что были далеки от границы”. Это уже после речи Молотова по радио, во второй половине дня 22-го, прояснилось: кто на кого? А до этого, что летуны делали? Тоже, небось, в увольнительных отдыхали по воскресному дню?

“По команде в считанные минуты выстроился на летном поле личный состав полка. На митинге выступают пилоты, штурманы, стрелки-радисты, техники, механики. Речи короткие, но полны горечи, гнева и боли, ненависти к врагу и неукротимой воли дать сокрушительный отпор зарвавшемуся агрессору.

В каждом выступлении — беспредельная преданность Родине. Звучат слова:

— Наш экипаж не дрогнет в бою...

— Наше звено будет беспощадно громить фашистских извергов...

— Наша эскадрилья выполнит любой боевой приказ командования...

— Летчики не пожалеют жизни во имя победы над кровавым фашизмом. Подлый враг будет разбит...”.

Но это было на митинге. А в реалиях суровой действительности, как проистекали события? Разумеется, как и везде. Неужели, думаете, автор Хохлов не знал, как было по войне на самом деле?

“Война на Балтике началась **внезапным массированным ударом фашистской авиации** по аэродромам Прибалтийского военного округа, военно-морским базам **Либава**(Лиепая), Виндава (Венспилс) и по Кронштадту. **Корабли противника начали ставить мины** в водах операционной зоны Краснознаменного Балтийского флота”.

Вот это, как говорится, уже “теплее”, то есть, ближе к истине. Правда о войне, к сожалению (или по счастью?), не в кабинетах высокого военного начальства обитает. Свой брат-летчик, все расскажет, как и почему? А насчет мин — это уже для нашего читателя устаревшая информация. Знаем, что немцы, в наглую устанавливали их 21 июня (и даже раньше), и практически перегородили Финский залив, пользуясь прямым попустительством нашего высокого морского начальства во главе с командующим Трибуцем.

И начались у летчиков морской авиации трудовые будни войны.

“После митинга на аэродроме командир полка майор Н. В. Абрамов (он только что получил это назначение) приказал подготовить экипажи к вылету для удара по кораблям противника в море. Несколько экипажей третьей эскадрильи тут же **пошли на разведку в южную часть Балтийского моря**”.

Ниже мы узнаем, как прошла воздушная разведка, и какое решение по ней приняло высокое начальство. Судя по всему, оно не очень-то было обеспокоено ведением активных военных действий против немцев, хотя как сказано выше, экипажи во второй половине 22 июня уже получили установку на готовность к вылету на боевое задание.

“... **Первым боевым днем** нашей части надо считать **24 июня**. Ранним утром **полку была поставлена боевая задача**: во взаимодействии с 57-м бомбардировочным авиаполком (БАП) нашей 8-й авиабригады **уничтожить морской десант противника (?)**, обнаруженный в Балтийском море, **в 35 километрах севернее военно-морской базы Либавы**. Запасная цель — корабли и транспорты в порту Мемель (Клайпеда)”.

Не очень-то торопились “обрадовать” немцев своим появлением в воздухе. К тому же, какая новость! Что же могла обнаружить воздушная разведка севернее Либавы? Того, чего нет? Это, какие же немецкие десанты могли быть севернее базы, когда от нее, Либавы, до границы рукой подать? Прямо чудеса! Чьей же фантазией руководствовалось высокое начальство, направляя на бомбардировку несуществующего врага целых два полка бомбардировочной авиации?

Посмотрим, однако, как развивались события в последующем.

“В 11.30 — команда на взлет.

36 самолетов ИЛ- 4 (ДБ -ЗФ) четырьмя девятками (эскадрильями) взмывают в воздух, строятся в боевой порядок и ложатся на заданный курс — город Пярну, а от него в расчетное место в море, где должен находиться десант противника. Ведущий группы — заместитель командира полка, капитан К. В. Федоров, штурман — автор этих строк. Ведущие в эскадрильях — М. Н. Плоткин, В. А. Гречишников, К. Е. Беляев, Н. В. Челноков”.

Несколько скупых строк военной биографии нашего героя.

“Хохлов Петр Ильич — участник советско-финляндской войны 1939–1940 годов. В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 года.

Флагманский штурман 1-го минно-торпедного авиационного полка (8-я бомбардировочная авиационная бригада, ВВС Балтийского флота). Капитан Хохлов в ночь на 8 августа 1941 года в составе группы бомбардировщиков участвовал в первом налете советской авиации на Берлин. Звание Героя Советского Союза присвоено 13 августа 1941 года”.

Флагманский штурман — это царь и бог всего авиаполка. Вывести бомбардировщики, особенно ночью, на цель за тысячу километров, дорогого стоит. Не просто так дали Героя, не к юбилейной круглой дате, — заслужил в бою, тем более дело было под контролем Сталина. А он умел ценить людей дела, что бы там не клеветали злобствующие критиканы.

“Совершил лично 192 боевых вылета. С 1971 года генерал-лейтенант в запасе. Умер в 1990 году. Похоронен в Москве. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Нахимова II степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями”.

Целый иконостас на груди. Но возвращаемся к нашей истории рассказанной Хохловым. Первый боевой вылет с начала войны.

“День выдался теплый. Небо безоблачное. Видимость превосходная. Эскадрильи летят в плотных боевых порядках клина звеньев. Дистанция между ними не превышает 300 метров.

Впереди видим большую группу самолетов, летящую курсом на запад. Тот же, что и у нас, порядок построения — четыре эскадрильи, идущие колонной девяткой. Наши! 57-го БАП. Их ведет командир полка Е.Н.Преображенский. Нам с ними взаимодействовать, ведь цель у нас — единая”.

Полковник ВВС Евгений Николаевич Преображенский будет, в дальнейшем, командиром группы бомбардировщиков совершивших тот, первый августовский налет 1941 года на Берлин. Флагманским штурманом группы, как указано выше, будет наш капитан Хохлов.

“Сила внушительная. Летят в общей сложности **70** самолетов — бомбардировщики, торпедоносцы. Но почему-то без истребительного прикрытия. Почему?”.

Да все по той же причине, по которой летят бомбить немцев, которых и в помине нет севернее Либавы. А может уже немцы окружили нашу базу? Всё ведь, постарались исказить по первым дням войны.

“Прошли город Пярну. Вышли в Рижский залив. В южной его части видим боевые корабли — крейсер и два эсминца. Они держат курс параллельно нашему — на юго-запад, в направлении Ирбенского пролива. С ведущих самолетов летят вниз красные ракеты — сигналы опознавания: мы свои.

Но цель кораблей нам неизвестна.

— Они что, тоже идут на удар по вражескому десанту? — спрашивает меня Федоров. Но и мне столько же известно, сколько ему. Мы оба пожимаем плечами.

— Было бы, конечно, неплохо, если бы вслед за нами ударили по противнику и корабли, — продолжает Федоров”.

Здравые рассуждения военных людей. Если десант, то его надо зажать со всех сторон: и с воздуха, и со стороны моря, и с суши — от Либавы. Но, думается, что в данном месте, как впрочем, и все мемуары в целом, подкорректировали.

Немного отвлечемся от полета нашей авиации. Им еще долго лететь.

Тут с нашими кораблями на море приключилась беда. Дело в том, что крейсер “Максим Горький” и **три** эсминца (“Гневный”, “Гордый”, “Стерегающий”) из Отряда легких сил, в ночь на 22-е июня вышли из Усть-Двинска (юг Рижского залива) на боевое задание курсом на север. В это время Отряд минных заградителей и эсминцев под флагом командующего эскадрой КБФ контр-адмирала Д.Д.Вдовиченко начал постановку оборонительного минного заграждения в устье Финского залива. Для прикрытия его от ударов кораблей противника со стороны моря и вышел отряд данных кораблей из-под Риги.

Нашему командованию минами бы закидать фарватеры у ближайших вражеских баз, в том же Мемеле, а они сыпанули их около своей, Таллиннской. Понятное дело, что выполняли установку высокого начальства — защитить свою базу с моря.

А получилось так, о чем сказал выше. Немцы, озаботились нашими проблемами, чуть раньше, 21-го июня, и опередили наши корабли, произведя уже свои минные постановки у нас под носом. Плохо, конечно, что сделали они свое дело по-тихому, поэтому и кончилось все для нас трагично.

А с другой стороны, с чего бы это немцам церемониться-то? Ноту же вручили Молотову. Считай, что Германия уже находилась в состоянии войны. А победителей, как говорят, не судят.

Крейсер “Максим Горький”, и один из эсминцев “Гневный”, в данной боевой операции, напоролись на немецкие мины, о которых говорилось выше. Так как этот факт был из разряда, отнюдь, не радостных, как и всё то, что было связано с этим делом, военная цензура тех лет, предпочла особо не афишировать данное происшествие.

Поэтому трудно сказать, какие корабли мог увидеть сверху Петр Ильич Хохлов. Дело в том, что один крейсер (из двух на Балтике) из отряда легких сил “Максим Горький” уже с оторванным носом медленно двигался к Таллиннскому рейду. А вот был ли другой крейсер из состава Балтийского флота — “Киров”, в данном районе, под вопросом? Может нашему военному ведомству захотелось нарисовать более радостную картину событий на Балтике по первым дням? Хотеть — не вредно. К тому же после войны в палитре “художников” из Воениздата наличествовали, преимущественно, голубые и розовые тона.

Приведу отрывок из книги А.И.Зонина “Верность океану”. Очень интересная зарисовка начала войны. Наша “пятая колонна” уже в действии. Обозначила себя, как буюк, определяющий границу между своими и чужими.

“Базовый тральщик Т-216 (старший лейтенант Д.Г. Степанов), находясь в дозоре у северной оконечности о. Хиума, обнаружил группу неизвестных кораблей, приближающихся к советским территориальным водам. Повернув на них, Т-216 вынудил катера повернуть на север. На рассвете (22-го июня), получив оповещение о начале войны, Степанов решил осмотреть район, где маневрировали неизвестные корабли, и обнаружил мины. При определении границ минного поля, тральщик поочередно затрлил три мины, взорвавшиеся в тралах. В результате взрывов корабль потерял три трала, вышло из строя рулевое управление. **Степанов сообщил в штаб о выставленном немцами минном заграждении, но его донесение затерялось** и отряд прикрытия вышел в район обнаруженного Степановым минного заграждения, не зная о нем”.

Как результат, на минах выставленных противником подорвался и погиб эсминец “Гневный”, а упомянутому выше, крейсеру “Максим Горький”, оторвало нос. Операция прикрытия была сорвана. К тому же потеряли сразу два боевых корабля. Разве этим можно хвалиться?

Вопрос в другом, о чем автор книги не стал распространяться. Каким образом важное донесение командира тральщика, могло вдруг затеряться в штабе Балтийского флота? Это чистая нелепица. Радиограмма — это же не письмо, которое почтальон забыл принести с почтового отделения. Сообщение с тральщика принято радиослужбой штаба, зафиксировано в журнале приема и по цепочке доложено наверх начальству. Оно не может затеряться! Но на него могут **не отреагировать!** А это, как понимаете, совсем разные вещи. Кто же, конкретно, в штабе Балтфлота “закрыв глаза” на постановку вражеских мин в нашей оперативной зоне? Выходит, что очень интересно и избирательно работал, в таком случае, морской штаб под командованием контр-адмирала Пантелеева. Кстате, сам Юрий Александрович может немного прояснить существо дела. Вот что он пишет:

“По **нашему ходатайству** Главный морской штаб разрешил выставить **корабельные дозоры** в устье Финского залива, в Ирбенском проливе и на подходах ко всем нашим военно-морским базам. До поры до времени они ничего подозрительного в море не обнаружили. 20 и 21 июня тоже было спокойно...”

То есть, надо понимать, что на проявленную инициативу снизу, московское начальство смилостивилось дать “Добро!”. Неплохо все это смотрится и читается, зная, что завтра война. Многочисленным, однако, получился дозор из одного тральщика в данном морском регионе. По счастью, у его команды оказалось острое зрение, и они засекли вражеские корабли.

“В 23 часа 37 минут 21 июня поступила депеша из Москвы. Нарком ВМФ адмирал Н.Г.Кузнецов приказал перейти всем флотам на высшую оперативную готовность № 1...”

На рассвете командир нашей базы в Либаве М.С.Клевенский доложил: “Бомбы упали на военный городок и в районе аэродрома. Особых повреждений нет”.

Помните, сообщение Кузнецова, где он уверял читателя, что особых потерь на Либаве, по первому дню, не было. Обратите, внимание, что данное сообщение просто напросто обрезали. В нем нет сведений о самой базе. Речь идет о близлежащем военном городке и аэродроме. Конечно, хорошо, когда там нет особых повреждений от бомбежки, но к самой базе это не имеет никакого отношения. А вот военный городок наводит на мысли, что Клевенский затронул проблему семей начсостава, которые должны были находиться на его территории. Так что, если телеграмму, иной раз, здорово подсократить, то может получиться, что наши войска уже штурмуют Берлин в конце июня 1941 года, а корабли Балтийского флота блокируют немецкий флот в его гаванях.

И как же донесение Степанова могло вдруг затеряться? Вы не поверите, но с началом войны в штаб флота, оказывается, вдруг хлынул поток информационных сообщений из многих мест. Действительно, кто бы мог предположить подобное? Вероятно, думали, что немцы простоят на границе до 1942-го года.

“Телефоны звонят бесперебойно. Сообщения о силуэтах неизвестных кораблей, перископах подводных лодок, воздушных десантах...”

Не поток, а водопад донесений! И все их надо принять, проанализировать, **отсеять достоверное от явной несуразицы**. И как можно скорее, ибо каждая секунда промедления грозит обернуться потерей сотен и тысяч человеческих жизней”.

Представьте себе следующую ситуацию: радиосообщение командира тральщика Т-216 старшего лейтенанта Степанова попало в Оперативный отдел штаба флота, оттуда в руки начальника штаба Балтфлота Пантелеева и как завершающий аккорд, легло на стол командующего Трибуца.

И что, например, мог подумать и высказаться, в таком случае, сам, большой морской начальник Владимир Филиппович?

“Ну, это же явная несуразица, насчет минных постановок в наших водах. Неужели немцы способны на такое? Очень, даже, знаете ли культурная, воспитанная и дисциплинированная нация. Тем более, сами же, как помню, предложили подписать мирный договор в 1939 году. И потом, набросать мин без всякого предупреждения нашего Главного морского штаба? Как такое могло произойти? Просто, не хочется верить, что немцы желают нам плохого. Они очень порядочные люди. Сами страдают от англичан. Вон их, сколько скопилось у наших границ, спасаясь от бомбежек Германии.

Кстати! Как там этот... Степанов? Ничего не напутал с этими минами? Может, случайно забрел в финские территориальные воды? Говорите, даже немного повредил свой корабль? Прямо, беда! Надо что-то с ним делать? Юрий Александрович, голубчик! Разберитесь-ка с этим... злополучным тральщиком. Да. И на всякий случай, подтяните-ка, на нем дисциплинку — построже”.

И что? Разве такой разговор не мог произойти на береговом флагманском командном пункте (БФКП) в Таллине? Уважаемый читатель. Вы даже не представляете себе, насколько немцы — “честные” ребята. Об этом чуть ниже.

Только забылись в штабе от данного сообщения с моря, а тут как раз подоспело указание сверху, из Москвы: **“Немедленно начать постановку оборонительных минных заграждений по плану прикрытия”**. Как видите, ни словом не обмолвились из наркомата ВМФ, по поводу Германии, что, та, дескать, что-то нарушила в наших водах. А насчет своих постановок мин, так это такой порядок существует у военных моряков. Если Главный морской штаб из Москвы приказывает, то надо

обязательно постараться выполнить данное поручение. Поэтому, волею не волей, а на Балтийском флоте отдается нужное приказание.

Пантелеев вспоминает:

“Ночью командующий эскадрой Вдовиченко вывел в море **свои корабли, нагруженные минами**. Они ставили заграждение в устье Финского залива. Более **трех с половиною тысяч мин** перекрыли путь врагу”.

Об оперативной группе из четырех наших кораблей (крейсер “Максим Горький” и три эсминца) из отряда легких сил расположенных в Усть-Двинске, и шедших на прикрытие, ему, видимо, предложили забыть в воспоминаниях.

А по жизни, когда доложили в штаб флота о подрыве двух кораблей на минах, как Трибуц мог отреагировать? Вполне вероятно, что мог выразиться и так:

“Юрий Александрович! Помнится, кто-то, что-то, о каких-то минных поставках нам сообщал? ...Никак не могу вспомнить командира тральщика. Кажется, он как-то путано указывал нам совсем другое место. Не правда ли? Поэтому, мы его сообщение тогда и отложили в сторону. ... Нет, что вы! Не надо разыскивать радиogramму! “Гневному” уже не поможешь, а с “Максимом Горьким” постараемся, что-нибудь придумать...”

Знаете что? Отправьте-ка его корабельщикам в Ленинград. Пусть сами решат, что с ним делать?... Даже, хорошо, что так получилось!.. Нет, нет! Вы меня не правильно поняли. Я в том смысле, что с крейсером могло произойти и более худшее. Кстати, пожалуйста, выделите для него солидное боевое охранение. А то, если, вдруг, случайно утонет, шума не оберешься”.

Вполне возможно, что аналогичные разговоры имели место, ведь, по нашей жизни всё, что угодно, могло произойти. Если посмотреть, как подделывали документы, искажали воспоминания участников войны, то понимаешь, что у хрущевцев и их поделльников, не было ничего святого за душой.

Что там еще “припомнил” в воспоминаниях Юрий Александрович?

“Прибыл начальник разведки, наш всеобщий любимец подполковник Н.С.Фрумкин. Сообщил, что **фашистское радио открыто объявило о минировании моря между островом Эланд и портом Мемель (Клайпеда)**. Капитан-лейтенант Лукьянченков **тут же нанес данные на карту**, покачал головой:

— Получается, всю южную часть Балтики перекрыли. Не может быть! Очередная фашистская липа!

(А зачем же фашистскую “липу” нанес на карту? — В.М.)

— Нет, — возразил начальник оперативного отдела капитан 1-го ранга Г.Е. Пилиповский, — это похоже на правду. Немцы пойдут на все, чтобы задержать развертывание наших подводных лодок в этом районе.

(Что-то не заметил остроты ума у данного начальника. — В.М.)

Да, так оно и было. Фашисты поставили здесь три тысячи триста мин и минных защитников. И все-таки они не смогли воспрепятствовать развертыванию советских подводных лодок”.

Если уж, кто любимец, то им, непременно, должен стать начальник разведывательного отдела флота. Всегда со свежим анекдотом от противника. Правда, в документах о КБФ указано, что данным начальником был капитан 2-го ранга А.А.Филипповский, но, пусть тогда, Фрумкин будет его заместителем. А случайно, данный подполковник, не принес ли радиоперехват немецкого или, как в Севастополе, английского радио о предполагаемом нападении Германии? Судя по сообщению Пантелеева, служба радистов при штабе не дремала, коли выудила из эфира сведения о минных поставках противника?

Если, кто из читателей, верит в честность намерений немцев, то в штабе КБФ нашел бы себе подходящую компанию. Те, по данному поводу, ничуть не сомневались. Более того, офицер Оперативного отдела сразу нанес обстановку (сообщение немцев) на карту.

Получается, если не верить немцам, то кому же тогда прикажите верить? Неужели старшему лейтенанту Степанову, который, дескать, обнаружил в море какие-то мины? Немцы же по-русски объяснили, где выставили мины и просят воздержаться от проникновения в данные районы моря наших кораблей. Даже указали количество мин, если Пантелеев сообщает такие подробности. Обратили внимание, какое тесное сотрудничество с противником. Те, нашему руководству сообщили, что более трех тысяч мин вывалили в море. И нашим, в адмиральских фуражках, не с руки отставать. Тоже, три с половиной тысячи притопили. Правда, Пантелеев не пояснил читателям, дал ли он Фрумкину указание, чтоб тот немцев оповестил о наших минных постановках: когда, где и сколько?

Теперь становится понятным, почему подводника П.Д.Грищенко с товарищами не отправили к Мемелю и к другим вражеским объектам на побережье Германии. Видимо, таким образом, “оберегалась” жизнь советских моряков! А мы так плохо о них, штабных из Балтфлота, подумали. Надо, наверное, о дополнительных орденах похлопотать для этой группы товарищей из штаба флота. В принципе, объединенная Германия, вполне может озаботиться наградой бывшему командованию КБФ — медалью “За честные отношения с противником” и почетной грамотой “За доверчивость и искреннюю веру в Третий рейх”.

Конечно, плохо, когда немцы 21-го июня набросали нам мин на фарватерах. И это еще терпимо. Всегда можно оправдаться ссылкой на коварство врага. Но как отнестись вот к такому сообщению?

(В.С.Татарский "Внимание — мины". Журнал "Морской вестник" № 2 за 2010 год. 2.ru/archives)

“Самым первым действием немецкого флота на морских театрах войны была попытка блокировать корабли противника в базах, связать их боевые действия массовыми постановками неконтактных магнитных мин.

На Балтике еще с ночи на **18 июня 1941 года**, немецкие корабли, базировавшиеся в **Пилау**, приступили к установке минных заграждений, значительную долю которых составляли магнитные мины. В ночь на 22-е июня, за несколько часов до начала войны, немцы выставили магнитные мины по линии **Тахкуна — о. Эре**. Той же ночью их авиация сбросила магнитные мины па подходах к Кронштадту”.

Как вам читатель, смотрится дата 18 июня? Ведь, именно, в этот день первоначально была отдана Директива о полной боевой готовности армии и флота. А затем со Сталиным произошло что-то “непонятное”, в результате чего он, таинственно исчез из Кремля на неделю. И Директива свернулась, что вполне можно охарактеризовать, по сути, как элементарной подставой врагу. Не отсюда ли и активность немцев на Балтике: выставление мин на линии Тахкуна — о. Эре. Это ведь меридиан Моонзундских островов, западнее Таллина. Своего рода завершающий этап врага в военной операции по постановке мин.

А когда сподобилось наше начальство КБФ выслать дозоры в море? В ночь на 22-е июня, когда, практически, немцы свое черное дело сделали. Да и то, как видел читатель, к сообщению с одинокого тральщика Т-216, отнеслись наплевательски. А после войны высокое морское начальство рубахи рвало на груди, доказывая верность Отчизне и воинской присяге.

Да, но можно ли все это приведенное выше, назвать обороной морских рубежей Родины?

Когда ранее, приводил дневниковые записи Ф.Галдера по первому дню войны, то у него там есть и описание “бездействия” нашего флотского руководства. Оно, как раз будет к месту.

“Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность.

Военно-морское командование (немецкое, разумеется. — В.М.) также сообщает о том, что **противник, видимо, застигнут врасплох**. За последние дни (перед началом войны! — В.М.) **он совершенно пассивно наблюдал за всеми проводившимися нами мероприятиями** и теперь сосредотачивает свои военно-морские силы в портах, очевидно опасаясь мин”.

Обратите, внимание! Это ведь перевод. И если такое проскочило в печать, то какую же дать оценку нашему морскому командованию? Немцы же, точно, знали про наше пассивное состояние. Поэтому и отгружали нам свои морские мины в полном объеме.

И как же в таком случае нашим адмиралам оправдать свое “пассивное” состояние? Как видите, приходится выкручиваться и, как всегда, лгать, прикрываясь немецкой неожиданностью.

Но возвращаемся к событиям под Либавой. А как там, у Пантелеева описаны обстоятельства обороны военно-морской базы? Не забыл ли те, военные годы?

“Стало очевидно, что Либава окружена. Вскоре это подтвердил М.С.Клевенский, кратко сообщив по радио, что база уже находится под вражеским обстрелом. Части 67-й стрелковой дивизии обороняются на окраине города...

Всю ночь мы пытались уточнить обстановку под Либавой. Начальник связи флота полковник М.А. Зернов, обычно спокойный, невозмутимый, нервничает, поминутно вытирает платком вспотевший лоб. Ему достается больше всех. Вдруг вижу: он бежит с листком в руке. Впопыхах чуть не сбил меня с ног”.

Вон как усердно бежал к начальнику штаба флагманский связист полковник Зернов, торопясь обрадовать радиосообщением о Либаве. Не затерялось, однако, в ворохе донесений. Если штаб отправил тральщик Т-216 в дозор, то неужели Оперативный отдел не следил за кораблем, находящимся на боевом задании?

Как видите, по другому случаю, вместе, и начальник штаба, и начальник связи спешили к командующему. Один — доложить о выполнении задания: наконец-то, связь получена, другой — за решением, которое примет Трибуц.

Мы вместе влетели в кабинет командующего. Трибуц пробежал глазами телеграмму.

— Час от часу не легче!.. — Тут же взялся за телефонную трубку прямой связи с командующим авиацией флота и коротко сказал: — Сейчас же приезжайте на КП!

Телеграмма была **из Риги**. Трайнин сообщал, что от Клевенского получено донесение: в четырнадцати километрах севернее Павилосте противник высаживает десант. Крайне необходима помощь нашей авиации.

На выяснения и уточнения не оставалось времени, надо было действовать. Двадцать восемь наших самолетов СБ поднялись в воздух”.

Ну, морскому генералу не стыдно ошибиться, и в обозначении самолетов, и в их количестве: не корабли же. Удивляет быстрота принятия решения. То есть, как это не надо выяснять обстоятельства и уточнять суть дела? А как же формулировали боевую задачу военно-воздушным силам флота под командованием генерал-майора В.В.Ермаченко? Или летным, штабным, тоже, было все по барабану, куда отправлять бомбардировщики, и что бомбить?

Странно, не только в этом: в одном месте начальство преувеличивает, в другом — преуменьшает. Или уже отвыкли говорить правду?

О Трайнине и Клевенском мы упоминали выше. Но, хочу подметить такую деталь. Трайнин сообщал не из Риги, а из Усть-Двинска, базы военных кораблей расположенной под Ригой. Но об этом Пантелеев не стал распространяться. Вопрос в другом. Прибалтийская ВМФ, такое же **паразитное звено** в системе управления, как и Главные командования. Назначенному в впопыхах командующему базой Клевенскому вместо прямого сообщения в штаб Балтфлота в Таллин, теперь требовалось докладывать командующему Прибалтийской ВМФ Трайнину в Усть-Двинск. А уже затем, тот продублирует данное сообщение из Либавы в штаб КБФ. В условиях войны это был запрограммированный хаос в управлении. О чем говорил и раньше.

А сейчас возвращаемся к штурману Хохлову, которого мы оставили в кабине бомбардировщика ИЛ- 4 (ДБ -3Ф) летящего к Либаве.

Продолжим следить за рассказом Петра Ильича:

“Тем временем позади нас остался Ирбенский пролив. Мы — в море. Берем курс в расчетный район. **Но нигде не видно вражеского десанта.**

— А кто обнаружил этот десант? — спрашиваю я командира. — Наши ли самолеты-разведчики, корабли флота, или такое донесение поступило от агентурной разведки? У кого можно уточнить, где вражеский десант?

И здесь загадка. А дополнительной информации по радио не поступает”.

Надо полагать, что запросили свой штаб, но оттуда, видимо, не последовало никаких вразумительных, ни уточнений, ни разъяснений. Откуда им взяться, если сам Пантелеев сказал, что на подобные дела, просто не хватило времени. А где ему, времени, взяться, если прошло несколько дней, когда Клевенский озаботился своею просьбой. За КБФ, тоже начальство надзидало, сидя в Ленинграде. Поэтому и полетели самолеты бомбардировочной авиации, лишь, 24-го июня. А ведь сражающаяся Либава, разумеется, требовала срочной помощи. Неплохо смотрелась бы сверху бомбежка передовых немецких частей на подступах к городу и базе. Но чему не суждено было быть, того и не произошло.

“К счастью, видимость над морем отличная, и мы занялись поиском. Летим большой массой самолетов по значительному квадрату, с каждым заходом увеличиваем его. Уже более **сорока минут** продолжаем поиск, а результатов никаких”.

Это где же в 35-и км севернее Либавы был выброшен десант? Уже кружились, видимо, над самой Либавой, если летали по значительному квадрату. Видно же было, что там творилось внизу. Но как всегда большое “НО”.

В оправдание Петра Ильича можно сказать, что, примерно 24 июня, наступающие немцы окружили Либаву с севера, с выходом к морю. Но это, как понимаете, никакого отношения к десанту не имеет. Получается довольно путаное дело.

“Наконец поступает команда полковника Преображенского — выходить на запасную цель. Полки, не меняя боевого порядка, берут курс на Мемель.

Начались доклады командиров о наличии топлива в самолетах. Хватит ли его после удара по запасной цели для возвращения на свой аэродром? Сопоставив поступившие сообщения, Федоров принимает решение: посадку производить на промежуточном аэродроме — Пярну. Такая же команда последовала от полковника Преображенского экипажам 57-го полка.

Итак, цель — Мемель. Стрелок-радист старшина Казунов докладывает командиру:

— С самолета-разведчика принято донесение: в порту Мемель с двух больших транспортов разгружается на причалы военная техника.

— Тем лучше, — отвечает Федоров и передает экипажам:

— Бомбодары наносить по транспортам в порту и по местам разгрузки техники.

— А что делать с высотными торпедами, если не окажется морской цели? — запрашивает флагмана командир четвертой эскадрильи К.Е. Беляев.

— Что предлагает штурман? — адресует мне этот вопрос Федоров.

— Предлагаю сбрасывать торпеды на те же транспорты и портовые сооружения, — отвечаю я и уточняю: — При ударе о причал или о палубу корабля высотная торпеда непременно взорвется и сделает свое дело.

— Бросать торпеды вместе с бомбами, — отвечает Федоров Беляеву”.

Не может быть, чтоб пролетая рядом с Либавской базой, не заметили дымы сражений. Вполне, ведь, могли связаться со штабом флота и донести обстановку. Почему же штабное начальство приказало выполнять поставленную перед полком второстепенную задачу: бомбежка по запасной цели — вражескому порту Мемель?

“Над морем по-прежнему безоблачно. Серебрятся в лучах солнца гребни волн. Наша высота 3000 метров. Летим курсом 90 градусов. По расчету через десять минут будем над целью. Дистанции и интервалы в боевых порядках эскадрилий и в полку в целом сократились. И вот на горизонте Мемель.

Зенитная артиллерия противника открыла интенсивный огонь. Но разве может она удержать нашу воздушную армаду! На причалах и в зоне портовых сооружений уже взметнулись ввысь языки огня, столбы дыма.

Ветер дует с моря, и это нам кстати. Черная дымовая завеса заволакивает город, а порт, его причалы, сооружения видны как на ладони. Отчетливо просматриваются все цели. Нам хорошо виден горящий транспорт, видны очаги пожаров среди портовых сооружений.

Сотни бомб, сброшенных с самолетов 57-го полка, уже сделали свое дело. Но теперь накатываются на порт волны бомбардировщиков и торпедоносцев 1-го МТАП.

(Не хилое количество авиации задействовали против вражеской базы. Своим в поддержку Либавы ничего не досталось. — В.М.)

С флагманского корабля я замечаю еще нетронутые цели. Самая важная — это левый причал. У его стенки возвышается большой транспорт, а невдалеке корабль типа сторожевика. Вот наши цели. На них и навожу самолет. А за флагманским, как и было условлено, идут все эскадрильи полка. По сигналу ведущих самолеты, один за другим, наносят бомбоудары. Три эскадрильи бомбардировщиков обрушивают бомбовый груз на транспорт и военный корабль, и обе эти цели буквально на глазах исчезают под водой возле разрушенных взрывами причалов.

Остается теперь выбрать удачную цель для эскадрильи капитана Беляева. Ведь на борту ее самолетов помимо бомб еще и высотные торпеды, а их надо спускать на парашютах.

— Нацеливайтесь на портовые сооружения, — еще раз передаем мы с флагманского корабля.

Две торпеды не долетают до причалов, приводняются вблизи них в бухте и не срабатывают, просто зарываются в грунт. Зато остальные, сброшенные вместе с бомбами, ложатся с большой точностью среди портовых сооружений, подымая в воздух краны, разметая находящуюся вокруг них военную технику.

Бомбардировка Мемельского порта закончена. Задача выполнена, можно сказать, блестяще. Цель эта оказалась весьма важной(?) в планах нашего командования. В результате массированного налета противник потерял два крупных транспорта с боевой техникой, сторожевой корабль. Оказались выведенными из строя сложные портовые сооружения, разрушены причалы вместе с находящейся на них военной техникой.

И все это далось нам без каких-либо потерь. Все 70 самолетов уцелели от зенитного огня, ни один из них не получил сколько-нибудь серьезных повреждений. А истребители противника по каким-то причинам так и не появились”.

Понятное дело, что те были заняты прикрытием своей бомбардировочной авиации, которая расчищала путь немецкой пехоте к Либаве, а заодно, подавляла сопротивление защитников базы. И про немцев, по войне, тоже можно сказать словами Козьмы Пруткова: “Нельзя, объять необъятное”. Но они-то, хоть, преследовали определенную цель. А какая задача ставилась, вообще, нашим войскам? Ведь, по началу войны военная доктрина Красной армии была сформулирована таким образом: “активная оборона”. Это уже в последующем военный офицер принял установку партии: освещать события войны по-другому. Дескать, войскам была поставлена задача “жесткой обороны”. Глядя на эпизод с Либавской базой трудно найти отголоски как той, первой установки — активной обороны, так и другой, послевоенной. По тому как большими кругами ходили два полка бомбардировочной авиации не найдя поставленной перед ними цели, поневоле задашься вопросом: “А был ли мальчик, в этом деле”? Покружили, покружили — и с песней полетели бомбить Мемель. Между прочим, как пояснил Хохлов, — запасную цель. А может она и была основной? Это потом, после войны “подрисовали”, что начальство было, в какой-то мере, обеспокоено Либавой, да летчики, почему-то цель не нашли. А так, как всегда — все хорошо, прекрасная маркиза! Даже, два транспорта потопили в порту. Пора немцам сдаваться!

“Окрыленные боевой удачей, авиационные полки отходили от Мемеля. Самого города с высоты полета не было видно — его плотно покрывало облако непроглядно-черного дыма. И только виднелись огромные языки пламени в морском порту...”.

Своеобразные задачи были у советского командования. Свою военно-морскую базу отдали на растерзание врагу, зато побомбили вражескую. Что по такому случаю вспоминал лично адмирал **Трибуц?**

Видимо, он подумал: зачем утомлять читателя разными подробностями, тем более что об этом уже упоминал начальник штаба? Лаконичным военным языком (словно резолюцию наложил на документ), пояснил существо дела.

“Перед полуднем **22 июня** мне позвонил М.С. Клевенский:

— Наши части отступают на Ригу, базу удержать трудно.

Он просил помощи. Увы, мы ничем не могли помочь **Либапе(?)** — войск в нашем распоряжении не было. Не приходилось рассчитывать и на округ — враг, потеснив войска 8-й армии, прорвался уже к Шауляю. На **Либапе** по прибрежной дороге наступала отборная, имеющая двухлетний боевой опыт 291-я пехотная дивизия врага. В дивизии насчитывалось до 17 тысяч человек, ее усиливали подразделения морской пехоты, поддерживали танковые, авиационные и артиллерийские части”.

А что, немецкую дивизию защитил бы от бомбежки нашей авиацией её двухлетний боевой опыт? Или же высокое Балтийское начальство постеснялось причинять неудобства немецким “ветеранам” войны? Кроме того, руководство Либавской базы попросило помощи еще 22 июня, а наши авиаполки “прохлаждались” на аэродромах еще пару дней. Что же касается отсутствия нашей истребительной авиации по прикрытию бомбардировщиков, то ее же заблаговременно переместили к границе, чтоб подставить под удар немцев. Остатки, как помните, перелетели под Ригу. Вообще, можно сказать, что этот боевой вылет двух бомбардировочных авиаполков, на фоне царящих в то время всяческих безобразий, вполне можно считать очень даже удачным, так как без истребительного прикрытия, проведя боевую операцию, вернулись без потерь. Конечно, эту операцию можно поставить и в плюс, но, разумеется, не командованию Балтфлотом, а исключительно летному составу авиаторов.

Уважаемый читатель, в свете изложенного не вызывает ли у вас чувство легкого недоумения воспоминания адмирала Трибуца? Начальник штаба так его расхваливал за оперативное руководство. Даже, напоминает, что тот, озабочился, — самолеты высылал для помощи Либаве, и штурман Хохлов подтвердил: действительно, летали.

Да, но сам Владимир Филиппович, напрочь, отказывается от проведенной боевой операции авиацией Балтийского флота. Отчего же так скромность обуяла? Не оттого ли, что прекрасно знал подоплеку всех подлых дел, что по Либаве, что по Прибалтийской ВМБ. Да и мало ли, накопилось их по всей войне на Балтике. Подумали в издательской редакции и посоветовали адмиралу: если слово — серебро, то молчание — золото. Трибуц прислушался к пословице, и даже, от усердия, указал послевоенное название базы — **Либапая**. Ведь, на тот момент, начало войны, она была, все же, **Либавой**.

Но это не последнее, что хотелось бы сказать по данной базе. Помните читатель, что в приведенном выше документе Главного политуправления РКВМФ “намылили шею” командованию Либавской базы? Так вот, история могла иметь и такое развитие. Этой группе бомбардировщиков и была поставлена задача, помочь обороне Либавы (Пантелеев так ярко описал данный эпизод, что сомнений не вызывает). По началу войны лётное начальство не особенно утруждало себя сбережением бомбардировочной авиации. Можно встретить в воспоминаниях маршала авиации А.Е. Голованова упоминание о том, что его полк тяжелых бомбардировщиков **без прикрытия** послали 23 июня бомбить, что бы вы думали? — Варшаву. К **28 июня** из 72 машин в полку осталось в строю только 14, остальные были либо сбиты, либо нуждались в капитальном ремонте. Так что к Либаве, деятели из ВВС КБФ, вполне могли направить два полка бомбардировщиков, да к тому же без прикрытия, что они собственно и сделали (Не потому ли начальник штаба,

впоследствии, почти втрое сократил число самолетов?). Это характерное явление тех дней. Но что там могло произойти? Прилетев к месту “работы” летчики, видимо, должны были связаться с руководством базы. Ведь надо было получить с земли, хотя бы, обозначение своего переднего края. Дать направление вражеских позиций. Это же не штурмовики Илы, рыскающие на бреющем полете, и даже не “пешки”, имеющие большие возможности по части пикирования по наземным целям. Хотя и они требовали уточнения. Но это же, тяжелая авиация, способная наносить бомбовые удары по крупным объектам, как в нашем случае, Мемельскому порту. А что получилось? Подлетели к Либаве, а связи с ней нет. Начальство же, разбежалось (Шел уже третий день, когда Клевенский попросил о помощи). И Грищенко вспоминал, о том же самом. И что прикажете делать нашим пилотам? С высоты птичьего полета обозревать окутанные дымами окрестности Либавы? Скорее всего, доложили своему начальству, что связи с землей нет, цели не просматриваются, что делать? Вот и всплыл тогда запасной вариант с Мемелем. Остается только удивляться, что не столкнулись с немецкими истребителями прикрытия. Те бы стали резвиться, как на учениях. А чего бояться? Ни одного советского истребителя в прикрытии. Сбивай в свое удовольствие, лишь не попадай под курсовые пулеметы или под огонь башенного стрелка бомбардировщика. Вот и возвращались с боевых заданий бомберы, теряя за день более десятка сбитых самолетов. Вот так планировалась и осуществлялась подстава врагу, то по части флота, то по части авиации, — тех же истребителей и бомбардировщиков.

Ну, а что касается немецкого десанта севернее Либавы — это, скорее всего, был повод для подставы тяжелой авиации флота. По счастью, ее боевая мощь сохранится к августу месяцу, и она будет наносить бомбовые удары по самой Германии.

А “быстрое реагирование” на просьбу руководства Либавской базы ясно и понятно из многоступенчатой системы управления войсками и флотом.

Помните, историю с Главными направлениями, в том числе и с Северо-Западным? Как там, у нас лихо “бегали” приказы командования Северо-Западного фронта по бесконечному кругу вышестоящего начальства. Так и в данном случае. Пока пришел приказ летунам о помощи пехоте под Либавой много воды утекло. Вот и пришлось бомбардировочной авиации лететь бомбить запасные цели. Хорошо, что хоть вылет по военному времени оказался, очень уж удачным, а то бы гореть на земле с десятков наших самолетов. Без прикрытия летать на дневную бомбежку, заведомо проигрышное дело. Если, конечно, не произойдет маленького чуда. Оно и произошло.

Из воспоминаний Петра Ильича Хохлова хотелось бы отметить еще один эпизод по началу войны. Это бомбардировка Финляндии.

“...Успех первого боевого вылета поднял моральный дух личного состава авиационных полков. С 26 июня части и соединения авиации Балтфлота, куда входил и наш полк, совместно с авиаторами Северного фронта и ВВС Северного флота участвовали в операции по уничтожению самолетов 5-го немецкого воздушного флота (Люфтваффе) на аэродромах Финляндии и Норвегии. В массированных ударах участвовало 230 бомбардировщиков и 220 истребителей. По данным воздушного фотоконтроля, фашисты потеряли на аэродромах более 130 самолетов. Серьезные повреждения получили их ангары, аэродромы, бензохранилища.

Наш полк в ходе этой операции уничтожал самолеты противника на аэродромах Лахти и Лаппенранта. Там по наблюдениям экипажей происходили взрывы и пожары, было уничтожено 17 немецких самолетов. 28 и 29 июня авиаторы полка наносили бомбовые удары по пушечному заводу в городе Турку (Финляндия) и вели интенсивную разведку в Балтийском море. А в ночное время ставили мины с воздуха на фарватерах военно-морских баз Котка, Турку, Хельсинки”.

В этом месте советскому читателю преподносилось очередное искажение советским официозом событий прошедшей войны. Мы с вами, уважаемый читатель, уже знаем, из главы о командующем ВВС Новикове, что наша авиация, руководствуясь указаниями Ставки, именно, 25 июня нанесла

бомбовый удар по Финляндии и втянула ее в орбиту войны. В силу этого обстоятельства, та, на следующий день, направила нам ноту протеста и объявила войну.

Советская же цензура, всего-то, изменила один день в мемуарах Хохлова. Не в первый раз. Да и события размазала, в частности, захватив при этом и Норвегию. Но, как теперь, зная из любого военного словаря, что Финляндия 26 июня 1941 года объявила нам войну, ни у кого не возникнет сомнения, что нанесенный бомбовый удар, “в этот же”, день по северной “соседке”, был, своего рода, актом возмездия. Чтоб знали, как объявлять нашей Родине войну! А всего-то изменен был один день! Да, но как по-разному читаются события. Вот вам и “правда” о войне. Так кого же покрывал постсталинский официоз по финским событиям?

Теперь обещанная информация о морских минах. Снова вернемся к мемуарам Николая Ефремовича Басистого, командира “Червонной Украины”. Как помните, он получил боевое задание из штаба Черноморского флота и принял на борт своего крейсера 90 морских мин.

“Из штаба флота прислали кальку — схему минного заграждения. Всматриваюсь в нее — знакомая работа. Кажется, давно ли эта калька лежала на моем столе в оперативном отделе штаба флота”.

Поясню в чем дело? В его “красном пакете”, вскрытом после объявления войны находилось предписание, что командиру корабля надлежало делать в последующем. А намечалась постановка мин в указанном квадрате моря. Соответственно, среди приказа могла находиться и схема минного заграждения. К чему это говорю? В пакетах подобного рода, всегда находятся отложенные по времени приказы вышестоящего начальства. Они не являются тайной от подчиненного, чтобы он, вскрыв пакет, не тарасил на приказ глаза, как баран на новые ворота. Просто, до поры до времени, они под печатью хранятся в сейфе командира. Пришел приказ вскрыть пакет — вскрыл, и получил письменное обоснование своим последующим действиям. Только и всего. Задача подонков-предателей заключалась в том, чтобы затруднить (оттянуть, замедлить), в конце концов, просто не отдать приказ о вскрытие пакета, обрекая командира на бездействие в тот момент, когда он уже подвергся воздействию противника. Смотрите, что мы видим, вместе с Николаем Ефремовичем? Знакомый ему документ — калька со схемой минных заграждений. Видимо, с данными документами вместе со старшим штурманом корабля они предварительно работали, рассчитывая прокладки курса и привязку к ориентирам.

А вот что вспоминал, упомянутый, чуть выше, командир авиаполка А.Е.Голованов 22 июня 1941 года, находящийся в Западном военном округе. Получил приказ, как помните, нанести бомбовый удар по Варшаве (?). Спрашивает своего непосредственного начальника:

“— Есть ли у вас распоряжение вскрыть пакет под литером “М”?

Последовал отрицательный ответ.

— А приказ или письменное распоряжение бомбить Варшаву?

Такого документа также не оказалось.

Будучи совершенно твердо ориентирован об объектах нанесения ударов, среди которых Варшава никогда не значилась, я усомнился в данном распоряжении.

— Товарищ полковник, — обратился я к **Скрипко**, — кто давал распоряжение?

— Лично **Жигарев** (в то время командующий ВВС — автор А.Г.)

— А вы вскрыли пакет? — опять спросил я.

— Нет. **Без особого на то распоряжения этого сделать я не могу.**

Мне стало ясно, что полковник Скрипко так же, как и я, и не мыслит вскрывать документы на случай войны **без особого на то распоряжения. Но его не было...**

— А вы уверены, что нашему полку приказано бомбить Варшаву?

Скрипко вспыхнул. Разговор стал принимать неприятный оборот.

— Я вам еще раз передаю словесный приказ командующего ВВС произвести боевой вылет на Варшаву, еле сдерживаясь, повышенным тоном сказал Скрипко...

Я распрощался с ним и вышел...

Во второй половине второго дня войны полк поднялся в воздух и лег курсом на Варшаву (???)".

Голованов не упомянул, чем закончился полет к столице генерал-губернаторства, но думаю, читатель и сам догадается о его результатах. Что здесь видим? Разве, дали команду о вскрытии пакета под литерой "М", то есть, мобилизационного, командиру авиакорпуса Скрипко? Нет! А так как Голованов, ранее знал, что там (в пакете) таких целей, как Варшава, не значилось, то выразил сомнение в правильности поставленной перед ним боевой задачи — бомбежка Варшавы. Это же не над своим аэродромом покружить? Надо же было заранее наметить маршрут полета, ориентиры, привязку к местности и все утрясти со своим флагманским штурманом, таким, каким например, являлся капитан Хохлов из 1-го минно-торпедного авиационного полка. А словесный приказ, как говорят в таких случаях, к делу не пришьешь. Немало настреляли по началу войны командующих авиасоединениями, из тех же ВВС, слепо выполняющих устное распоряжение более высокого начальства. Оно-то, отсиделось "в кустах", а непосредственные исполнители положили голову на плаху. Указали на них пальцем: "Своими действиями содействовали врагу". И точка. По войне мало было времени на разбирательство. Настоящий враг уходил от ответственности, а простые, честные военные попадали под расстрельные статьи. Оправдайся, например, Голованов по поводу бомбежки Варшавы. Скрипко, взял бы, да и сказал следователям из Особого отдела, что посылал, дескать, Голованова бомбить Кенигсберг. Кому верить? Приказ-то был отдан на словах. В дальнейшем, правда, ввели строгое указание: все делать только по письменному приказу вышестоящего начальства. И то, недруги умудрялись подличать и при таких обстоятельствах.

Но вернемся к Голованову, с его не вскрытым мобилизационным пакетом. Как увязывался с планом "активной обороны" Красной Армии, этот отданный на словах приказ о полете за тридевять земель к Варшаве? Кроме вреда — никак. Какие цели были указаны полку Голованова и все ли самолеты вернулись домой после сомнительного, с позиции здравого смысла, заграничного вояжа? Молчание.

Но, не к этому, особо хотелось привлечь внимание читателя, так как о пакетах говорилось ранее, в одной из начальных глав исследования, тем более тема — не авиационная. Хотелось провести параллели с минными делами на Балтике и Черном море.

Продолжаем рассказ Николая Ефремовича Басистого.

"Вскоре на "Червону Украину" прибыл командир крейсера "Красный Кавказ" Алексей Матвеевич Гушин. Вместе с ним мы направились к командиру бригады крейсеров капитану 1 ранга С. Г. Горшкову. Поскольку минная постановка была совместной, предстояло предварительно разыграть ее на морской карте.

Выход из базы, следование в точку, от которой начнется минная постановка, курсы и скорости, на каких она будет производиться, время, сигналы — все это согласовывалось самым тщательным образом. Да иначе и нельзя. Ведь даже при обычном совместном плавании в ясную погоду необходимы точные согласования по времени, курсам и скоростям для обеспечения нужных тактических построений и безопасного маневрирования. А мы готовились к выполнению боевой задачи **ночью**, причем такой задачи, которая требовала особенно точного выдерживания курсов и скоростей. От этого зависела боевая эффективность создаваемого нами заграждения.

Под покровом темноты выходим из бухты. “Червона Украина” впереди, за нею “Красный Кавказ”.

Фарватер знакомый. Рулевой точно держит курс. Кругом спокойно. А все же чувствую нервное напряжение. Первый боевой поход! Невольно думается о сообщении, которое застало нас еще в базе: при входе в Карантинную бухту **подорвался на mine** и быстро затонул **портовый буксир**. А ведь в этом районе тральщики тщательно “пахали” море. Может быть, остались невытраленными и другие мины, сброшенные немцами с самолетов? Какая опасность для крейсера, который сейчас, можно сказать, набит взрывчаткой!”

Вот он, еще один, результат ночного налета на Севастопольскую базу. И это не последняя жертва, как среди кораблей, так и людей. Кроме якорных мин немцы набросали и донные магнитные мины, которые особенно много причинили вреда. Их трудно было обнаружить и не так просто обезвредить.

“...Через некоторое время штурман сообщил, что подходим к назначенному району. Командир минно-торпедной боевой части Александр Давидюк доложил с кормы — все готово к минной постановке. Узким, невидимым со стороны, лучом сигнального фонаря-ратьера даем условный сигнал на “Красный Кавказ”. Корабли легли на параллельные курсы в строго рассчитанной друг от друга дистанции. Получив разрешение комбрига, подаю команду:

— Начать минную постановку!

...Черный шар с глухим всплеском исчезает в кипящей кильватерной струе.

...Через равные промежутки времени следуют команды, и мина за миной исчезают в глубине.

Корабль идет строго по прямой линии с неизменяющейся скоростью. И воображение рисует ровный пунктирчик мин, оставленных за кормой крейсера. Второй такой же пунктир, параллельный нашему, чертит идущий неподалеку “Красный Кавказ”. А мористее, как нам известно, тем же курсом следует эсминец “Безупречный”. Он ставит минные защитники. Если противник попытается уничтожить минное заграждение тралями, защитники помешают ему это сделать. Находящиеся на них устройства застревают в тралях, взрываются и выводят их из строя.

Наконец с палубы сброшена последняя мина. Задание выполнено. Командир бригады дает кораблям сигнал возвращаться в базу”.

Еще не один раз крейсер, во взаимодействии с другими кораблями, будет осуществлять постановки мин, опоясывая данными минными полями Севастопольскую базу и западное побережье Крыма. От кого защищались? Немецких кораблей в акватории Черного моря не будет, а вот свои нахлебаются, как в прямом, так и в переносном смысле соленой водички в районах своих же минных поставок. Не каждому командиру корабля вручишь схему минных полей в суматохе военных будней, особенно, когда пойдет основной поток беженцев из Одессы, Николаева и других городов южного побережья Украины, отступающих под ударами сухопутных войск вермахта.

Разумеется, нарком ВМФ Кузнецов попытался оправдаться. Это ведь из его штаба последовала команда о постановке мин.

“Конечно, минные поля даже при точном знании своих фарватеров представляют некоторую опасность и создают **неудобство** для плавания боевых кораблей и транспортов, но опасность эта была бы значительно большей, если бы вражеские надводные корабли или подводные лодки имели возможность набросать около наших баз свои мины. Неприятности причиняемые своими минными полями, обуславливались главным образом недостатками в технике — мины всплывали, срывались с якорей и становились опасными. Постановка минных полей, конечно, требовала ходить строго по фарватерам”.

К сожалению, водная гладь моря не есть автострада с разделительной разметкой дорожных полос, поэтому неудобства будут. И обгонять сложно попутные суда, и разворот не знаешь где выполнять? То ли у берегов Румынии, то ли у Турции? К неудобствам, также, можно отнести невозможность определения, на чьей же mine подорвался корабль? На своей или вражеской? Подрыв на своей mine всегда будет выглядеть менее патриотичным. Единственный плюс, что лично на себе, можно проверить боевую мощь нашего подводного оружия.

Но товарищ Кузнецов находит еще положительные моменты в постановке наших минных полей. Дескать, не дали немцам возможности набросать своих мин около наших баз. Одной Севастопольской бухты, конечно, мало.

Это всё возражения Николая Герасимовича на сообщение начальника штаба Черноморского флота И.Д.Елисеева. Тот писал:

“Когда выяснилось, что нашим врагом на Черном море будут румыны и немцы, следовало воздержаться от постановки мин, поскольку большой угрозы с моря не было, а постановка их принесла нам много горя. Основными потребителями моря были мы сами”.

Что сказать по поводу прочитанного? Такое ощущение от прочтения подобных мемуаров, что они написаны автором для внутреннего употребления в кругу своей семьи. Это жена, раскрыв рот, будет с упоением внимать военным рассказам своего мужа в адмиральском кителе. А детишки будут быстро засыпать на ночь от чтения подобных морских сказок.

Это когда же выяснилось, что основными потребителями моря будут сами моряки Черноморского флота? Или у Босфора с Дарданеллами были замечены дымы немецкой эскадры в ночь на 22-е июня? А может к Одессе незаметно подкралась румынская эскадра, чтобы нанести огневой налет? У нас, что же на флоте отсутствовала морская разведка? Или Намгаладзе не на стол начальства клал разведывательные донесения? Даже 21-го июня принес радиоперехват об официальном объявлении Германией войны, да местное начальство патриотами не оказались.

После войны, сплошь одни оправдания. Только, как всегда остаются без ответа извечные русские вопросы: “Кто виноват?” и “Что делать?”, с теми людьми, которые являются источником всех этих безобразий по войне.

Тревоги наркома Кузнецова.

“Беспокоились мы и о Таллине — главной базе Балтийского флота. Расположенный в Финском заливе, Таллинский порт был плохо защищен от нападения с севера. К тому времени рейд еще не успели оборудовать хорошими бонами и сетями, а на нем ведь стояли два линкора. Посоветовавшись с начальником Главного морского штаба и командующим флотом, решили перебазировать линкоры в Кронштадт. Всего за несколько дней до войны из Талинна ушел “Марат”, а второй линкор, “Октябрьская революция”, перебазировался только в июле, когда уже шла война, с большим риском. Июнь с первых же дней был необычайно тревожным, буквально не

проходило суток, чтобы В.Ф.Трибуц не сообщал мне с Балтики о каких-либо зловещих новостях. Чаще всего они касались передвижения около наших границ немецких кораблей, сосредоточения их в финских портах и нарушений нашего воздушного пространства. На Черном море было относительно спокойнее: дальше от Германии. Но и там нарастала угроза. Об этом свидетельствует, например, приказ комфлота контр-адмирала Ф.С.Октябрьского, отданный в развитие директивы Главного морского штаба:

“В связи с появлением у наших баз и побережья подводных лодок соседей и неизвестных самолетов, нарушающих наши границы, а также учитывая всевозрастающую напряженность международной обстановки, когда не исключена возможность всяких провокаций, приказываю:

1. При нахождении в море всем кораблям особо бдительно и надежно нести службу наблюдения, всегда иметь в немедленной готовности к отражению огня положенное оружие.
2. О всякой обнаруженной подводной лодке, надводном корабле и самолете немедленно доносить с грифом “Фактически”.

Написано ладненько, да гладенько. Буковка к буковке. И слова-то все правильные, и написано-то, по-русски. Если бы к этим словам, да умную голову, да сердце патриота. Разве, сумели бы немцы нанести нам такой урон?

Таллиннский переход — это черная страница Балтийского флота. Столько в нем было тупости, подлости, трусости и прочей гнусности высшего флотского командования. Тысячами жизней заплатили за все это советские моряки и гражданское население, эвакуировавшиеся из окруженного Таллина. Об этом уже было сказано выше.

“Слова о возрастающей напряженности в международной обстановке появились в приказе, разумеется, не случайно. На флотах с тревогой следили за развитием событий и просили разрешения принимать практические меры для обеспечения безопасности.

— Как быть, если во время учений около наших кораблей будет обнаружена неизвестная лодка или на опасное расстояние приблизится немецкий самолет? Такие вопросы комфлоты задавали мне неоднократно.

— Применяйте оружие, — отвечал им и при этом только требовал, чтобы они по ошибке не открыли огонь по своим”.

Тут, как всегда нарком лукавит. Речь идет не о применении оружия, можно, ведь, понять и как личное оружие командующих флотов. Кроме того, подводную лодку, при случае, можно и таранить форштевнем, а об открытии огня на поражение. Вот в чем, главная суть. Это после свершившихся событий легко пером водить по бумаге. Что было в реалиях, читатель уже знает достаточно.

“В те дни, когда сведения о приготовлениях фашистской Германии к войне поступали из самых различных источников, я получил телеграмму военно-морского атташе в Берлине М.А.Воронцова. Он не только сообщал о приготовлениях немцев, но и называл почти точную дату начала войны”.

Это после начала войны стало известно о точной дате, а до нее было лишь предположение, с высокой степенью вероятности. Даже получив от немцев ноту о разрыве дипломатических отношений, не знали точное время нападения. Хотя, какое это имело отношение к полной боевой готовности армии и флота? Будь готов и жди! Не будет же немец выжидать до бесконечности. Это сколько же надо продовольствия, чтобы накормить такую прорву немецких солдат скопившихся на границе? Да они, если бы не объявили войну, скажем через неделю, все до одного ушли бы в Германию обедать.

“Среди множества аналогичных материалов такое донесение уже не являлось чем-то исключительным. Однако это был документ, присланный официальным и ответственным лицом. По существующему тогда порядку подобные донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму И.В.Сталин. Мне доложили: да, получил”.

Ох, и легко, видимо, стало на душе у Николая Герасимовича! Всё! Снял с себя ответственность за обеспечение боевой готовности флотов. Пусть теперь Сталин отвечает за все дела, — телеграмму же от Кузнецова получил. Но что это? Испугался, как бы читатель сразу не догадался об этом. Поэтому отработывает машинами задний ход.

“Признаться, в ту пору я, видимо, тоже брал под сомнение эту телеграмму, поэтому приказал вызвать Воронцова в Москву для личного доклада. Однако это не мешало проводить проверки готовности флотов работниками Главного морского штаба. Я еще раз обсудил с адмиралом И.С.Исаковым положение на флотах и решил принять дополнительные меры предосторожности”.

Если же были сомнения по сведениям, то почему торопился доложить об этом Сталину? Более того, приказал проверить получение своего послания. И Воронцова не было необходимости вызывать: сам приехал, как только игры в дипломатию с Германией кончились. А уж как, обсуждал перед войной с Исаковым “положение на флотах”, читателю известно, через край.

В перестроечное время газета “Красная звезда” печатала отрывки из неопубликованных ранее материалов воспоминаний адмирала Кузнецова. Кое-что просочилось, и в свете, уже известных читателю фактах, вполне способно прояснить многое. Конечно, цензура уже Горбачевская, да и острота проблемы притупилась. Разумеется, что-то, кое-где подрисовали, чтоб здорово не выпирало.

“Нужно со всей откровенностью признать, что война, особенно в первые два года, велась распорядительным порядком, а **не по плану, разработанным накануне**. Без Сталина никто не хотел решать что-нибудь серьезное, поэтому часто приходилось поступать на свой страх и риск”.

Например, позвонил на флота в обход Жуковской Директиве: “Товарищи! Немцы затевают, что-то нехорошее! Будьте, бдительны!”

Как могут быть осуществлены планы обороны страны, когда шла подстава врагу? Как раз, планы-то и похерили, заменив отсебятиной из Ставки и прочих военных новообразований.

Дальше, в газете, видимо, было напечатано для домохозяек — тех же, жен военных моряков. Они, ведь, тоже грамотные, тем более что слова для них знакомые.

“В первые дни войны **мы вообще были лишены какого-либо руководства**. Правительство, занятое крупными делами, оказалось малодоступным для меня, как Наркома ВМФ, а Нарком обороны и Генеральный Штаб не успевали разбираться со всеми вопросами”.

Едва, можно сдержать улыбку по поводу написанного. Оказывается, у нас правительство руководило военными действиями, в том числе и на флоте. И, как выясняется, даже, в крупных масштабах. Обидно, что не подпускало близко к себе бедного Николая Герасимовича. “Хорошо” смотрятся действия Наркома обороны и безымянного Генерального штаба. О Ватутине не напишешь, а Георгия Константиновича давно и след простыл в Москве, по тем дням.

А вот то, что эти структуры “не успевали разбираться со всеми вопросами” военного характера, и пришлось посвятить этому делу, целую главу.

С сожалением констатирую, что и по флоту, и по военно-морским базам, много было еще всяких “чудес”, но рамки данной работы не позволяют втиснуть всю информацию по Балтике.

С более полным вариантом данной главы и событиями, связанными с нашим флотом, читатель может ознакомиться в другой моей самостоятельной работе посвященной морским делам по началу войны **“Как встретил войну наш Советский Военно-Морской Флот?”**

Глава 38. Куда же полетел Гесс?

У нас получилось, и я ранее говорил об этом, что Гесс пройдет, как бы, красной нитью через всю работу. Поэтому, как начали расследование о нашей “пятой колонне” с Гесса так им и завершаем первую часть данной работы. Разумеется, что это было сделано не преднамеренно, а получилось исходя из логики данного расследования.

Продолжим рассмотрение этого “таинственного” перелета немецкого партийного деятеля, которое не дает покоя многим историкам, и по сей день.

Рассмотрим некоторые “детали” “перелета” Р.Гесса в Англию. Кроме анализа устоявшихся версий об этом деле предлагаю взглянуть на сам перелет под другим углом зрения. Если читатель не утомился Гессом, которому ранее было посвящено немало страниц, то, как говорится, милости просим к прочтению этой главы.

Уточним, что он (Гесс), по устоявшемуся мнению многих историков, якобы, полетел в Шотландию, что находится на севере островного государства, так как там проживал герцог Гамильтон, заинтересованное в переговорах лицо, с которым, якобы, до перелета осуществлялась переписка между ним и Гессом. Почему-то многие, пишущие на эту тему, обходят стороной такой важный момент, на каком именно, самолете полетел Р.Гесс? Как правило, не утруждая себя уточнением, обходятся просто указанием марки самолета — “Мессершмитт”. А ведь Гесс полетел не просто на каком-то “Мессершмитте”, а на двухмоторном, двухместном самолете “Me -110”. Но, мне представляется, и я склоняюсь к этой версии, что мог быть использован вариант ночного истребителя-бомбардировщика — **трехместный Me-110G-4** (Это ночной истребитель, экипаж 3 человека; Радар FuG 202/220 “Lichtenstein”; Оператор радара, размещался между пилотом и стрелком). А так, как мы знаем, что готовился, необычный рейс, то вполне возможно, что данный тип самолета и мог быть использован для полета на дальнее расстояние. Самолет вылетел из Аугсбурга, что расположен на юге Германии. В этом городе, кстати, и находилась авиационная фирма Вилли Мессершмитта.

Я задаюсь вопросом: “Нет ли какой взаимосвязи между названием города, из которого стартовал Гесс и кодовым названием операции “Аугсбург” (Augsburg), обозначавшим приостановку наступления германских войск на Западном фронте?”. Пароль “Аугсбург” означал: “Временно прекратить наступательную операцию”. В мероприятиях подобного уровня, ведь “просто так”, ничего не бывает. Нет ли здесь попытки, представить дело, таким образом, будто бы полет Гесса произошел, якобы, именно из Аугсбурга, хотя место вылета, могло быть иным?

Получается, что “беглец” Гесс летит через всю Германию, но, ни одна служба ПВО не зафиксировала “несанкционированный” полет скоростного истребителя-бомбардировщика Me-110. Странно, не правда ли? Далее, как следует из рассказов, Гесс, пролетая над именем герцога Гамильтона, выпрыгнул с парашютом, а самолет врезался в землю. Из материалов Нюрнбергского процесса легко читается, что самолет Гесса все же совершил посадку, а версию о прыжке английское правительство запустило в печать, чтобы показать мировой, а большей степени своей общественности, якобы, свою непричастность к полету. Дескать, Гесс прилетел по своей воле, а так как дело было ночью и не было возможности найти место для посадки самолета, то Гесс и решился выпрыгнуть с парашютом.

Но, не для того же, надо полагать, летело второе лицо нацистской партии Германии в Англию, чтобы ломать себе шею или ноги в ночном прыжке с самолета. Все эти сказки, о подвернувшейся лодыжке Гесса, пусть англичане рассказывают своим доверчивым гражданам, а мы с вами зададимся вопросом: “Как Гитлер должен был узнать: прилетел Гесс к месту назначения или нет?” Самолет “Me –110” со вторым пилотом (вместо стрелка) и штурманом (он же оператор радара) при возвращении в Германию, видимо и должен был своим фактом появления на родине подтвердить, что задание выполнено и Гесс передан из рук в руки. Вполне возможно, что в экстренном случае Гесс должен был заменить основного пилота. А почему бы и нет? Все же Гесс, на данный момент, если и не мог считаться профессиональным летчиком, однако имел очень неплохие навыки управления самолетом. Между прочим, в первой мировой войне он был летчиком эскадрильи “Рихтгофен”, которую возглавлял, небезызвестный Герман Геринг.

Но все не так просто, даже в данном изложении. Ведь, мы следуем в русле устоявшихся версий полета. Но возникают вопросы, на которые трудно дать однозначный ответ.

Использован материал Энциклопедии Третьего рейха — www.fact400.ru/mif/reich/titul.htm

По Р.Гессу есть интересная работа британца Хью Томаса “Гесс. Рассказ о двух убийствах”. С ним мы уже сталкивались ранее. Х.Томас, в свое время, в качестве старшего военного хирурга в 1972 году обследовал заключенного № 7, известного под именем Рудольфа Гесса. Все вопросы и связанные с ними расследования он изложил в ряде своих работ, в том числе и этой. Целиком с нею можно ознакомиться в журнале “Вопросы истории” № 4 за 1990 год. Автор статьи высказал свои сомнения, как по самому Гессу, предположив, что возможно был двойник, так и по поводу его перелета, высказав сомнения относительно маршрута следования. Дело в том, что номер самолета, на котором Гесс вылетел из Аугсбурга и номер самолета приземлившегося в Шотландии разнятся, что подтверждается даже фотографией Гесса сидящего в самолете. Кроме того, Томас обратил внимание, что это разные модификации самолета Me-110, т. е. **E** и **D**. Но, хотелось бы заметить, что энциклопедия по самолетам “Мессершмитт” дает сведения, что радар мог быть установлен только на модификации **G**, что я и отметил выше. Кроме того, хотелось заметить уважаемому Х.Томасу, что при такой засекреченной операции, кто же позволил бы фотографировать тот самолет, на котором полетит Гесс? Согласитесь, что это выглядело бы более чем странно. А если есть фотография, — значит, это сделано умышленно, с целью скрыть существо дела и направить любопытствующих лиц по ложному пути. На модификации **D**, радар не устанавливался и он, самолет, был двухместный. Интересен и такой факт, что второй самолет с двойником-Гессом вылетел из датского города Аалборг (видимо, Ольберг, — такая транскрипция принята в нашей картографии). Все это дело довольно запутано, но этому есть объяснение. Ведь, дело Гесса представляло сверхсекретное мероприятие, отсюда и сложности в понимании случившегося. Хью Томас уверен, что в Англии находился двойник, а не настоящий Гесс (частично, согласен с этим), и тому есть масса подтверждений.

Как читатель себе представляет, что второе лицо в партийной иерархии нацистской партии Германии летит на секретные переговоры, пусть даже с гарантией личной безопасности, но на территорию врага? Ведь, не надо забывать, что Англия и Германия находились в состоянии войны, как бы это не представлялось любителями видеть данный полет, некой “миротворческой миссией”. По законам военного времени, Гесс автоматически становился военнопленным, будучи захваченным службой контрразведки. Разумеется, если ей не будет дана особая команда: “Отставить!”. Да, и с самолета ночью прыгать на парашюте над незнакомой местностью, судя по всему, удовольствие малоприятное, к тому же, и небезопасное. Неужели, Гесс и те, кто готовил операцию, не понимали существа проводимого мероприятия, готовя этот перелет? Очень трудно дать на это положительный ответ, но не меньшие трудности возникнут и с ответами и на другие вопросы. А как Гесс собирался возвращаться в свою Германию? Или шотландские сепаратисты готовы были предоставить Гитлеровскому эмиссару новый самолет? А может возврат Гесса уже не входил в планы заговорщиков и как к этому должен был отнестись сам Гесс?

Понятно, что версию прилета немецкого эмиссара подкорректировали. Как следует из материалов Нюрнберга, самолет с “Гессом” все же приземлился в Шотландии.

Но как это должно было выглядеть в реалиях? Вопросов множество. Хотя бы один из них: “Как Гессу удалось ночью найти и приземлиться на незнакомом аэродроме?”. Чтобы смикшировать этот неприятный вопрос и понадобилась первоначальная версия о прыжке с парашютом. Специалисты сразу поняли, что без наводки самолета на аэродром, а затем его дальнейшая посадка, не могли быть осуществлены без участия наземных служб, так как воздушные полеты на самолетах, тем более ночью, это все же несколько иначе, чем, скажем, полеты на воздушном шаре или езда на автомобиле. Но тогда прыжок с парашютом не стыковался бы с версией о возврате Гесса.

А как же все же обстояло дело в реалиях? Вполне возможно, что самолет из Аальберга (Ольберга) с двойником Гесса, летящим в Шотландию, был отвлекающим маневром, а настоящий Гесс летел на тайную встречу совсем в другое место. Сам Хью Томас, тоже считает сомнительным полет настоящего Гесса в Шотландию и приводит данные, что накануне Гесс приобрел билет в Ставангер (Норвегия). Трудно из приведенной в журнале статьи понять, на какой вид транспорта был приобретен билет Гессом, но, ни это главное. Важно, что Хью Томас ставит под вопросом, сам полет Гесса в Англию. Я разделяю его сомнения и предполагаю следующее, что Гесс не собирался лететь не только в Англию, но, и в норвежский город Ставангер. Вероятнее всего он полетел в **Швецию**, где его, возможно, ожидали заинтересованные люди, хотя бы тот же, промышленник **Биргер Далерус**, владелец фирмы “Болиндерс фабрик А/В”. А почему бы и нет? Разве не он, 7 августа 1939 года организовал встречу группы видных английских промышленников во главе с Ч.Спенсером и Г. Герингом в имении своей жены “Зенке Ниссен Хог” вблизи датской границы. Правда, ситуация в 1941 году несколько изменилась, так как началась вторая мировая война и место встречи в Шлезвиг-Гольштейне, вряд ли могло подойти повторно. Но Швеция-то, была нейтральной страной и вполне могла стать привлекательной, как для Гесса, так и для британских представителей деловых кругов. Ведь если бы, были раскрыты переговоры английских деловых кругов с представителями враждующей страны, то по законам любой страны, за контакты с врагом, полагалось уголовное наказание. Нам пытаются представить Гесса, как белого голубка, залетевшего на остров с единственной целью — мир и дружба между народами Англии и Германии. По закону, как сказал выше, полагался арест и “голубка”, и тех, кто пытался покормить его из своих рук. Не думаю, что Гесс не понимал ситуацию, “решившись на перелет” во враждебное государство. Для таких переговоров, как правило, используется нейтральное государство. И Швеция, очень подходила, в плане переговоров, к тому же, была страной, с сильной ориентацией на германскую промышленность. И что же там, в Швеции, могло произойти с Гессом? Здесь мне, думается, поработал У.Черчилль. Ведь его задачей было сорвать “мирные” переговоры собратьев-островитян и втянуть Англию в полномасштабную войну. Вполне возможно, что были нарушены условия гарантии безопасности, данные Гессу и, таким образом, английские спецслужбы могли похитить и тайно доставить его к себе на остров. Вот вам и два самолета, один из которых — отвлекающий, с двойником Гессом. То, что Гесс попал в западню, не отрицали даже в то, военное время.

По этому поводу еще в 1941 году в канадской “Газетте Монреаль” от 4 августа 1941 года была размещена статья французского журналиста Леопольда Шварцшильда **“Неожиданный захват Гесса в ловушку, подстроенную английской “Сикрет сервис”**”.

Приведу краткое резюме данной статьи, помещенной в Военно-историческом журнале № 5 за 1990 год.

“...Полет Гесса был спровоцирован английской разведкой. Согласно сюжетной линии немцы представлены круглыми дураками, а лихие парни из “Интеллидженс сервис” провернули блестящую операцию в обход руководства страны...”.

Далее, в журнале идет пересказ статьи Л.Шварцшильда, где говорится о том, как именно, Гесса заманили в Англию, точнее в Шотландию.

И только через год, в том же самом журнале, под тем же самым номером, и с тем же названием, будет, наконец-то, помещена та, самая, статья (ВИЖ № 5 за 1991 год) из канадской газеты. Рамки данной работы не позволяют подвергнуть пристальному изучению данную статью. Думаю, в дальнейшем, при самостоятельном рассмотрении темы о Гессе представится возможность более внимательно присмотреться к ней. Но небольшой отрывок, все же, приведу, чтобы у читателя сложилось определенное мнение об авторе (Леопольде Шварцшильде) и его статье.

“Сикрет сервис” задумала фантастический план, который, по-видимому, для нормального человека показался бы нереальным. Но для системы мышления нацистов он оказался именно тем, что было нужно. Было решено заставить немцев поверить в то, что существует “шотландское движение за независимость” и что шотландская революция против Англии не за горами...

В течение 18 месяцев “Сикрет сервис” настойчиво, творчески и усердно трудилась над последовательным развитием этого замысла. Через посредников с использованием нейтральных государств, и в частности Ирландии, были налажены контакты с некоторыми немецкими официальными лицами. Письма и “пробные шары”, посланные якобы руководителями “шотландских сепаратистов”, и самом деле были написаны в “Сикрет сервис” и направлены окольными путями нацистским лидерам в Берлин. Назад в Англию были посланы интересные ответы. Так шаг за шагом развивался и зрел этот “заговор”...

“Берлину дали понять, что для реализации этой программы необходимо дождаться благоприятного политического момента. Кроме того, намекнули, что потребуется гарантированная и организованная помощь со стороны Германии. Но можно ли провести все необходимые обсуждения, обдумывания и приготовления без личных контактов, а только с помощью переписки? ...Осторожно начинает обыгрываться идея о том, чтобы надежный немецкий представитель рискнул бы посетить Шотландию с кратковременным визитом. Появление подобного эмиссара будет, мол, способствовать приободрению робких и колеблющихся шотландских друзей”.

Судя по всему, “шотландцы” оказались неуступчивыми партнерами и согласились сесть за стол переговоров только на своей территории. А дальше произошло то, что известно всему миру. Дураки немцы послали своего Гесса, который и угодил в коварно подстроенную ловушку английских спецслужб.

Хотя о Швеции (или какой иной нейтральной стране) в данной статье Л.Шварцшильда не было сказано ни слова, но факт, именно, **захвата** Гесса, рассматривается вполне серьезно, хотя детали операции не совпадают с моей предложенной версией. Неужели, английские спецслужбы будут вести речь о нейтральной стране, где был схвачен Гесс, даже, если дело и происходило именно таким способом? Да и вряд ли журналист Леопольд Шварцшильд, в августе 1941 года, мог “знать” больше того, что “знал” на тот момент.

В статье, в основном, излагается мотив, по которому Гесс на самолете совершил перелет по маршруту Германия — Шотландия. Так как речь, в основном, шла о мнимых сепаратистских силах в северной оконечности острова, способных, дескать, совершить государственный переворот, то ни о каких переговорах, типа “не открытия второго фронта” в статье не велось. С чего бы им взяться? Ведь руководство Германии клюнуло на приманку, в плане, перемены государственной политики Британии, в случае удачного завершения дела, поэтому, дескать, Гесс, как эмиссар Гитлера и прилетел на намеченную встречу. Но, во-первых, переворот, это событие не одного дня, а во-вторых, еще не известно, как повернется ситуация в самой Англии, даже, если заговорщики удачно завершат начатое дело. Вообще, вся эта затея с заговором шотландских сепаратистов выглядит, как и погода в Британии: слишком туманной, крайне сумрачной и с очень плохой видимостью.

Что же до самих фактов, связи с перелетом Гесса, изложенных в статье, то они не обладают какой-то особой новизной. Всё изложенное давно известно и использовалось, даже, на Нюрнбергском процессе.

К тому же, о каких вообще, переговорах о втором фронте могла идти речь, если Гесс был схвачен английской контрразведкой? Если, конечно же, сама контрразведка не была вовлечена в шотландский заговор, что представляется маловероятным фактором.

Однако к этой, приведенной выше, информации можно все же, кое-что, и добавить. Известный нам Хью Томас сообщает, что “Галланд (командующий эскадрильей истребителей Me-109 на северном побережье Германии. — В.М.) сообщил историку Френкелю, что он был послан Герингом, чтобы сбить Гесса... Он отказался поведать всю историю от начала до конца, а когда вышла моя книга (Видимо, “Смерть Рудольфа Гесса?”. — В.М.), пытался совершить самоубийство”.

Ну, как вам читатель, сюжетец? Какого же Гесса приказал сбивать Геринг? Думается, настоящего. Видимо, не хотел, чтобы Рудольф Гесс, достался английской разведке? Так надо, видимо, понимать действие рейхсмаршала исходя из предложенной версии? Или все же были какие-то другие причины, по которым Гесса следовало отправить на дно моря?

Значит, можно предположить, что Геринг определенным образом следил за переговорным процессом (или сам участвовал в нем), если определил, когда тот вышел из-под контроля? Не указывает ли, таким образом, действие Геринга, как на ведение секретных переговоров на нейтральной территории? Но не мог же Геринг, просто так, отдавать приказ на сбитие самолета Гесса направлявшегося на переговоры с территории Германии из Аугсбурга? Это же никак и ничем не мотивировано, так как данная операция была санкционирована самой верхушкой рейха, и Гитлером, в том числе.

Вот это, по всей видимости, ближе к истине, чем представленный общественности, якобы, самостоятельный полет Гесса на встречу с оппозицией в Англию. Только, как я предполагаю, “заманили” его не в Шотландию, а, к примеру, в Швецию. Опять же, рассматриваем ее, как один из вариантов места, где могли вестись переговоры между Гессом и представителями “миротворческих кругов” Англии. Кроме того, есть ли источник, с абсолютной точностью сообщающий, что вылет Гесса из Аугсбурга был 10 мая? Вполне возможно, что это могло произойти и чуть раньше. То есть, только после переговоров, Гесса “умыкнули” в туманный Альбион, но никак не раньше. Но, и “заманили”, по версии “Газетты Монреаль”, думается, не совсем точно. “Нарушили соглашение” — вот такая формулировка, более подошла бы к проведенной операции против Гесса. Цель понятна: сорвать переговоры с Германией о перемирии и заодно схватить Гесса, чтобы “выжать” из него всю систему организации “пятой колонн”. Еще бы, такой лакомый кусок для любой разведки пригодится. Надо полагать, что материалы по Советскому Союзу, имевшиеся у Гесса, перекочевали к Черчиллю со товарищами и они их использовали по назначению. Не просто же так, вводили Гессу специальные препараты по подавлению воли, как пишет в своей книге П.Пэдфилд?

Кроме того, Черчилль сделал провокацию и против “миротворцев” в своей стране, подсунув им двойника Гесса. Зафиксировав их переговоры, добился отставки ряда крупных политиков, чтобы в дальнейшем самостоятельно рулить в руководстве страны.

Кстати, Хью Томас довольно кропотливо исследовал “дело Гесса” и предполагает, что в переговорный процесс были вовлечены члены “шведской королевской семьи” имевшие родственников Маунтбеттонов в Ирландии. Этот Маунтбеттен принимал участие в финансовых переговорах между представителями английских и немецких банковских структур. Есть предположение, что переговорный процесс должен был состояться в Стокгольме, но Х.Томас, опять ссылается на засекреченность материалов по Гессу. Конечно, интересно, что там

планировалось между Англией и Германией по европейскому переделу, но нас больше бы заинтересовало сообщение, что там решалось на переговорах по Советскому Союзу:

“...Германия должна была “легализовать” свой захват Чехословакии и Польши, а также, по словам лорда Вигрема, получить свободу **“европеизировать Россию** и добиться стабильности на Балканах, вызывавших особое беспокойство Британии”.

Не хочется гадать, что там подразумевали под “легализацией” Чехословакии и Польши? Но до чего знакомо, сейчас, для наших граждан слово “европеизация России”, что и объяснять не следует. Осталось совсем немного времени, чтобы они нас полностью ... “европеизировали”.

Слабость позиции, “о переговорах Гесса”, состоит в том, что если и был наделен Гесс особыми полномочиями о подписании документов по переговорам от лица Германского правительства, то кто же был уполномочен это сделать от лица Английского правительства? Иначе, что это за договор? Если со стороны Германии, все-таки, более менее ясно, так она была инициатором данного процесса, отсюда и присутствие на “переговорах” второго лица в партийной иерархии Третьего рейха Гесса, то в отношении Англии полное непонимание и темнота, в отношении лица (или лиц), наделенных подобными полномочиями? Каким образом могло состояться подписание такого рода соглашения? Если это не было глубоко задуманной операцией англичан, с целью провокации руководства Германии на подобное мероприятие, то, как же, в таком случае, можно говорить о переговорном процессе? Если провести аналогию с нашим советско-германским соглашением от 1939 года, то его подписали с нашей стороны нарком иностранных дел Молотов, сочетая исполнительную должность Председателя СНК, при партийном контроле в лице Сталина. А с немецкой стороны договор подписал министр иностранных дел Риббентроп, тоже, имеющий особый мандат на проведение переговоров подобного рода.

Он писал, впоследствии, в своих тюремных воспоминаниях:

“Хотя **я был наделен неограниченными полномочиями для заключения договора**, все же, учитывая значение русских требований, счел правильным обратиться с запросом к Адольфу Гитлеру”.

Пусть Рудольф Гесс, тоже по аналогии, был бы наделен такими полномочиями и мог консультироваться с Берлином, но кто же, с английской стороны должен был быть представлен на переговорах? Нельзя же, на полном серьезе, предполагать, что документ, подписанный от лица Британской империи Гамильтоном, якобы, являющимся ставленником шотландских сепаратистов, будет являться основанием для его ратификации английским парламентом? Конечно же, нет!

Речь шла о секретных переговорах, не подлежащих огласке. Я уже высказывал предположение, что речь шла о финансовых проблемах, связанных с будущей агрессией против Советского Союза. Здесь, все время крутится Геринг, который и ворочал большими деньгами в Германии и имел связи с банковскими кругами всех крупнейших стран Европы и Америки.

Может быть речь на таких переговорах могла идти о финансировании оппозиции Черчиллю, с тем, чтобы в ближайшем времени сместить кабинет министров? Сложно гадать. Но, как видите, Уинстон, сам оказался, парень не промах, и лихо зацепил Гесса, уволочив того в Англию.

Насколько похищение Гесса потрясло верхушку Третьего рейха, можно судить по книге Курта Рисса “Кровавый романтик нацизма”.

“Бегство Гесса поразило Геббельса так же сильно, как и весь остальной мир. Когда министру пропаганды сообщили новость по телефону, он потерял дар речи. Через полчаса Фрицше зашел к Геббельсу в кабинет, но не застал его там. Он позвонил ему домой, но ему ответили, что министр уехал в свою загородную резиденцию в Ланке. Только через два часа Фрицше удалось связаться с

ним. Он спросил у Геббельса, какие будут указания, каким образом следует освещать это невероятное происшествие и какими причинами объяснять бегство. Геббельс ответил мрачно и немногословно: “Сегодня я не приду в министерство”. Фрицше возразил: “Но мы должны сказать хоть что-нибудь!” Тогда Геббельс пробормотал обреченно: “Говорите что хотите. Я не знаю, что вам посоветовать. Бывают обстоятельства, справиться с которыми не под силу даже лучшему пропагандисту”. Геббельс бросил трубку и отправился в постель.

Спасать положение пришлось главе департамента печати рейха доктору Отто Дитриху. (Помните, рассказ И.Ф. Филиппова в одной из начальных глав? — В.М.). Результат получился удручающе жалкий. Он не придумал ничего лучше, чем предложил распространить слух, что Гесс стал жертвой несчастного случая, когда выполнял задание над вражеской территорией. Оставшееся без руководства министерство пропаганды возражало, поскольку опровергнуть подобную версию не составляло особого труда. Тогда Дитрих придумал иное объяснение: мол, на Гесса нашло помрачение рассудка, и он, движимый своими пацифистскими убеждениями, улетел в Англию. Более того, следовало добавить, что его нельзя считать изменником и перебежчиком, так как ему просто-напросто нечего выдавать противнику.

Когда Геббельс прочитал придуманное Дитрихом объяснение, с ним случился приступ истерии. Как можно было сказать, что Гесс, бывший заместителем самого фюрера, сумасшедший? И какие после этого мысли возникнут в умах немецких обывателей? Не станут ли они спрашивать себя: а может быть, все окружение Гитлера состоит сплошь из душевнобольных? Однако прекрасно отлаженный механизм министерства пропаганды уже заработал, и эта версия успела облететь весь мир еще до того, как англичане сообщили, что Гесс приземлился в Шотландии. Таким образом, геббельсовским пропагандистам, по крайней мере, удалось первыми распространить сенсационную новость.

Геббельс придерживался того мнения, что Гесс не мог нанести по престижу Третьего рейха более сокрушительный удар. Он даже называл поступок Гесса более тяжелым преступлением, чем бегство с поля боя (из дневника Рудольфа Земмлера). Позднее он пересказал Якобсу свой разговор с Гитлером во время долгой прогулки по саду рейхсканцелярии. По его словам он снова расспрашивал Гитлера о случае с Гессом, и тот подтвердил, что незадолго до своего бегства в Англию Гесс заходил к нему. Гесс спросил фюрера, не изменил ли он свое намерение продолжить войну с Англией, на что Гитлер ответил отрицательно. Тогда Гесс решил на свой страх и риск полететь в Англию и выступить в качестве посредника. Геббельс добавил от себя, что Гесс нанес делу рейха ущерб, размеры которого трудно сразу оценить.

Примечание. Среди историков преобладает мнение, что Гесс был послан в Англию самим Гитлером. Достаточно сказать, что самолет, на котором он летел, был подготовлен конструктором Вилли Миссершмиттом, его тренировками руководил личный пилот Гитлера, а в пути его сопровождал летевший на другом самолете Гейдрих, который после возвращения в рейх тотчас же был принят Гитлером”.

Почему-то вектор исследований многих историков о полете Гесса, как правило, указывает только в одну сторону — Англию. Нет ли в этом деле определенной заданной направленности?

Кроме того, надо понимать, исходя из создавшейся ситуации, что Гитлер и его окружение, действительно попали в патовую позицию с Гессом. И молчать нельзя, в связи с его “исчезновением”, и говорить об “исчезновении” — нет слов, чтобы дать объяснение случившемуся. Говорить, что Гесса похитили — это сильный удар по Гитлеру, как политической фигуре. Как же это могло произойти, что человек из партийной элиты страны похищен вражеской разведкой? Это, значит, расписаться перед гражданами страны в собственной беспомощности. Если же в открытую, говорить, что Гесс полетел на секретные переговоры по поводу мирных соглашений с Англией, то, псу под хвост, все тайные приготовления к войне с Советским Союзом.

Но вернемся к “переговорам” с одним из главных фигурантов, обозначенному в нашем деле, Биргеру Далерусу. Его, кстати, тоже привлекут в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе по обвинению Г.Геринга, как раз за эту самую встречу в Шлезвиг-Гольштейне в 1939 году. Но благодаря влиянию высокопоставленных людей из деловых кругов, которым не нужна была лишняя реклама, дело по Далерусу спустили на тормозах.

Вот что писала газета “Известия” в 1946 году по поводу нашего фигуранта.

“Ни об одном свидетеле не говорили столько, сколько о Далерусе. С самого начала предполагалось вызвать его. Потом встретились какие-то затруднения, и защита послала ему опросный лист из 72 вопросов, на которые Далерус должен был ответить под присягой. Потом защита стала настаивать, что без личных показаний Далеруса истина не может быть выяснена. Далерус выехал из Швеции. В дни, когда допрашивались свидетели по делу Геринга, Далерус задержался в Париже. И вдруг посреди допроса Геринга трибунал услышал, что Далерус в Нюрнберге, но спешит куда-то” (www.izvestia.ru/retro/article3091275).

Тем не менее, Далерус присутствовал в зале заседаний и дал свои свидетельские показания. Он и раньше не молчал по этому поводу и

“в 1945 году издал книгу своих мемуаров “Последняя попытка: Лондон — Берлин летом 1939-го года”... Рассказал он тогда и о своих тайных визитах в Лондон до и сразу после объявления Гитлеру войны Великобританией и Францией — 3 сентября...

Но обратите внимание, с какой тщательностью охранялась тайная встреча Гесса и тех людей из Англии в 1941 году:

“Биргера Далеруса убили через несколько лет после войны. Его задушили; труп вместе с машиной утопили в озере. Какая-то пресса попробовала тогда об этом написать, но её тут же заткнули. Больше фактов нет — одни версии, домыслы, догадки...”.

Но, попутно убрали и еще одного “эmissара и посредника — Юнити Митфорд”.
<http://www.echo.msk.ru/programs/netak>.

Читатель вправе задать вопрос: “А не уводит ли все это от существа нашего дела о наших заговорщиках? Причем здесь Гесс?”. Напротив! Да, не будь Гесс ключевой фигурой во всем этом деле, не было бы столько преград к раскрытию тайны этого полета. Поверьте, без наших заговорщиков не обошлось в этом деле.

Не могу не удержаться, чтобы не обратиться к еще одному персонажу из данной “оперы” — это, промелькнувшая выше, Юнити Митфорд. Автор данной публикации, думается, не совсем точен в оценке “убийства” Юнити Митфорд 28 мая 1948 года, хотя, как следует из ее буйной биографии, ей могли и “помочь” уйти в мир иной. Даже краткое изложение ее походов в верхах третьего рейха, думаю, не оставит равнодушным, ни одного читателя.

Итак, краткое “либретто оперы” о Юнити Митфорд, времен Адольфа Гитлера из книги “Женщины фюрера” Антона Иоахимсталера. Сначала небольшие анкетные данные. Юнити родилась в 1914 году в семье известных в аристократических кругах Фримен-Митфордов. Она была одной из шести сестер семейства Митфордов. Когда ей исполнилось 18 лет, ее ввели в светское общество Лондона. В 1932 году она познакомилась с любовником ее сестры Дианы, основателем Британского фашистского союза сэром Освальдом Мосли. Через некоторое время, сестра Юнити — Диана, окончательно порвет со своим мужем и свяжет свою судьбу с английским фюрером. Обратите внимание на то, как были сильны идеи фашизма в то время в мире и, особенно, в Европе, если жены (как и в случае с Катрин фон Кантцов, о которой речь пойдет ниже) бросали своих мужей, ради того, чтобы близко соединиться с носителями этих идей. Правда, это были всё

же представители аристократических кругов жаждавших, как всегда острых ощущений. Но, тем не менее, молодая Юнити попала под влияние Освальда Мосли, прониклась духом фашистского мировоззрения и вместе с сестрой Дианой в составе делегации Британского фашистского союза прибыли в Нюрнберг на пятый съезд НСДАП, который проходил там, в 1933 году.

В этом центре национал-социализма они пытались, с помощью Эрнста Ганфштенгля, с которым были знакомы еще по Лондону, добиться встречи с Адольфом Гитлером, но потерпели фиаско. Э.Ганфштенгль, интересная личность тех лет из окружения Гитлера, и, между прочим, друг Д.Рузвельта, оставил свои воспоминания. Вот несколько строк из его краткого рассказа о сестрах Митфорд:

“Они были очень милы, но с ног до головы так разряжены, что резко отличались от недавно провозглашенных идеалов германской женщины...”

Мы пообедали у Гесса, сделавшего неопределенные замечания о том, что фюрер очень занят”.

Продолжаем рассказ по книге А. Иоахимасталера. Таким образом, получается, что первая поездка Юнити в Германию закончилась неудачей.

Но надо отдать должное ее настойчивости. Через год, она снова посещает родину нибелунгов, якобы, для “изучения языка”, но тайная цель, все та же, — знакомство с фюрером. Вскоре ее вождь мечта осуществилась. В ресторане “Остерия Бавария” секретном местечке, где любил трапезничать Гитлер, она постаралась обратить на себя его внимание. Вскоре, после этого знакомства с фюрером, посетители будут часто видеть сияющую Юнити за столиком Гитлера.

“Ее немецкий язык становится все лучше и лучше, и вскоре она уже могла вести политические разговоры с Гитлером, откровенность которого с ней вызывала изумление его свиты. Так, например, доктор Геббельс записал: “За обедом была Митфорд. Она открыто ругает Муссолини... я не могу понять, почему фюрер терпит это”. Но Гитлер прислушивался к ее комментариям по внутривнутриполитическому развитию, к ее обоснованной критике английского правительства и ее представлению о политической обстановке в мире. Для него, не знакомого лично с Англией, эти беседы с Юнити, несомненно, стали полезной возможностью познакомиться с внутренней структурой английских высших кругов. Юнити особенно настаивала на тесной дружбе между Англией и Германией. И именно это являлось главным мотивом ее поведения”.

Не удивительно, что молодая красивая девушка из английской аристократической семьи произвела на Гитлера сильное впечатление. В последующем, они будут встречаться чаще и не только за обеденным столиком.

“В последующие годы Гитлер видел восторженную Юнити преимущественно на официальных мероприятиях, где ее с самого начала опекал Эрнст Ганфштенгль, гитлеровский шеф иностранной прессы. Юнити вела дневник, в котором записала, что между 1935 и 1939 годами она встречалась с Гитлером более ста раз. Адъютанты Гитлера, Шауб или Брюкнер, приглашали ее в “Остерию” или на мероприятия, поездки и т. д. К общему изумлению своего окружения, Гитлер спокойно позволял себе в ее присутствии говорить о делах, явно не предназначенных для ушей иностранки. Хотя надо отметить, что военные операции в ее присутствии никогда не обсуждались. Так, для Юнити стало полной неожиданностью вступление германских войск в Австрию и занятие Чехословакии”.

Да, можно поверить, что все это, действительно, произошло так неожиданно для Юнити. Ведь, она так увлеченно разговаривала с Гитлером о разных приятных новостях, что и не замечала, как Гитлер, время от времени ненадолго отлучался, чтобы отдать кое-какие приказы. Кто бы мог подумать, что из этого выльется, разного рода аннексии, да аншлюсы. Выяснилось, что Гитлер мастер преподносить сюрпризы. Пока они развлекались беседой, немецкие войска без выстрелов

заняли Чехословакию. Однако случилась небольшая неприятность. Над Юнити Митфорд сгустились тучи. Немецкая полиция, вдруг, проявила к ней, почему-то повышенный интерес, как представительнице туманного Альбиона, но ее приближенное положение к фюреру сыграло свою роль и дело “замяли”. Незаметно приблизился август 1939 года с его стремительными политическими кульбитами и вскоре, 1-го сентября, грянула война с Польшей. В этот момент и наступает самое удивительное, во всей этой истории, взаимоотношений молодой леди и, не очень старого фюрера. Англия 3-го сентября, вдруг, объявляет войну Германии. Юнити Митфорд, в отчаянии. Она, со слезами на глазах, отсылает прощальное письмо Гитлеру с его дарственной фотографией и еще, особый партийный значок, изготовленный специально для нее. Что же случилось? Юнити решила покончить жизнь самоубийством. Причина весьма необычна: она, якобы, не смогла перенести, что Англия, ее родина и Германия, ее поклонение, — начали между собой воевать. Да, с этим трудно, “не согласиться”. Это действительно, “серьезный” повод для самоубийства, тем более, для такой молодой экзальтированной особы. Сказано — сделано.

История “самоубийства” представляет собой весьма странное событие в жизни Митфорд, поэтому я и заключил это слово в кавычки. Посудите сами. По словам очевидца (а свидетель обязательно должен быть в этом деле), — “самоубийство” произошло в Берлине, рядом с Английским садом. А где же еще англичанке по происхождению, стреляться в Германии? Покушавшаяся выстрелила два раза и одна из пуль застряла в голове. Про вторую пулю история умалчивает. Понятно, что с одного раза в свою голову трудно попасть или наоборот, попала сразу, но второй выстрел, видимо, был нужен для свидетеля, — это чтобы на тебя, все же, обратили внимание. Дальше, больше похоже не на “оперу”, а скорее, на оперетту или небольшой водевиль.

“В хирургической клинике Мюнхенского университета сначала не могли идентифицировать тяжелораненую, потому что при ней не было документов. Лишь через несколько часов узнали, что это Юнити Митфорд. Казалось, случай безнадежный... Находившуюся без сознания англичанку, речевой центр которой поврежден, в клинике поместили в отдельную палату первого класса и интенсивно лечили круглые сутки. Гитлер просил сообщить клинике, что он лично оплатит всю стоимость лечения. Ее квартиру на Агнесштрассе опечатали, чтобы ничто из ее вещей не пропало. Ее собаку Ребелл отправили в Австрию”.

Надо полагать, что если бы не документы, невесть откуда взявшиеся, то в “тяжелораненой” никто бы и не признал жизнерадостную Юнити Митфорд? Представьте, если бы в клинику, к примеру, доставили бы документы на имя ее сестры, то врачи, надо полагать, были бы в полной уверенности, что это Диана Мосли? Ведь обе — англичанки! К тому же пуля “к несчастью” (или наоборот?) повредила речевой центр “Юнити”, так что о беседе с “тяжелораненой” вопрос не стоял. Кстати, не неизвестно, как это врачи “заштопали” дырку на голове оставив в сохранности прическу? Самое интересное состоит в том, что Гитлер навесивший “тяжелораненую” Юнити

“оставался в палате несколько минут, а потом долго говорил в вестибюле с профессором Магнусом о перспективе лечения и возможности извлечения пули. Профессор Магнус говорил о невозможности операции из-за прямой опасности для жизни раненой”.

А что там, в палате, Гитлеру было делать? Поправлять повязку на ее голове, что ли? Ведь, “речевой центр” Юнити был “отключен”.

“Прекрасную, жизнерадостную прежде девушку теперь нельзя было узнать... Юнити лежала на кровати совершенно апатичная и парализованная, не замечая ни пришедших, — казалось, что она не узнает их, — ни принесенных цветов”.

Такое чувство, что автор данного произведения, сам всхлипывал над рукописью, описывая данную сцену.

Затем, после всех сентиментальных ахов и вздохов, Юнити Митфорд, наконец-то, вскоре переправили в Швейцарию. Оттуда, через Францию к морю. Затем на пароме к родным берегам, а далее на родину в Фолкстоун. “Бедняжка” промучилась до 1948 года, когда вдруг “пуля сдвинулась в мозг” и это означало конец ее истории, связанной с Германией.

После неудачной попытки самоубийства Юнити эвакуировали из Германии в Великобританию.

Обратите внимание на пышную прическу “пострадавшей” Юнити. Она сделана, видимо для того, чтобы прикрыть “пулевое отверстие” в очаровательной головке английской аристократки.

Я привел этот “романтический” рассказ еще и для того, чтобы показать, насколько были сильны связи фашистской Германии со своими британскими коллегами. Как видите, спокойно обменивались визитами представители партийной верхушки обеих стран. Когда план объединенного содружества Англии и Германии провалился и началась война, то “по легенде” инсценировали самоубийство, чтобы таким образом с меньшими моральными издержками возвратиться на родину “незадачливого” эmissара.

Так, что “полет” Гесса имел под собой вполне осязаемую платформу для ведения переговоров и соглашения, о союзе двух стран Германии и Британии, вполне могло состояться.

Но, давайте завершим повествование о Юнити Митфорд, тем более что оно имеет не менее интригующее завершение.

“Через германские секретные службы в Швейцарии он (Гитлер. — В.М.)сообщил о случившемся ее родителям в Англию. 8 ноября 1939 года Гитлер увидел Юнити в последний раз. На его глазах появились слезы. Юнити попросила, чтобы ее отправили на родину. Гитлер согласился, заметив, что это правильное решение, но посоветовал немного подождать, чтобы набраться сил. После завершения оккупации Франции и соседних государств Гитлер приказал переоборудовать железнодорожный вагон в передвижной госпиталь. Затем отправил Юнити в сопровождении своих личных врачей в Цюрих, где их уже ждал английский врач. Они пересекли Францию и морем добрались до побережья Британии, где дочь встретил лорд Ридсдейл. Юнити вернулась на родину, которая ее отвергла...”

Прибытие Юнити в Фолкстоун вызвало всеобщее негодование. Чтобы не возникло эксцессов, ее встречал вооруженный караул. Из толпы раздавались крики с требованием ее ареста. Но ей удалось избежать судебного преследования. Тяжело больная, Юнити поселилась на шотландском острове, принадлежащем их семье. Говорят, что Гитлер еще долго вспоминал о своей английской поклоннице и переживал из-за ее попытки самоубийства. Когда Мюнхен подвергся воздушному налету союзников, он приказал сделать все, чтобы сохранить ее дом и вещи. После кончины Юнити Митфорд многие полагали, что в конце жизни она окончательно освободилась от чар этого злого гения...”

Шурик из “Кавказской пленницы” по поводу прочитанного выше, тоже, вполне мог произнести сквозь слезы: “Птичку, жалко!” Но плакать не надо, это еще не конец истории.

Теперь, давайте, познакомимся со статьей Михаила Озерова **“Сын Гитлера живет в Англии”?** — 11.01.2008. .

“Виггинтон — заштатная английская деревушка в графстве Оксфордшир. Тихие чистенькие улочки, небольшие дома. Самые людные места — церквушка и местный паб. Особняком стоит ничем не примечательный двухэтажный кирпичный дом под названием Hill View Cottage. Между тем именно

в нем, как утверждает британская пресса, в январе 1940 года появился на свет божий... ребенок фюрера”.

Интригующая история, о чем предупреждал выше, не правда ли? Даже есть свидетельница Одри Смит, которая видела в палате родильного дома (ранее, в сороковые годы, Hill View Cottage был родильным домом) Юнити Митфорд. Все, в то время, считали ее любовницей фюрера. У нее родился мальчик, о дальнейшей судьбе которого ничего не известно. Так была ли беременна английская Валькирия (так, иной раз, называли Юнити Митфорд) от самого Гитлера? Вдобавок, как пишет автор статьи, редактор лондонского еженедельника “Нью стейтсмен” Мартин Брайт на страницах своего издания повествует, что некая Вэл Ханн, тоже сообщила редакции, что ее тетя-акушерка, в том, далеком 40-м году, принимала в Виггинтоне роды у Юнити Митфорд. Таким образом, факт рождения ребенка подтверждается свидетельскими показаниями и предполагает, что его отцом мог быть фюрер нацистской Германии. Автор данной статьи решил поискать документы. К счастью история произошла не у нас и ему предоставили возможность покопаться в Национальном архиве. Вот что он нашел.

“Есть ... заключение личного врача Гитлера Тео Морелла: глава Третьего рейха не был расположен к сексуальной активности, хотя очень любил общество привлекательных женщин. С Евой Браун, по свидетельству медика, “определенная половая активность порой имела место, хотя они предпочитали спать в разных постелях”.

Да, существует такое мнение в медицинских кругах, что Гитлер, вообще-то, не мог иметь детей по ряду причин, хотя, как говорилось выше, “определенная половая активность порой имела место”. А это значит, что ребенок у Юнити, скорее всего, был не от Гитлера.

Автор, Михаил Озеров, кроме этого, еще раз проявил журналистскую напористость и встретился с Вэл Ханн. Также, как и в первом случае, взял интервью. Выяснилось, что интересующая читателей тетя, Бетти Нортон, была управляющей упомянутого выше, родильного дома. В экстренных случаях, даже сама принимала роды у пациенток. По теме о Митфорд сообщила, что действительно, та родила мальчика. На вопрос, почему Ханн молчала так долго? — та ответила, что это была не её тайна. Выяснилось, что тётё Бетти, в свое время, велели молчать по этому поводу. Однако она рассказала родной сестре. А уже та, своей дочери Вэл Ханн, и то, под большим секретом и незадолго до своей кончины. Вот такая родственная цепочка, по которой прошла информация о Юнити. Главный вопрос интервью: где ребенок? — остался без ответа. Но вот что автор статьи вычитал из дневника тогдашнего помощника директора МИ-5 (контрразведка) Гая Лидделла.

“2 января 1940 года. Юнити Митфорд поддерживала тесные и, вероятно, интимные контакты с фюрером в течение нескольких лет и была пылким и открытым сторонником нацистского режима. Она осталась на этих позициях после начала войны, и ее действия являются государственной изменой”.

Далее, Михаил Озеров дает пояснения прочитанному. Еще раз, с помощью автора, пробежимся по биографии Юнити.

“Насчет взглядов Юнити контрразведчик, несомненно, прав. В тогдашней Германии Митфорд стала чуть ли не национальной героиней. Газеты без устали цитировали ее: “Британии надо идти по пути Германии”, “Фюрер — мой бог!”. В старых подшивках прессы полно фотографий Юнити с нацистским значком на груди. Англичане же возмущались соотечественницей. Вот некоторые заголовки в тогдашних лондонских газетах: “Мисс Митфорд нас позорит”, “Ярая антисемитка”. И даже: “Гитлер все равно на ней не женится”. Юнити прожила в Третьем рейхе около пяти лет и, как подсчитал биограф Дэвид Прайс Джонс, встречалась с Гитлером не меньше ста раз. Ева Браун безумно ревновала к дочери лорда, называла “проклятой английской ведьмой”, а Митфорд отвечала ей тем же.

Когда после неудачного самоубийства Юнити прибыла паромом в порт Фолкстоун, ее встречали толпы негодующих англичан. Они скандировали: “Арестовать нацистку!” Чтобы избежать эксцессов, полицейские и солдаты взяли подругу фюрера в плотное кольцо. Митфорд благополучно отвезли к родителям в графство Оксфордшир”.

Приятно читать, что “британские спецслужбы сразу засомневались в попытке самоубийства Юнити”. Жаль, что нас разделили десятилетия, а то бы воспользовались моей подсказкой, что, возможно, придало бы им еще большую уверенность в обоснованных подозрениях. Даже, как выяснилось, “предлагали интернировать ее в связи с явными фашистскими симпатиями”. Однако желания разошлись с возможностями. Поэтому нашего автора заметки заинтересовало несколько иное направление в деятельности властей по отношению к Митфорд. Он пожелал продолжить поиск о рождении ею предполагаемого наследника главы Третьего рейха.

“Отдел регистрации браков и рождения детей графства Оксфордшир не пролил свет на загадку. Пожилой клерк долго листал книгу записей за начало 1940 года, однако не обнаружил никакого упоминания о мисс Митфорд”.

Понятно, что никаких записей найти не удалось. Во-первых, сама фигура английской аристократки, близко общавшейся с самим Гитлером, вряд ли оставила след в провинциальном городке. Во-вторых, не исключено, что запись могла быть сделана на другую фамилию? Какую? — видимо, знают только руководители МИ-6 (внешняя разведка). Но, кое-что, М.Озерову удалось зацепить, все в том же, Национальном архиве. Оказывается, когда папа, лорд Митфорд узнал о возвращении дочери из Германии (или ему сообщили об этом), у него были встречи с “самыми высокопоставленными государственными мужами Британии, в том числе с министром обороны и министром внутренних дел”. Одним из высокопоставленных деятелей, с кем он встречался, был Черчилль. Оказывается, есть даже соответствующее распоряжение правительства о леди Митфорд: “ничего не предпринимать и не трогать Юнити после ее приезда”. Если учесть, что папа, британский лорд, сам в 1938 году ездил в Германию к Гитлеру, то, надо ли, после этого удивляться тому, что следов пребывания Митфорд в Виггинтоне не обнаружено.

Неужели читатель думает, что я потратил несколько страниц текста, только для того чтобы рассказать, о том, как английская девица ездила в гости к Гитлеру и, вероятно, родила от него? Конечно же, нет. Весь рассказ приведен исключительно ради нескольких строк. Но, сначала закончим с ребенком Юнити Митфорд. Я, абсолютно уверен, что Адольф Гитлер, к рождению мальчика, не имел никакого отношения. Почему? Это долго рассказывать и, кроме того, как говорилось выше, есть препятствия с зачатием от Гитлера, с чисто медицинской точки зрения. Кроме того, хочется сказать следующее. Предполагаю, что в окружении Гитлера нашелся красивый и физически крепкий **молодой человек**, который, смог произвести на Юнити самое благоприятное впечатление? Также, думаю, что в постели он смог бы заменить трех Гитлеров, так как и Юнити была, довольно привлекательной особой. Поэтому ребенок — это дело молодых, с чем мы их и поздравляем.

Теперь о главном. Дело в том, что **Митфорд была родственницей самого Уинстона Черчилля** (по его жене Клементине), который тоже, как видим, проявил заботу о сохранении, и не только здоровья, молодой Юнити. То, что она, якобы, умерла в 1948 году, представляется весьма сомнительным фактом, как и ее попытка “самоубийства”.

“Могила Митфорд на кладбище в местечке Свинбрук, — заброшенная, всеми забытая. Местный священник сказал, что ее никто не навещает”.

Просто, это лишний раз доказывает, что данное могильное надгробие, всего лишь фальшивый знак о тайне тех лет и ничего более. А куда же, в таком случае, делась английская Валькирия? Под другой фамилией, и с другими документами перебралась куда-нибудь в англо-говорящую страну, где тепло, сухо и не докучают любопытные журналисты. А уж теперь точно, ветер истории давно

перетер в пыль ее прах, который покоится на кладбище, где-нибудь, в укромном уголке нашей огромной планеты Земля.

Да, но каков **Черчилль!** Не плохую комбинацию провернул с Юнити, подсунув ее доверчивому Адольфу. Это ведь был важный компонент в жестокой схватке английских “ястребов” и “миротворцев”. Свой человек, в окружении Гитлера, с должным усердием исполнил свою роль. Даже, если Юнити и не лицемерила с Гитлером, а истово верила в идеи национал-социализма, то все равно ее наивность, в сочетании с близостью к верхушке рейха, была благодатной почвой для английской разведки. Ведь, около сотни встреч с Адольфом Гитлером, представляли бесценный материал для любого пытливого ума, даже в пересказе восторженной молодой особы.

Помните речь Гитлера 21 июня, где он негодовал по поводу англичан и евреев. Видимо, было что вспомнить? — если с такой досадой выплеснул обиду от допущенной оплошности. Но, что делать? — такова селяви, как говорят французы, которые, похоже, тоже, в определенной мере, принимали участие в этой игре.

Все это, конечно, интересно про Юнити Митфорд и Черчилля в придачу, скажет читатель, но где же “наша пятая” колонна, из-за которой, как уверяет автор, и был похищен Гесс?

А вот, ознакомьтесь с другой, не менее, романтической историей связавшей **Германа Геринга** и **Биргера Далеруса**. Эта история муссируется в различных изданиях, по разному, но мне хотелось бы привести ее к определенному общему знаменателю. Возьмем за основу рассказа о наци № 2 насыщенную фактами книгу С. Простакова “Жены и любовницы нацистов”.

После завершения первой мировой войны Герман Геринг уехал в Швецию для работы в гражданской авиации. Там он познакомился с **Карин фон Кантцов** (в девичестве Фок), представительницей аристократических кругов и сумел вскружить ей голову. Думается, здесь мог сыграть и тот фактор, что сестра Карин — Мари Фок, была замужем за миллионером Эрихом фон Розеном, входившим в крупные промышленные круги Швеции. Несмотря на то, что Катрин, тоже была замужем, но за офицером Нильсом фон Кантцовым, это не помешало ей в дальнейшем, развестись с мужем и соединить свою судьбу с будущим рейхсмаршалом Третьего рейха (С нее, похоже, брала пример сестра Юнити — Диана Митфорд). Ребенок Катрин от первого брака, Томас, хотя и был по суду оставлен матери, но остался проживать в Швеции в семье ее родителей. Вот этот-то, Томас и стал, как бы связующим звеном в цепи Геринг — Далерус, так как, достигнув зрелого возраста, стал работать в фирме последнего. Вообще, о ребенке Катрин фон Кантцов Томасе, сведения, до крайности скудны, видимо в силу сложившихся обстоятельств, связанных с делом самого Далеруса. Стоит, однако, добавить, что в 1936 году Герман Геринг был назначен уполномоченным по 4-летнему плану развития своей страны, и в его руках было сосредоточено все руководство экономическими мероприятиями по подготовке Германии к войне. А уже в июле 1937 года он встал во главе огромного государственного концерна “Герман Геринг Верке”. Так что, надо полагать, экономические связи данного концерна, скорее всего, как пишут многие, соединились в Швеции с его дальним родственником через первую жену, Эрихом фон Розеном, для которого судьба молодого Томаса не осталась без внимания. Даже, несмотря, на смерть Катрин в 1931 году, эти связи были прочными, что и показало участие Биргера Далеруса в переговорах 1939 года. Но, точнее, все же, будет так: у Эриха был брат **Гуго фон Розен**, который и “ворочал” всеми производственными делами, в которых разбирался лучше своего брата. Вот он-то, скорее всего, и будет тем главным лицом, с которым Герман Геринг будет проводить свои банковско-промышленные операции. Гуго фон Розен — это, в первую очередь, крупнейший концерн **СКФ**, основанный в Швеции в начале 20-го века. Он, вместе со своими дочерними предприятиями, являлся не только крупнейшим производителем шарикоподшипников в своей стране, но и в мире. Кроме того, концерн контролировал добычу в стране железной руды и сталелитейное производство. Однако его “щупальца” протянулись далеко за пределы Скандинавии. Англия, Франция, Италия, США — вот страны, где были размещены дочерние предприятия могущественного концерна. Особенный интерес представляла, разумеется, Германия, в которой безраздельным хозяином всей экономики, являлся, упомянутый выше,

Герман Геринг. Именно, в Германии в городе Швайнфурте, находился крупнейший завод концерна по производству подшипников. С Герингом был в приятельских отношениях и президент СКФ **Свен Уингквист**, который в свою очередь дружил и с **герцогом Виндзорским**.

Приятельские отношения, это конечно хорошо, но то, что концерн СКФ, являлся крупнейшим вкладчиком шведского банка “Стокгольмс эншильда банк”, которым владел **Якоб Валленберг**, еще лучше. Помните, у Маршака: “Владелец заводов, газет, пароходов...”? Вот это очень подходило к личности Я.Валленберга. Проще сказать, что вся промышленность Швеции, была под контролем этого банка. Недаром, Валленбергов называли шведскими Рокфеллерами. Далее, идем по цепочке. Крупным держателем акций данного банка было лицо королевской фамилии Великобритании, известный своими связями с фашистами **герцог Виндзорский (Эдуард VIII — старший сын короля Георга V)**, о котором, только что упомянули выше. Он еще летом 1937 года встречался в Париже с Рудольфом Гессом. Почему бы этой встрече не состояться вновь и здесь, в Швеции? Тем более, именно, через королевского сына, герцога Виндзорского, и была установлена связь с искомым, герцогом Гамильтоном. Как видите, все фигуранты этого дела тесно связаны деловыми связями и ранее были хорошо знакомы. Таким образом, Герман Геринг (под прикрытием Далеруса) вполне мог организовать встречу в Швеции, на которую Рудольф Гесс мог прибыть без всякого опасения за свою персону. Кроме того, не надо забывать, что вопрос денег всегда стоит на первом месте, а как не банкир Валленберг, кровно связанный с сионистами, мог быть в стороне от этого дела и не проконтролировать его?

Еще один нюанс в этом деле. То, что определенные круги Англии не желали воевать с Гитлером и делали все, чтобы заключить с ним новое перемирие, являлось, своего рода “лакомой наживкой”, на которую мог клюнуть эмиссар Гитлера Рудольф Гесс. Именно с этой целью, дескать, добровольно Гесс и прилетел на остров туманного Альбиона, как уверяют нас многие историки в мире.

Да, но именно на такой крючок, с наживкой, он мог попасться и в версии о похищении. Этот, “голубок мира” Эдуард VIII, в случае победы “миротворцев в Англии получал бы королевский престол, т. е. имел все основания способствовать переговорам с Гессом по урегулированию мирных инициатив гитлеровской Германии и Великобритании. Беда “миротворцев” заключалась в том, что они лишились своего основного лидера Невилля Чемберлена, который в ноябре прошлого (1940) года, как всегда, неожиданно для всех, ушел в мир иной. Поэтому фигура герцога Виндзорского, могла в какой-то мере быть привлекательной фигурой, как для английских, так и немецких фашистов. Но, опять еще раз, но! Эдуард VIII вполне мог быть марионеткой в руках того же Черчилля, который яростно рвался в бой с Гитлером. Как отнестись вот к таким данным из книги Чарльза Хайэма “Торговля с врагом”?

“Затем Уинстон Черчилль совершил малопонятный шаг: **7 апреля 1941 года он поручил** американскому послу Уильяму Буллиту (Бывший посол в Советском Союзе, — на тот момент посол США во Франции. — В.М.) перевести нацистскому правительству 55 тыс. франков за аренду собственности герцога в оккупированном Париже, а также выплатить 10 тыс. франков страховки, жалованье слугам и 15 тыс. франков за аренду сейфовых помещений Банку Франции, который находился под прямым контролем Гитлера. В этом деле Бедо (Шарль Бедо — американский миллионер, родом из Франции. — В.М.) сыграл роль посредника, поскольку был близок как к Буллиту, так и к немецкому послу в Париже Отто Абецу”.

Нет, вы только подумайте, каков Черчилль! Сделал поручение американскому послу! Недаром, упоминал о нем, как о “засланном казачке”. Да, иначе, и быть не могло, исходя из его действий.

А вот еще событие, буквально приткнувшееся к той роковой дате с “перелетом” Рудольфа Гесса. Казалось, ничего не предвещало беды для “миротворцев”. Понятно, что и в Америке, существовали крупные кланы, враждебно относящиеся друг к другу. Не секрет, что, в конце концов, победу одержала та группировка, которая сумела “прихлопнуть” 12 апреля 1945 года президента Рузвельта.

“3 мая 1941 года Эдгар Гувер направил докладную записку секретарю Рузвельта генерал-майору Уотсону, в которой сообщал:

“ФБР располагает сведениями, полученными от одного влиятельного человека... По этим сведениям, **Джозеф П. Кеннеди**, бывший посол в Великобритании, и **Бен Смит**, делец с Уолл-стрит, некоторое время назад встречались в Виши с **Герингом** пожертвовали внушительную сумму денег на германские дела. В сообщении подчеркивались антибританские и прогерманские настроения обоих. По сведениям из этого же источника, имеется информация о заключении герцогом Виндзорским соглашения, суть которого такова: **после победы Германии** Герман Геринг при помощи армии свергнет Гитлера, а на английский престол возведет герцога Виндзорского. Сообщается, что информация касательно герцога исходит от его личного друга Аллена Макинтоша, который организовывал увеселительную программу вельможной пары во время их недавнего пребывания в Майами. Указывается также, что супруги намерены этим летом посетить Ньюпорт, Род-Айленд и Канаду”.

Я думаю, ясно читается, что после победы над Советским Союзом, в Англии произойдут события не парламентского толка. Да и Гитлер, как видите, не совсем устраивает промышленную верхушку Германии, коли сам Геринг фигурирует в качестве оппозиции фюреру. Не сдал ли Геринг своего высокопоставленного товарища по партии, чтобы в дальнейшем расчистить себе дорогу на вершину власти?

Таким образом, исчезновение Гесса с политической арены, лишало и германскую сторону активного сторонника англо-германских соглашений. Согласитесь, что “перелет Гесса”, якобы, в Англию, похоронил этого яркого политика до конца войны в одной из тюрем Лондона. И какие могли после этого состояться переговоры? Кроме того, в руках англичан оказалась вся сеть “пятых колонн” всего мира. Можно сказать, что и деньги, и политика, всё оказалось в одной упаковке, под названием Рудольф Гесс.

Несколько слов о Вальтере Шелленберге. В “своих” мемуарах он недаром “прозрачно” намекает, что Гесс вел, дескать, переговоры с Гитлером путем переписки. Можно ли этому верить? В определенной мере, да, можно. Но значимость этой переписки? Гесс-то был в изоляции от всех своих приверженцев мирного соглашения с Германией. Вальтер Шелленберг, это еще тот, молодой гусь лапчатый. Когда Гесс полетел в заданном направлении, Шелленберг был руководителем контрразведки, а через два месяца после исчезновения Гесса, уже возглавил внешнюю разведку. Он ведь тоже входил в контакт с Эдуардом VIII. Но самое пикантное заключается в том, что Шелленберг, по совместительству, ведя тайные закулисные операции нацистской разведки, совмещал обязанности одного из директоров, не удивляйтесь, пожалуйста, — **американской корпорации “Интернэшнл телефон энд телеграф” (ИТТ)**. Вот вам и война Германии против Америки или Америки против Германии. Смотря, с какой стороны посмотреть. Прямо по пословице: “Милые бранятся — только тешатся”.

Кроме того, Шелленберг по совместительству, взял под свой личный контроль “Заграничную организацию немцев”, которой номинально руководил заместитель Гесса Эрнст Боле. Потом, как уверял своих читателей, носил письма Гитлеру от Гесса в запечатанном виде. Затем, успокаивал фрау Гесс, видимо говоря, что с ее мужем все нормально: ждет в Лондонской тюрьме победы национал-социализма во всем мире.

Теперь видите, какие крупные фигуры мировой политике кружились в хороводе вокруг Гесса? И вдруг, среди них, средней руки предприниматель из Швеции Биргер Далерус. Разумеется, прикрывал кого-то, кто не желал засвечиваться на данных переговорах. Обратите еще раз внимание, что Геринг, как и Гесс, попал на скамью подсудимых в Нюрнберге, но в отличие от своего собрата по нацистской партии, не избежал смерти. Видимо, много знал лишнего.

А подумайте, кого мог прикрывать Далерус или вместо кого его “засветили”? Кроме того, в силу каких причин, его прикончили? Заметьте, что в один год с Паулюсом? А Фридрих Паулюс, как мы знаем, уже проходил в Нюрнберге по начальному периоду войны с нами. Более того, неужели, думаете, что сам Якоб Валленберг вышел бы на яркий свет, случись проводить такого уровня переговоры? О нем, вообще, никогда не было слышно. Скорее, Далерус прикрывал другую значимую фигуру.

У Якоба Валленберга был молодой двоюродный племянник Рауль, о судьбе которого, вот уже сколько лет пытаются выяснить многие историки и журналисты. О нем написаны десятки книг, которые касались подробно его биографических данных. Но, существует огромный пробел в его биографии. Нет, это не тот пробел, когда он был арестован советской контрразведкой в начале 1945 года в Будапеште и “таинственно” пропал с тех пор. Это, именно, тот пробел, который не пытался заполнить ни один биограф, взявшийся описать деятельность молодого миллионера. Это период, примерно с начала второй мировой войны, сентября 1939 года и по январь 1945 года. Оговорюсь, что конец 1944 года и начало 1945 года отражено, в ряде изданий, но довольно поверхностно и предвзято. Что делал, сей молодой человек, входивший в состав всемогущественной империи Валленбергов, в эти годы, не знает никто? Пишут, разные легкомысленные глупости о его путешествиях, но где это, в то, военное время, молодой Валленберг нашел тихое райское место, и почему он предпочел это сделать, объяснений не дано? Рискну предположить, что именно ему и была поручена, от лица клана Валленбергов, секретная миссия по Гессу. Думаете, он не попал в поле зрения советской разведки в Швеции? Скорее всего, да! И, ведь, действительно, там у нас была очень мощная разведывательная сеть. Если по переговорам 1939 года с Далерусом, наша резидентура слала свои сообщения в Центр, то почему бы и по этому делу не послать шифрочку. Таким образом, наши органы высветили дело Гесса, и Сталин был в курсе того, что с ним случилось. Не сомневаюсь, что Сталин знал, кто такой есть Гесс, поэтому его и обеспокоило сообщение о “таинственном” исчезновении руководителя “пятых колонн” на “Британском острове”. Помните, в первых упоминаниях о Гессе, в начале исследования, была приведена шифровка из Центра резидентам в Берлин, Лондон, **Стокгольм**, Вашингтон и Рим. Ответы были из Лондона, Берлина, Вашингтона, но главная для нас, в данный момент, из Стокгольма — отсутствует. Резидентом в Швеции был Борис Рыбкин. С ним и его женой Зоей Рыбкиной, мы познакомимся в наших исследованиях позднее.

Насколько засекречена тема о Рауле Валленберге, что и к только что, рассмотренной версии о перелете Гесса, вполне можно добавить следующую, не менее, интригующую. Думаю, что читатель не поставит мне в упрек, что, дескать, автор сам затрудняется определиться с “перелетом” Гесса? Что делать? — ведь, эта одна из самых запутанных тем в современной истории.

В данном случае, можно, с определенной долей вероятности, предположить, что встреча Гесса, с таинственным эмиссаром из “Шотландии”, вполне могла состояться на неоккупированной немцами территории Франции, например, в Виши. Надеюсь, что не стоит напоминать читателю, насколько сильна была во Франции “пятая колонна” и профашистски настроенное правительство, позволившее Гитлеру одержать победу.

К тому же, не просто же так, глава ФБР Эдвард Гувер направил докладную записку в Белый дом о зафиксированных встречах с Г.Герингом, именно, во Франции.

Как вспоминает о Германе Геринге знакомый нам Эрнст Ганфштенгль (ему ли не знать о верхушке Третьего рейха, вращающегося там не один год):

“Геринги Геббельс ненавидели друг друга, соревнуясь, кому удастся произвести наибольший эффект в Берлине;

Геринги Рем ненавидели друг друга, заискивая и стараясь завоевать расположение к себе в армии...

Геринг ненавидел Гесса, которого называл *riesel* (что-то вроде полугосподина) за то, что тот не приехал, и не извинился, на какой-то день рождения, устраивавшийся кронпринцем. И этому не было конца, они вели себя как дикие коты в клетке”.

Неплохо все это читается в свете приведенной выше записки Э.Гувера.

Как поняли, особой любви Геринг к Гессу не питал. Поэтому, видимо, без сожаления приказал сбить самолет “со своим другом”. Геринга и утерли в Нюрнберге, видимо, по причастности к этому делу. А Гесс был нужен Западу живой, как, я уже говорил, с целью шантажа представителей “пятой колонны”, в том числе и наших Мазеп. К тому же его, надо полагать, еще всего “не выпотрошили” до конца, в то время.

Вернемся к нашей упомянутой шифровке из Центра о Гессе с резолюцией Журавлева, адресованной Рыбкиной. Вызывает определенное сомнение фамилия Журавлева? Скорее всего, произошло наложение нескольких документов, и в результате читателю представлена на пробу своеобразная “солянка”. Начальником Первого управления НКГБ (внешняя разведка) на май 1941 года был Фитин Павел Михайлович. А вот Журавлев Павел Матвеевич был всего лишь, начальником 1-го отдела данного управления. К тому же, Скандинавское отделение относилось, все же, к другому отделу.

Но, давайте, лучше присмотримся к самому содержанию.

“Телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим.

Постарайтесь выяснить подробности предложений”.

Можно конечно сыронизировать над т. Журавлевым по поводу забывчивости столицы Америки, но, в дальнейшем, в документе, она, правда, появится.

Предлагаю читателю обратить внимание, вот на что? Отсутствие в данном списке Франции. Как видите, в нем не видно и нашего резидента в **Париже**? И это при том, что мы имели мощнейшую разведывательную сеть в данной стране? К тому же из Аугсбурга лететь в обе стороны, что в Швецию, что во Францию, примерно одинаково. Однако, для первой версии, смущает то обстоятельство, что Аугсбург находится, все же, на юго-западе Германии. Можно же было найти место вылета, вроде бы, поближе к Швеции? С другой стороны, близкое расположение к Швеции, сразу бы навело на мысль об этой нейтральной стране. О Франции, вообще никогда и нигде, даже не мелькало мыслей. Это-то и добавляет уверенности в правоте предполагаемой версии. Тайны такого рода, как правило, тщательно берегут. Однако годы берут свое. Время разрушает любые, казалось бы, самые крепкие “запоры”.

В одном, я уверен абсолютно — это о причастности Валленбергов, и Рауля, в частности, к делу о Гессе. Поэтому Сталин, не раз, при личной встрече, пытал Черчилля “о перелете”, внимательно изучая его реакцию на заданный вопрос. На время о Гессе “забыли”, тем более что добраться до него не представлялось возможным. Другое дело Рауль Валленберг. Вряд ли, этот молодой человек подозревал, что за ним пристально наблюдает советская разведка?

О том, что произошло с представителем банкирского клана в его последней командировке в Венгрию и на советской земле, мы поговорим в дальнейшем.